Издание осуществлено при финансовой поддержке:

Некоммерческого партнёрства развития финансового рынка РТС

ПАО «СПБ Биржа»

А также:
Независимой регистраторской компании Р. О. С. Т.

Инвестиционной компании «ОЛМА»

Экономическая летопись России

Библиотека Финансового университета
при Правительстве РФ

Н. И. Кротов

ИСТОРИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА

ПЕРИОД БЕЗЗАКОНИЯ (1988–1996)

Книга 2

АНО
«Экономическая летопись»

Москва
2021

УДК 336.761.6)
ББК 65.03(2)
К83

Кротов Н. И.
К83 История фондового рынка. Период беззакония (1988–1996). Книга 2. — М.: Экономическая летопись, 2021. — 696 с.

ISBN 978-5-903388-37-0

Книга знакомит читателя с материалами, рассказывающими о начальном этапе развития фондового рынка в нашей стране (1988–1996), ещё до принятия Закона «О рынке ценных бумаг». Особенно ценно, что о трудностях и успехах первопроходцев неформально рассказывают 160 очевидцев и участников процесса: биржевики, брокеры, руководители регистраторов, депозитариев и регуляторов, государственные деятели...

Правдивость повествования свидетелей подтверждают или не подтверждают представленные документы, подборки статей из периодической печати.

Книга является продолжением серии «История фондового рынка», начало которой в 2020 году положила «История фондового рынка. Опыты регулирования ФКЦБ и ФСФР. Персональные дела и деяния». Вся серия будет охватывать период до 2013 года.

Обложка – **В. Плохенко**
Редактор – **М. Сергеева**
Корректор – **М. Сергеева**

Все права защищены

Любая часть этой книги не может быть использована
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами
без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-903388-37-0

© АНО «Экономическая летопись», 2021
© Кротов Н. И., 2021
© АНО «Экономическая летопись»,
оригинал-макет, дизайн, 2021

ЧАСТЬ 1. ПРИВАТИЗАЦИЯ

ПРИВАТИЗАЦИЯ НА МАРШЕ

Лазарь Моисеевич Каганович чуть-чуть не дожил до коренного изменения страны, которую, можно сказать, он строил всю свою жизнь — он умер 25 июля 1991 года. Незадолго до смерти почти столетний маститый старец, сумевший сохранить свои убеждения и стойкие принципы, дал поэту Феликсу Чуеву серию интервью. В них он уверенно заявил: «Капитализма в России никогда не будет!» И аргументировал свою мысль так: «*Мы такие глубокие корни вырвали и пустили! Приватизацию Магнитогорска не сделаешь, приватизацию Кузнецстроя, Краматорского машиностроительного завода не сделаешь, приватизацию железных дорог не сделаешь, приватизацию тракторных, комбайновых заводов не сделаешь. Могут, конечно, попробовать акционерные общества сделать, но эти акционерные общества могут быть и фиктивными акционерными обществами для отвода глаз западноевропейских капиталистов, чтобы они думали, что у нас меняется существо*»[1].

Константин Боровой вспоминал, что в 1991 году, когда он ещё возглавлял крупнейшую Российскую товарно-сырьевую биржу он поспорил с Михаилом Малеем, тогда зампредседателя Совмина РСФСР и председателем Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом.

Константин Натанович был уверен, что правительственная программа введения именных приватизационных счетов приведёт к тому, что собственность всё равно монопольно захватит очень узкая группа частных лиц, никакого среднего класса в России не появится. Боровому тогда не нравилась замена господства госмонополий на монополию частных кампаний и олигархов. В качестве примера он приводил политику США, приведшую к Великой депрессии, начавшейся в 1929 году.

---

[1] *Чуев Ф. И.* Так говорил Каганович. М.: Отечество, 1992.

В ответ на это первый официальный приватизатор якобы ответил: *«Что вы от меня хотите, я при капитализме не жил и ничего в нём не понимаю. Я работал директором института»*.

В докладе Всемирного банка отмечалось: *«Нет сомнений, что российская программа приватизации является одним из наиболее выдающихся проектов в экономической истории... Международные банкиры и инвесторы, знакомые с типичной моделью развития новых рынков, должны попросту перевернуть свои старые привычные представления с ног на голову»*[1].

В процессе приватизации ставилось много стратегических целей. Одна из них заключалась в привлечении средств для переориентации российской экономики и явно не реализовалась — денег удалось выручить казне не просто меньше стоимости проданного, но даже меньше того предела, который бы удовлетворил даже самых лояльных жителей страны (не бенефициаров процесса).

Расчёт на то, что вместо неповоротливых монополистов появятся хозяева, способные управлять большим государственным хозяйством и заинтересованные в финансовой стабильности предприятий, тоже не сбылся. В стране вместо ожидаемых серьёзных инвесторов появилось тогда много мелких спекулянтов.

Надежда, что в России будут действовать хотя бы опытные крупные спекулянты, пусть и чужие, тоже не осуществилась — капиталистические акулы рассматривали нашу страну как территорию свободной охоты. Неслучайно и термин, обозначающий скупку для них акций, назывался просто — «пылесос».

В результате в России акции отечественных предприятий котировались в 10 раз дешевле, чем акции аналогичных компаний, например Канады, на международных рынках.

Но даже это не главное — самое печальное состояло в том, что многие действующие предприятия прекратили свою работу после того, как были приобретены новыми «эффективными» собственниками.

О приватизации написано очень много. Её итоги воспринимаются неоднозначно. Негативную оценку этому процессу дала Счётная палата, от неё отреклись или, по крайней мере, признались в серьёзных ошибках многие её адепты.

Чтобы закончить разговор об экономической эффективности и целесообразности той приватизации, процитирую слова её «отца» Анатолия Борисовича Чубайса, сказанные им в 2011 году в интервью, данному израильскому журналисту Александру Гентелеву.

Чубайс А. Б.: *«Не Западу судить. Мало что понимает этот Запад! Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма. Это разные задачи. С разной ценой. Мало кто на Западе понимает, что такое коммунизм на са-*

[1] *Моргенштейн К.* Развитие рынков капитала... // Рынок ценных бумаг. №.15. 1994.

мом деле. И какую цену наша страна заплатила за это. Что такое приватизация для нормального западного профессора? Какого-нибудь Джефри Сакса, который пять раз менял свою позицию по этому поводу и докатился в итоге до того, что надо отменить приватизацию и начать всё заново. Для него в соответствии с западными учебниками это классический экономический процесс, в ходе которого оптимизируются затраты, для того чтобы в максимальной степени эффективно разместить активы, переданные государством в частные руки. А мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дёшево, бесплатно, с приплатой — двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России — это необратимость. Это необратимость. Точно так же, как 1 сентября 1992 года первым выданным ваучером мы выхватили буквально из рук у красных решение об остановке приватизации в России, точно так же каждым следующим шагом мы двигались ровно в том же самом направлении.

Приватизация в России до 1997 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили. Мы решили её полностью. Мы решили её с того момента, когда на выборах в 96-м году Зюганов отказался от лозунга "Национализация частной собственности". Отказался не потому, что он полюбил частную собственность, а потому, что он понимал, что, если хочешь власть в этой стране получить, безумие пытаться отнимать назад. У тебя самого отнимут так, что мало не покажется. Этим самым мы заставили его независимо от его желания играть по нашим правилам, ровно то, чего и надо было добиться. А для Сакса это дёшево, можно было дороже, нужно было процедуры изменить. Мы решали другую задачу, и эту задачу решили».

Тем более что в принятых нормативных правовых актах приватизационные мероприятия не увязывались с задачами повышения эффективности производства и увеличения производства продукции.

Однажды, когда массовая приватизация уже была закончена, президент Credit Swiss First Boston Ханс Йорг Радлофф сидел за столом напротив Чубайса. Радлофф, которому всегда были присущи прямолинейность и скептицизм, посмотрел на Чубайса и спросил его напрямик: «Что вы сделали для России?» Чубайс, обладавший железными нервами и непоколебимо веривший в возложенную на него миссию, ответил: «Я приватизировал власть. Я покончил с коммунистической системой». Радлофф онемел, потому что сказанное Чубайсом не укладывалось в голове и в то же время было правдой[1].

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 235.

И ещё один аргумент в дискуссии.

Чубайс А. Б.: *«А нужна ли вообще России быстрая массовая приватизация? Нам всячески пытались доказать: чем медленнее, тем лучше. Многие российские учёные-теоретики придерживались такой точки зрения. Кроме того, была ещё одна интересная группа лоббирования в этом направлении: западные инвестиционные банки, которым в массовой бесплатной приватизации просто не оставалось места. В случае же приватизации за деньги они могли получать хорошие комиссионные с каждой сделки.*

Помнится, один из самых авторитетных в мире инвестиционных банков — "Голдмэн Сакс" — в то время очень активно пробивал приватизацию Новомосковского завода бытовой химии с целью продажи его корпорации "Проктэр энд Гэмбл", мечтавшей об этом предприятии. "Голдмэн Сакс", в частности, очень настаивал, чтобы приватизация шла медленно и по индивидуальным схемам. А также на том, что каждую сделку надо готовить тщательно, чтобы получить хорошие результаты. Собственно, к этому мы и пришли сейчас. Но только сейчас, когда задача ускорения приватизации уже не стоит. Тогда ситуация была совершенно иной. Мы понимали, что в России существуют мощнейшие политические силы, которые, подхватывая лозунг медленной, но "качественной" приватизации, будут делать всё, чтобы остановить её совсем или использовать в сугубо клановых, узкокорыстных интересах.

Наши противники находили кучу аргументов против быстрой, бесплатной массовой приватизации. Если ещё вчера нас призывали отдать фабрики рабочим, не понимая при этом последствий для экономики страны, то теперь нам говорили:

— Продажа акций предприятий за деньги — это единственный экономически обоснованный путь, это дополнительные средства в бюджет, это появление эффективного собственника.

Слова были вроде и правильные, но я думаю, что главная цель той полемики была другой: затормозить приватизацию любой ценой! Наши оппоненты понимали: после того как механизм массовой приватизации будет раскручен, остановить его окажется невозможным. <...>

Изучили мы, например, опыт польской приватизации. Там начали продавать собственность на денежных аукционах. И что же? Из-за отсутствия иностранных и внутренних инвестиций продажа за деньги двигалась черепашьими темпами и приносила бюджету не такие уж большие деньги. За первые два года реализации программы (с середины 1990 года до середины 1992 года) удалось продать контрольные пакеты акций только 32 крупных и средних предприятий. Это принесло в бюджет всего 160 млн долларов — намного меньше запланированного. <...> А ведь нам надо было приватизировать 25 тыс. крупных и средних предприятий. Даже если бы удавалось пропускать через денежные аукционы

не по 15, а по 150 предприятий в год, приватизация в России длилась бы больше полутора столетий! Рассчитывать на серьёзное пополнение бюджета и на крупные инвестиции тоже особенно не приходилась»[1].

Думаю, что дальнейшие дискуссии о экономических задачах приватизации бессмысленны. Тем более что это подтверждают и близкие к власти журналисты. Так популярный в то время публицист Анатолий Стреляный писал: *«Гайдар и Чубайс положили добиться малого, которое, как они надеялись, станет великим. Раздать собственность кому угодно, хоть бандитам, лишь бы вырвать её из рук государства. Если бандит окажется умелым хозяином своего капитала, он перестанет быть бандитом, нет — потеряет богатство»*[2].

В Кремле под председательством Президента СССР М. С. Горбачёва 15 июня 1991 года состоялось совещание по вопросам разгосударствления и приватизации собственности.

Подводя итоги совещания, Михаил Сергеевич был, как всегда, конкретен. Он подчеркнул, что *«на совещании состоялся очень важный, полезный профессиональный обмен мнениями. Всё, что высказано, — богатый материал для обдумывания. Но если итожить в какой-то мере состоявшийся разговор, то я думаю, и это должно пронизывать всю нашу дальнейшую работу, что выбор нами сделан. И этим путём нам надо идти к рынку, к экономике с иной динамикой развития, другой производительностью, к экономике эффективной, не отторгающей научно-технический прогресс, преодолевшей затратность. <...>*

Кстати, у Ленина сказано, что социализм нельзя построить на энтузиазме, а можнопри помощи энтузиазма, на личной заинтересованности, на интересе. То есть кроме материальной заинтересованности важно и как личность человека реализуется. Мы об этом вообще забывали. Эти мотивы нельзя иначе задействовать. Тем самым мы решаем ту задачу, которую ставили большевики перед Октябрём: преодолеть отчуждение человека от власти, от земли, от собственности, от культуры, от средств производства, возродить качества человека, который управляет, отвечает, берёт на себя риск, ищет и действует. <...>

Не ради рынка мы идём к рынку, а ради жизни, ради того, чтобы рационально использовать все природные ресурсы, которые мы имеем»[3].

Всем после этого стало ясно, что делать.

Мало кому до сих пор известный замминистра образования РСФСР Евгений Сабуров, которому председатель российского правительства Иван Силаев поручил готовить программу реформ, ещё в июне 1991 года запланировал принятие Закона «О приватизации» и разработку генеральной схемы её про-

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 57–59.
[2] Литературная газета. 25.06.1997.
[3] Экономика и жизнь. 27–1991.

ведения. Сабуровым предполагалось, что преимущество в выборе конкретных компаний и холдингов для «отоваривания» приватизационных чеков получат граждане и трудовые коллективы, готовые внести в покупку акций дополнительно к полученным приватизационным чекам и часть своих доходов.

Затем от 10 до 25 % оставшихся невыкупленными акций приватизируемых предприятий могли быть предложены иностранным инвесторам. Оставшаяся часть должна была безвозмездно распределяться внутри России.

В октябре начинается создание системы холдингов (компаний — держателей акций приватизируемых предприятий) и сети пенсионных фондов, включая и Российский государственный пенсионный фонд[1].

3 июля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Законы № 1531-I «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и 1529-I «Об именных приватизационных счетах (вкладах)». По предложению председателя подкомитета по приватизации Верховного Совета РСФСР Петра Филиппова в них был заложен популярный тогда принцип бесплатного раздела государственной собственности между всеми россиянами.

Чубайс А. Б.: «*Главными двигателями приватизации на том этапе были чиновники и директора предприятий, первыми осознавшие перспективы и преимущества частной собственности. А поскольку именно у них были реальные рычаги управления, они стали ими активно пользоваться. Это явление получило название “номенклатурная приватизация”.*

Таким образом, перед нашим правительством стояла срочная задача — ввести уже идущую незаконную и неуправляемую приватизацию в цивилизованные рамки. И сделать это не в идеальных лабораторных условиях, а в реальных, с учётом существовавшего тогда расклада политических сил, при отсутствии какого-то административного ресурса принуждения к исполнению вводимых нормативных актов».

Дэвид Хоффман в книге «Олигархи» пишет, что летом 1991 года из Москвы Чубайсу позвонил Гайдар. Борис Ельцин был избран Президентом России и набирал команду, чтобы предпринять действительно радикальную попытку экономической реформы в России, и «*Гайдар хотел, чтобы Чубайс присоединился к ним. Чубайс приехал в Москву на своём жёлтом “Запорожце” и начал работать с “командой” Гайдара. 9 ноября 1991 года он позвонил в Санкт-Петербург Дмитрию Васильеву: может ли он написать на двух страницах программу массовой приватизации всей России? Причём, написать быстро? <...> Васильев написал для него служебную записку на трёх страницах, основанную на собственном опыте работы с малыми предприятиями в Санкт-Петербурге. Васильев писал Чубайсу, что приватизация собственно-*

[1] Коммерсантъ. 01.07.1991.

сти должна быть "максимально широкой" и распространяться на как можно большее количество объектов собственности. Лучшим способом проведения приватизации он считал аукционы, на которых собственность продавалась за наличные деньги»[1].

В ноябре 1991 года Анатолий Чубайс был назначен председателем Госкомимущества РСФСР, в стране начался этап форсированной приватизации. Был подготовлен и 29 декабря, в канун нового, 1992, года, подписан Указ Президента РФ № 341, утвердивший «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год». Как и последующие программы, она была рассчитана на 3 года и включала задание на текущий год и прогноз на два следующих.

17 января 1992 года А. Б. Чубайсом в розничные адреса было направлено Письмо № А4-09/175, к которому прилагались проекты нормативных документов, разработанные экспертной группой ГКИ. Анатолий Борисович предлагал подготовить по ним официальное заключение и принять участие в обсуждении указанных проектов на совещании в Госкомимуществе России 20 января 1992 года.

Не знаю, насколько были активны другие получатели письма, но Игорь Анатольевич Сафарян молчать не стал и подготовил свой вариант программы приватизации. Он и ранее был весьма активен в продвижении своих мыслей о приватизации.

Сафарян И. А.: *«Механизм проведения приватизации (если говорить о крупных предприятиях) неизбежно ведёт к рынку ценных бумаг. Это и есть рынок капитала. Но надо дать людям возможность поступать со своим капиталом так, как они считают нужным. Что у нас происходит? Отыскиваются какие-то совершенно исключительные, никем не изведанные пути вроде приватизационных вкладов, да ещё с запрещением передавать эти вклады в течение трёх лет и пр. Закон декларирует, что каждый гражданин России имеет право на собственность и на эту собственность должно быть выдано удостоверение, которое и есть ценная бумага. Это удостоверение может быть напечатано на чём угодно, хоть на трамвайном билете. Смысл от того не меняется: ценная бумага удостоверяет права владения собственностью. По закону владелец может её продать, подарить, выбросить... Он — владелец. У нас же пытаются так или иначе не позволить владельцу поступать со своей собственностью как ему хочется, ему предписывают определённые, довольно жёсткие рамки, причём нередко под видом охраны, закрепления его собственности на веки вечные. Да не нужно ничего закреплять! Смысл фи-*

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 117.

нансового рынка в том, чтобы сразу же началось перераспределение, перелив капитала.

Если мы боимся появления миллионеров и миллиардеров, то не стоит и начинать приватизацию. Проблема в том, чтобы провести её цивилизованно, а для этого необходимы профессионалы. <...> Не дело чиновников заниматься приватизацией, они должны определить, как она в принципе будет осуществляться (на рыночной основе, естественно) и контролировать этот процесс. Заниматься же практической приватизацией должны люди, разбирающиеся в тонкостях механизма обращения ценных бумаг.

Следует создать частные инвестиционные фонды. Люди вложат свои деньги в инвестиционные фонды, управляемые профессионалами, а эти последние — в предприятия. И состязание за акции пойдёт уже между инвестиционными фондами, в результате чего образуются реальные потоки капитала. Следовательно, нужна биржа приватизации, на которой котировались бы акции инвестиционных фондов. Мы бы хотели, чтобы РФБ стала такой биржей»[1].

А тут к нему в офис приехал зампредседатель комитета по бюджету, планам, налогам и ценам ВС РСФСР Александр Починок.

Сафарян М. А.: *«Свояк известного челябинского биржевика Эдуарда Тенякова, между прочим. Он признался, что задуманные ими индивидуальные приватизационные счета работать не будут, и попросил совета, что же делать.*

В результате я подготовил записку, в которой изложил, как провести приватизацию на основе ценных бумаг. После чего меня оперативно вызвали в Кремль, где я отдал эту бумагу Руслану Орехову».

Письмо Б. Н. Ельцину датировалось 03.03.1993 года. Именной приватизационный сертификат, прообраз ваучера, задумывался автором совсем не таким, как мы его теперь знаем.

Реализовывать проект должна была компания «Брок-Инвест-Сервис». Подразумевалось, что это освободит правительство от решения всех финансовых, технических и организационных проблем. Кроме того, коммерческая организация будет более заинтересована в скорейшей реализации программы.

Сафарян И. А.: *«Перед тем как начать выдавать приватизационные сертификаты, я предлагал всё хозяйство страны поделить на группы. Определить, что подлежит, а что не подлежит приватизации. На мой взгляд, стратегические отрасли (оборонка и энергетика, включая нефтянку и газовую отрасли) следовало оставить в госсобственности, но создать институт управляющих компаний, как альтернативу красным директорам, воровавшим тогда по-чёрному. Эти компании должны были получать процент от прибыли, получаемой на руководимых ими предприятий.*

---

[1] Имидж профессионала // Финансовая газета. 04.1991.

По приватизируемым отраслям предлагал выпустить не единую бумагу, а по каждой группе отдельно. И этот веер бумаг уже выдавать людям. Вкладываться они также должны были по-разному. Система получалась сложная, но более эффективная. При этом я был против того, чтобы что-то распределять бесплатно в трудовых коллективах».

Включение населения России в процесс приватизации через приватизационные вклады (т. е. с помощью банковской системы), Игорь Анатольевич считал нереальным, т. к., во-первых, это было, на его взгляд, технически сложно осуществить, а во-вторых, затруднило бы перераспределение капиталов в процессе приватизации. В связи с этим процесс можно было проводить только с помощью и на основе рынка ценных бумаг.

Поэтому предлагалось выдать каждому гражданину Российской Федерации ценную бумагу (именной приватизационный сертификат) определённого номинала, дающий право на приобретение доли собственности, причём такие сертификаты можно было выдавать ежегодно в соответствии с планом приватизации.

Сертификат должен был погашаться по номинальной стоимости через пять лет после выдачи, и он мог свободно (но при условии учёта и регистрации) обращаться на рынке ценных бумаг и котироваться инвестиционными институтами.

Так как сами граждане — владельцы приватизационных сертификатов — не могли определить объекты инвестирования и осознанно осуществлять этот процесс, то необходимым звеном становились инвестиционные фонды (выпускающие свои акции и обменивающие их на приватизационные сертификаты), фондовые биржи, инвестиционные консультанты и другие профессиональные организации. Именно они должны были взять на себя всю техническую работу. Но прежде такая структура должна была получить платную лицензию ГКИ на право осуществления процесса приватизации.

Задумывалось, что сертификатов будет выпущено 300–500 млн штук, на что требовалось около 300 млн долларов США.

Сафарян И. А.: *«Моя фирма готова была взять техническое и финансовое решение этих проблем на себя, при условии получения ею генеральной экспортной лицензии (с обязательством использовать все валютные средства исключительно в целевом назначении)».*

Вся подготовка к приватизации с помощью сертификатов могла занять, по расчётам автора, около 4–6 месяцев и не требовала от Правительства Российской Федерации финансовых и трудовых затрат.

Чеки должны были поступить в свободную продажу, их свободная купля-продажа, по задумке Сафаряна, должна была сделать рынок ценных бумаг

более мобильным, облегчить перераспределение капитала между предприятиями и отраслями в соответствии с требованиями рынка.

Верховный Совет РСФСР благосклонно отнёсся к проекту и даже уже предлагал провести конкурс среди крупных коммерческих организаций на получение генеральной экспортной лицензии.

В ответной записке заместителя руководителя Группы экспертов ВС РСФСР В. Д. Кривова в заключении говорилось: *«Г-ну Сафаряну предложено представить более подробное изложение разработанной им программы, что позволит начать конкретное обсуждение проекта. Одновременно в компетентные органы направлен запрос о деловой солидности И. Сафаряна и представляемых им коммерческих структур, чтобы выяснить, возможно ли сотрудничество с ними Правительства России».*

Однако задумка Игоря Анатольевича не прошла, победил Анатолий Борисович.

Сафарян И. А.: *«Моё письмо попало к Чубайсу и тот, взяв её за основу, полностью переиначил наш план. Я ругался страшно! Но поделать ничего не мог».*

На заседании правительства, чтобы сгладить обиду видного фондовика Егор Тимурович предложил ему выбрать форму компенсации за проделанную, но не принятую работу. Выбор был небольшой: вертушка в кабинет, маячки на машину или личное оружие.

Сафарян И. А.: *«Мой партнёр и товарищ Михаил Юрьев посоветовал взять пистолет, Гайдар тут же согласился и сказал, чтобы я готовил документы в МВД, он их подпишет. Однако министр Виктор Ерин не считал себя обязанным выполнять поручение заместителя Председателя Правительства. Пошли звонки из аппарата премьер-министра, МВД. В конце концов мне это надоело, и я заявил, что от всего отказываюсь!»*

В письме было объяснено: выдача огнестрельного оружия работникам обществ с ограниченной ответственностью, акционерных банков и другим должностным лицам законодательством России не предусмотрена.

В общем, вначале пообещали: «Я дам вам парабеллум», а потом заявили: «Пулемёт я вам не дам!»

23 января 1992 года на расширенном заседании Правительства России пакет документов, конкретизирующих Закон «О приватизации муниципальных и государственных предприятий в Российской Федерации», был одобрен. Разработанные Госкомимуществом нормативные документы регламентировали весь процесс приватизации от момента подачи заявок до оформления права собственности владельцев приватизированных предприятий.

Обязательной приватизации подлежало примерно четыре с половиной тысячи крупнейших предприятий России, находившихся тогда в госсобственности. Все они отвечали одному из двух формальных признаков: либо

на них работало более тысячи человек, либо балансовая стоимость их основных фондов, по оценке на 1 января 1992 года, превышает 50 млн рублей. Либо — либо... Крупные и средние предприятия приватизировались в основном путём преобразования в акционерные общества открытого типа. Этим самым по задумке реформаторов создавалось будущее предложение на рынке акций!

К средним предприятиям относились те, у которых балансовая стоимость на 1 января 1992 года оценивалась от 10 до 50 млн рублей или на которых работало от 200 до 1000 человек. Они могли приватизироваться по желанию трудовых коллективов различными способами.

Мостовой П. П.: *«Работали мы чаще всего на Новом Арбате, в кабинете Дмитрия Васильева. Другая точка "тусовки" была на Старой площади, в кабинете у Сергея Васильева, руководившего тогда Рабочим центром экономических реформ. Сергей координировал разработку документов по всем направлениям реформ и очень тесно взаимодействовал с нами.*

Здание на Старой площади известно — бывшие помещения ЦК КПСС. У Васильева стоял компьютер, в который нельзя было просто так войти, так как он был связан с какой-то внутренней сетью ЦК, а все пароли были безвозвратно утеряны. Поэтому приходилось проникать в него со взломом и работать с частично вынутыми блоками. Работая над программой приватизации, мы периодически натыкались в этом компьютере на какие-то документы ещё из "той жизни". А для черновиков использовалась оборотная сторона бланков ЦК КПСС. Такая была эпоха...

Работали мы тогда много. Работали "по-ударному": днём и ночью. Кто мог — и по 24 часа в сутки. Потому что надо было успеть»[1].

Продажей объектов должен был заниматься Российский фонд федерального имущества (РФФИ). Он будет создан в январе 1992 года и возглавит фонд кавалер пяти Орденов Ленина Фикрят Ахмеджанович Табеев, в 31 год ставший первым секретарём Татарского обкома КПСС (!), 7 лет в самое трудное время (с 1979 по 1986 год) бывший послом в Афганистане.

РФФИ будет составлять списки предприятий и организаций, намеченных на приватизацию, регистрировать их в ГКИ и утверждать их в Совете. В конце этого небыстрого процесса выходило соответствующее распоряжение.

Впрочем, по мере обострения отношении Президента России Б. Н. Ельцина и Верховного Совета, обстояли противоречия и между ГКИ и РФФИ. Результатом борьбы этих двух ведомств стало практически полное устранение фонда от реальных вопросов приватизации, и ГКИ, возглавляемый А. Б. Чубайсом и поддерживаемый президентом взял вверх.

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 67.

13 января 1992 года, через 4 дня после его посещения Борисом Ельциным (9 января), Ульяновский авиационный промышленный комплекс «Авиастар» был зарегистрирован как новое на 100 % приватизированное предприятие без единой акции, принадлежащей государству. Так начался процесс приватизации авиапрома.

В деле приватизации сразу появились свои передовики-стахановцы. 13 января 1992 года без раскачки, после своего представления краевому Совету народных депутатов, назначенный Указом Президента России первый губернатор Красноярского края Аркадий Вепрев, заявил, что проведёт приватизацию предприятий перерабатывающей промышленности в недельный срок. И это, по его мнению, позволит в ближайшее время вдвое сократить цены на продукты питания. Статья о его передовой инициативе в пропрезидентской «Российской газете» (14.01.92) называлась «По законам рынка». Интересно, что они хотели этим сказать? Кстати, бывший председатель колхоза «Назаровский» продержался на новом хозяйстве недолго, уже 21 января 1993 года «приватизатор» отправился работать советником-консультантом в свой родной колхоз.

15 января на встрече руководителей госпредприятий с руководством Госкомимущества РФ был рассмотрен вопрос предстоящей приватизации, основной формой которой станет акционирование. Все предприятия, подлежащие акционированию, были разделены на три группы:

1. Предприятия, которые превратятся в холдинговые компании, но останутся в собственности государства.

2. Предприятия, предназначенные для частичной приватизации.

3. Все остальные предприятия.

На встрече председатель Госкомимущества Анатолий Чубайс заявил, что вопрос о свободной продаже акций — «идеологический и принципиальный, и мы будем его отстаивать даже вопреки таким уважаемым организациям, как профсоюзы»[1].

Бойко М. В.: *«Для того чтобы директора, вкусившие уже плодов стихийной приватизации, приняли наш вариант, нужно было идти на существенные уступки им. Единственный выход виделся в том, чтобы превратить директоров в настоящих собственников: дать им законное право получать доход от предприятий, которые они контролируют. А заодно сделать их ответственными за всё, что происходит на этих предприятиях. Иными словами, директора надо было превратить в акционера.*

Нет, это была не слабость. И не ошибка. Это был единственно возможный в той ситуации политический компромисс, на который мы шли совершенно

[1] Независимая газета. 18.01.1992.

сознательно и преднамеренно. Ведь с начала 1992 года фактически главным был политический вопрос: позволит ли "директорский корпус" продвигаться гайдаровским реформам?»[1].

Наконец, 29 января вышло Постановление Правительства РФ № 52 «Об ускорении реализации программы приватизации на 1992 год», а также Указ Президента РФ № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». Они вводили в действие ряд нормативных актов, раскрывавших механизм перехода государственной собственности в частную.

Но всё-таки дадим слово основоположникам.

Чубайс А. Б.: *«За 10 лет мы от непонимания подавляющим большинством советских людей, в том числе и принимающих решения, чем привилегированная акция отличается от привилегии чиновника, выросли до передовой в этой области развития рынка страны, использующей бездокументарные технологии работы с ценными бумагами. И сегодня российский фондовый рынок самый развитый на всём пространстве СНГ, а возможно, и Восточной Европы.*

Главным инструментом в претворении задуманного была, конечно, приватизация — процесс сложный технически, требующий создания законодательной базы и последующей разработки сотен подзаконных нормативных актов и конкретных решений по тысячам предприятий, затрагивающий интересы миллионов российских граждан».

Ещё до начала официальной приватизации в январе 1992 года Ельцин подписал указ о преобразовании знаменитого авиастроительного завода «Авиастар» в Ульяновске в акционерное общество. Подписал прямо на крыле самолёта.

Томчин Г. А.: *«Но "Авиастар" — крупнейшее предприятие авиационной техники: три ряда колючей проволоки, цех, дальше 2 километра — два ряда колючей проволоки, ещё 2 километра — ряд колючей проволоки. И дальше степь. Что, где, у кого сколько земли — неизвестно. Когда я у директора предприятия требовал план земельного участка, его хватил инфаркт. Но мы-то не могли ждать, потому что, не создав базу частной собственности, мы не могли делать ни свободные цены, ничего — всё бы поразила жуткая коррупция».*

Игин Н. Н: *«В феврале 1992 года меня утвердили в должности руководителя Московского областного отделения фонда. Первые полгода, до лета, мы работать не могли, т. к. были заняты организационной суетой.*

Вскоре нас впервые собрал Табеев. Я вместе с представителями Питера и Екатеринбурга стал требовать предоставления полномочий. У главы РФФИ

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 54.

такое право было, но Фикрят Ахмеджанович, как человек очень осторожный, не спешил. Однако деваться ему было некуда и нас стали этими полномочиями наделять. Так я стал независимым и ответственным от РФФИ за приватизационные дела в Московской области».

Указ Президента Российской Федерации № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества», подготовленный Альбертом Сокиным, Дмитрием Васильевым, Максимом Бойко и рядом других экспертов ГКИ вышел 1 июля 1992 года. В нём утверждалось «Положение о коммерциализации государственных предприятий с одновременным преобразованием в акционерные общества открытого типа» и говорилось, что *«обязательному преобразованию в акционерные общества открытого типа подлежат все предприятия, производственные и научно-производственные объединения, находящиеся в федеральной собственности, со средней численностью работающих более 1000 человек или с балансовой стоимостью основных фондов на 1 января 1992 года более 50 млн рублей, независимо от их вхождения в состав трестов, ассоциаций, концернов, союзов, межотраслевых, региональных и иных объединений предприятий».*

Благодаря этому решению огромное количество акций стало быстро поступать в свободный оборот, то есть на фондовый рынок.

Игин Н. Н.: *«В Москве областное отделение располагалось на пяти площадках. Мой кабинет был на Старой площади. Документы к нам шли огромными пачками. Когда надо было подписывать документы, то делалось это конвейерным способом. Один сотрудник их разворачивал на нужном месте, другой комментировал ту или иную бумагу, третий складывал. И это проделывать мне приходилось в разных местах города.*

Самой трудной была закрытая подписка акционерных обществ. Она проводилась первой после утверждения плана приватизации».

Первоначально схема приватизации была жёсткой: коллективу разрешалось оставлять себе только 25% привилегированных и 10% голосующих акций. Но практика заставила оперативно изменить установленные правила.

Чубайс А. Б.: *«Сейчас в новой программе вы помимо этого варианта найдёте ещё два, учитывающих не только финансовые, но и психологические особенности коллективов. По одному, например, если коллектив хочет рискнуть, он может выкупить и 51% акций. А по другому, совсем "экстравагантному", от которого трясло зарубежных экспертов, созданная на предприятии инициативная группа сможет получить по номиналу 20% голосующих акций. Разумеется, в том случае, если за год вытянет пред-*

приятие на заранее установленные ему нормативы по прибыли, рентабельности и т. д.»[1].

Об этой борьбе пишет и зампред ГКИ Пётр Мостовой.

Мостовой П. П.: *«Решение о льготах было-таки принято, исходя из чисто политических соображений. Дмитрий Васильев, например, считал, что трудовые коллективы могут стать мотором приватизации: рабочим, мол, директорское "самодержавие" не по нутру и они захотят у директоров всё отнять в ходе приватизации. "Если мы не дадим льготы трудовым коллективам, — настаивал и Чубайс, — то мы получим оппонентов приватизации в лице работников предприятий". Решение было принято им вразрез с большинством мнений, высказанных в ходе обсуждений. Может быть, проницательного политика, способного принимать нетривиальные решения и последовательно их реализовывать, мы увидели в Чубайсе именно тогда»*[2].

Указом рекомендовалось фондам имущества, не дожидаясь приватизации, передавать все свои акции в траст частным лицам и фирмам. Это положение было воспринято, как способ провести фактическую приватизацию при отсутствии у частного сектора достаточных для прямого выкупа финансовых средств.

Более того в п. 6 указа говорилось следующее: *«Рекомендовать Российскому фонду федерального имущества, фондам имущества республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономной области, автономных округов, городов и районов передавать на договорной основе находящиеся в их владении пакеты акций до момента их продажи в соответствии с планами приватизации предприятий в доверительное управление (траст) физическим и юридическим лицам, признаваемым покупателями в соответствии со статьей 9 Закона Российской Федерации "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации"»*. То есть попросту передавать акции в траст.

Далее в указе можно прочитать положение, согласно которому после создания на базе госпредприятия акционерного общества Комитет по управлению имуществом (учредитель этого АО) передаст соответствующему фонду имущества права учредителя акционерного общества и пакет его акций (в виде записи на счетах). Теперь читай п. 6: фонд имущества мог передавать принадлежащие государству акции в траст на вполне законных основаниях, ведь именно они, согласно указу, владеют всеми принадлежащими государству акциями.

---

[1] Интервью Андрея Бороденкова с Анатолием Чубайсом. Ваше слово, товарищ ваучер // Московские новости. 26.06.1992. № 30.

[2] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 71.

Во всяком случае это было определено Указом Президента РФ.

Как совершенно справедливо отмечали эксперты газеты «Коммерсантъ», передача под трастовое управление, не обеспечивая предпринимателю прав владения собственностью, давала ему чрезвычайно широкие права распоряжения ею. В частности, доверительный собственник мог организовать поток денежных доходов предприятия таким образом, чтобы, не показывая прибыль, проводить её через собственную фирму и через неё реинвестировать в управляемое предприятие (например, в форме покупки дополнительных выпусков акций, организуемых им по согласованию с соответствующим фондом имущества). Тем самым мог наращивать свою долю в нём за счёт доходов самого предприятия, не принося ему ущерба. Если учесть, что в соответствии с положением о преобразовании предприятий в АО стоимость имущества такого АО (и, следовательно, цена принадлежащих фонду имущества акций) определялась, исходя из его балансовой стоимости, то для того, чтобы уравнять в денежном выражении свою долю в предприятии с долей государства требовались не такие уж большие инвестиции. Кроме того, по мнению экспертов «Ъ», доверительный собственник, естественно, становился первым претендентом на акции своего АО, когда они предлагались фондом имущества к продаже, и имел все возможности сдержать неконтролируемый рост их цены[1].

Чем не «номенклатурная приватизация», которой так боялись главные приватизаторы!

Изящное использование административного начала продемонстрировал очень опытный ныне (но не тогда) инвестбанкир Олег Царьков.

Царьков И. О.: *«Я, выпускник Московского института нефти и газа, поработав инженером-наладчиком газотурбинных установок, устроился к своему знакомому в небольшую брокерскую контору, имеющую место на РТСБ. Впрочем, мои познания об экономике и финансах ограничивались статьями на соответствующие темы, опубликованными на заре перестройки в толстых журналах, несколькими переводными учебниками, отштудированными во время длительных северных командировок и просмотром фильма Оливера Стоуна “Уолл-стрит”.*

Тем не менее в один прекрасный осенний день 1992 года я имел наглость появиться в кабинете директора по экономике одного столичного завода, предложив свои услуги по организации правильного акционирования предприятия. Дело в том, что мой собеседник как раз ломал голову над недавно вышедшим соответствующим правительственным постановлением. Генеральный директор, желающий стать новым капиталистом, поставил перед своим подчинён-

[1] *Рогожников М., Росев К.* Указ об акционировании: собственность вошла в доверие // Коммерсант-weekly. 06.07.1992.

ным задачу провести акционирование так, чтобы он сам и его зам по экономике, стали основными собственниками. Сложность заключалось в том, что формально завод находился в аренде у всего трудового коллектива и паи при акционировании распределялись равномерно среди всех сотрудников.

Хотя с ходу со мной не захотели разговаривать, я был настойчив:

— Раз уж я к вам пришёл, может быть, послушаете. Вдруг я что-то умное скажу. Для того чтобы акционироваться вам достаточно зарегистрировать проспект эмиссии и оплатить акции паями. Проблема, насколько я понимаю, в другом: как при этом вам и генеральному получить контрольный пакет?

— Допустим, — пробурчал хозяин кабинета, с недоверием и опаской поглядывая на столь сообразительного и при этом столь легкомысленно одетого собеседника.

— Но ведь балансовая стоимость активов, а следовательно, и паёв ничтожна из-за инфляции. Выпустите акций раза в два-три больше, чем у вас сейчас паёв. Объявите, что все участники арендного предприятия могут внести деньги на развитие, купив акции новой эмиссии. Я думаю, что, кроме вас, никто денег не принесёт, и вы изящно и легально получите контрольный пакет. Если же всё-таки найдутся желающие, вы будете знать, на сколько новых акций подписались "чужаки" и сделаете свою заявку такую, чтобы достичь цели, а лишние акции останутся неоплаченными и будут аннулированы.

— Пойдём к генеральному, — коротко бросил директор по экономике.

Потом в течение двухчасовой дискуссии план был утверждён, и я занялся его претворением в жизнь.

Результат превзошёл самые смелые ожидания — не было подано ни одной "чужой" заявки. А мой первый инвестбанкирский гонорар не шёл ни в какое сравнение с зарплатой инженера и отбивал всякую охоту вернуться к первоначально выбранной профессии».

Аналогично поступил и его коллега.

Орехов А. В.: *«К тому времени (1 июля 1992 года) вышел знаменитый Указ Президента РФ № 721 "Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества". Что делать с ним, никто не знал, разъяснения по нему стали появляться позже, но я со своим инженерным мышлением решил на этом немного заработать и стал обзванивать организации (порой очень большие, в частности фабрику "Красный Октябрь"), которым подлежало пройти процесс преобразований, и предлагать им консультации и помощь в проведении корпоративной приватизации.*

Вакуум в этом вопросе был настолько велик, что, на удивление, многие, к кому мы обратились, согласилась принять нашу помощь. Более того, те с кем мы работали, стали рекомендовать нас коллегам. Богатыми мы за счёт этого

не стали, основной доход продолжала приносить торговля, но опыт и контакты за эти усилия мы тогда получили. Обзавелись мы тогда и постоянными клиентами, которым что-то постоянно было надо. Вот тогда в октябре мы и создали Финансовый центр "Грант". На момент регистрации его уставной фонд составлял всего 5 тыс. рублей, а в штат фирмы пришло восемь человек (в основном работавших со мной на РТСБ).

Жизнь и работа тогда были офигенно интересными. При этом ни о каких огромных деньгах и речи не было».

Указ давал исключительную привилегию трудовым коллективам: «*находящиеся в государственной собственности пакеты акций, составляющие более 50% уставного капитала предприятия, могут быть переданы в траст с согласия трудового коллектива предприятия*». Следовало учесть, что в России тогда подавляющее большинство предприятий были государственными более чем на 50% (а обычно на все 100%).

Бойко М. В.: *«Однако некоторым директорам и 51% показался малым! Под их ожесточённым давлением появился третий вариант приватизации: на предприятиях средних размеров руководство получало право выкупить 40% (!) процентов акций по очень низким ценам. С огромным трудом удалось исключить из этой схемы крупные предприятия, мотивируя это тем, что превращение в один прекрасный день тысяч директоров в мультимиллионеров спровоцирует народный гнев. Впрочем, интерес директоров к совсем уж грабительскому третьему варианту удалось ограничить одной существенной оговоркой. Руководителям предприятий давали право выкупать свой пакет только в том случае, если они обещали, что сумеют избежать банкротства. В итоге количество претендентов на третий вариант оказалось незначительным: не более 2% предприятий. Директора панически боялись банкротств»*[1].

Действительно трудовым коллективам предприятий предоставлялись широкие льготы при приобретении имущества (акций) приватизируемых предприятий, а их руководство получило возможность создавать себе дополнительные преференции. При этом другие российские граждане, непосредственно не связанные с производством (здравоохранение, наука, образование, социальная сфера, государственное управление и т. д.), были фактически отстранены от приватизации и лишены права на соответствующую часть национального богатства.

В первой редакции статьи 17 Закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» было указано, что определение величины уставного капитала акционерного общества производится на основе оценки возможной выручки от распродажи его

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 56.

активов. Госкомимущество провело через Верховный Совет поправки к этому закону и, в частности, была изменена его статья 17. Теперь имущество приватизируемых предприятий оценивалось по методике Госкомимущества. На основании этой методики уставной капитал предприятий занижался в разы по сравнению с их реальной рыночной стоимостью.

Так, имущество крупнейшего в Европе Самарского металлургического завода было оценено по методике Госкомимущества в 2,2 млн долларов. Санкт-Петербургский судостроительный «Балтийский завод» был продан за 150 млн рублей по номиналу ваучеров, за 200 тыс. приватизационных чеков ушла гостиница «Минск», а за гигантский Автомобильный завод им. Лихачёва (ЗИЛ), занимавший площадь более тысячи гектаров в Москве и дававший работу 103 тыс. человек, было уплачено всего около 800 тыс. ваучеров. Уральский машиностроительный завод был оценен в 2 млн долларов — по цене квартиры в центре Нью-Йорка.

Голубович А. Д.: *«Нашей задачей в банке в 1992–1993 годах был поиск предприятий, которые можно было не столько кредитовать, сколько относительно безопасно купить, то есть инвестировать занятые у банка средства в приватизацию, а потом передать подконтрольные предприятия на обслуживание в этот же банк. Начиналось это с того, что Минфин выделил через банк "Менатеп" кредиты десяткам текстильных предприятий. "Менатеп" тут же перевёл бóльшую часть полученных минфиновских кредитов в доллары. После этого, уже заработав на росте курса доллара, банк кредитовал находившуюся в глубоком кризисе текстильную промышленность.*

Моей задачей было изучить ситуацию в отрасли, узнать, что можно взять у них в залог (как правило, ничего). Около 10 комбинатов, что впоследствии не вернули средства, пришлось приватизировать. Причём, купить дёшево, т.к. банк контролировал их задолженность и конкурентов на покупку не возникало). На базе нескольких предприятий Владимирской и Тверской областей даже появилась компания "Русский текстиль", из которой, однако, не получилось сделать потом крупного отраслевого игрока (как, например, из производителей удобрений или пищевых концентратов), т.к. из-за бездумного открытия рынком импортного текстиля слишком тяжёлая ситуация сложилась во всём производстве тканей и одежды в России».

Постепенно работа становилась всё более целенаправленной и системной.

Голубович А. Д.: «*В 1993 году я помогал команде моего родственника в подготовке некоторых документов для приватизации крупного химического предприятия на Волге. Получилось всё удачно, я сказал Ходорковскому: "Смотри, люди купили предприятие с экспортной выручкой в 50 млн долларов, потратив 500 тыс.". На Михаила это произвело сильное впечатление, и он только спросил: "А почему мы так не делаем?" Буквально через несколь-*

ко дней начали проводить еженедельные оперативки, на которых составлялись планы приватизации российских предприятий. Были выбраны наиболее перспективные, как нам казалось, отрасли: химия удобрений, химия волокон (ошибочно) и стекловолокно, пищевая промышленность, пароходства... Во многом я ориентировался на материал, найденный мною в какой-то американской статье, объяснявшей, что следует скупать в странах Восточной Европы».

В созданном новом Инвестиционном управлении банка появился отдел экспертизы, занимающийся анализом потенциальных приобретений. Его возглавляла Наталья Шевлякова — бывший руководитель одного из отделов Госкомстата СССР.

Голубович А. Д.: «*Вместе с ней мы и придумали множество "целей" для поглощения. Сотрудники других отделов участвовали в чековых аукционах и инвестиционных конкурсах. Кроме того, у меня было подразделение под руководством выдающегося переговорщика Анатолия Кудряшова, набранное из бывших милиционеров, занимавшееся оптовой и "уличной" скупкой акций у менеджеров и работников предприятий. Банк "Менатеп" помогал нам через свои розничные подразделения, занимался также скупкой ваучеров у населения».*

Приобретались объекты приватизации компаниями, созданными учреждённым «Менатепом» ещё в 1989 году совместным советско-швейцарским совместным предприятием Russian Trust and Trade (RTT).

Голубович А. Д.: «*Став прообразом западных "администраторов" офшорных структур и фондов, это СП RTT занималось регистрацией сотен российских и офшорных юридических лиц, ведением их счетов, отчётности и прочим обслуживанием их деятельности. На пике этой деятельности таких юридических лиц использовалось примерно 500–600.*

Наше управление выделяло этим компаниям-"живопыркам" (как их называли на жаргоне) кредиты банка "Менатеп" на скупку акций и приобретение предприятий на конкурсах. Кредиты эти были обеспечены только полученными акциями. Из-за несовершенства рынка, отсутствия опыта и просто времени на анализ, обычно не было понятно, сколько стоят эти бумаги. Особенно трудно было оценить акции, если контрольный пакет завода был не у тебя.

Всего нам удалось за три года приватизации купить контрольные пакеты около сотни предприятий. Больше всего их было в строительном комплексе г. Москвы — они приобретались "Менатепом" по заказу руководителей (близких к тогдашнему руководству города)».

Были, конечно, и совершенно оригинальные решения по приватизации. Вот, в частности, некоторые из них, произошедшие в Подмосковье.

Игин Н. Н.: *«В Шатуре приватизировали какой-то рыбхоз. Я узнал об этом, когда меня отвлёк громким смехом мой зам. Он не мог сдержать на-*

хлынувший хохот, несмотря на мои замечания. Выяснилось, что акционеры жребием делили пруд. Те же, кому не повезло — достались "наделы" в недосягаемости — в центре пруда — стали возмущаться. Письмо, посвящённое выяснению отношений новых собственников, и рассмешило моего коллегу.

Коллектив Подольского мясокомбината единогласно принял решение все акции передать своему директору, заявив, что им другого руководителя не надо. Сотрудники были уверены: будет директор жить, и предприятие не умрёт. Мы этот протокол утвердили».

Комбинат с таким названием существует до сих пор, но какое он имеет отношению к тому приватизируемому не ясно.

А вот Долгопрудненское научно-производственное предприятие отказалось приватизироваться, вплоть до объявления забастовки. Они даже написали открытое письмо Президенту России.

Игин Н. Н.: *«Я тогда обратился в РФФИ с предложением не применять к ним никаких административных мер. Однако после этого мне позвонил новый председатель фонда Владимир Соколов и возмутившийся: "Ты что с ума сошёл?!" Но я стоял на своём, в результате было подготовлено обращение по этому поводу к Ельцину, которое мне велено было завизировать».*

Люди с трудом разбирались в тонкостях готовящихся документов, поэтому у офисов территориальных отделений РФФИ всегда собирались очереди из жаждущих уточнить, что же им делать. Столь же активно осаждали представители трудовых коллективов и офисы комитетов по приватизации.

Игин Н. Н.: *«Мы специально выделили людей для общения с ними, отвечал за это один из моих замов. Мой юрист жаловалась, что люди совсем не были готовы к принятию столь ответственных решений, они ничего не знали.*

Много приходилось работать и с уже подготовленными документами, что приносили нам на утверждение. Поначалу то, что мы получали, было вообще непонятно что! А ведь речь шла о распределении собственности, эти документы должны были вскоре лечь в основу реестров.

Если учесть, что приватизируемых организаций у нас в области было больше тысячи, работа предстояла адова!

С закрытыми подписками мы проводились весь 1992 год. Кроме этого, в тот год производился выкуп предприятий, работавших в режиме аренды, их тоже было несколько сотен.

При этом постоянно мы получали запросы прокуратуры с требованием отчитаться, как выполняется указ о приватизации, приходили представления, касающиеся тех или иных спорных случаев. То есть прокуратура выполняла роль некого заградотряда.

Постепенно и мы стали что-то понимать».

«“Успешное проведение программы приватизации будет способствовать стабилизации экономики в целом”, — заявил на пресс-конференции заместитель председателя Госкомимущества Дмитрий Васильев. Он опроверг прогнозы некоторых экспертов о том, что ожидаемый спад производства в 1992 году может составить 18%, и заявил, что спад будет минимальным, а в следующем году возможна стабилизация экономики и рост в 1994 году. Д. Васильев подчеркнул, что ожидаемые доходы от проведения приватизации в следующем году за вычетом суммы ваучеров составят 100 млрд рублей»[1].

Интересны воспоминания, связанные с этим периодом, Руслана Орехова, ставшего тогда заместителем начальника службы Государственного советника по правовой политике Администрации Президента РФ. В первом томе этой серии приведены воспоминания Руслана Геннадьевича, одного из самых эффективных чиновников начала 1990-х годов. Его особую роль признавал А. Б. Чубайс: *«Когда я писал о значении доброй воли юриста, о том, что в условиях нашей правовой неразберихи всё зависит от его желания найти конструктивный выход, я как раз имел в виду Руслана Орехова. Демонстрируя свою политическую отстранённость, он обычно говорил: “Я профессионал. Грамотно поставьте передо мной экономическую задачу, а уж юридическую форму я найду. Политика же меня не интересует”. Вместе с Петром Мостовым он и создал всю юридическую базу российской приватизации»*[2].

Орехов Р. Г.: *«Когда начали готовить документы по приватизации, я задал себе вопрос: а что мы со всем этим будем делать? Не найдя ответ, начал с этим вопросом приставать ко всем, кто хотя бы что-то в этом понимал или делал вид, что понимает.*

Кого бы я ни пытался спрашивать о перспективах, на меня смотрели, как на больного! Лидеры по акционированию продолжали заказывать бумажные акции, а потом не знали, что с ними делать. Первые задуманные депозитарии были простыми камерами хранения бумаг».

Любознательного Руслана Геннадьевича интересовали вопросы: «Где держать, учитывать акции вновь созданных АО, как их продавать, перепродавать, закладывать?» Никто, по его словам, не только не знал, но и даже не задумывался над этим. А законодательства по подобным вопросам, естественно, ещё не было.

Орехов Р. Г.: *«Я прикинул, сколько появится заошек и аошек, сколько будет выпущено акций, — получались миллиарды. Первый, кому я задал сакраментальный вопрос “Что делать?” был Дима Васильев. Он прибегал ко мне*

---

[1] Состоялась пресс-конференция заместителя председателя Госкомимущества России // ЭКО Новости. Санкт-Петербург. 03.09.1992.

[2] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 79.

согласовывать приватизационное законодательство. Придя в двадцатый раз с одной и той же бумагой, он был огорошен вопросом: "Допустим мы поступим так, как вы задумали. И что с этим дерьмом мы будем делать?!" Выяснилось, что Дмитрий придерживается принципа, которым были заражены все деятели экономического блока правительства: "Ввяжемся в бой, а потом посмотрим, что делать дальше!" Видимо, они рассчитывали на адамосмитовскую невидимую руку рынка».

Но я был упорен и обрисовал Васильеву складывающуюся картину, спросил, ради чего делается акционирование. Дмитрий ответил: «Чтобы привлечь инвесторов». Он был прав. Понятно, что ситуация с их появлением изменяется. До сих пор для предприятий существовал лишь один выход — пойти и взять кредит в банке. Был и ещё не совсем надёжный и не всем доступный источник финансирования — бюджетные ссуды, дотации, однако в силу слабости бюджета они не могли повлиять на состояние дел во всей промышленности. Безумно большой банковский процент был известен так же, как известны сила и наглость российских банков. Единственный способ что-либо изменить был в создании условия для привлечения на предприятия средств частных инвесторов. Эти деньги должны были пойти на производство.

Но при этом инвестору необходимо обеспечить условия, чтобы он мог легально продавать акции и гарантировать надёжность сделки! Как это сделать? После этого мой собеседник впал в ступор и ушёл».

На следующий день Васильев пришёл в Администрацию Президента РФ с советником ГКИ Альбертом Сокиным, имеющим, как рассказывает Орехов, «очень хорошие мозги». После этого началась работа.

Орехов Р. Г.: *«Альберт приносил переводные статьи, мы обсуждали различные варианты решения проблемы. Параллельно смотрели, кто ещё над этим задумывается. Тогда включился в обсуждение проблемы председатель Банка России Георгий Матюхин. Но и он, и его заместитель Дмитрий Тулин рассматривали вопрос регулирования рынка ценных бумаг только с точки зрения банковского сектора. При этом они считали, что Центральный банк на рынке главный».*

Действительно в течение 1991–1992 годов среди разработчиков законодательства о ценных бумагах велись активные дискуссии о допустимости участия на фондовом рынке коммерческих банков.

Тулин Д. В.: *«Ряд сотрудников Администрации Президента, в частности Руслан Орехов, придерживались крайнего мнения: не допускать! Причём, не разрешать никакие операции. Профессиональные брокеры составляли основу лобби, "продавливающего" данное решение. Центральный банк защищал интересы коммерческих банков».*

У Руслана Орехова были свои аргументы.

Орехов Р. Г.: *«Если центробанковцам сказать, что они должны подчиняться законам, а не своим инструкциям, они в это не поверят! Что происходит с головами людей после того, как они попадают в ЦБ, я не знаю, но этот феномен действует во всех странах мира. Так что то, чем занимались в тот момент Тулин с Козловым отношения к рынку ценных бумаг не имело, они хотели монополизировать рынок. Кстати, банки быстро прочухали, что здесь пахнет большими деньгами».*

А вот выдержки из интервью Альфреда Коха, бывшего в 1992–1993 годах заместителем председателя комитета по управлению имуществом Санкт-Петербурга, возможно, самого циничного участника того процесса.

Кох А. Р.: *«Нигде, ни в одной стране мира результатами приватизации электорат не доволен. <...> Россия реально от приватизации получила фондовую инфраструктуру, возможность торговать акциями, возможность привлечения инвестиций через этот инструмент, Россия получила слой частных собственников, Россия получила деньги... э-э-э... порядка 20 миллиардов долларов, и, мне кажется, что этого достаточно. <...>*

Я бы отказался от ваучеров, если бы не давление со стороны Верховного Совета. Народ ограблен не был, поскольку ему это не принадлежало. Как можно ограбить того, кому это не принадлежит? А что касается, что по дешёвке, пускай приведут конкретные примеры. <...> Я бы хотел посмотреть на тех, кто заплатит хоть один миллиард за "Норильский никель", у которого на тот момент, когда мы его продавали, убытки составляли 13 триллионов рублей»[1].

Позже, отвечая Минкину, Кох в сердцах заявит: *"Уже писано про него, переписано. Береза с Гусем, когда ополчились на "молодых реформаторов" не могли критиковать приватизацию "ЮКОСа" и "Сибнефти". Вот и пополз по газетам и телевизорам "хрестоматийный" пример с "Норильским никелем".*

Ну хоть кто-нибудь, когда берёте у меня интервью, приведите другой пример "плохой" приватизации! Умоляю! А то от скуки уже скулы сводит»[2].

А интервьюер, опытный Александр Минкин, не выдержал, с «пафосом» (по оценке Коха) написал: *«В правительстве был человек, который абсолютно не верил, что страна может подняться. И, значит, был там, наверху, для чего-то другого.*

Перед нами типичный русский холоп (хоть и немец). Будет смотреть, как подыхает лошадь, и пальцем не шевельнёт: она же не его — барская, соседская, чужая, зачем ей жить? <...>

---

[1] *Минкин А.* Альфред Кох: штрихи к портрету. Из интервью с А. Кохом. http://liv.piramidin.com/politica/koh_inter/koh_inter.htm

[2] Коммерсант-Daily. 11.11.1998.

Человек хочет считать себя хорошим и честным. Голубой воришка Альхен воровал и стыдился, чувствовал, что поступает нехорошо, обирая старух в богадельне. Он не идейный. Будь Альхен таким же идейным, как Альфред Кох, считай он, что старухи — швайн, что они — мусор, что должны подохнуть, тогда чего стыдиться?

Человек с таким образом мыслей не может не воровать. Особенно если обеспечена безнаказанность, если проделки оформляются в виде постановлений правительства»[1].

Вот мнение бывшего в то время заместителем председателя Фонда имущества Республики Хакасия Николая Бедарева.

Бедарев Н. И.: *«В нормативных правовых актах не были установлены обязательные условия и требования для приватизируемых предприятий, в частности по сохранению профиля деятельности, созданию необходимых условий для развития производственной базы, сохранения технологических связей, решению социальных проблем, охране окружающей среды, сохранению или дополнительному созданию рабочих мест и т. д. Не определялся ими и порядок приватизации предприятий как единых имущественных комплексов, состоящих из производственных фондов, земельных участков, зданий, сооружений, объектов инфраструктуры, объектов незавершённого строительства.*

Не был определён принцип адекватной возмездности при отчуждении государственного имущества, не устанавливались требования по проведению независимой оценки стоимости приватизируемого имущества. В законе о приватизации 1991 года, других более поздних нормативных правовых актах не был урегулирован порядок возмещения ущерба государству, причинённый в результате приватизации.

Не была установлена и ответственность должностных лиц органов государственной власти и руководителей предприятий за незаконные действия в ходе приватизации. На начальном этапе приватизации не была наработана судебная практика по применению старых норм законодательства к новым экономическим отношениям, порождённым приватизацией.

В условиях безответственности должностных лиц Госкомимущества России зачастую дела направлялись в Правительство Российской Федерации через 2–4 месяца после их поступления в Комитет, что позволяло территориальным органам без решений Правительства Российской Федерации и заключений отраслевых министерств (ведомств) приватизировать предприятия федеральной собственности, в том числе относящиеся к оборонно-промышленному комплексу.

[1] Там же.

Команда Чубайса насаждала невиданные темпы приватизации. Так, по Республике Хакасия, например, Программа приватизации на 1992 год предполагала разгосударствление 60% предприятий лёгкой промышленности (при наличии настоящих гигантов этой индустрии в республике), 50 — пищевой, 50 — строительства и стройматериалов, 60 — автомобильного транспорта, 50 — розничной, оптовой торговли и общественного питания, 50 — бытового обслуживания. Даже для относительно небольшой республики это был полный "кошмар".

"Грузили" нас основательно — документов я перевозил в Хакасию чемоданами. По приезде в Абакан обычно всё подробно докладывал руководству, которое принимало наш доклад под возгласы: "Да, они что там, с ума сошли!" Тем не менее шли нужные указания и начинался очередной "аврал"».

Без решений Правительства Российской Федерации и без заключений Госкомоборонпрома России были приватизированы Смоленский авиационный завод, Рыбинский моторостроительный завод, Рыбинское КБ моторостроения, Самарское госпредприятие «Старт» (ракеты), Уфимское моторостроительное производственное объединение, Уралмашзавод, ЦНИИ «Румб» (подлодки), Балтийский завод (кораблестроение) и другие предприятия оборонной промышленности.

К тому же массовая приватизация в Российской Федерации произошла в период, когда отсутствовали не только какие-либо органы внешнего финансового контроля, но и сами представления о необходимости вовлечения независимых контрольных институтов в приватизационные процессы.

Ещё до начала массовой приватизации в октябре 1992 года была приватизирована газета «Известия», а фактически весь огромный газетно-издательский комплекс на Пушкинской площади Москвы. Проект этот компания «Тройка Диалог» провела молниеносно (по словам Александра Коланькова, его компания «Аналайз» также принимала участие в этой операции). Первый зампред Госкомимущества РФ Пётр Мостовой за одну ночь подготовил документацию новой акционерной компании, а затем оформил её при участии заместителя главреда газеты Эдуарда Гонзалеза, в 1993 году ставшего гендиректором газетно-издательского комплекса и президентом ОАО «Редакция газеты "Известия"». Всё предстояло сделать до возвращения в Москву Руслана Хасбулатова, который тогда находился на Дальнем Востоке. Хасбулатов был председателем Верховного Совета РФ, на балансе президиума совета находились редакционные имущество и помещения, и летом 1992 года он распорядился не допускать превращение исконно государственной газеты в частную. «Известия» же в противодействии Ельцина и Хасбулатова встали на сторону президента.

Рубен Варданян тогда вошёл в совет директоров нового ОАО, ставшего первым большим внешним клиентом «Тройки Диалог». Акционером же новой компании стал Диалог-банк.

Впрочем, основными владельцами издания вскоре окажутся не представители трудового коллектива, а скупившие акции ЛУКОЙЛ и ОНЭКСИМ-банк.

Следует отметить, что ещё до начала массовой приватизации к началу сентября 1991 года пытались продавать различные акции брокерские конторы различных бирж (их на 1 октября 1992 года было 11 664). Из 3000 зарегистрированных в Минфине РСФСР 800 акционерных обществ уже успели к тому моменту выпустить свои ценные бумаги.

В целях ускорения приватизации государственных и муниципальных предприятий, повышения качества работ по приватизации и сокращению сроков разработки планов приватизации 2 октября 1992 года Госкомимущества РФ выпустил Распоряжение № 507-р «Об участии консультационных фирм и индивидуальных консультантов в проведении работ по приватизации государственных и муниципальных предприятий».

Список совета по организации сертификации консультантов по приватизации открывался директором экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей Евгением Григорьевичем Ясиным.

Надо отметить, что результаты усилий российских консультантов можно ощутить, в частности, в деле защиты владельцев приватизационных предприятий.

Вот что рассказывает экономист Саид Гафуров, имевший опыт работы, в частности, начальником департамента Мингосимущества России.

Когда после продажи принадлежащего государству пакета в 25% были замечены чрезвычайно активные попытки поглощения конкурентами Сахалинского морского пароходства (СМП), финансовый консультант — инвестиционная компания «МИНФИН» — разработал такую схему защиты от «враждебного» поглощения: было решено провести дополнительную эмиссию обыкновенных акций АО на сумму, в 10 раз превышающую уставной капитал, и частично выплатить дивиденды за 1993 год в виде таких акций, исходя из 500% годовых. Для «убийства» вторичного рынка акций первой эмиссии была проведена единая для выплат деньгами и акциями дивидендная перепись. Комплекс этих мер позволил резко снизить привлекательность акций СМП и сохранить аффилированной с руководством компании группой акционеров пакет в 50% акций, при этом курс акций на бирже во Владивостоке оставался крайне низким.

Бочин Л. А.: *«Практически с первых дней образования Антимонопольный комитет начал сверхактивно анализировать все заводы и фабрики, желающие приватизироваться и акционироваться. Было много желающих вносить*

в уставный капитал (особенно оборонных предприятий) интеллектуальную составляющую, которая, как правило, колебалась от 50 до 200% "капитализации" заводов. Напомним, что в ту пору существовал законодательный вакуум и приходилось держать ухо востро. Особенно увеличился поток ходоков уже при принятии программ приватизации и желании как можно скорее приватизировать госсобственность.

Всего с 1992 по 1998 год, по оценкам экспертов, было приватизировано более 70% госпредприятий на территории бывшей РСФСР. При этом с продаж было получено лишь 200 млрд долларов США, которые тут же ушли на Запад за долги. А в самом начале приватизации, когда к торгам были допущены иностранные банки, 500 крупнейших предприятий страны стоимостью не менее 200 млрд долларов США были проданы всего лишь за 7 млрд».

Как уже отмечалось, отношение к проведённой в начале 1990-х годов приватизации разные. В заключение приведу мнение некоторых экспертов. Григорий Томчин в те годы был начальником отдела экономических исследований приватизации Северо-Западной агропромышленной биржи и экспертом ВС РФ.

Томчин Г. А.: *«Как я оцениваю итоги приватизации. Я оцениваю их как плохие, потому что не всё приватизировали. Хотя такой широкомасштабной приватизации не было нигде в мире. Нигде не было продано 124 тыс. юридических лиц. Это только тогда, за 3 года. В чём же тогда плохо? Плохо в том, что на сегодня осталось порядка 6 тыс. государственных унитарных предприятий, стратегических там — 700»*[1].

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, в отличие от него, в 2002 году оценивал социальные итоги российского реформирования так: *«С Россией случилось худшее из возможного — невероятный спад производства и невероятный рост социального неравенства. Прогноз на будущее мрачен. Крайнее неравенство тормозит экономический рост, особенно когда оно ведёт к социально-политической нестабильности»*[2].

Мэр Москвы Юрий Лужков в интервью Павлу Хлебникову подчёркивал, что при тех низких ценах приватизация была бессмысленна: *«Мой (химический) институт продали за 200 000 долларов. Во-первых, в этом институте трудились настоящие специалисты, каждый из которых тянет на 200 000 долларов в год. Во-вторых, у него есть экспериментальная производственная база, где можно разрабатывать новые технологии. И это предприятие было продано за 200 000 долларов! Да это цена одного спектрофотометра! А новый владелец решил — ему не нужно, чтобы институт работал. Он сказал: я всех увольняю, теперь у меня есть свободная недвижимость, с её*

[1] www.tomchin.ru

[2] Цит. по: *Гурова Т., Ивантер А.* Постколониальная матрица // Эксперт. 2004. № 1.

помощью я буду преумножать свои доходы — площадь буду сдавать и получать за это 500 000 долларов в год. Вот это бизнес!»[1].

И всё-таки некоторые итоги.

В отчёте Контрольно-бюджетного комитета, направленном в 1994 году в Верховный Совет Российской Федерации указывалось, что с июля 1992 года по 1 июля 1994 года был приватизирован совокупный уставной капитал в размере 1151,2 млрд рублей (при стоимости основных фондов предприятий, принятой в ценах на 1 июля 1992 года). Денежные поступления в федеральный бюджет не превышали 17 % от стоимости приватизированного на тот период имущества. В ходе чековой приватизации с 1 января 1993 года по 1 июля 1994 года был приватизирован совокупный уставной капитал в размере 958 млрд рублей. Поступление средств от приватизации, по оценке Контрольно-бюджетного комитета, составило (как в рублях, так и в чеках) за указанный период 489,1 млрд рублей. Приватизируемые предприятия федеральной и республиканской собственности были проданы по ценам, не превышающим номинальную стоимость акций, краевая и областная собственность реализована практически по номиналу, и только собственность муниципальная продавалась по цене, чуть-чуть превышающей номинальную стоимость объектов. Однако муниципальная собственность составляла лишь малую толику выставленной на продажу государственной собственности, основная её доля — 64 % по объёму капитала, была федеральной.

А вот суммарная рентабельность спекулятивных сделок в России, учитывая разницу между реальной ценой производственных активов и рыночной ценой ваучеров превышала 10 000 %[2].

За 18 месяцев большая часть собственности более 15 тыс. российских предприятий была передана в частный сектор[3]. Для сравнения беспрецедентная для Запада, хотя и мизерная в сравнении с российской, программа приватизации в Великобритании при М. Тэтчер шла более 10 лет и была несравненно меньшей по размерам.

Аргумент, приведённый Анатолием Борисовичем, о бескровности процесса приватизации тоже не совсем убедителен.

Чубайс А. Б.: *«Оглядываясь сегодня назад, мы можем с полным основанием говорить: отделение экономики от государства в конце XX в. — это первое*

---

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 128.

[2] Независимая газета. 10.12.1995.

[3] *Иванов Н.* Российская приватизация... // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2.

масштабное событие в истории России, осуществлённое не путём насилия и диктата, а в результате проведения политики политических компромиссов. Вспоминая сплошь и рядом кровавую историю государства Российского, остаётся только удивляться, что перераспределение собственности удалось осуществить бескровно и ненасильственно»[1].

Позже, в конце 2020 года, на вопрос ведущей Алёны Долецкой: «Было ли им хотя бы минуту страшно в те годы?» — Анатолий Борисович отвечал уже по-иному.

Чубайс А. Б.: *«Надо признать, что масштаб криминала в 1990-х был абсолютно чудовищным и степень унижения, с которой в повседневной жизни сталкивались люди от уличной преступности, была колоссальной. И этого мы, по крайней мере, я могу о себе сказать, не видели, потому что я из "Мерседеса" и с охраной»*[2].

А светская дама, ведущая, вспомнила, что у ведущих российских модельеров Зайцева и Юдашкина тогда появились пользующиеся спросом коллекции дорогих женских чётных нарядов, в которых дамам было достойно исполнять роль вдовы на похоронах.

Вот лишь несколько фактов: Д. Зеншин, директор «Куйбышевнефтеоргсинтеза», зарезан в 1993 году; Ю. Шебанов, замдиректора «НефСам», застрелен в 1994 году; Ф. Львов, управляющий фирмы AIOC (алюминий), застрелен в 1995 году; В. Токарь, директор завода цветных металлов (Каменск-Уральский), убит в 1996 году; А. Соснин, владелец нескольких уральских заводов, убит в 1996 году. Не остановились убийства и позднее. Например, О. Белоненко, гендиректор ОАО «Уралмаш», застрелен в 2000 году, а депутат Госдумы В. Головлёв, организовывающий процесс приватизации в Челябинской области, по одной из версий, пал жертвой киллера в 2002 году за участие в незаконной приватизации Магнитогорского меткомбината. В 2011 году осудили уральского киллера В. Пильщикова на 24,5 года колонии строгого режима. В мае 1995 года он убил свердловского бизнесмена А. Якушева, имевшего отношение к захвату в 1994–1995 годах Екатеринбургского мясокомбината (ЕМК). А через год ему заказали А. Соснина, владельца нескольких уральских заводов.

Бочин Л. А.: *«Несогласных или строптивых директоров "трамбовали", как сейчас принято говорить, вероятно, подкупали, запугивали. Известны случаи убийств директоров предприятий. Так, например, питерский сталепрокат-*

---

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 66.

[2] Онлайн-встреча Петра Авена и Анатолия Чубайса. 10.12.2020. https://www.alfacapital.ru/aw/special/broadcast?utm_source=email&utm_medium=email&utm_campaign=vremya_peremen&utm_content=1036132.

ный завод последовательно лишился четырёх директоров, которые оказались слишком несговорчивыми».

Павел Хлебников пишет о том, что когда в 1993 году по указу президента Ельцина Самарский НПЗ начали преобразовывать в новую холдинговую компанию «ЮКОС», то её управляющие решили взять под контроль экспортные операции НПЗ, но этому решительно воспротивилась торговая компания «Нефсам», ранее выполнявшая эти операции. В октябре 1993 года генеральный директор НПЗ и вице-президент ЮКОСа Геннадий Зенкин был убит возле своего дома. Через три месяца после этого убийства серьёзное ранение получил глава бельгийской компании «Тетрапласт» — в его «Мерседес» стреляли прямо на одной из московских улиц. Вскоре ещё один из руководителей «Тетрапласта» был убит. Только после этих событий смена власти на Самарском НПЗ пошла сравнительно тихо[1].

В Питере в 1990-е только за время приватизации АО «Сталепрокатный завод» поочерёдно убили четырёх претендентов на эту недвижимость. В 1996 году был убит у себя в кабинете П. Шарлаев — реальный лидер трикотажной фабрики «Красное знамя», числившийся там зам. гендиректора. Он вплотную подошёл к созданию финансово-промышленной группы, которая объединила бы хлопководческие колхозы Узбекистана, петербургские фабрики и банковские ресурсы. Это первое, но далеко не последнее убийство руководителей фабрики.

В 1990-е воровской общак пустили на приватизацию самых лакомых кусков госсобственности. «Законники» пытались купить пакеты акций и участвовать в приватизации различных ГРЭС, ЦБК, а также «Воронежэнерго», «Самараэнерго», «Курганэнерго». Среди интересующих мафиози объектов были «Ленэнерго» и Морской порт С.- Петербурга.

Но самой кровавой оказалась нефтянка. Только с «Нефтью Самары» связывали 50 заказных убийств. Второй отраслью по длине кровавого следа оказалась металлургия. Многие убийства так и остались нераскрыты[2].

Вот рассказ о разборках за алюминий.

Бедарев Н. И.: *«Так случилось, что я стал живым свидетелем “алюминиевых” войн в России, причём, не понаслышке».*

В 1993–1994 годах его фонд в ходе чековых аукционов стал вполне осознанно обладателем приличных пакетов акций ряда предприятий цветной

---

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 99.

[2] *Шигарева Ю., Голубь Ю., Ладыгина Е., Епифанова Н., Малина И., Молоткова П., Позднякова М., Халезова Н., Чеботарёв А.* 25 лет приватизации в России: что осталось от страны заводов и фабрик? // Аргументы и факты. 07.06.2007. № 23.

металлургии — Саяногорского, Красноярского, Иркутского, Братского алюминиевых заводов, Красноярского металлургического (алюминиевого профиля) завода, АО «Уралэлектромедь», АО «Сорский молибденовый комбинат», АО «Туимский ОЦМ» и ряда других.

Бедарев Н. И.: *«В ходе приобретения и оформления акций, а позднее при неудачных попытках принять участие в управлении этими предприятиями я не мог не почувствовать дыхание "криминалитета" себе в затылок. Это имело место и в Красноярске, и в Иркутске, а особенно по СаАЗу — у себя в Хакасии.*

В нашей небольшой республике все более или менее значимые люди всегда друг друга знают. Как говорила героиня известного фильма "Карнавал": "В этом городе даже бандиты, и те знакомые". Так, у меня с комсомольских времён был в Саяногорске (Хакасия) прекрасный товарищ Михаил Газаров.

Он был с предгорий Кавказа, армянин, жизнелюб и душа любой компании. В бытность мою секретарём Черногорского горкома комсомола он возглавлял лучшую комсомольско-молодёжную бригаду на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Саяно-Шушенской ГЭС, позднее возглавил комсомольский штаб этой ударной стройки, был членом обкома ВЛКСМ. Мы с саяногорским комсомольским активом вообще дружили, а тут особый случай: Мишка Газаров был любимцем масс.

Так уж случилось, что именно он привёл ко мне в кабинет весной 1994 года, ещё до продажи нашего пакета акций АО "СаАЗ", некоего неприметного человека с острым взглядом, и представил он его Владимиром Татаренковым. Тот, со слов моего товарища, был авторитетным предпринимателем из Саяногорска. Михаил при молчаливом согласии своего знакомца начал активно убеждать меня, что, мол, до каких пор мы будем терпеть засилье московских воротил на наших ведущих предприятиях, имея ввиду, прежде всего, СаАЗ и Дерипаску. С его слов получалось, что чуть ли не единственной альтернативой этим варягам мог быть именно такой авторитетный человек, как Татаренков. Он сходу предложил заключить с ними своеобразный союз, имея ввиду и наши акции, и наши законные возможности по их скупке.

Нужно сказать, что идея такого противостояния в то время мне была близка по духу. Я даже пытался составить коалицию с генеральным директором завода Геннадием Сиразутдиновым, но тот оказался большим снобом — только и предложил мне, что возможность покупки на себя нашего пакета задёшево.

Мои гости сходу предложили мне проехать в Саяногорск и лично ознакомиться с их возможностями — я имел неосторожность согласиться. Меня провезли по магазинам (в большинстве это были алкогольные забегаловки), рынкам, автостоянкам, заправкам и т. п.

Больше всего меня поразила специфическая публика вокруг этих заведений — интеллигентов там точно не было. Я насторожился, но виду не подал,

пообещав им подумать над их предложением. Этим я обрёк себя на их повторные визиты, но они прекратились сразу, как я объявил Михаилу, что интересующий их пакет фондом продан за границу.

Сказать, что мой старый друг огорчился этому известию, будет мало. Похоже, он тогда даже испугался, и в большей мере за меня. Позднее я навёл справки о своём возможном "партнёре" и содрогнулся. Сдаётся мне, что мой комсомольский товарищ Газаров просто прикрыл меня своей грудью от его "праведного" гнева».

...Криминальный авторитет Владимир Татаренков в определённых кругах был весьма известен под кличкой Татарин. Жизнь этого яркого персонажа не имеет прямого отношения к истории фондового рынка, а желающие узнать подробности о нём легко найдут \ информацию в Интернете.

Доставалось и фондовикам. 18 апреля 1995 года основатель брокерского дома «Грант» Андрей Орехов с шестилетней дочкой Майей отъезжал от дома — вёз ребенка в школу, — и тут по его машине открыли огонь. Орехов и его водитель были тяжело ранены, девочка погибла... Незадолго до этого, в конце 1994 года, он провёл успешную защиту шоколадной фабрики «Красный Октябрь», у руководства которой пытались отнять власть посторонние инвесторы...

Этот список нетрудно продолжить...

Смолькин И. В.: *«Думаю, нет необходимости говорить о том, что приватизация была полубандитской. Мне кажется, каждый второй красный директор жизнь закончил досрочно. В ноябре 1992 года мы этого ещё не знали.*

Как люди неопытные, на первом этапе мы даже не знали, куда бежать, хотя понимали, что бежать надо».

Голубович А. Д.: *«От всех макроэкономических последствий реализации планов гайдаровского правительства у меня в 1992–1993 годах было растущее ощущение надвигающейся катастрофы. В начале 1993 года даже возникло настроение поискать работу за границей и только советы старших по возрасту иностранных коллег (американских, швейцарских убедили меня в том, что в России шансы для развития частного бизнеса в то время были лучше, чем в США или Западной Европе. Правда, в частных беседах с иностранными банкирами и экономистами ни от кого я никогда не слышал высоких оценок действий правительства Ельцина в области макроэкономического регулирования и организации работы финансовых рынков».*

А вот признание шоумена Сергея Светлакова, юность, которого пришлась на лихие 1990-е годы: *«У нас в институте в Екатеринбурге продавали героин на каждом этаже на переменах. Я приезжаю во двор сейчас, и из 30 ребят, с которыми мы проводили детство, в живых двое»*[1].

[1] https://www.kp.ru/daily/27239.5/4367163/

Уже цитируемый американский публицист отмечает, что, по данным «Российского статистического ежегодника» за 1997 год, с 1990 по 1994 год уровень мужской смертности увеличился на 53%, женская смертность выросла на 27% (и, скорее всего, эти цифры занижены). Средняя продолжительность жизни мужчин в 1990 году и так была невысока — 64 года, в 1994 году она опустилась до 58; по этому показателю россиян тогда обогнали египтяне, индонезийцы и парагвайцы. Павел Хлебников отмечал, что в мирное время такое снижение наблюдается лишь при голоде или катастрофических эпидемиях[1].

По оценкам американского демографа Николаса Эберстадта, «избыточная смертность» в России за период с 1992 по 1998 год составила 2 млн человек. По контрасту, замечал Эберстадт, в Первую мировую войну Россия потеряла 1,7 млн человек[2].

И это ещё не реализовались чаяния некоторых наиболее радикальных сторонников приватизации. Вот откровения известного биржевика, в будущем — депутата Госдумы Константина Борового, относящиеся к концу 1992 — началу 1993 года: *«Правительство должно действовать более энергично на поприще приватизации, вплоть до расстрела тех, кто мешает»*[3].

На это главный наш фондовик, президент Борис Ельцин, в книге «Президентский марафон» ответит: *«Говорят, что наша собственность была при продаже недооценена. Мол, продали её за бесценок. Да, абсолютно правильно. Продали за бесценок, относительный, конечно, — за сотни миллионов долларов. Но больше никто не давал. Именно столько, сколько смогли заплатить российские бизнесмены, столько и стоило на тот момент данное предприятие. Ни больше и ни меньше»*.

Но он-то знал, как и Анатолий Чубайс, главный результат того, что произошло в середине 1992 года. Неслучайно 15 июня 1992 года Борис Николаевич, приземлившись на авиабазе Эндрюс близ Вашингтона торжественно провозгласит: «Пропасть исчезла!» И расшифровал сказанное: *«70 лет продолжалось дежурство на бастионах коммунизма, ещё недавно они казались неприступными, теперь их нет — они рухнули без единого выстрела, без единой жертвы, оставив лишь чувства глубокого разочарования и горечи у миллионов людей. Сегодня мы видим свою задачу, чтобы возродить в России нормальную жизнь»*.

---

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 105.

[2] *Eberstadt N.* «Russia: Too Sick to Matter?» in «Policy Review». 1999. June & July. P. 6.

[3] Цит. по: *Зенькович Н.* Мальчики в розовых штанишках. Очень грустная книга. М.: Олма-Пресс, 1999.

В тот же день, выступая на совместном заседании палат Конгресса США, российский президент заявит: *«Мир может вздохнуть спокойно — коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул! Рухнул навсегда! Я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!»*

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНИЦИАТИВЫ — НАХОДКА

Как проходил процесс зарождения рынка ценных бумаг на самом раннем этапе, интересно посмотреть на примере «пионерского» города Находки.

Массовый исход предприятий города Находки, в частную собственность начался уже в сентябре 1992 года, через месяц после того, как была утверждена в окончательной редакции государственная программа приватизации.

Тогда здесь действовала свободная экономическая зона и ключевые объекты экономики СЭЗ, прежде всего морские порты и транспортные предприятия (пароходства), сменили форму собственности на основании президентского указа.

Чухина Л. Н.: *«Темпы приватизации в Находке были настолько стремительными, а процедура так юридически грамотно составлена, что московские ведомства просто не успевали держать её под контролем. Хотя такие попытки предпринимались. Во второй половине сентября в Москве были подписаны распоряжения о фактическом выводе портовых хозяйств из приватизации, однако к тому моменту в Находке всё уже было сделано, все необходимые документы по приватизации были оформлены и утверждены без нарушений в соответствии с действующим в то время законодательством. Здесь, на мой взгляд, безотказно сработала формула: кто владеет информацией, тот владеет миром. В Находке приватизацию предварила целая серия семинаров, на которых директора предприятий быстро поняли, каким образом наиболее оптимально, с соблюдением собственных интересов должны быть приватизированы их предприятия, как сохранить рычаги влияния, задействованные в акционировании».*

Следует отметить, 16 сентября 1992 года вышло Распоряжение Госкомимущества России от № 444-р «Об особенностях преобразования в акционерные общества и приватизации предприятий авиационного, морского, речного и автомобильного транспорта и дорожного хозяйства». В соответствии с ним приватизацию портов следовало осуществлять по представлению Минтранса России. Однако вскоре вышло новое Распоряжение (4 декабря 1992 года № 700-р), согласно которому отменялись прежние договорённости и опре-

делялся перечень крупнейших портов Российской Федерации, подлежащих приватизации. В соответствии с ним предписывалось дробление единого механизма морских портов на отдельные, конкурирующие между собой производственно-коммерческие структуры, создаваемые как ОАО.

Консалтинговое сопровождение так называемого «приватизационного конвейера — проекта массовой приватизации государственных предприятий с последующей постановкой их на комплексное обслуживание на финансовых рынках — осуществила компания РИНАКО под руководством Анатолия Левенчука.

В пакет услуг, предлагаемых ею приватизируемым предприятиям, входили микроаудит, регистрация акционерного общества, проведение закрытой подписки на акции и консультации по управлению. РИНАКО удалось заключить контракты на эту форму обслуживания с семью крупнейшими предприятиями Находки. Общая сумма заключённых контрактов составила 74 млн рублей[1]. Четыре объекта — Приморское морское пароходство, Находкинский морской торговый порт, Приморский судоремонтный завод, Находкинская база активного морского рыболовства — уже были сданы заказчикам под ключ в октябре 1992 года. В процессе завершения работ тогда были Восточный порт и Находкинский рыбный порт.

Левенчук А. И.: *«Начиналось дело так: мой одношкольник Олег Оксузьян жил тогда в Находке. Увидев в исторический момент начала приватизации меня, выступающего с очередным комментарием по телевидению, он порекомендовал своим друзьям со мной связаться. В Москву из Приморья поехал гонец, председатель местного фонда имущества Владимир Мусарский[2], большой любитель путешествий, спонсор и друг Фёдора Конюхова».*

Кстати, именно В. Мусарского многие считали главным действующим лицом в скандалах вокруг передела собственности в находкинских предприятиях[3].

Левенчук А. И.: *«Проект начинался весело. Я купил два ноутбука IBM (дорого — тогда они стоили по 7000 долларов!). Благодаря им мы стали вне-*

---

[1] *Иванова А., Хлебников П.* РИНАКО хочет участвовать в приватизации // Коммерсантъ-Daily. 23.10.1992.

[2] Владимир Моисеевич Мусарский, с начала 1990-х годов по 1998 год — председатель Фонда имущества города Находки. Позже доверенность РФФИ была у него отозвана за совмещение должностей в коммерческих структурах, после чего он стал контролировать наблюдательные советы в 16 акционерных обществах Находки. *Воронцова Н.* Сезон охоты за активами в разгаре // Золотой Рог (Владивосток). 20.04.1999.

[3] ФСБ заинтересовалось конфликтом вокруг акций портов // Золотой Рог (Владивосток). 14.03 2000.

дрять конвейерную безбумажную технологию приватизации: согласовывали документы, перенося ноутбуки из кабинета в кабинет, от главного инженера к главному бухгалтеру, генеральному директору, а затем в коридоры местной власти. Постепенно документ доводился до вида, согласованного со всеми. Распечатывали тексты в гостинице, только перед окончательным подписанием. Это была ещё доваучерная приватизация — и мы понимали, что нужно торопиться, наверняка выйдет новое регулирование и всё станет много сложней и запутанней.

Для выполнения заказа я собрал тогда две звёздные бригады консультантов, которые, как мне тогда казалось, разбирались в приватизации и имели соответствующий опыт (в частности, по работе с КамАЗом). Они полетели в Находку, провели здесь двухдневный установочный семинар и переговоры.

Со мной был Геннадий Лебедев, преподаватель мехмата МГУ, которого к тому моменту я знал уже несколько лет. Перед самым отлётом я пригласил его в эту разношёрстную "консалтерскую" команду. Он мне был чрезвычайно нужен, я знал, что Геннадий может разобраться в любом вопросе — от естественных и гуманитарных наук до технологии, от административного дела до практического менеджмента. У него на тот момент не было никакого опыта в консалтинге, и приглашён он был "на всякий случай", но интуитивно я понимал, что один реально умный человек может решить успех дела. Именно этот "всякий случай" тогда и произошёл».

Надо сказать, до приезда группы РИНАКО две бригады «опытных» консультантов при столкновении с суровыми жизненными реалиями успели сдаться. Это стало ясно в течение первых трёх дней.

Левенчук А. И.: *«И тогда поздно вечером ко мне в номер пришёл Гена Лебедев, изучивший за эти три дня все имеющиеся приватизационные нормативные акты прямо по распечаткам из газет. В те времена буквально всё делалось "с газетного листа" — никаких баз "гарантов" и "консультантов" ещё не было. Он сказал: "Не понимаю, что тут делать больше трёх месяцев" — и убедительно показал мне алгоритм, по которому все работы вполне могли быть окончены в эти сроки.*

Утром две бригады консультантов (практически в полном составе) улетели назад в Москву, а Гена возглавил процесс подготовки и согласования основных приватизационных документов, проделав за ночь "карьеру" со "скамейки запасных" в фактически главные консультанты проекта. Принтер в гостиничном номере печатал и печатал "вольные" для находкинских предприятий, и Гена шутил, что этому принтеру когда-нибудь поставят в прибрежных сопках бетонный памятник в ознаменование начала частной жизни».

Так впервые РИНАКО предоставил городским предприятиям свою технологию безбумажного выпуска акций в процессе приватизации. Фонд иму-

щества и Комитет по управлению имуществом СЭЗ одобрили использование этих технологий. В итоге в Находке был создан прецедент «конвейерной приватизации», по которому в частную жизнь прошло семь находкинских предприятий, включая три порта.

Понимая, что после приватизации появятся семь эмиссий акций, и их надо будет где-то хранить, команда москвичей помогла создать и специализированного независимого регистратора — Находкинское финансовое акционерное общество (НФАО), впервые организовавшее ведение реестров акционеров приватизируемых предприятий не у самого эмитента. Возглавила его Лариса Чухина. Для НФАО был подготовлен пакет учредительных документов: договора, внутренние положения. Было проведено обучение персонала. Этот регистратор-депозитарий, созданный по технологиям РИНАКО, дожил до 1997 года. За следующие несколько лет Находку посетили около 25 различных проверочных комиссий, которые проверяли итоги приватизации, но все эти комиссии признали, что ошибок сделано не было.

Левенчук А. И.: *«Это был не просто успех Гены как консультанта, это был его ошеломительный успех. Невозможно было поверить, что он занимается консалтингом впервые в жизни. С тех пор это дело стало для Гены профессией. Мы ещё несколько раз после этого пересекались в различных проектах, и я каждый раз удивлялся, как профессионально он подходит к делу. Его фирменный подход — это применение своеобразной "консалтинговой бритвы Оккамы": Он безошибочно определял минимальный набор действий, которые нужно совершить менеджменту, чтобы достичь желаемых результатов. И этот минимальный (поразительно, восхитительно, невероятно минимальный — поэтому быстрый в воплощении, но не менее от этого эффективный) набор действий Гена воплощал в жизнь с такой энергией, что его проектам неизменно сопутствовал успех. Он был примером того, как должны работать Консультанты с большой буквы. К великому сожалению — был, он утонул в начале 2000-х годов, занимаясь своим любимым спортом, виндсёрфингом».*

Войдя во вкус, команда помогла позже создать ещё два независимых регистратора по технологиям РИНАКО: ДонФАО (в Ростове-на-Дону) и НижневартовскАСУнефть (в Нижневартовске).

К ноябрю 1992 года было приватизировано уже около 70 % от общего числа назначенных к приватизации предприятий Находки. А зимой 1993 года в Находке и Владивостоке стал стремительно формироваться вторичный рынок акций приватизированных предприятий.

С применением системы корреспондентских отношений между региональными депозитариями по технологии депозитарного комплекса РИНАКО в Находке появилась возможность оформления и межрегиональных сделок с ценными бумагами.

Курчанов П. Ф.: *«По этой технологии мы запускали первый депозитарий в Находке. Я тоже летал туда пару раз, консультировал по технологии депозитарного учёта. В результате осенью 1992 года в Находке заработал депозитарий, учитывающий по "технологии РИНАКО" акции всех основных предприятий города».*

После создания в Находке депозитарного центра и приватизации семи местных предприятий появился реальный вторичный рынок ценных бумаг ряда местных эмитентов, прежде всего — Восточного порта и Приморского морского пароходства. Важно отметить, что до появления этого рынка акций дальневосточных эмитентов в России не существовало сколько-нибудь ликвидных вторичных рынков акций приватизированных предприятий (исключение могут составить, пожалуй, лишь акции АО «Торговый дом ГУМ».

«Технически переброска акций дальневосточных эмитентов на московский рынок стала возможной благодаря установлению корреспондентских отношений между Находкинским депозитарием и регистрационным отделом РИНАКО. Эти отношения позволяют в режиме электронной почты перебрасывать пакеты акций из Находки в Москву и обратно. Как сообщил эксперт компании РИНАКО Виктор Агроскин, в настоящее время службой финансовой сети РИНАКО осуществлено 40 продаж полных программно-технологических комплексов электронных депозитариев, поставленных в различные точки страны. Таким образом, РИНАКО практически создала децентрализованную систему электронных депозитариев, позволяющую за счёт корреспондентских отношений с Москвой вести любые по масштабу межрегиональные операции с акциями"[1].

Операции с акциями дальневосточных приватизируемых предприятий достигли рекордных объёмов на Владивостокской фондовой бирже и скоро появятся на московском рынке...»

В январе 1993 года фондовый отдел Владивостокской фондовой биржи подвёл итоги первого месяца торгов.

«Биржа оказалась единственной в стране, на которой первое место в структуре оборота занимает торговля акциями приватизируемых предприятий. На прошедшей неделе торговля акциями местных предприятий — Приморского морского пароходства, Восточного порта и Находкинского торгового порта — велась наиболее оживлённо, при этом курс ценных бумаг достигал 50 номиналов»[2].

---

[1] *Хлебников П.* Акции дальневосточных портов в Москве // Коммерсантъ-Daily. 26.01.1993.

[2] *Лоснов Н.* Бум на рынке акций фирм Дальнего Востока // Коммерсантъ-Daily. 23.01.1993.

Сахаров В. Б.: *«Я практически сразу договорился с краевым фондом имущества, и тот передал нам на Владивостокскую биржу для реализации остатки из приватизационного фонда предприятий. КФИ стал торговать ими через нашу биржу явочным порядком. Эффект оказался оглушительным — цены на них установились весьма высокие. Причём, продажу я начал явочным характером.*

Следует отметить, что в то время, когда остальные биржи торговали в основном ваучерами, то можно сказать, что я занимался полулегальной деятельностью.

Через некоторое время председатель фонда Валерий Фёдорович Луценко обратился ко мне с просьбой добыть какую-нибудь бумагу, разрешающую проводимые нами операции, т. к. порядок этот нигде не был прописан. И я поехал за ней в Москву, где впервые встретился с Дмитрием Валерьевичем Васильевым, в кабинете которого познакомился и с Альбертом Владимировичем Сокиным. Не откладывая дел, я стал им путать мозги, как я умею.

На это Сокин сказал, что делать исключение они не будут никому и надо готовить документ, разрешающий эти операции всем биржам. И, поняв, что от меня просто так не отвязаться, подготовил проект необходимого мне постановления. При этом он был уверен, что бумага не пройдёт всех необходимых согласований в ГКИ, Минфине и Минюсте.

Начать с того, что Васильева терпеть не могла управделами ГКИ. Однако это мне и помогло. Эта дама, поняв замысел Дмитрия Валерьевича, выругалась и дала задание своим сотрудницам оперативно организовать сбор виз. Только попросила легализовать регистрацию документа и поставить на него входящий номер, сделав в поручении приписку: "По личной просьбе губернатора Приморского края". Получить соответствующий запрос задним числом у меня проблем не было.

На следующий день я получил подписанное постановление со всеми визами и отнёс его Бажану и Сокину. Альберт обалдел от неожиданности!

Документ был принят, и в 1993 году постановление ГКИ, подписанное Васильевым, о том, что все биржи могут торговать акциями приватизированных предприятий, вышло».

Быстрая приватизация предприятий Находки была обусловлена стремительным развитием фондового рынка в Приморском крае, и значительная часть ценных бумаг, обращающихся в 1993 году на владивостокском рынке, была акциями именно находкинских эмитентов.

Эту совместную работу вспоминает и директор Приморского центрального депозитария (ПЦД).

Юдин Ю. К.: *«Мы в то время исповедовали другую концепцию. В РИНАКО всё строилось на объединении кусков реестра, которые вели счета владельцев.*

Общего же реестра не подразумевалось. Мы же вначале тоже сделали похожую программу и даже начали осваивать, но нам не удалось её приспособить к работе Владивостокской фондовой биржи. Пришлось менять принципы. Так мы стали уже тогда использовать принцип "номинального держателя", хотя формально, юридически этот термин появился в России значительно позже. Здравый смысл подсказывал нам, что если на бирже происходят торги, есть реестр и расчётный депозитарий, то должен быть централизованный учёт акций брокеров и их клиентов, т.е. номинальный держатель. Альтернативой могла стать только очень хорошая, онлайновая связь с регистраторами, что при той технической базе была невозможна. Эмитентов были тысячи, каждый из них в своей амбарной книге что-то записывал. Специализированные регистраторы, использующие современные компьютерные технологии, только набирали силы. Так что ближе к концу 1993 года был написан документооборот и программно реализована концепция расчётов по результатам сделок на бирже и внебиржевым сделкам, основанная на централизованном хранении / учёте ценных бумаг в депозитарии. Более того, было разработано программное обеспечение и документооборот для брокеров (предполагалось, что они являются депозитариями для своих клиентов) и для регистраторов. И весь этот комплекс взаимодействовал на базе электронных документов и принципе прямой обработки встречных поручений».

Благодаря благоприятному политическому климату в регионе местные финансовые брокеры получали тогда сверхприбыли за счёт стремительного улучшения конъюнктуры на вторичном рынке. Рыночная стоимость 20 крупнейших акционированных предприятий Дальнего Востока быстро выросла более чем в 50 раз.

Чухина Л. Н.: *«Сыграло роль и наше геополитическое положение — российский Дальний Восток тесно связан с динамично развивающимся Тихоокеанским регионом. Вместе с полученными из Москвы налоговыми льготами удалось создать в городе благоприятный инвестиционный климат, позволивший привлечь инвестиции из 29 стран Тихоокеанского бассейна. Итогом стало то, что на один рубль, вложенный Россией в развитие зоны, административный комитет свободной экономический зоны (СЭЗ) "Находка" привлёк 76 рублей прямых или связанных иностранных инвестиций».*

Однако вскоре разразился постприватизационный скандал. Вице-президент России А. В. Руцкой на заседании Верховного Совета РФ 16 апреля 1993 года обвинил администрацию СЭЗ «Находка» в нарушении порядка приватизации государственных предприятий. Ещё 5 апреля 1993 года он подписал распоряжение о направлении в Находку рабочей группы Межведомственной комиссии Совета безопасности России по борьбе с преступностью и коррупцией. А уже через 11 дней, ссылаясь на выводы комиссии, Руцкой

делает своё громкое заявление о собранных «12 чемоданах компромата». Курсы акций местных приватизированных предприятий по итогам торгов Владивостокской международной фондовой биржи тогда снизились в несколько раз. Пресса подробно писала о проведённых в регионе чековых аукционах.

Говорилось, в частности, о том, что Находкинский торговый порт был приватизирован всего лишь за 18 млн рублей, хотя реальная стоимость его, даже по оценкам Госкомимущества, составляла 70 млн. Такие же «ну очень смешные цены» были установлены на пароходство и ремонтно-судостроительные заводы — всего каких-то 10–15 млн рублей. Говорилось, что в итоге порт, купленный за бесценок, полностью отошёл в распоряжение коммерческих структур[1].

Левенчук А. И.: *«Знаменитые "чемоданы Руцкого" вкупе с рассказом о продаже в Находке порта за цену двух "Мерседесов" были пропагандистским блефом. Поскольку приватизация тогда проводилась по остаточной стоимости активов, то пару "Мерседесов" стоило в основном небольшое облезлое здание администрации порта. Ничего необычного в этом не было — такое здание в те доваучерные времена могло стоить даже дешевле. А вот береговые сооружения — 10 метров от причальной кромки — приватизации тогда не подлежали. Их стоимость не вошла в стоимость приватизированного порта, что замалчивалось всеми критиками».*

С Анатолием не согласна его приморская коллега.

Чухина Л. Н.: *«Не берусь судить, насколько объективно была оценена стоимость портов и некоторых других наиболее важных объектов города и насколько правильно проводились эти аукционы. Но то, что они были недооценены во много раз, совершенно понятно. Поскольку в приватизации были заинтересованы сами руководители предприятий, им было выгоднее выкупать акции дешевле. Все действовали на основании указа президента Ельцина, а этот документ давал всем участникам этого рынка очень широкие возможности для творчества. Оказалось, что работать на рынке можно и без всяких законов и правил».*

ВАУЧЕРНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ

Приватизационный чек (ваучер) стал фактически первой полноценной ценной бумагой новой России. Более того, можно сказать, что он лёг в основу российского рынка ценных бумаг. В 1992 году в нашей стране возникла первая массовая ликвидная ценная бумага со сроком обращения в два года.

---

[1] *Аслаханов А.* О мафии в России без сенсаций (размышления генерал-майора милиции). М.: Институт массовых коммуникаций, 1996. С. 161.

Ежедневные объёмы операций с ваучерами измерялись только в Москве на начало ноября 1993 года десятками миллиардов рублей, что сделало этот рынок сопоставимым по объёмам с валютным рынком и рынком межбанковских кредитов.

Плескачевский В. С.: *Честно говоря, основной рывок для развития ценных бумаг у нас дали ваучеры. Если бы не они, неизвестно, чего бы мы сейчас достигли. Ваучеры выпустили с целью минимального обращения, хотя и объявлялось, что цель — вложение. Но на рынке он стал первым после денег предъявительским инструментом. Вначале ваучер задумывался как именная бумага.*

Но это было бы большой ошибкой. Именные ценные бумаги сразу бы потребовали решения большого ряда вопросов — например, регистрации и перерегистрации права собственности на них для населения. При недоразвитости технической системы учёта потребительская бумага гораздо удобней. Её можно покупать, продавать без чрезмерно высоких транзакционных издержек».

Благодаря чековым аукционам и ЧИФам был создан законный способ допуска на рынок частного капитала.

Ваучер стал первым после денег предъявительским инструментом. Задуманные ранее именные ценные бумаги сразу бы потребовали решения большого ряда вопросов, например регистрации и перерегистрации права собственности на них для населения, к этому новые экономические власти не были готовы. Поэтому ваучеры на предъявителя выпустили с целью минимизации затрат на организацию обращения, хотя и объявлялось, что единственная цель ваучеров — вложение.

Но прежде, для того чтобы реализовать задуманную программу, команде реформаторов необходимо было не только издать некие указы и постановления, но и выстроить требуемую для этого инфраструктуру.

Чубайс А. Б.: *«Следовало ответить на два фундаментальных вопроса: кто будет собственником выпускаемых нами акций и что они за них смогут получить. Это были два столпа сооружаемой нами конструкции. Сооружать их следовало одновременно.*

Но прежде предстояло решить ещё одну дилемму: выпускать наличные приватизационные чеки (ваучеры) или безналичные именные приватизационные счета (вклады). Первоначально разговор шёл об именных чеках, тем более что существовал в общем-то успешный опыт Чехословакии».

Бажан И. И.: *«Рассчитывать, что неподготовленные люди, те же бабушки, придут на почту заполнять многочисленные и длинные бланки договоров, необходимые для ведения реестров именных ценных бумаг, было нереально! Тогда мы предложили внедрить положение о приватизационном чеке на предъявителя».*

Кстати, Анатолий Чубайс признаётся, что термин «ваучер» им в Госкомимуществе был категорически запрещён из-за его крайней неблагозвучности — *«он отвратительно воспринимался русским ухом»*.

Запрещал употреблять слово «ваучер» на заседаниях правительства и Ельцин.

Чубайс А. Б.: *«Во все документы было помещено понятие "приватизационный чек". Но приходится признать, что эту битву мы безоговорочно проиграли, т. к. не учли, что нашем языке не приживаются длинные названия, а тем более из двух слов. В результате неблагозвучность термина вызывала негативизм и к самой нашей бумаге. Кстати, следует признать, что и использование слова "приватизация" тоже было грубейшей ошибкой»*.

В любой стране приватизация — процесс сложный технически, требующий создания законодательной базы и последующей проработки множества деталей, касающихся конкретных предприятий и организаций.

Первым о ваучерной приватизации заговорил научный сотрудник ЦЭМИ АН СССР Виталий Найшуль. В 1985 году он пустил по рукам самиздатовскую рукопись книги «Другая жизнь», в которой говорилось об этом. Затем активно участвовал во всех мероприятиях команды Гайдара — Чубайса, включая стажировки в Австрии! Что интересно, Найшуль позже активно критиковал приватизацию, проведённую по планам Анатолия Чубайса. Он заявлял, что был за приватизацию, так как в середине 1980-х годов государство ещё было сильным и могло присмотреть за порядком при дележе государственной собственности. В 1991 году ситуация изменилась и государство развалилось, в результате ваучерная приватизация могла уже привести только к расхищению госимущества немногими лицами. Поэтому Найшуль стал уже противником использования для приватизации ваучерной схемы. Он рассказывал: *«Допустим, вы предлагаете какую-то схему дележа собственности. Но эта собственность кем-то используется, кто-то имеет те или иные виды на неё. Государство говорит так: этот кусок находился в ведении субъекта А, но теперь он будет находиться в ведении субъекта Б. И субъект А должен с этим соглашаться, потому что власть так решила. Эта деятельность требует довольно большого принуждения и, соответственно, государственной мощи. В начале 1990-х годов было совершенно ясно, что у государства такой силы нет и обеспечить прохождение процесса ваучерной приватизации некому.*

Для иллюстрации — смешной случай. Осенью 1992 года всё та же компания, в том числе и Чубайс, проводила очередной экономический семинар под Санкт-Петербургом. Экономист Симон Кордонский и я говорили, что имеющихся у правительства властных полномочий недостаточно, чтобы осуществить ваучерную приватизацию. В ответ Анатолий Чубайс, бывший тогда главой Госкомимущества, сказал: "Я номинально имею право распоряжаться всей

собственностью и проводить все необходимые преобразования, и я их проведу". А после этого выступления Чубайс должен был сразу возвратиться в Москву. Он обратился к своему помощнику с вопросом, готова ли машина и билет. Тот отвечает: "Билета нет". — "А ты сказал, кто я?" — говорит Чубайс. Помощник: "Я сказал, но билета всё равно не дают". И это после слов о том, что он является распорядителем всей собственности в России! И сразу стали видны властные полномочия государства в процессе дележа собственности»[1].

Позже, отвечая на вопрос корреспондента о том, что он сделал со своим личным ваучером, Виталий Найшуль ответил, что *«ничего с ним не сделал — я его не получил. А вот, когда ваучерная приватизация закончилась, ваучеры порезали, у меня долго лежал в бумажнике маленький обрезок ваучера. Времени не было... Ваучер стоил, как мы знаем, очень мало, и вот почему. На ваучеры раздавалась не вся собственность, а лишь дополнительная часть прав, которой не хватает, чтобы стать полноценным собственником. Собственность была уже де-факто расхватана, поэтому ваучеры и оказались в итоге столь дёшевы. Добавлю, что не только ваучеры, но и все государственные усилия по приватизации. Например, когда началась приватизация жилья, хотели заставить граждан платить за занимаемые ими государственные квартиры. Не получилось: дураков было мало; люди знали, что они и без приватизации этими квартирами владеют, да ещё их эксплуатационные расходы кто-то оплачивает. Вот какие бывают парадоксы приватизации...»*[2].

Как уже говорилось в этой книге, ещё 25 апреля 1991 года вышло Постановление Верховного Совета РСФСР № 1104-1 «О мерах по подготовке процессов приватизации государственного и муниципального имущества на территории РСФСР».

Наконец 3 июля Верховный Совет РСФСР принял сразу два Закона № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах (вкладах)» и № 1531–1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР».

Чубайс А. Б.: *«Конечно, я бы предпочёл на ваучеры раздавать основные фонды предприятий США, Швеции или, на худой конец, Сан-Томе и Принсипи. Но приходится раздавать то, что есть. Вы верно заметили: наши фонды не очень эффективны. Но ведь никто и не говорил, что ваучеризация автоматически должна всем дать стабильный высокий доход. Наличие ваучеров ещё не сделает человека собственником, как наличие диплома — интеллигентом. Их назначение — дать людям в преддверии рынка равные возможности.*

[1] *Башкирова В. Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: Новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 109.

[2] Там же. С. 111.

Ну, а кто и как ими распорядится, будет зависеть и от склонности к бизнесу, и от удачи»[1].

В интервью Борис Йордан рассказывает, что план ускоренной ваучерной приватизации был подготовлен его командой в CSFB (We at CSFB wrote the voucher plan). Анатолий Чубайс очень опасался Съезда народных депутатов, который должен был собраться 9 декабря 1992 года. На нём доминировали коммунисты, склонные наложить вето на любую приватизацию. *«Поэтому в конце сентября Чубайс обратился ко мне с предложением за три месяца до начала съезда обойти противников с помощью ускоренной программы приватизации»*[2].

Йордан Б.: *«Я и мой партнёр Стивен Дженнингс приступили к разработке плана. Мы наняли бухгалтеров и юристов. Работали для правительства бесплатно. Пообещав подготовить программу за три месяца, мы работали день и ночь, буквально день и ночь, спали в наших офисах по несколько часов в сутки и работали неистово. <...> Возможно, в будущем мы даже опубликуем книгу и расскажем о том, что произошло. <...> Того, чего мой дед не смог достичь в ходе Гражданской войны между Белой армией и коммунистами, нам удалось добиться, исключив государство из владельцев собственности (“What my grandfather could not achieve during the civil war between the White Army and the Communists, we were able to manage by getting the state out of property ownership”)»*[3].

Здесь, видимо, всё правда, кроме того, что работал он бесплатно.

Мелкумов Я. Я.: *«Йордан был человеком страшно честолюбивым, утверждавшим, что именно он создал российский фондовый рынок. В чём, впрочем, была доля правды. В 1993 году в статье в The Wall Street Journal говорилось, что год для Credit Suisse First Boston был плохим, его прибыль упала во много раз, но три четверти её обеспечило московское отделение. Йордан тогда был страшно возмущён, что при этом получил бонус всего в 8 млн долларов. Помню, нам были непонятны такие его амбиции. Особенно, когда он заявил, что с этими скупердяями дальше не желает иметь дело».*

Борис Алексеевич только выжидал добычу, и понимал, ка Остап Бендер, что ему нужно всё сразу, а не по частям. Он прибыл в Москву в 1992 году практически голым, став менеджером отдела инвестиций CSFB, а в 1994 году случилось чудо — у него неожиданно нашлись гигантские средства создания

---

[1] Интервью Андрея Бороденкова с Анатолием Чубайсом. Ваше слово, товарищ ваучер // Московские новости. 26.06.1992. № 30.

[2] *Harmless William and Padma Desai.* Conversations on Russia: Reform from Yeltsin to Putin. Oxford University Press, Incorporated, 2006. С. 291.

[3] Там же. С. 292.

собственного Инвестиционного банка «Ренессанс-Капитал». За несколько лет стал миллиардером. Вот такое бескорыстие на родине предков...

Хилл Т.: *«В России то время ещё не было фондового рынка. И для его появления вначале действительно необходимо было провести чековую приватизацию, после чего выводить акционированные компании на фондовый рынок. Но на это требовалось много времени, с этим нельзя было торопиться. На мой взгляд, тогда этим занялись не те люди, что требовалось. Я утверждал это с первого дня. Для выполнения столь ответственной задачи нужны были люди с опытом торговли, которые могли бы передать свой практический опыт, знание о том, как работают рынки.*

В России я встретил очень много молодых умных людей, в вашей стране была хорошая система образования, люди хотели учиться. Особенно трудно было первые три года. В то же время американские консультанты скорее занимались продажей техники, чем передачей знаний о функционировании торговых систем. Необходимо признать, что русские в начале 1990-х годов упустили важную возможность».

Первый закон предусматривал открытие для каждого гражданина Российской Федерации именных приватизационных счетов, зачисления на них средств, поступающих от государства для их дальнейшего использования исключительно для оплаты выкупаемого у государства приватизируемого имущества. Второй предусматривал пять способов приватизации государственной собственности: продажа предприятия по конкурсу, на аукционе, продажа долей (акций) в капитале предприятия, выкуп арендованного имущества, преобразование предприятия в акционерное общество.

Кох А. Р.: *«Верховным Советом был принят закон "Об именных приватизационных счетах" (вопреки мнению правительства). Схема, заложенная в закон, была настолько нетехнологичной и труднореализуемой (деталь: каждый гражданин должен был открыть в Сбербанке именной приватизационный счёт, и это не единственный перл), что была использована опробованная уже в Чехии ваучерная схема, которая при тех же результатах была проще и эффективнее. Страсти сразу улеглись. Так вот, если бы не Верховный Совет, то ваучеров, может быть, и вообще не было»*[1].

Как уже отмечалось, первоначально разговор шёл об именных чеках, тем более что существовал в общем-то успешный опыт Чехословакии.

Чубайс А. Б.: *«Мы, придя в ноябре 1991 года во власть, начали ими заниматься, но быстро поняли, что в наших условиях не было структуры, которая могла бы взять на себя чрезвычайно сложную технологическую и организационную задачу учёта и движения именных приватизационных счетов. Даже*

[1] Коммерсант-Daily. 11.11.1998.

Сбербанк был к этому не готов и его руководство не хотело даже обсуждать перспективу получить для реализации этот проект. И более важная причина — такие бумаги неликвидны, так как их нельзя было свободно продавать и покупать.

Но был и самый важный недостаток именных приватизационных счетов — он не способствовал продвижению в стране частной собственности, созданию когорты стратегических частных собственников, настоящих хозяев».

Момент получения командой реформаторов нужного результата, по словам Анатолия Борисовича, откладывался на неопределённый срок.

Абрамов А. Е.: *«В первый раз с проблемой удостоверения прав на ценные бумаги мне довелось столкнуться в конце 1991 года, сразу по приходе на работу в Госкомимущество России. Тогдашний заместитель руководителя ведомства Дмитрий Валерьевич Васильев попросил разных специалистов проанализировать проблему именных приватизационных счетов с точки зрения её применимости для реализации программы массовой приватизации. Проведя переговоры с представителями одного из крупнейших российских банков, мы услышали цену вопроса — около 5 млрд рублей и дополнительные офисы по всей стране. Тогда стало ясно, что обращение первой массовой ценной бумаги в России должно не зависеть от готовности банков к её обслуживанию. Это укрепило уверенность экспертов в том, что для реализации массовой приватизации нужен инструмент в виде ценной бумаги на предъявителя, которая, подобно наличным деньгам, не будет привязана к ограниченной группе участников рынка. На рынке появился ваучер (приватизационный чек), который сыграл важную роль в процессе приватизации».*

И вот 14 августа 1992 года Указом Президента РФ «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» были подготовлены новые ценные бумаги в документарной форме, предназначенные для выдачи каждому гражданину страны.

Чубайс А. Б.: *«Было ясно, что "большую приватизацию" можно было разворачивать тогда только как бесплатную, ваучерную. У граждан просто не было денег в объёмах, сопоставимых с совокупной стоимостью всей государственной собственности. Нельзя было не учитывать и политические ограничения: Верховный Совет РСФСР все более смещался на коммунистические позиции и депутаты поддерживали идею бесплатной приватизации, которая пользовалась популярностью среди населения. Следовало выбирать: или проводить законодательно упорядоченную бесплатную приватизацию, или государство откажется от контроля за разворачивающейся "номенклатурной" приватизацией. Мы выбрали первый вариант.*

Время принятия указа не случайно — Верховный Совет в это время был на каникулах, у депутатов были только две недели для отмены принятого пре-

зидентом решения. После этого он вступал в силу. Отпуск народные избранники прерывать не стали, вот сами и виноваты!»

Дело в том, что в соответствии с решением V Съезда народных депутатов, президент получил чрезвычайные полномочия в области формирования экономической политики, в частности, право издавать указы, которые были приравнены по силе к законам. Однако президент обязан был сразу внести их на рассмотрение Верховного Совета, и если он их не отклонял, то указы вступали в силу. На рассмотрение давалось две недели.

Нечаев А. А.: *«Обычно, когда мы готовили наиболее сложные для прохождения, потенциально конфликтные указы, мы старались подгадать их передачу в Верховный Совет к каким-нибудь каникулам либо к моментам, когда парламент был активно занят обустройством своей собственной жизни или организацией каких-нибудь новых комитетов и т. д.»*[1].

Чубайс А. Б.: *«У нас стала стихийным образом формироваться тактика, которую мы потом много раз применяли. Она состоит в том, что на согласование выносится документ радикальный, со специально вставленными в него акцентами, рассчитанными на заведомо отрицательную реакцию оппонентов. Сосредоточиваясь на этих частях документа, они забывают об остальных разделах, после чего ты вырезаешь самые радикальные места и получаешь работоспособный документ. Так мы поступали десятки раз, а тогда это случилось впервые»*[2].

Осенью 1992 года депутаты, почувствовавшие, что их обошли с приватизационными чеками, создали специальную комиссию, которая должна была подготовить своё заключение по поводу президентского указа о ваучерах.

Чубайс А. Б.: *«Где-то к февралю такое заключение появилось: комиссия внесла на рассмотрение Верховного Совета проект постановления, которое практически приостанавливало массовую приватизацию. А ситуация тогда была настолько горячая, что мне даже было неудобно обращаться по этому поводу к Ельцину. Над ним висела угроза импичмента, приближался референдум.*

Я готовился к аресту всерьёз и основательно, с уничтожением документов. Что произойдёт в случае отрицательного результата референдума, было ясно. Хасбулатов к тому времени уже отказался встречаться со мной. Контактов никаких не было. Война шла на уничтожение. В кулуарах Думы, не скрываясь, толковали о том, что камеры для нас уже готовятся. Более радикальные товарищи шли дальше: “Всех в Кремле за ноги развесим на деревьях!” Одним словом, весело было.

---

[1] *Нечаев А. А.* Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Русь-Олимп, Астрель, 2010. С. 423.

[2] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 83.

И вот в такой ситуации постановление о приостановке приватизации и моей отставке раза три ставилось в повестку дня, но до него руки никак не доходили. И не потому, что раздумывали. Желающих уничтожить меня в Думе хватало. Но тогда стояла задача более важная — Ельцин. Не до Чубайса было. Постановление по приватизации просто не успевали принять, и назавтра его опять ставили в повестку дня».

Для борьбы с противником был использован метод дзюдо. Было решено отвечать на атаки, *«используя инерцию наступающего противника, двигаться вместе с ним в ту же самую сторону, ускорить его движение и в итоге уронить его на ковёр».*

Чубайс А. Б.: *«Они принимают постановление, сильно бьющее по приватизации, но не уничтожающее её. Давайте во исполнение этого постановления Госдумы сделаем мой приказ, как министра, председателя Госкомимущества, об окончательном уничтожении приватизации в России. Причём, сделаем его в наиболее болезненных и одиозных формах. В тех коллективах, которые уже проголосовали за приватизацию и ведут закрытую подписку, — подписку запретить. Или ещё похлеще: тем, кто успел на акции подписаться, выдать их. А остальным не выдавать до отмены решения Госдумы. То есть остановить в злостной и извращённой форме. Задушить собственного ребёнка своими руками.*

Идея понравилась и была принята. Действовали абсолютно секретно. Потому что любая утечка могла привести к тому, что депутаты изменят своё постановление, сделают его более хитрым: более внятно запишут, где можно продолжать приватизацию, а где нельзя — и уже не будет необходимого политического эффекта. А именно на такой эффект мы рассчитывали. Ведь в приватизацию уже были включены миллионы и миллионы людей, и откровенное ограничение их прав в процессе разгосударствления неминуемо вызвало бы политическую волну против Верховного Совета, что кончилось бы либо отменой постановления, либо поражением Хасбулатова на референдуме.

И вот мы с Петей Мостовым и Димой Васильевым написали такое постановление. При этом с Ельциным даже не смогли переговорить, потому что не успевали, ему тоже горячо было. А с Черномырдиным тогда такие темы я обсуждать не мог. В том же составе расписали весь сценарий действий: моё выступление в Верховном Совете, возвращение в Госкомимущество, подписание документа, заявление для прессы. Короче, были готовы во всеоружии закрыть приватизацию. Не меньше четырёх раз приезжал я на заседания Верховного Совета, высиживал целый день, дожидаясь, пока очередь дойдёт до нас. И каждый день одно и то же: вопрос рассмотреть не успели, обсуждение переносится на завтра. Назавтра опять терпеливо сижу, жду, с решением об отмене прива-

тизации в кармане. И это всё в промежутках между напряжённой подготовкой к референдуму»[1].

Как понимает читатель, принимать постановление реформаторам не пришлось.

Правительство, по словам Анатолия Борисовича, не рассчитывало на то, что в ходе бесплатной приватизации предприятия сразу перейдут в руки эффективных собственников, однако законодательно создавали «такие условия, что это рано или поздно должно было произойти».

Правительство РФ оценило национальное достояние страны — активы всех госпредприятий — в 4 трлн рублей. Из них 1,5 трлн руб. (35% от названной суммы) было решено бесплатно раздать населению страны, на тот момент 147 млн человек, т. е. на каждого жителя пришлось примерно по 10 тыс. рублей.

Левенчук А. И.: *«Первый проект нормативного акта о ваучерах тоже был курьёзен и давал такое определение ваучера: "Ваучер — это ценная бумага размером 10 × 15 сантиметров". Мы долго хохотали над этим определением. А потом в "Ринако Плюс" прямо на лестнице выстраивалась огромная очередь с огромными сумками этих "почти денег": "Ринако Плюс" скупала и скупала ваучеры для иностранных инвесторов...»*

Свой ваучер, дизайн которого по причине юности Артёма Лебедева, выполняющего теперь все ответственные и денежноёмкие прокты, был заказан компании Deloitte Touche Tohmatsu, входящей тогда в «большую шестёрку» мировых аудиторских компаний (ныне «четвёрку») и, естественно, одной из самых дорогих.

20 августа 1992 года вышло Распоряжение Госкомимущества России № 369-р, согласно которому выдача чеков должна была проходить с 1 октября по 31 декабря 1992 года. Забегая вперёд, скажем, что на заседании Верховного Совета РФ 17 декабря 1992 года было принято новое Распоряжение № 1193-р (от 22 декабря 1992 года) и этот срок был продлён до 31 января 1993 года.

Летом 1992 года произошло первое столкновение Дмитрия Васильева и Андрея Козлова, оно в дальнейшем будет неким камертоном всех событий, происходящих на фондовом рынке.

Васильев Д. В.: *«Андрей Андреевич предложил все (!) ваучеры "обездвижить" (депонировать) и тем самым де-факто вернуться к безналичным приватизационным счетам. От этих счетов, упоминаемых в старом законе о приватизации, нам пришлось отказаться, потому что наш анализ показал, что в этом случае мы попадаем в полную зависимость от бюрократической неповоротливой советской системы тогдашнего Сбербанка. Никто, кроме него, даже теоретически не мог этим заниматься, именно он должен был от-*

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 160.

крыть специальные счета и обеспечить проведение трансакционных переводов средств с этих счетов для 147 миллионов россиян! Эксперты (в том числе и из самого Сбербанка) считали, что обеспечить это на практике Сбербанк не в состоянии. А ждать мы не могли: "временное окно" для проведения приватизации у нас было явно ограниченным.

Кроме того, ещё более важным доводом в пользу наличного бумажного ваучера была политика: розданные на руки людям ваучеры сделали их не пассивными, а активными сторонниками приватизации. Мы считали, и это подтвердила практика, что когда люди получат приватизационные чеки в руки, то остановить процесс приватизации будет уже невозможно по политическим соображениям. Даже коммунисты боялись выступать против чековой приватизации. Рабочие и красные директора требовали и добивались, несмотря на сопротивление чиновников всех уровней, приватизации своих предприиятий. Добивалась проведения приватизациии остальная публика, чтобы "отоварить" свои чеки.

Также важным было свойство свободного оборота чеков: у граждан появилась свобода выбора. Каждый человек мог реализовать свой ваучер, хоть за бутылку водки, хоть за другие акции. Человек сам решал: быть ему собственником или не быть».

В связи с отсутствием массовой квалифицированной, доходчивой для населения информации огромные массы людей просто не понимали ни ценности этих ваучеров, ни их перспективы.

Кроме того, народ не желал ждать, пока, согласно обещанию Чубайса, приватизационный чек достигнет стоимости «Волги», и спешил избавиться от этих непонятных «бумажек», доставшихся им «на халяву», как можно скорее.

Бочин Л. А.: *«Довольно много людей отдавали эти ваучеры за пару бутылок водки, обменивали на продукты питания и не "парились", как сейчас говорят, об их реальных сегодняшних или будущих ценностях. Конечно, и финансовая, и правовая безграмотность подавляющей части населения в процессе массовой ваучеризации являлась существенной помощью в скупке ваучеров за копейки и обмене их на акции предприятий, чьи активы были достаточно привлекательны».*

Неслучайно, очень много чеков собирали ларьки, торговавшие спиртным. У них была прекрасная возможность заключать бартерные сделки. Это подтверждает участник таких обменов.

Протасенко В. А.: *«Моё познание фондового рынка началось в конце 1992 года. Я, студент Тюменского университета, зарабатывал себе на жизнь подрабатывая в ночную смену в одном из многочисленных в то время киосков, специализировавшихся на торговле алкоголем. И вот однажды измученный жаждой, но не имеющий необходимых для её удовлетворения средств сибиряк*

предложил мне за бутылку водки вполне ликвидную тогда бумагу — ваучер. Я акцептовал сделку и это стало началом целого направления работы нашего торгового учреждения».

В схеме Государственного комитета РСФСР по управлению имуществом (ГКИ) «обездвиживалась» только часть тех ваучеров, что были сконцентрированы в крупных коммерческих структурах и чековых инвестиционных фондах. Большая же часть ваучеров, по их задумке, граждане должны были использовать сами напрямую, в первую очередь, через закрытую подписку на акции среди членов трудовых коллективов.

Чубайс А. Б.: *«Будет, наверное, и "чёрный" рынок. Во всяком случае уже сейчас, по моим сведениям, ряд фирм составляет списки старушек и инвалидов, которые по их представлениям предпочтут не ломать себе голову, а сразу сбыть их за наличные. Лично меня это радует. Значит, ваучер не будет пустой бумажкой, и люди при необходимости смогут получить за него хорошие деньги»*[1].

О столкновении ЦБ с ГКИ вспоминал и Андрей Козлов.

Козлов А. А.: *«У нас произошли очень жёсткие столкновения с ГКИ по поводу приватизационных чеков. Нужно было срочно выпускать на рынок ваучеры и осуществить первый переход прав собственности акций приватизированных предприятий в руки собственников. При этом следовало организовать хотя бы минимальный их учёт. В начале была идея ввести приватизационные счета с регистрацией ваучеров в реестрах. Вышло даже соответствующее постановление. Это был самый лёгкий путь, но он не давал возможности бумагам вращаться на вторичном рынке. (Мы-то ГКО выпустили сразу в безбумажной форме, удобной для обращения.) Потом появилось постановление о приватизационных чеках — наличных, неименных, на предъявителя. Это была другая крайность! Я участвовал в горячих дискуссиях, готовил письма против введения этих чеков. Мы предлагали вернуться к счетам, но более рыночным, с безналичным учётом бумаг. Возражения были написаны очень корректно, без резких выражений, которые приняты сейчас. Тем более мы дискутировали не по политическим аспектам деятельности ГКИ, а по технологическим. Однако Госкомимущество из принципа не хотело ни с кем сотрудничать, а нас с тех пор сильно невзлюбило! И стало использовать любой случай, чтобы "отпрессовать".*

Хотя объективно наши действия были направлены в одну сторону. Только мы считали, что, прежде чем раскручивать фондовый рынок, надо его создать».

А. А. Козлов вступил в борьбу. В середине 1992 года им и его командой была подготовлена концепция «Организация учёта ценных бумаг и ваучеров

[1] Интервью Андрея Бороденкова с Анатолием Чубайсом. Ваше слово, товарищ ваучер // Московские новости. № 30. 26.06.1992.

на начальном этапе приватизации». В ней рекомендовалось организовать обращение ваучеров в безбумажном виде. Он даже готовит воззвания (сложно назвать иначе эти записки): «Да здравствуют безналичные ваучеры!» Андрей указывает, что справиться с этой работой смогут «известные нам российские акционерные компании, сделавшие ставку исключительно на “безбумажный” учёт выпускаемых ими акций — РИНАКО, ВКТ, РЕЛКОМ (все из г. Москвы), “Финкор” (г. Тверь)».

Васильев Д. В.: «*Предполагаю, что Андреем Козловым в этой ситуации двигало совсем не желание навредить приватизации, а увлечённость идеей бездокументарных ценных бумаг. Эта идея — прогрессивная и правильная, но в данном конкретном случае она была, без сомнения, вредной. В любом случае ни для Чубайса, ни для меня не могло быть и речи о компромиссе по этому вопросу. Нападки на нас в связи с выпуском и распределением наличных свободно обращаемых ваучеров мы отбили без серьёзных проблем, но осадок от конфликта с Козловым остался*».

Козлов А. А.: «*Вместо ложного тезиса о том, что у русского человека в голове заложена “бумажная модель” рынка ценных бумаг, мы можем смело выдвинуть контртезис о том, что у русского человека вообще нет никакого представления о том, каким должен быть нормальный цивилизованный рынок ценных бумаг, что надо с самого начала в эту голову закладывать грамотный взгляд на современный финансовый рынок, соответствующий общемировым тенденциям. <...>*

Резюме из вышесказанного сводится к тому, что мы настоятельно рекомендуем срочно приостановить все работы по запуску ваучерной программы в том виде, в котором она планируется, привлечь экспертов ЦБ и разработать концепцию создания депозитарной учётно-расчётной инфраструктуры, введения ваучеров как именных ценных бумаг, выпускаемых в форме записей по счетам в депозитариях».

С 1 октября 1992 года любой гражданин РФ получил возможность обзавестись кусочком собственности нашей страны — в отделениях Сбербанка РФ стали выдавать ценную бумагу номиналом 10 тыс. рублей — государственный приватизационный чек, по польскому образцу окрещённый ваучером.

Но предварительно необходимо было все эти 147 млн ваучеров раздать! И в этом тоже была проблема. Тем более что за услугу будущему совладельцу Земли Русской приходилось платить 25 рублей (в то время примерно десять центов). В конце концов, кстати, обладателями ваучеров стали 97 % граждан Российской Федерации, получившие в общей сложности 144 млн приватизационных чеков.

Много курьёзов происходило, когда в ГКИ пытались определить количество чеков, необходимых для распределения в том или ином регионе. Оказа-

лось, что численность населения — величина непостоянная: когда стоял вопрос о числе налогоплательщиков, число граждан той или иной республики или области сокращалось. Когда же вопрос вставал о количестве выдаваемых ваучеров, немедленно увеличивалось.

Казаков А. И.: *«Я с удивлением обнаружил, что, например, население Ингушетии с началом чековой приватизации внезапно увеличилось в полтора раза»*[1].

А вот Чеченская республика тогда объявила себя независимой. Президент Джохар Дудаев запретил получение чеков под угрозой потери права «быть гражданами Чеченской республики». Позже руководство Чечни говорило о том, что местных жителей обделили при разделе общего хозяйства страны, и поднимало вопрос о компенсациях, пробуя перевести причитающуюся республике собственность, учитывая её стоимость в 1992 году. Это не совсем так.

О своей поездке к Дудаеву с письмом Президента России, в котором содержалось предложение провести чековую приватизацию на территории республики, рассказал зампред Госкомимущества Александр Казаков.

Казаков А. И.: *«Мы вылетели в Назрань, где в то время даже не было ни одной гостиницы, — я ночевал дома у начальника управления бытового обслуживания Ингушетии. На следующий день удалось созвониться с аппаратом Дудаева. За мной прислали машину с автоматчиками, и я оказался в его резиденции.*

Принят я был демонстративно холодно. В приёмной меня продержали больше часа. Спустя полчаса я встал и, достаточно грубо отозвавшись о генерале, вышел из приёмной. Меня догнали в коридоре — и я был принят Дудаевым. Поскольку он принимал в штыки все инициативы, исходящие от Москвы, у него уже был готов ответ на послание Ельцина: население Чечни не будет принимать участия в чековой приватизации. Я пытался объяснить ему, что чеченцев нельзя обделять в том, что им принадлежит по закону, и граждане республики всё равно смогут участвовать в приватизации на территории, скажем, той же Ингушетии. В какой-то момент мне даже показалось, что он внутренне согласился со мной.

Переговоры закончились ничем. Но в итоге чеченцы действительно участвовали в приватизации, получив ваучеры именно в Ингушетии»[2].

Медленно шла раздача ваучеров и в Москве. В мэрии проявляли беспокойство: если кампания будет вестись такими же темпами, то для выдачи только первой партии полученных из типографии 2,5 млн чеков требовалось полгода. На заседании правительства министры начали искать виновных среди префектов, не обеспечивших явку жителей. Префекты перевели стрелки

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 204.
[2] Там же. С. 203.

на средства массовой информации, якобы сформировавшие у людей негативное отношение к процессу приватизации.

Кампанией продвижения ваучеров занималось американское агентство BBDO. Так как была реальная опасность, что, как в Чехии люди просто не захотят брать приватизационные чеки, было решено через рекламу внедрить мысль не отказываться от ваучера. В результате в первой части кампании слоган звучал так: «Прими, храни, думай». Во второй: «Прими, храни, действуй».

Рассказывает директор московской типографии «Алмаз-Пресс» Марина Переверзева.

Переверзева М. Д.: *«Рекламное обслуживание всей приватизации проходило через американское агентство, которое для этой цели было создано в России. Попал этот заказ ко мне, на брошюрку в пять миллионов экземпляров, которую нужно было раздавать в метро. Американцы, которые отвечали за бюджет, ни черта не понимали в российской экономике, в приватизации и в русском языке тоже. Я вставила текст в печатную машину и получила первый экземпляр листовки. Прочитала — пришла в ужас.*

Там было много смешных несуразностей, но главное, рассказывалось жителям столицы о том, что такое ваучер, что каждый владелец становится участником фондового рынка и, кроме этого, имеет право присутствовать на собраниях акционеров, а если не хочет присутствовать, то может передать свой голос нанятому адвокату. Я прочитала и поняла, что с разработчиками беда.

В тот же день мне позвонили из штаба приватизации и спросили: "Марина, деньги получили? А теперь всё под нож"[1].

А вот Анатолий Чубайс получил свой приватизационный чек не без трудностей. Ваучеры выдавали гражданам по месту прописки, поэтому пришлось ему ехать в Санкт-Петербург.

В пункте их выдачи у него потребовали паспорт. Анатолий Борисович предъявил заграничный, в котором прописка не указывается. Пришлось уговаривать операционистку. На выходе к российскому вице-премьеру подошёл незнакомец и предложил купить у него ваучер за пять тысяч рублей. Анатолий Борисович с негодованием отверг это невыгодное предложение[2].

Кстати, в Указе Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» от 7 октября 1992 года был пункт, стремящийся пресечь использование инсайдерской информации. В нём устанавливалось, что служащие госаппаратов, включая служащих фондов имущества и комитетов по управлению имуществом всех уровней, могли использовать приватизаци-

[1] Двенадцать самых успешных. М.: Вагриус. 2003.

[2] *Зенькович Н.А.* Новости из Кремля, сэр. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 205, 206.

онные чеки в процессе приватизации только путём приобретения акций специализированных инвестиционных фондов приватизации или для приобретения в собственность государственного муниципального жилья. Тем самым делалась попытка пресечь использование при приватизации дополнительной информации и связей, которыми чиновники обладали по долгу службы.

Сразу после распределения ваучеров была подготовлена и роздана «Памятка владельцу приватизационного чека», она должна была помочь с умом распорядиться потенциальным богатством.

У владельца первой публичной ценной бумаги было три варианта действий: он мог ваучер продать, мог обменять на акции чекового инвестиционного фонда (ЧИФ) и затем получать от него ежегодный дивиденд либо самостоятельно обменять на акции какого-то предприятия в ходе чекового аукциона.

Первые открытые торги чеками на РТСБ состоялись 1 октября. Несколько десятков человек собрались в биржевом зале без всякого контроля со стороны персонала биржи. Продавцы и покупатели объявляли свои цены и заключали первые сделки без помощи маклеров. Участники тех торгов вспоминают, как в местах скопления людей довольно сильно пахло алкоголем, однако в целом обстановка была вполне приличной и позволяла ряду продавцов проводить скоординированную и трезвую политику[1].

Виктор Агроскин в своём дневнике 3 октября 1992 года записал: *«Торговля ваучерами в операционном зале РТСБ происходит ежедневно (кроме воскресенья) с 15 до 18 часов. Вход свободный (за 25 рублей).*

01.10.92 — проданы опционы на 250 ваучеров — средняя цена 7 868 руб.

02.10.92 — продано 4 реальных ваучера — средняя цена 9 200 руб.».

Наиболее существенное влияние на курс приватизационных чеков в дальнейшем оказывали политические события и действия крупных инвесторов, связанные либо со скупкой больших пакетов приватизационных чеков в преддверии чековых аукционов, либо с игрой на повышение (понижение) курса ваучера. Так, если в октябре — ноябре 1992 года приватизационные чеки в России покупались за 4–5 тыс. рублей, то со второй половины ноября наметилась устойчивая тенденция к повышению курса приватизационного чека до 8,5–9 тыс. рублей в преддверии проведения первых чековых аукционов, дающих возможность использовать приватизационные чеки на приобретение акций приватизируемых предприятий.

6 октября 1992 года было принято решение о совместном выступлении на рынке приватизационных чеков под эгидой Российской Федерации фондовых бирж трёх структур: РТСБ, Российской фондовой биржи и фир-

[1] *Тягай С.* Классики брок-н-ролла // Коммерсантъ-Деньги. 2004. № 37.

мы «Брок-Инвест-Сервис» (напомню, её создатель Анатолий Сафарян был руководителем фондового отдела биржи и инициатором создания РФБ). Совместные торги проходили в операционном вале, а также электронным способом с использованием персональных компьютеров, посредством внебиржевой сети EL-BIS.

Сафарян И. А.: *«Наша фирма предлагает открывать у нас специальные приватизационные счета, на которые мы будем принимать ваучеры. Профессионалы-специалисты фирмы по распоряжению клиента могут продать ваучер по наиболее выгодной цене в течение оговорённого срока или вложить его в ликвидные ценные бумаги. При этом наши эксперты руководствуются данными о текущих курсах акций и ваучеров, а также прогнозными оценками ситуации. Клиенту гарантирована защита его ваучера от инфляции, а также часть прибыли от заключённых сделок.*

Гарантия будет обеспечиваться, во-первых, широким охватом рынка ценных бумаг. Фирма подключена к сети EL-BIS, для которой доступны все регионы России и ближнего зарубежья. Это позволяет быстро получить реальную информацию о состоянии дел. Во-вторых, уровнем профессионализма наших специалистов: все они имеют лицензию I категории на проведение операций с ценными бумагами Министерства финансов РФ. В-третьих, прямой заинтересованностью фирмы: 65% полученной от операций прибыли получает клиент, а 35% — фирма. Ни нижний, ни верхний пределы прибыли не оговариваются»[1].

Грачёв В. А.: *«На самом раннем этапе мы занялись скупкой ваучеров, но быстро поняли, что эти операции не настолько эффективны, как приобретение уже собранных пакетов чеков у мелких скупщиков и продажа их тем, кто хочет покупать акции. Благодаря этому у нас собралась база данных о заинтересованных в скупке больших пакетов акций тех ли иных предприятий и компаний. Так как реноме BIS и Сафаряна были высокими, к нам стекалась такая информация».*

С понедельника, 12 октября, РТСБ перешла на ежедневный график торговли ваучерами и превратилась в крупный центр биржевой и внебиржевой торговли ваучерами. С 9 до 10:30 брокеры могли регистрировать сделки либо в фондовом отделе РТСБ, либо на Российской фондовой бирже, приступившей к торгам в операционном зале РТСБ. В это же время пакеты чеков можно было реализовать через электронную сеть внебиржевого фондового рынка EL-BIS. Для внебиржевой торговли приватизационными чеками операционный зал РТСБ предоставлялся с 15 до 18 часов. Брокеры имеют возможность в это время докупить недостающие чеки. По словам исполнительного дирек-

[1] Беседу вела Е. Кузнецова // Финансовая газета. 1992. № 41.

тора Российской фондовой биржи Игоря Суворова, федерация намеревалась постепенно переместить весь московский «чёрный рынок» ваучеров в операционный зал РТСБ.

Евгений Юрьев, создававший компанию «Атон» начинал свой бизнес, когда ему было 20 лет, с торговли ваучерами.

Юрьев Е. Л.: *«Если какому-то предприятию нужны были ваучеры, то они переводили нам за них деньги, мы их снимали со счёта, не задумываясь о процентах, которые с нас банк снимал за эту операцию, и ехали либо на биржу, либо шли на улицу, где чеки можно было купить.*

Если бы я что-то понимал в финансовых операциях тогда, моя судьба возможно тоже сложилась иначе. Всё продаваемое на аукционах стоило очень недорого.

Мы очень дружили с ребятами из банка "Олимпийский". У них был солидный офис на Каретном Ряду. Каждое утро инкассация приезжала в банк из забирала весь капитал "Атона", состоящего из наличности и ваучеров. Всё это везлось на биржу и после окончания торговой сессии броневик отвозил уже обновлённый капитал обратно в банк. Мы же с чувством исполненного долга шли по домам до следующего утра.

Однажды в 4 часа утра раздался звонок, известивший, что в банке произошёл пожар и всё его содержимое сгорело. Перед нашими глазами действительно открылась ужасная картина: здание огонь действительно уничтожил полностью. Ничего не осталось и от самой укреплённой части — хранилища. То, что не довёл до конца пожар, довершили ломами пожарные.

Посредине всего этого пепелища оказались холщовые мешки с надписью: "Атон". Каким образом они сохранились, понять не могу до сих пор. Мы всё быстро побросали в "Жигули" и как ни в чём не бывало отправились на биржу»[1].

Тогда же начал свою карьеру на фондовом рынке Александр Коланьков.

Коланьков А. В.: *«Я так хотел работать на РТСБ, что на первую встречу с руководителями брокерской конторы "Траникс" Владимиром Грабарником и Константином Карловским привёз свой курсовик по классическим правилам биржевой торговли товарами. Вряд ли они его прочитали, но меня на работу взяли. Несколько месяцев мы пытались что-то покупать и продавать из товаров, которые сложно назвать биржевыми. Не могу сказать, что это было очень интересно. Но вскоре биржа начала готовиться к открытию фондовой секции, к чему я, уже просвещённый благодаря книге Алёхина, проявлял огромный интерес и всячески пытался вызвать его и у Владимира Грабарника и Константина. Но их, как людей прагматичных, только на книжку "купить"*

[1] Интервью Евгения Юрьева Андрею Звёздочкину на сайте «История фондового рынка».

было нельзя. Нужны были более веские доказательства, что на фондовом рынке можно зарабатывать. И такие доказательства появились. На РТСБ началась активная торговля ваучерами. Тогда появилась и Российская фондовая биржа, дочка РТСБ. Одним из её создателей был генеральный директор фирмы "Брок-Инвест-Сервис", управляющий фондовым отделом РТСБ Игорь Сафарян. Именно эта биржа стояла у истоков торговли ваучерами».

Весной 1994 года начал самостоятельно работать на РТСБ с ваучерами Михаил Бройтман.

Бройтман М. Я.: *«Это был самый разгар торговли чеками. Об этом периоде у меня осталось воспоминание, как один из брокерских столов занимали серьёзные люди в кожанках с большими сумками денег, в окружении охраны и, как я выяснил значительно позже, представляли они "Тройку Диалог"».*

«Наличие собственного (часто арендуемого) стола в биржевом зале позволяло дилерам проводить расчёты по сделкам в более-менее удобной обстановке, по убранству стола можно было судить и о степени солидности фирмы. Столы, например, на РТСБ были всегда, ещё когда основной оборот достигался за счёт товарных сделок. Форма и происхождение столов была самая разнообразная, и, хотя откровенного антиквариата среди них не попадалось, мне всё же запомнился шахматный столик 1930-х годов, в его ящике ещё довольно долгое время можно было найти полный набор шахматных фигур.

«Их сменили строгие конторские столы, за которыми сидели не менее строгие брокеры. Столы помимо надписи: "Аренда. ТОО "N" украшали таблички с котировками на покупку продажу и пояснениями типа ">100" ">1000", что значило — если у тебя в наличии ваучеров меньше указанных значений, то разговора с тобой не будет. Многие столы украшали более оптимистичные надписи: "Цена действует 30 секунд", напоминавшая о невозможности вхождения в одну и туже реку дважды. И хотя через 30 секунд и даже через 30 минут цена внешне могла остаться без изменений, то для единожды торговавшегося, котировка во второй заход могла быть менее выгодной. Богатый стол также обязан был иметь машинку для пересчёта ваучеров и денег, а также "мобильный" телефон сотовой связи огромных размеров. Устойчивая связь обуславливалась необходимостью оперативного контакта как с головной конторой, так и с другой биржей, при проведении арбитражных операций»[1].

До начала ваучерной приватизации российский рынок ценных бумаг функционировал вяло. Даже в январе 1993 года на всех биржах России было

[1] *Виноградов А.* Воспоминания молодого брокера о молодости фондового рынка.

зафиксировано всего 18 сделок. И вот с появлением приватизационного чека фондовый рынок в России заработал, причём разделившись пока на две неравные части: рынок ваучеров и рынок акций акционерных обществ. Каждый из этих рынков будет в дальнейшем развиваться по своим законам. Но ваучеры на фондовых биржах полюбились всем брокерам.

Панов П. А.: *«Некоторые наши современные сенаторы и политические деятели торговали на РТСБ ваучерами и дрались, отстаивая своё место под бизнес-солнцем».*

Аналогичные процессы происходили на региональных биржах

Кузяев А. Р.: *«Тогда же начались чудеса — ожил фондовый рынок. Перекупщики всю вторую половину дня продавали на нашей бирже собранные утром ваучеры. В область приехали представители западных фондов, скупающие большие пакеты приватизационных чеков.*

Некий молодой тогда брокер Алексей Виноградов так вспоминает молодости фондового рынка: *«Мне пришлось наблюдать весь путь торгов ваучерами: от их рождения до кончины "в бозе". Как известно, самой большой ваучерной площадкой была РТСБ, поскольку первое время практически никаких правил торгов не существовало, всё развивалось само собой и порой принимало достаточно забавные формы. Но в начале всё было тихо, спокойно, "дилеры" не толкались, были вежливы, друг друга не "кидали" и бандитов тоже не было. Более того на ЦРУБе стояли кожаные диваны и, сидючи на них во время торгов, можно было сказать: "Господин! Отойдите в сторонку, за Вами маклера не видно"».*

А вот рассказ руководителя компании «Грант».

Орехов А. В.: *«Это был этап работы с ваучерами. В первое время своих денег у нас практически не было, поэтому мы выполняли заказы различных компаний (в основном, с которыми мы работали и раньше) по сбору пакетов приватизационных чеков, получая за это предоплату. Через некоторое время у нас появилась возможность торговать и за свой счёт.*

Тогда мы уже открыли свой офис на Большой Якиманке, в доме 31, на первом этаже которого был в маленькой комнатке магазин ваучеров.

Достаточно долго мы не интересовались приобретением акций для себя, основными операциями нашими были чисто брокерские на обороте — «купи-продай». И в аукционах от себя мы не участвовали. Мы позже всех из крупняка стали покупать акции на свой счёт.

Практически сразу аккредитовались в Российском и Московском фондах имущества на проведение чековых аукционов, участвовали в одном из первых аукционов по приватизации компании «Стройдеталь». В результате через два года нас уже было около ста человек».

Многие компании тогда поняли, что у них появился шанс, который нельзя упустить. В результате на дверях многих фирм появились объявления: «Куплю ваучеры».

Царьков И. О.: *«Мы, живя исключительно сегодняшним днём, в тот же день отвозили приобретённые у народа и ларёчников чеки на РТСБ. Назавтра операция повторялась заново. При этом цену устанавливали по итогам предыдущего дня с запасом на 10–15%. Моё предложение попридержать чеки 2–3 дня, пока котировки не вырастут, босс с гневом отверг. Значительно позже я понял, почему. Владельцы брокерских контор, как правило, гораздо менее склонны к риску, нежели те, кто непосредственно совершает сделки. Ведь их бонусы прямо или косвенно привязаны к зарабатываемой фирмой прибыли. А убытки, в случае, если таковые возникают, целиком и полностью ложатся на собственника. Требовать возмещения ущерба от трейдера, по вине которого фирма оказалась в минусе, не принято. В худшем случае этого человека уволят».*

В конце 1992 года объём продаж ценных бумаг на биржевом рынке (включая ваучерные торги) составлял уже сотни миллионов рублей в день. А ведь ещё летом рынок был неликвиден, объёмы реализации бумаг на нём измерялись несколькими миллионами рублей в месяц.

Котенко Д. А.: *«Мы, как брокерская компания, также присутствовали на бирже и видели, как приезжают на нескольких инкассаторских машинах люди ОЛМА с огромными чемоданами денег (и это не образно, так было в действительности). У них были команды от 5 до 10 человек. Брокеры, сидящие за столами, ждали этого момента, как "второго пришествия".*

Олмовцы не сильно хитрили, брали ваучеры на тех условиях, что складывались на бирже. Деньги и ваучеры при этом никто не считал, т.к. знали, что в случае недостачи, вопрос будет урегулирован, стоило лишь предварительно обменяться визитками. Ваучеры уходили "тоннами", т.е. тысячами».

На биржах уже появились крупные игроки.

«Для них интересен был сам факт получения прибыли, при соблюдении конечно правил торгов и Уголовного кодекса. Например, до возникновения "обратного аукциона" существовал нехитрый способ подзаработать на "бутерброд с икрой". Делалось это так: выставлялась заявка на продажу пакета ваучеров, после чего потенциального покупателя, поднявшего руку, начинали "подтягивать вверх", т.е. товарищ продавца начинал торговаться за тот же пакет и приподнимал цену на N рублей. Главное — это было не дать покупателю соскочить с крючка, не переусердствовать. В роли покупателей, как правило, выступали новички — представители трудовых коллективов приватизирующихся предприятий. Продавцы же со временем

организовывали целые "шайки" по 10–15 человек, и процесс продажи был похож на маленький спектакль. Наилучших постановочных эффектов достиг коллектив, состоящий по крайней мере из 10 человек, дошедших до того, что занимал своей постановкой prime time, т.е. самое начало торгов в течении 20–30 минут. Достигалось это достаточно просто, пачка заявок на продажу в количестве 20–25 штук, подавалась операционистке на плитке шоколада, эффект же мог достигнуть нескольких десятков тысяч долларов. Но необходимо признать, что на слова этой "шайки" можно было положиться, клиентов они не кидали, "кукол" не подсовывали, я сам как-то брал у них без проверки вакуумную упаковку 50-тысячных купюр (для справки это 50 млн рублей при тогдашнем курсе 1000 руб./долл.)»[1].

За 1993 год на открытых торгах было продано около 25 млн ваучеров на общую сумму 339,3 млрд рублей[2].

Власов А. Ф.: *«Уже в середине 1992 года руководству Российской товарно-сырьевой биржи было понятно, что ваучер будет активно продаваться и покупаться, в связи с чем было принято решение организовать площадку по торговле этим инструментом. Были разработаны правила и порядок торгов, закуплено необходимое оборудование*

Вход в торговый зал производился по билетам, а для постоянных участников сдавались в аренду столики, за которыми и проводились взаиморасчёты. Об объёмах торговли можно судить потому, что крупные участники имели заказы на приобретение нескольких сотен тысяч ваучеров. Самым активным днём торгов был понедельник, когда на биржу приезжали продавцы ваучеров из регионов. В течение всей ваучерной приватизации РТСБ была самой крупной площадкой по торговле ваучерами, а её котировки использовались для заключения сделок по всей России».

На самой большой Российской товарно-сырьевой бирже, где утром торговали товарами, а во второй половине дня — ваучерами, объём продаж достигал 60–100 тыс. ваучеров в день на сумму около миллиона долларов. В конце действия приватизационного чека этот объём достиг 10 млн долларов. В зале часто можно было увидеть спекулянтов с сумками и чемоданами, набитыми ваучерами.

Агроскин В. В.: *«В зале стояли столы с объявлениями о ценах. Были фиксированные прилавки, были и бродячие торговцы. На биржевом табло высвечивались зарегистрированные сделки. Продавцы шли к компьютеру, стоящему*

---

[1] *Виноградов А.* Воспоминания молодого брокера о молодости фондового рынка.

[2] Российский рынок государственных ценных бумаг / под ред. М. Ю. Алексеева. М.: Евромани Пабликейшен ПиЭлСи, 1997. С. 21.

в углу, и оператору сообщали о сделке. В конце дня сообщалось о средневзвешенной цене. На неё ориентировались при заключении форвардных сделок, в основном на 1–2 дня вперёд. Установившись, система не менялась три года, пока проходила торговля ваучерами».

Вот как описывает своё посещение биржи американский публицист Павел Хлебников. В начале 1994 года он пришёл на РТСБ вместе с сотрудником российской брокерской фирмы «Грант» Сергеем Андреевым. Перед Андреевым поставили задачу приобрести 10 тыс. ваучеров для CS First Boston. Биржа, по воспоминаниям Хлебникова, напоминала оживлённый вокзал, по которому с сумками и чемоданами сновали группки плохо одетых людей. Это были коммерсанты, приехавшие издалека с чемоданами, набитыми ваучерами, они ждали возможности заключить выгодную сделку, подсчитать деньги и вернуться домой с наличностью.

Андреев сказал, что будет отталкиваться от цены, вывешенной на табло биржи, но ваучеры у кого-нибудь из продавцов купит неофициально, чтобы не платить бирже комиссионные. Цена ваучера в тот момент колебалась где-то на уровне 20 тыс. рублей. Андреев, оценив их, сказал: *«Многовато. Народ тут в основном из провинции, продать свои ваучеры им надо позарез. Вчера они держались, наверное, продержатся и сегодня, но до конца недели им придётся сдаться».*

А вот ещё одно забавное и достаточно типичное для того времени воспоминание.

Власов А. Ф.: «*Как-то я вёл по верхней галерее биржи делегацию американских брокеров и биржевиков и комментировал им происходящую внизу торговлю ваучерами. И вот они видят, как на столе кто-то разложил очень приличное количество пачек чеков, а на другом конце — большое количество пачек стодолларовых купюр по 10 тысяч. Гости, недоумевая, попросили меня объяснить, что там происходит. И я им ответил: "Это клиринг по-русски"*».

Незадолго до этого несколько директоров из сибирской торговой компании приехали на биржу с чемоданом ваучеров, которые и продали за 150 тыс. долларов наличными. Едва они покинули территорию биржи, их ограбили[1].

Президент Борис Ельцин в телевизионном обращении к народу в апреле 1992 года заявил: *«Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальное зависит от нас. Каждый гражданин России, каждая семья получат свобо-*

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 136, 137.

ду выбора. Приватизационный ваучер — это для каждого из нас билет в мир свободной экономики»[1].

Конкуренцию РТСБ пыталась создать Центральная российская универсальная биржа. Там весной 1993 года стали использовать при продаже пакетов ваучеров «обратный» (голландский) аукцион, с целью сведения к минимуму количества договорных сделок. После сбоя в информационной системе, спровоцировавшей биржевую панику, эту практику переняла и РТСБ.

С ноября 1993 года ЦРУБ первой в России стала проводить торги приватизационными чеками дважды в день: не только утром, с 10 часов утра до полудня, но и вечером, с 14:30 до 17:00. В условиях активизации рынка брокерам было выгодно проведение двух торговых сессий. Участники торгов ЦРУБ получили возможность координировать свои действия в зависимости от ситуации, складывающейся в течении дня на российском финансовом рынке.

Предстоящую ваучерную лихорадку газеты анонсировали ещё весной 1992 года.

Подогрел эмоции россиян Анатолий Чубайс, то ли по неосторожности, то ли в каких-то маркетинговых целях, 21 августа 1992 года на пресс-конференции, посвящённой ваучерам, он сделал заявление, которое интерпретировали так, что каждый россиянин якобы в скором времени сумеет обменять ваучер на две «Волги». Он сказал, что, по его оценке, стоимость подержанной «Волги» составляла всего две или три тысячи рублей. Это была так называемая остаточная стоимость, которая иногда применялась при продаже государственной собственности, например, автомобилей-такси, эксплуатировавшихся в течение десяти лет, их водителям. На первом этапе ему поверили, но не до конца... После выступления вице-премьера российское правительство было завалено письмами и телеграммами с просьбами указать адрес магазина, где продают обещанные автомобили[2].

Из объявлений в газетах: «Ваучер меняю на ВАЗ не старше 5 лет, не гнилой, звонить вечером».

«Ваучер 4 шт. продаю по 1000 долл. 1 шт. Миша, Таня, 9–16 ч.».

«Ваучер меняю на охотничье ружьё».

«Ваучер продаю не менее 100 тыс. рублей. Таня».

«Ваучер продам за 1 миллион рублей или за СКВ по курсу».

«Отдам ваучер тому, кто научит меня, как избавиться от армии законным путём. 603028, Н. Новгород, Московское ш., 84–22, Михаилу».

---

[1] *Aslund A.* How Russia became a Market Economy // Washington DC. 1995. P. 235.

[2] *Зенькович Н.А.* Новости из Кремля, сэр. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 351.

Кстати, вопреки утверждениям, сегодня на ваучер можно купить (на выбор): джинсы, кроссовки, 13 бутылок водки. 8 бутылок шампанского, 10 кило колбасы, комплект военного обмундирования (кепка, куртка, брюки), плеер (отечественный), 3 блока сигарет "Вест" (по 130–140 рублей за пачку), 10 долларов США (по 390 рублей за доллар) либо, не работая месяц, прожить на "пустых щах". Многие этим сразу и воспользовались из-за того, что перспектива обогащения в будущем для них весьма туманна. Люди предпочитают быстрый конечный результат.

Цены на "чёрном рынке", в отличие от биржевых, весьма стабильны, просто на удивление. В течение всего октября ваучер можно было продать за 3–4 тыс., а купить за 4,5–6, если поторговаться[1].

Газета "Правда" вместо информации о курсе чека публикует фельетон, основной смысл которого сводится к предположению: "А может быть, ваучер — просто непереводимая фамилия какого-нибудь ловкого жулика»[2].

Уличный курс ваучера постоянно менялся: в начале за него давали по 40 долларов, затем — 10, потом только 5, и лишь к весне 1994 года цена стабилизировалась на 20 долларах.

Однажды в газете «Якутия» появилось объявление чрезвычайно заманчивого содержания: «Пятьсот долларов — за ваучер. Больше вам не предложит никто!» По курсу тех лет это как минимум подержанный автомобиль. И нужно-то было всего лишь отправить ваучер заказным письмом в г. Одинцово Московской области на ПКТ «ВЕРАЛ». Хорошо, что редакция газеты быстро отреагировала на сомнительную рекламу, и на её страницах появилась перепечатка из центральной прессы уже с другим заголовком: «Осторожно — афера!»[3].

Рассказывали, как благодаря рекламной кампании получали ваучеры наиболее азартные предприниматели. Вложив 100 тыс. долларов (цифра условная) в телерекламу, они привлекали ваучеров на сумму в 4 раза большую, опять вкладывалось 100 тыс. в рекламу, вновь приходило ваучеров на 400 тыс. и т. д.

В общем, чем больше средств (либо ваучеров) необходимо было привлечь, тем больше денег на рекламу надо было потратить. Под это даже создавали теорию — «золотым сечением» обычно называли соотношение 3:10, реже меньше.

Евстафьев А. В.: «*Пророчества сыпались со всех сторон одно мрачнее другого. Депутаты злорадно предрекали: две трети населения отдадут свой чек за бутылку. Респектабельная французская "Фигаро" была настроена ещё*

---

[1] *Семёнов А., Касьяникова А.* Меняю ваучер на Чубайса или двух Бурбулисов // Московский комсомолец. 19.11.1992.

[2] Postfactum. Ру. 10.12.1992.

[3] *Федоров А. А., Черепанова А. П.* Из века в век переходя. Региональный фондовый рынок / под ред. д. э. н., акад. АН РС(Я) Е. Г. Егорова. Якутск: ЯИЦ СО РАН, 2005. С. 27.

менее оптимистично. По прикидкам французских политологов, 80 процентов российского населения не захотят включаться в процесс приватизации и при первой же возможности обменяют свои чеки на водку или колбасу»[1].

Все помнят выступление Чубайса о том, что ваучер будет стоить, как две «Волги».

Власов А. Ф.: *«Первые продавцы ваучеров на бирже хотели получить за свой ваучер именно эту цену. Но увы... через неделю за их ваучер давали в несколько раз меньше, чем в тот день, когда они приходили в первый раз. Но мало кто помнит выступление Лужкова в первом квартале 1993 года о значительной недооценённости ваучера. На следующее утро Мясницкая улица была перекрыта желающими проникнуть со своими ваучерами на биржу, чтобы сдать их по "справедливой" цене. Это был единственный день, когда я дал охране команду пропускать всех без приобретения входного билета. Это был единственный выход для обеспечения проезда по Мясницкой и исключения давки при входе на биржу. В результате люди входили, видели на табло, что ничего чрезвычайного с рынком ваучеров не происходит, успокаивались и уходили. Буквально через два часа ажиотаж прошёл, напряжение было снято».*

Судя по всему, есть и другая интерпретация этой истории.

Царьков И. О.: *«Помню, один умник решил уронить котировки, развесив на РТСБ "липовое" распоряжение Юрия Лужкова о том, что в оплату акций столичных предприятий будут приниматься только чеки, выданные в Москве. Кстати, теоретически идея была остроумная, наш градоначальник всегда славился самостийностью. В правдивость такой информации легко верилось. А рынок? Рынок замер, но не упал. А вечером мэрия выступила с официальным опровержением».*

Компания «Альфа-Капитал» стала аккумулировать у себя чеки с первых дней ваучерной кампании. Делалось это через нанимаемых по всей стране агентов. Тогда же был ими заказан рекламный ролик, который стали крутить на 1-м канале телевидения.

Смолькин И. В.: *«За небольшие деньги тогда ещё можно было нанять иностранную рекламную фирму, своих ведь ещё практически не было. Так что подход к делу у нас был очень серьёзный».*

В результате компания собрала 1 млн 200 тыс. ваучеров.

На РТСБ были другие правила, там сложились даже свои приметы.

У рынка ваучеров начали складываться даже приметы. Например, в среду, когда на вещевой рынок в Лужники приезжали региональные оптовики с дешёвыми ваучерами, происходило понижения курса из-за повышения предложения. Генерапл Мороз также влиял на конъюнктуру — при 15–20 градусах

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 221.

мороза стоять на улице с табличкой «Куплю ваучер» трудно, вот все торговцы и собирались на бирже, в результате курс повышался.

«Были приметы, действие которых ограничивалось 15–20 минутами, например, если скорость движения общей массы людей в биржевом зале возрастала — жди смены тенденции. Если вокруг все ходят с табличками "Продам ваучер", значит, цена падает, "Куплю ваучер" — растёт. Ну а для "дилера"-новичка лучшим советом было: смотри что делают опытные игроки, следуй за ними»[1].

Рассказывали, что были категории брокеров, зарабатывавших на арбитраже (на том ещё, примитивном уровне), перемещающихся с баулами в ночных поездах между двумя российскими столицами.

Например, в августе 1993 года ваучер на Российской фондовой бирже стоил 9357 рублей, и котировки колебались в пределах 100 рублей. В Питере средний наличный курс ваучера был традиционно выше, чем на московском рынке. А на Санкт-Петербургской фондовой бирже 18 августа этот показатель составлял 9750 рублей[2].

Осенью курс превысил номинал. 5 октября в Москве на Центральной российской универсальной бирже ваучер продавался за 11243 рубля. На Санкт-Петербургской фондовой бирже тогда же средневзвешенный курс по сделкам составил 11 555 рублей[3].

Наконец в декабре, перед тем как на аукционах стали продаваться самые вкусные куски собственности, курс взмыл на Центральной российской универсальной бирже до 22 960 рублей. Количество проданных чеков только за время утреннего аукциона составило 43 178 штук. Всего же за день прошло 314 сделок — максимальное число сделок, зарегистрированных в течение одного торгового дня. Средневзвешенный валютный курс чека был равен 17,64 долларов.

Госраскрутка

Сразу встал вопрос о PR-поддержке кампании. Её организовывал советник и пресс-секретарь первого заместителя Председателя Правительства РФ Анатолия Чубайса — Аркадий Евстафьев.

Евстафьев А. В.: *«Пропаганда — как презентация. Идеология — как рекламная кампания. Такой рыночный подход к делу подразумевал сплошь и ря-*

---

[1] *Виноградов А.* Воспоминания молодого брокера о молодости фондового рынка.

[2] 18 августа на московских биржах средний наличный курс ваучера несколько понизился // Коммерсантъ. 19.08.1993.

[3] В течении 11–15 октября на московском рынке приватизационных чеков наличный курс ваучера колебался // Коммерсантъ. 16.10.1993.

дом наличие договорных отношений. Мы не могли прийти на телевидение и сказать: "Дайте нам завтра час эфира, потому что нам надо рассказать про приватизационные чеки". Или потребовать полосу в газете под "пропаганду приватизации". Конечно, выручали добрые отношения со многими талантливыми журналистами, которые симпатизировали идее реформ и умели писать и снимать на тему приватизации так, как это требовалось их изданиям и телекомпаниям. И всё-таки большую часть материалов в газетах и особенно на телевидении нам приходилось оплачивать на правах рекламы.

Это были огромные деньги. И у нас не было таких средств, чтобы проплатить по рекламным расценкам всю приватизационную кампанию. Признаться, мы очень рассчитывали на поддержку государственного телевидения. Казалось бы, пропаганда государственной идеологии по государственному телевидению — какие могут быть проблемы? Но проблемы были, и ещё какие!

"Останкино", тогда ещё полностью государственное, помогать нам не хотело вообще. На все наши доводы про важность информационного обеспечения приватизации нам отвечали: "Мы делаем красивое телевидение. А ваша передача некрасивая. Не рейтинговая". Это была традиционная отговорка тогдашнего директора "Останкино" господина Шевелёва. На самом деле, насколько я понимаю, истинная причина отказа была совершенно другой. Эфирное время — это возможность поставить рекламу. Это деньги, в конце концов. А уж как там делались эти деньги. В одном я убеждён точно: на государственном телевидении были люди, кровно заинтересованные в контроле над эфиром»[1].

Не менее сложной была проблема кадров. Специалистов по связям с общественностью в СССР и России не готовили, и пресс-служба ГКИ была создана одной из первых в стране. Людей в неё набирали на ходу, хотя и по конкурсу.

Евстафьев А. В.: *«Это была хорошая команда единомышленников и очень профессиональных людей. В стенах ГКИ царил дух взаимопомощи и доброжелательности, чувствовалось, что собравшимся здесь приятно работать вместе. Никто не жаловался на большие нагрузки, на то, что работать приходилось по 10–12 часов в сутки, включая выходные дни. Еженедельно пресс-служба совместно с руководителями ГКИ проводила оперативные заседания, больше похожие на сводки с театра военных действий.*

Естественно, нам приходилось консультироваться с иностранными профессионалами в области PR. Эти люди привлекались для работы в России по линии Агентства развития Соединённых Штатов Америки.

Мы пытались все объяснения свести к простым ассоциативным схемам. И в этом смысле известный клип Игоря Минаева "Вау-вау-вау-чер", им са-

[1] Приватизация по-российски / под ред. *А.* Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 228, 229.

мим же придуманный и сделанный, стал, на мой взгляд, одной из лучших пиаровских находок всей приватизационной кампании»[1].

Интересна история телевизионного ролика, записанного Чубайсом с призывом граждан вкладывать свои приватизационные чеки. 45-секундный рекламный сюжет председатель Госкомимущества записывал около двух часов. Дело в том, что было решено ко всем жителям областей и республик обратиться по отдельности. Ролик начинался словами «Уважаемые туляки!» или «Уважаемые хабаровчане!», Субъектов Федерации было тогда 89.

Евстафьев А. В.: *«Очень эффективным, по свидетельству социологов, оказался ролик, сделанный в агрессивном стиле: актёр в образе большого начальника давал зрителю в категорической форме указания получить приватизационный чек. Этот ролик показывался за 2 недели до окончания выдачи приватизационных чеков.*

Ещё одна удача приватизационной PR-кампании — создание специального логотипа, узнаваемого графического символа приватизации, служившего сигналом для читателя или зрителя. Логотип "Приватизация" с выделенным особым образом слогом "ЗА" был разработан нашими отечественными дизайнерами и стал образцовым примером использования подобного рода приёмов в рекламной работе»[2].

Пресс-служба ГКИ старалась выдать людям как можно больше информации о том или ином предприятии, подсказывала, где и как они сами могут найти её, дабы им было легче сориентироваться в непонятной им ситуации.

Царьков И. О.: *«Мы уже понимали, что, для того чтобы клиенты покупали услугу у тебя, необходимо было выделиться. Денег на рекламу не было. Да и прямая реклама в инвестиционном бизнесе не самое эффективное средство доставки информации до потенциального клиента. Поэтому мы предложили московского Фонду имущества свою помощь в информационном освещении приватизации. Отныне "Грант" распространял пресс-релизы по итогам аукционов. Подписывались они эффектно — "ФЦ (Финансовый центр) "Грант" — официальный Пресс-центр Московского фонда имущества.*

Налаживанием же взаимоотношений с журналистами занялась наш сотрудник Татьяна Никульшина. Она собрала представителей газет и журналов, пишущих на финансовые темы и сказала:

— Товарищи! Начинается приватизация, начинается фондовый рынок. Вы как журналисты, пишущие на финансовые темы, должны об этом писать уже сегодня. А "Грант" как пресс-центр МФИ будет предоставлять вам информа-

[1] Приватизация по-российски / под ред. *А.* Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 228, 229.
[2] Там же. С. 233, 234.

цию, и наши специалисты всегда готовы объяснять и комментировать события. Пункт второй: наша информация — это не реклама и поэтому платить мы не будем.

Половина журналистов сразу ушла. С многими из тех, кто остался, мы до сих пор общаемся. А Татьяна потом стала партнёром московского отделения международной PR-компании PBN. То время открывало большие возможности не только для трейдеров и начинающих инвестбанкиров, но и для секретарей, а, надо сказать, что секретарём Татьяна и была. Надо было только увидеть свой шанс, оценить его, не побояться взять на себя ответственность и выполнить поставленную задачу, а опыт и знания приходили в процессе.

"Грант" получил статус, отличавший его от других, но, что более важно, мы стали активно общаться с прессой и нарабатывать репутацию и узнаваемость, которая впоследствии облегчала нам первый контакт с потенциальными клиентами».

Практически сразу возникли мошеннические схемы. Одну из историй рассказал известный писатель Андрей Константинов.

В Санкт-Петербурге в ноябре 1992 года двое молодых людей, Кузнецов и Однолько, разместили в газете рекламных объявлений «Сорока» объявление от имени несуществующей компании «Амарис» об «аренде» на несколько месяцев ваучеров, пообещав за это 450 % годовых.

С 5 ноября 1992 года на улицу Фарфоровскую, где открылся первый приёмный пункт «Амариса», потянулись «ваучеродержатели».

Ни рядовым вкладчикам, ни директорам различных фирм, у которых лжефирма арендовала помещения под пункты приёма, не пришло в голову проверять документы «Амариса».

Предоставлялись для подписания типовые договора на приём ваучеров на срок от месяца до полугода с последующим возвратом приватизационного чека и 12 тысяч прибыли. Каждому клиенту предоставлялась страховая сумма в 838 рублей. И первое время даже выплачивались дивиденды.

Вскоре «Амарис», помимо ваучеров, начал принимать от населения и денежные средства (по пять с половиной тысяч на срок более трёх месяцев с теми же самыми 450 % прибыли годовых).

Через две недели после начала приёма ваучеров и денег появились на свет учредительный договор о создании АОЗТ «Амарис» и его устав. Одна из 18-летних приёмщиц, Ирина Мороз, стала соучредителем и президентом лжефирмы. Расчётный счёт в банке открывать не стали, на учёт в районной налоговой инспекции не вставали. Зато открылись новые приёмные пункты.

Самостоятельным бизнесом занялась и молодая президентша — она в конце рабочего дня лично «проверяла работу приёмщиц», собирая полученные за день деньги и ваучеры в собственный карман. В конце концов в помещении одного из приёмных пунктов «Амариса», закрытого для ремонта, она втайне от партнёров открыла собственный приёмный пункт, используя в качестве приёмщиков своих знакомых. Несколько дней работы принесли ей около 5 млн рублей.

Не менее предприимчивым оказался и охранник Сергей Царёв: к концу первого месяца он взял на себя кадровые вопросы, занимался расширением сети новых приёмных пунктов, вёл рекламную кампанию по привлечению новых вкладчиков и даже выступил в конце декабря 1992 года по питерскому телевидению в программе «Факт».

Облапошенными оказались даже солидные и респектабельные фирмы и предприятия (АО «Светлана», «Арсенал», ЛОМО, «Форд ЛТД» и ряд других), где деньги и приватизационные чеки для «Амариса» собирали с сотрудников централизованно и организованно.

25 января 1993 года началась налоговая проверка финансовой деятельности «Амариса», затем фирмой заинтересовалась и районная прокуратура.

К тому моменту Евгений Однолько, кстати, до этого дважды судимый за кражи, совершённые в разных районах Московской области, приобретя фирму «Базис», пытался повторить то, что ему удалось сделать в Петербурге. За две недели он обманул около 30 москвичей, что, конечно, не шло ни в какое сравнение с 26 тыс. пострадавших петербуржцев.

Разгневанными люди, желавшие по лёгкому «срубить бабла», пикетировали Петросовет и мэрию, блокировали Московский проспект.

Организаторы ваучерной пирамиды были арестованы, но прежде они успели инвестировать собранные деньги в автомобили «Вольво-740», «БМВ», «Мерседес», «Ситроен», «Форд-Скорпио», джип «Чероки», компьютеры и другую оргтехнику, драгоценности, аудио- и видеоаппаратуру импортного производства, валюту. А ещё после их ареста было изъято 66 млн рублей, 1172 доллара США и 50 немецких марок.

5 мая 1995 года было подготовлено 129 томов уголовного дела, немалую часть которых занимали списки потерпевших. По действовавшему на тот момент уголовному законодательству максимальное наказание за мошенничество (а именно так были квалифицированы действия подсудимых) составляло до четырёх лет лишения свободы. Однолько получил 3,5 года. Царёв — 1,5, а Мороз — 1 год. Учитывая, что в этот срок вошло время предварительного заключения, даже главный махинатор по этому делу Евгений Однолько оказался на свободе через три месяца после вынесения приговора.

В феврале 1997 года в подмосковных Мытищах довольно случайно задержали беглого Вячеслава Кузнецова. Приговор и к нему был достаточно благосклонен[1].

Сразу же стал брать инициативу в свои руки ГКИ.

Васильев Д. В.: «*Тогда мы начали работать с Кассовым союзом и Московским межрегиональным аукционным центром — первыми главными из связанных в единую общероссийскую систему нескольких десятков аукционных центров. Мы также понимали, что раз есть корпорации, акции которых распределены среди акционеров, то немедленно нужно создавать регистраторов, держащих реестры этих акционеров. Этому институту, учитывающему права собственности, мне в дальнейшем предстоит уделять повышенное внимание*».

Кампания же скупки-продажи ваучеров стала инструментом, с помощью которого были сделаны первые крупные состояния в России.

В стране тогда сформировалось три типа специалистов. Первые («спекулянты») занимались игрой на ваучерах: покупали дешевле, продавали дороже, а в приватизацию не играли. Вторые («управляющие») организовывали ЧИФы, меняли ваучеры на свои «ценные бумаги», ваучеры вкладывали в акции и потом продавали эти акции тому, кто готов был за них платить деньги. Деньги эти редко раздавались дивидендами акционерам — такие специалисты их банально уворовывали. Наконец, третий класс специалистов («инвесторы») скупали ваучеры за свои и чужие деньги мешками, а потом в ходе ЧА меняли их на акции — но уже для себя.

Самостоятельно вложили свои ваучеры 40 млн граждан России. Среди них были:

Сергей Юрский: «*Я как секретарь Союза театральных деятелей последовал призыву союза вложить ваучер в какую-то международную организацию под названием "Театр". Ничего о её дальнейшей судьбе мне не известно*».

Александр Шохин: «*Ваучером распорядилась жена. Она отнесла все ваучеры в какую-то популярную тогда структуру типа "Олби", причём не советуясь со мной, просто под впечатлением огромных очередей, которые выстраивались тогда на улицах Москвы. И, конечно, наши ваучеры просто пропали*»[2].

Гарри Гродберг, органист: «*Свой ваучер я отдал фирме "Гермес". Ничего за него не получил и вскоре об этом забыл. Никаких особых надежд, связанных с ваучеризацией, у меня не было, хотя, конечно, это была попытка (возможно, не лучшими средствами) решительно изменить в позитивную сторону нашу*

---

[1] *Константинов А.* Мошеннический Петербург. М.: СПб.: ОЛМА-ПРЕСС; Нева, 2000. С. 263–267.

[2] *Башкирова В. Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: Новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 100.

экономику. Что ж, всегда так было и будет: от перемен кто-то становится богаче, кто-то беднее. Мне разбогатеть с помощью ваучера не удалось».

Борис Березовский вложил ваучеры в свою компанию AVVA, а Егор Гайдар, в акции Газпрома.

Не получился инвестор и из Геннадия Зюганова: *«Жена вложила ваучеры в акции завода, на котором работала. Завод, к сожалению, разорился».*

Татьяна Бек, поэтесса: *«Друзья пообещали мне мои ваучеры куда-то выгодно вложить. Я их им отдала, и всё в результате пропало. Однако я в ту пору так верила в реформы, в их гуманитарную, человеческую ценность, что даже не расстроилась. Я продолжаю верить в реформы и поныне. Но мне кажется, что те, кто их проводил, должны были разделить все трудности с той интеллигентской средой, что их поддержала. Они же не разделили и обуржуазились, и в этом есть какое-то дурновкусие».*

Были и опытные скептики.

Президент Ассоциации российских банков Сергей Егоров рассказал: *«Мой ваучер лежит в столе. Ну что на эти 10 тыс. тогда можно было купить? Тем более что на момент выхода чеков в России не было развитого фондового рынка и серьёзного акционирования предприятий. А вообще-то мера была верной, но не совсем правильной по форме».*

Ведущий радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов сказал: *«Я его не получал. Из-за лени. Не дошёл просто, да и не придавал этому значения. Несколько раз мы с Чубайсом касались этой темы, и каждый раз я ему говорил: "Я вам, Анатолий Борисович, ничем не обязан. Я ваш ваучер не получал". А он отвечал: "Ну и напрасно". Может быть, был прав».*

Аналогично поступил и Григорий Явлинский: *«Мой ваучер дома. Храню, чтобы показать потом внукам. Это хороший пример того, как можно экономически абсолютно неэффективно и политически безграмотно проводить приватизацию».*

Борис Фёдоров поделился: *«С точки зрения финансиста, что-либо делать с этой бумажкой было бессмысленно. Дома лежит мой ваучер. Я обещал Анатолию Борисовичу и другим идеологам ваучеризации, что время от времени буду им показывать свою долю в национальном богатстве. Впрочем, надо отдать должное Чубайсу, что он всё-таки смог провести ваучеризацию. И результаты оказались даже лучше, чем предполагали многие специалисты».*

Наконец Владимир Жириновский сказал: *«Мой ваучер лежит дома. Храню его как память о грандиозной афере, которая оказалась, правда, всего лишь очередным — после гайдаровских реформ — этапом в ограблении народа»*[1].

---

[1] *Бутрин Д.* Как товарищ чек стал господином ваучером // Коммерсантъ-Деньги. 17.07.2002.

А вот более счастливые истории.

Илья Клебанов, бывший министр промышленности, науки и технологий: *«Предприятие ЛОМО в Петербурге, где я тогда работал директором, было одним из первых в городе и в стране, пакет акций которого был выставлен на чековый аукцион. Однако я уже тогда не сомневался, что бумага под названием "ваучер" станет исторической реликвией. Поэтому мы всей семьёй их не продали и не вложили в акции, а оставили на память. Они и сейчас хранятся у нас дома».*

Немцов Б. Е.: *«В начале 90-х годов, в бытность губернатором Нижегородской области, я был вынужден бороться с дефицитом зерна. Поскольку в России в тот период приобрести этот необходимый области продукт было невозможно, пришлось поехать в Казахстан, чтобы договориться о поставках. Подарок президенту Назарбаеву был приготовлен заранее: ваучер с надписью: "Дорогому Нурсултану Абишевичу с глубокой благодарностью от реформируемой России". Подарок был принят со словами: "Ты лучше всех вложил свой ваучер"».*

Были и те, кто, имея возможность вложить свои чеки достаточно эффективно, принципиально не стали этого делать.

Припачкин Ю. И.: *«Я лично с ваучерами принципиально не работал никогда. Не занимались ими и члены моей семьи. Так как сразу стал относиться к этому проекту с большим сомнением. Более того, я считал, что это неправильная, нечестная, несущая стране огромные риски операция, которая закончится большим скандалом. Более того, я в жизни ничего не приватизировал, а всё придумывал и создавал с нуля».*

Так же демонстративно вывесил на стенку свои чеки Александр Воловик. Нелицеприятно про них говорит и Анатолий Припачкин.

Гавриленко А. Г.: *«Формировался рынок, и работы было много. Вот только в приватизации я сознательно не участвовал, заявив ранее, что в "новой" жизни не стану жульничать. Таким образом, работа с нефтью и ваучерные аукционы стали для меня табу. Я слишком устал работать с государством до прихода в бизнес.*

Мимо меня прошёл по той же причине и вторичный рынок акций, приватизированных предприятий и компаний. Это, кстати, спасло меня от многих неприятностей».

А вот среди бенефициаров были, в частности, основатели известнейшей в деловой среде инвесткомпании «Ринако Плюс», о которой у нас речь впереди, и будущие владельцы банков, и промышленники. Впрочем, никто не создал на спекуляциях ваучерами большого состояния, они могли стать только стартовым капиталом.

Смолькин И. В.: *«Крупнейшая сделка "Альфа-Капитала" на рынке ваучеров была тогда, когда директор Красноярского алюминиевого завода по-*

звонил в "Транс ворлд групп" и предложил за 40 тыс. ваучеров отдать 25%. Единственный кто смог собрать на рынке такое количество чеков были мы. Я на своей "девятке" перевозил деньги на эту операцию, мешками машина была забита по крышу, они занимали даже соседнее с водителем место. Охранники банка "Менатеп" выталкивали её из гаража, потому что она не могла тронуться.

Михаил и Лев Чёрные тогда снимали офис на втором этаже Дворца культуры, кажется, "Замоскворечье" на Большой Серпуховской. Я приехал к ним за комиссионными. У Михаила был офис не больше 10 кв. метров. В них умещался стол, его кресло и ещё два стула для посетителей. Зато в просторном зале, бывшем фойе, сидели его менеджеры, готовящиеся войти в список Forbs: Владимир Лисин, Олег Дерипаска, Искандар Махмудов, Алишер Усманов...»

Ваучерная приватизация внесла коррективы в биржевую торговлю. Одного таланта к торговым операциям брокерам уже было мало. По словам бывшего генерального директора брокерской компании Brunswick Марлена Манасова, *«ваучеров было так много, что их приносили мешками. Человеку требовалась хорошая физическая форма, потому что приходилось таскать одновременно мешок ваучеров и мешок денег»*.

А бывший вице-президент РТСБ Сергей Петров вспоминает, что 1992 год стал звёздным для многих биржевиков. Народ получил на руки ваучеры. Ими торговали везде: в деревнях, у проходных заводов и фабрик, в подземных переходах, метро, на крыльце Главпочтамта за деньги и за бутылку — кому как везло. *«Я сидел в полуприёмной-полухолле Госкомимущества. Мне сказали: "Серёж, вот пачка бумаг на стареньком телевизоре, не трогай её". Я спросил: "А что там?" Мне ответили: "Это лежит Уралмаш"»*.

Постановление Совета министров — Правительства Российской Федерации от 8 февраля 1993 года № 107 заложило правовые основы выпуска, обращения и погашения ваучеров. Приватизация государственной и муниципальной собственности рассматривалась как важнейший элемент рыночных реформ, проводившихся в России начиная с 1992 года. Благодаря приватизации государственной собственности фондовый рынок в России буквально за считаные месяцы оказался насыщен сначала приватизационными чеками, а затем акциями приватизированных предприятий, которые с 1994 года превратились в один из основных фондовых товаров.

В конце февраля 1993 года курс ваучера на московском биржевом рынке составил 4700 рублей, а на санкт-петербургском — 4500 рублей. Спрос на большие партии ваучеров оставался достаточно устойчивым и это позволяло крупным дилерам спокойно делать деньги на разнице между сравнительно стабильным безналичным курсом и медленно снижающейся наличной котировкой ваучера.

«На прошедшей неделе ценовые разрывы в котировках ваучера по стране в целом не благоприятствовали проведению арбитражных операций. Между традиционно одним из самых дорогих — уральским рынком — и одними из самых дешёвых — южносибирским и дальневосточным рынками ваучеров — разница в наличных котировках не превышала 15% и была весьма неустойчивой»[1].

В начале 1990-х годов в Москве по приглашению ГКАП прибыли эксперты — представители специального фонда Великобритании Know-How Fund. Среди них был и Терренсон Хилл.

Хилл Т.: *«Готовя документы по регулированию биржевой деятельности, мы отправились на Урал в Пермь. И стали первыми иностранцами, после британского посла, попавшими в этот, ещё недавно закрытый город. Мы поехали в Екатеринбург, во Владивосток, и везде мы запускали рынки.*

В Перми я познакомился с молодым человеком — Андреем Кузяевым. И он стал моим главным региональным партнёром. В то время я видел, как в России приватизационные чеки отдавали за водку. И хотя ваучеры были важной частью российской истории, люди не понимали их истинной ценности. Поскольку я, отправляясь в Россию, принял на себя некоторые обязательства перед британским правительством, я запросил разрешение на то, чем мне хотелось бы заниматься дальше. Проекты с ваучерами не входили в мои формальные полномочия, а мне хотелось организовать их рыночный оборот, сделать торговлю ими прозрачной. Мне не нравилось, что наиболее ловкие предприниматели скупали чеки за бесценок и потом на аукционах забирали в свои руки важные компании.

И я предложил Андрею Кузяеву свой план, предупредив, что получил на это разрешение от британского правительства: "Это может привести к успеху". Он ответил, что подумает. Я же тем временем вернулся в Москву. Через две недели Андрей позвонил мне и предложил начать совместную торговлю ваучерами. Его ждал огромный успех. Люди стали продавать и покупать ваучеры. Я был первым человеком в России, который купил за 3 доллара 50 центов ваучер на организованном рынке. Он у меня сохранился и висит на стене в моём кабинете. Мне кажется, что это очень важная часть российской финансовой истории, и я бы хотел передать его в финансовый музей в России, если он у вас появится».

Впрочем, руководитель Пермской биржи отмечает, что они «старались держать с консультантами дистанцию».

Ваучеры печатали в типография Гознака, в Москве, на проспекте Мира, в доме № 105.

Естественно, сразу после первой выдачи ваучеров на руки начались многочисленные попытки продажи подделок. Были фальшивки, сделанные

[1] *Аспин И., Шмаров А.* Портфель инвестора // Коммерсантъ. 01.03.1993.

с помощью редких на тот момент цветных ксероксов и принтеров, их при тщательном рассматривании опознать было легко, поддельные же бланки, изготовленные типографским способом, успешно продавались и покупались «на улице». В марте 1993 года подобная партия всплыла даже на Российской товарно-сырьевой бирже. Из 20 степеней защиты преступникам удалось подделать семь. Например, микротекст «РОССИЯ» свободно читался на виньетке фальшивки, тогда как на оригинале это слово можно разглядеть лишь при шестикратном увеличении. Кроме столицы, всплеск продаж поддельных ваучеров был зафиксирован в Перми, Ижевске и Ростове-на Дону.

Курчанов П. Ф.: *«В самом начале 1993-го Депозитарий РИНАКО частично переехал на Мясницкую. Разместились на третьем этаже в здании Главпочтамта над РТСБ. На первом этаже на полу биржи шла интенсивная торговля ваучерами, мы наблюдали её с балкона и водили "на экскурсии" многочисленных иностранцев, которые тогда к нам зачастили. Иностранцы с удивлением разглядывали туземную биржу со столами, за которыми сидели "брокеры" и на которых были навалены кучами пакеты ваучеров, а также пачки рублей и долларов США. "О! Да у вас тут биржа! — говорили они. — Совсем как у нас 100 лет назад..." Удивительно, но ценности ваучеров в это время большинство людей не понимали, хоть эти первые российские ценные бумаги можно было практически с начала их существования свободно продавать и покупать. Кражи, нападения на брокеров и "кидалы" на биржах появились только в начале 94-го года. Помню, при переезде мешки с нашими ваучерами лежали некоторое время внизу у лестницы, ведущей на 3-й этаж под присмотром всего одной сотрудницы — хрупкой девушки Юли. На праздные вопросы: "Что грузим?" —отвечали буднично: "Да ваучеры". И у спрашивающих сразу пропадал интерес.*

По счетам-депо, на которых учитывались ваучеры, шло постоянное движение. Поскольку наше местоположение было удобно для ваучерных дилеров (мы располагались над РТСБ — основным местом ваучерной торговли), счета-депо у нас открыли также некоторые инвестиционные компании, работавшие с этими бумагами. Вначале это были простые операции: ваучеры покупали на бирже и депонировались в Депозитарии РИНАКО. Иногда (редко) их передавались от одной компании другой по счетам депозитария, чаще — снимались со счёта-депо и "уносились" для участия в чековых аукционах. Впоследствии, когда мы стали уполномоченным депозитарием Госкомимущества, появилась и ещё одна форма: для участия в чековых аукционах мы выдавали своим клиентам свидетельство о депонировании, а ваучеры оставались у нас и гасились».

Очень эмоционально рассказал вице-президент Александр Руцкой о встреченных в Челябинске в феврале 1993 года предпринимателях, специализирующихся на ваучерах: «Да видели бы вы этих людей! У них звериные морды...»

Организаторы ваучерной приватизации столкнулись ещё с одной серьёзной проблемой: складирования (хранения) приватизационных чеков.

Васильев Д. В.: *«Как только ваучерная приватизация стала раскручиваться, потребовались хранилища, в которых крупные покупатели смогли бы держать свои чеки. Ездить по всей стране с чемоданами, набитыми ценными бумагами на миллионы долларов, — занятие небезопасное. Гораздо удобнее сдать чеки на хранение и взамен получить бумагу, подтверждающую твоё право на собственность. Одно из таких хранилищ, крупнейшее в стране, было оборудовано в подвале здания бывшего СЭВа. Там было собрано более 10 млн ваучеров»*[1].

Во время октябрьских событий 1993 года здание это было захвачено. Ваучерная приватизация оказалась под угрозой (об этом читайте в главе о Кассовом союзе).

По итогам всей этой эпопеи было официально объявлено: акционерами стали 40 млн граждан России — то есть только каждый четвёртый чек прошёл законную процедуру прямого обмена на акции приватизированных предприятий, остальные были предъявлены уже в условиях вторичного рынка ценных бумаг. И более 100 млн чеков должны были приниматься к оплате пакетов акций лишь при предъявлении декларации о доходах и взимании с них налога применительно к операциям с ценными бумагами. Но свободно обращающиеся чеки прошли, естественно, через наличный оборот. При средней цене за чек 12,5 тыс. рублей, на рынок тогда было вброшено не менее 460,0 млрд рублей «горячих» денег.

И ещё: на 1994 год было государство намечало получить доход федерального бюджета от приватизации в размере 1244,9 млрд рублей, в том числе от продаж 329,1 млрд рублей. Фактическое исполнение составило 35,3%. По статье «арендная плата и дивиденды по акциям», принадлежащим государству, планировалось получить 915,8 млрд рублей, фактическое исполнение составило лишь 9,3%. В результате из намеченного дохода федерального бюджета от приватизации в 1244,9 млрд рублей была получена сумма, не превышающая 16%.

Контрольно-бюджетным комитетом при Верховном Совете была сделана оценка потерь федерального бюджета за период проведения приватизации. Потери оценили в 1669,6 млрд рублей, в том числе:

— 1043,0 млрд рублей — упущенные доходы бюджета от неприменения налогообложения на операции с ценными бумагами;

— 166,6 млрд рублей — прямые затраты на «ваучеризацию»;

— 460,0 млрд рублей — «вклад» инфляционных процессов.

---

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 134.

Дмитрий Васильев считает, что чековая приватизация обошлась России примерно в 40 млн долларов. Вот его расчёт.

Васильев Д. В.: *«Около половины этих денег пришли от международных финансовых организаций. Основными зарубежными источниками финансирования были: Агентство международного развития США (10 млн долларов — самый крупный донор российской приватизации), Мировой банк, Европейский банк реконструкции и развития. Небольшие суммы поступали от правительств западных стран, а также Японии. Последние выдавали не кредиты, а гранды — деньги, которые давались безвозмездно на определённые цели. Ещё одним источником финансирования приватизации были доходы, получаемые от неё же. Однако доходы эти были не очень велики.*

Основные затраты падали на печатание чеков и раздачу их населению; создание аукционных центров и проведение чековых аукционов; уничтожение использованных чеков; пропаганду приватизации.

Для печатания чеков мы тогда купили Гознаку дорогую печатную машину за 300 тыс. долларов. Гознак за время чековой приватизации разбогател неплохо. <...>

На что ещё тратили деньги? На уничтожение использованных чеков. Долго мы обсуждали, как технологически это выгоднее делать, как дешевле. Ножницами резать? Дело трудоёмкое. Об измельчающих машинах мечтать тогда не приходилось: на компьютеры и то средств не хватало. Сошлись на том, что надёжнее и проще сжигать.

Нас ругают за то, что много денег тратили на пропаганду приватизации. Я с этим категорически не согласен. Наоборот, считаю, — мало. Разъяснительной работе нужно было уделять больше внимания. Хотя, если сравнивать с другими направлениями реформ, мы тратили на просвещение очень много средств и усилий. В результате приватизация оказалась самой освещённой в средствах массовой информации. С инфляцией люди разбирались значительно дольше. Хотя, казалось бы, гораздо легче объяснить, как большое или малое количество денег влияет на цены»[1].

На празднике прощания с ваучерами в ММВБ проходило их погашение. В зале была поставлена большая машина, вырубавшая в депонированных чеках дырки. Полученные конфетти, собранные в мешки, были разбросаны в торговом зале. На РТСБ была устроена грандиозная вечеринка, напоминавшая похороны «сухого закона» в бутлегерской Америке, прошла и на РТСБ.

Скромнее закрытие проходило в других городах.

Сухоруков А.: *«В подвале Уральского фондового центра было большое помещение, в котором на оборудовании, поставленном консультантами Deloitte,*

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 133–135

утилизировали приватизационные чеки. Специально подразделение сверлило в них дырки мощной дрелью и дышало, по их словам, "ваучерной пылью"».

Незадолго до официального прекращения хождения ваучера в Российский центр приватизации (РЦП) нагрянула аудиторская проверка. Брокеры должны были в течение трёх дней погасить все задолженности по поставке туда ваучеров.

Царьков И. О.: *«После подсчётов мы пришли в ужас, необходимо было поставить в РПЦ около 200 тыс. ваучеров, что составляло по курсу около 5 млн долларов. И это, не считая заказов, которые у нас были. Наша дневная закупка была в среднем около 50 тыс. ваучеров. Понятно, что если мы пойдём покупать весь объём, то цена уйдёт вверх. Да и свободных средств у нас не было. Заигравшись и почувствовав себя профессиональными инвесторами, мы играли в долг.*

Поэтому я обратился за помощью к одному из чековых инвестиционных фондов, у которого мы изредка брали в кредит ваучеры. Ставка была стандартная — 50 рублей в день наличными.

Мой кредитор согласился дать 50 тыс. чеков на две недели, но его не устроили условия.

— Ты же мне рублями платишь, а с тобой CSFB долларами рассчитывается, — обиженно начал он. — А инфляция?

— Хорошо. Давай я с тобой тоже долларами расплачусь. Давай считать. Сколько ты на депозит получаешь? 20% годовых. Вот давай я тебе буду платить столько-то центов. Согласен?

— Да.

Сидит рядом мой коллега с калькулятором:

— Слушай, так вы договорились на 17 руб. в день.

— Я же ему предлагал 50 — он отказался.

Но фактически он дал мне 1 млн долларов под честное слово[1]*. И было это в 1994 году, когда людей убивали за гораздо меньшие суммы. Объясняется это, думаю, тем, что криминальный мир проглядел ваучерный рынок.*

"Пацаны" периодически гуляли по РТСБ. Иногда даже выслеживали и грабили брокеров, которые, подобно нам, приходили на биржу с большими суммами наличных. Поэтому мы на каком-то этапе начали сотрудничать с банком "Олимпийский", которому отдавали половину своих заказов, а он взамен не только кредитовал нас, но и предоставлял охрану.

Но в целом правила игры на нарождающемся российском фондовом рынке устанавливали не бандиты, как это происходило во многих отраслях промыш-

[1] Квадратный метр квартиры в сталинском доме на Ленинском стоил в это время 600–800 долларов.

ленности и даже в банковском мире, а всё те же бывшие "синие воротнички", лелеющие мечту стать "белыми". Многим из них ещё в школах и вузах была привита любовь к красивым решениям. Добиться желаемого, зайдя через "заднее крыльцо" можно всегда. Но это не доставит эстетического удовольствия. Это всё равно, что, решая сложную математическую задачу, заглянуть в опубликованные в конце учебника ответы".

И тем не менее кидалы и бандиты на биржах, конечно, были, каждый должен быть готов к тому, что за ним наблюдают. В лучшем случае сумку с деньгами или ваучерами вырывали из рук, в худшем...

«"Да у него, всего то с собой была тонна (1000) ваучеров" (на тот момент это 30 тыс. долларов), такими недоумёнными словами как-то раз прокомментировали брокеры очередное убийство коллеги. В итоге к присутствию "криминальных элементов" попривыкли, относясь к их присутствию просто как неизбежному неудобству, а иной раз устраивали трюки для своих клиентов типа: "Вот что бы случилось бы...если бы... ты бы... покупал ваучеры сам бы..." Для этого выбирался одинокий "ломщик", которому предлагалось продать ваучеры. "Дилеры" давали "ломщику" провести операцию, естественно, не до конца, по уполовиниванию пачки ваучеров, в процессе которой на ухо объясняли своему клиенту все особенности манипуляций. После такой демонстрации, клиент уже и не помышлял о самостоятельной покупке чеков и был более сговорчив по поводу комиссионного вознаграждения»[1].

Кстати...

Бройтман М. Я.: *«30 июня 1994 года был последний день обращения ваучера. Однако и на следующий день на бирже его продавали и покупали, не снижая цены. Так продолжалось чуть ли не до октября. Непонятный был феномен. Ваучер уже нельзя было направить на приватизацию, а он не падал в цене. По одной из версий, в разгар приватизации весной 1994 года многие приносили заявки на приватизационные аукционы, а под них ваучеров не было и потом их долго докупали и доносили. Причём, схема эта была массовая».*

В действительности это брокеры закрывали долги перед аукционными центрами и рассчитывались ими за акции, покупаемые у населения (ведь операции с чеками не облагались подоходным налогом[2]).

А ещё специальные решения принимали некоторые региональные власти. Так правительство Хакасии в ответ на обращения жителей согласовало про-

---

[1] *Виноградов А.* Воспоминания молодого брокера о молодости фондового рынка.

[2] Акции менялись на ваучеры и тут же выкупались обратно за наличные. По договору мены у физического лица обязательств по подоходному налогу не возникало, а продажа ваучера налогом не облагалась. Было что экономить, ставка на прибыль была 35 %!

дление приёма ваучеров до ноября, но только чековыми фондами республики. ЧИФам же было предложено позднее обменять аккумулированные подобным образом чеки по согласованному курсу на акции РАО «ЕЭС России», которых у правительства Хакасии было в достатке в силу присутствия на территории республики Саяно-Шушенской ГЭС. В этот короткий период в ряды акционеров АО «ХИФ» вступило около 20 тыс. до этих пор «неторопящихся» человек.

Бедарев Н. И.: *«Нагрузка на 10 работников фонда в этот период была неимоверной, но мы справились. Чтобы не создавать ненужного напряжения и после этих сроков, я дал команду принять чеки у оставшихся нерасторопных граждан в обмен на акции фонда».*

Кстати, когда ваучерная приватизация подходила в концу, участилось поступление в Думу обращений от русских общин с требованием выдать им ваучеры. Речь шла о русских, проживающих на территории республик бывшего СССР, и прежде всего тех республик, где русскоязычное население подвергалось дискриминации (Эстония и Латвия). Кроме того, на ваучеры вдруг воспретендовала и бывшая российская автономия с непонятным на тот момент статусом, ранее отказавшаяся от выдачи приватизационных чеков своим жителям — Чечня.

Как выдать ваучеры 821 тысяче русских, живущим в Латвии, и 409 тысячам в Эстонии, и не дать их 20 с лишним миллионам, находящимся в прочих странах ближнего зарубежья, было непонятно.

Закончить этот рассказ хотелось несколькими курьёзными историями.

Власов А. Ф.: *«Был случай, когда один из брокеров пришёл в торговый зал с газовым пистолетом и он, как ружьё в пьесе Чехова, выстрелил. Переполох был сильный, часть зала оказалось загазованной и находиться там было невозможно. Торги же не прекращались, правда, четверть ямы была пустой, зато другая часть переполнена. Комитет брокеров рассмотрел вопрос с незадачливым коллегой, понял, что выстрел был непроизвольный, произошёл в кармане брокера и он сам пострадал сильнее всех. Наказали его несерьёзно, стол и право торговли ему сохранили, но всех предупредили — впредь оружие с собой в здание биржи не проносить! Больше такого не повторялось. То ли оружие не носили, то ли оно просто не стреляло.*

Была у нас брокерская контора кришнаитов, работавшая и с ваучерами, и с фьючерсами. Они ничем не отличались от своих коллег, только раз в год ко мне приходил их руководитель и просил разрешить в честь их главного праздника после окончания торгов угостить участников торгов чаем со сладостями. Я не возражал, и такое происходило четыре или пять лет подряд».

Несколько раз, особенно в период торговли ваучерами, к руководству РТСБ приходили некие люди с настоятельным предложением «крыши».

Власов А. Ф.: *«Разговор развивался по одному и тому же сценарию. Я выводил пришедших на балкон, с которого был хорошо видна биржевая площадка и показывал: “Вот за тем столиком работают брокеры от такой-то группы, за таким-то — от такой-то. Договаривайтесь с ними и приходите снова, поговорим”. Как не странно, никто не пришёл. Что касается тех, кто работал на площадке, то к ним у биржи не было претензий».*

Происходили и курьёзные случаи.

Калинин М. Н.: *«Тогда же я познакомился с молодой руководительницей брокерской конторы из Брянска Галей Стародубцевой. Она торговала всем, чем придётся, потихоньку спекулируя акциями, практически с момента образования фондового рынка, фактически формируя фондовый рынок в городе. Забавная девочка в вечных джинсах, с невероятного размера кошёлкой, как у “челноков”, набитой разными проектами договоров. Она регулярно приезжала к нам в Москву.*

Кстати, именно Галина совершила одну из самых курьёзных и уникальных акций в процессе приватизации — в период размещения ваучеров ей удалось подписать на акции психиатрическую больницу. Главный врач, выступивший её уполномоченным лицом, собрал ваучеры со всех больных».

И ещё о женском влиянии на ваучерный рынок. Рассказывают, что на РТСБ они работали в основном кассирами и счётчицами на «столах». Порой там появлялись цыганки, отмечались активные пенсионерки.

Но особо заполнилась рассказчику этой истории дилерша, пришедшая на биржу в ноябре 1993 года (может быть, кто-то из читателей её вспомнит!). Алексею Виноградову она запомнилась «дурацкой», по его словам, шубой из искусственного меха. Начав торговлю с «двух ваучеров», эта дама быстро расширяла свой бизнес, не меняя шубу. Рассказывали, что она не боялась ездить на скупку чеков в регионы. Отмечали её способность продать собранное по максимальной цене, а откупать по минимальной. Уже через полгода, в мае, она работала с собственной «тонной». Это удалось сделать благодаря её фантастической работоспособности. Поскольку самостоятельное проведение расчётов по сделке в тысячу ваучеров занимало слишком много времени (15–20 минут) она использовала двух-трёх помощников. Последний раз на бирже видели эту дилершу во время обвала МММ.

«Как-то раз возвращаюсь с работы, — рассказывал один из активных участников ваучерных торгов, — вижу в подземном переходе бабулька чипсами торгует, спрашиваю — сколько стоит, а она: “По тысяче Дима, по тысяче”. Я пригляделся, да я ж её знаю, работала с полтонной ваучеров, торговалась до последнего, апеллируя к своему преклонному возрасту. Говорю: что с вами случилось то? Да сначала “МММ”, — отвечает, — а потом “Чара”, приходится теперь в переходе стоять»[1].

[1] *Виноградов А.* Воспоминания молодого брокера о молодости фондового рынка.

ЧЕКОВЫЕ АУКЦИОНЫ

Около 40 млн россиян вложили свои бумаги в акции самостоятельно — и кое-кто, например сотрудники Ростелекома или Газпрома, вполне могли рассчитывать на две «Волги», обещанные Анатолием Чубайсом за ваучер.

В соответствии с Положением «О продаже акций в процессе приватизации», продаже за приватизационные чеки подлежало 80% акций государственных предприятий и 35–90% — муниципальных. Часть этих акций (за исключением тех, которые реализовывались по закрытой подписке) можно было приобрести на чековых аукционах.

Основные нормативные документы, регламентирующие порядок осуществления главных приватизационных процедур: проведение конкурсов и аукционов, порядок оплаты и т.д. — были утверждены Постановлением Правительства РФ № 52 «Об ускорении реализации программы приватизации на 1992 год», а также Указом Президента РФ № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», принятыми ещё 29 января 1992 года. Они вводили в действие ряд нормативных актов, раскрывавших механизм перехода государственной собственности в частную.

Васильев Д. В.: *«Необходимо было, чтобы появились эффективные собственники и прозрачная система оценки стоимости бизнеса. В 1993–1994 годах эта тема будоражила умы и работников правительства, и наших экспертов. С другой стороны, был подобный же запрос со стороны самих участников рынка».*

Аукционами Дмитрию Валерьевичу пришлось заниматься ещё в 1990–1991 годах в Ленинграде. В ходе «малой приватизации» через них продавали булочные, прачечные и химчистки.

Васильев Д. В.: *«С чековыми аукционами всё было гораздо сложнее. Систему нужно было отладить так, чтобы участие в приватизации мог бы принять и человек с одним-единственным чеком, и владелец миллиона ваучеров. Как делить акции между такими разными покупателями?*

Тогда и появилась идея: а что если сбросить все принесённые чеки в одну большую корзину и по итогам рассчитать, сколько акций пришлось на каждый ваучер. Принёс один ваучер — получил одну долю акциями. Принёс миллион чеков — получил миллион долей акциями. Отличие от традиционного аукциона в том, что выигрывает не один-единственный человек, который предлагает больше остальных, но все участники. Однако каждый — в соответствии с размерами своего взноса. При такой системе чем больше чеков предлагается за одну акцию, тем выше реальная стоимость предприятия»[1].

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 130.

Поэтому технически аукционы старались сделать максимально простыми. В них могли участвовать все: работники предприятия, местные жители, ваучерные фонды, иностранцы... В качестве платы на аукционах принимались только ваучеры. Позднее, правда, местным комитетам имущества дали право продавать часть акций за наличные деньги после окончания ваучерного аукциона.

В перечень объектов, подлежащих приватизации в первую очередь, вошло более 27 тыс. предприятий, имевших самостоятельный баланс и зарегистрированных в качестве налогоплательщиков.

Ваучерный аукцион был вторым этапом, завершающим процесс приватизации, он поднимал планку частной собственности над 65-процентной отметкой, после чего предприятие могло считаться частным.

Меры, направленные на стимулирование чековых аукционов, Госкомимущество закрепило в проекте Государственной программы приватизации на 1993 год.

Приватизация должна была проводиться по чёткому плану. Регионам были представлены задания по 12 отраслям производства, которые, впрочем, по какой-то причине не совпадали со структурой отраслевой отчётности российских статистических органов. Более того, объекты из наиболее привлекательных для приватизации отраслей — машиностроения, приборостроения, ресурсодобывающие и перерабатывающие предприятия — были отнесены к категории «прочие».

Для того чтобы в максимально короткие сроки осуществить чековую приватизацию по модели, фактически предложенной иностранными консультантами, была организована сеть так называемых аукционных центров.

Чикунов А. В.: *«Был создан аукционный центр и у нас в Новосибирске. Негласным руководителем его был некий очень толковый американец Джошуа Солоу, все знали, что он из ЦРУ. Валерий Башков был назначен директором центра, позже он возглавил областное отделение ГКИ. Следует сказать, что в этот момент американская техническая и методическая помощь принесла нам большую пользу. Лучше, чем американцы никто не готовил регламенты, распорядки, процедуры... Настолько детально они их прописывали, что дальше по ним работать было легко».*

Пресс-служба ГКИ договорилась со справочной службой «09», чтобы всех, кто звонил в справочную по вопросам приватизации, выводили на многоканальный телефон Аукционного центра, где уже можно было получить исчерпывающую информацию о том или ином предприятии и его акциях.

Для решения указанных вопросов был подготовлен целый ряд постановлений Госкомимущества. Так 4 ноября 1992 года вице-премьер правительства, председатель Госкомимущества А. Б. Чубайс подписал Постановление ГКИ № 701-р, утверждающее Положение о продаже акций в процессе прива-

тизации и Положение о специализированных чековых аукционах, на которых владельцы чеков могли приобрести акции крупных приватизируемых предприятий.

В соответствии с Программой приватизации правами на продажу на аукционах акций приватизируемых предприятий, относящихся к муниципальной собственности, обладали региональные фонды имущества. Соответственно, в Москве этим занимался Московский фонд имущества, он, кроме того, получил права реализовывать акции предприятий, относящихся к федеральной собственности, которые ему передал Российский фонд федерального имущества.

Для того чтобы любой желающий, располагающий даже всего одним приватизационным чеком, мог принять участие в аукционе, МФИ организовала сеть по приёму заявок на участие в таких аукционах от физических и юридических лиц.

В конце сентября — начале октября в «Экономической газете» вышел судьбоносная для многих статья Юрия Михайловича Лужкова, ругающего принятый вариант приватизации. Особенно его раздражало то, что только «агентам-посредникам» нужно будет заплатить 10 млн долларов.

Ячник О. Е.: *«Я несколько раз перечитал этот пассаж и сделал вывод: "Надо быть полным дураком, чтобы не принять участие в этом деле".*

Мы оперативно направились в Московский фонд имущества (МФИ), где познакомились с Мариной Викторовной Чекуровой, буквально неделю как пришедшая туда на работу. Ей предстояло с двумя или тремя помощницами организовать чековую приватизацию в столице.

И тогда мы подрядились оказать помощь в подготовке необходимых документов. Это были правила и схема проведения чековых аукционов... При этом, конечно, наибольшая нагрузка легла на консультантов Госкомимущества. Впрочем, в их инструкциях значился один центр проведения всех задуманных Чубайсом действий — единственный агентский пункт приёма ваучеров и организации аукционов.

В декабре прошли два первых пробных аукциона — приватизации фабрики "Большевик" и ГУМа. Следовало отработать все механизмы. Наблюдателей на них было чуть ли не больше, чем участников. На втором я провёл несколько часов. Проходил он на какой-то бирже, расположенной на Волоколамском шоссе».

В конце 1992 года РФФИ, Фонд имущества г. Москвы, Московский областной фонд имущества стали проводить аккредитацию компаний-агентов на право проведения специализированных чековых аукционов по продаже акций предприятий муниципальной и федеральной собственности. Основными критериями стали наличие лицензий Министерства финансов Российской Федерации и Департамента финансов г. Москвы на право совершения

операций с ценными бумагами и уровень технической оснащённости фирм, необходимый для организации операционного зала и консультационной работы с населением.

Гусаков В. А.: *«Имевших лицензию Минфина тогда ещё было немного. Мы же занимались аттестацией сотрудников отделений РФФИ на право совершения операций на рынке ценных бумаг (по согласованной с Минфином России процедуре, там за это отвечал Михаил Антонов). Мне пришлось разрабатывать экзаменационные вопросы, помню, в этом деле было много трудностей, так как запутанное незрелое законодательство тех лет часто давало на один вопрос противоположные ответы. Я отвечал в министерстве за рассмотрение апелляций и тогда же утвердил положение, согласно которому нельзя было в билеты помещать новые вопросы, если они за месяц до этого не были напечатаны в "Финансовой газете"».*

Этим фирмам выдавались сертификаты об аккредитации, служащие гарантией того, что фирма, в которой инвестор оставляет свою заявку и ваучер, не исчезнет, как это однажды уже успело произойти в Санкт-Петербурге в начале 1993 года. Сначала в Московском ФИ были зарегистрированы 7 компаний, выполняющих агентские функции. Такими агентами стали уже известные на рынке компании — ОЛМА, «Аналайз», «Грант», «Депозитарий А». В офисе каждой из них организовывался приём ваучеров от населения на эти аукционы. Список не был закрытым, и к началу апреля фирм-агентов было уже больше 20.

Ячник О. Е. *«В начале 1993 года меня пригласили в Госкомимущество. К этому времени у компании ОЛМА уже было два фондовых центра. На этой встрече я познакомился с Альбертом Сокиным. Я подробно рассказал про организацию работ по проведению чековых аукционов в наших центрах. И после этого Дмитрий Васильев и Альберт Сокин предложили мне участвовать в создании ещё одного центра — Московского аукционного центра (МАЦ). Я согласился, и мы сразу приступили к обсуждению структуры и принципах работы МАЦ. Тогда было принято решение, что, созданный совместно с Госкомимуществом, МАЦ будет структурным подразделением Инвестиционной фирмы "ОЛМА" с некоторыми дополнительными правами».*

Возглавила МАЦ американская гражданка Юлия (Джулия) Загачин.

С ней и Фондом имущества г. Москвы в феврале 1993 года заместитель председателя Госкомимущества Дмитрий Васильев заключил договор о создании системы по продаже акций приватизируемых предприятий. В тоже время Джулия Загачин работала по контракту с Гарвардским университетом.

Наиболее активными компаниями, с которыми заключали агентские соглашения на сбор заявок, стали ОЛМА, «Грант», «Аналайз» и «Депозитарий А».

В дальнейшем каждые две недели МФИ своим распоряжением передавала фирмам, входящим в Сеть, право на принятие заявок и приватизационных чеков на очередные предприятия, выставляемые на чековый аукцион. Одновременно они получали планы приватизации и балансы предприятий, с которыми на пунктах приёма заявок мог ознакомиться любой желающий. Сотрудники фирм также обязаны были бесплатно консультировать потенциального инвестора о том, как правильно заполнить заявку и разобраться в информации, предоставленной ему по конкретному интересующему его предприятию. Обладателю же большого пакета приватизационных чеков предоставляли, кроме того, более детальный анализ имеющейся информации, а также его могли проконсультировать по выбору тактики участия в том или ином чековом аукционе.

На первом этапе Фонд имущества Москвы проводил приватизацию небольших производственных предприятий с малоизвестными широкому кругу инвесторов названиями.

Ячник О. Е. *«Мало кто понимал ценность продаваемого. Мелькали названия "Сутрик", "ШКОМ", "Гидроспецфундаментстрой", "Мостеплосетьстрой" и тому подобные. Рядовых граждан такие предприятия не привлекали и заявок на них собиралось крайне мало. Например, на "Мостеплосетьстрой" было принято 3900 ваучеров. Но неожиданно оказывалось, что "ШКОМ" — это небольшая фабрика, производящая школьную мебель, расположенная напротив Кремля, владеющая большим участком земли и двухэтажным особняком. Тем она и была ценна. Сохранять её профиль вряд ли кто-то собирался. И вот за "ШКОМ" произошла борьба крупных (по тем временам) организованных инвесторов, которые на 49% акций, выставленных на этот чековый аукцион, внесли 22 тыс. ваучеров. В результате акции ушли по цене более чем в сто раз превышающие номинал. Это был первый успех московской приватизации. В дальнейшем акционеры, купившие крупные пакеты акций, после длительной борьбы сместили дирекцию».*

В начале 1993 года вышло Распоряжение ГКИ о вознаграждении для брокеров, организующих сбор заявок на участие в чековых аукционах. Его совместно подготовили Андрей Орехов и Олег Царьков из компании «Грант».

Царьков О. И.: *«Американские консультанты помогали методологически и технологически. Но бесплатных компьютеров брокерам, согласившимся сотрудничать с ГКИ и РФФИ, было недостаточно. Они требовали комиссионных. На совещании у тогдашнего заместителя председателя Госкомимущества Дмитрия Васильева брокеры доказали, что они будут нести издержки, связанные с наймом персонала, арендой помещений, инкассацией и просто не смогут финансировать эти издержки ввиду отсутствия средств. Васильев предложил нам выйти с предложением к ГКИ. Тогда-то мы с Андреем за одну*

ночь написали положение о продаже за деньги 5% от пакета акций, который выставлялся на чековый аукцион для покрытия издержек брокеров. Вырученные таким образом средства распределялись среди брокеров, пропорционально собранным ими заявкам».

Большинство компаний проводили приватизацию по 2-му варианту и на аукционах продавали чаще всего 49% акций. Фонд имущества определял, сколько выставлять на чековый, а сколько на денежный аукцион. За счёт денежного аукциона 5% отдавали агентам, собиравшим заявки. На многих аукционах это был хороший заработок.

Выбрав предприятие, акции которого инвестор хотел бы получить за свои ваучеры, он подавал заявку на участие в соответствующем аукционе. Она могла быть двух типов.

Если инвестор заранее был согласен получить на каждый вложенный ваучер столько акций данного предприятия, сколько получится по результатам чекового аукциона, каким бы ни получился обменный курс ваучера на акции, то он подавал заявку первого типа. Она, естественно, всегда выигрывала.

Подавая заявку второго типа, инвестор заранее ограничивал минимальное количество акций предприятия, которое он хотел бы получить за свой ваучер. И он проигрывал, если по результатам аукциона на один ваучер выпадало меньшее количество акций, чем было отмечено в заявке. В этом случае ему возвращали его ваучеры.

Кстати, если инвестор, подающий заявку представлял юридическое лицо, то кроме удостоверяющих документов он должен был предоставить справку, что в его уставном капитале не более 25% государственной собственности.

Если выставляемое на аукцион предприятие относилось к муниципальной собственности, сбор заявок по нему продолжается две, если к федеральной —четыре недели. По истечении этого срока все фирмы в строго определённый и одинаковый для всех период передавали собранные заявки в МФИ, где данные заносились в компьютер, в недрах которого и происходил чековый аукцион. Его результаты со всеми необходимыми раскладками, чтобы можно было легко проверить подлинность полученных итогов, доводятся до сведения фирм, участников Сети, а от них — до инвесторов.

После этого лица, чьи заявки по результатам аукциона признаны победившими, получали все права акционеров и заносились в реестр на предприятии, а тем, чьи заявки проиграли, возвращались их ваучеры.

С этого момента реестродержателями акций становились сами эмитенты и брокеры, которые помогали проводить чековую приватизацию.

Чубайс А. Б.: *«Помню, на одном из совещаний в Госкомимуществе я объяснял региональным коллегам, как проводить ваучерные аукционы, председатель ГКИ Якутии заявил: "Я не понимаю, что вы говорите! Вы ставите какие-то*

взаимоисключающие задания. Я, как бешеный, носился на оленях по тундре, чтобы эти ваши дурацкие ваучеры раздавать, а теперь мне нужно их собирать. Сказали бы сразу, я бы ничего не выдавал!"»

Непонимание было не только в Якутии.

Кукк А. В.: *«Выполняла компания "Ринако Плюс" заказы и региональных инвестиционных фондов. Их представители приезжали, разговаривали и в зависимости от того, кто кому понравился, тот с тем в дальнейшем и работал. Был у нас, например, Андрей Архаров, он специализировался на Поволжье, там у него друзья были везде.*

Однажды к нам приехал Саратовский фонд и предложил поучаствовать в аукционе по Вольскому цементному заводу. Наша задача была свести этот ЧИФ с конечным покупателем — CSFB.

В той сделке не перемещался ни один ваучер, ни один рубль. Двигались только договора. Дело в том, что к этому моменту можно уже было работать через Кассовый союз. Региональный фонд принёс справку о сданных ваучерах, мы выиграли аукцион, после чего я временно оформил акции на себя. Но когда с ребятами из Саратовского фонда приехал на завод оформлять изменения в реестре, выяснилось, что он вёлся здесь в обычной ученической тетради. И вот туда на основании привезённых нами договоров при нас и вписали нового владельца акций.

После того как это дело было сделано, руководство "Вольского цемента" затащило нас к себе в конференц-зал с накрытыми столами, полными всяких яств. И вышли мы с этой трапезы, с трудом держась на ногах. Помню, что хозяева допытывались, кто такие эти покупатели, не уволят ли они руководство завода. Никто ничего не понимал в происходящих процессах».

Юристы областных отделений РФФИ были настоящими героями!

Игин Н. Н.: *«На всё Подмосковье их было пять или шесть, но ни проводили колоссальную разъяснительную роботу.*

В 70 из 80 районах области были созданы подразделения областного фонда. Они и стали нашими опорными представителями, взявшими на себя большую часть организационной и разъяснительной работы по проведению чековых аукционов. В каждом из них мы открыли аукционные центры.

Выпускался Бюллетень фонда имущества Московской области, в котором публиковались объявления об аукционах за месяц до даты его проведения. О самых крупных сообщалось в общероссийских СМИ.

Две недели шёл сбор заявок. У нас это делали только районные фонды имущества, коммерсантам это не было доверено.

Когда мы заметили, что в нескольких центрах начались нарушения — в частности сдача пакетов ваучеров после окончания приёма, мы создали комиссии, которые в последний день принимали документы».

Учёт интересов. Стимулы для их проведения имели и органы приватизации, региональные власти и коллективы приватизируемых предприятий — у всех был собственный интерес от проведения аукционов. Чиновники получали плату от их проведения, зависящую от количества собранных на аукционах приватизационных чеков. А коллективы предприятий и их директоров старались с их помощью увеличить свою долю владения акциями предприятия, не допустив чужаков.

И действительно многие российские компании были выкуплены их красными директорами, скупавшими ваучеры для участия в торгах на первичном аукционе. Если это не удавалось, они пытались позже приобрести акции у собственных подчинённых на вторичном рынке. Поскольку рабочие часто получали мизерные зарплаты с месячными опозданиями, они с удовольствием продавали свои акции за наличные своей же администрации.

Чубайс А. Б.: *«Необходимо было заставить директоров подчиняться решениям правительства. Требование проводить приватизацию в пользу трудовых коллективов было тогда популярным. Его поддерживали профсоюзы, советы трудовых коллективов, а за ними стояли директора предприятий. Без их поддержки провести приватизацию было невозможно, но задача состояла в том, чтобы, пойдя навстречу этому требованию, не создать вместо советского кооперативный рыночный социализм. Мои единомышленники Сергей Игнатьев и Сергей Васильев блестяще знали реалии югославского опыта и ещё в советское время пять лет рассказывали нам о его пороках».*

Впрочем, с этим согласны не все. О конфликте между «профессионалами и невеждами, людьми в малиновых пиджаках, у которых стали появляться свои банки» есть и иные мнения.

Осинягов С. Л.: *«Не было фактически ни одного директора завода, который стал бы его хозяином. Этих красных директоров, которые смогли удачно приватизировать на себя заводы, очень мало. Фактически всех смела "активная молодежь", комсомольцы. Ни Дерипаска, ни Потанин директорами заводов изначально не были. <...>*

Какая культура у директоров заводов? Договариваемся о сделках выкупа ценных бумаг с директором завода. Обмениваемся по факсу подписанными договорами с расчётом через несколько дней, а потом он объявляет: бумаги продавать не будет, потому что цена сейчас выше. Но как же, у нас договор заключён! Вот такая была тогда логика ведения дел. До последнего не знаешь, состоится сделка или нет.

После первой сделки я чуть не поседел. Купил ценные бумаги на 10 миллионов долларов у Нефтехимбанка. Приходит день расчётов. Около двух часов дня мне звонят бывшие коллеги из депозитария Внешторгбанка РФ и говорят: "Сергей Леонидович, в четыре закрываем рабочий день, а нет никаких облига-

ций". Я звоню владельцу банка, Георгию Жуку, а он то на правлении, то на заседании. Пытаюсь дозвониться до его помощницы (она у меня лекции слушала). Наконец полчетвёртого он говорит: мол, не волнуйтесь, инкассаторская машина давно выехала, ещё в полдень. Как выехала?! Куда?! Тогда ценные бумаги перевозили в физической форме. И где же эта машина, которая едет от проспекта Мира до Плющихи с активами на 10 миллионов долларов? Уговорил сотрудниц депозитария ВТБ РФ дождаться — машина приехала в пять вечера.

С другой стороны, многие вещи решались гораздо проще. С моим партнёром по банковскому бизнесу Михаилом Прохоровым все вопросы о больших сделках мы обсуждали за обедом. И нам не нужны были при этом никакие посредники"[1].

11 июня 1992 года при принятии Программы приватизации в Верховном Совете правительство согласилось на вариант приватизации с передачей 51% акций трудовому коллективу. Однако взамен реформаторы получили встречную уступку — акции передавались не трудовому коллективу, а членам трудового коллектива.

Чубайс А. Б.: *«Тем самым мы внесли разлад в это сообщество. В своём выступлении на том историческом заседании я сказал: "При проведении приватизации мы стремимся к справедливости и эффективности, за подлинно народную приватизацию, в которой смогло бы поучаствовать всё население, а не только трудовые коллективы, чьими интересами прикрываются противники правительственной программы. То есть на самом деле пытаются реализовать номенклатурный вариант псевдоприватизации, не имеющий ничего общего со справедливым доступом граждан России к приватизируемому госимуществу"».*

Для организации такой продажи акций была отработана специальная технология. Членам трудовых коллективов акции продавались по закрытой подписке с повышающим коэффициентом 1,7 к номинальной цене акций, а также на ваучерных аукционах и инвестиционных конкурсах.

Каждое акционирующееся предприятие должно было выставить на продажу не менее 29% акций за ваучеры. Граждане вольны были менять ваучеры на акции любого предприятия. Правила его проведения были таковы, что, если бы за 29% акций, например «ЗИЛа», был бы подан всего один ваучер-заявка, хоть ЧИФом, хоть физическим лицом, его владелец получил бы за него весь выставленный пакет акций. Соответственно, если бы оказалось 100 ваучеров-заявок, то его бы разделили поровну на всех.

Ячник О. Е.: *«Такой прецедент имел место в МФИ, когда на аукцион по продаже 29% акций одного небольшого столичного предприятия, имеющего недвижимость и действующее производство было подано всего 9 ваучеров».*

---

[1] *Померанцева Н.* Сергей Осинягов, инвестбанкир, бывший глава МФК: «В 90-х всем хотелось открывать бизнес и зарабатывать» // thereminder.ru. 14.11.2017.

На практике всё было сложнее. Предприятия всячески усложняли проведение чековых аукционов, затягивая собственную приватизацию, чтобы к 31 декабря 1993 года — дню, когда ваучер заканчивал своё хождение (позже этот срок был отодвинут на 1 июля 1994 года), — заявить о неготовности к чековым аукционам. Они также ограничивали круг ваучеровладельцев, которые могли купить акции.

Дело в том, что полученные после проведения аукциона ваучеры не приносили никаких реальных инвестиций на предприятие. Выручку от аукционов получал государственный орган, как правило, фонд имущества.

Царьков О. И.: «*Анатолий Чубайс всеми силами противился директорской приватизации — мы ей способствовали. Даже разработали специальную программу, позволявшую директору правильно, с его точки зрения, поделить пакет акций, предназначавшихся для бесплатной передачи всему трудовому коллективу и пенсионерам (в большинстве случаев 51%). Там были коэффициенты, устанавливающие зависимость от стажа, зарплаты и ответственности. Программа работала обратным счётом. Ты забивал, какую долю хочешь иметь, а программа, исходя из заданной информации, выбирала нужные значения коэффициентов. Если ты на собрании трудового коллектива заявляешь: "Я — директор и мне надо 10%", народ, конечно, обидится. А когда ты предлагаешь установить коэффициент ответственности от 1 до 7, никто ж не спросит, почему 7, а не 6.*

Директора боялись появления иностранных акционеров — мы снабжали чеками CSFB. ГКИ ратовал за привлечение широких слоёв населения к участию в приватизации — мы скупали ваучеры оптом и в розницу, высокими котировками подталкивали сограждан к продаже чеков».

Логичной задачей трудовых коллективов и руководства предприятий было недопущение таких новых акционеров до деления прибыли. Что они заслужили, если не принесли с собой доходов и реальных инвестиций?

Ячник О. Е. «*Многие руководители предприятий не могли разобраться в деталях правил проведения чековых аукционов, не знали, как будет происходить распределение акций по их итогам.*

Тогда Московский фонд имущества организовал несколько семинаров, на которых присутствовали брокеры и представители приватизируемых предприятий, которые выставлялись на первые аукционы. На этих семинарах обсуждалась система и правила проведения чековых аукционов, типы заявок, система подведения результатов.

В дальнейшем эта консультативная работа выполнялась брокерами, которых приглашали на различные конференции, семинары, совещания и просто на предприятия (к руководству) для оказания консультаций по правилам проведения чекового аукциона. Лично я выступал на 20–25 мероприятиях в Мо-

скве, области и других городах, не считая многочисленных встреч с руководителями предприятий.

Приобретая опыт в проведении чековых аукционов, мы постоянно вносили какие-то уточнения в правила проведения аукциона в сети агентских центров. Руководила этими процессами заместитель председателя московского фонда имущества Марина Викторовна Чекурова. Её роль в этом процессе сложно переоценить. Без неё приватизация в Москве забуксовала бы. Всю практическую работу выполнял её небольшой коллектив».

Приём чеков был непростой операцией. С вкладчиком надо было составить несколько документов, поэтому оформление даже одного сданного чека занимало 20–30 минут. Любая ошибка могла привести к потере акционера в будущем реестре. Следует учесть то, что компьютеры тогда были примитивными. Счётных машинок не было, и, пока количество собранных чеков измерялось сотнями, с такой работой все легко справлялись. Но когда их стало тысячи, возникли проблемы. Бывало, что крупная компания, например, такая как ОЛМА, собирала на аукционы по несколько десятков тысяч ваучеров в день!

Романов П. В.: *«Как всё обошлось без крупных скандалов при подведении итогов аукционов, до сих пор удивляюсь! Сдаёт чеки Kaltchuga, записываем в заявке русскими буквами (так было положено): "АО "Кольчуга"", инвестиционный фонд". И на основе этой записи Михаил Кобищанов должен был, приехав после аукциона к реестродержателю, доказать, что это они та самая "Кольчуга". Никаких ИНН тогда не было, не указывалось и место регистрации.*

А смешных ошибок было много. Например, из "Пурнефтегаза" привозили выписки, заверенные печатью, на которой значилось: "Пурпэ Дипозитарный отдел"».

Чем ближе компания стояла к конечному инвестору, тем больше она могла заработать на скупке акций после аукционов. Поэтому быстро определилась их специализация.

Романов П. В.: *«Кто-то работал в основном с институциональными инвесторами, кто-то "пылесосил" розницу. Компания "Ваш финансовый попечитель", возглавляемая Василием Бойко (теперь он именует себя как Великий), успешно занималась скупкой акций у населения. У неё была выстроена сеть "на земле". "Гранд" и ОЛМА теснее всех работали с менеджментом компаний.*

Мобильных телефонов тогда ещё фактически не было и помню, как Василий Бойко, как-то уходя от нас из офиса на Новом Арбате, давал многочисленные указания своим сотрудникам по покупке акций предприятий по телефону-автомату, подбрасывая в него жетоны».

Количество брокеров, принимающих заявки на аукционы вскоре выросло до нескольких десятков. Брокеры консультировали директоров приватизируемых предприятий. Часто на одно предприятие приходило несколь-

ко брокерских компаний, и начинал работать тот, кто первым подписывал соответствующий договор. Так что борьба среди брокеров за предприятия была жёсткая.

Ячник О. Е. «*Приватизировался завод "Моссельмаш", у которого наша Северно-Московская торговая фирма арендовала помещения под склады. Естественно, директор отлично нас знал и начал работать с нами. Но пришла другая известная, но очень агрессивная брокерская компания и пыталась заполучить работу с этим предприятием. При этом поливала нас грязью, доказывая, что с нами работать нельзя. Директор потом, посмеиваясь, рассказывал, как работают наши друзья-коллеги.*

Как правило, руководство предприятий само заказывало покупку ваучеров для участия в чековом аукционе. Эти заказы исполнялись, в основном, на РТСБ. Покупать приходилось частями, так как продавцы, завидя оптового покупателя, мгновенно поднимали цены, тем самым превышались лимиты заказчика.

Дважды служба безопасности биржи предупреждала наших сотрудников, покупающих ваучеры, о том, что за ними следят. Приходилось уходить с биржи со всеми предосторожностями через чёрный ход».

О других аспектах чековых аукционов рассказывал начальник управления приватизации предприятий промышленности, строительного комплекса и отраслей инфраструктуры комитета по управлению городским имуществом мэрии Санкт-Петербурга Григорий Томчин.

Томчин Г. А.: «*Раз в неделю в городе было 15 аукционов, проводили их по средам, и была какая-то средняя цена на этих аукционах. А когда есть средняя цена, то коррупции нет. И вдруг эта средняя цена подскочила в 10 раз. Оказывается, есть американские пенсионные фонды — Matual fund, это страховые фонды, у которых расписано, какие пакеты они должны покупать. И у них тогда в мире не было рисковых пакетов, а в России были. Поэтому они пришли в Питер и купили — на все. Причём, они покупали на 10%, тогда была заявка второго рода, где указывался процент. То есть ни контроля, ничего. Цена подскочила. Здесь никакой коррупции не было.*

Могли ли мы сделать приватизацию без директора? Нет. Мы должны были заинтересовать директора. Иначе ни одно предприятие приватизировано не было бы. Если вам хоть один директор скажет, что его насильно заставили, то он врёт. Невозможно было без его желания приватизировать предприятие, потому что только он один, директор, знал, что у него есть на предприятии. У нас же не было никакого учёта, хотя Ленин и говорил: "Социализм — это учёт". "Где у тебя границы предприятия?" — "А вот там забор и там... куда-то дальше"»[1].

[1] www.tomchin.ru

Практика. В 1993 и 1994 годах чековые аукционы стали ведущим способом реализации акций.

Массовое преобразование средних и крупных государственных предприятий в акционерные общества и продажа их акций в частную собственность в обмен на приватизационные чеки (ваучеры) началось осенью 1992 года.

В декабре 1992 года ГКИ провёл пилотный проект — первые 18 всероссийских ваучерных аукционов прошли в восьми регионах.

Среди них была и Хакасия. Здесь на продажу по инициативе Госкомитета по управлению имуществом республики в конце декабря 1992 года выставлялся 10-процентный пакет акций АО «Саянский алюминиевый завод» (СаАЗ). Это был самый крутой и по объёму, и по качеству объект «пилота».

Знаменитый аукцион по акциям Московской кондитерской фабрики «Большевик» (продавалось 44 %), о котором я расскажу ниже, по этим критериям был только второй.

Бедарев Н. И.: *«До сих пор мне не понятно, почему наш ГКИ выступил именно с таким предложением. Ваучеры к тому времени получили едва ли 20 % населения республики, ментально люди к серьёзному выбору ещё не были готовы. Справедливости ради нужно сказать, что нам это было даже выгодно. АО "Хакасский инвестиционный фонд" с 10 тыс. чеков был готов приобрести значительную часть предлагаемого пакета акций, и в этом случае мы отлично осознавали, что мы собирались покупать.*

Наступил долгожданный день 22 декабря. Мы не спешили подавать свою уже оформленную заявку, хотя чеки наши в Фонде имущества были уже проверены и пересчитаны — как могли, отслеживали конъюнктуру вокруг предстоящего аукциона. До обеда ожидаемых крупных внешних инвесторов не появилось — мы воспряли духом. Но после обеда с большой задержкой (зима) прибыл самолёт из Москвы. Немного погодя, пришла информация, что готовится подавать заявку московская компания "Росалюминпродукт" с большим количеством чеков, которые уже начали проверять и считать. Я кинулся в Фонд имущества — мне указали на молодого человека независимого вида и сказали, что у него доверенность за подписью какого-то Дерипаски. Близились 17 часов — время завершения приёма заявок на аукцион, а чеки москвичей не были обработаны и наполовину. Председатель нашего Фонда имущества Пётр Иванович Воронин пошёл согласовывать ситуацию в Комитет по управлению имуществом, — организатор всего этого процесса. Прошла команда — продлить приём заявок до 20 часов. Не было меры нашему патриотическому возмущению (и не только нашему). Я кинулся к председателю Совмина Евгению Александровичу Смирнову, но и после последующих переговоров на высшем уровне это решение устояло...

Комитетом по управлению госимуществом Республики Хакасия руководил в то время Юрий Петрович Дягилев, человек во всех отношениях положи-

тельный, опытный администратор, но чрезвычайно осторожный. Его можно было даже назвать "жизнью напуганным". Он неохотно брал на себя ответственность по принятию любых решений. Главным его кредо было — строго следовать вышестоящим установкам. И подобные ситуации вокруг наших региональных аукционов повторялись впоследствии не раз. Дягилева после ухода с поста председателя комитета в марте 1997 года уехал жить в Канаду.

А тогда мне ничего не оставалось, как непосредственно обратиться к подателю заявки Алексею Бондарчуку. Я ему представился, сказал, что руковожу, по сути, социальным фондом, что чеки нам дорого даются и что было бы глупо "палить" ваучеры в необузданной конкурентной борьбе. Он с этим легко согласился. Тогда я предложил ему внести по 5 тыс. чеков с каждой стороны, а реально — поделить выставляемый пакет акций почти пополам (за минусом небольшой доли других заявителей). На том и согласились. Позже выяснилось, что наш фонд подал заявку с 5 тыс. ваучеров, а "Росалюминпродукт" — с пятнадцатью.

По результатам аукциона АО "Хакасский инвестиционный фонд" получил вместо 5% акций АО "СаАЗ" только чуть более двух. На последующих аукционах мы довели свою долю в уставном капитале этого предприятия до 4,6% (иметь более 5% акций одного эмитента по последовавшим позднее ограничениям ГКИ нам было уже нельзя).

А Алексей Бондарчук, несмотря на свою молодость, позднее стал руководителем группы компаний "Союз" в большом холдинге "Русский алюминий" того же Дерипаски.

Весной 1994 года после длительного "ухаживания" по поводу продажи нами пакета акций АО "СаАЗ", было принято решение о продаже его за 2 млн долларов. Решение это состоялось после неоднократных встреч на месте и поездок в Москву в офисы Дерипаски.

Кстати, в 1993 году первый его офис размещался в обычных двух комнатах общежития Института цветных металлов — мне приходилось там бывать во время нашего знакомства с ним ещё в первой половине того года.

Партнёром на покупку нам определили Нью-Йоркский инвестиционный банк Salomon Brothers, который тогда ходил в "королях Уолл-стрит", обладая капиталом около 4 млрд долларов. Пресса писала, что его менеджеры смотрели на бизнес как на ежедневный бой. Было у них и своеобразное наставление трейдерам: они должны были приходить на работу "готовыми укусить медведя за зад".

В 1994 году Salomon Brothers временно возглавлял знаменитый инвестор Уоррен Баффет, который через свою компанию Berkshire Hathaway владел 12% этого инвестбанка.

Так вот, как-то, придя утром на работу, я увидел в приёмной на аппарате "жеваный" факс с растянутыми буквами прямо из Нью-Йорка от alomon

Brothers на английском языке — понять можно было только сумму сделки и количество акций. Мы этот "документ", как могли, расправили, скопировали, после чего я его подписал в качестве продавца и поставил печать фонда. Затем таким же способом этот "договор" был отправлен в офис покупателя на Уолл-стрит. Что удивительно, ровно через три дня мне позвонили из московского филиала Citibank и сообщили, что у них на корсчёте лежат 2 млн долларов по этой сделке. Потом мы судорожно начали искать, куда эти деньги можно будет зачислить, поскольку своего валютного счёта у нас ещё не было. Не думаю, что решение отправить деньги по таким "документам" принимал сам Уоррен Баффет, но те исполнители, которые всё это осуществили, были отчаянными "парнями" — они действительно были готовы "укусить медведя за зад". Всё, что можно было нарушить при оформлении сделки, было нарушено — я подписал оригиналы договоров, а главное, удостоверил передаточное распоряжение на акции, много позднее, по прибытии специального курьера из Москвы.

Но мораль этой истории не в этом. В середине февраля 2017 года по телевизору сообщили, что известный предприниматель Михаил Прохоров продал на Гонконгской бирже 3,2% акций "Русского алюминия", которые ему принадлежали, за 240 млн долларов. Все знают, что основу этой компании составляют активы Саянского алюминиевого завода. Сколько же тогда могли стоить 4,6% акций АО "СаАЗ" на самом деле?»

У этой истории было и неожиданное ответвление.

Со второй половины октября 1993 года, когда АО «Хакасский инвестиционный фонд» начнёт активно выходить на чековые аукционы, он наберёт полтора десятка относительно крупных пакетов акций хладокомбинатов, техснабсбытов, республиканских оптовых баз и т. п. Блокирующий пакет (25%) АО «Гостиница Хакасия» в центре города станет «жемчужиной» в этом списке. Но были среди них и «необработанные алмазы».

Бедарев Н. И.: *«Как у всех, были и у нас свои курьёзы с покупками на аукционах. Так, в ряду приобретений оказался контрольный пакет (выставлялись и такие) акций акционерного общества, которое являло собой железнодорожное ответвление от южной ветки Транссиба до Саянского алюминиевого завода (так называемая, дистанция пути). Из названия общества не было ясно, что оно имеет отношение к СаАЗу, да мы и не вникали, поскольку нас привлекла цена. За 100 чеков нам достался контрольный пакет предприятия — вот времена были. Мы и думать про него забыли, но года через полтора специально из Москвы от Олега Владимировича Дерипаски прилетел человек и предложил за этот пакет "приличные" деньги (скажем, 500 млн рублей). Мы и согласились на такие "щедроты". Позднее знающий человек пояснил мне, что через этот пакет мы могли, как "за горло", держать в своих руках почти весь грузооборот*

алюминиевого гиганта. Нам это, конечно, было не нужно, но цену за тот пакет мы могли назвать любую — клиент, скорее всего, согласился бы».

Но вернёмся к началу аукционного движения. 9 декабря 1992 года в Экспоцентре на Краснопресненской набережной Москвы прошёл первый чековый аукцион, были предложены акции Московской кондитерской фабрики «Большевик».

Васильев Д. В.: *«Я тогда несколько пафосно заявил: "С этого дня Россия встала на путь большой приватизации". Но это была правда!*

Запуск проекта прошёл довольно успешно — люди акциями заинтересовались. В результате по итогам первых восьми региональных чековых аукционов, на которых продавались акции 13 предприятий и было выставлено около 800 тыс. акций, их суммарная номинальная стоимость составила около полумиллиарда рублей. Победители оплатили свою покупку 140 тыс. чеков (1% от общего количества выпущенных чеков).

Нас порадовало и то, что предприятия согласились выставить свои акции на чековые аукционы. Для проведения аукционов во всех областях страны на базе отделений фондов имущества мы стали создавать свои аукционные центры.

Наиболее эффективно такие центры заработали в Москве (Московский межрегиональный аукционный центр) и в Санкт-Петербурге. Население достаточно быстро вкладывало свои чеки в акции приватизированных предприятий. Это происходило, прежде всего, в связи с реализацией на многих предприятиях до 51% акций по закрытой подписке среди членов трудовых коллективов (при так называемом 2-м варианте приватизации). Работники предприятий при этом активно использовали при покупке акций и свои приватизационные чеки, и ваучеры членов своих семей».

В ноябре, когда было объявлено о проведении первых четырёх ваучерных аукционов, у компании «Альфа-Капитал» было только 5 тыс. приватизационных чеков.

Смолькин И. В.: *«Первый аукцион за акции Московской кондитерской фабрики "Большевик" проводил лично Чубайс, нанявший в организаторы Credit Suisse First Boston (CSFB). Мы заплатили за 25% 20 тыс. ваучеров. Деньги на них нам дал в кредит Михаил Фридман. Чеки мы успели собрать на РТСБ за два дня, стояли у машины на улице и скупали всё у перекупщиков. От пересчёта ваучеров у меня месяц руки были чёрные, столь некачественно они были напечатаны».*

В то время ещё ни у одного фонда такого количества бумаг не оказалось.

В 1993 году уже каждую неделю только в Москве на чековые аукционы выходили по несколько компаний (обычно от 3 до 5). Первым крупным предприятием Москвы, выставленным на общероссийский чековый аукцион, был АМО «Завод имени Лихачёва». Аукцион по нему прошёл в конце апреля —

начале мая. Общество ещё до начала аукциона напечатало более миллиона бумажных акций номиналом 1000 рублей и поэтому было категорически против сплита, чтобы не нести повторно расходы на печать акций. Но обошлось, по результатам аукциона на один ваучер пришлась одна акция. Наплыв желающих стать обладателем акций ЗИЛа не был безумным, но на шесть выигравших заявок пришлось 20 % акций предприятия.

В первой половине 1993 года прошло уже около десятка межрегиональных чековых аукционов, пункты приёма заявок на которые располагались в нескольких регионах. Крупнейшие из них были ЗИЛ и Уралмаш. Проводить межрегиональные аукционы стали тогда фондовые биржи. На такие торги выставлялись крупные промышленные объекты.

Романов П. В.: *«Как-то покупал у нас ваучеры Женя Юрьев из "Атона". Зайдя в офис, он закрыл за собой дверь моего кабинета и вынул из карманов кожаной куртки 100 тыс. долларов. Тут же и был осуществлён клиринг».*

Количество ваучерных аукционов и проводивших их регионов неуклонно росло до июня 1993 года. К этому времени на аукционах, проведённых в 79 из 88 регионов, было продано почти 900 предприятий. Этот высокий уровень поддерживался до июня 1994 года. Количество аукционов достигало максимума в декабре 1993 и в июне 1994 года. Всего же на них было продано почти 14 тыс. крупных и средних предприятий[1].

Первый взрыв активности населения на чековых аукционах в Москве произошёл в июле 1993 года, когда Фонд имущества Москвы выставил на продажу сразу три ярких, известных всем московских предприятия: Торговый дом «ЦУМ», Кондитерскую фабрику «Красный Октябрь» и Гостиничный комплекс «Космос».

Ячник О. Е.: «*В конце июля в Москве стояла ужасная жара. Несчастный обыватель повалил на эти аукционы, рассчитывая на выгодное вложение своих кровных чеков. Но в результате эти компании стали могилой несостоявшихся собственников. Во всех пунктах стояли очереди из десятков (а порой и больше) владельцев ваучеров. Поскольку помещения, которые арендовали компании-агенты были небольшими и не могли вместить всех желающих, то зачастую, чтобы справиться с наплывом желающих участвовать в аукционах, мы выносили несколько столов во внутренний двор и там вели оформление заявок и приём чеков.*

На эти события обратили внимание зарубежные корреспонденты и через несколько дней в Америке вышел номер газеты The New York Times со статьёй о приватизации в России, в которой была опубликована фотография московского двора с очередью с комментарием: "Москва. Жара 30 градусов. Москвичи

[1] *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996, С. 312.

поверили в чековую приватизацию. Очередь у пункта приёма заявок компании ОЛМА. Кроме того, на это время был открыт и пункт приёма заявок на территории ЦУМа. Инвесторы сдали на этот аукцион порядка 340 тыс. ваучеров".

Продажа акций этих предприятий вызвала настоящий ажиотаж всероссийского масштаба. Так у АО "Гостиничный комплекс "Космос"" после проведения аукциона возникло 40 тыс. акционеров. Чуть меньше, но всё равно многотысячное количество акционеров, возникло у АО "ТД ЦУМ" и АО "Кондитерская фабрика "Красный Октябрь"". Три предприятия собрали столько же чеков, сколько было собрано на всех 69 аукционах Москвы за первое полугодие 1993 года.

К сожалению, все участники тех аукционов получили очень мало акций на приватизационный чек, например, в ЦУМе всего 39 рублёвых акций на один ваучер».

Кох А. Р.: *«Программы акционирования вскоре пошли довольно дружно. Директора очень боялись, что их могут обойти чужаки, поэтому торопились предложить свои планы, свои инвестиционные программы, выгодную им очерёдность в проведении аукционов, дабы суметь сконцентрировать деньги для покупки предприятий. С основной массой руководителей мы работали спокойно. Всё-таки директора в Питере — люди, как правило, достаточно продвинутые. Вспомнить хотя бы Турчака, директора "Ленинца", или директора Балтийского завода Шуляковского, или Илью Колебанова с ЛОМО. Были, конечно, и такие, которые ничего не хотели, ничего не признавали. Их и не приватизировали. Как правило, все эти предприятия сейчас в полном упадке: конкурентоспособной продукции нет, покупателей нет.*

Конечно, я не буду утверждать, что все приватизированные предприятия сегодня процветают. В Питере вообще очень тяжёлая для рыночных преобразований структура промышленности: оборонка, судостроение, электроника, энергомашиностроение. Поэтому сейчас им, конечно, тяжело, и больших успехов нет. <...>

Петербург всегда считался бесспорным лидером приватизации. Но сейчас, задним числом, я понимаю, что мы были всего лишь одними из лидеров. Борис Немцов организационно нас опередил, начав в Нижнем аукционы на две-три недели раньше Петербурга. По объёмам приватизации нас опережал Челябинск. Но там было легче, потому что основным способом приватизации была аренда с выкупом, а она документально оформляется очень просто. Неплохо шли дела в Самаре, Екатеринбурге. Иными словами, Петербург не был абсолютным лидером по всем показателям. Но мы, питерские, всегда ощущали себя лидерами реформ, их первопроходцами и изо всех сил старались не ударить лицом в грязь»[1].

Кох А. Р.: *«Уже в декабре 1992 года мы провели первый специализированный чековый аукцион. При этом комитет по управлению имуществом тесно*

[1] Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 203, 204.

сотрудничал с петербургским Фондом имущества, где была неплохая команда специалистов — Эдуард Буре, Пётр Пансков, Александр Тишков. <...> Я вспоминаю один замечательный эпизод, связанный с началом программы приватизации крупных предприятий. Мы собрали директоров всех крупных заводов в актовом зале Смольного, где Ленин объявлял Советскую власть. В президиуме сидели Беляев, Маневич, Собчак, а я с трибуны разъяснял указ президента об акционировании предприятий. Эта капиталистическая мини-революция происходила под огромным портретом Владимира Ильича в гробовой тишине, под настороженно-насмешливые взгляды директоров. Было видно, что воспринимают они всё происходящее примерно так: дети наиграются, натешатся, на том всё и кончится...»

Одними из первых в списке выводящихся на чековый аукцион оказались Балтийское морское пароходство, Владимирский тракторный завод, Завод им. Дегтярёва, Уралмаш.

Практика работы аукционов постоянно обновлялась. 25 февраля 1993 года открылся Московский межрегиональный аукцион по продаже акций приватизируемых предприятий, расположенных в разных городах России.

Васильев Д. В.: «*Характерно отреагировала на те драматические события биржа — в понедельник и во вторник (4 и 5 октября) многие предприниматели отозвали свои заявки на приобретение приватизационных чеков (говорили, что на сумму почти в 3 млрд рублей). Но уже в среду, когда исход событий ни у кого не вызывал сомнений, на всех биржах резко возрос объём сделок по чекам, а курс ваучера подскочил в среднем более чем на 300 рублей и впервые достиг в Москве 11 тыс. 500 рублей*».

С октября темпы чековой приватизации существенно ускоряются, в неё вовлекаются крупнейшие российские предприятия. Были выставлены на продажу за приватизационные чеки большинство нефтяных предприятий, но не всё прошло так уж гладко.

В октябре — ноябре 1993 года проходит межрегиональный чековый аукцион, на который впервые выставляются акции крупного предприятия топливно-энергетического комплекса. Это были акции объединения «Юганскнефтегаз». Оно входило в состав холдинга «ЮКОС» и при добыче свыше 30 млн тонн в год (более 10 % российской нефти) было одним из крупнейших нефтяных компаний России.

В 1991 году Министерства нефтяной промышленности СССР не стало, расформировано было и объединение «Юганскнефтегаз». В апреле 1993 года оно было акционировано и образовалось АО «Юганскнефтегаз». В соответствии с Указом Президента РФ № 1403 «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения»

это АО вошло в состав нефтяной компании «ЮКОС». На территории, где вёл тогда добычу «Юганскнефтегаз», находилось 350 месторождений нефти и газа, из которых 30 относились к гигантским и супергигантским. Однако компания считалась убыточной. Залоговый аукцион 1996 года передаст НК «ЮКОС» банку «Менатеп».

Это было самое «дорогое» к тому времени из всех прежде продаваемых на чековых аукционах предприятий — его уставный капитал составлял почти 10,7 млрд рублей. Особенностью этого чекового аукциона было то, что впервые в России предприятие продавало само себя — продавцом выступал не местный фонд имущества, а само предприятие.

«Такой неожиданный порядок приватизации — вовсе не очередная местная инициатива, но распоряжение Госкомимущества, подписанное заместителем председателя комитета Дмитрием Васильевым. Из этого распоряжения, по-видимому, вытекает, что сам продавец будет проводить и денежный аукцион, и таким образом выручка от него пойдёт самому предприятию»[1].

Особенностью этого аукцион, на которую у организаторов не было законных прав, было то, что на нём заявки чековых фондов лимитировались 20 приватизационными чеками на одного акционера. Только после аукциона акционерным обществом был увеличен уставный капитал на 2,6 млрд рублей при зафиксированном количестве акций и соответственно ущемлены права внешних акционеров за счёт изменения их долей.

Васильев Д. В.: *«Таковы были особенности упомянутого ранее указа президента. Причина же получения эксклюзива "Юганскнефтегазом" весьма тривиальна: объединение входило в зону Ханты-Мансийского фонда имущества со штатом в 12 человек; у фонда была слабая сеть пунктов по приёму заявок, и он не вытянул бы ни финансово, ни организационно продажу предприятия такого масштаба. Фонд имущества добровольно отказался от своего права в пользу мощного объединения.*

Были у аукциона по приватизации "Юганскнефтегаза" и другие специфические детали. В соответствии с президентским указом 2,43% акций на продажу за ваучеры выставлялось эксклюзивно для малочисленных народов Севера и работников смежных предприятий (в основном занимающихся передачей добытого сырья по трубопроводам). Причём, продавались они по номиналу. Эти же люди могли принять участие в закрытом чековом аукционе, организованном только для них. На нём выставлялось ещё 3,75% обыкновенных акций.

---

[1] *Ковалёв А., Суходоев А.* Приватизируется нефтегазовое объединение // Коммерсантъ. 13.10.1993.

Были и другие чековые аукционы со своими "особенностями", обычно обусловленными какими-то политическими причинами или лоббированием менеджмента предприятий (например, аукцион Газпрома)».

На аукцион были вынесены акции одного из самых крупных нефтяных предприятий России — АО «Нижневартовскнефтегаз». А вот его дочерние подразделения, такие как «Самотлорнефть», «Белозёрнефть», «Приобьнефть» на продажу за ваучеры не выносились. Между прочим, не такие уж маленькие были эти «дочки» — уставный капитал каждой из них превышал 2 млрд рублей.

Дело в том, что учредителями этих предприятий было не федеральное Госкомимущество, а местный комитет по управлению имуществом. И Госкомимущество ничего не смогло сделать: оно было не в состоянии передать сертификат акций для продажи в фонд имущества, поскольку оного сертификата не имел. А ждать от местного комитета по управлению имуществом, что он выставит акции дочерних предприятий «Нижневартовскнефтегаза» на продажу за ваучеры не приходилось[1].

Первоначально обычным образом предполагалось продать акции АО «Лангепаснефтегаз». По стандартной схеме акционирования нефтяных предприятий всего для продажи оставалось 22% обыкновенных акций (15% распределялось между работниками и администрацией предприятия по закрытой подписке, а 38% передавалось в уставный капитал материнской компании, оставшиеся 25% акций были привилегированными). Из этих 22% акций, как правило, 18,25% шли на продажу на открытом чековом аукционе, а 3,75% — на закрытом.

В действительности акционирование АО «Лангепаснефтегаз» пошло по иной схеме. У народов Крайнего Севера и прочих участников закрытого чекового аукциона вразрез с положением ГКИ отобрали 0,15% акций, выставив на закрытый аукцион только 3,6%. Кроме того, погрешив против действующего законодательства, оговорили в плане приватизации, что часть акций подлежит продаже за рубли — на закрытый чековый аукцион выставлялось 0,6% привилегированных акций, а на открытый аукцион — 1,1% обыкновенных (действующее законодательство не предусматривало резервирования акций для денежных аукционов до подведения итогов аукционов чековых). На открытый чековый аукцион должно было выставляться 17,3% обыкновенных акций. Однако 7 мая 1993 года Пётр Мостовой изменил порядок продажи акций предприятия. Был создан объединённый ФАРП (Фонд акционирования персонала) компании, в который было передано 10% обыкновенных акций — из них 7,97% в уставный капитал компании «ЛУКОЙЛ» для формирования объединённого ФАРП и 2,03% работникам предприятия, имеющим личные

[1] Обзор приватизации // Коммерсантъ. 19.04.1994.

именные приватизационные счета. Для продажи на открытом чековом аукционе осталось всего 7,8% акций — резерв для денежного аукциона был убран только впоследствии, и в продажу поступило 8,4% обыкновенных акций[1].

Особенными были аукционы по продаже Концерна «Газпром». Настолько особенные, что им посвящена отдельная глава книги.

Скандальным оказался и всероссийский чековый аукцион акций Горьковского автозавода. 12 ноября 1993 года Фонд имущества Нижегородской области решил провести региональный аукцион «для своих», принимая заявки на 30% акций только в Нижегородской области и Саранске, где располагались автозавод и его основные смежники. Администрация предприятия в этих своих намерениях заручилась и поддержкой властей — сначала местных в лице губернатора Бориса Немцова, а затем российских в лице Фикрята Табеева, тогдашнего председателя Российского фонда федерального имущества, которого сумел залучить в союзники Немцов[2].

Васильев Д. В.: *«Губернатор Нижегородской области Б. Е. Немцов настаивал на закрытой продаже акций ГАЗа среди смежников. Руководство Госкомимущества с ним вело сложные переговоры, после которых Борис Немцов согласился на проведение всероссийского аукциона».*

Заместитель председателя комитета Альфред Кох подписал распоряжение о продаже на чековом аукционе сразу 50% акций (по другим данным, даже 50,7%[3]) от уставного капитала ГАЗа и увеличил долю обыкновенных акций, находящихся в распоряжении фонда имущества, с 10% (определенных при утверждении плана приватизации) до 20%.

Интересно, что накануне, 5 января Распоряжением Президента РФ № 4-рп АО «ГАЗ» выделяются 32,5 млн долларов на завершение создания в 1994–1995 годах мощностей по выпуску нового легкового автомобиля среднего класса высокой комфортабельности ГАЗ-3105 в количестве 250 штук в год. Эти средства должны были возвратиться в 1996–1998 годах в рублёвом эквиваленте.

Аукцион начался 20 декабря 1993 года, разыгрывались 2 млн 907 тыс. акций по 1 тыс. рублей). Такого ещё не было: за приватизационные чеки продавался контрольный пакет акций одного из крупнейших и знаменитейших промышленных предприятий страны. Контрольных пакетов крупных предприятий до этого за ваучеры не продавали.

---

[1] Обзор приватизации // Коммерсантъ. 19.04.1994.

[2] *Ковалёв А., Нелюбин М.* Горьковский автозавод будет наполовину продан за ваучеры // Коммерсантъ. 03.12.1993.

[3] *Чурухов П. И.* Ассоциация с историей. К 30-летию Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей. Нижний Новгород. 2019. С. 175.

17 января приём заявок закончился. На аукцион было подано 1,982 млн чеков. В результате, руководство ГАЗа вместе с опционом на 5% акций, положенных администрации завода, обеспечило себе контроль более чем над 35% уставного капитала завода.

Борис Немцов, мечтавший о смещении генерального директора Горьковского автозавода Бориса Видяева инициировал создание комиссии по проверке законности проведения аукциона. Тут-то и выяснилось, что большая их часть чеков (18,5 млн) была подана на аукцион подставными фирмами ГАЗа, причём на покупку чеков пошли деньги, предоставленные ГАЗу государством в счёт отсрочки уплаты акцизов и налога на прибыль.

Комиссия, возглавляемая начальником Департамента налоговой полиции Сергеем Алмазовым, констатировала, что руководство завода, имевшего в декабре 1993 года задолженность перед бюджетом в размере 94 млн рублей, направило крупную сумму (46,5 млрд) на приобретение приватизационных чеков. Всего АО закупило через 15 фирм-посредников 1,8 млн чеков, из которых 1,2 млн передало для участия в чековом аукционе различным фирмам. Комиссия пришла к выводу, что таким образом «утрачен смысл приватизации АО «ГАЗ»[1]. Хотя доказательная база этих выводов комиссии была слаба, о чём и заявил на пресс-конференции Б. П. Видяев. но это было решение власти.

Борис Немцов решил этим воспользоваться и по итогам проведённой проверки написал В. С. Черномырдину очередное письмо. Виктор Степанович разослал заинтересованным сторонам телеграмму, в которой рекомендовал в срок до 10 апреля провести собрание акционеров ГАЗа, на котором представителям правительства рекомендовал голосовать за отстранение Б. П. Видяева от занимаемой должности. Организацию этого собрания Виктор Степанович поручил своему давнему хорошему другу, члену совета директоров ГАЗа И. А. Пугину. Вот так, без долгих увещеваний. Б. Е. Немцов продолжал борьбу со своим давним обидчиком[2].

Председатель Правительства РФ также выпустил распоряжение, которым Российскому фонду федерального имущества предписывалось «рассмотреть возможность признания чекового аукциона по продаже акций Горьковского автозавода несостоявшимся». Председатель РФФИ Владимир Соколов тем временем обратился к Анатолию Чубайсу с просьбой продления чекового аукциона до 15 мая, однако Чубайс 5 марта требуемое распоряжение всё-таки издал.

---

[1] *Заподинская Е.* Попытка увеличить долю государства в уставном фонде завода пресечена судом // Коммерсантъ 02.04.1994.

[2] *Чурухов П. И.* Ассоциация с историей. К 30-летию Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей. Нижний Новгород, 2019. С. 175.

Скандал разгорался. 34 региона согласились возобновить приём заявок по второму кругу, а вот Фонд имущества Нижегородской области отказался. Более того, он принял не согласованное ни с кем решение о возврате приватизационных чеков всем желающим заявителям.

Чуть позже Фонд имущества Нижегородской области всё-таки обещал возобновить приём заявок с 15 апреля. Однако 12 апреля его председатель Георгий Смирнов пошёл на попятную.

Параллельно один из самых крупных участников аукциона — фирма «Газинвест», которая сдала на аукцион около 200 тыс. чеков (по заявкам трудового коллектива) — подала на Госкомимущество иск в арбитражный суд, при этом не придя на два его заседания.

Конфликт разрешился компромиссом. Именно так, как и предлагали в своем письме губернатору нижегородские промышленники 4 апреля состоялась конференция трудового коллектива завода. Конференция приняла беспрецедентное решение: генеральным директором ГАЗа оставить Бориса Видяева (он проработал в этой должности ещё без малого пару лет), а президентом АО «ГАЗ» избрать Николая Пугина. Собрание акционеров, состоявшееся 8 апреля, утвердило это решение. И это несмотря на то, что подать в отставку Видяеву «советовал» Виктор Черномырдин.

Кстати, Борис Немцов на этой конференции коллектива автозавода присутствовал, поэтому утверждать спустя полтора десятилетия, что он в том противоборстве победил, отправив Бориса Видяева на пенсию, было, мягко говоря, не совсем корректно.

К делу между тем присоединилась прокуратура[1].

И всё-таки «газовские» лоббисты не успокаивались. 1 апреля вопрос в части изменения доли обыкновенных акций, находящихся у Фонда имущества, рассматривался в Высшем арбитражном суде, и его коллегия подписала решение о признании незаконным увеличения государственной доли в уставном фонде ГАЗа. Суд установил, что распоряжение об этом издано ГКИ в нарушение Госпрограммы приватизации и таким образом ущемляются интересы коллектива завода. Таким образом, ГАЗ одержал крупную победу в приватизационном споре, перешедшем из юридической в политическую плоскость.

В конце концов прокуратура потребовала отозвать заявки некоторых фирм, участвовавших в аукционе, то есть существенная часть из тех 18,5 млн ваучеров была выведена из игры. И тут вдруг оказалось, что среди оставшихся участников аукциона лидирует компания «ГАЗ-Инвест», получившая довольно солидный пакет акций, что позволило руководству сохранить контроль над ГАЗом[2].

---

[1] *Ковалёв А.* Инвесторов волнуют нефть и ГАЗ // Коммерсантъ. 25.02.1994.

[2] *Чурухов П.И.* Ассоциация с историей. К 30-летию Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей. Нижний Новгород, 2019. С. 176.

Черту под этой историей подвело Распоряжение ГКИ РФ № 1117-р «О порядке подведения итогов межрегионального Всероссийского специализированного чекового аукциона по продаже акций АО «ГАЗ”», подписанное А. Б. Чубайсом. В нем говорилось:

«1. Удовлетворить все заявления участников чекового аукциона, обратившихся до 15 мая 1994 г. с просьбой об отзыве заявок, поданных до 17 января 1994 г. Обеспечить возврат приватизационных чеков и свидетельств о депонировании по отозванным заявкам в течение трёх рабочих дней после обращения заявителя. Отозванные заявки не принимать в расчёт при подведении итогов специализированного чекового аукциона по продаже акций АО “ГАЗ”.

2. Подвести итоги межрегионального Всероссийского специализированного чекового аукциона по продаже акций АО “ГАЗ” до 30 мая 1994 г.».

В результате «Горьковский автомобильный завод» со 100 000 рабочих был приватизирован за 26,6 млн долларов[1].

Много проблем главным приватизаторам приносили власти Москвы. Главной была троица Юрий Лужков, вице-мэр Константин Буравлёв и председатель Фонда имущества Владимир Бушев. Они весьма активно противостояли Чубайсу в вопросах проведения московской приватизации.

В начале 1994 года разгорелся достаточно крупный скандал в Москве. 31 декабря истек срок агентских соглашений посредников Фонда имущества Москвы, а когда встал вопрос о их продлении, то Фонд имущества в лице его председателя Владимира Бушева занял достаточно жёсткую позицию, отказавшись продлевать соглашения с наиболее сильными посредниками — известными фирмами, как «Грант», ОЛМА, «Посредник», «Аналайз», о чём они узнали только 10 января. По одной из версий, это произошло потому, что «Грант» и ОЛМА были тесно связаны с Госкомимуществом.

Между тем за время проведения чековых аукционов в Москве всего было собрано около 3 млн чеков, причём на долю перечисленных четырёх фирм пришлось более 55 % из них.

«Ситуация оказалась особо пикантной ещё и потому, что благодаря активной деятельности господина Бушева в Москве чуть было не сорвался чековый аукцион акций АвтоВАЗа). Этот аукцион начинается 17 января. Поскольку аукцион имеет статус всероссийского, то заявки должны приниматься в Москве в обязательном порядке. Однако АвтоВАЗу удалось добиться права на особую форму агентских соглашений, согласно которым каждый пункт приёма заявок может действовать только на основании доверенности местного фонда иму-

[1] *Ждановская А. А.* Куда ведут Россию МВФ, Всемирный банк и ВТО? Кн. 2: Россия в неолиберальной петле. М.: ЛЕНАНД, 2015.

щества. Так как в Москве ни один пункт такой доверенности не имел, чековый аукцион АвтоВАЗа в Москве мог сорваться. Тем самым его проведение стало бы противоречить положению о проведении межрегиональных чековых аукционов. Самое забавное заключается в том, что г-н Бушев с 12 января ушёл в отпуск, и многие посредники Фонда имущества могли бы остаться в подвешенном состоянии, так же, как и Госкомимущество, которое не знало бы, что делать с проведением Всероссийского аукциона акций АвтоВАЗа. Лишь в последний момент стало известно, что доверенность на приём заявок на всероссийский аукцион получил Московский межрегиональный аукционный центр»[1].

Владимир Бушев перед своим увольнением успел в очередной раз издать распоряжение, которое особенным образом регламентировало порядок проведения московских чековых аукционов. С 14 марта 1994 года начался аукцион по продаже акций АО «Петровский пассаж». Приём заявок проходила одна организация — АО «Брокинпас». Одно из помещений пункта было расположено в здании самого Пассажа.

«Корреспондент "Ъ" посетил этот пункт. На входе его остановил милиционер и потребовал записаться в очередь на приём заявок. Впереди оказалось более 200 человек — как удалось выяснить, сотрудников самого Петровского пассажа. <...> Опыт создания искусственных очередей в Москве при приёме заявок имеется у многих приёмных пунктов — это один из лучших способов борьбы с крупными инвесторами)»[2].

В ответ Анатолий Чубайс своими распоряжениями от 11 и 23 марта утвердил планы-графики чековых аукционов по продаже акций московских предприятий, поручив производить продажу акций московских предприятий Российскому фонду федерального имущества с обязательным привлечением Московского межрегионального аукционного центра (структуры, напрямую подчиняющейся ГКИ). Таким образом, продажа московских предприятий, относящихся к федеральной собственности, не следовало проводить через Фонд имущества Москвы, который подчинялся московскому правительству, наиболее активно противостоящему Чубайсу в вопросах проведения московской приватизации.

«На этой неделе председатель РФФИ Владимир Соколов подписал распоряжение № 40 от 29 марта, согласно которому утверждена Комиссия по про-

[1] *Ковалёв А., Чиккер С.* Приватизация // Коммерсантъ-Daily. 14.01.1994.

[2] *Ковалёв А., Тутушкин А., Смирнов В., Чиккер С.* Приватизация // Коммерсантъ-Daily. 18.03.1994.

ведению чековых аукционов в Москве. В состав комиссии вошли заместитель председателя РФФИ Сергей Михайлов, заместитель председателя Фонда имущества Москвы Игорь Голованов, президент Российской финансовой корпорации (и бывший министр экономики России) Андрей Нечаев и директор Московского межрегионального аукционного центра Юлия Загачин. Председателем комиссии назначен г-н Михайлов, заместителем председателя — Андрей Нечаев»[1].

Смолькин И. В.: *«Революционный порыв инициаторов процесса погас очень быстро, примерно к февралю — марту 1993 года, оказалось, что контрольные пакеты в основном оказываются у организаторов аукционов и людей, близких к ним. При этом никакого фондового рынка не возникает.*

Проявлялось это так. Буквально на следующий день после того, как мы стали обладателями пакета "Большевика", нам позвонили и сказали, что продаются акции "Пермских моторов". На мой недоумённый вопрос: "А разве вчера не прошёл аукцион?" — я получил ответ: "Нет, не прошёл. Заявку ещё можно бросить". В тот же день мы улетели в Пермь. Оказалось, что директор сделал необеспеченную заявку на 20 тыс. ваучеров и выиграл торги, теперь за неделю ему следовало найти либо бумаги, либо партнёров.

В цехах огромного завода лежали штабелями ящики с несмонтированным оборудованием — хитрыми путями оно было доставлено сюда через "третьи" страны, но документации на него не было. Таким образом, замороженными оказались 150 млн долларов.

Когда я доложил о поездке, Михаил Маратович Фридман дал образную установку: "Покупать надо мясо". Я сразу не понял смысла этой инструкции, и он пояснил: "Нам нужны предприятия, производящие то, что люди будут есть сегодня"».

Хотя выбора, что покупать, тогда ещё не было, стало ясно, что предприятия потребительского сектора станут самыми лакомыми для перепродажи иностранным инвесторам.

А «Пермские моторы» в конце концов купил «Интеррос» по той же заявке, что предлагали «Альфа-Капиталу».

Смолькин И. В.: *«Следует отметить, что у т.н. красных директоров крупных предприятий не было средств, чтобы выкупить контрольный пакет, поэтому им приходилось крутиться. И Чубайс в начале 1993 года пошёл на попятную, изменив правила приватизации...»*

Тогда же выяснилось, что, создавая фондовый рынок, никто не задумался: откуда на нём возьмутся инвесторы.

---

[1] Там же.

Смолькин И. В.: *«Нырнув в этот бизнес мы начали быстро учиться. В частности, на таких случаях: как-то я прочитал в журнале "Экономист" статью о массовой приватизации в России. Там говорилось, что сектор FMCG (Fast Moving Consumer Goods, т.е. товары повседневного спроса), в который входили цемент, табак и алкоголь, как везде в Восточной Европе, в России скупают иностранные компании. В качестве примера было приведено Производственное объединение "Горнозаводскцемент" в Перми. Этот аукцион мы пропустили, и мне даже стало обидно за упущенную выгоду. Купил их, как отмечал автор, "Французский цемент".*

Только я положил журнал на стол, открывается дверь, заходит незнакомый мне посетитель и рассказывает, что их компания торгует ваучерами. Предлагаю им совместно поучаствовать в аукционах и получаю ответ: "Нет-нет на них мы уже обожглись". И продолжает: "Мы подписали с французами договор на приобретение 20% акций "Горнозаводского цемента" за 15 тыс. ваучеров. На это выделялось 200 тыс. долларов". Команда перевыполнила план, приобретя за те же ваучеры 29%. Скаредные французы решили, что столько им не нужно, подсчитали и заявили, что готовы выкупить свои 20% за соответствующие 140 тыс.

Я упускать такого варианта не мог и тут же подписал договор на приобретение всего пакета за 200 тыс. долларов.

Французские коллеги приехали жаловаться, но мы объяснили им, что на их примере учимся жить в рыночных условиях. Тогда же выяснилось, что 20% им пообещал гендиректор завода».

Сразу после этого «Альфа-Капитал» договорится и с тем директором Семёном Львовичем Харифом (обладающим 25% акций), и они совместно начнут собирать акции соседних цементных заводов. Так возник «Альфа Цемент», зарегистрированный в 1993 году.

Хариф же в январе 1994 года продал свой пакет акций и теперь живёт в Канаде.

С Семёном Львовичем — генеральным директором Производственного объединения «Горнозаводскцемент», народным депутатом СССР, входившим в Межрегиональную группу депутатов и хорошо знавшим Ельцина — связана ещё одна «приватизационная» история.

В начале 1990-х годов он познакомил своего земляка, руководителя Пермской товарной биржей Андрея Кузяева, с Анатолием Чубайсом. И тот заразил его идеей приватизации через акционирование. Более того, они якобы запланировали первый и показательный чековый аукцион провести в Перми.

Кузяев А. Р.: *«Хариф тогда пришёл ко мне с предложением провести через тогда ещё ПТБ всероссийский чековый аукцион. Я встретился с Анатолием Чубайсом и Дмитрием Васильевым, показал им наши правила торговли и ре-*

гламенты. Впоследствии они были использованы при подготовке документов ГКИ по проведению аукционов.

В самом начале 1993 года мы организовали ваучерный аукцион по реализации 29% акций "Горнозаводскцемента". На него можно было сдать чеки в любой точке России.

После этого к нам пришёл руководитель регионального отделения Госкомимущества. С ним была достигнута договорённость, чтобы вся приватизация в области шла через "одно окно" и по единым правилам. Так как облисполком был моим учредителем, возражения не последовало».

При бирже был создан Приватизационный центр, через который прошли все аукционы в Пермском крае. Здесь были выведены на рынок более 300 или даже 400 компаний.

Кроме того, биржей были созданы регистратор и депозитарий для учёта движения акций приватизированных предприятий.

Андрей Равелевич вспоминает ещё одну историю про ваучерные аукционы.

Заканчивался сбор заявок на очередной чековый аукцион. Андрею Кузяеву позвонил руководитель аукционного центра и пожаловался: «У нас беда, никто не хочет покупать акции Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината! Ни одной заявки не подано! В результате мы не выполняем план по приватизации». Оказалось, что план могли спасти 200 ваучеров. Чеки были получены, и команда пермской биржи стала собственником 29%-ного пакета акций ЦБК.

Когда-то в предвоенный период этот комбинат был флагманом бумажной промышленности СССР. Бумага на нём выпускалась отличная: на ней печатались собрания сочинений Ленина, а также материалы съездов КПСС. В 1981 году Вишбумзавод был награждён орденом «Знак почёта».

Однако оборудование комбината, когда-то бывшего передовиком, устарело — две установленные на ЦБК машины произвели ещё в 1920–1930-х годах в Германии: одна производства 1931 года, другая примерно тех же лет, попала сюда в 1946 году по репарациям.

К тому же к концу 1980-х годов завод переквалифицировался на производство бумаги для географических карт, а их перестали печатать...

Кроме этих проблем была ещё одна: комбинат находился в 300 км от Перми, на отшибе, у него не было доступа к железной дороге, и лес ему заготавливали в основном заключённые. Наступили новые времена, и зоны закрыли, возникли проблемы снабжения сырьём, к периоду приватизации он простаивал уже полтора года.

Кузяев А. Р.: *«К тому моменту я активно занимался лесом — лесозаготовками, лесосплавом, переработкой древесины. То есть казалось, что приобре-*

тение комбината не бессмысленное. Теперь мне предстояло запустить завод. Для этого я скупил у его работников контрольный пакет акций.

Потратив меньше 10 тыс. долларов на аукционе, мне пришлось вложить в дальнейшем 10 млн долларов, чтобы завод заработал. Для этого создать лесозаготовительную бригаду, возобновить лесозаготовки. Первое время недостающий лес даже пришлось с мест заготовки поднимать по реке против течения. Кроме того, мы приобрели новую производственную технику, модернизировали машины. Чтобы сэкономить средства, построили котельную, в которую бросили попутный нефтяной газ.

Но это приносило мне много головной боли. Успокаивала меня житейская мудрость: если один идиот купил себе что-то ненужное, то всегда найдётся другой идиот, кто заплатит за неё больше.

И действительно однажды ко мне обратился владелец процветающего комбината АОР "Уралалмаз". Вначале он выкупил у меня принадлежащий ЦБК кирпичный завод, а когда для него понадобилось тепло и энергия, то предложил продать и электростанцию. Но я поставил условие: продам только со всем остальным добром. Мы ударили по рукам, и я через пять лет после начала работ получил 20 млн долларов».

Вот такая история, начавшаяся с 200 ваучеров.

Романов П. В.: *«Вокруг приобретаемых пакетов акций зачастую складывалась очень интересная борьба. Вопрос был в том, кто получит контроль над предприятием. Обычно, с одной стороны выступал менеджмент продаваемой компании, а с другой — говоря современным языком, институциональные инвесторы. Последних было не так много — успевшие собрать к тому времени достаточное количество ваучеров чековые фонды "Первый ваучерный", "Московский инвестиционный", "Московская недвижимость", "Альфа-Капитал", "МММ-инвест", отдельные банки, такие как "Менатеп" или Инкомбанк. Позже к этому процессу присоединились и иностранные инвесторы.*

К кому они пойдут подавать заявку, было важно. Интрига заключалась в том, что чем больше будет сдано на аукцион чеков, тем меньше акций достанется на каждый из них».

В январе 1994 года в ходе чековой приватизации возникла критическая ситуация — выяснилось, что в ходе аукционов собрано очень мало чеков. Предприятия в большинстве своём не торопились участвовать в ваучерной приватизации.

Васильев Д. В.: *«Надеялись: а вдруг пронесёт? Особенно много проблем было с машиностроительными предприятиями, и, в первую очередь, с автомобильными и тракторостроительными. Они считали, что вложения в них могут быть безумно выгодны, и вели себя очень агрессивно. До последнего боролись за то, чтобы не попасть в руки к "чужакам". Руководители многих машиностроительных предприятий требовали, чтобы аукционы проходили*

на территории завода: в этом случае они могли бы не допускать к аукциону "неправильных" покупателей.

Очень много скандалов было по нефти. И хотя пакеты продавались небольшие (8–14 процентов), нефтяники дрожали за каждую свою акцию. Так же вели себя и металлурги. Тогда чёрная металлургия была на подъёме, продукция этой отрасли пользовалась большим спросом на мировых рынках и приватизация практически каждого металлургического комбината шла со скандалом. <...>

Стало понятно: если срочно не принять каких-то экстренных мер, приватизация попросту зачахнет.

В этот момент Чубайс был в отпуске. Когда он узнал о назревающей опасности, он позвонил мне прямо из аэропорта и потребовал немедленно принять меры для выправления ситуации.

Я всегда полагал, что простые бюрократические решения оказываются зачастую наиболее эффективными, и потому предложил составлять списки предприятий, выставляемых на продажу, а также жёстко контролируемые графики их продаж.

Список предприятий, подлежащих приватизации, был составлен. Пробивался он очень тяжело: сопротивление министерств было мощнейшим. Из того, что намечалось изначально, продать в конце концов удалось процентов на 50–60. Тем не менее перелом произошёл»[1].

Руководители предприятий, что-то понимающие, ещё до аукциона собирали чеки с работников предприятий, где просто покупали за бесценок, где формировали фонды работников, удерживая таким образом на квасном патриотизме какое-то время власть над предприятием.

Мелёхин Ю. В.: *«На Кубани аукционная распродажа пакетов акций приватизированных предприятий велась Фондом имущества очень активно. Покупали всё. Принципа отбора не было. Помню, приватизировали камвольно-суконный комбинат, приобретать его никто не хотел. Предприятие шло на приватизацию одним из первых в крае. Из Фонда имущества нас попросили вложить хоть что-нибудь, чтобы не сорвать аукцион. Мы потратили на него аж 100 ваучеров. Комбинат приказал долго жить, а мы остались с неликвидами. Это был серьёзный урок. Весь последующий период при выборе объектов вложения, мы не ориентировались ни на какие просьбы».*

А совсем недавно комбинат был одним из мощнейших предприятий СССР, специализировался на выпуске шерстяных и полушерстяных тканей и имел на своём балансе целый жилой посёлок с собственным Домом культуры. Основная его продукция предназначалась для пошива костюмов, брюк, курток, пальто. Не последнюю роль в производстве играли и так называемые ведом-

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 131.

ственные ткани. Из них шили обмундирование для Вооруженных сил, подразделений МВД... Когда-то только по одному заказу Министерства обороны КСК выпускал миллион метров шерстяных тканей! В перестроечную эпоху всё стало вдруг меняться не в лучшую сторону. Объёмы выпуска продукции резко сократились. Из некогда многотысячного коллектива на производстве осталось не более 600 человек, включая охрану, водителей и уборщиц.

Мелёхин Ю. В.: *«Ориентироваться было невероятно сложно. Разве мы могли догадываться, что в новых рыночных условиях продукция флагманов советской индустрии, таких как радиозавод, завод измерительных приборов, машиностроительные заводы им. Седина, окажется не нужной, а разрыв межрегиональных производственных связей, отсутствие кооперации поставит их на грань банкротства, перепрофилирует в банальные торговые площадки с последующей потерей научно-производственного и кадрового потенциала».*

Продуманно отнеслись к отбору объектов для приватизации в банке «Менатеп». Со второй половины 1992 года операции с компьютерами и импортным (фейковым) алкоголем перестали давать сверхприбыль, тогда, в 1993 году, было создано инвестиционное управление банка «Менатеп», которое возглавил Алексей Голубович. Для ведения реестров акций всех компаний при банке была зарегистрирована компания «М-Реестр». В 1996 году для работы на фондовом рынке был создан собственный брокер и довольно крупный депозитарий ОАО «Русские инвесторы».

Голубович А. Д.: *«Особенно важным было создание сильных аналитических подразделений, изучавших показатели предприятий, которые в условиях быстро менявшегося рынка и "советских" стандартов отчётности обычно не позволяли оценить инвестиционную привлекательность объекта, сделав прогноз даже на год вперёд. Нужно было начать формировать списки привлекательных для скупки выставленных на приватизацию предприятий.*

Нередко руководители предприятий умышленно занижали показатели работы предприятия уже на этапе подготовки к приватизации. По документам всё было плохо, хотя продукция производилась и продавалась. Прибыль же уводилась в офшоры. А завод должен был выглядеть не интересным для "хищников".

Поэтому мы стали внимательно смотреть на стоимость основных фондов предприятий. Мы с Наташей Шевляковой даже составил список крупных российских заводов и фабрик, строившихся и переоснащавшихся последние 10 лет советской власти, когда доллар стоил 60 копеек. Особенно если они возводились иностранными подрядчиками. Отсекались только неинтересные отрасли. Так можно было купить оборудование, стоившее миллионы долларов за примерно те же миллионы, но — рублей.

Волжский трубный завод, например, мы приобрели потому что в него был в 1980-х вложен почти 1 млрд долларов. О нём нам рассказал, кажется.

Сосковец. Мы купили пакет его акций примерно за 1 млн долларов, а с учётом выданных ему затем кредитов потратили на выкуп около 10 млн долл. Нигде в мире таких соотношений "цена покупки / капиталовложения в основные фонды" не было. При этом директор много чем увлекался, кроме непосредственной работы на рынке труб, в результате несмотря на то, что трубы ВТЗ делал очень качественные, их почти не покупали. Завод в СССР строился в т.ч. под казахскую нефть, но независимый Казахстан почему-то вёз трубы из США. Мы после приобретения завода потратили на реорганизацию управления несколько месяцев и с трудом справились проблемой чудовищно низкой загрузки мощностей.

Одной из главных наших функций было посещение директоров заводов, которым мы объясняли важность сотрудничества с таким прекрасным банком, как "Менатеп", ради сохранения и развития предприятия в условиях приватизационных процессов. Мой заместитель по PR — Сергей Абрамов, известный писатель и журналист, — обычно говорил директорам, что наш интерес — даже не в их заводе, а в них самих: "...во все времена деньги давали лидерам промышленности — Королёву, Лихачёву... а теперь мы хотим дать денег Вам, уважаемый товарищ директор — на развитие Вашего предприятия"».

В те годы «инвесторами» всегда обещалось много, но условия инвестиционного конкурса победители выполнили не на бумаге, а в реальности, в единичных случаях. Именно в этом изначально состояла одна из главных претензий и к организаторам, и к участникам «большой приватизации».

Голубович А. Д.: *«"Менатеп" выполнил свои обязательства в паре случаев из ста, в частности модернизируя пищевой комбинат "КОЛОСС". В него было вложено не менее 40 млн долларов, на которые финны действительно построили в Москве современный производственный комплекс (стоивший, впрочем, дороже, чем сумма, за которую "Менатеп" впоследствии смог продать этот бизнес его менеджменту».*

В начале 1994 года проводился чековый аукцион крупнейшего предприятия России, производителя популярных автомобилей «Лада» — ВАЗа. Руководство АвтоВАЗа регламентировало проведение всероссийского чекового аукциона в соответствии с ими же разработанными принципами. Им очень хотелось отслеживать формирования больших пакетов акций и не допускать их уход на сторону. Может быть, поэтому, хоть как-то, но АвтоВаз продолжает работать, а, например, ЗИЛ — нет?

Васильев Д. В.: *«Мы опять вели сложные переговоры с руководством комбината, в результате на аукционе было продано не 21,5% акций предприятия, как настаивали его руководители, а 27,5%, что составляло 5 млн 889 тыс. акций. Вазовцы хотели "уберечь" от владельцев ваучеров аж целый миллион акций и провести аукцион по своим правилам.*

Нам тогда удалось предотвратить не один конфликт с руководством приватизируемых гигантов социндустрии, связанный с их желанием "играть по собственным правилам", игнорируя российское законодательство. Директорский корпус крупных предприятий обладал большими возможностями оказывать давление на федеральные власти и активно пользовался ими, выбивая комфортную для себя схему приватизации.

Сталкивались мы и с "организованным" сопротивлением. Так в марте 1993 года Челябинский областной совет решил запретить чековые аукционы на территории области. Пример оказался заразительным — многие советы, например Новосибирский, внимательно следили за развитием событий. Региональным советам неформально подсуживали некоторые деятели из Верховного Совета, рассчитывая использовать в своей борьбе против правительства и президента. Некоторые советы, например Брянский, успели принять подобные решения. В конце концов "мятеж" был подавлен активными действиями Чубайса — в первую очередь, его разъяснительной работой, что в результате жители регионов-саботажников окажутся с "неотоваренными приватизационными чеками" и обратят справедливо свой гнев против областных депутатов! При этом даже в бунтующем Челябинске, аукционы продолжали проводиться. Люди хотели превратить свои чеки в акции...»

Кстати, о Челябинске.

Темпы приватизации в Челябинской области до марта 1993 года были вдвое выше средних по России. К этому времени уже две трети предприятий области, в том числе крупнейшие промышленные комплексы, были акционированы либо этот процесс на них завершался.

Заместителем главы администрации области, курирующим приватизацию был будущий вице-премьер страны Виктор Христенко. Председателем Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам Совета Республики Верховного Совета России — выдвинутый из Челябинска Александр Починок.

Южноуральская фондовая биржа, принимающая заявки на аукционы, при поддержке своих акционеров проинвестировала более 10 млн рублей в реконструкцию и оборудование нового аукционного зала.

И вот, 18 марта 1993 года в Челябинске разразился скандал — решением малого совета Челябинского областного совета народных депутатов проведение чековых аукционов было приостановлено.

В преддверии этого события в области шла подготовка первого чекового аукциона, который должен был начаться 15 марта. На него выносились акции сразу 53 предприятий области на сумму (по номиналу) 1,1 млрд рублей. Всего же, по данным председателя Челябинского областного комитета по управлению госимуществом Владимира Головлёва, во втором квартале 1993 года на чековые аукционы должны были быть

выставлены акции 155 предприятий области на общую сумму свыше 3 млрд рублей[1].

Но неожиданно областной ФИ без согласования с комитетом изменил график и перенёс начало аукциона на 1 марта, и комитет выставил на него акции лишь четырёх предприятий. Суммарный их номинал составлял всего 66 млн рублей — 6% намеченного. В руководстве областной администрации кто-то решил спровоцировать закрытие аукционов, скомпрометировав их организаторов.

Тем не менее аукцион прошёл и стоимость акций номиналом 1 тыс. рублей доходила на нём до одного ваучера.

Председатель комитета по имуществу Владимир Головлёв[2] заявил, что решение о приостановлении чековых аукционов лежит в русле чётко спланированной политики, которую проводит облсовет. Это линия на свёртывание приватизации в области и запрет аукционов — лишь одно из целого ряда соответствующих решений, противодействующих исполнению указов президента, касающихся собственности.

Совет объяснил свои действия тем, что хотел защитить жителей области и их приватизационные чеки. Дело в том, что в городе были популярны слухи, что коммерческие структуры России и СНГ скупят за бесценок всё местное добро.

Этому событию газета «Коммерсантъ» посвятила полосную статью под названием «Челябинск как полигон в борьбе с приватизацией»[3],

Авторы сообщают, что *“по непроверенным сведениям, исходящим из Верховного Совета России, решение облсовета о приостановлении чековых аукционов было предварительно согласовано его руководителями с компетентными лицами в Верховном Совете”*. Создан опаснейший прецедент, локальное происшествие на Южном Урале вырастает до события большой политики.

Авторы *“с прискорбием отмечали, что документы, регламентирующие приватизацию, лишены “встроенных кнутов”: их нарушителю практически ничего не грозит”*. При этом они наверняка знают, что проведение чековых аукционов регламентировалось исключительно указами президента, а значит, не могло иметь никаких иных рычагов воздействия на исполнителей, кроме стимулирующих.

---

[1] *Галкин Г.* Чубайс намерен провести в Челябинской области всероссийский чековый аукцион // Коммерсантъ. 05.04.1993.

[2] Позже обвинялся в мошенничестве и злоупотреблении служебным положением. В связи с этим в 2001 году с Головлёва была снята депутатская неприкосновенность. В 2002 году в Москве был застрелен.

[3] Г*алкин Г., Привалов А.* Челябинск как полигон в борьбе с приватизацией // Коммерсантъ. 05.04.1993.

В город немедленно с особым предписанием, по его словам, «не обсуждать, а принимать решения», прибывает Анатолий Чубайс и почти одновременно журналисты ведущих мировых изданий. На встрече с депутатами он заявил, что приостановка чековых аукционов в Челябинске блокирует проведение «народной приватизации» на территории области и грубо нарушает права жителей региона.

Вскоре решение малого совета отменяется. 22 марта малый совет Челябинского областного совета народных депутатов (его возглавлял Пётр Сумин) принял обращение к населению области, в котором обвинил президента Ельцина в нарушении Конституции и организации травли Верховного совета, Съезда и советов всех уровней. Обращение заканчивалось утверждением-призывом: «История делается народом, а не диктаторами!» Население не отреагировало.

Уже через две недели, 4 апреля, облсовет принял Постановление № 89-М за подписью председателя Петра Сумина. В нём говорилось о возобновлении чековых аукционов в Челябинской области. Кроме того, совет принял предложение Чубайса, областных комитетов по имуществу и Фонда имущества по проведению в области Всероссийских чековых аукционов. То есть у Фонда имущества, нарушившего правила проведения чековых аукционов, отнимались права на проведение аукционов. Анатолий Борисович, «буря и натиск», поручает руководству области в течение 10 дней организовать у себя продажу акций предприятий других областей России.

А между тем в принятом документе ещё и оговаривается: «Комитету по управлению госимуществом, Фонду имущества продавать инвестиционным фондам социальной защиты населения и приравненных к ним до 10% уставного капитала акций приватизируемых предприятий по цене закрытой подписки». Кроме того, совет постановил «предложить Российскому фонду федерального имущества предоставить Фонду имущества области право продажи федерального имущества без специального разрешения». Наконец, в п. 10 предлагалось обратиться в Правительство РФ с предложениями об ускорении принятия решения о приватизации предприятий, об использовании приватизационных чеков для оплаты земельных участков, занимаемых приватизированными предприятиями».

Региональные «интерпретации» были и в других областях. Так в Новокузнецке от участников аукционов требовали предъявления паспорта с местной пропиской.

Бедарев Н. И.: *«Вспоминаю свой богатый опыт участия в чековых аукционах в других регионах. Как только нас ни “гнобили”, чтобы не допустить до подачи заявок! Долгий пересчёт и придирки к качеству подаваемых чеков были одними из главных уловок местных комиссий. Бывали случаи, когда нас просто не пускала на порог аукционных центров местная охрана. Так, мы не смогли самостоятельно подать заявки в Кузбассе, Якутии, отчасти в Иркутске, а в Ев-*

ропейскую часть России мы вообще не совались. Правда, нас иногда выручали наши коллеги, местные чековые фонды, подавая наши заявки от своего имени.

В тот период участия в аукционах в различных городах нам с моим водителем Александром пришлось уходить от бандитской погони под Кемерово летом 1994 года. Мы замерзали ночью в степи в 40-градусный мороз, отброшенные КамАЗом-длинномером в кювет на крутом повороте. Мы пережили лобовое столкновение в сложной дорожной ситуации под городом Гурьевском».

Кстати, чтобы расшевелить подписную кампанию на акции КамАЗа наиболее крупным инвесторам предоставили возможность по отпускным ценам приобрести грузовик местного производства.

Совсем оригинально проходили аукционы, да и вся приватизация в ряде республик. В первую очередь, в Татарстане и Якутии...

Среди зарегистрированных в Республике Саха (Якутия) инвестиционных компаний, отмечает руководитель регионального аукционного центра А. П. Черепанова, *"не было ни российских инвесторов, ни иностранных компаний. На якутской земле они появятся гораздо позже, когда в 1997 году начнётся дикая спекулятивная скупка акций за бесценок у населения на так называемом вторичном рынке»*[1].

Она также отмечает: *«Большинство поступало, как обычно, полагаясь на российское "авось". На первых аукционах желающих распрощаться с ценной бумагой — ваучером, чтобы поскорее приобрести другую ценную бумагу — обыкновенную именную акцию, было очень мало. Поэтому те, кто решился поучаствовать в аукционе, получали неплохой пакет акций. Особенно впечатляющие результаты достигались, когда в игру вступали чеки всех членов семьи. А вот в последние дни действия приватизационного чека к столам приёмщиков чеков было не пробиться, в те горячие деньки аукционные центры работали до полуночи, граждане несли ваучеры куда угодно, лишь бы сдать».*

А чтобы предотвратить участие в приватизации «понаехавших», в Якутии применяли особые меры. Особенно беспокоились за золотодобывающие компании и «АЛРОССу», которую приватизировали как закрытое акционерное общество. Трудовой коллектив при этом получил 37 % акций. Остальное оставили за собой республиканское и федеральное правительства. Позже в течении 10 лет акции частных лиц были скуплены.

ГКИ поручил проведение первого чекового аукциона ЗАО «Якутская фондовая биржа» (Б. С. Сюнюшев). С 5 по 15 марта 1993 года выставлялись акции следующих приватизируемых предприятий: «Алданслюда», «Сахаинвестстрой», «Промтовары», «Сахаавтотранс». Проведение второго и третье-

[1] *Фёдоров А. А., Черепанова А. П.* Из века в век переходя. Региональный фондовый рынок / под ред. д. э. н., акад. АН РС(Я) Е. Г. Егорова. Якутск: ЯИЦ СО РАН, 2005. С. 27.

го аукционов было поручено Региональному аукционному центру (А. П. Черепанова). С 29 апреля по 14 мая того же года на торги были выставлены акции ОАО «Сахаавтодор», «Сахатрансмеханизация», «Вилюйгеофизика», «Якутводпроект», «АЯМтрансвзрывпром», а с 3 по 16 июня — акции ОАО «Швея Севера», «Амматехснаб», «Лена», «Якутлес», Нерюнгринский электроремонтный завод.

Какое-то время шла борьба за право проведения чековых аукционов — продажу акций предприятий за приватизационные чеки. Впоследствии роли распределились следующим образом: чековые аукционы якутских предприятий проводило Аукционное агентство Фонда по управлению государственным имуществом; чековые аукционы российских предприятий — Региональный аукционный центр, привлекавший к работе своих агентов в улусах.

Технология проведения аукционов по всей России была отработана предельно чётко. Якутяне, выбирая акции 96 предприятий России на Всероссийских чековых аукционах, сдали в общей сложности 52 786 ваучеров, то есть 5% от всего количества выданных в республике приватизационных чеков и свыше 50% от всего количества чеков, собранных Фондом управления государственным имуществом от реализации республиканской собственности.

Впрочем, москвичей не любили и в других регионах. Их не допускали до аукционов и в Краснодарском крае. Участвовать в них могли лишь те, кто получал аккредитацию в краевом фонде имущества, а сделать чужакам это было непросто. Для неё нужно было подготовить и сдать большое число документов, причём на каждый аукцион отдельно. А они проходили 2 раза в неделю. Появились москвичи только на втором этапе — во время денежной приватизации. Правда, никто не мешал им при этом активно скупать ваучеры в районах края. Колхозы достаточно быстро развалились, люди практически голодали. Ваучеры сдавали за копейки. Из станиц их вывозили мешками.

Как уже отмечалось, существовало правило, на аукционы крупных предприятий самые опытные игроки старались внести свои ваучеры в последний день аукциона, ближе к окончанию рабочего дня.

Ячник О. Е.: *Это были большие пакеты ваучеров, которые надо было проверить на подлинность, пересчитать, упаковать в пакеты, опечатать и доставить в центральный офис фирмы ОЛМА. Так поступали все фондовые центры ОЛМА, включая Московский аукционный центр. Обычно последние пакеты привозили в 9–10 часов вечера. К этому времени Кассовый союз был уже закрыт, поэтому пакеты оставались в сейфе до следующего дня.*

Однажды в конце зимы 1993–1994 года поздно вечером в пятницу из МАЦ привезли два больших инкассаторских опечатанных мешка, плотно набитых ваучерами. По прикидкам в каждом из них было порядка 50–60 тыс. чеков. Мешки не влезали в сейф, согнуть их было невозможно. Что делать?

Тогда я вытащил мешки во двор, положил их в багажник своей старенькой шестёрки "Жигулей" и отправился домой в Орехово-Борисово. Захожу в квартиру с деревянной дверью на первом этаже типового дома и засовываю мешки под диван. На вопрос жены отвечаю, что это старые документы и я увезу их на работу в понедельник.

На следующий день была прекрасная зимняя солнечная погода. Жена зовёт покататься на лыжах в парке, а я вру ей, что у меня прихватило спину, надо побыть дома. На следующий день всё повторяется. Супруга меня не понимает: такой любитель лыж вдруг не идёт кататься. Но мне-то некомфортно было оставлять без присмотра два миллиона долларов под диваном.

В понедельник я наконец запихнул мешки в багажник и радостный отправился на работу. Спина больше не болела, а жене я признался в своём обмане только лет через десять».

В 1994 году, чем ближе было 1 июля 1994 года, когда завершалась чековая приватизация, всё сильнее усиливалось политическое давление на региональные власти. Чиновники прекрасно понимали, что за невыполнение президентского указа им придётся отвечать. В то же время у них был свой интерес в проведении чековой приватизации: под создание аукционных центров регионы получали специальное финансирование. А уж возможности давить на местные предприятия у региональной администрации всегда были большие.

Васильев Д. В.: *«Получить такое финансирование любой глава администрации был не прочь: оценка регионального начальника в России всегда зависела от того, сколько денег он может выбить из Москвы на нужды своего региона. Этот финансовый рычаг тоже, конечно, срабатывал»*[1].

Случались и совершенно криминальные истории. В конце февраля 1993 года в Екатеринбурге проходили чековые аукционы акций АО «Уралмаш», АО «Уралэлектромедь», АО «Первоуральский новотрубный завод», АО «Нижнетагильский металлургический комбинат» и других. Прибыли туда и сибирские фондовики.

Бедарев Н. И.: *«Поселиться мы решили в гостинице "Свердловск" — самый центр и от вокзала недалеко. Номер нам дали, а по пути к нему мы отметили в одном месте наличие крепких парней в спортивной одежде и девушек специфического вида. Мы зашли в номер начали устраиваться — чемодан с приватизационными чеками стоял посреди комнаты. Василий Логачёв снял верхнюю одежду, а "газовый" пистолет грозного вида в портупее бросил на виду, прямо на кровать.*

Вдруг к нам громко постучали, мы машинально открыли дверь — вошли трое "спортивных" молодых людей решительного вида. Один из них прямо с порога заявил: "Вы девушек заказывали!" Причём, это был не вопрос, а утверждение.

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 132.

Мы, было, начали объяснять, что никого не заказывали. Но тот же молодой человек достал блокнот и с напором сказал: "Как не заказывали — у нас записано". Тут один из них увидел наш пистолет и указал на него остальным — на их лицах появилось замешательство. Предводитель всё сообразил быстро: "Ну, если не заказывали, тогда вычёркиваем". Он захлопнул блокнот, и компания быстро ретировалась из номера».

Удивительно, но этот инцидент не имел для нас никаких последствий, видно, «пацаны» к «деловым» людям относились с пониманием. В противном случае наша работа в Свердловске на этом и закончилась бы — мы вполне могли оказаться без чеков для аукционов».

Весной 1993 года заработала практика Всероссийских специализированных чековых аукционов. Сотни предприятий, как тогда говорили, гигантов российской индустрии, прошли через этот инструмент инвестирования. Поначалу заявки на участие в таких аукционах принимали только на местах, и представители ЧИФов со своими ваучерами не без риска носились по всей России. В конце же 1993 года в регионах заработали аукционные центры, где на объявленные к продаже пакеты акций можно было подать ваучеры, никуда не выезжая. Через такую практику прошли только 96 крупных предприятий России, большинство же акционерных обществ местные «властители» приберегли для внутреннего пользования.

Всего же по февраль 1994 года в стране было проведено 9342 аукциона, и они поглотили 52 млн ваучеров. Конечно, не все они носили статус всероссийских и не на каждом из них продавались гиганты, но выбор из многочисленных объявлений об аукционах в различных регионах был широкий.

Весной — летом 1994 года темпы ваучерной приватизации резко возросли. Кризис был преодолён.

С 13 по 30 июня прошёл приём заявок на участие во всероссийском чековом аукционе, где впервые выставлялось одновременно 21 предприятие ВПК Санкт-Петербурга — это был беспрецедентный для города случай. До сих пор на аукционы выставлялись лишь 4 предприятия, имеющие отношение к военно-промышленному комплексу: заводы «Красный выборжец», «Кировский», «Ижорский» и ЛОМО. Наибольшим спросом, естественно, пользовались акции ЛОМО (было сдано 600 тыс. ваучеров). На три остальные завода пришлось по 100–150 тыс. ваучеров. 20 предприятий из выставляемых тогда на аукцион входили в холдинг «Ленинец» и представляли собой в основном предприятия радио-электронной промышленности[1].

Если в течение года в Московской области, например, ежемесячно продавалось около десятка предприятий, то в последний месяц ваучерной приватизации, в июне 1994 года, продалось сразу 122.

[1] *Несвижский В.* Питерский ВПК пойдёт с молотка // Сегодня. 04.06.1994.

Игин Н. Н: *«Тогда и возникли проблемы — некоторые предприятия, где-то в Сибири, были проданы буквально за один чек.*

Я обратился к вице-губернатору, председателю ГКИ области Власову: "Виктор Олегович, ну это же компрометация всего нашего дела". Для разъяснения ситуации решили обратиться к руководству Госкомимущества, к Дмитрию Васильеву. Мы предложили подготовить распоряжение отменяющее такие почти фиктивные аукционы. Он покивал, сказал, что нужно подумать. При нашем разговоре присутствовал А. И. Казаков, он позже подошёл ко мне и посоветовал: "Коля, не трать время, ничего он не будет по этому поводу делать!"

Тогда мы с Власовым, понимая, что это незаконно, подготовили своё распоряжение, которое решили применить, если возникнет такая ситуация.

В июне к нам пошли московские ваучеры, их владельцы создали очереди. Приём чеков пришлось продлить до 22:00. Лужков их зажимал, в столице аукционов было немного.

30 июня я уехал из своего кабинета уже в 1 час ночи (впрочем, это уже было 1 июля). Последний "инвестор" пришёл сдавать чеки в 23:30. После того как все отчитались об окончании работы я закрыл за собой дверь. Даже обмыть это событие не было сил.

Всего мы раздали 6,7 млн чеков, а собрали больше 4. Перед тем как сдать их в Кассовый союз, провели подсчёт, один недостающий чек три дня искали, пересчитывали. И всё-таки нашли».

Учёт и контроль. Тогда же появились реестры акционеров. Дмитрий Васильев исходил из логики ГКИ — государство хотело понять, в чьи руки попадает имущество.

Следует отметить «небольшую» лингвистическую разницу: на Украине, например, в законе говорится о реестрах акций, в российском — о реестре акционеров. Поэтому российские инвесторы участвующие в приватизационных делах соседей, получали огромный список акций с отметками, кому они принадлежат...

Старовойтов А. В.: *«На основе аукционных центров стихийно сложилось множество (более тысячи) разнородных, не имеющих надёжной адекватной технической и технологической инфраструктуры систем учёта прав собственности — реестров именных ценных бумаг. Понятное дело, что подобные примитивные и недостаточно надёжные во всех смыслах образования по учёту прав собственности в подавляющем большинстве не имели шансов выжить самостоятельно в том количестве, в котором они были изначально образованы».*

Первые системы учёта прав собственности постепенно стали поглощаться отдельными специализированными организациями по ведению реестров именных ценных бумаг — регистраторами.

Черкасский Б. В.: *«Не так уж трудно было на их базе создать региональные депозитарии. А желающие в этом поучаствовать нашлись бы. Следовало только простимулировать этот процесс на государственном уровне: помочь разработать единую технологию, правила, профинансировать начало работы. В этом случае аукционные центры стали бы региональными депозитариями, филиалами центрального депозитария. Сам же центральный депозитарий в рамках этого процесса тоже мог бы безболезненно сформироваться к середине 1990-х годов, и нам не пришлось бы потом так мучиться в попытках создать этот вожделенный учётный институт. Но, увы, консультантам было "уплочено", и развитие пошло по-иному».*

Итак, списки победителей аукционов — будущих акционеров — были сосредоточены в аукционных центрах, которые открывались в каждой области. Центробанк и, в частности, Андрей Козлов тогда предлагали использовать более простую схему.

Поскольку при проведении крупных аукционов использовалось большое количество ваучеров, то сразу же возник вопрос о том, как хранить чеки и распределять их по стране. А главное, как регистрировать права собственности в тысячах появившихся тогда акционерках. То есть разговор зашёл о депозитариях, в которые должны были депонироваться ваучеры в безналичной форме.

Чубайс А. Б.: *«Ваучеры, свободно обращаясь, создали не только спрос на акции приватизируемых предприятий, но и заложили основу для становления институтов фондового рынка. Уже тогда появились первые его институты, регистраторы и депозитарии, где учитывалось движение приватизационных чеков, фондовые биржи, где они котировались, наконец, инвестиционные фонды — все они дали серьёзный импульс развитию рынка, способствовали появлению тысяч профессионалов фондовиков».*

Для выполнения этой роли привлекались различные структуры, но особую роль сыграла система Кассового союза.

Васильев Д. В.: *«С его руководством в лице Константина Мерзликина я общался достаточно часто.*

В главе о Кассовом союзе я уже рассказывал о том, как случайность — поставленная у двери в хранилища (с довольно простым замком) на 1-м этаже здания мэрии (бывший СЭВ) на Новом Арбате вешалка, на которую путчисты в октябре 1993 года вешали свои пальто, — спасла приватизацию.

Вот какова роль исторической случайности! Ведь появление чеков во вторичном обращении могло нанести существенный ущерб ваучерной приватизации. Не случайно после этих событий мы утвердили схему хранения непогашенных приватизационных чеков, сделали её идентичной хранению наличности в кассах предприятий. Характерно отреагировала на те драматические события биржа — в понедельник и во вторник (4 и 5 октября) многие

предприниматели отозвали свои заявки на приобретение приватизационных чеков (говорили, что на сумму почти в 3 млрд рублей). Но уже в среду, когда исход событий ни у кого не вызывал сомнений, на всех биржах резко возрос объём сделок по чекам, а курс ваучера подскочил в среднем более чем на 300 рублей и впервые достиг в Москве 11 тыс. 500 рублей».

Агроскин В.В.: *«Нам пришлось возить ваучеры в сумках в регионы, чтобы участвовать там в аукционах, пока в конце 1993 — начале 1994 года Госкомимущество не наладило систему депонирования чеков в депозитарии Кассового союза. Его выписки обязаны были принимать аукционные центры по всей России».*

Серьёзным недостатком практикуемой Госкомимуществом схемы проведения межрегиональных чековых аукционов был высокий уровень издержек и хаос в организации обращения акций приватизированных предприятий на вторичном рынке. Изменения в реестры акционеров приватизированных предприятий, чьи пакеты акций размещались через чековые аукционы, из-за отсутствия депозитарной инфраструктуры, вносились с большим опозданием.

В результате в мае 1993 года группа «Организованный рынок», функционирующая в рамках депозитарной службы РИНАКО и соперничающая с Кассовым союзом за ключевые позиции российского рынка в области развития национальной депозитарной инфраструктуры, предложила Госкомимуществу России альтернативную схему проведения межрегиональных чековых аукционов. Схема предполагала проведение одновременно в нескольких городах России чековых аукционов на базе уже функционирующих депозитарных центров, использующих технологию РИНАКО. Преимущество этой схемы заключалось в небольших издержках на её организацию и возможность не только вести продажу акций, но и одновременно вносить изменения в реестры акционеров приватизированных предприятий[1].

Более чем в 15 городах России депозитарные центры — пользователи технологии РИНАКО — были уже объединены корреспондентскими отношениями, позволяющими осуществлять межрегиональную миграцию ценных бумаг.

Руководитель группы «Организованный рынок» Анатолий Левенчук провёл тогда серию переговоров с Госкомимуществом России.

В сентябре 1993 года система безналичного обращения приватизационных чеков была испытана в Санкт-Петербурге. Её разработал Расчётно-депозитарный центр совместно с Санкт-Петербургской валютной биржей. Система предоставляла своим клиентам комплексные услуги — от депонирования чеков для участников ваучерных торгов или чековых аукционов до погашения ваучеров победителей аукционов.

---

[1] *Лоснов Н.* Новая схема национальных чековых аукционов // Коммерсантъ-Daily. 01.06.1993.

РДЦ специально был создан для осуществления в Петербурге пилотного проекта Кассового союза по организации сети региональных депозитариев. Он позволил значительно упростить расчёты по участию в чековых аукционах, а также снизить операционные издержки финансовых брокеров и участников аукционов[1].

Начиная с лета 1993 года, согласно временной инструкции, подписанной Дмитрием Васильевым, на аукционы стали принимать не только наличные ваучеры, но и свидетельства о депонировании чеков, которые можно было получить в Кассовом союзе, отдав туда свои ваучеры. Это существенно повысило стоимость продаваемых акций. Так на чековом аукционе по одному из крупнейших предприятий цветной металлургии — титаномагниевому комбинату «АВИСМА» в Пермской области — курс аукциона оказался очень высоким даже для предприятий отрасли. На один ваучер здесь пришлась всего одна акция номиналом 200 рублей. Крупным инвесторам не пришлось возить мешки с чеками в Пермь, и наиболее крупные заявки от столичных фирм достигали 70–80 тыс. чеков, а пакеты, приобретённые самыми удачливыми инвесторами, составляли примерно 5,5% от уставного капитала.

Вот что рассказывает директор Приморского центрального депозитария (ПЦД) Юрий Юдин.

Юдин Ю. К.: *«Следует отметить, что Приморье уникально благодаря своему положению (восточные ворота России), инфраструктуре (в первую очередь, порты) и богатствам ресурсов (рыба, лес и т.д.). Неслучайно от нас практически не вывозили ваучеры, они всё использовались в местных аукционах. Наоборот, инвесторы везли их к нам из других регионов. Поэтому нам много приходилось обслуживать москвичей, приехавших на аукционы, открывая им счета.*

Особенность нашего депозитария была в том, что он сразу заработал как настоящий депозитарий. В современном понимании этого слова. Не как регистратор, не как трансфер-агент. Мы занимались своим делом, открывая, в частности, счета чековым инвестиционным фондам, осуществляя физическое хранение ваучеров и безналичные расчёты по результатам аукционов. Параллельно шла подготовка к обслуживанию расчётов на бирже — разработка концепции и программных технологий, документооборота и пр.».

На Владивостокской бирже с помощью консультанта Ивонны Роджерс из Chase Manhattan Bank Кассовым союзом была установлена система номинального держания для чековых аукционов.

Сахаров В. Б.: *«От них мы приняли в помощь и пару компьютеров, подписали бумаги и стали работать с их программой. В результате получился фактически первый современный всероссийский депозитарий. Мы собирали ваучеры, а на аук-*

[1] *Чиккер С.* Безналичное обращение ваучера // Коммерсантъ-Daily. 08.09.1993.

ционы отправляли подтверждённые выписки. Таким образом, наши участники рынка могли не мотаться в Москву, чтобы принять участие в аукционе».

Похожим способом был решён вопрос в Екатеринбурге.

Сами аукционы прошли достаточно мирно.

Сухоруков А. В.: *«В начале 1990-х годов я работал в одной из дочерних структур Уральского фондового центра — компании, занимающейся приватизацией, проводившей чековые аукционы. Вёл в ней различные IT-проекты.*

Вокруг УФЦ, возглавляемого тогда Александром Смыком, крутилась вся жизнь фондового рынка в Екатеринбурге.

В городе часто бывали иностранные консультанты. В один из приездов представителей компании Deloitte было объявлено о поиске специалистов, обслуживающих устанавливаемый ими узел связи. Через него брокеры Екатеринбурга должны были подключаться к общероссийским торгам.

Deloitte в рамках организации чековых аукционов, готовила систему учёта ваучеров и акций. Она же в своё время поставила техническое оборудование и программное обеспечение для УФЦ».

Когда чековая приватизация уже заканчивалась инцидент произошёл в Подмосковье.

Игин Н. Н: *«Мне позвонили из какого-то городского МВД, и сообщили, что к ним принесли заявление об ограблении со взломом — из их местного аукционного центра вынесли приватизационные чеки. Стал я разбираться, почему они там находились и выяснилось, что у нас в области продолжают храниться ещё 2 млн ваучеров, их не хватало времени вывозить. Вызвал своё районное руководство и пропесочил их: "Вы с ума сошли?!"*

И тогда мы разработали почти военную операцию, подключив к ней Кредобанк. Я вывесил на стену карту Московской области и отметками, где сколько чеков хранится, Президент банка Юрий Агапов выделил нам бронированные инкассаторские машины, которые две или три недели вывозили бумаги в хранилище Кассового союза».

Успехи и промахи. Серьёзные инвесторы участвовали в ваучерной приватизации, ставя чёткую цель: получить крупные пакеты акций крупных предприятий. И добились этого многие.

Так, например, на одном из первых крупных инвестиционных аукционов — в начале 1993 года — пакет акций АО «Саянский алюминиевый завод» (всего 4,88% акций) приобрела некая фирма «Алюминпродукт», в руководстве которой находился тогда никому не известный Олег Дерипаска. Пятикурсник физического факультета МГУ Дерипаска, получив опыт биржевой и внебиржевой торговли металлом, всю прибыль вкладывал в скупку ваучеров. Легенды рассказывают, как студент МГУ Дерипаска чуть ли не лично

скупал ваучеры, а затем и, топчась на морозе в далёкой Хакасии у проходной завода, акции СаАЗа. До того момента, когда Дерипаска возглавит завод, оставалось два года. А затем было получение доли в АО «Русский алюминий» и должности генерального директора второй в мире алюминиевой компании.

Вспоминает подходящего к нему Дерипаска, скупающего ваучеры на РТСБ и Игорь Сафарян. А начиналось всё с сумки с ваучерами.

Другой олигарх, глава «Объединённых машиностроительных заводов» (ОМЗ) Каха Бендукидзе, член совета директоров ОАО «Народная нефтяная инвестиционно-промышленная Евро-Азиатская корпорация — НИПЕК» тоже начинал с мешка ваучеров. Его компания «Биопроцесс» приняла решение вбросить на чековый аукцион по продаже акций АО «Уралмаш» 130 тыс. ваучеров за 10 минут до его окончания. *«Это была чистая, как слеза, приватизация по Чубайсу»,* — сказал Бендукидзе через день после этого решения, принёсшего ему 18% акций Уралмаша[1]. Он стал председателем совета директоров крупнейшего уральского комбината.

Бендукидзе позже заявит корреспонденту Financial Times в 1995 году, что завод ему удалось приобрести «за тысячную долю его действительной стоимости».

Можно назвать ещё главу «Сургутнефтегаза» Владимира Богданова и отчасти Владимира Потанина (в его группу в 1995 году вошёл холдинг «Микродин», активно работавший на приватизационном рынке), с прибылью использовавших ваучерные аукционы в свою пользу.

Успешно работали на аукционах инвесторы «Альфа-Капитала», «Менатепа», «Кольчуги»...

Серьёзный гешефт получили участвующие в аукционах (через российских партнёров) иностранные фирмы. Так, выложив примерно 100 тыс. чеков, им удалось приобрести два питерских предприятия — 22% акций «Электросилы» и 11% акций завода турбинных лопаток. Примечательно, что оба предприятия входили в один и тот же технологический цикл производства турбин.

Интерес иностранцев к местным предприятиям этим не ограничился. На чековом аукционе по акциям пивного завода «Балтика», финский инвестор приобрёл чуть менее 9% от уставного капитала. Затем после окончания приёма заявок на чековый аукцион по его акциям был проведён уже инвестиционный конкурс, на котором 43,5% акций приобрёл всё тот же инвестор, тем самым получив контрольный пакет.

Чтобы понять, насколько выгодной оказалась сделка, скажем, что после того, как в Санкт-Петербурге сформировался вторичный рынок акций «Бал-

[1] *Башкирова В. Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 101.

тики», Первый чековый инвестиционный фонд объявил о продаже акций этого предприятия по курсу 7 тыс. рублей (при том, что их номинал в ходе аукциона составил всего 50 рублей).

Михаил Бройтман до сих пор считает, что самая лучшая его инвестиция — одновременно и самая худшая.

Бройтман М. Я.: *«В 1994 году я вложил ваучеры в акции одной из компаний. Когда же в 2004 году я продал этот пакет, то он увеличился в стоимости в 300 раз в долларовом исчислении. Однако вскоре я понял, что сделал это слишком рано — к 2005 году он вырос ещё в 10 раз!»*

Впрочем, это была действительно удача, которую сложно было предсказать.

Так Игорь Смолькин, тогда финансовый директор «Альфа-Капитала», жаловался, что *«не существует простых путей отбора таких предприятий: нет какого-то одного специалиста или даже организации, владеющей всеми необходимыми данными»*. Ему казалось, что необходимая информация из-за её отсутствия заменялась интуицией, ощущением. Впрочем, иногда и чем-то иным...

Иностранный след. «Пылесос». По мере того как торговля ваучерами набирала обороты, на рынок пришли западные инвесторы, для которых выполнял роль «ворот в Россию» CSFB. По оценкам консультантов, на эту компанию приходилось порой более 60% операций на фондовом рынке. То есть она скупал всё.

Моряков И. Д.: *«Могу похвастаться, что система скупки ваучеров, а потом акций в России подобна работе пылесоса, впервые сказал я на совещании консультантов у Дмитрия Васильева, потом это выражение пошло в народ. Дмитрию Валерьевичу оно очень понравилось, и он стал его активно использовать».*

Основные участники ваучерного рынка — «Тройка Диалог», «Грант», ТРИНФИКО, «Атон», ОЛМА и «Ринако Плюс», уже не столько спекулировали чеками на бирже, сколько скупали их в интересах заказчика. Крупные игроки, находящиеся на вершине «пирамиды», могли за день собрать по заказу клиента ваучеров на 1 млн долларов.

Крупная зарубежная компания заказывала группе российских брокерских компаний (их было не больше 15) приобрести определённые акции, те, в свою очередь, давали соответствующие поручения региональным партнёрам, скупающим требуемые акции у населения. На каждой стадии цена удваивалась.

Варданян Р. К.: *«На приватизационных чеках мы начали зарабатывать на иностранных клиентах благодаря Бернарду (Берни) Сачеру.*

Мы покупали ваучеры за наличные на Российской товарно-сырьевой бирже. Деньги и ваучеры в Главпочтамт, где располагалась РТСБ, носили мешками. Возили их на машинах без охраны. Помню, наш трейдер Аслан Халишхов однажды

вёз мешок на метро, приехал в офис весь бледный. Под ногами у бухгалтеров валялись мешки с ваучерами стоимостью по несколько миллионов долларов. Чтобы пересчитать эти ваучеры в счётной машине, её нужно было перестраивать. А умелец, который мог это делать, стоил больших денег».

Через «Тройку Диалог» прошло около 2,8 млн ваучеров, купленных на бирже и улице. Все они были брошены на аукционы.

Варданян Р. К.: *«Помню, когда западные банкиры приехали на биржу, где торговали ваучерами, они спросили: "А где происходит клиринг?" Я ответил, что они всё сейчас увидят. И на их глазах мужчина и женщина договорились между собой о сделке, после чего он открыл дипломат с пачками денег, она против них положила авоську с ваучерами. Так и произошёл расчёт».*

Но CSFB не мог самостоятельно собрать чеки по всей стране, чтобы потом в интересах своих клиентов участвовать в аукционах. И он также сделал ставку на местных брокеров. Через CSFB, возглавляемого Стивеном Дженнигсом и Борисом Йорданом, по некоторым оценкам, прошло около 20 % всех выпущенных ваучеров.

На вершине находились несколько крупных западных компаний, часто работающих на ещё бóльшие венчурные фонды. Они были главными «собирателями» с Земли Русской. Их партнёрами, а точнее клиентами, был десяток крупных российских инвестиционных компаний, брокеров, уже ворочавших большими партиями ваучеров, доказавших свою надёжность, оперативность и имеющих разветвлённые региональные связи. Далее в этот «пылесборник» вовлекались всё более мелкие компании, оперирующие сотнями-тысячами ваучеров и, наконец, включались в работу многочисленные региональные ваучерные возчики, скупщики и т. п.

В дальнейшем также будут собирать и акции, большое число рядовых скупщиков «пылесосили провинцию» — там на проходных предприятий стояли молодые ребята с небольшими плакатами, призывающими сотрудников завода продать им имеющиеся у них акции. Занятие это было очень рискованное, но финансово очень выгодное, т. к. добычу можно было перепродать в Москве во много раз дороже.

Система действовала безотказно: ваучеры и акции исправно шли наверх, деньги двигались в обратную сторону. Это была строгая саморегулирующаяся неформальная структура.

Царьков О. И.: *«У Йордана было достаточно денег, чтобы его добровольные агенты не оставались в накладе. На миллионном заказе CSFB можно было заработать 100 тыс. долларов.*

Однако сначала нужно было найти этот миллион, чтобы купить нужное американцам количество чеков. Йордан платил по факту поставки ваучеров на счета CSFB в депозитарии, а сколько-нибудь значимым собственным капи-

талом брокеры не обладали. Новоиспечённые коммерческие банки отказывались кредитовать под контракты с CSFB. Российские банкиры вообще делали удивлённые глаза, когда слышали эту аббревиатуру. Зато вполне нормально относились к ваучерам, соглашаясь взять их в качестве обеспечения под выдаваемый кредит. Возникал замкнутый круг. Чтобы купить чеки для CSFB, нам необходимо было взять кредит и заложить приватизационные чеки.

И вот тут как раз и выручили пункты приёма заявок. По правилам брокер был обязан сдать чеки в РПЦ в течение двух недель с момента подведения итогов аукциона. Брокеры, естественно, не спешили. Закладывали собранные чеки в банке, брали кредит, покупали новые ваучеры и продавали их CSFB. Тот подавал заявку, и круговорот ваучеров повторялся».

«На РТСБ работа шла по схеме: есть заказ CSFB (или кого-то другого крупного), все покупают ваучеры, нет заказа продают или даже пересаживаются на МММ. При работе на заказ ваучеры брали все столы. Это вызывало резкий, недлительный по времени подъём курса ваучера, после которого наступало столь же резкое падение. О начале этого момента счастья большинство не знало, как и кому поручена скупка, информацию такую берегли.

Подходит ко мне дружок из конкурирующей фирмы и говорит: "А... гребёте под банк "N", — рассказывал впоследствии один из крупных операторов ваучерного рынка. Я чуть не задохнулся от возмущения, хотел сказать: это они вечно под нами сидят, но сдержался, нельзя разглашать столь ценную информацию". Естественно, крупные операторы были всегда на виду, к их действиям внимательно присматривались, чем работники этих фирм и пользовались. "Надо мне было как-то раз денег срубить, — вспоминал один из них, — прихожу на биржу, как ни в чём не бывало сажусь за стол, придаю лицу значительное выражение. Свои полторы тонны ваучеров я отдал при входе знакомым, с указанием продать через двадцать минут после начала торгов. Подходят ко мне, интересуются: "Покупаете сегодня?" — "Щас, — говорю, — деньги привезут и начнём". Рынок начинает нагреваться, цены растут, через двадцать минут, на пике мои кореша сбрасывают мои ваучеры (естественно, пакетами не более 500 штук). Денег, естественно, не привозят, рынок перегревается и начинает сдавать вниз, тут я делаю лицо попроще, встаю из-за стола и удаляюсь со словами: "Денег не будет". Рынок проседает ещё больше, забираю деньги и еду на ЦРУБ откупаться, процентов 5–7 я тогда поднял»[1].

Таким образом, получалась такая аэродинамическая труба, которая уводила, по большому счёту, всю собственность в западные венчурные фонды.

[1] *Виноградов А.* Воспоминания молодого брокера о молодости фондового рынка.

То есть конечными покупателями были крупные западные фонды. И эти операции были уже очень непрозрачными, потому что в тот момент не было понятия номинального держателя для западного института и владельцем формальным этих акций оставался ЗАО «CSFB-Москва».

Моряков И. Д.: *«Из-за этого понять кто всё-таки настоящий владелец было невозможно. А вот крупнейшими кастодианами на тот момент были западные банки — IMG, ABN AMRO, Citibank, Deutsche Bank.*

UBS и Brunswick одновременно были и брокерами, и крупными кастодианами. Они достаточно активно торговали на рынке. А вот брокер и инвестиционный банк Credit Swiss работал как бы в паре с Credit Swiss First Boston, своей дочерней, но самостоятельной компанией, выполняющей роль кастодиального института».

В паре со своим партнёром «Тройкой Диалогом» работал банк «Диалог-Банк».

Если в октябре 1993 года дневные закупки исчислялись тысячами, через три месяца десятками тысяч, а в последние два месяца жизни ваучера — сотнями тысяч. При этом на растущем спросе росла и цена ваучера, а вместе с ней и обороты брокерских контор. Также набирали обороты и денежные аукционы, что давало брокерам дополнительные прибыли и приводило на рынок ваучеров новых игроков, вроде «Тройки Диалог» и Brunswick.

Царьков О. И.: *«Лёгкие манипуляции, правда, удавались. Когда мы начали скупать чеки для CSFB, завсегдатаи РТСБ смекнули, что на нас можно неплохо заработать. Как только мы появлялись в биржевом зале с заполненными наличными сумками "мечта оккупанта", котировки подскакивали на 10%. Но если все знают, чего от тебя ожидать, меняй тактику. Самое главное, чтобы никто не знал, какой у тебя заказ.*

Строго говоря, количество сумок от его объёма не зависело. Ведь банк мог подвести с "купюрностью", выдав пачки с банкнотами маленького достоинства. Поэтому однажды мы пришли с пустыми сумками. Мы демонстративно сидели и ничего не делали, а спустя некоторое время ушли. Ожидания рынка оказались обманутыми, котировки упали. Потом приехали под закрытие, быстро и спокойно купили нужно количество».

Хитрости и жульничество. Казалось, что сама процедура чекового аукциона, регламентированная до мельчайших деталей, исключала серьёзные нарушения. Тем не менее нарушения, конечно, были. Было и мошенничество.

Васильев Д. В.: *«Довольно распространённое явление: нарушались правила приёма чеков. Предприятия, выставляемые на аукцион, делали всё для того, чтобы не допустить к участию в нём "неудобных" инвесторов. Как-нибудь по-хитрому публиковалась информация об аукционе, чтобы её сложно было*

заметить потенциальным претендентам на крупные пакеты. Либо попросту аукционный центр закрывался на пару часов раньше, чтобы не успел добраться незваный московский гость с парой миллионов чеков. Часто нежеланным покупателям объявляли о том, что у них депозитные свидетельства неправильные или чеки какие-нибудь не такие.

Ещё один распространённый вид мошенничества: получение незаконным путём закрытой информации о ходе аукциона. Основной интерес был в чём? Узнать, причём незадолго до завершения чекового аукциона, сколько чеков подано на одну акцию предприятия. Участник аукциона, который получал такую информацию, мог без риска для себя захватывать необходимый ему пакет акций, ведь он знал, сколько чеков надо вложить, чтобы получить этот пакет, не переплачивая при этом себе в ущерб»[1].

Павел Хлебников со слов руководителя Первого ваучерного инвестиционного фонда Михаила Харшана рассказывает, что порой правила аукционной торговли соблюдались далеко не всегда. Вот как ему удалось приобрести долю в компании «Соликамскбумпром» (Пермская обл.). Эта крупная бумажная фабрика ежегодно производила 460 тыс. тонн бумаги и была одной из немногих в России производителей газетной бумаги. Вместе с директором компании Харшан «убедил» местный комитет по приватизации провести ваучерный аукцион только на территории фабрики. Поскольку сама фабрика находилась в зоне расположения оборонных заводов, официальный доступ посторонним туда был закрыт. Но Харшан договорился с высокопоставленным московским чиновником, и тот позвонил в Соликамск бывшему секретарю обкома, главе местной администрации. Людей Харшана охрана на фабрику пропустила, и таким образом ему удалось приобрести на выгодных условиях 10 % компании. «Мы ни в кого не стреляли, не нарушали никаких законов, — с ухмылкой объяснял Харшан. — Просто вот так в России делается бизнес»[2].

Большинство предприятий, в том числе и оборонные, проходило обязательное согласования плана приватизации в ГКАП. Довольно много проектов постановлений о приватизации заворачивали.

Бочин Л. А.: *«Неслучайно у нас были непростые отношения с ГКИ. Особенно нас не устраивала непрозрачность этого процесса. Приходилось сталкиваться с предложениями приватизировать, в том числе оборонные предприятия, в которых ключевая доля акций нового АО уходила директорам*

---

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 132, 133.

[2] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 131.

и их заместителям за их интеллектуальный вклад, оцененный в миллионы рублей или даже долларов. Давление на нас было немаленькое.

Здесь следует отметить, что никогда мне не давал указаний по изменению позиций по этому поводу Борис Николаевич Ельцин. Если поручения были, то от его помощников. Но в этом случае мы не меняли свои выводы».

А ещё Хлебников отмечал жульничество менеджеров инвестиционных фондов. Когда фонд осуществлял выгодную покупку на том или ином ваучерном аукционе, акционеры фонда порой не получали возможную стоимость инвестиции в денежном выражении. По стандартной схеме происходило следующее: через некоторое время в фонд обращался покупатель, готовый заплатить в двадцать раз больше покупной цены. Но менеджеры фонда продавали акции лишь вдвое выше покупной цены, но промежуточной компании, которая принадлежала «друзьям» менеджеров фонда. Эта же компания, в свою очередь, перепродавала пакет акций уже конечному покупателю в десять раз дороже, чем только что заплатила сама. «Это типичная поганка — инвестиционные фонды подсовывают её постоянно», — отмечал генеральный директор брокерской фирмы «Грант» Андрей Орехов[1].

А вот воспоминание заместителя Дмитрия Васильева Игоря Бажана о том, как приватизировались два соседних немосковских предприятия.

Бажан И. И.: *«Один (машиностроительный) завод с 10 000 работающими на нём людьми был приватизирован по второму варианту, а затем на чековом аукционе небольшое число "продвинутых" управленцев завода за 82 ваучерами приобрели пакет в 29%. И в конце концов завод разорился, так как в период неплатежей за его объективно нужную продукцию оказалось некому расплачиваться. Завод холодильных установок, расположенный рядом и приватизированный примерно таким же способом, наоборот, расцвёл, так как его продукция оказалась чрезвычайно востребована растущей торговлей. В этом не было ни малейшего достижения местного менеджмента. Так что о справедливости тех лет говорить действительно зачастую не приходится!»*

Шли на различные уловки и участники аукционов.

Голубович А. Д.: «*Порой приходилось вступать в жёсткую конкурентную борьбу (особенно в Москве, где многие предприятия воспринимались, в первую очередь, как недвижимость), и чтобы, например, отбить желание конкурентам подать заявку, в пунктах приёма мы устраивали искусственные очереди из приведённых для этого "специально обученных людей" — чаще всего из службы безопасности.*

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 137.

Но всё же чаще удавалось убедить директоров, чтобы они были лояльны. Порой им тоже предлагался "бесплатный" пакет акций в составе контрольного пакета предприятия».

Сложности создавало и Правительство РФ. Вот как «попалась» инвестиционная компания «Кольчуга».

Кобищанов М. Ю.: *«Некоторые акции после чекового аукциона мы не получили. В частности, 30 июня 1994 года заканчивался аукцион по акциям компании ВИЛС (Всесоюзный институт лёгких сплавов). У нас оставались ваучеры, приобретённые на последние 200 тыс. долларов. Мы их туда торжественно внесли на пару дней до окончания приёма заявок через "Ринако Плюс".*

30 июня был опубликован указ Председателя Правительства РФ об отмене этого аукциона. Чеки уже никуда нельзя было перебросить. Мне позвонили из "Ринако" и сказали, что всё пропало, гипс сняли... Ринаковцы предложили вернуть нам ваучеры, но они наутро прекращали своё действие. Пришлось эти средства списать как убыток».

Итоги. Чем сердце успокоилось... Из 126 млн ваучеров были проданы ловцам удачи 61 млн. Если учесть, что под ваучеры «отдавалось 35% народного хозяйства, оценённые в 1,5 трлн рублей, то можно сказать, что они обошлись, учитывая среднюю цену ваучера в 20 долларов, в 1,2 млрд долларов.

24 ноября 1994 года первый заместитель председателя Госкомимущества Пётр Мостовой в докладе председателю Государственной думы Ивану Рыбкину привёл такие данные о проданных через систему чековых аукционов предприятиях:

— электроэнергетики (всего было выставлено акций на сумму 7,4 млрд рублей);
— топливной промышленности (23,5 млрд рублей);
— чёрной металлургии (12,2 млрд рублей);
— цветной металлургии и обработки цветных металлов (5,1 млрд рублей);
— химической промышленности (3,2 млрд рублей);
— нефтехимической промышленности (0,8 млрд рублей);
— автомобильной промышленности (10,8 млрд рублей);
— транспорта (2,3 млрд рублей);
— лёгкой промышленности (102 млрд рублей).

Наконец, в прессе приводятся некоторые итоги чековой приватизации. За период с 1993 года до первой половины 1994 года было продано 48 172 предприятия с совокупным уставным капиталом 958,0 млрд рублей, или 22,8 млрд долларов (при курсе в среднем 42 рубля за доллар). В доход федерального бюджета было получено 149,0 млрд рублей, или 3,5 млрд долларов. При этом следует помнить, что уставной капитал на момент расчётов

был занижен (принят в оценке на 1 июля 1992 года), а поступление средств от приватизации — завышено (подсчитано с учётом инфляции). Минфином и Госкомимуществом была установлена очерёдность перечисления средств от приватизации в бюджеты разных уровней, при которой поступление денег в федеральный бюджет осуществлялось в последнюю очередь, что и позволяло практически полностью все рублёвые платежи оставлять на содержание органов приватизации, а в качестве платежа в федеральный бюджет направлялись приватизационные чеки.

Для компенсации расходов на проведение чековых аукционов продавцам-посредникам было разрешено до 10% акций, получающихся при дроблении номинала акций, по каждому пакету, выставляемому на чековый аукцион, продавать на денежном аукционе. Выручка от продажи таких остатков («хвостов») составила не менее 40,0 млрд рублей, которые были поделены следующим образом: продавцам-посредникам, осуществляющим проведение аукционов — 55%, Госкомимуществу — 30% и Фондам имущества — 15%. Расчёты в 10 000-м номинале сохранили и после окончания чекового этапа. При таких расчётах всегда приходилось проводить дробление номинала акций и поэтому оставались «хвосты». Поступление средств от их продажи значительно превышало все затраты по организации аукционов. Так, в 1996 году Фонд имущества Волгоградской области получил 394,0 млн рублей от продажи на специализированном денежном аукционе лишь одного пакета акций, в то время как затраты фонда в 1996 году на проведение всех аукционов составили всего лишь 189,4 млн рублей. Разница в размере 204,6 млн рублей осталась на счетах этого фонда.

ЯРКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ — ГУМ, ЗИЛ

Исходя из толстовского постулата, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, даю только два ярких примера раздела таких «семей». Каждый же читатель может самостоятельно решить, насколько они похожи и насколько эти семье стали счастливее.

По-особому проходил один из первых в России аукционов ГУМа.

Мэр Москвы Гавриил Попов прилагал тогда немалые усилия к тому, чтобы в кратчайшие сроки распределить всю московскую торговлю в частные руки. Ему это удавалось, однако главный универмаг страны располагался в историческом здании, каковые по действовавшему на тот момент законодательству приватизации не подлежали и должны были находиться на балансе управления по охране памятников истории и культуры. Его туда и передали, но не напрямую, а через «прокладку» в лице АО «Торговый дом ГУМ», заодно накачав стоимость его акций.

История эта имела глубокие корни. ЗАО «Торговый дом ГУМ» с капиталом 75 млн рублей было зарегистрировано заранее — 6 декабря 1990 года. Акционерами стали Моссовет (владелец бóльшей части основных и оборотных средств), трудовые коллективы ГУМа и ряда его филиалов (одна треть всех акций), трудовые коллективы крупных московских предприятий, внешнеторговые организации.

При этом ГУМ не был даже частично приватизированным предприятием, т. к. деньги трудовых коллективов, уплаченные за акции, не перечислялись в госбюджет, а находились на специальном накопительном счёте. Это было сделано потому, что их цену определяли произвольно и она никак не была связана с рыночной ценой ГУМа. Поэтому они ни при каких условиях не могли продаваться.

АО должно было заниматься розничной торговлей, производством швейной продукции, а также инвестиционной деятельностью.

Общество заключило контракт на разработку технико-экономического обоснования приватизации ГУМа с французским банком Credit commercial de France (CCF) и известной французской консалтинговой фирмой BDA Deloitte et Touche. Реализация контракта началась 25 декабря 1991 года.

Стоимость работ составляла 1 млн 950 тыс. франков, причём платило за работу Правительство Франции в рамках программы помощи мэрии Москвы.

После определения цены планировался выпуск акций. Предполагалось, что до 25 % акций будет предложено сотрудникам ГУМа, около 50 % будут проданы на рынке и какое-то количество акций оставит себе Моссовет с таким расчётом, чтобы его участие (с учётом уже имеющихся акций) не превышало 25 % (на этом настаивал антимонопольный комитет)[1].

5 мая 1992 года вышло Постановление Правительства Москвы № 255 «О приватизации магазинов, входивших в систему ГУМа».

Кроме того, что утверждался план приватизации государственного имущества торговых предприятий, входивших в систему ГУМа, ликвидировались государственные торговые предприятия: «Балатон», «Будапешт», «Власта», «Ганга», «ГУМ», «Кабул», «Прага», «Универсам-70», «Ядран». Их правопреемником назначалось уже Акционерное общество открытого типа «Торговый дом ГУМ».

Ему при ликвидации ГУМа поручалось *«передать со своего баланса на баланс Управления государственного контроля и охраны памятников здание, расположенное по адресу: Красная площадь, дом 3, являющееся памятником истории и архитектуры»*.

---

[1] *Харнас В.* Торговый дом ГУМ будет продан. Правда, без ГУМа // Коммерсантъ. 30.12.1991.

Кроме того, премьер Правительства Москвы Ю. М. Лужков поручал Москомимуществу увеличить стоимость выкупаемого государственного имущества с учётом стоимости помещений, зданий, сооружений; выступить учредителем АО «ТД ГУМ» в соответствии с Указом Президента РФ от 29.01.1992 № 66; заключить договор купли-продажи с АО «ТД ГУМ» после внесения им суммы в размере 50 % стоимости выкупаемого имущества с учётом стоимости 25 % привилегированных акций согласно Указу Президента РФ от 29.12.1991 № 341.

Сумма выкупа приватизируемого имущества без главного здания на Красной площади (по балансовой стоимости) была оценена в 291 млн рублей. Общая площадь главного торгового здания ГУМа — 70 000 м^2, общая торговая площадь — 16 000 м^2. Задействованный штат в главном здании на Красной площади — 3000 человек.

Главным лоббистом этой схемы выступил бывший глава московской комиссии по потребительскому рынку и член президиума Моссовета Юрий Соломатин, позднее ставший председателем совета акционеров этого самого АО. После ухода Попова из мэрии Моссовет специальным постановлением приостановил приватизацию зданий в пределах Садового кольца, однако АО «Торговый дом ГУМ» всё равно якобы получило свидетельство на право собственности как на само здание ГУМа, так и на все его дополнительные помещения.

В результате всех этих операций на состоявшемся в начале 1993 года чековом аукционе акции ГУМа продавались по цене в 16 раз выше номинала[1].

Тимур Аитов с 1991 года работает в главном универмаге страны — ГУМе. Первоначально возглавлял отдел ценных бумаг ГУМа. Основные достижения периода: создание отдела ценных бумаг, проведение закрытой подписки на акции ГУМа при его приватизации, выпуск проспекта эмиссии, оформление и выдача акций акционерам ОАО «ТД ГУМ» на бумажных носителях (бланках).

Аитов Т. Н.: *«Первые выпуски акций ГУМа были на бумажных носителях, печатали их на Гознаке. Проспект эмиссии готовили с Беллой Златкис, которая тогда сидела со своим отделом на четвёртом этаже известного здания на Ильинке. Утвердил проспект эмиссии тогдашний замминистра финансов Сергей Горбачёв.*

Дело организации эмиссии было хлопотное, и я с удивлением смотрел на многочисленные точки пункта продаж бумаг МММ, которые в это же примерно время бесконтрольно выпускали и продавали свои ценные бумаги. Что каса-

[1] *Байков А.* Как первый демократически избранный мэр Гавриил Попов создал авторитарную систему управления городом. 29 октября 2020. https://yandex.ru/turbo/moskvichmag.ru/s/gorod/kak-pervyj-demokraticheski-izbrannyj-mer-gavriil-popov-sozdal-avtoritarnuyu-sistemu-upravleniya-gorodom/

ется первичного размещения акций ГУМа в трудовом коллективе, дела шли не столь блестяще. Подписная кампания проходила летом, многие сотрудники были в отпусках. Те, кто остались на работе, тянули время, не особенно изъявляли желание подписываться, многие вообще воспринимали происходящее как подписку на "сталинские облигации". Приходилось активно всех агитировать. Помню за неделю до завершения подписной кампании по указанию тогдашнего президента Станислава Сорокина я собрал всех многочисленных "топ-менеджеров" ГУМа (их набралось человек 50, включая начальников отделов) для того, чтобы распределить между ними остатки акций из числа тех 10%, которые им полагались по второму варианту приватизации. Неохотно, но "менеджеры" всё же подписались, исходя из поставленной минимальной квоты в 80 тыс. рублей на каждого. Потом, когда заработал вторичный рынок и акции ГУМа в магазине "Деловые услуги" на 1-м этаже главного здания сразу стали котироваться в три раза выше номинала, многие пожалели, что "мало взяли", но было поздно».

Тимур рассказывает, что после аукциона ваучеры он привёз сдавать в Кассовый союз и был «разочарован» отсутствием внимания. Если они по нескольку раз перед сдачей пересчитывали собранные чеки, понимая свою финансовую ответственность, то принимали их без всякого пересчёта, как фантики.

Уже в феврале 1993 года депутаты Моссовета обвинили Фонд имущества Москвы в том, что он продал АО «Торговый дом ГУМ» основное здание универмага.

Выданное АО свидетельство на право собственности, датированное 27 ноября 1992 года было подписано председателем Фонда имущества Владимиром Бушевым и включало «имущественный комплекс по адресу Красная площадь, 3», а также «все здания и сооружения площадью 173 081,1 м^2, согласно приложению». В приложении к этому документу фигурировали здание на Красной площади и еще 16 объектов (магазины «Хрусталь», «Подарки», «Ядран», «Балатон» и др.).

В ответ Владимир Бушев сказал, что ГУМ никто не собирался продавать, и своё заявление подкрепил арендным договором, согласно которому здание на Красной площади было передано в аренду АО на 49 лет.

«Обстоятельства же появления в приложении к свидетельству основного здания ГУМа, как выясняется, весьма загадочны — Владимир Бушев в личной беседе заявил корреспонденту "Ъ", что не знает, как в это приложение могло попасть основное здание ГУМа, во всяком случае он, по его словам, его туда не включал. Заместитель председателя Фонда имущества г-н Ахинин не исключает, что в этом случае могут равно быть как опечатка, так и подлог.

В поддержку заявления г-на Бушева выступил глава наблюдательного совета акционерного общества Юрий Соломатин. Он сказал, что продажи здания

на Красной площади не было и не может быть, так как его стоимость не включена в уставный фонд и под него не выпущены акции. <...>

В связи же с заявлением депутатов о неправомерности продажи остальных зданий по балансовой стоимости (40 млн рублей) г-н Соломатин сослался на Указ Президента России № 721, где закреплён именно такой порядок»[1].

Чековый аукцион по акциям АМО «ЗИЛ»

Крупнейшим событием весны 1993 года стало завершение в начале мая первого общероссийского чекового аукциона по продаже акций Акционерного московского общества (АМО) «Завод имени И. А. Лихачёва» (первого в отрасли и одного из первых крупнейших предприятий России).

21 августа 1992 года во Дворце культуры производственного объединения ЗИЛ состоялась конференция трудового коллектива, принявшая план приватизации, положение о ценных бумагах и устав акционерного московского общества «Завод имени И. А. Лихачёва (АМО "ЗИЛ")». Уставный капитал АМО «ЗИЛ», образованного в процессе приватизации Производственного объединения «ЗИЛ», включающего в себя 16 заводов, составлял 2,9 млрд рублей[2], разделённых на акции по 1 тыс. рублей. Работники объединения выбрали первый вариант приватизации, в соответствии с которым получили право выкупить 50% акций, в том числе 10% получить бесплатно из фонда акционирования работников предприятия. Оставшиеся 50% и права учредителя акционерного общества по Распоряжению Госкомимущества № 411-р от 4 сентября 1992 года были переданы Московскому фонду имущества.

На пресс-конференции, посвящённой открытию всероссийского аукциона, генеральный директор ЗИЛа Евгений Браков заявил, что не допустит дробления номинала акций (сплита) по результатам чекового аукциона, объяснив это тем, что акционерное общество, израсходовало около 100 млн рублей на печать акций, в которых был указан номинал 1 тыс. рублей, и у него нет никакого желания расходовать ещё столько же на печать акций другого номинала. Более того, он даже заверил журналистов, что вся текущая информация о поступлении заявок будет у него в руках, и что, как только курс достигнет соотношения — акция за чек, — приём заявок прекратится. Впрочем, в дальнейшем организаторы аукциона, специально проводили регулярные проверки приёмных пунктов (выборочно около 20), утверждали, что наруше-

[1] *Харнас В.* Продажа ГУМа: а был ли мальчик? // Коммерсантъ. 22.02.1993.

[2] Остаточная балансовая стоимость 16 заводов и другого имущества составляла примерно 3,2 млрд рублей (по «старым» ценам), а общая численность работников (с пенсионерами) — 120 тыс. Известия. 21.08.1992.

ний в процессе прохождения заявок, равно как и утечки информации о них не было обнаружено. То есть предсказанный Браковым курс аукциона получился случайно.

Интересно, что в преддверии аукциона небольшие пакеты акций ЗИЛа и опционы на них появлялись на Екатеринбургской фондовой бирже, где акции реализовывались по цене 7900 рублей. Это не могло не подогревать интерес к акциям и не давать ценовые ориентиры для инвесторов. Правда, откуда они могли взяться, пока реестр АМО «ЗИЛ» не функционировал, не объяснялось.

Сбор заявок на акции проходил на 125 пунктах в 15 регионах (преимущественно в тех, где располагались заводы ЗИЛа), с 15 марта по 20 апреля. Как чаще всего бывало, на последние дни аукциона пришёлся самый большой поток заявок. Более 90 % чеков собрали в Москве — во многом за счёт работников ЗИЛа.

На аукцион выставили 1 024 316 обыкновенных акций (35 %). По 57 тыс. собранных заявок поступило максимальное за всё время проведения аукционов число приватизационных чеков — 838 967. Было продано 826 057 акций по курсу одна акция за чек. Оставшаяся часть акций (довольно значительная — около 18 %) будет позже продана за деньги по курсу чекового аукциона.

Зиновьев С. Н.: *«В конце 1992 года мы создали специализированную фондовую фирму "НОНЕТ", аккредитовали её при Московском фонде имущества, получили право участвовать в организации чековых аукционов. Приёмный пункт заявок открыли по адресу Холодильный пер., д. 3, невдалеке от автозавода "ЗИЛ".*

Приём ваучеров для участия в аукционе по акциям завода был очень активным. Особенно это было заметно в регионах, где располагались филиалы комбината: в Екатеринбурге, Пензе, Смоленске...

Наш пункт приёма стал вторым в Москве по объёму принятых заявок на участие в чековом аукционе. Представители компании "Микродин" посетили его, но мы технически не смогли обработать их слишком большую для нас заявку. В результате им было отказано в приёме».

3 мая Московский фонд имущества объявил итоги аукциона: победители получили по одной акции номиналом 1 тыс. рублей за приватизационный чек. Восемь из 55 тыс. новых акционеров ЗИЛа стали обладателями крупных пакетов — им удалось скупить около 20 % уставного капитала (4 заявки выиграли по 4 % акций и 2 заявки — по 2 %), что даст им почти 27 % голосов. Кто эти восемь инвесторов, не сообщалось. Но для акционерного общества с почти 3-миллиардным уставным фондом, акции которого были распылены, пакеты сторонних инвесторов по 4–10 % выглядели очень внушительно.

На дивиденды от акций были большие надежды мелких акционеров. Аргументация этих предположений выглядит сегодня забавно: *«ЗИЛ относится*

к тем относительно немногим российским предприятиям, которым практически не грозит банкротство: ни российские, ни московские власти, конечно, не дадут утонуть предприятию, на котором 103 тыс. работников»[1].

Руководство ЗИЛа было уверено, что оно подготовилось к приходу чужаков. Для этого устав АО был принят и утверждён зампредом ГКИ Александром Иваненко. Он значительно отличался от типового, обязательного для всех предприятий, приватизированных по указу № 721. В нём были прописаны гораздо более жёсткие нормы, затрудняющие осуществление акционерами своих прав. Так внеочередное собрание акционеров на ЗИЛе можно было собрать акционерами, обладающими в совокупности более 20% голосов (по типовому требовалось только 10%). А кворум обеспечивался присутствием на собрании владельцев 60% голосующих акций (в типовом — половины акций).

Предусматривался совет общества из 15 членов (в типовом был совет директоров из 4 человек). Права этого органа управления расширили и за счёт прав генерального директора, и за счёт прав общего собрания акционеров: совету, как записано в уставе, могла передаваться часть полномочий общего собрания.

На совет общества ЗИЛа тот или иной вопрос могли выносить только правление, члены совета и председатель ревизионной комиссии. По типовому уставу этим правом обладали и акционеры, владеющие в совокупности более 5% акций.

А ещё любые вопросы, выносимые на общее собрание акционеров ЗИЛа, в том числе и об изменении устава, должны были «поступать только через совет общества». Остальные игнорировались.

Наконец, интересен и такой пункт устава ЗИЛа: «Ни один акционер общества, кроме Фонда имущества г. Москвы, без согласия совета общества, а в период учреждения — без согласия учредителя (ГКИ) не может владеть акциями, стоимость которых превышает 10% уставного капитала». Как это положение согласовывается с правилами проведения чековых аукционов, было непонятно.

До подведения итогов аукционов акции участникам закрытой подписки пошли в народ: по сведениям из Госкомимущества, на заводы ЗИЛа было отправлено более 50 тыс. акций (в закрытой подписке участвовали около 100 тыс. работников ЗИЛа). Такие мелочи, как фиксация номеров акций, необходимая по действующим положениям для ведения реестра акционеров, игнорировались[2].

---

[1] *Калиниченко Н., Николаев А.* Первое же собрание акционеров ЗИЛа может преподнести сюрпризы // Коммерсантъ. 17.05.993.

[2] Там же.

Некоторое время имя крупнейшего акционера не всплывало. Но всё-таки выяснилось, что такой пакет акций был весьма недорого приобретён компанией «Микродин». Исходя из аукционной цены акций (одна — за ваучер), курсов ваучера и доллара в мае 1993 года, эта покупка обошлась бизнесменам в 3,6 млн долларов.

Рыночная стоимость ЗИЛа составила 16 млн долларов. Для сравнения: Горьковского автомобильного завода — 27 млн долларов. Двух известных всей России предприятий, Уралмаша и Пермского моторостроительного завода, — 4 и 6 млн долларов соответственно. В то время как рыночная стоимость американских компаний обычно определяется из расчёта 100 тыс. долларов на одного сотрудника, стоимость российских компаний на ваучерных аукционах определялась из расчёта от 100 до 500 долларов на одного сотрудника, или в двести раз дешевле[1].

Компания начинала как торговая, её руководители любили демонстрировать гостям карту Москвы, усеянную десятками значков, обозначавших места, где располагались микродиновские магазины бытовой электроники.

К 1995 году помимо ЗИЛа компания владела большими пакетами акций «Пермских моторов» и Иркутского авиазавода. С ней были тесно связаны два банка — Ресурс-банк и Рато-банк (они в 1995 году среди российских банков занимали 44-е и 69-е места по сумме активов).

Одним из руководителей «Микродина» был Дмитрий Зеленин, работавший в Ресурс-банке. В 1996 году он станет первым заместителем генерального директора РАО «Норильский никель», а в 2003 году и губернатором Тверской области.

В преддверии выборов в 1995 году он заявит: *«Всем нам нужна великая Россия... Мы не являемся политиками, но прилагаем все усилия для стабилизации экономики, и в первую очередь промышленности, тем самым нормализуя и денежный оборот»*[2].

Началось внедрение «Микродина» на ЗИЛ в 1994 году, когда компания отрядила на завод команду своих менеджеров, занявшихся сбытом продукции.

В январе 1995 года группа держателей крупных пакетов акций ЗиЛа (26,33% акций), в числе которых была и компания «Микродин», выступила с заявлением о том, что главной причиной кризиса АМО «ЗИЛ» является «неумение управляющего персонала, в том числе президента АМО

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 233.

[2] *Фадеев В.* К руководству советским флагманом индустрии пришли новые российские предприниматели // Коммерсантъ. 02.05.1995.

«ЗИЛ», работать в условиях рынка»[1]. У администрации завода, по очень приблизительным оценкам наблюдателей, было около 22% акций (29% голосов).

Конфликт компании с руководством ЗИЛа завершился победой «Микродина» 13 апреля 1995 года — на очередном заседании совета АМО «ЗИЛ» президентом — генеральным директором общества — был назначен Александр Ефанов (председатель совета директоров АО «Микродин»).

Тем временем завод, способныйн производить 200 тыс. автомобилей в год, в 1993 году произвёл 108 тыс., а в 1994-м — всего 26 тыс. Столь же стремительно ухудшалось и финансовое положение компании: за 1994 год задолженность по краткосрочным кредитам увеличилась более чем в 15 раз, по долгосрочным в 5 раз, убытки превысили 12 млрд рублей. Одной из важнейших причин плачевного состояния руководством компании называлась «неправильная» приватизация ЗИЛа (этот тезис поддерживал и Юрий Лужков). Однако в ГКИ проблемы объясняли неспособностью менеджеров предприятия адаптироваться к рыночным условиям[2].

К 1996 году на ЗИЛе была разработана, по сути, последняя полностью новая модель — «трёхтонка» ЗИЛ-5301, которую мэр Ю. М. Лужков назвал «Бычок».

В конце концов Юрий Михайлович, который славился своим неравнодушием к московским заводам, принял решение о выкупе акций ЗИЛа у «Микродина», после этого завод стал собственностью города. К тому моменту за счёт скупки акций на вторичном рынке компания увеличила свой пакет до 35%.

В 2013 году был представлен грандиознейший проект «редевелопмента территории», получивший название «Полуостров ЗИЛ».

В заключение ещё одна история характерная для новых модернизируемых акционерных компаний.

Мецгер А. А.: *«Для меня первым подобным опытом стало участие в общем собрании акционеров “Белоярского экспериментально-опытного завода”. Надо сказать, что “Белоярка” для жителей Свердловской области и тогда, и сейчас автоматически связывается с Белоярской АЭС, “атомом”, а тут ещё и собрание на “экспериментально-опытном” предприятии. Отсюда понятно, хотя бы отчасти, почему, подъезжая к зданию клуба, в котором должно было пройти собрание, я судорожно пытался освежить в памяти знания по атомной физике. Здание клуба и снаружи, и внутри оставляло впечатление хронической ветхости, но я это уже объяснял вопросам конспирации,*

---

[1] *Остапов Е., Малютин А., Заварский Л.* «Микродин» на ЗИЛе: дай порулить! // Коммерсантъ. 26.01.1995.

[2] *Фадеев В.* К руководству советским флагманом индустрии пришли новые российские предприниматели // Коммерсантъ. 02.05.1995.

характерной для всего связанного с "атомом". Это же впечатление усилилось и в ходе доклада генерального директора, который был посвящён проблемам и успехам в выпуске всего двух изделий с названиями "воронка" и "бочка". Весь настрой, с которым я приехал на собрание придавал уверенности в том, что за этими названиями на профессионально-секретном жаргоне скрываются изделия, обеспечивающие стратегическую безопасность страны! Ценность пакета акций у меня в руках и, что скрывать, собственная значимость достигла максимума к концу собрания, и тут мой сосед в зале вполголоса пробормотал "Ерунда это всё, никому это скоро не будет нужно — собирать живицу уже сейчас смысла нет!" В результате короткого диалога выяснилось, что "бочки" и "воронки" — это просто бочки и воронки — инвентарь для сбора живицы — смолы хвойных деревьев!»

ЧЕКОВЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ФОНДЫ (ЧИФЫ)

Указ Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» вышел 7 октября 1992 года.

Это был очень важный документ, узаконивший в России инвестиционные фонды, а также специализированные инвестиционные фонды, аккумулирующие приватизационные чеки населения. Он также утвердил положение о них, определяющее общий порядок учреждения и деятельности фондов.

Это был принципиально новый для России институт, и документ задавал основные параметры их создания и возможной деятельности. Появилась возможность учреждать специальные акционерные общества, эмитирующие свои акции, а средства, собранные от их продажи, вкладывать в ценные бумаги приватизируемых предприятий.

Чубайс А. Б.: *«Да, мы ошибались. Конечно, ошибались... Было бы глупо вставать сейчас в позу, бить себя в грудь и доказывать, что приватизация проведена без сучка и задоринки, что сделано всё правильно и безошибочно. Однако и принимать как должное те реки помоев, льющиеся на наши головы, мы тоже не собираемся. Поэтому здесь я бы хотел чётко обозначить те позиции, которые считаю ошибочными.*

Чековые инвестиционные фонды — один из самых серьёзных наших "проколов". В чём там была проблема: работа с чековыми инвестиционными фондами пережила два этапа — создание структуры и контроль за ней. Так вот, первый этап был настолько сложным и потребовал от нас столько усилий, что, погрузившись в него и потом добившись успеха, мы впали в некую эйфорию. Расслабились. И на какой-то момент упустили из поля зрения механизм контроля за отстроенной структурой.

Создание инвестиционных фондов изначально было очень сложной задачей. Ничего подобного в стране не существовало. В России не было ни одного человека, знавшего точно: делать надо то-то и то-то. И почему какие-то люди должны были бежать, тратить деньги, снимать офисы, давать чиновникам взятки, чтобы создать эти самые фонды? Короче, делать всё приходилось с чистого листа.

Основополагающие документы по инвестиционным фондам готовил Дима Васильев. И вот однажды мы собрались для обсуждения этих бумаг с людьми, которые потенциально могли бы быть организаторами таких фондов. Они раскритиковали документы в пух и прах. Но уровень самого разговора и аргументации наших оппонентов были настолько профессиональными, что я понял: дело пойдёт. Просто существует двадцать способов создания подобных структур. Дима предложил один из них. И этот способ вполне выживаем»[1].

Главной задачей ЧИФов, регулируемых Госимуществом РФ, было: *«обращение приватизационных чеков и обеспечение социальных гарантий для защиты средств населения, вкладываемых в ценные бумаги в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий»*.

Также в указе говорилось, что ЧИФы *«создаются с целью снижения предпринимательского риска, связанного с вложением приватизационных чеков в ценные бумаги за счёт профессионального и контролируемого управления инвестициями»*.

В преддверии запуска ЧИФов либертарианец Борис Львин заявил в газете «Бизнес-MN»: *«Владелец квартиры ценой в 10–20 тысяч долларов — уже собственник, и гораздо в большей степени, чем владелец акции инвестиционного фонда, выменянной на сомнительный ваучер.*

Именно поэтому можно гарантированно утверждать, что грандиозный документ об инвестиционных фондах, в муках рождённый Госкомимуществом, в целом постигнет судьба замечательного Закона "О трудовых коллективах". Люди ваучеры либо продадут, либо используют для приватизации собственного предприятия, купив акции по номинальной цене».

Он оказался прав в первом утверждении и ошибся во втором — ваучеры в ЧИФы понесли.

Его единомышленник Анатолий Левенчук, как всегда, охарактеризовал сложившуюся ситуацию образно: *«Госкомимущество производит язык, на котором реальные игроки в приватизацию (директора, бизнесмены, финансисты) разыгрывают грандиозную пьесу. Вдруг поступает приказ: с русского*

[1] Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 186, 187.

языка перейти на английский. Вдруг — решение: такие-то слова заменяются такими-то. Пьеса доиграна будет, уж больно велики премии и гонорары, только скорость замедляется и расходы увеличиваются...»

Создатель одного из первых ЧИФов, летописец инвестиционных фондов (его рассказы я буду ещё неоднократно цитировать в этой книге) Николай Иванович Бедарев вспоминал.

Бедарев Н. И.: *«О "ваучерном" характере будущей приватизации нам рассказывали всё лето 1992 года, но только Макаров заговорил о чековых инвестиционных фондах, как об основном инструменте участия российского народа в ней.*

Николай Яковлевич был человеком общительным и очень доброжелательным (для московского чиновника — большая редкость), у него были живые глаза под роговой оправой очков и рассудительная речь, что очевидно говорило о его научном прошлом.

Управление, которым руководил Макаров, находилось под началом Васильева, который позднее был постоянно недоволен его "излишним демократизмом" в работе с нами, руководителями фондов приватизации. А происходило это от того, что Николай Яковлевич слишком глубоко вникал в суть наших проблем и, как мог, доводил их до руководства. Дело дошло до того, что, к нашему неудовольствию, его в 1996 году не включили в руководящий состав ФКЦБ».

Николай Яковлевич Макаров сыграл большую роль в развитии ЧИФов. Он был назначен начальником Главного управления инвестиционных фондов и холдинговых компаний незадолго до выхода в свет Указа Президента РФ от 14 августа 1992 года № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации».

До этого, в начале 1970-х годов, Н. Я. Макаров был заместителем ректора Томского политехнического института по научной работе, потом был направлен на работу в Новосибирский академгородок, затем перешёл на работу в Министерство высшего образования СССР.

12 декабря 1992 года, ещё будучи начальником главного управления инвестиционных фондов и холдинговых компаний, Н. Я. Макаров во исполнение Указа Президента России о чековых фондах от 7 октября 1992 года подготовил Распоряжение Госкомимущества РФ № 1211-р «Об организации подготовки кадров управляющих и специалистов для инвестиционных фондов».

Тем же распоряжением была создана Аттестационная комиссия при ГКИ России (её и возглавил Макаров, а вошли в неё известные люди, в том числе ректор Экономической академии академик В. К. Сенчагов, президент Международного центра развития малых предприятий, зав. кафедрой экономики

предприятий и основ предпринимательства экономического факультета МГУ Г. А. Егиазарян, Б. И. Златкис, А. В. Воровский, вице-президент Ассоциации инвестиционных фондов «СКИФ» С. М. Шойко, ст. научный сотрудник ИМЭМО РАН, преподаватель Международной московской финансово-банковской школы В. Д. Миловидов и др.

В 1994 году финансирование подобных мероприятий стало проводиться через «Российский центр приватизации» (РЦП) с помощью Гарвардского института международного развития.

Бедарев Н. И.: *«Нам было всё равно, на какие средства нас расселяли, обучали, кормили, а иногда и поили на подобных мероприятиях в то время (сами мы оплачивали только дорогу) — в своём большинстве, участники ничего не знали об этих способах финансирования. Главное — у нас была возможность общаться и получать крупицы опыта от своих коллег...»*

В. Д. Миловидов в эту компанию попал неслучайно. Осенью 1992 году вышла его книга, сделавшая его известным. Так получилось, что к этому времени в нашей стране не было других книг про инвестиционные фонды. Книжка выдержала три издания и для многих руководителей и специалистов ЧИФов она станет фактически единственным учебным пособием[1].

В 1993 году была сформирована команда консультантов при ГКИ, помимо чековой приватизации занимавшаяся созданием ЧИФов. Тогда закладывались все основные законы, распоряжения, правила их учреждения. Владимир Дмитриевич в этой команде отвечал за написание первого учебника о работе чекового инвестиционного фонда. Его потом в ГКИ рекомендовали всем инициативным группам по созданию ЧИФов, и те им пользовались.

А группа консультантов довольно много читала с лекций, организовывала семинаров в разных регионах страны.

Миловидов В. Д.: *«Тема инвестиционных фондов подхватила меня и закружила в водовороте событий 1990-х годов — я оказался единственным человеком, разбирающимся в этих вопросах. Она стала моим коньком. Консультации, лекции.*

Когда началась приватизация меня нашли представители французского банка "Кредит Коммерсиаль де Франс", коротко Си-Си-Эф, которые входили в группу советников Госкомимущества по вопросам приватизации. Так получилось, что я стал заниматься вопросом развития чековых инвестиционных фондов. Помогла книжка, на основе которой потом вышла мето-

[1] *Миловидов В. Д.* Инвестиционные фонды и трасты: как управлять капиталом. М., 1992. *Он же.* Управление инвестиционными фондами. М., 1993; *Он же.* Паевые инвестиционные фонды. М., 1996.

дичка по созданию инвестиционных фондов в России. Они же предложили мне присоединиться к их команде, которая занималась созданием первого фонда прямых инвестиций. У банка была дочерняя структура в Лондоне, компания Фрамлингтон. Они занимались консультированием российского Госкомимущества».

Одним из таких проектов, реализуемых по программе USAID, было формирование индустрии коллективных инвестиций, будущих паевых фондов.

Мецгер А. А.: *«Наша управляющая компания в рамках этой программы стала одной из четырёх пилотных компаний и единственной из них региональной. Регулярными гостями стали консультанты, преимущественно американские, из отечественных выделялся Владимир Миловидов, будущий руководитель ФКЦБ, а тогда ещё молодой человек в джинсах и свитере, контактный, интересный в общении и, безусловно, наиболее компетентный на тот момент в этой индустрии россиянин. На одну из сессий он приехал с только что вышедшей своей книгой, на обложке которой был коллаж — гнездо, в котором лежат два золотых яйца. Не удивительно, что в деловой игре на следующий день одна из команд взяла себе название "Золотые яйца". При всей шутливости и непринуждённости происходящего, это в определённой мере отражало восприятие открывающихся перспектив и рынка в целом, и индустрии коллективных инвестиций — легко, непринуждённо, с почти гарантированным успехом. С годами пришло понимание, что наш рынок требует в большей мере умения стиснув зубы терпеть, держать удар и не терять самообладания. Сегодня большинство моих коллег из тех лет в похожей ситуации "яичное" название команды выбрали бы в стальном исполнении!)».*

Начало. Инвестиционным фондом признавался такой фонд, который вкладывал в ценные бумаги не менее 30 % от общей стоимости своих активов. Этим указом вводилось достаточно много новых понятий.

Для получения лицензии минимальный размер уставного капитала обычного инвестиционного фонда составлял 1 млн рублей, чекового — 50 тыс. рублей. Число учредителей не ограничивалось. Отличие инвестиционного фонда от акционерного общества заключалось в оплате уставного капитала учредителями в течение 30 дней с момента регистрации фонда наличными и безналичными денежными средствами, ценными бумагами и недвижимостью.

После оплаты уставного капитала фонды приступали к эмиссии и размещению акций. Эмитировать привилегированные акции, облигации и прочие денежные обязательства, обладающие преимущественными правами, фондам запрещалось. Они могли выпускать исключительно обыкновенные акции

с равным правом голоса и одинаковыми имущественными правами, чтобы в случае ликвидации фонда не возникало проблем.

Чековые инвестиционные фонды (ЧИФ) строились примерно по такому же принципу, что и обычные инвестиционные фонды, т. е. управление активами фонда должно было осуществляться специальной управляющей компанией.

Фонд обязан был обеспечить хранение своих акций, поэтому, согласно указу, должен был вести учёт ценных бумаг. Таким образом, в этом документе впервые появилось в российской юридической практике слово «депозитарий».

Устанавливалась обязательная аудиторская проверка деятельности фонда независимым аудитором. Отмечалось, что банки и страховые компании не могли быть учредителями фонда и выполнять функции управляющей компании фонда. Также запрещалось быть управляющей компанией фонда организации, в которой государству принадлежало более 25 % уставного капитала.

Лицензирование ЧИФ и регистрация выпусков акций ЧИФ осуществлялись Госкомимущество РФ. На них накладывались примерно такие же ограничения. Разница состояла в том, что они создавались в виде открытых акционерных обществ, эмитировавших акции, которые можно было приобретать не за деньги, а за приватизационные чеки. ЧИФы, аккумулировав эти чеки, затем вкладывали их в акции приватизируемых предприятий с целью получения дохода.

В отличие от обычных инвестиционных фондов, было предусмотрено, что ЧИФы не могли выкупать свои акции у своих акционеров.

Нечаев А. А.: *«Таким образом ставился заслон потенциальной практике сбора ваучеров с последующим выкупом по дешёвке акций фонда у акционеров и дальнейшим самостоятельным распоряжением активами фонда его управляющей компанией. Правда, акции фонда как любого открытого акционерного общества могли свободно продаваться на рынке, так что в принципе возможность сделать это у фондов была».*

И для обычных инвестиционных фондов, и для ЧИФов вводилась инвестиционная декларация. В ней фонд должен был заранее указать основные направления своей инвестиционной политики и способы обеспечения доходности вложений, с тем чтобы его потенциальные акционеры делали свой выбор осознанно, ориентируясь не только на создателей и управляющих фонда, но и на его инвестиционные планы. Впрочем, чаще всего, эти декларации носили достаточно общий характер, и реальная деятельность фонда потом часто отличалась от того, что было записано в декларации. Контроль над соответствием планов их реализации фактически отсутствовал.

Нечаев А. А.: *«К сожалению, как это у нас часто бывает, между замыслом и реализацией оказалась “дистанция огромного размера”. В силу отсутствия опыта, недостаточного контроля, подчас из-за откровенного авантюризма*

людей, которые пришли в новое дело, многие ЧИФы оказались просто пустышкой. Люди, вложив туда свои ваучеры, по сути, получили в обмен ещё менее значимые бумажки, называемые акциями этого фонда. Впоследствии они не получали вообще никакие или мизерные дивиденды»[1].

К указу были приложены Примерный устав инвестиционного фонда, Основные положения депозитарного договора, Примерный договор с управляющим об управлении инвестиционным фондом и Типовой проспект эмиссии инвестиционного фонда.

Инвестиционные фонды указом жёстко ограничивались в правах. Им запрещалось осуществлять иные виды деятельности (например, выдавать ссуды) или инвестиции (кроме как в ценные бумаги). Фонд не мог привлекать заёмные средства, если объём задолженности превышал 10% чистых активов инвестиционного фонда, выпускать долговые обязательства и т. д. Доля стоимости инвестиционных ценных бумаг фонда не должна была быть меньше 30% стоимости всех его активов в течение более 4 месяцев суммарно в рамках одного календарного года.

Вот мнение по этому поводу главы фирмы «Брок-Инвест-Сервис» (БИС) Игоря Сафаряна: *«Нежелание торговых фирм участвовать в этом виде бизнеса объясняется тем обстоятельством, что чековые фонды по законодательству могут приобрести не более 10% акций одного предприятия. Это лишает такие фирмы возможности формировать и перепродавать контрольные пакеты акций предприятий, получая спекулятивную прибыль»*[2].

В отличие от западной практики, налагались достаточно жёсткие ограничения на формирование инвестиционного портфеля фонда. Нельзя было приобретать более 10% ценных бумаг одного эмитента, размещать в ценные бумаги одного акционерного общества более 5% своих активов, приобретать или иным способом включать в активы акции других инвестиционных фондов.

Бедарев Н. И.: *«Чисто российской особенностью явились неоправданно жёсткие ограничения на деятельность чековых фондов. Их было более 20. Большинство из них носило принципиальный характер и существенно снижало конкурентность и ликвидность активов фондов. Чего, например, стоили требования установить 5-процентный барьер при покупке акций одного эмитента или 10-процентный предел по ваучерам при вложениях в бумаги одного предприятия. Только по этим показателям, например, в родной Хакасии Госимущество республики неоднократно снимало наш фонд с чековых аукционов*

---

[1] *Нечаев, А. А.* Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Русь-Олимп, Астрель, 2010. С. 419.

[2] *Калиниченко Н., Сапожников П.* Представлен проект положения о чековых фондах // Коммерсантъ. 07.09.1992.

(по АО "СаАЗ", в частности). Намерения, как всегда, у регулятора были благие — максимальное разнообразие и повышенная надёжность вложений. Словом, всё как на Западе».

Эти ограничения были разработаны для гарантирования надёжности фонда для инвесторов, однако ограничивали инвестиционную деятельность фонда.

Строго ограничивались и операции с аффилированными лицами и зависимыми организациями. Они в сумме не должны были владеть более чем 10% акций любого акционерного общества, куда вкладывались средства фонда. Чтобы предотвратить объединение в одном лице продавцов и покупателей государственного имущества, указ запрещал выступать в качестве акционеров учредителей и управляющих специализированными инвестиционными фондами государственным организациям, в том числе фондам имущества!

Васильев Д. В.: *«Нами впервые вводились жёсткие требования и ограничения для организации деятельности инвестиционных фондов. Положение предусматривало введение системы лицензирования инвестиционных фондов. Специализированным инвестиционным фондам лицензии выдавали мы в ГКИ, всем остальным — Министерство финансов. В отличие от обыкновенных инвестиционных фондов, обладающих правом приобретать чеки исключительно за деньги, специализированные фонды могли обменивать приватизационные чеки на свои акции. Собранные чеки специализированные фонды вкладывали в акции приватизируемых предприятий».*

Введение реестров фондов было также возложено на Министерство финансов.

Только в новой «Программе приватизации на 1994 год», утверждённой в конце декабря 1993 года, будут сделаны некоторые исключения и имеющиеся ранее ограничения для специализированных чековых инвестиционных фондов смягчены. Ограничение объёма ценных бумаг одного эмитента в их активах повысят до 25% и разрешат приобретать акции других инвестиционных фондов.

Таким образом, фонды с долгосрочным портфелем получат возможность вполне легально создавать группы контроля и управления предприятиями, что, вообще говоря, выходит за рамки деятельности классических инвестиционных фондов.

Но одновременно с 1994 года инвестиционным фондам любого типа запрещалось обменивать эмитированные ими акции на акции приватизируемых предприятий, принадлежащие соответствующим фондам имущества.

Вот ещё одна частная история.

Романов П. В.: *«После того как летом 1992 года был принят указ о приватизации, я, ознакомившись с документами, понял, что пропустить такой момент нельзя, и пошел сдавать одним из первых квалификационный экзамен*

Минфина на получение лицензии профучастника фондового рынка. Отвечая на 100 вопросов, надо было набрать не менее 75 баллов.

Вскоре мною были зарегистрированы один из первых чековых инвестиционных фондов "Первый Народный" и отдельная компания-реестродержатель (так положено было по законодательству) под названием "Депозитарий А". Мы тогда ещё быстро написали простую компьютерную программу для ведения реестра акционеров и даже продали пару десятков её копий различным эмитентам.

В качестве управляющей компании чекового инвестиционного фонда могло выступать физическое лицо, имеющее лицензию. Так и было сделано в нашем случае, управляющим стал я.

ЧИФ у нас большого развития не получил, ему мы не уделяли большого внимания, но позже, закрыв его, со всеми акционерами рассчитались, исходя из стоимости чистых активов. В результате наш ЧИФ стал классическим примером венчурного инвестирования: 30% наших вложений превратились в ноль, 30% приобретенных акций мы перепродали с небольшой маржой, 30% превратились в долгосрочные инвестиции, а на перепродаже оставшихся 10% фонд нормально заработал».

Началось...

В регионах ЧИФы часто создавались таким образом.

Бедарев Н. И.: *«Председатель Совмина Хакасии Евгений Александрович Смирнов оценил мою инициативу по созданию ЧИФа с политической стороны — нельзя пускать на самотёк такую важную кампанию, как народная приватизация. В итоге я получил буквально "партийное поручение" создать такой фонд с целью накрыть его влиянием всю республику и максимально направить его деятельность на приобретение крупных пакетов акций предприятий региона. Здесь подразумевалась и возможность влияния через это на руководителей приватизированных предприятий, да и не отдать такое влияние за пределы республики.*

Буквально через день в правительстве прошло совещание на эту тему с участием заинтересованных лиц, этот проект на опережение был одобрен, напутствия были даны в том же духе. Был намечен и круг его учредителей с участием Фонда имущества РХ (со временем он вышел из этого состава по ограничениям госорганов)».

2 августа 1992 года Абаканская регистрационная палата выдала Свидетельство № 171 о государственной регистрации АООТ (Акционерное общество открытого типа — позднее ОАО) «Хакасский инвестиционный фонд» (АО «ХИФ»). Затем фонд получил и государственную лицензию от Госкомитета по управлению госимуществом РХ на этот специфический вид деятельности.

К концу сентября в Госкомимуществе Хакасии была зарегистрирована эмиссия акций АО «ХИФ» в объёме 10 млрд рублей с номиналом акции фонда в 100 рублей.

В 1992 году поручение от первого Президента Саха (Якутия) Михаила Николаевича Николаева создать в рамках приватизации Инвестиционный фонд «СахаИнвест» получил Александр Афанасьевич Фёдоров. Начинать это новое дело ему пришлось ещё до выхода основных документов по чековым фондам. Попутно следовало создавать в республике всю инфраструктуру рынка ценных бумаг. Уровень этой работы был не соизмерим с подобными усилиями любого другого руководителя ЧИФа.

А ещё президент М. Е. Николаев 28 сентября 1992 года распорядился передавать специально созданным ЧИФам бесплатно 10% всех акций, возникающих в результате приватизации акционерных обществ республики.

Похожую норму потом ввели и в Республике Коми. Впрочем, указ этот в Якутии, по крайней мере, выполнялся не вполне. ЧИФ «СахаИнвест» получил десятину только от 28 предприятий, причём в основном мелких.

Фёдоров А. А.: *«Отдельно хочу остановиться на акционировании нашего местного монополиста "Якутцемент". Мы получили 10% его акций, трудовому коллективу из 800 человек было отдано 80% акций. Ещё 10% были проданы через аукцион жителям Хангаласского улуса (компания находилась там, в посёлке городского типа Мохсоголлох). Впрочем, в районе мало кто проявлял интерес к приватизации. Далее началось самое интересное.*

Осенью 1994 года Банк "Российский кредит" начал скупать акции компании. Мы не сразу обратили на них внимание. Но через неделю по просьбе её генерального директора к скупке подключился наш местный банк. Не стали сидеть сложа руки и мы, хотя и сделали это с опозданием — через три или четыре недели. Однако с этих пор мы имели серьёзное преимущество перед варягами — местные жители несли акции в основном к нам.

В результате ценовой войны цена акций существенно повысилась. Но "Роскред" всё же успел собрать пакет около 20%, но, видя, что большего ему добиться не удастся, он продал его якутскому банку. В итоге у него стало 45%, мы же остались с 35%».

Достаточно типично для европейской части России создавался главный инвестиционный фонд Кубани — ОАО «ПриватИнвест». По словам заместителя гендиректора Юрия Мелёхина, «слепили документы компании с непонятным предметом деятельности» и зарегистрировали её в октябре 1992 года под номером 1. Возглавил его Евгений Пономаренко.

Мелёхин Ю. В.: *«Мы за идею приватизации крепко ухватились, понимая, что это шанс, звёздный час получить своё дело — большое, интересное, экономически выгодное. Я помню, мне тогда Евгений сказал: "Юра, речь идёт*

о распродаже государственного имущества, дураками будем, если не влезем в эту кашу"!»

Лицензию выдали в краевом комитете по управлению государственным имуществом.

Мелёхин Ю. В.: *«Председатель краевого ГКИ Виталий Евгеньевич Спиридонов нас с Евгением хорошо знал и просто по-человечески поверил, что мы сможем. "Нужны ценные бумаги государству?" — "Нужны!" — "Нужно их куда-то народу будет вкладывать?" — "Нужно!" По итогам такого диалога Виталий Евгеньевич поддержал нас и даже на первом этапе возглавляемый им комитет был одним из наших учредителей. Сформировали по тем временам минимальный уставный капитал. Прошлись по старым знакомым, по комсомолу и партии, подтянули их в учредители. Денег при этом нам особенно никто не дал, в успех дела не особо верили, но поддержали (сработала прошлая профессиональная корпоративность). Фонд имущества Краснодарского края, его тогда возглавлял Сергей Риксович Усов, выделил нам одну комнату в здании института "Кубаньводпроект" с требованием предоставления ему права проводить на нас разные эксперименты по внедрению новых форм и механизмов, которые предполагала надвигающаяся российская рыночная саморегуляция».*

Привлечение акционеров через рекламу с указанием адреса в регионах эффекта не давало.

Бедарев Н. И.: *«Стало ясно, что нужно идти к людям с разъяснениями о нашей привлекательности, целей и задач инвестиционной деятельности. В основе этой пропаганды лежал очевидный факт, что ничего толкового на один ваучер не приобретёшь, а на тысячи — можно попробовать. Круг нашего общения был определён программой приватизации, потому, используя наши личные связи с руководством подразделений, мы пошли к учителям, врачам, прокурорам, к милицейским работника, госслужащим.*

Чуть позднее дело дошло и до воинских частей, а их в Абаканском гарнизоне было три, не считая охранных батальонов спецучреждений. В частности, в 1992 году в город Абакан был передислоцирован 300-й гвардейский парашютно-десантный полк под командованием полковника Алексея Ивановича Лебедя, будущего руководителя Республики Хакасия.

Побывали мы и во всех исправительно-трудовых колониях региона, их в Хакасии было три, плюс такое заведение для несовершеннолетних преступников. Такая деятельность дала результат, даже имея в виду, что до конца 1992 года мы работали исключительно в Абакане (160 тыс. жителей). В этот период нашими акционерами стали около трёх тысяч человек, и через их вклады мы аккумулировали более десяти тысяч приватизационных чеков».

Объезжал все близкие и дальние улусы Республики Саха (Якутия) и Александр Фёдоров.

АО «Хакасский инвестиционный фонд» в период чековой приватизации в регионе аккумулирует 205 тыс. чеков, ещё 30 тыс. ваучеров приобретёт с рынка за деньги — все они будут вложены в акции приватизированных предприятий.

В фонде было 82,3 тыс. акционеров. Его действия распространялись на восемь районов республики и четыре города (помимо Абакана). Кроме того, в сферу его интересов вошли четыре района юга Красноярского края, а позднее и Тува. В совокупности в них проживало примерно 800 тыс. человек.

Мелёхин Ю. В.: *«В период проводимой нами рекламной компании отвратительную роль сыграло обещание главного приватизатора сделать владельцев приватизационных чеков владельцами двух автомобилей "Волга". Люди готовы были ждать своего автомобильного счастья и не спешили нести своё сокровище в неизвестные компании. Мы с Евгением воспользовались прежними знакомствами в молодёжной редакции краевого телевидения и, рассказав им о том, что создан первый в крае инвестиционный фонд, попросили дать время для нашего выступления. Рекламное время мы оплатили из личных средств. Пришли в студию и за полторы минуты объяснили зрителям, что у них появилась единственная законная возможность вложить полученные ваучеры. Мы верили тогда, что говорим правду, говорили искренне. Поверили и нам. Чеки понесли. Вначале работали только в Краснодаре, потом, понимая, что надо захватывать быстро развивающийся рынок, мы пошли в наш краевой комитет по госимуществу и предложили начать работать с регионами. Сработали старые связи, заработанный годами авторитет. Нас с Евгением в районах края знали. Я в комсомоле курировал Геленджик, Темрюк, Горячий Ключ, Новороссийск и Анапу. В этих пяти крупнейших районах края знал первых лиц. По вечерам садились за домашние телефоны, обзванивали коллег из советского прошлого, предлагали участие в работе. В результате в районных отделениях Фонда имущества мы бесплатно получили места (стол, стул) и сами сотрудники фонда выступили нашими представителями в этих районах».*

Бедарев Н. И.: *«Немного в России найдётся областей и республик, чековые фонды которых обошли бы нас по эффективности в относительных цифрах по этим показателям (в пересчёте на душу), хотя, по абсолютным данным, мы были лишь в крепких "середняках". Впрочем, за Уралом и в "абсолюте" мы оказались третьими — нас обошли Фонд "СахаИнвест" (Якутия), которым руководил мой лучший друг на этом рынке Александр Афанасьевич Фёдоров (430 тыс. собранных ваучеров), и новосибирский Фонд "Народный" (около 1 млн собранных ваучеров)».*

Успешно сработал фонд «ПриватИнвест» из Краснодарского края — за всё время работы с ваучерами он приобрёл 500 тыс. чеков. Для Кубани с населением 3,5 млн человек — это был неплохой объем.

Мелёхин Ю. В.: *«Из страха совершить противоправное и природной осторожности мы очень тщательно оформляли каждое вложение».*

На чековые инвестиционные фонды возлагались тогда особые надежды. После принятия концепции приватизационных чеков и их раздачи населению решение о создании ЧИФов было уже абсолютно логичным.

Чубайс А. Б.: *«В конце концов оказалось, что нормативные документы вполне работоспособны и что в стране есть большая категория людей, которые не прочь заняться организацией фондов, куда россияне дружно понесли свои чеки. Короче говоря, всё сошлось: экономика, психология, финансовый интерес, нормативная база... И когда стало получаться, когда в стране возникло около 400 фондов, когда свой ЧИФ появился даже в Якутии!.. <...>*

Конечно, когда всё стало получаться, мы очень обрадовались. Я бы даже сказал, впали в эйфорию некоторую. И видимо, не хватило нам профессиональной культуры, чтобы оценить размах процесса и необходимую для такого масштаба степень контроля. Этот просчёт не был ошибкой каких-то отдельных специалистов. Дело обстояло хуже: не осознали всей грандиозности явления. А оно оказалось сопоставимым с масштабами банковской системы, и требовало соответствующего контроля. <...>

Нам удалось установить контроль за ЧИФами. Но и того промежутка времени, когда они действовали бесконтрольно, с лихвой хватило, чтобы существенно подорвать доверие населения к приватизации»[1].

Инвестиционные фонды уже спустя год после начала своей деятельности стали поистине массовыми организациями. К середине 1994 года их количество достигло максимума — 662. По данным, полученным от организаторов чековых аукционов, ЧИФы стали владельцами 10% акций приватизированных предприятий, выставленных на всероссийские чековые аукционы.

Россия тогда за короткие сроки стала мировым рекордсменом по числу акционеров в составе коллективных инвесторов, поскольку 17 млн её граждан доверили именно ЧИФам свои ваучеры. Все они опосредованно (и только) стали активными участниками фондового рынка.

Мелёхин Ю. В.: *«На белых листочках напечатали договоры, раскатав, размножив их на допотопном чешском ротационном аппарате и выдавали их взамен ваучеров, собираемых у граждан. Только позже с помощью краевого комитета мы изготовили сертификаты в типографии и смогли их заменить через некоторое время на выданные ранее бумажки. К чести нашей должен сказать, что нам даже в голову не приходили мысли каким-то образом кого-то надуть. Но сейчас, по прошествии лет, просто поражает доверчивость наших*

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 187.

людей, их гипертрофированная надежда, обременённая ментальностью получать деньги, ничего не делая, жить на проценты».

Максимальная активность в создании ЧИФов наблюдалась в первом полугодии 1993 года. Но тогда они ещё практически не занимались инвестированием. Основным источником их дохода были спекулятивные операции с ваучерами. Жизнь изменилась после подписания Президентом РФ 8 мая 1993 года Указа № 640 «О государственных гарантиях права граждан России на участие в приватизации».

Согласно ему, фондам запрещалось продавать аккумулированные чеки, они должны были начать инвестировать их в акции приватизируемых предприятий.

Нечаев А. А.: *«Нужно сразу отметить, что, видимо, для таких цивилизованных инвестиционных фондов с высокой степенью регулирования деятельности время тогда ещё не созрело. Они практически не получили развития и к идее инвестиционных фондов в несколько трансформированном варианте вернулись уже в 1995 году. <...> Комиссия трансформировала первоначальный замысел в сторону так называемых паевых инвестиционных фондов, или mutual funds, как их называют на Западе. Разница между этими структурами невелика. У паевого фонда тоже есть управляющая компания, депозитарий, ограничения на деятельность фонда. Принципиальное отличие только в том, что если инвестиционный фонд, так как он был прописан в указе 92-го года, выпускал акции и на акции распределялись дивиденды, то паевой инвестиционный фонд не распределяет прибыль, а обязан выкупать свои паи по той стоимости, которая приходится на каждый пай, исходя из стоимости активов фонда. Правда, и в указе об инвестиционных фондах тоже была идея открытого и закрытого фондов, а открытый инвестиционный фонд был фактически очень близок к паевым фондам»*[1].

В результате за следующие 9 месяцев ЧИФы достигли результатов, которые явно не обрадовали ждущих дивидендов вкладчиков.

Хотя дивиденды ЧИФов были главной приманкой при создании фондов. Они же станут краеугольным камнем конфликта интересов между акционерами и руководством обществ. Впрочем, с самого начала было понятно, кто из этого конфликта выйдет победителем. Предприятия шли на любые затраты и прочие уловки только бы уменьшить свои прибыли, и помешать этому произволу через собрания акционеров было просто невозможно — всегда имелись оправдания на сложную экономическую ситуацию.

Бедарев Н. И.: *«Я вспоминаю, например, как на старте наших отношений я с надеждой спросил у того же Дерипаски о том, когда АО "СаАЗ" планиру-*

[1] *Нечаев А. А.* Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Русь-Олимп, Астрель, 2010. С. 412, 413.

ет выплачивать положенный доход акционерам. На что получил откровенный ответ: "Я что похож на человека, который будет платить дивиденды?"».

Весной 1993 года заработала практика всероссийских специализированных чековых аукционов. Сотни предприятий, как тогда говорили, гигантов российской индустрии, прошли через этот инструмент инвестирования. Поначалу заявки на участие в таких аукционах принимали только на местах, но позднее заработали в регионах аукционные центры, где на объявленные к продаже пакеты акций можно было подать ваучеры, никуда не выезжая. Через такую практику прошли только 96 крупных предприятий России — большинство же акционерных обществ местные «властители» приберегли для внутреннего пользования.

Всего же по февраль 1994 года в стране было проведено 9342 аукциона, и они поглотили 52 млн ваучеров. Конечно, не все они носили статус «всероссийских», и не на каждом из них продавались «гиганты», но выбор из многочисленных объявлений об аукционах в различных регионах был широкий.

Приходилось в то время руководителям ЧИФов взаимодействовать и с местными «авторитетными» людьми. В частности, когда инвестиционный фонд «РИФ» заинтересовал Красноярск — один из самых «суровых» городов Сибири и он задумался о возможных инвестициях в Красноярский алюминиевый завод (КрАЗ), КрАМЗ (металлургический, алюминиевого профиля), Красноярский завод синтетического каучука, Красноярский завод холодильников «Бирюса», Ачинский нефтеперерабатывающий комбинат, Ачинский глинозёмный завод, Дивногорский завод низковольтной аппаратуры, Красфарма и многие другие предприятия. Туда в то время с чеками приходилось ездить каждую неделю.

Бедарев Н. И.: *«К примеру, Енисейской трастовой компанией "ААА" с её пирамидальными подходами к вкладчикам руководил некто Виктор К., вальяжный и самоуверенный молодой человек, автор многих рискованных проектов. Один из них чуть не лишил меня жизни. Сам же он за свои авантюрные подходы позднее отсидел положенный срок в тюрьме.*

Алюминиевые "стежки" свели меня и со структурами, близкими к Анатолию Петровичу Быкову, который в то время был в Красноярске одновременно и предпринимателем, и просто "авторитетным" человеком. Позднее он стал председателем совета директоров КрАЗ, владельцем КрАМЗ и ещё много чего значимого в промышленности и финансовой сфере края. Про него много ходит разных "историй", но, будучи избранным в депутаты краевого законодательного собрания, он не стеснялся с предложениями обращаться напрямую к В. В. Путину».

Хотелось бы рассказать о необычном опыте создания «местечкового» ЧИФа. Естественно, неудачный. Владимир Кривошлыков, сотрудник Но-

восибирского завода химконцентратов, одного из крупнейших предприятий Минатома, находящегося уже в трудной экономической ситуации из-за сокращения госзаказа, ещё до принятия указа о создании ЧИФов задумал создать на своём предприятии организацию коллективных собственников.

Кривошлыков В. А.: *«Мы решили консолидировать приватизационные чеки путём учреждения акционерного общества, оплатой за акции которого будут ваучеры. Было ясно, что успех нашего проекта на заводе может состоятся лишь при поддержке его генеральным директором Александром Ивановичем Белосоховым. Поддержка директора, в свою очередь, возможна при условии включения завода в рассматриваемый проект в качестве основного звена».*

И вскоре в правом углу задуманной инициаторами схемы появилась резолюция директора: «Одобряю!» 3 сентября 1992 года Акционерное общество открытого типа (АООТ) «Ермак» было зарегистрировано (тогда ещё это имя не смущало «коренных» жителей Сибири). Его президентом стал местный депутат Юрий Иванович Молотков. Главный инициатор стал его замом.

Кривошлыков В. А.: *«Первоначально мы полагали, что АО будет выполнять весь комплекс работ с ваучерами. В указе эти функции распределялись между тремя организациями: инвестиционным фондом, управляющей компанией (управляющим могло быть и физическое лицо) и депозитарием. После некоторых размышлений мы пришли к выводу, что АО "Ермак" в новой схеме следует занять место управляющей компании. В качестве депозитария следует привлечь Сибэкобанк, заключив с ним соответствующий договор, а инвестиционный фонд предстояло создать.*

В ноябре 1992 года прошла конференция трудового коллектива завода, определившая вариант его приватизации. Конференция приняла решение в соответствии с Программой приватизации открыть всем работникам завода лицевые счета приватизации и перечислить на них пятьсот миллионов неденоминированных рублей. Средства, перечисляемые на лицевые счета, не облагались налогом на прибыль. Деньги со счетов работники могли истратить только на приобретение акций приватизируемых предприятий или чековых инвестиционных фондов».

17 декабря 1992 года АООТ «ЧИФ ЕРМАК» получил свидетельство о государственной регистрации № 772, а 25 декабря 1992 года АООТ «Ермак» была получена лицензия № 91 Госкомимущества России на право осуществления деятельности в качестве управляющего специализированным инвестиционным фондом.

На предприятии был выбран первый вариант приватизации: 10% голосующих акций распределялось по закрытой подписке среди работников и ветеранов завода, 25% акций объявлялось привилегированными — они распределялись среди работников завода бесплатно, 5% голосующих акций в виде

опциона распределялись генеральным директором. За государством оставалось 25% голосующих акций, а 35% голосующих акций подлежали продаже на чековых аукционах. ОАО «Новосибирский завод химконцентратов» было зарегистрировано 31 декабря 1992 года.

29 января 1993 года АООТ «ЧИФ ЕРМАК» получил лицензию Госкомимущества России на право осуществления деятельности по аккумулированию и обращению приватизационных чеков на рынке ценных бумаг.

Кривошлыков В. А.: *«Информация о том, что при НЗХК организован фонд по "приёму" ваучеров, широко распространилась по городу, чему немало содействовали руководители завода. К нам потянулись люди со всего города, доверявшие брэнду НЗХК.*

Нам приходилось проводить многочисленные встречи с рабочими коллективами в цехах завода, подробно рассказывать о предстоящей приватизации и задачах создаваемых при заводе финансовых институтов.

Когда поток желающих приобрести акции ЧИФ значительно увеличился, инвестиционный совет принял решение по ограничению приёма ваучеров. В соответствии с этим решением не разрешалось "принимать" ваучеры от лиц, не имевших отношения к новосибирскому "кусту" предприятий Минатома и один человек мог "дать" не более трёх приватизационных чеков. Считалось, что "живые" деньги намного весомее "этих пустых бумажек". Работники завода, приобретая дополнительные акции за счёт средств с их личных приватизационных счетов, вкладывали в фонд деньги, а сторонние акционеры оплачивали акции ЧИФа только ваучерами. В этом усматривалось ущемление интересов заводчан.

Введённые запреты нарушали требования проспекта эмиссии акций ЧИФа, потому носили неофициальный характер».

Первая открытая эмиссия акций фонда номиналом 1000 неденоминированных рублей в количестве 1 млн штук была реализована среди 17 тыс. акционеров лишь на 75%. Оставшуюся часть приобрёл завод.

Кривошлыков В. А.: *«Первое время мы по заключённым договорам передавали ваучеры другим организациям, проводившим с ними спекулятивные операции, в результате которых ЧИФ получал дополнительные ваучеры. Скоро наши брокеры стали проводить спекуляции с ваучерами самостоятельно.*

Финансовые средства ЧИФа размещались на депозитах или в векселях коммерческих организаций под "авали" банков.

Целью учредителей АО "Ермак" было его превращение в ведущий инвестиционный институт, как минимум, сибирского региона.

Сотрудничество с заводом носило разнообразный характер. К числу примеров такого взаимодействия можно отнести участие АО "Ермак" в аукцио-

нах по приобретению акций НЗХК, ведение баланса совместной деятельности с заводом, куда передавались приобретённые акции НЗХК, так как завод не имел права держать собственные акции на заводском балансе.

Со временем в отношениях с заводом возникли сложности. Все чётче проявлялось отсутствие интереса руководства завода к деловому сотрудничеству с АО "Ермак", формально заводом не контролируемом, сократились контакты и уменьшилось взаимопонимание с генеральным директором».

Во второй половине 1993 года начались чековые аукционы.

Кривошлыков В. А.: *«Активы фонда состояли наполовину из денежных средств, наполовину — из приватизационных чеков. Возросла нагрузка на группу по управлению портфелем ценных бумаг. Специалисты группы едва поспевали оформлять заявки и принимать участие в чековых аукционах.*

Инвестиционная политика ЧИФа утверждалась инвестиционным советом. Но это был формальный, не проработанный в деталях документ. В частности, не было ясности в выборе конкретных отраслей и предприятий для вложения ваучеров. Разработанная нами методика предварительной оценки приватизируемых предприятий была сырой, данных для объективной оценки предприятий недоставало. В основном приходилось принимать решения, полагаясь на интуицию. От инвестиционной группы предложений по вложению средств не поступало — она продолжала работать на перспективу.

Практическая работа по размещению средств носила некоторые сложности и риски. Иногда аукционы по продаже акций заинтересовавших нас предприятий проводились в отдалённых городах. Для участия в них направлялись в командировки (Екатеринбург — "Ювелиры Урала", Норильск — "Норильский никель") наши специалисты.

Поездки с большим количеством чеков на руках были сопряжены с риском. Первое время завод предоставлял охранников для таких поездок, но это начинание не прижилось. Порой и непосредственное участие в аукционе было небезобидным. В конфликтных ситуациях часто помогала ссылка на завод. Но иногда приходилось обращаться за конкретной помощью к заместителю директора по режиму.

В текучке нескончаемых дел мы не заметили, как к концу 1994 года попали в состояние, которое можно было квалифицировать как кризис управления. Кризис проявился в снижении эффективности работы компании и, как следствие, в ухудшении психологического климата в коллективе».

В результате ставка на сотрудничество с заводом не сработала. Подготовленная концепция создания «пояса социальной защиты работников НЗХК», с АО «Ермак» в центре промышленно-финансовой группы, не получила признания ни заводом, ни другими предполагаемыми участниками.

Любовная лодка разбилась о быт и началось выяснение отношений.

«Ермак» брался фактически за любые (разрешённые) операции: вкладывал средства в различные торговые структуры, создавал зерновые фонды, искал объекты для инвестирования среди крестьянских хозяйств области. Всё это создавало лишь дополнительные проблемы. Финансовые результаты работы компании не радовали. Акционеры пеняли директору завода — зачем он призывал сдавать ваучеры в ЧИФ. Заводские руководители, с самого начала не отличавшиеся доброжелательностью по отношению к созданным при заводе инвестиционным структурам, подогревали народное недовольство, снимая с себя ответственность.

Отношения с заводом окончательно расстроилось с созданием управления собственности АО «НЗХК», свернувшего формальные связи завода с АО «Ермак». Не уложившись в новые требования, чифовцы были вынуждены прекратить деятельность регистратора и передать реестр акционеров ЧИФ «ЕРМАК» в АО «Сибирский реестр». С потерей регистрационной деятельности АО «Ермак» лишилось основного финансового источника.

Важную роль в распространении акций ЧИФов и сборе для них ваучеров сыграл Инвестиционный дом «Стена».

Котенко Д. А.: *«Бизнес-идея Королёва по локации пункта приёмов ваучеров была проста и вместе с тем, как все простые идеи, гениальна. Его расположение было выбрано таким образом, что вкладчики, проходя от ближайшего метро в ЧИФ "Альфа-Капитал", не могли пройти мимо Инвестиционного дома "Стена", где имели возможность оперативно освободиться от своих ваучеров.*

Работали мы по агентскому договору из расчёта 3 или 4%. И постепенно стали масштабировать эту технологию и открыли крупнейший в то время фондовой магазин в симбиозе с ЧИФ "Московская недвижимость". Они находились по адресу Цветной бульвар, дом 2, а мы открыли в доме 11, на первом этаже в фойе кинотеатра "Мир". Мимо пройти было сложно.

Понимая, что конкурировать с нами сложно, "Московская недвижимость" прописала в агентском договоре, что ИД "Стена" обязаны взимать с вкладчиков дополнительную комиссию 200 рублей за предоставляемую им услугу. Для других агентов это было только правом.

Сначала в нашем фондовом магазине продавались акции только двух ЧИФов — "Альфа-Капитал" и "Московская недвижимость". За ними последовали и другие. Общее количество продаваемых акций ЧИФов, затем и публичных АО доходило до 12. Это был реальный фондовый магазин. На определённом этапе нам даже пришлось разделить бизнесы. Фондовый магазин был выделен в отдельное юридическое лицо (ЦФМ), он стал заниматься розницей, а ИД "Стена" — созданием дилерской сети.

Постепенно "Стена" на этом рынке стала заметной компанией. Для региональных и небольших брокерских компаний пришло понимание, что проще приехать в ИД "Стена", получить те акции, которые лучше всего продаются в регионе, чем ездить по всей Москве, заключать договора с каждым ЧИФом или публичным АО».

Купить тысячу ваучеров в Москве у регионального ЧИФа могла далеко не каждая компания, достаточного количества денег было не у многих. Этим занималась, в частности, «Ринако Плюс», у которой всегда были кредитные средства, предоставляемые на один-два дня в основном банком РНКБ, входящим в их систему. А вот по регионам скупать ваучеры не ездила ни одна крупная компания, там московские монстры только за акциями охотились.

Старченко А. Г.: *«К моменту раздачи ваучеров просто не появилось ещё готовых к большим покупкам компаний, а у большинства действовавших тогда ещё просто не было свободных денег. И только заработав на торговле чеками, они смогли вкладывать средства в акции».*

Ассоциации ЧИФов. Ещё в преддверии регистрации сообществ инвестиционных фондов, стремление к объединению было серьёзным. Особенно это нужно было в регионах. Практически сразу инвестиционные фонды стали кучковаться.

В конце 1992 года в Москве была учреждена Всероссийская ассоциация инвестиционных фондов «СКИФ» (расшифровывалась, как Совместная конференция инвестиционных фондов). Она объединяла в основном средние региональные чековые фонды. Её руководителем стал Сергей Михайлович Шойко, вынашивавший планы по созданию всероссийского объединения чековых фондов по типу банковских и биржевых ассоциаций.

Одновременно при участии ГКИ было создано второе объединение — Лига содействия инвестиционным фондам, объединившая крупные фонды. Её возглавил Владимир Алексеев (руководивший позже компанией «Альфа-Капитал»).

Алексеев В. Н.: *«Когда мне в руки попался проект Закона "Об инвестиционных фондах"[1], я понял, что Россию вскоре начнут делить. Как человек инициативный я подготовил устав общественной организации Лига содействия инвестиционным фондам. Её учредителями стали несколько физических лиц: Олег Сосин, Александр Волгин[2] и я.*

---

[1] Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» № 156-ФЗ будет принят Госдумой только 11 октября 2001 года.

[2] Сын Александра Волгина — Андрей — позже станет главой экспертного совета Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку. — *Прим. автора.*

Сумел пробиться к господину Чубайсу. Он, посмотрев написанные мной документы, сказа: "Ещё и фондов-то нет, а Лига их содействия уже есть. Берём!"

Тут же мне предоставили помещение в Рыбном переулке — огромный розовый зал площадью в 200 кв. м, с восьмиметровыми потолками, сидеть в котором было практически некому. В начале аппарат состоял из пары человек, потом по мере создания фондов и каких-то средств, нас стало пятеро.

В связи с тем что руководители появляющихся ЧИФов были даже теоретически девственны, следовало оперативно создавать различные образовательные программы. Мы этим и занялись. Второй нашей функцией было информирование фондов о готовящихся аукционах, о предприятиях, выставляемых на них.

Вскоре наиболее крупные ЧИФы, учреждённые в Европейской части России, стали нашими членами. Среди них были Первый чековый инвестиционный фонд (Миши Хоршана и Чеботарёвым), "Республика" с Алексеем Нечаевым... Всего их было около 50. Очень надёжными партнёрами были сибирские ребята, на них действительно можно было положиться.

Просуществовала Лига года четыре. После сообщения о залоговых аукционах, я понял, что чековым фондам места не будет».

Как известно, дружить заставляют часто неожиданно возникающие проблемы, одинаково задевающие конкурентов.

25 мая 1993 года вышло Письмо Госкомимущества РФ № ДВ-2/3498 «О порядке оценки чистых активов, особенностях состава затрат, формирования финансовых результатов и бухгалтерском учёте в инвестиционных фондах» аналогичное ПисьмуМинфина РФ № 62, датированному 21 мая того же года.

В них, в частности, строго определялось, к каким расходам можно относить издержки деятельности инвестиционного фонда. Про самолёты и элитные автомобили там ничего не говорилось... Другие положения этого документа поставили многие инвестиционные фонды вообще на грань банкротства.

Бывшие первоначально конкурирующими организациями лига и ассоциация заволновались синхронно и сделали шаг навстречу, договорившись о встрече с вице-премьером Анатолием Чубайсом. Было коллективно заявлено, что банкротство чековых фондов по своим социальным последствиям равносильно банкротству, скажем, Сбербанка.

Ничего так не возбуждает фантазию, как вовремя сделанный пинок...

В первой половине 1993 года произошло ещё одно важное событие, предваряющее объединение сибирских и дальневосточных ЧИФов.

Бедарев Н. И.: *«Мы встретились с Александром Корсуном из Новосибирска (ЧИФ "Обь-Инвест") и с Тагиром Ахмадуллиным с Камчатки (ЧИФ "Чекинфонд") в Фонде имущества Республики Хакасия со своими чеками, когда подавали заявки на интересующие нас аукционы. Мне сообщили об этом мои*

недавние сослуживцы. Пока их чеки обрабатывали, я пригласил коллег-конкурентов в свой уже обустроенный офис на чашку чая. Мы вполне дружелюбно познакомились, и я на правах хозяина провёл с ними, как позднее оказалось, очень значимую беседу.

Я передал им свой печальный опыт столкновения на предыдущем аукционе с настоящими захватчиками (первый аукцион по СаАЗу), чем их весьма озадачил.

В-третьих, я без утайки поделился с ними информацией по выставляемым предприятиям, которая у меня была в силу предыдущей подготовки, — экономические выкладки, графики и т. п. Я понимал, что все они, в отличие от нашего фонда, ещё только начинали работать, что у них каждый чек был на счёту, что при желании, мы могли их заявки "обнулить" своими вложениями. И это, как смог, я тактично довёл до них — они такую речь тоже оценили. Затем под лозунгом "В дом, входя, хозяев не бьют" я предложил им честно договориться, кто сколько чеков будет вкладывать по тем или иным предприятиям, имея в виду просматриваемый итог такого вложения. Они с этим согласились, и мы быстро пришли к "картельному" соглашению, о чём позднее никто не пожалел.

Кто-то может сказать, что это был некий сговор, и будет прав. Однако на фоне того, какую неблаговидную политику вело по отношению к ЧИФам "родное" государство, это был сущий пустяк. Главным итогом таких подходов стало то, что мои товарищи поняли на практике — сообща мы можем добиваться лучших результатов.

И это касалось не только участия в чековых аукционах. Так я приобрёл первый авторитет в кругу своих коллег — это был и наш общий начальный шаг к созданию объединения ЧИФов под названием ЗАО "Сибирский холдинг"».

В середине мая ассоциация и лига, совместно с московским Институтом приватизации и управления и краснодарским чековым фондом «ПриватИнвест» организовали в Анапе научно-практическую конференцию «Чековые инвестиционные фонды на рынке ценных бумаг. Депозитарии и управляющие компании инвестиционных фондов». Мероприятие финансировалось Гарвардским институтом.

Конференция проходила в достаточно большом санатории «Россиянка», который был полностью откуплен на эти цели. Но даже это солидное заведение не сумело разместить всех желающих поучаствовать в мероприятии, в ряде комнат пришлось ставить дополнительные раскладушки. Пленарные заседания конференции проходили в актовом зале (кинотеатре) санатория. На конференции обсуждались вопросы формирования инвестиционной политики, оценки издержек и активов, оценки взаимодействия с депозитариями и регистраторами, организация системы учёта и отчётности, анализа и оценки деятельности ЧИФов и т. п.

«На конференции были на самом высоком уровне представлены инвестиционные фонды большинства основных экономических регионов страны — не явились лишь крупнейшие столичные фонды. Кстати, состав участников сказался на направленности дебатов. Выяснилось, что крупные региональные фонды, практически полностью контролирующие чековые аукционы в своих регионах, очень недовольны деятельностью на своих территориях агентских представительств крупных столичных фондов, ведущей к существенному оттоку ваучеров из провинций в столицу.

Вице-президент лиги Сергей Шойко[1] ***с****казал: "Недалёк тот день, когда фонды начнут оказывать активную поддержку "своим" депутатам и кандидатам на министерские кресла. Это стремление явно просматривается уже в первом пункте принятого на конференции решения, которое, по сути, означает создание фонда денежной поддержки лоббированию интересов инвестиционных фондов"»*[2].

Как там же заявил вице-президент СКИФ Сергей Шойко, позиция лиги и ассоциации несколько изменилась.

«Хотя необходимость в поддержке чековых фондов "сверху" не отпала, однако фонды решили "не стоять с протянутой рукой, а действовать". На заседании обсуждались дальнейшие шаги по созданию собственной инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг. В стадии разработки находятся концепции создания Центрального депозитария, фондового центра, инвестиционного банка и инвестиционной страховой компании, которые позволят создать предпосылки для развития вторичного рынка акций приватизированных предприятий»[3].

Бедарев Н. И.: *«Предвидя непростые дебаты, Дмитрий Васильев на конференцию не приехал. Размеренный ход мероприятия опять был нарушен изначально, поскольку напряжение в зале снова присутствовало. Фондов стало ещё больше, при этом ничего практически не менялось в государственной политике по отношению к ним — обещанных налоговых льгот так и не появилось, правда, нам разрешили приобретать уже 10% акций одного эмитента в свои портфели, хотя принципиально это ничего не меняло.*

Опять народ эмоционально выступал, требуя поддержки от государства, уповая на социальный характер чековых фондов. Группа Сибирской ассоциа-

---

[1] Или это ошибка корреспондента, или Шойко после этой конференции поменял место дислокации. В дальнейшем он будет известен, как лидер СКИФа. — *Прим. автора.*

[2] *Калиниченко Н., Привалов А.* Чистые активы инвестиционных фондов // Коммерсантъ. 21.06.1993.

[3] *Ковалёв А.* Заседание ассоциации чековых фондов // Коммерсантъ-Daily. 14.07.1993.

ции ещё раз подтвердила своё единство, наше консолидированное выступление с предложением решения проблемы проведения годовых собраний через обмен акциями между фондами имело живой отклик, оценили коллеги и наши планы по экономии на инфраструктуре путём деления затрат на её создание в кругу дружественных ЧИФов».

В августе 1993 года ассоциация и лига провели Всероссийскую конференцию руководителей чековых фондов, на этот раз в Самаре, на которую приехали представители более 40 чековых инвестиционных фондов России.

Вопросы обсуждались серьёзные — как жить дальше, поэтому соорганизаторами встречи выступили Госкомимущество и Институт приватизации...

«Когда конференция уже подходила к концу, слово взял президент Московской международной фондовой биржи Андрей Захаров, который выступил с заявлением о необходимости создания Межрегионального инвестиционного банка. По мнению инициативной группы биржевиков, возглавляемой Захаровым, создание такого банка позволило бы менеджерам региональных фондов получить представительства в Москве и Московской области, способствовать улучшению расчётно-кассового обслуживания чековых фондов, а также оптимизировать использование временно свободных ваучеров и акций, принадлежащих фондам»[1]**.**

Но на этот раз для проведения этого мероприятия на заёмные средства от фонда USAID был арендован самый большой на Волге теплоход.

Фаворитом и одним из организаторов данной конференции был руководитель ведущего в Самарской области чекового фонда «Скиф» Владимир Александрович Тарачёв. Уже в 1994 году он был избран депутатом Самарской губернской думы, а в декабре 1995 года — депутатом Государственной думы России.

Выходец из московских научных кругов, он немало поработал, по крупицам собирая и распространяя опыт как чековых фондов, так и других финансовых институтов, по всей России. Будучи нашим ровесником, к сожалению, он рано ушёл из жизни.

Тематика волжской конференции была связана с финансовыми рынками: инвестиционный процесс, основы теории инвестиций, источники и объекты инвестиций, посредничество в финансовых вопросах.

Бедарев Н. И.: *«Среди докладчиков на пленарных заседаниях на обширной средней палубе теплохода замелькали видные банкиры, страховщики и биржевики, в том числе и иностранные. В кулуарах искали общения с нами руководители крупных инвестиционных компаний — "Тройка Диалог", ОЛМА, "Атон",*

[1] *Ниткин И.* Чековые фонды создают свой банк // Коммерсантъ-Daily. 01.09.1993.

“Финам”, “Альфа-Капитал”, НИКОЙЛ, “Солид”, “Открытие”, “Према-Инвест” и другие».

Но и на этих встречах фондовикам не удалось договориться. В ноябре в подмосковном Голицино была организована новая всероссийская конференция руководителей ЧИФов. Приглашения на участие в ней получили все созданные к этому времени фонды. В результате в ней участвовало около двухсот руководителей крупнейших из них. Состоялась попытка государственных структур вразумить особенно непонятливых бизнесменов.

В первый день участникам объясняли, что такое финансовые рынки, рассказывали о различных типах инвестиционных фондов и инвестиционных фондов приватизации, о посредничестве в финансовых вопросах и ведущих финансовых посредниках.

Во второй день рассматривались более конкретные вопросы законодательной и нормативной базы образования специализированных инвестиционных фондов приватизации, государственного регулирования и лицензирования деятельности таких фондов, разбирались принципиальные схемы организации чековых фондов, организации управления ЧИФами. Состав выступающих включал лиц весьма известных, присутствовали и иностранцы.

Бедарев Н. И.: *«Народ наш к тому времени уже “настрадался” в рамках своей обыденной деятельности, потому приехал многолюдно искать ответы на трудные вопросы — в переполненном зале конференции висел дух напряжения.*

В новом деле нерешённых вопросов было действительно много — уже проявилось отсутствие налоговых льгот, фондам на старте катастрофически не хватало средств на текущую деятельность, а кредитов банки не давали. Рыночной ликвидности у большинства приобретённых фондами акций ещё не было, ваучеры же стоили при продаже дёшево — в лучшем случае половину номинала, да и продавать их вообще-то было нельзя. К тому времени уже все прошли через чековые аукционы, возмущению управляющих практике ограничений чековых фондов при покупке акций не было предела — с 5% эмиссии с руководством предприятий ни о чём нельзя было договориться, даже в совет директоров не попасть. Вместе с первыми радостями от интенсивного роста (редкий фонд к тому времени имел меньше 10 тыс. акционеров) пришла большая проблема — проведение годовых собраний акционеров по требованию законодательства».

Так Хакасский инвестиционный фонд к тому моменту уже прошёл эту процедуру — имея на 01.01.1993 года чуть больше 3 тыс. акционеров, ему с первого захода не удалось провести собрание, хотя зал городского ДК в Абакане буквально ломился от его участников. К моменту этой конференции в реестре этого ЧИФа было уже более 60 тыс. акционеров, и метод доверенностей,

который помог ему со второго раза на первом собрании, теперь уже ничего не решал...

Так что в зале была «заинтересованная» обстановка, с мест задавали много вопросов выступающим, особенно чиновникам, а когда дело дошло до обсуждения, народ потянулся к трибуне.

Бедарев Н. И.: *«Наша сибирская группа в 5–6 человек сразу стала заметна на этой конференции, держались мы дружно, многие проблемы мы уже предварительно обсуждали — было что сказать по делу. Н.Я. Макаров в качестве председателя оргкомитета конференции это тоже заметил. Он дал мне слово для выступления, и я изложил нашу позицию по многим проблемам с конкретными предложениями, естественно, заявлял всё это от лица Сибирской ассоциации — пригодилась партийно-политическая подготовка. Наши предложения вошли в итоговую резолюцию конференции — я был включён в комиссию по её подготовке.*

Позднее, на зависть Шойко, коллеги стали обращаться к нам с вопросами о том, как к нам присоединиться, — мы всем говорили, что расширяться за Урал (на запад) не в наших планах. Зато несколько чековых фондов из Сибири, Урала и Дальнего Востока выразили конкретное желание войти в нашу ассоциацию».

Учредительное собрание прошло в декабре 1993 года в Новосибирске в офисе управляющей компании фонда «Сибирь». В ассоциацию вошли ЧИФы из Новосибирска, Хакасии, Якутии, Омска, Екатеринбурга Красноярска, Барнаула, Петропавловска-Камчатского, Иркутска.

Её генеральным директором был избран Максим Бушуев, а совет директоров холдинга возглавил Николай Бедарев.

Следует напомнить, что М. В. Бушуев ранее учредил первую в Сибири фондовую биржу, позже с его участием был учреждён первый в России инвестиционный фонд под названием «Сибирь», впоследствии преобразованный в ЧИФ «Сибирь».

В рамках конференции в Голицыно произошло ещё одно любопытное событие, демонстрирующее тогдашние реалии.

Бедарев Н. И.: *«По инициативе нашей коллеги, управляющей ЧИФ "Чекинфонд" (Камчатка) Валентины Демьяновны Чернявской, мы всей дружной сибирской кампанией поехали вечером в гостиницу "Космос" на первую в нашей практике деловую встречу с неким американским бизнесменом (имя его уже и не вспомнить). Эта энергичная и даже импульсивная женщина предварительно с ним договорилась о том, что она представляет собой целую группу российских инвесторов, собирающихся закупить крупную партию куриных окорочков в Америке — с нами, кстати, она ни о чём не договаривалась. Видно, окорочков этих там было много, коли он бросил все дела у себя дома и прилетел единственно по этому делу в Россию. Мы были, как говорится, ни сном*

ни духом об этих планах, как и понятия не имели, что с этими окорочками впоследствии делать. Речь всерьёз шла о партиях на уровне пароходов, а у нас и денег-то ещё ни у кого толком тогда не было.

Максим Бушуев из Новосибирска употребил всё своё искусство опытного переговорщика при хорошем знании языка и перевёл дело в итоговую позицию "мы внимательно рассмотрим ваши предложения". Мы, как могли, помогали ему, играя роли "сибирских инвесторов". На том и расстались. Валентина Демьяновна на нас смертельно обиделась, обозвала нас "дураками со своими акциями" — дело её было живое и денежное. Им там с Камчатки, может быть, было и виднее — до Америки рукой подать. Я иногда думаю, а если бы мы тогда согласились, могли и озолотиться».

Сибирское объединение оказалось самым конструктивным.

Весной 1994 года у участников этой ассоциации возникла идея провести взаимный и равноценный обмен акциями фондов, создавая таким образом крупных и дружественных акционеров. Процедура эта не противоречила действующему законодательству, а запасы эмиссий акций у каждого фонда были приличные.

Бедарев Н. И.: *«Этим незамысловатым способом в нашем кругу была решена проблема явки акционеров на собрания — она получила известность и распространение по всей России. Так, в силу эмиссионной величины нашего Хакасского инвестиционного фонда в его акционерах последовательно оказались почти все фонды-участники нашей ассоциации, а кроме того, ЧИФ "Надежда" (г. Пенза) и ЧИФ "Демос" (г. Волгоград).*

Всем и сразу стало ясно, почему бы и нашей ассоциации не стать акционером всех её участников. Но для этого ей нужно самой стать акционерным обществом и получить нормальный юридический статус».

В результате примерно через полгода в Новосибирске было учреждено ЗАО «Сибирский холдинг». В его уставный капитал участники внесли равнозначные пакеты акций фондов-участников независимо от «веса» каждого, а взамен получили соответствующие пакеты акций холдинга. К началу 1995 года холдинг был юридическим лицом, которое могло представлять всех своих членов в различных организациях, продвигало их общие проекты, в частности, инфраструктурные, тем самым сплотив сибирские ЧИФы лучше любых горячих призывов и абстрактной заинтересованности. В отличие от «СКИФа» и других ассоциаций Центральной России, этот холдинг просуществовал почти 20 лет. При этом каждый участник решал, в каких проектах он участвует, а в каких нет.

В это ЗАО «Сибирский холдинг» входило 15 чековых фондов: «Сибирь», «Обь-Инвест», «Искитимский», «Сибсоцинвест», «Ермак», «Ковчег», «Сибирская земля», «Сибирский капитал», «Химинвест», «Земля», «Байкал-

Пик-Инвест», «Перспектива», «Востокинвест», «СахаИнвест» и Хакасский инвестиционный фонд.

Участники холдинга, в частности, совместно создавали хранилище активов фондов в лице депозитария РДО — для каждого в отдельности это было дорогим удовольствием, а вот с ведением реестров акционеров каждый определялся самостоятельно по принципу шаговой доступности, но всё выбранные регистраторы были взаимосвязаны.

Одним из совместных проектов в рамках холдинга было создание Сибирского нефтяного фонда, куда ряд ЧИФов перевёл нефтяные акции из своих портфелей взамен на акции этого фонда.

На федеральном уровне холдинг, выступая от всего сибирского региона, готовил предложения в комиссии Госдумы при подготовке тех или иных законодательных решений, активно участвовали в работе соответствующих комиссий при Госкомимуществе, а впоследствии — в ФКЦБ. Николай Бедарев течение ряда лет представлял финансовые институты сибирского региона в экспертном совете ФКЦБ.

А вот две другие ассоциации не выдержали испытания временем. Уже весной 1994 года на базе СКИФа будет Межрегиональный инвестиционный банк (МИБ), ныне лишённый лицензии.

Бедарев Н. И.: *«Продвигала идею реорганизации этого банка Елена Николаевна Панина. Он к тому времени уже был создан, но нуждался в дешёвом дополнительном капитале через новых учредителей и в региональных партнёрах с хорошим потенциалом.*

Эта обаятельная русская красавица оказалась настоящим «удавом» — уговаривать она умела. Её привлекательная идея была незамысловатой и состояла в том, что нам всем позарез нужен свой банк в Москве — кто же откажется стать ещё и банкиром. Я и несколько участников нашей Сибирской ассоциации на эту удочку попались.

Со временем МИБ-банк прибрали к рукам московские воротилы, дополнительные эмиссии акций, оплаченные ими, практически обнулили наши первоначальные взносы, которые в 1994 году нам казались приличными. Продать эти акции было практически невозможно — закрытый характер общества подразумевал согласие всех акционеров на подобную сделку, чего добиться было невозможно, да и предложений на покупку просто не было. Позднее из банка уволили Панину, даже я независимо от руководства видел её рискованную кредитную политику, как и её связи с сомнительными людьми».

А в конце декабря 1994 года в Москве прошла уже четвёртая Всероссийская конференция руководителей чековых фондов. На этот раз её учредители (ГКИ и ФКЦБ), откупили для её проведения самую дорогую в то время гостиницу «Космос». Выделённые иностранцами средства нужно было осваивать.

Закончить этот рассказ хотелось бы на весёлой ноте.

В 1995 году шли переговоры с англичанами из инвестиционного фонда Sibinco. В августе представитель компании Lloyd George management Джон Стейнсби и координатор проекта Вильям Найт из компании William Knight Associates прилетели в Новосибирск для знакомства с группой Сибирского холдинга. Поскольку фонд позиционировался как портфельный, то особой нужды глубоко изучать какие-либо инвестиционные проекты на местах у них не было — по сути, это были своеобразные смотрины.

В конце ноября делегация Сибирского холдинга в количестве десяти человек по приглашению учредителей фонда Sibinco отправилась в Лондон с ответным визитом. Программу пребывания готовил Вильям Найт. Поселили нас в фешенебельной гостинице Holiday Inn в центре Лондона.

Бедарев Н. И.: *«Максим Бушуев не предупредил нас о том, во что нужно было одеться, потому прибыли мы в столицу Англии в одежде по нашей тогдашней моде. Я решил особо не выделяться, потому специально купил в Новосибирске сиреневый пиджак, при этом белую рубашку с собой не брал, поскольку у нас тогда ходили все поголовно в чёрных. Володя Кривошлыков был одет в костюм цвета увядшей красной розы и тёмно-зелёную рубаху, Саша Михайлов был в золотистом пиджаке и ярком галстуке по прикиду венгерских семинаров, Юра Петров приехал в комбинированной рубахе при ярко-красном галстуке, а Евгений Ильичёв вообще явился в джинсах, светлом свитере и клетчатой рубахе. Надо ли говорить о том, какими клоунами мы выглядели в офисах Лондонского сити, куда нас с утра 28 ноября повёл Вильям Найт. Неладное состояние своей одежды мы почувствовали ещё на подходе к деловому району у собора Святого Павла. На этот день у нас было запланировано шесть или семь визитов.*

Вильям Найт расстарался, нас ждали руководители ведущих мировых инвестиционных компаний, часть из которых были участниками проекта Sibinco. Я потом проработал на фондовом рынке ещё более двадцати лет, но с людьми такого уровня больше не встречался.

То ли в шутку, то ли всерьёз Вильям Найт включил в нашу программу посещение известного банка Barings. Показывая нам его величественное здание с висячими садами и ползущими прямо по стенам лифтами, он сказал: "Смотрите, как нужно жить, чтобы разориться в одночасье"».

Все фонды несчастны и счастливы по-разному...

Фонды сразу разделились по своей стратегии. Конечно, много зависело от личности создателя того или иного ЧИФа или головной организации, направляющей его работу.

Вскоре станет ясно: фонды, которые собирались ориентироваться не на деятельность на рынке ценных бумаг, а на дивиденды от акций принадлежащих им предприятий, как правило, неизбежно банкротились.

Сразу стала видна бесперспективность многих мелких фондов. Они не могли заниматься аналитической работой, значит, и риск проводимых ими операций был высок, их затраты на рубль оплаченного капитала были слишком велики, этим ЧИФам всегда не хватало свободных денежных средств для финансирования текущих затрат, в результате собранный ими капитал попросту «проедался». Неслучайно Госкомимущество РФ 10 января 1994 года своим Распоряжением № 44-р предложило мелким инвестиционным фондам реорганизовываться путём слияния.

По оценке экспертов, наивысшую эффективность имели фонды с активами в пределах 100–200 млн рублей. Они имели возможность скупать достаточно большие (3–5 % уставного капитала) пакеты акций приватизированных предприятий, которые могли быть интересными для дальнейшей перепродажи. Эти фонды при необходимости легко «сбрасывали» находящиеся на балансе приватизационные чеки (например, с целью показать прибыль или выплатить дивиденды).

Итак, можно было выделить ЧИФы, имевшие долгосрочный портфель, в который входили крупные пакеты акций приватизированных предприятий определённых отраслей. Это могли позволить себе крупные фонды (с уставным капиталом свыше 2 млрд рублей). Они имели чётко выраженную стратегию деятельности и формирующие портфель из пакетов в основном региональных предприятий — их акции стоили меньше, чем аналогичные у московских, но перспективы которых были, по крайней мере, не ниже. В расчёт бралась и стоимость реальных активов предприятия (земельных участков, недвижимости). Они предпочитали получить большой пакет акций, чтобы участвовать в управлении предприятием.

ЧИФы по степени инвестиционной активности можно было разделить на три группы. Этот показатель считался обратно пропорциональным доле неиспользованных чеков в оплаченном капитале. К концу 1993 года фонды с высокой активностью (указанный показатель не превышает 25 %) составляли менее 40 %. К ним относились ЧИФ «Русский Север» (Вологда), «МН-фонд» (Москва), «Сахаинвест» (Якутск). На фонды средней инвестиционной активности (25–75 %) приходилось 40 %: «Программа приватизации» (Москва), «Резон» (Воронеж). К третьей группе относились фонды с низкой активностью (более 75 %). На их долю приходилось более 20 % общего количества фондов: «Алтай-холдинг» (Барнаул), «Альфа-Капи-

тал» (Москва), «Доверие» (Владивосток). В среднем фонды инвестировали на аукционах 57 % аккумулированных чеков[1].

Если анализировать географические предпочтения ЧИФов, то можно сказать, что 33 % российских фондов располагались в Москве и Московской области (143 фонда), Санкт-Петербурге и области (43), Свердловской области (23).

По размеру активов, количеству аккумулированных ваучеров и числу акционеров доля этих регионов значительно выше, т. к. здесь работали наиболее крупные фонды.

К этой группе фондов относились, в первую очередь, наиболее профессиональный чековый инвестиционный фонд «Альфа-Капитал», ставший приватизационной основой для «Альфа-групп» Михаила Фридмана, Германа Хана и Петра Авена. ЧИФ, когда придёт время, превратится в инвестфонд и войдёт в «Альфа-групп». Этому фонду удалось собрать 2,5 млн ваучеров, и он стал одним из крупнейших в стране.

Кроме него, успешно действовали ЧИФы «Программа приватизации» и «Первый ваучерный фонд».

В частности, «Альфа-Капитал» специализировался на приобретении акций предприятий, производящих товары народного потребления. Его финансовые возможности позволяли некоторое время «держать» акции до появления наиболее выгодного покупателя. «Альфа-Капитал» считал таковыми западных инвесторов и ставил задачу продать им часть купленных пакетов «по мировым ценам».

Интересна история участия в движении чековых инвестиционных фондов Инвестиционной фирмы «ОЛМА», продававшей в своих фондовых центрах акции более 30 ЧИФов и даже поучаствовавшей в создании нескольких.

Ячник О. Е.: «*Когда в России началась ваучерная приватизация, иностранные бизнесмены часто просили встретиться с ними, чтобы понять, что у нас происходит. В мае 1993 года приехал в Москву 29-летний чешский предприниматель Пётр Келлнер, активно участвовавший в приватизации в Чехии. Первая наша встреча с ним продолжалась 5 часов. Он даже вынужден был отменить свой вылет в Прагу, потому что продолжал задавать мне вопросы, докапываясь до деталей. Пётр очень хорошо говорил по-русски, так что общению нашему языковой барьер не мешал.*

Через неделю, вернувшись из Праги в Россию, прямо с аэродрома приехал в ОЛМу и сказал, что принял решение создать несколько чековых инвестиционных фондов, и попросил нас помочь ему в этом.

Следующие два месяца мы встречались почти каждый день, разрабатывали стратегию фондов, документы. Часами вели беседы, во время которых Пётр

[1] http://www.protown.ru/information/hide/2930.html

рассказывал о приватизации в Чехии, о своём бизнесе. Он был открыт, общителен, ездил за рулём подержанного Volvo и не пользовался услугами охранников. Часто встречи заканчивались в 2–3 часа ночи, после чего я садился в свой "Жигуленок" и мчался по пустынным улицам в своё Орехово-Борисово. После двух месяцев такой работы 16 июля 1993 года были зарегистрированы первые два фонда: "Пётр Великий" и "Евроинвест".

Я спрашивал его: "Ты так назвал фонд в свою честь?" Он отшучивался: "Ну, я пока не Великий, но буду к этому стремиться".

Помимо инвестиций через фонды, Пётр Келлнер вкладывал свои собственные и заёмные средства в десятки российских предприятий через участие в чековых аукционах, а позже осуществляя прямые покупки».

В результате состояние Петра Келлнера по итогам 2020 года оценивалось в 17,5 млрд долларов. Он погиб в авиационной катастрофе 27 марта 2021 года.

Были и чисто спекулятивные фонды, их счёт финансовых вложений, показывающий долгосрочные намерения фонда, имел нулевой остаток. Все акции, которые они приобретали через чековые аукционы, обычно не задерживались на балансе фонда более 1–3 месяцев.

Гусаков В. А.: *«Руководители многих ЧИФов, собрав ваучеры, приобретали на них акции предприятий, затем, не заморачиваясь на сложные схемы по квалифицированному управлению фондом, чтобы акции давали дивиденды, достаточные для акционеров и для поддержания работы фонда, продавали акции себе, любимому, за полкопейки, объяснив акционерам, что такова сложившаяся конъюнктура. Мне тогда и в голову не приходило, что так можно руководить. Так в частности, поступили в ЧИФе ЛУКОЙЛа, мне потом от Минфина пришлось ездить на их собрания и разбираться с недовольными такой политикой».*

Игра на разнице аукционных и послеаукционных цен была тогда одним из наиболее прибыльных направлений работы фондов. Но несмотря на то, что ЧИФам и не запрещалось занятие спекуляцией на фондовом рынке, оно всячески ограничивалось и не одобрялось.

Однако надо было как-то жить, за счёт чего-то финансировать свою деятельность по сбору приватизационных чеков в течение 1993 года, пока их приобретённые акции не начнут приносить дивиденды.

Среди этой группы ЧИФов были в основном мелкие и средние инвестиционные фонды (Первый чековый инвестиционный фонд, «Классика», «Ваш шанс»).

Впрочем, спекулятивными операциями занимались и фонды первой группы. Так, «Альфа-Капитал» осенью 1993 года приобрёл небольшие (около 2 % уставного капитала) пакеты акций Санкт-Петербургской телефонной сети и Новороссийского морского торгового порта с целью перепродажи более крупным инвесторам, которые боролись за эти предприятия.

В преддверии окончания действия ваучеров спекулятивные фонды начали заглядывать на рынок ГКО, банковских векселей и депозитных сертификатов. Впрочем, их доходность в начале 1994 года была ещё заметно ниже доходности спекулятивных операций с ваучерами и акциями приватизированных предприятий.

Мелёхин Ю. В.: *«Уже после приобретения первых пакетов предприятий у нас появились "ходоки" с предложениями об их продаже. Что такое "продай", мы ещё не знали, не понимали, что за этим словом стоят чёрные схемы, угрозы, откровенный беспредел, вызванный неуёмным желанием первой криминальной волны в экономике России легально войти в отечественный бизнес. Сейчас, анализируя ту ситуацию, с уверенностью могу сказать, что в ней было очень много возможностей для жульничества. Причём, эти условия были порождены государством».*

В 1995 году началась активная реализация пакетов акций предприятий, ранее других адаптировавшихся к рыночным требованиям. Появились желающие их купить, которые порой приносили с собой проблемы.

Мелёхин Ю. В.: *«Транспортное производство в Тимашевске понравилось краевым представителям ЛДПР, и они приехали к нам с предложением, от которого, как говориться в классическом произведении, "невозможно отказаться". Решили они на нём сделать базу для патриотического воспитания молодёжи в духе ЛДПР. Тем не менее в первый раз мы им отказали. Они начали раскручивать скандал. Я лично видел телеграмму Владимира Вольфовича в Прокуратуру России и в другие правоохранительные органы с просьбой разобраться с нашим фондом. Из Государственной думы приехал помощник депутата Госдумы Лисичкина — Хлестаков нового поколения — молодой, ему было лет 26, толстый и наглый. В то время удостоверение помощника депутата Госдумы действовало завораживающе. Человек оказался пустейшим. Но поразительно не то, что такие люди вершили дела, поразительно было то, что за ними шла свита, в колонну по одному, краевое начальство: прокуратура, налоговая инспекция, налоговая полиция, УБЭП, региональное управление по борьбе с экономическими преступлениями. И все по нашу душу. Решительно, вплоть до того, что готовы были всех на пол положить. Семь месяцев нас трясли, проверили всё. Каждый чек проверили по номеру, когда получен, как мы его оформили. Подняли все архивы Фонда имущества. Невероятных трудов стоило доказать, что мы не преступники. Но зато проверяющие были чрезвычайно удивлены, когда не обнаружили нарушений. Они не могли поверить, что в тот период аферистов и мошенников можно было работать честно.*

К нам приходили и откровенные бандиты — "шкафы", доны Корлеоне — с предложениями, требованиями приобретений интересующих их акций. Но предусмотрительно мы ввели в совет Фонда социальной защиты одного

из замов начальника краевой милиции и приглашали его на такие переговоры, так что подобные набеги мы успешно отбивали. Приходили к нам и казаки с нагайками с предложениями поруководить теми или иными предприятиями. С ними мы тоже не договаривались.

Приходилось оспаривать через арбитражный суд и решения краевой администрации. После одного проигранного дела губернатор Николай Кондратенко объявил нас врагами Кубани, причислив к числу христопродавцев и жидомасонов.

Сейчас я понимаю, что спасла нас тогда на первом этапе придуманная нами система учёта чеков и акционеров фонда, а позже нами же созданное общество — специализированный регистратор "Депозит-Инвест". Велись амбарные книги учёта, ящики с карточками на каждого акционера, реестры чеков по их номерам. Если бы ни уникальная педантичность Евгения в его отношениях с бумагами, мы бы элементарно и ни за что могли оказаться за решёткой.

Этот период был самым тяжёлым в нашей с Пономаренко карьере. Он окончательно поседел, а я полысел».

Начало конца. Первые восторги поутихли, когда Чубайс понял, что выпустил на волю непредсказуемого и ненасытного монстра. Многие ваучерные фонды создавались компаниями, пытавшимися, не привлекая внимания, скупить собственные акции. В результате вскоре фонды вышли из-под контроля. Анатолий Борисович и не предполагал, что их количество будет расти так быстро. Рынок, возникший без необходимых инфраструктурных институтов, превратился в джунгли. Недобросовестные фонды обещали фантастические дивиденды, забирали ваучеры, после чего инвесторы, испытывавшие надежды на светлое будущее рантье, не получали ничего. Их ваучеры продавали, а вырученные деньги похищали. Управляющие одного из фондов, «Нефть-Алмаз-Инвест», обещавшие вложить ваучеры в добычу нефти и алмазов, скрылись, похитив около 900 тыс. ваучеров. А всего исчезли без следа 99 ваучерных фондов[1].

Вице-премьер Правительства Москвы Константин Буравлев 12 апреля 1994 года на слушания по итогам приватизации в Федеральном собрании вспомнит этот фонд, обратившись к Анатолию Чубайсу: *«Когда неудачно вкладываются деньги в "Нефть-Алмаз-Инвест", людям невозможно объяснить, что это не скачки, и что не надо приходить к нам и к вам, а надо пойти... в ближайшую лавочку и справиться со своей бедой. Люди ждут нашей защиты — это же не лотерея»*[2].

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 224.

[2] Обзор приватизации // Коммерсантъ. 19.04.1994.

А первый ЧИФ разорится уже в середине 1993 года. Это было московское АО «Технический прогресс». Незадолго до банкротства этот фонд обещал годовой доход в 500 %, за счёт чего привлёк средства более 300 тыс. мелких инвесторов. Государству пришлось фактически взять на себя его обязательства.

Конечно, столь печальному концу способствовала и специфическая налоговая политика по отношению к ЧИФу. Акционеры фондов в 1993 году платили налог на прибыль предприятия, акции которого находятся в портфеле фонда (32 %), налог на дивиденды, получаемые фондом как юридическим лицом (15 %) и налог на доходы физических лиц (акционеров фонда).

Это на Западе, осознавая преимущества коллективных инвесторов и их роль в повышении уровня жизни населения, предоставляют таким компаниям налоговые льготы, что приводит в большинстве случаев к их более высокой доходности, чем банковские вклады. А российские, по сути, социальные фонды платили те же налоги, что, скажем, и нефтяные компании.

От описанной сделки с Salomon Brothers ЧИФ «РИФ» отдал в бюджет не менее 600 тыс. долларов. Впрочем, ваучеры, потраченные на покупку тех акций, номинально стоили не более 100 тыс. рублей (деноминированных).

Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации, вступившая в силу с 1 января 1994 года, немного облегчила жизнь инвестиционных фондов — в течение первых двух лет с момента регистрации они были освобождены от уплаты налога на дивиденды, выплачиваемые предприятиями по акциям, владельцами которых являлись указанные фонды, от перечисления авансовых платежей налога на прибыль и налога, выплачиваемого при регистрации проспекта эмиссии ценных бумаг.

Так и существовала система двойного (и даже тройного) налогообложения прибыли ЧИФов. Те немногие предприятия, что платили им дивиденды, делали это уже из чистой прибыли, средства же, поступающие в фонды, рассматривались как их доход и облагались налогом на прибыль. Если сами ЧИФы, в свою очередь, выплачивали дивиденды акционерам, то законодатель обязывал их предварительно перечислить в бюджет весь подоходный налог уже на их доход независимо, получили они эти деньги или нет. В результате на этом пути «терялось» до 60 % первичной прибыли, а людям доставались лишь крохи.

Нечаев А. А.: *«Ценных бумаг было крайне мало. Уровень сбережений граждан, которые они могли направить на инвестиции, был недостаточно высок, и поэтому аккумулировать фондам было особенно нечего. “Старые” сбережения населения обесценились в результате инфляции, а новые накопления тогда ещё только начали формироваться. Возможно, жёсткие ограничения*

на деятельность этих фондов сделали их менее привлекательными, чем другие виды операций, как на финансовом рынке, так и в области торговли. Тогда был золотой век для банков. Активно развивались страховые компании. Одним словом, людей, которые хотели бы заняться созданием инвестиционных фондов, а главное, инвестировать в них, оказалось не так много»[1].

Инвестиционный фонд «ПриватИнвест» параллельно создал второй чековый фонд, фонд социальной защиты «Социум-инвест». В него планировалось собрать организации, отнесённые государством к социально незащищённым: детские дома, больницы, госучреждения, органы правопорядка. Работая с ними, наивные предприниматели рассчитывали воспользоваться режимом льготного налогообложения и обратить эти преференции в дополнительные доходы указанной категории людей. Но государство и в этот раз не выполнило собственных придуманных правил игры. Эти фонды так же вошли в рынок на общих правах...

В конце 1993 года ваучерные фонды попали в незавидное положение — из 290 опрошенных руководителей приватизированных предприятий 70% заявили, что они не могут выплатить им дивиденды[2].

Всероссийская ассоциация «СКИФ» в 1994 году проведёт анализ результатов работы российских ЧИФов в прошедшем году. Оказалось, что какую-то прибыль показали менее 30% фондов. Причём, прибыль более 5% от оплаченного капитала имели 8% фондов, а более 15% — только 2%. К наиболее доходным относились Первый чековый инвестиционный фонд (прибыль 70,7%), «Содействие» (Тюмень) — 31,2% и вологодский «Социум» — 25,1%. Всего же, по данным Госкомимущества, в среднем на 1 акцию ЧИФ приходилось 4 рубля убытков.

Однако заявление, сделанное Анатолием Чубайсом 7 октября 1993 года о продлении срока действия приватизационных чеков, не только оказало существенное влияние на активизацию деятельности уже созданных инвестиционных фондов, но и вселило веру бизнесменам в необходимость создания новых.

В результате в середине 1994 года число ЧИФов достигло максимального количества — 662. Назывались цифры даже большие — до 760 фондов.

По информации Банка России, в ходе приватизации ЧИФы превратились в крупных портфельных инвесторов, собрав и инвестировав около 45 млн ваучеров, что составляло 32% от их общего количества. По данным чековых

---

[1] *Нечаев А.А.* Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Русь-Олимп; Астрель, 2010. С. 414.

[2] *Котельникова Е.* Акционеры не получили обещанных дивидендов // Коммерсантъ-Daily. 20.01.1994.

аукционов, эти фонды стали владельцами 10% акций приватизированных предприятий, выставленных на всероссийские аукционы.

Рекламой ЧИФов тогда было заполонено всё. Она была на бигбордах, печаталась в газетах и журналах, не сходила с экранов телевизоров. Эксперты даже сформулировали тогда стандарт: чем больше средств (либо ваучеров) необходимо было привлечь, тем больше средств на рекламу надо было потратить. «Золотое сечение» обычно составляло 3:10, реже меньше.

А вот образец не рекламы, а «честного» журналистского материала, получившего тогда название «джинса».

«У "Термеса" очередной подписной период. Берут ваучеры. На них дают акции. Всё очень просто: акции акционерного общества НТЦ "Термес и К", номинальная стоимость которых 10 тыс. рублей, а рыночная (!) — 320 тыс., продают всего за (!) 16 ваучеров (каждый из которых на РТСБ стоит немногим более 5 тыс.). Акции "Термес-планеты" номиналом по 1 тыс. рублей, рыночная стоимость которых (!) 60 тыс. рублей, достанутся вам всего за 3 ваучера. Необходимо просто прийти в офис московского отделения "Термеса" и подписаться на акции. Как говорится, кто не успел — тот опоздал. Акции раньше стоили гораздо дешевле. С каждым днём их курс растёт»[1].

Достаточно много было и недобросовестной рекламы.

«Чековый фонд "Нефть-Алмаз-Инвест" привлёк большое количество акционеров рекламой, в которой говорилось о выплате за первое полугодие этого года дивидендов в размере 750% годовых. Правда, чековый фонд забыл указать, что эти дивиденды были выплачены не всем акционерам, а только учредителям фонда, коих всего 12 человек. Каким образом это было сделано? Очень простым. Фонд объявил о том, что дивиденды выплачиваются акционерам, оплатившим свои акции до начала публичного распространения акций»[2].

28 февраля 1994 года Анатолий Чубайс подписал распоряжение о создании комиссии ГКИ для проведения плановой проверки ряда чековых фондов.

Жизнь показала, что значительная часть приобретённых пакетов акций оказалась бесперспективной — в рыночных реалиях предприятия обанкротились через 3–5 лет после собственной приватизации. Причём, среди них оказались не только малозначимые местные заводы, но и «гиганты» российской индустрии, те же — ЗИЛ, Трёхгорная мануфактура, Бердский радиотехнический завод (на его технологичных площадях со временем поместили лесопилку).

Трудно было винить руководителей фондов в недальновидности в инвестиционных вопросах, в то время «шоковая терапия», бесконтрольный им-

[1] *Семёнов А., Касьяникова А.* Меняю ваучер на Чубайса или двух Бурбулисов // Московский комсомолец. 19.11.1992.

[2] *Ковалёв А., Печилина Г., Чиккер С.* Приватизация // Коммерсантъ. 05.11.1993.

порт и другие «прелести» новой экономики делали своё дело без их участия. Тем не менее многие ЧИФы как-то крутились и даже работали безубыточно. Так, по итогам 1993 года, например, ЧИФ «Хакасский инвестиционный фонд» выплатил своим акционерам дивиденды в размере 85% годовых, за 1994 год — 150, за 1995 год — 150, что было существенно выше депозитных начислений Сбербанка.

Учёт и контроль в ЧИФах. Единственное, что в самом начале работы с ЧИФами немного понимали участники этого проекта, так это как учитывать акционеров.

Курчанов П. Ф.: *«Как учитывать ваучеры, тоже казалось понятным из "общих соображений": нужно было хранить эти бумаги в сейфах и записывать, сколько их приходит, на какие акции фонда эти ваучеры обмениваются и в каких чековых аукционах участвуют. Хуже обстояло дело с пониманием того, как учитывать акции, которые приобретает фонд на чековых аукционах. Тут уже нашим внутренним учётом обойтись было трудно — нужно было понимать, как же будет построена система учёта акций в России глобально.*

После постановления о чековых фондах к нам повалил уже вал людей с просьбой объяснить, что же это за зверь такой "депозитарий". Мы, как умели, и объясняли...»

Первые ваучеры в Депозитарий РИНАКО чифовцы принесли уже в ноябре 1992 года. Сначала их хранили в сейфе, но объёмы увеличивались с немыслимой скоростью, и вскоре стало очевидно, что может понадобиться до десяти кубометров сейфового пространства только для Первого ваучерного фонда!

Курчанов П. Ф.: *«В процессе работы с ваучерами и появляющимися параллельно с собранными фондами ваучерами новыми акционерами фондов, мы поняли, что наша компьютерная программа никуда не годится. На нас валились ежедневно мешки ваучеров и параллельно с ними такие же мешки с бумажками, содержащими первичную информацию об акционерах фондов. Стоял вопрос об очень дешёвой и экономичной системе, которая позволила бы всё это быстро и, главное, недорого преобразовать в электронную форму и закачать в подходящую программу учёта. Использование же старой ринаковской программы так же, как и программы, создаваемой группой с Мехмата, оказалось настолько нерентабельным, что сулило нашему бизнесу неминуемое банкротство. Пришлось для начала разработать очень экономичную программу ввода первичной информации. В этой программе мы пытались исключить каждое лишнее нажатие на клавишу, использовать максимальное количество разумных "умолчаний" и т. д. Программу раздавали на дискетах агентам фондов, а также привлечённым нами для первичного ввода внештатным сотрудникам.*

Привлекать же нам пришлось для этих целей дополнительно несколько сотен человек: с ними заключали договоры, давали копии первичных документов, программу на дискете — и вперёд... Внештатные сотрудники данные вводили, затем уже наши девочки выполненную работу просматривали, при необходимости корректировали и закачивали в специальную буферную программу. Работа была очень напряжённой...

Новые компьютерные технологии создавались уже другими программистами, которыми руководил Лёша Финогенов. Именно он создал программы для всей системы первичного ввода с привязкой к системе хранения первичной документации (мы называли эту систему "склад"). Его люди (Миша Галис и другие) разработали также новую компьютерную программу ведения реестров акционеров фондов. Данные в эту программу из "склада" закачивались уже в пакетном режиме. Это была очень производительная программа, позволяющая осуществлять моментальный поиск и быстрые транзакции при имевшей тогда место ограниченности компьютерных ресурсов. Сейчас это кажется невероятным, но реестр, уверенно переваливший тогда за миллион акционеров, мы вели на сервере, имеющем объём твёрдого диска около 500 МВТ на базе 386-й "эйтишки". Данные на диске приходилось хранить в заархивированном виде, однако система индексов была построена очень искусно и работало всё очень быстро и надёжно.

Для учёта денежных средств фондов мы не придумали ничего лучшего, чем ввести в бухгалтерию каждого из обслуживаемых фондов нашего сотрудника в качестве, так сказать, контролера. Мы авторизовывали все платежи, связанные с куплей-продажей ваучеров, куплей-продажей акций приватизированных предприятий, а также акций самих фондов (некоторая часть акций фондов размещалась за деньги, а не за ваучеры)».

Глава Депозитария РИНАКО Павел Курчанов числился главным бухгалтером в каждом фонде и подписывал все платежки.

Курчанов П. Ф.: *«Сейчас об этом страшно вспоминать. Впоследствии, изучив прецеденты взаимоотношений, сложившихся между другими крупными фондами и их депозитариями, мы от этой практики отказались, оставив учёт денежных средств бухгалтериям фондов. Ваучеры мы учитывали как документарные ценные бумаги. Они физически хранились в Депозитарии РИНАКО и учитывались на счетах-депо фондов. Причём, как обезличенно, так и с индивидуальным учётом — в зависимости от конкретных договоров с клиентами. По счетам-депо, на которых учитывались ваучеры, шло постоянное движение.*

Непросто было учитывать и приобретённые фондами акции приватизированных предприятий. Система учёта ценных бумаг к 1994 году как-то начала формироваться в России (система реестров), однако законодательная

база была очень слабой. Тем не менее часто Депозитарию РИНАКО удавалось убедить реестры записать нас в качестве номинального держателя наших клиентов — чековых инвестиционных фондов — это был единственный способ организовать депозитарный учёт бумаг фондов. Понятия "номинального держателя" официально в России ещё не существовало (а когда впервые появилось, то было упомянуто в таком контексте, что лучше бы не было упомянуто вообще...), но часто наши аргументы работали. Ведь в значительной части реестров для учёта акционеров работала "технология Депозитария РИНАКО". Нам привыкли верить, как одним из наиболее уважаемых первопроходцев в этом бизнесе».

К концу 1994 года ЗАО «Депозитарий РИНАКО» было записано номинальным держателем в 70 реестрах акционеров.

Вот как описывает работу регистраторов в этот период Владислав Москальчук.

Москальчук В. В.: *«Работы было много. Ваучеры принимали весь день, а ночью их обрабатывали. Работа была тяжёлая, скорее даже изнурительная. Релаксировали, заканчивая работу уже очень поздно, разговорами за пивом. А коллеги из Центрального московского депозитария (ЦМД) во главе с любителем пинкфлойдовской "Стены" Алексеем Королёвым поступали лихо. Они выбирали цели и по азимуту, не сворачивая, командой в 10–15 человек, шли к ней. Если попадалась стена — преодолевали её, дом — пользовались сквозными подъездами, благо в старой Москве их много. Весёлая картина для ночной Москвы! Вот такой способ снятия стресса! Но командный дух у регистраторов был несравним с духом других финансовых организаций! Мы были как одна семья».*

В начале 1990-х годов большинство депозитариев было создано при чековых фондах. А их, как уже сказано, было множество (в 1996 году оказалось зарегистрировано 760). И при каждом втором существовал собственный депозитарий. В связи с тем, что деньги в то время у фондов водились, каждый делал свой стандарт депозитария. Потом только «вспомнили», что депозитарии должны технологически взаимодействовать в расчётах.

Год 1994-й из этого периода был отмечен интенсивной работой многих инвестиционных фондов по созданию необходимой региональной фондовой инфраструктуры с целью подтверждения законности своей деятельности, а также серьёзности своего присутствия на рынке.

Бедарев Н. И.: *«В АО "ХИФ" к 1994 году было уже под 80 тыс. акционеров, и мы буквально задыхались под спудом бумажных объёмов документального их учёта — большое помещение в подвале фонда было доверху забито такими бумагами. Нам нужно было срочно налаживать электронный (компьютерный) учёт и ведение реестра акционеров посредством специальной и лицензированной программы — рынок их уже начинал предлагать.*

Помощь ожидаемо пришла в лице молодого преподавателя Хакасского филиала Красноярского политехнического института (так он тогда назывался), кандидата технических наук Виктора Павлова. В Абакане в то время при городской администрации активно работал Координационный центр, который оказывал целый спектр новых рыночных услуг. Его основу и составляли молодые учёные отмеченного института. Именно они, в частности, создали под патронажем Фонда имущества РХ Абаканский аукционный центр с целью проведения Всероссийских чековых аукционов».

Виктор Павлов откликнулся на призыв создать специализированный регистратор, увидев в этом возможную рыночную нишу, которую следовало занять — акционерных обществ было много даже в Хакасии. АО «ХИФ» самостоятельно финансировать эту работу не мог, и В. А. Павлов во второй половине 1994 года учредил ЗАО «Хакасский депозитарий», который и делал необходимые разработки.

Тогда же активно стали разрабатываться концепции создания центрального депозитария, фондовых центров, инвестиционных банков и инвестиционной страховой компании, которые должны были помочь развитию вторичного рынка акций приватизированных предприятий.

Бедарев Н. И.: *«В отличие от Запада, у наших фондов была никем толком не оценённая созидательная функция. Я глубоко убеждён, что именно ЧИФы, особенно в регионах, исключительно за свои скромные средства стали родоначальниками практически всей фондовой инфраструктуры. Всем им на наших необъятных просторах вдруг и быстро (регулятор не давал времени на раскачку) понадобились регистраторы для учёта их многочисленных акционеров, лицензированные компании для управления их активами, брокеры и дилеры для оборота их балансовых акций на организованном рынке, а также специализированные депозитарии для хранения их активов. Повезло тем, кто делал всё это не в одиночку — многие "сгорели" в этой гонке за инфраструктурой. Так, значительная часть сибирских чековых фондов, разумно объединившись в рамках ЗАО "Сибирский холдинг", сумела создать собственную эффективную посредническую структуру. Вот за всё это наш рынок ценных бумаг должен быть благодарен ЧИФам».*

Регулирование работы ЧИФов

ЧИФы принципиально отличались от созданных позже ПИФов, аккумулирующих денежные средства населения и размещающих их далее на коммерческой основе. В ЧИФах собирали ваучеры — разовый, скоропортящийся и узкоспециальный инструмент, — которые можно было обменять только на акции производственных предприятий. Председатель совета директоров

Первого ваучерного фонда Андрей Фетисов по этому поводу говорил: *«С официальной точки зрения ЧИФы — это государственные (по своим задачам) организации, занимающиеся аккумулированием средств населения и обменом их на акции предприятий».*

Нет необходимости объяснять почему в ЧИФах собрания акционеров были де-факто фиктивными, всем в фондах «рулили» высшие менеджеры.

Собрать не менее половины акционеров, как этого требовали уставы фондов, было невозможно. Ведь, например, Первому ваучерному фонду (около 4 млн акционеров) для этого потребовалось бы арендовать на несколько часов город Санкт-Петербург. Вход находили через заключение в момент покупки акций фонда формального трастового договора или заочные собрания. Таким образом, все решения в конце концов принимал совет директоров фонда.

В небольших ЧИФах, когда совсем нельзя было обойтись без проведения собрания, поступали так, как это сделало руководство Первого чекового инвестиционного фонда. Его генеральным директором был Андрей Фетисов (имевший богатый опыт общественной работы ещё в советском Министерстве нефтяной и газовой промышленности). В феврале 1994 года он проводил годовое собрание в Конгресс-центре на Красной Пресне. Кворума, естественно, не было (из 19 434 акционеров пришло 6500 человек). И тогда Андрей Фетисов быстро «распустил» собрание, тут же созвал новое, которое в соответствии с действующим законодательством было правомочно вне зависимости от числа присутствующих на нём акционеров. Заранее только следовало позаботиться, чтобы большинство присутствующих было лояльно руководству фонда.

Не странно, что собрание приняло решение премировать каждого члена совета директоров 20 акциями фонда (каждая в 1993 году «стоила» по 5–8 ваучеров в зависимости от срока её покупки). Причём, они были не совсем бессмысленными, благодаря ведению этим фондом регулярных двусторонних котировок на РТСБ[1].

Котенко Д. А.: *«Именной сертификат акций в большинстве ЧИФов и публичных АО был на одном листе А4 с напечатанной на нём анкетой покупателя-акционера. Верхняя часть вручалась покупателю, а другая оставалась у посредника, реализующего акции. Впрочем, анкеты публичных АО в последствии оказались никому не нужны, они так у нас и остались. А вот анкеты акционеров ЧИФов приходилось периодически вместе с приватизационными чеками и денежными средствами сдавать в фонды. Поскольку объёмы у ИД "Стена" были самыми значительными среди подобных компаний, то нам с ис-*

[1] *Смирнова А.* Акционеры решили поддержать директоров фонда материально // Коммерсантъ. 25.02.1994.

полнительным директором Олегом Мякинниковым приходилось проводить в ЧИФах долгие часы. Особенно привередливыми были приёмщики в "Московской недвижимости". Там сдача иногда затягивалась на пять и более часов».

В соответствии с законом деятельность чековых фондов регулировалась Госкомимуществом (ГКИ). Чековые фонды были обязаны регулярно отчитываться перед ГКИ, соблюдать нормативы, разрабатываемые ГКИ, выполнять распоряжения ГКИ, трактующие законодательство. ГКИ также лицензирует ЧИФы и их управляющих. Как уже говорилось, отчёты в 1993 году готовили редкие «белые вороны».

А ведь, как тоже отмечалось, вкладчики ваучеров, с гордостью считавшие себя акционерами, привыкшие к государственному патернализму, искренне думали, что оно их права надёжно защищает. Тем более, когда тот или иной ЧИФ в рекламе ссылается на получение государственной лицензии. Да и чиновники ГКИ постоянно говорили в интервью и разъяснительных выступлениях о своей заботе о чистоте рядов нового бизнеса, курируемого ими.

Неприятным сюрпризом для россиян вскоре станет открытие: в действительности государственное регулирование деятельности чековых фондов в России существует только на бумаге — в рекламных буклетах! Положение о чековых фондах не предусматривало необходимых процедур и механизмов. Госкомимущество не предусмотрело санкций, которые могло бы применить к нерадивым фондам в случае несоблюдения теми принятого ГКИ положения. Единственным наказанием оказалась ликвидация ЧИФа: модно было отобрать у него лицензию или приостановить её действие. Но это, в первую очередь, вновь било по неразумному, доверчивому акционеру.

Руководители таких фондов, видимо, придерживались известной формулы: «Наши акционеры — люди глупые и наглые. Глупые потому, что доверили нам свои ваучеры, а наглые потому, что хотят получить их обратно».

При этом законодательство по инвестиционным фондам не состыковывалось с другими нормативными документами. Два российских закона, которые могли бы наказывать тех, кто представлял недостоверную информацию, — принятый ещё в советское время (22.93.1991) Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и новый Закон РФ (07.02.1992) «О защите прав потребителей» — нельзя было применять к ЧИФам, поскольку сфера действия первого из этих ограничивалась товарным рынком, а второго — личными бытовыми нуждами граждан.

И наконец, самое важное: даже узнав о нечестности менеджера, разочаровавшись в инвестиционной или дивидендной политике того или иного чекового фонда, финансовых результатах его деятельности и т. д., вкладчик-акционер не мог продать свои акции — нашим фондам было запрещено выкупать свои акции.

Лишь немногие, в основном крупнейшие, обходили этот запрет, поручая котировку акций своей управляющей компании. Это было совсем непонятно: что ж американские консультанты не рассказали нашим чиновникам, что в их стране все взаимные фонды поступают именно так?!

Так что законодательный вакуум, в котором работали чековые фонды, стал негативной бедой приватизационного процесса. А наиболее ушлые и циничные руководители чековых фондов, обменяв на чеки свои цветастые акции, обанкротили свои «рога и копыта» и бесследно исчезли. Лишь немногие граждане России могут с удовлетворением вспоминать о своих первых шагах на фондовом рынке.

Васильев Д. В.: *«Не всё удалось сделать, и часть недоработок с ЧИФами мы преодолели уже после завершения чековой приватизации, например, путём предоставления им возможности преобразоваться в паевые инвестиционные фонды. Этим воспользовались некоторые бывшие крупнейшие ЧИФы, например, ЛУКОЙЛ-фонд, что решило для них проблему двойного налогообложения».*

Всеобщее неудовлетворение. Оно, конечно, имело разную природу. С вкладчиками всё понятно — они не получили желаемого. И это можно было предугадать, ведь в стране не было фондового рынка. Остающиеся ещё советскими, наши люди не ожидали подвоха, не знали, что их, становящихся «инвесторами», могут обмануть.

Сергей Трухачёв по этому поводу в 1994 году писал[1], что *«постоянный дефицит выработал у потребителей "хватательный рефлекс" — человек, приобретая то или иное благо (обычно в первом попавшемся месте, где оно продавалось), не задумывался о его свойствах и качествах, о процедуре оформления сделки. Обычно знакомство с купленным предметом происходило в спокойной обстановке уже после покупки».*

Патерналистская политика государства приучила его, что купленные сапоги будут долго носиться, а если ему посчастливится купить холодильник «ЗИЛ», он будет у него работать практически всю оставшуюся жизнь.

Автор же совершенно справедливо говорит, что наш человек присоединяется к соотечественникам, стремящимся приобрести акции популярных (вследствие активной телерекламы) АО или ЧИФа и оценивает их качество ценных бумаг, известных ему по активной рекламе, по длине очереди. Думая: «Люди зря стоять не будут». Он не знакомиться с уставными документами этих организаций и их финансовой отчётностью.

---

[1] *Трухачёв С.А.* Чековые инвестиционные фонды: наброски к политэкономии. 1994 г. на сайте «Московский либертариум».

По правде сказать, их и нет. Конфедерация обществ потребителей (КонОП) тогда же отмечала, что ни один из ЧИФов, в том числе ведущих активную рекламу, не опубликовал отчётную информацию за I квартал 1993 года в объёме, требуемом законодательством. Такая информация не предоставлялась даже после прямого требования акционера или человека, желающего вложить в их фонд свой ваучер.

И после кампании в российских СМИ, призывающей владельцев ваучеров не вкладывать чеки в фонды до опубликования ими финансовых отчётов, по итогам II квартала свои отчёты опубликовали около 10 фондов. В III квартале число таких фондов лишь немного увеличилось.

Хотя в Указе № 1186 от 7 октября 1992 года устанавливались строгие сроки предоставления отчётности чековых инвестиционных фондов — не позднее 60 дней после окончания года. Так что требуй не требуй...

«Кроме того, люди буквально воспринимают обещания высоких дивидендов и доходов, совершенно не делая поправок на то, что эти обещания — элемент рекламы, уровень дивидендов зависит от состояния экономики, которое далеко не блестяще, а сама инвестиционная деятельность — суть риск.

Таким образом, характерной чертой российской модели приватизации является непрофессиональное инвестиционное поведение огромных масс людей, ставших инвесторами поневоле. Последствия этого непрофессионализма проявятся в самом ближайшем будущем, когда выяснится, что многие инвестиции ваучеров были неудачны, что высоких доходов не будет, что многие инвестиционные институты перестали существовать».

Автор забыл добавить о невысоком профессионализме и руководства фондом. Где они могли его получить: работая в комсомольских организациях либо фарцуя?

В результате, например, в Санкт-Петербурге на один ваучер номинальной стоимостью в 10 тыс. рублей можно было приобрести акций в среднем на 500 рублей с максимальным годовым дивидендом в 1000 рублей, что вскоре стало эквивалентно стоимости одной поездки в общественном транспорте. Так, в местном ЧИФе «Генеральный» дивиденды в 1994 году составляли 39 рублей на 1000-рублёвую акцию при банковской учётной ставке более 100%[1].

Как совершенно справедливо отмечал экономист Саид Гафуров, имевший опыт работы, в частности, начальником департамента Мингосимущества России, главной причиной неудач российских инвестиционных фондов стал управленческий бардак: ЧИФы контролировались Госкомимуществом, от-

[1] *Ермоленко Ю.* Приватизация... // Правда 20.06.1996.

крытые инвестиционные фонды — Минфином, а следить за вскоре созданными паевыми фондами выпало на долю ФКЦБ.

Кроме того, ЧИФам для роста и развития требовался выпуск новых эмиссий для привлечения вкладов граждан. Законодательно это не было запрещено, но ГКИ не был уполномочен регистрировать новые выпуски акций. В результате деятельность шестисот ЧИФов оказалась как бы замороженной[1].

Не получили удовлетворения (по разным причинам) и отцы-основатели этого деяния.

Чубайс А. Б.: *«Наряду с образцами правильно пройдённых развилок в приватизации следует для справедливости привести примеры и чудовищных просчётов. Один из них был сделан из самых благородных побуждений при обсуждении проблемы участия в приватизации граждан, не обладавших никакой компетенцией в этой сфере (проблема "бабушек"). Некоторые участники больших интеллектуальных баталий, в первую очередь, наши западные консультанты, считали, что для них необходимо создать посредника, специальный профессиональный институт — чековые инвестиционные фонды (ЧИФы). Была подготовлена пачка документов, подробно описывающих каждый шаг этого новообразования. Как мы радовались, когда появлялись первые ЧИФы!*

Предполагалось, что тщательная проработка нормативной базы ЧИФов поможет правильно вложить ваучеры тем гражданам, которые не хотели их продавать, но и не могли оценить выгоды приобретения акций тех или иных приватизируемых предприятий. Оппоненты считали эту затею излишней и нереализуемой. Мы выбрали первый вариант, в результате чего в стране бизнесменами было учреждено несколько сотен ЧИФов, которые собрали более 40 млн чеков.

Проект чековых инвестиционных фондов провалился полностью: из-за непрофессионализма их менеджеров и банального воровства. Практически все 40 млн вкладчиков оказались обмануты. Этот провал оказал огромное влияние на формирование общего негативного отношения к приватизации. Сегодня ясно, что для реального контроля над ЧИФами надо было выстроить систему, сопоставимую по сложности и влиятельности с банковским надзором, который, как известно, сформировался в России только к началу 2000-х годов. Создать такую систему надзора в 1992–1993 годах было просто невозможно, и наш департамент, занимающийся ЧИФами безуспешно гонялся за недобросовестными участниками рынка и не мог никого поймать».

---

[1] *Гафуров С. З.* Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и постсоциалистических странах. На примере России и Египта (1991–1996). 1996.

С тем, что при создании ЧИФов был допущен ряд недоработок, согласен и Дмитрий Васильев.

Васильев Д. В.: *«При их создании тоже был допущен ряд недоработок, об этом говорил и Чубайс. Во-первых, как теперь мне кажется, надо было ЧИФам разрешать покупать не 10% предприятия, а любой пакет, включая контрольный. Однако наши консультанты, и российские, и иностранные, указывали, на то, что в Чехии (которая начала чековую приватизацию раньше нас) было много проблем с ЧИФами, которые, став холдингами, плохо управляли подконтрольными преприятиями, плохо проводили реструктуризацию.*

Во-вторых, для них стоило сделать более простое регулирование, ведь в стране ещё не было ни законодательства, ни специалистов по регулированию и слишком сложные институты не работали.

В-третьих, Минфин, несмотря на все свои обещания, так и не обеспечил освобождение чековых инвестиционных фондов от двойного налогообложения».

В июле 1993 года в благостной атмосфере «народного» приватизационного взорвалась бомба — в ходе встречи с руководством ГКИ забил в колокола управляющий ЧИФом «Партнёрство» Анатолий Милашевич (в своё время он распоряжался не менее чем 2,5 млн ваучеров, т. е. 1,5% бумаг всех ваучеровладельцев Российской Федерации) заявил, что *«принятая система погашения приватизационных чеков провоцирует повторное обращение ваучеров после их использования на чековых аукционах».*

По его оценкам, масштаб утечки якобы погашенных ваучеров во вторичный оборот настолько велик, что он может рассматриваться как один из важнейших факторов сохраняющихся низких котировок приватизационных чеков. Утечка приватизационных чеков, по его мнению, оказывалась возможной из-за просчётов в принятых в целом ряде регионов страны систем погашения ваучеров. В качестве примера Милашевич привёл Приморье. Там действовала одна из самых разветвлённых на тот момент региональных депозитарных систем, в рамках которой десятки брокерских контор и филиалов банков действовали в роли официально аккредитованных посредников краевого Фонда имущества при проведении чековых аукционов. Эти посредники осуществляли сбор заявок и депонирование ваучеров перед аукционами. Непосредственно в Фонд имущества ваучеры не передавались — вместо этого аккредитованные брокеры направляли в фонд ведомости с номерами принятых под аукцион ваучеров. Далее Фонд имущества определял номера чеков по победившим заявкам и осуществлял погашение выигрышных ваучеров на бумаге. В результате ни на одной из стадий краевой Фонд имущества не контролировала непосредственного движения ваучеров. И таким образом, недобросовестные посредники получали возможность подменить погашенные на бумаге приватизационные чеки фаль-

шивками и направлять использованные на чековых аукционах ваучеры во вторичный (а можно и больше) оборот.

Вся действующая на тот момент концепция народной приватизации оказывалась подрубленной под корень...

Кстати, эти слова не удивили директора Института коммерческой инженерии и создателя Депозитария РИНАКО Анатолия Левенчука. Он сказал, что целый ряд действующих региональных депозитарных систем, созданных специально под организацию чековых аукционов, страдал массой недостатков в области учёта движения приватизационных чеков, а также в отношении бухгалтерских проводок[1].

Госкомимущество России нашло в себе силы и мужество быстро провести проверку высказанных Милашевичем заявлений. Карьера разоблачителя вскоре зашаталась и после публичного скандала он перебросит свои инвестиции на тот самый Дальний Восток, который критиковал, но не найдёт там общего языка с губернатором Приморья Евгением Наздратенко. И судоходную компанию «Востоктрансфлот», в которую «Партнёрство» вложит свои активы, губернатор отберёт.

В заключение хотелось бы вспомнить о трёх, на мой взгляд, самых ярких и в то же время достаточно типичных чековых инвестиционных фондах подробнее.

Чековый фонд «Нефть-Алмаз-Инвест»

Это был один из самых известных чековых фондов. Во всяком случае, один из самых скандальных. В те годы даже был опубликован юмористический рисунок, ему посвящённый: гость столицы, спрашивает испуганного прохожего: «Гдэ здэс нэфт, алмас, нэвэст?!» Название чекового приватизационного фонда «Нефть-Алмаз-Инвест» тогда стало практически нарицательным, как символ заманчивого, а главное, простого способа сделать свою жизнь лучше и веселее. Бойкий ЧИФ предлагал неискушённым в тот момент россиянам аж 750 % годовых.

Население охотно отдавало свои деньги и ваучеры за обещания. И в очереди в этот ЧИФ как-то видели даже священника со всей семьей, не устоявшего перед искушением.

Зарегистрирован он был 2 марта 1993 года. Распоряжением ГКИ РФ 27 апреля ему была выдана лицензия за № 93 на право деятельности по аккумулированию и обращению приватизационных чеков на рынке ценных бумаг

[1] Обзор приватизации // Коммерсантъ. 12.07.1993.

в качестве специализированного чекового инвестиционного фонда. Его основателем стал 21-летний уроженец Эфиопии Синтайе Тэсфайе.

Размер уставного капитала фонда при утверждении составлял 50 млн рублей. Все акции были размещены среди его учредителей по закрытой подписке.

После этого ГКИ РФ зарегистрировал проспект эмиссии акций фонда уже на сумму в 10 млрд рублей, размещаемых путём открытой подписки. Его акциям был присвоен код государственной регистрации. С этого момента началось открытое их размещение на всей территории РФ.

Для обеспечения выполнения объявленного проспекта эмиссии была создана разветвлённая дилерская сеть, обеспечивающая обмен акций фонда на приватизационные чеки и деньги граждан по всей территории РФ, включающая более 200 региональных фирм.

Другим эффективным направлением распространения акций фонда стала государственная сеть Федерального управления почтовой связи, т.е. любой гражданин мог приобрести акции фонда в ближайшем почтовом отделении по месту жительства.

На момент закрытия реестра акционеров (5 апреля 1994 года) фонд уставный капитал оплатил полностью. Всего же на 15 апреля 1994 года фондом было аккумулировано более 1,78 млн приватизационных чеков. По другим данным, даже 2,2 млн и около 800 млн рублей.

Так как действующее тогда законодательство запрещало выпуск акций на предъявителя, всем акционерам при покупке акций выдавался именной сертификат, а не сама акция.

Был открыт депозитарий, основной задачей которого было ведение реестра акционеров. На момент закрытия реестра акционера (5 апреля 1994 года) в реестре было зарегистрировано 986 670 акционеров — физических и юридических лиц.

Фонд объявлял, что приобретает акции предприятий минерально-сырьевой отрасли, предприятий топливно-энергетического комплекса, чёрной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности, авиа- и судостроения, пищевой и табачной промышленности из различных регионов России.

Руководство фонда докладывало, что основная его прибыль складывалась из операций на вторичном рынке ценных бумаг посредством продажи акций предприятий, которые составляли так называемый спекулятивный пакет акций фонда.

В период завершения чековой приватизации (апрель — июнь) основным направлением деятельности фонда называлось крупномасштабное участие в чековых аукционах по продаже акций предприятий топливно-энергетического комплекса. Величина инвестиций в предприятия этих

отраслей в последний месяц приватизации составила около 700 тыс. приватизационных чеков. В его инвестиционном портфеле были пакеты акций 48 предприятий, причём в пяти акционерных обществах доля фонда превышала 20 %.

«В ноябре 1993 года в свой день рождения начальник управления инвестиционных фондов Госкомимущества Николай Макаров отправился в "Нефть-Алмаз-Инвест", чтобы обсудить с руководством фонда условия нового проспекта эмиссии. Сотрудники фонда произнесли в честь новорождённого поздравительные тосты, после чего Николай Макаров пришёл в приятное расположение духа. В ответном спиче г-н Макаров подчеркнул, что, по-видимому, с проспектом эмиссии у "Нефть-Алмаз-Инвеста" проблем не будет. Глава управляющей компании фонда Синтайе Тэсфайе вручил Макарову конверт, и чиновник с благодарностями удалился. Эта встреча была записана на видеокамеру. В феврале 1994 года видеофильм посмотрел председатель ГКИ Анатолий Чубайс и остался очень недоволен поведением подчинённого. В ведомстве назревал скандал.

Как на зло, в конце февраля в ГКИ поступило сообщение ФСК, из которого Чубайс узнал, что "Нефть-Алмаз-Инвест" продал за валюту более 500 тыс. приватизационных чеков некой английской фирме. Нужно было принимать срочные меры.

За Тэсфайе стоял миллион акционеров, поэтому решение об аресте главы "Нефть-Алмаз-Инвеста" принималось "на самом высоком уровне". В обсуждении участвовали Чубайс, замгенпрокурора России Олег Гайданов и даже некоторые вице-премьеры»[1].

9 марта 1994 года комиссия ГКИ, созданная по распоряжению Анатолия Чубайса, в сопровождении налоговой полиции нагрянула в НАИ, изъяв у фонда и управляющей компании печати, заблокировав её расчётные счета, после чего предъявила Распоряжение ГКИ № 468-р от 5 марта 1994 года за подписью Александра Иваненко, приостанавливающее действие лицензии фонда и управляющей компании. ЧИФу инкриминировалось непредставление финансовой отчётности за 1993 год. Но тот не согласился с таким решением и, сославшись на письмо Минфина, разрешающее чековым фондам сдавать баланс не 1 марта, а 1 апреля, обратился в арбитраж с требованием признать распоряжение ГКИ о приостановке лицензии недействительным. Высший арбитражный суд России 23 мая в иске отказал. Руководители фонда заявили, что свои убытки они оценивают в 6,3 трлн рублей.

---

[1] *Новиков А.* Ещё один мавр сделал своё дело // Коммерсантъ. 16.09.1995.

На тот момент фонд имел немалые активы, равные примерно 22 млрд долларов. В фонде было несколько сотен тысяч акционеров, сначала возбуждённых несбыточной рекламой, а потом напуганных чередой скандалов.

Алексеев В. Н.: *«Когда стало понятно, что фонд имеет огромные активы и скандал разразится грандиозный, меня вызвал Иваненко. Государство не хотело напрямую вмешиваться в этот процесс, решили задействовать общественную организацию. Мы тоже были заинтересованы, чтобы не компрометировалась система чековых фондов. Многие из них нам помогали, в первую очередь людскими ресурсами».*

Комиссия обнаружила недостачу 543 тыс. ваучеров (оценённую в 6 млрд рублей) и 1 млрд рублей. Значительной частью этой недостачи, по утверждению руководства фонда, были чеки, переданные по договору-поручению некоей английской фирме-посреднику для участия в чековых аукционах. После того как управляющий фондом Тэсфайе вернул 490 тыс. чеков, якобы забранных у той самой английской фирмы, появились новые вопросы.

Начальник Контрольно-ревизионного управления ГКИ Ходаков по этому поводу сказал: *«Предоставленные г-ном Тэсфайе чеки комиссия опечатала, и они были перевезены в Кассовый союз. Г-н Тэсфайе не смог предоставить комиссии документ, подтверждающий в юридически корректной форме права фонда на эти чеки. Комиссия получила некий договор, который не смогла включить в материалы проверки: во-первых, договор оказался скреплён печатью другой фирмы, во-вторых, в том пункте документа, где оговаривалась ответственность одной из сторон, существует ссылка на пункт 4.5, сам договор заканчивался пунктом 4.4... Фирму тут же проверили —- выяснилось, что она существует, это одна из компаний Мансура Османа, на счету — почти ни доллара».*

В результате вышло распоряжение ГКИ о приостановке действия лицензии фонда. Афроросиянин был арестован. Правоохранительные органы тогда же выяснили, что в конверте, который вручили Макарову, были лишь две сувенирные авторучки.

Пресс-релиз НАИ: *«25 мая — первый зампред ГКИ Иваненко А. И. встретился с акционерами фонда (так называемой инициативной группой, состоящей из 20 акционеров). Назвав совет директоров “ворами” и “жуликами”, потребовал сменить председателя совета директоров Суровятина М. И., ввести в совет директоров две новые кандидатуры, назначив Нечаева А. Г. генеральным директором фонда».*

Алексей Нечаев на тот момент был управляющим небольшим ЧИФом «Республика», пользующимся хорошей репутацией в ГКИ. Иваненко от этих слов отказался, однако тогда же разослал во все региональные комитеты

по управлению имуществом телеграмму, в которой призвал немедленно начать сбор писем акционеров НАИ, проживающих на соответствующих территориях, в которых требовать созыва чрезвычайного собрания акционеров с разработанной ГКИ повесткой дня, в которой, в частности, выдвигались бы требования о смене руководства фонда[1].

Пришлось 28 октября сразу проводить чрезвычайное собрание акционеров, на котором в совет директоров доизбрали 11 новых членов, не замешанных в махинациях. Для того чтобы как можно большее число вкладчиков могло принять участие, в решении вопросов фонда, собрание прошло сразу в 14 городах России. Таким образом, удалось охватить свыше 80 % акционеров.

Алексеев В. Н.: *«Только в спорткомплексе ЦСКА собралось 15 тыс. акционеров. Конечно, без ГКИ сделать это было невозможно.*

Тогда же из руководства фонда были исключены позорящие его люди. Меня назначили председателем совета директоров. Была создана команда для управления активами, скорее по реализации собранного. Они и готовили соответствующие тендеры».

После этого ограничение на деятельность фонда на рынке ценных бумаг было снято.

Алексеев В. Н.: *«В активах была нефтянка, металлургия... Я встречался с людьми интересующимися предприятиями, пакеты которых были в фонде. До сих пор помню насколько пренеприятное воспоминание оставил о себе тогда уже ставший депутатом Госдумы Владимир Головлёв, претендовавший на Магнитку».*

«Приватизация Магнитогорского металлургического комбината лежит у истоков "дела Головлёва". Менеджмент ММК поссорился с Головлёвым тогда же, в начале 90-х: спор был из-за собственности ММК. В итоге победил менеджмент, и тогда премьер-министру Черномырдину и в Генпрокуратуру ушли письма от депутата с подробным рассказом, кто и как приватизировал ММК. Сам депутат Головлёв утверждал, что речь в письмах шла о хищениях средств руководством ММК на сумму порядка $0,5 млрд»[2].

Но и на этом скандалы не прекратились: новые люди, которые никак не могли договориться между собой.

«Главой совета стала Влада Близнец, как говорят, ставленница Иваненко.

Между тем после этого собрания ситуация вокруг "Нефть-Алмаз-Инвеста" круто изменилась. Повторная проверка, проведённая в фонде КРУ Мин-

---

[1] *Николаев И.* Инвестиции — Нефть-Алмаз-Инвест // Коммерсантъ. 21.06.1994.

[2] *Сборов А.* С кем не ужился депутат Головлёв // Коммерсантъ Власть» № 33. 27.08.2002. С. 30.

фина по Москве установила, что размер недостачи чеков завышен Госкомимуществом по крайней мере вдвое.

Генпрокуратура, в свою очередь, заподозрила, что октябрьское собрание было проведено незаконно и возбудила уголовное дело по фактам злоупотребления служебным положением сотрудниками ГКИ. Одним из главных фигурантов в деле стал Александр Иваненко. В Генпрокуратуру поступили сведения о том, что среди "новых" директоров — всего один акционер, зато в совет избрано три члена, представляющих коммерческую структуру, которой владеет сын Александра Иваненко Алексей.

Кроме того, в действиях ГКИ были обнаружены финансовые нарушения: на проведение "своего" собрания в фонде Госкомимущество потратило 1 млрд рублей собственных средств. <...> Сотрудники спецсвязи, которые везли бюллетени собрания в Дагестан, застряли в Краснодаре: на махачкалинском аэродроме захватили самолёт с заложниками. Пришлось обращаться за помощью к военным лётчикам. Военным самолётом, вызванным из Будённовска, бюллетени переправили на военный аэродром под Махачкалой, а оттуда бронетранспортёром — в местный комитет по управлению имуществом. В результате за использование самолётов Минобороны выставило ГКИ счёт на 50 млн рублей»[1].

Алексеев В. Н.: *«Через полгода, после ухода Иваненко с поста зампреда ГКИ, я сразу подал заявление об увольнении. Без его политической поддержки мне оставаться было бессмысленно. Да и, посмотрев какие люди вращаются вокруг этого фонда, какие интересы отстаивают, я понял, что мне здесь делать нечего. На этом моё участите в его делах закончилось».*

Новым председателем совета фонда стал Стрекалов, руководитель крупного оборонного предприятия «Кристалл», входивший в Совет по промышленности и предпринимательству при Правительстве России. По рекомендации владельца промышленного концерна «Интерпром» Михаила Юрьева (вскоре ставшего вице-спикером Госдумы России) он заключил договоры с новой управляющей компанией — «Брок-Инвест-Сервисом» и новым депозитарием — Супримэксбанком. Но и эти взаимоотношения не сложились...

В конце концов Стрекалов весной 1996 года был объявлен в федеральный розыск. ФСБ обвинило его в крупных хищениях на возглавляемом им заводе «Кристалл».

Как писал журнал «Коммерсантъ», Стрекалов скрылся в США и уже оттуда руководил деятельностью фонда. В результате сумел продать акции девяти предприятий, биржевая стоимость которых по ценам 1996 года составляла 141,5 млрд рублей. Деньги от этих сделок поступили на счета АО «Олд Койн», которое Стрекалов назначил управляющей компанией фонда.

[1] Там же.

Первый ваучерный инвестиционный фонд

Ещё хотелось отметить деятельность Первого ваучерного инвестиционного фонда, о котором мы будем ещё неоднократно вспоминать.

Его создал Михаил Харшан, ранее учредивший турагентство для иностранцев.

Уже к сентябрю 1993 года он собрал 3 млн ваучеров и даже выпускал для акционеров своё средство массовой информации, дав ему название — «Ваша газета».

Фонд практически контролировал крупнейшие московские гостиницы «Космос» и «На Тверской» (бывшая «Минск») и имел значительные пакеты акций гигантов цветной металлургии — АО «Сплав», АВИСМА, предприятий нефтехимии. По масштабам деятельности Первый ваучерный фонд не имел себе равных в России — заявленный уставный капитал фонда составлял 100 млрд рублей (из них на 01.09.93 было оплачено 14,7 млрд рублей).

«Увеличение числа акционеров до 3 млн как праздничный повод обсуждалось на собрании совсем недолго: в качестве изюминки вечера собравшимся была представлена новая, только что эмитированная фондом ценная бумага — специальное свидетельство о владении портфелем акций наиболее привлекательных для инвесторов эмитентов. Так, в состав одного из портфелей вошли акции гостиницы "Космос", ЦУМа, Тобольского нефтехимического комбината, а также калининградского Инвестбанка. Свидетельства о владении портфелями защищены от подделки и имеют номинальную стоимость от 25 до 500 тыс. рублей. По словам начальника управления ценных бумаг фонда Александра Синцова, организованный фондом выпуск новых финансовых инструментов станет первым шагом на пути к формированию ликвидного вторичного рынка бумаг фонда.

В ходе презентации руководители фонда выразили глубокое удовлетворение сотрудничеством с Депозитарием РИНАКО, ведущим невероятно огромный реестр акционеров фонда»[1].

Первый ваучерный развернул такую бурную деятельность, что казалось, он соберёт если не все, то значительную часть ваучеров России. В результате у него окажется 4 млн ваучеров, будет более 2 млн акционеров, т. к. один человек в среднем приносил по 2 ваучера. Договоры с этим ЧИФом заключат ещё около десятка других чековых фондов.

В интервью Павлу Хлебникову Харшан признается, что секрет его успеха был в том, что он имел возможность продавать акции своего фонда через ты-

[1] *Вилькович О.* Презентация Первого ваучерного фонда // Коммерсантъ-Daily. 09.09.1993.

сячи почтовых отделений, т. е. создав розничную сеть гигантских масштабов. Удалось ему это потому, что он платил Министерству связи по 1 млн долларов в месяц, подкупил нескольких чиновников и пустил в ход свои старые связи в КГБ. Так же он хвалился перед американским публицистом, что имел инсайдерскую информацию. У Госкомимущества была более достоверная информация о собственности компаний, их балансовые отчёты, обнародовать которые они не имели права. Несмотря на это, Харшан, по его словам, скачал нужные сведения из компьютера Госкомимущества и в итоге приобрёл несколько компаний совсем задёшево[1].

Смолькин И. В.: *«Первый ваучерный фонд свои чеки потратил безрассудно. Это был, как МММ, ходячий зомби. На аукционах он покупал всё подряд, иногда им везло, но в основном они пролетали, приобретённые ими компании банкротились. И кто теперь помнит этот самый крупный ЧИФ?!»*

Вложения фонда позднее окажутся у мировых гигантов Morgan Stanley и Credit Suisse First Boston (CSFB). Их пакеты акций тоже найдут и других владельцев, так ПВИФ помог шведско-норвежской Baltic Beverages Holdings купить контрольный пакет акций АО «Пивоваренная компания “Балтика”», крупнейшего игрока на российском рынке пива. Много таких же сделок осталось непубличными. Сам же фонд был недорого продан американской Pioneer Group.

Среди «акционеров» этого фонда был, по его собственному признанию, Анатолий Чубайс с женой, вложившие в него свои ваучеры.

Хотелось бы вспомнить ещё об одном ЧИФе. Речь пойдёт о печально знаменитом АООТ «ЧИФ “Профи”», ставшим позже АООТ «Специализированный чековый инвестиционный фонд приватизации “Профи”», и АООТ «Специализированный чековый инвестиционный фонд защиты военнослужащих и работников органов безопасности “Профи”».

Фонд был создан одним из первых после начала ваучерной приватизации осенью 1992 года профсоюзами Минобороны, органами госбезопасности (!) и ветеранами вооружённых сил. Главой фонда стал 19-летний студент-юрист Алексей Шапошников. Но фактически руководил им Валерий Шапошников, по данным газеты «Коммерсантъ», полковник юстиции в отставке.

ЧИФ собрал достаточное количество приватизационных чеков и приобрёл на ваучерных аукционах пакеты ряда весьма привлекательных предприятий.

В частности, 31 августа 1994 года, потратив чуть больше 10 тыс. ваучеров, он приобрёл 25% АО «Северянин». В советское время это было 45-е произ-

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 130, 133.

водство Московского электролампового завода, выпускающее приборы ночного видения.

Ранее 51% акций АО было распределено среди работников, они и стали предметом дальнейшей скупки фонда, руководство которого очень заинтересовала недвижимость завода. На заводе в эти годы были проблемы с выплатой зарплат, люди вынуждены были по дешёвке продавать свои бумаги. В конце 1990-х годов Валерий Шапошников стал замдиректора, в 2004 году его сменил Шапошников-младший. В 2004 году «Профи» и другим, связанным с Шапошниковыми компаниям принадлежало уже 46% акций. В это время производство в начале неуклонно сокращалось, освободившиеся помещения сдавались в аренду. К концу нулевых «Северянин» перестал быть заводом, став офисным и складским центром, а приборы ночного видения Россия стала покупать за рубежом.

В интересующий нас период (до 1996 года) ЧИФ «Профи» продолжал скупать на чековых аукционах бумаги предприятий, обладающие привлекательной недвижимостью. Так, в 1994 году он приобрёл 19% акций АО «Программпром» (предприятие, разрабатывающее программное обеспечение для ВМФ и гражданской авиации) и развязал настоящую войну со сменой директоров, охраны территории, с давлением сотрудников спецслужб на судей, скупкой акций прямо на рабочих местах. Чтобы попасть на общее собрание акционеров сотрудники фонда демонстрировали вахтёрам «корочки» Федеральной службы контрразведки (позже переименованной в ФСБ). А интересовала ЧИФ вновь лишь два здания предприятия общей площадью 10 000 кв. м в районе метро «Войковская»[1]. Впрочем, в этот раз контроль ещё над одним АО фонду получить не удалось. Бывает...

Фонд постоянно «развивался» — в 1994 году он присоединился к АООТ «ЧИФ СЗ “Звезда”». На базе объединённой компании было создано ОАО «Фонд социальной защиты “Профи”». Но в 2006 году ОАО «Фонд социальной защиты “Профи”» неожиданно «исчезло в неизвестном направлении» (как сказано в официальном отчёте соответствующих органов). В январе 2007 года в ходе последней по времени выездной проверки Хорошевской межрайонной прокуратуры Москвы было установлено, что «обнаружить местонахождение ОАО «Фонд социальной защиты “Профи”» не представляется возможным». В результате этот фонд, как большинство остальных бывших российских ЧИФов, не был включён в число компаний, по которым Федеральный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров производил компенсационные выплаты.

В действительности найти фонд не представляло проблем: в конце 2011 года Алексей Шапошников, консолидировавший почти 98% акций «Се-

[1] *Степенин М.* Борьба за недвижимость в Москве // Коммерсантъ.10.10.1996.

верянина», направил оставшимся миноритариям требование о принудительном выкупе заявив, ссылаясь на своего оценщика, что всё предприятие стоит чуть больше 100 млн рублей, а одна акция — 671 рубль (в реестре на тот момент было около 160 тыс. акций). Только один миноритарий Игорь Сапунков категорически не согласился с таким «щедрым» предложением. Арбитраж, продолжавшийся шесть лет, оценил одну акцию в 7 тыс. рублей. Кроме того, оказалось, что только недвижимость «Северянина» по кадастру оценивается почти в 1,5 млрд рублей. В результате Сапунков — единственный, кто добился более-менее справедливой цены своего пакета.

У нас нет цели прослеживать далее судьбу этого ЧИФа, приоритетным направлением работы которого было создание новых рабочих мест для бывших военнослужащих и работников органов безопасности. Столь «эффективных» приватизаторов было в 1990-е годы достаточно.

А об этом ЧИФе мы тоже не вспомнили бы, если бы председатель Мосгордумы Алексей Валерьевич Шапошников не декларировал в 2018 году доход в 2 млрд рублей. Завидовать чужому счастью некрасиво, поэтому автор только констатирует сей факт.

Сапунков И. А.: *«История ЧИФ "Профи" — типичное подтверждение общепризнанного криминального характера ваучерной приватизации эпохи пещерного либерализма, которая нанесла сокрушительный удар по экономике России, отбросив её в научно-техническом развитии на столетие назад, уничтожив целые отрасли промышленности и сформировав у поколения стойкую аллергию к подобному "фондовому рынку". Неприятие его россиянами-"миноритариями" общеизвестна. Но, что показательно, и большинство т. н. эффективных собственников той мутной волны ужиться с этим "рынком" не смогли.*

Для ЧИФ "Профи", его создатель Шапошников В. А. (старший) был не просто полковником юстиции, а судьей военного трибунала, членом квалификационной коллегии судей (!), депутатом Мосгордумы (сын продолжил традицию!) и должен был быть защитником в последней инстанции своих соратников по оружию, их прав и имущества. Однако, пока соратники служили, защищали Родину в горячих точках, защитник их имущества (судья, кто его осудит?!) это имущество приватизировал.

Высокотехнологичное электронное производство завода "Северянин", предназначавшееся для армии (даже некондиционная продукция шла на экспорт!), приватизированное ЧИФом на ваучеры, эти "эффективные собственники" разорили, созданный в его помещениях "бизнес-центр" разрушили до основания, а землю продали. Москва лишилась 1000 высокооплачиваемых рабочих мест, государство — налогов. Министр обороны А. Э. Сердюков в то время заявлял о намерении закупать приборы ночного видения... во Франции...

Принудительный выкуп акций российские приватизаторы вопреки требованиям Конституции РФ протащили в законодательство по практике лихих 90-х. Именно под его угрозой миноритарии стали продавать свои акции за бесценок. Этот сомнительный по мировому опыту инструмент как минимум в трёх ключевых аспектах (выкуп частником, а не для государственных нужд; последующий, а не предварительный судебный контроль; справедливое возмещение) не соответствует ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. Банк России наконец взялся переосмысливать это положение и, надеюсь, в ближайшее время достойно оценит влияние подобной практики на деиндустриализацию страны и обнищание населения».

«Челябинский областной специализированный инвестиционный фонд» и «Чековый инвестиционный фонд социальной защиты населения Челябинской области» (ЧИФ «СЗНО») — фонды, созданные людьми, близкими к власти. В самый разгар «строительства демократии» в 1992 году в Челябинске бывший почтальон, бывший экономист строительно-монтажной организации, ставший в ноябре 1991 года председателем комитета по управлению госимуществом Челябинской области Владимир Головлёв и его коллеги по приватизационному бизнесу создали две коммерческие структуры: «Челябинский областной специализированный инвестиционный фонд» (позднее переименованный в «Челябинскую областную инвестиционную компанию» — ЧОИК) и «Чековый инвестиционный фонд социальной защиты населения Челябинской области» (ЧИФ «СЗНО»).

«В первой половине 90-х нынешний вице-премьер России Виктор Христенко работал первым вице-губернатором Челябинской области, возглавлял областной комитет экономики. Чековый фонд "Социальная защита населения", созданный по инициативе Головлёва и собравший ваучеры 260 тыс. жителей области, вскоре после возбуждения "дела Головлёва" выступил с обвинениями в адрес Христенко, утверждая, что тот требовал передачи активов фонда под свой контроль. В 1999 году Христенко через свои связи в руководстве Союза правых сил хотел провести в партийный список СПС по Уралу от Челябинской области своего человека, однако это место в итоге занял Головлёв»[1].

Бедарев Н. И.: *«В первом аккумулировались пакеты акций наиболее прибыльных предприятий: их в добровольно-принудительном порядке приносили директора под обещание ускорить процедуру оформления приватизационных бумаг. Пакеты акций (от 5 до 20%) внесли 89 предприятий. Во второй фонд принесли свои ваучеры частные лица — почти 300 тыс. человек.*

[1] *Сборов А.* С кем не ужился депутат Головлёв // Коммерсантъ Власть» № 33. 27.08.2002, С. 30.

В итоге этой грандиозной операции Владимир Головлёв с командой верных людей приватизировали обе структуры и стали физическими лицами, владеющими гигантским объёмом средств. Следствие установило, что акции, собранные с предприятий ЧОИК, по номиналу стоили более 350 млн рублей, а рыночная стоимость их доходила до 2 трлн (более 300 млн долларов). Значительная часть пакетов акций была продана по номиналу подставным фирмам, а затем с прибылью в 600% ушла за границу. Чуть меньше — 1,3 трлн рублей было аккумулировано и в ЧИФ "СЗНО". Большая часть и этой суммы также исчезла».

В апреле 2000 года Арбитражный суд Челябинской области принял формальное решение о ликвидации фонда «в связи с неустранимыми нарушениями, допущенными при его создании». По решению суда акционеры ЧИФ «СЗНО» смогли получить за принадлежащие им акции по два номинала — по 20 копеек за каждую обыкновенную именную акцию номиналом 10 копеек.

При всём этом Владимир Иванович был не простым бизнесменом: в 1991–1992 годах он был председателем Комитета по управлению государственным имуществом администрации Челябинской области. Затем до 1995 года — заместителем главы администрации Челябинской области.

В декабре 1993 года он прошёл в Государственную думу РФ первого созыва. Входил во фракцию «Выбор России» (руководитель фракции — Егор Гайдар, один из заместителей — Анатолий Чубайс), был членом комитета Госдумы по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности.

В марте 1994 года стал членом инициативной группы по созданию партии Демократический выбор России (лидер — Егор Гайдар), членом политсовета партии.

В декабре 1995 года вновь становится депутатом Госдумы РФ, а в 1999 году — третий раз. В 2001 году даже коллеги не выдержали, обвинения Головлёва в мошенничестве и злоупотреблении служебным положением были серьёзными, с него была снята депутатская неприкосновенность. Начались разборки его деяний и в это время кто-то, видимо, решил, что этого делать не стоит — утром 21 августа 2002 года в Москве в микрорайоне Митино во время прогулки с собакой, Головлёв был убит.

В ходе рыночных реформ часть акций Газпрома была «продана» населению страны за приватизационные ваучеры. Победителями специализированных аукционов стали 747 тыс. человек.

Бедарев Н. И.: *«Южноуральцы, предусмотрительно вложившие свои ваучеры в акции РАО "Газпром" на чековых аукционах, получили на каждый чек активы стоимостью более 70 тыс. рублей.*

При проведении Всероссийского специализированного закрытого чекового аукциона по продаже акций РАО "Газпром" отличилась именно Челябинская область и конкретно город Миасс, где, как было установлено сотрудниками прокуратуры, командой Владимира Головлёва и его ближайшего соратника председателя мест-

ного комитета по управлению госимуществом Владимира Войнова отрабатывались поистине беспрецедентные приёмы и методы "народной приватизации"».

Вот отрывок из текста прокурорского представления: *«Следственным путём проверяется информация о грубых нарушениях законодательства со стороны должностных лиц Комитета по управлению госимуществом и Фонда имущества Челябинской области, а также работников Чекового инвестиционного фонда "Социальная защита населения области" в ходе проведения Всероссийского специализированного закрытого чекового аукциона по продаже акций РАО "Газпром", проводившегося с 25 апреля 1994 года по 1 июля 1994 года.*

Из списков победителей аукциона следует, что только на аукционном пункте № 643029 (Миасский филиал ЧИФ "СЗНО") было подано 68 заявок, по которым сдавалось по 500 и более приватизационных чеков. Лиц, на которых оформлялись заявки, ставших собственниками акций Газпрома, можно разделить по следующим категориям:

руководители ЧИФ "СЗНО" и его Миасского филиала, а также члены их семей;

руководители и сотрудники Комитета по управлению имуществом города Миасса и члены их семей;

лица из близкого окружения Головлёва В.И. и члены их семей;

явно подставные лица из числа соседей помощника депутата Госдумы Владимира Головлёва Анатолия Дудина, ныне объявленного в розыск.

Таким образом, реальное количество ваучеров, сданных на Миасском аукционном пункте в установленный срок, составило 1583 штуки. Эта цифра отражена в акте приёмки-передачи заявок от аукционного пункта, а также в контрольном листе передачи дискет с информацией по проведению аукциона (о их приёмке расписался Власов Л.Р.). В списке победителей аукциона по миасскому пункту значатся уже 33 110 ваучеров, то есть 31 525 ваучеров появились после подведения итогов аукциона.

Осмотр заявок на участие в аукционе, изъятых в 1997 году сотрудниками прокуратуры в Миасском филиале ЧИФ "СЗНО", показал, что в пакете документов по данному аукциону нет ни одной заявки от указанных выше лиц. Нумерация заявок не соответствует списку победителей.

Установлено, что чеки, появившиеся после окончания приёма заявок, были переданы из Сбербанка как невостребованные в ЧИФ "СЗНО" по решению областной комиссии по введению приватизационных чеков.

Сравнение номеров, перечисленных в описи чеков, переданных в ЧИФ "СЗНО" из Сбербанка, с номерами чеков, значащихся в реестре погашения по данному аукциону, показало, что именно эти ваучеры указаны как сданные по фиктивным заявкам.

Таким образом, данные о нарушениях законодательства при проведении данного аукциона подтверждены. Поскольку установлен факт подачи 80 заявок по окончании срока их приёма, результаты проведения аукциона по Челябинской области должны быть признаны через суд недействительными. Это означает, что всем акционерам — жителям области, участвовавшим в данном аукционе (7021 человек), — должны передать по решению суда дополнительно по 1000 акций на один ваучер».

Но в этот момент пришли другие... и подвешенный пакет акций Газпрома испарился в недрах АО «ДРАГА» аки тать в нощи...

Не все руководители ЧИФов окончили свою деятельность хорошо. Так 5 марта 1993 года в Челябинске был зарегистрирован один из самых крупных чековых инвестиционных фондов «Атлант» с первоначальным уставным капиталом в 75 млн рублей, спустя буквально неделю он был увеличен вдвое. Фонд пообещал своим акционерам предоставить льготы в приобретении жилья, товаров широкого потребления, продуктов питания. Челябинские журналисты наперебой сообщали о будущей доходности акций ЧИФа, которая должна была якобы превысить 300 %.

Ему действительно будет принадлежать большое количество акций крупных промышленных предприятий. Он станет единственным местным ЧИФом, который разместит свою рекламу в центральных СМИ, включая телепрограмму «Поле чудес». В 1997 году штаб-квартиру фонда переведут в Москву, а в Челябинске останется только главный филиал.

Однако конец руководителей фонда был печальным. В президента фонда Андрея Косилова стреляли осенью 1995 года. В него попали пять пуль, и он выжил буквально чудом (в январе 1997 года он станет заместителем председателя правительства Челябинской области, а затем и первым замом), а Василий Кубашов — нет. Пуля настигнет его в августе 1997 года.

Убийство Кубашова так и осталось нераскрытым. Впрочем, покушение на Косилова — тоже.

Что интересно, в начале 1990-х годов Косилов был помощником председателя Челябинского облисполкома, помощником председателя областного Совета народных депутатов Петра Сумина. Именно тогда Челябинск прославился тем, что облсовет первым в России остановил проведение в регионе чековых аукционов (это произошло в марте 1993 года). Об этом рассказывается в соответствующей статье. Так вот тогда озвучил позицию облсовета Андрей Косилов.

4 мая 2006 года среди бела дня на автостоянке возле его дома наёмный убийца застрелил Юрия Анатольевича Петрова руководителя Красноярского чекового инвестиционного фонда «Ковчег».

У этого предпринимателя была склонность к нестандартным инвестиционным решениям, например вложениям в торговые помещения в центре Красноярска. Позднее он в числе первых среди сибиряков освоил офшорные операции.

И совсем заключение. Одной из главных проблем ЧИФов было то, что, когда писали документы, посвящённые им, никто не подумал о их судьбе после окончания первого периода приватизации, в какой форме им существовать, что делать их миллионам акционеров.

Один из руководителей ЧИФа, искренне желавший реализовать задуманное, сетовал.

Кривошлыков В. А.: *«Задавленные непомерными налогами, лишённые каких-либо экономических льгот акционерные фонды оказались никому не нужны. Они лишь путались под ногами вновь образованных финансовых структур, мешая им своей разветвлённой организационной сетью выкачивать прибыль уже с фондового рынка.*

Первыми были выдавлены управляющие компании фондов. Затем "под пресс" попали специализированные посреднические структуры ЧИФов — местные регистраторы, депозитарии и брокерские компании. Способ их устранения был простой — ужесточение требований регулятора (под предлогом повышения надёжности) к собственному капиталу профессиональных участников».

Жизнь паевым инвестиционным фондам, в которые планировалось преобразовывать ЧИФы, дал вышедший 26 июля 1995 года Указ Президента РФ № 1186 «О дополнительных мерах по повышению эффективности инвестиционной политики Российской Федерации».

Только вот немного нашлось желающих повторить свой подвиг. Продолжили инвестиционную деятельность только несколько бывших ЧИФов. Да и учредить ЧИФы им не удалось. Так, Первый инвестиционный ваучерный фонд был преобразован в ОАО «Пионер первый инвестиционный фонд». В Перми ЧИФ «Защита» — в ОАО «Инвестиционный фонд "Защита"», а ЧИФ «Детство» — в ОАО «Инвестиционный фонд "Детство"». Московский фонд «Альфа-Капитал» перерегистрировался в Интервальный ПИФ «Альфа-Капитал». Инвестиционным фондом стал и ЧИФ «СахаИнвест» в Якутии.

ВТОРОЙ ЭТАП ПРИВАТИЗАЦИИ — ДЕНЕЖНЫЙ

Параллельно с чековыми аукционами в ряде регионов большие пакеты акций новосозданных АО продавались на инвестиционных торгах.

Такие продажи числились как экспериментальные, т. к. их механизм обкатывался на ходу и не был до конца отрегулирован на законодательном уровне.

В результате челябинские комитет и Фонд имущества ещё в первой половине 1993 года организовали около 30 продаж. В частности, в начале июня там были подведены итоги таких торгов по продаже крупных пакетов акций двух предприятий, как «Уфалейникель» (город Верхний Уфалей) и Златоустовский металлургический завод. Выставлялось соответственно 29% и 35% акций на сумму в первом случае 133,4 млн рублей и во втором — 212,6 млн рублей. В торгах, прошедших в удивительно мирной и тихой обстановке, участвовало по одному покупателю. Они же, естественно, и стали победителями.

Практически на всех инвестиционных торгах одним из участников обязательно выступало товарищество или АО, образованное трудовым коллективом продаваемого предприятия. И почти всегда они побеждали. Некоторые наблюдатели полагали, что и их конкуренты, если таковые были, оказывались фиктивными.

Председатель Челябинского областного фонда имущества Александр Афонин объяснял это отсутствием у сторонних потенциальных покупателей прочных связей с трудовым коллективом предприятия и многолетнего опыта работы в этой области. И добавил: «Если бы на конкурс были поданы несколько проектов, комиссия оценивала бы прежде всего программу, идею, а не объём вложений. А разработать настоящую программу трудно».

Вот и получалось, что в списке учредителей ТОО «Уралспецсталь» с уставным капиталом 100 тыс. рублей, победившего в конкурсе в Златоусте, было всего три физических лица: директор завода Анатолий Покровский, работники завода Евгений Ломовцев и Сергей Бергер (по 7%). Остальные 79% ТОО принадлежали акционерному обществу «УралКом», учреждённому, в свою очередь, четырьмя частными лицами (уставный капитал — 10 тыс. рублей)[1].

Объяснялось такое поведение администрации, в первую очередь, страхом за свою судьбу. Новому владельцу сложно было сменить коллектив завода — где взять тысячи других металлургов? А вот менеджмент сменить реально.

Застраховаться было несложно, ведь акции на инвестиционных торгах шли чуть ли не по номиналу. В дальнейшем они начинали искать средства, которые обещали предоставить в инвестиционной программе, ведь завод остаётся без внешних инвестиций.

Так в обязательной инвестиционной программе для Златоустовского металлургического завода, которую должны были выполнить семь физических лиц, объединённых в компанию «Уралспецсталь», победившую в конкурсе, значилось: в 1993 году вложить 47 млн рублей и 17 млн долларов, в 1994 году — 335 млн рублей и 88,4 млн долларов, в 1995 году ещё 445 млн рублей и 80 млн долларов.

[1] *Привалов А., Калиниченко Н., Бессонов В., Гурова Т., Фадеев В.* Обзор инвестиций и приватизации // Коммерсантъ. 14.06.1993.

То есть за два с половиной года набиралось 185 млн долларов и и 827 млн рублей! Какие нужны были аргументы, чтобы убедить местный фонд имущества, в своей способности решить эту проблему?[1]

Впрочем, выполнение обещаний тогда не сильно беспокоило и более крупных игроков, действительно имеющих средства. Стоит вспомнить, что банк «Менатеп», например, большинство своих обязательств также не выполнил.

Вот что рассказывает об этом Николай Игин, возглавлявший областной Фонд имущества.

Игин Н. Н.: *«Документы по инвестиционным конкурсам были прописаны плохо. Совсем не были предусмотрены механизмы контроля за выполнением обязательств инвесторов, победивших в них. Мы вынуждены были, в частности, бороться с Михаилом Ходорковским, купившим 20% АО "Воскресенские минеральные удобрения", одного из крупнейших российских предприятий по выпуску фосфорсодержащих удобрений, фосфорной и серной кислот. Мы ему писали предписания, он их не выполнял. В 1994 году подали на "Менатеп" в суд. Прошло шесть заседаний, дошли до Верховного суда. И выиграли, вернув 20%. Впрочем, олигарх по-другому решил эту проблему — скупил акции у рабочих.*

А ещё он же купил Щёлковский металлургический завод и тоже не собирался выполнять обязательства. А там завод только что приобрёл новейшее оборудование. Долго судились.

После одного из совещаний я подошёл к Ходорковскому и предложил поговорить. Сказал, что по трём предприятиям у нас есть конфликты с ним.

Тот ответил: "Пусть эти вопросы решает суд". Но несколько вопросов мы с ним оперативно решили и впечатление от той встречи у меня осталось хорошее. И у меня осталось впечатление, что Михаил Борисович — замечательный психолог».

А вот ещё пара примеров о проводимых в регионах инвестиционных конкурсах.

Для Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината (АО «Волга») была разработана индивидуальная схема приватизации. На комбинате ещё в советское время на валютный кредит, взятый государством, возводились новые производственные мощности. В начале 1990-х годов готовность объектов составляла 90%. И специалисты Госкомимущества — начальник Главного управления промышленности и конверсии ГКИ Александр Андреев и консультант Борис Шайкевич — предположили эти мощности вывести из имущественного комплекса комбината, продать на инвестиционных торгах инофирме, а после их запуска передать инвестору 50% прав собственности на них и влить их «по

[1] *Привалов А., Калиниченко Н., Бессонов В., Гурова Т., Фадеев В.* Обзор инвестиций и приватизации // Коммерсантъ. 14.06.1993.

справедливой рыночной стоимости» обратно в уставный капитал комбината. При такой схеме иностранный инвестор, вкладывающий 10% стоимости новых мощностей, составляющих, в свою очередь, лишь 40% от мощностей нынешних, мог бы получить полный контроль над всем комбинатом.

АО «Волга» после многомесячных баталий, казалось, отбилось от реализации такой схемы приватизации.

Те же специалисты решили реализовать свои задумки на Тверском объединении «Химволокно». Там на валютный кредит (97 млн нем. марок) строился цех по производству полиэфирной текстильной нити, имеющей гарантированный рынок сбыта в Западной Европе. Валютная прибыль этого цеха оценивалась в 25 млн марок в год. Готовность объекта к марту 1993 года составляла примерно 95%. И вот тогда была предложена схема: цех приватизируется отдельно, часть его акций продаётся на инвестиционных торгах инофирме — как и в Балахне, заранее известной, — с условием погашения оставшегося кредита. Но здесь новые мощности не должны были вливаться в старые, т. к. те были малопривлекательны: там было масса экологических проблем, да и производимая продукция не слишком экспортоспособна. Естественно, руководство объединения собиралось оперативно пересесть в соответствующие кресла в новом АО.

И вместе с тем в Твери не нарушался ни один документ. Указ № 721 разрешал приватизировать подразделение без согласования с предприятием в целом, если его численность превышает 200 человек, и документы на сепаратную приватизацию нового цеха были предъявлены именно тогда, когда в его штате набралось 200 работников. А пока этого не произошло, подготовка к приватизации всего объединения, как специально, тянулась медленно, хотя собрание коллектива приняло соответствующее решение ещё сентябре 1992 года[1].

Многочисленные случаи позволяли сделать вывод: инвестиционные торги в том виде, в котором они проводились, чаще были неэффективны. Большей частью они используются для практически дармового увеличения пакетов акций, принадлежащих администрации и коллективам приватизируемых предприятий. Той задачи, ради которой они учреждены — получения капитальных ресурсов от внешних инвесторов, — они почти никогда не решают.

Начальник отдела аукционов и конкурсов санкт-петербургского Фонда имущества Пётр Ланских выразился ещё более решительно: *«Внезапного желания инвестировать десятки миллионов долларов никогда и ни у кого не возникнет. Совершенно очевидно, что все инвестиционные конкурсы, хотим мы этого или нет, делались и будут делаться под совершенно конкретного инве-*

[1] Там же.

стора. Если, даст бог, у него появятся какие-либо конкуренты в процессе приёма заявок, то и хорошо. Не появятся — тоже неплохо. Чтобы подвинуть предприятие на акционирование, комитеты вынуждены идти на своеобразную сделку, которая заключается в том, что предприятие может продиктовать в план приватизации условия проведения конкурса под совершенно конкретного инвестора... Вот если у него нет на примете инвестора и оно не знает, что ему надо, — это клинический случай, тогда возможен вариант реальной конкуренции. Но если администрация предприятия вписывает условия, это означает, что вмешаться уже невозможно»[1].

Инвестиционные конкурсы проводились и в Московской области.

Игин Н. Н.: *«На чековый аукцион выносилось не менее 29% акций. То есть на денежную приватизацию оставалось только 20%, что было неинтересно крупным инвесторам. Тогда я стал смотреть нормативные документы и нашёл Постановление ГКИ, в котором говорилась, что приватизация может проводиться с учётом региональных особенностей. И мы подготовили проект распоряжения, с которым я вышел на А. И. Иваненко. Александр Иванович, работавший ещё недавно в группе советников Горбачёва, выслушал меня и сказал: "Ты понимаешь, что твои предложения не вписываются в политику, которую проводят Васильев, Липкин?" Я это понимал, но был настойчив: "Но ведь стандартный подход неприемлем! Для чего мы работаем? Для галочки? Или для того, чтобы жить хорошо, деньги привлечь на производство?" Чтобы выиграть время, осторожный Александр Иванович попросил меня обосновать своё предложение. Но я к этому был готов и сразу выложил заранее подготовленный аргументированный документ с предложением на базе нашей области провести эксперимент. Сошлись на семи предприятиях, которые мы включим в него, и 40% их капитала выставим на инвестиционные торги.*

Мы уже успели порадоваться достигнутой победой, но тут меня вновь вызвал Иваненко и сказал: "По твоему поводу меня вызывал Анатолий Борисович, сказал, что в Питере никто такое не решился предложить, а ты в Московской области собираешься 40% распределять! Отменяй эксперимент!" К тому моменту в нашем списке было уже 9 предприятий, которые решили пойти по новой схеме приватизации, причём по двум мы успели сделать объявление. В связи с этим я предложил компромисс: "Проводим аукцион только на объявленных". На этом и согласились.

После того как прошла продажа пакетов, я по требованию Иваненко сразу пришёл к нему с докладом. Посмотрев документы Александр Иванович облегчённо вздохнул: "Ну, кажется, пронесло!" На что я ему сказал: "Пока нет,

[1] *Привалов А., Калиниченко Н., Бессонов В., Гурова Т., Фадеев В.* Обзор инвестиций и приватизации // Коммерсантъ. 14.06.1993.

я принёс распоряжение на оставшиеся семь предприятий". И согласившись, что победителей не судят, зампред ГКИ мои бумаги подмахнул.

Когда в конце 1993 года все аукционы успешно прошли, я вновь написал справку об их результатах и принёс предложение ещё на 40 лучших акционерок. Возражений вновь не было. Всё это происходило на фоне идущих чековых аукционов. На них продавалось 15 или 20% оставшихся акций».

В Москве действовала модель приватизации, отличающаяся от общероссийской, здесь с самого начала на чековые аукционы выставлялись не 29% акций, а только 12–15%. Крупные же пакеты акций городов впоследствии реализовывались на специализированных аукционах и инвестиционных конкурсах. По мнению Фонда имущества Москвы это позволило не только получить дополнительные финансовые средства, но и привлечь инвестиции в модернизацию и реконструкцию производства[1].

В результате, например, 49%-ный пакет акций завода «Калибр», оценённый в ценах 1992 года по методикам ГКИ в 35 млн рублей, следовало выставлять на продажу не дороже, чем за 700 млн рублей, однако по итогам проведённого инвестиционного конкурса завод был куплен за 11 млрд рублей, причём в условия победителя конкурса были включены обязательства инвестиций на 7 млрд рублей и погашения долгов предприятия на сумму в 9 млрд рублей. То есть общая цена сделки превысила 27 млрд рублей, что в 40 раз выше рассчитанной по методике ГКИ[2].

Впрочем, рядом исследователей радикальное преимуществе московской методики приватизации над методиками ГКИ ставится под сомнение. Во многом они объясняются уникальным характером Москвы, ставшей плацдармом для Запада в освоении России. Концентрация в столице лиц, принимающих государственные, инвестиционные, торговые и другие экономические решения, а также относительно развитая инфраструктура вынуждала многие западные компании осесть в столице, а неразвитость её в стране часто вынуждала и ограничиваться в своей деятельности Москвой. Уже один факт наличия в ней огромного спроса со стороны иностранцев и новых российских деловых людей на недвижимость был трудно переоценимым фактором развития экономики города[3].

Однако можно было этим преимуществом и не воспользоваться...

---

[1] *Портягин М.* Инвесторы любят московскую недвижимость // Независимая газета. 30.05.1996.

[2] Московское имущество: обретение хозяина и города. М., 1996. С. 11–24.

[3] *Гафуров С.З.* Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и постсоциалистических странах. На примере России и Египта (1991–1996). 1996.

В середине 1994 года в России завершилась ваучерная приватизация.

22 июля вышел Указ Президента Российской Федерации № 1535 «Об основных положениях государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года».

Правительству поручалось в «3-недельный срок внести на рассмотрение Федерального собрания Российской Федерации проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в налоговое законодательство Российской Федерации, предусматривающего:

а) освобождение от всех видов налогов:

средств, полученных приватизированными предприятиями в качестве инвестиций в результате проведения инвестиционных конкурсов (торгов);

средств, выделяемых органами власти субъектов Российской Федерации для кредитования процесса приватизации и послеприватизационной поддержки предприятий;

средств, предоставляемых Российской Федерации в форме иностранной технической помощи и иностранных кредитов, в целях поддержки осуществляемых реформ;

б) освобождение специализированных инвестиционных фондов приватизации от авансовых платежей по налогу на прибыль, налога на дивиденды по принадлежащим им акциям, налога, выплачиваемого при регистрации проспектов эмиссии ценных бумаг, оплачиваемых приватизационными чеками;

в) распространение льгот по налогообложению, предусмотренных Законом Российской Федерации «О налоге на операции с ценными бумагами» для государственных ценных бумаг, на целевые облигации, выпускаемые органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях финансирования объектов социальной сферы, переданных при приватизации предприятий в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальную собственность».

К концу осени того же года после большого подъёма рынок ценных бумаг неожиданно рухнул. До июня 1995 года он не сумеет подняться даже на треть от прежних показателей, тяжелейшая стагнация царила всё первое полугодие.

Кроме этого, в конце 1994 года на все международные развивающиеся рынки повлиял непредвиденный мощнейший кризис в финансовом секторе Мексики. Как вскоре кризис в Юго-Восточной Азии приведёт в нашей стране к объявлению дефолта, так и в этот раз он не прошёл мимо России. Испуганные мексиканскими событиями зарубежные инвесторы стали в массовом порядке сбрасывать «вэбовки», «еврооблигации», другие бумаги Минфина.

К этому добавился «фактор Полеванова», нового председателя ГКИ (поддержанного в Верховном Совете), потребовавшего остановить приватизацию. Это вызвало сброс бумаг многих российских АО, котировки акций приватизированных предприятий сыпались. Не стоит сбрасывать со счетов и продолжавшуюся войну в Чечне. Срывались продажи приватизируемого имущества из-за отсутствия покупателей, разгорались приватизационные скандалы. В конце концов Юрий Лужков после долгой борьбы победил Анатолия Чубайса и добился для Москвы права приватизировать без оглядки на федеральное законодательство.

Так что обстановка не очень располагала к развитию фондового рынка.

Несмотря на это, в конце 1994 года Чубайс был полон оптимизма: *«Всё, что мы уже сделали, убедило меня, что наша страна стоит на пороге инвестиционного бума. И это не фантазии»*[1].

В Госкомимуществе тем временем побывали три руководителя. Сначала был снят Владимир Полеванов, временно исполняющий обязанности Пётр Мостовой был начальником меньше трёх недель. И вот 8 февраля председателем ГКИ России был назначен Сергей Беляев, до того дня возглавлявший Федеральное управление по делам о несостоятельности.

Тем не менее план заработать на приватизации 9 трлн рублей никто не отменял. ГКИ нужно было срочно что-то делать для его выполнения. Тем более что и Дума приняла в третьем чтении «жёсткий» вариант бюджета. При этом в январе доходы государства от приватизации составили меньше 20 млрд рублей и в феврале положение практически не изменилось.

Это означает, что требовалось срочно найти и выставить на продажу имущества почти на 20 трлн, ведь деньги распределялись между бюджетом и инвестициями самих предприятий практически пополам.

Анатолий Чубайс тогда констатировал: *«Приватизация у нас уже не чековая, а денежная. А значит, и результаты её оцениваются очень просто — по деньгам. Есть деньги на счетах Минфина из этого источника, значит, работа идёт. Нет денег, значит, работа стоит»*[2].

Ещё в ноябре 1994 года в ГКИ начали составлять план-график денежных аукционов. По замыслу его составителей, все акции крупных предприятий (во всяком случае, тех, которые продавались на всероссийских чековых аукционах), предназначенные для реализации на инвестконкурсах, должны были быть проданы на денежных аукционах. Окончанию этой работы помешала смена руководства в ГКИ.

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 235.

[2] *Карпенко И.* Россия начинает денежную приватизацию // Известия. 07.03.1995.

В январе к этому вопросу вернулись и за весну решили провести сразу около 100 таких аукционов во многих регионах страны. В частности, реализовать 7% нефтяной компании ЮКОС, 16% АО «Элма» (Зеленоград), 29% московской фабрики «Свобода» (руководству фабрики удалось увести её акции с чекового аукциона), 18% Ростелекома, 20,99% АО «Автодизель» (Ярославль), 12% АО «Москвич», 10% ракетно-космической корпорации «Энергия», 24,34% Московского речного пароходства и др.[1]

Этот вброс информации не имел официального характера, поэтому сразу стал активно обсуждаться и критиковаться. В частности, московские власти и так гневно возмущались приватизацией ЗиЛа, что продажи «Москвича» не могли допустить. О ракетно-космической корпорации «Энергия», ещё недавно представляющей корабль «Буран», вообще говорить не стоило.

Затем было заявлено о продаже госпакетов акций компаний Аэрофлота, морского и речного пароходства (Северо-Западного, Балтийского и т. д.). Был поставлен вопрос о сокращении срока закреплённых за государством пакетов акций на многих предприятиях. В самый короткий срок намечалось задействовать и крупные остатки акций, незаконно задержанные региональными комитетами и фондами имущества под давлением местной администрации. Было заявлено, что, если такие пакеты акций не будут реализованы в жёстко намеченные плановые сроки, местный бюджет лишится доходов от их продажи — деньги распределят между федеральным бюджетом и предприятиями.

На сотни шёл счёт предприятий-банкротов, чьё имущество в счёт уплаты долгов поступало на аукционы в 1995 году отдельными лотами, причём они формировались так, чтобы потенциальный покупатель мог на основе такого имущества организовать собственное производство. Несколько десятков предприятий готовилось к выставлению на инвестиционные конкурсы целиком, с сохранением юридического лица.

Формировались крупные пакеты акций наиболее престижных предприятий (газового, нефтяного комплекса и т. д.) для продажи на зарубежных биржах. Для этого Фонд федерального имущества создавал свои представительства за рубежом[2].

Тысячи предприятий подали заявки на вторичную эмиссию акций. Этот процесс рассматривался как ещё один крупный резерв фондового рынка и инвестиций, однако пользоваться этим инструментом практически никто не умел.

В январе 1995 года сотрудники ФКЦБ провели телефонный экспресс-опрос руководителей 93 приватизированных предприятий, дабы выяснить,

---

[1] *Привалов А., Андреева И., Калиниченко Н., Николаев И., Щукин А.* Приватизация — обзор // Коммерсантъ. 14.02.1995.

[2] *Карпенко И.* Россия начинает денежную приватизацию // Известия. 07.03.1995.

что те думают об идее национализации как отдельных, ошибочно приватизированных предприятий, так и целых отраслей (алюминиевая промышленность, ВПК). Его результаты оказались следующими: идею национализации поддерживали 28,5 % опрошенных, а 60,4 % эту идею отвергли, каждый девятый руководитель (11,1 %) не имел собственного мнения на этот счёт или боялся его высказать.

В наибольшей степени поддержали идею национализации директора предприятий угольной и нефтехимической промышленности, металлургии, оборонных отраслей. Категоричнее других отвергали её руководители предприятий лёгкой и пищевой промышленности, строительства, торговли, транспорта и связи. Опрос проводился анонимно, но желающие могли высказаться открыто. Вот некоторые ответы. Директор по экономике ПО «Воркутауголь» В. Рыбкин полагал: «Для угольной промышленности национализация — это благо, от этого выиграет экономика всей страны». А. Семёнов, коммерческий директор Лебединского ГОК: «Необходимо как можно скорее провести деприватизацию всей промышленности, и в первую очередь — добывающих отраслей». Президент АО «ЛОМО» И. Клебанов: «К заявлениям о национализации отношусь более чем отрицательно. Они выбили нас из колеи. Если это случится, мы потеряем все возможности к пополнению оборотных средств, реконструкции»[1].

Тогда же было принято Положение о специализированных денежных аукционах. Процедура их проведения практически в точности повторяла чековые аукционы — вплоть до того, что заявка должна была быть кратна 10 тыс. рублей. И при их проведении все участники приобретали акции по единой цене, и количество участников было, как правило, весьма велико (в обычных денежных аукционах на каждый выставляемый пакет определялся только один победитель).

Впрочем, специализированных денежных аукционов было проведено немного. Пионером в проведении таких аукционов рискнула стать только Челябинская область.

11 мае 1995 года вышел Указ Президента РФ № 478 «О мерах по обеспечению гарантированного поступления в федеральный бюджет доходов от приватизации». Он отменял ранее установленные ограничения на продажу акций, созданных в процессе приватизации акционерных обществ в виде закрепления в федеральной собственности пакетов акций и требовал срочно осуществить их поэтапную продажу. Исключение делалось только предприятиям, имеющим стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности страны.

---

[1] *Привалов А., Андреева И., Калиниченко Н., Николаев И., Щукин А.* Приватизация — обзор // Коммерсантъ. 14.02.1995.

Кох А. Р.: *«Поначалу денежная приватизация в России шла непросто — в основном в форме инвестиционных конкурсов, которые, как ни прискорбно, в большинстве случаев стали конкурсами обещаний. Скажем, выиграл "Менатеп" конкурс по Усть-Илимскому лесопромышленному комплексу: 180 млн долларов наобещал. А где эти инвестиции? По документам, конечно, деньги давно перечислены, но никаких вложений в реальной жизни до сих пор не наблюдалось.*

Формально денежный этап приватизации начался 1 июля 1994 года. Но вряд ли инвестиционные конкурсы можно считать достойным её началом. Откровенно сказать, вторую половину 1994 года мы потратили на раскачку. Активных продаж не было, бюджетного задания по приватизации не было. А тут ещё и Чубайса из Госкомимущества осенью забрали. Полеванов объявился... Конечно, ведомство переживало некий кризис. Я считаю, что по-настоящему к денежному этапу мы подошли уже после залоговых аукционов»[1].

В нескольких регионах в начале 1995 года началась реализация земельных участков под предприятиями. Однако выяснилось, что выставленная цена на землю превышала нормативную в некоторых случаях в 1400 раз! В результате 90 % приватизированных предприятий отозвали после выхода соответствующего постановления свои заявки на покупку земельных участков[2].

Пришлось цену радикально снижать. Президентским указом она была уменьшена в 20 раз до 10-кратного размера годового земельного налога. Процесс выкупа участков сразу пошёл очень интенсивно. За полгода около 1,5 тыс. предприятий стали землевладельцами[3].

Кроме того, ГКИ предложило отобрать 136 эффективных АО, чьи акции напрямую продать под своим жёстким контролем. В их число вошли ряд лесных холдингов, пользующихся большим спросом у инвесторов, нефтяных компаний (существующих и вновь создаваемых), транспортных (в частности, речных) предприятий.

Также Госкомимущество совместно с Российским центром приватизации решили организовать продажу 49 % акций Связьинвеста. После переговоров с крупными банками и финансовыми компаниями оказалось, однако, что сразу реализовать такой большой пакет нереально. Решено было в 1995 году ограничиться 25 %, а в 1996 году разместить ещё 24 %.

---

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 248, 249.

[2] *Карпенко И.* Россия начинает денежную приватизацию // Известия. 07.03.1995.

[3] *Макаревич Л.* Иностранные инвесторы следят за переменами в России и ждут итогов выборов парламента и президента // Финансовые известия. 03.11.1995.

История Связьинвеста

Телекоммуникационный холдинг «Связьинвест» был создан по указу Президента РФ 10 октября 1994 года «для обеспечения инвестиций в телекоммуникационную отрасль» путём консолидации госпакетов акций 85 региональных телекоммуникационных компаний.

24 июля 1995 года правительство объявило о намерении продать 49% акций компании «на коммерческом конкурсе с инвестиционными условиями». Федеральному бюджету срочно требовались деньги. Телекоммуникационная отрасль была особенно привлекательной для потенциальных инвесторов, поэтому выбор пал на АО «Связьинвест» — казалось, что его можно будет легко продать.

Кох А. Р.: *«Однако сделать это следовало очень быстро до начала избирательной кампании по выборам Президента РФ. Анатолий Чубайс поставил задачу — деньги поставить в бюджет до наступления 1 января 1996 года»*[1].

Максим Бойко, Альфред Кох, готовившие операцию рассказывали, что *«Сделки такого масштаба готовятся годами. Несмотря на это, а может быть, благодаря этому, работа над сделкой шла очень интенсивно.*

Для начала нам нужно было понять, что такое Связьинвест и как нарядить "невесту", чтобы получше выдать её замуж».

Кох А. Р.: *«То, что компания имела ряд региональных операторов было недостаточно, важно было, чтобы Связьинвест получил лицензию на осуществление международных и междугородних переговоров. Такая лицензия была выдана, но на этом рынке уже работал серьёзный конкурент — Ростелеком. Возникала система двух операторов.*

Сделка с самого начала готовилась как международная, был нанят консорциум консультантов, который возглавлял инвестиционный банк "Н.М. Ротшильд". У них был большой опыт работы именно в этом секторе. К примеру, незадолго до этого они успешно провели приватизацию в сфере телекоммуникаций на Кубе. Они действительно работали очень старательно и квалифицированно, у нас сложились с ними нормальные отношения».

Однако что-то пошло не по задуманному и в октябре 1995 года планы приватизации были скорректированы: авторы решили приватизировать не 49% акций, а блокпакет (25% плюс одна акция). Мечталось, чтобы он попал в руки профессионального телекоммуникационного оператора, который всерьёз возьмётся за дело и привлечёт нужные инвестиции в Россию.

Кох А. Р.: *«Мы начали интенсивный диалог с иностранными инвесторами. <...> Наличие на внутреннем рынке двух операторов позволяло передать*

[1] Здесь и далее цит. по: *Кох А. Р.* Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 270–274.

часть, связанную с национальной безопасностью, Ростелекому. Наличие же стратегического инвестора позволило бы нашим телекоммуникациям, значительно отставшим в своём техническом развитии, одним скачком, а не постепенно выйти на самый современный уровень».

Представители всех крупнейших телекоммуникационных фирм были приглашены в Москву на встречу с Анатолием Чубайсом и руководством Минсвязи, и им было предложено принять участие в конкурсе. Однако выяснилось, что никто из них не готов был спешить. Выборы российского президента их не волновали.

Кох А. Р.: *«Круг тех, кто готов был двигаться вместе с нами в жёстком временном графике, был ограничен. Например, в крупнейшей американской телекоммуникационной фирме AT&T происходили весьма непростые внутренние процессы, и поэтому её высший менеджмент не мог уделить сделке по Связьинвесту серьёзного внимания».*

Более того, когда конкурс был запущен, стало ясно, что реальных претендентов только два: итальянская STET и консорциум из трёх операторов (Deuche Telecom, France Telecom и US West). Консорциум уже имел опыт работы в России — у него было несколько совместных проектов с Минсвязи, в том числе и не очень удачный проект, в котором зарубежные партнёры имели 50%, с большими объявленными инвестициями.

Кох А. Р.: *«У STET ситуация была иная. Компания находилась в очень хорошем финансовом положении, была готова вкладывать большие деньги, плохо представляла себе, что происходит в России, и испытывала к нашему проекту огромный интерес.*

Позиция Минсвязи была в целом позитивной, но несколько настороженной. Руководство министерства опасалось появления столь мощного иностранного телекоммуникационного оператора в России».

Конкурс проводился в два этапа. На первом этапе два потенциальных участника конкурса подали свои заявки. Но на втором этапе они должны были уточнить размеры средств, которые готовы были вложить за акции. STET представила основательную заявку, а вот консорциум фактически вышел из борьбы, т. к., приобретая акции, он готов был участвовать только в инвестировании проекта, платить же деньги в бюджет не собирался.

Организаторов такой поворот дела не устраивал, их цель была как раз в наполнении бюджета. В результате 30 ноября 1995 года победителем конкурса без конкуренции была объявлена компания STET, купившая пакет акций за 1,4 млрд долларов, с её руководством и начались интенсивные переговоры.

В декабре того же года компания-победитель предложила скорректировать инвестиционные условия.

В первую очередь, итальянцы заявили, что готовы внести доллары, а вот рубли вносить не будут. Но в то время по приватизационному законодательству от инвесторов можно было принимать только рубли. И это очень напрягало иностранцев, ведь они должны были предварительно обменять валюту, внести рублёвую сумму перед проведением аукциона, а в случае поражения обратно получить всё те же рубли.

Гусаков В. А.: *«Чубайс искал выход из этой ситуации, и руководитель РФИ Игорь Липкин, и председатель Банка России Сергей Дубинин рекомендовали меня, решившего такую проблему при выпуске облигаций ОАО "Нефтяная компания ЛУКОЙЛ".*

В результате в этом проекте приняли участие банк "Империал", РФИ и Российский центр приватизации. Консультировала STET международная юридическая компания Baker McKenzie. Мы составили соглашение, деньги должны были прийти в Центр приватизации.

Но когда все подписи под документом стояли, итальянцы признались, что денег у них на наш проект нет. Судя по всему, план у них был такой — они приобретают Связьинвест, и он закупает оборудование у компании. После чего эти деньги вносятся в бюджет».

Кох А. Р.: *«Как потом выяснилось, STET — сильно централизованная структура, и все стратегические решения в ней принимает очень небольшое число высших менеджеров. А эти люди стали всерьёз изучать условия сделки только после того, как была подана окончательная заявка и начались переговоры по документам. И тут у них сразу возникло множество вопросов. Большую часть этих вопросов мы успешно снимали, пока на последнем этапе вдруг не обнаружилось, что их аппетиты начинают расти. А очень многое зависело от технических деталей, которые прописывались в специальном соглашении между государством — владельцем контрольного пакета и компанией-инвестором.*

Представители STET требовали всё больших и больших полномочий — по назначению членов совета директоров, по контролю за финансами компании, за региональными операторами и т. д. И по каждому из этих пунктов непрерывно велись очень жёсткие переговоры. В течение нескольких недель мы работали по 18 часов в сутки, из которых восемь занимали, собственно, переговоры. Но всё равно не укладывались в те сроки, которые определили для самих себя. Кончилось всё выдвижением очередного агрессивного требования со стороны наших партнёров, и нам пришлось сказать "нет". Эта черта была подведена коллективным решением Чубайса, Госкомимущества и Минсвязи — компромиссы тоже имеют границы.

Наши партнёры так и не смогли поверить в то, что мы так сильно ограничены по срокам. Им казалось, что для России сотрудничество со столь уважае-

мой компанией, как STET (а компания действительно весьма уважаемая), настолько важно, что переговоры могут длиться очень долго, а уступки — быть бесконечными. В итоге сделка развалилась».

В январе и феврале 1996 года STET пыталась выйти на правительство, с тем чтобы продолжить переговоры, им было жалко потраченных в подготовительный период денег и времени, да и штрафные платежи нависали.

Кох А. Р.: *«Встретились мы один раз, но они повели переговоры на прежних, неприемлемых для нас позициях. И это, естественно, не дало никакого результата. <...> В результате эта своего рода показательная операция, которая могла стать хорошим прологом к масштабной денежной приватизации, была сорвана. Но в то же время стало очевидно, что в России вполне возможно организовывать сделки такого уровня. За 1996-й и первую половину 1997 года приватизационных сделок такого объёма не было».*

Гусаков В. А.: *«По условиям конкурса компания STET должна была заплатить штраф в размере 10% (в Российский центр приватизации), но деньги то ли так и не пришли или где-то рассосались по дороге...»*

В результате приватизация была перенесена на 1997 год. Но к тому моменту это уже был другой Связьинвест, в него вошёл контрольный пакет Ростелекома. И Альфред Кох назовёт приватизацию этой компании «самой важной и масштабной приватизационной сделкой того времени».

По правилам Мирового банка был проведён тендер. Победил консорциум, который возглавлял банк Rothschildm & Sons, заключивший с ГКИ контракт и приступивший к работе. Анатолий Чубайс тогда же встретился и с другими стратегическими инвесторами, готовыми приобрести вторую часть пакета. Но об этом в следующем томе этой серии книг.

Наконец, были запланированы знаменитые залоговые аукционы, о которых у нас речь в отдельной главе.

Кох А. Р.: *«На ваучерном этапе приватизации мы сами создали некий искусственный спрос, раздав населению приватизационные чеки. Этот спрос постоянно давил на нас и требовал непрерывно выбрасывать на рынок всё новые и новые порции собственности. На денежном этапе спрос, напротив, был ограничен, так как денег было немного, и потому нужна была индивидуальная работа с каждым покупателем.*

Но как только ты начинаешь эту самую индивидуальную работу, на тебя обрушивается такой поток всевозможных упрёков в предвзятости, продажности, коррупции! Всякий претендующий на хороший кусок собственности начинает кричать во всеуслышание: “А почему он с таким-то разговаривает, а со мной не разговаривает?” Ну, хорошо, давай я буду и с тобой разговаривать. Но если через пять минут разговора я выясняю, что денег на покупку

собственности у тебя нет, о чём мне с тобой разговаривать дальше?! Мне деньги для бюджета нужны.

Но только я хлопаю дверью перед очередным надутым мыльным пузырём, мне вслед несётся: "А-а! Он разговаривает только с денежными мешками, а нас, простых тружеников, знать не хочет! Это несправедливо! Это коррупция!" Мне надо как можно дороже продать собственность, чтобы заплатить деньги учителям, врачам, военнослужащим, а меня обвиняют в том, что я общаюсь только с банкирами. А с кем мне общаться, скажите, если мне нужно продать нефтяную компанию? С уборщицами, что ли? <...>

Другой разговор, что в результате этого перераспределения богатые опять станут богаче, потому что они купят собственность, которая будет приносить доход. Но кто остальным мешал в своё время открывать кооперативы, торговать джинсами или компьютерами? У меня у самого много таких друзей из НИИ всевозможных, из академической среды, которые все годы реформ упорно простояли у кульмана. Им месяц зарплату не платят — они стоят. Два месяца без денег — всё равно стоят. Правда, на пятый месяц кто-то всё-таки не выдерживает: "Да пошли вы все к чёрту!" — и открывает кооператив. Но кто-то и на пятый год продолжает по-прежнему не получать зарплату, рассуждая по-своему: "Почему я должен джинсами торговать?! Я ведь великолепный инженер-конструктор!" Да никому ты ничего не должен! Нравится стоять у кульмана? Стой! Но только не надо тогда этих выспренних разговоров о торгашах джинсами и социальной справедливости»[1].

Новшеством 1995 года стало и появление у РФФИ генерального агента — Федеральной фондовой корпорации (ФФК), на которую возложили задачу усиления соблюдения базового принципа российской приватизации — конкурсности продаж.

Малые хитрости. Руководство ряда предприятий, в частности» АО «Пермские моторы», в 1995 году на фондовом рынке реализовало акции по заниженным ценам 1992 года, для того чтобы консолидировать контрольный пакет в своих руках.

К тому же из-за нежелания потерять контрольный пакет, дирекции предприятий для повышения капитала стали часто идти на выпуск привилегированных акций, по которым регулярно выплачивались фиксированные дивиденды, не дающие права участия в управлении.

Использовался ещё ряд мер. Так, например, на некоторых предприятиях, были созданы двухэтажные структуры: при АО открытого типа создавались АО закрытого типа, которые концентрировали контрольные пакеты акций

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 249.

и своих, и своего предприятия в целях недопущения скупки акций предприятия инвесторами «враждебного» характера, а также спекулятивного характера, стремящихся сыграть на недооценённости акций предприятий[1].

Не знаю, можно ли отнести к маленьким хитростям то, что произошло на Московском электродном заводе. Конфликт там возник уже при принятии решения о приватизации осенью 1993 года. По закрытой подписке трудовой коллектив получил 42,8 % акций, 20 % акций осталось у государства, а остальные акции — выставлены на аукцион. Руководство завода к нему тщательно готовилось, тем более что оказать финансовую помощь администрации завода обещал банк «Российский кредит» и ряд крупных коммерческих структур.

Акции подобных предприятий в то время уходили за 3–5 номиналов, однако неожиданно в торгах приняло участие МП «Граникс», предложившее за акции МЭЗ около 15 номиналов и в результате завладело 25 % акций предприятия. Администрация завода пыталось оспорить итоги торгов, сообщив в Российский фонд федерального имущества, что к моменту проведения аукциона МП не прошло перерегистрацию, но тщетно.

После внеочередного собрания акционеров директор МЭЗ Юрий Гнедин был отправлен в отставку, а «Граникс» продолжил скупку акций завода у трудового коллектива.

В мае 1994 года 20 % акций, находившихся в госсобственности, на денежном аукционе скупила фирма «Аналайз», соучредителем которой выступал всё тот же Грабарник. В результате его группа собрала 65 % акций МЭЗ.

Партнёром МЭЗ был НИИграфит, разрабатывавший технологии производства графитовых частей для ракет типа «Тополь-М». Ранее они являлись единым научно-производственным комплексом, расположенным на смежных площадях и связанным едиными коммуникациями. НИИграфит приватизации не подлежал, однако при приватизации МЭЗа в его уставной фонд была включена цена опытного завода института НИИграфит, что лишило институт производственной базы, территории, коммуникаций и поставило в полную зависимость от акционерного общества по электроэнергии, водоснабжению, теплу и т. д. МЭЗом осуществлялась охрана особорежимного НИИграфита. Однако, когда в апреле 1996 года во многих помещениях НИИграфита был учинён погром, при этом охрана завода ничего заметила. Появилась информация, что АО «МЭЗ» допускает отключение системы тепло-, энергоснабжения института, что приводило к нарушению технологии производства уникальных композиционных материалов, браку дорогостоящих изделий.

[1] *Гафуров С. З.* Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и постсоциалистических странах. На примере России и Египта (1991–1996). 1996.

По этой причине стали возникать слухи, одни таинственней других, в частности, что конфликт между МЭЗ и НИИграфит возник из-за того, что к приватизации завода приложили руку спецслужбы США, а «Граникс» и его партнёры, ставшие обладателями контрольного пакета завода, — подставные фирмы.

Ряд бывших руководителей МЭЗа, ушедших с завода вместе с Юрием Гнединым, даже попросили провести расследование деятельности «Граникса» некую детективную службу (её название не было разглашено), созданную бывшими сотрудниками КГБ России. И детективы установили, что незадолго до аукциона по продаже акций МЭЗ на личный счёт соучредителя «Граникса» Владимира Грабарника было переведено около 700 тыс. долларов гражданином США Джонатаном Хеем.

В начале 1995 года эта информация попала в докладную записку бывшего председателя Госкомимущества Владимира Полеванова, которую он направил российскому премьеру Виктору Черномырдину. В ней говорилось: «*Около 30% акций Московского электродного завода, куда была передана площадка НИИграфит, производящая стратегический графит для военного ракетостроения, принадлежит подставной фирме "Граникс", средства которой были предоставлены связанным с ЦРУ гражданином США*»[1].

В заключение история, связанная с денежной приватизаций и одним из героев нашей книги. Её записала и опубликовала в журнале «Эксперт» Дарья Данилова. Бывший генеральный директор Московской товарной биржи Георгий Васильев рассказывает о своём бизнесе после ухода из московского правительства.

«Я был довольно заметной фигурой в начале 90-х как человек, который сделал фьючерсную биржу. Довольно часто мелькал на страницах "Коммерсанта". И я получил предложение от Владимира Евтушенкова перейти в его холдинговую компанию, которая на тот момент называлась "Росико". Сам Евтушенков тогда ещё работал в Московском комитете по науке и технике. У него были особые отношения с Лужковым, и ему удавалось приватизировать многие предприятия и даже целые отрасли.

Евтушенков мне обещал акции в своём холдинге, но не дал. И я говорю: "Ладно, я готов пойти на понижение, заниматься только телекоммуникациями. Но я хочу получить свои акции". Он мне отказал. Он сказал: "Да ладно, нам ещё нужно много чего сделать, нужно приватизировать МГТС, нужно приватизировать зеленоградские заводы". И я всё это делал. Фактически он меня обманул.

[1] *Новиков А.* «Тополь» без графита не полетит // Коммерсантъ. 15.04.1995. *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Россия под властью плутократии. М.: Алгоритм, 2003. С. 480.

Обещал акции, а потом постепенно мою долю растворил, преобразовал "Росико" в АФК "Система" и оставил меня без обещанного вознаграждения.

Как приватизировали МГТС. Это отдельная история, просто песня! Денег на приватизацию не было, а приватизировать МГТС Евтушенкову очень хотелось. Он мне сказал: "Придумай схему, при которой на деньги Москвы можно приватизировать собственность Москвы". Как вам это нравится?

Для 1990-х эта схема кажется обычной. Но государство, естественно, не может участвовать в приватизации государственных предприятий. А других денег нет. <...> И потом, на какие собственные деньги можно было бы купить МГТС? Тогда это была вся телефонная сеть Москвы. Но я обнаружил дырку в законе — подобных лазеек на тот момент было огромное количество, — можно было создавать коммандитные товарищества с участием государства. Мы создали такое, и средства на приватизацию были фактически выделены из городского бюджета в счёт программы по строительству в Москве новых АТС. Так удалось приватизировать МГТС на государственные деньги. Потом МГТС вошёл в телекоммуникационный холдинг АФК "Система", но я к тому моменту уже ушёл от Евтушенкова. <...> Когда я обнаружил, что Евтушенков не собирается выполнять свои обязательства, я обиделся. Пошёл к Зимину и сказал: "Дмитрий Борисович, у вас есть 12% в Вымпелкоме. Поделитесь своими акциями со мной, и я перейду на работу к вам". <...>

Я проводил исследования, скупал акции, занимался развитием Билайна в регионах, "тырил" технологии абонентского обслуживания на Западе, раскручивал товарный знак "Билайн". Я этот бизнес во многом тащил на себе. И Зимин согласился. А я к этому моменту прокрутил для Евтушенкова ещё одну выгодную сделку: продал 45% акций Вымпелкома за тогда, казалось, очень хорошие деньги — 4 млн долларов — американской семье Фабела. И получилось так, что 12%, которые были у меня и у Зимина, и 45% Фабела — это контрольный пакет.

Когда Евтушенков продавал акции, он считал, что Зимин — его вассал. А когда Васильев перешёл в команду Зимина, Зимин стал самостоятельной личностью, и Вымпелком отчалил от АФК "Система". Это был страшный удар для Евтушенкова. Оги Фабела стал председателем совета директоров, а меня назначили первым вице-президентом, отвечающим за развитие бизнеса. У Евтушенкова в собрании акционеров оказалось меньшинство, и он не смог этому противостоять. В 96-м мы вывели Вымпелком на Нью-Йоркскую фондовую биржу. После этого Евтушенков продал остаток акций и очень хорошо на этом заработал. Кроме того, в его "Системе" благодаря приватизации МГТС оказался бриллиант — МТС. Но это произошло чуть позже. А в 1995 году Евтушенков не мог смириться с потерей Вымпелкома. Вскоре произошло бандитское нападение на Зимина. Он шёл по улице, и на него напала группа бандитов. <...>

Мы тогда без охраны ходили. А через две недели напали на меня. Я с детьми возвращался в воскресенье с прогулки, задержался внизу у машины. На выходе из лифта на меня напал бандит. Появившись дома со сломанным пальцем и окровавленной физиономией, я, конечно, сильно детей напугал. Жена меня повезла в травмпункт, где двое подвыпивших медиков наложили мне гипс на другой палец. Через десять дней я обнаружил, что палец неправильно срастается, идёт воспаление. Мне его заново ломали и сращивали, но палец до сих пор изуродован. Для меня это была трагедия — это фактически означало конец моей музыкальной карьеры. После этого я уже не совершенствовался в игре на гитаре. <...>

Через три дня после нападения мне позвонил Евгений Новицкий. На тот момент он возглавлял холдинг Евтушенкова. Он предложил мне продать "Системе" мои акции Вымпелкома. Я отказался. Слава богу, остался жив. <...>

Я подготовился на случай, если мне не удастся дожить до пенсии. Образовал траст, отдал распоряжения по наследству. Было понятно, что тучи сгущаются. <...>

Но всё-таки Евтушенков меня достал другим способом. Он дал согласие Вымпелкому выходить на Нью-Йоркскую фондовую биржу под ряд условий, одно из которых — удалить Васильева. И мне пришлось уйти из компании. Ну, правда, акционером Вымпелкома я остался. Хоть и ценою риска для жизни. Что сильно помогло мне в дальнейшем: я порциями продавал акции, и это давало мне возможность запускать новые бизнесы. В частности, "Норд-Ост" первоначально был сделан на деньги от продажи акций»[1].

[1] *Данилова Д.* Рефлекс // Эксперт № 1. 2020.

ЧАСТЬ 2. БИРЖЕВОЕ И ВНЕБИРЖЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ

БИРЖИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА

Гавриленко А. Г.: *«Биржа для меня — квинтэссенция, высшая стадия рыночной демократии. По моим представлениям, это место, где люди не просто работают по определённым правилам, но где они являются равноправными, полноценными, уважающими друг друга партнёрами; где все равны, потому что платят одинаковые деньги — и за участие в торгах, и в виде брокерской комиссии; где все на равных развивают рынок. Поэтому, как мне всегда казалось, и в механизме принятия решений биржи, и в её прибыли все брокерские компании, активно на ней работающие, должны участвовать на разумных паритетных началах».*

Начало нового времени развития биржевого движения в России отличается пафосными названиями бирж. Все они были «международными», по крайней мере «центральными», даже в Рязани в конце 1990 года была создана Всесоюзная товарная биржа АПК. Но всё-таки региональные были несколько скромнее и назывались «сибирскими», «уральскими»... Из-за отсутствия на первом этапе точной статистики, количество их уже не поддавалось счёту. Порой после биржевых торгов на той же площадке организовывалась дискотека. Яков Миркин вспоминает в своей книге «Российский рынок ценных бумаг: риски, рост, значимость», что одна из таких «московских центральных» бирж находилась «в староарбатской коммунальной квартире, с продавленными диванами, сохранившимися от старых хозяев».

Бочин Л. А.: *«В 1991 году нам поручили немедленно разработать правительственное положение о товарных биржах как заменителях Госснаба и других распределительных контор. В обиходе начали мелькать слова: "биржа", "торговая площадка", "котировки" и т. п. Довольно оперативно удалось сформировать Российский биржевой совет, основу которого составляли Московская товарно-сырьевая биржа, Российская и Пермская. Особо подчеркну особенность и уникальность упомянутого совета. Дабы избежать изнури-*

тельных согласовательных процедур, в состав совета были включены замы министров экономики, юстиции, внешних экономических связей, торговли и промышленности с правом визировать положения о биржах прямо в зале заседания. Этот уникальный опыт, к сожалению, не прижился в экономике с гигантским, по меркам бизнеса, числом административных барьеров.

Число создаваемых товарно-сырьевых бирж росло как на дрожжах и за год перевалило за тысячу! На фоне одной Лондонской, одной Токийской и Нью-Йоркской бирж, согласитесь, — это перебор! Отчасти объяснение здесь простое — законодательных ограничений на количество бирж на тот период не существовало, а, по сути, новообразования были некими аналогами оптовых рынков почти во всех областях России. Как правило, их возглавляли бывшие председатели облисполкомов, а то и первые секретари обкомов, оставшиеся не у дел в бурном водовороте перемен. Денежное содержание биржевиков никем и ничем не регламентировалось и, естественно, было весьма привлекательно для номенклатуры. К тому же богатый административный опыт и связи помогали получить товары для биржевой торговли. Ещё один важный для биржевых советов опыт состоял в том, что сами биржевики квалифицированно анализировали возможности той или иной структуры называться биржей. Обсуждения были жаркие и принципиальные, так что чиновники почти не участвовали в комплексных оценках компаний, претендующих на получение лицензии заняться биржевой торговлей. Подобное сочетание бизнес-инициатив с доверительным и бескорыстным отношением к ним чиновников, пожалуй, очень редко в практической работе нынешних отраслей.

В какой-то степени биржевой совет России того времени напоминал профессиональные отраслевые ассоциации, где честь и порядочность — основной критерий признания со стороны властей».

Фондовых бирж среди них было ещё мало, но вскоре и они войдут в моду.

Впрочем, называть большинство из них таковыми можно было лишь условно.

Левенчук А. И.: *«Анализируя опыт работы первых бирж, я предложил называть их не биржами, а "биржоидами" (как "гуманоид" — не человек, но на человека похож, так и "биржоид" не биржа, а только похож на биржу). Фактически для экономики это были инвестиционные венчурные фонды. Они продавали якобы брокерские места, а средства инвестировали не столько в создание биржевой инфраструктуры, сколько в проекты-предприятия».*

На Центральном телевидении демонстрировалась реклама Международной спортивной биржи, убеждающая приобрести её акции: «Гарантия ваших вложений — золото спортивных побед».

Но многие биржи (в том числе и фондовые) допускали к торговле посетителей, не являющихся членами биржи, если они приобретали билет. Широко

использовался простой аукцион, памятный нам ещё по книге «Двенадцать стульев».

Самый большой доход биржа тогда получала от продажи акций и брокерских мест, дающих право работать, но не управлять.

Мелкумов Я. Я.: *«Бирж было неисчислимое количество. Их никто не контролировал, они регистрировались как обычные юридические лица, как торговые площадки. По 601-му постановлению было только минимальное требование к минимальному капиталу.*

Биржевикам, продающим лес, металл и колготки, как-то пришла мысль, что можно торговать и акциями. Так как иных не было, стали продавать акции самих бирж. Но этого было им мало и отдельно стали продавать ещё и брокерские места на бирже. Причём, они ценились выше акций. Поэтому, когда я говорил, что делать это нельзя, торговать на бирже могут только её акционеры, это вызывало неудовольствие, смотрели на меня хмуро и недружелюбно, как бы говоря: "Вы что хотите наш бизнес под откос пустить?!"

Для них было удобно, продавая места, акции оставлять у себя, чтобы самостоятельно принимать все решения. Если кому-то не нравится, пусть идут на другую биржу.

Только в 78-м постановлении появилось положение, что участником биржи может быть только её акционер. Это было революционное событие, воспринимаемое очень негативно. То есть мы указали на явное мошенничество».

Даже 19 августа 1991 года, когда будущее бизнеса было непонятно, биржи встречали ударным трудом.

Кузяев А. Р.: *«В первый же день переворота наша биржа почувствовала панику делового мира — к нам поступило огромное количество заявок на покупку брокерских мест. В частности, 19 августа на ПТБ было куплено 6 брокерских мест (половина всех имеющихся) стоимостью 75 тыс. рублей каждое».*

Организации и предприятия избавлялись от денег на расчётных счетах. Вздохнув с облегчением, осенью 1991 года предприниматели на Пермской бирже купили 313 брокерских мест, на которых уже работало 902 брокера. Впрочем, биржевые торги проводились тогда ещё в интерьере отчётно-выборного комсомольского собрания: брокеры сидели на стульях с откидными дерматиновыми стульями, а ведущий торгов стоял на сцене с красными бархатными кулисами.

Кузяев А. Р.: *«Акции у нас уходили по цене более 1 млн рублей, а последнее место мы продали за 800 тыс. рублей. Я не понимаю, почему их покупали, но это происходило. Это был короткий период капиталистического романтизма, когда казалось, что приходящий рынок сделает всех счастливыми».*

Всего было продано 200 акций, а вот мест 1500. Покупать их приезжали люди со всей страны, создавая ажиотаж.

На самом первом этапе создания РТСБ было выбрано пять или шесть сопредседателей. Практически все они возглавляли какие-то компании и были заняты своими бизнесами. Но собирались для обсуждения чуть ли не каждый день, потому что требовалось подготовить большое число учредительных документов биржи. Естественно, встал вопрос о назначении управляющего биржей.

Воловик А. М.: *«Никто не хотел на себя брать новую нагрузку, не занятым оказался один Боровой, он и предложил назначить его на три месяца исполняющим обязанности, пока не будет подобран настоящий управляющий. Эти месяцы и растянулись на годы».*

Константин Натанович к тому моменту предпринимателем фактически не был, работал в НИИ, читал спецкурсы в разных столичных вузах... Для приобретения требуемых полезных знакомств в деловых кругах Константин Натанович вступил в Еврейский союз.

Воловик А. М.: *«Получив должность, Боровой начал тратить колоссальные деньги на свой PR. Однажды в газете "Известия" вышла жуткая статья про нашу биржу. Я звоню ему в 11 часов утра, но жена отвечает мне, что он спит. Прошу его разбудить и говорю: "Надо что-то делать! Материал действительно страшный и в первую очередь о тебе". На что Боровой мне отвечает: "Ну и хорошо! Я ведь мыльный пузырь, если меня не подбрасывать, то я лопну!"*

После краха СССР, он взял на работу бывших сотрудников КГБ, поставив перед ними задачу — обеспечить его аппаратами АТС-1 и АТС-2. При этом его интересовала даже не сама связь, а телефоны с гербами то ли Советского Союза, то ли уже РСФСР.

Однажды, не выдержав, я на биржевом собрании заявил, что я о нём думаю».

Константин Натанович испытывал эйфорию.

Боровой К. Н.: *«В декабре 1991 года, через год после начала работы, месячный оборот РТСБ оказался больше, чем весь оборот МТБ с момента её основания. <...> Котировки стоимости акций не было, потому что никто не хотел их продавать. Цену биржевой совет каждый раз принимал голосованием и увеличить существенно не решался, хотя было ясно, что, увеличь мы её и в десять раз, всё равно поток покупателей не уменьшится.*

Максимальной цены акции достигли в конце 1991 года. За полтора года она увеличилась в 12 раз. В декабре 1990 года появились крупные западные акционеры»[1].

Для того чтобы почувствовать, кем был в то время руководитель крупной биржи достаточно рассказа члена биржевого совета РТСФБ.

Воловик А. М.: *«В ноябре 1992 года я прилетел в Нью-Йорк для участия в заседании ООН. Ещё в аэропорту я почувствовал интерес к моей особе аме-*

[1] *Боровой К. Н.* Цена свободы. М.: Новости, 1993. С. 146, 149, 150.

риканских журналистов, но особенно меня поразило то, что по одному из главных телевизионных каналов США вышел репортаж о визите в США первого российского миллиардера с моим интервью.

Следует учесть, что доллар тогда стоил около 500 рублей, поэтому, торгуя на бирже, и миллиардером я мог быть только рублёвым. Местные зрители разочаровались бы, осознав это.

С помощью представителя России в ООН Юлия Михайловича Воронцова я получил тогда буквально минуту для выступления с трибуны ООН. И я её использовал для того, чтобы рассказать об инвестиционной привлекательности России. О том, что падение экономики у нас временное. Закончил свою короткую речь я словами: "Поверьте, к нам потекут деньги всего мира! И выиграет тот, кто успеет прийти в Россию вовремя!"

После этого с заместителем Воронцова мы побывали в Вашингтоне, посетили компании Merrill Lynch, Всемирный банк. Моей персоной тогда заинтересовался Президент США Джордж Буш-старший и пригласил меня в Белый дом. Он интересовался происходящими переменами в России. И я его убеждал, что надо вкладываться в Россию, передавать нам новые технологии. Это даст серьёзный эффект их бизнесу, ведь мы станем надёжным партнёром Соединённых Штатов.

Когда разговор зашёл о политике, я заявил, что не занимаюсь ею. После того, как мои слова перевели президенту, он расхохотался и сказал: "Тот человек, что так говорит и является политиком!"»

Беда была в том, что мало кто понимал тогда, как следует организовать торговлю. Было жуткое смешение понятий, взятых одновременно из германской и англо-саксонской биржевой практики.

Мелкумов Я. Я.: *«В континентальной системе идёт конкуренция по цене, и все участники объявляются брокерами. Маклеры же организуют очередь заявок продавцов и покупателей. У англо-американцев кроме маркетмейкеров существуют брокеры и дилеры. Понятия, что это две совершенно разные системы у большинства организаторов торгов не было. Они смело брали, на их взгляд лучшее, а скорее более подходящее, удобное из обоих.*

Из-за этого появлялись отделы "маклериата". В них входили молодые самоуверенные ребята.

На биржах появились шальные, быстро обесценивающиеся деньги, которые срочно следовало тратить, т.к. они жгли карманы. Постоянно устраивались гигантские вечеринки, приёмы в лучших ресторанах "для рекламы биржи". Объяснить, кому и зачем рекламировать, организаторы не могли».

Фондовикам уже было чем заниматься — к началу сентября 1991 года 800 из 3000 зарегистрированных в Минфине РСФСР акционерных обществ выпустили свои ценные бумаги.

Газета «КоммерсантЪ» 6 января опубликовала рейтинг лучших бирж России.

Критерии отбора: 1) оборот; 2) время создания — самые «взрослые»; 3) число реально торгующих брокерских контор; 4) положение в своём регионе и влияние на другие; 5) уровень сервисного обслуживания (наличие расчётной палаты, типовых контрактов, страхования сделок, транспортных услуг).

Список получился следующим: 1. РТСБ (Москва); 2. Московская товарная биржа — МТБ; 3. Азиатская биржа — АБ (Улан-Удэ); 4. Межреспубликанская универсальная товарная биржа — МУТБ (Москва); 5. Тюменская товарно-фондовая биржа — ТТФБ; 6. Свердловская товарная биржа — СТБ; 7. Московская центральная фондовая биржа — МЦФБ; 8. Московская международная фондовая биржа — ММФБ; 9. Росагробиржа (Москва); 10. Московская нефтяная биржа — МНБ.

Следует отметить: РТСБ — Российская товарно-сырьевая биржа (торги на ней проводились по средам и пятницам), МЦФБ — Московская центральная фондовая биржа (по вторникам и четвергам), ММФБ — Московская международная фондовая биржа (по средам), СПФБ — Санкт-Петербургская фондовая биржа (по вторникам и четвергам), РФБ — Российская фондовая биржа (по понедельникам, вторникам и четвергам), СФБ — Сибирская фондовая биржа (по вторникам, средам, четвергам и пятницам), ЗСФБ — Западно-Сибирская фондовая биржа (по вторникам, средам и четвергам), ЕФБ — Екатеринбургская фондовая биржа (по вторникам и четвергам), ЮУФБ — Южно-Уральская фондовая биржа (по четвергам), НФБ — Нижегородская фондовая биржа (по понедельникам, средам и пятницам), РМВФБ — Российская международная валютно-фондовая биржа (торги проводились по понедельникам и четвергам).

Работали эффективно тогда и экзотические биржи.

Многопрофильное объединение «Ритм», учреждённое Александром Поденком, создало в 1991 году группу аошек. Среди них была и Радиобиржа «Ритм-Канал». Она вещала тогда: *«Стоимость акций Центральной Российской универсальной биржи, приобретённых МО “Ритм”, как одним из её учредителей, за два месяца возросла с номинальной (150 тыс. руб.) до 750 тыс. руб. Цены на акции АО, создаваемых МО “Ритм”, возрастают в среднем на 50–100 тысяч ежемесячно».*

В дальнейшем речь в рекламе шла речь о местах (!) на бирже, продавать которые начали с 20 октября 1991 года. На первом этапе оно стоило за 250 тыс. рублей.

Место было оплаченным правом участия в операциях Радиобиржи. Оно подтверждалось специальным свидетельством, которое «в течение двух лет с момента регистрации Акционерного общества обменивается на привилегированную акцию Акционерного общества “Ритм-Канал”». Временные

свидетельства вручались всем организациям брокерской фирмой «Ритмэкс» на Московской товарной бирже.

Свидетельство постоянного участника биржи давало право на продажу, покупку и обмен, а также рекламу товаров и услуг на канале «Маяк» в течение двух минут в неделю (104 мин в 1992 году по 2403 руб./мин). Отмечалось, что стоимость эфирного времени в обычной передаче Всесоюзного радио подорожала за полгода уже в 4 раза и составляла на 15.11.1991 года: за 104 мин — 364 тыс. рублей или 3500 руб./мин.

Участники «Ритм-Канала» получали 2 минуты эфира один раз в неделю.

Поденок А. Е.: *«Эффективность эфирного времени в то время для оптового продавца была очень высокой. Представители Майкопской кондитерской фабрики говорили мне, что ни через кого столько конфет не сбыли, как через мою биржу. Но мы быстро зашли в тупик — разворачиваться было некуда — больше эфирного времени на "Маяке" мы выкупить не смогли».*

Кроме того, МО «Ритм» совместно с Российским союзом молодых предпринимателей учредил АО «Ритм-Трейн». Его партнёрами стали: Московская ассоциация предпринимателей; Ассоциация руководителей предприятий СССР; Московская гильдия брокеров; Московский союз молодых предпринимателей; несколько ведущих брокерских контор Москвы и ряда регионов. Уставный фонд был определён в 30 млн рублей. Стоимость одной акции — в 150 тыс. рублей. Взнос учредителя состоял в железнодорожном составе из 13 вагонов, на базе которых должна была строиться деятельность АО — торгового дома на колёсах. Акции созданного Торгового дома «Ритм» были проданы на одну неделю.

Поденок А. Е.: *«У ЦК комсомола я выкупил хорошо оснащённый туристический поезд "Красногвардеец", за рубежом его знали под названием "Калинка-Экспресс". В нём были двухместные номера с душем, конференц-зал, библиотека, сауна. Мы дали ему своё название "Ритм-Трейн".*

На этом поезде, шедшем по маршруту Москва — Ярославль прошла грандиозная презентация МТБ.

После акционирования весь пакет акций "Ритм-Трейна" выкупила немецкая фирма "Райзен-бюро", не представляющая, что наши акции, мягко говоря, несколько отличаются от традиционных западных. В дальнейшем они загружали поезд своими заказами.

После обстрела Белого дома в 1993 году, все туристические туры были сорваны, партнёры бросили всё, сказав, что им не нужно от нас ничего.

В те же времена мы купили ещё один поезд с вагонами люкс, стоявший на Байконуре, но власти Казахстана запретили его вывозить, пока не будут урегулированы какие-то российские долги».

Московская ассоциация предпринимателей была среди соучредителем МТБ и МЦФБ (Поденок стал заместителем председателя её биржевого сове-

та. В начале января 1992 года пиетет к новым предпринимательским структурам у власти поубавился. Руководитель аппарата Геннадия Бурбулиса Алексей Головков, один из ключевых людей команды реформаторов, дал интервью.

На утверждение *«Биржевики не смогут работать при ставке налога в 45 процентов"* он жёстко ответил*: «Смогут. Хотя и не будут получать тех сверхдоходов, которые имели.*

Все вместе они собираются и плачут, а по отдельности каждый ведёт сепаратные переговоры с правительством, о возможности участия в тех или иных программах, о крупномасштабных инвестициях, о концессиях.

При Силаеве предприниматели привыкли жить в чрезвычайно вольных условиях, получая доходы с разницы в ценах — государственных и свободных, внутренних и внешних. А они сейчас поставлены в достаточно жёсткие рамки. Негодование их вполне естественно. И я бы на их месте вёл себя так же. Но если посмотреть на идущий процесс снятия ограничений во всех сферах, то никто не может упрекнуть правительство в том, что оно нелиберально»[1].

Ещё более жёстко по этому поводу высказался ультралиберальный, экономист-либертарианец, один из немногих российских экономистов, признанных тогда на Западе, Борис Львин. В его статье, в частности, говорилось об упадке биржевой торговли: *«Слишком часто журналисты рекламируют нынешние биржи как эталон и зародыш капитализма. Увы, эти учреждения, как и вообще слишком многие в "совке", лишь присвоили себе чужое имя. Уже то должно навеять подозрения, что число их обвально растёт и обогнало количество всех бирж в остальном подлунном мире, что создаются они в каждом областном центре, а не только в подлинных деловых столицах.*

На Западе биржа — это место торговли максимально однородным, стандартизированным товаром. Идёт процесс абстрагирования от его конкретных свойств — и доводится он до голого символа, до ценной бумаги, вообще почти лишённой материальности. Реальных сделок на нормальной бирже почти нет — их доля редко достигает нескольких процентов. Идёт спекуляция на ожидаемой цене, позволяющая реальным продавцам и покупателям страховать свои сделки от возможных колебаний цен.

Наши биржи ведут торги товарами наличными и разнородными. Выставление к продаже индивидуальных и уникальных товаров (таких, как недвижимость, технологии, сложная продукция машиностроения) и мизерные объёмы сделок (сотни тонн продовольствия, штуки и десятки штук техники, тысячи тонн энергетического сырья) — это прямое свидетельство тому, что наши биржи просто-напросто толкучки, барахолки для предприятий»[2].

---

[1] Независимая газета. 22.01.1992.

[2] *Львин Б.* Неожиданное завтра // Час пик (Санкт-Петербург). 27.01.1992.

А ещё и исполняющая обязанности начальника управления международных связей Московской товарной биржи Даниэль Даунинг (США) в интервью газете «Бизнес и банки» заявила, что коренное отличие западных бирж от наших заключается в системе управления и организации. У них биржи являются самоуправляемыми организациями, у нас же «руководящая группа политически значимых лиц пытается влиять на все процессы принятия решений». Даниэль Даунинг назвала этот стиль управления «сталинским». По мнению деловой женщины, «ожидать успеха от новых экономических структур можно лишь тогда, когда они будут управляться демократически, и члены бирж и акционерных обществ сами станут настаивать на своём участии в управлении».

По мнению экспертов, вялость биржевого фондового рынка отчасти объяснялась тем, что основная масса операций по купле-продаже ценных бумаг в Москве приходилась на внебиржевой рынок.

«В частности, оборот фондового рынка, функционирующего "около" МЦФБ, значительно превышает обороты самих биржевых торгов. <...>

Не последнюю роль в инертности региональных рынков играет отсутствие надёжных систем оперативной связи и недостаток информации об эмитентах, что подтвердили результаты торгов на Нижегородской и Сибирской фондовых биржах — в основном там приобретали ценные бумаги местных эмитентов, о которых имеется исчерпывающая информация»[1].

В начале января 1992 года была создана Московская межбанковская валютная биржа, которой мы посвятили отдельную главу. Это событие ознаменовало начало биржевой деятельности в финансовой сфере. Вполне естественно, что первым и долгое время основным инструментом торговли был американский доллар. Но и на рынок ценных бумаг ММВБ вскоре выйдет тоже.

Уже тогда российские фондовые биржи начинают перерегистрироваться в форму некоммерческого партнёрства. Это требует Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР, утверждённое постановлением Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 года.

Впрочем, на этом этапе чуть ли не единственной задачей бирж было предоставление для всех желающих места для торговли, т.е. централизовать место, где можно было продать свои ценные бумаги их первым владельцам, а также организовать их вторичную перепродажу. Причём, делалось это в первые годы в основном за наличный расчёт.

К началу 1993 года всем стало понятно, что товарные биржи сами по себе стали никому не нужны. Снижение объёмов сделок на товарном рынке за-

[1] Коммерсантъ. 16.12.1991.

ставляло биржи пересмотреть приоритеты своей деятельности. Они начали быстро либо закрываться, либо преобразовываться.

Кузяев А. Р.: *«Но всё хорошее имеет свойство заканчиваться. Настал день, когда Гайдар в Верховном Совете заявил, что отменяется госзаказ и предприятия могут со своей продукцией поступать так, как им хочется.*

Мы так хотели свободного рынка, и вот он наступил... Созданная нами монополия была разрушена и оказалось, что она нас кормила. Мы не знали, куда деть заработанные на этом деньги. Мы уже намеревались построить в Перми небоскрёб.

В поисках выхода были созданы восемь региональных отделений биржи, на которых одновременно велись торги. До этого больше никто не додумался. Слово on-line ещё не было, но технологию под такую торговлю мы уже отрабатывали. Сессия транслировалась по радио, все предложения с голоса записывались для подтверждения на магнитофон, а потом оформлялись в контракты посредством обмена документами через факс. На бирже для гарантии оставалась копии всех бумаг».

Для продления жизни биржи вскоре была открыта секция торгов недвижимостью, учреждён Универсальный торговый дом.

Кузяев А. Р.: *«Тогда мы занялись торговлей валютой и акциям, начали работать с ваучерами, приобретать различные активы.*

Это была первая моя антикризисная программа и первая проведённая реструктуризация бизнеса. Но далеко не последняя... Но то, что я пережил тогда, отчётливо помню до сих пор.

В марте 1993 года у ПТБ не было денег, даже чтобы выдать зарплату сотрудникам. Грозило банкротство, хотя в то время такого понятия в России в практике предпринимательства ещё не было.

Понимая, что, возможно, придётся закрываться, я напоследок решил организовать городской праздник в честь Международного женского дня и пригласить на него всех, кто вместе со мной принимал участие в создании и становлении биржи. 7 марта мы накрыли столы в Пермском театре оперы и балета.

10 марта, когда их уже не ждали, к нам пришли большие деньги! Их хватало для поддержания работы наших структур до конца года.

Тогда же начались чудеса — ожил фондовый рынок».

В середине 1993 года Пермская товарная биржа была реорганизована в две структуры: Пермскую товарно-фондовую биржу и Пермскую финансово-производственную группу.

Повлияла на это решение встреча с Александром Захаровым на ММВБ. Андрей Кузяев увидел, как можно по-новому вести дела на бирже, организовать электронную торговлю на срочном рынке.

9 июня 1993 года прошло учредительное собрание Пермской товарно-фондовой биржи, ставшей в соответствии с законом некоммерческой организацией, существующей на взносы своих членов.

Было объявлено, что основным направлением работы биржи станет развитие фондового рынка и организация форвардных и фьючерсных сделок.

К началу учредительного собрания перерегистрацию прошли 217 брокерских контор из 700 работавших на бывшей товарной бирже.

Выйти на новые рынки нефтепродуктов, леса, зерна, продовольствия позволил Универсальный торговый дом. После всех преобразований биржа зажила.

«На собрании также было решено продолжить работу по организации проведения на бирже аукционов экспортных сертификатов, активно развивать на базе товарно-фондовой биржи рынок металлов, а также обеспечить участие биржи в процессе приватизации тех объектов инфраструктуры, которые необходимы для осуществления сделок по срочным биржевым контрактам.

Схема управления биржей останется прежней. В частности, не произошло практически никаких изменений в составе биржевого комитета, а первое лицо биржи — Андрей Кузяев — сохранил свой пост президента»[1].

Тогда же появилась и Екатеринбургская фондовая биржа, просуществовавшая 10 лет с 1992-го по 2002 год.

Татьянников В. А.: *«Мне было уже 36 лет, когда я, последний советский руководитель Чкаловского района Свердловска, задумался: а что лично могу внести в создание фундамента рыночной экономики на Урале? Тогда я уже понимал, что один из главных финансовых институтов в рыночной экономике — фондовая биржа. Судьба свела меня тогда со студентом-финансистом Свердловского института народного хозяйства Виталием Озеровым, увлекающимся теорией фондового рынка, и преподавателем высшей партийной школы Анатолием Толстых, консультировавшим специалистов множества уже функционирующих в городе товарных бирж. Как говорят, на троих мы подготовили проект биржи ценных бумаг.*

Создав фондовую биржу, учредителями которой стали городские банки и инвестиционные компании, мы встали перед проблемой, а чем торговать?

Акций ещё не было, приватизация не началась, на календаре 20 февраля 1992 года, а в городе уже создано не менее десятка фондовых бирж. Все хотели прикоснуться к чему-то новенькому. Вскоре все они с дистанции сойдут, только я задержусь на 10 с лишним лет.

Первые торги запустили в июне 1992 года. Пригласили банки, юридические и физические лица и открыли аукционную торговлю. Физики могли разместить вклады в присутствующих банках (ставка, сумма, срок) на лучших

[1] *Шадрин А.* Пермская товарная биржа реорганизуется // Коммерсантъ. 11.06.1993.

условиях, а банки — выдать кредиты юридическим лицам на наиболее выгодных условиях. Вёл аукционы специально приглашённый профессиональный аукционист Валерий Суворов.

Впоследствии тот опыт пригодился при торговле приватизационными чеками (ваучерами), акциями приватизированных предприятий. Надо отметить, что, приглашая население на биржевые торги, мы существенно поднимали цену ваучеров по сравнению с улицей. Торговали лотами, гарантом исполнения сделок выступала биржа.

Голосовая торговля продолжалась на Екатеринбургской фондовой бирже до декабря 1994 года, но даже в 1996–1997 годах мы снимали дополнительно Дом культуры в центре города, где торговали акциями "голосом и жестами".

На биржу часто приходили на занятия студенты экономического вуза, им наблюдать за торговым спектаклем было увлекательно».

Вспомним некоторые биржи, пожалуй, самые яркие.

Московская центральная фондовая биржа — первая организация, специализирующаяся на торговле фондовыми ценностями. Её учредительная конференция прошла 5 октября 1990 года. О создании МЦФБ рассказано в первом, советском, разделе этой книги. 1 августа 1991 года в новом операционном зале она организовала первые торги. О большом интересе к бирже свидетельствовал ажиотаж вокруг продажи брокерских мест МЦФБ: в середине июля их стоимость подскочила с 1,5 млн до 3,5 млн рублей.

На торги были выставлены ценные бумаги 96 акционерных обществ на сумму 207,2 млн рублей. Объём заключённых сделок с бумагами 57 предприятий составил 110,3 млн в ходе депозитного аукциона было заключено сделок на 28 млн рублей, оборот операций с акциями предприятий и депозитными сертификатами составил 26,3 млн рублей, с акциями бирж и облигациями — 56 млн рублей.

Успешно продавались на этих торгах акции холдинговой компании RHL (Рига-Холдин-Латвия), владеющей акциями порядка 40 крупных предприятий (Тихоокеанской судовой компании, ВЭФ, РАФ и др.) этой уже почти суверенной республики. Прибалтийские бумаги тогда очень ценились — они быстро росли в связи с предполагаемым введением балтийских национальных валют. В результате было продано около 70 лотов, составленных из пакета акций RHL. При номинальной стоимости лота в 40 тыс. рублей стартовая аукционная цена составляла 107 тыс., а сумма каждой из заключённых сделок была не ниже 150 тыс. рублей. Намного выше номинала были оценены также акции Западуралбанка, Всероссийской биржи недвижимости, депозитные сертификаты КЭИ-банка, Российского кредитного товарищества[1].

[1] *Плаксин Г.* На МЦФБ начался спад объёма продаж // Коммерсантъ. 05.08.1991.

На торги также было выставлено значительное количество акций, брокерских мест и прав на аренду брокерских мест различных советских бирж. Однако за них продавцы хотели получить так много, что отпугнули всех желающих. Так, стартовая цена акции ТТФБ составляла 2,5 млн рублей, МЦФБ — 8 млн рублей или 400 тыс. долларов, брокерского места МЦФБ — 5–7 млн рублей, акции Межреспубликанской универсальной товарной биржи — 6 млн рублей, годовая аренда брокерского места на МТБ — 2 млн рублей[1].

Ещё не подвергнутый аресту и не изгнанный с биржи президент МЦФБ Эдуард Теняков, чувствуя своё особое положение на биржевом небосклоне, доверительно сообщал, что договорился с Минфином РСФСР о централизованной выдаче лицензий на операции с ценными бумагами брокерским конторам, действующим на его бирже. На тот момент лицензии успели получить только 15 торговавших у него контор.

Впрочем, счастье длилось недолго. Уже третьи торги, состоявшиеся 8 августа, продемонстрировали резкое снижение оборота биржи — с суммы 101,9 млн рублей, зафиксированной на предыдущих торгах 6 августа, до 33 млн рублей[2].

Интерес покупателей ценных бумаг постепенно смещался с явно переоцененных акций предприятий и бирж на кредитные ресурсы. Тем более что бумаги предлагалось покупать по наитию — информировать клиентов о характере тех или иных ценных бумаг и о выпускающих их организациях никто не собирался.

8 августа доля приобретённых кредитов на торгах МЦФБ увеличилась до 1 млн рублей (95 % общего оборота), в то время как на предыдущих составляла только 5 %.

Из бумаг же явным фаворитом оставались акции прибалтийского холдинга RHL, так как таким образом многим хотелось прикоснуться к иностранной жизни.

Переломным для истории биржи стал конец августа. 20 августа в Челябинске за взятку в 149 тыс. рублей, якобы полученную им несколько лет назад от местного кооператора Гусарова, был арестован 39-летний председатель Московской центральной фондовой и Челябинской универсальной (ЧУБИ) бирж, сопредседатель Биржевою союза и Конгресса бирж Эдуард Теняков. Конечно, коммерческая общественность страны приняла арест Тенякова близко к сердцу, объявив его политическим преследованием и учредила общественный комитет по его защите (создали который столь не любящие друг друга ру-

[1] *Плаксин Г.* Первые торги МЦФБ: брокеры наторговали на 100 миллионов // Коммерсантъ. 29.07.1991.

[2] Коммерсантъ. 14.10.1991.

ководители РТСБ и МТБ). Только 13 сентября генеральный прокурор России Валентин Степанков, выполняя своё обещание «разобраться с делом Тенякова», приказал выпустить последнего из следственной тюрьмы. Накануне Теняков успел передать журналистам своё обращение к Борису Ельцину, в котором, в частности написал: «...против меня лихорадочно фабрикуется уголовное дело с целью дискредитации меня как одного из лидеров новых структур» — и сообщил, что его арест обойдётся Челябинской области в 40 млрд рублей ущерба[1].

О судьбе этого незаурядного и одного из самых заметных биржевиков того времени я уже писал в этой книге, но стоит на ней остановиться дополнительно.

Теняков Эдуард Вениаминович родился в 1952 году в Челябинске; окончил Челябинский политехнический институт в 1976 году, Московский финансовый институт в 1983 году. В 1985–1987 годах был председателем ремонтно-строительного кооператива в Челябинске; в 1987–1989 годах — председателем правления кооперативного Роторбанка (Челябинск), председателем биржевого совета Всесоюзной ассоциации коммерческих банков и Российского банковского союза.

В 1988-е годы якобы по рекомендации Валентина Павлова в США изучал брокерское дело.

В 1989 году Теняков был одним из организаторов МЦФБ и в 1990 году стал её первым президентом; в 1990–1991 годах — президент акционерной финансовой компании «Фининвест»; в июле 1991 года создал Челябинскую универсальную биржу (ЧУБ); был сопредседателем Межрегионального биржевого совета и Конгресса бирж СССР, сопредседателем Межбанковского биржевого совета при Верховном Совете РФ. С 1989 года работал в комиссии по экономической реформе ВС СССР, в 1990 году — в комиссии по развитию экономических реформ.

Неприятности началась в августе 1991 года. Из следственного изолятора Теняков вышел 14 сентября, благодаря заступничеству известных людей. Российская прокуратура прекратила его уголовное дело из-за отсутствия состава преступления, но в знак протеста шесть челябинских следователей во главе с начальником следственной группы Владимиром Майером тогда уволились с работы.

На этом неприятности биржевика не закончились.

Завоевания Москвы не произошло. В конце 1991 года на МЦФБ поставили вопрос о выводе Тенякова из биржевого совета и лишении его акции, выданной создателю за особые услуги.

---

[1] *Мальцев И., Утицин О.* Дело Тенякова: генпрокурор в роли адвоката // Коммерсантъ. 16.09.1991.

14 апреля 1992 года Челябинская областная прокуратура возбудила новое уголовное дело по статье 93.1 УК РСФСР (хищение в особо крупных размерах). Тенякову инкриминировались незаконные операции с акцией МЦФБ, в результате которых он получил 5,5 млн рублей. Дело было в том, что 4 октября 1991 года биржевой совет МЦФБ всё-таки предоставил Эдуарду в связи с его уходом с поста президента МЦФБ право приобрести по номинальной стоимости (0,5 млн рублей) одну акцию биржи. И так как личные счета Тенякова в этот момент находились под арестом, он подписал с ЧУБ договоры: 1) поручение о выкупе этой акции челябинской биржей с последующим выкупом её Теняковым и 2) о предоставлении челябинской бирже в аренду брокерского места на МЦФБ (которое полагалось каждому владельцу акций). ЧУБ выкупила акцию (разрешение совета МЦФБ было получено). 26 декабря совет ЧУБ дал разрешение на продажу акции неустановленному покупателю за 6 млн рублей. Через месяц директор ЧУБ Владимир Балдин подписал приказ о перечислении на счёт Тенякова вырученной суммы за вычетом её номинальной стоимости и ещё около 70 тыс. рублей в виде «комиссионных» за услуги биржи по договорам. Операцию провели как раз к началу грандиозного обесценивания рубля.

Следователь исходил из того, что, поскольку уставом МЦФБ не была предусмотрена продажа акций физическим лицам, Теняков не являлся собственником акции, не имел права давать какие-либо поручения на операции с ней и в итоге незаконно получил 5,5 млн. Наказание по статье 93.1 предусматривало лишение свободы сроком от 8 до 15 лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой. Однако в этот раз посадить бизнесмена не удалось.

Он же в ответ обратился в прокуратуру с заявлением, в котором потребовал возмещения своих убытков от отсидки в 1991 году — 849 877 рублей, месячный заработок президента двух бирж — 26 тыс. рублей плюс гонорары адвокатам Федькину (23 тыс.) и Резнику (800 тыс.)[1].

Один из сотрудников ТУБа так описал работу на ней: «*Президент биржи Эдуард Теняков говорил, что у них в арсенале десятки универсальных способов обогащения. И мы, дураки, верили. На бирже все, даже грузчики, ходили в галстуках-бабочках. На пресс-конференции я тоже стал ходить в чёрном костюме и при бабочке. Мы пили хороший коньяк и слушали сказки о процветании ЧУБа. Потом коньяк стал похуже, постепенно его заменили водкой. Вот тут я и прозревать начал...*

По сути дела, биржа была обычным торговым домом. И жила, пока был дефицит. Здесь торговали всем — от кипятильников до старых автомоби-

[1] Галкин Г., Кириллов О. Теняков снова в моде: ему шьют новое дело // Коммерсантъ. 20.04.1992.

лей. Понятия о биржевом товаре не было. Чем только Эдуард Вениаминович не занимался! Как-то он заявил, что будет закупать для казаков семенное зерно твёрдых сортов, даст им кредит, а потом их же зерном будет и торговать. Да разве биржи этим занимаются? Чушь какая-то. Казаки Тенякова в полковники произвели и шашку вручили, которую тот картинно поцеловал. Казачки, как и коммунисты, тоже держали носы в боевой готовности, чуяли, откуда деньгами пахнет»[1].

В 1992 году Эдуард Вениаминович продолжал работать президентом ТУБа и даже провёл конкурс на проект здания биржи. По его словам, оно должно было стать единственным в Челябинске ансамблем, который соответствовал бы уровню архитектуры 1990-х годов. Планам не суждено было реализоваться. Все попытки поднять деловую активность на бирже, переживающей серьёзные финансовые трудности не удались. Тогда биржевик попытался переквалифицироваться в политики. В 1993 году он вместе с Василием Кичежди и Александром Аристовым (ныне одним из богатейших людей региона) основал Союз предпринимателей малого и среднего бизнеса. Его заявленная идеология была предельно проста: «Бизнес — во власть!»

Однако, когда в середине 1990-х годов ЧУБ, как и большинство бирж, закрылся, Эдуард Теняков окончательно перебрался в Москву.

Теняков Э. В.: *«Мы собирались не раз с друзьями и считали, что из того, на что мы надеялись в 1991 году, сбылось. Выяснилось — ничего. Мы надеялись на благоразумие — даже не на благоразумие, а на экономическую целесообразность нашего руководства — и очень жестоко в этом ошиблись. <...> После этих десяти лет получилось так, что я никому ничего не должен. Ни денег, ни в моральном плане, никак. <...> Я считал, что политика — это грязное дело и не моё, что каждый специалист должен на своём месте решать свои дела. И поэтому относился к политике немножко свысока и брезгливо, не хотелось пачкать руки. Поэтому мы сделали большую ошибку, отдав правление старой когорте, надеясь на то, что у них есть большие политические навыки управления страной и экономикой»*[2].

В 2000-х годах работал консультантом Министерства по налогам и сборам.

Забытый почти всеми, этот, безусловно, незаурядный человек тихо умер 2 января 2012 года, немного не достигнув пенсионного возраста, после тяжёлой продолжительной болезни, сделавшей его малоподвижным.

Возвращаясь к истории МЦФБ, отметим, что на торгах 8 октября 1992 года будет заключена всего одна сделка: за 125 тыс. рублей будет продана акция

[1] *Смирнов С.* Честь выше прибыли? https://polit74.ru/author/detail.php? ID=7330

[2] Коммерсант-Деньги. 2001. № 32. С. 14.

Сибирской фондовой биржи. При этом общий объём предложения составит 335,1 млн рублей (с нулевым итогом закончились также торги 5 октября)[1].

27 октября были заключены две сделки. Проданы 2 акции Всероссийской биржи недвижимости по 850 тыс. рублей каждая и опцион на акцию МБТД «Россия» за 100 тыс. рублей.

При этом директор-распорядитель МЦФБ Юрий Четвериков, пытаясь поддержать интерес к бирже, заявлял, что достигнута договорённость о покупке биржей за 400 тыс. долларов брокерского места на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE), атакже что руководство МЦФБ рассматривает предложение американской инвестиционно-консультативной фирмы Scadder, Stevens & Clark, входящей в десятку крупнейших инвестиционных компаний США, о сотрудничестве при продаже советских ценных бумаг на американском фондовом рынке[2].

«Свежей кровью» для МЦФБ стали первые сделки по покупке акций инофирм. 12 ноября на торгах впервые в Москве их было приобретено на сумму 15 млн рублей. Пришли они из Риги. Там, 30 октября на первых торгах Балтийской фондовой биржи (Baltic Stock Exchanqe — BSE) первые российские брокеры стали официальными совладельцами акций западных компаний. К продаже за рубли были представлены 17 опционов на право покупки акций западных фирм и 24 пакета самих акций. Впрочем, по истечению опциона акции должны быть оплачены в валюте.

И вот брокерская контора «Церих» выставила приобретённые акции на торги МЦФБ в Москве. Одновременно БК «Энергоброкомплект» представила аналогичный товар в фондовом отделе РТСБ. И несмотря на отсутствие покупателей на торгах, во внебиржевом обороте конторе удалось продать 10 лотов по 111 акций IBM по котировочной стоимости одной акции 10 078 доллара. При этом валютная стоимость акции пересчитывалась по курсу 1 доллар за 153 рубля.

20 февраля 1992 года Верховный совет примет Федеральный закон РФ № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле», после выхода которого все биржи подлежали перерегистрации.

Ещё до рассмотрения в Верховном Совете документ породил в биржевой среде острые дискуссии. Наибольшие возражения биржевиков вызвали следующие положения проекта:

– биржам запрещалось прямо или косвенно участвовать в уставном капитале коммерческих организаций, не связанных с организацией биржевой торговли;

---

[1] *Алеева Е., Пушайло П.* Дети десятилетки // Коммерсантъ-Деньги. № 32. 2001.

[2] Коммерсантъ. 29.07.1991.

- в учреждении бирж не могли участвовать органы власти и управления, а также банки, страховые и инвестиционные компании, другие финансовые организации;
- запрещалась продажа в собственность прав на участие в биржевой торговле без передачи или продажи свидетельств (титулов) собственности на долю уставного капитала и прав на участие в управлении биржей;
- число постоянных посетителей не должно было превышать 30 % от числа членских мест, а права участия в торгах должны были предоставляться им на срок не более трёх лет.

Взяв за основу классические образцы, эксперты из ИМЭМО стремились создать условия для «очищения» советских бирж от не свойственных им функций и направлений деятельности. Однако, по мнению биржевиков, законопроект в вынесенном в ВС варианте был чрезмерно жёстким, они предсказывали, что его принятие приведёт к спаду в биржевой торговле, к обесценению капитала бирж. Поэтому после нескольких предварительных встреч и согласований стороны пошли на взаимные уступки, однако по наиболее принципиальным пунктам, касающимся ограничений на коммерческую деятельность бирж, компромисс так и не был достигнут. Разногласия были вынесены на сессию Верховного Совета.

Стремились разобраться в ситуации поглубже, депутаты в преддверии второго чтения законопроекта, 10 февраля, организовали специальные парламентские слушания. На них были приглашены разработчики закона, руководители ведущих биржевых структур, руководство антимонопольного комитета. Вот только самих депутатов на чтение пришло мало.

Закон настолько строго трактовал понятие «биржа», что практически всем существующим биржам пришлось внести серьёзные коррективы в характер своей деятельности или сменить название на «торговый дом».

Биржам запрещалась продажа брокерских мест в существующем тогда понимании.

На наиболее спорный вопрос: должны ли биржи сами вести торговлю и торгово-посредническую деятельность, депутаты ответили однозначно: нет. Бирже также не дали прав «прямо или косвенно путём участия в капитале иных организаций осуществлять вклады, приобретать доли (паи, акции организаций, если они не ставят целью осуществление хозяйственной деятельности)».

Закон запрещал биржам помещать капитал в коммерческие структуры, но эта статья вводилась в действие только с 1 января 1994 года. К этому времени биржи были обязаны использовать средства от продажи долей уставного капитала в соответствии со своим уставом, иначе Комиссия по товарным биржам, созданная согласно закону при Государственном комитете РФ по ан-

тимонопольной политике, получала право аннулировать лицензию биржи на биржевую торговлю.

По новому закону сделка уже не считалась биржевой, если она не была зарегистрирована на бирже: это не влекло к её недействительности, но стороны лишались права претендовать на предоставление биржей дополнительных гарантий реализации сделки.

Вложения можно было делать только в компании, связанные с организацией биржевой торговли. Но, как отметил председатель Комиссии ВС по бюджету, планам, налогам и ценам Александр Починок, жёсткие запреты заставляют обходить закон.

И действительно, отмечая неопределённость понятия «организация биржевой торговли», главный управляющий РТСБ Константин Боровой сразу же рекомендовал биржам создавать фирмы, которые формально бы учреждались для обеспечения биржевой деятельности (например, для разработки компьютерных программ, обслуживающих процесс торгов), но главной задачей которых на самом деле стало бы инвестирование средств в необходимые бирже коммерческие структуры. А сопредседатель АО РТСБ Алексей Власов посоветовал инициировать создание зависимых от бирж, но юридически самостоятельных фирм, влияя на них «через людей», назначаемых в их руководство[1].

Закон начал действовать 1 марта 1992 года.

Следует отметить, что на заседании ВС слышались выкрики с места: «Зачем нам биржи, которые ничего не производят?!»

Мелкумов Я. Я.: *«Биржи в то время размещались во временных помещениях, арендовали их на полгода, в крайнем случае, месяцев на девять. Долгосрочных договоров никто не заключал, потому что цены менялись каждый день, в том числе и в долларах, и даже формулу цены прописать было сложно.*

Все норовили не заплатить за последний месяц аренды. В частности, так поступило руководство несостоявшейся РФБ, которая арендовала помещение в бывшем НИИ по ценообразованию Госкомцен СССР. Ответственный за аренду представитель комитета мне жаловался: “Вот сволочи, понимают, что из-за одного месяца я с ними судиться не буду!”»

13 апреля Минфин РФ утвердил Положение о лицензировании биржевой деятельности на рынке ценных бумаг. Биржи должны были обладать достаточной материальной и финансовой базой (капитал — не менее 10 млн ЭКЮ, количество членов — не менее 20). Членами биржи могли быть только

[1] *Плаксин Г.* Плохой закон о биржах можно обойти по-хорошему // Коммерсантъ. 09.03.1992.

профессиональные участники рынка ценных бумаг, что практически соответствовало общепринятой международной практике.

Делаются и попытки установить правила и системы регулирования торговли, контроля исполнения их всеми участниками торгов. Для этого в первую очередь необходимо было эти правила написать, отработать, а затем установить достаточно жёсткие требования к компаниям, поставляющим ценные бумаги для продажи, и членам биржи, которые на профессиональном уровне вели торговлю и представляли интересы клиентов, не имеющих возможности принимать непосредственное участие в торговле на бирже, вынужденных прибегать к услугам посредников.

Тогда же, в частности, было решено пресекать конфликты интересов и прикрыть созданные на многих биржах т. н. нулевые брокерские конторы, принадлежащие руководителям самой биржи. Им предоставлялись максимально привилегированные условия для «снятия сливок» с выставляемых для торгов товаров. Кроме этого, на большинстве бирж разрешались договорные сделки, регистрировавшиеся биржей без публичного выставления товара на торги, только при соответствующих заявлениях продавца и покупателя товара.

И вот биржам запретили вести коммерческую брокерскую, дилерскую и доверительную деятельность, персоналу биржи вести коммерческих операции на фондовом рынке. Фондовые биржи стали заводить правила допуска (листинга-делистинга) товара к торговле, устанавливать требования к участникам, готовить регламенты торговых сессий, создавать стандартные торговые, депозитарные, расчётные, надзорные и информационные системы, схемы гарантирования исполнения обязательств, правила и организационные условия для урегулирования конфликтов и предотвращения нарушений профессиональной этики и т. д. В общем, они становились похожими на своих мировых сородичей. Только вот было бирж ещё слишком много — к концу 1992 года количество биржевых фондовых площадок достигнет 22, в это число вошли созданные на крупнейших товарных биржах фондовые отделы.

Кашеваров А. Б.: *«В апреле 1992 года отменили госзаказ — планы на производство товаров для продажи государству. Тогда и пропал у предприятий основной стимул выведения своего товара на биржу. Раньше там можно было реализовывать по свободным ценам только продукцию, произведённую вне плана. И ни один орган государственной власти не обладал полномочиями контроля за выставляемыми на биржу товарами. Поэтому предприятия на бирже реализовывали до 90 % своей продукции.*

Таким образом, к этому моменту товарные биржи выполнили свою функцию, они перестали быть привлекательными и стали угасать..

Последняя лицензия у нас была под номером 342».

Вот только объём сделок с ценными бумагами по 20 биржевым фондовым площадкам России, по данным Минфина РФ, за IV квартал 1992 года был равен всего 700 млн рублей (т.е. не более 3–5% от объёма товарных сделок) и никак не хотел расти.

Хотя эйфория не спадала: в отчёте Московской центральной фондовой биржи за 1992 год отмечалось, что *«закончился период становления фондовых бирж, завершается этап освоения ими региональных рынков. Россия в преддверии выхода фондовиков на международный уровень, где от них потребуется всё их профессиональное мастерство, вся финансовая мощь...»*.

Фондовики рассчитывали на то, что их конкуренты — товарные биржи, — столкнувшись с огромными финансовыми трудностями, не переживут их. В результате либерализации цен и насыщения рынка посредническими услугами эффективность биржевой деятельности резко упала, вследствие чего наметился отток капитала из биржевой торговли. Было ясно: выживут лишь те биржи, которые сделают ставку на развитие фондовой и фьючерсной торговли.

21 мая 1992 года Министерство финансов Российской Федерации направило в местные финансовые органы и на биржи Положение об аттестации специалистов инвестиционных институтов и фондовых бирж (фондовых отделов бирж) на право совершения операций на рынке ценных бумаг, разработанное во исполнение Постановления Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 года № 78 «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР».

При этом лицензии Министерства финансов РСФСР на право совершения операций с ценными бумагами, выданные специалистам инвестиционных институтов до выхода указанного положения, считались действительными до истечения сроков своего действия и приравнивались к квалификационным аттестатам II категории.

Положение логически завершало серию основных нормативных документов, регулирующих российский фондовый рынок. Оно имело временный характер действия: в то время началась работа над законодательством о фондовом рынке, в котором должна была присутствовать и законодательная база для квалификационной аттестации.

Считается, что на 1992-й — начало 1993 года пришёлся период расцвета биржевого движения российского фондового рынка. Специализированные фондовые биржи создавались во многих городах одновременно по нескольку. Лицензии на проведение торгов ценными бумагами получили многие товарные биржи. Биржевой фондовый рынок становился престижным: многие эмитенты считали почётным увидеть в сводке с торгов сделки со своими акциями. Биржевики тоже старались — многие биржи проводили листинг торгуемых у них ценных бумаг.

Кобищанов М. Ю.: *«На одной из бирж в западном регионе главный акционер, отставной полковник, ставший одним из крупнейших в регионе теневиков, очень любил сам звенеть в колокольчик при открытии торгов. При этом управляющего (тоже бывшего военного) он наставлял словами: "Если что пойдёт не так, открывай огонь на поражение!"»*

Впрочем, фондовому рынку явно не хватало главного — развитой торговой инфраструктуры и, ещё больше, единой учётной системы. Посему единственными ликвидными торгами ценными бумагами (не считая ваучеров) были до второй половины 1990-х годов торги ГКО на ММВБ, чья организация началась именно с создания мощной депозитарной сети. Можно было также выделить и Владивостокскую международную фондовую биржу, отметившуюся большими объёмами сделок с акциями приватизированных предприятий (особенно отмечался «приватизационный конвейер» в Находке, о котором в этой книге есть отдельный рассказ). Но т. к. здесь биржевая депозитарная сеть охватывала только дальневосточный регион, 100% оборота биржи приходилось на ценные бумаги местных компаний.

В конце 1992 года на фондовых биржах регистрировалась сделки по очень узкому кругу ценных бумаг. На каждой бирже определился свой набор бумаг, по которым велись более или менее активные спекуляции. Так, например, для Нижегородской фондовой биржи такими бумагами стали акции банка «Нижний Новгород» и АО «Пермавиа», для Санкт-Петербургской фондовой биржи — акции банка «Санкт-Петербург» и АвтоВАЗбанка (они были включены в листинг), на РТСБ брокеры наиболее оживлённо торговали тогда акциями Инкомбанка, Мосбизнесбанка, НИПЕК и РИНАКО.

А вот как описывает работу фондового отдела РТСБ один из членов биржевого совета.

Панов П. А.: *«Торги были фактически местом общения брокеров. Когда открылся отдел, в нём было человек десять. Проводились торги два раза в неделю и если все торги начинались в 11 часов, то здесь — в 9 или 10 часов утра.*

В зал выносились 10 пластмассовых стульев, по числу трейдеров. Человек пять, заставивших себя в такую рань проснуться, садились полукругом в партнёре. Маклер Анатолий, жалея не выспавшихся брокеров, порой оттягивал начало торгов, ожидая чтобы подтянулись основные участники, "контролировавшие" практически весь оборот ценных бумаг в Москве. Перед торгами подавались прайс-листы. Порой наиболее активные брокеры собирались в яме перед маклером, кто-то занимал позиции на галёрке у телефонов, чтобы за 5–10 минут до начала торгов установить связь с клиентом либо офисом и согласовать действия согласно прайс-листу.

Наконец выходил Анатолий, выполняющий на бирже роль маклера, и объявлял: "200 акций Сургута". Или РИНАКО».

А вот, что написал о том же брокер Алексей Виноградов в распространяемых в Интернете «Воспоминаниях молодого брокера о молодости фондового рынка»: *«Яма бурлит: брокеры активно торгуются друг с другом, пытаясь прийти к общему знаменателю, партер невозмутимо делает пометки в прайс-листах, галёрка у телефонов советуется с клиентами, изредка выкрикивая маклеру свои предложения. Всё это действо обычно продолжалось минут десять — пятнадцать, в результате чего заключалось 2–3 сделки. После окончания торгов происходило оформление необходимых договоров, регистрация сделок на бирже, брокеры, не спеша, делились друг с другом своими впечатлениями, обменивались документами по сделкам на внебиржевом рынке и т. п., казалось, так будет продолжаться вечно».*

За неимением более цивилизованных бумаг фондовые биржи в 1993, 1994 годах существовали за счёт проведения весьма прибыльных торгов ваучерами и предъявительскими ценными бумагами. Но они были товаром ненадёжным и быстро портящимся, поэтому делать ставку только на них было не разумно. Поэтому некоторые биржи нашли выход на рынке срочных контрактов. Но это была прерогатива в основном столичных бирж. В регионах же, где финансовый рынок был гораздо слабее, многие их коллеги вынуждены были зарабатывать на жизнь либо проведением по поручению местных фондов имущества ваучерных аукционов, либо вообще организацией разного рода семинаров и конференций.

Сахаров В. Б.: *«С апреля 1993 года торги на Владивостокской бирже стали проводиться ежедневно, что было вызвано существенным расширением списка действительно ликвидных бумаг, допущенных к биржевым торгам.*

В середине 1993 года у нас было уже достаточно много брокерских компаний — более 50, — в том числе из Гонконга и Австралии. Одну из них, "Ролиз" (Российский лизинг), возглавлял будущий скандально прославившийся губернатор Приморского края Сергей Дарькин».

«Жители Дальнего Востока всегда встречали утро раньше остальных жителей России. Похоже, что и "новый день" на фондовом рынке начался именно в этом регионе, в то время как большинство российских финансистов ещё ждёт пробуждения рынка ценных бумаг. Мартовский объём операций на дальневосточном фондовом рынке значительно перекрыл совокупный объём операций на всём биржевом рынке России за I квартал 1993 года... Вчера Владивостокская международная фондовая биржа перешла на новый режим торгов и расширила список листинговых бумаг до 21 эмитента.

По темпам роста дальневосточный фондовый рынок хорошо укладывается в общую схему развития классических тихоокеанских emerging markets. Местные финансовые брокеры получают сверхприбыли за счёт стремительного улучшения конъюнктуры на вторичном рынке акций местных приватизированных предприятий... В среднем ежедневный объём продаж акций местных предприятий лесной, рыбной, машиностроительной, судоремонтной отраслей, строительства и портового хозяйства составляет от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч штук...»[1].

«Брокеры Владивостока разъезжались на этот уик-энд по своим приморским виллам в хорошем настроении — на состоявшейся вчера торговой сессии Владивостокской международной фондовой биржи было заключено сделок с акциями приватизированных предприятий на сумму чуть меньше 300 млн рублей. По оценкам экспертов "Ъ", это позволило брокерам заработать на комиссионных около 15 млн рублей.

Этот результат вполне сопоставим с трёхнедельным объёмом вторичных операций с государственными краткосрочными облигациями на ММВБ и значительно превышает месячные объёмы операций с акциями на всех остальных российских фондовых биржах, вместе взятых...»[2].

Бум создания огромного количества бирж, безусловно, лишал правительственные органы даже теоретической возможности контроля за ними. Однако практически сразу вместе с выдачей лицензий их стали и аннулировать.

Первой жертвой в истории российского рынка ценных бумаг стала Российская продовольственная биржа (РПБ), которой Минфин РФ в июле 1992 года за проведение эмиссии с нарушениями действующих правил подписки запретил выпуск ценных бумаг и предписал вернуть инвесторам средства, собранные в ходе подписной кампании. Официальное письмо по этому поводу подписал заместитель министра финансов РФ Сергей Горбачёв.

В нём говорилось, что Минфин пошёл на радикальные меры потому, что биржа в течение двух с половиной месяцев проводившая подписку на акции, так и не удосужилась зарегистрировать проспект эмиссии.

«Нелегальная подписка сопровождалась интенсивной рекламной кампанией в ведущих средствах массовой информации и проходила прямо на глазах сотрудников Минфина — в соседнем с министерством здании.

Общественный резонанс от подписки был столь велик, что, по информации слушателей курсов фондовых брокеров при Российской фондовой бирже, пред-

[1] *Аспин С.* На Дальнем Востоке начался «фондовый бум»// Коммерсантъ-Daily. 03.04.1993.

[2] Бум на фондовой бирже Владивостока// Коммерсантъ-Daily (Москва). 19.06.1993.

ставители Минфина, выступавшие на курсах, приводили поведение РПБ слушателям в качестве примера полного правового нигилизма.

Эксперты "Ъ" посчитали случай с РПБ весьма показательным. С одной стороны, он отражал пренебрежение неофитов акционирования к каким бы то ни было государственным установлениям, с другой — знаменовал вступление уязвлённого Минфина на "тропу войны" с недобросовестными эмитентами»[1].

Прибыль, полученная биржей в результате такой подписки, составила примерно 200 млн рублей (такую сумму признавал президент РПБ Сергей Демидов). Большую часть её внесли наличными индивидуальные инвесторы, т.е. физические лица. Номинальная стоимость бумаг составляла 5 тыс. рублей. При этом обязательный в таких случаях налог на операции с ценными бумагами (0,3% от суммы сделки, уплачиваемые инвестором) взимался не всегда, что говорило о неграмотности организаторов подписки, не знания ими методики её проведения.

«Некоторые наблюдатели высказывали мнение, что неудавшаяся эмиссия РПБ представляла собой хрестоматийную попытку аккумулировать значительные суммы для их использования в деятельности, никак не связанной с основным профилем АО, пользуясь широкими возможностями рекламных кампаний и сохраняющимся доверием населения к инвестициям в негосударственные структуры. Источники, близкие к руководству РПБ, предполагали, что полученные от продажи акций средства оперативно использовались для финансирования посреднических операций с компьютерами. Обеспечить значительный прирост капитала позволяла также продажа наличных средств за "безнал". Таким образом, обещанные в рекламных объявлениях РПБ 50% годовых по акциям рекламным трюком вовсе не являлись, так как эффективность названных операций позволяла обеспечить и гораздо более высокую прибыль на вложенный капитал»[2].

Впрочем, в действиях РПБ эксперты не видели ничего особо оригинального. Так тогда поступали многие. По их отзывам, *«настоящий беспредел творится в АО, созданных до семьдесят восьмого постановления»* (имелось в виду Постановление Правительства РФ № 78, которое ввело в действие «Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах»). Большинство из этих АО, среди которых были такие «киты», как РТСБ, к тому моменту не имели проспектов эмиссии, а коммерческая «прокрут-

[1] *Хныкин Ю.* Минфин — Продовольственной бирже: верни, я всё прощу! // Коммерсантъ. 27.07.1992.

[2] Там же.

ка» полученных от подписки средств ещё до окончания оной практиковалась, скажем, РИНАКО, поскольку в те благословенные времена (до декабря 1991 года, когда появилось указанное постановление) данные деяния криминала не содержали.

А Российскую продовольственную биржу тогда обязали в месячный срок вернуть инвесторам незаконно полученные средства.

Ещё более крупной биржевой сенсацией стало решение Министерства финансов России по итогам проверки 15 марта 1993 года аннулировать лицензии на право биржевой деятельности на рынке ценных бумаг сразу у 52 фондовых бирж и фондовых отделов универсальных, товарных и специализированных бирж.

Также приостанавливалось действие лицензий у 29 универсальных биржевых структур, в том числе созданных, как фондовые: Иркутской фондовой биржи, Российской биржи ценных бумаг, Нижегородской фондовой биржи, Южноуральской фондовой биржи, Западно-Сибирской фондовой биржи, фондовой биржи «Черноземье», Екатеринбургской фондовой биржи и др.

Экономист Павел Бунич так характеризовал ситуацию в российском биржевом деле в середине 1992 года: *«Дела у бирж обстоят, прямо скажем, скверно. Объясняется это прежде всего тем, что предприятия считают сейчас каждую копейку. Они иногда приходят на биржу, договариваются, но оформляют сделки без брокеров. Но самая главная причина — во всей стране идёт спад производства. И это автоматически сказывается на биржевом деле. И, наконец, последнее. Раньше брокеры покупали товары по госценам, а продавали их по свободным ценам. И дело процветало. Теперь же никто не продаёт по госценам. И этот кусок пирога выбит у биржевиков. В результате биржевые акции сильно упали в цене. Цена брокерского места тоже резко снизилась. Какое будущее у наших бирж? Они сконцентрируются. Но уже никогда не будут иметь таких высоких доходов, которые имели. Это была болезнь детства»*[1].

Всем интересен вопрос, насколько криминализированы были тогда биржи. Рассказывает брокер МТБ с большим жизненным опытом.

Чернов Е. А.: *«Помню появляющихся раз в месяц на бирже короткостриженых “братков”. Здесь они искали источники наживы. Процедура их нахождения была смешной. Было их 5–6 человек, все в длинных чёрных кожаных плащах, один их них обязательно с телефоном-сундучком. Минут 10–15 они с кем-то вели странные, не от мира сего разговоры, затем раздавался звонок, открывался ящик, и главный строго говорил, так чтобы его все окружающие слышали: “Да, понятно! Обязательно буду! Ждите меня, ничего не предпринимайте! “ Далее они прощались с собеседниками и уезжали.*

[1] Куранты. 21.05.1992.

Этот ритуал, демонстрирующий значимость посетителей, происходил регулярно, по одному сценарию, поэтому начальное удивление у меня вскоре сменилось весёлым умилением.

Вместе с тем никакого серьёзного криминала, такого как имел место на РТСБ, на нашей бирже МТБ не было.

Хотя я знал много случаев, когда обладателей большого количества ваучеров (брокеров РТСБ) вели до дома, пробивали голову и отбирали всё. У нас же были виртуальные контракты, и как их использовать этот актив в своих целях, криминал просто не понимал. Кроме этого, нельзя сбрасывать со счетов заслугу руководства биржи и службы безопасности.

Что меня сейчас удивляет, что, несмотря на происходящую тогда движуху, тусовку и обилие торгового "воздуха", практически не было откровенных афер».

Объединения. В 1992 году ещё действовали созданные ранее Межрегиональный биржевой союз (МБС) и Конгресс бирж. Напряжение между двумя их создателями обострилась так, что 30 января 1992 года руководству Московской товарной биржи пришлось проводить специальную пресс-конференция, посвящённую участившимся нападкам на МТБ со стороны представителей РТСБ и её главного управляющего Константина Борового.

Председатель биржевого комитета МТБ Юрий Милюков заявил, что Константин Боровой нарушил совместное решение МТБ и РТСБ об отказе от негативной информации в адрес друг друга.

В общем, обострялась внутривидовая борьба с нарушениями конвенции.

28 марта 1992 года в Москве прошёл V съезд Конгресса бирж. В тот момент членами конгресса являлись 57 биржевых структур и 21 небиржевая структура (банки, страховые организации). Конгресс бирж был акционерным обществом закрытого типа. Право на участие в мероприятиях конгресса (международные торги и др.) давало обладание акциями номиналом 500 тыс. рублей. Число акций соответствовало числу членов организации, а в случае выхода из организации акция передавалась новому члену. Кроме того, новый участник конгресса оплачивал вступительный взнос в размере 1 млн рублей.

21–22 мая в Ялте в кинозале самой дорогой крымской гостиницы «Ялта» прошёл второй съезд МБС, членами которого объявлялись 203 организации из многих республик бывшего СССР. Сопредседателями МБС на тот момент были К. Ф. Затулин и А. Н. Захаров. На съезде сообщество получило новое название — Межрегиональный биржевой и торговый союз (МБТС).

Если бы биржевики собрались не весной 1992 года, а в конце 1991 года, то эти встречи можно было бы назвать «съездами победителей» и общественному мнению были бы предложены красочные описания успехов.

Вместо этого речь шла о действиях правительств бывших республик бывшего СССР, разрушающих предпринимательство, непосильные налоги, за-

гоняющие посреднические структуры «в тень», различные запреты и ограничения, разрушение экспорта и т. п. Всё это вызвало резкое падение числа зарегистрированных сделок. Период «триумфального шествия» биржевого движения по просторам бывшего СССР закончился.

Председатель правления брокерской фирмы «Роброк», генеральный директор Международной ассоциации руководителей предприятий, член биржевого комитета МТБ Константин Затулин, избранный на съезде в Ялте на два года абсолютным большинством голосов президентом реформированного союза (институт президентства был введён вместо прежней системы трёх сопредседателей правления), провозгласил необходимость проведения «конверсии бирж».

Биржевой президент также заявил там же: *«Никто уже не может обратить вспять то, что биржи привили огромному количеству людей "вирус" рынка. Это обстоятельство играет свою роль в развитии экономик стран, представители биржевого движения которых приехали в Ялту. МБТС продолжит и политическое лоббирование в эшелонах власти. Мы, конечно, не предполагаем создать из союза партию, но мы декларировали, что это и общественная, и политическая организация. По моему мнению, на предстоящие год-полтора нашим партнёром будет скорее всё же исполнительная, чем законодательная власть. Мы будем осуществлять это партнёрство исключительно через местные биржевые структуры, ни в коем случае не в обход или вопреки им»*[1].

Возможно, там произошёл курьёзный случай, о котором вспоминает новосибирский биржевик Александр Чикунов.

Чикунов А. В.: *«Летом, отметив окончание съезда всех фондовиков, мы все пошли гулять по набережной. Левенчук при этом продолжал горячо дискутировать, что-то кому-то доказывать. И тогда некий здоровый комсомолец (Чукунов его называет Котовым, судя по всему ошибочно. — Прим. автора) панибратски стукнул коллегу по плечу, приговаривая: "Толя, всё нормально!" Однако силы свои биржевик не рассчитал, в результате Анатолий перелетел через парапет в море».*

Впрочем, Анатолий Игоревич, как Яшка-артиллерист из фильма «Свадьба в Малиновке» эту «предъяву» не принял.

Еле теплящийся в течение всего 1992 года рынок ценных бумаг оживила приватизация, ставшая и причиной обострения конкуренции в биржевом сегменте. Тем более что практически одновременно тогда были созданы два сообщества с похожими одинаковыми наименованиями: Российская федерация фондовых бирж (учреждена 2 сентября) и Федерация фондовых бирж

[1] Биржевые ведомости. № 12. 1992.

России (учредительная ассамблея состоялась 8 сентября). Учредили их два враждующих клана.

За первой стояли Российская фондовая биржа и группа РТСБ, представленные тогда первыми лицами этих бирж: президентом РФБ Маратом Золотдиновым и главным управляющим РТСБ Алексеем Власовым. Это была значительная сила, ведь следует учитывать, что фондовый отдел Российской товарно-сырьевой биржи (РТСБ) в то время лидировал по объёмам заключаемых сделок среди всех бирж России. Значительная роль в создании федерации и выработке её идеологии принадлежала председателю биржевого совета Российской фондовой биржи и генеральному директору фирмы «Брок-Инвест-Сервис» Игорю Сафаряну, очень влиятельному на фондовом рынке тех лет человеку. Укрепляли авторитет этой федерации входящие в сферу её интересов исполнительные директора Российской фондовой биржи Александр Дерябин и Игорь Суворов. Первый из них претендовал на роль теоретика, одновременно возглавляя совет директоров Международного института фондового рынка. Второй отличался железными организаторскими особенностями, пригодившимися сформировавшейся группировке. Близко к этой команде было и руководство некоторых банков (в частности, «Менатепа»).

Ювонин В. Ю.: *«Когда мы создавали Международную гильдию брокеров, на общее собрание пришла команда МТБ, но, когда выяснилось, что лидерство захватывает Сафарян, все "москвичи", во главе с Константином Затулиным покинули зал».*

Федерация фондовых бирж России строилась вокруг Московской центральной фондовой биржи и поддерживалась руководством и авторитетом Московской товарной биржи (МТБ). Эти ветераны фондового рынка, близкие к московской власти, даже обсуждали возможность слияния. Эти биржи не объединились, но в июне — августе ММФБ проводили совместные торги с МЦФБ. И это стало важным событием на биржевом фондовом рынке России. Начинание оказалось успешным — на обеих биржах закончился длительный период «воздержания» от покупки ценных бумаг. Было заключено сделок на 1,51 млн рублей, продано 1525 низкономинальных акций. Это было особенно важно, ведь в то же время в фондовом отделе РТСБ, традиционном лидере торговли ценными бумагами в Москве, недельный оборот составил лишь 437,2 тыс. рублей — было продано всего 38 акций разных номиналов, при этом 55% оборота дала одна сделка с акцией Топливно-энергетической биржи РТСБ TERO[1].

Впрочем, затем в объединённом процессе начались сбои и лидеры и МЦФБ (Юрий Котов и Вячеслав Панькин), и ММФБ (Андрей Захаров)

[1] Отдел бирж // Коммерсантъ. 08.06.1992.

озаботились каждый своими (похожими) проблемами. В сентябре оборот ММФБ и МЦФБ составил лишь 42 % от результатов августа.

Рациональным результатом противостояния этих федераций оказалось создание единого информационно-образовательного центра, получившего название Международный институт фондового рынка, имевшего международную поддержку — крупные средства на его развитие выделило Европейское сообщество.

На собрании МЦФБ присутствовал мэр Москвы Юрий Лужков.

«Биржа за год пережила смену президента, падение безбожно "задранной" курсовой стоимости собственных акций, непродолжительный период флирта и сближения с титаном (МТБ), пару скандалов и неоднократное закрытие буфета. Последнее особенно важно: Центральная фондовая славна своим буфетом, который не в пример торговому залу всегда заполнен. Некоторые аналитики вполне серьёзно объясняют случающиеся "провалы" торгов биржи перерывами в деятельности славной закусочной — излюбленного места встреч брокеров.

Центральная фондовая сыграла роль инкубатора для практически всех значимых сейчас брокерских фирм. Что ни мало-мальски известное в фондовом мире имя — то акционер или владелец брокерского места биржи. Несколько позже аналогичным парадом "громких" имён прошла Российская фондовая биржа, но там ситуация была иной — биржа организована из акционеров РТСБ. А акционеры Центральной фондовой пришли "из ниоткуда"»[1].

Главными в новой промосковской федерации (ФФБР) были председатель биржевого совета МЦФБ Юрий Котов и её президент Вячеслав Панькин. Первый был генеральным директором объединения «Гиперон», давшего бирже в августе 1991 года пристанище, ставший президентом АО «Московский завод радиодеталей», а также председателем правления Московской торгово-промышленной палаты. В критический момент «междуцарствия», связанного с отставкой Тенякова, он фактически руководил деятельностью биржи. Второй начальник (ставший им в марте 1992 года по рекомендации Котова) был из плеяды «комсомольцев» — секретарь Московского горкома ВЛКСМ.

Руководство МТБ возглавляли Юрий Милюков (бывший руководитель московского городского штаба МЖК) и Константин Затулин (помощник секретаря ЦК ВЛКСМ Иосифа Орджоникидзе). Затулин также был президентом Международного биржевого и торгового союза. Впрочем, фондовый отдел их биржи тогда ещё не был заметен на рынке, зато эту федерацию под-

[1] *Хычкин Ю.* Центральная фондовая биржа: элитарный клуб с буфетом // Коммерсантъ. 26.11.1992.

держивали несколько региональных фондовых бирж, и это было её сильной стороной. Впрочем, и у МЦФБ 76,6 % объёма оборота достигалось в те дни за счёт аукционов кредитных ресурсов и только 23,4 % приходилось на операции с ценными бумагами[1]. Московские торги были вялотекущими — в октябре — ноябре 1992 года в котировальный лист, состоящий из 4 эмитентов, были внесены ещё 6.

Чернов Е. А.: *«Несколько компаний-учредителей МТБ благодаря поддерживающим биржу московским властям, имели доступ к товарам из госрезерва. Остальным приходилось кормиться подножным кормом, по принципу "волка ноги кормят"»*.

В связи с тем, что люди, пришедшие тогда торговать на биржу, были мало образованы в биржевом деле, не сумела, в частности, раскрутиться в 1992 году фондовая секция МТБ. Перескочить сразу с торговли тушёнкой, к операциям с акциями было сложно.

Милюков Ю. А.: *«Мы хотели создать фондовую биржу, но здесь нам очень сильно мешал Чубайс и его люди, которые пытались освоить американские деньги. Пользуясь влиянием в правительстве, он создал Федеральную комиссию по ценным бумагам, поставил во главе её Диму Васильева, который тогда не особо понимал суть дела, в результате чего готовились крайне неоднозначные регламенты. Из-за этого в течение нескольких лет никак не удавалось запустить фондовый рынок. <...>*

Миша [Ходорковский], как и всякая яркая личность, неоднозначен и сложен. Мы его, конечно, предупреждали — сами понимаете, о чём. Но он в любых ситуациях привык действовать в манере "Я самый умный" и "Я всегда прав". Он не привык договариваться. К примеру, однажды в начале 1990-х Михаил приехал к нам с предложением войти в состав группы "Менатеп" и передать ей, оговорив предварительно сумму выкупа, создание фондовой биржи на базе МТБ. Мы возразили: а, может, группа "Менатеп" перейдёт под управление МТБ? Это было бы логично, поскольку активы клиринговой палаты биржи были на тот момент гораздо больше, чем у "Менатепа".

У нас за счёт маржи, которую брокеры носили под сделки, накапливались колоссальные средства, и никто не знал, как их хранить. Достаточно сказать, что по дневным остаткам по сделкам мы были вторыми после Сбербанка, а все остальные банки, включая Менатеп", оставались далеко сзади. В итоге мы предложили Ходорковскому равноправное партнёрство, но он сказал, что у них принцип такой: работать только внутри группы, всё должно принадлежать её владельцам. В итоге мы разошлись. Он предпринял ещё несколько

[1] *Хныкин Ю.* Центральная фондовая биржа: элитарный клуб с буфетом // Коммерсантъ. 26.11.1992.

неудачных попыток купить биржу, а потом плюнул на этот проект. Мол, несколько раз не получилось, ну и бог с ним, пошли дальше. Но подобные амбиции и привели Ходорковского к тому, что он имеет сейчас»[1].

Был ещё один центр «фондовой силы» — Московская международная фондовая биржа, создавшая при себе совещательный орган в виде Консультативного комитета фондовых бирж (в конце 1992 года в нём было представлено около 20 региональных бирж). К тому же под её эгидой выпускалась еженедельная «Финансовая газета», чем не могли похвастаться другие биржи и федерации.

Возникающий конфликт пытались разрешить руководители ряда региональных бирж. В частности, президент Сибирской фондовой биржи Александр Новиков, вошедший в Федерацию фондовых бирж России, тогда публично настаивал на создания единой российской фондовой федерации. Этой же точки зрения придерживалось руководство Южно-Уральской и Екатеринбургской фондовых бирж, входящих в ту же федерацию[2].

Впрочем, несмотря на столь занимательные противостояния, политические игры не раскалывали биржевое движение, т. к. те, насколько могли, занимались своим прямым делом — торговлей. Там, где им удобнее было это делать.

К 1 января 1993 года число бирж достигло максимальной отметки за всю российскую историю — 264. Число же брокерских контор на 1 октября 1992 года составило 11 664.

Кстати еще в октябре 1991 года в Дубне с уставным фондом 21 млн рублей была зарегистрирована Российская компания биржевых маклеров (РКБМ), объединяющая в начале 1992 года брокерские конторы 66 бирж СНГ (президент Сергей Пушкин. Среди её учредителей: ВНИИ прикладных автоматизированных систем (ВНИИПАС), Министерство РФ по связи, «Броксервис ЛТД», ОКБ «Прогресс».

Запомниться она успела лиши объявлением о своей компьютерной сети для проведения торгов, созданной учредителями. В ней использовались арендуемые у концерна «Ростелеком» четырёхпроводные телефонные каналы, позволяющие вести обмен компьютерной информацией в режиме реального времени (on-line)[3].

Больше это объединение о себе не давало знать.

Одной из последних среди действующих тогда фондовых бирж начала биржевую торговлю ценными бумагами Российская международная валютно-

---

[1] *Киров Д.* Миллионы долларов приносили в мешках // Бизнес-журнал. 25.05.2010.

[2] *Ким Е.* Визит сибирского фондовика в Москву // Коммерсантъ-Daily. 19.12.1992.

[3] *Богданович Д.* Оборонщики сплели для биржевиков очень крупную сеть // Коммерсантъ. 24.02.1992.

фондовая биржа, получившая лицензию Министерства финансов России под номером 84. Однако ей быстро удалось закрепиться на рынке биржевых операций в роли значимого центра вторичной торговли банковскими акциями и ваучерами по безналичному расчёту. И в начале 1993 года она была одним из лидеров в торговле акциями приватизированных компаний. В марте по объёму уставных капиталов акционерных обществ, акции которых были включены в листинг этой биржи, она уступала только объединённому котировальному листу Московской центральной и Международной фондовых бирж[1].

Интерес к этим операциям рос, и РМВФБ с 1 января стала даже брать плату с эмитентов за проведение финансовой экспертизы их акций — от 5 до 50 тыс. рублей в зависимости от категории листинга, на которую претендовал эмитент.

Листинг на Российской международной валютно-фондовой бирже имел три градации, соответствующие качеству листинговых ценных бумаг с инвестиционной точки зрения. Эмитент, собирающийся выпускать акции, претендующие на наиболее «качественную» первую категорию листинга, должен был иметь уставный капитал не менее 300 млн рублей и вести финансово-хозяйственную деятельность не менее трёх лет. Ему также было необходимо представить свою финансовую отчётность за период не менее двух лет и в дальнейшем передавать её на биржу ежеквартально.

Впрочем, следует отметить, что добиться подобных относительных успехов РМВФБ удалось потому, что эта деятельность для неё не была основной. Биржа к осени 1993 года довела свой недельный оборот до рекордного уровня не благодаря торговле акциям. Руководители РМВФБ одними из первых поняли: в той экономической ситуации фондовой торговлей в России можно продолжать заниматься лишь, параллельно зарабатывая на рынке ссудных капиталов (межбанковских, коммерческих кредитов, депозитных вкладов, а также торгуя СКВ).

В результате за десять месяцев 1993 года оборот биржи достиг 1 трлн рублей — больше, чем у всех других российских фондовых бирж, вместе взятых. Сделки в сегменте межбанковских кредитов занимали почти 99% оборота РМВФБ на московском фондовом рынке[2]. Да и в общем на них в то время приходилось примерно 70% финансового оборота российских бирж.

Впрочем, это не было ноу-хау РМВФБ, начало торговли кредитными ресурсами в России относится к 1991 году, когда Московская международная

---

[1] *Лоснов Н.* Регистрируется листинг фондовой биржи // Коммерсантъ-Daily. 12.03.1993.

[2] Российская международная валютно-фондовая биржа (РМВФБ) довела недельный оборот до рекордного уровня // Финансовые известия. 24.09.1993.

и Московская центральная фондовые биржи стали проводить первые кредитные аукционы.

Успехи же РМВФБ можно объяснить успешной (хоть и недолгой) деятельностью в этом направлении Кассового союза, которому мы посвятили отдельную главу.

Необходимые преобразования. В середине 1994 года в России работали 7 торговых площадок, серьёзное положение которых на фондовом рынке не вызывало сомнений. Это были: РТСБ (Москва), Сибирская фондовая биржа (Новосибирск), Пермская товарно-фондовая биржа, Южно-Уральская фондовая биржа, Екатеринбургская фондовая биржа, товарно-фондовая биржа «Санкт-Петербург» и Владивостокская международная фондовая биржа[1].

Главный управляющий РТСБ Алексей Власов, так оценивал обстановку, сложившуюся в фондовых биржах: *«Фондовая биржа предполагает некую инфраструктуру, большой быстродействующий депозитарий по учёту акций. То есть место, где отражаются все сделки купли-продажи по всем акциям. Она интересна только тогда, когда все банковские расчёты проводятся, скажем, в течение сорока минут, иначе нет возможности делать прибыль. Для России это всё в будущем.*

Сейчас хотим создать маленький фондовый рынок и к нему по частям, по модулям, пристыковывать другие участки. Здесь будет сто рабочих мест, депозитарий. Своя локальная система, банк, кабельное телевидение и т. д. позволяют проводить все банковские операции непосредственно на бирже. Чтобы войти в эту структуру, нужно лишь подключить свой депозитарий.

А вообще, создание крупной фондовой структуры, способной реально работать, требует капитально разработанной концепции, которая была бы поддержана на государственном уровне, и огромных вложений.

В стране на сегодня нет необходимых условий, дающих возможность развития инфраструктуры, нет соответствующего законодательства. В первую очередь, по банкам. Извлекать эффективную прибыль на фондовом рынке могут сегодня именно финансовые институты, владеющие средствами.

В первую очередь, навести порядок с расчётами по банкам. Это опять же технология и система законодательства. Во-вторых, должен быть принят нормальный закон по ценным бумагам, где чётко прописаны права и обязанности. В любой стране фондовый рынок — это способ перетока капитала из одной отрасли в другую. И как способ перетока капитала, он всегда играет на развитие той или иной отрасли. Именно его несовершенство привело к Ве-

[1] *Шадрин А.* Перспективы биржевого движения в России // Коммерсантъ-Daily. 13.09.1994.

ликой депрессии двадцать седьмого года в США. У нас он пока не влияет на экономику. Никакой депрессии, соответственно, не будет. Кроме той, которая уже есть. Тем не менее, выходя на рынок, я должен понимать правила игры»[1].

В начале 1990-х годов в Новосибирске будут работать две биржи фондовой направленности, каждая имела подразделения и специалистов по ценным бумагам — «Сибирская фондовая биржа»[2] (СФБ, возглавляемая Александром Владимировичем Новиковым и «Сибирская межбанковская валютная биржа» (СМВБ) под руководством Николая Валентиновича Анохина.

Чикунов А. В.: *«В июле 1991 года Сибирская фондовая биржа провела первые биржевые торги. С момента своего возникновения организация не только позиционировала себя как фондовая биржа, но и стремилась следовать "классическим" канонам такой биржи. В первые годы биржа занималась в основном формированием региональной инфраструктуры фондового рынка и поисками привлекательных для его участников инструментов биржевой торговли.*

Президентом биржи решили назначить Сашу Новикова, его знал приятель Бушуева — Виктор Быханов, торговавший компами. При этом, что такое рынок ценных бумаг, никто из учредителей не знал.

С Новиковым мы дружили во время учебы на факультете НГУ и когда-то были коллегами по Институту экономики, поэтому, зная, что я работал в секторе, занимающемся политэкономией капитализма, Александр пришёл ко мне. Я хотя бы знал нужные слова: "акция", "облигация", "биржа". В результате переговоров в ноябре 1991 года мне был предложен пост вице-президента биржи с окладом 800 рублей. Это окончательно погубило мою научную карьеру.

Биржа тогда располагалась на первом этаже в одной комнате бывшего магазина. Пять брокеров поднимали какие-то карточки...»

Чикунов первым делом создал при бирже Школу специалистов по ценным бумагам, где читал почти все лекции сам. Желающих освоить секреты фондовой торговли мы набирали каждые две недели.

В других сибирских городах: Томске, Иркутске, Красноярске, Кемерове были свои биржи. При этом торговли акциями практически ещё не было.

---

[1] Московская правда. 17.03.1994.

[2] Первую в Сибири фондовую биржу учредили в конце 1990 года Максим Витальевич Бушуев и Александр Владимирович Новиков (Новиков возглавлял её в течение нескольких лет). С участием Бушуева был создан и первый в России инвестиционный фонд под названием «Сибирь», генеральным директором которого был назначен Нестеров. В последствии фонд «Сибирь» был преобразован в ЧИФ «Сибирь». Бушуев был выпускником математического факультета НГУ, работал в одной из лабораторий института математики СО РАН. Его отец, Виталий Васильевич, являясь депутатом Верховного Совета СССР, возглавлял подкомитет по энергетике, а с 1991 года занял пост заместителя министра Минтопэнерго России. — *Прим. автора.*

И тогда Чикуров и Новиков решили стать главными объединителями сибирских (и не только) кадров на фондовом рынке.

За три-четыре месяца они объездили все города и умудрились договориться о том, что все другие биржи: Трансазиатская фондовая биржа (Иркутск), Бурятская и Кузбасская фондовые биржи, вольются в Сибирскую фондовую.

Последней в середине 1993 года к ним присоединилась Западно-Сибирская фондовая биржа «Веста», созданная Леонидом Меломедом (работавшем позднее директором Росэнергоатома и первым замом у Чубайса в РАО «ЕЭС») для скупки акций предприятий. Меламед стал председателем совета директоров объединённой биржи.

Сделав дело, Александр Чикунов покинул руководство биржи.

Все биржи в тот момент искали место под солнцем, способы повысить свою конкурентоспособность. МТБ и Пермская товарно-фондовая — преуспевали на ниве товарного фьючерса. Центральная республиканская универсальная биржа (ЦРУБ) открыла двери для совершения сделок широкой публикой; в 1994 году на ней торговали 50 предъявительскими ценными бумагами и суррогатами (большая часть которых вскоре бесследно исчезла из обращения). Нашла своё место на бирже и «полиграфическая продукция МММ».

Впрочем, это была «лебединая песня» ЦРУБа. Белла Златкис заявила, что эта биржа никогда не получала лицензий в Министерстве финансов, что там нарушаются все мыслимые и немыслимые правила совершения сделок. Это подтвердила и ознакомительная проверка биржи. Недавно она обратилась в Минфин с просьбой о выдаче лицензии на биржевую деятельность и, по словам руководителя департамента ценных бумаг и финансового рынка, не было никаких сомнений, что в этом ей будет отказано[1].

Впрочем, биржевой хаос времён приватизационных чеков, предъявительских бумаг и суррогатов не мог длиться долго. Масштабные спекуляции летом — осенью 1994 года закончились разрушительным для этого рынка кризисом. Тогда же было усилено государственное регулирование бирж и операторов фондового рынка, хождение предъявительских ценных бумаг законодательно запретили.

Перед биржевым движением встали новые задачи. Биржи должны были:

– развивать масштабный ликвидный рынок государственных и муниципальных ценных бумаг, который привлекал бы капиталы на покрытие дефицита федерального и местных бюджетов;

[1] *Замилов Д.* Консультант управления Минфина РФ: «Рынок ценных бумаг сформировался» // Деловой мир. 26.08.1994.

- привлекать финансовые ресурсы в капиталы (акции и долговые ценные бумаги) хозяйства для их восстановления и возобновления экономического роста;
- предоставлять доступ к иностранным портфельным инвестициям в условиях острого дефицита отечественных ресурсов (эксперты утверждали, что размер дефицита средств для восстановления экономики достигал в середине 1990-х годов 80 % от потребности в средствах);
- создать срочный рынок в качестве макроэкономического инструмента для регулирования финансовых рисков и установления свободных рыночных цен;
- расширять возможности отечественных инвесторов для безопасного и ликвидного вложения средств в отечественную экономику;
- наконец, развивать инструменты денежной политики (операции на открытом рынке Центрального банка, основанные на использовании государственных ценных бумаг).

Гордон А. Р.: *«Сделать прозрачным фондовый рынок не удалось. Попытки предпринимались ещё при Дмитрии Васильеве. И всё упёрлось просто в идиотизм. Хотели принять постановление, разрабатывали его, кстати, вместе с Петром Лансковым, "одна бумага на одной бирже". Так же как и на Западе, как в Америке. Бирж много, но на каждой торгуют своим перечнем бумаг. Потому что не должно быть арбитража, а должно быть единственное место, где все сделки сводятся. Тогда формируется правильная цена, и она определяется в одном месте. Сделать это не удалось, хотя мы написали нормальное постановление. Но, попав в аппарат ФКЦБ, к Дмитрию Валерьевичу Васильеву и Александру Степановичу Колесникову, оно изменилось до неузнаваемости. Долго мне пришлось потом отбиваться от брокеров, доказывая, что вышедший документ я не писал, а готовил совсем другой. Закончилось это скандалом на экспертном совете, намеревавшемся ввести систему "одна бумага — одна биржа". Критерии отбора были предложены просто дикие!»*

Но для повышения эффективности биржевой торговли необходимо было вкладывать крупные средства в техническое переоснащение бирж и создание современных торговых и депозитарно клиринговых систем, преодоление региональной замкнутости биржевых рынков.

В конце 1993 года прошла испытание электронная система взаиморасчётов «Национальной торгово-банковской системы». На нескольких реальных торгах были выставлены ценные бумаги ряда приватизированных предприятий и коммерческих структур. Сеть собрала первых абонентов — свыше 30 фирм, специализирующихся на торговле ценными бумагами, ряд коммерческих банков и чековых инвестиционных фондов, финансовых компаний.

Все пользователи этой системы работали в режиме реального времени, информация о наличии того или иного количества акций участникам поступала из депозитария Кассового союза и они имели возможность со своего компьютера совершить покупку той или иной акции.

Проведение всех расчётов по заключённым сделкам проходило в короткие сроки от одного до 24 часов с момента регистрации сделки. Абоненты сети могли использовать её в «свободное» от торгов время как электронную почту или информационно-справочную службу.

НТБС действовала на основе модемной связи, что позволяло сети обслуживать 240 дилеров[1].

В течение 1994 года крупнейшие биржи старались произвести такие преобразования.

Первой, приступившей к созданию цивилизованной биржевой системы, была Российская фондовая биржа (РФБ). В создание её торговой инфраструктуры до середины 1995 года было вложено более 5 млн долларов. Основным звеном системы должен был стать центральный коллективный депозитарий (ЦКД). Его объявленные характеристики впечатляли: количество обслуживаемых клиентов –10 млн счетов-депо — 30 млн поручений в день — 50 тыс. Однако это напоминало блеф, даже вице-президент РФБ Игорь Суворов, признавал, что в тому моменту РФБ не ориентировалась на биржевую торговлю. Посему первое время создаваемую систему планировали эксплуатировать исключительно в режиме депозитария.

Тем не менее Суворов будущие перспективы биржи оценивал, как грандиозные: он мечтал ни больше ни меньше о построении на её базе глобальной инфраструктуры полноценного фондового рынка в России, а РФБ должен был стать, по его словам, центральной фондовой площадкой, на которой отрабатывались бы стандарты и параметры всей биржевой деятельности. Естественно, для претворения задуманного, он рассчитывал на помощь государства.

Ювонин В. Ю.: «*К 1994 году я входил в совет директоров Российской фондовой биржи. Она располагалась тогда в Московском автодорожном институте (МАДИ) на Ленинградском шоссе. Её идеологом был Игорь Суворов. Мы с ним решили РФБ сделать фондовой биржей № 1. Хотя Боровой пытался оставить её под РТСБ. На общем собрании, на котором этот вопрос решался, я был председателем счётной комиссии и у меня была политическая задача "правильно подсчитать" голоса. Под этим я понимаю, что нельзя дать сфальсифицировать итоги голосования. В результате мы добились выполнения поставленной задачи*».

[1] *Евгеньева Т.* Электронные торги по телефону привычны для дилеров // Финансовые известия. 12.11.1993.

РТСБ, ставшая в 1995 году Российской биржей, осуществляла проект поскромней, вкладывая в него «всего» 3–3,5 млн долларов. Их система подразумевала создание депозитарно-расчётного центра и системы электронных торгов в новом операционном зале на 150 автоматизированных рабочих мест. В отличие от мечтаний коллег, эта система была готова к эксплуатации в середине 1995 года.

Реализация этого проекта началась весной 1994 года, когда руководство РТСБ провело встречу с представителями крупнейших брокерских фирм биржи, Депозитария РИНАКО и Российского национального коммерческого банка. Тогда только обсуждался вопрос о предстоящих изменениях в технологии торгов биржи, связанных с реконструкцией операционного зала РТСБ на Мясницкой улице. Группа РТСБ вложила в него 1 млн долларов. В результате по периметру торговой площадки операционного зала для брокерских фирм было установлено 100 рабочих мест, оборудованных компьютерами, телефонной и модемной связью, а также мониторами с самой оперативной ценовой информацией. Они были фактически мини-офисами брокерских фирм. Стоимость аренды такого места установили в 1300 долларов в месяц.

Кроме новых рабочих мест у брокеров осталась и привычная возможность работы «на полу», то есть заключать сделки с голоса или через маклера. Под такую схему торговли выделили отдельную площадку, как и под торги наличным товаром. Участие же в организации торгов Депозитария РИНАКО и Российского национального коммерческого банка должно было способствовать обеспечению гарантий сделок[1].

Через год вице-президент биржи Александр Дедученко отмечал, что, хотя до этого не существовало необходимых условий для реальной торговли акциями приватизированных предприятий, благодаря новым технологиям появилась возможность вести работу теми инструментами, которые тогда были интересны для брокеров (например, корпоративными долговыми обязательствами). Главное для него было то, что с началом работы появлялись новые стандарты: надёжность в лице гарантии биржи и прозрачность рынка, что было одинаково привлекательно для любых клиентов биржи. А начальник фондового отдела Максим Белоусов, добавил, что проект оказался востребован, по крайней мере, биржевыми спекулянтами, которым была предоставлена возможность проводить торги в режиме внебиржевого рынка (без гарантий биржи).

Всего Российская биржа вложит за два года более 3 млн долларов в систему электронных торгов на 150 автоматизированных рабочих мест.

Ещё одной биржей, потратившей к середине 1990-х годов на развитие фондового направления около 1,5 млн долларов, была Московская товарная

[1] *Шадрин А.* РТСБ меняет технологию торгов // Коммерсантъ-Daily. 17.03.1994.

биржа (МТБ). В отличие от остальных бирж, здесь ставка делалась на торги с голоса (биржа уже имела большой опыт проведения таких торгов на фьючерсной площадке). Начальник департамента развития рынка ценных бумаг Наталья Крючкова видела роль биржи в том, чтобы объединить разрозненные фрагменты уже готовой рыночной инфраструктуры — депозитарии и банки (как расчётные центры). Гарантировать же исполнение сделки, на её взгляд, должны были внутренние правила биржи. Поэтому на МТБ надеялись на законодательное закрепление того, что сделки, зарегистрированные на бирже (имеющей на то соответствующую лицензию), повлекут за собой безусловную передачу прав собственности.

Наконец, ТМБ «Гермес» затратила тогда же на свою инфраструктуру около 300 тыс. долларов. Количество созданных там электронных торговых мест составляло 50. Дело в том, что эта биржа не строила глобальных планов, предполагалось, что на ней в первую очередь будут торговаться акции многочисленных гермесовских структур («Концерн "Гермес"», «Гермес-Союз», «Гермес-Планета», «Гермес-Москва» и т. д.), однако не исключалась и торговля акциями приватизированных предприятий. Ставка здесь делалась на депозитарно-расчётный центр, который должен был иметь большое количество трансфер-агентских соглашений с эмитентами и их реестродержателями. Однако, по словам, начальника отдела фондовых торгов Алексея Рыжикова, самые большие надежды связывались ещё с одним проектом: созданием новой Национальной фондовой биржи (НФБ). Инициатором её учреждения выступили госструктуры (якобы в такой бирже был заинтересован в первую очередь РФФИ), а также банки. Рыжиков надеялся, что государству новая биржа будет нужна для проведения специализированных аукционов, ведения заинтересованными ведомствами операций на фондовом рынке и, наконец, для создания крупнейшей сети для обмена информацией о фондовом рынке[1].

К 1994 году всерьёз озаботились техническим и программным переоснащением систем ведения собственных торгов и региональные фондовые биржи. В это время все они решили обзавестись так называемой системой удалённых» торгов. Особо это было актуально для бирж, имеющих большое число региональных отделений, в частности для Сибирской фондовой или Владивостокской международной фондовой биржи. В сентябре подобную систему установила у себя Екатеринбургская фондовая биржа.

Юдин Ю. К.: *«Безусловно, очень помогло нам решение Госимущества, возглавляемое ещё Чубайсом, разрешающее в Приморском крае проводить чековые аукционы в виде биржевых торгов. Сахарову удалось доказать, что торги на на-*

[1] *Градецкий А., Гришанков Д., Локоткова С., Сиваков Д., Шмаров А.* Фондовый рынок — обзор // Коммерсантъ. 13.06.1995.

шей бирже абсолютно анонимны. ПЦД открыл счёт-депо Фонду имущества края, на который фонд перед аукционом переводил государственные пакеты акций. Наш депозитарий по итогам торгов и результатам денежных расчётов поставлял бумаги покупателям. Это была уникальная для страны ситуация!

По этим причинам развивались мы быстро и очень удивлялись заявлениям наших коллег, с гордостью объявлявших в 1997 году, что их депозитарий открыл 100–150 счетов в реестрах эмитентов. У нас ещё в начале 1995 года их было 360!

Кстати, по качеству организации аукционов, проходящих у нас, претензий не было никаких! И эти уникальные итоги были достигнуты за счёт анонимной организации торгов. Брокеры у нас действительно бились за пакеты акций. Причём, аукцион был обратный, то есть сразу цена устанавливалась высокой и понижалась до первого предложения».

К 1995 году на Владивостокской бирже было представлено около 150 брокерских компаний. Тогда же брокеры стали работать с удалённых терминалов, причём программное обеспечение биржи позволяло это делать из любой точки России.

Юдин Ю. К.: *«В 1995 году наш брокер, находившийся в Нью-Йорке на NASDAQ, демонстрировал, как можно купить акции на нашей бирже. Работали же постоянно участники торгов из 10 или 15 регионов, включая Москву, Новосибирск, Екатеринбург.*

Так что Владивостокская биржа была отнюдь не местечковой! Нас активно изучали. Приезжало очень много специалистов из других регионов. Например, президент Сибирской межбанковской валютной биржи Николай Анохин прислал к нам своих людей, и они провели у нас много времени, перенимая опыт. Технологически они быстро продвигались, и не зря в Новосибирске появилась одна из первых систем поддержки интернет-трейдинга — QUIK».

В Новосибирске тогда появился новый программный продукт — электронный депозитарий ценных бумаг и система исполнения утверждённых сделок (СИУС), разработанный в местном Центре финансовых технологий.

Таким образом, решалась проблема электронной подписи, проблема гарантии подлинности владения ценной бумагой и гарантии взаиморасчётов по сделкам. Система работала полностью в автоматическом режиме и затрачивала на проведение сделки от момента появления приказа до выдачи выписки не более 2 минут. Она была способна регистрировать на тот момент до 10 тыс. сделок в день.

Впрочем, если учесть, что на торгах Сибирской фондовой биржи с ценными бумагами заключалось максимум 5–6 сделок в день, учитывая высокую стоимость программы (120 тыс. долларов), использовать в то время её потенциальные возможности было нереально.

На Екатеринбургской же фондовой бирже была задействована корпоративная сеть ESNET. Система давала возможность проводить торги с участием удалённых пользователей. При этом (о, чудо!) действия удалённого брокера ничем не отличались от действий брокера, сидящего за компьютером в биржевом зале. Брокер мог подавать заявку на покупку / продажу, провести сделку и получить к себе на терминал необходимые документы[1].

В конце 1994 года была попытка запустить и Федеральный расчётно-клиринговый депозитарный центр. Расчёты по торгам ценными бумагами должны были осуществляться на нём в виде проводок по счетам в расчётных палатах Федерального РКДЦ ФЭС или корреспондирующих систем (НТБС, РИНАКО, Кассовый союз).

В ноябре прошли пробные электронные торги ценными бумагами московских приватизированных предприятий, организованные Фондовым эмиссионным синдикатом на базе глобальной коммуникационной сети ФЭС-Sprint. Для участия в торгах кроме подписания договора участники должны были ещё и оплатить немаленький членский взнос, что не сделал тогда никто.

Подключение к системе электронных торгов позволяло клиентам получить доступ к обширной информации о предложениях на покупку и продажу ценных бумаг в межрегиональном информационном пространстве из большинства областей России, а также давало возможность выставить свои собственные заявки. Однако делалось это с большим опозданием и брокерам, располагающим более свежей информацией, эффективнее было заключать сделки непосредственно между собой за наличные или через РКЦ ЦБ, минуя расчётно-клиринговый центр ФЭС.

Кроме того, для обеспечения гарантии заключённых сделок участникам торгов приходилось бы переводить на счёт РКДЦ ФЭС средства для покрытия сделок с ценными бумагами. В результате деньги участников торгов оказывались бы замороженными на счёте до покупки акций. Естественно, заключение сделок по схеме «утром деньги — вечером стулья» не понравилось большинству брокеров[2]. И проект не получил продолжения.

Первые шаги на пути к клирингу. С лёгкой руки консультантов самой обсуждаемой темой фондового рынка в начале 1990-х годов стал вопрос организации клиринга. Проекты создания коммерческих клиринговых систем долгое время оставались только на бумаге. Лишь 10 февраля 1993 года Банк России подписал нормативные документы, регламентирующие деятельность

[1] *Черепанов М., Смирнов В.* Новые возможности фондовых бирж // КоммерсантъDaily. 24.09.1994.

[2] *Илехменев Н.* Пробные торги в системе ФЭС // Коммерсантъ-Daily. 02.11.1994.

коммерческих клиринговых организаций, — «Временное положение о порядке выдачи лицензии клиринговым учреждениям» и «Временное положение о клиринговом учреждении».

Тогда же две первые действующие клиринговые палаты — Центральная расчётная палата и Кассовый союз, созданный под эгидой Российской международной валютно-фондовой биржи, получили в Центральном банке счёт № 162 («Корреспондентские счета центров межбанковских расчётов»). При помощи этого счёта появилась возможность осуществлять непосредственные проводки денежных средств клиентов.

Кассовый союз, как уже говорилось в этой книге, был создан крупнейшими коммерческими банками России при поддержке финансовых институтов Германии. Изначально КС ориентировался на обслуживание расчётов на Российской международной валютно-фондовой бирже и на ведение клиринговых операций на внебиржевом денежном рынке. Поддержку Кассовому союзу оказывали крупные банки: «Столичный», Инкомбанк, Кредобанк, «Эффект-Кредит» и другие, что позволило этому клиринговому центру наладить предоставление уникальной на тот момент для российского рынка услуги по финансовым расчётам по проведению сделок с «короткими деньгами» — краткосрочными межбанковскими кредитами на сроки от двух недель до трёх месяцев. В расчётах на фондовом рынке КС, главным образом, ограничивался депонированием приватизационных чеков и погашением ваучеров по победившим на аукционах заявкам. Также через КС проводились сделки с акциями, заключаемые на РМВФБ[1].

Агроскин В. В.: «*Постоянной головной болью в то время был учёт денежных средств клиентов, переданных брокеру. Инвестиционные компании, не собиравшиеся заниматься банковской деятельностью, пытались убедить Центральный банк (в лице Андрея Козлова, разумеется) в том, что самым логичным способом решения правовых и учётных проблем является разрешение брокеру открывать денежные счета клиентов и так их и называть — денежными счетами. Правовых оснований для этого было достаточно в действующем Гражданском кодексе, необходимые уточнения могли бы быть приняты, если бы их поддержали одновременно ЦБ и Комиссия по ценным бумагам. Но позиция Козлова была непоколебима — вы, брокеры, начнёте под это дело проводить кредитную эмиссию, вы не сдаёте ежедневный баланс, и мы, Центробанк, потеряем контроль над денежной массой в стране. Либо получайте банковские лицензии, либо идите на все четыре стороны. Возможно, побочным результатом этих бесед стало ускорение появления лицензии*

[1] *Илюхина И., Аспин С., Чернышкова Е.* Клиринговые системы в России // Коммерсантъ-Daily. 11.03.1993.

небанковской кредитной организации, предназначенной для расчётных палат при организованных рынках, но уж никак не для брокеров. Такая лицензия была в первую очередь выдана Кассовому союзу. Брокерам лишь оставалось грустно шутить, что они дожидаются появления лицензии для небанковских некредитных организаций».

Развитие фондового рынка, формирование ликвидного и объёмного рынка безналичных операций с ваучерами и акциями крупных акционерных обществ, вызвали активный интерес в решении проблемы взаиморасчётов и у профессиональных участников фондового рынка.

В результате на фондовом рынке помимо уже действующего Кассового союза появился ряд проектов по созданию клиринговых систем, задуманных для обслуживания расчётов по биржевым и внебиржевым сделкам с ценными бумагами и свободными финансовыми ресурсами.

Так осенью 1992 года на конференции Всероссийской федерации фондовых бирж было принято решение об учреждении Клирингового центра. Амбиции руководства Российской фондовой биржи, инициатора этого проекта, распространялись не только на обеспечение расчётов по биржевым сделкам. Разработчики рассчитывали дать возможность получить доступ к эффективной системе клиринга небольшим брокерским фирмам из различных регионов. Координатором проекта, председателем оргкомитета по созданию Клирингового центра выступил исполнительный директор РФБ Игорь Суворов. По его словам, задуманная расчётно-клиринговая система уже функционировала в рамках «Опытной зоны организованного рынка ценных бумаг и товаров» и проходили «обкатку» отдельные блоки многоступенчатой расчётной схемы.

В декабре 1992 года приступил к работе организационный комитет по созданию Клирингового центра, который должен был облегчить и значительно ускорить финансовые операции его участников. В состав учредителей центра собирались войти члены Всероссийской федерации фондовых бирж. Специалисты Клирингового центра рассчитывали, что им удастся значительным образом потеснить коммерческие банки на рынке ценных бумаг.

Центр призван был систематизировать расчёты по всей России. Более того, на него планировалось возложить функции по проведению клиринговых расчётов между странами СНГ и Восточной Европы. Наконец, в перспективе центр должен был принять на себя функции по обеспечению расчётов в свободно конвертируемой валюте между резидентами России и всех развитых стран мира.

Функцию центра межбанковских расчётов брал на себя не самый крупный коммерческий «Пресня-Банк». Он же вместе с Российской фондовой биржей финансировал проект.

Планы фондовых Нью-Васюков были грандиозны, как всё в то время. Полностью система должны была заработать и начать предоставлять услуги своим клиентам уже в июне 1993 года.

Комментируя идею создания новой клиринговой системы, вице-президент Российской международной валютно-фондовой биржи Михаил Лелявский, отметив её несостоятельность, заметил, что нет смысла внедрять в России идеи американского финансового либерализма. Более необходима, с его точки зрения, ориентация на немецкий централизм[1].

Костиков И. В.: *«Первые профучастники на биржах отчаянно спорили по теоретическим, с точки зрения "советской" финансовой науки, проблемам. Биржи спорили между собой о том, какая модель развития фондового рынка предпочтительнее — немецкая с банками во главе или американская с главенствующими брокерами. Уже тогда я было ясно, что этот спор — бессмыслен. Но детали этого, по сути, пустого разговора занимали огромные газетные, журнальные площади и эфирное время на телевидении. Наши коллеги ездили на Запад, общались, получали гранты, техническую помощь западных компаний. К нам со всего света съезжались консультанты — немецкие, английские и особенно американские».*

В начале 1993 года было официально заявлено об объединении Московской центральной и Международной фондовых бирж. В результате планировалось создать Московскую фондовую биржу, а также клиринговый центр, призванный обеспечить надёжные и эффективные расчёты как по биржевым операциям, так и по всем финансовым сделкам между клиентами Клирингового центра. Идея обсуждалась на Ассамблее членов Федерации фондовых бирж России. Техническую поддержку проекту обещали оказать скандинавские партнёры МЦФБ, специализирующиеся на производстве банковской техники и оборудования.

Координацией этого проекта должен был заниматься президент Московской международной фондовой биржи Андрей Захаров, бывший руководитель вычислительного центра Минфина СССР, объявленный в финансовых кругах как опытный специалист в области создания расчётной инфраструктуры именно в применении к фондовым операциям[2].

Тем временем биржевому движению в России исполнилось пять лет. Прошли времена размещения бирж в личных квартирах и местах досуга. К середине 1990-х годов при растущей конкуренции со стороны органи-

[1] *Белова Е.* Создаётся новая клиринговая система // Коммерсантъ-Daily. 05.12.1992.

[2] *Илюхина И., Аспин С., Чернышкова Е.* Клиринговые системы в России // Коммерсантъ-Daily. 11.03.1993.

зованных внебиржевых систем на фондовых биржах наступило затишье. Обороты биржевых торгов ценными бумагами были более чем скромными, особенно в регионах. Например, на Екатеринбургской фондовой и Сибирской межбанковской валютной биржах сделок с ценными бумагами в середине лета практически не заключалось неделями. Только на Санкт-Петербургской фондовой и Центральной российской универсальной биржах, остающихся до запрещения хождения основными торговыми площадками предъявительскими бумагами, ощущалось оживление. В результате на долю первой летом приходилось более 60 % от всего объёма биржевых торгов.

На СПФБ брокеры отдавали предпочтение в основном акциям «ОЛБИ-Дипломат», Автомобильного всероссийского альянса, «Дока-Хлеб» и «Холдинг-Центра». А на ЦРУБ кроме них пользовались популярностью бумаги МММ, «Телемаркета» и «ВИКО-Холдинга».

А вот на Владивостокской международной фондовой бирже, как обычно, торговали акциями промышленных предприятий региона (наиболее популярными были акции Дальневосточного морского пароходства). При этом и там летом произошло снижение объёма торгов более чем на 50 %[1].

Для выживания требовалась консолидация фондовых бирж, заговорили об их интеграции, селекции, создании программ развития, наведении мостов между регионами, привлечении на эти цели государственных и частных ресурсов. Однако сами биржи договориться между собой не могли, так же как и самостоятельно найти финансовые источники для развития.

В России в 1995 году оставались 64 фондовые биржи (включая фондовые отделы товарных и валютных бирж). Большинство из них были карликовыми.

Впрочем, это составляло 40 % от числа всех фондовых площадок, действующих в мире, где тогда работало около 150 фондовых бирж. Далеко от России отстала Индия — в ней было всего 19 фондовых бирж. Сильно позади была Италия с 10 биржами. Остальные страны в этом «соревновании» вообще были аутсайдерами. В Германии и Японии функционировало по 8 фондовых бирж, в США и Франция — по 7. В финансовом центре мира Великобритании — только 6. Для сравнения в конце 1994 года в России, считалось, что функционирует 137 товарных бирж.

Мода на биржи проходила, неслучайно стали отходить от дел многие известные на первом этапе биржевики. Покинул пост президента МЦФБ Вячеслав Панькин. В июне 1994 года он станет председателем Совета по делам молодёжи при Президенте РФ (затем выберет совсем не молодёжное занятие — станет генеральным директором ООО «Джекпот» и сопредседателем

[1] Фондовый рынок // Коммерсантъ. 11.07.1995.

Российской ассоциации развития игорного бизнеса, на него будет совершено покушение, и он умрёт в 2004 году). Одновременно с ним биржевое движение потеряло и другого старейшего (если можно было так сказать в то время) биржевика — руководителя Санкт-Петербургской фондовой биржи с её основания в 1990 году Игоря Константиновича Ключникова. Он подал заявление об отставке в мае 1994 года. А ведь в том же году он стал почётным членом Американской ассоциации фондовых дилеров и брокеров, почётным членом Международной федерации фондовых бирж. Интересней ему показалась наука и консультирование (что явно безопаснее игорного бизнеса), там он достигнет успехов, станет доктором экономических наук, профессором СПбГУ. А вот петербургскую биржу его отставка приведёт к кризису — уходу сразу нескольких крупных брокерских контор.

Ещё раньше покинули биржи такие звёзды, как Теняков, Затулин и Боровой.

В 1994 году из биржевого совета Московской товарной биржи ушёл и Юрий Припачкин, обеспечивший телекоммуникационное пространство для брокеров. Из этого проекта вырастет мощная самостоятельная компания КОМКОР — Московская телекоммуникационная корпорация.

Припачкин Ю. И.: *«Когда я погрузился в эту тему поглубже, я понял, что можно попытаться создать и городскую сеть с оптическими линиями связи, реализовывающую функции телефонии и передачи информации».*

Юрий Игоревич с ностальгией вспоминает совместную работу совета биржи.

Припачкин Ю. И.: *«Биржевой совет работал, как хороший совет директоров. Очень активно проходили заседания биржевого совета, много было на них ярких ораторов, только Костя Затулин или Марк Масарский чего стоят! Особенностью нашей биржи было коллегиальное руководство, у нас не было такого жёсткого лидера, как Боровой, державшего до поры до времени всё в своих руках. Юра Милюков создал демократическую атмосферу в работе биржевого комитета.*

Заслуга биржевого совета, что удалось создать атмосферу доброжелательности и сделать работу биржи прозрачной. Поэтому мы избежали криминальных историй.

Моя основная задача была в создании инфраструктуры. А ещё я заведовал всей рекламой биржи и креативом. В 1992 году мы, например, спасли передачу "Спокойной ночи, малыши!". Её решили закрыть из-за отсутствия средств. Тогда наша биржа профинансировала её. Вышла даже специальная программа для детей, посвящённая ваучерам».

Доля российских бирж в торговле корпоративными ценными бумагами долгое время была ничтожно мала (около 1%). В середине 1990-х годов

она ещё больше уменьшилась. Почти не торговались уже на них акции приватизированных предприятий. 90% всего биржевого оборота приходилось на торговлю государственными ценными бумагами (ГКО-ОФЗ). Средний ежедневный биржевой оборот на рынке акций производственных компаний составлял около 4–5 млрд рублей, тогда как ежедневный оборот торговли по ГКО-ОФЗ достигал 1–2 трлн рублей[1]. Объём торгов негосударственными ценными бумагами за 8 месяцев 1995 года достиг 471,6 млрд рублей[2].

Ряд бирж в поисках ликвидности продолжали торговать предъявительскими бумагами, инвестиционные качества которых не выдерживали никакой критики. Не имея возможности организовать торги ценными бумагами, биржевики всё чаще пытались переключиться на другие проекты. Летом 1995 года на грани закрытия оказалась одна из старейших (если так можно сказать про нашу короткую историю рынка ценных бумаг) бирж страны — Санкт-Петербургская фондовая биржа.

Руководители московских бирж (РФБ, МТБ, РТСБ, «Гермес») заявляли тогда, что без изменения отношения государства к происходящему на фондовом рынке выход биржевой торговли на необходимый (по крайней мере самим биржевикам) уровень невозможен.

Самостоятельные попытки бирж вернуть себе рынок, даже несмотря на их усилия по внедрению передовой технологии, были неудачными, так как они не могли решить главную проблему гарантий и перерегистрации прав собственности.

Отдельную роль при этом играла ММВБ, которая получила значительный опыт организации рынка государственных ценных бумаг, а также имела уже передовую технологию и квалифицированные кадры. Но участие государства в её работе в либеральные 1990-е годы «смущало» коллег.

В апреле 1996 года был принят Закон «О рынке ценных бумаг», в котором говорилось, что все фондовые биржи должны иметь статус некоммерческих партнёрств. Это привело к закрытию всех фондовых бирж, созданных как акционерные общества, так как преобразование в этот статус из хозяйственного общества было невозможно.

В середине 1990-х годов под риском закрытия оказались главные биржи страны. Вскоре они начнут закрываться одна за другой. А открыла этот печальный список Московская товарная биржа.

---

[1] *Марголит Г., Медведева М.* Корпоративные ценные бумаги будут гвоздём следующего сезона // Финансовые известия. 08.12.1995.

[2] Инфраструктурироваться нужно. И тщательнее, тщательнее // Казахстанская правда (Алматы). 19.01.1996.

Гавриленко А. Г.: *«Её президенту, председателю биржевого комитета Юрию Милюкову, конечно, сложно было отказать в уме и опыте. Но биржу потерял, потому, что, на мой взгляд, мало обращал на неё внимания, вникал в суть происходящего. Огромные доходы, наверное, затуманили глаза этому очень умному и интеллектуальному человеку. Инвестиции в биржевые бумаги давали тогда 120–130% годовых.*

Эйфория от успехов привела к потере бдительности. В преддверии Нового 1995 года члены биржевого совета и менеджмент биржи решили отдохнуть. 24 декабря собралась, как всегда, наша секция на МТБ, чтобы решить очередные текущие вопросы, и вдруг руководство биржи заявило: "Мы так здорово в этом году поработали, что считаем нужным объявить каникулы до 25 января". Я первый и, пожалуй, единственный начал возражать, подозревая, что это очень рискованное решение, буквально заорав: "Вы что делаете?! Нельзя бросать на целый месяц биржу! За этот месяц столько может произойти непредвиденного". Меня почти никто не поддержал.

На бирже хранились наши залоговые средства, их накопилось миллиарды рублей. Биржа неплохо зарабатывала вложением этих денег в различные проекты. Но как только было объявлено о каникулах, несколько брокерских компаний решили: а зачем целый месяц хранить свои средства на бирже, когда их можно самим использовать эффективнее. Им выдали требуемые средства. Видя это, появились другие желающие улучшить своё финансовое положение. После чего менеджеры биржи заволновались, денег на всех явно не хватало, и они потихонечку стали тормозить выплаты. Как только появились первые неудовлетворённые, возникла общая паника, за залогами прибежали все остальные. И в результате конструкция, основанная только на доверии, обрушилась.

С середины января 1995 года Ю. Милюков вынужден был усилить свою охрану и ходил тогда везде с пятью телохранителями.

Не прошло и двух лет, и похожим образом закончила свои дни и РТСБ, но это уже рассказ из следующего периода истории фондового рынка.

Так же говорили, что Московская товарная биржа обанкротилась вследствие рискованной политики руководства биржи, инвестировавшего залоговые средства в векселя обанкротившихся банков».

РТСБ. Первая в СССР (после более чем 60-летнего перерыва) биржа — Московская товарно-сырьевая биржа — была учреждена 2 апреля 1990 года. Однако сразу же Администрация Москвы потребовала убрать из названия слово «Московская» и биржу переименовали в Российскую (РТСБ). Буквально пару месяцев биржа существовала в рамках Ассоциации делового сотрудничества при советском Фонде милосердия, а её учредительная конференция прошла 16 октября 1990 года.

Немного коммерческих структур могут похвастаться не рекламными упоминаниями в поэтическом творчестве современников. РТСБ может! Владимир Вишневский когда-то произнёс: «Я шепчу во сне, охреневая: “Российская!.. Товарно-сырьевая...”»

Один из первых брокеров вспоминал: *«Я помню объявление в какой-то газете о том, что создаётся биржа. И все мы туда пошли. Товаров тогда не хватало по всей стране, а на бирже уже разрешалось торговать по свободным ценам. И товарная база росла бешеными темпами. Продавали авиадвигатели, противогазы, компьютеры... Стоимость брокерского места в 1990 году доходила до 8 млн рублей — по тем временам сотни тысяч долларов. Биржа очень хорошо жила. Оплачивала самолёты, отпуска, проводила конкурсы, дарила деньги артистам...»*

РТСБ выделила себя среди уже появившихся тогда конкурентов во время путча. Её брокеры не согласились признать ГКЧП и маршем прошли через центр Москвы к Белому дому с огромным триколором. Биржа оказала не только моральную поддержку противникам уходящей власти. Вспоминает глава крупной брокерской конторы: *«Мама звонит утром и говорит, что объявили ЧП. Горбачёва отстранили от власти... Не сговариваясь, все потянулись на площадку. Собрались утром на бирже, я подумал: “Всё, конец”. Пришёл в контору и сказал: “Можно отдыхать, но я считаю, что мы должны сказать своё слово”. И все пошли к Белому дому».*

А ведь к этому моменту появились поводы, чтобы первичная эйфория пошла на убыль.

«Привычное в последнее время падение цен предложения и курсовой стоимости ценных бумаг на прошлой неделе носило избирательный характер. Резко начали падать акции двух крупных московских фондовых бирж — МЦФБ и РФБ. Эксперты объясняют этот факт общим бедственным положением фондовой торговли на биржах и явно завышенным изначально курсом этих акций. В своё время для покупки акций МЦФБ и РФБ, курсовая стоимость которых доходила до 8 млн рублей и выше, брокерские фирмы взяли кредиты. Теперь их надо возвращать, а другого пути, кроме “сброса” бумаг, инвесторы не находят.

В аналогичное положение попали акции другого “кита” — РТСБ. Падение акций этой биржи, курсовая стоимость которых в конце прошлого года в 88 (!) раз превышала номинал, наблюдатели объясняют, во-первых, упадком биржевой торговли и, во-вторых, стремлением госпредприятий поправить свои финансовые дела за счёт продажи принадлежащих им акций РТСБ. Этот процесс, вероятно, будет продолжаться и в дальнейшем»[1].

[1] Коммерсантъ. 01.06.1991.

На годовом собрании биржи 14 марта 1992 года уже рапортовали, что РТСБ за истекший год получила от реализации своих акций 131 млн рублей, от продажи брокерских мест — 249 млн рублей. Прибыль от торгов составила 28 млн рублей, доход от «внереализационной деятельности» — 27 млн рублей[1].

Тогда же у биржи начинают активно создаваться новые секции, она фактически превращается в холдинг.

Одновременно с открытием Фондовой секции РТСБ объявила о планах по открытию ещё нескольких секций — металлургической, топливной... Супервыгодное дело — продажа своих акций — завершалось, есть предел увеличению количества мест на бирже. И вот уже новые секции фактически превращались в отдельных юридических лиц, и биржа могла объявить новую подписку уже на их акции. Она и предложила желающим компаниям из числа аккредитованных брокерских контор заняться их продажей. Так мы стали своеобразным «андеррайтером» акций металлургической секции РТСБ.

Коланьков А. В.: *«Идея была, в общем-то, неплохая, биржа предприняла попытку перестать быть базаром, на котором торгуют всем: от белья до пиломатериалов, — выделить специализированные секции, ввести сертификацию товаров, их стандартизацию. На словах это выглядело, как попытка приблизиться к цивилизованным образцам биржевой торговли. На деле — все помнят историю взлёта и падения РТСБ. Но нам тогда эта идея понравилась, я обзвонил полсотни предприятий, и 30 из них проявили заинтересованность и предложили приехать к ним, чтобы продолжить агитацию. Успех дела заключался в том, что я был искренне убеждён в правоте своего дела, был уверен, что несу людям решение всех их проблем, помогаю встроиться в новую экономику, восстанавливаю разрушенные связи.*

Затем я два месяца объезжал эти заводы, пару десятков из которых в результате стали акционерами металлургической секции биржи и подписали с нами договоры о брокерском обслуживании.

Однажды по телефону мне удалось заинтересовать в покупке акции Металлургической секции РТСБ один бокситный завод на Северном Урале. Я к ним еле добрался... Помню, когда из Екатеринбурга летел в этот северный город на 8-местном одномоторном самолёте, то заснул и у меня волосы примёрзли к стеклу. Проснулся и не мог голову оторвать...

А места там красивейшие! Но дело не в этом. Акцию они купили. Но летать самим в Москву, чтобы работать на бирже, им не хотелось, и они поручили нам работать по их доверенности. Мы согласились. Расчёт был на то, что именно это нас озолотит. Однако все новообращённые акционеры сразу о нас

[1] *Плаксин Г.* Биржевики поделили деньги и акции // Коммерсантъ. 01.06.1991

забыли. Мы упорно напоминали им, что они могут начать торговать. Каково же было наше разочарование, когда пришёл первый заказ.

На металлургической секции биржи нам поручалось приобрести: куртка ватная мужская — 6 тыс. шт., валенки — 1,5 тыс. пар; сапоги кирзовые — 1,5 тыс. пар; рукавицы — 50 тыс. пар и т.д. Тогда мы поняли: это не наш бизнес.

И всё-таки результатом работы с акциями металлургической секции РТСБ был неплохой заработок для фирмы, принадлежавшей моим коллегам, — с каждой проданной за 100 тыс. рублей (в размере я могу ошибиться) акции мы получили по 10%.

Секции, так и не поднявшись, закрылись».

Управленческий век создателя биржи Борового оказался недолгим. Уже весной 1992 года, поругавшись с коллегами, Константин Натанович фактически уходит с биржи. 8 июня к исполнению обязанностей приступил новый главный управляющий РТСБ Алексей Власов. Решением биржевого совета он получил всю полноту оперативного руководства.

38-летний Алексей Власов был главным разработчиком юридической базы практически для всех структур, входящих в группу РТСБ, акционером биржи, получившим акции в качестве оплаты своего интеллектуального вклада. Он владел брокерской конторой РТСБ № 38, занимающейся, в частности, регистрацией новых членов биржи. До своего назначения Власов был одним из сопредседателей биржевого совета РТСБ. Фактически же с конца апреля — момента перехода Борового к активной политической деятельности — именно он руководил работой аппарата биржи, став управляющим — исполнительным директором — и получив (вместе с управляющим операционным залом Александром Дедученко) право подписи финансовых документов.

Тогда же выяснилось, что финансовое положение биржи далеко не блестящее, хотя она ещё несколько лет будет считаться российской торговой площадкой номер один и новое руководство будет пытаться её «раскрутить» заново. Порою это получалось...

Свою деятельность Власов начал с внесения изменений в правила биржевой торговли, заявления о грядущем сокращении аппарата (примерно на 25%) и текущих расходов РТСБ, а также о переориентации рекламной кампании. Он почти на четверть урезал вознаграждение членам биржевого совета (в том числе собственный оклад — до 40 тыс. рублей в месяц), но одновременно обещал увеличить зарплату исполнителей.

Назначение Власова знаменовало собой переход к новой стадии развития РТСБ, когда тандем Константин Боровой — Александр Хажакян в руководстве биржи заменялся на конструкцию Власов — Дедученко[1].

[1] *Хнычкин Ю.* Алексей Власов: новая метла РТСБ // Коммерсантъ. 15.06.1992.

Константин Натанович Боровой. Безусловно, одна из самых ярких фигур биржевого движения и один из самым зрелых биржевиков. 1948 года рождения. Как и все остальные, технарь. Окончил в 1970 году факультет вычислительной техники Московского института инженеров транспорта и в 1974 году механико-математический факультет МГУ. Его должности в те годы бессмысленно перечислять, всё равно какие-то пропустишь. Нас интересует, в первую очередь, как он с 1990 по 1992 год руководил Российской товарно-сырьевой биржей (РТСБ), а с 1991 года — Российским инвестиционным акционерным обществом «РИНАКО».

Константин Натанович всегда умел себя продемонстрировать. Автор книги вспоминает первую встречу с ним в самом начале 1990-х годов. В кабинете в Политехническом музее, ведя разговор, биржевик не отводил взгляда от стенки с телевизорами, транслирующими все существующие тогда программы передач. Он как бы говорил: «Всегда надо быть в курсе происходящих событий, чтобы оперативно на них реагировать!»

В те же годы он жаловался журналисту, что самое тяжёлое в его работе президентом РТСБ то, что требуется соблюдать условности делового этикета: необходимо ходить в дорогом костюме, носить часы марки «Картье», ездить на «Мерседесе», держать любовницу (хотя и фиктивную) и пр. С такими дамами он будет приходить на интервью и через 25 лет.

В феврале 1992 года Константин Боровой заявил, что на первом же заседании биржевого совета РТСБ было решено запретить биржевикам иметь «политические взгляды» и сказано, что брокеры «должны рассматриваться как род госслужащих, которым во всём цивилизованном мире отказано в праве заниматься партийной деятельностью»[1].

Впрочем, уже в мае 1992 года он создаёт Партию экономической свободы.

В марте 1992 года Константин Боровой даёт неожиданное интервью газете «Россия». Разоткровенничался президент Российской товарно-сырьевой биржи. Вот некоторые высказывания человека, который хочет показать, кто в доме хозяин: «*Мы финансировали Конгресс гражданских и патриотических сил. Я и дальше буду их поддерживать. Патриот — это собственник на своей земле. И он страшен этой власти, потому что она нужна только иностранному инвестору, чтоб её покупать. Мне не нужно московское правительство, я заинтересован, чтобы там сидели два человека и устраивали аукционы. Но правительству это невыгодно, они же откровенно распределяют кормушки.*

Попову давно надо было уйти в отставку, сейчас он просто ноль. И я к нему отношусь как к человеку, которому верил и который меня предал. Я помогал

[1] Независимая газета. 13.02.1992.

“демократам”, как я им помогал! Предатели! Они пришли к власти, и никакого позитива. 25 августа я сказал: “Какая к черту революция! Коммунисты-демократы победили коммунистов-фашистов”. Биржа — организм без кожи, самый-самый чувствительный ко всем проявлениям».

На этой неделе в газете «Россия» президент Российской товарно-сырьевой биржи Константин Боровой заявил: *«Вообще рэкет — постоянная головная боль многих предпринимателей, и я убеждён, что его возникновение — результат планомерной политики КГБ и партии в целях дискредитации бизнеса. То есть это было как бы разрешено»*[1].

16 апреля правительство Москвы продолжало рассматривать заявления президента РТСБ Константина Борового, в которых он 9 апреля назвал столичную администрацию коррумпированной и недемократической.

Юрий Лужков по этому поводу сказал: *«Я бы не придавал ни Константину Натановичу, ни его высказываниям серьёзного значения. Я слышал, что дела его биржи идут не лучшим образом, а у самого Борового коллегиальный орган управления биржи потребовал отчёт о средствах РТСБ, потраченных в политических целях. Атака на мэрию и правительство — это не более чем попытка общественной реабилитации Борового. На мой взгляд, политик он пока ещё неумелый».*

Действительно, как специально, тогда появилось «Заявление акционеров РТСБ». В нём уже самого Борового обвинили в том, что он на личную рекламу потратил более 50 млн рублей, на удовлетворение личных амбиций — до 3 млн (личная охрана из 17 человек, три персональных автомобиля, приёмы и подкармливание свиты — 160 тыс. рублей в месяц, на зарубежные командировки — 150 тыс. долларов), причём это были деньги акционеров биржи.

Они же утверждали, что Боровой даёт колоссальные взятки аудиторам и налоговой инспекции для сокрытия истинного положения дел, на бирже в балансе и отчётах не было якобы ни одной реальной цифры. Зато он открыл личные и подставные счета в банках Бельгии, США, Израиля и Швейцарии[2].

«Это провокация, из-за которой торчат уши КГБ», — сразу заявил Боровой.

16 апреля 1992 года президент Российской товарно-сырьевой биржи Константин Боровой за бокалом шампанского на банкете, устроенном на борту легендарного революционного крейсера «Аврора», заявил, что не сомневается в падении нынешнего правительственного кабинета.

На фуршет тогда собрались капиталисты советской формации: бывший заместитель председателя Союза арендаторов и предпринимателей Илья Баскин (о нём было немало написано в предыдущих книгах серии), президент

[1] Россия. 1992. № 13.

[2] Независимая газета. 17.04.1992, Московские новости. 19.04.1992, МК. 25.04.1992.

Международного банковского конгресса Дмитрий Руденко, бывший председатель Центрального банка России, тогда председатель Ассоциации банков России Сергей Егоров и другие участники проходившего в Санкт-Петербурге Международного банковского конгресса.

Выпив-закусив, они обсудили вопрос о раздаче министерских портфелей в новом постгайдаровском правительстве.

Место было выбрано символическое — у носового орудия, которое 75 лет назад шарахнуло по русскому капитализму[1].

В журнале «Столица» (№ 17 за 1992 год) было опубликовано интервью Константина Затулина. В нём, в частности, говорилось:

«— Коррупция была, есть и будет и касается, разумеется, всех, но дело не в каком-то особо коррумпированном составе правительства. Это явление надо рассматривать как своего рода издержку приватизации. Пока будем делить собственность, будет почва и для коррупции, и для явлений народу героев борьбы с ней. Что касается конкретной критики якобы суперкоррумпированного московского правительства, то хотелось бы начать с фактов. Насколько я знаю, их нет, зато эмоций в избытке. <...>

— Константин Боровой среди предпринимателей известен больше остальных, однако его так и не пригласили. Из-за разногласий с московским правительством?

— Из-за того что он не умеет себя вести. Не удивляйтесь, в купеческом или дворянском собрании это было бы достаточным объяснением. В нашем случае следует добавить: мы собрались в совете, чтобы заниматься проблемами экономики Москвы, а не междоусобной склокой. Совет предпринимателей, в отличие от Совета народных депутатов, не приспособлен для капризов и самоутверждений.

Поверьте, знаю, о чём говорю, я сопредседательствовал с Боровым в Межрегиональном биржевом союзе (МБС). Я, как и он, состою в Совете предпринимателей при Президенте России. В МБС К. Борового забаллотировали, в Совете при президенте он не появляется».

На это Константин Натанович ответит в своей книге:

«Комсомольцы-предприниматели наградили меня почётным титулом митингующего биржевика. Жизнь — удивительная штука. Она сталкивает носами людей, которые живут в мирах противоположных. С одним из главных предпринимателей-комсомольцев мы одновременно учились в университете, да и занимались примерно одним и тем же — антисоветской литературой. Я размножал её, а он исключал за это из университета»[2].

---

[1] Российская газета. 17.04.1992.

[2] *Боровой К. Н.* Цена свободы. М.: Новости, 1993. С. 229.

На всё это некоторые члены биржевого совета, заявили, что раздражённые выпадами Борового чиновники мэрии вполне могут осложнить жизнь РТСБ. Тем более что финансовое положение биржи в то время было не блестящим. Наиболее активным членом оппозиции был тогда президент отделения TERO Александр Воловик, оппозиционные настроения проявлял и президент отделения «Российский металл» Виктор Губин.

Критика, судя по всему, дала результат. 7 мая 1992 года Константин Натанович вдруг заявил на закрытом заседании глав отделений биржи о своей возможной отставке с поста президента РТСБ, поведав, что решил посвятить себя политике, для чего предложил создать партию предпринимателей — Партию экономической свободы. Предыдущая партия, отражающая интересы деловых кругов, Партия свободного труда, созданная в 1990 году по инициативе Союза объединённых кооперативов, так и осталась партией на бумаге.

Преемником станет сопредседатель АО «РТСБ» Алексей Власов, утверждённый 28 апреля решением биржевого совета управляющим — исполнительным директором биржи.

Когда Боровой наиграется в политику, доказав свою некомпетентность в ней, и захочет вернуться на старое место, делиться с ним наследник не захочет, а бывшие сподвижники предложат: «Так поди же попляши!»

А пока 15 мая в операционном зале Российской товарно-сырьевой биржи в Москве состоялось учредительное собрание Партии экономической свободы (ПЭС). Принявшие в нём участие около 3 тыс. брокеров и представителей коммерческих структур единогласно проголосовали за создание партии и одобрили основные принципы её деятельности. Председателем партии избран Константин Боровой.

В тот же день в «Независимой газете» было напечатано интервью с новым политиком под «скромным» названием «Я всегда был невероятно честен».

Первую реплику журналистки: «У вас репутация великого жулика...» — биржевик не стал опровергать:

« — Тот имидж, в создании которого я принимал активное участие, — имидж миллионера — это блесна. Четыре года назад мы поняли, что создавать экономические механизмы — это хорошо, конечно, но нужно менять ментальность общества. Кто-то должен был встать и сказать: "Я — предприниматель!" Четыре года назад это было слово из Уголовного кодекса. И тогда встала Ира Хакамада — мы приняли решение, что блесной будет она. Были выборы в Моссовет, и она начала выступать по поводу благотворительности по телевидению и так далее. И тут началось такое, что для нормальной психики не годится. Ей практически плевали в лицо и говорили: "Жульё!" Она доцент, утончённый человек. Она пришла и сказала: "Я не могу так". Страшно. Это, кроме всего прочего, рэкет и тому подобное. И тогда встал я».

На заявление собеседницы: *«По мнению некоторых экспертов, ваш уход в политику — это бегство из проваленного бизнеса. Существует мнение, что дела РТСБ из рук вон плохи. Называют ничтожную цифру годовой прибыли биржи — в пределах от 16 до 28 миллионов рублей».*

Константин Натанович ответил на это:

« — Дела биржи идеальны. Мы провели годовое собрание акционеров и напечатали отчёт. К сожалению, мы получаем прибыль, которую вынуждены реинвестировать. Идея биржи состоит в том, что она не получает прибыль. Она — площадка, поле, на котором десятки, тысячи организаций получают максимальную прибыль.

Мы — гениальная биржа! Я с радостью докладывал акционерам, что у нас маленькая прибыль. Биржа, которая получает прибыль, — это плохо, это аномалия».

Известный публицист, а ныне «нефтяник» Михаил Леонтьев не мог пройти мимо такой темы, и он в той газете опубликовал ответ молодому политику, в котором, в частности, говорил:

«Константин Натанович, очевидно, увлекается морализаторством. Похоже, что его "гениальные структуры" построены исключительно на незыблемых моральных устоях. Однако К. Н. не совсем последователен. То, что биржа вообще должна быть бесприбыльной, — это банальность. Но если мне не изменяет память, "мошной" Боровой тряс весьма активно, учреждая те же "гениальные структуры" — банки и компании, предлагая купить (или "проинвестировать") всё, что попадалось под руку: от телевидения и газет до конверсионных заводов. Хочется надеяться, что это была не просто "блесна". И не для того создавались эти советские биржи, чтобы быть "бесприбыльными", и не тот механизм в них был заложен. Другое дело, что К. Н. размахивал деньгами чужими — деньгами акционеров, распоряжаться которыми он не очень имел право, будучи даже не представителем собственника, а наёмным менеджером. Но совсем недавно он предпочитал об этом не вспоминать.

В кипучей деятельности биржи особенно "бесприбыльным" делом надо признать "торговлю воздухом": брокерскими местами и акциями, никогда не приносившими дивиденда, но фантастически раздувавшими свои котировки. При этом за отсутствием фондового рынка свои акции "котировала" сама биржа. <...>

Необъятное поприще "экономической халявы", коей в условиях дефицитного инфляционного рынка представлялась биржевая деятельность, сузилось сегодня до пятачка, ограниченного падающим платёжеспособным спросом. И здесь предстоит жесточайшая борьба за выживание. Если спрос на реальные товары ещё кое-как может сохраниться, то "самовозрастающий воздух", составлявший значительную часть оборота "гениальных структур", сегодня

никому не нужен. Акционеры зашевелились — запахло жареным. Этот запах, очевидно, и подтолкнул К. Н. к более активным занятиям политикой».

Одним из самых амбициозных проектов РТСБ стала её дочерняя фондовая биржа, создаваемая на базе фондовой секции биржи.

Российская фондовая биржа. РФБ была учреждена 29 октября 1991 года с уставным фондом в 160 млн рублей. Её учредителями стали крупнейшие брокерские фирмы, имеющие опыт фондовой торговли на РТСБ — «Брок-Инвест-Сервис», «Интерком», «Саттаров и Ко», «Когнито», «Московские финансы», «Фининвест», а также ещё более 400 акционеров РТСБ.

Уже 22 января 1992 года было утверждено Временное положение о порядке введения листинга на РТБ и её руководство заявило о намерении занять лидирующие позиции на фондовом рынке России. С этой целью на бирже вводился ограниченный список допущенных к котировке проверенных ценных бумаг (листинг) и решено постоянно определять рейтинг включённых в список компаний.

По решению президиума биржевого совета (был и такой орган) регулярные торги биржа должна была начать ещё в июле 1992 года. Даже была открыта аккредитация брокерских контор акционеров — членов РФБ. Регистрационный сбор за участие в торгах на 1992 год был определён в 200 тыс. рублей. Однако торги постоянно откладывались.

«Вчера в очередной раз не состоялись первые открытые торги Российской фондовой биржи, которые должны были начаться в 9:30 в операционном зале РТСБ. Заявление о проведении первых открытых торгов было сделано в среду в беседе с корреспондентом "Ъ" президентом Российской фондовой биржи Маратом Золотдиновым.

Прибыв в назначенный час на Мясницкую, корреспондент "Ъ" с удивлением обнаружил полное отсутствие признаков деловой активности в операционном зале. Через несколько минут служба безопасности РТСБ негрубо, но настойчиво выпроводила журналиста из зала»[1].

В виде компенсации на РФБ начал работу биржевой центр — пункт коллективного доступа к телекоммуникационной сети EL-BIS, право пользоваться которой было предоставлено всем аккредитованным на бирже брокерским фирмам.

21 апреля 1995 года Российская товарно-сырьевая биржа на годовом собрании акционеров, переименована в Российскую биржу в связи с переориентацией на торговлю ценными бумагами.

Эту главу мне хотелось бы закончить несколькими интересными рассказами последнего президента биржи.

---

[1] Российская фондовая перенесла торги // Коммерсантъ. 09.10.1992.

Власов А. Ф.: *«В 1992–1995 годах была "мода" — в банки, магазины, большие организации, а также в МВД и ФСБ (позже ФСБ) звонили телефонные хулиганы и сообщали о заложенных бомбах. На РТСБ такая ситуация случалась не менее шести раз. Приезжали сапёры и представители силовых структур и командовали: "Очистите зал, будем смотреть!" Для того чтобы не прерывать торги, я каждый раз подписывал бумаги о том, что беру на себя ответственность за возможные последствия. Никогда ничего не случалось. Главное, не идти на поводу у идиотов».*

И ещё об одном весьма популярном персонаже рынка хотелось бы вспомнить.

Неверов Валерий Иванович и «Гермес». Ровесник Эдуарда Тенякова, Неверов родился в 1952 году, окончил физический факультет Уральского государственного университета и аспирантуру в Институте металлургии им. А. А. Байкова АН СССР в Москве. Защитил кандидатскую диссертацию, готовил докторскую, после чего заведовал кафедрой молекулярной физики в Тюменском государственном университете. Естественно, был членом КПСС. Всё шло хорошо и надо было начаться перестройке!

В 1996 году Неверов создал при университете кооператив «Эффект», ещё по специальности. 1988 году возглавил центр научно-технического творчества молодёжи «Спектр». В августе 1990 года отложил защиту докторской диссертации и зарегистрировал фирму Научно-технический центр (НТЦ) «Гермес» (уставный фонд в 10 тыс. рублей). Ну и началось...

В начале 1991 года Неверов стал одним из инициаторов создания Тюменской товарно-фондовой биржи (ТТФБ), затем президентом Тюменско-московской биржи «Гермес», НТЦ «Гермес и Ко», организовал около 20 дочерних компаний «Гермеса» в Кузбассе, Краснодарском крае, Калининградской и Ростовской областях и на Украине. В конце 1991 года учредил Тюменский торговый дом (уставный фонд — 25 млн рублей), став сопредседателем его совета директоров. Тогда же создал Московский акционерный банк «Гермес-центр» (уставный фонд — 1 млн рублей) и так далее и так далее. Вскоре у него было 16 должностей в компаниях биржевой и банковской области, в сфере транспортировки нефти, выпуска машиностроительной продукции и торговли.

К 1992 году его политические амбиции уже трудно было обуздать.

В мае Неверов стал председателем Совета предпринимателей при главе администрации Тюменской области Юрии Шафраннике. Он ведёт активную пропагандистскую деятельность по формированию своего имиджа как наиболее перспективного политика будущего в изданиях различной направленности. Под его именем выходит по 5–7 статей в неделю.

В 1992 году Многопрофильный концерн «Гермес» в газете Megapolis-Continent объявил конкурс на лучший цикл газетных и журнальных публи-

каций о Гермесе и «Гермесе». Первой премией был пакет акций Московского акционерного банка «Гермес-Центр» номинальной стоимостью 1 млн рублей. Две вторые премии были пакетами акций Тюменского акционерного банка «Гермес-Тюмень» номинальной стоимостью 0,5 млн рублей каждый. Наконец, ещё пять третьих премий оценивались в акциях Транснациональной нефтяной компании «Гермес-Союз» номинальной стоимостью 500 долларов США каждая.

Заказные статьи, называемые тогда «джинсой», занимали много места в наших газетах.

Наконец Неверов вступает в политическую борьбу, выдвинув в январе 1993 года президента биржи «Гермес» Владимира Морыженкова на пост мэра Москвы на готовящихся выборах (выборы не были проведены, и представителя Тюмени до поры до времени в мэрии не было).

2 апреля 1993 года прозревший коммунист Неверов напомнил о себе, выступив с открытым письмом на имя президента Ельцина с просьбой захоронить тело Ленина, представляющее собой, по его словам, символ «лагерного коммунизма».

В июле 1993 года Неверов в газете «Деловой мир» вопрошал, кого читатели видят будущим Президентом России (на выбор был представлен список из 11 кандидатур, включая Горбачёва, Ельцина, Гайдара, Руцкого, Черномырдина и самого Неверова). С августа 1993 года Неверов начал выпускать газету «Гермес», в которой подобные анкеты публикуются регулярно (её тираж в 1995 году достигнет 1 млн экземпляров, выходила она два раза в месяц на 16 полосах).

И так далее, и так далее...

Тем временем компании Неверова бодро меняли ваучеры на свидетельства о праве владения простой именной акцией компании «Гермес-Союз». Чтобы месяцев через восемь получить саму акцию номинальной стоимостью 10 тысяч рублей (такой же, как у ваучера) «счастливым» обладателям этой бумажки приходилось ещё доплачивать. Потом «Гермес-Союз» снова сменил название, и от акционеров потребовали вновь перерегистрировать акции. Причём, как рассказывали очевидцы, сделать это следовало в определённое время в определённом месте. В результате там образовался длинный «хвост» из «акционеров», немногим из которых даже посчастливилось уложиться в назначенное время...

В конце концов возвращать долги «Гермес-Союз» не пожелал и предложил взамен их не деньги, а новые акции. Здесь следует отметить, что Концерн «Гермес» только по третьей эмиссии выпустил акций на сумму 100 млрд рублей.

Исчез Неверов столь же неожиданно, как возник. Его финансовые структуры оказались «пирамидами». Теперь о нём писали уже не столь аполо-

гетически: *«Г-н Неверов, если верить некоторым источникам, находится на территории России. Следственные органы располагают данными о его местонахождении, но, по соображениям безопасности "пирамидостроителя", адрес его офиса называть отказываются. Действительно, он неоднократно выезжал за рубеж на лечение. У Валерия Ивановича целый набор серьёзных хронических заболеваний на почве нервных расстройств. Сумасшедшие деньги и проклятия обманутых вкладчиков сильно подточили его здоровье. В частности, он страдает от бессонницы и сильнейших головных болей. Было подозрение на опухоль мозга, но швейцарская клиника не подтвердила этот страшный диагноз. Неверов скрывается от своих клиентов. Даже внешность свою изменил: отпустил бороду, одевается в сильно поношенную одежду и своим внешним видом практически не отличается от несчастных акционеров "Гермеса", у которых он выманил деньги»*[1].

Журналист Олег Мороз вспоминает: *«В последний раз кто-то из моих товарищей по "гермесовскому" несчастью действительно видел Неверова в поношенном пиджачке, с набором замечательных советских значков на груди — ГТО всех трех ступеней, Осавиахим, "Ворошиловский стрелок"... А ведь какой был орёл! <...>*

Потрепанный внешний вид, значки на груди вроде бы действительно говорили о том, что бывший "лучший российский бизнесмен" либо слегка "тронулся", "заголовокружился от успехов", либо старательно имитирует помешательство на случай незапланированных встреч с теми, кого он "кинул" (не все же такие храбрые, как Мавроди!)»[2].

В то же время вкладчики «Гермеса», предприняв своё собственное расследование каналов исчезновения денег акционеров, выяснили, что «Гермес-Финанс» и одно из его структурных подразделений 1-я финансово-строительная компания основали банк «Футурум аурум» в Праге, а также банк в Гамбурге[3].

Вот такой «городской сумасшедший»!

ВНЕБИРЖЕВОЙ РЫНОК

Изначальное преобладание в России внебиржевого рынка ценных бумаг над биржевым (по некоторым данным он занимал более 98%) связано с тем, что первичное размещение ценных бумаг практически повсеместно в мире осуществляется преимущественно на внебиржевом рынке.

---

[1] Аргументы и Факты. 02.04.1998

[2] http://www.yeltsincenter.ru/author_comment/release/vo-vsem-vinovat-chubais

[3] От деятельности «Гермеса» пострадало более 1 млн. человек. Пройдоха «Гермес»? // Аргументы и Факты. 25.10.1995.

Вот и у нас брокеры и их крупные клиенты стали проводить значительную долю фондовых транзакций вне торговых систем по разным причинам: например, не желая показывать другим игрокам интерес к тому или иному инструменту. Либо для того, чтобы из-за низкой ликвидности на бирже, когда покупка или продажа крупного объёма ценных бумаг могла нарушить баланс спроса и предложения, «сдвинуть» котировки в невыгодную сторону. Кроме того, в России широко практиковалась торговля акциями через офшоры и близкие к офшорным юрисдикции (в частности, через Кипр). Делалось это для того, чтобы экономить на налогах, а также сохранять инкогнито фактического владельца крупных пакетов.

Торговля в подавляющем объёме ушла в офшоры, когда стало понятно, что можно торговать за валюту.

Васильев Д. В.: *«Внебиржевая торговая система дала брокерам возможность заключать сделки в весьма специфических условиях рынка середины 1990-х годов, а тогда это были условия огромных спрэдов, трудностей обеспечения поставки активов, трудностей расчётов и недружественной системы налогообложения. По мере изменений рынка (окружающей среды) неизбежно развивалась и торговая система».*

Алексей Виноградов в «Воспоминаниях молодого брокера о молодости фондового рынка» пишет: *«В октябре рынка ценных бумаг практически не существовало. В те "далекие" времена только-только закончился бурный рост акций бирж, давший посыл для развития рынка ценных бумаг, и всем казалось, что на фондовом рынке работать столь же просто, как и товарном. Среди брокерских контор на фондовых биржах можно было встретить кооператив МММ, "ВИД" ("Взгляд" и другие), "Бригаду-С", "Ассоциацию физической культуры и спорта для всех" и даже Институт развития Москвы».*

До тех пор пока не бала создана Российская торговая сеть, удовлетворившая большинство участников рынка, непрерывно строились системы, хотя бы частично помогавшие первым российским маклерам и брокерам (их название тогда ещё не устоялось) проводить операции. Первой и весьма удачной стала, в частности, сеть, предложенная фирмой «Брок-Инвест-Сервис», просуществовавшая почти два года.

Сеть EL-BIS. Концепция первичного размещения ценных бумаг не на агентской основе, с одновременным заключением нескольких договоров между эмитентом и его брокерами, а через единый центр была предложена экспертами фирмы «Брок-Инвест-Сервис» (БИС) в мае 1991 года, ещё до начала регулярных торгов на таких организованных рынках, как фондовый отдел РТСБ, ММФБ и МЦФБ. Схема такой работы оказалась простой: эми-

тент заключает договор на первичное размещение акций с одной брокерской фирмой на условиях «максимальных усилий». Была такая формула: брокер получал эксклюзивные права на размещение, при этом не брал на себя обязательство разместить все акции эмитента, а только пообещав очень постараться это сделать.

В июне 1991 года начала формироваться первая единая сеть внебиржевого рынка ценных бумаг EL-BIS основанная на BBS[1]. А объединив брокерские фирмы из разных регионов бывшего СССР, она начала функционировать осенью 1991 года.

Обратившись к любой из точек сети, можно было купить или продать ценные бумаги как на биржевом, так и на внебиржевом фондовом рынке бывших союзных республик. Компьютерные связи Relcom, на которых технически базировалась EL-BIS, позволяли играть на разнице региональных цен, заключая сделки в системе реального времени. Таким образом, в рамках этой сети начало происходить активное перераспределение ценных бумаг в границах бывшего СССР.

Сеть предоставляла не столько информацию, сколько реальный механизм для заключения сделок с ценными бумагами. Особенность этого механизма была в полной юридической проработке заключения сделок, регламентации всех операций от формирования заявок до регистрации сделок и получения извещений, стандартизация правил торговли и документооборота, централизованная регистрация и ведение списков акционеров, централизация взаиморасчётов, система взаимной ответственности.

На первом этапе в сети были проведены первичные размещения акций банков «Деловая Россия» и Автовазбанк, «Урал-Гермес» и АО «Союз-Сатурн» (общество рассчитывало продать через EL-BIS акций на 73 млн рублей — почти весь свой уставный фонд).

18 ноября 1991 года БИС закончила кампанию размещения в рамках сети акций торгового дома «Урал-Гермес». За две недели БИС реализовала акций на сумму 50 млн рублей. Одновременно тогда же через сеть распространялись акции Воронежской агропромышленной биржи «Черноземье».

По мере развития сети возникала необходимость в организации вторичного внебиржевого рынка ценных бумаг.

Грачёв В. А.: *«Вялость биржевого фондового рынка отчасти объяснялась и тем, что уже тогда основная масса операций по купле-продаже ценных бумаг в Москве приходилась на внебиржевой рынок. В частности, оборот фондо-*

[1] Bulletin board system — электронная доска объявлений. Широко использовавшийся в эпоху веб 1.0 способ общения пользователей компьютеров через коммутируемые телефонные сети.

вого рынка, функционирующего "около" МЦФБ, значительно превышал обороты самих биржевых торгов.

У нас было желание создать внебиржевой рынок, на котором брокеры на определённых условиях могли бы без предварительного листинга продавать хорошо известные на тот момент активы».

В то время действовал рынок, основанный на предварительных договорённостях участников, необходимого для торговли законодательства ещё не было. Не существовало и Интернета. Была только сеть FIDO и BBS (Bulletin Board System) — некая «доска объявлений». В фидонете[1] люди соединялись по очереди друг с другом для передачи данных через модемы. Рынок был медленным, но всё-таки быстрее, чем биржевой.

После тщательного анализа различных электронных систем, обслуживающих внебиржевой рынок ценных бумаг за рубежом, за основу EL-BIS была взята модель работы технического центра NASDAQ

Грачёв В. А.: *«Объявления, которые видел пользователь в табличке, мы стали структурировать на тему купли-продажи акций. К всему этому была написана некая надстройка, сравнивающая цены. При их пересечении она проводила сделку и уведомляла об этом участников.*

То есть система была наколеночная, но если посмотреть, какие суммы там фигурировали, то становится удивительным, как тогда никто не пытался взломать её, что было сделать очень легко. Впрочем, людей, что-то понимающих в этом было мало и даже техническую часть партнёрам приходилось объяснять достаточно долго. Хотя среди брокеров тогда было много технарей и математиков, и это сильно облегчало задачу.

Мы изначально отказывались от того, чтобы эта сеть была сетью "Брок-Инвест-Сервиса", т. к. не хотели её контролировать, создавая открытое сообщество».

Этап реорганизации системы закончился в феврале 1992 года. Её результатом стало специально разработанное программное обеспечение, позволяющее участникам сети получать оперативный доступ к центральным архивам, базам данных и формировать заявки на куплю-продажу ценных бумаг. Кроме этого, единый формат баз данных и использование классификаторов при описании параметров заявки дали возможность максимально сократить размер сообщения, пересылаемого по обычным телефонным каналам с применением сравнительно дешёвых модемов, что было очень важно, особенно региональным брокерам.

---

[1] Фидоне́т (от англ. FidoNe) — международная любительская некоммерческая компьютерная сеть, построенная по технологии «из точки в точку». Изначально программное обеспечение FidoNet разрабатывалось под MS-DOS.

Ювонин В. Ю.: *«В "Брок-Инвест-Сервисе" был установлен сервер, и мы в Ульяновске поддерживали связь с Москвой по сети EL-BIS, созданной командой Сафаряна. Занимались в основном первичным размещением акций, так получили возможность оперативно передавать их котировки. Полноценного рынка не было, так что реализовывались бумаги только по предварительным заявкам, после подписания андеррайтингового договора. До появления сети нам предварительно по телефону гарантировали определённый объём акций на реализацию, после её появления, всё стало делаться в электронном виде. Впрочем, сделок было не так много, чтобы использовать специальную сеть, но мы искали новые механизмы функционирования будущего полноценного рынка. Таким образом это была некая бета-версия, в ней использовались прорывные на тот момент технологии. Их автором был Вадим Грачёв, реализовавший этот проект».*

Для быстрейшего освоения правил работы в сети проводились многочисленные семинары и конференции.

С 27 по 29 февраля 1992 года в подмосковном пансионате «Лесной городок» состоялась первая конференция членов внебиржевой телекоммуникационной сети EL-BIS. Вторая прошла 18–23 мая в Крыму.

«Предполагается, что основными вопросами, которые будут обсуждать представители фирм — членов сети (их число превышает 60), станут рассмотрение подготовленных документов по организации дилерского (подписного) синдиката брокерских фирм и создание региональных центров сети. Они будут функционировать на Украине (на базе донецкой фирмы ДИКОМ), в Латвии (на базе брокерских контор Балтийской международной биржи в Риге), Сибири (на базе брокерского дома "Малгрет" в Красноярске). Кроме того, будут обсуждаться перспективы открытия в сети EL-BIS двух новых секций — опционов и фьючерсов и валютной»[1].

На конференции было заявлено, что оборот EL-BIS с 15 марта по 15 мая 1992 года составил 3,4 млн рублей.

«С целью повышения ликвидности с 1 июня по 31 июля с членов сети не будет взиматься регистрационный сбор за совершение сделок. Кроме того, предполагается создать электронный депозитарий EL-BIS, а также институализировать сеть — без создания юридического лица, но с разработкой её товарного знака и проведением единой рекламной кампании»[2].

Для входа в систему брался вступительный взнос в 256 тыс. рублей. Он был нужен для поддержания работы сети. Буквально за несколько дней благодаря EL-BIS перешёл из рук в руки контрольный пакет Военно-промыш-

[1] Коммерсантъ. 18.05.1992.
[2] Коммерсантъ. 01.06.1992.

ленной компании. По достаточно высокой цене у нас продавались акции РТСБ. Смысла брать ещё какие-то комиссионные для поддержания деятельности самой сети при этом уже не было. 1 % за свои услуги в посредничестве брали брокеры.

Сделки заключались в двух секциях — первичного размещения и вторичного рынка — путём передачи заявок по модемной связи от абонентов в центр. Приём заявок шёл круглосуточно. Торги по первичному размещению проходили каждые 15 минут, в секции вторичного рынка — один раз в сутки в 12:00 по московскому времени. Члены сети имели доступ к полной информации о входящих в неё брокерских фирмах, котирующихся бумагах, заявках брокеров на первичном и вторичном рынках, а также о заключённых сделках. Кроме того, сеть предоставляла своим членам информацию о текущем состоянии фондового рынка на центральных и региональных фондовых биржах и в фондовых отделах товарных бирж. Во время одной торговой сессии сделки заключались по единому курсу, устанавливаемому, исходя из максимального количества бумаг, которые могли быть проданы по данному курсу из числа предложенных членами сети к покупке и продаже.

«Вторая половина октября была отмечена оживлением внебиржевой торговли ценными бумагами через электронную сеть EL-BIS. Основной причиной, вызвавшей его, стала реализация трёх крупных пакетов акций Военно-промышленной инвестиционной компании. <...>

За последние две недели оборот торговли ценными бумагами через сеть EL-BIS составил 15 860,728 тыс. рублей, что втрое превышает объём фондовой торговли на девяти крупнейших фондовых биржах России за аналогичный период. Увеличение объёмов сетевой торговли эксперт компании "Брок-Инвест-Сервис" Вадим Грачёв объясняет тем, что покупателей, осуществляющих сделки через сеть, в последнее время интересуют лишь крупные пакеты. Заключение сделок такого объёма на фондовых биржах, например, по акциям Военно-промышленной инвестиционной компании, просто невозможно — в настоящее время на торги выставляются лишь небольшие пакеты, в которые входит не более 700 акций компании.

Резкое увеличение объёмов сетевой торговли во многом связано с крупными сделками по акциям Военно-промышленной инвестиционной компании. Всего было заключено три таких сделки: 14 октября было продано 5 тыс. акций компании по курсу 500 рублей, 16 октября — 10 тыс. по курсу 650 рублей и 26 октября — снова 5 тыс. акций по курсу 520 рублей. Это в общей сложности составляет 5 % от величины уставного капитала компании»[1].

[1] Коммерсантъ. 26.10.1992.

В период расцвета сети в ней торговали несколько десятков компаний из разных регионов страны. Очень активные участники были в Перми, Риге, Крыму, на Украине.

Когда произошло разделение страны на самостоятельные республики и появление в них своих денег, БИС создал механизм торговли с использованием т. н. мягких валют. Так как статус денежных единиц Украины, Белоруссии, Казахстана и др. был ещё непонятен, а валютный контроль в России жёсткий, система EL-BIS в качестве основной валюты расчёта использовала рубль.

Пока операции проводились среди людей, знающих и доверяющих друг другу, трудностей не возникало, когда же брокерских компаний стало очень много, ситуация изменилась — трудно стало определить, если ли бумаги у продавца или он блефует. Тогда, в 1992 году, возникла идея создания корпоративного депозитария, как отдельной внебиржевой структуры, гаранта совершения сделок.

Планы развития сети подразумевали введение ещё трёх секций — валютной, кредитных ресурсов и драгметаллов, а также подсекции в секции вторичного рынка, которая должна была специализироваться на торговле опционами и фьючерсами с целью эффективного хеджирования (страхования) сделок.

Система EL-BIS просуществовав около двух лет, практически не успела серьёзно модернизироваться. После того как на неё обратили внимание биржи, они, имея несравненно большие финансовые возможности, стали брать под контроль и этот рынок тоже. К тому моменту сеть объединяла 39 брокерских контор из различных регионов пяти бывших союзных республик.

Были и другие попытки создать внебиржевые сети подобные EL-BIS. Так осенью 1991 года объявила о создании сети «Система» пермская фирма «Сигма-2».

Акционерное общество «Финтех» (бывший Главный вычислительный центр Министерства финансов СССР) проведёт в мае 1993 года презентацию первой отечественной системы электронной торговли ценными бумагами с удалёнными дилерами и брокерами. «Систему» по структуре и предлагаемому регламенту постараются сделать напоминающей американскую сеть NASDAQ. Компания (генеральный директор Анатолий Колесник) до этого разработала локальную сеть, обслуживающую торги Московской международной фондовой биржи.

В августе 1993 года было заявлено о запуске новой автоматизированной компьютерной системы фондовой торговли НТБС. Её разработала АО «Национальная торгово-банковская система». Абонентами сети стали 15 фирм, специализирующихся на торговле ценными бумагами, ряд коммерческих банков и чековых инвестиционных фондов.

«Принципиальное удобство электронной сети для пользователя состоит в том, что проведение всех расчётов по заключённым сделкам проходит в достаточно короткие сроки — не более 24 часов с момента регистрации сделки. В свободное от основных функций время абоненты будут пользоваться сетью в качестве электронной почты и информационно-справочной службы. Возможности сети позволяют уже на сегодняшний день обслуживать 240 дилеров. <...> НТБС действует на основе модемной связи, что позволяет любому участнику операций с ценными бумагами — дилеру, брокеру, инвестиционной компании, банку — независимо от географического расположения подключиться к этой системе. <...>

До сих пор аналогичные системы электронных торгов, "принятые на вооружение" фондовыми институтами, не получили широкого распространения либо в силу их локального характера (системы "Финтех" и OverNet), либо как не приспособленные в силу технических недостатков к работе в режиме on-line (система EL-BIS)»[1].

Развивающийся российский рынок продолжал сторониться фондовых бирж и прочих атрибутов созданной инфраструктуры. Брокеры предпочитали вести операции наиболее простым и дешёвым способом.

По заявлению Бориса Йордана, все наиболее крупные российские брокеры заработали в первой половине 1990-х годов свой капитал на внебиржевом рынке. Они приспособились к его условиям, научились там работать и, естественно, позже инвестировали свои средства и всячески поддерживали развитие внебиржевых торговых систем. Биржи борьбу за крупных операторов по существу проиграли, и их перспективой оставалась работа с банками и частными лицами, которая осуществилась уже в наши дни.

Особенностью внебиржевого рынка является то, что в нём торговая система ни в коей мере не является участником сделки, а служит лишь местом, где фиксируется по определённым правилам факт совершения сделки между двумя участниками, и торговая система является независимым арбитром, контролирующим прохождение сделки.

Центральную же роль в структуре организации внебиржевого рынка играет система правил торговли, контроля за их выполнением и меры дисциплинарного воздействия, осуществляемые организатором внебиржевой торговли.

Существуют организованный и неорганизованный внебиржевые рынки.

В качестве неорганизованного можно было бы выделить «телефонный рынок» — сделки по телефону получили развитие в процессе приватизации

[1] *Илюхина И., Ярцева А.* Взаиморасчёты были произведены в течение суток // Коммерсантъ. 14.08.1993.

и выхода на рынок значительных объёмов акций приватизированных предприятий, а также в процессе первичного размещения акций вновь создаваемых торгово-промышленных АО и акционерных коммерческих банков.

К неорганизованному внебиржевому рынку относится и стихийный уличный рынок ценных бумаг. Он получил достаточно широкое развитие в 1994 году в связи с продажей акций ЧИФов и суррогатов ценных бумаг (типа «Русского дома Селенга», различных «хопров» или билетов МММ).

При этом телефонный рынок долгое время абсолютно преобладал на российском внебиржевом рынке. Он был основан на взаимном доверии и длительной истории отношений контрагентов, поэтому естественным порядком привёл к созданию первых клубов и саморегулируемых организаций брокеров.

Также к этому сектору относятся так называемые брокерские площадки — своеобразный вариант «телефонного» внебиржевого рынка. В этом случае брокеры, официально работающие в РТС или бирже, получая заказы от своего клиента, не выставляли котировку в соответствующую систему, а обращались к «телефонному» маклеру с тем, чтобы он подыскал соответствующего контрагента на сделку. Брокеры действовали так тогда, когда получали крупный заказ, хотели максимально скрыть настроения инвесторов и не показывать ни в какой системе проходящие через них заказы. Особенно оживлялась такая торговля в периоды биржевых кризисов, когда вследствие обвалов фондовых рынков и резкого падения значения фондовых индексов официально действующие биржевые и внебиржевые площадки закрывались в соответствии с постановлением ФКЦБ. В это время торговля полностью уходила из-под контроля органов государственной власти и организаторов торговли и перетекала на «телефонный» рынок. Маклеры брокерских площадок искали сами или предлагали заказчикам уже имеющиеся заявки, сводили контрагентов между собой, а за подобного рода услуги получали комиссионные. Такого рода «брокерских телефонных рынков» в середине 1990-х годов было более десятка, но объёмы торговли, проходящие через них, были гораздо меньше, чем в РТС, однако сопоставимым с объёмами торгов на ММВБ и МФБ. Естественно, инвестиционный риск таких операций был достаточно высоким.

Нельзя не отметить ещё одну форму торговли «фондовыми ценностями» — фондовые магазины, создаваемые всеми крупными компаниями брокеров. На их основе аккумулировались средства частных инвесторов, в основном отрезанных от рынка корпоративных ценных бумаг закрытым характером подписки на акции в ходе приватизации, оптового характера рынка, здесь собирались необходимые пакеты ваучеров для участия в чековых аукционах.

Организованный внебиржевой рынок ценных бумаг серьёзно отличается от «уличного» (дикого) неорганизованного рынка.

К нему относятся торги с использованием электронной системы «ПОРТАЛ», созданной по типу торговой системы NASDAQ и внедрённой осенью 1994 года в Москве в рамках ПАУФОР (ей посвящена отдельная глава книги).

Кроме этого, следует упомянуть о действующей в те годы внебиржевой торговой сети Сберегательного банка России (основу которой составляла разветвлённая филиальная сеть банка).

Фактически таковой же являлась сеть аукционов (центров приватизации Госкомитета по имуществу РФ, центров Кассового союза). Там осуществлялось первичное размещение выпусков акций приватизированных предприятий (чековая приватизация).

Сотрудники отдела корпоративных ценных бумаг ММВБ Геннадий Марголит и Марина Медведева в те годы отмечали, что возвращение в середине 1990-х годов активности в сферу внебиржевого рынка после короткого всплеска квазибиржевой торговли приватизационными чеками имело под собой объективные причины — процессы первичного перераспределения капитала в ходе стремительно осуществлённой приватизации требовали максимальной закрытости, несовместимой с принципами публичности. Да и биржи не смогли в то время предложить участникам сколько-нибудь удовлетворительной инфраструктуры[1].

Необходимо отметить, что в этот период всё-таки произошло и упорядочивание работы неорганизованного внебиржевого рынка ценных бумаг. Однако для увеличения прозрачности рынка, снижения рисков, связанных с полным отсутствием какого-либо контроля за совершением и исполнением таких сделок, для участников, в большинстве своём частных мелких инвесторов и акционеров, ещё много предстояло сделать. Разговор шёл о преобразовании или запрещении телефонных «брокерских» площадок, проверки деятельности нелицензированных участников рынка, занимающихся как торговлей через такие площадки, так и организацией скупки акций у акционеров.

Российскому рынку требовалось тогда новое программное обеспечение торгов, позволяющее исключить или сократить до минимума процесс сверки параметров заключённой сделки с целью исключения каких-либо расхождений.

Организация полноценной биржевой торговли была невозможна без решения проблемы оперативной перерегистрации прав собственности. Чувствовалась острая необходимость в создании клиринговой организации, которая взяла бы на себя функцию контроля за выполнением всех обязательств клиентов, взаимозачёта, оформления документов.

[1] *Марголит Г., Медведева М.* Корпоративные ценные бумаги будут гвоздём следующего сезона // Финансовые известия. 08.12.1995.

С целью сокращения рисков следовало внедрять принцип поставки против платежа.

В стране не было центрального депозитария или работоспособной депозитарно-клиринговой компании, поэтому в то время исполнение сделки требовало личного присутствия обеих сторон и оригиналов их подписей с оттиском печати. Реестры акционеров продолжали вести либо самостоятельно эмитенты, либо квазинезависимые регистраторы, полностью подконтрольные тем эмитентам. Они продолжали чинить всевозможное препятствия перерегистрации акций после сделок, и это затрудняло переход прав собственности и не способствовало повышению ликвидности рынка.

Усилия, затраченные на разработку и воплощение схем взаимодействия с эмитентами (в лице реестродержателей), в том числе через заключение договоров об открытии счёта номинального держания в реестре акционеров, не позволили полностью реализовать свой потенциал Депозитарно-клиринговой компании (ДКК).

Снять эти проблемы могло развитие института номинального держателя (в этом случае акционеры должны были предоставить право регистрироваться у реестродержателя в качестве номинального держателя без передачи ей прав на данные акции некой независимой компании). Тогда внутри пакета, находящегося у такого держателя, можно было бы менять собственников акций, не информируя об этом эмитента. Но эмитенты, естественно, сопротивлялись этим изменениям.

Не было в стране на тот момент и такого института, как расчётный банк. Ни один из коммерческих банков не мог выполнять эти функции. Расчётная система должна была стать специализированной организацией, а не конкурирующим игроком, только в этом случае ей могла быть доверена информация о состоянии денежных счетов участников сделок. Российский опыт использования в этом качестве ОНЭКСИМ-банка показал, что это тупиковый путь. В подавляющем большинстве развитых стран функции расчётной системы и зачастую банка-гаранта по денежным расчётам на биржевом рынке уже выполняли центральные банки.

Большинство возникших в России за 1991–1992 годы фондовых бирж, продемонстрировав, что не смогут занять лидирующие позиции на отечественном рынке ценных бумаг, тихо скончались в 1994–1995 годы. Таким образом, фондовая биржа образца 1990-х годов не смогла превратиться в профессиональное и технологическое ядро российского рынка ценных бумаг.

И тогда российские брокеры в 1994 году обратили свой взгляд на американский опыт, где действовала своя альтернатива биржевому рынку — Система автоматической котировки Национальной ассоциации дилеров

по ценным бумагам — NASDAQ (National Association Of Securities Dealers Automated Quote), образовавшаяся как междилерский рынок зарегистрированных, но не котирующихся на бирже ценных бумаг. Под эгидой этой ассоциации в США с 1971 года функционировала своеобразная электронная биржа.

Её и рекомендовали российскому рыночному сообществу прибывшие в начале 1990-х годов американские консультанты. Но российские брокеры творчески переработали предлагаемый опыт и создали весьма эффективную для того времени Российскую торговую систему.

БРОКЕРЫ — СОЛЬ БИРЖЕВОЙ ЗЕМЛИ

О брокерах, ключевой, по словам Игоря Сафаряна, категории профессиональных участников фондового рынка, в этой книге уже неоднократно говорилось. Тем не менее им будет посвящена и отдельная глава.

Сафарян И. А.: *«Биржа — это пространство, на котором собираются брокеры, плюс правила игры. Биржа держится на них. Брокер — движущая сила любого — товарного, финансового, — но организованного рынка, в том числе биржи. Это как кровеносная система живого организма: если переноса нет, то и органы бездействуют. Без брокера биржа функционировать не может. К слову, я не верю, что у нас в стране чего-то нет. Вы посмотрите распечатку РТСБ: там есть решительно всё. Сложность не в том, что нет какого-то товара, а в том, что движение его или замедлено, или не в нужном направлении. Преодолеть эту сложность как раз и помогают брокеры»*[1].

Васильев Д. В.: *«Фондовый рынок требовал от людей новых деловых качеств, в том числе определённых знаний и желания специализироваться именно на нём. В большинстве своём брокеры были людьми очень молодыми, многие из них сделали свои состояния с нуля, в период скупки приватизационных чеков. Свежие, новые люди с хорошими мозгами.*

Брокеры — это была новая небольшая группа буржуазии».

Генезис. В Советском союзе брокеры, конечно, были. За ними гонялась милиция, они придумывали экзотические способы заработка, торговали пластинками, книгами, иностранной одеждой, самые отчаянные — валютой. Называли их без особого пиетета спекулянтами, фарцовщиками.

И вот наступила новая эра, и в брокеры пошла в основном техническая интеллигенция, умеющая считать, обладающая хорошим воображением и системным, аналитическим складом ума.

[1] Имидж профессионала // Финансовая газета. 04.1991.

Развал традиционной производственной или научной карьеры и одновременно открытие огромного поля возможностей заставил их стать предпринимателями.

Реплика из блога: «*Marsovich. Помню году в 92-м у метро Чистые пруды встретил знакомца из Питера, спрашивает: "Чем промышляешь?" Отвечаю: "Да в Польшу мотаюсь". А он достаёт из нагрудного кармана котлету тысяч на 20 баксов и говорит: "Ну и мудак! У вас тут биржа за углом, мы сюда из Питера ездим, а вы в Польшу в Польшу..."*»

Важно ещё и то, что бывшие итээровцы наконец решили вопрос с признанием: от них, от брокеров, зависела успешность работы всех принявших их структур и то, столько получат в день зарплаты остальные сотрудники компаний. Именно они приносили деньги, поэтому на успешного брокера молился и владелец, и директор брокерской фирмой. Он мог вознести компанию и так же быстро её разорить.

И в то же время прийти на работу в брокерскую фирму можно было просто с улицы, без всяких MBA и fluent english. Лишь бы человек был хороший и казался перспективным. Особенно ценилось хорошее образование в области точных или технических наук. Всем желающим давали возможность переквалифицироваться, уйти с головой в новую для себя деятельность, где всё остальное зависело от него самого. Ведь специалистов, которых готовили для нового бизнеса, просто не существовало.

А для этих неофитов выбор фондового рынка позволял не только обеспечить материальный достаток семьи (этого можно было достичь и на других рыночных нишах), но и позволял реализовывать свой интеллектуальный потенциал.

Бройтман М. Я.: «*Мы все вместе делали первые шаги, участвовали в формировании новой индустрии, приобретавшей на наших глазах какие-то формы. А вот позже — примерно с начала 2000-х годов, попасть к нам просто "хорошим людям" уже стало сложно — сформированный в нашей индустрии стандарт возобладал*».

С улицы пришёл в компанию «Альфа-Капитал» в октябре 1992 года Игорь Смолькин.

Смолькин И. В.: «*Я ещё студентом Московского физико-технического института стал работать брокером на РТСБ и МТБ. Покупали брокерские места, а я старался внедрить в наши операции какие-то IT-решения. Одновременно искал любую профильную переводную литературу, чтобы познать новую профессию*».

Учёба в Физтехе явно способствовала стремлению к знаниям и достижению результатов. Однажды, купив в уличном киоске газету «Известия», Игорь прочитал объявление: «Ищем специалистов по фондовому рынку».

Понимая, что из-за отсутствия обозначенного рынка нет на нём и соответствующих специалистов, молодой и амбициозный брокер смело позвонил по указанному телефону. Ему тут же назначили встречу. Через два часа с соискателем проводил собеседование председатель совета директоров «Альфа-капитала» Михаил Маратович Фридман, который был ненамного старше 22-летнего Смолькина (ему было тогда 28 лет).

Смолькин И. В.: *«В результате той беседы я, как оказалось, единственный, кто читал хоть какие-то специальные книжки, стал первым нанятым сотрудником, в создаваемую компанию "Альфа-Капитал" и сразу был назначен первым заместителем директора, отвечающим за инвестиции. Как мне показалось, дополнительным бонусом было то, что дважды не поступивший в Физтех Михаил Маратович с уважением отнёсся к более удачливому на этом поприще персонажу. Правильным был и выбор, как сейчас бы сказали, дресс-кода — я был не в каком-то строгом костюме, а в модной дорогой джинсовой куртке».*

Через пару дней в компании появился и директор — Андрей Косогов, самый опытный на тот момент (ему было 30 лет).

Другая будущая звезда фондового рынка Андрей Орехов в конце 1980-х годов выпускал компьютерный журнал «Монитор» и получал второе образование на инженерном потоке, открытом на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ. Достаточно случайно он познакомился с ребятами, торговавшими на РТСБ. Его заинтересовала эта тема, и он как бывший инженер решил глубже внедриться в неё, для чего прочитал всю немногочисленную законодательную базу по биржевому и фондовому делу и все случайные книги, показавшиеся, впрочем, ему очень поверхностными.

Орехов А. В.: *«И меня приняли в брокерскую контору новых знакомых. Вскоре я предложил им открыть в ней направление, связанное с ещё не существующим рынком ценных бумаг. Предложение коллегам показалось непонятным, но возражать они не стали: чем бы дитя ни тешилось, вреда от этого не будет».*

Компания «Грант», когда ей понадобились сотрудники, опубликовала в газетах объявление: «Инвестиционная компания принимает на работу. Образование роли не играет».

И тогда он пришёл в Финансовый центр «Грант», став там трейдером. Для этого в 1994 году необходимо было уже выдержать конкурс. Его непосредственным начальником стал директор по торговле Олег Царьков.

Царьков О. И.: *«На фоне других брокерских контор и банков, требовавших от соискателей диплома экономиста или финансиста и соответствующего профессионального опыта, наша "оферта" выглядела весьма демократично. На деле же не всё было так просто. Наше скептическое отношение к "короч-*

кам" и советскому экономическому образованию, позволяющее пополнить список "детей капитана "Гранта"" очередной порцией безработных "физиков и лириков", с лихвой компенсировалось тестами, в обязательном порядке предлагавшихся будущему сотруднику. Соискателю приходилось анализировать ошибки МММ, отвечать на вопрос: "Не стыдно ли продавать родину иностранцам?" — и т. п. При этом некоторые из заданий повторялись, но уже формулировались по-другому. Таким образом, человек, решивший слукавить, на следующем этапе непременно был бы уличён во лжи.

Инженер-конструктор Сергей Глущенко, успевший до "Гранта" поработать в CSFB и Российском приватизационном центре, и выпускник "Керосинки" Андрей Гальперин, который после развала своего НИИ некоторое время сам играл на "фантиках" МММ, выдержали первое испытание».

Ищущим себя инженером-электронщиком был в то время и Андрей Гальперин. Как и многие, он занимался, по его словам, «вентиляторством» — «купи-продайством».

Гальперин А. Ю.: *«В конце концов эти операции с погрузками, доставками, охраной быстро надоели, хотелось, заняться чем-то более интеллектуальным. Чтобы мышкой кликать...»*

Гальперин А. Ю.: *«Первое поручение, которое я получил, была скупка акций Мосэнерго. Для этого был открыт фондовый магазин. Проявив инициативу, я обклеил объявлениями фонарные столбы вокруг электростанции на Бережковской набережной. Дальше за нас уже сработало сарафанное радио. Работники предприятия в тот момент, получив акции, не знали, что с ними делать. Через неделю у нас стояли очереди. Люди по ночам во дворе у офиса костры жгли».*

КБ, где трудился Сергей Глущенко, как и многие учреждения подобного рода, не «вписалось» в реформируемую российскую экономику и сидело без заказов. Большую часть времени Сергей проводил в гараже, чиня свой видавший виды «Запорожец». Так продолжалось до тех пор, пока сосед не рассказал ему про диковинное предложение иностранного банка, набиравшего людей для организации ваучерных аукционов. Так Глущенко оказался в московском офисе Credit Suisse First Boston (CSFB).

Царьков О. И.: *«Наши новые трейдеры, которым было поручено скупать акции Ростелекома и Мосэнерго, отправились, что называется, поближе к продавцу. Глущенко агитировал на телефонных узлах, а Гальперин развесил соответствующие объявления неподалеку от ТЭЦ.*

Рабочий день "грантовского" деска состоял в бесконечных звонках другим брокерам и редким клиентам с целью выяснения, кто и что сегодня покупает или продаёт. На таком непрозрачном рынке при наличии достаточного собственного капитала, можно было обеспечить себе неплохую маржу. Но, желая

минимизировать риски, мы старались немедленно перепродавать купленные бумаги».

Аналогичная ситуация, меньше был только масштаб, складывалась в регионах.

Александр Мецгер создал в Екатеринбурге «Управляющую компанию» после окончания Свердловского горного института, успев защитить там же кандидатскую диссертацию.

Вадим Протасенко начал трудовую деятельность в 1993 году, сразу после окончания Тюменского государственного университета.

Протасенко В. А.: «*Я вернулся к родителям в Когалым, и, имея уже "опыт работы на фондовом рынке" (работая в киоске и меняя там ваучеры на водку), устроился в отдел по работе с ценными бумагами АО "Когалымнефтегазстрой". Тогда как раз формировался реестр акционеров этого предприятия, вести который нужно было в компьютере, а специалистов, знающих, где у компьютера кнопка включения, в то время было немного. Судьба у этого треста оказалась печальной: отказавшись приватизироваться как часть корпорации ЛУКОЙЛ он обрёк себя на медленное умирание. Но я, набравшись опыта, уже через год продолжил свою карьеру в качестве специалиста в отделе ценных бумаг местного отделения самого ЛУКОЙЛа.*

В 1994–1995 годах, казалось, что весь город жил приватизацией, все говорили об акциях. В наш отдел, располагавшийся на 1-й этаже жилого дома, даже в мороз на улице стояли нескончаемые очереди из работников Когалымнефтегаза, желающих оформить свои права на акции, получить сертификаты, а порой и тут же продать их многочисленным скупщикам, роящимся вокруг».

Владимира Ювонина судьба настигла в армии. В конце 1980-х годов стало ясно, что она не нужна, и он стал искать своё новое применение. Однажды увидел по телевидению репортаж с РТСБ и загорелся — решил стать брокером.

Ювонин В. Ю.: *«Жил я тогда на родине Ленина, поэтому поздней осенью 1990 года моя дорога, ведущая к осуществлению задуманного, была на местную Ульяновскую товарно-сырьевую биржу. Моё решение о смене профессии там было воспринято с воодушевлением — у ряда учредителей не было своих брокерских контор».*

Набираться опыта и знаний Владимир сразу поехал в Москву. Там его выбрали членом правления Межрегионального биржевого союза. Принял он участие и в создании Международной гильдии брокеров.

Ювонин В. Ю.: *«В 1991 году большую часть времени я уже проводил в Москве. Членство на РТСБ мне не пришлось покупать, да на это у меня и не было средств. Но я стал осуществлять арбитраж между РТСБ и биржами Поволжского региона. Там мы торговали акциями, эмитированными в Москве, выступая андеррайтерами.*

Первой моей большой сделкой была реализация акций АвтоВАЗбанка на 1 млн рублей. Как сейчас помню: вечером я подписал договор об их размещении в Поволжье, приехал утром на поезде в Ульяновск и сразу пошёл на биржу, где выставил на торги привезённое из Москвы. И их сразу купили! После чего корреспондент местной газеты "Симбирский вестник" написал обо мне, что в городе появился новый миллионер. Ряд знакомых на меня стали косо смотреть, заинтересовались моей персоной и братки, но быстро поняли, что ловить здесь нечего.

Всё закончилось благополучно, но "провинившуюся" газету я заставил заняться повышением финансовой грамотности населения — в ней была введена еженедельная рубрика, рассказывающая об основных понятиях и целях фондового рынка».

Редкого «специалиста» фондового рынка максимально задействовали — вице-губернатор по экономике предложил ему провести занятия с пятикурсниками в местном университете (филиале МГУ). Там ввели к тому моменту в программу изучение рынка ценных бумаг, а преподавателей и учебников не было. В результате Ювонин тех студентов довёл до диплома.

Ювонин В. Ю.: *«Помог мне в этом "отец фондового рынка" Игорь Сафарян, в команду которого я попал. К этому моменту он выпустил серию книг, отражающих основные вопросы, которые я, имеющий опыт полугодовой работы на бирже, должен был передавать подрастающему поколению. Так что я преподавал и сам учился одновременно».*

Ещё одним инженером-химиком был Денис Котенко, он ринулся искать новые возможности в начале 1993 года.

Котенко Д. А.: *«Внезапно для себя я осознал, что молодой финансовый рынок испытывает проблему нехватки специалистов рынка ценных бумаг, имеющих квалификационный аттестат Минфина I категории. Решил выяснить, как можно получить этот аттестат, что для этого требуется. Со второй попытки он сдал экзамен.*

Делал всё это я "на вырост", и фактически с первой недели получения аттестата стал получать предложения о работе. Первым, фактически пробным, местом моей работы стал РФФИ, где я познакомился с людьми, которые реально создавали акционерные общества, приватизационные механизмы, решали многие вопросы разгосударствления различных форм собственности.

Приблизительно в это же время мне позвонил Андрей Косогов — на тот момент управляющий ЧИФ "Альфа-Капитал" — руководимой им организации требовались специалисты, имеющие аттестат Минфина. Он пригласил меня на встречу в офисе фонда. ЧИФ готовился начать проект по размещению акций новой публичной компании. Так я попал в их резерв».

Но не все новички, конечно, были инженерами. Встречались среди них и люди профильных, экономических специальностей. Так можно вспомнить

выпускников экономического факультета МГУ Рубена Варданяна, Александра Коланькова, Павла Романова...

Варданян успел засветиться ещё в советский период в СП «Диалог» (о чём можно прочитать в этой книге. Затем он, ещё писавший диплом на тему фондового рынка, решил для себя: *«Я поработаю в инвестиционном банке "Тройка Диалог" лет пять. Если за эти годы в России не появится рыночная экономика, я займусь чем-нибудь другим. Я не был женат, у меня не было никаких обязательств, не было детей, я мог позволить себе попробовать этим заняться»*[1].

Но уже весной 1992 года после ухода первого директора компании «Тройка Диалог» Павла Кузнецова, он стал исполнительным директором и первые полтора года руководил ею вместе с Екатериной Кубасовой. Когда же и она покинула «Тройку», 23-летний студент Варданян стал полноценным директором компании.

Варданян Р. К.: *«По средам я в университет не ходил, потому что это был день военной кафедры, которую мне уже посещать было не надо, т.к. я к тому времени уже отслужил. Ещё один день нам сделали на старших курсах библиотечным, так что получалось, что мне учиться надо было только три раза в неделю».*

Раньше Варданяна окончил тот же факультет МГУ Павел Романов. Более того, он уже учился в аспирантуре, был секретарём комитета комсомола университета, а в 1990 году был избран депутатом Моссовета.

Романов П. В.: *«В кулуарах Моссовета от Юрия Александровича Милюкова, зарегистрировавшего Московскую товарную биржу (МТБ), я услышал его увлечённый рассказ о только что принятом постановлении об акционерных обществах, о том, что они бывают открытого и закрытого типа и т.д. Для меня это всё оказалось новым, хотя в университете теоретическую информацию об этом нам давали. Я слушал биржевика с широко открытыми глазами и думал про себя, что технарь, выпускник МИФИ, учит меня, экономиста, основам рыночной экономики!»*

В мае 1991 года Наталья Павловна Иващенко, научный руководитель студента экономфака Александра Коланькова, которую он к тому времени замучил просьбами помочь найти работу, связанную с биржами, познакомила его с двумя выпускниками того же факультета МГУ, только что купившими брокерское место на РТСБ и учредившими контору «Граникс» — Владимиром Грабарником и Константином Карловским. На первую встречу Александр, чтобы произвести впечатление, привёз свой курсовик по классическим правилам биржевой торговли товарами.

---

[1] Новые лидеры российского бизнеса / Кете де Врис М., Шекшня С., Коротов К., Флорент-Трейси Э. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 251.

До создания совместной компании «Аналайз» оставалось меньше года.

Романов П. В.: *«Практически все участники рынка были тогда молодыми людьми: только создавали семьи, многие жили на съёмных квартирах, всем хотелось иметь машину, посмотреть мир... Инвестировать вдолгую могли немногие. Перспектива подождать и инвестировать во что-то 1 млн долларов, чтобы получить 50, не многих прельщала.*

Зато хорошо помню ощущение драйва того времени, когда ты приходишь в офис и к обеду у тебя может появиться чувство: полдня уже прошло, а ты ещё ничего не заработал».

Чтобы не возникло представления, что брокерские места расхватала одна молодёжь (что во многом справедливо), приведу несколько исключений.

Был старше основных своих коллег в конце 1980-х годов Игорь Сафарян, окончивший вечернее отделение МАТИ ещё в 1977 году. Он успел поработать в НИИ Министерства авиационной промышленности СССР, прошёл путь от лаборанта до замначальника отделения института. Всё шло вроде неплохо, но тут в него попал вирус предпринимательства: в 1988 году он принял участие в работе НТТМ Тушинского района, в 1989 году организовал кооперативы «СоРос» и АЭК, занимавшиеся торгово-посредническими операциями, а в августе 1990 года уже основал первую в СССР брокерскую фирму «Брок-Инвест-Сервис».

Так что, когда заговорили про рынок ценных бумаг, это был уже по тем временам опытный бизнесмен, имевший финансовый «подкожный жир».

Сафарян И. А.: *«Наглости нам было не занимать, поэтому мы с партнёром оценили обстановку и пошли в Институт США и Канады, где договорились в отделе экономики о проведении с нами занятий на тему организации бизнеса в самих странах развитого капитализма. Одним из наших учителей стал тогда ещё кандидат наук Борис Алёшин*[1].

Но главное мы пришли к выводу, что неплохо было бы, чтобы в стране появились настоящие акционерные общества. И начали мы с создания своей финансовой компании ООО «Брок-Инвест-Сервис», зарегистрировав его в Краснопресненском райисполкоме. Внутри него мы открыли отдел, занимающийся только акционированием. Таким образом, мы создавали базу под будущий фоновый рынок.

С прессой у нас были уже хорошие отношения, поэтому объявления о нашей новой деятельности сделать было несложно. Мы засветились даже в суперпопулярной передаче «Взгляд». Первым под наши жернова попал какой-то совхоз, за ним последовали банки “Менатеп”, “Югорский”...»

[1] В 1991 году в издательстве «Финансы и статистика» он выпустит книгу «Рынок ценных бумаг. Введение в фондовые операции».

У Олега Ячника к судьбоносному моменту уже был 20-летний стаж преподавания в МВТУ им. Н. Э. Баумана. Он был лауреатом премии Ленинского комсомола «за разработку образцов новой техники» и премии имени С. И. Мосина «за значительный вклад в развитие науки и техники в области машиностроения и новых технологий». Олег Евгеньевич занимал солидную должность заместителя заведующего кафедрой, возраст его был за 40.

Ячник О. Е: *«Всё было хорошо, но научная деятельность постепенно сворачивалась, т. к. у предприятий-партнёров возникли проблемы с финансированием. Следовало искать чем заняться, не бросая преподавательской работы».*

В 1991 году ему в руки попала книга Бориса Алёхина «Введение в фондовые операции», которую он проглотил буквально за два дня.

Ячник О. Е: *«Впрочем, как использовать новые знания, было непонятно — ценных бумаг в стране фактически ещё не было. Но стали появляться, как грибы после дождя, биржи. Я знаю человека, который принял участие в создании шести бирж. Вместе с тем, чем они должны заниматься, мало кто понимал.*

В конце 1990 года, я встретил своих будущих партнёров Александра Николаевича Чулкова и Михаила Генриховича Винчеля. Оба уже крепко (по тем временам) стояли на ногах, занимаясь коммерцией и создав Северо-московскую торговую фирму. Тогда и было принято историческое для меня решение, что мы вместе займёмся работой на бирже. В результате я вошёл третьим учредителем в их компанию».

Для выхода в «большой бизнес» было куплено место на бирже «Конверсия». На ней партнёры даже несколько неплохих сделок успели сделать, пока она не лопнула. Далее были курсы Минфина, создание компании ОЛМА и выход с ней на фондовый рынок.

Ячник О. Е: *«Не откладывая задуманного, мы принялись за его реализацию, оперативно подготовив документы на создание АООТ — акционерного общества открытого типа.*

Однако даже накануне сдачи бумаг на регистрацию у нас ещё не было названия компании. Ни одно «типовое» название нас не устраивало. Окончательное решение было поручено найти мне. По дороге домой я перебирал разные сочетание первых букв наших имён. Ни МАО, ни тем более АОМ не подходили. Наконец, вариант ОМА превратился в более благозвучное ОЛМА. Теперь предстояло проверить не звучит ли оно неблагозвучно на каком-нибудь распространённом языке.

Мин не оказалось, более того с испанского слово olmo переводилось, как "вяз" — большое, раскидистое дерево. Такой версии мы и стали придерживаться.

Регистрация Инвестиционной фирмы "ОЛМА" прошла 15 июня 1992 года.

Сразу встал вопрос зарабатывания денег. Золотое время реализации акций бирж к тому моменту уже прошло, остывали бумаги банков. За их распространение мы и взялись. Что-то стало получаться.

В сентябре в ОЛМА мы на работу пригласили Юрия Васильевича Мишина и Жанну Витальевну Цвиркунову, сыгравших в нашей истории важную роль».

Но особенно резкий и рискованный поворот сделал всё-таки Алексей Гавриленко. 1 января 1990 года он ушёл в никуда с престижной работы в секретариате Совета экономической взаимопомощи, которая обеспечивала ему, как международному чиновнику (в негласном табеле о рангах приравненному к заместителю министра), регулярные зарубежные командировки, очень неплохую по советским меркам зарплату и безбедную старость с персональной пенсией союзного значения в будущем. И вот в конце 1989 года появились ещё нулевые номера газеты «Коммерсантъ», в которых указывались адреса и телефоны людей, добившихся первых успехов в неведомом тогда ещё в Советском Союзе бизнесе.

Гавриленко А. Г.: *«Эта информация вызывала у меня желание кипучей деятельности, как будто внутри меня включился реактор, заставляющий подниматься, бежать и пытаться что-то претворять. С этой поры меня уже нельзя было остановить!*

Мой товарищ Яша Уринсон, с которым я решил посоветоваться, заявил, что я занимаюсь ерундой и предложил вернуться к нему в ГВЦ Госплана. Другим советчиком был Андрей Шаповальянц, обнадёживший словами: “Я в тебе уверен, куда бы ты не пошёл, всё у тебя получится!”

Итог моим размышлениям подвела жена, от которой я услышал нужные мне слова: “Я в тебя верю!”

Впрочем, к тому времени я уже принял решение, которое нельзя было изменить и буквально рвался в новую жизнь. Мне было 45 лет, и я рад, что тогда решился сделать шаг в неизвестность, о котором потом никогда не жалел».

На первом этапе было создано предприятие с вызывающим названием — «Эго».

Гавриленко А. Г.: *«Я был один, поэтому мог, а главное, хотел отвечать только за себя, и, пытаясь выжить, брался буквально за всё. А ещё я тогда дал себе обещание: “Теперь, буду говорить только то, что думаю и делать только то, что сам хочу!” Также я сформулировал свой главный принцип ведения дел — стараться делать всё по-честному и дорожить репутацией.*

Подняться помог накопленный опыт, но сначала я очень смешно выглядел по сравнению с двадцатилетними ребятами, с которыми приходилось сотрудничать и конкурировать. Кроме наиболее распространённых тогда операций “купи-продай” (торговал даже ананасами и кубинским ромом) с удовольстви-

ем занялся консультированием. В частности, давал советы голландской фирме по вопросу продажи рабочей одежды в нашей стране, польской газовой компании, налаживать контакты по торговле нашим газом».

Вскоре была создана одна из самых долговечных компаний на российском фондовом рынке — АЛОР. Не дожидаясь, пока наберёт «жирок», начинающий бизнесмен сразу решил строить своё дело по-взрослому, а для этого арендовать достойный офис. В результате он стал первым арендатором в здании СЭВ на Калининском проспекте, где ещё месяц назад трудился.

Гавриленко А. Г.: *«Ничтоже сумняшеся я занял огромный кабинет бывшего заместителя руководителя Совета. Естественно, в гости ко мне сразу повалили старые друзья и коллеги, признавшие, что Гавриленко "крутой", впрочем, не понимая при этом, сколько всё это стоит и откуда берутся деньги.*

Таким образом, я невольно провёл первую кампанию по пропаганде рыночной экономики. Но такое продвижение финансовой грамотности не смог стерпеть секретарь СЭВ Вячеслав Владимирович Сычёв, заявивший: "На хрен нам такой арендатор! Он же всех специалистов к себе переманит!" Однако тогда ещё серьёзно относились к исполнению подписанных договоров, поэтому выселили меня только, когда истёк полугодовой срок аренды».

Рассказ будет не полный, если не упомянуть о людях, которые, судя по всему, уже родились брокерами.

Евгений Юрьев в свои 20 лет дальних планов не ставил, ему, как и многим сверстникам, хотелось просто заработать денег, чтобы реализовать две свои мечты — купить фирменные джинсы и высокие кроссовки. Немудрёные стратегические задачи он сумел выполнить быстро, включившись в работу стихийного книжного рынка, прообраза книжной биржи. Надо было продолжать.

Юрьев Е. Л.: *«Первый наш офис был в панельной многоэтажке в Бибиреве. Мой отец-офицер, привыкший к порядку, неожиданно для меня разрешил его открыть в нашей небольшой квартире, запустив в неё шайку молодёжи, за день съедавшую все небольшие запасы, хранящиеся в холодильнике. Первую выручку мы хранили в ящике школьного стола, купленного мне в 3-м классе.*

Себя я считал очень серьёзным бизнесменом, ведь у меня уже была печать, банковский счёт, джинсы и кроссовки. И несмотря на то, что не было начального капитала, по тем временам этого было уже много»[1].

Таково было начало компании «Атон». Московский государственный университет экономики, статистики и информатики Евгений окончит в 1997 году, будучи уже серьёзным бизнесменом.

[1] Интервью Евгения Юрьева Андрею Звёздочкину на сайте «История фондового рынка».

А вот Пётр Фёдоров, брат более известного брата Бориса, так и не успел получить высшего образования, но это не помешало ему стать весьма успешным в выбранном деле. В октябре 1992 года в Москву прибыл американец Чарльз Райан. Он взял дело по созданию «Объединённой финансовой группы» в свои руки. Но в первую очередь попросил Бориса Григорьевича помочь ему с решением основных бытовых проблем. И тот, в частности, рекомендовал ему брата в качестве водителя.

Фёдоров П. Г.: *«Помню, как Чарльз вошёл ко мне в кабинет (сидели мы тогда на Тверской улице в четырёхкомнатной квартире) и спросил меня: "Пётр, брокером будешь?" Я ответил: "Буду!" И получил указание: "Тогда бери компьютер, иди за мной!" Вскоре к нам присоединились Саша Шмелёв, Николай Шмиголь и Михаил Юдин. Юдин стал начальником бэк-офиса, остальные вместе со мной — трейдерами. Катя Чекавинская, имевшая небольшой опыт торговли акциями, разбавила нашу компанию.*

Так получилось, что все первые сделки в компании делал я. У меня был самый большой предпринимательский опыт. Я успел поторговать чеками Внешпосылторга, валютой, кроссовками. Незадолго до открытия ОФГ, в частности, поработал "другом бригадира грузчиков на Курской товарной станции". Пережил я тогда много: постоянные вооружённые бандиты не позволяли расслабиться. Однако и заработал немало, купил первую свою машину, обеспечил семью. Бизнес состоял в том, чтобы приходящие на станцию составы выкупить и самим продать за наличные деньги мелкооптовым покупателям. Владельцы вагонов часто боялись долго ждать и готовы были продать дешевле, но прямо сейчас и за наличные. Ведь состав мог быть разгружен сразу, а мог уйти на неделю на запасные пути».

Притирание. Борьба за место под солнцем. Задачи ставили молодые брокеры амбициозные. Их выразил Игорь Сафарян.

Сафарян И. А.: *«Я шёл в бизнес сознательно. Поскольку рынка, как такового, не было, я предстал перед дилеммой: ждать, когда он образуется или сделать его самому. Я выбрал второе. И начали мы с моим компаньоном с создания акционерных обществ. Помогая им, мы делали для себя рынок. При этом принимали и принимаем активное участие в разработке многих документов, программ и т. п.»*[1].

Несмотря на то, что места и денег на рынке хватало на всех, с самого начала между брокерами началась борьба за клиента.

Чтобы заинтересовать инвестора, в первую очередь, тогда, конечно, иностранного, акциями того или иного предприятия, брокерам приходилось про-

[1] Имидж профессионала // Финансовая газета. 1991. № 4.

являть фантазию, например организовывать экскурсии на вертолётах с демонстрацией нефтяных вышек или угольных разрезов.

Самые успешные отличались решительностью и особым чутьём.

А ещё, как отмечал молодой тогда брокер Алексей Виноградов в распространяемых в Интернете «Воспоминаниях молодого брокера о молодости фондового рынка», говоря о тех, кто выжил после первых лет тяжёлой работы на рынке: *«Одна из черт, которая сразу бросается в глаза, — это то, что зарплаты у них всегда были не очень большие, а о жадности некоторых их руководителей ходят легенды. Жадность в данном случае — очень полезная черта характера, она позволяет естественным образом ограничивать и по мере возможностей сокращать накладные расходы (в том числе зарплату персоналу). Второе немаловажное качество "выживших" — это численность персонала. Взяв на вооружение наставление графа Суворова "побеждать не числом, а умением", они всячески препятствуют непроизводительному разрастанию вширь, напротив заставляя своих сотрудников работать более интенсивно. Многие "технические" работники в крупных инвестиционных компаниях и банках получают очень мало, особенно в сравнении с "элитой" — брокерами и трейдерами. Здесь напрашивается интересный совет инвесторам, выбирающим брокера, постарайтесь узнать, сколько получают секретари и подобные им работники, если около 200 долларов, значит, контора устойчива и в ней любят считать деньги, если больше — рискуйте, может, ничего плохого не произойдёт».*

Основная же масса брокерских фирм на первом этапе работала по принципу семейного подряда, даже если их руководители не были родственниками, они были всё же чем-то объединены. Тем более что специалистов необходимого профиля институты не готовили.

Грачёв В. А.: *«Атмосфера в нашем небольшом коллективе была замечательная, лучше начальника, чем Игорь Анатольевич, я не видел. И всё у нас держалось на интересе. Удивительно, как Сафаряну удалось отобрать столь одухотворённых энтузиастов. Синергетический эффект от их действия был огромен.*

Уникальность компании Игоря заключалась в том, что мы успели попробовать практически всё, менее чем за один 1991 год. В том числе и фьючерсы. Впрочем, основным занятием для нас это не стало.

Мы приходили на одну биржу, понимали, что там что-то делается неэффективно и, по нашему мнению, сделано неправильно, и начинали исправлять. Слава потратил много времени в фондовом отделе РТСБ доказывая, что нельзя на новом рынке использовать механизмы, скалькированные с товарного рынка. В результате мы садились и переписывали правила торговли. То же самое потом делали на МЦФБ. После этого и пришла мысль заняться арбитражем.

Мы читали всё, что могли найти, в том числе и на английском языке, и тут же пытались это реализовать у себя. Буквально: "утром в газете — вечером в куплете"».

Фёдоров П. Г.: *«Мы активно работали с CS First Boston и был там брокер, мой товарищ Слава Г., с которым мы часто совершали сделки. Однажды сразу после Нового года, когда в России ещё не закончились новогодние каникулы, а на Западе уже активно работали, он мне позвонил.*

Прямо скажу, в неподходящий момент — я вёз жену и маленьких детей в детский клуб "Арлекино". Интересовало партнёра, есть ли у меня акции "Сургутнефтегаза". Я ответил утвердительно, но на просьбу продать, ответил, что не планировал это делать. Но мой собеседник был настойчив: "Но ты же всё равно их будешь продавать. За сколько ты готов с ними расстаться?" Я, прикинув, что перед Новым годом закрытие прошло по 20 центов, сказал: "За 40" — и получил моментальный ответ: "Купил!" В те прекрасные времена этого было достаточно для подтверждения сделки.

После этого высадил пассажиров, жену попросил отвезти детей в клуб на такси, сам же оперативно отправился в офис. Там быстро купил 2,5 млн акций "Сургута", прибавив к цене закрытия по 10–15%. Мой заработок, после открытия Московского рынка составил несколько миллионов долларов. Конечно, не обошлось и без последствий — некоторые коллеги мне долго не могли простить такого использования информации. Для всех такие перекосы в ценах были ещё в новинку... Ну что ж праздновать меньше надо!

Впрочем, деньги я зарабатывал не для себя, а для компании».

Так что бороться было за что — профессия брокера на фондовом рынке быстро стала одной из самых престижных и высокооплачиваемых, ещё недавно мелкие брокерские конторы превращались в крупные инвесткомпании со штатом до тысячи сотрудников. Участники рынка назовут это время «большой халявой».

Юрьев Е. Л.: *«В то время у нас было много конкурентов, желающих, как и мы, воспользоваться моментом и разбогатеть. Большинство из них сделали свои первые деньги, переквалифицировались и занялись другими делами, кто-то после этого уехал их страны»*[1].

Участники рынка разделились на две основных группы: большие московские брокеры и их региональные коллеги.

Первые приобретали у вторых, «пылесосивших» рынок, акции, формировали из них пакеты и перепродавали их либо российским структурам, которые участвовали в приватизационных процессах, либо западным институциональным инвесторам.

[1] Интервью Евгения Юрьева Андрею Звёздочкину на сайте «История фондового рынка».

Протасенко В. А.: *«А деньги на скупке акций тогда делались шальные. И они как приходили легко, так же легко порой уходили. Помню группу местных ребят за пару месяцев скупки акций заработавших себе на "девятку" (невероятная роскошь по тем временам) и в первые же дни влетевших на ней под КамАЗ, машина восстановлению не подлежала, но все выжили. А вот другому скупщику из Чечни повезло меньше — заработав уже на "Мерседес", после встречи со столбом он не выжил.*

Была в те годы и "цивилизованная" скупка акций — в Когалыме был открыт бартерный магазин. Здесь за акции давали дефицитные товары, телевизоры, радиоаппаратуру. Правда, до сих пор не пойму, кому понадобилось акцию ЛУКОЙЛа обменивать на говорящего попугая, причём не живого, а игрушку».

Было много работы, не связанной непосредственно с торговлей. Выпускника Московского института инженеров железнодорожного транспорта Михаила Бройтмана, пришедшего на работу в компанию «Тройка Диалог» направили в аналитический отдел собирать информацию о различных акционерных обществах (уставы, положения о советах директоров, отчёты и т. д.), выполняя эту задачу он объездил всю страну.

Бройтман М. Я.: *«Ведь наши клиенты к тому моменту накупили различных акций, а об их эмитентах они ничего не знали. Работа эта была как бы на вырост — нашей следующей услугой было квалифицированное консультирование клиентов о компаниях и организациях, владельцами пакетов которых они являлись».*

Впрочем, бывали, по его словам, и срочные задания: «*"Надо ехать в Волгоград, покупать местную гидростанцию!" Тогда получаем чемодан денег, охрану с оружием, частный самолёт и в путь».*

Бройтман М. Я.: *«Бывали истории "таинственные". Пришёл клиент и спрашивает: "Вы можете заняться скупкой в регионах?" Получив утвердительный ответ, продолжил: "А что для этого нужно?" — "В первую очередь деньги. А ещё охрана, место для размещения операционистов, связь с регистратором..." — говорим мы. Удовлетворившись услышанным, гость поинтересовался: "А сколько человек в вашей выездной группе?" И узнав, что в неё входит четыре человека, предложил: "Пять групп сделаете?" После того как мы дали согласие, клиент поинтересовался, сколько наша работа будет стоить. Теперь пришло время задавать вопросы нам: "А что покупать-то? Где?"*

Но господин был упорен, он заявил: "Не-е-е-т! Об этом я вам скажу утром в день, когда вы туда отправитесь! А пока могу сказать, что этот объект в Центральной России"».

В результате пришлось скупать паи и акции в одном из совхозов в Подмосковье.

Царьков О. И.: *«В "Гранте" работал аналитиком Александр Иванищев. Физик по образованию, он отвечал за технический анализ. Но Саша ещё увлекался астрологией и на факультативной основе делал прогнозы на основании расположения планет. Так вот они предсказывали динамику рынка ничуть не хуже, чем "японские свечи" и "линии поддержки". При желании можно вывести зависимость динамики индекса РТС от поголовья кроликов в Шотландии. Все счётное, и поддаётся математической обработке. Корреляция всегда есть всего со всем.*

...Ноль на нашем рынке — очень хороший результат. Если минус — надо учиться. Много учиться. Минус — это школа, и не надо к этому плохо относиться. Плюс? Когда очень много плюса — это даже хуже, чем когда много минуса. Значит, тут что-то не так. И за этой белой полосой повалит такая чёрная, что на фиг это надо. Я в таких случаях ухожу в отпуск. Надо переболеть. Слишком уж много везёт! И это нужно сломать. Потому что в такие моменты тебе кажется: что бы ни случилось, ты всегда будешь на белом коне, в плавках и кепке. Против всех, против течения. Нет! Нужно всегда осознавать если не свою ничтожность, то уж во всяком случае очень большую свою зависимость от окружающего мира. И от Всевышнего.

Я человек верующий. И, насколько я знаю, среди трейдеров нет неверующих, все в той или иной мере верят. Потому что, когда ты видишь крах, — не состояний, но когда люди теряют за несколько минут очень приличные деньги, и все это происходит по непонятным причинам, начинаешь осознавать свою зависимость. Зависимость от неких нечеловеческих сил. Нет, правда. Среди крутых брокеров очень развито увлечение индуизмом, конфуцианством. Почему? Наверное, потому, что основа этих религий — спокойствие. Религия убеждает, что спокойствие очень необходимо. А спокойствие — это второе после интуиции качество, без которого на рынке нечего делать»[1].

Тогда сформулировал свои правила поведения на рынке Анатолий Гавриленко. В частности, по его словам, когда к тебе приходят с предложением сделать инвестиции в твой бизнес, следует сразу понять, откуда деньги.

Гавриленко А. Г.: *«Репутация и авторитет зарабатываются годами, а потерять их можно за пять минут. У меня был такой случай. Ещё в 1990-е годы я советовал одному брокеру: "Всегда спрашивай у клиента, откуда он взял деньги". Но получил ответ: "Да какая разница? Принесли и слава богу". Как-то раз пришёл молодой парень, вложил все средства во фьючерсы и проиграл их. Но вскоре пришла его бабушка и оказалось, что он заложил её квартиру, и теперь бабушке негде было жить.*

---

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 30.

И ещё руководитель брокерской компании не должен сам играть на рынке. Всем клиентам, которые приходили ко нам с 1995 года, я говорил: "Если ты пришёл в брокерскую компанию и видишь, что руководитель сидит и играет на бирже, то лучше сразу уходи. Во всех его несчастьях в результате окажешься виноват ты сам". При том уровне законодательства, который существовал тогда, было очень легко переложить неблагополучные инвестиции на клиента».

В начале 1990-х годов концерн «Орими», в который выходила компания «Орими-брокер», стала крупнейшей структурой своего профиля на Северо-Западе России. У него было около 45 региональных отделений — от Находки до Николаева. Они и занимались скупкой интересных акций. Отдел выездной торговли курировал работу в Ленинграде и Ленобласти. Скупки организовывались прямо на предприятиях. Возглавлял концерн Дмитрий Варварьин.

Кашин А. Л.: *«Как-то перед нашей компанией была поставлена задача приобрести блокирующий пакет Витабанка, контролирующего питерскую пищёвку, для того чтобы ввести своего человека в совет директоров банка. На тот момент у нас было 19%.*

Я недорого нанял 40 людей, как говорится, "из народа". Каждое утро в течение двух месяцев они приходили, как на работу, в Витабанк и покупали акции банка. Никого это не заставило насторожиться. Так мы добрали 2,5% акций. Одновременно я сумел склонить на уступку своего пакета (4%) одного из акционеров банка — "Невскую косметику".

У возглавлявшей банк Надежды Павловны Васильевой был шок, когда её поставили перед фактом. За счёт этой операции три места в совете нам были обеспечены. Благодаря этому мы получили в партнёры крупнейшие питерских пищевые предприятия».

И всё-таки эта профессия была полна приключений. Тем более что большинству брокеров приходилось заниматься «работой в поле», скупкой акций в регионах. Напутствие начальства внушало им веру в будущее: «Съезди на Север, поморозь сопли, тогда и поговорим о прибавке к зарплате». А до этого «Севера» порой следовало добираться вначале самолётом, потом местным поездом, затем вверх по течению речным трамвайчиком или забытой ныне «Ракетой» и наконец ещё километров 200 на попутном транспорте, хорошо, если на автомобиле.

Кашин А. Л.: *«Как-то раз мы с моим замом Лёшей Саватюгиным летали на маленьком самолёте в Туву, в Кызыл. И в какой-то момент заглох двигатель. Некоторое время, пока вновь не удалось его завести, мы планировали над тайгой в жуткой тишине.*

Зачем летали туда, что обсуждали с руководством республики, до сих пор понять не могу! Процесс этот в серьёзных компаниях был многоступенчатым.

Вначале выезжали разведчики. Они должны были приценяться к искомым акциям, оценить, сколько других скупщиков действуют в том или ином городе, на кого они работают и насколько активно. Если реестр находится там же, что чаще всего и было, то насколько он закрытый. Важно было узнать, как к варягам относится администрация предприятия и местная власть. Не лишним было узнать о "неформальных" руководителях города, которые могли принести много неудобств». Как рассказывает молодой тогда брокер Алексей Виноградов, воспоминания которого можно найти в Интернете: *"Однажды заказчик, предложивший организовать работу по скупке акций одного промышленного гиганта обеспечил помимо прочего связь с местными "неформалами". Брокеры, летавшие туда, остались весьма довольны: "Эх, хорошо от аэропорта на шестисотом, да с ветерком!" Обслуживание было по полному разряду: лучшая "подшефная" гостиница, солидный офис в центре города, охрана, беспроблемное обналичивание денег. В то же время подобная опека серьёзно уменьшала рентабельность, поэтому, взвесив все за и против, брокерская фирма лишь организовала работу, обучив сотрудников заказчика, снабдив их необходимыми документами для работы и получив комиссионные, никогда больше не заглядывала на то предприятие. Выбор оказался верным, последовавшие впоследствии по этому гиганту скандалы явно не дали бы нормально работать».*

После этого следовало ехать основной команде и большим количеством наличных (десятков, а порой и сотен тысяч долларов) и пачки договоров и передаточных распоряжений. Сделки происходили по принципу монтёра Мечникова» — акции в обмен на деньги.

Обратимся вновь к Алексею Виноградову: *«Конкуренты были всё те же — ранее сидели за соседними столами на ЦРУБе: "Как и ты здесь, а я-то думаю, кто это мои цены перебивает! Это надо отметить сегодня вечером в Париже". До Парижа не надо было лететь во Францию, одноимённый ресторан в Нефтеюганске пользовался популярностью. <...>*

В больших городах можно было открыть сразу несколько пунктов скупки, что и делалось крупными компаниями, в маленьких городах работали из автобусов. Вообще автобус в рассказах брокеров занимал не последнее место, во-первых, на нём скупали акции, припарковывая его в наиболее удобных для этого местах. Во-вторых, на автобусе охотились за акционерами, устраивая набеги на отдалённые буровые и подобные им участки. Или лихо подъехав к очереди в реестр, который сам частенько выступал в роли покупателя, зазывали народ: "Лучшие цены в городе! Быстро, крупными купюрами, в рублях или долларах! Торопитесь в автобусе остаётся всё меньше мест!" И отрубив хвост очереди аж по самые уши, везли всех в гостиницу, где быстренько, за регистрационной стойкой воздавали каждому в зависимости от величины пакета. В-третьих, автобус выступал в роли золотого самородка, когда работни-

ки какого-нибудь исключительно отдалённого участка, привозили свои пакеты на продажу».

Порой, когда деньги на скупку заканчивались, автобус тут же недорого продавали. Иногда «хитроумные брокеры, перепродав купленные акции чуть дороже конкурентам и получив комиссионные, посылали в Москву телеграмму: «Торговля не идёт». Однако в случае обнаружения подобной индивидуальной деятельности виновнику грозили большие неприятности, поэтому большинство брокеров работали честно, за комиссионные вознаграждения — их размеры за пару-тройку месяцев работы позволяли приобрести вполне приличную вожделенную машину иностранного производства.

Фёдоров П. Г.: *«Как-то мы получили заказ на акции Катав-Ивановского цементного завода в Челябинской области. Скупать их поехал я. Уже городе обнаружил, что не один такой желающий. Мы повысили цену на рубль, они на два, мы на три, они на пять. Причём, всё это произошло в первый же день после моего приезда. Было понятно, что такая война цен ни к чему хорошему не приведёт ни нас, ни их. Тогда мы в местной распивочной заключили картельное соглашение — держать одинаковую цену покупки.*

Слово джентльмена — это хорошо, но пустым домой не вернёшься, а у местных в любом случае преимущество — стены помогают! К тому же москвичей нигде не любят. И я нашёл выход — скупил весь алкоголь в местном магазине (весь — это значит абсолютно весь, завоз 1 раз в неделю) и всех подписавших договор угощал, сколько смогут выпить, прямо перед Домом культуры. Все, кто расстался с акциями у нас, кроме получения за них денег, могли бесплатно пить и есть сколько угодно. И даже работу на дом порой им давали.

Жил я в Усть-Катаве, в 15 км от места, где проходили основные события этой истории. Однажды я проснулся и оказалось, что машина моя уехала. Усугубило проблему то, что в карманах обнаружилась только 100-долларовая бумажка. Пытался остановить какую-нибудь машину, безрезультатно. Наконец, торможу мотоцикл с коляской. Я ему сую купюру, но получаю ответ: "На х... мне твоя бумажка, садись, так довезу!»

В результате 90% проданных акций оказались у нас. Кстати, остальные наши конкуренты тоже продали нам, правда, ещё на нас заработав».

В этих томах книги и тем более в следующих мы в основном даём слово успешным представителям инвестиционных компаний, однако большинство из них оказались подобными кометам. И история их деятельности коротко и образно описана уже цитируемым очевидцем Алексеем Виноградовым: *«В начале собираются несколько человек вместе и за распитием напитков решают создать брокерскую фирму для работы на фондовом рынке. Потом они находят помещение для работы, где, как правило, только голые стены и парочка телефонов, а посему все сидят на подоконниках, места на которых*

хватает всем. Потом дело потихоньку разворачивается, принося создателям доход, и они пересаживаются с подоконников в кожаные кресла, кладут ноги на итальянские столы и, размышляя о вечном, резюмируют поступающие предложения фразами типа: "Вот ещё буду я из-за такой мелочи дёргаться". Крупняк, достойный их полета мысли, попадается всё реже, поэтому размышления о вечном временно прекращаются, все пересаживаются на столы и принимают позу роденовского "Мыслителя". Поскольку из бессмертного произведения "Что делать?" большинству известно только его название, начинается неспешное выяснение "кто виноват". К тому времени, как виновного находят, пассивы фирмы уже настолько превышают активы, что пересаживание обратно на подоконники уже ничего не решает, тем более что теперь они всех не вмещают. В финале все бегут, но, в отличие от известной песенки, ничего им не светит. Побег без вещей, а точнее, разъезд в разные стороны, есть отличительная черта прекращения деятельности финансового института, по сравнению, например, с торговыми фирмами. По большому счёту, никого не волнует бросаемое на произвол судьбы оборудование офисов: по сравнению с пассивами оно просто капля в море».

К началу 1996 году рынок сильно изменился.

«Есть, например, такой известный на рынке трейдер — Паша Науменко. В свое время он ушёл из "Тройки", потому что американский менеджер компании Фред Берлинер заставлял его держать узкие спреды. Мол, если у тебя лучшие котировки на покупку, ты должен держать и лучшие котировки на продажу. И разрыв в ценах должен быть — ну, минимальный. А у Паши сердце рвалось: как можно играть? Ну, как вставать в покупку Мосэнерго по 40 центов, а в продажу — по 43? Какая же здесь прибыль? А ему: "Так принято в Америке". Паша этого понять не мог. Мы одно время тоже все над этим смеялись. А сейчас я смотрю — на глазах дело Фреда Берлинера побеждает. Узкие спреды становятся нормой и нашего рынка. Рынок явно повзрослел и уже не колеблется так сильно.

Хотя, если честно, мы гораздо круче американцев. Да, нам не хватает выучки. Зато мы знаем свой рынок, лучше знаем его психологию. И если у нас нет от Бога одного — если мы не капиталисты двести лет, — то у нас есть что-то другое. При всем том мизерном массиве информации, который имеют русские брокеры, они показывают, на мой взгляд, чудеса грамотного поведения на рынке. В последнее время вообще появилось очень-очень много ребят, которых на мякине не проведёшь»[1].

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 29.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Как я уже рассказывал, ещё до создания ПАУФОРа брокеры искали формы объединения для более эффективной работы, защиты своих прав, да и просто для совместного проведения досуга.

И в результате 17–18 октября 1991 года в Харькове состоялся Учредительный съезд Межрегиональной гильдии брокеров. Возглавил гильдию Игорь Сафарян, хотя в ней было сразу восемь президентов — руководивших региональными штаб-квартирами. Они были названы равными, но московский всё же был признан «равнее» других.

Сафарян И. Г.: *«Создавалась гильдия с простой целью: руководство бирж слишком много о себе возомнило. Вот мы и решили создать противовес биржевой администрации и в результате получить влияние на биржи.*

Гильдия эта прекратила существование через несколько лет за ненадобностью, исчерпав себя. Но года три мы собирались, готовили нужные для работы документы, проводили собрания, на которых делились опытом.

Это был период экономического романтизма. Тогда и я, и мои товарищи думали, что модель экономического развития будет иная, и надеялись, что не произойдёт того, что произошло в конечном итоге».

Команда Сафаряна тогда много ездила, собиралась то в Харькове, то в Вильнюсе или в Санкт-Петербурге. Побывали в Новгороде, Алма-Ате, много раз в Крыму.

Ювонин В. Ю.: *«Чтобы представить в каких условиях мы тогда работали, скажу, что, когда мы собирались в Минске, в одноимённой центральной гостинице отключили отопление, а встреча происходила зимой. И это было сделано не для воспитания, так жили наши страны. Пришлось спать под пятью одеялами. Вот и рассуждай тут о перспективах фондового рынка.*

Меня представляли как представителя Российской Федерации, члена комиссии по товарным биржам Антимонопольного комитета, и белорусские пенсионеры, присутствующие на собраниях, аплодировали. Кстати, тогда такая же реакция была и на Украине. Выступая, я говорил, что исполню арию московского гостя.

Мы вместе с Сафаряном продвигали рыночные решения, поэтому там, где, на наш взгляд, принимались неправильные решения, мы без обиняков вмешивались во внутренние дела соседей. Так, когда в Белоруссии решили весь фондовый рынок создавать под эгидой правительства, то нам осенью 1992 года пришлось отчитывать председателя Национального банка, убеждать его в том, что, например, депозитарий может быть частный и их может быть несколько».

Гильдия должна была помочь решать и совсем прикладные задачи брокеров на межрегиональном уровне, в частности проблемы прохождения товаров через границы. Со странами Прибалтики, например, расчётов не было и соответственно оттуда не шли товары.

Сафарян И. А.: *«С Италией расчёты есть, а с Прибалтикой — нет. Или возьмите проблемы согласованности торговых (да и не только торговых) законодательств, налогообложения, финансовой безопасности брокеров... Взгляните на рынок, даже на товарный — вы за голову схватитесь! Каждую неделю фиксируется нарастание инфляции, товары дорожают, заключённые договоры разрываются, идёт возврат денег... А поскольку арбитраж у нас не в младенческом, а в эмбриональном состоянии и юристов нет (да, да, я не видел в нашей стране ни одного настоящего юриста!), то все эти проблемы форменным образом перекрывают кислород».*

Гильдия помогает выявить болевые точки в нашем деле и организовать лечение. Это не профсоюз, не ассоциация мелких лавочников и не общественная структура. Гильдия — организация, которая не скажу — защищает, но выражает интересы брокеров»[1].

23 мая под эгидой гильдии в Москве прошло учредительное собрание независимого профсоюза брокеров. Учредителями профсоюза выступили 26 организаций с общей численностью сотрудников около 2 тыс. человек. При профсоюзе планировалось создать фонд страхования его членов, куда организации-учредители должны были отчислять значительные денежные средства. Предполагается, что профсоюз будет зарегистрирован в Минюсте РФ. Впрочем, энтузиазм организаторов прошёл, испарился.

10 апреля 1992 года гильдия была зарегистрирована в Минюсте РФ. В тот момент она объединяла 35 брокеров как физических лиц и продолжала иметь восемь штаб-квартир в различных регионах СНГ.

В том же октябре 1991 года в Дубне с уставным фондом 21 млн рублей была зарегистрирована Российская компания биржевых маклеров (РКБМ). Среди его учредителей: ВНИИПАС, Министерство РФ по связи, «Броксервис ЛТД», ОКБ «Прогресс». Её организаторы отчитывались о создании сети для проведения торгов между брокерскими конторами из 66 бирж стран СНГ. Впрочем, следов эта компания не оставила.

В 1992 году объявила о намерении создать Палату курсовых маклеров Российская международная валютно-фондовая биржа. В неё по задумке инициаторов должны были войти известные на фондовом рынке профессиональные организаторы биржевых торгов по немецкой системе, пропагандируемой Кассовым союзом, *«дающей ведущему торги маклеру более широкие полномо-*

[1] Имидж профессионала // Финансовая газета. 04.1991.

чия в отношении воздействия на процесс торгов, нежели это происходит при простой аукционной системе»[1].

Следует отметить, что в эти годы существовала ещё путаница и использовалось сразу два термина «маклер» и «брокер», имеющих одинаковое значение.

22 июня 1992 года в Хабаровске завершилась серия встреч фондовых брокеров Хабаровска и Владивостока, результатом которых стало решение пригласить в создаваемую Ассоциацию финансовых брокеров (АФБ) дальневосточные краевые и областные фонды имущества.

Ассоциация ставила задачу объединить брокеров Дальнего Востока, ускорить формирование регионального рынка ценных бумаг. Организатором АФБ выступило Дальневосточное агентство ценных бумаг (ДВАЦБ).

Создание АФБ было воспринято многими как признак сепаратизма, чему способствовало общее бедственное состояние фондового рынка, а также развал сложившихся хозяйственных связей.

По словам же председателя правления ДВАЦБ Владимира Сорокина, главной целью АФБ должно было стать создание регионального рынка ценных бумаг и информационно-аналитической сети для его обслуживания, а также помочь кодированию дальневосточных ценных бумаг и появлению на рынке новых эмитентов[2].

Чтобы закончить тему самых ранних объединений, отметим, что 30 июля 1992 года группой крупных российских финансовых и инвестиционных компаний для координации своих действий на учредительном собрании была создана Лига инвесторов.

Тогда же был принят её основной документ — Декларация принципов — и сформирован координационный совет. При этом соответствующего юридического лица было решено не учреждать.

В состав лиги вошли компании «РИНАКО», «Ринтекор», «Менатеп», Российская фондовая биржа, Инвестиционная корпорация ExNet, Ассоциация делового сотрудничества с зарубежными странами ASTEP.

Причиной объединения инвесторов стали возросший риск в инвестиционной политике и необходимость повышения инвестиционных возможностей участников. Немаловажной целью было и стремление защититься от недобросовестных соискателей капиталовложений, берущих деньги сразу в нескольких компаниях, а также от взаимного перехвата идей и клиентов. Кроме того, предполагалось, что лига поможет обеспечить взаимоприемлемое реше-

[1] *Хлебников П.* Визит франкфуртских биржевиков в Москву // Коммерсантъ-Daily. 07.11.1992.

[2] Коммерсантъ-Daily. 29.06.1992.

ние вопросов распределения издержек и прибылей по проектам, повысит качество и сократит сроки реализации проектов за счёт совместной экспертизы.

Никаких ограничений на участие в лиге не было, но объявленная процедура приёма в неё была весьма экстравагантна: соискатель должен был организовать и оплатить ужин в ресторане, где и принималось решение о его участии в лиге. Члены лиги принимали на себя обязательство соблюдать полную конфиденциальность получаемой в рамках лиги информации, обеспечивать финансовую поддержку проводимых мероприятий, регулярно участвовать в заседаниях лиги. На каждое заседание избирался председатель, руководство осуществлял избираемый на определённый срок генеральный секретарь, труд которого оплачивали участники лиги[1].

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ФОНДОВОГО РЫНКА (ПАУФОР)

Предыстория создания национальной организации

Судя по воспоминания некого молодого анонимного брокера о молодости фондового рынка, первая дилерская ассоциация возникла спонтанно:

«Перед новым, 1993, годом поползли слухи о том, что с маклерами фондового отдела не заключили контракт на будущий год. Вслед за этим прискорбным событием торги фондового отдела перенесли на "после обеда" — на 14 часов, прямо перед торгами ваучерами. Причины этому указывались в соперничестве руководства РТСБ с Боровым, который всегда питал особую любовь к фондовым операциям. Таким образом, из-за собственных "политических" интересов РТСБ фактически лишилась фондового отдела, брокеры были изгнаны. Конечно, может быть, с чисто практической точки зрения они представляли собой обузу и не приносили таких доходов, как товарное подразделение, но уничтожать фондовое направление было по крайней мере странно...

Брокеры ушли, но не далеко. Если пройти 1–2 квартала от РТСБ в сторону центра и завернуть за угол, то и сейчас можно обнаружить пивной бар, в котором происходили первые торги Ассоциации дилеров фондового рынка. Воистину и это была первая организация брокеров, реально созданная снизу в интересах самих же брокеров. Немаловажным фактом было то, что в неё принимали только физических лиц, стремясь опираться именно на личностные качества каждого брокера. После 11 часов посиделки прекращались отчасти от того, что брокерам-дилерам надо было по делам,

[1] *Кондрашов И.* Лига инвесторов: участников подберут в ресторане // Коммерсантъ. 03.08.1992.

отчасти из-за прихода посторонних посетителей, не подозревавших, что весёлая компания в пивнушке контролирует практически весь московский фондовый рынок».

Дюжина агрессивных фондовых брокеров создали тогда Ассоциацию дилеров фондового рынка и избрали своим президентом Игоря Ворона. В дальнейшем ассоциация обрела физическое место проведения торгов — им стала Центральная российская универсальная биржа, на которой с 14 марта Ассоциация стала проводить равноправные биржевые торги шесть дней в неделю (одна из самых длинных торговых недель для российских бирж того времени). Во-вторых, ассоциация существенно расширила число членов — в неё весной 1994 года входило более 100 брокерских фирм, большинство которых при этом регулярно платили ежемесячные членские взносы (10 тыс. рублей). Ассоциация даже претендовала на место одного из самых ликвидных организованных рынков капиталов в России, представляя собой довольно активный рынок, на котором ежедневные объёмы операций часто превышали отметку 150 млн рублей.

Конечно, до июля 1994 года главным объектом торгов между этими брокерами были ваучеры и именные акции. Появление первых эмиссий предъявительских акций — АВВА, «Олби-Дипломат» и позже АО «МММ» с очень простой процедурой заключения сделок (без внесения изменений в реестр акционеров) — позволило членам ассоциации резко увеличить объём операций[1]. Эйфория в конце концов приведёт к закату ассоциации.

С этой историей, очевидно, связан и рассказ брокера Дмитрия Ретунских.

Ретунских Д. Г.: *«Не помню, что стало причиной конфликта на РТСБ, но мы собрались большой командой и ушли переговариваться с соседнее питейное заведение на Мясницкой улице, называемое "Парашютный барчик". По их результатам я ходил к Власову объявлять о создании профсоюза по причине ущемления наших прав. Впрочем, наш энтузиазм загасил Анатолий Григорьевич Гавриленко, перехвативший инициативу в свои опытные руки. А наш революционный порыв окончился пшиком».*

Интересен рассказ анонимного рассказчика.

«По мере развития российского фондового рынка конкурирующие на нём финансовые компании всё больше осознают необходимость создания различных объединений, позволяющих вырабатывать единую ценовую политику при ведении операций с ценными бумагами. Такую же цель, очевидно, преследуют и четыре столичные дилерские фирмы, подписавшие вечером 17 декабря соглашение об учреждении "Московского фондового клуба".

---

[1] *Смирнова А.* Акции на предъявителя спасут ваучерных дилеров // Коммерсантъ. 25.03.1994.

Первыми членами Московского фондового клуба стали московские финансовые компании "Юнисов", "Алор", "Томов и К°" и "Мир". Ожидается также, что в ближайшие дни учредительные документы подпишет и президент "Брокервиса", который не смог присутствовать на учредительном собрании. Таким образом, вслед за дилерским пулом, созданным осенью этого года компаниями "Русский акционерный капитал" и "Национальное финансовое бюро", на российском рынке ценных бумаг появилось ещё одно объединение профессиональных финансовых брокеров, основная цель которого — выработка единой ценовой политики и консолидация финансовых ресурсов для ведения различных операций на фондовом рынке.

Интересно, что все члены Московского фондового клуба — акционеры Российской фондовой биржи. Поэтому одной из задач дилерского объединения будет активизация фондовой торговли на бирже, которая пока не отличается большим количеством сделок с ценными бумагами»[1].

Есть свидетельство участника этого стихийного объединения...

Орехов А. В.: *«Операции на бирже требуют доверия участников, для этого мы встречались на бирже, вместе торговали по телефону, в результате возник не слишком большой круг активно торгующих, проверенных в деле. В него входили представители "Ринако Плюс", НИКОЙЛА, компаний "Атон", ОЛМА, "Аналайз" (Грабарник). Неслучайно возникло желание установить между собой более тесные отношения.*

Встречались мы в ресторанах, выпивали, закусывали, болтали, одновременно в неформальной обстановке о чём-то договаривались. Причём, от каждой компании на встречу приходило сразу по несколько человек (до пяти).

Через некоторое время среди нас появился парень из какой-то "культурной" тусовки, предложивший формализовать наши встречи: создать Московский фондовый клуб. Собирались раз в месяц в одном и том же приличном месте, приглашали для выступлений артистов».

Президент РТСБ относился к этим образованиям спокойно.

Власов А. Ф.: *«Биржа всегда понимала, что основой её развития являются брокеры. В связи с этим по инициативе Константина Борового на РТСБ был создан комитет брокеров. Можно сказать, что это была первая в России саморегулируемая организация. Комитет имел квоту в 30 % мест в составе биржевого совета, а также рассматривал споры между брокерскими фирмами. При этом в случае, если окончательное решение должно было приниматься биржевым советом, то практически всегда решение комитета брокеров оставалось без изменений.*

---

[1] *Тросников И.* Акционеры Российской фондовой биржи учредили свой клуб // Коммерсантъ 22.12.1993.

Конфликты с брокерами бывали. Однажды ко мне пришли с какими-то претензиями и заявили, что найдут способ, как защищать свои права, и я им ответил: "Пожалуйста, вы не сотрудники биржи, независимые люди и можете учреждать любой профсоюз, и мы с ним будем работать!"»

Несмотря на это, можно сказать, что всё-таки профессиональные ассоциации фондовиков создавались по инициативе сверху и по подсказке зарубежных коллег.

Гордон А. Р.: *«За создание двух саморегулируемых организаций взялась Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг — ФКЦБ. Одну для брокеров и дилеров, другую — для регистраторов и депозитариев. Разделение было очень разумно, так как интересы членов этих двух организаций существенно отличаются, вплоть до того, что даже ментальность входящих в них людей — разная.*

Кстати, и в ФКЦБ в то время эти профучастники были разделены на два направления, которые, соответственно, по-разному регулировались. Были регистраторы, депозитарии, которые регулировались из одного управления ФКЦБ, и другие профучастники, которые регулировались из другого. Конкуренция между двумя управлениями и их начальниками была жёсткая, так как каждый защищал интересы своей отрасли. А между ними был судья — комиссия, которая рассматривала точки зрения этих двух управлений и принимала решение».

Судя по всему, кроме уже упомянутого фондового клуба, ничего коллективного не существовало. Поэтому они стали фактически одним из центров кристаллизации.

Подготовка, конечно, сопровождалась многочисленными переговорами, консультациями и поисками взаимных компромиссов. Однако за основу способа построения будущей ассоциации и российского рынка ценных бумаг в конце концов в целом была принята американская модель фондового рынка, которая подразумевала управление им при помощи саморегулируемых организаций.

Млынчик В. И.[1]**:** *«Мысль о том, что отношения на зарождающемся фондовом рынке можно построить по некоторым правилам, пытались донести до нас, начиная с 1993 года ещё представители американских компаний. Требовалась организация, которая помогла бы решать сложные вопросы. Не проблемы с клиентами, взаимоотношения именно между компаниями. При этом нам не нужно было "изобретать велосипед": ключевые аспекты построения цивилизованных взаимоотношений уже были разработаны и апробированы на американском рынке. Именно их модель саморегулируемой организации*

[1] При подписании Учредительного договора ПАУФОР — генеральный директор ОАО «Энергокапитал» (Санкт-Петербург).

и была принята за основу. Джефри Рейган из KPMG активно разъяснял достоинства введения в России правил, подобных американским. И только через полтора года дискуссий, когда компании стали зарабатывать большие деньги, когда начались споры "кто первый нажал кнопку во время торгов", всем стало понятно — ассоциация нужна как воздух, необходимы чёткие правила и профессионально грамотный третейский суд».

Безусловно, использовалось, как говорили во время перестройки, «живое творчество масс».

15 мая 1994 года свой фондовый «профсоюз» образовали москвичи, назвав его Профессиональной ассоциацией участников фондового рынка. В гостинице «Славянская» состоялась организационное собрание, в котором приняли участие 15 ведущих брокерских и инвестиционных компаний. Это были очень серьёзные участники. Ежемесячные обороты фирм — членов ПАУФОРа в 1994 году были вполне сравнимы с биржевыми: превышали 1 трлн рублей, причём более 90% оборота торговли между членами ассоциации приходилось, естественно, на акции приватизированных предприятий. Среди этих компаний были ОЛМА, «Тройка Диалог», «Ринако Плюс», «Аналайз», «Атон», «Брансвик», «Российский брокерский дом», «Грант», «Кредит Свисс Ферст Бостон», «Церих», «Юнитраст», «Финейбл», НИКОЙЛ, Инвестиционная компания «НИКА» и Трастовая инвестиционная финансовая компания. К ним на следующем заседании примкнули «Московские партнёры».

Моряков И. Д.: *«Следует сказать, что у брокеров не было никакой государственной поддержки. ФКЦБ никогда в явном виде не отстаивала их интересы, а даже наоборот, била их постоянно. Центральный же банк всегда стоял на защите своих инфраструктурных организаций — они все были их детьми. Им помогали и финансово, и юридически, и политически. Несмотря на это, брокерские структуры не только выстояли, но и очень эффективно конкурировали с коллегами».*

Свидетельство о регистрации ПАУФОРа под № 1757–1 было выдано департаментом общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы 5 сентября 1994 года.

Орехов А. В.: «*Собралась наша старая компания, ранее встречающаяся в Московском фондовом клубе, из 10 или 12 человек, и было принято решение создать первую саморегулируемую организацию. Практически всё, что надо было знать, нам рассказали эксперты KPMG».*

Игорь Моряков из KPMG каждый день ездил по офисам членов ассоциации и согласовывал по пунктам подготовленные Пономарёвым документы.

В тот же день был утверждён устав ассоциации. Председателем совета ассоциации был избран А. В. Орехов, возглавлявший ИК «Грант», а президентом — Д. В. Пономарёв.

Орехов А. В.: *«Среди нас к тому моменту появился Йордан из Credit Suisse First Boston. Не помню сразу же он вступил в ПАУФОР или нет. "Атон", например, сделал это не сразу».*

В первый совет директоров также вошли: К. В. Антонян, Р. К. Варданян, В. Е. Грабарник, А. М. Даценко, Б. А. Йордан, М. Д. Манасов, В. Ю. Скворцов и О. Е. Ячник.

На первом же заседании учредителей в ПАУФОР была принята шестнадцатая компания — ИФК «Московские партнёры».

Орехов А. В.: *«Организация должна была упорядочить процесс торговли и снизить её риски (впрочем, об этом мы тогда не сильно задумывались), поэтому сразу решили создать при организации арбитраж, для того чтобы разрешать регулярно возникающие споры.*

Возник вопрос о необходимости некого аппарата, тогда появился Дима Пономарёв».

Первоначальными задачами ПАУФОРа, обнародованными на совете директоров 5 августа 1994 года, были названы: во-первых, разработка стандартов торговли ценными бумагами, во-вторых, создание комплекса мер дисциплинарного воздействия на их нарушителей, а в-третьих, создание для членов ассоциации внебиржевой торговой системы.

Васильев Д. В.: *«На той конференции в присутствии всех участников рынка мы сделали доклад. В ходе его обсуждения прозвучало предложение создать торговую систему, похожую на NASDAQ. У неё ещё не было названия, было неясно, кто будет её учредителем. Но задача была поставлена и вошла в план действий ФКЦБ».*

Объединение брокерских фирм в саморегулируемые организации происходило параллельно и в ряд региональных инвестиционных компаний Новосибирска, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга.

В частности, в Екатеринбурге различные объединения участников рынка ценных бумаг, занимавшиеся защитой профессиональных интересов коллег, стали возникать уже в 1992 году.

Мецгер А. А.: *«Обобщённые "американцы" давали нам не столько знания, их мы вполне успешно набирали самостоятельно, да ещё и в режиме практической работы. От зарубежных партнёров мы скорее получали апробированные в западных в условиях формы (та же РТС), но наполнения этих форм реальным содержанием уже было нашей заслугой. В этой связи можно вспомнить проект с западным финансированием по созданию региональных объединений профучастников. В Уральском регионе это объединение тоже было создано (УАБД — Уральская ассоциация брокеров и дилеров). Сейчас этот "американский след" уже почти никто не помнит, а объединение, реальное объединение коллег и профессионалов, уже два с лишним десятилетия существует. На сме-*

ну УАБД пришло некоммерческое партнёрство ПУФРУР, оно со временем стало первым в России региональным СРО. Более того, с уверенностью могу сказать, что отношения в объединении, которые за эти годы сложились и поддерживаются между участниками, — это один факторов, который делает сегодня Уральский филиал НАУФОРа одним из самых сильных в России».

УАБД появилась в результате объединения в 1994 году.

Млынчик В. И.: *«В Санкт-Петербурге несколько неформальных лидеров сплотили брокеров. Из наиболее значимых личностей я бы назвал А. Аладушкина, Е. Иванову, А. Кашина, И. Лазарко, П. Ланского, Д. Минкина, А. Саватюгина, В. Свиньина».*

Культурная столица была очень политизирована, поэтому здесь образовалось сразу несколько ассоциаций: Комитет профессиональных участников рынка ценных бумаг, возглавлял Пётр Ланских, исполнительным директором Санкт-Петербургской Ассоциации участников рынка ценных бумаг был Дмитрий Карпуш, а председателем совета — лидер компании «Орими-брокер», член совета директоров АО «Биржа «Санкт-Петербург» Александр Кашин.

Комитет учредили крупные структуры, такие как «Орими-брокер», Брокерская фирма «Ленстройматериалы», «Картель», «Рандеву», «Девис», основу же ассоциации составляли мелкие и средние компании.

Ланских П. М.: *«Идея была в том, чтобы координировать деятельность людей и организаций, связанных с инфраструктурой фондового рынка, а также обеспечить им политическую поддержку. Это был союз физических лиц — руководителей инвестиционных компаний, в число которых вошли будущие руководители НАУФОРа — Иван Лазарко и Алексей Саватюгин, будущий вице-губернатор Петербурга Михаил Осеевский и другие известные в Питере люди. Я обеспечивал этому "клубу энтузиастов" неформальную связь с ГКИ, внутри которого уже формировалась Комиссия по ценным бумагам (создана в конце 1994 года)».*

Две эти структуры объединились, когда создавалась ФКЦБ.

Кашин А. Л.: *«В этом процессе были представлены обе стороны: с одной были Пётр Ланских, Александр Аладушкин и Женя Елин, с другой я и Максим Карпенко (позже ставший президентом Московской фондовой биржи). Мы победили.*

Созданием РТС из Санкт-Петербурга занимались мы с Иваном Лазарко. Я же представлял наш город во всех советах НАУФОРа и РТС. При этом из-за того, что Инвестиционная компания "Александр", возглавляемая Иваном, была небольшой, то ему лично было трудно много времени отдавать общественной работе».

Многие из них объединились в фонд «Единая торговая система». В Новосибирске базировалась Ассоциация фондовых дилеров Сибири.

Чикунов А. В.: *«Консультанты сняли комнату для ассоциации, купили туда компьютер, мебель. Платили зарплату исполнительному директору. Но самое главное они провели к нашему офису выделенку — канал Интернета, без которого не было бы возможности организовать on-line торговлю с Москвой».*

Игнатьев Д. И[1]**.:** *«Фондовики от Санкт-Петербурга до Владивостока были очень разными, но, несомненно, самыми мобильными бизнесменами того времени. Собрать их вместе с одной организации не для митингов и заявлений, но для разработки общих стандартов работы, взаимодействия с властью могли незаурядные люди».*

Были и более мелкие сообщества, в частности, челябинская Ассоциация брокеров-дилеров фондового рынка. Но, безусловно, самыми активными и могущественными были московские брокеры и дилеры.

Очень интересно глазами «провинциального» предпринимателя. посмотреть на пропасть, образовавшуюся в начале 1990-х между двумя категориями бизнесменов

Александр Чикунов в 1992 году только что пришёл в бизнес, закончив преподавать политэкономию в Новосибирском государственном университете. Младший научный сотрудник с окладом в 120 рублей не смог не поддаться искушению большими деньгами, когда его студенты предложили ему сразу 500–600 рублей за «непонятную работу».

Чикунов А. В.: *«Первая встреча с москвичами меня шокировала. Я был человеком из другого мира, идейным комсомольцем, а затем коммунистом, не предпринимателем, попавшим в бизнес случайно, так сложились обстоятельства, настроенным строить фондовой рынок новой России, воспринимая это как миссию.*

Я не гнался за большими доходами, три парня в компании успешно скупали у населения ваучеры, тем самым делали её безубыточной. Но одновременно мои сотрудники разрабатывали первые за пределами Москвы клиентские счета и писали программы депозитарного учёта. И я гордился, что трачу свои деньги на общественно полезное дело. А кроме того, наша компания размещала первый заём областного Минфина. Я участвовал в создании Новосибирской валютной биржи.

И вот: красные пиджаки, зашторенные окна в зале с креслами. Я испугался, что попал на какую-то мафиозную тусовку. Когда же, показав на Сафаряна, мне шепнули, что у него единственный в Москве красный "Форд", я решил, что

[1] Генеральный директор ОАО «ПО Ленстройматериалы» (Санкт-Петербург). При подписании учредительного договора ПАУФОР — управляющий делами ЗАО «Брокерская фирма "Ленстройматериалы" (Санкт-Петербург).

первое подозрение верно. Тем более что у меня в то время за душой не было никаких денег, кроме зарплаты».

И вот через пару лет он вошёл в первый состав совета директоров ПАУФОРа и стал каждую неделю летать в Москву. Самолёт улетал около 6 утра по новосибирскому времени, после обеда проходили заседания комиссий. В 23 часа Александр летел в Новосибирск, утром дома успевал поцеловать жену и, приняв душ, к 8 часам отправлялся в офис.

Чикунов А. В.: *«Энтузиазм переполнял, адреналин зашкаливал. Жене с дочкой я привозил дорогой сувенир из первого московского "Макдональдса" — бургер. В Новосибирске он был тогда ещё экзотикой».*

Всё начиналось с нуля. У ПАУФОРа не было ни помещения, ни штата. Адрес — Садовая-Каретная, дом 20 — дала располагавшаяся там Инвестиционная фирма «ОЛМА». Он чуть ли не на 10 лет стал юридическим адресом ПАУФОРа, а затем и РТС. Его сменили только, когда РТС купила своё здание на улице Долгоруковской. Но это произошло уже в 2000-х годах.

Пару месяцев, кроме руководителя ассоциации Дмитрия Пономарёва, других сотрудников не было. Президент основную работу производил дома на собственном компьютере. Помогало развиваться то, что брокеры делегировали в ассоциацию своих работников и первые полгода существования ПАУФОРа документы, регламентирующие её деятельность, готовились ими. Заседания же совета директоров проходили на третьем этаже офиса компании ОЛМА.

Варданян Р. К.: *«На первом этапе много сделал Дмитрий Пономарёв. Помимо всего прочего, он, будучи юристом по образованию, хорошо понимал, как надо создавать систему доверия между участниками рынка. Это было не менее важно, чем технологии и торговые сервисы».*

Ячник О. Е.: *«На Дмитрия Валерьевича Пономарёва свалился огромный груз самых разнообразных проблем. С ними удалось справиться лишь благодаря его блестящему таланту юриста, дипломата и организатора».*

Вскоре Пономарёв пригласил на работу в ПАУФОР своего коллегу по KPMG Алексея Телятникова.

Ячник О. Е.: *«Сильный и одарённый программист, Алексей взял на себя все технические вопросы, связанные с созданием новой торговой системы. В качестве технологической платформы была выбрана программа ПОРТАЛ, первоначально созданная для биржи NASDAQ. Она была адаптирована к нашим реалиям и работала на рынке в течение нескольких первых лет».*

Уже в сентябре совет директоров ПАУФОРа принял первый вариант Правил ПАУФОРа. Это дало возможность приступить к созданию торговой системы.

14 сентября 1994 года, когда в брокерских фирмах — членах ПАУФОРа — установили систему ПОРТАЛ, были организованы первые торги в системе внебиржевой торговли ПАУФОРа.

Чуть позже к этим операциям подключались и региональные брокеры, в результате совместной работы на фондовом рынке по схожим правилам позиции ПАУФОРа и региональных коллег сблизились. Всем стало очевидно, что объединение ассоциаций в единую общероссийскую организацию позволит лучше координировать усилия, более согласованно представлять собственные интересы.

Подписанию декларации предшествовали встречи, обсуждение принципов построения национальной ассоциации.

Но об этом подробнее в следующей главе.

Гавриленко А. Г.: *«Я много занимался общественной работой потому, что считал, что моя компания будет успешной только тогда, когда и сам рынок, на котором она работает, будет успешным. Из этого вытекало решение, что надо заниматься развитием всего рынка. Возможно, это шло ещё от советского воспитания. Хотя первое время такое отношение к делу подчас вызывало подозрение и недоверие у некоторых коллег.*

Я и в ПАУФОР вступил, т.к. был уверен, что надо участвовать во всех общественных объединениях, развивающих рынок. Но серьёзной роли там вначале не играл.

Как-то на первом отчётном собрании ПАУФОРа от одного из его руководителей прозвучало предложение: "Давайте, чтобы не терять время, проведём выборы в будущий совет, а пока голоса будут считать, мы заслушаем отчёт председателя!»

Я удивился: "А как можно выбирать членов Ссовета, если мы не слышали отчёта об итогах работы предыдущего?!" Ответить на мой вопрос коллеги не смогли, но за поставленное ранее предложение о выборах проголосовали единогласно.

Но когда началось выдвижение кандидатов, я стал методично расспрашивать предлагаемые кандидатуры об их работе в отчётном году. В результате ведущий собрания посчитал разумным остановить выдвижение и предложил заслушать сначала отчёт предыдущего состава совета.

В перерыве ко мне подошли познакомиться многие уже известные члены сообщества. Хотя мы тогда были практически незаметны на рынке, занимая приметно 50-е место в рейтинге брокерских компаний, и нас даже в РТС не сразу приняли. Наверное, моих коллег удивила и произвела впечатление моя активная позиция на собрании».

10 ноября 1995 года в гостинице «Radisson-Славянская» четырьмя уже названными ассоциациями была подписана «Декларация основных принципов

построения всероссийской саморегулируемой организации профессиональных участников фондового рынка». На этой встрече было решено провести учредительное собрание новой объединённой ассоциации. Договорилась и о представительстве региональных ассоциаций в общем совете директоров: восемь москвичей и по три представителя от каждой региональной ассоциации.

Накануне проведения собрания все сообщества провели свои советы, чтобы согласовать действия. Так москвичи 28 ноября решили, что все представители от ПАУФОРа должны избираться из его совета директоров. Поэтому для начала добрали в него ещё четырёх членов, а уж затем всеобщим тайным голосованием выбрали из них для совета директоров «ПАУФОР России» восьмерых.

Таким образом, была предпринята, с одной стороны, пытка сохранить преемственность, а с другой — дать возможность молодой ассоциации спокойно развиваться и не закладывать в организационную структуру нового образования потенциальный конфликт из-за разногласий между руководством «ПАУФОР России» и наиболее сильной региональной ассоциацией.

Учредительное собрание межрегионального объединения участников фондового рынка — «ПАУФОР России» прошло 30 ноября 1995 года в Москве в помещении Союза российских женщин в Глинищевском переулке, что между улицами Большая Дмитровка и Тверской.

Ячник О. Е.: *«Собрание было трудным и длилось больше шести часов. Начали мы где-то в четыре, а заканчивали уже в половине одиннадцатого. Я вёл этот совет директоров и поэтому помню, как это было, — очень нервно. Три раза прерывались, потому что регионы боялись потерять своё влияние. Они требовали, чтобы определённое количество их участников вошло в объединённый совет директоров. И как раз на этом историческом совещании произошло фактическое разделение ПАУФОРа».*

Функции саморегулируемой организации переданы создаваемой НАУФОР, которая была через несколько месяцев зарегистрирована, а функции организатора внебиржевой торговли остались у ПАУФОРа, которая в дальнейшем передала эти функции в Некоммерческое партнёрство «Торговая система РТС».

На учредительном собрании избрали совет директоров, председателем которого стал Андрей Даценко, представлявший «МФК — Московские партнёры». Президентом ассоциации избрали Дмитрия Пономарёва — одного из главных лоббистов идеи создания «профсоюза брокеров», работавшего тогда в международной юридической компании Moquet Bord & Associes (Франция). И KPMG.

Даценко А. М.: *«Тогда только-только создавалась платформа для цивилизованного фонового рынка. Стало формироваться соответствующее профессиональное сообщество.*

Хотелось бы ещё отметить других основоположников: Марлена Манасова, Владимира Скворцова, Олега Ячника, Сашу Перцовского, Евгения Юрьева.

Много мне, только пришедшему на этот рынок, дала совместная работа с "Тройкой Диалог". Рубен Карленович Варданян сыграл ключевую роль в объединении неорганизованных дилеров в какое-то первое ещё подобие сообщества. Тогда появились первые ростки современного рынка ценных бумаг.

Но всех этих ярких людей сумел посадить за один стол, объединить для выполнения важной цели Дмитрий Пономарёв.

Делалось всё тогда на голом энтузиазме этих людей.

Мы сразу стали активно участвовать в этом процессе. Мне в компании "Московские партнёры" доверили быть её представителем в создаваемом сообществе.

Избрание меня первым председателем совета директоров "ПАУФОР России" стало компромиссом — многие отцы-основатели, конечно, были более достойны занять это место, но было решено тогда избрать нейтральную фигуру, чтобы не вносить даже небольшого раскола в молодую, ещё не укрепившуюся структуру».

Партнёры сразу договорились, что в ассоциации не будет одного лидера и все будут активно участвовать в её работе, иметь равное влияние на принимаемые решения, а поэтому и председатель совета директоров будет переизбираться каждые полгода. Кроме ведения собраний у председателя других «привилегий» не было, он не имел даже права решающего голоса.

Первый совет директоров «ПАУФОР России» был таков: Андрей Даценко, Александр Аладушкин («Ленстройматериалы», Санкт-Петербург), Карен Антонян («ЦентрИнвестСекьюритиз», Москва), Юрий Бовкун («Прайд», Новосибирск), Рубен Варданян («Тройка Диалог), Виктор Дронов («Управляющая компания», Екатеринбург), Борис Йордан («ВИК», «Ренессанс Капитал», Москва), Александр Кашин («Орими-брокер», Санкт-Петербург), Иван Лазарко («Александр», Санкт-Петербург), Марлей Манасов (БК «Брансвик», Москва), Олег Мелюхов («Тэкси-Сток», Екатеринбург), Андрей Орехов (ФЦ «Грант», Москва), Владимир Скворцов («Ринако Плюс»), Александр Смык (УФЦ «Уральский фондовый центр», Екатеринбург), Александр Чикунов (РИФ «Развитие, инвестиции и финансы», Новосибирск), Константин Ядрихинский (компания «СК-Финанс», Новосибирск) и Олег Ячник (ОЛМА, Москва)

Общее количество компаний и фирм — участников российского ПАУФОРа превысило 140. Желающие могли подписать учредительные документы до 15 декабря, после этого российская ассоциация начала действовать.

Было решено, что вступление в национальную ассоциацию будет осуществляться брокерами напрямую (а не через региональные ассоциации), и при

этом не возбранялось членство и в региональных ассоциациях по месту жительства. Региональные ассоциации для своих членов были вправе устанавливать собственные правила торговли в системе, которые, однако, не должны были противоречить общероссийским.

Компания или банк, вступающий в ПАУФОР, должен был удовлетворять ряду финансовых требований и иметь репутацию надёжного контрагента. Для вступления требовались рекомендации нескольких членов ПАУФОРа.

На собрании был также определён размер вступительного взноса для новых членов ассоциации в размере 5 тыс. долларов. Сумму ежеквартальных членских взносов было поручено определить совету директоров. На собрании называли цифры от 300 до 400 долларов, однако подобный вариант не нашёл одобрения у присутствующих и был отклонён.

Дмитрий Пономарёв, уже став президентом, заявил, что *«с возникновением российского союза трейдеров появляется возможность свести воедино региональные правила торгов, с тем чтобы впоследствии создать национальное торговое право, а также разработать единый механизм контроля за его исполнением". Кроме того, у Российской торговой системы теперь появляется единый собственник — прототип межрегиональной ассоциации, не существовавший ранее»*[1].

Амбиции участников нового образования не зашкаливали. Когда Виталий Млынчик предложил назвать ассоциацию «национальной», то он подвергся жёсткой обструкции со стороны московских компаний. Ему было заявлено: «Какая там ещё национальная, не заболеть бы гигантоманией...»

Тем не менее настроение участников этого исторического события было приподнятым.

Степанюк А. О.[2]: *«Появление ПАУФОРа помогло решить великое множество проблем: сняло дефицит достоверной информации о ценах и участниках рынка. Были разработаны единые стандарты совершения сделок, правила разрешения конфликтов.*

Для нашей компании рождение ассоциации было настоящим прорывом сродни петровскому "окну в Европу"».

Для справки приводим составы директоров ПАУФОРа, избранных в последующие годы этого периода.

---

[1] Собрание учредителей утверждает устав Профессиональной ассоциации участников фондового рынка России // Интерфакс. 01.12.1995.

[2] При подписании учредительного договора ЗАО ФК «Интерспрэд-инвест» (Новосибирск), ныне генеральный директор ООО УК «Сибтраст» (Новосибирск).

24 ноября 1994 года, О. Е. Ячник — председатель совета директоров К. В. Антонян, Р. К. Варданян, В. Е. Грабарник, А. М. Даценко, Б. А. Йордан, М. Д. Манасов, А. В. Орехов и В. Ю. Скворцов. Президент — Пономарёв Д. В.

25 июля 1995 года. Р. К. Варданян — председатель совета директоров К. В. Антонян, Р. К. Варданян, В. Е. Грабарник, А. М. Даценко, Б. А. Йордан, М. Д. Манасов, А. В. Орехов, В. Ю. Скворцов и О. Е. Ячник. Президент — Д. В. Пономарёв.

24 января 1996 года. А. М. Даценко — председатель совета директоров А. Н. Аладушкин, К. В. Антонян, Ю. В. Бовкун, Р. К. Варданян, Б. А. Йордан, А. Л. Лазарко, И. Д. Кашин, М. Д. Манасов, О. Ф. Мелюхов, В. Ю. Скворцов, А. И. Смык, А. В. Чекунов, О. И. Царьков, К. Е. Ядрихинский и О. Е. Ячник. Президент — Д. В. Пономарёв.

УЧАСТИЕ В ПРИВАТИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Расчёт на иностранных инвесторов был с самого начала приватизации.

Чубайс А. Б.: *«При нынешнем курсе рубля к доллару соблазн "за недорого" стать собственником российского имущества, думаю, перевесит для иноинвестора все минусы. Нужно лишь доходчиво объяснить ему это. С этой целью в конце года мы начинаем за рубежом мощную рекламную кампанию по привлечению к приватизации тамошних деловых людей. Что же до намеченных к выручке 10 млрд, то это минимум. Ведь мы уже сейчас всего за пару месяцев получаем такую сумму в виде иноинвестиций»*[1].

Главный вопрос в первой половине 1990-х годов был в доверии. Торговать хотели многие, но уверенности в партнёрах было немного.

Фёдоров П. Г.: *«Поэтому так важна была роль иностранных участников — они знали друг друга и могли рассчитывать на свою когорту. Неслучайно наиболее успешно дела шли у фирм, в руководстве которых стояли иностранцы, либо у компаний (CS Credit First Boston, Brunswick, Hermitage Capital Management и наше UFG), либо завязавших на них свой бизнес (в частности "Атон", "Альфа-Капитал", "Тройка Диалог"). Между ними и происходила почти вся торговля».*

Важно было и то, что российским брокерам, как правило, было легче работать с иностранными инвесторами. Они в отличие от российских клиентов, скрупулезно выполняют все условия договоров. Именно поэтому, по мнению эксперта компании «Финэйбл» Александра Носова, при прочих равных

[1] Интервью Андрея Бороденкова с Анатолием Чубайсом. Ваше слово, товарищ ваучер // Московские новости. 26.06.1992. № 30.

к иностранным инвесторам брокеры обыкновенно относились с большим вниманием, нежели к соотечественникам. И главное преимущество иностранных портфельных инвесторов заключалось, конечно, в том, что, как выразился Андрей Гальперин из ФЦ «Грант», «денег у них не считано»[1].

Финансовые спекулянты. Одним из первых во время перестройки пришёл ещё на советский рынок американский предприниматель, основатель трейдинговой компании Marc Rich & Co Марк Рич. В 1983 году он в последний момент успел скрыться от следствия и, не дожидаясь ареста, бежать в Швейцарию, после того как американские власти обвиняли его в уклонении от уплаты налогов в крупных размерах. Только в СССР ему не мешали работать. Не изменилась ситуация и в начале 1990-х годов — через Рича проходили довольно большие объёмы российского экспорта нефти, алюминия и другого сырья, зарабатывая сотни процентов прибыли. Впрочем, недолго, в 1993 году российское правительство наконец-то всерьёз заинтересовалось набранными мелким шрифтом торговыми контрактами, которые Рич подписал с российскими экспортёрами. Когда в 1992 году американский публицист Павел Хлебников спросил у министра внешней торговли РФ Петра Авена, правда ли, что Рич для продвижения своих сделок подкупал директоров предприятий и правительственных чиновников, Авен ответил, что это не исключено. И добавил: *«У нас немало примеров того, что такие долгосрочные отношения приводят к неформальным и часто коррумпированным связям, и это не всегда хорошо. Эти компании знают, кому и что платить, кому и что дарить, и в результате потом они покупают продукцию дешевле себестоимости. Это не секрет. Мы к таким компаниям относимся осторожно»*[2].

В таких условиях новая Россия и осваивала капиталистические правила ведения бизнеса. Тогда же российская пресса (на основе информации из правительственных источников) обвинила Марка Рича в даче взяток, незаконном экспорте сырья, содействии утечке капитала и даже в отмывании наркотических долларов.

Смолькин И. В.: *«Первыми инвесторами в новой России стали беглые офшорные бизнесмены Кеннет Дарт, Кристофер Чандлер, Чеслав Кожоный и Джордж Сорос».*

Это были известные международные финансовые спекулянты, их деятельность выйдет наружу уже во второй половине 1990-х годов, и мы тогда уделим им больше внимания. Джордж Сорос в представлении не нуждается.

А пока краткая информация о менее известных персонажах.

---

[1] Бегство капитала в Россию // Коммерсантъ Власть. 1994. № 37.

[2] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 86.

Достаточно известен и американский бизнесмен, «стервятник» Кеннет Дарт, доведший до совершенства greenmail, скупая акции предприятий и блокируя все решения до тех пор, пока его пакет не купят втридорога.

Дарт был среди первых иностранных инвесторов, пришедших в нашу страну во время её тотальной ваучеризации. Тогда крупные российские предприятия распродавались по заниженным ценам, но большинство зарубежных бизнесменов боялись рисковать, тем более что Дарту в США и Латинской Америке дела вести было нельзя, там он в это время подвергался судебному преследованию.

И тогда авантюрист Дарт решил вложить семейные деньги (дед его разбогател, производя одноразовую посуду) в перспективную промышленность России и купил небольшие пакеты акций ряда российских нефтяных компаний: 5% «Ноябрьскнефтегаза», принадлежавшего «Сибнефти», и 25% дочерних структур ЮКОСа — «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза» и «Томскнефти».

По слухам, Дарт участвовал ещё в первом приватизационном конкурсе, купил часть выставленного пакета акций кондитерской фабрики «Большевик».

«Сколько он потратил — $150 тыс. или $300 тыс. — неизвестно. Однако буквально через год он удесятерил свои вложения. Это была первая попытка и, судя по всему, самая удачная в России. В дальнейшем в борьбе за куда меньшие проценты (впрочем, за гораздо большие суммы) ему пришлось биться по-настоящему. Наиболее лакомые российские активы всегда находились в нефтедобыче»[1].

Далее произошли скандалы, связанные с дележом приватизированных предприятий и компаний, но это произошло в основном во второй половине 1990-х годов. Тогда молодые поднимающиеся российские волки решили съесть более опытного волкодава. Благодаря стараниям бескорыстных российских пиарщиков американский бизнесмен, безусловно, не белый и не пушистый, был представлен и жуликом, и шизофреником, и параноиком, шантажирующим целые государства.

«Необщительный человек и наследник крупного состояния, нажитого на производстве одноразовой посуды, купил акции двух добывающих компаний, "Юганскнефтегаза" и "Самаранефтегаза", на несколько десятков миллионов долларов. Несмотря на все проблемы, его привлекла возможность приобретения по дешёвой цене принадлежавших им нефтяных ресурсов. Сначала информация о покупке Дарта хранилась в тайне, но позже привела к открытой и ожесточённой борьбе с Ходорковским, владельцем холдинговой компании ЮКОС»[2].

[1] *Байбаков А.* Господин поглотитель // Коммерсантъ Деньги. 2003. № 49.

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 341.

Британец Кристофер Чандлер быстро развил свой семейный бизнес в небольшом новозеландском городе Гамильтон и поселился в Монако, когда ему ещё не было 30, а затем, в 1990-е годы, принял участие в процессе приватизации российских госпредприятий. Вместе с братом Ричардом в середине 1990-х годов они владели инвестиционной компанией Sovereign Asset Management, которая вложилась во многие российские предприятия, в том числе в Газпром. В начале 2000-х компанию называли третьим по размеру акционером Газпрома, обладающим 5% акций. Он якобы даже содействовал смене власти в компании.

В 2018 году Кристофора в Великобритании назвали российским шпионом, отмывающим деньги одновременно для Путина и Трампа.

Смолькин И. В.: *«Мы достаточно случайно в начале 1994 года вышли на Чандлерса и Сороса. А те уже вывели на Дарта и Кожоного. Они проинвестировали сотни миллионов долларов в российскую экономику. Более того, я думаю, Дарт вложил даже около 1 млрд, Чандлер — от 100 до 300 млн».*

Команда Йордана. Дэвид Хоффман в книге «Олигархи» рассказывает, что Анатолий Борисович Чубайс в конце 1992 года испытывал волнение — Съезд народных депутатов должен был возобновить свою работу 1 декабря 1992 года, а Чубайс не мог ему привести ни одного примера продажи какого-либо предприятия за ваучеры. К началу первого заседания ему было просто необходимо иметь хотя бы один успешный пример. И тогда он обратился за помощью к западным инвестиционным банкирам. Одним из них был президент Credit Swiss First Boston Ханс Йорг Радлофф, «финансист, обладавший ярким даром предвидения».

«После краха социалистической системы Радлофф шёл на большой риск, заключая сделки с боровшимися за выживание новыми государствами Восточной Европы. Он привык к уговорам со стороны премьер-министров и к принятию судьбоносных решений относительно их способности получать кредиты на мировых рынках. Радлофф, сын владельца кожевенного завода в Германии, помнивший о том, как восстанавливался их завод после Второй мировой войны, испытывал противоречивые чувства в отношении хаоса, который он видел в постсоветской России. Радлофф ясно осознавал, какое наследие оставил советский социализм. Он знал, какой абсолютной властью пользовалась в стране коммунистическая партия, какой страх она временами внушала и какой вакуум образовался с её исчезновением. Кому достанется огромное количество заводов, шахт, магазинов, складов, оставшихся без хозяина? Радлофф сильно сомневался, что этот вопрос может быть решён рационально, но его привлекала возможность разбогатеть»[1].

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 224.

Ханс Йорг уже совершал попытку в начале 1992 года найти взаимопонимание с молодыми российскими реформаторами, но состоявшаяся встреча прошла неудачно: они отказались от предложенной помощи. *«Он уехал с мыслью о том, что они безнадёжно наивны, и поклялся не возвращаться. Но вернулся, потому что считал, что "нельзя упустить самый большой развивающийся рынок в истории"».*

И вот он пригласил на работу 26-летнего специалиста в области финансов Бориса Йордана, выходца из семьи русских эмигрантов, ярых антикоммунистов, поселившихся в Нью-Йорке. За его плечами тогда были только Нью-Йоркский университет и «желание помочь исторической Родине». *«Йордан, розовощёкий молодой человек с детским лицом, которому в то время исполнилось двадцать пять лет, был невероятно энергичен. Его дед воевал против большевиков на стороне белых, и Йордан мечтал о возможности поехать в Россию. Ребёнком он говорил дома по-русски и сдал экзамен, позволявший поступить на дипломатическую службу. Но в Госдепартаменте ему сказали, что его никогда не пошлют в Россию в качестве дипломата. В то время он занимался сделками по продаже самолётов в Латинской Америке. "Мне нравилась атмосфера ведения переговоров, — вспоминал Йордан, — но разве не лучше заниматься этим в стране, язык которой ты знаешь?"»*

Радлофф отправил Йордана на работу в Москву. «Я предчувствую перемены, — сказал он Йордану. — Поезжай и выясни».

«Йордан поехал со Стивеном Дженнингсом, высоким тридцатидвухлетним новозеландцем с квадратной челюстью, настолько же спокойным, насколько Йордан был легковозбудимым. Дженнингс, большой спец по части политики, отличился в 1980-е годы в ходе приватизации в Новой Зеландии, участвовал в проекте Всемирного банка по реструктуризации банковской системы Венгрии, когда Радлофф предложил ему работу в Москве. "Когда я в первый раз зашёл в его кабинет, у Стивена всё было завалено книгами", — рассказывал мне Йордан, вспоминая их первую встречу в Лондоне. — Он писал книги о приватизации, ему нравилась эта тема. Меня она не интересовала. Меня интересовало, как делать деньги". Но первые впечатления, полученные Йорданом во время ознакомительных поездок в Москву, были удручающими. Рынков ещё не было. "Стивен, — сказал он Дженнингсу, — если в этой стране не появятся рынки, мне здесь нечего будет делать". Приехав в Москву, Йордан и Дженнингс стали часто появляться в холодных пустых офисах Госкомимущества. Приносили русским сотрудникам канцелярские принадлежности, в которых те нуждались, кофе и идеи. "Приходило много ленивых и самоуверенных инвестиционных банкиров, предлагавших свои услуги за деньги", — рассказывал представитель одной из западных стран, находившийся там в первые месяцы. Но Йордан и Дженнингс казались другими: они всё время находились поблизости. "Креди Суисс Ферст Бостон" стал ока-

зывать помощь приватизационному агентству. "Оба под метр девяносто, всегда рядом, всегда готовы помочь", — вспоминал о Йордане и Дженнингсе иностранный бизнесмен.

Они пришли к Чубайсу и договорились с ним о том, что консультации по первым аукционам будут давать бесплатно. Это была идея Радлоффа. "Ни у кого не берите денег, — говорил он своим молодым подопечным. — Если мы готовы рисковать, зная, что шансы на успех равны 20 процентам, то можно и не брать денег. Тогда они не смогут обвинить нас в том, что мы наживаемся на их провале". "Мы решили, что не можем упустить самый большой развивающийся рынок в истории, — вспоминал Радлофф, — но мы не могли прийти на него и сказать, что собираемся делать деньги. Посмотрим, что получится через два-три года, — сказал я им, — о доходах не беспокойтесь".

Чубайс принял их предложение. Дженнингс был поражен, когда приехал в Москву и увидел, что всю Россию собирается распродать "крошечная группа людей, опираясь на крошечные обрывки законодательства". Это было "похоже на первый шаг восхождения на Эверест, вот как это воспринималось"»[1].

В результате именно Credit Swiss First Boston помог Госкомимуществу определить, что выставлять на первый чековый аукцион надо кондитерскую фабрику АО «Большевик». В октябре 1992 года они же решили, какой депозитарий будет использован для первого приватизированного предприятия.

Дженнингс С.: *«После падения Берлинской стены в мире стали происходить захватывающие события. Открыла свои двери и Россия. Но мало кто ещё верил в происходящие здесь изменения, хотя на неё и возлагали немного надежд.*

Вначале я поехал в Россию на 6 недель, чтобы возглавить команду проводящую первые ваучерные аукционы, но после этой поездки я понял, что работа здесь интересная, и решил, что, пожалуй, останусь.

В России тогда совсем не было рынка капитала. Не было акций, ценных бумаг с фиксированной доходностью. Отсутствовало и соответствующее базовое законодательство, не говоря уже об инфраструктуре и необходимых институтах.

Но я познакомился с интересными людьми. С одной стороны, это были высокопоставленные политики. У нас возник диалог с этими людьми. В частности, с Дмитрием Васильевым.

Я видел, что россияне хотят того же, чего и жители других стран. И руководство понимало, какие структурные преобразования необходимы для создания рыночной экономики.

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 225, 226.

Из этого можно было сделать вывод, что Россию ждут огромные изменения и она превзойдёт мировые ожидания. Но сколько на это понадобится времени, я понятия не имел»[1].

В течение месяца Йордан и Дженнингс пытались убедить и уговорить руководителей предприятия и его рабочих пойти на эксперимент. *«За бесконечными чашками чая с печеньем Йордан объяснял основы американского законодательства, например, смысл права справедливости и значение внешнего права собственности».*

По взаимному соглашению руководство и рабочие в той операции сохранили за собой 51% компании, а оставшиеся 49% приобретены инвесторами в обмен на ваучеры.

«Готовясь к важному событию, Йордан и Дженнингс построили павильон на берегу Москвы-реки в расчёте на тысячи посетителей. Давки не было, но в первый же день пришли несколько сотен человек, чтобы приобрести акции за ваучеры. Сидя в заднем помещении, Йордан и Дженнингс взволнованно следили за ходом аукциона, глядя на экран компьютера. Они не могли поверить своим глазам. Дженнингс незадолго за этого участвовал в продаже почти такой же кондитерской фабрики в Восточной Европе, которую компания "Пепси" приобрела примерно за 80 миллионов долларов».

Фабрика была продана за 654 тыс. долларов.

«"Мы посмотрели друг на друга и сказали: "В этой сделке мы оказались не на той стороне", — вспоминал Йордан. — Нужно было не представлять правительство. Нужно было покупать акции!"

"Увольняемся!" — сказали они друг другу»[2].

После этого Йордан стал массово скупать ваучеры у первых появившихся в России брокеров, а затем перепродавать их иностранным инвесторам с огромной прибылью.

«Йордан долго не мог найти место для хранения горы ваучеров и наконец остановился на помещении в подвале многоэтажного здания напротив российского Белого дома. В советские времена здесь располагался Совет экономической взаимопомощи социалистического блока. Именно в этом здании находились теперь офисы Лужкова и Гусинского. Каждый вечер, завершив скупку ваучеров, брокеры с риском для себя доставляли их в подвал здания СЭВ, где Йордан занимался проверкой документации. Поскольку они имели дело с сотнями тысяч ваучеров, эта процедура превращалась в настоящий кошмар.

---

[1] Интервью Стивена Дженнингса Андрею Звёздочкину на сайте «История фондового рынка».

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 226, 227.

Однажды вечером Йордан заметил, что один из клерков режет ножницами презервативы, а затем использует получающиеся резиновые колечки, чтобы скреплять пачки ваучеров. Обычных канцелярских резинок у них ещё не было».

Именно здесь расположился и офис Кассового союза[1].

По данным газеты The Boston Globe, Йордан скупил 17 млн ваучеров, т. е. каждый восьмой от их общего числа. По другим оценкам, между декабрем 1993-го и июнем 1994 года, когда закончился ваучерный этап приватизации, через Йордана и Дженнингса прошло 16 346 070 ваучеров, более 10 % их общего количества[2].

Для облегчения работы в конце 1993 года CS First Boston организовал в России дочернюю фирму АО «КС Ферст Бостон (Россия)» со 100-процентным иностранным участием. Она получила российскую лицензию на совершение операций с ценными бумагами и в 1994 году приняла участие в семи сделках по слиянию и приобретению. Среди которых были организация стратегического союза табачной фабрики «Ява» и BAT Industries, продажа фирме Danone контрольного пакета крупнейшей в России кондитерской фабрики «Большевик», организация сотрудничества НПО «Ангстрем» с ведущими западными производителями микросхем.

Только в течение первого полугодия 1994 года «КС Ферст Бостон» в качестве брокера разместила в акции российских предприятий около 700 млн долларов и таким образом стала ведущим брокером на российском рынке акций. Значительная часть покупок компании приходится на акции нефтяных предприятий. Компания приобрела по 5 % акций «Сургутнефтегаза», «Ноябрьскнефтегаза», «Пурнефтегаза», АО «Коминефть», «Когалымнефтегаза», а также 2,8 % ЛУКОЙЛа.

Особо часто вспоминали покупку компанией в марте–апреле 1994 года 17,29 % акций Новолипецкого металлургического комбината (всего было выставлено 29 %) на всероссийском чековом аукционе. Эта покупка, впрочем, всерьёз испугала руководство комбината. В результате администрация Липецкой области и руководство комбината направили письмо Президенту России с просьбой аннулировать результаты аукциона, однако это не дало результата. Таким образом, «КС Ферст Бостон» приобрела примерно за 1 млн долларов активы Новолипецкого комбината, стоимость которых оценивался независимыми аудиторами в 765 млн долларов.

В дальнейшем, находящийся в залоге у ОНЭКСИМ-банка государственный пакет 14,84 % акций комбината, при непосредственном участии Госком-

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 233.

[2] Там же. С. 234.

имущества, был продан через фирму «Восточная инвестиционная компания», принадлежащую Борису Иордану, фирме «Ренессанс Секъюритиз (Сайпрес) Лимитед», которая до августа 1995 года именовалась как «Борис Иордан и Ко (Россия) Лимитед».

В середине 1990-х акции НЛМК скупала Trans World Group (TWG) братьев Михаила и Льва Чёрных. Однако в начале 1997 года пакет в 25% акций комбината принадлежал структурам Джорджа Сороса. Ещё 25% принадлежали уже упоминаемым братьям Ричарду и Кристоферу Чандлерам. Управляли же этими 50% акций структуры Владимира Потанина и Бориса Йордана[1].

Осенью 1994 года до 50% всех официальных операций на российском фондовом рынке приходилось на московский филиал CSFB. И через год банк в своём портфеле имел большие пакеты акций более 80 крупнейших предприятий России, в частности ЛУКОЙЛа, РАО «ЕЭС России», Ростелекома, «Коминефти», «Норильского никеля», Новолипецкого металлургического комбината и даже бывшей гордости сверхсекретной «оборонки» объединения ЛОМО, на котором, между прочим, делалась столь поразившая американцев оптика наших спутников-шпионов и системы наведения печально знаменитого тактического ракетного комплекса «Ока». Ныне лучшая военная оптика на территории бывшего СССР создаётся на Украине.

Вскоре не сильно повзрослевший Йордан станет управляющим директором инвестбанка Credit Suisse First Boston в Лондоне и содиректором филиала этого же банка в Москве. В 1995 году в его карьере появился банк «Ренессанс Капитал». По сообщениям прессы, его создавали пять человек: Борис Йордан, Стивен Дженнингс, Ричард Дитц, Антон Кудряшов и Леонид Рожецкин.

Мягко говоря, не очень надёжный источник — Corruption. Ru, — пытаясь найти способ мгновенного обогащения Бориса Йордана, отмечает, что якобы, по оперативным данным КГБ-ФСБ, в 1993–1995 годы первоначальный капитал для работы в России Йордану «подкинуло» ЦРУ. Они имели взаимный интерес: ЦРУ через Йордана получило возможность контролировать и влиять на российскую экономику, а сам «Великий комбинатор» удовлетворял свои амбиции и стал «влиятельным российским банкиром». Так это было или не так, но свой шанс Йордан не упустил.

Дженнингс С.: *«Маржа на всех операциях была весьма высокой. Купив акции на Урале или в Сибири, вы могли их продать очень выгодно хедж-фонду в Сан-Франциско. Это давало первым инвестиционным банкам хороший доход и уверенность перед разработкой других продуктов.*

Я помню первые заключённые сделки с акциями. Договор состоял из 90 страниц. Базовой инфраструктуры в стране не существовало и приходилось много

[1] *Игумёнов В.* Владимир Лисин. Одинокий стрелок // Forbes. 2004. № 12.

импровизировать, решать множество практических и логистических вопросов. Для поездок по стране нужны были очень стойкие люди.

Одновременно требовалось объяснять потенциальным инвесторам, настроенным скептически, происходящее в России, проводить сотни, а скорее даже тысячи встреч по всему миру.

Я много путешествовал по России, был почти везде, куда можно было добраться. Тогда это было необходимо. Я побывал в городах, которые ещё только открывали, где никогда до моего приезда не видели иностранцев.

Во многих отношениях это была самая приятная сторона моей работы. Мне всегда нравилось встречаться с реальным бизнесом в регионах. Я общался с людьми на врождённом таланте которых стоит Россия, которые составляют костяк страны и дают ей силу. Я всегда возвращался в Москву более счастливым, чем когда уезжал.

В России было много невероятно талантливых людей, которые не были задействованы. Разыскивая нужных специалистов по всему миру, мои коллеги часто не замечали соотечественников с врождёнными способностями намного большими, по сравнению с большинством прибывающих сюда иностранцев.

В то время, когда Россия переживала очень трудное время, жители Запада были испорченными, избалованными и бесхарактерными. Молодые же россияне были совсем не такие — они очень хотели работать, были преданными и лояльными выбранному делу. Работать с ними было очень приятно.

У нас не было никаких сомнений, что Россия станет огромным рынком, и это было ключевым моментом нашей стратегии. У нас не было сомнений, даже в 1998 году мы были уверены на 100% в успехе России»[1].

До 1998 года банк процветал, но грянул кризис — и партнёры начали разбегаться, их доли выкупал Дженнингс. *«Я не хотел уходить побитым,* — говорил он в интервью журналу SmartMoney. — *Мы понимали, что экономика восстановится; это произошло даже быстрее, чем мы ожидали».*

Смолькин И. В.: *«Кожоный тоже дал денег на создание "Ренессанс Капитала", ведь у Йордана достаточного количества не было».*

С 1997 года Йордан станет президентом «МФК Ренессанс», образовавшейся в результате слияния «Ренессанс Капитала» и Международной финансовой компании. За его дальнейшей увлекательной карьерой (естественно, только внешним её проявлением) несложно проследить по многочисленным публикациям.

Царьков О. И.: *«CSFB был инвестиционным банком, который зарабатывает на торговле ценными бумагами и организации сделок. Такой род деятель-*

[1] Интервью Стивена Дженнингса Андрею Звёздочкину на сайте «История фондового рынка».

ности сам по себе предполагает гораздо больше драйва и авантюризма. И тем более сложно ожидать скрупулёзного следования инструкциям от людей, которые, подобно первому руководителю московского офиса CSFB Борису Йордану, решили зарабатывать на только-только начавшей рыночные реформы России».

И как здесь не вспомнить американского гражданина, 26 летнего консультанта Госимущества Леонида Рожецкина, получившего славу одного из «авторов российской программы приватизации». Якобы именно он написал большую часть российского законодательства по приватизации.

1995 году он вместе с Борисом Йорданом создаст банк «Ренессанс Капитал», а два года спустя совместно с другим компаньоном — Джорджем Соросом — выкупит за 1,8 млрд долларов 25% акций госхолдинга «Связьинвест». Это была одна из самых крупных и скандальных приватизационных сделок в российской истории. Стивен Дженнингс называет Леонида Рожецкина *«юристом с Уолл-стрит, чрезвычайно талантливым русским эмигрантом, вернувшимся в Москву».*

В 2006 году в России его обвинят в мошенничестве, Генпрокуратура объявит его в международный розыск, как похитившего 40 млн долларов. В 2008 году Леонид Рожецкин был похищен из дома в Юрмале и убит. Вот такое «Поле чудес», крутите барабан!

«Диалог» с Петром Дерби. Я говорил о нём уже, когда писал советскую историю СП «Диалог».

Вскоре на многие годы главной заботой Петра станет коммерческий ДиалогБанк. Где-то рядом будет и инвестиционный банк «Тройка Диалог», тем более, что там главным бухгалтером будет работать супруга Петра, урождённая княгиня Трубецкая.

Варданян Р. К.: *«Петя в то время вовсю строил ДиалогБанк, и это требовало очень больших усилий. Но я очень благодарен ему за то, что в 1990-е годы среди страшного бардака он как акционер дал нам возможность строить вдлинную, вдолгую. Для менеджера это очень большое счастье, когда акционер не требует с тебя ежеминутно прибыль и дивиденды. Плюс он очень помогал с контактами, с ликвидностью, через него к нам приходили клиенты ДиалогБанка. Роль Петра в нашем становлении огромная, он сделал очень много. Хотя следует признать, что у него не было времени на "Тройку". Конечно, она была для него одной головной болью, у него на неё не хватало времени, поэтому мне приходилось часами ждать в приёмной, пока он освободится».*

Владимир Кузнецов — ставший генеральным директором компании «Тройка Диалог» в июне 1991 года, знакомый Варданяна ещё по университету, в конце 1991 года перешёл в Goldman Sachs на позицию заместителя гендиректора — директором офиса в Москве.

Дерби П.: *«Одна уважаемая американская фирма [Goldman Sachs] пригласила меня тогда на завтрак в 8 часов утра, но прилетевшего из Лондона топ-менеджера, с которым я должен был встречаться, не оказалось на месте. Я дожидался его в гостинице "Метрополь". Шли часы, а его помощница извинялась и просила меня ещё немного потерпеть: он, мол, опаздывает, но уже в пути. Как я узнал позднее, человек вовсе не торопился на встречу со мной. Пока я его ждал, он был в "Тройке", где разговаривал с нашими лучшими сотрудниками, приглашал их на работу. Все сотрудники остались, Рубен, которого я очень уважал, тоже. Но Владимир Кузнецов согласился работать на них и открыть для них филиал в Москве. Всё то, что я ненавидел, работая на Уолл-стрит, я увидел в первые же дни в России»*[1].

Такие были нравы в сообществе экспатов.

Варданян Р. К.: *«Мне тоже хотелось уйти с ним, но меня не взяли, т.к. я был ещё студентом. Меня это сильно расстроило».*

Goldman не только ловко переманивал кадры, но и, возможно, намеренно переходил дорогу Merrill Lynch, своему глобальному конкуренту, с которым у «Тройки» намечалось сотрудничество.

Позже ДиалогБанк будет официально представлять интересы Merrill Lynch на ваучерных аукционах, а также работая на вторичном рынке акций.

Дерби П.: *«Контракт с Merrill Lynch означал, что теперь мы могли делать для них анализ многомиллионных сделок. Они нам выделили деньги для анализа, и это нас очень поддержало в первое время»*[2].

Руководитель Пётр Дерби, по словам Рубена Варданяна, был уникальным человеком: *«Из-за своих идеалистических базовых принципов он был похож на Дон Кихота. И был антиподом Йордана».*

Борис Йордан же, воплощавший в себе более агрессивную манеру ведения дел, вскоре станет главным соперником «Тройки».

Варданян Р. К.: *«Йордан считал, что находится в джунглях и, если у него есть автомат, он должен не жалеть патронов, отбирать всё, что можно, а уж потом разбираться. Петя Дерби же старался всегда поступать правильно, цивилизованно, красиво».*

Дерби П.: *«Мы отказались от неэтичных методов ведения бизнеса с самого начала, стояли у истоков нового российского развивающегося рынка и во многом задавали стандарты».*

28 апреля 1993 года «Тройка Диалог» открыла первый брокерский счёт.

---

[1] Новые лидеры российского бизнеса / Кете де Врис М., Шекшня С., Коротов К., Флорент-Трейси Э. М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. С. 136.

[2] Там же. С. 137.

Тогда же один из клиентов, здоровенный лысый американец, появился на пороге офиса «Тройки» (после смены нескольких адресов компания тогда располагалась на площадях ЦЭМИ).

Дерби П.: *«Он принёс 20 тыс. долларов, чтобы положить на счёт и начать покупать ваучеры. Одновременно он предложил: "Давайте я стану сотрудником "Тройки", помогу вам открыть счёт, чтобы я и такие же люди, как я, могли покупать акции"».*

Варданян Р. К.: *«Он увидел наше объявление совершенно случайно, то ли в Moscow Times, то ли в метро. Ехал в вагоне, увидел рекламу и пришёл к нам открывать счёт. Лёша Долгих не мог принять 20 тыс. долларов без разговора со мной — тогда это были безумные деньги. В итоге я поговорил с этим клиентом, рассказал ему о своей мечте, и он остался у нас работать за 500 долларов в месяц.*

Я тогда сказал ему: "Хочу, чтобы мы жили в нормальной стране. Не жизнью сумасшедших, а чтобы была работа вдлинную, цивилизованный рынок, партнёрство". И он услышав то, что я хотел сказать, поверил мне».

Это был Бернард (Берни) Сачер, имевший опыт работы в Goldman Sachs, сумевший к 33 годам сколотить миллион долларов, успев при этом поработать на Уолл-стрит, в Лондоне, Токио и Гонконге. После этого его потянуло в Россию. Мысли о ней не давали американцу покоя с тех самых пор, как он в 1980 году ещё подростком посетил её. Он глубоко интересовался историей и устройством СССР, учил русский язык. Решение ехать в Москву повергло в шок его семью. Родственники Сачера по отцовской линии, евреи из австрийской Галиции, спасались от царской армии во время Первой мировой, а по материнской — участвовали в советско-финской войне, естественно, против СССР. Приехать работать в страну с такими воспоминаниями надо было решиться.

Варданян Р. К.: *«Представляете, для иностранца идти работать в компанию, где директор молод и не имеет никакого опыта? Ему надо было поверить в Россию, поверить в российский фондовый рынок, поверить в то, что Рубен — правильный начальник».*

С приходом Сачера «Тройка» стала нанимать иностранцев. По его совету компания сосредоточила свою деятельность на ценных бумагах.

Варданян Р. К.: *«В Merrill Lynch, где мне довелось учиться в 1992-м, я собственными глазами увидел, как работает Уолл-стрит. Понял, как сильно мы отстали. У нас всё было связано с кэшем, наличными. А там — компьютеры, информацию любую можно получить. Я осознал, какой между нами огромный гэп, который надо восполнять».*

Вскоре в совет директоров «Тройки» вошёл гражданин Швеции и ветеран McKinsey Майкл Обермайер, ставший партнёром.

Обермайер М.: *«Тогда Россию называли "Диким Востоком". Но мне она казалась больше похожей на Дикий Запад: здесь были люди, которые работали*

только на себя, и были люди с настоящими убеждениями. Это было моё первое впечатление от арены для так называемых банкиров, многие из которых, по сути, никакими банкирами тогда не были. Россия в то время вообще была странным местом. Западный человек, попадавший в подобное окружение, воспринимал его как немного враждебное»[1].

Команда «Тройки» формировалась подлинно интернациональной, что было, конечно, нетипично для России того времени.

Варданян Р. К.: *«Мне повезло с людьми, которые хотели и умели работать на долгосрочный результат. Элизабет Вайсс — первая американка, сейлз, которая у нас работала. В 1995 году пришёл Фред Берлинер, который создавал РТС и остался там как консультант, chief trader».*

Лиза Вайсс приехала в Россию учить русский язык, но фондовый рынок помешал ей погрузиться в филологию.

Фредерик Берлинер много лет торговал на Уолл-стрит, а в Россию приехал на три месяца поделиться опытом. Но ему настолько тут понравилось, что он решил задержаться.

Берлинер Ф.: *«Я прилетел в Москву как один из участников команды USAID с целью создания жизнеспособного фондового рынка в России. Через несколько недель после моего приезда я встретил Рубена, 24-летнего дальновидного управленца, задавшегося целью построить первоклассный инвестиционный банк. Мы сразу же поладили, и он принялся умолять меня присоединиться к "Тройке Диалог". В итоге я сделал это в ноябре 1995 года»*[2].

На работе Берлинер частенько надевал бабочку, а по пятницам облачался в русскую рубаху. Сам Фредерик вспоминает, что просто наслаждался обстановкой в компании. Пять лет, которые американец провёл в России, он до сих пор считает лучшим временем в своей жизни.

Но какие бы талантливые люди ни приходили в «Тройку» в 1990-х, судьбоносным, полагает Варданян, для компании стало именно появление Сачера. Рубен считает этого человека подарком фортуны.

Варданян Р. К.: *«Берни привнёс в компанию особый дух, драйв. Он лидер от Бога: харизматичный, яркий, большой во всех смыслах. Сам факт, что он пришёл к нам, поверил в мечту, многое изменил в судьбе компании. Без него бы "Тройки" не было».*

В то же время методы работы Сачера не у всех вызывали восторг. Бывший исполнительный директор «Тройки» Андрей Мовчан, который вошёл

---

[1] *Кете де Врис М., Шекшня С., Коротов К., Флорент-Трейси Э.* Новые лидеры российского бизнеса. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 138.

[2] Там же. С. 140.

в команду несколько позже — в 1997 году, описывает стиль американского «хиппующего трейдера» как чересчур самонадеянный и неряшливый.

Мовчан А. А.: *«Берни — прекрасный человек, отличный друг. С точки зрения порядочности, поведения, человеческих качеств он один из самых приятных людей, какие мне встречались в жизни. Но правда и в том, что он был кошмаром того места, где работал. Создавалась турбулентность просто потому, что он работал так, как хотел. Сачер, как и Фред Берлинер, — это представители великой старой американской школы биржевой торговли. Но старой она была уже не только в Америке, но и в России. Люди считали, что они должны выписывать тикет на бумаге непонятным языком, выкидывать его себе за спину, а кто-то его подхватит и сделает всё остальное. Причём, если эти люди ошибались в тикете — вместо buy писали sell, — то это была не его проблема... Ну, сделку-то он сделал, а вы разбирайтесь»*[1].

Чарлз Райан — гость из Лондона. Так же пришёл в этот бизнес Чарлз Райан. Случайно купив в 1991 году на улице пачку акций банка «Менатеп», он пришёл в восторг[2]. Вскоре он стал советником группы, занимавшейся с Анатолием Чубайсом вопросами приватизации. Одним из первых, с кем он познакомился, был Альфред Кох, в то время заместитель руководителя Ленинградского центра приватизации.

Осенью 1992 года Ч. Райан приехал в Москву и вместе с Борисом Фёдоровым основал инвестиционный банк «Объединённая финансовая группа». Идея его создания появилась у них ещё во время прогулок по Невскому проспекту во время работы в ЕБРР. Позже, в 1994 году, появится и международная компания United Financial Group (UFG), зарегистрированная на острове Мэн в британской офшорной зоне. Учредителями обеих компаний будут те же — Борис Фёдоров и Чарльз Райан.

Райан Ч.: *«Когда Борис в 1994 году ушёл из правительства, мы обсуждали наши дальнейшие совместные действия и решили, что я тоже покину ЕБРР и мы вместе создадим банк или инвестиционную компанию. Вскоре появилась UFG».*

Располагалась первое время компания в четырёхкомнатной квартире на Тверской улице в районе площади Маяковского. В ней работали чуть больше 10 человек. Атмосфера в компании была домашняя. Вместе на кухне обедали, еду на всех готовил нанятый повар.

Райан Ч.: *«Понимая, что иностранец не должен быть главой российской инвестиционной компании, я был готов заниматься только её курированием.*

---

[1] Там же. С. 141.

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 334.

Мы рассчитывали в первую очередь организовывать консультации западным инвесторам, как им эффективнее разместить свои средства в России. Однако с каждым месяцем на нашем счёте в банке оставалось всё меньше и меньше денег. И я заявил своим компаньонам, что, если мы срочно не начнём зарабатывать, история нашей компании будет очень короткой».

После этого компания получила лицензию на работу на фондовом рынке и началась торговля акциями. Владельцы компании в то время, по воспоминаниям Ч. Райана, плохо представляли себе, как можно заработать на рынке акций.

Райан Ч.: *«Я много раз сталкивался с ситуацией, когда мне говорили: "Вот вы продаёте и покупаете акции, зарабатываете на этом. А мне какая от этого польза?"*

Реального рынка тогда ещё не было. Сидели мы в квартире на Тверской, Варданян с его "Тройкой Диалог" в другой квартире на Ленинском проспекте, шведская компания Brunswick снимала квартиру на Октябрьской площади. Только Ячник с ОЛМА снял себе настоящий, правда, небольшой офис.

Каждое утро я обзванивал всех партнёров и узнавал, какие акции они собираются покупать, а какие продавать. В результате выяснял, какие заказы клиентов они имеют. Высчитали мы, и кто эти заказчики. Тогда стали соединять цепочки и получать на этом свою маржу. Наш брокер Пётр Фёдоров ехал в "Тройку", заключал договор на покупку, допустим, акций ЛУКОЙЛа и нёсся в другую компанию, которой эти акции были нужны. И в конце концов летел в Сибирь к регистратору, ведущему реестр действующих акционеров той компании, и оформлял сделку».

Чарли Райн работал «вахтовым методом» — постоянно прилетал, давал необходимые ЦУ (ценные указания) и улетал куда-то.

Райан Ч.: *«В то время в России происходила борьба "славянофилов" и "западников". Первые считали, что рынок должен открываться, когда рабочий день начинается во Владивостоке, вторые (к которым относился и я) отстаивали мнение, что рынок должен быть открыт как можно дольше, чтобы была возможность работать с Лондоном, Токио и Нью-Йорком.*

Борис в это время был депутатом Госдумы, но при этом не путал политические дела с коммерческими, и компания ни копейки не внесла ни в один фонд ни одной политический партии».

Участие Фёдорова в работе UFG ограничивалось его ежемесячным заседанием в совете директоров.

Хилов Д. Ю.: *«Пока Борис был депутатом и госслужащим, он непосредственно в текущей работе, в управлении компанией не принимал участия и появлялся, только если надо было встречаться с инвесторами».*

В 1992–1993 годах ограничений в допуске иностранных инвесторов к приватизации стратегически важных объектов не было. Исключение было сдела-

но только для предприятий топливно-энергетического комплекса, по добыче и переработке руд, драгоценных и полудрагоценных камней, драгоценных металлов, радиоактивных и редкоземельных элементов.

Мировые инвестиционные фонды

Тогда же в России появились крупнейшие мировые инвестиционные фонды и брокерские дома, оперирующие фондами в десятки и сотни миллиардов долларов. Кроме CS First Boston это были: Brunswick Brokerage, Morgan Grenfell, Merrill Lunch и т. п. Им было несложно собрать у себя многочисленный и хорошо владеющий информацией персонал.

Чикунов А. В.: *«В 1992 году в Новосибирск вместе с командой консультантов к нам прилетели сотрудники крупного американского инвестиционного банка Merrill Lynch. Город охватила эйфория — после этого фондовый рынок будет расти как на дрожжах. Гости три дня встречались со всеми вплоть до губернатора, пили, после чего на заключительном вечере заявили, что в следующий раз приедут к нам лет через пять. Мы, решив, что ослышались или переводчик неправильно перевёл, переспросили: "Может быть через пять дней или пять месяцев?" Инвестбанкиры подтвердили: "Через пять лет". После чего объяснили, что их банк привык инвестировать сразу... далее была названа какая-то немыслимая для нас цифра. Мы предполагаем, что лет через пять капитализация вашего рынка приблизится к этой величине и можно будет поговорить...»*

Судя по всему, первым иностранным фондом, созданным специально для инвестиций в акции российских компаний, стал ещё в конце 1992 года Russian-American Enterprise Fund. Однако этот фонд практически не проявлял видимой активности на российском фондовом рынке, и покупка 20 % акций «Гранта» стала чуть ли не единственным серьёзным шагом фонда на российском рынке[1].

За следующие два года на Западе было сформировано более 20 инвестиционных фондов, специализирующихся на приобретении ценных бумаг в России. Кроме них, такими инвестициями занимались так называемые глобальные фонды, вкладывающие средства в ценные бумаги по всему миру.

Пика эйфория достигла в 1994 году. Главная бизнес-газета писала: *«В начале этого года в Россию вдруг косяком повалили многочисленные западные инвестиционные фонды, причём не мелкие авантюристы, скрывающие за пышными названиями (типа Global или International) бывших наших с Брайтона, а весьма солидные компании, такие, например, как Pioneer Investment, аме-*

[1] Деловой мир. 03.03.1995.

риканский The Fund for Large Enterprises in Russia. Те же фонды и банки, что зарегистрировались ранее, с начала года заметно активизировались, стали открывать офисы, учреждать дочерние фирмы, набирать дополнительный персонал — словом, обустраиваться с комфортом»[1].

Усилия фондов оценивались в 1 млрд долларов вложений в акции российских приватизированных предприятий с начала года, а к концу года ожидали, что размер портфельных инвестиций увеличится ещё на 500 млн. Об иностранных институциональных инвесторах говорили, как о каких-то благотворительных обществах.

А они знали что приобретать. Вот отрасли, представляющие наибольший интерес для западных портфельных инвесторов были следующие (в порядке убывания привлекательности, по данным агентства «Скейт-пресс»):

1. Предприятия нефтегазового комплекса (нефтедобыча и нефтепереработка, газодобыча и газопереработка).
2. Предприятия электроэнергетики.
3. Алюминиевые заводы.
4. Предприятия связи и коммуникаций (телефонные сети и линии, телеграфная связь).
5. Порты и пароходства.
6. Предприятия по производству цемента.
7. Предприятия по производству минеральных удобрений.
8. Крупные горнодобывающие предприятия (как правило, монополисты).
9. Предприятия пищевой промышленности — масложировые комбинаты, кондитерские фабрики.

Вице-президент инвестиционной компании ОЛМА заявил тогда же, что 90% российского фондового рынка делалось западными инвесторами. Перспективы для них рисовались ещё более замечательными. Аналитик Финансового центра «Грант» Андрей Гальперин предрекал, что уходящие с аукционов акции приватизированных предприятий «вполне очевидно, что через два-три года будут стоить в 2–5 раз больше» (естественно, в долларовом исчислении)[2]. А руководитель отдела исследований «Альянс-Менатеп» Даниэль Даунинг подтверждал: «Настоящими перлами — нефтяными компаниями, пароходствами и металлургическими компаниями — будут сделки, основанные на внутренней информации»[3].

В то время такого понятия, как «инсайдерская информация», в России не было, точнее сказать, о том, что пользоваться ею в своих корыстных це-

---

[1] Бегство капитала в Россию // Коммерсантъ Власть. 1994. № 37.

[2] Там же.

[3] *Кантемир Г.* Andryushka & Larisochka // Советская Россия. 19.01.1996.

лях нехорошо, знали многие, особенно экспаты, но на «территории охоты» об этом они старались забыть — никаких законодательных норм по ограничению использования внутренней информации здесь не существовало.

Геннадий Старостенко рассказывал: *«Старшим у меня был Билл Макфадден, молодой обаятельный американец из простой семьи сталелитейщиков откуда-то со среднего Запада. <...> Будучи по-приятельски расположен ко мне, он, случалось, говорил, делая круглые глаза и потея от восторга: "Представляешь, здесь сейчас за шесть — восемь миллионов долларов можно купить где-нибудь на Урале завод, который у нас бы стоил полмиллиарда..."»*[1].

Но многие за рубежом ещё долго не понимали, что в России открыли новый Клондайк. Йордан вспоминал, что в марте 1993 года он тщетно пытался заинтересовать иностранных инвесторов ваучерами. *«Я приходил, чтобы рассказать о России, а меня никто не хотел пускать в свой кабинет, — рассказывал он. — Это никого не интересовало. За три недели я объездил весь мир. В ноябре я отправился в новую поездку. Передо мной начали открываться двери. А в марте 1994 года весь мир хотел знать, кто я»*.

Как пишет А. Ослунд, даже по официальной статистике, отражающей баланс платежей, которая обычно занижается, Россия в 1993 году получила в виде иностранных инвестиций 1,7 млрд долларов[2] (статистика Госкомстата по иностранным инвестициям приводит цифру 2,9 млрд долларов). Эти инвестиции были направлены в машиностроение, за ним шла энергетика. На долю Москвы и Московской области пришлось в 1993 году 26% иностранных инвестиций, за ними следовали Красноярск, Омск, Архангельск, Биробиджан, Белгород, Марийская и Коми республики[3].

В 1994 году впервые приехал в Россию признанный в мире специалист по развивающимся рынкам Марк Мобиус, глава компании Templeton, в управлении которой было 140 млрд долларов. Он носился на своём самолёте по всему миру, пытаясь всюду успеть.

Templeton Russia East Europe Fund. Этот специализированный фонд был создан в 1995 году. Его вложения в российские активы в разное время будут достигать 2 млрд долларов.

Мобиус М.: *«Одними из самых неудачных инвестиций в вашу страну были вложения в ГКО. Мы же считали, что государство будет платить по своим долгам, ведь они были в рублях и не было причин не делать этого»*.

---

[1] Там же.

[2] Госкомстат России. Социально-экономическое положение России в 1993 г. С. 88.

[3] *Рыбак С.* 2,9 миллиарда долларов иностранных капиталов в российской экономике // Сегодня. 24.03.1994.

Гуру фондового рынка, судя по всему, кокетничает, говоря это, не указывает, сколько процентов на вложенный в КГО капитал он предварительно получил и то, что облигации всё-таки были реструктуризированы.

Интересно его впечатление о партнёрах (исполнителями заказов на сбор ваучеров и нужных акций), с которыми ему предстояло работать в России.

Мобиус М.: *«Мы собирались открыть офис в Москве, и бухгалтер, который помогал нам, сказал, что у него есть клиент — биржевый брокер, который хотел бы работать с международной компанией. Я пригласил его в отель "Кемпинский", где я тогда жил.*

Пришли три очень молодых человека, показавшихся мне тинейджерами. Им я сказал, что ищу генерального директора брокерской компании АТОН, и получил ответ от одного из них: "Это я и есть!" Это был Евгений Юрьев. С тех пор мы тесно сотрудничаем».

Бернар Лозе и фонд Kaltchuga. История инвестиционного фонда Kaltchuga Capital Management началась с того, что к Михаилу Кобищанову, работавшему в Комиссии по товарным биржам Антимонопольного комитета России, обратился начальник управления МВЭС Е. Н. Михайлов.

Кобищанов М. Ю.: *«Евгений Николаевич когда-то консультировал французов, строивших в Москве какие-то производства в рамках программы экспортно-импортного кредитования. Он их хорошо знал и поэтому не мог не откликнуться на просьбу помочь им принять участие в начавшейся в России приватизации. С просьбой встретиться с ними Евгений Николаевич обратился ко мне. Наша беседа состоялась, но не имела быстрого продолжения, французы пропали на три месяца, оказалось, что, не желая вкладывать свои деньги, они искали более решительных авантюристов.*

Я стал уже о них забывать, но пришло письмо, что мои новые знакомые привозят в Москву группу потенциальных клиентов — банкиров из Швейцарии и Франции, — решивших делать инвестиции в России.

Летом 1993 года состоялась новая встреча, на которой уже были приняты решения. Банкиры подписались под документами, подтвердившими, что они знают, на что идут, и не будут иметь претензий даже при самом неудачном исходе. Дисклеймер (disclaimer)[1]*, был на сотню страниц.*

Мне было поручено заниматься консультациями и ведением дел создаваемого инвестиционного фонда. 1 сентября 1993 года один из первых в нашей стране инвестиционных фондов под названием Kaltchuga был зарегистрирован».

[1] Заявление в письменной форме, когда человек отказывается нести ответственность за свои поступки или за поступки других людей.

Главой фонда стал потомок первых российских эмигрантов по матери и французских дипломатов и промышленников по отцу Бернар Лозе — один из немногих иностранцев, которые непрерывно ведут бизнес в России уже 20 лет.

Необычное название фонда было стилизованрым в духе «Заводного апельсина» Энтони Берджесса — русское слово «кольчуга». Таким образом создатели фонда решили использовать его в качестве приманки для западных инвесторов.

«В 1993 году Лозе побывал на родине своей бабушки в Одессе. По его словам, на обратном пути в Париж его попутчиком на борту авиалайнера оказался французский инженер Жан-Мари Биллиотт. Вместе с коллегой Жан-Луи Тови он участвовал в международном проекте строительства заводов по производству электронных плат в Азербайджане и на Украине под эгидой Минрадиопрома СССР. Биллиотт рассказал про начавшуюся приватизацию в России и её неслыханные возможности.

“Треть России отдают за $1,5 млрд”, — подсчитывал Тови. Решение о совместных инвестициях приняли тут же.

Тогда ещё никто толком не представлял экономического потенциала России, и по итогам проведённых презентаций во Франции Лозе собрал около $25 млн. Каждый из инвесторов должен был подписать документ, где говорилось, что он готов всё потерять, так как управляющие слабо представляли, что будет с их инвестициями. Деньги инвестировали в десяток предприятий»[1].

Кобищанов М. Ю.: *«Первый транш в капитал составлял 5 млн долларов. Никто больше 0,5 млн в него не вкладывал. Составив план наших действий, мы до июля 1994 года участвовали этими деньгами в чековых аукционах, разделив эту сумму на 25 ровных частей».*

Kaltchuga открыла осенью 1993 года офис в Москве, об этом было дано объявление в газете «Коммерсантъ».

Романов П. В.: *«Мой партнёр Андрей Романов, прочитав его, позвонил им, ему предложили встретиться. Тогда мы познакомились с Михаилом Кобищановым и его шефом Бернаром Лозе и стали активно сотрудничать».*

Российскими партнёрами фонда в этот период стали «Депозитарий А», «Ринако Плюс». У них приобретались ваучеры, и те брали на себя ответственность вкладывать бумаги от имени фонда в приобретение на аукционах указанных им акций.

Кобищанов М. Ю.: *«200 тыс. долларов мы вложили в 17% акций Приаргунского производственного горно-химического объединения в городе Красно-*

[1] *Зубова Е., Руденко П.* Охота на крупную дичь: как французский аристократ стал другом российской элиты // Forbes. 2014. № 11.

каменск Забайкальского края. Это флагман российской уранодобывающей отрасли, на нём добывается 99% всего урана в стране.

Мы участвовали в приватизации тогда ещё независимой компании "Кагалымнефтегаз" и "Урайнефтегаз", позже вошедших в ЛУКОЙЛ.

Участвовали мы в аукционе по акциям КамАЗа, признанном дорогим, авиакомпании "Внуковские авиалинии", где на те же стандартные 200 тыс. долларов получили более 15% (их нам пришлось в конце концов продать).

Хорошо поучаствовали в аукционе по Газпрому в Астрахани, взяв за 200 тыс. долларов до 30% квоты области. Там был третий по выгодности курс акций. В 1995 году к нам обратились представители концерна и добровольно-принудительно предложили продать наш пакет. Что мы и сделали не без собственной выгоды, доход в 100 раз превысил наши расходы. А ведь тогда, когда мы приобретали акции, считалось, что они никому не нужны, т.к. цены на нефть и газ были низкими.

Саянский алюминиевый завод также привлёк наше внимание, и эти акции нам пришлось продать через год-полтора — люди Дерипаски чуть ли не ночевали у нас в офисе. И здесь наш доход измерялся тысячами процентов.

За 100 тыс. долларов мы получили и более 30% акций "Теплоозёрскцемент" в Еврейской области. Потом их мы перепродали менеджменту, и все остались довольны».

На чековых аукционах были приобретены также акции «Северстали» Гайского ГОК, ПТС (Петербургская телефонная сеть) и «Владивостокэлектросвязь».

В Астрахани, кстати, ваучеры на скупку получили 25 горожан, и, к немалому удивлению французских инвесторов, вложения вернулись с процентами.

«В портфеле фонда оказались акции, выросшие в 1000 раз, например бумаги МГТС, но были и акции, которые падали почти до нуля. Самой неудачной идеей стала покупка бумаг торговой сети "Берёзка". Глава компании каждый раз встречал французских инвесторов с бутылкой коньяка, но однажды он поставил на стол полупустую бутылку, сказав, что всё продано и это их последний актив.

Не обошлось и без курьёзов. "За ваучеры мы купили пакет Красногорского завода им. С.А. Зверева, который мы знали по фотоаппаратам, — вспоминает Лозе. — Оказалось, что кроме них завод делает оптику для вооружённых сил, и мы избавились от бумаг, поскольку не очень хотели иметь дело с государством"»[1].

Когда акционеры увидели, каковы результаты первых инвестиций было определено, что ликвидность третьего транша летом 1996 года была определена, как недельная (для сравнения — первого — 10 лет). То есть, если кто-то требовал вернуть его деньги, это стали делать в течение 7 дней.

---

[1] *Зубова Е., Руденко П.* Охота на крупную дичь: как французский аристократ стал другом российской элиты // Forbes. № 11. 2014.

«Согласно подписанным вчера соглашениям между фондом Kaltchuga и рядом крупных российских банков, в течение ближайшего месяца в управление этих банков от западных инвесторов поступит $5 млн. До конца же 1994 года через фонд Kaltchuga, находящийся в управлении французско-американской компании Dubin Sweica & Loze, в Россию поступит $20 млн»[1].

Кобищанов М. Ю.: *«Некоторые акции после чекового аукциона мы не получили. В частности, 30 июня 1994 года заканчивался аукцион компании ВИЛС (Всесоюзный институт лёгких сплавов). У нас оставались последние 200 тыс. Мы их туда торжественно внесли за пару дней до окончания приёма заявок через "Ринако Плюс".*

30 июня был опубликован указ Председателя Правительства РФ об отмене этого аукциона. Чеки уже никуда нельзя было перебросить. Мне позвонили из "Ринако" и сказали, что всё пропало, гипс сняли... Ринаковцы предложили вернуть нам ваучеры, но они наутро прекращали своё действие. Пришлось эти средства списать, как убыток. На этом наши средства закончились.

Однако, когда акционеры увидели, каковы результаты первых инвестиций, то ликвидность третьего транша летом 1996 года была определена как недельная (для сравнения: первого — 10 лет). То есть, если кто-то требовал вернуть его деньги, мы стали делать это в течение 7 дней».

Бернар Лозе из Инвестиционного фонда Kaltchuga раз в квартал приезжал в Москву.

Романов П. В.: *«Он всегда снимал номер в "Метрополе", и мы с ним там за завтраком или обедом вели переговоры.*

Однажды среди деловой беседы он спросил меня, указывая на соседний стол: "Смотри, а это не Сорос там сидит?" Я, не будучи уверенным в этом, ответил: "Сороса я не знаю, но то, что он завтракает с Григорием Явлинским, это точно. И если ты говоришь, что это Сорос, значит, Сорос!"

Днём звонит Михаил Кобищанов и спрашивает: "Вы с Бернаром вдвоём завтракали?" Подтверждаю это и узнаю, что Лозе, вернувшись в офис, распорядился срочно разослать своим партнёрам письмо такого содержания: "Я в Москве. У российского фондового рынка прекрасное будущее! Только что завтракал с Сорosом!"

Против этого мне нечего было возразить: завтракали, Сорос был за соседним столиком. Сорос об этом, видимо, не знает, но к формулировкам Бернара у меня претензий не было».

Уильям Броудер — оценённый «герой». Ещё одним искателем финансового счастья, прибывшим в Москву, был Уильям Броудер, сотрудник банка Salomon

[1] *Хныкин Ю.* Kaltchuga защищает западные инвестиции в Россию // Коммерсантъ. 30.03.1994.

Brothers, специализирующийся там на России, внук Эрла Броудера, руководителя Коммунистической партии США (1932–1945). Ему очень хотелось увидеть Россию, родину своих предков. Уильям к тому моменту успел окончить Стэндфордскую школу бизнеса и получить опыт участия в приватизации в Польше.

«У Броудера особый нюх на деньги, и он не без иронии подметил как-то, что это оказалась работа для одиночки: никто не верил, что в России можно заниматься бизнесом. Его босс однажды вручил ему несколько чеков на представительские расходы и велел отправляться в Россию и на месте разобраться, можно ли там что-нибудь найти.

Броудер взялся консультировать по вопросам приватизации рыболовецкую флотилию в северном порте Мурманске. По сведениям, полученным им от начальника флотилии, она состояла из ста кораблей, каждый из которых стоил в своё время 20 млн долларов. Руководство флотилии имело право приобрести 51 процент компании за сумму, равную 2,5 млн долларов. Броудер взял чистый лист бумаги и быстро подсчитал. "Я подумал в тот момент, — вспоминал Броудер, — что в качестве инвестиционного банкира мне в России не разбогатеть. Зато в качестве инвестора я тут заработаю кучу денег". Броудер вернулся и стал подсчитывать стоимость других компаний, особенно в нефтяной промышленности. "Конечно, то же самое было и с нефтью!"»[1].

В результате Броудер создал крупнейший частный инвестиционный фонд в России, печально известный Hermitage Capital.

«В Лондоне Броудера сначала встретили с недоверием и сомнением. "Я бегал по банку "Саломон Браферз", пытаясь найти кого-нибудь, кто выслушал бы мой рассказ о самой невероятной инвестиционной возможности в истории", — говорил он мне. Наконец он получил разрешение инвестировать 25 млн долларов, мизерную сумму для одного из крупнейших инвестиционных домов, но значительную для России в то время. Броудер постарался скупить как можно больше ваучеров, а затем приобрёл акции малоизвестных компаний. У Броудера имелось преимущество. В Москве он был знаком с человеком, занимавшимся торговлей нефтью и имевшим кое-какую информацию о приватизируемых компаниях, особенно нефтяных. "В то время уже сами названия компаний, а также сведения о приблизительных объёмах производства и запасах нефти представляли собой очень ценную информацию", — вспоминал Броудер. У него имелась сводная таблица этих данных, но он её никому не показывал. Он обладал возможностью первым делать выгодные инвестиции, потому что конкуренты пребывали в неведении»[2].

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 230, 231.

[2] Там же. С. 231.

В мае 1994 года в журнале The Economist была опубликована статья под заголовком «Распродажа века», в которой были приведены точные данные, свидетельствовавшие о том, что российская собственность стоила очень дёшево по сравнению с аналогичной собственностью в других странах мира. В статье отмечалось, что акции фабрики «Большевик» продаются и покупаются по цене 53 доллара за акцию, в три раза дороже, чем во время приватизации 1992 года. Но всё же рыночная цена фабрики «Большевик» в пересчёте на тонну выпускаемой продукции равнялась 9 долларам, а польской кондитерской фабрики «Ведел» на местном фондовом рынке — 850 долларам.

По воспоминаниям Броудера, сразу же после появления этой статьи среди его коллег в Лондоне, раньше не обращавших на него никакого внимания, вырос интерес к России. *«Я сидел в торговом зале и вдруг увидел у своего стола всех директоров-распорядителей. "Билл, — сказали они, — ты, оказывается, занимаешься интересными вещами. Можешь купить для нас акции ЛУКОЙЛа"?»*[1].

По словам А. Ослунда, *«в результате одновременного усиления стабилизации и успешной ваучерной приватизации в Россию потекли иностранные инвестиции, достигнув в августе пика, составившего, по оценкам, около 500 млн доллоров. Российский рынок ценных бумаг испытывал мощный подъём с начала года до сентября»*[2].

Российско-американский фонд предпринимательства (The Russian-American Enterprise Fund).

Фонд образован по инициативе Президентов США и России. Президентом фонда был назначен Джеральд Корриган, бывший президент Федерального резервного банка Нью-Йорка. Этот фонд был зарегистрирован в сентябре 1993 года в штате Делавэр (США) как частная некоммерческая организация. Руководил его работой американский совет директоров (Билл Клинтон лично назначил в совете 12 своих представителей). Фонд открыл три отделения — в Нью-Йорке, Москве и Хабаровске. На три года через USAID Правительством США фонду были выделены 340 млн долларов. Свою деятельность он начал с января 1994 года, осуществляя, в частности, портфельные инвестиции и проектное кредитование малых и средних предприятий (с численностью занятых менее 2500 человек).

Впрочем, уже в 1995 году его объединили с Фондом крупных предприятий, создав новый Инвестиционный фонд США и России.

---

[1] Там же. С. 234

[2] *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996. С. 249, 250.

Из заметных операций фонда в описываемый период можно вспомнить только приобретение им вместе с компанией Kohlberg Kravis Roberts & Company 51% Императорского фарфорового завода. Стоит добавить, что в 1999 году завод был Правительством России национализирован.

Morgan Grenfell & Co. Ltd

Этот английский инвестиционный банк с 150-летней историей создал постоянное представительство в Москве ещё в 1977 году, став первым иностранным инвестиционным банком, начавшим свою деятельность в СССР. В начале 1990-х годов банк представлял в России интересы иностранных инвесторов, приобретающих акции приватизируемых предприятий и российские государственные ценные бумаги. Кроме того, Morgan Grenfell одним из первых среди западных банков стал проводить операции с валютными облигациями Минфина, в также входил в пятёрку самых крупных торговцев валютными облигациями и еврооблигациями Внешэкономбанка.

В результате, по отзывам российских брокеров, Morgan Grenfell был довольно заметной фигурой на фондовом рынке России.

«Пионер инвестмент» (Pioneer Investment)

Этот взаимный фонд, созданный в 1928 году в США, имел в 1994 году под управлением более 13 млрд долларов, разделённых между небольшой группой фондов.

В России управляющая компания «Пионер Инвестмент» в форме АОЗТ была зарегистрирована в марте 1994 года. Основными её учредителями, кроме непосредственно PG (примерно 60% капитала), стали Институт экономической политики и Ассоциация частных и приватизированных предприятий. Российское отделение PG объявило, что инвестирует в российские компании 100 млн долларов.

В первой половине 1994 году фонд успел разместить только 1 млн долларов (главным образом в ходе ваучерной приватизации) — в основном, в высокотехнологичные авиационные предприятия.

Говоря о предпочтениях при инвестировании главный «пионер», президент фонда Тимоти Фрост сказал: «Чем дальше от Москвы, тем больше возможностей и меньше конкурентов». Однако предпочитал скупать доли акций (от 5% и более), чтобы обеспечить себе место в совете директоров или даже поставить во главе проекта доверенного менеджера (доверенную управляющую компанию) для обеспечения контроля над средствами. В особо рискованных проектах «Пионер Инвестмент» обеспечивал себе не менее 20% участия[1].

[1] Бегство капитала в Россию // Коммерсантъ Власть. № 37. 1994.

В следующем году дела пошли веселее. В апреле 1995 года Pioneer за 10 млн долларов купил 51% Первого ваучерного фонда. Впрочем, на этом успехи закончились, блицкриг в России сорвался. Пришлось «пионерам» уже в 2000-е года повторно завоёвывать Россию.

Brunswick Investment

Этот шведско-испано-германский инвестиционный банк. Начал операции в России в конце 1993 года, оставил более заметный след. Он имел в России сразу две зарегистрированные дочерние фирмы — «Брансвик БК» и «Брансвик секьюритиз». Первая компания получила лицензию в Департаменте финансов Правительства Москвы, как инвестиционная компания, а вторая — как финансовый брокер. Группа Brunswick для работы на российском рынке ценных бумаг аккумулировала в середине 1994 года более 20 млн долларов.

Обе компании стали членами Ассоциации финансовых брокеров России и не оригинальничали при выборе объектов для вложений — приобретали акции нефтяных и энергетических компаний, а также крупных предприятий инфраструктуры, причём как для себя, так и для своих партнёров.

Старались купить как можно бóльшие пакеты, до 15%. Контроль над предприятиями Brunswick, чисто портфельного инвестора, не интересовал, его волновал рост курсовой стоимости акций. Свои инвестиции банк рассматривал как долгосрочные (до 10–15 лет).

По словам директора «Брансвик БК» Марлена Манасова, структура пакета была практически сформирована уже к середине 1994 года. В него вошли акции нефтяных компаний, РАО «ЕЭС» и Ростелекома[1].

Фрэмлингтон русский инвестиционный фонд (Framlington Investment Fund For Russia)

Этот фонд зарегистрирован 10 декабря 1993 года в Люксембурге, учреждён одноимённой британской финансовой группой. Возглавил правление фонда видный британский политик лорд Хау[2]. А юридическим консультантом выступила американская фирма Baker and McKenzie. В фонд вложили средства, в частности, МФК и Европейский банк реконструкции и развития (14 млн ЭКЮ), а управлял его активами говорящий по-русски (русской у него была мать) француз с армянскими корнями Филипп Дер Мегредичян.

Фонду удалось также аккумулировать и некие дополнительные средства. В результате ему удалось довести их размер в 1994 году до 66 млн долларов. Портфельные инвестиции планировалось делать в расчёте на 10 лет.

---

[1] Там же.

[2] Коммерсантъ. 14.12.1993.

«Фрэмлингтон» не стремится к овладению контрольным пакетом. Как правило, покупал акции малых и средних предприятий (до 20%), в приватизации российских предприятий через чековые аукционы не занимался, т. к. руководство фонда не удовлетворяло практически отсутствие информации о выставляемых на аукционы предприятий.

Фонд инвестировал на вторичном рынке, при этом уделял внимание качеству управления на предприятии, т. е. надёжности и профессиональным качествам администрации. Для получения нужной информации фонд даже часто знакомился с управленческой командой и анализировал ранее принятые ими решения. Кроме того, принимал в расчёт потенциал роста акций предприятия и степень их недооценённости. Как правило, покупаются акции на суммы от 500 тыс. до 7 млн долларов, вне зависимости от доли фонда в уставном капитале. Приоритет для вложений отдаётся всё тем же отраслям — нефтяной промышленности, оптовой и розничной торговле, новым технологиям, телекоммуникациям, производству продовольствия, средствам массовой информации. Однако на конец 1995 года основные средства были вложены в торговую, нефтяную и пивоваренную компании, а первыми проектами фонда стали успешные вложения в компании Билайн, Радио «Европа-Плюс».

Этот фонд в 1995 году был среди лидеров специализированных фондов — его менеджеры практически полностью инвестировали средства акционеров в акции российских предприятий.

«Флеминг» Российская инвестиционная корпорация (Fleming Russia Investment Corporation)

Эта корпорация (сокращенно именуется ФРИК) была создана в 1991 году и зарегистрирована как офшорная компания, и на 100% принадлежала коммерческому банку Robert Fleming & Co. Группа Fleming была образована аж в 1873 году и входила в начале 1990-х годов в двадцатку лучших управляющих активами в Европе.

Объём средств для инвестирования ФРИК составлял около 10 млн долларов и по свидетельству её вице-президента Марка Джарвиса, она начала вкладывать деньги в проекты в России в первой половине 1992 года.

ФРИК, в отличие от большинства других фондов, планировала стать чем-то вроде промышленной холдинговой компании и поэтому стремилась приобретать контрольные пакеты акций либо создать под своим контролем СП или АО с участием предприятия, куда и вкладывала средства (в среднем по 1,5–2 млн долларов). Предпочтения отдавала авиационной и лесной промышленности.

Объектами вложений ФРИК в лесную промышленность стали предприятия лесного комплекса Удмуртии (Можга), Ульяновска, Апшеронска.

В Можге и Ульяновске предприятия были оснащены оборудованием из Великобритании для производства цельнодеревянных панелей и филёнок, используемых в изготовлении мебели, дверей и пр. Продукция предприятий при участии российского «Флеминга» стала сразу направляться на экспорт (первые поставки начались уже в конце 1992 — начале 1993 года). В Пермской области (Оханск) и Апшеронске также планировалось создать производство пиломатериалов и заготовок из дерева.

Впрочем, концерн в истории Российского фондового рынка оказался настоящим «фриком», собрав вокруг себя множество конфликтов.

Один из них произошёл у корпорации с «Авиастаром» и АНТК им. Туполева. По мнению заместителя генерального директора Ульяновской авиационно-промышленной компании «Авиастар» Николая Качалова, ФРИК как акционер слишком активно вмешивается в текущую хозяйственную деятельность предприятий, пытался в командном порядке «управлять» приглашенными западными менеджерами. В результате «Авиастар» практически отказался от дальнейшего сотрудничества с ФРИК и на выставке «Фарнборо-94» участвовал вместе с АНТК им. Туполева от своего имени.

Недовольство выражало и Ульяновское мебельное предприятие — вместо производства мебели на внутренний и внешний рынки ему пришлось экспортировать в Великобританию лишь непокрытые компоненты мебели (лицевые дверки, боковые части и пр.

Не выполнил ФРИК своих обязательств финансового участника и во всех четырёх совместных проектах, поставив проекты и предприятия на грань ликвидации.

Вице-президент российского «Флеминга» Марк Джарвис парировал: «У некоторых российских предприятий существует мнение, что если иностранцы пришли, то они дадут столько денег, сколько потребуешь». Он заявил также, что, например, в проект по созданию нового дизайна интерьеров российских самолётов «Авиастар» заложил невообразимо высокие прибыли для себя, так что цена продукции стала выше мировой, а производство мебели с использованием поставленного «Флемингом» импортного оборудования, расположенного на территории «Авиастара», стало убыточным (хотя оставалось работающим) из-за периодических отключений электричества и отопления по причине долгов самого «Авиастара».

Наконец, в проекте по оснащению самолётов ТУ-204 двигателями Rolls-Royce «Флеминг» выполнил свои обязательства, успешно проведя ряд авиашоу с показом нового российского самолёта Ту-204, и тем самым свои обязательства выполнил.

Своя правда была и у заместителя генерального конструктора по проекту «Ту-204 — Rolls-Royce» Олега Алашеева: *«Документы по проекту оснаще-*

ния самолёта ТУ-204 были составлены недостаточно чётко (не было опыта), без обозначения строгих финансовых обязательств российского "Флеминга". В этом было существенное упущение российской стороны, понадеявшейся на устные договорённости и авторитет банка Robert Fleming & Co. Реклама Ту-204 действительно была проведена "Флемингом", однако затраты на участие в выставках были нерационально велики».

Трудно было отделаться от впечатления, что значительную часть привлечённых средств российский «Флеминг» тратил на себя и недостаточно вкладывал в авиационные проекты».

В результате было заявлено, что фирма Туполева, рассматривая сотрудничество с «Авиастаром» как стратегически важное, с учётом накопленного опыта начала искать надёжных и реальных инвесторов[1].

Такие противоречия между двумя сторонами инвестиционного процесса были не редкими.

Ещё два фонда были связаны и компанией «Грант».

Spector Capital, где трудился будущий президент МТС Василий Сидоров. В отличие от других западников, менеджеры Spector Capital не стали ограничиваться размещением заказов через CSFB, а открыли собственный офис в Москве и наладили прямые контакты с российскими брокерами, рассчитывая, таким образом, существенно сократить накладные расходы.

Царьков О. И.: «*Брокеры, и "Грант" в их числе, ответили столь проницательному клиенту взаимностью. Отлаженный конвейер по приёму заявок на чековые аукционы был переориентирован на скупку у населения заинтересовавших Spector Capital акций Ростелекома, Мосэнерго, ЛУКОЙЛа и РАО "ЕЭС". Пригодились и формально выведенные из обращения ваучеры. Поскольку операции с ними не облагались налогом, брокерские фирмы расплачивались с гражданами не наличными, а чеками, которые тут же выкупали обратно».*

Когда Spector Capital понадобились акции «Коминефти», «Грант» не занимавшийся региональной скупкой, попытался убедить клиента, что лучше работать через него.

Царьков О. И.: «*Но уговоры, что, дескать, все увидят в Spector Capital неопытного богатого инвестора, поэтому дадут и цену гораздо выше той, которую установят для нас, не подействовали. Для "спектровцев" мы оказались таким же ненужным посредником, как чуть ранее CSFB.*

Но бумаг в свободном обращении было мало, скупка шла в Коми. Менеджмент нефтяной компании всячески препятствовал брокерам. А те, покупая акции, не спешили с ними расставаться. Ажиотаж усиливался благода-

[1] Бегство капитала в Россию // Коммерсантъ Власть. 1994. № 37.

ря появлению всё новых и новых покупателей, чьё внимание к "Коминефти" привлекла активность коллег. Через несколько дней брокеры были убеждены, что на "Коми" существует несколько покупателей. Цена, начав с 4 долларов, удваивалась каждую неделю.

Одним из самых активных региональных скупщиков был "Атон". Его эмиссары, даже не зная о заказе Spector Capital, пылесосили нефтеносные регионы, скупая акции мешками. Естественно, в какой-то момент Spector вышел на "атоновцев" с предложением купить имеющийся у них пакет "Коминефти". Однако они не сошлись в цене».

Тогда благодаря активности одно из трейдеров, «Грант» купил у «Атона» 200 тыс. акций «Коминефти» по 19 долларов и должен был заплатить после поставки акций 3,8 млн долларов, и только после этого, поставить бумаги на счёт Spector Capital и получить 4 млн.

Царьков О. И.: *«В то время депозитариев не существовало и все сделки регистрировались в реестре, который в нашем случае находился в Республике Коми. Поэтому, даже если бы мы провели регистрацию последовательно с "Атона" на "Грант", с "Гранта" на Spector за два дня, у нас всё равно возникал кассовый разрыв размером в 3,8 млн. А у "Гранта" таких денег не было.*

Но трейдеру это не важно. Его не интересует, как рассчитываются сделки, где и как происходит перерегистрация прав собственности на акции, сколько на это уйдёт времени, хватит ли оборотного капитала. Он же договорился о цене с покупателем бумаг. Всё, деньги заработаны. Он — герой. У меня появилось непреодолимое желание его придушить».

Но тогда компании удалось удачно выкрутиться из непростой ситуации. Они, чтобы деньги зря туда — обратно не гонять и в Коми не летать, договорились, что «Атон» и Spector рассчитаются напрямую, а разницу пришлют посреднику.

US-Russia Investment Fund, (TUSRIF, позднее преобразованный в Delta Private Equity Partners) — фонд, созданный для инвестиций в российские частные компании и финансированный Конгрессом США.

Царьков О. И.: *«Мы познакомились с президентом фонда Бобом Тоубиным в конце 1994 года. Боб, легендарная в Штатах личность, начал свою карьеру на Wall Street задолго до нашего с Ореховым рождения. О сделке договорились очень быстро. Боб встретился с коллективом "Гранта" и остался удовлетворён заряженностью и оптимизмом людей. Знаний он и не ожидал увидеть, для него было важно понять, способны ли эти люди учиться вместе с рынком. И про оценку "Гранта" никто не спорил, мы просто не знали, что это такое, а Боб догадывался, что оценку сделать невозможно. Итого "Грант" получил 2 млн долларов за 20 % акций, то есть оценка была 10 млн.*

Чтобы избежать юридической проверки (due diligence), мы зарегистрировали новую компанию, акционером которой и стал TUSRIF. Впервые я по-

знакомился с плодами трудов юристов по английскому праву — это был стостраничный договор! Толмачом основных положений выступил Ян Яновоч Мелкумов, бывший тогда консультантом фонда. Такая схема позволила нам закрыть сделку уже в январе 1995 года».

Перечисляя иностранных инвесторов, нельзя забыть и Григория Моисеевича Фингера — исполнительного директора Московского представительства компании NCH Advisors, Inc, одной из ключевых фигур в инвестиционном фонде Digital Sky Technologies (сейчас Mail. Ru Group), специализирующимся на инвестициях в экономику стран Восточной Европы. Его можно считать и отечественным, и иностранным инвестором.

Кашин А. Л.: *«Одно время они были основными заказчиками на фондовом рынке. Им все поставляли огромные пакеты акций. Через них шёл огромный объём бумаг. Йордан был тогда меньше Фингера».*

Что касается специальных фондов для России, то их объявленный совокупный капитал к концу 1995 года составил 2,3 млрд долларов. Из этой суммы 1,3 млрд приходилось на фонды, созданные с участием международных финансовых организаций, в первую очередь Европейского банка, а также фонды, инвестиции которых гарантировались Правительством США или американскими правительственными организациями. Около 1 млрд составлял объявленный капитал частных фондов, не имеющих каких-либо гарантий. К концу 1995 года такими фондами в Россию было инвестировано не более 10–15% от общего объёма объявленного капитала.

Частные фонды были более оперативными и к концу 1995 года инвестировали 40% своего капитала. Важная роль в этой деятельности отводилась управляющим таких фондов, комиссионные которых зависели от общей стоимости приобретённых активов. Наличие же значительного объёма невложенных средств демонстрировало инвесторам, что Россия, жаловавшаяся на недостаток в инвестиционных ресурсах, в действительности просто не готова к их получению. Большинство фондов заявляли, что не могут найти проекты, удовлетворяющие требованиям западного портфельного инвестора. Они не готовы были участвовать в венчурных операциях с предприятиями, не имеющими высокий по западным оценкам уровень менеджмента, обладающими жёстким финансовым контролем, ведущими бухгалтерию по международным правилам. А уж про защиту прав миноритарных акционеров в России говорить было нечего[1].

[1] *Арсеньев В., Миловидов В., Тросников И.* Фондовый рынок — обзор // Коммерсантъ. 26.12.1995.

Итого

Необходимости заниматься чем-то конкретным у российских брокеров, в общем то, не было.

Гальперин А. Ю.: *«Мы покупали то, на что был спрос, выполняя заказы иностранных фондов. А в связи с тем, что спрос был на всё, ассортимент у нас был широкий. Поток акций шёл в одну сторону. Эти фонды действительно всё скупили в России».*

Результаты инвесторов превзошли ожидания. Только один частный пример. В декабре 1994 года была создана консалтинговая компания «КИМКО» («КамАЗ интернешнл менеджмент»), 51% акций которой принадлежали американскому частному фонду Kohlberry, Kravis, Roberts & Co, 25% — заводу КамАЗ, 9% — фирме Commins и ещё по 7,5% — правительствам Татарии и России. К 1996 году, приурочив это к президентским выборам, в этом проекте появляется Государственная инвестиционная корпорация во главе с бывшим главой ельцинской администрации Юрием Петровым и австрийская фирма IMAG, учреждённая ещё в СССР и тесно работавшая с ГКИ. Все вместе они создали компанию «КамАЗ интернешнл — 2»[1].

Британский бюллетень агентства Independent Strategy в конце 1994 года писал: «Большая часть основных производственных фондов России продана в процессе приватизации за какие-то 5 млрд долларов. Даже если считать, что в России стоимость её основных фондов равна ВВП (в ведущих странах Запада они превышают ВВП в 2,4–2,8 раза), т. е. 300–400 млрд долларов, сумма, вырученная при приватизации, ничтожна. Поэтому агентство рекомендует английским инвесторам не упустить шанс и принять участие в покупке российских предприятий». Например, если стоимость акций Газпрома поделить на объём его разведанных запасов, то получается, что удельная стоимость равна 0,3 цента за баррель нефтяного эквивалента. Аналогичный показатель British Gas — около 10,3 долларов за баррель[2].

Конфликты. Конечно, эта азартная борьба за ресурсы вызывала жёсткие конфликты, особенно учитывая, что на российском рынке, например, действовала такая акула, как американский инвестор Кеннет Дарт.

Сотрудник фонда «Альфа-групп» Михаил Александров, имевший опыт работы в фирмах KPMG и CS First Boston, рассказывал Павлу Хлебникову,

---

[1] *Кучеренко В.* Кто сегодня правит Россией? // Стрингер. 08.06.2002.

[2] Цит. по: *Гафуров С.З.* Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и постсоциалистических странах. На примере России и Египта (1991–1996). 1996.

как «Альфе» удалось в борьбе за псковскую фабрику по производству печенья обставить американский конгломерат RJR Nabisco. Фабрика продавала 56 млн упаковок в год. В апреле 1993 года фонд «Альфа-Капитал» приобрёл 14% этой фабрики на ваучерном аукционе. Но и RJR Nabisco заинтересовалась этой компанией и осенью также приобрела 10% акций. Контрольный пакет — 51% — оставался в руках правления и рабочих фабрики. И тут фонд «Альфа-Капитал» оказался проворнее — он выкупил акции у руководства и рабочих и, завладев в результате 65% компании, затратил на это меньше чем 4 млн долларов.

По словам Александрова, западным инвесторам по таким бросовым ценам никто ничего бы не продал. *«Когда в Москве появляется американский инвестор, все пытаются его надуть»*, — со смешком рассказывал он. Чтобы купить российские акции, иностранному инвестору нужен был местный брокер. Но как только российский брокер узнавал, что иностранца интересуют акции конкретной компании, он нередко покупал эти акции сам и тут же перепродавал иностранцу втридорога. В России такой конфликт интересов не считался незаконным, к тому же облапошить иностранца было чрезвычайно легко. *«С нами же никто бы не подумал так мошенничать. Мы бы их поймали и набили морду. Или всегда можно нанять какого-то “Ивана”, он бы из них живо вытряс все деньги»*, — говорил Александров[1].

Иностранным юридическим лицам, например, CS First Boston, Brunwick-Warburg и неким автономным структурам — Leucadia Group, удалось купить какую-то долю акций в хороших компаниях. Но это не означало, что они обладали теми же правами, что акционеры в США или Западной Европе. В своём большинстве директора российских предприятий считали, что сторонние акционеры в компанию ничего не вкладывают и просто лезут в чужие дела. И программу приватизации Чубайса они рассматривали как враждебный захват власти. Некоторые компании даже не хотели показывать свой устав, не говоря о списке акционеров. Клаудиа Моргенштерн, старший специалист по инвестициям в Международной финансовой корпорации Всемирного банка, консультировалавшая Правительство России по вопросам приватизации, как-то сказала: *«Как и во всём остальном, в России, важно не то, что говорит закон, а кто и как его исполняет»*[2].

Романов П. В.: *«Один иностранный инвестор, часто бывавший в Москве, знающий наши реалии того времени, как-то сильно обиделся, узнав, что ему собранный по его заказу пакет акций продали за 5 млн долларов, в то время, как сама скупка обошлась в 1 млн (информация попала в СМИ). Посчитал это*

[1] *Хлебников П.* Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. С. 131, 132.

[2] Там же. С. 133.

манипуляцией ценами. Мог бы сам попробовать. На российском рынке не было твёрдых цен, а значит, не могло быть и манипуляций. Если ты платишь 10 долларов за акцию, а я могу купить за 2, то это мой арбитражный доход. Весь рынок на этом принципе тогда работал».

Деятельность американских институциональных инвесторов в США регулировалась Законом «Об инвестиционных компаниях» 1940 года. До 1984 года эти организации (инвестиционные фонды, пенсионные фонды, страховые компании) для хранения своих зарубежных активов имели право пользоваться только услугами американских банков в соответствующей стране.

Как результат — только 34 фонда в 1984 году инвестировали свои средства в иностранные ценные бумаги. В 1984 году в этот закон было внесено очень важное изменение — появилась статья 17F-5, которая определяла, какие условия должны соблюдаться при выходе американского инвестиционного фонда на зарубежный фондовый рынок. Впервые в этой статье были сформулированы критерии выбора иностранного субкастодиана, который хранил бы зарубежные активы американских инвестиционных фондов. В соответствии с этой статьей кастодиальное обслуживание американских фондов на иностранных рынках ценных бумаг могли осуществлять: американский банк, учреждённый по законам США и имеющий совокупный капитал не менее 500 млн долларов, или eligible foreign custodian — «подходящий иностранный кастодиан». Таким «подходящим» кастодианом мог быть: банк или трастовая компания, действующая по законам соответствующей страны с акционерным капиталом не менее 200 млн долларов; филиал американского банка с акционерным капиталом не менее 100 млн долларов, зарегистрированный в соответствующей стране; центральный в данной стране депозитарий или клиринговая компания; депозитарий или клиринговая компания, работающая в транснациональной системе хранения ценных бумаг.

В таком виде требования к иностранным кастодианам, хранящим активы американских фондов, просуществовали до июня 1997 года, когда в Закон «Об инвестиционных компаниях» были внесены новые поправки.

Кастоди (custody — попечительство, в применении к фондовому рынку, попечительство над активами) подразумевает ответственное хранение ценных бумаг. Этой службе уже более 200 лет, в России же для неё тогда ещё не пришло время. Кастодиан, являясь номинальным держателем акций, всегда находится между эмитентом и инвестором. В этом главное отличие кастодиальной деятельности от функций депозитариев (всегда отражающих интересы акционеров) и регистраторов (стоящих на позициях эмитентов). Кастоди предоставляли широкий набор услуг также и по управлению активами.

Аксёнова Г. В.: *«В годы своего становления Российский фондовый рынок всецело зависел от иностранных инвесторов. Именно в работе с иностранными инвесторами стало ясно, насколько развитие инфраструктуры и, в частности, депозитарной системы, может не просто влиять на привлекательность фондового рынка для иностранных инвесторов, но и определять их физическую возможность выйти на наш рынок».*

Такие условия стали серьёзным препятствием для прихода в Россию американских фондов.

На российском фондовом рынке ряд крупных западных банков к 1995 году начали предоставлять кастодиальные услуги своим клиентам, заключая договоры с российскими реестродержателями, в том числе с банками. Особенную активность проявлял одни из крупнейших мировых кастоди Chase Manhattan Bank International. Банк подписал договоры с Центральным московским депозитарием, «Ирколом», ФЦ «Грант», ФК «Деловые услуги», Нефтехимбанком. Однако капиталы ни CMBI, ни других дочерних иностранных банков, предоставлявших услуги кастоди — Citibank, ABN AMRO, ING Bank существенно не достигали необходимых 100 млн долларов, составляя в основном не более 10 млн долларов.

Летом 1995 года Chase Manhattan Bank International получил от Американской комиссии по ценным бумагам исключение (No Action Letter) из правила 17F-5 «Закона об инвестиционных компаниях». Оно ещё шире открывало дорогу на российский рынок американским инвесторам.

Чтобы понять роль иностранных инвесторов на российском рынке достаточно ознакомиться с результатами российских торгов в День независимости Соединённых Штатов Америки (4 июля 1995 года). В этот день американские компании не проявляли активности на рынке. И если наиболее ликвидный сектор рынка, в котором велись торги «голубыми фишками», практически не почувствовал потерю бойцов, лишь у нескольких ценных бумаг курс всё-таки снизился. В частности, более чем на 12 % упали котировки акций АО «Сургутнефтегаз», а бумаги Ростелекома просели почти на 3 %.

А вот в секторе менее ликвидных акций, конъюнктура которого зачастую зависит от поведения одного-двух инвесторов, дела обстояли не так хорошо. Например, упал, причём сразу на 30 %, курс акций Балтийского морского пароходства, повышающийся на протяжении нескольких месяцев. Связали это прежде всего с прекращением скупки ценных бумаг, которую вела одна из английских брокерских контор[1].

[1] Фондовый рынок // Коммерсантъ. 11.07.1995.

Не случайно основные заказы трейдерам шли с самого утра, но не по московскому времени, а по нью-йоркскому.

Ещё страшнее были банковские каникулы в США — мёртвый сезон на российской бирже. Как только снижалась активность иностранных партнёров, изменялся и распорядок дня трейдеров. К обеду рынок выдыхался и замирал на одном месте, не рискуя шагнуть в ту или иную сторону. Вверх идти не получалось из-за отсутствия серьёзных денег, а вниз не давали сами брокеры. Потому что, как только цены падали, брокеры начинали скупку подешевевших акций за свой счёт для последующей перепродажи клиентам по цене, которая к тому времени уже успевала восстановиться. Как правило, такие операции приносили неплохую прибыль. А в случае недостачи оборотных средств многие брокеры, имеющие хорошую репутацию, брали краткосрочный кредит в банке[1].

Весной 1993 года ваучерный рынок испытывал наплыв заказов от западных инвесторов.

Схема выполнения этих заказов получила название «пылесос» (о ней подробно в главе про ваучерные аукционы).

Моряков И. Д.: *«Иностранцы скупали всё, не глядя. Всё было так дёшево, что даже в случае неудачной покупки они много не теряли, покрывая убыток другими операциями. Поэтому особого анализа даже не требовалось».*

Активный приток иностранных инвестиций в российские ценные бумаги начался в 1994 году. Этот процесс знал и приливы, и отливы, вызванные как рыночными (ажиотаж завершения ваучерной приватизации, дешевизна российских бумаг, правовая уязвимость статуса иностранных участников российской приватизации, отсутствие необходимой инфраструктуры, неумение российских управляющих работать с акционерами), так и внерыночными (приход главы ГКИ Полеванова, чеченская война, состояние здоровья Ельцина, падение его рейтинга перед выборами) причинами. Тем не менее, по оценке Американской торговой палаты в Москве, в 1994 году западные портфельные инвестиции в России, составив 2 млрд долларов, более чем вдвое превышали прямые инвестиции[2].

Впрочем, наши ударники капиталистического труда работали далеко не только на своего патрона.

Эксперты Счётной палаты отмечали, что в нашей стране практически отсутствовала какая-либо возможность проконтролировать скупку иностран-

[1] Солнце на фондовом рынке стало всходить на 7 часов раньше // Эксперт. 17.10.1995

[2] Инвестиции // Коммерсантъ. 08.08.1995.

ным капиталом на вторичном рынке акций стратегически и экономически важнейших предприятий.

А вот мнение осведомлённого руководителя российского Антимонопольного комитета тех лет.

Бочин Л. А.: *«Общеизвестно, что управлять приватизацией в стране было поручено Комитету Госимущества Российской Федерации, в состав которого входили 35 американских советников, включая действующих сотрудников Центрального разведывательного управления США. Особых планов или схем продажи не было, цель была одна — как можно скорее распродать предприятия и не дать коммунистам, как считалось, повернуть распродажу России вспять. Так, вопреки запретам областных и не только прокуратур были проданы морские порты, которые являлись стратегическими объектами. В некоторых закрытых аукционах руководители Госкомимущества лично участвовали и в случае невозможности продажи "сладкого" предприятия его дробили на дочерние компании и продавали за бесценок. Были случаи, когда американские инвесторы владели оборонными заводами в России, обходя запреты на их приватизацию, входили в состав совета директоров. Эту схему придумали руководители Госкомимущества, в частности Альфред Кох. Организовывалось предприятие, чаще всего на бумаге, выбирался завод по инициативе акционеров этого предприятия, покупалась американская компания, которая становилась дочерней с соответствующей долей в оборонном заводе и доступом ко всем секретам нашей оборонной промышленности. Так был продан и приватизирован Московский электродный завод, выпускающий графит для Военно-космических сил России, который получил новых хозяев, овладевших 30% долей акций и заблокировавших оборонный госзаказ. Ещё пример — 1991 год: генеральный директор АО "Прибор" А. Сапронов информирует власть о том, что в ходе приватизации этого оборонного предприятия ВПК 16% акций скуплено через посредников американской фирмой Nick&C Corporation».*

Упоминаемая американская компания была зарегистрирована в Сан-Франциско. В 1995 году она обладала контрольными либо близкими к контрольным пакетами таких предприятий, как Московский научно-промышленный комплекс «Авионика» (34,16%), Тушинский машиностроительный завод (16,37%), Научно-исследовательский институт систем управления «Экор» (39,78%), АО «Прибор» (24,96%).

Как утверждал респондент из Госкомоборонпрома РФ, эта фирма завербовала на российских предприятиях агентов, которые уговорили работников за определённую сумму передать Nick & C Corporation свои акции, причём список предприятий был подобран таким образом, что владение их акциями позволяло американской компании кардинально влиять на процесс разработки и производства авиационной техники в России.

Вице-президент компании Николай Волков в ответ на это заявил, что компания занимается на вполне законных основаниях стратегическим инвестированием в выше перечисленные предприятия и она не собиралась якобы их перепродавать. Скупка же акций производилась компанией с 1994 года как на чековых аукционах, так и непосредственно у трудовых коллективов[1].

У этой компании, по данным Счётной палаты, также оказались акции и других оборонных предприятий: АО «Курский прибор» (16%), АО «Рубин» (6,89%) — всего 19 авиационных предприятий.

И таких примеров было множество.

Кох А. Р.: *«В понятии "иностранный инвестор" нет ничего зазорного, предосудительного, опасного. Напротив, весь мир пребывает в состоянии непрерывной погони за иностранными инвестициями. <...> Если рассуждать строго, национальность капиталов — понятие весьма и весьма условное, ведь границы между иностранным и внутренним инвестором всегда размыты. <...>*

Скажем, какой-то американский инвестиционный банк вкладывает в Россию деньги своих клиентов. По сути, банк этот является всего лишь посредником, ведь он работает со средствами инвестиционных фондов. Но и те, в свою очередь, аккумулируют чужие деньги — деньги граждан. То есть в этот инвестиционный фонд, а потом и в этот банк деньги приходят с мирового финансового рынка.

Но ведь на этом рынке находятся и российские деньги: масштабы экспорта капитала из России значительны. По различным оценкам, от 20 до 100 млрд долларов. Поэтому не исключено, что под видом иностранных инвестиций Россия часто сталкивается с таким явлением, как реэкспорт (возвращение) собственного капитала.

Вот и ещё одна страшилка про иностранных инвесторов, имеющая широкое хождение в России. Придут они, дескать, — англичане, американцы, немцы — скупят наши заводы и закроют их! Конкуренцию устранять будут. <...>

Из соображений конкуренции американскому инвестору закрывать российское предприятие ни к чему: не конкуренты мы. Хотя в те наукоёмкие отрасли, в которых мы ушли дальше американцев, они, наоборот, с готовностью вкладывают. Допустим, в завод имени Хруничева, производящий космическое оборудование. Они хотели бы, чтобы этот завод остался, потому что они не умеют делать таких разгонных блоков, как мы. Они не умеют делать таких "Протонов", таких больших сфер для космических модулей. Поэтому и Локхид, и НАСА ежегодно вкладывают по 200–300 миллионов долларов в Хруничева.

Впрочем, можно рассмотреть некий гипотетический пример. Допустим, иностранный инвестор покупает фирму-конкурента в России. Скажем, не-

[1] Российская «оборонка» не хочет быть проданной // Коммерсантъ.13.10.1995.

мецкая фирма по производству определённого класса станков приобретает у нас родственное предприятие. <...> Оно производит продукцию качественнее и дешевле. А если немцы сами становятся хозяевами российского завода, зачем же им этот завод закрывать? Хозяин посмотрит, что делается на русском заводе лучше, что на немецком, и займётся интеграцией, взаимовыгодным объединением двух бизнесов. <...>

Какой может быть вывод из нашей гипотетической истории? А вывод может быть один: опасаться иностранных инвесторов глупо»[1].

Проблемы такого сотрудничества озвучил бывший тогда президентом финансовой консультационной компании «ФинПА» Пётр Авен: *«То, что сейчас происходит на фондовом рынке, выглядит несколько дико. Я немного знаю эту проблему изнутри, поскольку один крупный эмитент весьма популярных бумаг — клиент нашего банка. Так вот, дела у него внешне пока идут неплохо, только вот вопрос, как они пойдут дальше? Сможет ли он платить дивиденды? И если нет, то не провалятся ли его акции?*

Как это ни странно, но вопросы такого рода мало кого из инвесторов интересуют. Никто не задумывается, в каком состоянии находятся скважины какой-нибудь "Севзапюжнефти"; мало кто тревожится, какая социальная инфраструктура висит на балансе города-комбината. Поэтому согласен: нынешний бум продлится, видимо, недолго и ему на смену действительно может прийти крах»[2].

Впрочем, объяснялось подобное поведение инвесторов состоянием самого рынка: отсутствием необходимых законов и инфраструктуры. Предстояло законодательно обязать эмитентов предоставлять финансовую отчётность; создать клиринговую систему и центральный депозитарий для обеспечения ответственного хранения и движения ценных бумаг; и, наконец, сделать фондовый рынок информационно прозрачным, решить вопрос с использованием инсайда. Сделано это будет лишь в 2000-е годы.

В заключение две истории, показывающие, какая пропасть была в то время между нашими мирами.

Чикунов А. В.: *«В декабре 1992 года я попал в первую группу по линии USAID молодых фондовиков из 6 человек, проходивших стажировку в США. С нами был Виктор Сахаров, кто-то с Урала...*

Конфуз произошёл уже при отлёте, выяснилось, что руководитель Кабардино-Балкарского фонда имущества нелегально попытался провезти большое количество американских долларов, предназначенных, как выяснилось, для представителей диаспоры в США. Тогда я увидел впервые валюту.

---

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 255–258.

[2] Бегство капитала в Россию // Коммерсантъ Власть. 1994. № 37.

Возглавлял группу руководитель подразделения по инвестиционным фондам Николай Иванович Макаров.

Каждому из нас выдали по 600 долларов, мы побывали в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго и Канзас-Сити. Я был самый въедливый, т.к. считал, что следует воспользоваться случаем и выяснить, как всё же нужно строить фондовый рынок.

Встречались мы с очень серьёзными людьми. В Вашингтоне разговаривали с одноглазым дядькой Ричардом (фамилию не помню), успевшим поработать советником по экономике у двух президентов — Буша-старшего и Клинтона.

Он подробно меня опрашивал о начавшейся в стране ваучерной приватизации, о стоимости ваучера... Быстро сосчитав, во сколько оценено всё российское имущество, он переспросил, правильно ли он понял, что общая стоимость всех заводов, пароходов... около 100 млн долларов?

Мизерность этой суммы меня не поразила, выданные накануне 600 долларов мне казались найденным фантастическим кладом.

Мой собеседник, позвонив своему товарищу — главе азиатского отделения Мирового банка, спросил у него, не хочет ли он принять участие в интересной сделке — вложить 100 млн в экономику России.

После этого я оцепенел, решив, что раскрыл какую-то страшную государственную тайну и это приведёт к продаже с молотка моей страны.

Но выяснилось, что грех я на душу не взял. Банкир ответил просто: "Ричард, ты подумай: 100 млн, конечно, не проблема! Ну, купим мы, но потом этим всем надо управлять! Это же потенциальные банкроты"».

Романов П. В.: *«Периодически Бернар Лозе привозил в Москву своего американского партнёра — брокера Луиса Бэкона. Однажды тот приехал в Москву с сыном-школьником.*

Излюбленным местом посещения у французского инвестора был ночной клуб Night Flight на Тверской улице, туда и направилась компания в один из вечеров.

В разгаре веселья Луис решил преподать сыну урок этнографии, распорядившись: "Это русский национальный напиток водка, ты её должен выпить! Когда ещё приедешь в Москву?!" Наши убеждения, что не стоит это делать в 14 лет, результатов не принесли. После того как сын выполнил указание отца, последовало следующее: "А теперь бросай рюмку в стену!" На наш вопрос, зачем это делать, он ответил: "Нам говорили, что у вас в Москве так принято!" Аргумент, что все остальные люди сидят в клубе и так не делают, на него не подействовал. Послушный мальчишка выполнил указание отца, и к нам подошёл администратор и попросил вести себя прилично...»

КРИМИНАЛ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ

Нет, видимо, более интересной темы в истории фондового рынка, чем вопрос, насколько опасной была работа её профессиональных участников.

Общее мнение склоняется к тому, что российский рынок ценных бумаг был практически не криминализирован. Бандиты просто не понимали, что делать с акциями и другими ценными бумагами, так что брокерам жилось довольно спокойно. Однако, случалось, что брокеры скупающие акции в регионах или агенты, занимающиеся переоформлением акций в реестрах, не возвращались из командировок. И тем не менее откуда тогда такие воспоминания.

Кузяев А. Р.: *«С 90-х у меня выработалось несколько правил: во-первых, я не нарушаю законы, во-вторых, не работаю с кэшем, в-третьих, не попадаю в зону, где закон не уважают, я не завожу т.н. "крышу" и поэтому не плачу никому за подобные услуги.*

Выработали эти годы и некоторые привычки: не садиться спиной к двери, всегда в ресторанах выбирать место в углу помещения. А ещё я очень не люблю подъезды, и моя команда тщательно проверяет их, перед тем как в них заходить.

Когда в Перми произошли первые убийства, я создал мощную службу безопасности из 300 профессионалов. Они охраняли наши магазины, склады, офисы, производственные помещения...

В 1993 году я сел в бронированную машину, и первая небронированная у меня появилась только в 2016 году.

Но главное, эти годы научили меня уважать чужие интересы, если можно найти компромисс, мы его ищем.

Все эти навыки мне понадобились впоследствии, когда я занялся международным бизнесом ЛУКОЙЛа. В Ираке у нас было 30 тыс. подрядчиков и 2 тыс. наших сотрудников, пока мы работали там, ни один из них не погиб.

В 90-е мы прошли тяжёлую школу, но это была школа становления новой страны и новой экономики».

Один из первых прочувствовал особенности раннего предпринимательства Евгений Юрьев.

Юрьев Е. Л.: *«Когда у нас появился первый жирок и мы, приобретя модные пиджаки с широкими плечами, почувствовали себя солидными людьми, было решено дать интервью на телевидении. Я рассказал что-то жизнеутверждающее и забыл про это. И вот однажды я встречаю у себя в офисе (на Алтуфьевском проезде, в бывшей качалке) своего одноклассника Лёшу. Его первые слова меня озадачили: "Я от Пиччуги!" Значения этим словам я не придал и разговор не продолжил. Через некоторое время в нашем дворе, придя на работу, я увидел большое число машин разных марок, вокруг которых стояло много молодых лю-*

дей характерного для того времени вида: одетых в тренировочные костюмы Adidas, украшенных толстыми золотыми цепями. Дальше больше: моё место оказалось занято незнакомым человеком в белоснежной рубашке и солидном пиджаке салатного цвета. Улыбнувшись и продемонстрировав золотые фиксы, он предложил мне сесть напротив.

Его "адъютант", стоявший поблизости, начал разговор: "Я видел тебя по телевизору! И чуть штангу не уронил. Кинозвёздочка ты наша!"

Тут я понял, что попался.

Бибиревский дон Корлеоне продолжил: "Ты чего нашего человека прогнал?"

Я стараясь быть деликатным, ответил: "Судите сами, он пришёл и сказал, что он от какого-то Пичуги. Откуда я знаю, кто это".

"Я и есть Пичуга!" — сказал гость, после чего мне стало совсем плохо.

После достаточно невразумительного разговора кавалькада покинула наш двор.

Конфликт разрешился счастливо. У нашего бухгалтера Лены Дергоусовой папа был очень уважаемый ветеран КГБ. Он был уже на пенсии, и мы его взяли к себе руководителем несуществующей службы безопасности. Я рассказал ему о моей беде, он что-то, видимо, предпринял, после чего с Пичугой и его людьми мы больше не встречались.

Однако с тех пор одной из важнейших наших задач было обеспечение охраны бизнеса, ведь нам целый день приходилось работать с налом. Мы сотрудничали с самыми крупными охранными фирмами. Больше с крупным криминалом сталкиваться мне не приходилось»[1].

Следует иметь в виду, что фондовый рынок в то время был как бы двухступенчатым. На первом, где происходили «уличные» покупки и ходили наличные деньги, случались наезды, использовались «крыши». Особенно это было характерно для регионов. На верхнем, офшорном, непосредственных денег не было и такие компании не были интересны простым бандитам. Нападения случались и на них, но, обнаружив одни компьютеры, искатели приключений уходили ни с чем, поставив крест на этом источнике наживы.

Вот только, если в учредителях были мутные люди, то внимание к ним криминала становилось повышенным.

Брокер КРЫС оставил в Интернете такие воспоминания.

«Самая весёлая была биржа РТСБ (РБ). При входе на неё всегда стояла компания кидал. Они не трогали биржевиков. Биржевики не трогали кидал. Ибо это было бесполезно. Порядка раз в месяц приезжали менты, клали кидал лицом в асфальт, куда-то увозили. Но уже на следующий день те же самые то-

[1] Интервью Евгения Юрьева Андрею Звёздочкину на сайте «История фондового рынка».

варищи стояли у входа и разводили лохов. Вечером 1 июня 98-го по телевизору показывали сюжет о крахе РБ. И интервью корреспонденту давали те самые кидалы. "Сволочи, разорили нашу биржу. Лишили нас работы"».

Брокер КРЫС вспоминает: *«Иду как-то от метро в свой офис. И вдруг вижу — на месте бывшего общественного туалета стоит табличка обменника. Тут же оттуда выбегают три парня с сумкой... Ну и через некоторое время вылезает он. Разведённый гражданин. Абсолютно типичная картинка для Мясницкой тех времён. Никогда не менял валюту там в те времена и позже... Практически вся Мясницкая от бульвара до Лубянки принадлежала им — нашим "коллегам" по бирже».*

На изломе 1992/1993 года, после того как понял, что в обычной коммерции слишком много криминала, пришёл на рынок ценных бумаг Анатолий Григорьевич Гавриленко. Поскольку вышел из советских государственных органов, то взаимодействовать с бандитами ему не хотелось.

Гавриленко А. Г.: *«Встать на путь привлечения денег у населения с целью потом куда-то сбежать было совсем неприемлемо. Да и куда бежать-то с женой и двумя детьми-школьниками. Также коробило, когда к нам в офис приходили криминальные элементы и предлагали "крышевание", одновременно прося проконсультировать по различным вопросам зарабатывания денег. А вот финансовая отрасль привлекала меня своей сложностью, она была непонятна криминалу, как, впрочем, и большинству населения страны».*

На просторах Интернета встречаются рассказы, что вокруг биржи РТСБ, куда ваучеры привозили чуть ли не грузовиками, происходили разборки. И даже один из проигравшихся брокеров повесился, а одного убили. Впрочем, людей, которые мне смогли бы это подтвердить, я не встретил.

Риски подстерегали брокеров там, где ожидать их не следовало.

Голубович А. Д.: *«В 1993 году, когда мы начали скупать акции у работников одного крупного молочного завода в Москве, к нашим отставным милиционерам пришли "серьёзные люди" и объяснили, что этого делать не стоит, т. к. в следующий раз они придут с автоматами. В корпоративную войну мы решили не вступать, но не из-за угроз, а потому, что поняли — та сторона начала раньше и быстрее скупит контрольный пакет».*

Впрочем, и команда банка «Менатеп» не всегда действовала, скажем так, «корректно».

Фёдоров П. Г.: *«Однажды мы были серьёзно шокированы. Произошло это из-за "встречи" нас службой безопасности "белого и пушистого" Михаила Ходорковского. В один из городов по заказу клиента мы приехали приобрести пакет акций предприятия, которое впоследствии стало частью компании ЮКОС.*

Нас встретили бойцы, не скрывающие своих автоматов. Один из них приставил дуло АКМ к моему животу. На меня он не смотрел, но демонстратив-

но поставил палец на спусковой крючок. После этого нам было заявлено, что у нас есть только два часа, чтобы покинуть этот "гостеприимный" город. Мы поняли, что второго предупреждения не будет, заметались и поспешили ретироваться. Однако никаких билетов в кассах на Москву не было, поэтому пришлось брать машину и переправляться в соседний город. Из него мы, не солоно хлебавши, с деньгами вернулись домой.

Меня в жизни пугали много раз, но по-настоящему напугали именно тогда. Вспоминаю "уважаемого" Михаила Борисовича до сих пор.

Похожий случай произошёл в Мозыре. С нашим главным аналитиком Сергеем К. мы прибыли на нефтеперерабатывающий завод, чтобы проанализировать ситуацию и узнать перспективы его приватизации. В проходной мы представились, сказали, что нам нужно. Однако пропуск не получили, а вышедший начальник службы безопасности с местными бойцами доходчиво объяснил особенности нравов Белорусского Полесья: "У нас тут кругом болота, уезжайте ребята, вас и искать никто не будет! Мы не шутим!" Так он и остался в 100%-й собственности государства.

Было желание поехать на аналогичный Новополоцкий комбинат, но из Москвы нас предупредили, что делать этого не стоит».

Олег Царьков, по его словам, выезжать для скупки акций из Москвы перестал после того, как «*бригаду скупщиков положили в регионе, расстреляв из "калаша" их пункт приёма*».

Время было нервное, случались противостояния, строившиеся на неудачных сделках.

Варданян Р. К.: «*У нас никогда не было отношений с бандитами. Мы не занимались обналичкой. Одному известному человеку не понравилось, что его финдиректор, невзирая на наши предостережения, купил через нас бумаги финансовой "пирамиды". "Пирамида" рассыпалась, и вскоре он появился на пороге с двумя амбалами: "Вы моего финдиректора кинули, мы по вашу душу — платите!" В ответ мы предъявили подписанную покупателем бумагу, в которой предупреждали, что он совершает плохую инвестицию. Люди прочитали, извинились и ушли. Это был единственный раз, когда ко мне приходили на разборки. Пронесло. Несмотря на то что мы работали в России, буфером были клиенты-иностранцы, до 1998 года их было до 80%*»[1].

Процессы вторичного перераспределения акционерной собственности, особенно в регионах, где шли процессы концентрации распылённого капитала и контроля над предприятиями, неизбежно привлекали преступность самых разных расцветок и уровней организации.

---

[1] *Кете де Врис М., Шекшня С., Коротов К., Флорент-Трейси Э.* Новые лидеры российского бизнеса. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 140.

Мецгер А. А.: *«Легендой тех лет уже тогда в Уральском регионе был, например, один авторитетный бизнесмен (по-прежнему отбывающий срок заключения), который любил говорить, что для контроля над предприятием ему "достаточно 10 процентов", а на переговоры приезжал с охранниками, вооружёнными помповыми ружьями... При этом на визитке было написано: "Депутат Законодательного собрания..." Интуитивное понимание и нарабатываемое умение в этих условиях держать дистанцию, отказываться от привлекательных альянсов и схем со временем начинало работать как долгосрочное конкурентное преимущество».*

Во многих случаях выручало формальное следование корпоративным процедурам, соблюдение требований формирующегося акционерного законодательства, хотя и здесь возникали забавные, а иногда и менее забавные ситуации.

Мецгер А. А.: *«Другое собрание, но уже на акционерном обществе с более чем реальной ценностью. Начало собрания постоянно переносилось, и группы акционеров живописно расположились на лужайке перед зданием ДК. Глава правительства области челночно курсировал между группами акционеров, пытаясь выступать модератором между группами интересов и не допустить перехода акционерной дискуссии в острую или даже горячую фазу. Благостность картины нарушалась только в те моменты, когда премьер области вынужден был обращаться к одной из сторон, представленной средних лет мужчиной в костюме "Адидас", привычно и невозмутимо сидящим на корточках. Что греха таить, картинка власти в хорошем деловом костюме, склонившаяся в уважительном поклоне к фигуре в спортивном костюме "Адидас" — это тоже кадр и примета того времени».*

А вот Вадим Протасенко по прошествии лет с некоторым удивлением отмечает, что столица нефтяной компании ЛУКОЙЛ, Когалым, в то время была достаточно спокойным городом.

Протасенко В. А.: *«Во всяком случае здесь позволялось работать и скупать акции практически всем желающим. Скупщики, и местные, и заезжие, крутили огромными суммами наличных денег, но ни о каких крупных эксцессах, с этим связанных, я не слышал. Помню двух ребят из Ярославля, представляющих какого-то крупного московского брокера. Они жили в городе почти постоянно, принимали посетителей у себя на съёмной квартире, привозили без всякой охраны в город большие деньги, зашитые в специальный пояс, давали крупные суммы в долг коллегам без расписок, и всё им сходило с рук».*

Все опрошенные брокеры компании «Ринако Плюс» дружно заявляют, что во время их поездок в регионы даже намёка на криминал не было.

Старченко А. Г.: *«Наиболее бесстрашные деньги носили в сумках, весящих десятки килограммов.*

Помню, как мы в 1993 году купили первую акцию Дальневосточного морского пароходства. На рынке они не ходили, не было этих бумаг даже на Владивостокской международной фондовой бирже, которой руководил Виктор Сахаров. И тем не менее мы всё-таки умудрились приобрести себе некий пакет.

Однако регистратор, принадлежащий ДМП, расположившийся в бухгалтерии компании в соседнем с руководством здании, получил команду не проводить перерегистрацию акций. Им приносили договор, но получали ответ: "Извините, команды не было!"

Замдиректора пароходства по экономике был Сергей Франк (в 1998 году ставший министром транспорта), в кабинет к которому я пришёл, разглядывал меня угрюмо, подбирая слова, которые собирался мне сказать. А я ему рассказывал про ликвидность его акций, роль фондового рынка для процветания компании. Однако на него всё это не подействовало, и он заявил: "Это мои акции, и я их вам не отдам!"

Улаживал дела я во Владивостоке ещё неделю, но после моей поездки акции пароходства всё-таки вышли на рынок.

Кстати, после той встречи с Франком мы вечером пошли посидеть в бар и увидели в нём двух амбалов, которые днём сидели в предбаннике Сергея Оттовича. Я подошёл к ним и спросил не опасно ли нам здесь находиться. И они ответили: "С нами не опасно!"»

Кукк А. В.: *«Когда я приехал впервые в Спасск-Дальний меня предупредили: "У нас тут пытались скупать акции прямо в городе, так их вывезли на дорогу Владивосток–Хабаровск и спросили, в какую сторону они предпочитают бежать. Впрочем, возможно, это простая легенда.*

На РТСБ были люди со всей России, они и делились страшными рассказами. Но из сотен разговоров я знаю лишь один случай, когда лично мне знакомого человека, отправившегося в регионы, действительно ограбили и дали по башке. Не было трагических случаев, кроме покушения на Андрея Орехова, и с сотрудниками крупных московских контор».

Случались и курьёзные случаи.

Бройтман М. Я.: *«Одной из моих функций в конце 90-х была скупка акций в регионах. Однажды, когда мы "сидели на деньгах", к нам приехали бандиты. Вопрос их был не самым оригинальным: "Вы что тут делаете?" Мы ответили честно: "Акции покупаем". — "Это что они за этим в очереди стоят?" — уточняют непрошеные гости и продолжают проявлять профессиональное любопытство: "И они деньги за них получают?" Подтверждаем: "Акции отдают, деньги получают".*

После этих слов нам было сделано неожиданное предложение, от которого мы не могли отказаться: "А можно мы здесь ларёк для продажи водки поставим?"

После этих слов мы выдохнули с облегчением».

Или вот ещё случай.

Фёдоров П. Г.: *«Как-то мы заключили сделку на приобретение с московской компанией "Тантьема" большого количества акций предприятия Челябсвязьинформ. Нашим общим контрагентом была местная фирма. По условиям договора мы должны были выкупить акции, передав деньги, непременно в Челябинске. Для этого следовало перевезти туда несколько миллиардов рублей наличными (в долларах эта цифра была не столь впечатляющей — несколько сот тысяч). Сопровождать деньги должны были по одному человеку от компании. Поехали я и Сергей Шевчук из "Тантьемы".*

В аэропорт Домодедово мы прибыли с двумя вооружёнными охранниками. Милиционеры, увидев содержание наших сумок, были под таким впечатлением, что даже не устроили досмотра наших сопровождающих лиц — они на борт самолёта поднялись с пистолетами. В самолёте к нам пришло понимание того, что в криминальном городе Челябинске десятки людей знают о том, что мы везём деньги наличными, в довершении об этом узнали проверяющие и милиция в аэропорту.

Выходили мы, как овечки на заклание, однако в аэропорту нас ждал большой сюрприз. Хозяин челябинской фирмы отдал распоряжение, чтобы нас встречали все его сотрудники с домочадцами — жёнами и детьми. По принципу: всех не перестреляют. В такой большой кавалькаде мы ехали из аэропорта до города. На ночь нас заперли с деньгами в хранилище банка. Утром там же сделка была проведена, и мы налегке с чистой совестью и с выписками из реестра отправились домой».

В заключение хотелось бы рассказать об уникальном авантюристе. Если бы ему суждено было жить дольше, то 100 способов разбогатеть Остапа Бендера показались бы детскими шалостями.

Расскажу только об одной афере Ильи Медкова, которая могла быть реализована на рынке ценных бумаг.

В начале 1992 года произошла небольшая авария на Ленинградской АЭС. Петербургское радио уже утром 24 марта передало успокаивающую информацию об этом ЧП, однако слухи продолжали идти один невероятнее другого. Кому-то позвонили друзья из-за границы и сообщили о новом Чернобыле. Кто-то утверждал, что радиоактивное облако движется на Финляндию со скоростью восемь километров в час, а выбросы радиоактивных веществ превышают норму в десять раз.

Это событие вызвало серьёзное беспокойство во всех странах Запада и стало темой дискуссии на проходящей в Хельсинки общеевропейской встрече СБСЕ.

Было бы удивительно, если бы российские «предприниматели» не придумали, как сделать деньги на этой панике. Но большинство постаралось забыть об этом происшествии. Но не все...

Один из первых в России мультимиллионеров Илья Медков в начале 1993 года продемонстрировал умение неординарно вести бизнес. Используя свои связи в прессе и почти безраздельное руководство информационным агентством ИТАР-ТАСС, он распространил по всем возможным каналам ложную информацию об очередной аварии на Ленинградской АЭС.

РИА «Новости», Интерфакс, ИТАР-ТАСС, «Постфактум», наперебой транслируя слухи о Чернобыле-2, спровоцировали значительное падение акций крупнейших компаний Скандинавских стран.

Пока информация проверялась и опровергалась, Медков через свои структуры по дешёвке приобрёл на международных биржах солидные пакеты вмиг обесценившихся акций. Через пару недель их котировки восстановились. На этой простой операции его прибыль составила десятки миллионов долларов.

Вот как об этом с удовольствием вспоминал его бывший партнёр Артём Тарасов: *"...Однажды Илья Медков заявляет мне:*

— Знаете, Артём Михайлович, а я купил ИТАР-ТАСС! Они все у меня на зарплате. Я могу теперь сообщать всему миру любую информацию, и она будет официальной, как бы государственной... Давайте на этом заработаем!

— Как?! — удивился я.

— Ну, например, если передать что-нибудь ночью, у американцев ведь будет раннее утро. Никто в России за ночь не опровергнет переданное сообщение как неверное. Значит, в Америке целый день все будут на ушах стоять, прежде чем выяснят правду. Разве на этом нельзя заработать? Артём Михайлович, вы могли бы это просчитать? Что будет с ценами на американской бирже в этот день?

Вскоре я побывал в Нью-Йорке, где встретился со знакомыми брокерами. Решил ради интереса поведать им идею Медкова. Меня выслушали с округлившимися от страха глазами и говорят:

— Да за это двадцать лет тюрьмы дают — и нам, брокерам, в том числе! Давайте считать, что нашего разговора не было...

А Илюша вскоре провёл совершенно потрясающую комбинацию.

ИТАР-ТАСС вдруг сообщил, что в Ленинградской области на атомной электростанции произошла утечка ядерного топлива. Разумеется, это сообщение тут же повторили все информационные агентства.

Мир, напуганный Чернобылем, буквально закипел — такой информационной волны в прессе давно не видели.

Я сам, кстати, в тот момент не сообразил, что это мог быть сюрприз от Медкова. Но когда ко мне обратился один из лондонских предпринимателей, у которого в Швеции был очень крупный бизнес, я моментально связался со своим приятелем в Ленинграде, очень известным человеком. Тот поехал на электростанцию и встретился с не спавшим несколько ночей директором.

— Да у нас всё нормально! — кричал директор. — Поверьте, ничего не было! Мы тоже слышали сообщение ТАСС, но это полная чушь, ничего не произошло! Кто это делает? Зачем? Меня буквально завалили запросами, телефоны не унимаются! Минатом в панике, едут сразу несколько проверок, в том числе и международных!

За эту консультацию я получил 30 тыс. долларов. Сколько заработал Илюша? Не в этом дело. В России наступил дикий капитализм со всеми его криминальными последствиями»[1].

ВТОРИЧНЫЙ РЫНОК АКЦИЙ

Об этом рассказывается и в других главах, но всё-таки автор посчитал необходимым рассказать о вторичном рынке акций отдельно.

Скупка акций началась сразу после проведения первых аукционов. Так после реализации пакета акций «Большевик» на первом ваучерном аукционе компания «Альфа-Капитал» начала скупку акций у членов трудового коллектива. Для этого у каждой из двух «большевистских» проходных были установлены специальные киоски. Для информации были повешены объявления о скупке. Таким образом, очень быстро в их руках оказался контрольный пакет.

Смолькин И. В.: *«На первом же собрании акционеров произошёл скандал, выплеснувшийся в прессу. Нас обвинили в захвате предприятия. А мы, имея контрольный пакет акций, решили поменять совет директоров. Нас с Косоговым вызвал Чубайс и высказал претензию: “Что вы поднимаете шум?! К нему подключился какой-то представитель Всемирного банка, тоже начавший нам морочить голову. Ответ, что разве не этого они хоте-*

[1] *Тарасов А.* Миллионер. М.: Вагриус, 2004. С. 60, 61.

ли, приводил их в ступор. В результате были изменены правила проведения аукционов.

Тогда уже мы поняли, что надо со всеми договариваться. Директору "Большевика" мы объяснили, что лучше варианта, чем работать с нами он не найдёт. При продаже его предприятия "Данону" 25% директорские станут очень большими деньгами. И действительно, он получит позже свои 10 млн долларов, став богатым человеком. А вот если бы он стал действовать самостоятельно, то этих денег не получил, а скорее всего его бы просто убили».

К началу года 1994 года акциями приватизированных предприятий многочисленные биржи ещё практически не торговали.

Бедарев Н. И.: *«Главной ценной бумагой на их торгах был ещё ваучер, да акции нескольких эмитентов. Электронных торговых систем ни в Москве, ни в Новосибирске не существовало, редкие акции торговались, по сути, с голоса или от письменного договора. Привычных позднее электронных бирж, торгующих акциями, РТС и ММВБ ещё не было».*

Однако участники рынка осознавали, что акции приватизированных предприятий, в отличии от обращавшихся до этого суррогатов, были уже почти как настоящие. Они представляли не фантазии и ничем не подтверждаемые обещания, а действующие цеха, сотни, тысячи и даже порой десятки тысяч рабочих, оборудование на миллионы долларов. Тогда же появилось и наименование наиболее перспективных бумаг — blue chips, или по-русски «голубые фишки». Впрочем, более точно этот термин в то время можно было бы перевести, как «грустные осколки».

Молодой тогда брокер Алексей Виноградов в распространяемых в Интернете воспоминаниях пишет: *«Впервые термин blue chips применил небезызвестный акын (да и аксакал тоже) фондового рынка Сергей Скатерщиков, по отношению к акциям АО "Пермьавиа". Неудержимый рост курсовой стоимости этих бумаг весной 1993 года, а также то, что эмитент уже пару раз выплатил дивиденды, позволили Скатерщикову открыть счёт "голубых фишек". Правда, эта история могла иметь и более прозаическое объяснение: в те времена Скатерщиков одной рукой писал статьи в "Коммерсантъ", а другой активно торговал бумагами "Пермьавиа" через одноимённую компанию "Скейт-пресс". Сейчас, пожалуй, никто и не вспомнит того, что акции "Пермьавиа" были когда-то blue chips, но и то, что такие бумаги когда-то были».*

Бенефис акций приватизированных предприятий начался в конце лета 1994 года. Спрос на них значительно превышал предложение, а владельцы «портфельных» пакетов этих акций искали биржевых партнёров для вывода своих бумаг на рынок. При этом система, ещё недавно исправно работавшая

на сбор и реализацию ваучеров, начала перестраиваться на работу с акциями, обильно рассеянными по просторам нашей страны.

Старченко А. Г.: *«В Новороссийске или каком-нибудь Спасске-Дальнем продавали акции потому, что людям не платили зарплату. Поэтому, отправляясь в тот или иной город для выполнения заказа по скупке, мы прежде всего узнавали, как давно там люди на предприятии сидят без денег».*

Впрочем, не всем повезло. Ряд успешных торговцев ваучерами, сколотивших приличные деньги на крупнооптовом рынке приватизационных чеков, никогда не занимавшихся ранее ценными бумагами в силу их малопривлекательности, на новом поприще потерпели фиаско, принявшись, как в недавнем прошлом, скупать первые попавшиеся под руку бумажки, имевшие отношение к чековым аукционам. Рассказывают, что один из них, приобретя на аукционах акций на 2 млн долларов, к ужасу обнаружил, что их можно выбрасывать — они ничего не стоят.

Некоторое время не было эффективной инфраструктуры торговли этими бумагами. Впрочем, оказалось, что в стране существовала одна биржа, которая к тому времени уже была технологически готова к выполнению востребованных рынком новых операций — Владивостокская международная фондовая биржа.

Бедарев Н. И.: *«Её президент Виктор Борисович Сахаров сумел сплотить вокруг себя группу прекрасных специалистов. Они буквально с нуля, опираясь на опыт бирж Тихоокеанского региона, имея в своих рядах способного программиста, смогли создать свою собственную оригинальную технологию электронной торговли акциями — первую в России, между прочим. Максим Бушуев как природный биржевик оказался знаком с Виктором Сахаровым, они созвонились, и мы уже в феврале, спустя месяц после учреждения нашей ассоциации, дружно засобирались во Владивосток. Нас встретили Сахаров, его партнёр и один из учредителей биржи Олег Горелов (банкир из Находки), вице-президент Андрей Малютин, юрист биржи Сергей Стасюк и руководитель депозитарного её подразделения Юрий Юдин. Тогда нам детально показали технологию электронной торговли — как в системе независимо друг от друга встречаются продавец и покупатель.*

Всё это было очень интересно, но для большинства из нас, скорее организаторов, данные технологии были сродни космическим. Главное мы поняли, что всё это работает и может быть со временем использовано в нашей практике. А вот у Виктора Сахарова времени, похоже, было мало — ему на дальних рубежах катастрофически не хватало участников торгов, способных за счёт биржевого оборота подпитать их детище в финансовом плане, как не хватало и самих акций в обращении, да и учредителей биржи с их денежными вливаниями тоже не хватало. Действительно, было

обидно, обладая уникальной технологией, не иметь нужных ресурсов для её развития. На нашем совместном заседании Сахаров предложил нам войти в учредители через покупку акций биржи, как предлагал он и заводить акции предприятий из наших портфелей в их торговую систему. Он не учёл, что многие из нас не были готовы к этому с точки зрения возможных рисков, как и технологически мы это плохо представляли. Действительно, никто из нас не имел своих представителей на Дальнем Востоке, а отправить лучшие активы непонятно кому мог не каждый. Технологий удалённой торговли тогда ещё просто не существовало. Компьютеры, системы хранения, защита, электронная подпись — всего этого у нас ещё не было. Нечего греха таить, живые деньги в свободном виде для покупки акций биржи тоже были не у каждого. Тем не менее часть из нас такие акции приобрели, но далеко не все — в том числе и наш фонд такого решения не принял.

Позднее Виктор Борисович говорил мне, что это его тогда обидело, но жизнь показала, что в тех условиях поддерживать жизнеспособность биржи во Владивостоке было невозможно — со временем это понял и сам Сахаров. Тем не менее тогда мы договорились продолжить обсуждать тему позднее, чтобы дать людям время подумать».

Рядовые брокеры, желая придать некую осмысленность процессу скупки акций, осенью 1994 года стали массово подписываться на ленту АК & М, после чего отправились в регионы скупать приглянувшиеся бумаги. Впрочем, избранные ими маршруты были выбраны не случайно — в основном они совпадали с интересами инвесторов, заказывающих музыку. Такие туры — одна из самых интересных для пересказов глава истории фондового рынка. На страницах этой книги таких рассказов много.

Но вновь процитируем брокера Алексея Виноградова: *«Лично мне не доводилось сталкиваться с потерями "личного состава" — все возвращались в целости и сохранности. Необходимость лететь за тридевять земель в "царство вечного холода" была не только из-за дефицита бумаг, разница цен между Москвой и регионами тогда составляла 20–30%, что давало в итоге искомые 100% в месяц, позволявшие проводить операции так называемого пространственного арбитража. В отличии от американских "арбов", покупающих акции перед предполагаемым ростом, наши доморощенные торговцы спекулировали на разности цен между различными географическими точками. Например, между нефтяным краем, Москвой или Москвой и дальнем зарубежьем».*

Процесс был на подъёме, пока в январе и начале февраля 1995 года рынок акций российских blue chips не пережил катастрофу. Акции практически всех компаний очень сильно упали в цене. Например, цена акций Ростелекома снизилась с 6,5 доллара (октябрь 1994 года) до 2,5. Резко

упали цены акций всех нефтяных компаний, РАО «ЕЭС», других предприятий электроэнергетики и проч. Произошло это из-за событий в Чечне и разговоров о национализации, инициированных новым руководителем ГКИ Владимиром Полевановым. В дополнении к этому поползли слухи о неких инструкциях Центробанка, которые должны были запретить иностранным инвесторам рассчитываться с российскими брокерами валютой[1].

Здесь следует дать некоторые пояснения читателям, которые, как и я, не были глубоко погружены в операции на фондовом рынке, тем более 1990-х годов.

Как мне рассказал опытный в этих делах Пётр Фёдоров, когда фондовый рынок в России только начинал свою работу, со стороны государства не было никаких сдерживающих факторов. При желании любая компания могла другой продать воздух, как, впрочем, и купить его. Для того чтобы прослыть надёжным торговцем, требовалось выполнить лишь несколько требований:

1. Не заставлять партнёра ждать купленные бумаги дольше 3 дней. Следовало выдерживать эти сроки, в противном случае покупатель мог отказаться от уже заключённой сделки.

2. Предварительно следовало совершить большое количество сделок с тем же эмитентом, иначе никто не купит у тебя большого количества бумаг — твои действия будут казаться подозрительными. Все знали — другие участники рынка следят за странными сделками.

3. Не брать акции в долг — при отсутствии рынка РЕПО, такие попытки расценивались как нечто подозрительное.

И, наконец, главное: одного желания продать воздух недостаточно, нужно чтобы нашёлся на него покупатель!

Ярким примером продажи воздуха стала в начале 1996 года кампания на понижение, проведённая финансовой компанией «Пресненская». Она начала подавать заявки на продажу акций Мосэнерго, которых на самом деле у неё не было, т. е. она «шортилась». Всего ею было продано таким образом 4,7 млн бумаг по минимальной цене. Способствовало «бизнесу» то, что на рынке ходили слухи о близости компании к руководству Мосэнерго. В результате акции у «Пресненской» на рынке в те дни купили практически все компании, но особенно много их оказалось у 12 крупных и известных компаний. В результате стоимость акций выросла на 20 %.

---

[1] *Привалов А., Андреева И., Калиниченко Н., Николаев И., Щукин А.* Приватизация — обзор // Коммерсантъ. 14.02.1995.

Поставить бумаги вовремя компания не смогла. И тогда она, отказавшись от выполнения обязательств, предложила покупателям неустойку в размере 10 % от суммы договоров. Но участники рынка на это не согласились — у большинства из них уже были заключены параллельные контракты на продажу бумаг, которые должна была поставить им «Пресненская». Кризиса на рынке удалось избежать только по счастливому стечению обстоятельств. Контрагенты рассчитались по своим договорам, продав бумаги, которые либо уже имелись в их собственных портфелях, либо были оперативно куплены ими на рынке, благо суммы контрактов оказались относительно небольшими — порядка 100 тыс. долларов на каждую компанию[1].

Здесь новичкам, часто не понимающим (как я ещё недавно) особенностей этих операций, разницу между «шортом» и «лонгом», следует пояснить: Лонг (long) — это когда ты некий актив покупаешь на свои или заёмные деньги в надежде увеличения его курсовой стоимости. В этом случае максимальный твой убыток может составить стоимость вложенных средств и, возможно, какой-то процент за использование денег. Например, если ты купил 100 тыс. акций Мосбумдур по 20 рублей за акцию, а они полностью потеряли цену (что, впрочем, совершенно невероятно), твой убыток составит максимум 2 млн рублей!

Совсем другая ситуация, если ты шортишь (short selling), как компания «Пресненская», в надежде, что акции упадут в цене, и ты откупишь их дешевле. В этом случае границ твоих потерь просто нет, особенно в те достопамятные времена. Например, ты продал воздух — 100 тыс. акций Мосбумдур — по 20 рублей. И тут, к примеру, ушёл на покой Ельцин (или, скажем, Миллер) либо обнаружили на земле, принадлежащей этой компании, нефть, золото Нибелунгов и т. п. В результате акция компании утром следующего дня стала стоить 2000 рублей. И это возможно, более того подобные случаи были! И вот твой убыток уже 200 млн рублей!

Но тогда компании «Пресненская» сказали спасибо (конечно, не те, кто проиграл). Потери рынка на её операциях были относительно небольшими — на всех вышло около миллиона долларов, но все почувствовали, что регулирование фондового рынка в этой ипостаси необходимо и вводить его надо срочно. В частности, торговый комитет ПАУФОР сразу озаботился введением ограничения на осуществление коротких продаж бумаг в условиях резкого снижения котировок. Тем более что было с кого брать пример: в США объём продаж бумаг в таких условиях давно был строго лимитирован.

[1] Фондовый рынок // Коммерсантъ. 09.04.1996.

«Я люблю продавать воздух. Однако в то время — в период большого подъёма — вообще не позволял себе "шортиться". Какие бы перспективы ни сияли — нет, только честная работа. По западным стандартам. Есть бумага — продаёшь, нет бумаги — сидишь, плюёшь в потолок. Тогда это было очень опасно, рынок вниз почти не шёл, и можно было потерять состояние. Я знаю тех, кто 14 мая продавал акции Мосэнерго по 44 цента. Через десять дней они стоили уже доллар. А люди продавали воздух. И продавали хорошо — тысяч на двести долларов. В результате они потеряли 120 тысяч. Когда цены дошли до доллара, они были в панике и хватали бумаги, не думая. Хотя здесь тоже надо работать головой. Ну, попал ты, и продал воздух. Но зачем же на пике хватать? А они нахватались на пике, и тут же — за три дня — цены на Мосэнерго рухнули до 60 центов. И ребята понесли ещё большие потери, хотя могли скостить проигрыш»[1].

Начиная с весны 1995 года, эффективность операций с ценными бумагами приватизированных предприятий вновь значительно выросла.

Наиболее ликвидными акциями, ставшими «голубыми фишками» на тот момент, были акции компаний «Юганскнефтегаз», Ростелеком, РАО «ЕЭС России», «Норильский никель», Иркутскэнерго, Мосэнерго.

Одним из важных критериев принадлежности акций к этой категории было наличие «эффектной» картинки, рассказывающей о деятельности эмитента.

Фишками второго эшелона назывались: акции Дальневосточного морского пароходства, «Пурнефтегаза», «Ноябрьскнефтегаза», «Сургутнефтегаза», «Нижневартовскнефтегаза», «Черногорнефти». Среди них только два эмитента имели московских регистраторов — «Пурнефтегаз» и «Черногорнефть». Всем им не позволяла войти в первые ряды «узость» их рынка акций, т.е. высокая концентрация пакетов и малое количество акций в свободном обращении. Такая ситуация крайне опасна для инвестора, так как подобный рынок неустойчив: появление на нём более или менее крупного пакета акций (например, на 1 млн долларов) выводило его из равновесия, цены могли скачкообразно измениться в несколько раз, а ликвидность — резко снизиться.

Где-то между первой и второй ступенькой blue chips находились акции ЛУКОЙЛа со всеми его дочерними компаниями, а также кондитерская фабрика «Красный Октябрь» со своими стратегическими и крупными инвесторами, не оставившими акций на рынке.

Были ещё blue chips третьего эшелона, брокеры относили к ним большинство акций ЛПК (лесопромышленные комбинаты), ЦБК (целлюлозно-бумажные

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 20.

комбинаты), пароходств, а также некоторых нефтяных предприятий, к примеру «Коминефть», «Томскнефть», «Мегионнефтегаз», «Кондпетролеум».

Из акций банков на тот момент наиболее привлекательными для инвестирования были бумаги КБ «Возрождение», Мытищинского КБ и Сбербанка России[1].

Но уже в августе один из этих банков — Мытищинский — ждёт громкое банкротство во время кризиса межбанковских кредитов.

«Голубые фишки» были самыми высоколиквидными акциями рынка, на них самый большой спрос и их всегда можно купить или продать. Но и спреды, т. е. разница между ценой их покупки и продажи, были минимальны. Таким образом заработать на них можно, только торгуя большими объёмами этих бумаг. Акции же второго и остальных эшелонов приносили куда большие доходы. Например, купив акции КамАЗа по одному доллару, Пётр Фёдоров из компании ОФГ как-то тут же продал их по два и получил 100 тыс. долларов за 10 минут.

Одним из основных объектов прямых иностранных инвестиций летом 1995 года стали морские и речные транспортные компании. Одной из причин этого стало то, что в 1995 году заканчивался срок закрепления акций пароходств в федеральной собственности. В результате значительная часть акций пароходств тогда оказалась у иностранных инвесторов.

Среди объектов борьбы портфельных инвесторов были, например, Мурманское пароходство, во флоте которого были ледокольные суда, федеральная компания «Совкомфлот» (99 % её акций были закреплены в госсобственности), средний срок службы судов которой составляет всего 4,5 года[2].

Впрочем, борьба за эти акции порой оборачивалась кризисом рынка его ценных бумаг. Так произошло с акциями Балтийского морского пароходства. Стоило противоборствующим компаниям (группе офшорных компаний Tuften Oceanic, с одной стороны, и российских АОЗТ «Титан», АОЗТ «Борей» и ТОО «Морфлотинвест», с другой) отказаться от намерений приобретать ценные бумаги этой петербургской компании — и их котировки стали быстро снижаться.

Неуверенность в завтрашнем дне на фондовом рынке вновь достигла высшей точки осенью 1995 года. Операции с акциями в преддверии парламентских и президентских выборов, казавшихся катастрофическими, стали чрезвычайно рискованными и малоприбыльными. Рынок ожидал только самого худшего.

---

[1] *Градецкий А., Гришанков Д., Локоткова С., Сиваков Д., Шмаров А.* Фондовый рынок — обзор // Коммерсантъ. 13.06.1995.

[2] Там же. 29.08.1995.

Внимание инвестиционных компаний тогда переключилось на доселе малопопулярные сегменты рынка, в частности на операции с привилегированными акциями, размер дивидендов у которых был известен заранее.

Особо следует отметить влияние на вторичный рынок акций особенно крупных игроков. Так на российском рынке в середине 1990-х годов появились представители крупнейшего на тот момент в мире союза инвестиционных фондов — американского Fidelity Investments. Как только инвестиционный брокер «Фиделити» появлялся на рынке и начинал покупать акции, смысл делать то же у более мелких коллег пропадал. Когда же он начинал что-то продавать, рынок валился, и акции, что заинтересовали американцев, можно было купить дешевле, чем обычно.

Тоже самое можно было сказать о влиянии на рынок в описываемый период компании «Тройка Диалог». Её клиентская база в середине 1990-х годов была настолько солидна и консервативна (Merill Lynch, многие западные финансовые спекулянты). Этим компаниям ничего не стоило через «Тройку» вложить 100 тыс. долларов, чтобы через пару дней получить прибыль 20%. Если же спекуляция не удавалась, то они спокойно складывали акции в портфель и ждали, когда цена на них вырастет.

Делать погоду на рынке всегда очень просто, если у тебя есть критическая масса серьёзных клиентов.

«Одно время "Тройка" оказывала просто-таки гипнотическое воздействие на рынок. Ага, "Тройка" покупает — и все, как безумные, начинают хватать. "Тройка" уже давно остановилась, а цены на акции всё растут и растут. И тут вдруг — бац, как бомбы на голову, начинают сыпаться акции, которые "Тройка" сбрасывает. За счёт только одного психологического эффекта: "Тройка" продаёт — к вечеру цены на рынке уже опускаются процентов на десять. А "Тройка" сидит себе и считает барыши»[1].

Инвесторы. Инвестор, имеющий свободные деньги всегда стремится их приумножить и привлекает для этого команду, которой он доверяет свои средства. Инвесторы бывают стратегические и портфельные. Первые ставят задачу приобрести контрольный пакет акций той или иной компании и тем установить контроль над ней. В дальнейшем он развивает её или по какой-то причине ликвидирует. Портфельный же инвестор такими проблемами себя не обременяет — ему важно извлечь доход из разницы от покупки и продажи акций, а для этого отгадать, как будет изменяться курс заинтересовавших его акций.

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 22.

Следует сказать, что одними из первых стратегическими инвесторами стали красные директора приватизированных предприятий. По завершении чековой приватизации они не только сохранили фактический контроль над большинством компаний, но и многократно его усилили (прежде всего за счёт скупки акций у трудовых коллективов и участия в аукционах на средства самих приватизированных компаний).

Они, как правило, стремились ограничить доступ «чужаков» к производственной и особенно финансово-экономической информации, а иногда и пытались всеми правдами и неправдами не пускать их представителей в советы директоров. Так, директор одной из московских компаний препятствовал проведению общего собрания акционеров (ОСА) в течение почти полутора лет, а посланный на ОСА одной из уральских медеплавильных компаний не смог в срок выйти из гостиничного номера...

Работа с этой категорией акционеров была популярна у возникающих тогда инвестиционных компаний.

Царьков И. О.: *«На фоне усиления конкуренции мы постоянно стремились расширить клиентскую базу. После одного из первых московских аукционов, когда значительный пакет достался одному из западных фондов, у нас родился замечательный case study для директоров под названием "Что вас ожидает, если вы не будете участвовать в приватизации или не наймёте нас".*

Мы приходили к ним и говорили:

— Видите, что произошло у соседа. Он не позаботился о своей защите, в результате у предприятия появился посторонний акционер, владеющий 30% акций. Вам это надо? Вам это не надо. Дайте нам денег — мы купим ваучеры и оформим их через наш пункт. Конфиденциальность гарантируем. Вдобавок, если на чековом аукционе вы получите достаточный пакет, шансы выкупить тот пакет, который будет реализован на денежном аукционе, существенно возрастают. А пока идёт подготовка к аукционам, давайте мы начнём скупку акций у трудового коллектива».

Разница между стратегическими и портфельными инвесторами порой была прозрачной. Неслучайно говорят: «Инвестор — это неудачный спекулянт».

Романов П. В.: *«Как-то мы заработали приличные деньги, купив летом 1994 года, в самом конце ваучерной приватизации, на оборотный капитал акций какого-то предприятия, и, не успев их продать, разъехались в отпуска. Через месяц, вернувшись на работу, выяснили, что стоимость бумаг выросла в разы! Вот так удачно отдохнули».*

Портфельный инвестор компания «Альфа-Капитал» выбирала объекты инвестирования очень избирательно. И практически весь их портфель в дальнейшем был выгодно продан иностранцам. Партнёрами, выступили Danone, Heineken... Борский стекольный завод приобрела группа

Glaverbel, теперь там производят стёкла для всех автомашин и т. д. Всего же с иностранцами компанией было совершено 15 только крупных сделок.

Игорь Смолькин, тогда финансовый директор «Альфа-Капитала», жаловался, что *«не существует простых путей отбора таких предприятий: нет какого-то одного специалиста или даже организации, владеющей всеми необходимыми данными»*. Необходимые данные заменялись предчувствием, ощущением, построенным буквально на коленке за две минуты планом.

Предварительно акции скупались у членов трудового коллектива. Так на двух проходных фабрики «Большевик» были установлены альфавские киоски. Для информации были развешены объявления о скупке. В результате чего контрольный пакет оказался в их руках очень быстро.

Способы работы. На первоначальном этапе развития рынка некоторые из них стремились заключать каждую сделку как последнюю, выжимая из клиента или контрагента по максимуму. Но нечистые на руку брокеры на рынке долго не задерживались. Нередко подобная сделка становилась для них действительно последней.

Плахин Илья (один из первых биржевых маклеров на РТСБ): «*Идея проведения торгов была скопирована с Нью-Йоркской фондовой биржи. Брокеры выкрикивали свои предложения на покупку или продажу тех или иных активов. Если кто-то пытался жульничать, например, не очень отчётливо поднимать вверх руку, обозначая согласие на сделку, его попросту выводили из зала. Всё было строго и серьёзно*»[1].

Так что довольно быстро российские брокеры поняли, что их репутация стоит гораздо дороже денег, которые можно быстро ухватить каким-нибудь обманным путём.

Гальперин А. Ю.: *«На первом этапе проблема была даже не в криминале, а в отсутствии правил игры. Их мы создавали на лету. Объёмы операций увеличивались, на рынке ходили уже миллионы долларов, а чуть ли не к каждой сделке всё ещё писались индивидуальные документы. Со спорами: когда передаются акции, когда происходит оплата... Порой по три дня разговаривали, не могли сделку оформить!*

В конце концов большинство брокеров для себя уяснило, что клиент должен выигрывать. Если клиент выигрывает, в выигрыше остаётся и брокер, получая свои комиссионные. Он приводит своих друзей, друзья приводят своих, всё растёт как снежный ком».

[1] *Тягай С.* Классики брок-н-ролла // Коммерсантъ Деньги. № 37. 2004.

Романов П. В.: *«В экономике в то время совсем не было денег, был сплошной бартер, все друг другу были должны. На фондовом рынке картина была иная — недостатка в средствах не было. Но торговля основывалась на доверии, никаких механизмов биржевых расчётов ещё не было. Впрочем, я не помню, чтобы кто-то кого-то кидал. Сделать это можно было только один раз, все друг друга знали и с тобой никто в дальнейшем дел иметь не стал бы».*

Это подтверждает и глава компании «Тройка Диалог».

Варданян Р. К.: *«Необходимо было чёткое исполнение обязательств. Все держали своё слово. IFC (Международная финансовая корпорация. Всемирный банк), проверяя нашу организацию, обнаружила, что процент неисполненных сделок составляет меньше 1%. Они были в шоке.*

Одна из причин этого — невмешательство государства в наши дела. У нас не было бюджетных денег. В результате сообщество приняло правила, определив, что принято и что не принято на нашем рынке.

Во-вторых, западные коллеги внесли свой вклад в создание прозрачного рынка, в гарантирование сделок.

Однажды в 1995 году Браудер, представляющий тогда ещё Salomon Brothers, купил у нас во время конференции в Вене акций Сургутнефтегаза на 1 млн долларов. Сделка была закреплена подписями на салфетке. У него ещё тогда не было своего фонда».

На оборот ценных бумаг был введён налог 0,3% с каждого участника сделки, и его все платили.

Кстати, до 1996 года Гражданский кодекс не считал сделку совершённой, если она не была скреплена подписями двух сторон. Однако отказов от сделок практически не было. При этом рынок в то время был сплошь офшорный.

Романов П. В.: *«Как-то мы сидим с партнёром Андреем Романовым, и он мне говорит: “Ты понимаешь, что государственная граница теперь проходит по столу регистратора?!” Раньше вывоз капитала подразумевал участие чуть ли не контрабандистов, а теперь это происходит при переоформлении прав собственности на акции.*

Один офшор купил у другого пакет акций российского эмитента. Иногда это вызывало бравурные комментарии СМИ: “Мы привлекли в экономику России новые инвестиции!” А деньги перешли, условно говоря, из Credit Suisse в Merrill Lynch. К инвестициям в российскую экономику это не имело никакого отношения.

Валютное законодательство тогда было не очень понятное, и было неясно, за что тебя могут наказать. Но офшоры все завели очень быстро. Осо-

бо это не афишировалось, называли такую компанию "своим иностранным партнёром».

О регистрации таких офшоров рассказывал в одном из своих интервью и Игорь Иванович Шувалов, работавший в то время в юридической фирме «АЛМ-Консалтинг» (АЛМ — аббревиатура от А.Л. Мамут).

«Организовано это дело было весьма эффективно. Один раз в месяц из-за рубежа приезжал в Москву человек с готовыми документами, с ним прибывал банкир, оформлявший документы для открытия расчётного счета. В результате ты за один день становился участником международной финансовой системы. Почти БЛМ, и так же зловеще звучит...

На деятельность регуляторов рынка мы тогда не обращали особого внимания. Следили только за требованиями по лицензированию профучастников. Они периодически менялись».

Отдельная, почти детективная история — это перерегистрация приобретённых акций в реестрах — самая серьёзная проблема на тот момент в проведении расчётов.

Одно время компания ДКК специализировалась на этом.

Моряков И. Д.: *«Агенты по перерегистрации ДКК, депозитарных клиринговых компаний, летали даже больше, чем я. И сами брокеры порой могли слетать с поручениями на перерегистрацию. Большинство реестров нефтяных компаний, которые были самыми интересными, да и металлургических, в то время находились в далёких регионах. Например, ЛУКОЙЛа ещё не было, существовало три самостоятельных компании: "Лангепас", "Урай" и "Когалым". А также были "Пурнефтегаз", "Сургутнефтегаз" и ещё там же штук двадцать нефтяных компаний, позже объединившихся в ЮКОС, ЛУКОЙЛ, "Сургутнефтегаз" и прочие компании.*

И вот когда московский брокер покупал у регионального брокера пакет акций той или иной компании, поручение на перерегистрацию должен был подавать в реестр продавец. Если он находился в регионе, ему достаточно легко было доехать до места, где располагался реестр, и перерегистрация происходила достаточно быстро, тем более что наверняка были какие-то необходимые личные связи. Затем надо было привезти в Москву выписку из реестра о том, что акции перерегистрированы. Только увидев её, покупатель платил деньги. Но прежде старался документ проверять, потому что выписок поддельных было достаточно много.

Поэтому у большинства крупных брокеров были свои бэк-офисы, в которых работало достаточно много агентов, посещавших эти реестры, бравших выписки по всем операциям, которые были сделаны в течение, допустим, месяца, и потом в Москве выверялись эти документы. Работа эта была безумно тяжёлой, сделок было много, а реестры были очень неэффек-

тивными. Иногда приходилось неделю жить в каком-то маленьком посёлке, пока получишь все необходимые документы. Это были большие накладные расходы — во-первых, на содержание группы агентов, да и билеты были недешёвыми.

Решением этой проблемы стало преобразование ДКК, изначально создававшейся как депозитарий. Именно она предложила услугу: мы будем действовать от вашего имени, вы же просто дадите нам доверенности на получение выписок. В регионы будут летать наши агенты и будут делать всё то же самое, что делали ваши люди. В начале на это пошли десять первых компаний. Регистраторы быстро поняли, что происходит нужная им концентрация, им было гораздо выгоднее работать с одной компанией, чем с десятью. Скоро у ДКК в реестрах появились специальные люди, которые работали только с ними. И когда другие клиенты стояли в очереди (иногда по неделе), ДКК обслуживали.

Кроме того, по закону срок получения выписки составлял три дня. И их тоже надо было провести вдали от дома. И здесь для ДКК делали исключение и могли дать выписку без задержки».

Была, например, изумительная компания «Пурнефтегаз», когда-то одна из крупнейших в стране, ныне вошедшая в Роснефть. Её реестр находился в посёлке Пурпе Ямало-Ненецкого автономного округа. Он брал на проведение операций до 21 дня. Добраться до посёлка можно было 2 раза в неделю. То есть для того, чтобы в реестре оформить какие-то операции следовало потратить целый месяц. Вот так работали некоторые реестры.

Собирались большие пакеты акций, желательно контрольные, брокерами, как правило, для перепродажи.

Голубович А. Д.: *«Контрольный пакет огромного химического завода "Ставропольполимер" мы приобрели достаточно дёшево, с учётом такого же соотношения: 350 млн долларов вложено при СССР, а продажа контроля в ходе приватизации — раз в 100 дешевле. Мы потом ещё докупили акций на месте и для ускорения скупки в районе даже наняли базировавшуюся в Ставрополе спортивную команду по мотокроссу с ребятами чуть ли не из бывшей сборной СССР. Они параллельно оттесняли конкурентов, также пытавшихся скупать акции для перепродажи. Но затем Ходорковский сказал, что этот завод банку не интересен и мы должны его продать. Проблема усугублялась тем, что сырьё — прямогонный бензин — сюда поступал по трубопроводу из Чечни, а в то "беспокойное время", труба была вся в дырках и практически ничего не качала.*

Наш сотрудник — бывший внешторговец Сергей Кошелев нашёл покупателя — голландского трейдера химических товаров, умевшего продавать из России в Европу всё, от нефтепродуктов до полиэтилена. Приобрёл объ-

ект он не на свои деньги, а с трудом набрав, назанимав разными способами. Благодаря ему сырьё пошло на предприятие цистернами из Башкирии, завод заработал.

И вот в июне 1995 года мы с ним, в банке "Менатеп" в Москве, в Колпачном переулке, только заключили сделку, обсуждаем какие-то технические детали о проведении собрания акционеров. Вдруг раздаётся звонок из Ставропольского края, и мы слышим вопрос моего сотрудника: "Какие документы отсюда забирать?" Я удивлённо спрашиваю: "Зачем забирать документы?! Мы всё продали..." А мне в ответ: "Да здесь завод, похоже, готовится на случай взрыва. Тут, говорят, чеченцы высадились, численностью до роты. Они могут быть на расстоянии гранатомётного выстрела от газохранилища комбината... Можно сейчас успеть что-то забрать. Мы тут с начальником местного ФСБ..." Автоматически я обращаюсь к новому владельцу: "Питер, Вам нужны какие-нибудь заводские документы?" Когда мои объяснения дошли до Питера, он чуть в обморок не упал.

Это были известные события в Будённовске — атака террористов, возглавляемых Шамилем Басаевым, с последующим захватом больницы и заложников 14–19 июня 1995 года. Несмотря на все пережитые эмоции, завод остался цел, сделка завершена».

Корпоративные войны. Приватизация уже в 1993 году стала провоцировать борьбу групп акционеров внутри одного общества, аресты пакетов акций, запреты голосований.

Голубович А. Д.: *«Использовались коррумпированные суды и просто фальсификации документов. Истории вроде срывов акционерных собраний на основании звонков о заложенных бомбах в залах, где должны были собрания проводиться, стали характерны уже для более позднего "постприватизационного" периода. Особенно типичным это стало, когда владельцы контрольных пакетов начали воевать с "профессиональными миноритариями". Но обычно выигрывали большие системы, у которых внутри было всё — от банковского ритейла и возможности оперативного кредитования до связей с властными структурами и отношений с правоохранительными органами. Преимущество имели те, кто уже успел приобрести свои предприятия в этом же регионе и через их руководство мог выходить на местного губернатора».*

В Краснодарском крае, чтобы не допустить на акционерное собрание чужаков, были проведены военные учения и перекрыт въезд в город. Аналогичная ситуация произошла в Свердловской области.

Мецгер А. А.: *«Острота борьбы за контроль значимых предприятий зачастую толкала участников к самым неожиданным формам противостояния. Одним из таких предприятий достаточно долго оставался Качканарский*

ГОК. Запомнилось одна из поездок на очередное собрание акционеров ГОКа, когда решался вопрос смены генерального директора и переизбрание совета директоров. От Екатеринбурга до Качканара примерно 245 км. Останавливать и проверять документы начали с десятого километра, и чем ближе мы подъезжали, тем чаще. Наконец, за 30 км до цели, когда мы уже свернули с тракта, на импровизированном пункте ГАИ стояли автоматчики и останавливали все машины. На вопрос: "Как дальше ехать?" официальные лица отвечали: "А дальше проезда нет, поезд сошёл с рельсов!" Накал борьбы был таков, что для достоверности стороны действительно были готовы пускать поезда под откос, чтобы сорвать проведение собрания».

Настоящая детективная история произошла вокруг акций АО «Красный Октябрь» в 1995 году. Это была первая громкая попытка недружественного поглощения.

Здесь следует сказать, что несколько лет до этого с кондитерами тесно сотрудничала компания «Грант».

Царьков О. И.: *«С его генеральным директором Анатолием Даурским мы познакомились незадолго до того, как акции "Октября" были выставлены на чековый аукцион. Мы и ваучеры им покупали, и от имени менеджмента в аукционе участвовали, и скупку в трудовом коллективе наладили. В благодарность за труды Андрей Орехов был даже приглашён в совет директоров. Но приватизация "Октября" завершилась. Даурский стал полноправным хозяином предприятия».*

В мае 1994 года Российский центр приватизации (РЦП) запустил проект «Организация привлечения инвестиций для приватизированных предприятий путём IPO». В качестве первопроходцев были выбраны три компании — одна московская и две региональных. РЦП взял на себя все расходы по оплате услуг аудиторов, юристов и рекламу.

А на «Красном Октябре» как раз начинался монтаж новой линии, купленной в кредит. Об облигациях и лизинге в то время никто ещё не говорил, поэтому заём был предложен на тяжёлых условиях — на небольшой срок и дорогой.

Царьков О. И.: *«Деньги, вырученные в результате IPO, вполне можно было использовать для его рефинансирования. Именно эти аргументы мы с Ореховым выложили Даурскому во время очередного традиционного чаепития с конфетами.*

И клиент действительно получал дополнительное финансирование. "Грант" — 5%-ые комиссионные, а я намеревался "приватизировать" титул организатора первого российского IPO, который впоследствии тоже можно было бы неплохо капитализировать.

Размещение продолжалось две недели и было проведено в соответствии со всеми правилами. Только результат оказался плачевный — три крупных

инвестора и десяток мелких купили акций на 20 млн из 40 млн размещения, сограждане менять деньги на акции отказались.

Тем не менее все остались довольны. "Красный Октябрь" получил деньги, "Грант" — комиссию, я — опыт».

Деньги были очень нужны комбинату, которому перед Новым годом предстояли платежи по кредитам, взятым под новое оборудование и другие расчёты на сумму примерно в 70 млрд рублей.

В конце 1994 года АО «Красный Октябрь» провело размещение четвёртой эмиссии акций. Бумаги предлагались инвесторам по цене 20 тыс. рублей за 1000-рублевую акцию (близкой к текущей рыночной). В итоге продать удалось лишь 53 % из более чем 3,5 млн акций. Остальная часть выпуска была аннулирована.

«Впервые в практике российского фондового рынка в схеме размещения акций появился новый участник — банк-получатель (им стал банк "Российский кредит"). Роль этого широко распространённого на Западе института состоит в том, что эмитент открывает в банке специальный счёт, на который зачисляются средства, полученные от продажи ценных бумаг. Таким образом, эмитент получает возможность полностью контролировать поступление и использование денег, избегая путаницы, связанной с зачислением средств на единый расчётный счёт. Кроме того, одновременно с начислением денег ведётся реестр, в котором учитывается, откуда они приходят. Это позволяет эмитенту оперативно отслеживать ход подписной кампании и в случае необходимости не допустить сосредоточения крупного пакета акций в одних руках»[1].

Но на этом история не закончилась. Газета «Коммерсантъ» в июле 1995 года написала: *«Лихо закрученные сюжеты с покупками компаний до сих пор воспринимались только как реалии западной деловой жизни. И вот первый не менее интересный сюжет, но уже в России, решил воплотить в жизнь банк "Менатеп"»*[2].

11 июля в ряде отечественных газет и даже Financial Times появились объявления «Альянс-Менатепа» о том, что он намеревается выкупить 51 % акций кондитерской фабрики «Красный Октябрь» по цене 7,5 доллара за акцию. То есть АО «Московский экспериментальный завод пищевых продуктов „Колосс"» открыл публичный тендер заявок на продажу акций АО «Московская кондитерская фабрика „Красный Октябрь"». Контрольный пакет завода при-

---

[1] *Тросников И.* Распродать акции не удалось, несмотря на все старания // Коммерсантъ. 18.01.1995.

[2] *Утенкова Е., Муравьёв С.* Приличное предложение «Менатепа» // Коммерсантъ. 14.07.1995.

надлежал банку «Менатеп». Инвестиционная компания «Альянс-Менатеп» стала инвестиционным консультантом АО «Колосс».

Было объявлено, что Доверительный инвестиционный банк в течение всего срока действия предложения будет выполнять роль депозитария (он и только он имел право на сбор и учёт заявок на продажу акций).

Никогда ещё до этого в России никто никому не делал таких предложений — открыто и добровольно передать контроль над предприятием (очень крупным и весьма прибыльным) другим людям, причём никогда ранее не работавшим в этой отрасли, а потому несущим потенциальную угрозу смены профиля деятельности компании.

Царьков О. И.: *«На Западе подобные вещи называются тендерным предложением и именно они, а не бейсбольные биты и прочие прелести, являются главным атрибутом недружественных поглощений. Как раз в то же время известный американский рейдер Керк Керкорян таким же образом пытался купить Chrysler. Но дело, повторюсь, происходило в России. И соответствующее предложение исходило от компании, входящей в одну из самых агрессивных российских финансово-промышленных групп.*

Многое, впрочем, объяснялось личностью руководителя "Альянс-Менатепа" Юрия Мильнера. В первый раз мы познакомились с ним, когда он работал у гарвардских консультантов. Очевидно, "гарвардский" подход дал себя знать, когда он решил сам заняться инвестиционным бизнесом, учредив совместно с "Менатепом" брокерскую фирму. "Красный Октябрь" был первой его сделкой, и он решил сделать всё по правилам, в расчёте завоевать, таким образом, репутацию "продвинутого пользователя" у потенциальных клиентов».

Количество размещённых «Красным Октябрем» акций составляло тогда 6 355 775 штук. «Колосс» обязывался выполнить условия сделки только в том случае, если к 20 часам московского времени 25 июля 1995 года будет предложен к продаже пакет в 51% акций. Цена не него была значительно ниже реальной стоимости акций (по оценкам российских и зарубежных инвесторов) и в случае успеха пищевой холдинг «Колосс», аффилированный с «Менатепом», даже увеличив цену покупки акций до 9,5 доллара, получал контрольный пакет акций лучшей на тот момент кондитерской фабрики с чистой прибылью более 20 млн долларов, за 30,8 млн долларов.

На тот момент менеджмент контролировал не более 30% акций, ещё около 20% были у трёх инвесторов, которые приобрели бумаги при первичном размещении, 5% владел Первый ваучерный фонд, остальные были рассеяны среди множества частных лиц. Так что вероятность сбора контрольного пакета была высока.

Понятно, какая реакция на такое предложение была у руководства кондитерской компании. Ситуацию осложняло то, что объявления о проведении тен-

дера на продажу акций «Красного Октября» появилось, когда президент фабрики Анатолий Даурский находился в отпуске. Представители АО «Колосс», впрочем, заверяли, что это было чистой случайностью. *«Мы долго думали, когда именно сделать объявление. И когда решили, что вот, завтра объявим, я сразу же позвонил Даурскому,* — говорит вице-президент банка «Менатеп», председатель совета директоров АО «Колосс» Сергей Абрамов. — *Но мне ответили, что Анатолий Николаевич в отпуске и, где его можно найти, говорить не велел»*[1].

Как бы то ни было, Даурскому пришлось спешно прервать свой отдых.

Царьков О. И.: *«По результатам консультаций с представителями юридических фирм и инвестиционных банков у меня появилась твёрдая уверенность, что "Грант" в этой заварушке обязательно поучаствует. И не важно, на чьей стороне.*

Если ты ведёшь сделку, забудь о личной жизни. Ты принадлежишь не самому себе и своим близким, а только клиенту. Зато, качественно отработав заказ, ты можешь заработать такие бонусы, которые с лихвой компенсируют и не отгулянный выходной, и прерванное романтическое путешествие и т. д. и т. п.».

В процессе работы банк CSFB, который Даурский назначил ведущим проект, безрезультатно хотел отделаться от «Гранта».

Царьков О. И.: *«Честно говоря, на их месте я бы сделал то же самое. И впоследствии делал не раз. Если ты можешь получить сделку один и сделать её без помощи конкурента, но по каким-то причинам тебе этого конкурента навязывают в партнёры, надо сделать всё, чтобы его уничтожить, унизить, свести к нулю его влияние на сделку и клиента. Хотя в нашем случае никто не считал нас не только равновеликими, но и конкурентами. У кого сила — тот и прав. А позиция у меня была слабенькая. Тем не менее моя гордость была оскорблена и переговоры вскоре стали напоминать национальную банкирскую забаву — выяснение насущного вопроса, у кого из нас стальные яйца».*

Как происходили дальнейшие события, вы сможете прочитать в чрезвычайно занимательных воспоминаниях Олега Царькова, которые мы обязательно издадим отдельной книгой.

Скажу только, что «Грант» тогда победил. А котировки акций «Красного Октября», после того как стало известно, что «Колосс» отказывается от покупки ценных бумаг кондитерской фабрики, резко упали до прежнего уровня — 4,5–5 долларов.

Не всегда везло и «Менатепу».

Голубович А. Д.: *«"Менатеп" интересовался кондитерскими фабриками. Например, пытались купить на инвестиционном конкурсе Бабаевскую, но борь-*

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 238.

бу за неё мы проиграли Инкомбанку из-за предательства нашего сотрудника, слившего противнику информацию о размере "инвестиций", предлагавшихся в запечатанном конверте конкурсной комиссии компанией "Менатепа".

Зато в пищевой промышленности удалось купить крупного производителя пищевых концентратов ОАО "КОЛОСС", ОАО "Московский пищевой комбинат" и Детчинский завод овощных концентратов в Калужской области. Всех их уже в 1996 году слили в одно юридическое лицо под названием ОАО "Русский продукт", успешно работающее до сих пор».

В то же время, например, Рубен Варданян, придерживается иного мнения: *"Очень важно отметить, что на фондовом рынке не было ни одной корпоративной войны. По сравнению с банковской историей это удивительный факт».*

Впрочем, часто внутривидовая конкуренция ограничивалась мелкими колкостями. В частности, никто не упускал случая, чтобы за скромное вознаграждение в несколько сотен долларов, перекупить клиента через сотрудника другой компании (особенно сидящего на твёрдом окладе), оставив таким образом его малоповоротливое руководство с носом.

Создание РТС[1]

После проведения приватизации в стране появилось множество акционированных предприятий. Миллионы новых собственников стали обладателями огромного количества акций, которые практически невозможно было продать, поскольку не существовало ни одной торговой площадки, организующей торговлю корпоративными ценными бумагами.

Эмитенты также не спешили торговать своими акциями, т.к. не видели в этом какого-то интереса. Наконец, фактически не существовала инфраструктура рынка ценных бумаг со всеми её неотъемлемыми атрибутами: регистраторами, депозитариями, клиринговыми центрами. По этой причине величина издержек (не в последнюю очередь информационных) по заключению сделок была огромной.

Отсутствие необходимого законодательства завершало печальную картину и окончательно хоронило надежду на быстрое развитие рынка акций приватизированных промышленных предприятий.

Вот выдержка из очень характерной для того времени статьи:

«Все участники московского объединения брокеров общим числом 23 с удовольствием смотрят на котировки в компьютерах, только не покупают

[1] В этой главе использовались материалы из статьи: *Ломская Т., Полтев К.* Биржа РТС была уникальным шансом вместе с единомышленниками воплотить свою мечту // Financial One. Июнь — август. 2016.

и не продают. Часть компаний и вовсе выставляет "нули" вместо цен покупки-продажи, давая сигнал остальным пользователям: мы на рынке присутствуем, но ни торговать, ни котировать не желаем.

Совершенно верно заметил один из специалистов по торговым системам: технически создать торговую систему возможно за считаные месяцы. Но это не означает, что через неё будут проходить реальные торги. Требуется, чтобы она не только связывала столичных брокеров, но и, по крайней мере, предоставляла техническую возможность подсоединять регионы, была рассчитанной на торговлю акциями, имеющими хождение как внутри одной территории, так и в масштабах страны. Кроме того, система торговли должна позволять профессиональным трейдерам вести диалог через терминалы, быть в чём-то сходной с Reuter Dealing, но не такой дорогой для пользователя. Но главное — чтобы котировки в этой системе были реальными, а не индикативными. Это случится, если доверие со стороны пользователей, заключающих сделки, будет достаточно высоким. Пока ни одна из предлагаемых систем не идёт дальше информационной либо замыкается в узком мире одной территории или даже биржи.

Мнение президента РТСБ Алексея Власова: "А нужен ли "Мерседес" (т.е. русский аналог NASDAQ) при нашем техническом и правовом обеспечении?" За умеренные деньги, вложенные в биржевую площадку самой биржей и брокерами (2 млн долларов), он обещает к марту — апрелю этого года включить 100 мест для нормальной торговли акциями приватизированных компаний, но опять же для внутреннего пользования столичными брокерами. <...>

Как основной аргумент в пользу биржевых сделок указывается, что торговая среда не настолько организована, чтобы брокеры могли отказаться от личного общения. Поэтому, по его словам, в своё время "не пошёл" товарный рынок с помощью телекоммуникационных систем. По этой же причине внебиржевые торги не могут приобрести цивилизованный и более-менее организованный характер в ближайшее время. <...>

Заявляет о себе Владивостокская международная фондовая биржа. Её руководитель Виктор Сахаров категорически против навязывания организации профессиональных участников рынка. На Дальнем Востоке, по его словам, такая организация фиктивна. Из 80 участников торгов на ВМФБ только 4 вошли в неё.

Вместо создания искусственных ассоциаций брокеров, по его мнению, необходимо усовершенствование правил биржевой торговли. Они должны защищать не только брокера, но и инвестора. <...>

У Комиссии по ценным бумагам нет возражений против одновременного возникновения разных систем торговли, будь то обновлённые биржи или NASDAQ. Установив минимальные стандарты, она предпочитает, чтобы

по-маоцзедуновски расцветало сто цветов, которые покажут, на что они способны»[1].

И тем не менее к тому времени первые инвесторы уже появились (любители риска). Вначале это были крупные зарубежные инвестиционные фонды, увидевшие перспективы российского фондового рынка и начавшие вкладывать средства в акции российских предприятий. О них подробнее в отдельной главе. Естественно, что вслед за ними появились и их первые российские коллеги, которые, впрочем, на начальном этапе обслуживали лишь интересы зарубежных инвесторов.

Варданян Р. К.: *«Этот рынок, равно как и другие в то время, был непрозрачным и диким, сделки на нём заключались редко. Зато если уж заключались, то маржа могла достигать фантастических значений — 100%, 200% и выше. Кроме того, существовала большая разница в ценах между оплатой наличными и безналичными, между поставкой бумаг с предоплатой и без. Никто никому не доверял, никто ничего не знал».*

Ячник О. Е.: *«На товарных биржах огромное количество брокеров заключало огромное количество сделок и получало очень хорошие прибыли. Судя по всему, биржевики, которые так любили малиновые пиджаки (это был высший шик, говорящий, что жизнь удалась), были довольны сложившимся положением дел. И хотя у них была инфраструктура и какие-никакие расчётные системы, никто из них не обратил внимания на зарождающийся фондовый рынок. Кстати, в РТС никто не носил малиновые пиджаки.*

Брокеры уже в конце 1993 — начале 1994 года собирались в небольшие ассоциации для того, чтобы договориться о создании подобной структуры. Но после нескольких встреч становилось понятно, что это — огромная работа, на которую необходимо потратить весьма значительные ресурсы, всё своё время и забыть о своей компании, которая продолжала работу по организации процесса приватизации. К этому никто не был готов. Поэтому, образовавшись, такие союзы вскоре тихо распадались и умирали».

Кстати, о цветовой идентификации. Однажды брокера Петра Фёдорова пригласили на камерный концерт Жванецкого в гостинице «Метрополь».

Фёдоров П. Г.: *«Ценителей творчества было немного — семь или десять, но это были сливки тогдашнего бизнес-сообщества — руководители инвестиционных и других финансовых компаний. Одежда некоторых их них, малиновые и зелёные пиджаки, излучали дух богатства и благополучия. Михал Михалыч был в этот вечер в ударе и на редкость остёр на язык, как только он*

[1] *Кузнецов П.* Комиссия по ценным бумагам не против разнообразия торговых систем // Сегодня. 20.02.1995.

ни прошёлся по строителям капитализма. Те же сидели и делали вид, что речь идёт о ком угодно, но не о них».

На каком-то этапе стало ясно, что без организованной системы торговли акциями не обойтись. Существующие тогда биржи продолжали игнорировать торговлю ими. Тогда брокеры начали вести переговоры между собой, проводить совместные консультации. В результате сошлись на том, что единственная возможность создать торговую систему — организовать внебиржевую торговлю между членами своей ассоциации. Но для этого все должны добровольно взять на себя обязательства придерживаться взаимных договорённостей, правил информационной открытости и единого документооборота.

Агроскин В. В.: *«Первые 15 участников ПАУФОРа заключили между собой основополагающие соглашения: о твёрдых неанонимных котировках (обменивались ими через информационные каналы) и неформальное соглашение о маркет-мейкинге. Ими было оговорено, кто должен поддерживать двухстороннюю котировку. Договорились, что торговать они на этом этапе будут "с голоса". И такая сделка должна уважаться и без документарного оформления. Этого оказалось достаточно, чтобы запустить рынок РТС».*

Для разработки правил торговли был создан торговый комитет, председателем которого стал Андрей Гальперин.

Гальперин А.: *«Правила торговли процентов на 60 написал я и примерно через год возглавил соответствующий комитет».*

История его появления следующая: в результате торговли компании открывали друг на друга лимиты, в пределах которых совершались сделки. Договоры были различные, и у юристов уходило много времени на споры и редактирование. В результате в рамках созданной ПАУФОР и на основании сложившегося опыта некая иностранная юридическая фирма выступила своего рода медиатором и разработала с учётом пожеланий членов ПАУФОРа первый договор купли-продажи.

Ниазбаев Т. Р.: *«Он был на трёх листах и изобиловал иностранными заимствованиями и оговорками. В дальнейшем многие компании стали заключать двусторонние соглашения, в которые вынесли необходимые стандартные оговорки и заверения, договор стал одностраничным. Таким образом, готовилась база для общего торгового соглашения. Торговое соглашение РТС разрабатывалось уже юристами членов тогда уже НАУФОР, эти юристы и стали первым составом юридического комитета РТС.*

Параллельно складывалась практика, как это сейчас называют комплайнс-процедуры — работы с доверённостями от клиентов на совершение сделок и их учредительными документами. В РТС основная масса сделок совершалась от имени клиентов-нерезидентов и требовалось поручительство брокера за своего клиента. Всё это было в новинку российским юристам и много копий

было сломано, пока документы этих новых правоотношений не были адаптированы под российский гражданский кодекс».

Брокеры не имели права ни отказаться делать сделку по выставленной в РТС котировке, ни устраивать проволочки при подписании сопутствующих юридических документов. Нарушителю грозило исключение из РТС, что было равносильно закрытию брокерской конторы. Другое дело, что в первый год существования РТС отказов было не очень много. А те, что возникали, как правило, разрешались миром. В РТС входило ещё слишком мало брокеров, все друг друга знали и могли позволить себе роскошь улаживать конфликты полюбовно.

За соблюдением выполнения этих правил и разбора спорных ситуаций тем не менее должен был следить дисциплинарный комитет. Его возглавил Олег Царьков.

Телятников А. Л.: *«Тот, чью деловую репутацию подвергли сомнению, имел возможность подать жалобу в Третейский суд НАУФОРа. Но за такой защитой никто ни разу не обратился, потому что ни один брокер не выдвигал голословных обвинений: всегда имелась реальная фактура, которую можно было предъявить, и доказать свою правоту».*

Царьков О. И.: *«Дисциплинарный комитет разбирал конфликты "по понятиям". Был ещё Третейский суд, где был соревновательный процесс. Его вели два юриста-арбитра и человек с рынка. Кстати, "Тройка" при мне всегда проигрывала. А первый раз они пришли сюда, чтобы создать прецедент.*

Большинство дел, кстати, урегулировались до суда и чем сильнее развивались технологии, совершенствовались правила торговли, тем меньше возникало спорных вопросов.

Иными словами, "законодательную" и "судебную" ветви власти в РТС возглавляли "грантовцы". Так брокерское сообщество оценило наши успехи. Торговый комитет генерировал «заповеди», а я выполнял функции «великого инквизитора» и наказывал за самое страшное преступление — отказ от сделки».

До конца ваучерной приватизации, которая закончилась 30 июня 1994 года, конкретной работы по созданию нужной торговой площадки не проводилось. Терять время на всякие глупости, когда шла большая жатва, брокерам не хотелось.

Орехов А. В.: «*Однажды к нам на встречу пришли консультанты из KPMG. Помню первым был седой пожилой дядечка [судя по всему, это был 60-летний Фред Берлинер]. Он привёл с собой коллегу Дмитрия Пономарёва. Видимо, ФКЦБ в тот момент озадачилась упорядочением торговли на фондовом рынке.*

Тем временем представитель KPMG долго приезжал к нам, убеждал подготовить некие правила торговли. Не могу говорить за других, но я тогда мало

понимал весь механизм функционирования цивилизованного рынка ценных бумаг. Нам и без формализации казалось, что всё идет нормально.

Тем более в компании работали почти 100 человек, было уже два или три пункта приёма заявок на участие в чековых аукционах. И, как агенты фондов имущества, мы принимали участие практически во всех из них».

Кроме того, тогда же в стране прошла первая волна разочарования «рынком ценных бумаг», рушились финансовые «пирамиды», созданные МММ, различными «Гермесами», «Хопёр-Инвестом», «Русским домом Селенга» и другими псевдоинвестиционными компаниями.

Ячник О. Е.: *«В начале 1994 года (кажется, в марте) Джон Балкли договорился со мной о встрече и предложил участвовать в создании торговой площадки. Я мгновенно согласился. К этому времени фондовый рынок уже стал жизненной необходимостью. Наша компания совершала операции с акциями, но они были невероятно рискованными и громоздкими.*

Для того чтобы перерегистрировать акции, приходилось, например, по каждой сделке летать в другие города. Необходимость в подобной сложной, затратной и неэффективной работе никак не способствовала развитию рынка. Цивилизованных механизмов определения цены тоже не существовало, цены на акции могли отличаться в разы. Ни о какой аналитике толком ещё не слышали. То есть тех, кто пытался торговать акциями, везде подстерегали огромные риски. Было совершенно очевидно, что единственным способом снижения рисков является создание организованной торговой площадки фондового рынка.

Кроме того, на той встрече Балкли попросил меня рекомендовать другие компании, которые тоже могли бы участвовать в процессе создания торговой системы. Мы уже активно работали на рынке, поэтому я назвал около десяти компаний, взаимодействовать с которыми было удобно и надёжно. Я думаю, что инициатива создания площадки исходила от Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, которая и пригласила иностранных консультантов. Руководил комиссией Дмитрий Валерьевич Васильев.

Ситуация в целом порождала позитивные ожидания. Хотелось, чтобы хаос и неразбериха на рынке постепенно исчезали. И верилось в то, что сделать это вполне возможно. Надо только хорошо поработать».

Возникали и параллельные инициативы. Так в те же годы отличные шансы создать торговую площадку, подобную NASDAQ[1], крупнейшей электронной биржи мира, имело информационное агентство АК&М. Оно, как когда-то

[1] NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotation) — одна из трёх национальных фондовых бирж США (AMEX, NASDAQ, NYSE), первая электронная фондовая биржа в мире и крупнейшая электронная биржа США.

в Америке NASDAQ, начало готовить ежемесячные справочники цен некотируемых бумаг. Потом они стали структурироваться, наконец, уже структурированные, стали выходить всё чаще и чаще. В конце концов агентство стало предоставлять рынку информацию в электронном виде и достаточно оперативно.

Телятников А. Л.: *«Была ещё одна конкурирующая организация с бóльшим, чем у нас бюджетом — Reuters. Их проект создания брокерских сообществ охватывал 30 городов и областей России. Однажды мы столкнулись с ними в Новосибирске и даже погуляли на их заключительной тусовке, организованной ими для местных брокеров в одном из лучших ресторанов города.*

Везде коллеги-конкуренты заявляли, что поставят терминал для того, чтобы брокеры заводили в него свои котировки.

Но Reuters, как и АК&М, не собирались создавать правила игры. РТС же в начале ставил задачу их сформировать, а только потом уже строить информационную систему, в результате она оказалась проще и гибче, т. к. её оперативно подстраивали под любые изменения на рынке. И даже когда в 1998 году произошёл дефолт, РТС за 15 минут запустила рынок банковских долгов».

Аббревиатуру РТС придумал один из американских консультантов, он, не расшифровывая, подобрал сочетание латинских букв, аналогичных по написанию с русскими.

Агроскин В. В.: *«Убедить нас создать биржу было нелегко. Но Дмитрий Васильев с помощью иностранных консультантов в несколько шагов подвёл нас к мысли о создании РТС. Те сказали Васильеву, что в США тоже есть внебиржевой рынок — NASDAQ. Дай им поработать так, как они уже работают! Дмитрий их послушал, и создание рынка приватизированных компаний прошло мягко, без насилия над рынком со стороны регулятора. Давление началось только в 1997 году».*

Неслучайно, когда начинался проект создания новой биржи, американцы смотрели в сторону АК&М.

Васильев Д. В.: *«С новыми финансовыми инструментами нельзя было работать системно, поскольку они были чрезвычайно распылены. Это было плохо и для приватизированных предприятий, и для потенциальных инвесторов, и для рынка в целом. Возникла необходимость создать систему, которая позволяла бы укрупнять пакеты акций новообразованных российских акционерных обществ и оперировать с ними. В ней могли бы формироваться цены покупки и предложения, торговать в ней можно было бы на удалённом доступе. Словом, фондовому рынку нужна была новая торговая система.*

Планы развития рынка ценных бумаг обсуждались на заседаниях нашей комиссии, мы предполагали в том числе создание на отечественном фондовом рынке системы, похожей на американскую систему внебиржевых торгов — NASDAQ.

В России такая система, следует особо подчеркнуть, могла быть именно внебиржевой. Так понимали проблему государственные органы, и это видение совпало с экономическими интересами большинства брокеров.

Российская торговая система (РТС) строилась как внебиржевая потому, что в то время существовал очень большой разрыв между ценой спроса на ценные бумаги и ценой предложения. На рынке не было доверия между агентами, не существовало системы раскрытия информации. В то же время многие биржи, созданные до РТС, уже успели себя дискредитировать в глазах инвесторов. Было забавно смотреть на невероятную самоуверенность некоторых т. н. биржевиков: они совсем не понимали, что на самом деле их время уже прошло.

Система в РТС создавалась согласно идее: покупать и продавать нужно честно. Эта цель соответствовала интересам большинства российских брокеров. Хотя честно торговать тогда было трудно. Никто не был готов ставить твёрдые котировки, никаких расчётов внутри России практически не велось, потому что налоговая система была дискриминационной, и значительная часть сделок шла через офшорные юрисдикции. И так далее. Всё это было очень неудобно для тех брокеров, которые хотели строить правильный большой бизнес. Строительство цивилизованного рынка, повторюсь, соответствовало их интересам».

Впрочем, отсутствие участия государства в создании инфраструктуры рынка не всеми одобрялось даже среди профессиональных участников.

Смолькин И.: *«Или взять РТС — она создавалась, как структура, только способствовавшая офшоризации российского бизнеса. Что нельзя было построить сразу действительно нужную торговую систему? Но всем хотелось ловить в мутной воде хотя бы мелкую, но рыбку».*

Сахаров В. Б.: *«РТС создавалась брокерами при диком нажиме консультантов и Васильева. Всех через колено ломал Альберт Сокин. Чтобы они объединились хоть в какую-то примитивную торговую систему».*

Государственный комитет по управлению имуществом для реализации пилотного проекта по созданию регистраторских компаний пригласил консультантов из компании KPMG Piat Marwik.

Проектом руководил Джон Балкли, а участие в нём принимал, в частности, Дмитрий Пономарёв, который был тогда юридическим советником российского отделения KPMG Piat Marwik.

Моряков И. Д.: *«Идея, принятая тогда, изначально была, на мой взгляд, не совсем правильная, но на тот момент, очевидно, единственно возможная. Мы считали, что поскольку Россия — очень большая страна, то централизовать торговлю не стоит. Тем более что ваучерные аукционы проходили в разных регионах. В Москве, таким образом, приватизировались лишь местные и федеральные компании. Таким образом, появились локальные, региональные брокеры.*

И нам казалось, что им торговать будет проще друг с другом, чем с московскими компаниями.

Во-первых, они были уже все богатыми и могли диктовать условия. В частности, при торговле бумагами, требовали от региональных брокеров, чтобы они первыми исполняли свои обязательства. Если они продавали ценные бумаги, что было редко, то региональный брокер должен был перед тем, как получить желаемое, расплатиться. Соответственно, если москвичи что-то приобретали, то региональные партнёры должны были прежде всего перерегистрировать бумаги на имя покупателя в реестре, лишь после этого получить деньги. То есть москвичи действовали с позиции силы.

Нам казалось, что в таких условиях будет неэффективно создавать какую-то централизованную площадку. Тем более что технически собрать на ней всех сразу, с самого начала было невозможно.

Тогда было абсолютно нереально даже провести переговоры между московскими, сибирскими, там, новосибирскими, уральскими, дальневосточными и петербургскими брокерами. Во-первых, они друг с другом неформально практически не общались. В лучшем случае возникали деловые отношения во время скупки москвичами у регионалов пакетов акций. Во-вторых, москвичи явно лидировали и доминировали над всеми остальными».

Наконец звёзды сошлись. После создания ассоциации ПАУФОР появился механизм, способный реализовать зарождающуюся в умах брокеров идею.

Телятников А. Л.: *«Писать программу с нуля было неперспективно. Слишком много граблей мы обнаружили в ПОРТАЛе, которые легче было исправить, чем натыкаться на них при самостоятельной работе. То есть нам требовалось в готовой программе убрать совсем неподходящие вещи.*

ММВБ, писавшая программу с нуля, могла себе это позволить, у неё были совсем другие финансовые возможности. Но наше рабочее место стоило на порядок дешевле и для того уровня доходов, что был у брокеров, это оказалось очень существенно. У нас было иное организационное начало — не было центрального контрагента, вокруг которого бы всё крутились. И это существенно меняло ситуацию с ликвидностью.

Создавая РТС, мы решили "срисовать" не только собственно NASDAQ (торговую систему), но и NASD (как саморегулируемую организацию). В результате в России тоже были созданы две организации — ПАУФОР (в качестве NASD, то есть саморегулируемой организации) и технический центр, который должен был выполнять функции биржи, NASDAQ.

Все эти идеи принадлежали Дмитрию Васильеву, а ему идею подал Джон Балкли — человек, которого попросили консультировать процесс организации российской биржи.

И Васильев, и его консультанты считали, что для рынка, где торгуются не "голубые фишки" (типа IBM и Coca Cola), а низколиквидные бумаги локальных компаний, правильнее делать именно систему, подобную NASDAQ».

В комиссии старались слушать рынок, максимально опираться на его активность и на только что созданные саморегулируемые организации.

Васильев Д. В.: *«При комиссии с этой целью был создан экспертный совет, состоявший из участников рынка. Он имел право отлагательного вето по остановлениям ФКЦБ. Это был действенный механизм защиты от чиновничьих ошибок. Об этом я подробно рассказывал в первой книге этой серии».*

Но ФКЦБ не управляла РТС напрямую. Влияние регулятора было косвенным. Комиссия же готовила нормативные акты (а также много занималась построением расчётной структуры, в том числе ДКК), но не определяла идеологию развития площадки. Участники рынка, в первую очередь входившие в совет директоров РТС, сами строили биржевую систему, которая должна была обеспечивать их бизнес-интересы.

Пономарёв Д. В.: *«Глава ФКЦБ Дмитрий Васильев ставил задачу. Формулировалась она примерно так: в России существует энное количество предприятий, которые в результате приватизации должны стать публичными компаниями, пройти процедуру акционирования и выпустить свои акции на фондовый рынок. Эти акции должны где-то обращаться. Следовательно, для их обращения должна быть создана биржевая площадка».*

Ячник О. Е.: *«С самой первой встречи Дмитрий Васильев твёрдо заявил, что не будет навязывать брокерскому сообществу свою позицию. И в дальнейшем всегда придерживался заявленной линии. Хотя принимал в работе живейшее участие и, в частности, часто участвовал в заседаниях совета директоров ПАУФОР, когда там вырабатывались ключевые решения.*

Порой очень сложно было убедить его встать на нашу точку зрения.

Но силового вмешательства, которое могло резко затормозить развитие рынка, никогда не происходило, и благодарить за такое развитие событий следует именно Дмитрия Васильева».

Перцовский А. Н.: *«Возвращаясь к истокам РТС, я вспоминаю, как 15 лет назад биржа создавалась. Это был проект, который организовывали на чистом энтузиазме. Биржей это было назвать сложно, скорее, это была некая авантюра, больше похожая на игру в песочнице. В то время до конца всерьёз РТС почти никто не воспринимал. Несмотря на кризисы и другие сложности, в дальнейшем удалось создать одну из 10 крупнейших срочных бирж мира и один из системообразующих финансовых институтов России. Когда я сравниваю эту РТС с той, первоначальной, у меня возникает чувство восхищения и даже удивления».*

Как уже говорилось в предыдущей главе, на совете директоров ПАУФОРа 5 августа 1994 года были обнародованы первоначальные задачи: разработка

стандартов торговли ценными бумагами, комплекс мер дисциплинарного воздействия на их нарушителей, а также создание для участников ассоциации внебиржевой компьютерной торговой системы, что и было оперативно сделано.

Однако в дальнейшем правила работы торговой системы совершенствовались едва ли не на каждом заседании совета директоров: их отрабатывали на практике и фиксировали.

Орехов А. В.: *«Торговая система стала продолжением ПАУФОРа и первое время считалась его подразделением. Вначале мы пытались только упорядочить внебиржевой рынок торговли, но вскоре появилась идея создать какую-нибудь техническую систему организации торгов».*

Интересна история с появлением названия самой биржи и её домена. Дело в том, что РТС расшифровывается как «Российская торговая система». Тем не менее формально в документе было зафиксировано называние «Торговая система РТС». То есть получилось масло масляное.

Пономарёв Д. В.: *«Дело в том, что мы обратились тогда в некий правительственный орган, разрешающий использование слов "Россия" и "Российская Федерация", но нам отказали. Формально — по причине того, что у нас торгуются не все эмитенты страны. Поэтому мы стали называться РТС, без расшифровки».*

Домен rts.ru оказался занят. Но на нет и суда нет, так что пришлось регистрировать более длинное rtsnet.ru.

Телятников А. Л.: *«Название rts. ru принадлежало компании "Российские телесистемы". Как-то я летел на конференцию с "телекомщиками". Говорю: "Ребята, вы же не пользуетесь доменом rts.ru. Отдайте его нам!" Они говорят: "Знаете, мы опасались, что конкуренты могут его забрать. Но раз вы не конкуренты, вам можно отдать". Я спрашиваю: "А сколько стоит?" А они мне в ответ: "Да за пиво заплати". Вот так мы получили домен rts.ru. Представляю, сколько бы этот домен стоил бы сейчас...»*

Теперь надо было озаботится технической и технологической базой, без которой все организационные усилия энтузиастов были бы недостаточны.

Васильев Д. В.: *«Мы в правительстве изучали разный опыт — смотрели немецкие биржи, смотрели американскую систему, и NASDAQ, и New York Stock Exchange. Но исходили из того, что это будет работать только в том случае, если воспримется рынком. Немецкая, китайская — неважно. Поэтому сперва надо, чтобы люди познакомились с этой системой, а потом стоит послушать, что они скажут. И сложилось впечатление, что участников рынка, по крайней мере ведущих, больше устраивает система NASDAQ. Она была более адаптирована к такому уровню рынка, к тем реалиям. Но мы исходили из того, что наши специалисты очень быстро сами овладеют системой, сделают и IT, и торговлю, и будут скоро работать самостоятельно».*

Орехов А. В.: «*То, что наш рынок полностью был построен руками западных консультантов даже не обсуждается. Тот, кто это отрицает, просто не знает тех реалий. Мы реально ничего тогда не знали*».

Выбор торговой системы делался из двух предложенных — более дешёвой биржевой торговой системы «ПрограмБанка», имеющего опыт работы с Ассоциацией российских банков, и считавшейся добротной, но дорогой американской The Portal Market (что сразу перевели, как «рынок в подворотне»). После первых стендовых испытаний систем единодушия среди членов ассоциации по вопросу, какой из двух систем отдать предпочтение, не было. Но в сентябре выбор всё-таки был сделан — остановились на втором варианте. Говорили, что она хорошо зарекомендовала себя в США. Но, по-видимому, в первую очередь главный фактор заключался в том, что финансировалась эта покупка и установка из средств Агентства по международному развитию (US Agency for International Development — USAID).

Орехов А. В.: «*Реального выбора из предложенных программ не было. Американцы пообещали готовую отработанную дилинговую систему ПОРТАЛ и предложили бесплатно передать нам сервер "Помайс-400". "ПрограмБанку" же за будущую работу надо было платить, да они толком и не понимали, что нам требуется*».

Агроскин В. В.: «*Иностранцы подарили нам мощный компьютер Stratus с программным обеспечением, который и стал обслуживать рынок пин-шипс. Через него распространялись адресные котировки между всеми участниками. Увидев программное обеспечение, наши программисты РТС, которых возглавлял Алексей Телятников, были в лёгком обалдении. И быстро его переписали, приспособив для того же аппаратного обеспечения, запустив первый российский софт РТС*».

Узловая машина Stratus была достаточна по мощности для обеспечения торговли в режиме реального времени всех крупных российских брокерских фирм.

Модифицированный для России вариант представлял собой двустороннюю связь между пользователями, находящимися в своих офисах, и центральным сервером. Терминал можно было использовать в двух режимах: просмотра и торговли. В первом случае пользователь видел выставленные котировки и следил за их изменением, однако не имел возможности выставлять котировки, в то время как члены РТС, работающие в режиме торговли, могли использовать все возможности системы.

ПОРТАЛ был предусмотрен в США для торговли неамериканскими акциями только квалифицированными инвесторами. Рынок этот был очень маленьким. Но задача NASDAQ была в создании рыночных котировок для неликвидных бумаг.

Царьков О. И.: *«Программа PORTAL в NASDAQ служила для торговли неликвидными акциями. Годом позже я видел её Нью-Йорке, в одной из небольших инвестиционных фирм я долго смеялся, т. к. и был поражён, что на самом развитом рынке планеты используется такой анахронизм. Даже в те времена их программа была хуже, чем была у нас бэк-офисная система».*

Не всё получалось сразу. На одном из заседаний совета директоров Виктор Агроскин в сердцах заявил Телятникову: «Если РТС не заработает в течение трёх месяцев, забирай её себе». Позже Алексей часто напоминал Виктору при встрече: «Помнишь, как ты собирался мне отдать РТС? А за сколько вы её продали в результате? За миллиард 250 миллионов долларов...»

Телятников А. Л.: *«Заморачиваться сильно никто не хотел, и программа была написана небрежно, сложно и с ужасным пользовательским интерфейсом.*

На первом этапе ядро программы мы не меняли, а поставили задачу поменять фронтальную часть.

5 июля 1995 года мы ПОРТАЛ запустили. В принципе, компьютерная часть в тот момент была достаточно простая. Но удивительно, как быстро люди к ней подключились и как быстро начали этим пользоваться.

Впрочем, программа постоянно валилась и падала... Для устранения неполадок из США приехали два "специалиста" из NASDAQ такой низкой квалификации, что мы сразу их отправили обратно. Нам следовало оперативно собрать свою команду. Мои ребята оказались на порядок сильнее. Большинство из них в дальнейшем оказались востребованными в самых крупных компаниях по всему миру.

Двух месяцев нам хватило для того, чтобы наладить работу системы.

К началу сентября за три "спринта"[1] задача была выполнена.

В дальнейшем надо было менять экраны, переходить на новые технологии: мы сохранили раскладку экрана системы РТС в том виде, как она была в оригинальном ПОРТАЛе, то есть стакан не сверху вниз, а слева-справа. Потому что люди так привыкли. И когда Дима Пономарёв сказал, что мы перешли с "Запорожца" на "Мерседес" — да, мы перешли, но в принципе, "зеркала" и какие-то "атрибуты интерьера" остались...

Тогда же нам предстояло параллельно решить и ещё одну проблему: программа работала в одном окне, а трейдеры хотели видеть торги сразу несколькими бумагами. Тогда наши программисты в Англии в Lloyd's of London нашли терминальный эмулятор "МДТерм", делающий под Windows сразу несколько терминалов. После этого брокеры захотели ещё более современный интерфейс...»

[1] Короткий временной интервал, в течение которого scrum-команда выполняет заданный объём работы. Часто он равен двум-трём неделям.

Таким образом, на стартовом этапе программное обеспечение для Российской торговой системы писалось как точное подобие софта биржи NASDAQ. Но оперативно оно было полностью трансформировано. На первом этапе бывшая американской программа к 1996 году уже стала полностью отечественной.

Моряков И. Д.: *«Не исключено, что эти сомнения Агроскина объяснялись его обидой, что не рассматривалась в качестве альтернативы система, созданная РИНАКО.*

Впрочем, в успех дела мы верили всегда. И я считаю, что этот проект, наверное, один из наиболее удачных в процессе создания рынка. Очень быстро, меньше чем за год, мы объединили весь рынок под одну систему с едиными правилами торговли. И в этом роль американских консультантов преуменьшить нельзя.

Конечно, нельзя забывать и то что в KPMG работала группа российских консультантов, которую мне довелось возглавлять. В неё входили около десяти русских молодых ребят, которые вместе со мной ездили по регионам, общались с брокерами, убеждали их вступать в ассоциации и профессионально росли сами».

В конце концов и Всемирному банку, и IFC (Международной финансовой организации) удалось объяснить, что созданная РТС программа соответствует российским условиям.

Телятников А. Л.: *«Старший специалист по инвестициям IFC Клаудия Моргенштерн была очень важна с точки зрения того, чтобы эта программа была воспринята международными экспертами. С другой стороны, ещё важнее, что она была воспринята российским рынком, а это означало, что правительство не занимается ерундой, не пытается внедрять то, что работать не будет».*

Моряков И. Д.: *«Но надо отметить, что американцы никакого давления на нас не оказывали, не указывали жёстко, что нужно писать, что делать. Всё предварительно обсуждалось, и я считаю, что это большое заблуждение, вот когда сейчас говорят, что якобы американские консультанты диктовали нам какие-то условия. Они действительно озвучивали свои идеи, приводили аргументы, почему лучше делать так или иначе. Вместе с нами порой ошибались, в частности, как я уже рассказывал, по поводу регионализации. Но потом мы вместе исправляли ошибки и вместе добились нужного результата. Все инфраструктурные организации были созданы в то время. А кроме них торговая система РТС, ДКК, которые существуют до сих пор. Да, они теперь уже поглощены, объединились с партнёрами, но не загнулись, грубо говоря, продолжают работать».*

Чтобы не превращать книгу в биографическое издание, на этом перекличку прекратим, подразумевая, что о многих героях этого времени, читатель узнает (или вспомнит) в других главах этой книги.

14 сентября 1994 года, когда систему установили в брокерских фирмах — членах ПАУФОР, были организованы первые торги в системе внебиржевой торговли ПАУФОРа. Котировались 22 бумаги: акции РАО «ЕЭС», Ростелекома, «Норильского никеля», «Юганскнефтегаза», «Сургутнефтегаза», «Коминефти», дочерних предприятий ЛУКОЙЛа, «Томскнефтегаза» и «Пурнефтегаза», «Ноябрьскнефтегаза», ГУМа, фабрики «Красный Октябрь», «Внуковских авиалиний», АвтоВАЗа, Нефтехимбанка, Тверьуниверсалбанка, банка «Возрождение», Токобанка, Торибанка и других компаний.

Правила, введённые ассоциацией, предусматривали разделение эмитентов на две группы: те предприятия и банки, которые предоставляли информацию о себе, и те эмитенты, информация о которых поступала из других источников. Согласно правилам торговли, брокеров обязали раскрывать всю информацию о сделках с третьими лицами по акциям эмитентов, попавшим во вторую группу, для первой группы это требование отсутствовало. Информация обо всех сделках в сети открывалась, она периодически публиковалась в бюллетенях ассоциации и в СМИ.

Царьков О. И.: *«Но для России это был прорыв. Брокеры получили "доску объявлений", где любой участник РТС мог выставить предложение на покупку и продажу. Расчёты система не поддерживала. Увидев интересующую их заявку, трейдеры опять прибегали к помощи телефона, чтобы созвониться с потенциальным продавцом (или покупателем) и оговорить все детали. Но если ты или твой контрагент, взглянув потом на терминал, обнаруживал нежелательное изменение цены, возникало желание объявить телефонную сделку недействительной.*

Чтобы избежать таких инцидентов, на специальном общем собрании руководителей брокерских фирм — участников РТС было решено считать "экранную" котировку твёрдым обязательством заключить сделку и подписать все необходимые документы».

В первый день реальных сделок не было заключено — в системе оказались лишь заявки на покупку и продажу. Примерное соотношение приказов на покупку и продажу было 10 к 1. Отсутствие сделок брокеры объясняли небольшим количеством участников торгов и отсутствием партнёров из регионов.

Следует добавить, что первые взаиморасчёты между членами ПАУФОРа стали проходить через Депозитарно-клиринговую компанию, 90% уставного капитала которой тогда принадлежали Кассовому союзу.

Сказывалась и неразвитость рынка — *«даже у солидных членов ассоциации отношения брокер — клиент существовали лишь с полудюжиной компаний.*

По мнению г-на Орехова, объём торговли в сети может резко увеличиться с расширением количества членов ассоциации до 35–40, включая брокерские конторы из различных регионов. Именно тогда расширится круг

клиентов, между брокерами появятся реальные противоречия. Желающих вступить — много»[1].

Оценить перспективы такой модели торговли тогда ещё не мог никто. Председатель совета ПАУФОРа Андрей Орехов сказал после первых опытов торговли: *«Возможны только крайности — либо торговать через сеть вообще не будут, либо сверхактивная торговля обострит проблему взаиморасчётов»*[2].

«Дело в том, что правила торговли в сети заставляют брокеров фиксировать вознаграждение, не зависящее от суммы сделки. Сегодня, по мнению брокеров, выгоднее совершать крупные сделки по телефону, получая привычный процент от суммы сделки (хотя, естественно, можно с тем же успехом проводить их и через систему, для блезира раздробив пакет). На каком уровне установить планку, чтобы не потерять высокое вознаграждение (сегодня средние суммы контрактов членов ассоциации составляют миллионы долларов) — вопрос достаточно сложный. А насколько активной окажется торговля в сети, во многом зависит от того, почувствуют ли брокеры вкус к игре на курсах — пусть даже для начала торгуя небольшими пакетами акций. Именно тогда брокеры начнут задумываться о получении прибыли за счёт увеличения оборота»[3].

Платформу торговой площадки сразу делали электронной, а не голосовой, хотя в то время на многочисленных ещё биржах продолжали торговать «на полу».

Телятников А. Л.: *«Американцы нам показали, куда движется рынок, что все эти голосовые вещи — рудимент, от которого надо избавляться».*

Васильев Д. В.: *«Я ездил в Америку, изучал опыт Комиссии по ценным бумагам, мы разговаривали и с председателем комиссии Леви, и с биржевиками. Они сказали, что тренд идёт в сторону электронных торгов, однако мы можем делать как нам угодно. И тогда я сказал, что мы посоветуемся с участниками и, как люди скажут, так и будет, мы поддержим решение рынка. И рынок принял решение, что мы хотим потихоньку двигаться через индикативные к электронным. Правительство сказало: "Почему нет? Давайте тогда двигаться в этом направлении, но тогда дорабатывайте IT, старайтесь этой темой овладеть"».*

Действительно, первоначально ПОРТАЛ выполнял скорее информационные функции, так как большинство выставленных в нём котировок были индикативными, а потому необязательными к исполнению. Но вскоре был поставлен вопрос о необходимости введения твёрдых котировок.

Таким образом, базовая система была американской, но и российские брокеры не сидели сложа руки: раз в неделю, в две недели собирался совет директоров, на котором корректировались правила, условия, цены, тарифы.

---

[1] *Калиниченко Н.* Инвестиции — внебиржевой рынок // Коммерсант. 20.09.1994.

[2] Там же.

[3] Там же.

Ячник О. Е.: *«Работа шла очень активно. Первые два года это был действительно подвижнический труд, потому что все вкладывали душу и старались постоянно всё улучшать. Причём, сегодня принимали одно решение, две недели проходит — опыт показывает, что оно не работает, — решения менялись, корректировались».*

ПОРТАЛ учил российских участников рынка, как устроен рынок, и, что особенно важно, что им не следует делать.

На американских биржах к тому моменту всё ещё торговали в простых дробях. И система, которая была прислана в Россию была настроена таким же образом.

Телятников А. Л.: *«Это был самый гадкий кусок кода, и мы его сразу вырезали, но вдруг спустя полгода после того, как мы вычистили систему и она стала работать нормально, Андрей Даценко выносит вопрос на совет директоров: "Друзья, слушайте, в Америке все торгуют в простых дробях. Давайте поручим нашему IT разработать систему торгов в простых дробях". Меня чуть кондрашка не хватила. Ну, все сейчас уже ушли на десятичные системы. Но в тот момент этот вопрос обсуждался».*

Благодаря этому «вмешательству» стало понятно, как работает система. Ядро системы было полностью переписано к 1998 году.

20 января 1995 года на совете директоров ПАУФОРа, были обсуждены первые опыты реализации проекта единой электронной системы для торговли ценными бумагами, исполняемого ассоциацией совместно с компанией KPMG, выступающей её официальным советником.

Позитивные отзывы о работе торговой площадки попали в прессу.

«Принципиальным моментом, отличающим новую систему от других проектов, является её независимость: торговая сеть будет официально принадлежать специально созданной организации ("Технической корпорации"), находящейся в совместном владении всех участников торговли. Также система будет доступна любой российской брокерской конторе, которая за регулярную абонементную плату (заведомо ниже по размеру аналогичных взносов в торговых сетях Reuter и Bloomberg) сможет вести торговлю ценными бумагами в режиме реального времени. Средой для создания системы избрана электронная сеть Sprint-Net, достаточно широко распространённая среди российских пользователей»[1].

Подчеркнём, что Российская торговая система возникла в результате договорённостей нескольких крупных московских брокеров.

[1] *Снежная И.* Новый проект KPMG в России // Коммерсантъ-Daily. 24.01.1995.

Пономарёв Д. В.: *«Поэтому на первом этапе главными участниками событий, происходивших вокруг биржи, были именно руководители компаний, создавших эту систему. Основателей биржи двигал "инфраструктурный интерес" — они создавали и настраивали под себя торговую площадку. Но потом инфраструктурный интерес дополнился коммерческим интересом».*

Семь ключевых брокерских компаний собрались, чтобы обсудить план конкретных действий. Если персонифицировать участников, то это были: Рубен Варданян (глава компании «Тройка Диалог»), Владимир Скворцов, Константин Мельников и Виктор Агроскин, возглавлявшие компанию «Ринако Плюс», Евгений Юрьев (глава компании «Атон»), Андрей Даценко («Московские партнёры»), руководитель компании ОЛМА Олег Ячник, Марлен Манасов (глава компании Brunswick UBS), а также Олег Царьков (совладелеца инвесткомпании «Грант».

Именно они строили на том этапе практически весь рынок РТС.

Варданян Р. К.: *«Наши возможности тогда были ограниченными. Тем не менее мы решили, что лучше делать всё самим и здесь. Иначе рынок создадут другие участники и в другом месте. Цель стояла грандиозная — создать организованный национальный фондовый рынок. Следует заметить, что в то время было далеко не очевидно, что российским брокерам будет сопутствовать успех.*

ФКЦБ и американские консультанты лишь инициировали процесс. Брокеров, работавших тогда на рынке, можно было разделить на две категории. Одни считали, что российский фондовый рынок неизбежно должен принять те цивилизованные формы, в которых он существует во всём мире: торги будут проводиться на бирже, возникнут цивилизованные финансовые институты, законодательство и так далее. Поэтому надо стремиться быстрее вводить рынок в общепринятый формат. Другие старались продлить хаос, чтобы заработать много денег».

РТС создавало сообщество «правильных» брокеров.

Варданян Р. К.: *«Не всё шло идеально, но было много энтузиазма, желания сделать хорошую систему. Были у РТС и конкуренты. ИА "Интерфакс", например, тоже хотел сделать торговую систему. Лондон имел все шансы заполучить наш рынок целиком, всё могло переместиться туда. Мы прекрасно понимали, что если хотим иметь фондовый рынок в России, то должны создавать инфраструктуру и сообщество.*

Играл свою роль и драйв молодости, потому что всем очень хотелось доказать, что мы способны создать хорошую торговую площадку самостоятельно.

Важно заметить, что, помимо прочих функций, РТС была ещё и местом общения, катализатором дискуссий не только на уровне топ-менеджмента, но и на уровне трейдеров, аналитиков».

Как рассказывают все участники этих событий, 1994 и 1995 годы для людей, решивших создать торговую систему фондового рынка, были годами безграничного творчества.

Пономарёв Д. В.: *«Наша культура была живая, потому что комитеты, советы, сколько бы они ни шли — час или шесть часов, — это был живой обмен мнениями, все друг друга слышали. Это не та ситуация, когда приходили письма-инструкции, которые нужно было выполнять. Люди объясняли, доказывали свою точку зрения, договаривались между собой — это история достижения договорённости. То самое постепенное разумное осознание необходимости стандартизации и ограничения собственной свободы. Я считаю, что это многого стоит».*

Варданян Р. К.: *«Не было бы "Тройки", не было бы РТС. Долгое время мы держали 40% оборота торговой системы, как маркетмейкеры.*

"Тройка", "Грант", "Атон", "Ринако Плюс", ОЛМА, "Московские партнёры" — образовали критическую массу, необходимую для функционирования торговой системы. Мы вкладывали в общий проект свои время и деньги. Отношения между нами позволили установить правила игры для всех участников рынка и сделать РТС жизнеспособной. Все мы были равными, никто не пытался назначить себя главным. Роль той или иной компании в нашей расчётной системе определялась одним — оборотом».

А вот основным западным игроком на РТС в те годы была компания Credit Suisse First Boston.

Телятников А. Л.: *«В правилах РТС даже была прописана так называемая "поправка Йордана". В целом для игроков работало правило: сначала бумаги, потом деньги. (Потому что тогда ещё не было поставки против платежа.) Правило распространялось на всех, кроме CSFB. Эту поправку пробил Борис Йордан, который сказал, что иначе глобальное руководство не одобрит его сделки. И Credit Suisse всегда работал практически без рисков, рисковали только русские брокеры.*

Потом Йордан ушёл из CSFB и создал (вместе с другими людьми) компанию "Ренессанс Капитал". "Ренессанс" попросил о том, чтобы "поправка Йордана" распространялась и на него. Но навстречу "Ренессансу" в этом вопросе РТС уже не пошла».

Прорастание регионами

Пришло время формирования региональных саморегулируемых организаций с едиными правилами торговли.

Моряков И. Д.: *«Мы прописывали эти правила, не существующие до лета 1994 года. То есть даже договор купли-продажи ценных бумаг у каждого брокера был свой. Абсолютно не было стандартизации, не существовало принципов*

профессиональной этики. Ничего, что было бы связано с правилами поведения на рынке, не было.

Первое, что мы сделали, — поехали по регионам. Я был в тот момент, наверное, самым многолетающим человеком в России. За первый год я накопил в компании "Трансаэро" (единственной компании, которая имела рейсы практически во все регионы), что-то около 100 тыс. премиальных миль».

Кроме московской первоначально возникло ещё несколько торговых площадок на базе местных профессиональных ассоциаций — в Санкт-Петербурге (ЕТС), Екатеринбурге (УАБД) и Новосибирске (АФДС). В каждой были установлены свои правила членства и торгов. Техническим руководителем в Питере был Алексей Ветрюк, в Новосибирске — Владимир Лебедев, в Екатеринбурге — Алексей Сухоруков.

Вся жизнь фондового рынка в Екатеринбурге в то время крутилась вокруг Уральского фондового центра. Тогда его возглавлял Александр Смык. Алексей Сухоруков в начале 1990-х годов работал в одной из дочерних структур УФЦ — компании, занимающейся приватизацией, проводившей чековые аукционы. Он вёл в ней различные IT-проекты.

В городе часто бывали иностранные консультанты. В один из приездов представителей компании Deloitte было объявлено о поиске специалистов, обслуживающих устанавливаемый ими узел связи. Через него брокеры Екатеринбурга должны были подключаться к общероссийским торгам.

Deloitte в рамках организации чековых аукционов, готовил систему учёта ваучеров и акций. Он же в своё время поставил техническое оборудование и программное обеспечение для УФЦ.

Затем начался проект с KPMG по созданию торговой системы. От них к Екатеринбург осенью 1994 года приезжала группа специалистов, в которой был и Алексей Телятников. За ними приехал Михаил Рыжков, курировавший в том числе и уральский регион.

Сухоруков А. В.: «*Наш офис находился на городской АТС — в нём создавать нужный хаб было удобнее всего. В связи с этим, скорее всего, выбор и остановили на нас. Так я стал отвечать за техническую часть проекта во всём уральском регионе.*

Всё было сделано оперативно. В сентябре 1994 года мы подписали соглашение о совместной работе по строительству уральского узла с KPMG Barents-group, в декабре начали действовать, а в июле 1995 году, через узел началась торговля.

Моя задача была в установке участникам будущей торговой системы текстовых терминалов, работающих по технологии X25[1]*. Делалось это в Екате-*

[1] Стандарт канального уровня сетевой модели OSI. Предназначался для организации WAN на основе телефонных сетей с линиями с достаточно высокой частотой ошибок.

ринбурге, Челябинске, Магнитогорске, Оренбурге, Орске, Перми, Тюмени, Кургане... Только у нас в городе было 5 или 6 терминалов, в остальных по одному.

Нам следовало завезти оборудование, прежде закупленное KPMG, смонтировать его, обучить всех коллег работать в создаваемой системе, подписать акт приёмки.

Все участники работали через выделенные каналы связи (их на какое-то время тоже оплачивал напрямую KPMG), пробивать и тестировать которые тоже предстояло нам. Это, кстати, заняло больше всего времени. У нас был бюджет только на расчёт с сотрудницами АТС (на ускорение работ).

Все линии сходились на нашем АТС. До Москвы же также была арендована выделенная линия».

Возникла опасность, что национальный рынок, ещё не пройдя процессы становления, раздробится.

Итак, посмотрев на карту стало понятно, что естественным порядком формировались пять региональных центров: Москва, Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Владивосток.

Моряков И. Д.: *«Туда мы и полетели. Московские брокеры дали нам названия крупнейших региональных компаний, с которыми они имели дело.*

В результате там достаточно быстро, я думаю, буквально месяца за три-четыре, нам удалось встретиться со всеми значимыми региональными брокерами и предложить им помощь в создании их ассоциаций».

В тот момент у всех у них было желание как-то изолироваться от остальных, поэтому они все и назвали свои объединения по-разному.

Моряков И. Д.: *«В Питере всё было более-менее организованно, но их брокеры были весьма амбициозны и не желали иметь ничего общего с Москвой. Была дилемма, кто возглавит ассоциацию — Ланских или кто-то другой. В начале мы предложили Аладышкину, но тот категорически отказался (в конце концов став председателем совета директоров). Компромиссной фигурой стал Иван Лазарько. На утрясание этих вопросов у меня ушло шесть месяцев в начале 1995 года, которые я прожил в Санкт-Петербурге».*

Особняком стоял Дальний Восток, во Владивостоке создать ассоциацию не удалось. По политической причине. Летом 1994 года представители KPMG провели встречу с брокерами, на которую отказался прийти местный лидер фондового рынка, руководитель Владивостокской международной фондовой биржи Виктор Борисович Сахаров.

Моряков И. Д.: *«Он уже хорошо был известен в Москве, очень шумный, очень яркий, немножко сумасшедший и авантюрный. На мой взгляд, они с Сокиным были злыми гениями фондового рынка того периода.*

Встреча с ним всё-таки состоялась, на ней Сахаров нам заявил: "У нас всё хорошо. Все брокеры объединены вокруг меня". В тот момент он был ещё

и председателем совета директоров Приморского центрального депозитария. И добавил: "Не надо нам никаких ассоциаций, у нас и так всё хорошо! " После этого Дмитрий Васильев нам посоветовал: "Не трогайте Владивосток. Там и так всё хорошо. И ассоциацию делать там не надо".

А ведь местные брокеры очень просили нас им помочь объединиться вокруг нейтрального центра. Им реально хотелось уйти из-под давления Сахарова, стать более самостоятельными. Успели мы провести переговоры и с альтернативными дальневосточными лидерами, которые разделяют наше видение и наши ценности. Однако...»

А вот в остальных намеченных регионах ассоциации мы создали, прописав для них абсолютно похожие, практически идентичные правила торговли.

Телятников А. Л.: *«Но американцы не хотели, чтобы в стране возникло четыре фондовых рынка, которые не связаны между собой. Начались переговоры насчёт интеграции, к успеху которых много усилий приложил Алексей Голубых, который позже станет одним из руководителей "Тройки Диалог". Постепенно стороны договаривались».*

В сентябре 1995 года представители всех региональных ассоциаций собрались на итоговую конференцию в пансионате «Зелёный бор», расположенном между Челябинском и Екатеринбургом. Там и прошла первая совместная встреча, на которой свершилось объединение всех биржевых площадок. Туда приехали практически все руководители бирж и брокерских компаний.

Моряков И. Д.: *«Мы хотели каким-то образом договориться о модели торговли, включающей брокеров всех региональных ассоциаций, которые учредят НАУФОР. На самом собрании, к сожалению, этого сделать не удалось. После чего началась челночная дипломатия. Брокеры, руководители каждой ассоциации запирались в отдельной комнате, а крупнейшие московские брокеры и мы, консультанты, бегали между комнатами и убеждали попробовать ту или иную модель. На это ушло, наверное, полдня. И примерно часов в 12 ночи, если не позже, то есть уже было очень-очень поздно, появилась модель, которая в принципе всех устроила. Насколько я помню, прошла идея, что совет директоров нового образования будет состоять из двенадцати человек, из них шесть мест будут отданы ПАУФОРу, а по два места получат остальные региональные ассоциации».*

Эта модель в принципе всех устроила, и таким образом появился на свет НАУФОР. После этого его очень быстро учредили, установили единые правила торговли, которые распространялись на торговлю в РТС, тогда же появился единый договор и так далее.

Телятников А. Л.: *«Я прилетел на встречу с опозданием — её участники уже парились в бане. Свой доклад о техническом развитии РТС я прочитал прямо там.*

Помню, как последними ушли совещаться представители Уральской ассоциации. Они всё никак не могли окончательно решиться на утрату самостоятельности, и в зале чувствовалось напряжение. Даже во время итогового банкета в ресторане уральская делегация ушла договариваться.

Через какое-то время они всё же вернулись и их председатель сообщил, что решение принято. Все стали радоваться, поздравлять друг друга. В этот момент Иван Лазарко (он тогда возглавлял совет директоров НАУФОР) внятно спросил вслух: "А какое именно решение?»

Упрямство, видимо, объяснялось тем, что у некоторых делегаций был расчёт: если остаться независимым, то на тебя прольётся золотой дождь консультантов — они продолжат поставлять технику, поставят свой сервер и будут финансировать их структуру».

Чикунов А. В.: *«Я входил в оргкомитет по созданию ПАУФОРА и торговой системы. Помню, как мы постоянно заходили в тупик, потому что консультанты планировали создать НАУФОР с правом вето у каждой региональной организации. Особенно кровь портили уральцы. Я их даже публично назвал "каменными парнями".*

Когда требовалось за какой-то пункт голосовать, уральская делегация покидала комнату переговоров и, вернувшись, говорила: "Мы против". При этом не утруждая себя объяснениями и не делая встречных предложений.

Я, в отличие от них, всегда был направлен на движение вперёд. Поэтому Моряков и его коллега Илона Красавцева, поняв, что я могу выступить миротворцем, просили меня регулярно найти выход из трудного положения. И я выступал миротворцем».

В принципе, можно сказать, что тогда и закончился первый этап формирования инфраструктуры фондового рынка. В результате всех этих процессов наконец был создан российский фондовый рынок.

В регионах с воодушевлением воспринимали предложение, что им будет установлена торговая система и брокерам не придётся больше звонить по телефону, они смогут выставлять котировки, торговать между собой.

Моряков И. Д.: *«Кроме слов мы сделали для них полностью технический сет-ап, провели телефонные линии, что тогда было, на самом деле, достаточно проблематично, наконец, оплачивали аренду помещения для ассоциации и платили какие-то зарплаты».*

Надо сказать, в России в начале 1990-х годов с телекоммуникациями была полная беда. Приходилось договариваться с местными провайдерами о прокладке прямых кабельных линий прямо до офиса их ассоциации. В каждом из них устанавливался компьютер с программой. Линии прокладывали и в офисы брокеров. Таким образом, они смогли работать абсолютно автономно, не через ненадёжные модемы, а по прямой линии, так называемой direct

line, по «выделенке» получили доступ в систему торговли. За полгода, к началу 1995 года, эти системы с помощью KPMG были установлены везде.

Моряков И. Д.: *«И в этот момент мы поняли ошибочность нашей концепции — объёмы торговли внутри регионов были мизерными, её практически не было».*

С момента запуска РТС, когда началась работа не в тестовом, а в торговом режиме, пошли жалобы от брокеров из регионалов, что москвичи с ними не хотят торговать. Москвичи на это отвечали: «У нас нет общих правил торговли. А по их правилам торговли мы не хотим с ними работать. Они же не хотят работать по нашим».

Моряков И. Д.: *«В общем, пришлось проводить очень большую дипломатическую работу. А Дима Пономарёв, мой коллега и партнёр в KPMG, выбранный президентом ПАУФОРа, стал своего рода нашим агентом влияния. Мы пытались через него очень аккуратно внушить московским брокерам, что с регионалами полезнее дружить. Вы, конечно, можете диктовать им свои условия, понятно, что вы хотите каким-то образом оградить себя от рисков, но поверьте, они нормальные, и с ними надо работать а не конфликтовать».*

Первоначально ПОРТАЛ выполняла скорее информационные функции, так как большинство выставленных в ней котировок были индикативными, а потому необязательными к исполнению, но вскоре был поставлен вопрос о необходимости введения твёрдых котировок.

Управление было сначала ручное. Система не удовлетворяла заявки участников торговли автоматически. Сделки заключались следующим образом: обычно инициатор сделки (покупатель или продавец) по телефону или через электронную почту системы связывался с выбранным на основе выставленных котировок контрагентом и предлагал ему свои условия сделки либо заявлял о желании совершить сделку на условиях контрагента, от чего последний был не вправе отказаться. После достижения устной договорённости в систему вводился отчёт, отражающий основные параметры сделки, включая название контрагента, который, в свою очередь, вводил подтверждение сделки. Данные о сделке тут же высвечивались на экране всех пользователей РТС.

Нарушение достигнутой устной договорённости считалось недопустимым, даже если не был подписан договор. В основном сделки заключались в то время на условиях предпоставки ценных бумаг, когда оплата происходила после переоформления акций на покупателя. Был предусмотрен и вариант договора поставки ценных бумаг с предоплатой, хотя он был не столь распространён.

Даценко А. М.: *«Все были заинтересованы как можно быстрее запустить механизм торговой системы. В этом аспекте интересы руководите-*

лей крупных компаний, являющихся на рынке порою жёсткими конкурентами, совпадали».

Регулярные торги в Москве стартовали в мае 1995 года, когда появились первые семь маркетмейкеров, поддерживавших двусторонние заявки по некоторым акциям. Каждый участник торговой системы был обязан выдерживать постоянно как минимум три твёрдые котировки, при этом брокер, к которому обратились с предложением о заключении сделки по выставленной им котировке, был волен выбрать по своему усмотрению порядок расчётов (предоплата или предпоставка ценных бумаг).

С этого времени РТС можно было уже считать действительно полноценной торговой системой. Участники торгов, обладавшие терминалами РТС, могли выставлять котировки по российским акциям и по телефону договариваться о заключении и исполнении сделки.

Тогда же, в конце апреля, были отменены индикативные цены, а выставляемые в системе котировки стали обязательными для исполнения.

Благодаря этому система внебиржевой торговли акциями ПОРТАЛ превратилась из некоего полуакадемического макета в реально действующую структуру. Сделки с акциями в ней перестали носить штучный характер и стали массовым явлением. Даже те операторы, которые не имели доступа к торговле в системе, прежде чем вести разговор о цене сделки интересовались котировками, выставленными здесь, считая их наиболее реальными. Через ПОРТАЛ её участники (ведущие московские брокеры) стали проводить до 5–10% всех своих сделок.

В листинг торговой системы были включены акции 83 приватизированных предприятий, 13 из них постоянно котировались маркетмейкерами, которых в системе было уже 14.

Важным прорывом, который произошёл тогда, стала выработка стандартных условий сделки. Если раньше контрагенты тратили массу времени на согласование договора купли-продажи, то теперь достаточно было позвонить участнику торгов, выставившему своё предложение, и сказать волшебные слова: «Я покупаю (или продаю) столько-то акций такого-то эмитента» — и сделка считалась осуществлённой.

Упрощение процедуры заключения сделок давало практически неограниченные возможности для наращивания торговых оборотов.

Согласно введённому стандарту переоформление прав собственности должен был проводить продавец, однако связанные с этим расходы оплачивались поровну. В случае, если регистратор эмитента находился в Москве, покупатель вправе был потребовать, чтобы акции были перерегистрированы на его имя не позднее чем через три дня после заключения сделки, то есть действовал режим Т+3. А продавец, в свою очередь, имел

полное право надеяться, что акции будут оплачены не позднее чем через два дня после перерегистрации.

Стороны сделки могли согласовать другой режим исполнения сделок, в том числе несовпадение лиц, передающих — принимающих ценные бумаги и получающих — уплачивающих денежные средства.

Что же касается котировок, то в целях повышения ликвидности рынка помимо условия «твёрдости» к ним предъявлялся ещё целый ряд требований. Во-первых, цены предложения не могли быть заведомо «плохими», т. е. продавец не имел права запрашивать цену, превышающую наименьшую цену предложения в системе более чем на 10%. Покупатель же, соответственно, не мог предлагать цену меньше на 10% самого выгодного предложения на покупку. Во-вторых, система предполагала торговлю крупными пакетами акций и в основном с расчётами через офшоры в долларах. Был установлен размер минимального лота для маркетмейкера — 20 тыс. долларов. Размер максимального лота не определялся, однако брокеры понимали, что решение, например, о сделке на 1 млн или даже на 500 тыс. долларов США не мог быть тогда принят на уровне трейдера ни в одной брокерской компании. Наконец, в-третьих, брокер нёс ответственность по своим предложениям только с 11 часов утра до 6 вечера.

Кроме этого, после начала проведения регулярных торгов увеличился список предприятий «первого уровня» (т. е. котируемых маркетмейкерами) с 7 до 13[1].

Следует добавить, что ценообразование в стране тогда было непрозрачным. Все бумаги хранились в реестрах, а расчётный депозитарий Российской торговой системы, ДКК, не пользовался вниманием большинства брокеров.

Тем не менее перед брокерами возникали новые проблемы, в частности, чисто технического свойства, отмечаемые наблюдателями. Например, хотелось уже введения многооконной системы, когда брокер на одном дисплее мог бы следить за акциями сразу нескольких эмитентов, а не только одного, как это происходило в середине 1990-х годов. Очень хотелось компаниям увеличить количество терминалов, установленных в их офисах. В тот момент можно было подключать только один. Всего в Москве была возможность одновременно подключить к системе только 15 или 16 модемов, то есть столько брокеров могли одновременно принять участие в торгах.

Гавриленко А. Г.: *«Я горжусь и тем, что вложил время, интеллект и энергию в создание биржи срочного рынка, которая впоследствии стала называться РТС. В течение 11 лет мы создавали этот рынок. В рамках проекта сформи-*

[1] *Градецкий А., Гришанков Д., Локоткова С., Сиваков Д., Шмаров А.* Фондовый рынок — обзор // Коммерсантъ. 13.06.1995.

ровалось биржевое сообщество рыночных профессионалов, многие из которых сейчас являются лидерами отечественного финансового рынка.

Здесь было над чем работать. Система биржевых торгов на первом этапе имела много недоработок. За купленные акции можно было расплатиться в течении трёх дней. Помню: сидит молодой брокер и, наблюдая, как растут акции некой компании, говорит: "Вот здорово! Сейчас куплю!" Я спрашиваю: "А деньги-то у тебя есть?", и получаю ответ: "За три дня что-нибудь придумаю!" Акции действительно через 2 часа выросли на 20%, и мой коллега их продал. Повезло...

Против такой системы торговли я постоянно выступал, убеждая всех, что так долго продолжаться не может. И в 1996 году так и произошло».

В середине июля 1995 года крупнейшие операторы фондового рынка: Межбанковский кредитный союз, брокерские фирмы «Тройка Диалог», «Ринако Плюс», инвестиционный банк «МФК — Московские партнёры», Международная финансовая компания, ОНЭКСИМ-банк, а также Национальная регистрационная компания подписали меморандум об объединении усилий для развития единой инфраструктуры в торговле ценными бумагами, представляющий собой фактически соглашение о разделе зон влияния в торговле ценными бумагами. В соответствии с ним роль «универсальной торговой системы» по сделкам с государственными ценными бумагами отводится Московской межбанковской валютной бирже, роль внебиржевой торговой системы — системе ПАУФОР (ПОРТАЛ). Межбанковский кредитный союз (МКС) должен был стать универсальной расчётно-клиринговой и депозитарной организацией, имеющей банковскую лицензию. Меморандум не был подписан многими участниками рынка, в частности Депозитарно-клиринговой компанией.

Летом 1995 года ПОРТАЛ был заменён Российской торговой системой, к операциям подключались и региональные брокеры, терминалы РТС появились в нескольких городах страны.

Предварительно совет директоров РТС провёл своё заседание в здании компании ОЛМА, прежде чем совершать фактически революционные преобразования, следовало убедиться, что торговая система работает.

Телятников А. Л.: *«Она, конечно, работала не очень хорошо, как любая IT-система. Но мы приняли решение, что 5 июля 1995 года запускаемся».*

Именно тогда, когда впервые к торгам присоединились региональные брокеры, РТС начала работать, как общенациональная торговая система. С этого момента участники получили возможность устанавливать себе терминалы РТС (вместо прежних терминалов ПОРТАЛа), выставлять котировки и по телефону совершать сделки друг с другом. Поэтому день рождения РТС и отмечается в июле.

Торги стартовали в 11 утра. Первая сделка была заключена с акциями Мосэнерго. Объём торгов тогда составил 576 тыс. долларов США. Вначале выставлялись акции 13 эмитентов, а уже через три месяца их было около 25.

Телятников А. Л.: *«Официально торговый день был с одиннадцати утра до шести вечера, потому что мы закрывались тогда же, когда открывался Нью-Йорк. И вот когда мы официально начали торговать, система запустилась и тут же сломалась. В итоге первые два часа мы её чинили. И реально начали торговать в час дня. Но в принципе объёмы были небольшими, я помню, как в конце июля докладывал совету директоров, что мы достигли 200 изменений котировок в день».*

Кстати, точной информации о количестве совершённых 5 июля сделок нет. Дело в том, что у брокеров не было обязательства отчитываться об этом перед организаторами торгов.

Первую котировку в торговой системе РТС, по утверждению А. Гальперина, выставил он. Это были акции «Коминефти».

Пономарёв Д. В.: *«Этот вопрос мы очень долго обсуждали: ясности, нужно ли отчитываться за сделки или нет, не было. А если нужно, то с какой периодичностью, как быстро и так далее... Это было следующим уровнем прозрачности».*

В том же 1995 году технический центр РТС был зарегистрирован как самостоятельное акционерное общество, став сразу самоокупаемым с одним учредителем — РТС. У него был свой бюджет, договора на техническое обслуживание со всеми брокерами с оплатой в соответствии с количеством трейдеров, благодаря этому центр сразу стал самоокупаемым.

Совет директоров РТС утверждал одновременно два бюджета — свой и ТЦ. При этом большую часть расходов сообщества, в том числе и по оплате труда людей, относили на техцентр.

Телятников А. Л.: *«Биржа непосредственно в наш центр никаких средств не вкладывала. Объём его годового дохода составлял несколько миллионов долларов. Вся техническая инфраструктура РТС была построена на эти деньги. Хотя, конечно, это был достаточно бюджетный вариант».*

РТС была создана, как некоммерческое партнёрство. В те годы превалировала идеология: биржа должна быть звеном инфраструктуры, и только. Она не должна иметь прямого коммерческого интереса. Главное для неё — забота о бизнесе партнёров. Стояла задача направить менеджмент на обслуживание рынка, а не на создание большой прибыли для самой биржи. В начале 1990-х годов около 90 % фондовых бирж, входивших в состав Всемирной федерации бирж (World Federation of Exchanges), являлись общей собственностью брокеров — членов биржи. О коммерции и об извлечении коммерческой

выгоды из её работы речь не шла. Вопрос акционирования бирж во всём мире начал решаться позже, уже в конце 1990-х годов.

Чем больше становились торговые обороты РТС, тем сильнее ощущалась нужда в более-менее прозрачных котировках. Особенно это было важно иностранным брокерам, которым, помимо прочего, следовало вести строгую отчётность перед руководством и своими заказчиками.

Вводилось понятие листинга маркетмейкеров, и для бумаг, включённых в этот листинг, минимальный лот устанавливался в размере 10 тыс. долларов, для всех же остальных акций — 5 тыс. долларов. Маркетмейкеры имели право выставлять заявки в торговую систему, остальные участники могли созвониться с ними и совершить сделку на предложенных условиях.

Как уже говорилось, правила торговли были очень динамичными, они постоянно совершенствовались торговым комитетом.

Один из основателей компании «Ринако Плюс» Константин Мельников признавался тогда: *«До появления РТС мы делали в 10 раз меньше оборотов, но зарабатывали всего в 2 раза меньше денег. Потому что спреды тогда были большими. Когда появилась биржа, спреды сузились»*.

Телятников А. Л.: *«Я ему тогда посочувствовал: “Ужасно, что так получилось, извини”. Но он ответил: “Но ты знаешь, оборот вырос в 20 раз”. И это как раз тогда, когда участники стали отчитываться о сделках, когда появились реальные цены, именно этот момент был очень важен: брокеры поняли, что могут зарабатывать в разы больше, и, собственно, тогда и стали отчитываться за сделки. Потому что уже все перестали бояться, что цена будет раскрыта, а спред был такой небольшой, что в принципе это всех устраивало. Через месяц с момента начала торгов было 200 изменений котировок в день. Сейчас это пролетает за долю секунды на всех рынках, однако тогда это был большой успех»*.

Организаторы радовались каждой следующей котировке, потому что каждый следующий месяц прибавлялось ещё 200, 300, 500, и это всё росло, росло, росло...

Телятников А. Л.: *«Каждый из создателей биржи понимал: если будут происходить скандалы, то инвестор уйдёт с рынка. Поэтому скандалы гасились изнутри. Одной из важных функций РТС было быстрое выявление нечистоплотных участников и информирование о них.*

Работало это так. Если на рынке выявлялся участник, который, по мнению одного из его контрагентов, вёл себя нечистоплотно, то последний, как участник РТС, имел право донести до всех остальных соответствующую информацию. Обычно в этом случае на терминале появлялось объявление следующего содержания: компания такая-то просит соблюдать осторожность при

заключении сделок с такой-то компанией. Новость видели все трейдеры, и это означало: "Названная компания нас "кинула", берегитесь"».

Ещё до создания Третейского суда была найдена форма урегулирования конфликтов. Офисные АТС позволяли записывать звонки. Но из 10 линий трейдеров она могла записать только 5. Случались разборки, когда партнёры приезжали к коллегам со своими записями. Директора двух фирм садились, прослушивали записи и находили выход. Рынок оставался удивительно мирным.

Так как торговая площадка РТС была в то время единственной площадкой, дававшей возможность работать с ценными бумагами, вскоре на неё стали в большом количестве приходить новые участники, в том числе банки.

Ячник О. Е.: *«Комитет по приёму новых членов ПАУФОРа регулярно рассматривал в течение одного заседания 10–20 новых заявлений о приёме. Правила предполагали, что кандидат на вступление должен предоставить не менее трёх рекомендаций от членов ПАУФОРа, и это правило жёстко соблюдалось. Без членства в ПАУФОРе работать в торговой системе было нельзя».*

14 ноября 1995 года торговый комитет ПАУФОРа, объединяющий тогда более 80 инвестиционных компаний и брокерских фирм, установил новое требование торговли в используемой ассоциацией Российской торговой системе. Все участники РТС, имеющие к ней доступ в режиме торговли, обязались поддерживать не менее трёх односторонних котировок по корпоративным бумагам. Ранее подобные требования предъявлялись только к компаниям, имеющим статус маркетмейкеров РТС, ежедневно выставляющим в торговой системе двусторонние котировки по наиболее ликвидным акциям минимум трёх и односторонние минимум двух приватизированных предприятий.

30 ноября в Москве, как уже рассказывалось в предыдущей главе, было создано межрегиональное объединения участников фондового рынка — «ПАУФОР России».

Образовавшие его брокеры рассчитывали, что, приняв участие в создании общенациональной ассоциации, они получат возможность подключиться к активным операциям в Российской торговой системе и регионалам. В Москве в свою очередь надеялись, что теперь выведут на рынок новые ещё не известные инвесторам региональные акции. Всё это в конце концов должно было привести к росту российского фондового рынка.

На учредительном собрании было оговорено, что новая ассоциация будет подчиняться единым правилам торговли в РТС.

В торговый комитет тогда войдут шесть представителей от столичной ассоциации и по три — от санкт-петербургской, новосибирской и екатеринбургской региональных организаций. Председателем торгового комитета ста-

новился кто-нибудь из московских брокеров, поскольку именно они имели наибольший опыт как в торговле, так и в разработке её правил.

То есть правила торговли в общероссийской ассоциации продолжали разрабатываться и совершенствоваться.

Телятников А. Л.: *«В своё время на РТС существовал обычай — каждый год выпускать фирменную майку с новым девизом. И вот однажды Дима Пономарёв придумал слоган, который звучал так: "РТС — это разумное ограничение вашей свободы". Мне кажется, что миссия РТС описана этими словами довольно точно. В этом она (на том этапе) и заключалась.*

Разумные ограничения состояли в том, что брокеров на РТС просили соблюдать определённые условия. Предполагалось, что никто не может просто так выдвинуть против партнёра обвинение в недобросовестности. Что если начнутся проблемы, то никто не побежит в купленный суд, а обратится в Третейский суд при НАУФОРе. Словом, что за всё придётся отвечать».

Кроме этого, для обеспечения целей ассоциации создавались ещё дисциплинарный комитет, комитет по листингу, Третейский суд. А также комитеты по регламенту и законодательной инициативе, финансово-операционный комитет и другие органы».

Неуклонно за этим процессом следил Старший Брат — Федеральная комиссия.

Васильев Д. В.: *«Мы были уверены (и, жизнь показала, не ошибались), что давление инвесторов будет повышать требования к торговой системе. А с другой стороны, сами брокеры будут давить на эмитентов и требовать их большей прозрачности и ужесточения требований к раскрытию информации от регулятора.*

Эмитенты же по мере экономического роста и увеличения потребности в инвестициях начнут постепенно понимать, что привлечение таких инвестиций требует повышения "качества" ценных бумаг, связанного с увеличением прозрачности компаний, улучшением качества их корпоративного управления. И все эти факторы в совокупности двигали рынок шаг за шагом в сторону его улучшения.

У меня как регулятора было довольно мало проблем с РТС. А иностранная помощь, оказанная РТС на стадии возникновения, в данном случае оказалась весьма эффективной и была толково использована».

По оценкам брокеров, к концу 1995 года через РТС совершалось не более 10–15 % всех сделок с акциями приватизированных предприятий (у крупных московских брокеров — основателей ПАУФОРа через РТС проходило около 50 % оборота).

Брокеры поняли, что работа на больших оборотах позволяет им зарабатывать больше, чем ранее на огромных спредах.

В какой-то момент информация, появляющаяся на рынке, стала уходить в международные системы Reuters, Bloomberg...

Телятников А. Л.: *«Когда я в первый раз нагрянул в Bloomberg, там мне сказали: "Приедут наши инженеры по подсоединению систем". Думаю: "Ну приедет человек, мы с ним договоримся". И тут заходит делегация, человек пять, все в галстуках. Я начал бегать по техцентру, чтобы собрать пять человек, на которых тоже можно натянуть галстуки.*

Сейчас понятно, что если бы мы не воспользовались чужим опытом в построении торговой системы, то нам было бы трудно объясняться с людьми из агентств. Они говорят: "Какой у вас поток данных будет?" Я говорю: "Ну вот у нас вот такой". Они: "А, ну хорошо, как на NASDAQ? Мы берём его". Так мы стали продавать market data, эти деньги пошли на развитие нашей инфраструктуры, и, в принципе, для участников рынка это был выход на международную арену. Тогда как раз и появились сделки, котировки стали всё более и более жёсткими, потому что биржа РТС стала частью международного рынка.

Когда я взял в руки выписку счёта и увидел в ней подписчиков на нашу информацию в Чили, Бразилии, Южной Африке, вот тогда стало понятно, что мы фактически открыли страну международному рынку».

Следует отметить ещё одно важное событие: создание индекса РТС. Организационная встреча по утверждению формулы индекса прошла 1 сентября 1995 года на территории «Ринако Плюс» в здании Политехнического музея. Он начал рассчитываться со значения 100 пунктов на основании котировок 13 ценных бумаг наиболее капитализированных российских компаний.

Ячник О. Е.: *«В процессе его разработки и внедрения важную роль играли американский консультант Фред Берлинер, а также российский специалист Виктор Агроскин из компании "Ринако Плюс". Индекс достаточно быстро завоёвывал признание в стране, его значения начали появляться в СМИ. Вначале индекс РТС рассчитывался один раз в час и не играл сколько-нибудь важной роли для торговли, но теперь, оглядываясь назад, следует признать, что совет директоров в далёком 1995 году принял стратегически важное решение».*

Фред, по словам Алексея Телятникова, сказал: «Как же так, биржа у вас есть, а индекса нет? Это неверно!» И объяснил базовые вещи: что такое индекс, зачем он нужен и как может считаться.

Телятников А. Л.: *«В те времена одним из ведущих российских брокеров была компания "Ринако Плюс". Аналитическим отделом там руководил Константин Контор, очень яркая личность. Он-то и написал первую формулу индекса РТС. Это происходило в здании Политехнического музея, где у "Ринако" был офис, и там же, на специальном собрании, обсуждались все сопряжённые с запуском индекса вопросы».*

Так как акции РТС, пока это разрешалось в России, котировались в долларах, то и индекс фондового рынка тоже выводили в долларах.

Агроскин В. В.: *«Я возглавлял соответствующий комитет, и Дмитрий Васильев нас периодически журил за использование иностранной валюты в расчёте индекса, но серьёзного давления мы от регулятора по этому поводу не испытывали».*

Проблема с индексом состояла тогда в том, что его текущее значение обновлялось не постоянно, а один раз в час. Потому что он считался по сделкам, а сделок было мало. Отчасти из-за этого в 1997 году появился ещё один индекс РТС — технический, который считался по котировкам, а не по сделкам.

Гальперин А. Ю.: *«Когда начали считать индекс РТС, то, т.к. сделок было мало, делали это вначале по котировкам, взяв несколько ликвидных бумаг. И однажды некий трейдер подвинул котировку не очень ликвидной акции Нижневартовскнефтегаз. Указывалась у него покупка 2 доллара, продажа — 10. Ни у кого больше на продажу она не стояла. Вечером в пятницу он решил подстраховаться и передвинул котировку до 100 долларов.*

В результате индекс взмыл вверх. Журналисты заволновались — сенсация. Звонят, спрашивают: "Что случилось на рынке?!"

После этого стали брать лучшие котировки».

Впоследствии индекс РТС станет признанным мировым финансовым сообществом, как ведущий индикатор российского фондового рынка. Он рассчитывался тогда ежедневно с 10:00 до 23:50 (время московское) на основе цен 50 самых ликвидных акций наиболее капитализированных компаний.

Телятников А. Л.: *«Когда индексу исполнился год, мы с Олей Белобровцевой решили учредить его день рождения. Праздник назначили на 1 сентября, конец лета, люди вернулись в Москву после отпусков, ждут праздника. На него пришли абсолютно все. В дальнейшем эти нейтральные гулянки без всякой повестки дня очень любили все брокеры».*

За 15 лет значение индекса РТС вырастет более чем в 15 раз со 100 пунктов до 1507 (30.09.2010 года). Максимальное значение было зафиксировано 19 мая 2008 года и составило 2487,92 пункта.

Следует отметить позитивное влияние, по словам Дмитрия Пономарёва, на РТС конкурирующей биржи ММВБ и её президента Александра Захарова.

Пономарёв Д. В.: *«Статус полноценной биржи РТС приобрела (косвенно) с его подачи. ММВБ, будучи конкурентной площадкой, подвигла РТС к развитию биржевых технологий и это привело к её технологическому качественному росту.*

Московская межбанковская валютная биржа создавалась путём регулирования со стороны государства. Дело в том, что государству в определённый момент понадобился "ценно-бумажный" инструмент, который мог бы разме-

щаться и обращаться на бирже. Под этот инструмент была создана инфраструктура, с помощью которой стали проводить торги государственными ценными бумагами и расчёты по сделкам.

В результате Банк России всегда сохранял контрольный пакет акций ММВБ и полностью ею управлял.

В РТС всё решалось иначе, её конструкция была рыночной. Наша биржа, никогда не имевшая государственной поддержки, могла рассчитывать лишь на собственные ресурсы. Поэтому объём возможностей у нас был существенно меньшим, и мы объективно проигрывали конкурентное состязание».

Агроскин В. В.: *«В то же время ММВБ, создавая свою фондовую секцию, тоже пыталась торговать акциями, но успеха до 1998 года не имела, банки продолжали работать через РТС».*

В конце февраля 1996 года объём торговли в РТС за неделю составил 16,9 млн долларов[1].

Говорить о том, что система была лишена недостатков, нельзя, и главным из них было отсутствие связанных с РТС расчётно-депозитарных организаций, способных обеспечивать схему сделок с ценными бумагами «поставка против платежа», гарантировать покупателю и продавцу чёткое выполнение условий сделки, осуществлять клиринг и сократить время расчётов, уменьшив зависимость от реестродержателей.

Вот как характеризовал её ставший в начале 1997 года директором комитета по расчётам и управлению рисками РТС Александр Агеев: *«К тому моменту РТС была основной торговой площадкой для корпоративных ценных бумаг в России. Правда, фактически торговая система представляла собой доску объявлений, где каждый участник видел каждого, расчёты осуществлялись вне системы и велись в долларах. Чуть позже в систему была добавлена коммуникационная функция — участники смогли обмениваться сообщениями. Первыми моими шагами в работе в РТС стал анализ системы расчётов. В то время она была достаточно примитивной и затратной — все расчёты по акциям производились в реестрах».*

А доверие всегда было фундаментальным и необходимым свойством рынка.

Телятников А. Л.: *«Когда рынок только начинался, отсутствие доверия, в принципе, мешало людям зарабатывать».*

Ячник О. Е.: *«Члены нашего сообщества добровольно обязались придерживаться взаимных договорённостей, правил информационной открытости и единого документооборота. И эти правила соблюдались. Отказов от сделок было очень мало. Компания, пытавшаяся не исполнить обязательства, могла*

[1] Фондовый рынок. Вечером деньги — вечером же и акции // Эксперт. 04.03.1996.

выпасть из рынка, поскольку соответствующая информация распространялась достаточно быстро, и с этой компанией никто не заключал сделок».

Рынок регулярно создавал множество рисков — расчётный, валютный, рыночный. Время было такое — неспокойное, лихое.

Варданян Р. К.: *«Катаклизмы случались постоянно. Казалось бы, в таких условиях невозможно работать нормально, то есть честно.*

Вспоминаю такую, например, уникальную ситуацию. В 1995 году, согласно Гражданскому кодексу, сделка, не подписанная обеими сторонами, не считалась вступившей в силу. Получалось, что до 1998 года все участники российского фондового рынка работали вне правового поля. Каждая из сторон в любой момент могла отказаться от любой сделки, и это соответствовало бы ГК. Тем не менее, когда в 1996 году IFC работала с отчётностью "Тройки", её сотрудники были шокированы, узнав, что количество отказов от сделки у нас составило всего 1%. То есть участников рынка, не выполнявших обязательства, было очень мало. Несмотря на то, что на таком диком рынке можно было делать что угодно».

Заканчивалась история этого периода громким скандалом в торговой системе.

31 января 1996 года чрезвычайный совет директоров ПАУФОРа разбирал вопрос о ЗАО «Инвест-импорт», совершившего в период с 18 по 25 января ряд мошеннических операций с ценными бумагами — оно по подложным документам закупило акции некоторых наиболее привлекательных российских компаний у таких известных брокерских фирм, как «Тройка Диалог», «Грант», «Ринако Плюс» и «ЮниТраст»[1], а потом сбыло их за наличный расчёт и исчезло, прежде чем ПАУФОР узнала о подделке.

Нанесённый им ущерб оценивался примерно в полмиллиона долларов.

По официальной версии ПАУФОРа, ЗАО «Инвест-импорт» «путём предоставления фальшивых платёжных документов совершило ряд мошеннических операций по купле-продаже акций различных эмитентов с рядом операторов фондового рынка»[2].

Как полагали участники рынка, компания некоторое время работала честно и зарекомендовала себя надёжным партнёром. И только после этого, когда с ней стали соглашаться работать на условии предпоставки[3], ЗАО провело ряд нехитрых махинаций.

---

[1] *Манвелов Н.* ПАУФОР хочет обезопасить свои сделки // Карьера — Капитал. 20.02.1996.

[2] Скандал на фондовом рынке // Коммерсантъ-Daily. 03.02.1996.

[3] «Предпоставкой» участники называли действующий в ПАУФОР принцип последующей оплаты ценных бумаг. С малоизвестными фирмами большинство членов ассоциации работали только на условиях предоплаты.

Однажды компания получила от контрагентов ценные бумаги, деньги за которые, согласно действующим правилам, она должны была перечислить в течение трёх дней...

Тот скандал стимулировал ускорение работ по созданию системы расчётов «поставка против платежа», существующей на всех цивилизованных рынках. Для этого необходимы были единый депозитарий и клиринговый банк.

Заговорили тогда о реальной гарантии качества сделок и создании системы экономических коэффициентов различных компаний — членов ПАУФОР, позволяющей составить представление о надёжности компаний.

«ПАУФОР, похоже, действительно вплотную занялась решением проблемы взаиморасчётов. Об этом сообщил председатель совета директоров ассоциации Андрей Даценко на конференции "Конъюнктура российского фондового рынка в 1996 году: анализ и прогноз", прошедшей в конце февраля в Финансовой академии. В настоящее время рассматривается следующая схема заключения сделок. В конце торгового дня представители брокеров, продавших акции, собираются в одном месте и отдают соответствующие передаточные распоряжения представителям трансфер-агентов (пока их два: ДКК и Депозитарий РИНАКО). Покупатели в тот же день перечисляют деньги за акции в Межбанковский кредитный союз (МКС). Затем трансфер-агенты производят перерегистрацию акций, а МКС, получив от них подтверждение о её завершении, перечисляет деньги продавцам. Схема прошла предварительное обсуждение в ПАУФОР, и сейчас там ждут ответа от трансфер-агентов: они должны определить перечень акций, с которыми будут работать в рамках этого проекта»[1].

И тем не менее можно уверенно сказать, что благодаря РТС в 1996 году фондовый рынок России стал «прозрачнее», в региональных центрах торговли можно было оперативно узнавать об изменениях конъюнктуры, доступная информация о текущих котировках не позволяла одним участникам сделок пользоваться незнанием ситуации другими участниками.

От явлений, подобных торговле суррогатными акциями мифических корпораций, к тому времени, благодаря усилиям органов государственной власти и профессиональных участников фондового рынка, удалось избавиться. Однако оставалась нерешённой проблема «уличной», практически нерегулируемой так называемой скупки акций.

Интересные итоги подвёл для себя Игорь Моряков, возглавивший в 1996 году ДКК.

Моряков И. Д.: *«Устойчивость нашей компании была достигнута, на мой взгляд, потому что была принята американская модель, поощряющая движение снизу с использованием инициативы брокеров, отстаивающая их ин-*

[1] Фондовый рынок. Вечером деньги — вечером же и акции // Эксперт. 04.03.1996.

тересы. Центральный же банк действовал наоборот. Мы на всех совещаниях спорили с Андреем Козловым. Он говорил, что-то типа: "Брокеры ничего не знают. Вот мы, гениальные люди, мы знаем, как правильно нужно создавать систему". И в результате какой результат? Система была создана плохая. И никто из брокеров туда особо не стремился.

Её главный недостаток заключался в том, что они пытались загнать брокеров в какие-то установленные рамки. А бизнес их не принимал. Когда говорят, что брокер должен торговать только так и никак иначе, у него возникает вопрос: "А почему?" Если мои клиенты не хотят переводить все деньги в рубли и депонировать их на ММВБ, причём без выплаты процентов, кто их заставит? Тем более брокер не знает, завтра он будет покупать что-то или нет. И почему, когда, покупая, условно на миллион долларов, а продавая на 500 тыс., оставшиеся 500 тыс. свободных денег он не может вновь вложить в бумаги? То есть такого неттинга внутри торговой сессии ЦБ не было. Одним словом, их система, правильная теоретически, с точки зрения чиновников, была очень неудобная.

Центральный банк имел полную возможность в любой момент отключить систему. Того или иного брокера из системы отключить. То есть со стороны государства происходило беспрецедентное манипулирование. Государственному чиновнику такой подход, естественно, близок и удобен. Если какой-то банчок вдруг хочет продать бумагу по цене, явно более низкой, чем хотел установить Центральный банк, то ему просто отключат кислород. Ещё и пожурят: "Нехорошо ведёшь себя, товарищ!" Помню, Константин Корищенко звонил и упрекал: "Ребята, вы чё, обалдели, что ли? Ну-ка котировки убрать!"

В РТС это было совсем по-другому. Попробовал бы Телятников или Пономарёв позвонить брокеру и спросить: "Ты чё тут котировки плохие ставишь?" Им даже в голову такое прийти не могло! Именно в этом принципиальная разница в подходах Центрального банка как государственного органа и НАУФОРа. И поэтому мы всегда говорили, что РТС — это свободный рынок, а ММВБ — это рынок государственный, и всё-таки далеко не свободный».

В результате технические сбои на ММВБ происходили чаще, чем в РТС. И, согласно статистике, процент нерабочего состояния ММВБ в 1990-е, в начале 2000-х годов был гораздо выше, чем у РТС. При этом штат ММВБ в одно время был в десять раз больше, чем штат РТС.

Персональная ответственность. В орбиту деятельности Российской торговой системы было вовлечено значительное количество ярких личностей. Уже говорилось об отцах-учредителях Торговой системы РТС. Хотелось бы несколько конкретизировать этот рассказ. Очень важные слова по этому поводу сказал Олег Ячник.

Ячник О. Е.: *«Надо заметить, что деловые отношения, возникавшие между нами в тот период, имели примечательное свойство перерастать в личные, иногда дружеские связи. Поэтому РТС тогда являлась для нас не только бизнесом, но также своего рода клубом друзей-единомышленников.*

Это было очень важно. В такой среде возникало внутреннее доверие. Поэтому конфликты (которые в бизнесе неизбежны) гасились мягко. Например, если трейдер по ошибке набивал лишний ноль (то есть ошибался на порядок) и сделка по ошибочной цене фиксировалась с голоса, то вопрос решался путём переговоров, сделку аннулировали и перезаключали по правильной цене к взаимному удовлетворению обеих сторон. А торговые правила биржи на таких ошибках непрерывно совершенствовались, оттачивались.

На РТС сложилась замечательная команда: Андрей Даценко, Андрей Орехов, Марлен Манасов, Владимир Грабарник, Карен Антонян, Олег Царьков, Владимир Скворцов, Евгений Юрьев и многие другие. Все члены совета директоров были не просто молоды — они были очень молодыми людьми. Так что энергия из этого источника била с невероятной интенсивностью».

Конечно, особую роль в становлении РТС сыграл её президент — Дмитрий Пономарёв.

Телятников А. Л.: *«Очень многое с точки зрения консолидации брокеров в качестве именно сообщества сделал Дмитрий Пономарёв во время работы на посту президента биржи.*

Он у нас отвечал за политическую, организационную и юридическую часть дела. Без Пономарёва на РТС вообще много чего не получилось бы. Если вы по образованию дипломат, то должны уметь выстраивать отношения. А Дима — очень хороший дипломат. Он многое делал просто блестяще.

В результате на РТС, например, практически не было серьёзных случаев так называемого кидалова (от которого в те годы сильно страдали другие сегменты рынков). Так происходило, главным образом, потому, что люди понимали: если кто-то один потянет одеяло на себя, то рынка не будет вообще. Скорее всего, он, рынок, сразу уйдёт за границу».

Это подтверждает один из отцов-основателей биржи Олег Ячник.

Ячник О. Е.: *«Невозможно переоценить роль Дмитрия Пономарёва. Он умел уравновешивать непримиримые (вроде бы) позиции, приводить к консенсусу убеждённых противников, проявляя чудеса дипломатии. Он ставил большие задачи и решал их. Он отдавал работе много сил и времени, и под его руководством РТС двигалась вперёд очень хорошими темпами. Мне кажется, что если бы на начальном этапе системой руководил другой человек, более равнодушный и менее целеустремлённый, то, возможно, фондовый рынок в России стал бы другим.*

Кроме того, Пономарёв — человек творческий. Как только у биржи появилось первое арендованное помещение, он стал устраивать там художествен-

ные выставки. Так что, приходя на совет директоров, мы все могли любоваться полотнами талантливых живописцев».

Рассказы о первом президенте РТС можно множить и множить. Но мы остановимся на этих.

Следует отметить, что оперативно создать мощную технологическую базу сумел генеральный директор технического центра РТС Алексей Телятников. Можно сказать, что он сложил фундамент дальнейших успехов компании.

Огромную роль в становлении РТС, безусловно, сыграл Рубен Варданян.

Ячник О. Е.: *«Его коммуникабельность, интеллигентность, бесконечная любознательность, глубокие знания механизмов работы западных рынков, точные и быстрые оценки, умение быстро принимать верные решения были хорошим примером для всех нас. Брокерское сообщество очень внимательно прислушивалось к мнению Рубена».*

Уже неоднократно отмечался вклад Дмитрия Васильева. О нём уже говорилось в нашей книге. «Внятным, умным и компетентным человеком» называет Дмитрий Пономарёв его оппонента, не менее Васильева заинтересованного в развитии рынка — зампреда Банка России Андрея Козлова.

На начальном этапе значительную роль в развитии рынка играл Борис Йордан, прекрасно знавший работу западных рынков. Практически все рассказчики вспоминали Джонатана Балкли и Фреда Берлинера.

Телятников А. Л.: *«В числе прочих специалистов Джонатан Балкли привёз Фреда Берлинера. Фреду тогда было около 60 лет, он был известным человеком на Уолл-стрит, он всю жизнь торговал ценными бумагами и по характеру является классическим трейдером. Джон его привёз, чтобы он научил трейдингу наших ребят. Фред потом работал в компании "Тройка Диалог" и при этом ещё каждый четверг ночью играл в покер. На таких людей можно было смотреть и учиться тому, как надо любить жизнь и свою работу.*

А в середине 1990-х годов именно он учил всех российских трейдеров работе на фондовом рынке. Даже если эти люди работали не в "Тройке", а в других компаниях, и обучение, таким образом, происходило опосредованно: не через самого Берлинера, а через работу на рынке.

У Берлинера много и других заслуг перед российским фондовым рынком. Он стал поистине легендарной для российского фондового рынка личностью.

Он, например, составил первые четырёхбуквенные коды (тикеры) российских ценных бумаг и компаний. Есть даже компании, которые даже свои названия меняли под созданный им тикер. Скажем, акции компании Мосэнерго получили код MSNG, а бумаги Ленэнерго — код LSNG. Это русскоязычному человеку ясно, что во втором случае буква "S" не нужна, а Фред не мог уловить эту лингвистическую разницу, вот "S" и появилась в коде и используется до сих пор».

В заключение хотелось привести рассуждения опытнейшего руководителя брокерской компании АЛОР, уже тогда входившего в руководство РТС Анатолия Григорьевича Гавриленко, о родовых травмах Российской торговой системы, изживанию которых было посвящено ещё немало лет.

Гавриленко А. Г.: *«В первую очередь, "отцы-организаторы" расчётной системы, то есть несколько совершенно определённых брокерских компаний, стоявших у истоков, были на ней немножечко ровнее прочих. И эта их, если можно так сказать, более "высокая равность" постоянно задевала других брокеров, в частности нас. Скажем, в те времена у всех компаний были различные возможности по исполнению обязательств. РТС, как уже сказано, была классической западной биржей, хотя ещё не называлась так. Поэтому сделки на ней совершались в формате T+N. И вот значение N (то есть время, которое уходит на расчёты и поставку купленных или проданных бумаг) на практике могло сильно растягиваться в зависимости и от рыночной ситуации, и от компании, с которой заключалась сделка.*

Но самым печальным было даже не то, что исполнение обязательств могло осуществляться крайне медленно (иной раз чуть ли не через две недели!). Хуже было то, что не все компании — члены РТС в принципе могли адекватно ответить за те сделки, которые заключали их менеджеры. Поэтому через какое-то время в рамках РТС появилось понятие лимитов: если компания X считала, что компания У не соответствует высоким требованиям биржевого партнёрства, то она выставляла на компанию У лимит, скажем, на 100 тыс. рублей. И свыше этой суммы с ней уже не торговала ни при каких раскладах. А так как главными организаторами и игроками на РТС были те самые несколько компаний, стоявшие у истоков, то они же и выставляли эти лимиты на остальных. Получалось, что де-юре все брокеры были с "отцами-основателями" равны, но де-факто — нет.

Я понимал, что лимиты — мера вынужденная, защитная, но сильное неприятие вызывал у меня сам механизм их выставления. Он был непрозрачным и субъективным, поскольку гласной общепринятой процедуры не существовало, её в каждом конкретном случае вырабатывал риск-менеджмент определённой компании, то есть каждый творил конструкцию этого механизма защиты "под себя".

Вторым негативным моментом, который иногда меня просто пугал, было отсутствие на нашем рынке правовой культуры. Ведь чем является только что упомянутый формат посттрейдинга T+N? По сути, это заключение сделки под честное слово с последующей поставкой, опять же под честное слово. В странах со зрелой экономикой он стал, в конце концов, и удобным, и безопасным. Но Запад шёл к такому формату не одну сотню лет. А РТС его внедрила через 4 года после начала рыночных преобразований в стране.

Иногда некоторые менеджеры заключали сделки без должного обеспечения, то есть тихо и спокойно проводили операции, для заключения которых не имели ни денег, ни бумаг. И риск-менеджмент компании спокойно пропускал подобные операции, потому что откуда было взяться серьёзному риск-менеджменту через четыре года после возникновения рынка. То есть люди обнаружили возможность получать прибыль, не затрачивая ни копейки ни на депозит, ни на маржинальное обеспечение. А прибыль у них в итоге получалась сумасшедшей. И вот брокер, убаюканный постоянным трендом, заключал очередную сделку без обеспечения. Рынок в это время вдруг разворачивался, тренд менялся, и в результате контрагент нашего беспечного брокера оставался без денег или без бумаг. Боясь таких ситуаций, контрагенты и выставляли лимиты на партнёров.

К слову сказать, в те времена трудовая дисциплина вообще была не слишком жёсткой. Это сказывалось даже в мелочах: например, на работу раньше 10–11 часов не приходил никто, включая руководителей. На фондовом рынке работали в основном молодые ребята, а в молодости спать хочется особенно сильно.

Так вот, глобальная боязнь заключить сделку с недисциплинированной фирмой, по операциям которой в результате придётся отвечать собственным обеспечением, сильно тормозила развитие биржи. Ведь происходило следующее: ты имеешь, предположим, 150 тыс. рублей и хочешь работать в рамках всей этой суммы, но на тебя выставили лимит только на 100 тыс. И уже неважно, что ты готов ответить за все свои операции, что не собираешься никого обманывать, и что деньги у тебя есть. На тебя выставлен лимит, и он ограничивает твои действия.

Поэтому я постоянно предлагал руководителям РТС перейти на систему 100% предоплаты. Объяснял, что при существующем уровне развития рынка она более перспективна и надёжна, что в российских реалиях будет работать только полное предварительное депонирование. И так далее. Меня внимательно слушали, со мной даже соглашались, но, публично признавая предлагаемую систему надёжной, в качестве работающей версии оставляли прежнюю.

На мой взгляд, именно это несоответствие признанного на Западе формата классического биржевого рынка отечественным реалиям стало причиной того, что к 2000 году биржевой рынок РТС стал угасать».

СРОЧНЫЙ РЫНОК

В 1989 году первые публичные торги валютой провёл Внешэкономбанк, вслед за ним теми же людьми был создан валютный аукцион Госбанка СССР, организовавший 9 апреля 1991 года первые торги. Вскоре долларами стали торговать Всероссийский биржевой банк и ММВБ.

Интересно, что они начали свою работу ещё до вступления в силу снятия ограничений на покупку гражданами валюты. Произошло это 1 января 1992 года.

Кстати, знаменитую статью 88 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (на сленге валютчиков называемую «бабочкой») «Нарушение правил о валютных операциях» окончательно отменили Федеральным законом Российской Федерации № 10-ФЗ только 1 июля 1994 года.

Она предусматривала уголовное наказание за операции с иностранной валютой и валютными ценностями и в зависимости от состава преступления грозила лишением свободы на срок от 3 до 15 лет, конфискацией имущества, ссылкой на срок до 5 лет и даже смертной казнью.

Бывший тогда вице-президентом Фонда экономических и социальных реформ (Фонда «Реформа»), вскоре ставший первым зампредом Центробанка Александр Хандруев рассказывал.

Хандруев А. А.: «*Прежний запрет порой доводил дело до абсурда. Незадолго до его отмены я в командировке перерасходовал два доллара, бухгалтерия потребовала их вернуть. А советские рубли не брала. Что делать? Легально обменять рубли на доллары было невозможно, связываться с фарцовщиками мне было не к лицу. С большим трудом нашёл деньги у знакомых. Тогда даже 10-долларовая бумажка была в диковинку. Но когда мы впервые рассказали парламентариям о свободной продаже валюты, в том числе гражданам, нас подняли на смех. И недоумевали, как это доллары смогут купить все желающие. А главным аргументом была фраза: "Так долларов на всех не хватит!"*»[1].

7 января 1992 года в помещении Экспоцентра начал действовать валютный аукцион Всероссийского биржевого банка. Только после него регулярно торговать долларами стали на ММВБ. 9 апреля первый валютный аукцион состоялся на Московской центральной фондовой бирже, там начала действовать валютная секция, которая стала проводить еженедельные валютные аукционы с участием брокеров МЦФБ и представителей коммерческих банков.

До открытия срочного рынка в России оставались буквально месяцы.

Её организацией стали заниматься сразу несколько банков-конкурентов.

Первые опыты. Товарные фьючерсы. Сразу скажем, что попытки российских товарных бирж наладить торговлю товарными фьючерсами оказались в тот период безуспешными. При этом их было достаточно много, и они были весьма настойчивыми.

В тот момент в Москве продолжали торговать только 5–6 бирж, остальные, лежа на смертном одре, пытались экспериментировать. Биржи периода накопления нехитрого первоначального капитала полностью исчерпали свой

[1] Российская газета. 10.01.2012.

потенциал. И крупным биржам для того, чтобы выжить необходимо было вспомнить, что каждая из них не просто курица-наседка с несколькими сотнями брокерских контор, а нечто совершенно иное.

Впрочем, вскоре начнётся ваучерная приватизация и крупнейшие биржи, вновь займутся перевариванием больших откушенных кусков добычи. Как обычно, по отдельности. И острота проблемы на время ослабнет.

7 апреля 1992 года президент РТСБ Константин Боровой и глава концерна «Гермес» Валерий Неверов подписали соглашение о создании единой биржи энергоносителей, в которую вошли крупнейшие биржевые структуры России — РТСБ, ТМБ «Гермес» и АО «НТЦ "Гермес & Ко"».

Новая структура должна была учреждаться как ассоциация брокерских компаний и планировала заниматься фьючерсной и опционной торговлей. Помимо организаций, представляющих учредителей, в торгах новой биржи могли бы принимать участие и другие предприятия.

Система «Гермеса» в тот момент испытывала дефицит покупателей нефти при значительном количестве продавцов из Тюменской области. РТСБ же столкнулась с противоположной проблемой: при избытке покупателей ощущалась явная нехватка продавцов, размеры сделок с энергоносителями не соответствовали возможностям биржи. Таким образом, объединив усилия, участники соглашения получали возможность эти проблемы решать. Кроме того, «Гермес» надеялся выиграть за счёт возможного роста курсовой стоимости своих ценных бумаг, а руководство РТСБ — решительно покончить с остатками сепаратистских настроений у специализированных отделений биржи, теснее привязав их к главной конторе.

Соглашение не содержало никаких конкретных деталей относительно устройства новой биржи.

Председателем совета директоров топливно-энергетической биржи РТСБ TERO был тогда Александр Воловик. С ним у Неверова была достигнута договорённость об обмене брокерскими местами между ТМБ и TERO. Таким образом, фактически заключалось неформальное картельное соглашение для проведения согласованной ценовой политики[1].

Именно он и начал заниматься фьючерсами...

Воловик А. М.: «*В то время были только теоретические воззрения о фьючерсах. Я, прежде чем этим заняться, побывал в США в компании Merrill Lynch, на Нью-Йоркской фондовой и Амстердамской биржах. Наконец, я познакомился с работой Международной нефтяной биржи (International Petroleum*

[1] *Хныкин Ю.* Биржевой суперальянс: Боровой и Неверов готовят брак по расчёту // Коммерсантъ. 13.04.1992.

Exchange) в Лондоне, на которой заключаются фьючерсные сделки и опционы с нефтью. После этого вызрела идея увиденное воплотить у нас.

Биржевой совет утвердил моё предложение учредить в составе РТСБ новую топливно-энергетическую биржу. Первыми игроками на ней были иностранцы — американцы, голландцы и англичане. Первую нефть для работы с фьючерсными контрактами нам дал ЛУКОЙЛ, "Юганскнефтегаз".

Но возникли сложности с определением цены, с возможностью реализации опционов. Наши действия совпали с падением стоимости нефти, в результате игроки стали терпеть убытки, после чего продали свои опционы. Только голландцы реализовали контракты с ЛУКОЙЛом и отгрузили один танкер нефти, после чего интерес к этим операциям у всех пропал».

На базе же топливно-энергетической биржи РТСБ в том же году была создана Российская инновационная топливно-энергетическая компания (РИТЭК). Её сопредседателями стали А. М. Воловик и В. Ю. Алекперов. Впрочем, к истории срочного рынка она не имеет отношения.

15 июля 1992 года первый вице-президент Тюменско-московской биржи «Гермес» Владимир Морыженков заявил, что у них закончилась апробация контрактов на поставку нефти. Они представляли собой право на получение добытой «Гермесом» нефти в определённый месяц (т. е. форвардное). Каждый контракт был рассчитан на тонну нефти и стоил 3400 рублей. ТМБ «Гермес» к тому моменту продал все 3500 контрактов на нефть, которая должна была быть добыта в декабре 1992 года. По словам вице-президента ТМБ, *«в этой игре нет проигравших до того момента, когда цена на нефть дойдёт до своего пика — мирового уровня».*

Распространением контрактов занимались 8 клиринговых фирм. Программа была рассчитана на людей, не успевших вложить деньги в какой-либо товар или банк. По условиям контракта, его покупатель должен был внести гарантийный депозит в 95% наличными. С 16 июля контракты стали продаваться по безналичному расчёту и их можно было использовать для выплаты зарплаты.

А ещё была торговля на Пермской товарно-фондовой бирже фьючерсами и опционами на поставку нефти и нефтепродуктов. В 1993 году А. Р. Кузяеву предложил ею заняться коммерческий директор «Пермнефтеоргсинтеза». Это было интересно, поскольку в то время продолжали быть замороженными цены на нефтепродукты. После запуска пермских фьючерсов, биржа вышла на рынок нефти.

Кузяев А. Р.: *«К тому моменту я прошёл стажировку на Лондонской товарной бирже и знал, как работать с этими финансовыми инструментами. Была создана компания "Нефтесинтезмаркет", торговавшая этими бумагами с разными сроками действия. Были разработаны стандарты».*

Биржевым товаром стали 78-й бензин, дизельное и реактивное топливо, мазут, битум.

Этот проект просуществовал 3–4 года. «Пермнефтеоргсинтез» в то время в два раза нарастил маржинальность своего бизнеса, причём дополнительные средства поступали к нему за право поставок, а не за сам нефтепродукт.

27 апреля биржа «Российский газ» объявила о начале торговли форвардными контрактами, а также о частичном переходе на сделки бартерного типа. В связи с этим 28 апреля эта биржа подписала договор о сотрудничестве с Биржей стройматериалов. Аналогичные договоры они собирались заключить с Биржей металлов и Рослесбиржей. Впрочем, всё эти планы остались на бумаге.

Кстати, самый успешный проект с фьючерсами на нефть провернул банк «Менатеп» в конце 1995 года, в преддверии проведения залогового аукциона по ЮКОСу. Кох намекнёт, когда страсти улягутся, что Ходорковский использовал свои связи с ЮКОСом, чтобы взять в долг наличные деньги на покупку этой компании. *«Он предположил, что Ходорковский обещал за кредиты будущие поставки нефти. “Три банкира не могли собрать столько денег, сколько могли получить ЮКОС и “Менатеп”, например, за нефтяные фьючерсы, — писал Кох. — Все становится возможным, когда такая нефтяная компания объединяет силы с крупным банком. Это злило некоторых людей, которые повторяли словно заклинание: “Если бы мы только могли отделить ЮКОС от банка “Менатеп”” и тому подобное. Но стратегические союзы не противоречат закону и играют положительную роль»*[1].

В конце мая 1992 года на Сибирской фондовой бирже (СФБ) впервые в практике этой биржи заключены сделки с опционами на покупку акций. Курс акций по этим сделкам, срок которых истекал 1 июля, был весьма невысок. В частности, покупатель приобрёл право выкупить у продавца 50 акций «Пермавиа» по цене всего 80 рублей за штуку (при номинале 250 рублей) с премией 10 рублей; акции РИНАКО и акции ВПИК, согласно заключённым сделкам, должны были быть выкуплены с той же премией по цене 240 рублей штука (номинал каждой — 1 тыс. рублей). То есть новосибирские брокеры играли на понижение, ожидая весьма резкого падения курсовой стоимости этих акций[2].

Все эти примеры не имели ничего общего с классическими фьючерсами. В частности, обращающиеся тогда контракты концерна «Гермес»: «Гермес-1» — на приобретение 10 т западносибирской нефти и «Гермес-2» — на по-

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 358.

[2] Отдел бирж // Коммерсантъ. 01.06.1992.

ставку 50 кубометров леса хвойных пород 1-го сорта — заключались по ценам покупки контракта с оплатой его авансовой части. Они могли перепродаваться после авансовой оплаты и в случае роста цен на нефть и лес давали прибыль (в виде разницы между ценой продажи и ценой покупки контракта). Для получения же товара по контракту следовало оплатить его полностью. Кроме того, полностью оплаченный контракт можно было обменять на акции компаний, входящих в концерн «Гермес».

А ещё в том же, 1992, году, были выпущены в обращение срочные контракты на нефтепродукты Башкирской специализированной товарно-сырьевой биржи «Нефть и продукты её переработки» (БСТСБ) и Уфимской товарно-фондовой биржи (УТФБ). БСТСБ выпустила контракт на поставку 50 т автомобильного бензина по фиксированной цене, а затем организовала сеть пунктов по купле-продаже этих контрактов в ряде городов страны с курсовой надбавкой. УТФБ выпустила набор контрактов на бензины и моторные масла. Однако условия их обращения оказались хуже, чем у контрактов БСТСБ. Так, цена контракта пересматривалась при изменении государственных цен на нефтепродукты в соответствии с индексом инфляции, требовался 50 %-ный аванс при покупке.

Контракты УТФБ были малопривлекательными и быстро ушли с рынка, а контракты БСТСБ пользовались относительно хорошим спросом в силу своей спекулятивной составляющей, отражающей рост инфляции. Данные контракты по своей природе предназначались для использования в условиях высоких темпов инфляции, и возможность их переуступки в течение определённого времени не означала приближения этих бумаг к условиям фьючерсных сделок[1].

Как отмечала О. И. Дегтярева в книге «Биржевое дело», одной из проблем того периода была ещё не устоявшаяся терминология. Понятия срочных контрактов, фьючерсных контрактов и форвардных контрактов часто использовались как синонимы. Приведённые выше контракты являлись точно не фьючерсными, а фактически и не форвардными, но всё же ближе они были к форвардным.

Наконец, 11 июня представители четырёх крупнейших биржевых структур Москвы — РТСБ, МТБ, Московской биржи цветных металлов (МБЦМ) и Биржа металлов — подписали на совещании меморандум о создании координационного комитета по межбиржевому сотрудничеству на форвардном и фьючерсном рынке. Они, несмотря на небольшую любовь друг к другу, заявили о готовности координировать совместную деятельность в этой обла-

[1] *Дегтярёва О. И., Кандинская О. А.* Биржевое дело: учебник для вузов. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1997. С. 155.

сти, вырабатывать единую концепцию контрактной торговли, а также заняться унификацией её правил. Кстати, для формирования фьючерсного рынка тогда были предложены: сахар-песок (рафинад), пшеница второго класса мягкая ценных пород, бензин А-76, алюминий в чушках А-7.

В этом документе говорилось и о необходимости совместной подготовки законодательных документов, регулирующих торговлю форвардными, фьючерсными и опционными контрактами.

Участники меморандума согласились, что надо совместно формировать общее биржевое пространство для совместной разработки схемы клиринговой деятельности, хеджирования сделок, сертификации предприятий-производителей, унификации правил торговли, создания специализированных информационных сетей. Соглашение было открыто и для других бирж.

Поводом к сближению позиций бирж стало проведение ими аукционов экспортных сертификатов. На почве постоянных консультаций представителей четырёх бирж в МВЭС ими и была выработана совместная позиция по отношению к дальнейшему развитию биржевой торговли. Реальными же причинами подписания меморандума стало, скорее всего, снижение товарооборота и поиск выхода из создавшегося тупика[1].

Тогда же проявил активность президент правления (так называлась его должность) Всероссийской биржи «Фермер» и один из инициаторов учреждения зерновой фьючерсной биржи Игорь Чумаченко — поведавший, что формирующийся российский внегосударственный рынок зерна — варварский.

Объявила о разработке программы перехода к торговле форвардными и фьючерсными контрактами на поставки пшеницы Московская товарная биржа. А Международная продовольственная биржа даже заключила в июне два наиболее крупных в истории биржевой торговли СНГ форвардных контракта на поставку зерна. Эта сделка была совершена между двумя государственными структурами — рядом областных администраций северо-западных областей России и одной из государственно-коммерческих структур Казахстана. Росагробиржа, Российская зерновая товарная биржа и всероссийская крестьянская биржа «Фермер» объявили о том, что приступили к организации «Российской зерновой фьючерсной биржи».

МТБ ещё раз заявит о том, что в июне 1994 года биржа начала торги первыми срочными контрактами на пшеницу, однако обороты по ним были во много раз меньше оборотов по долларовым фьючерсам, и к 1995 году торговля ими почти прекратилась. Некоторое время биржа организовывала фьючерсную торговлю сахаром-песком, но вскоре признали бесперспективность этого занятия.

[1] Коммерсантъ.16.06.1992.

В 1994 году появился ещё один вид «товарного фьючерса» — «сахарный сертификат» торгового дома «Русский сахар». Это был тип товарораспорядительного документа, имеющего форвардный характер, согласно которому его владелец мог получить 50 кг сахара-песка через определённый срок. Как и предыдущие примеры, это был не биржевой контракт, а некий гибрид.

В начале 1995 года на РБ начал действовать фьючерсный рынок сахара (его вводила компания «Брок-Инвест-Сервис»), но у него тоже был недолгий век. Наконец, в 1995 году на РБ начали проводиться фьючерсные торги на золото.

Власов А. Ф.: *«У брокеров РТСБ был небольшой опыт торговли так называемыми варрантами, которые позволяли получить определённое количество сахара (выведен на биржу брокерской фирмой Игоря Сафаряна) или литр водки (выпущен компанией "Росалко", реализовывался на бирже несколькими брокерскими фирмами), однако объёмы торгов варрантами были незначительными. Торги ими начались одновременно с началом выдачи ваучеров и уже через месяц велись достаточно активно».*

Первое реальное исполнение поставочного фьючерсного контракта на пшеницу 4-го класса произойдёт на Московской бирже (уже другой) только 11 марта 2021 года.

На РТСБ в июне 1994 года началась фьючерсная торговля скандием. Этот рынок просуществовал менее года. На торги выставлялся типовой контракт — 10 тройских унций (311,1 г) металлического скандия чистотой не ниже 99,99 %. Торговые сессии проводились один раз в неделю, сроки контрактов были 4–5 месяцев. Фьючерсный рынок скандия постоянно пребывал в состоянии стагнации. За период с июня по декабрь 1994 года на нём было заключено примерно 50 сделок на куплю-продажу 74 типовых контрактов.

Московская биржа (МТБ) несколько раз пыталась наладить торговлю фьючерсами на алюминий. Первый же контракт объёмом в 20 т оказался неудачным, его заменили другим — объёмом всего в 150 кг, но и им торговлю не удалось наладить.

На Московской бирже цветных металлов (МБЦМ) была организована торговля трёхмесячными фьючерсами на цветные металлы (контракты на алюминий, никель, медь и свинец). В середине 1995 года среднее ежедневное количество заключённых фьючерсных контрактов равнялось 10.

Рослесбиржа пыталась проводить фьючерсные торги по пиломатериалам (контракт на поставку 1 $м^3$ пиломатериалов хвойных пород, ГОСТ 8486–86, 1-й сорт). В августе 1995 года объём торговли составлял в среднем 2 тыс. контрактов в день (по каждому месяцу поставки). Максимальная глубина поставки составила 6 месяцев.

Гусаков В. А.: *«Очень интересная бумага была у компании "Лиала" — что значило "Литр алкоголя". Это был фактически бессрочный фьючерс на водку.*

Покупали бумагу, а отоварить её могли в любой момент, когда продукт подорожает. Можно было его и продать по новой цене алкоголя».

И всё-таки попытки российских товарных бирж в описываемые годы наладить торговлю товарными фьючерсами оказались малоуспешными, но очень важными для дальнейшего развития срочного рынка.

Первой и наиболее успешной на срочном рынке в эти годы была **Московская торговая биржа.** Но не на товарном фьючерсном рынке.

Попадающий тогда в четвёртый павильон на ВВЦ (переименованное название ВДНХ) мог услышать, как под стеклянными сводами из глубин павильона периодически звучал странный рокот, он означал резкое изменение цены фьючерсных контрактов на Московской бирже.

В сентябре 1991 года президентом МТБ стал покинувший государственную службу Георгий Васильев (многим известный, как участник бардовского дуэта «Иваси»). Председатель биржевого комитета Юрий Милюков вдохновил его идеей создать первую в России фьючерсную биржу.

Было уже известно, что фьючерс — это контракт с отсроченным исполнением. А за время отсрочки реальная цена товара может сильно отклониться от зафиксированной в контракте. Это создаёт риск разрыва контракта проигравшей стороной сделки.

Васильев Г. Л.: *«Эти слова упали на хорошо удобренную почву, предложение я воспринял как вызов. Дело в том, что создание рынка фьючерсов было моей давней мечтой, мне он представлялся перспективной заменой советскому Госплану. И в самом деле, прогнозные цены на основные продукты, которые вырабатывает фьючерсная биржа, служат важными ориентирами для развития рыночной экономики».*

На тот момент МТБ была очень далека от фьючерсного рынка, никто и помыслить не мог, что он в России возможен. Американские консультанты прогнозировали создание его у нас не ранее чем через пять лет.

Торги поддерживались специально разработанной автоматизированной системой регистрации сделок и обеспечивались гарантийными взносами, вносимыми брокерами в расчётную палату биржи. Таким образом, МТБ стала первой полноценной фьючерсной биржей в России.

Прежде чем приступить к реализации задуманного, следовало модернизировать Московскую товарную биржу, ведь главный её конкурент, РТСБ, осенью 1991 года по оборотам торговли превышал МТБ на порядок.

Васильев Г. Л.: *«За три-четыре месяца эта задача в основном была выполнена. Мы резко сократили отставание от РТСБ по объёмам обычной торговли, и можно было заняться фьючерсами».*

Припачкин Ю. И.: *«Георгий Леонардович — блестящий организатор. Без его энтузиазма и творческих способностей не удалось бы так быстро запу-*

стить срочный рынок. Важным его качеством было умение доказать правоту своей позиции. А делать это приходилось постоянно».

В самом начале 1992 года коллеги с американской фьючерсной биржи NYMEX (New York Mercantile Exchange) в порядке шефской помощи пригласили биржевой комитет МТБ в Нью-Йорк на стажировку, посмотреть, как организована их биржа и её расчётная палата.

Васильев Г. Л.: *«Эта биржа тогда была крупнейшей в мире по объёмам торговли нефтяными фьючерсами. Кстати, NYMEX располагалась в одном из зданий-близнецов, поэтому через 10 лет я с особым чувством следил за событиями 11 сентября.*

На нашей бирже традиционно сильными направлениями были торговые операции с нефтью, зерном и металлом. Обсуждая, с каких фьючерсов нам стоило бы начать, мы пришли к выводу, что ни один из этих товаров нам не подходит. Для запуска фьючерсной торговли по любому из них потребовалась бы длительная работа по стандартизации условий фьючерсных контрактов совместно с производителями и транспортниками. Вот почему я предложил для начала использовать в качестве объекта фьючерсной торговли исходно стандартный товар — валюту. Таким образом, нам удалось перескочить через фазу унификации товара».

После этого следовало сосредоточиться на самом механизме торгов и механизме обеспечения выполнения контрактов.

Активную помощь в организации первых торгов оказали английские специалисты, финансируемые специальный британским Know-How Fund (о них я писал в главе о западных консультантах).

Хилл Т.: *«В первую очередь, мы организовали серию семинаров и подготовили специальные образовательные программы. Для этого со всей Англии были собраны специалисты, которые рассказывали российским коллегам о языке биржевых жестов, о рыночных механизмах. Мы разъясняли им, как проводить учёт операций при портфельных инвестициях. Это были самые простые понятия, фактически "гид инвестора для чайников". И преподавать я стремился просто и понятно. Мы рассказали первым российским бизнесменам об опционах, об арбитраже и тому подобном. И это дало свои плоды. Потому что, как только юный брокер проходил наше обучение, он мог основать свою небольшую фирму, через которую начинал заниматься трейдингом и через свой бэк-офис привлекать людей к инвестированию. Так мы делали когда-то и в Англии. У нас появились такие возможности в торговле в 1960-е годы*[1]*, когда открылись товарные и финансовые рынки. Каждый молодой человек хотел тогда стать брокером, используя любую возможность открыть свой бизнес.*

[1] Терри Хилл имеет в виду дерегулирование рынков, которое произошло на Западе.

Мы вели себя не как американцы, старавшиеся навязать свои детализированные правила. Прямо скажем — драконовские. В Англии же было позволено предпринимательству работать, этого же мы хотели достичь в России, поэтому британцев принимали у вас лучше, чем американцев».

Реализовать всё задуманное удалось всего за год — первые в России фьючерсные торги прошли на МТБ 21 октября 1992 года. Первым стал контракт на 10 долларов США (с поставкой в декабре 1992 года). Интерес к торгам и их итоги превысили все ожидания. За 30 мин торговой сессии было заключено 60 сделок, по которым было продано 235 контрактов на общую сумму 2350 долларов. На первых торгах присутствовал и Терренс Хилл.

В течение первого месяца торги проходили один раз в неделю. Фьючерсные сессии шли после окончания обычных торговых сессий на МТБ в том же зале. Эта торговля стала весьма быстро набирать обороты. С середины ноября сессии стали проходить уже два раза в неделю. Был введён новый контракт — на 1000 долларов. В конце концов самым ходовым стал 100-долларовый. А вот по другим валютам контракты не прижились. Были они небольших объёмов, и работать с ними было рискованно.

После этого, выполнив задуманное, Георгий Васильев покинул биржу.

Одновременно с Васильевым на биржу пришёл Евгений Чернов. Время было интересное. Многим людям казалось, что вокруг крутятся большие шальные, лёгкие деньги, поэтому они ринулись заниматься бизнесом.

Будущий брокер и председатель расчётной палаты МТБ попал сюда случайно.

Чернов Е. А.: *«Я тогда занимался небольшим бизнесом и, что такое биржа, практически не знал. Однако соприкоснуться с ней хотелось, казалось, что, если другие могут, почему мне, инженеру-системотехнику, не попробовать?*

Сказано — сделано, сев в метро целенаправленно отправился на Мясницкую, на РТСБ. Путь мой был по прямой ветке метро, я задремал и пропустил нужную станцию, проснулся уже подъезжая к ВДНХ. Решив, что это, возможно, судьба, решил начать изучение биржевого дела с МТБ.

Я с трудом нашёл на выставке 69-й павильон, в котором располагалась биржа МТБ. Он оказался огромным и полупустым, первый этаж занимали различные мелкие торговые точки».

На втором этаже в огромном ангаре с висячим потолком Евгений увидел большое число деревянных кабинок для брокерских фирм — небольшие мини-офисы (размером примерно 6 м^2). Как он узнал позже, их продавали желающим, купившим брокерское место на бирже.

Чернов Е. А.: *«Не знаю, что тогда произошло с моим сознанием, но я остался на этой бирже надолго.*

Познакомившись с описанием процедуры торгов, увидел, как иллюстрацию, посещение биржи японской делегацией. В биржевом зале стояли столы, на которые выложили матрёшек, расписные платки и другую арбатскую ахинею a la russe. Совершенно обезумевшим от увиденного японцам предложили поучаствовать в начинающихся торгах, в которых были задействованы пара брокеров и маклер. Японцы в ответ улыбались, смеялись и кланялись.

Таким было моё первое впечатление о МТБ. Оно никак не сходилось с тем, что я видел ранее по телевизору в репортажах об иностранных биржах.

Понимая, что надо начинать познавать всё с нуля, я подписал контракт и устроился на работу помощником брокера в очень крупную фирму. Мне предстояло приносить заказы, при реализации их я получал свой процент.

Таким образом, я пополнил растущую армию биржевых брокеров».

Постепенно торги на бирже МТБ усовершенствовались, отрабатывалась процедура их проведения, они становились электронными, появлялись всё более совершенные правила их проведения.

В тоже время пришёл на биржу и Анатолий Гавриленко.

Гавриленко А. Г.: *«Во многом причиной моего прихода сюда стал сын Анатолий, тогда студент МГУ, выбиравший в чём ему в дальнейшем специализироваться. Я понимал, что строить надо что-то интересное и перспективное для молодых, и поэтому предварительно спросил: "Чем бы тебе хотелось заняться?" Он выбрал биржевой рынок.*

Начали мы с сыном с того, что открыли на МТБ брокерскую контору, сделать это было очень легко, стоило только купить за 300 тыс. рублей место на бирже. Назвали её "Алор" (так звали нашу собаку). Специализировалась в то время биржа на фьючерсах на доллар/рубль.

В "Алоре" все мои коллеги были моложе меня на 20–25 лет. Рынок наш никто не понимал и смотрели на него с недоумением. Да я и сам адаптировался постепенно: потребовалось полгода, прежде чем я разобрался, что такое фьючерсы».

Чернов Е. А.: *«Возникший как эксперимент проект с валютным фьючерсом, к моему удивлению, реализовался. Это был странный финансовый инструмент — не товар и не бумага, под него даже законодательства не было. Признавали такие контракты в судах спором, пари.*

Всё приходилось создавать с нуля. Мы пошли по непаханому полю.

Только когда на бирже начала появляться ликвидность по нескольким контрактам, я решил приобрести брокерскую компанию и для этого привлёк партнёров».

Хотя фьючерсный рынок подразумевался ещё в Законе «О товарных биржах», там были описаны форвардные, фьючерсные и опционные сделки, терминология к 1993 году ещё не устоялась.

Кашеваров А. Б.: *«Когда мы готовили в начале 1993 года одно из постановлений, то вице-премьер, министр финансов Борис Фёдоров долго не согласовывал наш проект, требуя заменить термин "фьючерсные" сделки на "фьючерские"».*

Постепенно увеличивались размеры контрактов и обороты торговли. Через пару лет газета «Коммерсантъ» сообщила, что МТБ по торговому обороту вошла в пятёрку крупнейших бирж Европы... естественно, в основном за счёт торговли фьючерсными контрактами.

По итогам 1994 года оборот на наличном товарном и фьючерсном рынках МТБ составил 6,2 трлн рублей, что в 6 раз превосходило оборот предыдущего года в текущих ценах (и в 1,9 раза в сопоставимых ценах). Общий оборот биржи за первый квартал 1995 года составил 9,4 трлн рублей. Объём сделок на фьючерсном рынке в 1994 году равнялся 6,1 трлн рублей, а в первом квартале 1995 года — почти 9,4 трлн рублей. Таким образом, доля фьючерсной торговли в общем обороте продаж на МТБ увеличилась с 98,5% в 1994 году до 99,6% в первом квартале 1995 года, а удельный вес торговли контрактами на доллар США достиг в первом квартале 1995 года 99,9%.

В январе 1995 году дневной брутто-оборот валютного фьючерсного рынка МТБ приблизился к обороту крупнейшей валютной спот-биржи — ММВБ. А в марте — апреле 1995 года объём торгов по валютным фьючерсам составлял на МТБ в среднем 30–40 млн долларов в день, а объём открытых позиций равнялся примерно 70 млн долларов.

С 1994 года торги здесь стали проводиться четыре дня в неделю. А в 1995 году объём валютного фьючерсного контракта был увеличен до 5 тыс. долларов. Глубина контракта составляла 9 месяцев.

РТСБ (ставшая после 21 апреля 1995 года Российской биржей)

Валютные фьючерсные торги стали проводиться здесь с лета 1993 года. Для этого здесь была создана специальная секция.

Главный управляющий РТСБ Алексей Власов так оценивал ситуацию: *«Биржи, работающие на реальном рынке, умирают. Те, которые хотят жить, перерождаются во фьючерсные или фондовые. <...> Зал специально разделили пополам. В одной половине торгуют ваучерами — этакий дикий фондовый рынок. Вторая половина разбита на две части. В одной — фьючерсы, в другой — товары. В перспективе, думаю, будем развивать и фьючерсный, и фондовый рынки. А там посмотрим, какой из них победит».*

А вот как он видел перспективы этого рынка: *«Если государство введёт фиксированный курс валюты, на бирже просто ничего не будет. Сейчас всё,*

чем торгуют на фьючерсном рынке, — это доллары. Для фьючерсной торговли товарами нужны склады. Эта система ещё не отлажена. Поэтому в ближайшее время будут торговать редкоземельными металлами и теми, которые не имеют больших объёмов.

Западники готовы работать с нами, существующие проблемы — чисто технические. Технология на наших биржах примерно равносильна технологии работы на американских сорокового года. Но за три года мы прошли путь, на который странам с более развитым биржевым движением потребовалось тридцать»[1].

Руководитель новой секции Л. М. Смирнова вспоминает, что до её появления биржа представляла собой плакатно-торговую систему, где просто встречались покупатели и продавцы. До прихода на РТСБ она работала в ЦНИИчермете им. И. П. Бардина, у неё, как у многих коллег, не было экономического образования.

Попробовать свои силы Ларисе Михайловне предложил вице-президент биржи Виктор Викторович Губин, руководивший секцией металлов. В составе ЦНИИчермета был Институт экономики, помогавший бирже распространять акции профильной секции, да и всей биржи. Л. М. Смирнову попросили проконсультировать биржевиков.

Смирнова Л. М.: *«Оказалось, что это было не бесполезно, и мне предложили поработать, пока временно. Работа мне показалась интересной, смелой, новой. Денег тогда учёным и преподавателям платили мало, поэтому я согласилась.*

В конце концов осталась на бирже на постоянной основе. Моему коллеге по бирже Виктору Семёновичу Горохову и мне поручили разработку фьючерсного рынка. В первую очередь, мы проанализировали, как это делалось на МТБ, случайно попавшие в руки документы из зарубежной практики, надо сказать, в плохом переводе.

Но мы же инженеры, в отличие от экономистов, мыслим и действуем системно. Наша задача сделать так, чтобы полученный механизм завёлся и поехал. Исходить надо было из того, что предстояло изобрести маленький завод и построить его».

Перед новой командой были поставлены серьёзные задачи — создавать систему, о которой до этого не было представления — систему клиринга (взаиморасчётов между множеством участников). В то время биржи в большинстве своём создавались, как механизмы восстановления товарных связей между предприятиями, которые после 1991 года разорвались. С другой сто-

[1] *Ревенок Д.* Интервью В. Власова // Московская правда. 17.03.1994.

роны, рубль уже был отвязан от фиксированного курса и надо было создать механизм фиксации цен для импортёров-экспортёров.

Смирнова Л. М.: *«Естественно, всё уже в мире давно было придумано. Да и с точки зрения математики нам, инженерам, всё было более-менее понятно. Стоял главный вопрос: как задуманное воплотить в жизнь. Тогда ведь не было понятий: "фьючерсный контракт", "гарантийное обеспечение", "вариационная маржа". К тому же в России существовало только совершенно размытое законодательство.*

По сути, мы создавали вселенную, казавшуюся нам новой, которая, однако, была естественной для всего остального мира. Это у нас ещё не было даже слов, чтобы её описать, а финансовом мире она называлась "клиринг" — учёт обязательств по итогам торгов».

И централизованный клиринг с использованием неттинга (взаимозачёта встречных однородных обязательств) был тогда внедрён. Клиринг проводился по итогам торгов по совершённым сделкам в соответствии с протоколом торгов.

За первый год объём торговли на РТСБ составил 0,4 млн долларов. Объём продаж долларовых фьючерсов за период с января по декабрь 1994 года — 34,6 млн долларов (в том числе за декабрь — 18,5 млн долларов). К декабрю 1995 года оборот фьючерсного рынка РБ достиг половины оборота рынка МТБ.

Власов А. Ф.: *«Организация торговли ваучерами позволила бирже упрочить своё лидирующее положение и накопить средства для дальнейшего развития. В качестве приоритетного направления развития биржевой совет выбрал срочный рынок, то есть торговлю фьючерсами на ценные бумаги, торговля которыми активно развивалась.*

Для организации торгов были необходимы клиринговые банки, в которых хранились необходимые средства брокерских фирм и которые по поручению биржи ежедневно проводили взаиморасчёты. Первым таким банком стал Российский национальный коммерческий банк, после него банк "Олимпийский", Технобанк и некоторые другие».

В финансовом отношении ситуация на РБ была более стабильной, чем на других фьючерсных биржах, что было достигнуто за счёт очень жёсткой системы гарантий. Так, на РТСБ 1994 год, который на многих биржах был годом серьёзных финансовых потрясений, не был отмечен какими-либо кризисными ситуациями.

На фьючерсном рынке РБ также была организована торговля контрактами на 1000 нем. марок. Пробовали ввести фьючерсы на ГКО, однако в силу того, что изменение курса этих бумаг находилось под сильным влиянием Центробанка, брокеры не приняли этот инструмент.

Тем временем, окунувшись в новое дело с головой, совмещали работу на двух биржах отец и сын Гавриленко. Анатолий Григорьевич каждую неделю участвовал в собраниях секции срочного рынка МТБ, где буквально на коленках дорабатывались правила торговли. Секцию тогда возглавлял Евгений Чернов.

Гавриленко А. Г.: *«Я быстро убедился, что финансовый рынок — исключительный сектор экономики, в котором собрались одни из самых развитых, инновационных и ответственных людей.*

Одновременно мы стали торговать и на РТСБ, в частности фьючерсами на ГКО. Здесь мы вскоре приняли участие в перестройке биржи, сделали её красивой и удобной для работы. Её лидер А. Ф. Власов предложил мне тогда войти в совет директоров.

Я, судя по всему, был в то время самым "советским" участником фондового рынка, т. к. стал членом "советов" сразу около десятка фондовых бирж или соответствующих отделов торговых и универсальных бирж».

Московская центральная фондовая биржа (МЦФБ). Организатором фьючерсного рынка здесь было АО «Биржевая палата», созданное в марте 1994 года и выполняющее роль расчётной палаты. В число акционеров этого общества вошли более 20 крупных банков, поэтому валютный фьючерсный рынок МЦФБ изначально ориентировался на крупных финансовых игроков. Этим отчасти объяснялись более мягкие требования в отношении гарантийных залогов, однако это обстоятельство сыграло впоследствии и отрицательную роль.

Порядок проведения фьючерсных торгов на МЦФБ был основан на использовании электронной технологии. Торговля здесь была полностью обезличена. Каждый участник видел на экране компьютера лишь общий объём заявок на покупку, на продажу, а также цены спроса и предложения. Периодически (каждые 1–2 мин) проводился фиксинг, в ходе которого по единой цене фиксировались сделки на основе заявок с совпадающими или пересекающимися ценами. Применение электронной торговли оказывало влияние на состав участников торгов. Здесь практически не было мелких спекулянтов, работающих с открытыми позициями в течение одного или нескольких дней. И это оказывало негативное влияние на уровень ликвидности рынка. С другой стороны, значительные возможности электронной системы проведения торгов и её конфиденциальность привлекали на рынок крупные финансовые структуры. Именно за счёт этого фьючерсному рынку МЦФБ удалось в короткие сроки достичь очень высоких оборотов и почти сравняться с Московской биржей (МТБ).

Её брокерами, согласно рассказу одного из них, пожелавшего остаться неизвестным, порой использовалась уловка: *«Редко проходило, но иногда удава-*

лось кому-нибудь на мозги накапать. МЦФБ в принципе очень чутко реагирует на изменения МТБ. Очень много арбитражников используют разницу в котировках на этих двух биржах. Словом, на информацию оттуда на МЦФБ обращают внимание и часто повторяют действия. Так вот, стоишь, например, в покупке, а чувствуешь — валится котировка. Что делать? Берёшь трубку и — якобы с МТБ разговор, — громко орёшь, намекая на плохую слышимость: "Что? Что ты говоришь? Растёт (падает — в зависимости от ситуации)? Сколько? Двести пунктов?! А-а-а... Покупаем". По залу шухер. Народ начинает нервничать, что-то выяснять, проверять по своим каналам — время теряется. Что-то выигрываешь за это время, успеваешь что-то сделать»[1].

Использовались и более изощрённые способы влияния на рынок, требующие вложения существенных средств, и сопряжённые с гораздо большим риском.

Рассказывает всё тот же анонимный брокер: *«Один из моих клиентов частенько развлекался так. Говорил: "Повесим-ка мы приблуду". Смысл в следующем. Допустим, есть у тебя деньги, большие деньги, скажем на тысячу контрактов. И необходимо тебе, например, искусственно повысить котировку. Ты берёшь и на самом краю предельной цены или даже за ней выставляешь эту 1000 контрактов на покупку — "вешаешь приблуду". Высвечивается информация: например, против 200 контрактов в продажу 1000 контрактов в покупку. Тенденция рынка ясна...*

Расчёт здесь простой. Удовлетворить заявку на тысячу, полторы тысячи контрактов под силу очень немногим участникам рынка. Поэтому с такой смелостью и наглостью они и выставляются. Вроде и понятно, что по такой цене никто реально покупать не будет, но эта тысяча контрактов оказывает очень сильное психологическое давление. Котировка начинает ползти вверх — что и требовалось. Впрочем, на моей памяти были два случая, когда за это наказывали. Кто-то, у кого тоже есть деньги, видать, разозлился и "окучил" быстро наглеца — удовлетворил заявку по его же цене. А это катастрофа...»[2].

Основные условия валютного фьючерсного контракта на МЦФБ (объём — 1000 долларов) почти полностью совпадали с условиями контракта МТБ, что создавало хорошие возможности для проведения арбитражных операций, а это, в свою очередь, стимулировало рост оборотов на МЦФБ. Однако после краха расчётной палаты МЦФБ в октябре 1994 года бирже пришлось приложить огромные усилия для восстановления испорченной репутации, что ей так до конца и не удалось сделать.

---

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 35.

[2] Там же. С. 36.

Примеру лидеров валютных фьючерсных торгов последовали Московская финансовая и фьючерсная биржа (МФФБ) и ряд региональных бирж. В 1993–1994 годах торговлю валютными фьючерсами также вела Московская торговая палата, созданная на базе Биржи вторичных ресурсов, однако оборот там был очень небольшим (в некоторые дни сделок вообще не было) и вскоре торговля на ней прекратилась.

С 1 декабря 1995 года на МЦФБ торги фьючерсными контрактами на доллар США и курс ГКО стали проводиться на базе новой электронной торгово-клиринговой системы. Участники торгов получили возможность оперировать одновременно всеми контрактами, котируемыми на бирже, не дожидаясь начала торговой сессии по конкретному месяцу. Это нововведение ещё более приблизило МЦФБ к классическим современным западным электронным биржам.

В 1995 году МЦФБ подписала соглашение о взаимодействии и ведении совместных торгов с Российской биржей.

Ещё следует отметить что начиная с 1993 года на разных фондовых биржах начали пытаться проводить торги деривативами (производными финансовыми инструментами или срочными сделками). Этот рынок пережил в те годы ряд взлётов и падений, но основная его история впереди.

А 15 декабря 1994 года были утверждены правила членства в секции срочного рынка ММВБ. Чуть позже, 16 марта 1995 года, биржевой совет этой биржи утвердил Правила торговли и расчётов в секции срочного рынка ММВБ. Торги срочными инструментами были организованы здесь на базе электронной торгово-депозитарной системы биржи.

Фьючерсами и опционами торговали и на Санкт-Петербургской фьючерсной бирже, для начала 1990-х годов очень продвинутой, и на бирже «Санкт-Петербург», речь о которой у нас пойдёт отдельно.

Итак, наиболее популярным инструментом на срочном рынке в описываемые годы был фьючерсный контракт на курс доллара США, а лидером в этом направлении среди бирж — Московская товарная биржа. В конце 1995 — начале 1996 года объём открытых позиций на этой бирже превысил 100 млн рублей. Однако в конце концов проблемы с размещением средств привели к неспособности биржи проводить платежи и её краху. Практически одновременно произошёл другой биржевой крах — МЦФБ, также по причине неадекватного управления рисками, связанными с принимаемыми в обеспечение активами.

Механизм торгов. На МТБ с самого начала был разработан оригинальный механизм торгов. В начале 1990-х годов в мире ещё сохранялась очная тор-

говля, механизм которой сложился аж в XIX веке. Даже на самых солидных биржах США, в том числе и на NYMEX, брокеры собирались в яме, кричали друг другу, жестикулировали, делая свои предложения, заключая сделки «с голоса».

Васильев Г. Л.: *«Мы решили сделать скачок вперёд по сравнению с этой технологией и сразу запустили электронную торговлю, скорее, конечно, квазиэлектронную. В начале 1990-х, когда компьютеры были "на вес золота", создавать электронные места для всех участников торгов было слишком дорого. В то время даже не все брокерские конторы имели свои компьютеры.*

Тогда мы с нашим главным программистом Сергеем Демурой придумали, как запустить электронную торговлю с минимумом компьютеров. Наша технология возникла "от бедности", но оказалось очень жизнеспособной. Впоследствии она с некоторыми вариациями была использована и на других российских биржах, в том числе на МЦФБ.

Торги происходили так: в зале биржи было установлено большое информационное табло, на котором отображалась вся информация о спросе, предложениях и заключаемых сделках в реальном времени. Данные в систему заводили девочки-операторы, через два или три компьютера, стоящих в зале. Брокеры просто подходили к стойкам и делали заявку, обозначая своё имя, число контрактов и цену, по которой они готовы их купить или продать. Если цены спроса и предложения совпадали сделка автоматически заключалась.

Технология оказалась простой, дешёвой и, что очень важно, — наглядной».

Сергей Демура «повинен» и в появлении на бирже электронного клиринга и экспериментов с различными предлагаемыми контрактами, появляющимися, по общему мнению очевидцев, благодаря эффективной совместной работе биржевого сообщества и администрации. Проходила она в доброжелательной комфортной атмосфере.

После открытия маклером очередной торговой сессии брокеры подавали заявки на продажу (покупку) в устной форме, выкрикивая свою заявку, выглядевшую так: «Продам (куплю) — код брокера — число контрактов — цена». Например: «Куплю — АЗОТ — 10 — 5000» (это значило, что брокер Азот готов приобрести 10 контрактов по цене 5000 рублей) или «Продам — БАКС[1] — 20 — 5200».

В каждый момент действительной считалась только одна заявка на продажу и одна заявка на покупку одного и того же брокера. Брокер имел право в любой момент снять свою заявку. Однако снятие заявки в момент проявления к ней интереса другим брокером приравнивается к отказу от сделки и на-

[1] Под этим ником торговал член биржевого совета Юрий Припачкин. — *Прим. автора.*

казывается штрафом. Поступающие заявки отражались на электронном табло (мониторе), причём как на РТСБ, так и на МТБ, лучшие заявки (на продажу по наиболее низким ценам и на покупку по наиболее высоким ценам) располагались в верхней строке табло. При совпадении цен заявок на продажу и покупку заявки признавались устной офертой, выделялись на табло красным цветом и регистрировались биржевым маклером. Окончательная регистрация сделок производилась расчётным бюро биржи на основании торговых карточек, которые брокеры обязаны были заполнить и сдать в расчётное бюро в течение 10 минут после окончания торговой сессии.

Светодиодное панно появилось на бирже ещё в конце 1992 года, и его сразу стали использовать во время торгов.

По каждому виду контрактов торги на МТБ велись раздельно. Заявки делались в первое время в устной форме, при этом имя клиента не разглашалось.

Для надёжной торговли ещё в 1992 году на МТБ была создана расчётная палата. При вступлении в неё фирма брала на себя гарантийные обязательства и вносила вступительный залог, от размера которого зависел объём операций, которые ей разрешалось вести на бирже. В рамках открытого в РП счёта для каждой расчётной фирмы биржа вела отдельный субсчёт, на который зачислялись средства, вносимые фирмой и её клиентами в обеспечение их участия на фьючерсном рынке. При этом МТБ гарантировала выплату процентов по внесённым средствам и своевременный возврат их расчётным фирмам и клиентам после выполнения ими своих обязательств на фьючерсном рынке.

Васильев Г. Л.: *«Чтобы брокеры не могли отказаться от выполнения заключённых контрактов и не покидали биржу, предварительно наделав долгов, на МТБ впервые в России была создана расчётная палата. Каждый участник торгов вносил в неё гарантийный депозит и должен был его пополнять в зависимости от числа заключённых контрактов. Этот депозит покрывал возможные скачки цен и делал невыгодным побеги брокеров с биржи без выполнения своих обязательств».*

В 1993 году председателем совета расчётной палаты стал бывший к тому же и заместителем председателя биржевого совета Юрий Игоревич Припачкин.

Припачкин Ю. И.: *«Это был первый опыт создания такого подразделения, позволивший структурировать систему торгов таким образом, что брокеры отчитывались и имели сводную систему обязательств и расчётов. Создав расчётную палату, мы открыли и клиринговый центр».*

В 1994 году на биржевом совете председателем расчётной палаты МТБ был избран Евгений Чернов. Палата росла, отрабатывала свои правила, и в мае 1995 года в ней было 86 членов, включая как крупные банки, так и мелкие торговые фирмы.

Чернов Е. А.: *«До кризисного момента число банков в РП выросло до 265. При этом их контракты проводили брокерские фирмы, имеющие свою клиентскую базу. Банки в основном хеджировали свои валютные риски на реальном рынке".*

Быстро росло количество брокерских фирм, стоимость места на бирже также возрастало, таким образом площадка МТБ стала местом формирования настоящего биржевого курса доллара.

Чернов Е. А.: *«Мы на долгое время заняли лидирующее положение, и банки ориентировались на результаты наших торгов, а не ММВБ и даже не на курс, устанавливаемый Банком России. По дневному денежному обороту мы порой превышали обороты РТСБ».*

А вот контракты по фьючерсам на ГКО, как и на РТСБ, оказались на МТБ неликвидными.

Клиринг производился по итогам каждого дня торгов. Информация о его результатах сообщалась расчётным фирмам через дневные отчёты — делались они в 9:00 часов утра, на следующий день после проведения торгов. На РТСБ клиринг проводился в течение двух часов после завершения торговых сессий, и не позднее чем через 3 часа расчётные фирмы узнавали его результаты

Расчётная фирма была обязана дать поручение своему банку о перечислении средств в оплату задолженности по дневному отчёту не позднее дня выпуска дневного отчёта. Несоблюдение этого срока влекло за собой санкции вплоть до принудительного закрытия позиций и отстранения от участия во фьючерсных торгах.

Котировка определялась, как средневзвешенная по всем акцептованным офертам по результатам торговой сессии, за исключением акцептованных оферт, в которых разница между ценами со стороны продавца и покупателя составляла более чем 1 % и акцептованных оферт, исключаемых котировальной комиссией.

Для того чтобы повысить устойчивость рынка для каждого контракта МТБ устанавливала пределы изменения его цены в рамках одного торгового дня. По окончании каждых торгов биржа фиксировала сложившуюся в течение дня котировочную цену каждого контракта. Она использовалась для определения выигрыша и проигрыша каждого участника по итогам торгового дня.

Продав (купив) фьючерсный контракт, участник открывал позицию на фьючерсном рынке. Закрыть эту позицию он мог, либо исполнив контракт, либо купив (продав) такой же контракт. Продажа и покупка однотипного контракта компенсировали друг друга и при расчётах между участниками не учитывались.

После каждого торгового дня производились взаиморасчёты между участниками (клиринг): высчитывались размеры выигрышей и проигрышей, производилось перечисление средств с субсчетов проигравших

на субсчета выигравших расчётных фирм, определялась сумма, оставшаяся на каждом субсчёте после этих перечислений (т. е. подсчитывалось сальдо субсчёта); уточнялось количество открытых позиций у каждого участника и считалась величина маржи, которая должна находиться на субсчёте каждой расчётной фирмы в обеспечение открытых позиций (допустимый минимум субсчёта); определялось, какую сумму расчётная фирма (её клиенты) должна внести на счёт расчётной палаты (если сальдо субсчёта меньше допустимого минимума), или могла забрать с него (если сальдо субсчёта превышает допустимый минимум).

Как уже говорилось, для отработки механизма вначале была запущена торговля «игрушечными» контрактами — на 10 долларов. Впрочем, в то время это была вполне осязаемая величина. Для брокеров такая игра оказалась очень увлекательным занятием.

Похожая система создавалась и на других биржах, вышедших на срочный рынок. Но на РТСБ порядок проведения торгов несколько отличался от порядка, принятого на МТБ. Как и на МТБ, биржевая сессия открывалась биржевым маклером в соответствии с расписанием торгов. Тот объявлял наименование стандартного товара (контракта), его объём, месяц поставки, котировку единицы стандартного товара на предшествующих торгах и продолжительность биржевой сессии. Заявки на продажу / покупку товара подавались либо в устной форме биржевому регистратору, который вводил их в торговую систему, либо с конца 1995 года с автоматизированного рабочего места брокера (АРМа) непосредственно в торговую систему. Сделки между участниками через электронного маклера совершались без дополнительного подтверждения. Они также выводились на общий информационный монитор. При этом не важно было для заключения сделки, каким способом была подана заявка. Только, если использовался для этого АРМ, в заявке указывался номер счёта, на который совершалась сделка. При подаче же заявки с голоса номера счетов указывались в торговой карточке, заполняемой брокером после окончания торговой сессии.

Система финансовых гарантий и сборов на МТБ включала организационный взнос и вступительный залог, вносимые расчётной фирмой при вступлении в расчётную палату. Их размеры устанавливал биржевой комитет. Вступительный залог можно было внести в денежном виде, при этом биржа начисляла на них фирме проценты; в виде депозитного договора между фирмой и банком, где были предусмотрены возврат депозитных средств во всех случаях на счёт расчётной палаты и возможность досрочного раскрытия депозита по требованию биржи; безотзывного аккредитива с автоматически продлеваемым сроком действия; наконец, местом члена МТБ, ценными бумагами и т. д.

От размера внесённого вступительного залога зависел объём фьючерсных операций, которые разрешалось вести на МТБ расчётной фирме.

За каждую открытую позицию расчётная фирма вносила начальную маржу в размере, определяемом биржевым комитетом (примерно 5–10 % стоимости фьючерсного контракта). Начальная маржа возвращалась, когда позиция закрывалась. Дополнительная маржа в размере начальной вносилась при сохранении открытой позиции в месяц поставки товара по фьючерсному контракту. Внесение чрезвычайной маржи порой требовалось от расчётных фирм распоряжением президента МТБ в случае резкого колебания цен на рынке. Вариационной маржёй назывался выигрыш или проигрыш расчётной фирмы (по итогам каждой торговой сессии) при колебании рыночных цен. Каждый день она в зависимости от котировки изменялась относительно гарантированного обеспечения и рассчитывалась в процессе клиринга, после чего его итоги передавались в систему расчётов. И там проходили проводки денежных средств (банк) и (или) перечисление ценных бумаг (депозитарий).

За оказание услуг по организации торгов и проведению взаиморасчётов МТБ взимала с каждой из сторон биржевой сделки биржевой сбор в размере, устанавливаемом биржевым комитетом для каждого вида контрактов.

Система финансовых сборов на РТСБ предусматривала взнос в страховой фонд; гарантийные залоговые средства (различные виды маржи); биржевые сборы и страховой сбор. Начальная маржа (залог) на РТСБ в 1994 году составляла сумму 40–200 тыс. рублей за один контракт объёмом в 1000 долларов (в зависимости от месяца поставки). Биржевой сбор был равен 250 рублям с одного контракта.

Власов А. Ф.: *«Основными источниками доходов являлась комиссия за совершение сделок, аренда находящихся в зале брокерских мест и проценты за размещение временно свободных средств брокерских фирм. Срочный рынок обеспечивал компенсацию текущих расходов биржи и давал небольшую прибыль. РТСБ была единственной биржей в России, которая организовала торговлю фьючерсами на ценные бумаги. Это давало возможность страховать риски изменения курсов ликвидных российских акций и обеспечивало западным инвесторам прибыль в размере 8–10 % годовых в валюте».*

На РТСБ для каждой расчётной фирмы существовал лимит открытой позиции, в пределах которого могли подаваться заявки. Лимит открытой позиции зависел от наличия средств на счёте расчётной фирмы. Заявки, ведущие к превышению установленного лимита, автоматически не принимались. Такая практика заметно повышала надёжность системы финансовых гарантий на бирже. И такого рода правил не было на МТБ, где в ходе торговой сессии можно было открыть любое количество позиций, важно было лишь успеть до начала следующего торгового дня внести в расчётную палату недостающие

средства (иначе открытые позиции закрывались биржей в принудительном порядке).

Власов А. Ф.: *«Несколько раз мы вынуждены были проводить принудительное закрытие торгов. Тогда, когда та или иная фирма становилась банкротом, биржа брала убыток на себя. В отличие от западных бирж, где брокерское место стоит столько, что позволяет покрыть все убытки, у нас такого быть не могло, убытки реализация его не покрывала.*

К сожалению, когда мы создавали расчётную систему, мы не предусмотрели последствий того, что все деньги, идущие на обеспечение фьючерсных контрактов, шли на один биржевой счёт. Сейчас-то я понимаю, что его надо было дробить на субсчета с правом доступа к ним брокерских фирм».

На РТСБ проходили и «специальные» сессии. Так однажды к руководству биржи пришли брокеры и попросили организовать «перекидку». В рамках сессии они между собой заключали специальные сделки, в процессе которых целенаправленно одна контора одалживала деньги другой. Проходили эти операции в рамках действующей технологии, использующейся при торговле фьючерсными контрактами.

Торговые сессии МТБ проходили строго в соответствии с расписанием и длились 20 или 30 минут (в зависимости от срока поставки). На РТСБ их было шесть, сначала шёл ближний месяц, потом по очереди остальные. Начинались торги в 11 утра, заканчивались около 15 часов.

До этого режим торгов, по словам брокеров, мягко говоря, был более щадящим. Их рабочий день продолжался с 11:00 до 13:00.

Постепенно увеличивалась и глубина фьючерсов, в начале она была до трёх месяцев, затем выросла до полугода. Наконец, когда рынок стал стабилизироваться, наибольшей глубиной поставки были 12 месяцев.

При этом контракты заключались на сумму 1000 долларов США.

В конце 1995 года на Российской бирже появились параллельные секции с торговлей различными фьючерсными контрактами. Тогда торги стали длиться уже почти до 6 часов вечера.

Власов А. Ф.: *«Проанализировав ситуацию вместе с биржевым советом, мы решили заняться и фьючерсами на акции ЛУКОЙЛа, Ростелекома, Мосэнерго, РАО "ЕЭС".*

Для запуска этого сегмента рынка прежде всего было необходимо создать электронную систему торгов, которая предусматривала возможность удалённого участия, разработать правила проведения торгов, преобразовать торговые площадки биржи. Но самое главное — объяснить брокерам, что за таким развитием — будущее».

Занялся торговлей этими фьючерсами и брокер КРЫС. *Вот, что он вспоминает по этому поводу: "Наша компания сняла одно рабочее место в яме,*

а также офис-квартирку на Чистопрудном. Бросили выделенку до биржи. Технология была такова. В яме сидел наш брокер с телефоном на спикере. В квартирке сидел я с таким же терминалом. Целый день между нами была связь по телефону. Клиенты звонили мне, я ставил их заявки. Кроме того, у нас было три пропа, на которых мы рубились на спредах, спекулировали. Клиенты могли прийти к нам в офис и, сидя на диване, делать заявки мне или напарнику по телефону. Деньги же компании были привлечены у очень громких имён тех времён. <...>

Низковолатильный денёк. И вдруг, часов в 6 начинается странная колбасня. Уже не помню на каком инструменте. Пусть будет ЛУКОЙЛ. Помню, что в биды, в офера вылетают по 500 контрактов. Смотрю на основной рынок — абсолютно спокойный. А нас колбасит в обе стороны с увеличением амплитуды. Понимаю, что происходит что-то нелогичное... На бирже шум, непонятки... Начинаю биться в контртренд. Вижу погнали вниз — беру. Погнали вверх — отдаю с переворотом... Счёт за полчаса вспухает до безобразия... Естественно, вечером отмечаловка. А там и раскрывается секрет. Оказывается, три крупных игрока пересиживают скучный день в буфете РТСБ. Доходят до кондиции и решаются померяться вариационкой за день. При этом условие, что торгуют только лотами по 500 контрактов... Очень сомневаюсь, что кто-то из них в тот день поимел плюс. Но точно их исход спора не знаю. Но, спасибо парням за тот день».

За создание электронной системы торгов отвечал вице-президент Виктор Губин. Для непосредственной разработки программного обеспечения и последующей его эксплуатации была привлечена фирма «Инист» под руководством Дмитрия Ревенка. Переоборудованием торговой площадки биржи занимался Александр Дедученко. В результате по периметру торговой площадки появилось более 150 брокерских мест для электронной торговли. Большой вклад в создание технологии и переоборудование торговой площадки внесли брокеры, активно участвующие в работе по развитию биржи. При этом первое время на бирже сохранялась и яма, как дань традиции. Раз в месяц по позициям, открытым после последнего дня торговли, происходила поставка ценных бумаг. Был отработан механизм поставки их против платежа. То есть, пока в депозитарии не появлялось нужного количества акций и нужного количества средств в банке, параллельные проводки не делались.

Смирнова Л. М.: *«Следует иметь в виду, что в тот момент в России не существовало понятия “контроль над рисками” и разделения функций, то что сейчас называется “Китайской стеной”.*

При этом беспокоило нас только наличие бреши в системе управления рисками. Мы понимали, что неправильно, когда на бирже торговая площадка, депозитарий, клиринг были объединены в одно юридическое лицо. Пока гарантий-

ный взнос участники делали в денежной форме, было всё более-менее надёжно. При этом возможные риски появились, когда на бирже был осуществлён запуск фьючерсов на ценные бумаги (Мосэнерго, ЛУКОЙЛа и РАО "ЕЭС") и в состав гарантийного обеспечения были включены дополнительно эти ценные бумаги, являющиеся ликвидными с ежедневно определяемой биржевой котировкой.

В чём же заключались эти риски? Вовсе не в том, что в структуре гарантийного обеспечения предусматривалось наличие до 70% в ценных бумагах, остальное — исключительно денежные средства. Такой и более сложный подход существует и в настоящее время. Вопрос касался прямого нарушения правил и регламента биржевых торгов.

Так, расчётные фирмы, аффилированные с органами управления биржи, получили возможность отступать от правил биржевой торговли, используя своё особое положение, вместо ликвидных ценных бумаг они стали подсовывать свои неликвидные бумаги, что было известно только очень узкому кругу работников биржи, в частности, клиринга. В условиях кризиса на фондовом рынке такие нарушения представляют особенную опасность, поскольку долг в системе гарантийного обеспечения быстро растёт из-за использования "серых ценных бумаг", стоимость которых в этом случае стремиться к нулю. Мы как разработчики этой информацией не располагали.

И погубило биржу то, что, как я уже говорила, роль клиринга и депозитария исполняла также РТСБ. Эти функции позже были разведены, но мы окончательно сделать это не успели, хотя заложили азы управления в систему риск-менеджмента.

Впрочем, так же тогда были устроены и другие биржи, в частности МТБ, да и зарубежные тоже. Ртээсовцы же пребывали в радужном спокойствии, потому что это была торговая система, на которой не было фьючерсов. Естественно, они легко вышли из кризиса 1998 года».

Фьючерсными контрактами на доллар торговали, впрочем не очень успешно, на Екатеринбургской фондовой бирже.

Татьянников В. А.: *«Особенно большие проблемы были на начальном этапе, в 1994 году. В некоторые дни в стакане заявок не было ни одной, а для кого-то из участников наступало принудительное закрытие позиций ввиду недостатка начальной маржи. В итоге позиции закрывались с громадными убытками маржи. Ликвидность торговли была очень низкая (просто никакая).*

А к этому периоду времени биржа объединяла 167 членов и это был максимальный её состав, представляющий практически все коммерческие банки и инвестиционные компании Екатеринбурга, а также городов Большого Урала».

Спекулянты и страховка. В отличие от западных фьючерсных рынков, где сделки использовались, в первую очередь, для хеджирования, и только 1–2% заканчивались поставкой реального товара, на российском валютном

фьючерсном рынке на поставку реального товара по итогам, например, оборота долларовых контрактов на МТБ в феврале 1993 года пришлось 10 % от общего оборота сделок.

Основные массы таких сделок в тогдашней России были очень выгодными спекуляциями. Брокеры почувствовали, что фьючерсный рынок более активен, чем валютный, а потенциальная прибыльность игры на фьючерсах в 2–3 раза превышает прибыльность игры на курсе самого доллара.

Так как динамика фьючерсных котировок во многом повторяла динамику биржевого обменного курса, её можно было прогнозировать. Всё росло, и брокеры долгое время могли надёжно прогнозировать курс, экстраполируя сложившуюся в данный момент краткосрочную тенденцию. Они покупали фьючерсные контракты, когда курс доллара был стабилен, а продавали — когда он рос.

В то же время было известно, что полноценный и значительный по оборотам фьючерсный рынок не может достигаться, когда торгуют только спекулянты. Они, как пузырьки в воде: когда их разумное количество они желательны, когда же их избыток... Вот и на срочном рынке реальный приток предложения и спроса на фьючерсные контракты обеспечивают прежде всего хеджеры — участники биржевой торговли, ставящие перед собой целью совершение операций на бирже защиту от риска изменения цены. Поэтому в середине 1993 года стало очевидно, что для дальнейшего нормального развития фьючерсного рынка в России необходимо регулярное совершение на нём хеджевых сделок.

Принципиальная возможность хеджирования на МТБ открылась летом 1993 года, когда был достигнут значительный объём фьючерсных сделок — около 400 тыс. долларов в день. Это позволило начать страховать небольшие импортные сделки. Тогда на биржу пришло множество новых клиентов, среди которых были уже и хеджеры. В июне пионером в хеджировании стала финансовая группа «Брок-Инвест-Сервис».

И всё-таки осенью 1994 года спекулятивные сделки (самых разных видов, в том числе арбитражные) на фьючерсном рынке преобладали, впрочем, на поставку реального товара приходилось уже максимум 5–6 %. Ежедневный оборот валютного фьючерсного рынка МТБ во второй половине 1994 года составлял миллионы долларов, во многом за счёт невероятно возросшего количества спекулятивных сделок. Рынок по этой причине оставался очень неустойчивым, и при малейших неожиданностях брокеры впадали в панику.

Два события во второй половине 1994 года заметно изменят картину на срочном рынке. В начале на фоне спада энтузиазма участников фьючерсной торговли, произойдёт крах расчётной палаты МЦФБ.

Чернов Е. А.: *«На МЦФБ, располагавшейся на Биржевой площади, торговали такими же контрактами, что и МТБ. В результате многие брокеры*

стали проводить арбитражные сделки между ними. Многие увлеклись этими операциям и присутствовали на обеих биржах.

Тогда было модно иметь места на разных биржах. У меня было даже на Калининградской, но оно так и не раскрутилось».

5 октября фьючерсные торги на МЦФБ были временно прекращены, и это вызвало шоковую реакцию среди брокеров, так как большинство из них много выигрывали в то время и надеялись получить свою прибыль. Ситуация осложнялась ещё и тем, что многие брокерские конторы проводили между МЦФБ и МТБ арбитражные операции, покупая контракты на первой и, соответственно, продавая их на второй. Не получив своего выигрыша на МЦФБ, брокеры оказались не в состоянии покрыть свой проигрыш на МТБ.

Сразу за этим и последовал «чёрный вторник», который добил пострадавших «игроков», совсем дестабилизировав ситуацию. Он стал холодным душем для всех участников рынка.

11 октября, когда курс рубля упал на треть (а буквально через несколько дней практически восстановился), торги на МТБ были прекращены на несколько дней, временно закрылась биржевая палата при МЦФБ. Таких «американских горок» не смогло пережить большое число брокеров.

Ретунских Д. Г.: *«В “чёрный вторник” в 1994 году меня на бирже не было, не оказалось у меня и открытых позиций, я тогда уехал в Питер. Так что за бешеными толпами у обменников наблюдал спокойно. Не воспользовался я из-за отсутствия опыта и обратным откатом курса, произошедшим через несколько дней».*

У Евгения Чернова история эпичнее.

Чернов Е. А.: *«Почему-то с утра в этот день на бирже не оказалось никого из руководства биржи. Лишь технический директор, не знавший, что в сложившейся ситуации делать. С ним и с некоторыми участниками рынка (брокерами) и пришлось обсуждать, какие чрезвычайные меры следует предпринять.*

Я был в тот момент уже руководителем расчётной палаты, и пришлось принимать неординарное решение. Курс валюты рос на глазах. Рубль падал и вошёл в пике. МЦФБ обвалилась, и операции хеджирования на ней проводить было нельзя. Про проигравших я уже не говорю, но и те, кто выигрывал, понимали, что своих денег они не получат, т.к. их менее удачливые партнёры не смогут закрыть свои позиции и компенсировать убытки.

Чтобы избежать коллапса мы решили прекратить торги, заморозить их на какой-то срок, зафиксировав уже состоявшиеся сделки.

Так как никого не было, это решение пришлось принимать мне, взяв на себя ответственность. Только потом я узнал, что в России наша биржа стала первой остановившей торги в таких условиях. До нас никто не решался поднять руку на эту “священную корову”.

Позднее, анализируя произошедшее, мы пришли к выводу, что это было единственно правильное решение. И оно, можно сказать, стало историческим и для биржи».

Торги на МТБ возобновились 14 октября. Кто-то, конечно, разорился, биржа выжила, продолжили работу и большинство брокеров. Судебных разбирательств по итогам этих событий фактически не было.

Руководители Московской биржи на пресс-конференции тогда отмечали, что технология ведения торгов, разработанная на бирже, позволила выдержать в октябре 30%-ный скачок цен. И это подтвердили присутствовавшие американские специалисты, ведь в США к закрытию торгов ведёт повышение цен даже на 2–3%.

В дальнейшем этот метод в России стал использоваться в критические моменты более решительно. Более того, были подготовлены и введены соответствующие правила.

На МЦФБ торговля возобновилась лишь в ноябре 1994 года, однако её обороты уже будут оставаться на чрезвычайно низком уровне — большинство брокеров уйдут с биржи, потеряв к ней доверие.

Чернов Е. А.: «*МЦФБ погубила практика кредитования через собственные ценные бумаги (в первую очередь, акции биржи), эмиссию которых никто не контролировал. Новое руководство использовало их как залоги, открывая на торгах позиции. К сожалению, это была беда не только МЦФБ, у нас её не было, но хватало и своих проблем.*

Нас, руководителей брокерских фирм с МТБ, новое руководство МЦФБ, после того как там всё рухнуло и обвалилось, пригласило к себе — они раздавали расписки по задолженностям. Их президент тогда мне рассказал, что теперь ему уже ничего не страшно, т.к. у него побывали даже бандиты, приехавшие на БТРе. Но и они ничего не добились — денег там не было, было только много бумажек, фиксирующих проигрыши и выигрыши брокеров, ничего к тому моменту не стоящих».

Следует напомнить, что биржа находилась на Биржевой площади, в ста метрах от Кремля, и в другую сторону столько же было до Администрации Президента РФ.

После событий октября 1994 года состав участников фьючерсной торговли на МТБ качественно изменился: на смену мелким спекулянтам пришли крупные игроки, действующие сразу на нескольких финансовых рынках. Наконец, заметно возрос тогда и интерес к фьючерсам со стороны потенциальных хеджеров. По данным опроса руководителей 242 торговых фирм, проведённого в конце января 1995 года Высшей школой экономики и Институтом исследования организованных рынков, около 15% московских оптовых торговых фирм в тот момент либо уже работали с фьючерсными контрактами,

либо собирались использовать этот инструмент для хеджирования от резких изменений валютного курса. Особенно много таких компаний было среди фирм, торгующих импортным продовольствием[1].

Интересная история произошла практически тогда же, в декабре 1994 года. Тогда массированную игру на понижение на МТБ продемонстрировали финансовая компания Российский брокерский дом «С. А. & Со» и группа коммерческих банков. Они по каким-то причинам считали, что в январе 1995 года будет введён фиксированный курс рубля. В результате к началу января 1995 года объём открытых позиций превысил 120 млн долларов, причём в руках РБД и действовавших через него банков было сконцентрировано свыше 90 % всего объёма коротких позиций. Из-за того, что надежды игроков не сбылись, результатом их «операции» стала потеря около 20 млн долларов.

Впрочем, в том случае крах спекулянтов не привёл к кризису всего рынка: сработала чёткая система гарантий на МТБ, определённую роль сыграла относительная прозрачность данного рынка, кроме того, другие участники рынка продемонстрировали новый уровень финансовой зрелости (регулярно погашая отрицательную вариационную маржу и вовремя закрывая выигрышные позиции).

Можно сказать, что тогда было продемонстрировано, что начальный этап становления российского фьючерсного рынка завершён.

А вот августовский кризис 1995 года на межбанковском рынке серьёзно задел очень многих.

Катастрофой он стал для МТБ. Она произошла из-за того, что залоги её брокеров оказались в наиболее пострадавших тогда банках Московской области.

Чернов Е. А.: *«Проблема состояла в том, что члены расчётной палаты, то есть участники торгов, были руководством биржи отстранены от управления размещением залоговыми средствами.*

Этот внутренний конфликт был срытым, пока всё шло хорошо. Биржа не занималась поборами, кроме платы за аренду оборудованного брокерского места (кабинки), мы фактически ничего не платили. Но при этом руководство биржи само определяло риски размещения залоговых средств, в этом был доход биржи, который должен был идти на её развитие. Мы, участники расчётной палаты, внёсшие средства под обеспечение торгов, в принятие подобных решений не допускались. Таким образом, для нас возникал двойной риск от торговли и неполучения компенсации с проигравшей компании (ведь деньги были на счетах МТБ).

---

[1] *Дегтярева О. И., Кандинская О. А.* Биржевое дело: учебник для вузов. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. С. 156.

Фактически нам сказали: у вас — свой бизнес, а у нас — свой, мы вам не мешаем зарабатывать, а вы не мешайте нам. В связи с этим мы не знали условий размещения залоговых денег и сколько они приносят прибыли. Впрочем, мы туда не лезли и в результате стали заложниками ситуации.

Биржевая палата состояла из руководителей 15 крупнейших брокерских компаний, имевших каждый свой бизнес, и большинству из них некогда было глубоко вникать в текущие дела биржи.

И вот в сентябре 1995 года стало ясно, что наши деньги из разорившихся банков нельзя вернуть. Одним из первых не вернул нам средства Первый профессиональный банк. Возглавлял его "запальцованный" американский гражданин из бывших "наших". Располагался банк в Екатерининском дворце, что напротив Театра Российской армии. Я, пытаясь понять ситуацию, приехал в банк, увидел, что его офис был набит картинами, дорогой мебелью, оборудованием. Однако, когда начали разбираться, оказалось, что всё это вплоть до офисных стульев было банком у кого-то арендовано. У него самого ничего, кроме сотрудников, не было! Просто так этого не могло быть, видимо, банк заранее подготовился к банкротству.

Деньги, потерянные в тот кризис, так и не вернулись на биржу. Хотя приходили предложения продать долги и получить за них хотя бы 10–20% от номинала.

Ещё одной ошибкой, допущенной МТБ, как я представляю сейчас, было открытие позиций в течении торгового дня. Залоговых денежных средств на счету у брокера могло быть в несколько раз меньше, но он мог продолжать торговать. Ограничений для размера количества открытиях позиций до вечернего клиринга практически не было. Условно говоря, имея 100 рублей на счету, можно было открывать позицию на 300.

Обеспечение, как на фьючерсе, было частичное, но ограничений на него не существовало. И в один момент это очень сильно подвело биржу.

Могло быть так, что к концу торгового дня, наторговав позиций, брокер получил убытки большие, чем размер залога. В этом случае ему следовало за полтора-два дня пополнить залоговую сумму и закрыть свои долги. Но существовало понятие "деньги в пути". Брокер сообщал, что он отправил недостающие средства и демонстрировал платёжку. Никто её подлинность не проверял. До поры до времени проносило, но в конце концов и этот риск также сработал в негативную сторону».

Но на следующий день после торгов проводился клиринг. И выплаты победителям делались из залоговых денег всего сообщества. Так появляется дыра.

Ретунских Д. Г.: *«В те дни многие кинулись в доллар, и я неплохо заработал. Но, так как была паника и было боязно оставлять деньги на бирже, шеф*

дал команду снять их и привезти в офис на Таганке. Обещание выслать машину с охранниками не было реализовано. С трудом втиснув несколько банковских "кирпичей", запаянных в полиэтилен, в пакет, я стал ловить такси. Выполняя инструкцию садиться только в третью остановившуюся машину, я, делая вид, что торгуюсь, отправил восвояси первых двух возможных курьеров. Выторговав скидку у третьего, отправился в офис. Добравшись до места и поднимаясь на высокий порог у входа в офис, я споткнулся, ручка моей клади порвалась и доллары высыпались на тротуар. Всё это увидел таксист, с которым мы ещё недавно торговались за "три копейки". Этот взгляд я никогда не забуду.

В другой раз я стал легендой биржи, когда, будучи не слишком трезвым, на глазах у коллег скатился с винтовой лестницы, ведущей на второй этаж. Все были уверены, что я разобьюсь, но говорят же, что в таком состоянии подобные инциденты переживаются легче, вот и я в тот раз доказал это наблюдение и, как ни в чём не бывало, получив несколько синяков, вернулся в ряды брокеров. Это удачное падение надолго заполнилась завсегдатаям биржи».

Надо сказать, что брокеры тогда особо не усложняли себе жизнь. Деньги сами по себе тяжёлые, особенно если купюры мелкие. Порой их приходилось носить вдвоём, объёмы сумок иной раз поражали. Впрочем, бывало, что деньги носили в прозрачных полиэтиленовых пакетах. Конечно, были и куртки со специальными потайными карманами, куда входило по несколько сотен ваучеров, и сумки с двойным дном. Но они вопроса не решали, если брокер оперировал большими объёмами ваучеров.

Секреты работы поведал один из брокеров Московской центральной фондовой биржи, пожелавший, в силу весьма откровенного характера беседы, остаться неизвестным.

«Некоторое время на МЦФБ[1] существовала так называемая система фиксингов. Одну минуту накапливались заявки на покупку и продажу контрактов. Потом через минуту проводился фиксинг, который совпадающие заявки "съедал", и таким образом совершались сделки. И была возможность в последнюю секунду перед фиксингом захватить все заявки, которые нужны, и тем самым воздействовать на котировку. Ну, скажем, уверен ты, что курс будет в дальнейшем расти. Вводишь заявку на покупку, там, 500 контрактов по цене на несколько пунктов выше той, по которой они продаются, — всё, что ниже, твоё.

Весь фокус в том, что надо было иногда ещё успеть эти заявки вбить. Дело вот в чём. Чтобы войти в систему, ты должен набрать название

[1] МЦФБ — Московская центральная фондовая биржа.

своей фирмы и пароль, а после этого — номер клиента, количество контрактов и цену. И представь себе такую ситуацию. На ММВБ прирост курса доллара плюс 20 пунктов, а у всех темпы роста курса просчитаны, скажем, плюс десять. Караул, мама дорогая, завтра будем расти. Задача в этом случае — захватить как можно больше контрактов, чтобы завтра продать их по возросшей цене. Иными словами, как можно быстрее вколотиться в "потолок" цены, перебив заявки конкурентов, т.е. купить контракты по максимальной на сегодня котировке (она известна, потому что определён предел колебаний цен за день). А заявки-то собирались всего минуту. А желающих продавать в такой ситуации немного — ведь завтра это можно будет сделать дороже. Короче, те 20–30 первых, кому удастся вколотить свои заявки быстрее, смогут с выгодой открыться на завтра (купить контракты с расчётом продать их завтра по возросшей цене). Остальные — вне игры. И как только открывалась сессия, начинался такой колотун по клавишам... Существовала даже специальная технология, "четыре копыта" называлась. Два человека за одним компьютером распределяют обязанности. Один набирает название расчётной фирмы, как только он нажимает Enter, второй тут же набирает пароль (для скорости — тоже Enter), первый вводит заявку и т.д. Скорость увеличивается в два раза, и есть шанс "влететь". Но так было раньше. А сейчас остались жёсткие "пол" и "потолок" котировочной цены — что бы ты ни делал, котировка будет находиться в этом интервале»[1].

К тому же тогда МЦФБ отказалась от системы фиксинга и ввела в действие механизм точно такой же, как на МТБ и РТСБ. То есть перешла на систему так называемого двойного аукциона, когда сделки совершались не через минуту, в течение которой накапливались заявки, а сразу, как только цены на продажу и покупку контрактов совпадали. Только МТБ тогда ещё торговали с голоса, а на МЦФБ через компьютеры.

Первые брокеры. А теперь я хотел бы рассказать, как молодые люди становились брокерами на срочном рынке, и начать рассказ с признания одного из них.

Чернов Е. А.: *«Что меня до сих пор удивляет, это то, что биржу из-за несовершенства законодательства множество раз могли подставить, способов было много, но не делали этого. Удивительно даже. Участники рынка, на первоначальном этапе становления биржи прежде всего были просто достаточно порядочными людьми. Они выстраивали свой позитивный имидж, не желая*

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 31, 32.

быть опозоренными перед коллегами. Не правила, которые ещё не сформировались, а нравственная составляющая на бирже тогда была главной.

Случаи непорядочного поведения были единичными и порицались сообществом.

Атмосфера товарищества был определяющей. Работа проводилась на доверии, иногда, когда кому-то надо было закрыть дыру, ему без расписки из рук в руки передавали миллионы рублей. Знали, что коллега не подведёт. И меня выручали.

Если человек проигрывал, ему искренне сочувствовали, понимая, что завтра в такой ситуации может оказаться другой.

Такого доброжелательного взаимоотношения между участниками одного сообщества я больше в бизнес-практике не встречал».

Гавриленко А. Г.: *«Окунувшись в новое дело с головой, каждую неделю участвовал в собраниях секции срочного рынка, где мы буквально на коленке дорабатывали правила торговли. Секцию тогда возглавлял Евгений Чернов.*

В результате я быстро убедился, что финансовый рынок — исключительный сектор экономики, в котором собрались одни из самых развитых, инновационных, ответственных людей».

Успел «Алор» поторговать и на РТСБ, в частности фьючерсами на ГКО.

Дмитрий Ретунских после окончания института четыре года проработал в Институте биохимии им. Шемякина АН СССР, занимался ставшей ныне очень модной темой — созданием синтетических вакцин. Первая запись его в трудовой книжке гласит: «инженер группы синтетических вакцин».

На первую премию за установку автоматического синтезатора пептидов он успел съездить с семьёй в Геленджик и гордится, что воспитал дипломника, участвующего в разработке пептидной вакцины от ковида.

Со временем зарплата инженера, бесплатное молоко и кролики из контрольной группы, которых раздавали молодым научным сотрудникам на пропитание, перестали кормить его семью и он окунулся в мир коммерции.

Ретунских Д. Г.: *«Так получилось, что я оказался в компании, которая не знала, что ей делать с тремя акциями Российской товарно-сырьевой биржи.*

В попытке продать их, я понял, что их можно использовать по-иному, просто купив брокерскую контору на бирже. Очень кстати, биржа объявила какой-то очередной конкурс, привлекая клиентов, предложила им выиграть на свои три акции место на бирже. Условия были объявлены настолько льготные, что глупо было ими не воспользоваться.

Когда до руководства биржи дошло, что условия оказались слишком простыми, было поздно. Для меня брокерская фирма вышла в полцены.

Но что делать дальше? Нужны были деньги для начала торгов. Минимум 5000 долларов. Мне их дали. Конечно, это не те деньги по девяностым, чтоб убить, но всё же. Через месяц я принёс 5000 долларов, и ещё 5000 у меня осталось! Вау, биржа — это деньги из ничего!»

Часто брокерское сообщество пополнялось клиентами, до поры до времени толпившимися вне ямы. Некоторые из них, настоявшись, сдавали экзамены и тоже начинали торговать. Если их личный трейдер не успевал к тому моменту проиграть все их капиталы, то эту почётную миссию они брали на себя. Среди этих неофитов были бывшие челноки, случайно заработавшие несколько десятков тысяч долларов посредники, желающие разнообразить свой досуг и доходы ростовщики.

Как рассказывает анонимный «молодой брокер», *«хорошим тоном в этих "кругах" являлись долгие беседы о видах на изменение процентных ставок, динамике "агрегатов М1 и М0", козыряние точным знанием курса доллара на завтра и тому подобной ерундой — конец, как правило, был одинаков: денежки тю-тю. В этом им, в первую очередь, помогали трейдеры. Трейдеру, если он не обладал собственным, достаточно большим капиталом, необходимо было разучить один жизненно важный трюк — прибыли на себя, убытки на клиента. Конечно, клиенту всё же время от времени приходилось "бросать кость", чтобы он раньше времени не почувствовал неладное и не забрал бы деньги. Существовали и более простые схемы, известные в мировой практике под названием "взбивание сливок". По чётным дням с клиентом играли на повышение, по нечётным, на понижение, состояние рынка в тот момент вообще не учитывалось, комиссионные трейдера исправно взимались до тех пор, пока доходы брокера составили 20 тыс. долларов, потери клиента 30 тыс. Впрочем, частенько этот брокер сам становился жертвой более зубастых сотоварищей.*

Со временем воздействовать на рынок становилось всё труднее и труднее, возобладал принцип: у кого денег больше тот и заказывает курс. Сил для этого, даже у банков, имевших опытных трейдеров, не хватало приходилось организовывать коалиции, а ежеминутные изменения цены характеризовались так: "Жигули", "Жигули", "Жигули"... хм, "Мерседес", "Жигули". Я сегодня сделал три "Мерседеса". Но на другой день могло быть и такое: "Минус "Жигули", минус "Мерседес", минус "Мерседес", осталась "Таврия"».

У каждого брокера на традиционной бирже был свой номер или свой короткий буквенно-цифровой индекс.

Васильев Г. Л.: *«Мы посчитали, что можем предоставить нашим брокерам право придумывать себе значащие имена размером не более 4 букв. Так*

у нас появились Волк, Заяц, Кот, Ёжик, Бакс... Некоторые из ников были очень смешные».

А ещё был Мавр, который как-то действительно «сделал своё дело», диктуя рынку свои условия, и Дюк — коренной одессит. Позднее стали обращать внимание на большее удобство имени для его быстрого и чёткого произнесения, либо для удобства оператора, так появились Фыва и Олдж.

Заявка брокером выкрикивалась по такой форме: «продам/куплю — код брокера — количество контрактов — цена единицы товара».

Ретунских Д. Г.: *«Кричать следовало по определённой системе. Вначале следовало заявлять: "Куплю!" или "Продам!", далее называлась своя кличка, наконец, сообщалось количество контрактов и желательная цена.*

До сих пор многих помню не по имени и фамилии, а по бейджу с печатью, выданному биржей. Я взял ник Азот, химик, как никак. И мне до сих пор иногда звонят и спрашивают: "Азот, я Краб, помнишь?"

А теперь представляете сделку, которые заключают брокер Пар и Шива? Да, совершали их с голоса, и маклеры, молодые девушки, вводили сделки, кто купил, кто продал... Шива, Бокс, Цук, Азот, Брус, Ноль, Граф, Щит, и так до бесконечности... Пар-Шива — сделка. Азот — Бокс — сделка. Ужас для участников и маклеров, который уже невозможно представить в современном мире, где сделки проходят по нажатию кнопки...»

Рассказывали, что в конце бабьего лета 1993 года была зафиксирована сделка «Лето — Опа». На это маклер оперативно отреагировал: «И впрямь, лето кончилось».

Такая картина была как на МТБ, так и на РТСБ.

Немаловажным фактором для успешной работы на бирже были хорошие отношения с операторами, принимающими заявки. Как уже отмечалось, заявки на МТБ и РТСБ подавались в первое время только с голоса, т. е. попросту выкрикивались. Операторы, молодые девушки, эти заявки оперативно вносили в компьютер. Поскольку участниками торгов были также молодые, но уже достаточно богатые люди, легко представить, какими путями можно было завоевывать особую благосклонность оператора ради того, чтобы в период особого напряжения, он выхватил из общего крика именно твой голос.

Ретунских Д. Г.: *«Сделки заключались с голоса. Классика жанра. Как в кино про американские биржи. Для заключения сделки надо было проорать: "Куплю / продам", назвать своё короткое имя — бейдж, который выдала биржа, и указать "количество / цену".*

Две или три девочки-маклера за компьютерами, сводившие сделки должны были тебя услышать, понять и завести предложение в компьютер. После чего оно появлялось на табло. Конечно, можно было выделяться лу-

жёной глоткой, но кто-то действовал надёжнее — "коррумпировал" дам шоколадками или коробками конфет, чтобы они их слышали лучше других. Когда одновременно орут сразу 40 брокеров, а иногда и 60, у девушек был выбор.

При этой системе всегда было множество ошибок. Но поскольку все друг друга хорошо знали и, когда ошибка была явная, сделки откатывались без конфликтов. Так что принцип "брокер брокеру — конкурент-волк" не действовал. Существовал джентльменский кодекс поведения. Конфликтных людей среда быстро из себя изживала. Рвачество не приветствовалось, более того, случалось, что у кого-то не хватало залога, а закрывать позицию в надежде, что придёт твоя масть, не хотелось, тогда перекидывали сделки на компанию коллеги, для поддержки».

Действительно, ведь основные деньги зарабатывались во время очень резких подвижек рынка в ту или иную сторону. Трейдеры хором выкрикивающие одинаковые заявки, отличались в этот момент только бейджами.

Ретунских Д. Г.: *«Первое время, я, бывший ещё недавно интеллигентом, стеснялся кричать, а шум в яме стоял серьёзный, особенно когда происходили какие-то события, влияющие на котировки. Постепенно я понимал, что моя скромность вредит делу, и я стал осваиваться в коллективе».*

Интересны вспоминания некоего анонимного «молодого брокера» о первой годовщине открытия торгов фьючерсами на МТБ: *«Площадка была полна трейдеров при параде — дорогие костюмы, золотые часы и т.п., накал страстей был средненький, хотя и с юбилейным привкусом. Клиенты, сгрудившись у входа на площадку, вели свою извечную дискуссию об "агрегатах", чрезвычайно напоминая при этом "пикейные жилеты". Неожиданно среди них возник владелец одной крупной и весьма богатой расчётной фирмы. Оглядев, не спеша, площадку, чтобы собравшиеся могли по достоинству оценить новый костюм, привезённый им из поездки в Чикаго, и количество золотых бирюлек, сказал: "Да... немногие остались из тех, с кем мы начинали". — "О, они, наверное, занялись более крутым бизнесом, вышли на мировой уровень", — уточнил один из "пикейных жилетов. "Нет, они просто разорились", — без особой печали констатировал "старик"».*

Желающие участвовать в торговле фьючерсными контрактами на МТБ заключали договор на обслуживание с одной из расчётных фирм. Там клиента регистрировали, после чего он уже мог давать поручения брокерам, которые были обязаны обеспечивать приоритетное исполнение этих поручений по сравнению с собственными намерениями. При этом биржа контролировала корректность исполнения этих обязательств.

Анонимный очевидец в «В воспоминаниях молодого брокера о молодости фондового рынка» так описывает происходящие на бирже события: *«Размер*

средств на тот момент у всех участников рынка был приблизительно одинаков, редко кто ставил на кон более 20 тыс. долларов. Рынок способствовал игре на повышение — доллар рос по экспоненте. Но вот здесь-то быков и подстерегала первая "неувязочка", спот-курс летом 1993 года резко затормозил, и медведи с лёгкостью подмяли их под себя. Если мне не изменяет память, курсы фьючерсных контрактов испытали падение более чем на 11%, что является, как правило, предпосылкой к краху торгов. Крах состоялся, часть брокеров удвоила собственный капитал, часть осталась ни с чем. Судьба вторых после этого сложилась по-разному, быть может, кто-то даже и застрелился, во всяком случае, собирался это сделать, часть просто вовсе отошли от дел, а наиболее сильные духом продолжили борьбу за "лимон баков". Поскольку подобные события, хотя и в меньшем масштабе, на фьючерсных площадках встречаются постоянно, то подобный исход новым игрокам необходимо предусмотреть заранее. Случалось иногда и такое: он уже собирался стреляться, но передумал, зашёл в один из банков и сказал: "Давайте я для вас денег заработаю". Ему почему-то поверили, через месяц он из 300 миллионов сделал для банка 500, себя он тоже не забыл, как, впрочем, и работников банка. Сейчас он обладатель состояния в несколько миллионов долларов, немного угомонился, аккуратно арбитражирует между форвардным и фьючерсным рынками».

Важным событием на Российской бирже было создание в конце 1995 года, под Новый год, автоматизированных рабочих мест брокера (АРМы).

Ретунских Д. Г.: *«Тогда фактически произошло расслоение брокерского сообщества: кто-то продолжал торговать "с голоса", но те, что побогаче, оборудовали себе места, и их предложения теперь были всегда услышанными.*

Кроме того, всех, кто купил АРМы, биржа за свой счёт пригласила на Новый год в ресторан "Самовар" на Мясницкую улицу. Я был среди них.

Брокерское сообщество мне всегда припоминало этот Новый год. Люди заплатили приличные деньги и за АРМы, и за ресторан. Мне рассказывали, что я в несколько измененном состоянии строго спрашивал у Дедученко: "Дед, а где Бифитер, мы стока денег на АРМы кинули!"

Следует сказать, что эти вложения окупались достаточно быстро».

В архиве брокера Дмитрия Ретунских хранятся два биржевых отчёта: в один день он, торгуя против рынка, проиграл 20 тыс. долларов, но буквально через пару дней зеркально выиграл столько же.

То, что фьючерсный трейдер не профессия, а стиль жизни, стало общепринятой истиной. Очевидцы вспоминают, что частенько во время торгов на площадку вбегал трейдер и тянул куда-то другого за рукав. Тот отбивался: «Ну сейчас, только клиента прикрою». — «Смотри у меня, — грозился первый, — без тебя начнём». Разговор шёл о том, чтобы расписать пулю. Конечно, такое могло случиться, когда на рынке был полный штиль и можно было пощеко-

тать себе нервы другим способом. Про одного из старейших участников рынка, ходила легенда, что все деньги, выигранные на бирже днём, он проигрывал в казино ночью, если это ему не удалось сделать вечером на скачках.

Ретунских Д. Г.: *«После окончания торгов я, взявший на себя лидерство, кричал: "Все в DOS!" — и желающие входили в общую локальную сетку и резались несколько часов в первую "стрелялку" под названием Doom. Добровольных космических пехотинцев, работающих на Объединённую аэрокосмическую корпорацию, насчитывалось до 16 человек».*

Инсайдерской информации ни у кого в тот момент не было.

Ретунских Д. Г.: *«Только появились пейджеры, их операторы предоставляли информацию о торгах на ММВБ. Но кто-то это делал через минуту после получения информации, а кто-то минут через пять. Так что в определённое время они с некоторыми интервалами начинали пищать. И счастливые обладатели более оперативных систем бросались делать ставки, а менее удачливые коллеги пытались повторить их манёвры.*

Редкие обладатели сотовых телефонов обладали ещё большим гандикапом».

До этого режим торгов, по словам брокера, мягко говоря, был щадящим. Рабочий день брокера был не чрезвычайно напряжённый — он продолжался с 11:00 до 13:00. Позже торговлю продлили до 15 часов.

Вначале после торгов все брокеры дружно шли пить пиво в буфет, а летом в летние кафе на Чистых прудах. Там обсуждали перипетии торгов, слушали музыку.

Ретунских Д. Г.: *«У меня в офисе начальство считало, что я работаю полный трудовой день. И хорошо. Дальше мы, за исключением солидных ботанов, которые работали на банки, шли пить пиво. Да, каждый день. На Чистые пруды. И хотя, по сути, мы проигрывали — выигрывали сами у себя, система-то была почти замкнутой. Но, когда человек был в плюсе, он покупал копчёного угря и поил всех "Афанасьевским"...»*

Совместно праздновались дни рождения и другие праздники. Ребята были молодые, поэтому они периодически попадали в истории...

Ретунских Д. Г.: *«Однажды мы хорошо отметили какой-то праздник и решили продолжить его на Чистых прудах. Судя по всему, мы вели себя достаточно интеллигентно, но это вызвало внимание местных милиционеров, которым надо было делать план. Из нашего коллектива они решили выдернуть наиболее пьяных. Эта избирательность вызвала возмущение остальных, мы потребовали брать либо всех, либо никого. Наряд остановился на первом предложении, однако технических возможностей у милиции не оказалось, поэтому двум, уазикам, пришлось совершить несколько челночных рейсов, чтобы удовлетворить желание коллектива брокеров. Составление протоколов длилось до 3 часов утра, поэтому следующие торги были практически сорваны, на них*

была лишь половина участников. Ликвидности, в современном понимании слова, не было».

Брокер Крыс, работавший на РТСБ, рассказывает: *«Одним из наших кумиров тех времён был Аркаша (Гир). Ходили легенды, что "Открытие" (брокер) чуть ли не раз в пару недель меняет Гиру клавиатуру, и раз в месяц Аркадий разбивает свой монитор. Так же были разговоры, что чуть ли не 50–80% комиссии "Открытию" набивает Аркадий. Когда Аркадий сел на деск НИКОЙЛа он потребовал красное кресло и мишень для дротиков. А на одном из биржевых конкурсов человек выиграл бээмвэшку.*

Аркадий в своё время преподнес мне урок... На низкой волатильности он своей огромной по размеру заявкой стал маячить с открытым бейджем чуть выше рынка. Я вышел из себя и поддался на провокацию... А дальше меня понесли... Что уж там было — данные или просто по тренду — не помню. Но урок запомнил на всю жизнь. Никакого контртренда, даже если есть неэффективность».

Но особенно драматичная и поучительная история произошла в 1995 году с Российским брокерским домом (РБД). Её причинами стала вера в слухи о том, что со дня на день будет введён «валютный коридор» для рубля и он перестанет быстро расти.

Чернов Е. А.: *«Так получилось, что я был не только свидетелем, но и участником этих событий. РБД был моим клиентом, операции они проводили через мою брокерскую контору. В тот раз, к сожалению, не прислушались к моему мнению.*

Обладая, как им казалось, уникальной инсайдерской информацией, они попытались выступить против рынка, играя на понижении курса. Обычно клиент делится своими планами, но в этот раз пришёл финансовый директор РБД, отстранил моих брокеров от управления, сказав, что мы должны просто выполнять все его поручения. Боясь утечки информации, ребята проводили свои операции втихую.

В тот момент я этого не знал и мне их действия были просто не понятны. Я бил во все колокола, звонил их руководству, разговаривал и с Виктором Николаевичем Токаренко, но, к сожалению, не был услышан. А отказать ему, не выполнив поручение, я по закону не мог.

Они вели в эти дни очень агрессивную торговлю, и за несколько дней чуть ли не завалили контрактами всех других брокеров. Денег у них было достаточно, поэтому играли они по-крупному, шли ва-банк.

После того как стала очевидной ошибочность действий и РБД всё-таки остановился, их потенциальный проигрыш был огромен, три месяца все брокеры "кормились" за счёт РБД.

Для компании же это стало катастрофой. Команда дорожила своим имиджем и рассчиталась со всеми. Хотя каждый день возникали сомнения, смо-

гут ли они заплатить очередной платёж, компания платила по клирингу без задержек.

Это время было кошмарным и для меня, потому что тогда пришлось убрать всех остальных своих клиентов, т.к., если бы РБД не оплатил свои долги, попадала бы на них уже моя контора, а значит, и мои клиенты. Деньги на брокерском расчётном счёте обезличены, их бы сразу оприходовала биржа.

После случившегося для Российского брокерского дома мы с нашими партнёрами разработали план, как выбраться из сложившейся ситуации с минимальными потерями. Понимали, что они могут не выдержать и это будет серьёзным ударом и для биржи. План выхода из ситуации был передан руководству РБД и частично реализован».

Валютный коридор действительно впервые ввели 8 июля 1995 года, но РБД это уже не спасло.

Внешне похожая ситуация в начале февраля 1995 года произошла на МЦФБ с брокерами Электробанка. Они стали покупать контракты.

«Их кормила вся биржа — они тупо и молча покупали. С двух мониторов — очень богатые люди... Покупали и покупали, покупали и покупали. Я сам на этих "электрониках" заработал для банка 80 млн, потому что я им продавал и продавал, продавал и продавал... Какой информацией они пользовались — непонятно. Возможно, рассчитывали на мартовский инфляционный скачок, которого не произошло. Держались они долго, но в конце концов всё же пришлось им закрываться. Убытки они понесли, конечно, очень большие. Хотя, может, у них своя программа была, и они не проиграли ни копейки. Может, они таким образом страховали какие-то операции и там отыграли свой проигрыш. Кто знает...

Но факт тот, что они оказали очень сильное давление. Всё время, пока играли "электроники", на рынке ничего иного невозможно было сделать. Среди брокеров уже шутки пошли. Мол, кто-нибудь, подойдите, облейте его водой — может, короткое замыкание получит. Или: "Урри-Урри, ты же знаешь, где у него кнопка, так выключи же его!.." Короче, бенефис "электроников" запомнился всей бирже»[1].

Были и не очень порядочные профучастники. Одним из рисков на МТБ было то, что до конца законодательно не было прописано положение о залогах. Брокерская фирма, обладающая 10-тысячным капиталом, имевшая место на бирже, проведя неправильную расчётную операцию, попадает в долговую яму. Позиция у неё висела, а денег не было. Были и такие, что на следующий день закрывали позиции и реализовывали схему, которую Евгений Чернов

[1] *Арсеньев В.* Руководство по российскому рынку капитала. М.: Альпина Паблишер, 2001. С. 37.

называет «ромашкой»: позиции вместе с долгами передавались такой же компании с минимальным уставником. Такие передачи порой делались несколько раз до фирмы-однодневки, или долги оказывались в «спящей» фирме.

Однажды огромный долг был сброшен на «спящую» фирму очень уважаемого человека. Его подвёл брокер, имеющий от него доверенность на управление фирмой.

Чернов Е. А.: *«Теперь-то я понимаю, что мы были во времени обречены. Но тогда всё происходило впервые, всё было интересно, и мы не жалели сил на развитие общего дела. Всё-таки это было прекрасное время».*

Биржа «Санкт-Петербург» на срочном рынке

Эта биржа в те годы не была лидером на описываемом рынке, но она оказалась единственной выжившей из имевших опыт организации таких торгов в первой половине 1990-х годов, а её основателя и главу Виктора Васильевича Николаева в финансовой индустрии считают патриархом российского биржевого мира. Вот уже 30 лет он руководит компанией, успев воспитать целую плеяду известных профессионалов.

Образовалась биржа 31 января 1991 года и называлась первое время Ленинградской товарно-фондовой.

Как и многие другие биржи, Ленинградская пыталась совместить торговлю товарами и ценными бумагами, но время показало, что это две разные системы.

По рассказам одного из основателей ЛТФБ, тогда заместителя председателя комиссии по экономической реформе Ленсовета А. Г. Карташова, «всё началось в 1989 году после того, как только выбранный Ленсовет начал разрабатывать новые программы экономического развития региона. Большое внимание уделялось развитию торговой, биржевой и банковской инфраструктуры». Анатолию Германовичу тогда и поручили заниматься разработкой той программы реформ. Кроме прочего, он готовил документ о развитии биржевого движения в городе, который и был принят в 1989 году.

Тогда же в головах молодых депутатов Ленсовета, во главе которых стояли Собчак, Чубайс, Карташов, созрела идея организовать рабочую группу по созданию Ленинградской товарно-фондовой биржи.

Николаев В. В.: *«В неё как первого заместителя начальника Главснаба включили меня. Помню, что на первом заседании большинство даже не понимало, о чём идёт речь. Чувствовали только, что дело нужное. Постепенно по крупицам мы собирали нужную информацию о биржах».*

Президиум Ленинградского городского Совета народных депутатов 28 апреля 1990 года принял Решение № 93 о создании Ленинградской товарно-

фондовой биржи. Таким образом, она является старейшей биржей современной России.

Учредительное собрание прошло 30 января 1991 года, на нём присутствовал поддержавший биржевиков мэр города А. А. Собчак.

Два заместителя Собчака — Анатолий Чубайс и Алексей Большаков — стали членами первого биржевого совета.

Николаев В. В.: *«В 1990 году я работал первым заместителем начальника Главснаба Ленгорисполкома. В мои обязанности входило снабжение пятимиллионного города всем необходимым: оборудованием, продовольствием, запасами и так далее. Также я был членом комиссии по организации биржи. Встал вопрос о том, кто её возглавит, ещё важнее было, кто будет первым в биржевом совете.*

Было два претендента: Вахтанг Ковешников, генеральный директор АООТ "Авангард", предприятия, которое занималось производством радиоэлектронной аппаратуры и изделий функциональной электроники, и я. Поскольку он был из красных директоров, то у него, конечно, была тяга к Госплану и Госснабу, а я, хоть и работал в Госснабе, понимал, что в тех условиях мы уже достигли верхов развития и двигались к рыночной экономике».

После ознакомления кандидатов с планами развития будущей биржи все проголосовали за В. В. Николаева.

Все трудности при этом были впереди: надо было искать помещение, собирать коллектив, подбирать специалистов, готовить необходимые документы.

Первый вопрос, стоящий на повестке дня, где будет располагаться новая торговая площадка, решился достаточно быстро. Собчак сказал Николаеву: «Выбирай любой в Питере дом, там и будет биржа».

Николаев В. В.: *«Молодые будущие брокеры съездили в Японию, Лондон, увидели, что торги проходят в голосовом режиме, и поэтому нужно было здание минимум на тысячу метров. В итоге я выбрал павильон на Васильевском острове. Это был символичный выбор, поскольку на стрелке Васильевского острова стоит старая биржа, и наше расположение рядом с историческим зданием символизировало, что мы являемся продолжателями традиций.*

Большой стеклянный павильон имел три тысячи метров площади, так что я удовлетворил запросы наших брокеров. Мы им там построили яму, чтобы они прыгали, продавали, выкрикивали свои ордера.

В первые годы, как и везде на ЛТФБ, торговали всем: кораблями, самолётами, лодками, всяким ширпотребом.

Хорошо помню первый день торгов. На церемонию открытия биржи были приглашены три священника: православный, мусульманский и иудейский. Они освятили начало торгов. Это было необычно, поскольку три религии не очень дружат друг с другом».

На первом этапе у ЛТФБ не было каких-то особенностей. Это был обычный аукционный торг, на который размещали всё, что нужно ленинградским предприятиям и не нужно сбытовым организациям.

Карташов А. Г.: *«Тогда мы ещё серьёзнее стали изучать опыт западных бирж. Ещё на этапе создания биржи я побывал в Токио и Осаке, где познакомился с опытом японских бирж. В 1991 году три месяца стажировался на Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) — фьючерсной бирже, торговавшей нефтью. Там я постигал тонкости работы на срочном рынке и, вернувшись в Санкт-Петербург, начал работу по созданию аналогичного рынка на нашей бирже».*

Энтузиазм основателей позволял быть уверенным, что все трудности будут преодолены. И действительно вопросы решались оперативно, биржа развивалась быстрыми темпами. Тем более что в тот момент мэр поставил цель сделать из Санкт-Петербурга финансовую столицу России. Он открыл Питер для дочерних банков Credit Lyonnais и Dresdner Bank. В создании последнего принял активное участие первый вице-мэр Владимир Владимирович Путин. В город привлекались инвесторы. Здесь образовались первые на финансовом рынке саморегулируемые организации. И все понимали, что именно биржа должна стать центром финансового рынка.

Достаточно длительное время торги носили несистемный характер. Биржа была больше похожа на базар.

Кашин А. Л.: *«Биржа в то время олицетворялась с зарубежной жизнью, по фильмам сразу вспоминался Чикаго 1930-х годов. В одном месте продавались "КамАЗы", вагоны с зерном, а рядом акции и ваучеры. Помню, что мы тогда, три молодых парня, утром заскакивали в старый "Москвич" и мчались на биржу, первые месяцы с надеждой заработать хотя бы на молочные сосиски, продаваемые тут же в буфете.*

Постепенно биржа становилась всё более цивилизованным финансовым институтом со своими комитетами, советами. И бессменному руководителю биржи Виктору Васильевичу Николаеву удалось создать структуру, пережившую несколько этапов развития страны, массу кризисов».

Так продолжалось до 1994 года, до организации на бирже центра обмена валюты.

Николаев В. В.: *«Я договорился с ЦБ, РУВД, ФСБ. Здание у нас большое, мы оборудовали в нём кабины обменных пунктов, всё согласовали с Центробанком».*

Важно отметить, что в тот момент А. Г. Карташов вёл курс биржевого дела в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете (ИНЖЭКОН). Он и привлёк к организационной работе своих студентов Белинского и Горюнова к реализации задуманного.

Полагался на свою интуицию при подборе кадров, развитии каких-то проектов и Виктор Васильевич.

Николаев В. В.: *«Вскоре к нам потянулась молодёжь, только что окончившая институт: Роман Горюнов (он меня постоянно упрекает, что я его поначалу не хотел брать), Андрей Белинский, Алексей Сергеев, а чуть позже Евгений Сердюков — звёздная команда РТС. Пришлось с ними действительно много заниматься, воспитывать. Но они мне всегда говорят спасибо за тот опыт, за ту систему работы, которую я выстроил, и которая должна существовать в любой организации: есть сроки, есть задачи, есть план, выполнение которого находится под контролем. Без контроля планы создавать глупо.*

Хорошие ребята, целеустремлённые, им хотелось что-то сделать, что-то показать. Таких команд в России действительно мало».

В 1993 году в ИНЖЭКОН ставший уже Санкт-Петербургской государственной инженерно-экономической академией, на четвёртом курсе лекции читал вице-президент биржи «Санкт-Петербург» Анатолий Германович Карташов. Однажды он пригласил всех желающих попробовать свои силы в биржевом деле. Пришли двое. Одним из них был Андрей Белинский.

Их работа началась с изучения правил фондового рынка. Затем они попали с трёхмесячным испытательным сроком в новое управление срочных контрактов, возглавляемое Виктором Петровичем Сутягиным.

И вот, наконец, 1 февраля 1994 года Андрей стал полноценным сотрудником биржи и благодаря генеральному директору биржи «Санкт-Петербург» Виктору Васильевичу Николаеву получил возможность приводить сюда своих приятелей для создания здесь нового направления бизнеса — срочного рынка. Впрочем, из всех пришедших тогда в итоге остался только Роман Горюнов, который был взят, правда, только со второго раза. Вначале он не прошёл по возрасту.

Белинский А. А.: *«Понять моих пассивных однокурсников было несложно, новое дело требовало жертв, я, например, фактически отказался тогда от красного диплома и из отличника превратился в студента, берущего на ночь чужие конспекты. При этом выбор мной был сделан вполне осознанно. Позже я наверстал упущенное и, работая на бирже, даже защитил кандидатскую диссертацию.*

Прежде чем официально открыть торги, мы прошли краткую стажировку на Московской товарной бирже, имевшей уже опыт валютных фьючерсных торгов».

Через год после Белинского, в конце 1994 года, на биржу «Санкт-Петербург» пришёл Роман Горюнов. Ему было тогда всего 19 лет. Толп торговцев ваучерами здесь уже не было, зато началась работа с фьючерсами. На тот момент совсем немногие в стране знали, что это такое, а юному Роману это направление показалось особенно интересным и перспективным.

Горюнов Р. Ю.: *«Я верил в перспективы общего дела настолько, что, придя на биржу, словно купил опцион-колл сильно "вне денег". Сейчас он стоит во много раз дороже.*

Это было странное и интересное время — биржи развивались при полном отсутствии регулирования, Комиссия по товарным биржам при ФАС не регистрировала даже правила торгов и расчётов. Когда в мае 1998 года разорилась РТСБ, на комиссии обсуждали отзывать у неё лицензию или нет. Нам надо было с нуля, на свой страх и риск строить биржевые технологии, защищающие участников рынка, что дало нам уникальный опыт».

Первые торги фьючерсами на доллар с наличной поставкой на бирже «Санкт-Петербург» прошли в апреле 1994 года. Они были ещё голосовыми и проходили в так называемой яме — деревянной конструкции, на которую необходимо было взойти по ступенькам.

Карташов А. Г.: *«Если сравнивать торги, проходившие в первые месяцы, да даже в первый год работы биржи, и то, к чему мы пришли буквально через несколько лет, открыв торги на срочном рынке, это, конечно, несопоставимые вещи. Начинали мы торги в стандартной яме, откуда брокеры выкрикивали свои цены и предложения, мы уже в 1994, 1995 годах стали внедрять электронную торговлю, понимая, что за ней будущее. Так у нас впоследствии был создан рынок».*

Долгое время клиринг и каждодневные отчёты делались вручную, автоматически же рассчитывалась только вариационная маржа[1] по итогам дня.

Белинский А. А.: *«Между сотрудниками нашего Управления срочного рынка все участники торгов были поделены на группы. Получив от участников торгов "тикеты, мы сверяли их, ведь часто в них делались ошибки — либо брокер указывал не то количество, либо вместо покупки отмечал продажу... Надо было обзванивать брокеров, узнавать, что они имели в виду. При отсутствии мобильной связи сделать это было нелегко. Поэтому для сведения результатов требовалось несколько часов. Только после этого можно было высчитывать маржу. Получив результат, мы садились и составляли каждый для своих участников отчёты. Их трейдеры забирали в основном уже утром».*

Горюнов Р. Ю.: *«Тогда мне доверили стать технологом фьючерсного рынка. На первом этапе я вместе с коллегами разбирал "тикеты" — бумаги, на которых трейдеры отмечали что, сколько и по какой цене они приобрели — и вводил эти данные в компьютер, чтобы зарегистрировать сделки. Для регистрации сделки информация на двух встречных"тикетах" должна была*

[1] Сумма, уплачиваемая / получаемая участником торгов на бирже в связи с изменением денежного обязательства по одной позиции в результате её корректировки по рынку.

совпасть, чего часто не происходило. Мы вручную разбирались в этих несоответствиях, вызванивая трейдеров. Процесс сверки занимал несколько часов, но свести результаты торгов не всегда удавалось, тогда сделку отменяли».

Фьючерс торговался глубиной в 12 месяцев. В отличие от МТБ и Санкт-Петербургской фьючерсной биржи, где торговали по очереди: полчаса один срок контрактов, затем второй, потом третий и, наконец, четвёртый. На бирже «Санкт-Петербург» торговали сразу всеми контрактами. Предложения одновременно отражались на большом табло, торги продолжались с 11 до 15 часов с 15–20-минутным перерывом.

Горюнов Р. Ю.: *«Ситуация с "тикетами" до 1996 года была вполне управляемой, проблемы начались, когда счёт сделок пошёл на сотни, 300–400 в день. Однако биржа "Санкт-Петербург" оставалась не самой большой даже в городе. Например, обороты были больше на Санкт-Петербургской фьючерсной бирже, которую в свою очередь опережали несколько московских бирж, сначала МЦФБ, затем РТСБ».*

Торги в Санкт-Петербурге проходили изолированно — следить за прохождением торгов в Москве не было технических возможностей. Для приёма заказов (ордеров) от клиентов на бирже были установлены стационарные телефоны.

И всё-таки самые продвинутые брокеры получали с помощью огромных переносных телефонов информацию из Москвы — с РТСБ и МЦФБ. Когда же на бирже появился терминал «Рейтер», торговцы стали толпиться вокруг него. При появлении горячих новостей все наперегонки бежали в яму, чтобы огласить свои решения.

Белинский А. А.: *«Когда в первый день торгов кто-то из участников перевёл 1 млн рублей в гарантийное обеспечение, это вызвало общее воодушевление среди сотрудников биржи. Такой взнос говорил о серьёзности намерений участника торгов».*

Вход в торговый зал был открытым, в него могли свободно прийти соседи — арендаторы офисов, расположенных в том же здании, а их было не меньше 1 тыс. человек (это только в яму могли войти лишь трейдеры с бейджами). Большинство из них тем или иным способом были связаны с финансовым рынком. К тому же результаты торгов громко объявлял ведущий в микрофон. Таким образом и рекрутировались новые участники.

Поначалу среди брокеров не было представителей банков. Но на бирже в то время существовал центр обмена наличной валюты, именно он был главным поставщиком первых трейдеров. Они хорошо разбирались в вопросах торговли валютой. Большое влияние на ход торгов оказывал объявляемый Банком России официальный валютный курс рубля к доллару США. Курс

объявляли регулярно в определённый период времени в течение торговой сессии (в первое время его узнавали по телефону) и выводили эту информацию на табло.

Через некоторое время ведущим торги сделали Романа Горюнова.

Горюнов Р. Ю.: *«В 1995 году стало понятно, что будущее за электронной торговлей. В Москве запускалась РТС — электронная площадка. На некоторых других биржах также началась работа над созданием электронной платформы, в том числе и у нас. Я стал постановщиком соответствующего технического задания. В течение года я много взаимодействовал с разработчиками и программистами платформы. Её запуск произошёл в самом начале 1997 года, тогда у нас появились удалённые участники, первым из которых стал "Алор-Инвест", подключившийся из Москвы».*

Белинский А. А.: *«Торги продолжались несколько часов, "с голоса" сложно торговать долго. Тем более много времени занимал посттрейдинг, часть работ по которому приходилось проводить даже в выходные дни».*

В 1995 году начались торги опционами, после чего интенсивность фьючерсной торговли снизилась.

Белинский А. А.: *«Характерной чертой этого этапа развития биржи стала такая картина: участники торгов, стоящие или сидящие в раздумье у опционных досок, рисовали графики, что-то считали. Впрочем, у всех было ещё только теоретическое представление об этом новом направлении деятельности. Однако теперь уже больше времени стало уходить на подготовку к сделке и меньше на саму торговлю в яме».*

Количество брокеров быстро прибавлялось. И когда были запущены расчётные фьючерсы на процентную ставку, на биржу пришло много банков. Для этого их предварительно объехали, предложив сотрудничество. На семинары, организуемые тогда биржей, собирались по сорок банковских работников. Но это произошло уже в 1996 году.

Белинский А. А.: *«Банки, кстати, принесли на биржу культуру хеджирования, до них этим никто не занимался.*

Тогда же стало ясно, что работу надо переводить в электронный режим. Для реализации запланированного были предусмотрены большие инвестиции. Это был прорывной момент в истории биржи.

Первый этап перехода на удалённую торговлю заключался в предоставлении возможности брокерам торговать из электронного торгового зала на территории павильона биржи, а также из брокерских кабинок по локальной сети биржи.

Нашим главным конкурентом в то время была Санкт-Петербургская фьючерсная биржа на Московских Воротах. Мы начали позже них, но оказались успешнее. Самые профессиональные трейдеры начинали работу там, но довольно быстро переходили к нам».

Трейдеры платили бирже комиссионное вознаграждение. К тому же, т. к. биржа сама выполняла роль клиринговой организации, все гарантийные взносы находились на её счетах, и их можно было аккуратно размещать, получая от этого дополнительный доход. Понимая, что это не собственные средства биржи, её советом была принята декларация, определяющая правила работы с этими активами. Был создан специальный комитет из участников рынка, который принимал соответствующие решения о размещении этих средств.

Торгующий срочными контрактами должен быть гораздо более математически подкован, чем трейдер, специализирующийся на фондовом или товарном рынках. Поэтому в ДК им. Кирова (расположенном напротив здания биржи) было арендовано помещение, где под эгидой Школы биржевой торговли были организованы специальные курсы для трейдеров. Регулярно пара десятков участников рынка повышала здесь свою квалификацию.

Происходили на бирже интересные истории. Так одна из них случилась в 1995 году и связана она с поставкой наличных долларов по исполнявшимся фьючерсным контрактам. Обычно на поставку выходили небольшие объёмы, трейдеры закрывали свои позиции оперативно.

Белинский А. А.: *«Но в тот раз на поставку вышло сразу несколько сотен тысяч долларов США. На неё вышло два трейдера — продавец и покупатель, отношения между которыми были давно натянутыми. Так как расчётный банк, через кассу которого проходила поставка активов, не ожидал такого объёма валюты, то они не уложились в регламент обслуживания. Работа девушки-кассира по подсчёту и проверке подлинности купюр растянулась до вечера. Но то ли отношения трейдеров повлияли на сделку, то ли спешка сотрудницы расчётного банка не позволила выполнить работу более тщательно, но недовольными остались обе стороны — покупатель заявил, что у него несколько долларовых купюр оказались поддельными, продавец — о том, что в ряде пачек не хватало рублёвых купюр. К счастью, других последствий этот конфликт не имел».*

В другой раз некий трейдер, несмотря на то, что его опытные коллеги из банков продавали фьючерсы на процентную ставку, начал их активно скупать. Когда его спросили, какая у него стратегия, он без обиняков ответил, что у нас в России всё дорожает, значит, и фьючерсы на процентную ставку в конце концов поднимутся в цене! И в итоге проиграл.

Следует отметить, что особенность санкт-петербургских трейдеров от московских была в том, что у них не было кличек, а были номера. Такая кодировка была введена сразу с началом первых торгов.

В 2001 году срочный рынок биржи «Санкт-Петербург» был переведён в РТС, а в 2011 году — на Московскую биржу, но заложенная в начале 1990-х годов кодировка сохранялась и здесь: первые две цифры номера трейдера озна-

чают номер его расчётной фирмы, следующие две — номер брокерской фирмы, работающей через неё, и последние три (позднее — и буквы) — номер клиента.

Для того чтобы строить срочный рынок, организаторы торгов тоже должны были осваивать в теории торговлю опционами, анализировать, какие образуют связки фьючерсы и опционы, какие при этом возникают риски и когда они реализуются.

Белинский А. А.: *«Вопрос заключался не только в том, какие активы принимать в гарантийное обеспечение, но и в каком размере. Важно было установить достаточный размер для покрытия рисков биржи, как клирингового центра, и одновременно эффективный для участников торгов».*

Вместе с рынком действительно росла квалификация аппарата биржи.

Белинский А. А.: *«Однажды мы решили привлечь с другой биржи профессионального трейдера. На первой встрече он смотрел на нас вальяжно, с вызовом и для проверки нарисовал некий график, попросив объяснить, что он показывает. После того как мы дали удовлетворивший его ответ, описав нарисованную им опционную стратегию, наши отношения изменились и только тогда начался деловой разговор. Тест мы прошли».*

Работа всего коллектива биржи «Санкт-Петербург» и её биржевого совета дала результаты — она стала единственной биржей в России, срочный рынок которой пережил дефолт 1998 года. Торги на бирже не останавливались ни на один день, а все обязательства перед участниками были выполнены.

Заслуга в появлении и развитии срочного рынка на бирже «Санкт-Петербург» Виктора Васильевича Николаева состояла, в частности, в том, что он доверил его создание молодёжи, молодым выпускникам вузов или даже студентам, для которых это стало серьёзным вызовом.

Белинский А. А.: *«Мы оказались восприимчивыми к новизне. К тому же, т. к. не имели опыта торговли, то у нас и не появилось искушения поторговать самим. Это искушение в то время привело к банкротству многие биржи. И всё-таки следует признать, что такое решение не было очевидным и для его принятия от Виктора Васильевича требовались предпринимательская смелость, разборчивость в людях и профессиональное чутьё.*

Наконец, биржа до выхода нашего проекта на самоокупаемость (а это произошло лишь в 1997 году) вынуждена была нас финансировать. Таким образом, руководство биржи должно было верить в сам проект и в тех людей, которые его реализуют».

Николаев В. В.: *«Мне неудобно говорить, но я ни одного кризиса на себе не почувствовал. Даже в 1998 году мы выполнили все обязательства на срочном рынке. ММВБ приостановила торги, РТС тоже, а мы — нет.*

Также могу сказать, что, положившись на свою интуицию в середине 1990-х годов, я не сделал ошибочного шага. Дело в том, что тогда нам вручили постановление о передаче бирже здания старой биржи на стрелке Васильевского острова. В нём оказался пункт о том, что мы должны были предварительно перевезти куда-нибудь располагавшийся там военно-морской музей. Для того чтобы это сделать, нужно было по тем временам 62 млн долларов, и на такие траты инвесторов найти было трудно.

К тому же когда этот вопрос был поднят, стало понятно, что голосовые торги уходят в прошлое и вскоре они будет проходить в электронном виде. Поэтому отпадала необходимость в столь больших площадях.

Тогда я стал просить у Собчака, чтобы нам выделили рядом с занимаемым биржей павильоном участок земли под строительство нового биржевого комплекса. В итоге на нём был возведён большой бизнес-центр на 18 этажей, 20 тысяч квадратных метров. Биржа теперь занимает в нём три этажа, 5 тыс. кв. м».

ЧАСТЬ 3. И ЕЩЁ...

КОРПОРАТИВНЫЕ ОБЛИГАЦИИ

К выпуску таких облигаций обращались многие акционерные общества. Это удобный инструмент привлечения капитала на финансовом рынке, привлекательный для эмитентов тем, что обладатели облигаций, в отличии от владельцев акций, не получают права голоса при решении вопросов стратегии, политики и других вопросов корпоративного управления.

Первый корпоративный облигационный заём. РАО «Высокоскоростные магистрали»

Указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина № 120 «О создании высокоскоростной пассажирской железнодорожной магистрали Санкт-Петербург — Москва» вышел буквально через неделю после переименования города — 13 сентября 1991 года. В результате него было образовано РАО «Высокоскоростные магистрали». Генеральным директором РАО «Высокоскоростные магистрали» стал Алексей Алексеевич Большаков.

Требовалось финансирование столь грандиозного проекта. На протяжении последующих трёх лет был издан ряд дополнительных документов, создавших юридическую основу для формирования материально-финансовой базы РАО.

Наконец, в 1994 году Минфин приступил к разработке, подготовке к выпуску и сопровождению первого в России корпоративного облигационного займа с государственными гарантиями в сумме 615 млрд рублей. В роли финансового советника РАО «Высокоскоростные магистрали» выступила ИФ «ОЛМА».

Ячник О. Е.: «*Нашу компанию Большакову рекомендовали сотрудники Министерства финансов, убедив, что мы сможем выполнить намеченное. Конечно, никакого опыта у нас (да и ни у кого больше) не было. Всё пришлось делать с чистого листа, ведь в России ещё не выпускали купонных облигаций.*

Для реализации проекта национального масштаба была выработана схема финансирования, включающая крупный облигационный заём, разбитый на несколько траншей.

Мы часами сидели в нашей небольшой комнатке на Садовой Каретной, разрабатывая документы, которые потом согласовывали с Беллой Ильиничной Златкис и Андреем Андреевичем Козловым. Однажды осенью во время очередного обсуждения Большаков получил какое-то сообщение, сказал, что его вызывают в правительство и уехал. Вернулся он часа через три и сообщил, что Черномырдин предложил ему стать заместителем Председателя Правительства Российской Федерации. Мы, естественно, спросили: "И вы согласились?" На что получили ответил: "От таких предложений не принято отказываться". Мы поздравили его и продолжили работу над проектом».

ММВБ провела первые торги облигациями РАО «ВСМ» с объёмом первого транша 120 млрд рублей 28 февраля 1996 года. Это событие стало своего рода сенсацией. Прежде обслуживающая исключительно государственные интересы (валюта, государственные ценные бумаги и долги) биржа впервые включила в свой листинг ценные бумаги корпорации. Средневзвешенная цена составила 95%, что соответствовало доходности к погашению 90,42% годовых.

Следует отметить, что в этот период рынок корпоративных облигаций в России находился в зачаточном состоянии и составлял доли процента от эмиссии акций (в западных странах доля облигационных эмиссий составляла десятки процентов).

«За три торговых сессии ММВБ оборот по облигациям РАО "ВСМ" составил 33,3 млрд рублей.

В настоящее время нет ни одной корпоративной ценной бумаги, которая имела бы такой высокий оборот за столь короткий период. После первого аукциона по облигациям РАО "ВСМ" спрос на эту бумагу вырос, и в настоящее время доходность по ней колеблется на уровне 75–78% годовых. Доходность по облигациям РАО "ВСМ" проявляет тенденцию к выравниванию на уровне чуть выше доходности по госбумагам. На сегодня к торгам по облигациям РАО "ВСМ" допущено 11 региональных дилеров»[1].

Для инвестора у облигаций было много преимуществ и прежде всего обязательная выплата процентов.

Важно сказать, что роль этих ценных бумаг в том, что они дали качественный сигнал акционерным обществам по выпуску корпоративных облигаций. Они ещё несколько лет активно торговались и являлись своеобразной лакмусовой бумажкой, показывающей, куда пойдёт значительно более инерционный рынок ГКО.

[1] Деловой экспресс. 11.03.1996.

Размещение и торговля облигациями РАО «ВСМ» (как и ГКО) прекратились в августе 1998 года.

Вот только к строительству магистрали так и не приступили. Ельцин 1 июля 1998 года подписал Указ № 756 «О признании утратившими силу некоторых указов Президента РФ». Среди них был и указ, касающийся ВСМ. Через несколько лет РАО «ВСМ» было признано банкротом и прекратило своё существование. В результате из всех работ реально было выполнено только сооружение котлована вблизи Московского вокзала в Санкт-Петербурге. Он ещё долго встречал приезжавших в Северную столицу москвичей, да и других гостей города на Неве.

Путь ВСМ от амбициозного проекта до пшика занял 10 лет. Лишь в 2003 году московские и петербургские городские власти, в своё время выступившие поручителями по кредитам западных банков, разобрались с ним — долг в итоге погасил федеральный бюджет. Впрочем, это другая история.

Были и другие корпоративные облигации, в частности, бумаги, конвертируемые в госпакет акций компании, зарегистрировал в 1995 году в Минфине ЛУКОЙЛ.

Гусаков В. А.: *«В мае 1995 года по приглашению С. К. Дубинина, в то время первого вице-президента банка "Империал", я перешёл на работу в этот банк на должность начальника управления ценных бумаг с целью организации выпуска и размещения облигаций ОАО "Нефтяная компания ЛУКОЙЛ", конвертируемых в акции компании, принадлежащие государству.*

Компания имела задолженности перед бюджетом и благодаря облигациям они решили рассчитаться с долгами.

Ещё работая в Минфине я указал, что такая операция является фактически приватизацией, поэтому должна согласовываться с ГКИ. К тому же непонятно, почему штрафы должны прекращаться насчитываться не когда деньги придут в бюджет, а тогда, когда компания только намеревается это сделать».

В июле Госкомимущество утвердило «Положение о проведении коммерческих конкурсов по облигациям НК "ЛУКОЙЛ"», а Банк России выдал компании разрешение на вывоз за границу акций, под которые осуществлялась эмиссия облигаций. В результате тогда же был зарегистрирован проспект эмиссии этих ценных бумаг.

Гусаков В. А.: *«Позже, уже работая в банке "Империал", я подготовил четырёхстороннее соглашение между Минфином, налоговой инспекцией, ЛУКОЙЛом и банком. "Империал" купил тогда бóльшую часть бумаг. Деньги шли на счёт компании в банке и в соглашении отмечалось, что лукойловцы не могли их снять, т. к. они оттуда шли напрямую в бюджет».*

Это были бескупонные облигации с обязательной конвертацией в 1996 году в обыкновенные акции Акционерного общества открытого типа «Нефтяная

компания ЛУКОЙЛ» (курс конвертации — 1 облигация к 170 обыкновенным акциям холдинга). В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 марта 1995 года № 269 облигации обеспечивались залогом в размере 10,94% уставного капитала компании из числа акций, временно закрепленных в федеральной собственности, что составляло 78,2 млн обыкновенных акций номинальной стоимостью 25 рублей каждая.

Общий объём выпуска (по номинальной стоимости) составлял 2,3 трлн рублей и включал в себя две составляющих размещения облигаций: зарубежный выпуск номинальной стоимостью 300 млн долларов (или 1500 млрд рублей по тогдашнему курсу) и российский номинальной стоимостью 800 млрд рублей. Номинал облигации — 5 млн рублей, что было эквивалентно 1 тыс. долларов.

Основная доля вырученных от продажи облигаций средств пошла на погашение задолженности дочерних предприятий холдинга перед федеральным бюджетом (1 трлн руб.). Определённый процент получили Госкомимущество, РФФИ и андеррайтеры, остальные средства остались в распоряжении ЛУКОЙЛа.

Благодаря участию банка «Империал» стало возможным получать за облигации валюту. Ведь все операции, связанные с приватизацией, должны были осуществляться в рублях.

«Инвесторы не окажутся в накладе. Даже если предположить, что к апрелю 1996 года (времени обмена облигаций на акции) курс акций ЛУКОЙЛа останется на прежнем уровне, и то доход от операции по покупке облигаций, их конвертации в акции и продаже последних на вторичном рынке составит около 30% годовых в валюте. На самом же деле уже осенью должна завершиться независимая оценка активов ЛУКОЙЛа, которая, безо всяких сомнений, должна показать весьма значительную заниженность их стоимости. Переоценка активов по самым скромным подсчетам приведёт к трёхкратному росту курса акций нефтяной компании»[1].

Осенью 1995 года облигации были успешно размещены, и в Россию поступило более 300 млн долларов, в том числе 220 млн — в федеральный бюджет (в то время это была самая крупная сумма, полученная от приватизационных сделок).

Российский рынок дал тогда немного удачных примеров размещения корпоративных облигаций. Впрочем, они в основном не были облигациями в чистом виде. В частности, телекоммуникационные компании размещали свои облигации среди частных вкладчиков, которые впоследствии могли

[1] Облигации ЛУКОЙЛа: уже не деньги, ещё не акции // Коммерсантъ Власть. 1995. № 25.

при погашении получить либо их номинальную стоимость плюс проценты (как правило, не выше, чем по депозитам в банках), либо обеспечить себя на сумму такого займа услугами компании, например установить у себя телефонную линию.

Несмотря на то что спрос на корпоративные облигации существовал, сектор таких ценных бумаг в России на тот момент не сложился. Согласно Указа Президента РФ № 1233 «О защите интересов инвесторов», подписанному 11 июня 1994 года, корпорациям, имеющим менее чем трёхлетнюю историю, выпускать облигации запрещалось. При молодости большинства российских акционерных обществ круг возможных кандидатов был узок.

Кроме того, эмитента, имеющего возможность выпустить облигации, ждали другие достаточно серьёзные препятствия. Во-первых, высокие накладные расходы при их выпуске. Налог в 0,8% от номинального объема эмиссии делал фактически нерентабельными краткосрочные выпуски. Во-вторых, купоны по облигациям облагались стандартным налогом на прибыль, т.е. 22%, в то время как с дохода по промышленным векселям бралось только 15%, а по гособлигациям — 12%. Наконец, процедура регистрации эмиссии занимала в лучшем случае полтора-два месяца.

ДЕПОЗИТАРНО-КЛИРИНГОВАЯ КОМПАНИЯ (ДКК)

Одним из первых и наиболее известных депозитариев (вместе с Депозитарием РИНАКО) в первой половине 1990-х годов была, безусловно, Депозитарно-клиринговая компания, или сокращённо ДКК. Считается, что она была создана иностранными консультантами, но есть и альтернативная история.

По рассказам уже известного нам Константина Мерзликина, в процессе работы в проекте ваучерной приватизации Кассовый союз успел в 1993 году создать ещё две дочерние структуры с похожими названиями: Депозитарно-клиринговый банк и Депозитарно-клиринговую компанию. Банк по существующему законодательству имел несколько учредителей, ДКК на 100% была учреждена КС.

Банк, кстати, для справки, был зарегистрировал как ТОО (товарищество с ограниченной ответственность) только 4 августа 1994 года.

Мерзликин К. Э.: *«Придумывал я данную парочку как симбиоз депозитария и расчётного центра. В наших планах было раскрутить на базе наработок Кассового союза эти структуры, а потом продать бизнес брокерам. Я стал председателем совета директоров компании».*

Параллельно американские консультанты (в первую очередь, Deloitte & Touche, другая консалтинговая фирма KPMG Peat Marwick, а также очень активный тогда Chase Manhattan Bank) под патронажем Госкомимущества

запускали проект создания инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг «Регистратор и расчётно-клиринговые организации». Их цели были похожими: создать сеть расчётно-клиринговых организаций в основных российских центрах торговли ценными бумагами: Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Новосибирске и Екатеринбурге.

Проект оказал большую поддержку регистраторам Москвы и регионов. На деньги иностранных партнёров была приобретена и передана российским компаниям техника, внедрялась методика работы, проводились учебные семинары. Проект подразумевал создание расчётно-клиринговых центров с ориентацией на реестродержателей, включая региональных.

Рассказывает Марина Мерзликина: *«С нами работали консультанты — опытный эксперт Брюс Лоренс, Chase Manhattan Bank, и элегантная женщина Ивонн Роджерс, Deloitte & Touche (с ней и Джимом Робинсоном КС сотрудничал ещё и на проекте с ваучерами). Мы сидели с юристом Виктором Грибом, другими коллегами и думали, как увязать появившиеся именные акции и апробированную на практике (в рамках ваучерного проекта) систему учёта ценных бумаг на счетах-депо. Именно тогда нам в голову пришла идея "номинального держателя", в России до этого он не использовался. И как раз этот термин был в последующем предложен нашими зарубежными консультантами для централизованного хранения российских именных акций в рамках ДКК».*

Мерзликин К. Э.: *«И вот Дмитрий Субботин, перешедший к тому времени в Ресурсный секретариат при ФКЦБ к Джонатану Хею, посоветовал построить бизнес на базе наших структур, тем более что всем понравилось придуманное мною название — ДКК.*

К этому моменту наша группа уже написала все необходимые регламенты и программу развития бизнеса, разработала операционные правила, определила юридический порядок проведения перерегистрации прав собственности и т. д. Осенью 1993 года произошла встреча с Васильевым и Хеем, и меня попросили отдать компанию. Понимая, что без поддержки ФКЦБ мне данный бизнес не построить, я согласился. В компании сразу началась борьба за власть, а мне предложили стать её председателем совета директоров, без непосредственного руководства и без оплаты. В качестве выражения "любви и уважения"».

К этому моменту Кассовый союз серьёзно пострадал в связи с захватом их штаб-квартиры (расположенной в гостинице «Мир» в Москве) в первых числах октября 1993 года.

Итак, Депозитарно-клиринговая компания (ДКК) была создана в форме АОЗТ на базе депозитария Кассового союза в октябре 1993 года. Для осуществления проекта были использованы технические мощности депозитария Кассового союза и финансовая поддержка американских организаций.

Моряков И. Д.: *«Как раз в тот год, когда была зарегистрирована ДКК, я вернулся из Бостона в Москву консультантом консалтинговой компании Баренц Групп КПМГ. У КПМГ было несколько крупных проектов по созданию инфраструктуры фондового рынка в России, осуществляемых в рамках Технической помощи США. Один из них был направлен на создание региональных расчётных организаций. В Москве такой компанией была выбрана ДКК».*

27 января 1994 года по инициативе Дмитрия Васильева, Альберта Сокина и иностранных координаторов в гостинице «Славянская» прошла встреча крупнейших финансовых компаний и банков Москвы, на которой и было объявлено о её создании.

Изначально договорились, что акционер АОЗТ «ДКК» не должен иметь более 2% акций. Входной билет стоил 20 тыс. долларов.

Ячник О. Е.: *«Из примерно 40–50 компаний и банков, участвующих во встрече, акционерами пожелали стать 19, в том числе и Инвестиционная фирма "ОЛМА". На первом собрании учредителей я был избран в совет директоров ДКК».*

На встрече было заявлено, что основными задачами ДКК будет регистрация владельцев ценных бумаг и проведение взаиморасчётов по сделкам. Кроме того, новая компания должна была стать своего рода дилинговым центром, в который будут стекаться заявки на покупку и продажу ценных бумаг.

«Проблема, которой планирует заняться комиссия, — создание гарантийного фонда для Депозитарно-клиринговой компании, который повысит доверие инвесторов к операциям с российскими ценными бумагами. По словам Дмитрия Васильева, гарантийный фонд должен составить примерно $200 млн. В октябре представители правительства и комиссии вели переговоры с ЕБРР, который в принципе согласился внести часть средств в гарантийный фонд»[1].

Мерзликин К. Э.: *«Брокеры — люди жёсткие: сразу взяли компанию в оборот, поставив своего директора — Юлию Загачин. Мне доверили вести первое собрание акционеров, на котором не выбрали членом совета директоров. Председателем стал Рубен Варданян. Помню, было, так скажем, немного обидно.*

У коллег не был решён вопрос о том, через какой банк будут производиться расчёты по сделкам с ценными бумагами. Я предлагал им купить мой банк, но они не стали этого делать, из этого стало понятно, что о скором начале серьёзной работы Депозитарно-клиринговой компании говорить преждевременно. Я же свой банк был вынужден развивать как коммерческий, а позже не без выгоды продал. Он, кстати, после этого "прославился" в "деле Bank of New York".

[1] Прошла неделя // Коммерсантъ. 29.11.1994.

Тема ДКК мне была дорога — я пытался как-то цепляться за неё. На фондовом рынке тогда сложилась ситуация, при которой весь трафик ценных бумаг и все расчёты по сделкам велись через регистраторов, так что ДКК вынуждена была заниматься фактически посреднической деятельностью: по доверенности от участников рынка, совершающих сделки, ездить к регистраторам, подавать документы и оформлять перевод бумаг. То есть выполнять простые трансфер-агентские функции. При этом регистраторы зарабатывали много и хорошо, а ДКК за свои агентские услуги получала крохи.

Я приходил к Олиференко, недолго бывшему здесь директором, предлагал ему новые проекты, но вскоре понял, что моим коллегам ничего не нужно! А идти в компанию работать в штат, вдохнув воздуха предпринимательства, я уже не хотел».

Вспоминает Марина Мерзликина: *«Больше всего обидно, что всё наработанное нами зарубежными консультантами было отринуто, ДКК стал заниматься простой курьерской работой, пусть под красивым названием "трансфер-агентские услуги"».*

Дело в том, что тогда брокерам для перерегистрации акций конкретного эмитента в реестре акционеров требовалось приехать или прилететь в конкретный город к регистратору.

Ячник О. Е.: *«Это приходилось делать практически по каждой сделке, т.к. только что созданные регистраторы вели реестры одного или двух-трёх эмитентов. Крупных регистраторов с реестрами большого числа эмитентов ещё не было.*

По этой причине каждой компании приходилось иметь свою группу курьеров. Конечно, брокеры делили расходы, договариваясь между собой, чтобы чей-то один курьер летел с договорами, заключёнными несколькими компаниями. Но это получалось далеко не всегда.

И вот ДКК начала брать на себя функции перерегистрации. В течении одной-двух недель собирались заказы на перерегистрацию акций нескольких эмитентов у того или иного регистратора, а затем совершалась с ними поездка в город, где располагался этот регистратор.

Эта услуга сняла с брокеров многие проблемы. Но о депозитарной деятельности в первый год жизни ДКК речь не шла».

Васильев Д. В.: *«Развитие ДКК шло очень медленно, в нём не были особенно заинтересованы ни банкиры (там были столкновения и попытка добиться монополии с разных сторон — как иностранцами, так и россиянами), ни регистраторы. А брокеры обходились в существенной мере офшорными расчётами. И поскольку ни у одной из сторон не было сильного экономического интереса, то ситуация тормозилась».*

Так как Депозитарно-клиринговую компанию иностранные эксперты ориентировали в основном на обслуживание сделок иностранных инвесторов

с корпоративными акциями, то и директора поставили под стать этой задаче, американскую гражданку, дочь эмигрантов из России, проживающую с родителями в США, Юлию (Джулию) Загачин, оставившую неизгладимый след в истории нашего рынка ценных бумаг. Даже прожив в России много лет, она заявляет, что считает «родным языком — английский, а себя — американкой».

Она вспоминала на сайте журнала «Сноб» о настроениях, с которыми она приехала ещё в Советский Союз: *«Мой папа — политический эмигрант. Его двоюродный дядя сбежал в Америку в 1925, кажется, году. То есть у моего папы не сказать что объективное, но было представление об этой стране. После переезда у него не было никаких страданий. Все эти разговоры про ностальгию он воспринимал с презрением и не верил, что в Советском Союзе что-нибудь изменится. Когда в конце 1980-х я начинала с ним спорить про перестройку и гласность, он хихикал и говорил: "Вот когда опубликуют 'Архипелаг ГУЛАГ', тогда я и поверю". Я ему приносила опубликованный "Архипелаг ГУЛАГ", но он смеялся и ставил новые задачи. <...> С моими родителями была истерика. И когда я всё-таки поехала, обо мне говорили шёпотом: "Дочка Миши Загачина уехала в Советский Союз!" Это было настолько страшно друзьям моих родителей, что это нельзя было произносить вслух. У этого сын наркоман, а Юля уехала в Советский Союз"».*

Молодая выпускница факультета международных отношений Университета Джорджа Вашингтона специалистом в фондовом рынке быть не могла, но консультантам на ключевом месте был нужен надёжный человек, фиксирующий процессы переходы собственности в России.

Она доказала это, возглавляя финансируемый Госкомимуществом Московский аукционный центр. Проведя совместно с Фондом имущества Липецкой области межрегиональный специализированный аукцион по продаже акций «Новолипецкого металлургического комбината», она как частное лицо совместно владельцем АОЗТ «Кредит Суисс Ферст Бостон», её соотечественником Борисом Иорданом, также приехавшим завоёвывать родину предков, в 1994 году стали обладателями, если верить ИА Stringer-News[1], большой доли акций комбината.

Юдин Ю. К.: *«ДКК тогда не работала как депозитарий. Максимум, что удалось сделать Юлии Загачин, — это создать систему перерегистрации для московских брокеров. Но ведь на организацию депозитарно-клиринговой деятельности в ДКК было потрачено значительно больше, чем в других местах проекта. Собственно, Юля сделала максимум возможного для спасения проекта ДКК — используя перерегистрацию как услугу, она вывела его на окупаемость в условиях отсутствия поддержки крупнейших московских брокеров*

[1] http://stringer-news.com/publication.mhtml? Part=37&PubID=3358. 22.06.2004.

и нерезидентов-учредителей компании. РТС также была результатом проекта, однако никакого взаимодействия с ДКК у неё не было. И в итоге никто не пользовался ДКК как депозитарием».

Впрочем, даже в этой заслуге американки перед ДКК сомневается Павел Фатеев, знающий о чём говорит, он как директор Информационного центра для регистраторов был одним из создателей компании.

Фатеев П. И.: «*Реалии были таковы, что эти "старые" биржи уже испытывали острую конкуренцию с возникшей не без помощи, в т.ч. финансовой и технологической, американских консультантов Российской торговой системы (РТС). Последнюю обслуживать должна была Депозитарно-клиринговая компания (ДКК), и поэтому я содействовал тому, чтобы банк "Церих" стал акционером ДКК, открыл там депозитарные счета и положил тем самым начало сотрудничеству... В итоге получилось так, что несколько сотрудников банка "Церих", которые работали с региональными регистраторами в качестве трансфер-агента, во главе с Андреем Рубенчиком потом перешли в ДКК. Так что даже можно сказать, что ДКК начала свою работу в качестве трансфер-агента после того, как там появились люди из банка "Церих". Одна из них — Ирина Арсеньева — задержалась в компании дольше всех. До этого там использовали группу курьеров, возившую документы, которым требовалась перерегистрация».*

Агроскин В. В.: «*Иногда борьба ЦБ и ФКЦБ затихала, что позволяло сделать реальные шаги в развитии инфраструктуры. Самым важным таким шагом стал в 1994 году выкуп акций ДКК у Кассового союза брокерами и банками на паритетных началах. Именно эта структура капитала, получившая вдруг благословение Васильева и Козлова, позволила ДКК занять место в инфраструктуре рынка.*

Я активно участвовал в развитии ДКК, так как год входил в совет директоров ДКК по доверенности от Владимира Скворцова (президента "Ринако Плюс"), а потом и сам был избран членом совета. На взгляд коллег, я был сперва излишне скептичен по отношению к этой организации, успешно осваивавшей иностранную техническую помощь и крайне медленно разворачивавшейся к участникам рынка. Но, в конце концов, на собрании акционеров мне даже была выражена особая благодарность за усилия по противодействию попыткам развалить с таким трудом собранную организацию.

Однако в конце концов в 1997 году Лариса Солодухина, ещё один уникальный советник, к мнению которой прислушивались и Козлов, и Васильев, передала руководству "Ринако Плюс" просьбу Васильева занять меня внутренними делами компании и более не направлять ни в совет ДКК, ни в иные "политические" органы рынка».

В состав учредителей ДКК уже на первом этапе вошли такие киты, как Chase Manhattan Bank, CS First Boston, «Брансвик», ОЛМА, «Грант», «Ринако Плюс», «Российский брокерский дом С. А.&Со», «Тройка Диалог», «МФК — Московские партнёры», и другие. По уставу компании всем акционерам принадлежало равное количество акций.

Столичные брокеры рассчитывали, что ДКК за короткий срок станет реально действующим крупнейшим расчётно-депозитарным центром, а состав её учредителей поможет переломить скептическое отношение иностранцев к российским депозитариям. Более того, её растили с прицелом на создание на базе ДКК центрального депозитария.

Однако, как уже отмечалось, компания занималась преимущественно выполнением более примитивных задач — предоставлением услуг по перерегистрации прав на ценные бумаги в реестрах акционеров. Суть её сводилась к следующему: имея обширную клиентскую базу — к тому времени клиентами уже стали многие профучастники, — компания получала доверенности на своих сотрудников на право предоставления различных документов в реестры акционеров по всей России и выполняла различные поручения, связанные с взаимоотношениями своих клиентов с реестродержателями.

Агеев А. Ю.: *«Изначально разумных решений было много, например, когда специалисты Deloitte & Touche принялись за строительство ДКК с перспективой сделать из этой структуры центральный депозитарий. Но у людей, руководивших процессом в тот момент, это не нашло необходимой поддержки, либо политической воли не хватило».*

Как таковой, депозитарной деятельности в том широком смысле, как она сейчас понимается, просто не было. Подавляющее большинство операций проводилось по счетам профессиональных участников рынка непосредственно в реестрах акционеров. Со всеми вытекающими отсюда проблемами и условиями. То есть профессиональный участник имел лицевые счета в реестрах акционеров. Они были раскиданы по всей стране, и для проведения операций в реестре профессиональным участникам было необходимо предоставлять оригиналы документов, которые могли бы служить основанием для проведения транзакции.

Субботин А. Я.: *«Учитывая, что реестродержатели были разбросаны по всей стране, в порядке вещей было для совершения операции с ценными бумагами вылететь, скажем, в Надым, потом вертолётом лететь дальше, а затем на "уазике" непосредственно до того населённого пункта, где был расположен реестродержатель».*

Сложившийся формат проведения операций был крайне неудобным и дорогостоящим, так как кроме затрат на услуги регистраторов профессиональный участник оплачивал накладные расходы по поездке своего представите-

ля к месту, где вёлся реестр. Вот эти функции по обеспечению транзакций и взяла на себя ДКК.

Это не устраивало акционеров компании, и 9 июня 1995 года они пролоббировали подготовку Федеральной комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ проекта Указа Президента РФ о переводе в Депозитарно-клиринговую компанию государственных ценных бумаг, тем самым перейдя дорогу сразу и Банку России, и Минфину. Естественно руководитель департамента ценных бумаг и финансового рынка Министерства финансов РФ Белла Златкис подготовила к этому проекту указа свои возражения. По её словам, перевод ГКО в ДКК не произойдёт, так как это «противоречит здравому смыслу»[1].

Тогда же ФКЦБ совместно с российскими банками и брокерскими фирмами попыталась создать из ДКК некую опору рынка ценных бумаг, которая будет отвечать за осуществление расчётов и за ответственное хранение ценных бумаг. А для этого подготовить и принять Стандарты депозитарной деятельности, которые приблизили бы нашу учётную систему к западной и что, соответственно, стало бы одним из факторов привлечения в нашу страну иностранных инвестиций.

Пытаясь усовершенствовать схему торгов ценными бумагами, девять крупнейших российских брокерских фирм и банков — «МФК — Московские партнёры», «Тройка Диалог», ФЦ «Грант», «ЦентрИнвест», «Аналайз», ОЛМА, «Брансвик», «Ринако Плюс» и Депозитарно-клиринговая компания — в июне 1995 года заявили о начале эксперимента.

Его суть заключалась в том, что брокерские фирмы выбирали ДКК номинальным держателем акций АО «Ростелеком» (на тот момент его акции были одними из самых ликвидных и популярных ценных бумаг в России). В дальнейшем все сделки брокеров (и между собой, и с клиентами) ДКК, взяв на себя обязательства по обслуживанию счетов-депо, должна была отслеживать. В случае же необходимости она обязывалась вывести ценные бумаги из номинального держания и перевести их в реестр. Иначе говоря, ДКК начинала выполнять функции классического депозитария акций Ростелекома.

Сразу несколько российских банков и межбанковских объединений заявили, что готовы в случае успеха эксперимента присоединиться к проекту ДКК.

Первые результаты показались, видимо, участникам рынка успешными и уже 22 августа 1995 года ДКК наряду с акциями Ростелекома стала номинальным держателем ценных бумаг ещё четырёх российских компаний — АО «Мосэнерго», АО «Мурманское морское пароходство», АО «Пурнефте-

[1] Ведомости // Коммерсантъ-Daily. 10.06.1995.

газ» и АО «Ноябрьскнефтегаз». Увеличился до 23 и список брокерских фирм, вставших на обслуживание в компании.

Тогда же был подписан договор, о том, что ДКК станет номинальным держателем их акций с реестродержателями ещё семи эмитентов.

Казалось, что идея создания в России единого депозитарно-клирингового центра возрождается.

К тому же воодушевляло и то, что тем же летом ДКК заявила о намерении добиваться в SEC статуса центрального депозитария (этот статус был оговорён в правиле 17F-5 и позволял обслуживать американских инвесторов). Интересы компании в SEC представляла одна из американских юридических фирм, с которой был подписан соответствующий договор.

«Г-н Агроскин отметил, что общие надежды участников рынка заключаются в том, что какая-то компания будет достаточно сильной, чтобы предложить свои эффективные услуги сначала российским брокерам. Если к ней добавятся две-три организации, которые интегрируют свои технологии, телекоммуникации и весь спектр оказываемых услуг, то они смогут добиться признания как национальный депозитарий — примерно так, как это предусматривают правила 17-F Комиссии по ценным бумагам США (SEC). SEC оговаривала, что единая фондовая система, действительно имеющая общенациональный характер, вполне может быть приемлемым кастоди для инвестиционных фондов»[1].

Впрочем, откровенная поддержка ДКК со стороны ФКЦБ чуть было не обернулась против неё. 13 июля 1995 года на совещании в Центробанке, посвящённом развитию сети депозитариев ценных бумаг, зампред ЦБ Андрей Козлов, даже не пытающийся скрыть особую «любовь» к руководству комиссии, заметил, что не хотел бы видеть в России инфраструктурную сеть, обслуживаемую и контролируемую иностранцами, и добавил, что тем не менее *«ЦБР будет поощрять и поддерживать российские депозитарные компании, но не будет чинить препятствий западным организациям»*[2].

Всем было ясно, кого имел в виду зампред Банка России. В тот момент ДКК, созданная с участием иностранных консультантов, конкурировала за первенство в национальной депозитарно-клиринговой системе с Межбанковским кредитным союзом, созданным крупнейшими российскими банками, планирующим пригласить к себе и крупнейших брокеров.

27 июля 1995 года произошло не менее важное событие — ведущие участники фондового рынка подписали меморандум, представляющий собой фак-

[1] *Романова О.* Депозитарии и их покровители борются за национальные фондовые интересы // Сегодня. 08.08.1995.

[2] Там же.

тически соглашение о разделе зон влияния в торговле ценными бумагами. В соответствии с ним роль «универсальной торговой системы» по сделкам с государственными ценными бумагами отводилась ММВБ, роль внебиржевой торговой системы — системе ПАУФОР (ПОРТАЛ).

Межбанковский кредитный союз (МКС) должен был действовать в качестве универсальной расчётно-клиринговой и депозитарной организации, имеющей банковскую лицензию и обслуживающей «определённые сегменты» рынка государственных ценных бумаг и «в перспективе часть корпоративного рынка ценных бумаг».

Депозитарно-клиринговая компания должна была принять на себя функции депозитария корпоративных ценных бумаг, а Национальная регистрационная компания (НРК) — «глобального независимого регистратора», обеспечивающего «перерегистрацию имущественных прав держателей акций».

Однако руководство ДКК, раскусив коварный замысел создателей этого документа, отказалась подписывать меморандум, сославшись на то, что из семи подписей, стоящих под документом, пять принадлежит одной финансовой группе — МФК — ОНЭКСИМ-банк.

«К упомянутой группе ДКК безоговорочно отнесла МФК, МФК — "Московские партнёры" и ОНЭКСИМ-банк. ДКК также обратила внимание на то, что "от имени НРК документ подписан заместителем правления ОНЭКСИМ-банка М. Ю. Алексеевым" и на то, что "общеизвестна лидирующая роль ОНЭКСИМ-банка в МБС", подпись которого стоит под документом»[1].

Это была первая, но далеко не последняя попытка группы ОНЭКСИМ занять особое место на рынке ценных бумаг.

Курчанов П. Ф.: *«Осенью 1995 года я три недели провёл в США на курсах в Нью-Йоркской финансовой академии.*

Приехав из Америки, я обнаглел и без всякой предварительной подготовки пришёл в Комиссию по рынку ценных бумаг к одному из заместителей Дмитрия Васильева и напрямую предложил: сделайте меня президентом ДКК, а я "доведу вашу компанию до ума". Должен сказать, что к моему легкомысленному предложению в комиссии сразу отнеслись серьёзно. ДКК тогда не пользовалась никаким особым авторитетом, практически ничего серьёзного не делала. Даже трансфер-агентские и курьерские услуги мы в Депозитарии РИНАКО в то время предоставляли не в меньших объёмах, чем ДКК. В развитии ДКК были заинтересованы учредившие её брокерские компании, но пользовалась реально её услугами (трансфер-агентскими) в основном только "Тройка Диалог".

[1] Депозитарно-клиринговая компания протестует против господства в новой инфраструктуре ОНЭКСИМ-банка // Сегодня. 28.07.1995.

После разговора в комиссии мне в тот же вечер позвонил из ОНЭКСИМ-банка зампред Михаил Алексеев и пригласил на беседу. Из неё я понял, что банк ищет кандидатуру на должность президента ДКК, которую собирается предложить акционерам компании. Кроме того, банк выражал намерения проинвестировать значительные средства в развитие ДКК. Всё это делало мнение ОНЭКСИМ-банка вполне весомым, в том числе и для Комиссии по ценным бумагам. Однако "абы куда" инвестировать банк не желал, он хотел получить некоторую уверенность в том, что люди, принявшие эти инвестиции, используют их рационально».

В те же дни в совет директоров Депозитарно-клиринговой компании войдёт другой заместитель председателя ОНЭКСИМ-банка Владимир Рыскин. Таким образом, банк застолбит своё присутствие во всех структурах российского фондового рынка.

Мозгин Д. Л.[1]**:** *«В своё время в ДКК был интересный период, связанный с попытками ряда кругов занять ключевые позиции в этой организации. В самом начале основная борьба происходила между ОНЭКСИМ-банком и "Тройкой Диалог". Победил, в конечном счёте, ОНЭКСИМ-банк, скупивший около 30% акций ДКК у тех брокерских компаний, которые разорились и были членами партнёрства».*

Алексеев М. Ю.: *«Проект ДКК смог выжить, однако в результате интриг, в разное время шедших вокруг этой структуры и прав собственности на неё, развивался не столь успешно, сколь это было бы возможно при иных обстоятельствах».*

11 сентября акционерами Депозитарно-клиринговой компании стали сразу семь банков — Credit Swiss, ОНЭКСИМ-банк, Внешторгбанк, Сбербанк РФ, Международный московский банк, Тверьуниверсалбанк и банк «Церих».

Руководство ДКК заявило, что предполагает начать обслуживание межрегиональных сделок с акциями. Помимо Москвы в этом проекте на первом этапе примут участие Новосибирск и Санкт-Петербург. При совершении сделок с Петербургом расчёты между контрагентами стали вестись по принципу поставка против платежа.

В конце года в компании произойдут важные изменения — её возглавит бывший заместитель начальника Государственного правового управления при Президенте России Александр Олиференко. Если учесть, что ГПУ в то время возглавлял очень влиятельный Руслан Орехов, то этот новый руководитель не мог остаться незамеченным.

---

[1] На тот момент — начальник Управления депозитарно-доверительных операций ОАО «Внешторгбанк».

Курчанов П. Ф.: *«Вокруг самой ДКК тогда шла борьба. ОНЭКСИМ-банк предложил на должность президента мою кандидатуру. Но всё-таки осенью 1995 года туда назначили Александра Олиференко. На этом настоял Дмитрий Васильев, объясняя своё решение тем, что нужен человек, имеющий политический вес, а Олиференко тогда был заместителем начальника Государственно-правового управления при Президенте России. Большое значение имело также то, что меня многие в комиссии считали "человеком Козлова", то есть человеком, "неправильно думающем о депозитариях". Конечно же, я и был "человеком Козлова", поскольку именно от него получил фактически большинство своих депозитарных знаний, а также безмерно его уважал. Он меня тоже хорошо знал и хорошо ко мне относился. Во время моего сотрудничества с комиссией ко мне посылали американских консультантов, которые меня "просвещали", с важным видом объясняя прописные истины, — как им казалось, искореняя "козловскую крамолу"... На самом деле они понятия не имели о том, как именно Андрей Андреевич понимал этот учёт».*

Фатеев П. И.: *«В ДКК тогда наступил тяжёлый период, когда директором был назначен Олиференко, по слухам, попадавшим в прессу, пытавшийся создать какую-то альтернативную ДКК структуру, оставаясь её руководителем! Всё это вызывало всеобщее неудовольствие, вокруг компании ходили всякие слухи. Поэтому, когда Олеференко при личной встрече предложил мне стать его заместителем, я, понимая его временность и не желая того, чтобы меня потом считали "человеком Олиференко", от этого, в принципе, интересного для меня места отказался».*

Существенно видоизменился и совет директоров ДКК. В него вошли представители пяти банков, некоторые из которых лишь недавно стали акционерами компании (Внешторгбанк, Сбербанк России, Московский международный банк, ОНЭКСИМ-банк, Chase Manhattan Bank International), а также пяти брокерских фирм («Тройка Диалог», ФЦ «Грант», «Ринако Плюс», «Центринвест-секьюритиз» и «МФК — Московские партнёры»). Ранее в совет входили представители четырех организаций.

Заявленное пожелание о создании стандартов депозитарной деятельности сыграло злую шутку с Депозитарно-клиринговой компанией, а заодно и с Приморским депозитарием. 8 ноября ФКЦБ отказала им в выдаче лицензии, заявив, что сначала нужно выработать стандарты, а уж потом заниматься лицензированием. Почти по Маяковскому: «Нужно жизнь сначала переделать, переделав — можно воспевать!»

В феврале 1996 года совет директоров Депозитарно-клиринговой компании утвердил в качестве расчётного банка в рамках проекта по совершенствованию инфраструктуры рынка корпоративных ценных бумаг Межбанковский кредитный союз. Началось согласование операционных процедур

и разработка договорной базы между ДКК, МКС и участниками расчётов. Реальные расчёты планировалось начать в апреле. Инициаторами данного проекта выступили ПАУФОР, МКС и ДКК По информации вице-президента ДКК Владимира Григорьева, торговый комитет ПАУФОР утвердил участие в пилотном проекте 5 компаний, осуществляющих операции на рынке акций.

Результаты этих действий лежат уже вне временного периода, которому посвящена эта книга. Следует лишь сказать, что на первом этапе развития компании, закончившемся на рубеже 1996–1997 годов, расчёты по сделкам носили нестандартный характер, издержки по этим сделкам невозможно было прогнозировать, весь переход прав собственности осуществлялся исключительно методом перерегистрации в реестре. О типе расчётов «поставка против платежа» всё ещё не могло быть и речи.

Только позже, в значительной мере утратив благорасположение, ФКЦБ и вынужденная зарабатывать на жизнь своим трудом, ДКК постепенно станет хорошей рыночной структурой — любимым депозитарием брокеров.

Васильев Д. В.: *«Депозитарно-клиринговая компания (ДКК) — не самый удачный для нас проект. На него мы потратили много денег и, главное, столько ценного времени. Пример того, что всё определяется экономическими интересами и наличием конкуренции. Брокеры хотели РТС, а ДКК не хотели (или хотели несильно). Иностранные кастодианы работу ДКК также фактически саботировали. Не нужна компания оказалась и Центральному банку (он сделал ставку на НДЦ). Мы неоднократно меняли руководителей ДКК, чуть было уже не пришли к выводу, что это дохлый номер и проект надо закрывать... Несколько "зашевелилась" ДКК только в 1997 году и в основном под воздействием развития конкуренции со стороны ДРС».*

С ним согласен и Александр Гордон.

Гордон А. Р.: *В ДКК постоянная чехарда с руководителями (К. Мерзликин, Ю. Загачин, М. Лелявский). И все неудачные.*

Дальше начали происходить удивительные вещи. Рубен Варданян заявил, что те, кто хочет торговать с ним на РТС, должен рассчитываться через ДКК. Все брокеры возмутились, но делать было нечего, потому что тогда "Тройка Диалог" занимала твёрдую лидирующую позицию. Так ДКК по факту стала центральным депозитарием РТС, да и практически на всём рынке корпоративных ценных бумаг».

Не спорят с этим и создатели Депозитарно-расчётного союза (ДРС).

Юдин Ю. К.: *«ДКК, планировавшее присоединиться к ДРС (конец 1995 — начало 1996 года), этот момент всячески оттягивало, несмотря на то, что лицензирование они прошли только благодаря использованию документооборота ДРС. Имевшиеся у ДКК на тот момент технологии и собственные стандарты деятельности не соответствовали требованиям Комиссии (ни 20-му*

постановлению, ни позже 36-му). Очевидно, московским брокерам тогда ещё невыгодно было работать через депозитарий, слишком доходна была внебиржевая торговля. Да и прозрачный рынок им тогда был не нужен. Западникам тоже была выгодна старая система, они могли своим клиентам-нерезидентам объяснять, как у нас всё плохо организовано, как трудно здесь из-за этого работать, какие риски и пр. И брать при этом непомерные комиссионные со своих коллег. Альтернативы тогда им на Западе не видели.

Дмитрий Валерьевич Васильев, я думаю, во многом шёл на поддержку создания ДРС, чтобы стимулировать работу брокеров через депозитарии, в том числе и ДКК. Это была некая провокация, демонстрировалась опасность появления конкурента, тем более с провинциальными корнями. И сразу началось движение. Мне кажется, что только в середине 1997 года ДКК провела первые депозитарные операции. Я имею в виду, реальные операции, а не "показательные выступления". В январе 1997 года был создан Национальный депозитарный центр».

Не лишним будет привести и такое мнение знающего человека.

Ланcков П. М.: «*Шансы стать центральным депозитарием в середине 1990-х годов имели ДКК и уже функционирующая сеть Депозитарно-расчётного союза Виктора Сахарова. В ДКК же, увы, так и не появился настоящий администратор-менеджер, который мог бы адекватно потратить большие деньги, вложенные в компанию USID. За 15 млн долларов можно было создать полноценный Центральный (расчётный) депозитарий! В частности, была возможность поглотить для этого и петербургский РДЦ».*

А пока она, несмотря на различные эксперименты, в основном продолжала оказывать услуги по перерегистрации прав собственности на акции приватизированных предприятий. Они не были слишком дорогими (100 долларов плюс командировочные расходы), поэтому пользовались популярностью у брокеров, впрочем совершенно не отвечая целям создания ДКК.

В заключение, привожу рассказ о «современных» технологиях работы ДКК в середине 1990-х годов.

Субботин А. Я.: *«Так как количество обслуживаемых транзакций постоянно росло, то к 1996 году в ДКК уже существовал целый штат сотрудников-курьеров. Для некоторых из них ДКК был основным местом работы, кроме того, также было большое количество "пристяжных", которых не числились в штате, но в случае необходимости оператор вызывал их из дома и они отправлялись с документами в очередной реестр. Мне до сих пор сложно представить режим работы курьеров ДКК в то время. Курьера могли вызвать из дома и сказать: "Тебе через час лететь в Петропавловск-Камчатский". Курьер ехал в аэропорт, всего за несколько часов узнав о месте назначения своей поездки. Бывало, когда кто-нибудь из курьеров приходил на работу в поне-*

дельник, ему говорили, что через 2 часа он летит куда-либо, обратно он возвращался в пятницу с документами из реестра. По приезде ему снова говорили, что в понедельник он летит в другой конец страны. И так каждую неделю! В то же время такая работа неплохо оплачивалась и многие с удовольствием работали. Во взаимоотношениях представителей ДКК с представителями регистраторов всегда играли крайне важную роль хорошие личные отношения. Почувствовать силу таких отношений в полной мере можно было, находясь в каком-нибудь географически далеко расположенном реестре и обнаружив, что в имеющемся комплекте документов не хватало какой-нибудь малозначительной бумажки.

В результате в курьерском отделе был специальный фонд, из которого приобретался стандартный джентльменский набор: шампанское, конфеты, хороший кофе — в качестве "гостинца из Москвы". Курьеров было много, чуть ли не половина от всего состава работников ДКК. Плюс к этому были авральные случаи, когда существующий состав курьеров не справлялся со всем объёмом работы, и привлекались штатные сотрудники. Бросался клич: "Кто хочет поехать?" — либо на подразделение давалась разнарядка: нужно выделить столько-то людей для поездки в такой-то регион. Мне тоже несколько раз приходилось участвовать в такой работе.

Работа с региональными реестрами была полна всевозможных неожиданностей, порой даже анекдотичных. Квалификация сотрудников регистраторов была очень разной. Порой сотрудников ДКК шокировало отсутствие банальных навыков работы с обычной офисной техникой, с которым приходилось сталкиваться, путешествуя по различным реестродержателям.

Очень интересные случаи происходили иногда с курьерами, которые участвовали в тех или иных корпоративных действиях от имени клиентов ДКК. Выглядело это так: курьер получал доверенность, скажем, на участие в годовом собрании акционеров и инструкцию как голосовать. При этом понятно, что полномочий, кроме указанных в этой инструкции, у него никаких не было. Он вместе с этими документами ехал на соответствующее собрание акционеров выполнять волю клиентов ДКК. Каково же было иногда удивление курьеров, представлявших крупных акционеров тех или иных предприятий, когда, на собрании его встречало руководство предприятия и со всем необходимым шиком на директорской "Волге", везло на экскурсию на производство, а потом — в ресторан».

В общем, жизнь курьеров ДКК была очень интересной и богатой событиями и впечатлениями. Благодаря имиджу компании, а отчасти и тому внимательному отношению со стороны представителей ДКК, которое чувствовали на себе представители регистраторов, с ДКК практически все реестры «дружили» и, соответственно, отвечали более лояльным отношением к её представителям.

Субботин А. Я.: *«На практике такое отношение выражалось в том, что курьеров могли принять в обеденный перерыв или разрешить довезти недостающий документ на следующий день. На этом поле деятельности в тот момент у ДКК не было конкурентов. Профучастники самостоятельно неохотно занимались такой деятельностью, так как для этого требовались дополнительные затраты. Даже крупные кастодианы, такие как Citibank, Chase Manhattan Bank, Deutsche Bank, ABN Amro Bank, предпочитали пользоваться услугами ДКК, порой закрывая глаза на несоответствия принятым внутри них принципам риск-менеджмента и установленным лимитам на хранение бумаг в ДКК».*

Подтверждает эти слова Игорь Моряков, ставший в 1996 году новым руководителем ДКК.

Моряков И. Д.: *«Десятки агентов ДКК колесили по стране, занимаясь перерегистрацией ценных бумаг и ставя рекорды по "налётам". А мы в это время пытались уговорить зарождавшееся брокерское сообщество уйти из реестров и перевести бумаги в ДКК. Собирали брокеров десятками за одним столом, рисовали картины светлого будущего, писали им письма, приводили массу аргументов. В принципе люди понимали, что рассчитывать сделки напрямую друг с другом быстрее, дешевле, надёжнее и проще. Но все веские доводы натыкались на простой вопрос: "А кто у вас уже задепонировал бумаги?" Надо было пробивать брешь в этой глухой обороне. И так мы, наверное, всем надоели своими уговорами, что однажды Рубен Варданян, бывший президент "Тройки Диалог", сказал мне: "Ты выступаешь консультантом. Но единственным шагом, который убедит нас в том, что вы сами верите в эти сказки, будет твой переход в ДКК. Попробуй построить реальный бизнес!"»*

К началу 1996 года всем стало ясно, что предоставление только трансфер-агентских услуг — уже прошлое, надо создавать настоящий депозитарий с номинальным держателем. Но новая история ДКК уже в следующей книге серии.

ДЕПОЗИТАРНО-РАСЧЁТНЫЙ СОЮЗ (ДРС)

Фондовые и финансовые институты по мере расширения российского рынка капиталов вынуждены уделять всё больше внимания и средств инфраструктуре, способной обеспечить безналичное обращение ценных бумаг и гарантирующей надёжность заключения сделок на межрегиональном уровне.

Российский Кассовый союз при поддержке немецких коллег уже с конца 1992 года работал над этой задачей и 8 августа 1993 года вместе с Госкомимуществом РФ, Фондом имущества Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургской валютной биржей и городской Ассоциацией коммерческих банков подписал

договор об учреждении при Санкт-Петербургской валютной бирже расчётно-депозитарного центра[1].

Инициатором создания расчётно-депозитарного центра выступило ГКИ России, заинтересованное в разворачивании сети региональных депозитариев для обслуживания чековых аукционов и отслеживания движения ваучеров. А этим как раз и занимался Кассовый союз, разработавший данный проект. В его основе была немецкая модель функционирования финансового рынка, отличающаяся жёсткой централизацией потоков денежных средств и ценных бумаг, что требовало создания единого координационного центра.

В то же время под патронатом Госкомимущества и американских консультантов (Deloitte&Touche, KPMC, Chase Manhattan Bank) был начат пилотный проект «Регистратор и расчётно-клиринговые организации». Финансировался он правительством США, точнее United State Agency for International Development (USAID).

В рамках этого проекта 11 ноября 1993 года в Москве открылся Информационный центр для регистраторов (ИЦР), задачей которого стала помощь образовывающимся в ходе приватизации акционерным обществам, в вопросах ведения реестра акционеров, а также информационная и консультационная поддержка появившихся тогда независимых регистраторов. Отобранным для проекта регистраторам Москвы и регионов вскоре была передана техника, методические материалы по постановке работы, для их сотрудников были организованы учебные семинары.

Но вторая часть этого проекта была аналогична тому, чем занимался Кассовый союз, — создание расчётно-депозитарных организаций (РДО) как ещё одного важного элемента цивилизованного рынка, обеспечивающего минимизацию времени и рисков при расчётах по сделкам с ценными бумагами.

Вскоре аналогичные РДЦ были созданы в Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Екатеринбурге и Владивостоке. Московской РДО, созданной в рамках этого проекта, стала Депозитарно-клиринговая компания (ДКК).

Междепозитарные отношения между регионами страны осуществлялись с использованием счёта-депо в ДКК. На её базе и была создана общероссийская система расчётов по сделкам с ценными бумагами. В региональных центрах были открыты счета-депо 150 ведущим инвестиционным компаниям и банкам России. Работа в системе ДКК позволяла производить исполнение междепозитарных сделок между клиентами всех пяти участников системы.

К основным направлениям их работы относились: перерегистрация и подтверждение прав собственности реального владельца ценных бумаг в реестре акционеров; перерегистрация на РДО как номинального дер-

[1] *Чиккер С.* В Петербурге создаётся депозитарий // Коммерсантъ-Daily. 09.04.1993.

жателя с целью дальнейшего учёта прав собственности на счетах-депо участников РДО; организация расчётов по сделкам на основе принципов «поставка против платежа» и «поставка без денежного урегулирования»; информационное обслуживание.

Вся система основных услуг РДО основывалась на принципе номинального держания. Клиенты РДО размещали свои ценные бумаги на счетах-депо той или иной расчётно-депозитарной организации, становящейся номинальным держателем и перерегистрирующей эти ценные бумаги на своё имя. При этом клиенты РДО оставались реальными собственниками ценных бумаг и сохраняли все права владельца (право на дивиденды, право голоса и т. д.).

Поставка ценных бумаг осуществлялась выполнением проводок по соответствующим счетам-депо клиентов в РДО. После получения от участников РДО необходимой информации Расчётно-депозитарная организация обрабатывала полученные сведения и осуществляла сверку всех элементов сделки. В случае обнаружения несоответствий РДО немедленно извещала обе стороны, которые были обязаны самостоятельно согласовать все имеющиеся расхождения. После того как сведения по сделке обрабатывались и сверялись, РДО осуществляла расчёт по ценным бумагам и денежным средствам.

Обмен сообщениями для участников фондового рынка осуществлялся благодаря системе, разработанной совместным усилиям специалистов фирмы «Диасофт», Deloitte & Touche и московского представительства американской компании «Ян Фрид консалтинг интернешнл». Предназначалась она для автоматизации процесса обмена сообщениями между РДО и её клиентами в международном стандарте электронного обмена финансовыми сообщениями Swift. Система позволяла с минимальными затратами и высокой скоростью передавать поручения на покупку или продажу задепонированных в РДО ценных бумаг в расчётную систему РДО непосредственно с рабочих мест участников.

Васильев Д. В.: *«В принципе РДО не сыграли какой-то особо важной роли в развитии рынка, хотя наряду с Депозитарно-клиринговой компанией (ДКК) и Национальной регистрационной компанией (НРК), они поучаствовали в обеспечении стремительно разворачивавшегося в 1994–1999 годах процесса перераспределения собственности в приватизированных предприятиях. Кроме того, их положительная роль состояла в том, что они вместе с Депозитарно-расчётным союзом (ДРС) активизировали конкурентную борьбу на рынке расчётно-депозитарных услуг и заставили другие инфраструктурные организации шевелиться».*

Их синхронная работа должна была значительно укрепить расчётную систему России.

Вот история одной из расчётно-депозитарных организаций России.

Новосибирская РДО, выполняющая роль межрегионального центра, охватывающего территорию Сибири от Тюмени на западе до Якутии на востоке, была создана в августе 1994 года как закрытое АО с уставным капиталом 50 млн рублей, разделённых на 5000 обыкновенных именных акций. Её учредителями были Сибирская фондовая биржа и Сибирская межбанковская валютная биржа.

С весны 1995 года началась активная деятельность по продвижению услуг Новосибирской РДО на фондовый рынок Сибири и непосредственная работа по перерегистрации и депонированию ценных бумаг. Для решения этой задачи были установлены корреспондентские отношения с организациями, выполняющими функции депозитариев в регионе, заключены договора с депозитариями Омска, Томска, Иркутска, Красноярска, Кемерово.

Большинство сотрудников РДО имели аттестат Министерства финансов I категории.

В дальнейшем участниками-акционерами РДО стали (кроме СФБ и СМВБ) крупные инвестиционные компании, инвестиционные фонды, банки сибирского региона, такие, как «Новосибирсквнешторгбанк», «Сибирский банк», ЧИФ «Народный», ЧИФ «Ермак», Евро-Азиатская финансовая компания, «СибЭлФин», инвестиционные компании «Инвест-Сервис», «ИИИ Финансовый сервис», «РИФ» и «Сибирский холдинг», ряд региональных финансовых институтов. На 15 декабря 1995 года число акционеров РДО достигло 52, в том числе 2 биржи, 5 банков, 5 инвестиционных фондов, 10 депозитариев и 30 финансовых компаний. РДО производила непосредственные расчёты по ценным бумагам 13 эмитентов[1].

Юдин Ю. К.: *«Так как контакты между нами и нашими партнёрами были очень тесные, то мы предложили коллегам перейти на наше проверенное программное обеспечение. Передавали мы его всегда бесплатно. Одновременно с этим было предложено создать некую структуру, отвечающую за бегание по реестрам и занимающуюся межрегиональными расчётами. Без благословления ФКЦБ сделать этого было нельзя. Определённый элемент доверия, конечно, был. Недаром к этому времени мы уже реализовали проект с акциями Газпрома. Комиссии идея объединения понравилась. Однако давить на рынок она не хотела. В результате четыре региональных РДЦ и иркутяне выступили инициаторами создания Депозитарно-расчётного союза».*

Соглашение о создании ДРС было подписано 11 октября 1995 года. В него вошли 5 региональных РДО. Стратегической задачей объединения было внедрение единых стандартов работы для всех депозитариев. Кроме того,

[1] *Нилов Д.* Расчётно-депозитарная организация Новосибирска: год работы на фондовом рынке // Деловая Сибирь (Новосибирск). 12.01.1996.

поскольку западное финансирование проекта РДО прекратилось и на финансировании осталась только московская Депозитарно-клиринговая компания (ДКК), все другие РДО попали в сложную ситуацию. Объединившись, они рассчитывали получить какое-то финансирование и на ДРС.

Сахаров В. Б.: *«Когда мы объединили регионы, создав ДРС, началась какая-то нормальная работа. Тогда же мы по заказу из Гарварда написали правила депозитарной деятельности по стандартам ISO (с необходимыми документами и бланками) и за год их внедрили, все вынуждены были придерживаться их. До сих пор она используется с минимальными изменениями. Миша Осиевский тогда нам в этом серьёзно помог».*

В ноябре 1995 года свой счёт в ДКК открыла Новосибирская РДО.

Сахаров В. Б.: *«Предварительное согласие об участии в союзе от имени ДКК дал тогдашний председатель совета директоров Константин Мерзликин. Я стал президентом объединения. В апреле 1996 года союз был зарегистрирован в Москве. Как не хотели это делать наши противники! Сколько препятствий ставили!»*

28 октября 1996 года союз получит лицензию ФКЦБ России на право осуществления депозитарно-хранительской деятельности в качестве депозитарно-расчётного объединения.

ДРС изначально планировался как зонтичная организация, объединяющая существующие в стране РДО и выполняющая функции расчётов между ними. Через объединение она должна была также стандартизировать документооборот.

Сахаров В. Б.: *«Но... единственная РДО, которое не вошла в ДРС, была ДКК, и довольно стройная конструкция была разрушена. В то время ДКК работала как курьерская служба, оказывающая услуги по перерегистрации прав собственности в реестрах, и появление единого номинального расчётного депозитария, по мнению руководства ДКК, могло разрушить этот бизнес. Убедить их мне не удалось».*

Невхождение ДКК в ДРС заставило изменить концепцию развития последнего, что вызвало нарекания со стороны ФКЦБ. С 1997 года ДРС практически лишился поддержки ФКЦБ и развивался исключительно самостоятельно. В том же году председатель совета директоров ДРСа Сахаров возглавит Московскую фондовую биржу, а ДРС станет её расчётным депозитарием.

ПИФЫ. РЫНОК НА СТАРТЕ

Деятельность всякого рода «инвестиционных и финансовых компаний» в первой половине 1990-х годов наносила сильный удар по развитию экономики России и особенно по вере населения страны в «ценные бумаги».

Различные проходимцы использовали несовершенство законодательства, отсутствие государственного контроля, банковского надзора, коррупцию чиновников, неопытность и доверчивость людей.

Развитие рынка коллективных инвестиций должно было начаться с появления паевых инвестиционных фондов. Следовало нивелировать существовавший в то временя уже крайне негативный опыт первых финансовых пирамид.

Мелкумов Я. Я.: *«С 1995 года главной темой стали паевые инвестиционные фонды. Мне казалось это даже чрезмерным. Вся эту работу над документами координировала Вика Волкова».*

Конечно, основная история ПИФов приходится на период с 1996 года, но и в рассматриваемое время произошли важные события, связанные с коллективными инвестициями.

Первое упоминание паевых инвестиционных фондов в государственных документах относится к апрелю 1995 года. Указом Президента РФ № 416 от 26.04.1995 года «О мерах по обеспечению интересов инвесторов...» был дан старт подготовки нормативной базы для рынка.

Редькин И. В.: *«Практически всё, что делалось тогда, делалось впервые. Я вспоминаю, как мы сидели в офисе на ул. Гашека и обсуждали на совещании тему инвестиционных фондов. Тогда в разработке был проект Указа Президента РФ "Об инвестиционных фондах в России". Один из важных вопросов, который надо было решить — как назвать фонды, которые не являются юридическими лицами (фактически — "денежный мешок"), так как это было новое явление в нашем праве. И кто-то из нас (мне кажется это была Татьяна Медведева) предложил назвать их "паевыми инвестиционными фондами", сокращённо ПИФы. В общем, сначала все посмеялись "пиф-паф" и т. д. Но потом оказалось, что более благозвучной альтернативы нет и это название сейчас прочно вошло в законодательство и практику российского рынка ценных бумаг».*

26 июля 1995 года вышел Указа Президента РФ № 765 «О дополнительных мерах по повышению эффективности инвестиционной политики Российской Федерации», сделавшей возможным рождение нового инструмента коллективных инвестиций. В его разработке приняли участие Алексей Тимофеев, Татьяна Медведева, Александр Абрамов, Виктория Волкова, а также Альберт Сокин.

Дмитрий Васильев рассчитывал на принятие соответствующего закона, но не сумел согласовать его проект в Минюсте, в результате довольствовался меньшим.

Подразумевалось, что появление ПИФов позволит уже после ваучерной приватизации включить в инвестиционный процесс часть средств населения, хранимых «под матрасом» (по данным тех лет, это было более 20 млрд долла-

ров). Главным преимуществом ПИФов перед акционерными фондами было то, что они должны были создаваться не в форме юридического лица и потому не становились плательщиками каких-либо налогов. Это позволяло им инвестировать в пользу пайщиков всю свою прибыль. ФКЦБ «в развитие» этого движения выпустит десятки постановлений, создав, возможно, самую строгую в мире правовую систему, регулирующую деятельность управляющих компаний таких фондов. А вот лицензия на управление инвестиционными фондами стала единой — и для ПИФов, и для ЧИФов.

После принятия первых документов должно было начаться лицензирование и регистрация взаимных фондов. Была поставлена задача привлечения примерно 40 млрд долларов «матрасных денег», припрятанных скептически настроенными россиянами. Встревоженный парламентскими успехами коммунистов, подстёгиваемый постоянными финансовыми махинациями, Ельцин объявил безопасные инвестиции главной темой своей предвыборной кампании в преддверии президентских выборов 1996 года и строго приказал Васильеву и Сокину сделать взаимные фонды высшим приоритетом ФКЦБ.

Главным органом, который должен был претворять в жизнь эти планы, была Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку, для которой основной задачей и делом чести стала разработка нормативной базы, которая бы максимально защищала инвесторов даже от самой угрозы мошеннических действий со стороны тех людей, кому они доверяли свои средства.

Был поставлен годовой срок, в течение которого нужно было организовать необходимые институты для рынка коллективных инвестиций, создать для этого рынка законодательную базу, провести пропаганду и обучение населения.

В результате комиссия тогда приняла 27 документов, регламентирующих буквально каждый шаг работы ПИФов — от их открытия и до закрытия. В частности, уже 1 сентября того же года ФКЦБ издала «Программу развития паевых инвестиционных фондов». Всем компаниям, работающим в России со средствами населения, было тогда предложено пройти процедуру преобразования в паевые фонды. Финансировать программу предполагалось за счёт средств приватизационных займов и западной технической помощи. Согласно документу, первые ПИФы на рынке должны были появиться в октябре — ноябре 1996 года.

Бажан И. И.: *«Это была попытка противодействовать фирмам "Рога и копыта", многочисленным пирамидам, предложить цивилизованные пути аккумулирования свободных средств населения. Это был наш принцип комплексной подготовки взаимосвязанных нормативных актов. И всегда мы ориентировались на принцип "не превысить требований, чтобы не создать лишние препоны к развитию рынка».*

Нашей задачей того периода была ликвидация правового вакуума, который наблюдался ещё в большинстве сфер функционирования фондового рынка. В частности, тогда же мы начали бороться с нарушениями законодательства и со стороны брокеров и регистраторов. Были подготовлены законодательные акты, призванные обеспечить защиту прав инвесторов. Были достигнуты необходимые договорённости с правоохранительными органами и подготовлены соответствующие поправки в Уголовный кодекс. Мы рассчитывали, что эти меры благотворно повлияют на инвестиционный климат страны. Другое дело, что законодатель не поддержал наши представления в то время».

В ожидании указа несколько глобальных компаний, работающих с ценными бумагами, и инвестиционно-банковские компании, такие, как Credit Suisse First Boston, Robert Fleming & Co, Franklin Templeton Investments и Pioneer Group, перебросили в Москву людей и ресурсы.

Аксёнова Г. В.: *«Колоссальную роль в создании индустрии паевых инвестиционных фондов сыграл глава ФКЦБ Дмитрий Валерьевич Васильев, Альберт Владимирович Сокин, а также такие люди из команды Васильева, как Виктория Павловна Волкова.*

Разработка нормативной базы для ПИФов стало первой попыткой в истории современного российского фондового рынка создать сразу всю отрасль со стройной структурой, отлаженной нормативной базой. В рамках этой попытки создавались все элементы работы индустрии и готовилась законодательная база, регулирующая работу этих элементов как единого, слаженного механизма. То, что в результате было разработано, оказалось достаточно удачным вариантом, который работает и до сегодняшнего времени, хотя позже и потребовал принятия специального Закона «Об инвестиционных фондах» и ряда дополнительных нормативных актов со стороны ФКЦБ-ФСФР.

Я вместе с коллегами в этом процессе занималась разработкой процедур, по которым предстояло работать специализированным депозитариям — одному из ключевых элементов индустрии паевых инвестиционных фондов».

Тем временем формировалась и инфраструктура этой части рынка, правила ведения реестра паевого инвестиционного фонда, требования к депозитарию, управляющей компании и специализированному регистратору паевого фонда. Появляются первые паевые фонды.

Иванов П. А.: *«Тогда мы сразу ввели бывшие в то время экзотикой электронные подписи и процедуру сканирования паспортов, электронное взаимодействие между управляющей компанией, регистратором и спецдепозитарием.*

В начале сентября 1995 года во Владивостоке проходила первая конференция посредников фондового рынка России, которая была организована ФКЦБ и только что созданными НАУФОР и ПАРТАД.

Участвовала в ней и группа руководителей ЧИФов, объединённых в "Сибирский холдинг".

С заглавным докладом выступил председатель ФКЦБ Д.В. Васильев. Начал он свою речь довольно оригинально: "Как преодолеть в повседневной работе слово "страшно" по реестродержанию, по депозитарию, по брокеру, по сделкам и т.п.?»

Далее он последовательно раскрыл суть преодоления страхов и требования регулятора ко всем посредникам на фондовом рынке. Не забыл упомянуть и о предстоящем контроле и графике проверок их деятельности со стороны ФКЦБ, чего до тех пор не было. С этой целью помимо центрального аппарата тогда планировалось создать семь региональных отделений регулятора на местах. Раскрыл он и планы создания строгих стандартов деятельности по всем направлениям деятельности профучастников.

Так, контроль над их соблюдением в значительной части планировалось возложить на саморегулируемые организации. Поставил Дмитрий Валерьевич и сакраментальный вопрос: «Что делать?» Сам же на него и ответил. По ходу его выступления все в зале поняли, что рыночная вольница заканчивается.

По линии институциональных инвесторов в его речи впервые прозвучали планы по созданию целой отрасли паевых инвестиционных фондов с целью привлечения средств богатых вкладчиков, которых в стране, с его слов, было 5–8% населения. По логике председателя чековые фонды для этих целей не годились в силу их бесконтрольности, но про их двойное налогообложение он умолчал. Зато уже тогда заговорил без деталей о переоформлении ЧИФов в ПИФы.

Бедарев Н. И.: *«Мы тогда сразу и не поняли, что за этим, по сути, стоит будущая наша ликвидация — выходило, что эта операция, завершившаяся к началу 2000-х годов, планировалась задолго».*

Главный советник ФКЦБ Джонатан Хей налаживал отношения с потенциальными операторами взаимных фондов. В частности, тогда в Москве оказалась представитель Fleming Russia Securities Fund 33-летняя Элизабет Хеберт. Как её характеризовал соотечественник, «высокая уроженка штата Огайо с развевающимися тёмными волосами». Дама к тому моменту получила степень магистра Колумбийского университета в области бизнеса и международных отношений. Свободно владея русским языком, она стремилась основать собственную компанию для запуска фондов, специализирующуюся на российских ценных бумагах. Хей подбодрил Хеберт и пообещал ей помочь. Вскоре они стали близкими друзьями, а в конце концов мужем и женой[1].

[1] *McClintick D.* How Harvard lost Russia // Institutional Investor Magazine. Dec. 2005/Jan. 2006, Vol. 30. Issue 12/1. P. 79.

Ну а как не порадеть родному человеку?!

15 ноября 1995 года Андрей Шляйфер и его жена Нэнси Циммерман устроили в своём доме в Ньютоне званый обед в честь помощника Президента РФ по экономическим вопросам Александра Лившица (менее чем через год он станет вице-премьером правительства). На него прилетели Хей и Хеберт.

К концу вечера Шляйфер, Циммерман и Хей уговорили бостонского филантропа Питера Олдрича, основателя одной из старейших и крупнейших консалтинговых фирм по инвестициям в недвижимость в США, AEW Capital Management, встретиться на следующий день с Хеберт, чтобы обсудить её планы относительно создания компании взаимного фонда.

Встреча произошла и, несмотря на его интерес к России, он не был впечатлён и едва мог вспомнить свою гостью. «Сколько раз, ты помнишь, как прихлопывал муху?» — спросил он, когда на него надавили во время дачи показаний под присягой в судебном процессе Правительства США. То есть особых способностей у подруги Хея он не обнаружил. Но та была упорна.

Чтобы запустить дело, Хеберт знала, что ей понадобится опыт человека, имеющего практику работы в бэк-офисе. И она обратилась к Юлии Загачин, о которой на страницах этой книги говорилось уже неоднократно. Ранее она уже оказывала услуги Хею, помогла ему убедиться в том, что проведённая им в 1994 году сделка с нефтяными акциями должным образом зарегистрирована. Загачин на тот момент возглавляла Депозитарно-клиринговую компанию, но для общего дела согласилась покинуть свой пост. Ей было сказано, что для новой миссии нужен русский руководитель. Юлия возразила, заявив, что она «молодая американка и еврейка». Но тем не менее соглашение было достигнуто.

Выпив в День благодарения (в тот год он выпал на 2 октября) в гостинице «Рэдиссон-Славянская», они с Хеберт договорились работать вместе[1].

«“К середине октября Федеральная комиссия по ценным бумагам при Правительстве РФ ожидает создания первых паевых инвестиционных фондов”, — заявил вчера в ходе семинара по правам акционеров член экспертного совета ФКЦБ, президент ассоциации инвестиционных фондов “СКИФ” Сергей Шойко. По его словам, на последнем заседании ФКЦБ был одобрен пакет нормативных документов, регулирующих деятельность ПИФов. Уже рассмотрены типовые уставы ПИФов, правила их лицензирования и система бухгалтерского учёта. Тем не менее, по словам эксперта ФКЦБ, в экспертном совете комиссии сейчас идёт “ожесточённый диалог” между чиновниками и предпринимателями относительно перспектив развития ПИФов»[2].

---

[1] *McClintick D.* Op. Cit. P. 78, 79.

[2] *Муртазаев Э.* ПИФы заработают к середине октября // Сегодня. 30.09.1995.

В ноябре 1995 года Минфином был зарегистрировал ОАО «Первый российско-американский фонд взаимных вложений "Большой"». Предполагаемый размер фонда составлял 50,55 млрд рублей. Его планировалось вложить в государственные ценные бумаги. Фонд активно рекламировался, однако его деятельность быстро сошла на нет.

Тогда же Центр коллективных инвестиций заработал в рамках Ресурсного комитета, позже его преобразуют в Лигу управляющих. Его директором была Лариса Солодухина. Через него шли все учебные и информационные программы для ПИФов. Готовились макеты книг, брошюр, самые разные информационные материалы. Печатали же их чаще всего заинтересованные компании за свой счёт, ставили на них свои логотипы и распространяли среди вкладчиков.

Был запущен проект под названием «Информирование населения о коллективных инвестициях». Часть его финансировалась USAID, часть — Мировым банком. Директором этого проекта была Лариса Солодухина. Совместно с ней работали над подготовкой необходимой документации в основном Вика Волкова и Александр Абрамов. Большое внимание уделялось написанию документов, посвящённых раскрытию информации.

Солодухина Л. В.: *«Кроме этого, я возглавляла с 1996 года Центр коллективных инвестиций. Роль российского директора в Ресурсном секретариате состояла в координации финансирования программы. Дело в том, что по правилам USAID и Мирового банка можно было оплачивать разные статьи расходов. Всё это следовало держать в голове и контролировать.*

Следовало решать и отслеживать множество необходимых мелочей: подобрать помещение для проведения учебных лекций в Москве и в регионах, отправить лектора в командировку, договориться о его приёме, размещении, оплатить все связанные с этим расходы.

Если ехал иностранец, следовало послать с ним переводчика.

Часть расходов часто брала на себя принимающая сторона: организовывала питание лектора, кофе-брейки, предоставляла помещение...»

Было в центре подразделение, связанное с написанием текстов, была миниздательская группа предпечатной подготовки, ещё одна группа отвечала за проведение семинаров. Часть её сотрудников организовывала семинары для участников рынка, часть специализировалась на журналистах.

Тогда к ПИФам проявляли огромный интерес ЧИФы, финансовые пирамиды, банки и множество иностранных компаний. Все хотели найти своё место под солнцем, более того занять место в первом ряду этого театра, чтобы воспользоваться преимуществами первопроходца. В ФКЦБ в те дни царил ажиотаж по поводу ПИФов. На курсах Комиссии по обучению управляющих будущих фондов очередь абитуриентов контролировалась лично Дмитрием Васильевым.

21 ноября 1995 года ФКЦБ объявила сразу о трёх пилотных проектах, на которых планировалось отработать все необходимые процедуры по созданию инфраструктуры и документации. Ими стали управляющая компания Первого ваучерного фонда (при участии Pioneer group), управляющая компания ЧИФ «Аско-Капитал» и Объединённый институт ядерных исследований в Дубне (партнёр Промрадтехбанка).

На Рождество Хей устроил недельную вечеринку в своём родном штате Айдахо, на которую пригласил Хеберта, Дмитрия Васильева с женой Татьяной, Альберта Сокина с подружкой. Праздничные мероприятия, включавшие катание на снегоходах и походы в лес, оплачивали благотворительные фонды. Хеберт использовала это время, чтобы обсудить с Сокиным и Васильевым свои планы по созданию фонда взаимного финансирования.

Подружившись с Васильевым и Сокиным, Хеберт давала сигнал московскому бизнесу, что она имела тесные отношения с людьми, которые будут регистрировать и регулировать её российский взаимный фонд.

Вернувшись в Москву, Хеберт презентовала свой фонд потенциальным финансовым партнёрам, утверждая, что она пользуется поддержкой видных россиян, в том числе бывшего вице-премьера, а ныне депутата Госдумы Бориса Фёдорова и друга президента Ельцина виолончелиста Мстислава Ростроповича, и добавила, что рассчитывает собрать не менее 1 млн долларов. На что Нэнси Циммерман предварительно согласилась вложить в фонд 200 тыс. и взять на себя ведущую роль, чтобы помочь собрать остальные деньги.

Указ Президента РФ, устанавливающий правила для работы взаимных фондов, требовал, чтобы каждая создаваемая компания обеспечивала строгий бэк-офисный контроль, регистрацию акций и акционеров, хранение ценных бумаг, вела строгий финансовый учёт и соблюдала все нормативные требования. Но и этого было недостаточно. Указ требовал, чтобы компания заключила договор с управляющей компанией. В конце февраля 1996 года Хеберт связалась с руководством компании Forum Financial Group из Портленда, специализирующейся на таких функциях и уже работала с компаниями взаимных фондов в Польше. Её генеральный директор Джон Кеффер прилетел в Москву, встретился с Хеем, Васильевым, Хеберт и Загачин и разработал план совместных действий, согласившись стать стратегическим партнёром Хеберт[1].

Тогда же воодушевлённая Хеберт заявила, что рассчитывает получить одну из первых, если не первую лицензию на управление компанией взаимного фонда в России. «Я стою во главе очереди», — сказала она.

---

[1] *McClintick D.* How Harvard lost Russia // Institutional Investor Magazine. Dec. 2005/Jan. 2006. Vol. 30. Issue 12/1. P. 78.

«Бет сказала, что у неё были доверительные отношения с российской комиссией по ценным бумагам», — вспоминал позже Олдрич.

Её зарождающийся бизнес превращался в две компании. Одна Pallada Asset Management стала заниматься управлением взаимными фондами, а другая должна была предоставлять услуги бэк-офиса. Хей, Хеберт и Загачин, так же как и Циммерман, считали, что деньги нужно заработать и на том и на другом[1].

В 1996 году будет зарегистрировано 13 ПИФов. В том числе в начале февраля компанию по управлению паевыми инвестиционных фондами зарегистрировала инвестиционная компания «Тройка Диалог».

Алексеев В. Н.: *«А вот из ЧИФов в ПИФ сумел преобразоваться всего один крупный фонд — "Альфа-Капитал". Это была адова процедура, которая длилась два года. Я даже не представлял, какое сопротивление будет оказано нам со стороны регулирующих органов, в первую очередь московской налоговой.*

В процессе этих хождений по мукам Дмитрий Васильев дал нам персонального, неформального куратора для преобразования из ГКИ — Юлию Загачин.

Пытался повторить мой успех и преобразовать из своего ЧИФа ПИФ ЛУКОЙЛ, но, увидев, как я мучаюсь, отказались от этой идеи».

Многие российские финансисты тогда воспринимали паевые фонды, как весьма перспективный бизнес, но всё-таки завтрашнего дня.

История с созданием ПИФов выплыла и в процессе против Гарварда, Шляйфера и Хея.

В судебном постановлении много говорилось, что кроме частных инвестиций «четвёрка» (фигуранты и их жёны) в своих планах использовала личные связи и капиталы для создания первого в России паевого инвестиционного фонда и компании-регистратора, которая занималась бы проведением и регистрацией сделок с инвестиционными паями. Подруге (теперь жене) Хея Элизабет Хеберт удалось получить у российских регулирующих органов разрешение на выпуск первых на рынке акций инвестиционного фонда; таким образом, она обогнала более серьёзных конкурентов. Шляйфер и Циммерман дали этой компании в долг 200 тыс. долларов. В это время помощник мисс Хеберт купил компанию-регистратор у учредителей, взяв у неё взаймы 400 тыс. долларов, которые она, в свою очередь, получила от Хея и его отца.

С зарождением рынка паевых инвестиционных фондов в России возник институт специализированных депозитариев. В Указе Президента РФ № 765 была сделана первая попытка определить функционал нового участника финансового рынка. Тогда клиентами специализированных депозитариев были указаны только управляющие компании ПИФов. Такой депозитарий должен был вести раздельный учёт (включая отдельный баланс) имущества каждого паевого

[1] Ibid. P. 79.

инвестиционного фонда, не допуская его смешения, в том числе со своим имуществом или имуществом управляющей компании, и осуществлять контроль за распоряжением имуществом ПИФа в соответствии с его правилами и проспектом эмиссии инвестиционных паев. Кроме того, спецдепозитарий должен был аккумулировать средства инвесторов, приобретающих инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда, на счетах, по которым осуществлялся учёт имущества и прав инвесторов, вести реестр владельцев инвестиционных паев и обеспечивать своевременность расчёта и возврата денежных средств инвесторам, предъявившим требования о выкупе инвестиционных паёв.

Проект по созданию методических основ работы в России специализированных депозитариев и запуску пилотного проекта спецдепозитария — Первого Российского специализированного депозитария (ПРСД) будет осуществлён уже в 1996 году. Он появится в июне в рамках государственной программы развития паевых инвестиционных фондов в РФ. Возглавит его уже знакомая нам Юлия Загачин.

Главными её партнёрами, имеющими особые условия обслуживания, станут компании Pallada Asset Management Элизабет Хеберт и Montes Auri не менее знаменитого Альфреда Коха, владеющая 49% акций ПСД[1].

Аксёнова Г. В.: *«Это был уже проект, инициированный не USAID, несмотря на то, что наша деятельность финансировалась по-прежнему за счёт грантов этой организации. Работа эта велась в рамках Ресурсного секретариата Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг. Заказчиком работ также была ФКЦБ.*

К тому времени в российском правительстве уже хорошо понимали, что ориентироваться в развитии фондового рынка только на иностранных инвесторов было нельзя. Противопоставить достаточно серьёзным финансовым потокам, которые приходили на российский фондовый рынок из-за рубежа, отечественным профессиональным участникам было нечего. В то же время стали появляться весьма радужные оценки инвестиционного потенциала населения России и было решено обеспечить поддержку российскому рынку за счёт средств массовых частных инвесторов».

РИНАКО — РОССИЙСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Компании РИНАКО не случайно посвящается отдельная глава. Она по праву может претендовать на своё место в истории российского фондового рынка. Одной из первых она провела масштабную подписную кампанию

[1] Новости // Коммерсантъ Деньги. № 45.1997.

на свои акции, ориентированную на частных лиц. Компания создала первый функционирующий депозитарий. Но обо всём по порядку.

Первые инвестиционные компании в современной России начали появляться на рубеже 1980/1990 годов. Они учреждались товарными биржами и другими торговыми структурами, банками, предприятиями нефтегазового комплекса, лесной и деревообрабатывающей промышленности, металлургии и пр. Первыми инвестиционными компаниями стали НИПЕК, РИНАКО, Инвестиционный фонд «Сибирь» и ряд других.

На одном из биржевых советов РТСБ было решено, что все 32 его члена создадут свои предприятия, начальное финансирование для которых даст биржа. Таким образом, предполагалось, что биржа будет зарабатывать не только комиссионные на торговле, но начнёт богатеть и за счёт дивидендов, получаемых от предприятий, ставших успешными.

Оказалось, что наибольшей популярностью у брокеров — членов биржевого совета пользовались инвестиции в торговые дома, которых вокруг РТСБ было создано множество.

Левенчук А. И.: *«Я тогда сделал Дмитрию Сухиненко нетривиальное предложение: создать организацию нового типа — инвестиционную компанию. Что это такое, я смутно тогда представлял, но суть идеи была в сборе денег у частных инвесторов (то есть населения) и затем выгодного размещения в проекты. То есть выполнить примерно то же самое, что делали в тот момент биржи, только без всех этих "торговых систем" и "брокерских мест", которые существенно затуманивали простую картину тогдашнего бизнеса».*

Первая встреча инициативной группы состоялась в самом начале сентября 1991 года в гостинице «Интурист». На ней и было принято решение создавать первую в России инвестиционную компанию.

Соратник Левенчука Григорий Сапов рассказывает следующее: *«Первые серьёзные обсуждения перспектив и форм инвестиционной деятельности в современной России в кругу будущих учредителей и консультантов РИНАКО состоялись примерно в апреле 1991 года. Летом было принято решение о создании инвестиционной компании, окончательно определился состав учредителей и согласованы их позиции. Отметим, что сразу было решено делать компанию не просто акционерной, а максимально открытой».*

Согласно требованиям тогдашнего закона, компания получила название — Российское инвестиционное акционерное общество, сокращённо РИНАКО.

Левенчук А. И.: *«То, что мы фактически создаём странное сочетание паевого и венчурного фондов и что слово РИНАКО будет в России чуть ли не нарицательным, мы ещё не знали».*

Председателем совета директоров стал лидер Российской товарно-сырьевой биржи Константин Боровой, президентом — сопредседатель биржевого

совета РТСБ Дмитрий Сухиненко, главным управляющим — Степан Мелконов, Анатолий Левенчук придумал себе должность «исполнительного директора» и стал менеджером проекта по выпуску акций и организации первичной подписки.

Работа РИНАКО начиналась поначалу в шестом подъезде Политехнического музея.

Эмиссия

Бумаги были эмитированы РИНАКО весной 1992 года.

Важным был вопрос о выборе номинала выпускаемых акций. Было решено выпускать тысячерублёвые акции, доступные широким кругам потенциальных акционеров. Всего было выпущено в обращение 1 млн 200 тыс. простых акций.

Левенчук А. И.: *«Никто не знал, как выпускать акции, и всё приходилось придумывать. И было принято решение о выпуске "безбумажных акций". Виктор Агроскин отредактировал стандартный устав АО так, что фактически получился первый проспект эмиссии бездокументарного выпуска. Где нужно этот выпуск акций регистрировать, было непонятно, но было ясно, что регистрировать нужно. С большим трудом удалось уговорить Андрея Козлова, чтобы он подготовил какое-то письмо одобрения и протащил его через бюрократию Банка России».*

Бездокументарная технология была использована для того, чтобы снизить стоимость организации эмиссии и, главное, создать предпосылки для обеспечения ликвидности выпущенных бумаг при торговле ими на вторичном рынке.

Агроскин В. В.: *«В Политехническом музее, где располагался штаб империи Борового, я познакомился с юристами РИНАКО Тимуром Ниазбаевым и Николаем Матвеевым. Их первые проекты договоров продажи акций отверг сразу — они подразумевали реализацию защищённых бумажных акций. В нашу задачу входило придумать и объяснить, как готовить и оформлять договора подписки на акции безбумажные».*

Размещение началось уже в конце сентября, сразу же проспект эмиссии был передан регулятору, зарегистрирован он только в начале 1992 года. Весь выпуск акций РИНАКО был оформлен единым глобальным сертификатом.

Курчанов П. Ф.: *«В полном соответствии с рекомендациями Андрея Андреевича мы напечатали глобальный сертификат выпуска акций РИНАКО, и "обездвижили" его, поместив в сейф».*

Первичное размещение акций РИНАКО происходило только пакетами по 50 акций (лотами). Пакеты продавались по номиналу — стоимость одного лота 50 тыс. рублей. Для его приобретения собирались «пулы» из знакомых,

сослуживцев и т. п., назначался ответственный (теперь это называется «номинальный держатель»), который и выкупал весь пакет на себя. При этом он брал комиссию 2–5%, что в результате давало ему возможность получить пару акций РИНАКО бесплатно.

Пока АО формировалось, от его лица действовало общество с ограниченной ответственностью «НБМ-Сервис». Все договора заключались только с ним.

Широко использовалось распространение акций через дилера, которым могла стать любая организация. Условия сотрудничества с ней были следующие: дилер вносил на накопительный счёт общества 5 млн рублей в трёхдневный срок после заключения договора. После чего он получал право продать подписчикам по номиналу (то есть по 50 тыс. рублей пакет) 100 пакетов акций. Эти услуги оценивались как нематериальный вклад в уставный капитал РИНАКО в сумме 300 тыс. рублей. Это вознаграждение выплачивалось передачей дилеру ещё шести пакетов акций, которые он мог оставить в своей собственности или продать по номиналу.

Курчанов П. Ф.: *«Процедура выглядела следующим образом: люди приходили, писали заявки на акции, оплачивали их, но на руки получали только приходные ордера. Все эти сведения для начала заводились в простейшие базы данных, чтобы учитывать, кто сколько заплатил и за что. Это была начальная простейшая система учёта, данные из которой предполагалось закачать в "правильную" систему, которую и разрабатывали наши программисты на основе рекомендаций Андрея Андреевича. Андрей Козлов — совсем тогда юный, чрезвычайно демократичный, часто у нас бывал и живо интересовался нашими успехами».*

Интерес Козлова был понятен — в компании ожидалось появление около 10 тыс. акционеров, ценные бумаги которых должны были учитываться по его рекомендациям. Более того, в РИНАКО он нашёл группу людей, разделяющих его взгляды и интересы. Кстати, его уже тогда, несмотря на юный возраст Козлова (в 1992 году ему было 27 лет!), называли по имени-отчеству — Андреем Андреевичем. Он был для коллег настоящим мэтром...

Большое внимание было уделено рекламе акций ещё к тому моменту незарегистрированного безбумажного выпуска. Андрей Корф сочинил песню, в которой говорилось: «Разбогатею, куплю собаку, назову не Шарик, назову РИНАКО», будущий президент Телекомпании «ВКТ» Владимир Ананич снял на неё видеоклип, и телевидение стало прокручивать его.

Левенчук А. И.: *«Как ни странно, мы сумели организовать очень строгий учёт и бездокументарных ценных бумаг, и поступающих от их продаж денег. Так что "незарегистрированность" не сказалась на качестве выпуска и размещения».*

Инвестиции

Всё в конце концов у компании получилось, подписка на акции прошла. В кратчайшие сроки РИНАКО удалось сформировать рекордный для начала 1992 года уставный капитал в размере 1,2 млрд рублей. С такой суммой можно было смело браться за крупные инвестиционные проекты. Что и было сделано. Хотя самой инвестиционной компании уже нет, ряд проектов, в которые были вложены средства, существуют и по сей день. Можно вспомнить хотя бы Телекомпанию «ВКТ», да и Moscow City — Московский деловой центр на Краснопресненской набережной — среди учредителей которого была и РИНАКО.

Кроме них, РИНАКО также финансировала учреждение тверской Инвестиционной компании «ФИНКОР». Получила инвестиции и поддерживавшаяся кооперативом «ДЕМОС» и Институтом им. Курчатова компьютерная сеть, которой пользовалась РИНАКО, — в результате появилось АО «РЕЛКОМ». Создание телекоммуникационной сети Relcom, по замыслу менеджеров РИНАКО, должно было «притянуть» информационное пространство России к их дисплеям абонентских компьютеров. Однако реализация этого проекта для запуска проекта в полном масштабе потребовала капиталовложений, которых РИНАКО мобилизовать самостоятельно не смог. Тогда менеджеры компании прибегли к испытанному способу, объявив открытую подписку на акции Relcom. В результате в 1990-е годы конкурентов у этой сети не было благодаря сравнительно низким тарифам, лёгкости подключения и массовому охвату, по числу абонентов сеть электронной почты устойчиво опережала все другие российские компании.

Все эти компании создавались как открытые акционерные общества, для них организовывался и размещался безналичный выпуск акций.

Однако нараставшее инфляционное напряжение не оставляло иллюзий: реально прибыльными в краткосрочной и среднесрочной перспективе могут быть только спекулятивные торгово-посреднические операции. Никакие вложения в российские активы в то время не спасали от макроэкономической политики, проводившейся властями России. Выгоднее было перевести все собранные средства в доллары и после этого ничего не предпринимать.

Вырученные средства были инвестированы в золото (изделий из золота закуплено на 150 млн рублей) и в предметы искусства. РИНАКО подобрала целую коллекцию произведений искусства, балансовая стоимость которой составляет 14,7 млн рублей. Рыночная стоимость коллекции на 1 марта составляла чуть менее 100 млн рублей. Часть средств компания разместила на депозитных счетах в четырнадцати коммерческих банках России — доходы от депонирования временно свободных финансовых ресурсов составили

105 млн рублей. С начала прошлого года РИНАКО занялась и таким беспроигрышным бизнесом, как приобретение или аренда жилых и офисных помещений с последующей их сдачей в аренду или субаренду. На 1 марта компания так или иначе контролировала 6700 кв. м жилой и офисной площади в разных районах Москвы»[1].

Кукк А. В.: *«Какие только в Турецкую комнату "с улицы" в РИНАКО приносили проекты! Лично мне принесли проект строительства Московского Сити. Целый отдел занимался приобретением произведений культуры. Все проекты загубила инфляция. Купить валюту было намного выгоднее, чем что-то создавать».*

Депозитарий РИНАКО

Завершение подписки на акции РИНАКО совпало с выпуском 78-го Постановления Правительства РСФСР в декабре 1991 года. Никто не понимал тогда ещё, как будут соотноситься во времени моменты завершения продажи акций, увеличения уставного капитала, регистрации изменений в уставе, зачисления акций акционерам.

Сапов Г. Г.: *«При построении РИНАКО мы принимали во внимание неразвитость нашего рынка ценных бумаг. Малое количество акционерных обществ, наличие таких "неудобных" видов ценных бумаг, как "акции трудового коллектива" и другие факторы, иногда приводят к затруднениям при заключении и особенно исполнении сделок с ценными бумагами. Однако более важным являлось обеспечение широкой публики всей полнотой информации о рынке ценных бумаг».*

Для регистрации акций были приобретены шесть компьютеров, была разработана учётная программа, обучены операционистки.

Левенчук А. И.: *«Но мало разместить выпуск, мы ожидали, что начнутся операции с бумагами РИНАКО: после окончания размещения кто-то захочет их продать, а кто-то захочет купить. Мы надеялись, что акции станут ликвидными и сильно вырастут в цене (так бы оно, наверное, и было, если бы не начинавшаяся как раз в то время гиперинфляция)».*

Для дальнейшего развития компании нужен был депозитарий. Об этом на одном из первых заседаний совета директоров заявил исполнительный директор.

Левенчук А. И.: *«Учредители меня не поняли. Один из совладельцев выступил и заявил: "Всё одобряем, акции выпускаем, требуемые для этого выпуска расходы поддерживаем. Вот только депозитарий создавать не будем, потому*

[1] *Аспин С.* Инвестиционная ситуация // Коммерсантъ. 15.03.1993.

что это очень сложно и технология не опробована!" Я удивился: "Как же мы будем торговать акциями без депозитария?" И получил ответ: "А вот это уже твои проблемы! Изобрети что-нибудь". Долго мне пришлось доказывать и убеждать, что депозитарий — это не глюконарий и не серпентарий, и он совершенно необходим для РИНАКО».

В конце концов, чтобы отвязаться от новатора, под его ответственность было дано согласие на финансирование инвестиционного первенца РИНАКО — первого в стране депозитария. Масштабность проекта заключалась не в простом создании депозитария, а в подготовке мобильного программно-технологического комплекса, удобного для розничной продажи.

Это был невиданный для тех лет замах. Но он оправдал себя. Только в 1992 году было осуществлено 60 продаж комплексов «Депозитарий», а в 10 регионах депозитарные комплексы РИНАКО уже к марту 1993 года получили реальное наполнение акциями местных предприятий.

Черкасский Б. В.: *«Александр Барщевский, тогда главный бухгалтер фирмы "Луноход", может рассказать, как мы пристроили ему депозитарную программу. Не знаю, была ли польза от этой программы "Луноходу", а вот Барщевский с тех пор так и застрял на депозитарном рынке».*

Распространение однотипной технологии хранения и учёта движения акций по России означало существенный прорыв в области развития инфраструктуры вторичного рынка акций. За счёт корреспондентских отношений между депозитариями РИНАКО в различных регионах страны появилась возможность впервые осуществлять мгновенный переброс пакетов акций из одного города в другой.

Впрочем, на первом этапе, как и предполагалось для его создания, оказалось катастрофически мало разработчиков и управленцев. Специалистов-фондовиков, и тем более фондовиков-инфраструктурщиков тогда вообще не было.

Левенчук А. И.: *«Мой коллега Григорий Сапов отвёз меня в ЦЭМИ, где познакомил с Борисом Черкасским. Для разработки технологии тот пригласил преподавателей МИИТа Павла Курчанова и Андрея Марченко. Они имели опыт создания технологии защиты информации на дискетах и увлечённо рассказывали мне, как работает эта технология, даже при протыкании дискеты гвоздиком. Рассказ звучал убедительно, и они были приняты на работу».*

Был среди этих неофитов и заведующий лабораторией Борис Черкасский.

Черкасский Б. В.: *«Однажды в декабре 1991 года мой товарищ по институту Григорий Сапов, знакомый с Дмитрием Сухиненко, тогдашним руководителем РИНАКО, спросил, а не хочу ли я организовать в РИНАКО депо-*

зитарий? Слово было незнакомое, да и звучало как-то коряво, но от судьбы не уйдёшь. Подумав пару дней и "пощупав ногой" протекавший мимо бурный и мутный поток, я решил: "Депозитарий так депозитарий..."

Прочитал текст Козлова, доклад "Группы 30" и ничего особо сложного не увидел. В конце концов всё депозитарное дело, по большому счёту, состоит из двух действий: сложения и вычитания. А умножение и деление встречаются крайне редко. О прочих операциях вообще говорить не приходится. В общем, не гомотопическая топология и не гипотеза Пуанкаре — понять можно...»

Впрочем, к приходу Черкасского программа учёта ценных бумаг по безбумажной технологии, обеспечивающая работу Депозитария РИНАКО, готовящаяся на основе рекомендаций Андрея Козлова, начерно уже была написана. Борису оставалось написать к ней инструкцию. К тому времени эмиссия уже прошла.

Черкасский Б. В.: *«Надо было собирать команду. Никаких специалистов по депозитариям, разумеется, в природе не существовало. Привёл своих толковых знакомых — Павла Курчанова, Леру Володину. Курчанов через некоторое время сменил меня на должности руководителя Депозитария РИНАКО, когда проявились некоторые различия во взглядах на жизнь между мной и руководством».*

Курчанов рассказал, что Черкасский искал людей для работы над созданием депозитария.

Курчанов П. Ф.: *«На вопрос, что это такое, Борис загадочно повертел руками и произнёс что-то вроде: "Ну это всякие там ценные бумаги и всё такое... в общем, сам пока не очень понимаю..." Стало ясно, что это именно то, что мне подходит! Через пару недель Борис перезвонил, и я оказался в РИНАКО».*

А ещё в штате РИНАКО были три девочки-операционистки. Одна их них, Екатерина Архипова, так и осталась работать в депозитарном мире: защитила диссертацию, стала кандидатом наук и в дальнейшем возглавила отдел в НДЦ.

А пока следовало подготовиться к проведению учётных операций с миллионом размещённых акций. Все акции в России были по закону именными, поэтому в типографии на всякий случай были заказаны и бланки выписок со счетов акционеров РИНАКО с оставленными пустыми местами для распечатывания фамилий и внесения на принтере количества приобретённых акций!

Левенчук А. И.: *«Как нас не любили представители торгующих защищёнными бланками компаний! Мы им срывали бизнес, объясняя потенциальным клиентам, что они рискуют не только дороговизной бланков ценных бумаг, но и тем, что акции украдут, они сгорят, с ними легче мошенничать. В какой-то момент в наш офис был привезён тираж разработанных свежеиспечённых депозитарщиками бланков».*

Их было около 30 видов: списание со счёта и зачисление на него, приходные и расходные ордеры, множество внутренних документов. Бланки аккуратными пачками были выложены на узкие длинные (по 3–4 метра) столы. В результате полностью были заставлены три стола!

Левенчук А. И.: *«"И это безбумажная технология?!" — выдохнули мы и озаботились закупкой многочисленных сейфов и шкафов. Но бланки наши были крайне дешёвые, на простой газетной бумаге. Этот парадокс бумажного документооборота при депозитарном учёте безбумажных выпусков существует и по сей день».*

Курировал всю работу по депозитарию Анатолий Левенчук — главный идеолог процесса. Новые идеи сыпались из него постоянно и их необходимо было реализовывать немедленно. Идеи эти очень часто казались интересными, но постоянно «перемешивали карты». Вместе с тем нужно было хоть что-то довести до конца, причём срочно.

Курчанов П. Ф.: *«Программисты действовали разумно: они вежливо выслушивали Анатолия, но кодировали то, что ранее сложилось у них в головах. Наша группа называлась отделом "развития депозитария". Борис Черкасский был начальником отдела, я — его заместителем. Значительную роль в нашей группе также играла в это время Лера Володина, вместе с Борисом пришедшая в РИНАКО из ЦЭМИ».*

Задачей группы стала координация работы программистов и «регистрационного отдела». Следовало понять, что можно учитывать при помощи разрабатываемой программы, отладить её по возможности, обнаружив основные ошибки, а также снабдить сотрудников регистрационного отдела необходимыми процедурами, которые позволили бы им вести конкретную работу по обслуживанию акционеров с использованием этой программы.

Курчанов П. Ф.: *«В дальнейшем ставилась задача создания "продвинутой" депозитарной программы, которая позволила бы организовать учёт ценных бумаг в рамках всероссийской (а может быть, и всемирной — чего мелочиться!!) сети. Будущее РИНАКО тогда мыслилось, конечно же, великим... Законодательства же на тему ценных бумаг в России не было никакого, и работа поэтому была весьма и весьма творческой...»*

Куратором депозитарной команды в РИНАКО был совсем юный Виктор Агроскин, незадолго до этого окончивший ВМК МГУ. Тем не менее к тому времени у него уже был двухлетний опыт работы на пока несуществующем российском рынке ценных бумаг: в 1990–1991 годах он осуществил первый перевод на русский язык классического документа «Рекомендации "Группы 30"», а также опубликовал в издательстве «Финансы и статистика» брошюру «Что такое фондовый рынок. Торговля акциями — понятийный минимум», рецензентом которой стала Бэлла Ильинична Златкис. Поэтому более зре-

лые коллеги обсуждали с ним всю конкретику создаваемых процедур и документов. К Виктору они относились тоже как к мэтру рынка. И смотрелся он на рынке ценных бумаг значительно более продвинутым, чем его коллеги.

После завершения эмиссии была написана брошюра «Что такое Депозитарий РИНАКО», где авторы попытались простыми словами объяснить остальному миру то, что сами только что поняли.

«Дамы и господа» были оповещены о том, что *«Российское инвестиционное акционерное общество начинает регистрацию операций с ценными бумагами, выпущенными по технологии РИНАКО»*.

На первом этапе пришлось заняться повышением финансовой грамотности населения. В газете «Известия» российскому люду было объяснено, что *«в реестре владельцев указано, кто и каким количеством ценных бумаг владеет. При такой системе становится невозможным передать право собственности "из рук в руки". Заключившие сделку стороны должны оповестить об этом регистрирующую организацию, и право собственности переходит лишь в момент перерегистрации, то есть в момент внесения изменений в реестр. <...> Выпущенные нами акции существуют исключительно в виде записей на счетах.*

Предназначенные для хранения акций счета называются "счетами-депо". Счета депо владельцев акций могут быть открыты в регистрационном отделе РИНАКО или же владелец может передоверить ведение своего счёта и хранение акций на нём какой-либо организации, связанной с РИНАКО специальными соглашениями»[1] и т. д.

Регистрационный отдел (депозитарий) РИНАКО начал работу 9 марта 1992 года. Он занимался учётом данных об акциях, их движении на рынке ценных бумаг и акционерах трёх коммерческих структур — РИНАКО, РТСБ и АО «Ваше коммерческое телевидение» (ВКТ). Таким образом РИНАКО стал первым российским финансовым институтом, предложившим на внутреннем рынке комплекс регистраторских и депозитарных услуг.

Курчанов П. Ф.: *«На первом этапе регистрационный отдел, состоявший примерно из 15 симпатичных девушек, перекапывал горы бумажек будущих акционеров, пытаясь выверить временные базы данных. Сроки поджимали, так как наконец необходимо было дать акционерам в руки какие-нибудь документы, удостоверяющие их права собственности на акции. Временные базы не очень-то состыковывались с разрабатываемой программой»*.

Следует отметить, что не стоит путать регистрационный отдел с депозитарием. Первый был сформирован в марте и занимался тем, что приводил в по-

[1] Акционерам РИНАКО, ВКТ и всем тем, кого интересует рынок ценных бумаг // Известия. 08.04.1992.

рядок первичные документы, а депозитарий был открыт чуть позже — в мае 1992 года.

И первый, судя по всему, в России судебный процесс о безбумажных акциях РИНАКО выиграл 23 сентября 1992 года. Представлял компанию Тимур Ниазбаев. Истец попытался расторгнуть договор о покупке акций РИНАКО на том основании, что он не получил акций. Арбитражный суд города Москвы признал, что зачисление акций на счёт-депо является надлежащим выполнением обязательств, и оснований для расторжения договора нет. Безналичные акции в РФ выдержали проверку.

Курчанов П. Ф.: *«Примерно в течение месяца после открытия депозитария к нам пришли все 10 тысяч акционеров, которые получили выписки со своих счетов и высказали нам всё, что они думают о РИНАКО и о нас как сотрудниках этой компании, — к этому времени уже многим стало понятно, что денежки, вложенные в акции, практически сгорели...»*

11 декабря 1992 года РИНАКО заключила контракт с Акционерным обществом «Большевик» на использование Депозитария РИНАКО для обслуживания вторичного обращения его ценных бумаг.

Это был первый официальный факт признания европейскими авторитетами российских разработок в области обеспечения инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг: «Большевик» пошёл на это соглашение после одобрения Депозитария РИНАКО» консультантами — банком Credit Swiss First Boston.

По условиям контракта РИНАКО обязывался осуществлять хранение акций и техническое обслуживание акционеров Кондитерской фабрики «Большевик». Впервые Депозитарий РИНАКО стал обслуживать выпуск ценных бумаг стороннего эмитента.

Агроскин В. В.: *«К нам пришёл сам Стивен Дженнингс, один из двух первых инвестиционных банкиров в Москве (вторым был его коллега по CS First Boston Борис Йордан, разумеется). CS First Boston выступал консультантом по пилотной продаже за чеки акций Кондитерской фабрики "Большевик" и искал регистратора, чтобы сделать в первом приватизируемом предприятии образцово-показательный реестр акционеров. Мы сделали ряд презентаций для банкиров и сотрудников "Большевика" и, кажется, продали не то услуги, не то только технологию».*

За две недели до подписания контракта Credit Swiss First Boston, приглашённый Госкомимуществом России для консультаций по проведению чековых аукционов на акции приватизируемых предприятий, обратился в Депозитарий РИНАКО с просьбой взять на себя осуществление технического обслуживания акционеров фабрики «Большевик».

Напомню, что АО «Большевик» стало первым приватизируемым предприятием, акции которого были выставлены на чековый аукцион. И в дальнейшем следовало держать фасон.

Конкурентами РИНАКО были депозитарии банков «Менатеп» и «Кредо». Но эксперты Европейского банка реконструкции и развития предложили остановиться на Депозитарии РИНАКО.

За первым успехом последовал следующий — существенной победой депозитарного комплекса РИНАКО стало удачное вовлечение в оборот акций дальневосточных эмитентов. После создания в Находке депозитарного центра по технологии РИНАКО и приватизации семи местных предприятий по конвейерному методу компании, был реально создан вторичный рынок ценных бумаг ряда местных эмитентов, прежде всего — Восточного порта и Приморского морского пароходства.

К этому времени в России уже началась ваучерная приватизация, которая принесла Депозитарию РИНАКО новые перспективы. 7 октября 1992 года в Указе Президента России № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» впервые (в официальном документе) прозвучало слово «депозитарий». Речь в нём шла об инвестиционных фондах, в том числе чековых инвестиционных фондах, на которые тогда возлагались особые надежды по привлечению населения на фондовый рынок. Согласно этому указу, имущество ЧИФов должно было храниться в депозитариях. Что это такое, из указа никому понятно не было. Но поскольку в РИНАКО уже был свой депозитарий, причём практически единственный в России, потенциальные клиенты — организаторы ваучерных фондов — повалили в РИНАКО.

Курчанов П. Ф.: *«Приходили также многочисленные посетители из любопытства, пытавшиеся узнать что-нибудь о загадочном слове “депозитарий”. Одним из первых к нам обратился Первый ваучерный фонд. Помню, пришли три человека (хорошо известные впоследствии руководители фонда Михаил Харшан, Михаил Чеботарёв и Александр Измайлов) и пообещали, что соберут все ваучеры России, и сетовали, что соответствующую эмиссию им не регистрируют... Мы тихонько похихикали над их амбициями, но заключили с фондом договор. Так как себестоимость нашей будущей деятельности была совершенно никому не понятна, а с фондом мы были совершенно неаффилированы, то торговались вдохновенно... Должен сказать, что фонд в этой торговле оказался более успешным. К началу 1993 года я посмеиваться над ними перестал — Первый ваучерный фонд развернул такую бурную деятельность, что взаправду, казалось, соберёт если не всё, то значительную часть ваучеров России (реально он собрал 4 млн ваучеров, и было у него более 2 млн акционеров — в среднем один человек приносил по 2 ваучера). Договоры с нами заключи-*

ли ещё около десятка чековых фондов. Пять из них реально серьёзно работали. Мы выпустили для акций этих фондов глобальные сертификаты и положили их в свой сейф...

Первые ваучеры нам принесли в ноябре 1992 года. Сначала я хранил их в сейфе в РИНАКО. Но объёмы увеличивались с немыслимой скоростью, и вскоре стало очевидно, что мне может понадобиться до десяти кубометров сейфового пространства только для Первого ваучерного!»

На Международной выставке «Биржевые и банковские системы» в Москве программные и технологические продукты РИНАКО оказались единственным технологическим продуктом, охватывающим различные вопросы деятельности на фондовом рынке.

Система, позволяющая автоматизировать и значительно упростить каждый шаг эмитента на фондовом рынке от акционирования и выпуска ценных бумаг до создания ликвидного вторичного рынка акций данного эмитента, произвела впечатление.

На стенде РИНАКО на выставке был представлен такой интересный продукт, как «переносной депозитарий». Любой из потенциальных инвесторов или держателей акций РИНАКО, РЕЛКОМа, а также целой серии дальневосточных эмитентов имел возможность в несколько минут совершить весь комплекс операций по трансферту прав на акцию. Так, инвестору была предоставлена возможность купить акцию Приморского морского пароходства у держателя этих ценных бумаг где-нибудь в Находке, причём за счёт корреспондентских отношений между депозитарием в Находке, Депозитарием РИНАКО в Москве и «переносным депозитарием» сделка может быть осуществлена через несколько минут.

«Посетивший выставку президент РИНАКО Константин Боровой, который, похоже, не совсем в курсе достижений возглавляемой им компании, с удивлением услышал рассказ о технологических возможностях Депозитария РИНАКО. Недолго думая, г-н Боровой с целью развенчать показавшийся ему сомнительным рассказ полез за бумажником и попросил продать ему акцию РИНАКО. Сделка была оформлена через несколько минут, и довольный г-н Боровой покинул выставку, держа в руках сертификат на только что приобретённую акцию. В качестве продавца выступила компания "Ринако Плюс"»[1].

В апреле 1993 года Депозитарий РИНАКО отправился в «свободное плавание» — он был выделен из АО «РИНАКО», став отдельным дочерним ЗАО «Депозитарий РИНАКО». Павел Курчанов был теперь его президентом. РИНАКО предоставил ему в качестве вклада в уставной фонд 40 компьюте-

[1] *Аспин И., Шмаров А.* Портфель инвестора // Коммерсантъ. 01.03.1993.

ров и оплаченную за полгода аренду помещений на третьем этаже в здании Главпочтамта на Мясницкой улице прямо над РТСБ.

Курчанов П. Ф.: *«Многие думали, что нам не удастся свести концы с концами, но мне тогда уже было понятно, что мы не утонем. Уверенность основывалась на динамике развития бизнеса наших клиентов, а также на том, что происходило внутри нашей компании».*

На фоне остальных ринаковских дочерних организаций депозитарий смотрелся достаточно хорошо, вплоть до конца 1996 года. Разумеется, инфраструктурной компании трудно было тогда тягаться по коммерческой успешности с ОАО «Ринако Плюс», ставшей одним из основных лидеров брокерского сообщества. Постоянных сотрудников депозитария было около 30 человек, но большое число людей привлекались при необходимости на временные работы (в основном для ввода больших массивов информации). Например, при рассылке писем Первого ваучерного фонда в 1994 году нанималось дополнительно 200 человек — они в нескольких арендованных аудиториях МИИТа упаковывали конверты, клеили на них адреса и марки.

Курчанов П. Ф.: *«Такие заказы мы очень любили. В такие времена многие сотрудники регистрационного отдела превращались в менеджеров, организующих работу временно привлечённых сотрудников. В те годы процесс законотворчества в области ценных бумаг очень и очень отставал от жизни».*

Пока велись теоретические споры о месте депозитариев и регистраторов в учётной системе страны и издавались соответствующие нормативные акты, ЗАО «Депозитарий РИНАКО» выполняло все необходимые операции: вело реестры акционеров фондов то есть выступало как регистратор, одновременно учитывало активы фондов, выполняя роль депозитария. Активы эти состояли из денежных средств, из собранных ваучеров и из приобретённых на чековых аукционах акций приватизированных предприятий.

К концу 1994 года ЗАО «Депозитарий РИНАКО» было записано номинальным держателем в 70 реестрах акционеров. Тогда же в нём начали развивать службу перерегистраций. Курьеры Депозитария РИНАКО выполняли заказы клиентов на осуществление регистрации прав собственности на акции в реестрах. Большую роль в организации этой службы сыграл Леонид Лапшин, пришедший в депозитарий в 1993 году. Совмещение деятельностей регистратора, депозитария и трансфер-агента в Депозитарии РИНАКО имело место до конца 1995 года — тогда это допускалось российским законодательством. После стало необходимым получать конкретные лицензии и определяться со специализацией компании на рынке ценных бумаг.

Успехи команды были зафиксированы 30 ноября 1993 года Распоряжением Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом № 2074-р, ЗАО «Депозитарий РИНАКО» тогда

вошёл в список 22 «уполномоченных депозитариев, осуществляющих расчёты с использованием свидетельств о депонировании и чековых счетов, следующих субъектов рынка ценных бумаг систем межрегионального Всероссийского чекового аукциона. В нём было только два московских депозитария: под № 19 — Акционерное общество закрытого типа «Кассовый союз», а под № 20 — Акционерное общество закрытого типа «Депозитарий РИНАКО». 3 февраля 1994 года Госкомимущество подписал с Депозитарием РИНАКО соответствующий договор.

До этих пор поддерживаемая американскими консалтинговыми компаниями программа развития депозитарной инфраструктуры в РФ предусматривала существование только одного центрального депозитария по учёту безналичных операций с ваучерами (московский депозитарий Кассового союза). Эта монополия, естественно, вызывал недовольство участников рынка.

Курчанов П. Ф.: *«Нашими успехами мы во многом были обязаны усилиям Левенчука и Агроскина. Статус уполномоченного депозитария мы получили в результате проведённой ими работе с госорганами. После этого мы могли депонировать ваучеры и выдавать необходимые для чековых аукционов свидетельства о депонировании, а сами ваучеры гасить в нашем депозитарии».*

В результате этого клиентами компании стали многие инвестиционные компании, крупнейшие из которых — «Брансвик», «Ринако Плюс», «Альфа-РИНАКО» — постоянно использовали Депозитарий РИНАКО для депонирования своих ваучеров, представляемых на чековые аукционы. Всего же через него прошло около 15 млн ваучеров — 10% всех ваучеров России. Из них около 4,5 млн было погашено в Депозитарии РИНАКО против выданных клиентам свидетельств о депонировании.

Курчанов П. Ф.: *«Из этих погашенных нами ваучеров от силы полтора миллиона принадлежали нашему крупнейшему клиенту — Первому ваучерному фонду. Большинство своих ваучеров Первый ваучерный успел отвезти на чековые аукционы в наличной форме, кроме того, на некоторых аукционах свидетельства о депонировании не принимали, хоть это и было нарушением установленного порядка проведения чековых аукционов».*

Тогда же начались взаимоотношения между Депозитарием РИНАКО и Кассовым союзом — центральным депозитарием ваучерной приватизации. КС установил ринаковцам электронную систему учёта ваучеров, депонируемых для чековых аукционов.

Погашенные ваучеры хранились в депозитарии до конца лета 1995 года и в конце концов были сданы «по счёту» в Кассовый союз — головной ваучерный депозитарий Госкомимущества. На этом окончилась ваучерная эпопея Депозитария РИНАКО.

Кроме всего сказанного, Депозитарий РИНАКО вёл деятельность трансфер-агента. На основании заключённых с некоторыми реестрами (как правило, использующими «технологию РИНАКО») договоров имелась возможность быстро проводить для обращавшихся в депозитарий клиентов перерегистрацию прав собственности на акции, учитывающиеся в отдалённых реестрах, не выезжая из Москвы. Для этого с соответствующими реестрами устанавливалась электронная связь. Первичные документы хранились в Депозитарии РИНАКО и передавались регистратору по согласованной процедуре с определённой периодичностью.

Курчанов П. Ф.: *«Наиболее мощной и доходной для Депозитария РИНАКО была такого рода совместная деятельность с реестром ОАО "Нижневартовскнефтегаз". То же самое работало с Находкой и с некоторыми другими реестрами. По этому поводу к нам обращалось множество брокеров, участвующих начиная с 1994 года в торгах по акциям. Наконец, с конца 1993 года мы развивали курьерскую службу перерегистраций. Эта деятельность была в те времена особым искусством, так как правила проведения операций в разных реестрах были совершенно разными — их нужно было знать. Кроме того, нужно было иметь контакты с регистраторами — число надуманных немотивированных, на первый взгляд, отказов от перерегистрации было велико. У нас все эти знания были по многим реестрам, и сбоев по операциям, проводившимся нами для клиентов, не было ни одного. Мы никогда не брались за такую работу наобум».*

Абрамов А. Е.: *«Большое влияние на людей, работавших над проблемами регулирования, оказывал первый опыт российских депозитариев. Наиболее продвинутой в то время структурой был Депозитарий РИНАКО. Мне, как чиновнику Госкомимущества в профессиональном отношении приносило большую пользу общение с такими специалистами, как Павел Курчанов, Андрей Марченко, Виктор Агроскин и многими другими».*

Работа с акциями. Компания «Ринако Плюс»

В процессе работы с акциями было много курьёзного. Долго команда новаторов не могла объяснить членам совета директоров РИНАКО, что такое «котировка ценных бумаг».

Левенчук А. И.: *«Я показывал на примере доллара: есть же пункты обмена валюты, в которых её и покупают, и продают. На что мне резонно отвечали: "Валюту там не покупают и не продают, её там меняют!" Опыта операций с ценными бумагами тогда не было никакого, даже ваучер ещё не появился. Объяснить же разницу между брокерскими и дилерскими операциями было вообще невозможно!»*

Первые опыты по котировке акций РИНАКО компания «Фирсофф» (один из учредителей РИНАКО) провела уже в конце мая 1992 года. А с 10 августа она впервые в практике российского фондового рынка начала устанавливать ежедневные котировки этих бумаг. Цена при этом определялась «вполне рыночно» — то есть бралась не совсем с потолка.

«Возможность установления котировок акций именно этой компании связана с принятой в АО "РИНАКО" системой оперативного технического обеспечения реализации и скупки акций. Существующие в виде записей на счетах, акции РИНАКО могут быть легко переданы новому владельцу путём открытия его индивидуального счёта-депо»[1].

Технологию установления котировки начальник фондового отдела МП «Фирсофф» Анатолий Бажатарник объяснял так: накануне очередного рабочего дня эксперты его компании, исходя из динамики текущих операций, устанавливали для акций РИНАКО курсы скупки и продажи, конъюнктуры биржевого рынка и ряда других факторов. Спред (разница между этими курсами) порой был весьма велик и доходил до 70 пунктов. В частности, по состоянию на 12 августа 1992 года курс составлял 405 рублей при скупке и 460 рублей при продаже.

Скворцов В. Ю.: *«В РИНАКО я пришёл в феврале 1992 года после звонка своего одноклассника Константина Мельникова. В то время я учился в аспирантуре мехмата МГУ, а на жизнь зарабатывал репетиторством. Долго уговаривать меня не пришлось, т.к. понимал, что математика в новых условиях вряд ли в дальнейшем будет меня кормить.*

Предстояла встреча с Анатолием Левенчуком, назначена она была в один из дней на 9 часов утра. В указанное время я был у входа в Политехнический музей, но выяснилось, что из-за каких-то невыясненных обстоятельств дирекция музея не пропускает сотрудников РИНАКО на их рабочие места. Поэтому встреча с Анатолием Игоревичем состоялась там же на морозе. Выяснив, что я окончил 57-ю школу и мехмат МГУ с красным дипломом, новый начальник тут же назвал день, когда я должен выйти на работу.

Через три дня я был сотрудником МП "Фирсофф"».

Вскоре произошло объединение инвестиционного бизнеса, и Владимир Юрьевич стал начальником дилерского отдела РИНАКО. Ему поручили создавать региональную дилерскую сеть.

Следует сказать, что акции РИНАКО с самого начала их котировок упали в цене и продолжали падать (с 1000 рублей до 400). «Инвесторы» были недовольны, однако этот факт доказывал честность подхода к выставлению котировок.

[1] Котировки РИНАКО: сегодня и ежедневно. У «Фирсоффа» // Коммерсантъ. 17.08.1992.

Одним из самых успешных дней по акциям РИНАКО в том же году был назван 26 октября. Тогда была заключена крупная сделка — продано 500 акций по курсу 650 рублей за штуку. А всего тогда же через электронную сеть EL-BIS было заключено аж шесть сделок и реализовано 6184 ценных бумаг. Этот объём продаж был вполне соизмерим с недельным оборотом девяти крупнейших фондовых бирж России[1].

На начало 1993 года держателями акций компании были более 8 тыс. физических и юридических лиц.

Фондовый отдел РИНАКО тем временем осенью начал подготовку к работе с ваучерами. История РИНАКО динамична, карьеры её сотрудников быстро росли, вскоре финансовым директором РИНАКО стал Вадим Иванов, а его заместителем Владимир Скворцов.

Скворцов В. Ю.: *«В то время у всех было ощущение, что мы занимаемся неизведанными делами, и даже не с кем посоветоваться. При этом не было никакого страха перед неизвестным. Но тогда мы были молоды и практически всё приходилось делать с нуля. Помогло и полученное техническое образование: оно позволяло быстрее вникать в суть любой проблемы».*

Следующим естественным этапом развития компании РИНАКО стало создание своего брокер-дилера «Ринако Плюс», открывшего в ноябре 1992 года собственный операционный зал для внебиржевой торговли ценными бумагами на третьем этаже особняка по адресу: Мясницкая, 7.

Агроскин В. В.: *«Наш офис был на третьем этаже и, когда мы получали заказ, на лестнице стояли мрачные люди с сумками, видно было, что они вооружены, наш трейдер их запускал в порядке живой очереди. Выходили гости с опустевшими сумками, но оттопыренными карманами.*

Криминала вокруг биржи было много, но до нас он не доставал, а был 2–3 уровнями ниже».

На первых порах внебиржевая торговля в этом фактически фондовом магазине велась по двум ценным бумагам — акциям РИНАКО и приватизационным чекам. Магазин принимал заказы от покупателей на формирование крупных пакетов ваучеров. Следует отметить, что первый подобный магазин в России был фондовым магазином в ГУМе, управлением которого занималась финансовая компания «Деловые услуги».

Кукк А. В.: *«Когда "Ринако Плюс" сидела на третьем этаже Общества "Знание" сюда приходило много людей продавать ваучеры. Порой перед дверью офиса выстраивалась очередь, внутрь пускали по одному человеку. Но кто-то договаривался заранее. Тогда Старченко выходил в коридор, поправлял очки и, указывая на конкретных людей, говорил: "Вы, вы и вы заходите, остальные ждите"».*

[1] Внебиржевой фондовый рынок // Коммерсантъ-Daily. 27.10.1992.

Старченко А. Г.: *«Всё полученное таким тяжёлым трудом мы таскали на другой конец Мясницкой и там продавали. Бизнес состоял в том, чтобы купить за 10, а продать за 20».*

Всей работой по реализации новых механизмов работы с ценными бумагами занимались друзья Виктора Агроскина по школе — Владимир Скворцов, Александр Перцовский и Константин Мельников, заслуженно признанные в дальнейшем отцами-основателями фондового рынка.

Юрист РИНАКО Тимур Ниазбаев занимался регистрацией компании, созданной в форме акционерного общества, все акции в котором принадлежали РИНАКО.

Ниазбаев Т. Р.: *«Я с акциями РИНАКО раз пять ездил в Минфин и там мне постоянно делали замечания. На исправление ушёл у нас весь 1991 год. В конце концов я плюнул и написал так, как мне казалось, и чуть ли не по почте им отправил на регистрацию. В январе–феврале 1992 года мне подтвердили регистрацию, после чего меня отпустили в отпуск».*

Много позже, после нескольких сделок по выкупу компании менеджерами, акционерами стали (в разных долях) четверо уже упомянутых партнёров Перцовский, Скворцов, Мельников, Агроскин и некоторые ведущие трейдеры и руководители компании.

Скворцов В. Ю.: *«Тимур приехал в регистрационную палату и предложил зарегистрировать брокерскую компанию РИНАКО. Ему объяснили, что это невозможно и это название занято. Было предложено несколько изменить наименование и добавить, например, к РИНАКО одно слово "плюс" или "минус". Тимур решил, что "минус" нехорошо, и без долгих размышлений остановился на "плюсе"».*

Весь фондовый отдел РИНАКО сразу переместили в новую компанию. Впрочем, в этом подразделении и было-то всего около 5 человек.

Левенчук А. И.: *«Первый генеральный директор этой компании, имя которого я уже не помню, учредил компанию и оказался не способен сделать хоть одну сделку. Я предложил место Перцовскому, он наотрез отказывался. Бизнесменами эти ребята себя не считали, хотели только всё придумывать, разрабатывать, внедрять. Пришлось пойти на шантаж Агроскина: "Витя, либо ты убалтываешь кого-то из своих друзей, либо я глубоко вздыхаю и директором делаю тебя!" В результате Александр стал-таки президентом, а Владимир его замом. Забавно, что сначала Константин Мельников не поверил, что в России будет какой-то бизнес на фондовом рынке, и уехал на целый год в Колумбийский университет США».*

Вот, как об этом кадровом назначении вспоминает Владимир Скворцов.

Скворцов В. Ю.: *«Константин Мельников сразу заявил, что у него уже лежит приглашение в Колумбийский университет, поэтому на него рассчитывать*

не стоит. Оставались мы с Перцовским. Решили определить козла отпущения методом "камень, ножницы, бумага". Кто проиграет становится генеральным директором, выигравший — его замом. Я выиграл и, не имея никакого необходимого для этого образования, стал заместителем по финансовым вопросам».

Ощущений, что в этом были какие-то проблемы у наших героев не было. Не боги горшки обжигают — постепенно компания становилась на ноги. Был организован первый офис, всё в том же Политехническом, начался набор людей. Средний возраст сотрудников компании оказался меньше 25 лет. Может быть, и поэтому, получив самостоятельность, они приступили к агрессивным операциям на фондовом рынке, прежде всего на рынке приватизационных чеков. Компания начала специализироваться на крупнооптовых безналичных операциях с ваучерами, причём многие сделки осуществлялись по дилерской схеме, когда крупные пакеты чеков выкупались посредником и только потом передавались покупателю. Сравнительная рискованность такого рода операций позволяла получать суперприбыли от торговли ценными бумагами при резких и благоприятных изменениях ценовой конъюнктуры. Подобные операции позволили фондовой молодёжи в январе 1993 года заработать 20 млн рублей, а оборот компании за первые два месяца того же года составил, если верить прессе, 1,2 млрд рублей[1].

Скворцов В. Ю.: *«Первые операции у нас были примитивно простыми. В то время ещё не был преодолён кризис наличности и наличные деньги в банке можно было получить только на приобретение картошки, на выдачу зарплаты и на приобретение ваучеров. Мы договорились в банке РНКБ о льготном проценте на снятие наличных (кажется, около 10%). Разница на покупку ваучеров на бирже за наличный и безналичный расчёт была значительной. Таким образом, мы делали свой арбитраж. В результате в первый же день заработали 40 тыс. рублей. Помню, как мы с Перцовским сидели и обсуждали, что если так дело пойдёт и дальше, то наше безбедное будущее обеспечено.*

При этом какого-то плана сказочно разбогатеть и стать ведущей брокерской компанией в России у нас не было (по крайней мере, у меня не было). Мы действовали по наитию.

Бог миловал, мы акциями многочисленных финансовых пирамид не занимались... С самого начала их существования мы поняли, что туда лезть не надо».

Первое время Скворцов и Перцовский сами по телефону проводили все брокерские операции, непосредственно вели переговоры, торговались с людьми, держащими конторки по работе с ваучерами.

Свой арбитраж «Ринако Плюс» делала между компаниями, скупившими акции «на улице» небольшими партиями и крупными покупателями. Разни-

[1] *Аспин С.* Инвестиционная ситуация // Коммерсантъ. 15.03.1993.

ца между ваучером в пакете из 5 чеков и пакета в 5 тыс. ваучеров была значительной. Операции вели уже трейдеры компании.

Скворцов В. Ю.: *«Мы же объединяли приватизационные чеки десятками тысяч. Наши заказчики в основном были участниками российских аукционов, часть из них теперь в рейтинге журнала Forbes. Но крупнейшим, конечно, был Credit Suisse First Boston — CSFB.*

Нам делали заказ, мы называли цену, затем на свои средства приобретали ваучеры. Отношения наши были очень доверительными. Если на запрос вице-президента CSFB Антона Кудряшова поставить 50 тыс. ваучеров мы называли цену 17 долларов за штуку, и он отвечал: "ОК!" — то это значило, что дополнительных договоров не нужно, процесс пошёл. Далее мы начинали работать с полутора десятками постоянных контрагентов, приобретавших для нас небольшие партии бумаг. Недостающие бумаги приобретали на РТСБ.

Учились мы быстро, на ходу. Надо сказать, что от иностранных партнёров мы многому научились и в 1994–1995 годах уже были не такими неопытными и наивными, как когда начинали создавать компанию. Благодаря этому те, кто приходил к нам в компанию в те годы говорили, что у нас западная корпоративная культура. У нас сформировались неписаные правила ведения бизнеса. В частности, мы заявляли, что слово, сказанное нашим трейдером клиенту, — закон. Даже если он ошибся, разговаривая по телефону, мы не требовали формализованного на бумаге подтверждения данных им обязательств, а выполняли всё, что было им обещано, и только после этого разбирались, где он ошибся и как его за это наказать.

Ставка на западных партнёров позволила также избежать обычных для 1990-х годов наездов бандитов, наша кампания сумела избежать историй, характерных для "лихих 90-х". Также важно то, что и у самих нас не снесло крышу от ощущения, что удалось достигнуть всего за два года».

Когда появился вторичный рынок акций предприятий и компаний, «Ринако Плюс» вышел и на него. Все бумаги покупались для заказчиков, компания не оставляла себе ничего.

Скворцов В. Ю.: *«В этот период у нас была группа трейдеров, выезжавших в регионы с охраной (это были бывшие милиционеры с Петровки). Они везли с собой необходимые суммы денег и, прибыв в тот или иной город, сразу шли в местные правоохранительные органы, представлялись, сообщали о цели своего приезда. Так как мы никогда не участвовали во враждебных скупках, конфликтов у нас не возникало».*

Старченко А. Г.: *«Некоторые наши коллеги для организации скупок чуть ли не самолёты арендовали, прилетали большими командами с охраной. Мы же производили странное впечатление — были, наверное, слишком наглыми, езди-*

ли по городам вдвоём или втроём с сумками денег, приходили на предприятия и в организации фактически с улицы и начинали договариваться.

В некоторых случаях приходилось говорить с руководством компаний. Когда сделать этого было нельзя или нецелесообразно, например, когда начальник ничего не контролировал и акции были распылены между многими "физиками" — организовывали "полевую" скупку. Для этого снимался офис, в идеале брали в помощь какую-нибудь местную инвестиционную компанию. Если фондовый рынок, в отличие от нас, ещё не добрался до этого "медвежьего угла", куда мы прибыли, нанимались девочки, желающие подработать. Ставился компьютер, ксерокс, печатались договора. Наконец, заводился сейф, который загружался привезёнными деньгами. После этого делалось объявление в местной газете.

Нести к нам начинали не только те акции, за которыми мы приехали, но и другие, приносили целыми пакетами — мама работает на одном производстве, папа — на другом и т. д. И мы брали всё оптом, за копейки. Понимали, что потом пригодится.

Но основным условием таких операций, был предварительный заказ серьёзного партнёра на скупку конкретных акций».

В регионах конкурентов у «Ринако Плюс» фактически не было. Особенно в маленьких городах. У местных брокеров просто не было свободных денег (особенно наличных) на альтернативную скупку. К тому же у них были меньше риски, за компанией всегда стоял мощный заказчик.

Приходилось порой брокерам компании совершать переходы государственной границы.

Ниазбаев Т. Р.: *«Приобретали мы акции пивного завода и в украинском Николаеве. Все местные брокеры говорили по-русски, а заявление в Антимонопольный комитет нам надо было написать на мове. Мы в кафе коллективно придумывали его текст, представляя, как тот или иной термин может звучать на государственном языке. Неожиданно нас поправила девушка, приносившая кофе. Мы спросили её: "Ты что говоришь по-украински?" — она ответила утвердительно, после чего мы посадили её писать заявление, превратив из официантки в секретаря.*

Встретила нас в комитете русскоговорящая дивчина, приняла документы и обещала дать ответ через неделю, добавив: "Но если будет невздрячка, звоните по такому-то телефону".

Так мы расширили свои лингвистические знания, выяснив, что это таинственное слово означает "невтерпёж".

Кстати, там мы выяснили, что по украинскому законодательству ведётся реестр акций, а не акционеров, как в России. Выписка из реестра получалась огромной».

Старченко А. Г.: *«Работали мы на достаточно приличную зарплату. Денег нам хватало, и главным нашим стимулом была очень интересная работа».*

Переход к покупке акций был плавный, т. к. клиенты и партнёры остались теми же, что и на рынке ваучеров. Вскоре ежедневные обороты компании достигли 1 млн долларов.

В то время на рынке было две агломерации: финансово-промышленные группы (среди них можно назвать «Альфа-Капитал», банк «Менатеп»), а вот в ней «Ринако Плюс» входила в группу чисто брокерских контор. Кроме неё здесь были «Тройка Диалог», «Грант»...

При этом компания также брала на себя риски, порой продавая акции до момента их скупки на месте. Но в этом случае маржа была значительной.

У крупных компаний друг на друга были установлены лимиты, и они торговали между собой без предпоставки. От остальных, особенно неизвестных региональных требовали предварительную поставку бумаг.

Скворцов В. Ю.: *«Так же мы стали формировать торговые портфели. То, что мы не становились на долгое время собственниками тех или иных акционерных обществ, было нашим недостатком и одновременно преимуществом. Но брокерами мы стали неплохими».*

В компании была поставлена система записи разговоров, чтобы фиксировать все сделки, проводимые по телефону. Запись осуществлялась на огромные рокадовские магнитофоны, так что писалось всё. Стоило это немало, позволить себя это могли немногие, т. к. цифровая связь ещё была редка.

На одном из судов юристам РИНАКО далось доказать, что такую запись нельзя подделать. Это было очень важное решение для рынка, которому нужен был прецедент.

Осенью 1994 года вице-президентом по развитию «Ринако Плюс» стал Агроскин.

Агроскин В. В.: *«Пришла пора перейти границу, отделяющую инфраструктуру фондового рынка от тех, кем (и отчасти ради кого) эта инфраструктура создаётся. Став вице-президентом по развитию инвестиционной компании, я дальше занимался самыми разными сторонами бизнеса, но не упускал и тематики взаимодействия с инфраструктурными организациями и (до какого-то момента) регуляторами рынка. Постоянной головной болью в то время был учёт денежных средств клиентов, переданных брокеру. Инвестиционные компании, не собиравшиеся заниматься банковской деятельностью, пытались убедить Центральный банк (в лице Андрея Козлова, разумеется) в том, что самым логичным способом решения правовых и учётных проблем является разрешение брокеру открывать денежные счета клиентов и так их и называть — денежными счетами. Правовых оснований для этого было достаточно в действующем Гражданском кодексе,*

необходимые уточнения могли бы быть приняты, если бы их поддержали одновременно ЦБ и Комиссия по ценным бумагам. Но позиция Козлова была непоколебима — вы, брокеры, начнёте под это дело проводить кредитную эмиссию, вы не сдаёте ежедневный баланс, и мы, Центробанк, потеряем контроль над денежной массой в стране. Либо получайте банковские лицензии, либо идите на все четыре стороны. Возможно, побочным результатом этих бесед стало ускорение появления лицензии небанковской кредитной организации, предназначенной для расчётных палат при организованных рынках, но уж никак не для брокеров. Такая лицензия была в первую очередь выдана Кассовому союзу. Брокерам лишь оставалось грустно шутить, что они дожидаются появления лицензии для небанковских некредитных организаций».

Визионер Анатолий Левенчук видел будущее РИНАКО в тот момент, как некий суперхолдинг, осуществляющий координацию различных инвестиционных проектов и переброску средств от одних проектов к другим. Главной задачей этого холдинга, по его словам, должно было стать постоянное генерирование новых направлений деятельности компаний[1].

«Ринако Плюс», осваиваясь, расширялась, увеличив сперва в два раза офис в Политехническом музее, а в 1996 году арендовав обширный офис на Таганской улице.

Скворцов В. Ю.: *«В 1997 году один из западных банков предложил за "Ринако Плюс" очень существенные деньги — 70–80 млн долларов. Но они хотели выкупить 100% компании, и мы отказались. При этом доминирующим аргументом было — чем же мы будем заниматься, если продадим компанию? Молодыми идиотами были.*

После того как мы заново оснастились, купили современное оборудование для трейдеров, сделали дорогой ремонт, один из моих товарищей, зашедших в офис, почесал затылок и сказал, что, судя по всему, "Ринако Плюс" осталось недолго жить».

Он, к сожалению, оказался провидцем. В 1998 году компания вынуждена была закрыться.

Скворцов В. Ю.: *«Мы неправильно оценили свои торговые обороты по акциям и собственную позицию, ставшую в какой-то момент больше, чем капитал, в то время, когда цена акций стала стремительно падать.*

В конце концов мы сумели рассчитаться со всеми, кому были должны, не обанкротились, но были вынуждены продать бизнес НИКОЙЛу. Кстати, и тогда головы у нас не снесло».

---

[1] *Аспин С.* Инвестиционная ситуация // Коммерсантъ. 15.03.1993.

Программное обеспечение учётной системы

В мае 1992 года первый руководитель депозитария Борис Черкасский покинул его, оставив вместо себя Павла Курчанова, ставшего новым директором Депозитария РИНАКО. В его подчинении оказались отдел развития депозитария, регистрационный отдел, а также программисты в той части их работы, которая касалась развития депозитарной программы.

Тогда же АО «РИНАКО», Депозитарий РИНАКО и Институт коммерческой инженерии Анатолия Левенчука начали совместно разрабатывать программное обеспечение для автоматизации деятельности депозитариев и регистраторов. Первыми разработками стали программные системы первого в стране программного обеспечения для автоматизации деятельности депозитариев (как оказалось, и регистраторов) «РеМир» на базе Borland'ого Paradox'а.

Программисты создавали некую «вещь в себе», так как другой постановки задачи, кроме рекомендаций Андрея Андреевича Козлова, мало похожих на техническое задание для программистов, у них не было.

Программа тогда ещё имела серьёзные недоработки, тем не менее уже началась продажа этого программного обеспечения внешним пользователям. Программа интенсивно отлаживалась и доводилась до ума, и к концу лета 1992 года она уже практически не давала сбоев. К ней была написана подробная инструкция с приложением процедур работы регистрационного отдела, бланками депозитарных поручений. В РИНАКО потянулись покупатели «полной технологии депозитарного учёта РИНАКО». За исключением «глобального сертификата», не прижившегося в России, это была практически законченная технология ведения реестра, которая до настоящего времени мало изменилась.

Первыми программистами руководил Дмитрий Осин. В 1992 году с его командой возник серьёзный конфликт, они ушли и создали компанию РИККО, выпустившую программный продукт под названием «ДепоНет». Он был куплен в 1993 году для ведения реестра акционеров ЗИЛа, Промрадтехбанка и ряда других крупных эмитентов. Среди его пользователей был и Газпромбанк, который вёл в первое время с использованием этой программы учёт акций Газпрома по всей своей сети.

Вторую программу депозитарного учёта писала в РИНАКО приведённая Анатолием Левенчуком группа программистов с мехмата МГУ на языке Си.

Курчанов П. Ф.: *«Планировалось, что это будет та самая "продвинутая" программа, хотя в это время на "мировой масштаб" мы уже перестали замахиваться — опустились на грешную землю. Проект оказался менее успешным, хотя программа тоже была продана многим, в том числе и ряду банков. Однако мне удалось убедить Анатолия не запускать её у нас».*

В результате в 1993 году Депозитарий РИНАКО работал с двумя разными основными программами. Одна была написана на Paradox (команда Алексея Финогенова), была разработана для чековых фондов, по ней велись реестры фондов, АО «РИНАКО» и других.

Ещё одна программа называлась «ДепоМир».

Курчанов П. Ф.: *«Хорошая система, созданная Александром Токаревым, — она тоже неплохо продавалась, этим занимался Институт коммерческой инженерии Анатолия Левенчука. На ней мы вели только депозитарную часть своего учёта — учёта активов, по которым мы выступали номинальным держателем, по местам хранения и ведения учёта ценных бумаг на счетах депо клиентов. Таких клиентов было немного это были обслуживаемые нами фонды, несколько инвестиционных компаний, а также несколько десятков лиц, которым фонды продали часть принадлежащих им акций приватизированных предприятий. Программа была хорошо приспособлена для ведения такого учёта и позволяла поддерживать корреспондентские отношения между депозитариями».*

Именно эту программу в 1993 году компания Price Waterhouse выбрала в качестве программного обеспечения, распространяемого по линии ГКИ для приватизируемых предприятий, — ПТК «ДепоМир». В результате его стали использовать для депозитарного учёта 3 млн акционеров Первого ваучерного фонда.

Впрочем, в августе 1993 года поддержку у западных консультантов получил и комплекс, разработанный РИККО.

Разработка программного обеспечения для депозитарной и регистраторской деятельности была в РИНАКО продолжена, и появился бренд «ДепоМир», переживший три перемены СУБД и развивавшийся последовательно тремя командами программистов и тремя юридическими лицами. Для начала разработка была передана из РИНАКО в дочернюю компанию Депозитарий РИНАКО и велась совместно с Институтом коммерческой инженерии.

Приход в 1993 году в Россию иностранных консультантов, призванных помогать приватизации, обернулся для РИНАКО большим успехом — по поручению ГКИ консультанты из Price Waterhouse проводили конкурс программного обеспечения для ведения реестров акционеров. Сделанная специально для конкурса упрощённая версия «ДепоМира» — «РеМир» — выиграла конкурс (вместе с двумя другими программами компаний «ОЛМА» и «Грант»).

Агроскин В. В.: *«У нас тогда оптом купили лицензию то ли на 50, то ли на 100 установок, эти программы раздавали бесплатно для ведения реестра на приватизированные предприятия. Этот массовый вброс сильно помог нам в реализации стратегии продаж.*

Для программы "РеМир" мы в Институте коммерческой инженерии разработали типовой комплект договоров, бланков поручений, внутренних регламен-

тов депозитария. Среди прочего я написал и популярный кейс, вдохновлённый примером иностранных консультантов по приватизации, распространявших рассказ о приватизации фабрики "Ивановские ситцы". Мой текст начинался так: "Когда Остап Бендер приехал в город Черноморск, там проходила приватизация конторы "Рога и копыта" и во всём городе не было ни одного регистратора..." Легендарный герой брал нашу программу и разрешал проблемы города».

Широкая продажа «ДепоМира» началась весной 1994 года (будет выпущено 10 версий программного комплекса), а 21 марта 1995 года «ДепоМир» первым прошёл сертификацию программного обеспечения для ведения реестров акционеров в ПАРТАДе, получив сертификат ПАРТАДа № 1.

Ринаковцы, как убеждённые либертарианцы, поддерживали тогда идею добровольной сертификации программных средств, в отличие от государственно-принудительной.

В 1996 году по соглашению Института коммерческой инженерии и Депозитария РИНАКО разработка и сопровождение программного обеспечения серии «ДепоМир» были переданы специализированному предприятию «Алгиз», последней команде разработчиков Александра Токарева. По данным ПАРТАДа («Ведомости ПАРТАД» № 4), ещё в 2000 году программный комплекс «ДепоМир» являлся самым распространённым в России программным обеспечением для ведения реестров среди профессиональных регистраторов.

Разработка программного обеспечения на платформе Paradox ещё в 1993 году была остановлена, и начата разработка для регистраторов и депозитариев программно-технологического комплекса «ДепоМир», в котором был учтён опыт предыдущих разработок. ПТК «ДепоМир» на платформе FoxPro 2.5 для DOS разрабатывался с конца 1993 года постоянным коллективом программистов.

16 января 1996 года была учреждена Национальная ассоциация участников рынка государственных ценных бумаг (НАУРаГ) России. В том же году в неё вступила компания «Ринако Плюс».

В заключение хотелось бы отметить, что ныне существующая Группа компаний «РИНАКО» — динамично развивающаяся нефтесервисная структура с 20-летним опытом работы на российском рынке, оснащённая современным оборудованием и оказывающая комплексные услуги компаниям нефтегазового сектора — не имеет никакого отношения к своей однофамилице.

АО «РИНАКО» же прославилось в первую очередь не собственными коммерческими успехами, а своими бывшими сотрудниками, занявшими впоследствии сильные позиции в собственных бизнесах, а также созданными дочерними компаниями.

ЗАГАДОЧНАЯ ФИГУРА ФОНДОВОГО РЫНКА — АЛЬБЕРТ ВЛАДИМИРОВИЧ СОКИН

Без рассказа об этом советнике Госкомимущества России, кураторе Ресурсного секретариата ФКЦБ, безусловно, незаурядном человеке и специалисте, незаслуженно забытом сегодня, сложно будет понять многие события, произошедшие в 1990-х годах на фондовом рынке России.

Воспоминания о нём сохранились разные, но равнодушно относящихся к нему людей, его знающих, автор не встречал.

Но вначале немного предыстории.

В 1991 году вышли первые положения о Госкомитете РСФСР по управлению госимуществом (21 января), Российском фонде федерального имущества (3 июля) и, самое главное, Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» (3 июля).

24 августа 1991 года в Ленинграде были оперативно утверждены положения о создании Фонда имущества и Комитета по управлению имуществом. Д. В. Васильев стал тогда заместителем директора фонда.

Ещё раньше состоялась историческая встреча Дмитрия Васильева, Петра Ланского, работавших в отделе приватизации Комитета по экономической реформе Ленгорисполкома, готовивших так называемую малую приватизацию, и эксперта Комитета по собственности Ленсовета Альберта Сокина.

Ланской П. М.: *«Во вновь созданном комитете стали появляться эксперты. Их было много, но один, полный, бородатый, весёлый чувак, заметно выделялся среди них. Вначале мы достаточно резко поговорили, но быстро выяснилось, что мы чрезвычайно близки по духу. Как и мы, он оказался фанатом приватизации. В результате мы совместно начали пробивать через наши комитеты все готовящиеся документы Ленсовета и Ленгорисполкома в области приватизации, тем более что Сокин имел сильное влияние на председателя комитета С. Н. Егорова. Сокин всё это время работал на общественных началах».*

Организационные хлопоты по созданию структуры фонда длились пару месяцев, за это время Е. Т. Гайдару предложили возглавить правительство, он пригласил составить ему компанию А. Б. Чубайса, а тот, в свою очередь, взял в Москву заместителем в ГКИ (Госкомитет РФ по управлению имуществом) Д. В. Васильева.

Началась работа над созданием новых правовых институтов в российском законодательстве, и Дмитрию Валерьевичу понадобился надёжный, квалифицированный соратник. Им и стал Альберт Владимирович Сокин, назначенный советником Госкомимущества.

Ланской П. М.: *«В связи с тем, что интеллектуально опереться в то время в России было не на кого, потребовалось тесное сотрудничество с западны-*

ми партнёрами. Иностранные программы помощи предоставили USAID, фонд Know How. Программы эти были запущены ещё в Госкомимуществе Чубайсом и Васильевым. Политически их сопровождал Сокин. Обладая сильными волевыми качествами, незаурядным интеллектом и способностью находить щели в любом бюрократическом акте, именно Альберт с самого начала стал отбирать иностранных экспертов, контролировать их результативность. С ним регулярно взаимодействовали все специалисты, принимающие участие в процессе приватизации: Альфред Кох, Михаил Маневич и др. Я из Питера звонил Сокину каждый день.

Мальчики из Гарварда по сравнению с Сокиным были жидковаты. Он же, по существу, стал на фондовом рынке вторым или третьим лицом. Только благодаря выдающимся способностям. Малоизвестным же он остался потому, что его идеи озвучивали Васильев и Чубайс.

Очень важным стал и политический союз Альберта Сокина с Русланом Ореховым, тогда самым влиятельным лицом в Администрации Президента России. В результате стратегические решения о форме приватизации, указы об инвестиционных фондах, об акционировании фактически готовили два человека: Сокин и Орехов.

А вот самый серьёзный методический провал был совершён при создании чековых фондов. Сокин тогда за ними недоглядел, главным образом потому, что это направление в ГКИ вёл не Д. В. Васильев, а первый зампред Госкомимущества А. И. Иваненко и гарвардец Джонатан Хей вместе с Максимом Бойко из Центра приватизации».

Козлов считал его демоническим и вредным для рынка человеком, но воспринимал как серьёзного противника.

Другие участники тех событий делятся на его горячих почитателей и столь же непримиримых противников. Вот только некоторые мнения о Сокине людей, тесно работавших с ним.

Будаков Д. Ю.: *«Стоит вспомнить Альберта Сокина, человека потрясающего ума, блестящего администратора, мастера административной интриги. Как он умел проводить документы до самого их принятия так, чтобы никто не подставил ножки в пути, — это притча во языцех. Типичный серый кардинал. Но вместе с тем он умел слушать (в отличие от Васильева) и принимать твои аргументы в спорах. Были случаи, когда мы доказывали ему нашу правоту и он становился на нашу сторону, бывало наоборот. Когда он умер, мне было очень жаль».*

Дёмушкина Е. С.: *«Непонятная для меня, но, безусловно, интересная личность. У нас с ним были серьёзные перепалки на тусовках у Левенчука в пансионатах "Юность" и "Сенеж". Сокин обладал очень своеобразной манерой общения: он был большой и грузный, и когда пытался отстоять свою точку*

зрения, то начинал громко кричать и просто давил массой! При этом говорил быстро и путано. Его задачей было не доказать что-либо собеседнику и аргументировать свою точку зрения, а задавить оппонента потоком слов и своей массой. Даже когда он стоял на сцене, а я выступала из зала — всё равно явно чувствовала его энергию. Только если на всё это не обращать внимания, то с ним можно было дискутировать. Ведь он мог гениально выстраивать отношения с людьми и отстаивать свою точку зрения, делая это виртуозно, однако почти всегда пафосно, на публику. А что касается юридической деятельности... Ни одной полезной схемы, разработанной с его участием, если честно, я не помню».

С тем, что Альберт был серым кардиналом ГКИ, согласен и хорошо знающий обстановку в Госкомимуществе Ян Мелкумов.

Мелкумов Я. Я.: *«Чубайс и Васильев ему очень доверяли. Все знали, что его слово весит значительно больше, чем мнение большинства других консультантов. При этом, если ему что-то не нравилось, он мог говорить резко, не стесняясь.*

При этом он был очень логичен, убедителен и если что-то говорил, то это звучало весомо. По своему опыту знаю, что он готов был соглашаться с серьёзными аргументами, делал необходимые выводы. Во всяком случае не был упёртым, хотя соглашался с тобой неохотно, говоря: "Да, на это надо ещё раз посмотреть".

Очень точно Сокин оценивал и политическую сторону вопросов — на сколько предлагаемое выполнимо в конкретной ситуации.

Однажды Альберт высказал такую мысль: любой нормативный документ, как дубинка. Ты, как законотворец, можешь вытесать и поставить в угол, если кто-то её возьмёт и начнёт ею размахивать, значит, ты сделал правильный инструмент, который дальше будет применяться теми, кому он нужен. Но часто она остаётся стоять в углу, значит, ты выполнил бессмысленную работу.

И Сокин всегда старался точно определить, на кого рассчитан тот ли иной документ, если он не видел интересантов, то резко выступал против предлагаемого проекта, как бесполезного в данный момент».

Часто отмечают удачный дуэт, сложившийся из Орехова и Сокина.

Чекурова М. В.: *«Орехов и Сокин были юристами до мозга костей. Они влезали в суть вопроса, но в первую очередь для них была важна форма готовящегося документа.*

Руслан был очень самостоятельным, поэтому его убедить в том, на что он сформировал собственное мнение, было невозможно. Советников иностранных он слушал, но, будучи прагматичным, стоящим в России двумя ногами на земле, понимал, что реализовывать предложенное ими следует не в тот момент, а может быть, и никогда. На Васильева он влиял очень сильно. Как талантливый чиновник высокого уровня он понимал, как устроена власть.

Сильно приземлял эмоционального Васильева Сокин. "Если мы напишем так, то будет правильно и произойдёт вот что", — говорил Альберт, улетевшему в Эмпиреи Дмитрию».

Отмечает огромный объём работы над проектом закона, выполненный в рабочей группе Думы «знаменитым юристом из Санкт-Петербурга Альбертом Сокиным», Виктор Агроскин, работавший в противоположном блоке Банка России.

Агроскин В. В.: *«Это был фантастический человек, одновременно и практик, и теоретик, и новатор в праве, что является огромной редкостью в юридическом мире. Именно он сформировал (в борьбе с юристами Центрального банка) основы действующего закона. Его принципом было — давайте делать то, что нам нужно, а не то, что позволяет система гражданского законодательства, унаследованная от советских времён. Скажите, что полезно для дела, а правовую форму этому я придумаю, и не пытайтесь придумывать юридические термины, я это сделаю квалифицированнее вас. Сокин планомерно пытался внедрить англо-саксонские институты права в российскую правовую систему, руководствуясь глубоким убеждением в том, что именно эти институты могут способствовать развитию рынка капитала. Против такого новаторства очень жёстко выступали Андрей Козлов и его ведущий юрист Екатерина Дёмушкина, считавшие, что если уж мы родились в стране континентального права, то и должны строить рынок ценных бумаг на примерах из Германии. Но у Альберта был к тому же большой опыт адвокатуры, и юристам ЦБ было тяжело с ним бороться в публичных дискуссиях. Одной из крупнейших новаций Сокина является российская схема функционирования ПИФов как имущественных комплексов. Не известно, как пошла бы история российского рынка ценных бумаг, если бы не внезапная смерть Альберта Сокина в 1998 году».*

Сокин с большим сомнением относился к иностранным консультантам, работающим с комиссией, Хею он в лицо говорил: *«Ты ничтожество, как член на пне»* — и находил эту шутку бесконечно забавной. Консультанты отвечали ему взаимностью. Так американский аналитик характеризует его, *«как самого грубого, кругленького, вечно курящего адвоката со многими подружками»*, а один из американских адвокатов (Билл Маккрей) вообще назвал его *«свиньей в полиэстеровом костюме»* — «pig in the polyester suit»[1].

Много взаимодействовал с Альбертом Виктор Сахаров. По его словам, в 1993-м или 1994 году проходила большая конференция, в которой участвовали все биржевики. Он готовился на ней выступить, как всегда, с судьбоносной речью, но его опередил малознакомый тогда аппаратчик.

---

[1] *McClintick D.* How Harvard lost Russia // Institutional Investor Magazine. 2006. № 1. С. 10.

Сахаров В. Б.: *«И вот он высказал всё, что хотел сказать я, но значительно более чётко и убедительно. Я поразился, насколько правильными бывают чиновники!»*

Тем не менее это не могло остановить харизматичного дальневосточного биржевика, и он поведал важной аудитории, что биржи должны стать тем, для чего они предназначены, должны торговать только настоящими финансовыми инструментами, а не «всяким фуфлом».

На конференции присутствовал Руслан Орехов, с которым Виктор уже к тому времени был знаком.

Сахаров В. Б.: *«После окончания конференции Альберт предложил мне отобедать в компании с Ореховым. Надо сказать, что если роль Орехова я мог оценить, то значение Альберта тогда ещё не понимал. Тем более что ко всем чиновникам тогда относился, как к пусть и неизбежному, но всё-таки злу.*

После этой встречи меня стали дёргать в Москву на различные совещания».

В конце концов Сокин и Орехов выдернули Сахарова в Москву, готовить ряд документов, о необходимости которых он им постоянно говорил. Ему пообещали поддержку и предоставили карт-бланш.

Сахаров В. Б.: *«В результате мы с командой подготовили в 1996 году Стандарт депозитарной деятельности, используемый до сих пор практически без изменений».*

Бернард Р.: *«Г-н Сокин, г-н Хэй и г-н Васильев были неразлучны, как сиамские близнецы. Но, по моему мнению, всё решал мистер Сокин, Васильев, по сути, был в его лапах»*[1].

Константинов В. С.: *«Когда проходила первая конференция по рынку ценных бумаг, от ФКЦБ её курировал Сокин. Помню, что он продавливал "прайсов", чтобы они пышнее накрывали столы для банкета. Когда конференция началась, я спросил Альберта, зачем нужны излишние траты, всё равно всё не съедят участники конференции. И он ответил: "Пусть раскошеливаются, пусть останется, но они должны знать наши широкие души! Праздник должен быть праздником".*

Сокин пытался выбить из иностранцев максимум, раз они у нас работают и зарабатывают огромные деньги».

Мелкумов Я. Я.: *«Сокин очень разборчиво относился к иностранным консультантам, считая, что среди них есть много людей, мало понимающих в том, что происходит в России, но пытающихся при этом кого-то учить, но есть и те, кто реально вникает в вопросы и реально помогает нам».*

---

[1] Опрос Р. Бернарда в связи с гражданским иском правительства США против Гарварда. United States district court for the district of Massachusetts. 5.04.2002. Vol. 1. С. 116. — *Архив автора.*

Сокин не был ангелом, его обвиняли во множестве грехов, в частности, в том, что он устраивал на работу своих подружек, а сам выбил себе крупное повышение зарплаты и компенсацию расходов на жильё, причём выделенные средства были переведены на его счёт в иностранном банке, чтобы Сокин мог избежать расчёта с российскими налоговыми органами. Предупреждения Шляйфера заместителем директора HIID Куминсом об этих нарушениях были проигнорированы[1].

Гордон А. Р.: «*Сокин был сложной фигурой. Андрей мне неоднократно говорил, что он серый кардинал комиссии, человек опасный, вредный для фондового дела. С таким настроением я и пришёл на работу в ФКЦБ.*

Альберт оказался действительно тяжёлым, грозным человеком. Неоднократно у нас с ним были серьёзные стычки, правда, только словесные. Но я его видел в деле, и его способность решать очень сложные задачи вызывала у меня восхищение. К тому же он никогда не боялся брать на себя ответственность.

Однажды в разговоре с Сокиным я сказал, что наша группа по нескольким важным вопросам не может договориться с юристами ФКЦБ: у профессиональных участников своё мнение, у юристов совершенно другое. Он задал всего один вопрос: "Будет ли работать отрасль без этих положений?" Я уверено ответил, что нет. Альберт резюмировал: "Идите и делайте как надо, и мы посмотрим, можно ли снять юридические вопросы". После чего действительно юристы придумали, как эти вопросы решить.

Для меня это был пример подхода идеального юриста, который не занимается написанием отписок типа "это делать нельзя — и точка", а ищет юридически непротиворечивые формы реализации насущных задач.

При всей демонизации образа Альберта Владимировича Сокина именно он в ФКЦБ установил удивительный порядок. Сокин был очень сильным профессионалом и чрезвычайно талантливым человеком, который в итоге определил конфигурацию фондового рынка и вовремя смог перестроить работу ФКЦБ. Да, готовя и переписывая нормативные документы, следует делать это чрезвычайно строго. Но делать ФКЦБ зданием из слоновой кости, которое только и занимается тем, что пишет какие-то бумаги, тоже невозможно. Должна быть некая площадка, где можно разговаривать бредовым языком, выслушивать бредовые идеи иногда даже совершенно непрофессиональных людей. Плеваться, но выслушивать! Одно время у Сокина экспертом в ФКЦБ работал Анатолий Левенчук, который устраивал выездные семинары. Часто на этих семинарах произносились совершенно идиотские речи. Но люди варились в этом питательном бульоне фондового рынка, знакомились друг с другом. Так

[1] *McClintick D.* How Harvard lost Russia // Institutional Investor Magazine. 2006. № 1. P. 12.

создавалось экспертное сообщество. И начальников отделов ФКЦБ заставляли ездить на эти семинары. Под лозунгом: "Сиди и слушай, станешь умнее". Это было решение Сокина. Вообще тогда ФКЦБ стало сильно сближаться с рынком и вокруг него стали собираться сильные эксперты. Улучшилось взаимопонимание и с участниками рынка".

Вспоминает Александр Рафаилович и неформальные опыты Альберта Владимировича*: "Помню ежегодные весенние и осенние вывозы сотрудников ФКЦБ в Подмосковье на все выходные в пансионаты, в которые приезжали со всей страны профессиональные участники. И все выходные шли и формальные, и безгалстучные обсуждения накопившихся профессиональных проблем. Очень прочищало мозги как "тем", так и "этим". Помню Альберта Сокина, который, собственно, и был принципиальным идеологом всего этого. Боролся таким образом с бюрократической "плесенью" и чиновничьей спесью. Не стало Сокина, и всё быстро закончилось. А потом вообще всё закончилось. "Лукоморья больше нет"»*[1].

А вот мнение коллеги из ФКЦБ.

Редькин И. В.: *«Главным идеологом и неформальным лидером всех экспертов был Альберт Владимирович Сокин, незаурядный юрист и очень интересный человек. В отличие от нас, молодых экспертов, А. Сокин был человек с приличным жизненным и профессиональным опытом и интуицией, концептуально и стратегически мыслящий.*

Он работал в постоянном контакте с многими структурами государства и поэтому обладал огромным объёмом информации, знал проблемы и идеи, которые обсуждались в различного уровня кабинетах. Поэтому всё, что мы делали в плане разработки правовой базы фондового рынка, проходило через него, как через мелкое сито, которое отсеивало всё не нужное. Альберт Владимирович чётко понимал, что интересно из предлагаемых идей и готовящихся документов, а что бесперспективно или пока стоило отложить. Будучи экспертом номер один, он анализировал всю нашу работу и указывал, в каком направлении надо двигаться дальше.

На совещаниях, в том числе с представителями участников рынка, А. Сокин в основном молчал и слушал, но, когда он брал слово, все сразу умолкали. Говорил он по делу, без лишних слов, иногда жёстко и принципиально, если этого требовала ситуация. Может быть, это звучит несколько пафосно, но я считаю, что он оказал большое и позитивное влияние на развитие регулирования рынка ценных бумаг».

Следует сказать, что Сокин был сторонником жёсткой линии поведения на фондовом рынке. Он неоднократно заявлял, что либеральная концепция подменяет регулирование самого рынка регулированием отношений на нём.

[1] Дети понедельника // Рынок ценных бумаг. 2013. № 8. С. 9.

По его мнению, сначала следовало создать жёсткий каркас, а затем по мере развития фондового рынка смягчать механизмы регулирования.

Ланьков П. М.: *«Альберт Сокин вместе с Козловым и Васильевым — основатель нашего рынка. Он был теневым интеллектуальным лидером, человеком стратегического мышления. На мой взгляд, никаких идеологических причин противостояния внутри этой троицы не было, все они были либералами. На их взаимоотношения наложился негативный эмоциональный фон, который после нескольких неудачных стечений обстоятельств стал влиять на всё, что происходило на фондовом рынке. То есть над начальным этапом истории российского фондового рынка довлел слишком эмоциональный подход к профессиональным проблемам его харизматичных и холерических лидеров.*

Если бы Альберт Сокин не умер внезапно, то смог бы подняться чрезвычайно высоко, да и вся система взаимоотношений на рынке, очевидно, сложилась бы по-иному. Я считал и считаю его своим другом и учителем, хотя разница в возрасте у нас была небольшой. Вместе с тем это был непростой, экспрессивный, увлекающийся человек, мы часто ссорились, иногда не разговаривали по полгода, так как оба были людьми холерического склада характера. Для реализации своих идей Альберт использовал любые методы политической борьбы, конечно, в рамках закона, не подключая к ней ни правоохранительные органы, ни бандитов, что было свойственно тому времени. Он до конца своей жизни снимал номер в гостинице "Арбат" (филиал "Президент-отеля") на Сивцевом Вражке, так и не став в Москве даже ответственным квартиросъёмщиком. В этом гостиничном номере и умер романтик экономических реформ. С его уходом ФКЦБ потеряла половину своего интеллектуального и политического потенциала».

Тесно работала в Ресурсном секретариате с Сокиным Лариса Солодухина. Вот что она рассказала о нём.

Солодухина Л. В.: *«Он не был ни ангелом, ни демоном, но с большим удовольствием играл роль Демиурга.*

Альберт видел последствия тех или иных действий, мне кажется, ещё до того, как человек их задумывал и озвучивал.

Его влияние на все процессы нельзя преуменьшить. Очень многие идеи именно он сформулировал и инициировал их продвижение. Впрочем, не стоит и преувеличивать его роль в этом, т. к. претворением его идей занималось много людей.

Однако человека со столь острым умом я больше в своей жизни не встречала. Приведу один случай. Однажды журналисты из "АиФ" (относящиеся к нам критически) прислали едкие вопросы по поводу обманутых вкладчиков. Алика не было, и мы составляли ответы с Васильевым. В результате появилась чудовищная статья. А ведь перед её выходом Сокин предупредил нас: "Напишут

обязательно г...но, но важно, сделают это с вашими цитатами или без них. Лучше если бы их не было!»

Ему не нравилось, что вся экономика страны концентрируется вокруг Москвы, и он прилагал значительные усилия, чтобы создавать и поддерживать те или иные институции в регионах. В том числе центры коллективных инвестиций, в Казани, Иркутске, Новосибирске, Омске, Владивостоке, Санкт-Петербурге. При этом они охватывали все окружающие области.

Никто, как он, не видел, как связаны на базовом уровне большие направления финансовой политики: страховые, пенсионные, рынки коллективных инвестиций...

Стратегическое видение у него сочеталось с вниманием к деталям. Ему было важно знать, как то или иное решение может быть реализовано, какие подводные камни встретятся на пути.

Он хорошо чувствовал людей, будь это красные директора или бандиты, которые желали поучаствовать в том или ином действии. Альберт не лез за словом в карман, не молчал, когда надо было высказаться, говорил прямо, невзирая на лица.

При этом у него была твёрдая политическая и идеологическая позиция, он был убеждённым правым либералом. Если бы его не было, кто-то бы занял это место, может быть, не столь успешно».

Уже упоминаемое сравнение Сокина с Демиургом не случайно.

Моряков И. Д.: *«Сокин для меня это своеобразный Распутин. Мы к нему относились аккуратно и осторожно. Консультант "прайсов" Алекс Берг, которому приходилось с ним взаимодействовать, возвращался в офис выжатый как лимон. Он жаловался нам, что Альберт нас не считает за людей».*

И ещё воспоминания Виктора Сахарова.

Сахаров В. Б.: *«Сокин внешне был похож на одуванчик, но в действительности был крайне жёстким человеком, не выносившим пустопорожней болтовни, требовавшим собеседника говорить прямо и конкретно. Его выводили из себя демагогия и ещё больше непрофессионализм и неподготовленность. Он мог простить коллеге ошибки, но если кто-то продолжал настаивать на чём-то, чего не знал и не понимал, то такого человека Альберт не жалел, громил без оглядки на его статус. Чем и наживал себе врагов.*

Но авторитет его был огромен, если он считал целесообразной встречу с кем-то, то организовывал её в течение одного дня. В независимости от уровня человека.

Альберт мог максимально концентрироваться — всегда внимательно прислушивался к словам собеседника, если считал их важными, всегда задавал очень точные вопросы. Ощущение после разговора с ним было таким, как будто ты только что мешки таскал.

Таким образом, я даже могу его назвать в какой-то степени своим учителем.

У него было блестящее базовое юридическое образование. Он великолепно оценивал политическую ситуацию, был профессиональным аналитиком.

Кроме того, был трудоголиком, работал по 12–14 часов. В 7:30–8:00 он в гостинице устраивал деловой завтрак, приглашая на него нужных специалистов, часто бывал у него и я. Далее шла интенсивная повседневная работа. Могу сказать о себе: порой мы с ним расходились после обсуждений в полдвенадцатого ночи.

Сокин очень много помогал Васильеву решать организационные вопросы, но самое главное, через него проходили все готовящиеся комиссией документы, все исходящие из ФКЦБ бумаги.

Выполнить такой объём задач одному было невероятно трудно, вот он и собирал вокруг себя только рабочих лошадок. И все, кто с ним работал, высказываются о нём восторженно».

В заключение неожиданные воспоминания в жанре Андрея Малахова, сделанные телеведущим Андреем Максимовым о своей третьей женитьбе: «*Лариса Усова работает редактором моей же программы. Я с ней познакомился в год первого путча, в 91-м, когда работал в газете "Россия", которая всегда была царством демократии. Тогда ею руководил Хасбулатов, как конституционный демократ, вместе с Ельциным. Лариса в этой газете была собкором по Ленинграду и области. Познакомились мы в год первого путча, а поженились в год второго. Сначала у нас с ней были только деловые отношения. Я был женат, и она была замужем.*

И хотя она мне ужасно понравилась, как очень замечательная, красивая женщина, я два года за ней просто ухаживал. У нас ничего не было, просто ухаживал — и всё. А когда я понял, что больше не могу, то пошёл к её мужу просить руки его жены. У неё был замечательный муж, гораздо старше её, и звали его Альбертом Сокиным. Я ему в течение двух часов доказывал, что Ларисе со мной будет очень хорошо. Он не пил, а я взял бутылку водки, выпил её один и, как мне показалось, его убедил».

Во всяком случае, после их с Ларисой развода и до его смерти у нас с ним оставались очень хорошие отношения. Мы с ним вместе работали, и он нам очень помогал».

ЗАЛОГОВЫЕ АУКЦИОНЫ

До осени 1994 года рынок ценных бумаг в России был на подъёме. Руководство ГКИ любовалось на всё новые фондовые пики, строило дальнейшие планы разгосударствления и акционирования, готовилось пустить в продажу акции из госпакетов, закреплённых в госсобственности в нефтяных и иных,

в первую очередь, сырьевых отраслях. В состоянии эйфории оно было уверено, что удастся перечислить в бюджет намеченные от приватизации 9 трлн рублей.

Однако планам не суждено было сбыться. В конце осени фондовый рынок неожиданно рухнул. Тогда и появились разговоры, что не очень-то и хотелось, главное было — решить политические вопросы.

Поскребли по сусекам, но сделанные ранее обещания сусеки не обеспечили. В августе 1995 года ситуация для приватизаторов стала просто критической. А тут ещё были на носу выборы президента и Госдумы...

Подготовка проекта

Неожиданным для автора оказался рассказ одного из руководителей компании «Альфа-Капитал», говорящий о том, что подходы к такой ловкой операции искали и ранее.

Смолькин И.: *«В конце 1993 года, перед выборами в первую российскую Думу, был создан прообраз "семибанкирщины". Для этого понадобилась всего одна встреча, в которой участвовали Михаил Ходорковский, Михаил Фридман, Борис Березовский, Виталий Малкин, Александр Смоленский, Олег Бойко, Владимир Виноградов. Чубайс и Гайдар почувствовали, что они проигрывают выборы и попросили помощи. Однако банкиры мялись, не давая прямого ответа. Наконец, глава банка "Столичный" Александр Смоленский начал торг: "Что мы за это получим?" Гайдар ничего вразумительного не отвечал, и его мычание было остановлено ещё более конкретным вопросом: "Положите по 200 млн долларов в качестве депозитов в наши банки?" На этом и сошлись».*

Так в России определились главные банки: «Менатеп», Альфа-Банк, «Российский кредит», «Столичный», «Национальный кредит», Инкомбанк и Объединённый банк Березовского.

В 1995 году заместителем председателя Государственного комитета по управлению госимуществом, отвечающим за продажу объектов промышленности, был назначен Альфред Кох. Анатолий Чубайс тем временем стал одним из двух первых заместителей премьер-министра. Одновременно падала надежда на Ельцина как отца русской демократии — он перенёс два сердечных приступа, уровень его поддержки стремился к нулю. К тому же продолжалась чеченская война дестабилизировавшая обстановку в стране. В результате КПРФ по всем прогнозам должна была победить на декабрьских выборах в Государственную думу, а её лидер Геннадий Зюганов был основным претендентом на президентское кресло на выборах в 1996 году. Как говорится: «Всё пропало, снимают гипс!»

«Не надо забывать, — объяснял Борис Йордан, — что до переизбрания Ельцина все в этой стране, включая меня, боялись, что коммунисты вернутся. Не думаю, что они заглядывали намного дальше — прежде всего нужно было устранить коммунистическую опасность. Вот о чём они не думали — они не думали об экономике!»[1].

Чрезвычайно непопулярным у российских избирателей был в роли заместителя премьер-министра Анатолий Чубайс, игравший второстепенную роль в кабинете Черномырдина. *«Черномырдин держал в своих руках 50 процентов правительства, Сосковец — 40, а я — лишь 10 процентов. "Приватизация была практически остановлена", — вспоминал Чубайс»*[2].

Вот тогда и вспомнили о сделанном в марте предложении консорциума коммерческих банков («Менатеп», ОНЭКСИМ-банк, Столичный банк сбережений, Инкомбанк, «Возрождение» и АКБ «Международная финансовая компания») прокредитовать правительство под залог акций ряда предприятий. По воспоминаниям Дмитрия Васильева, схема была разработана Борисом Йорданом. Это подтверждают и другие свидетели. Вариант плана Владимира Потанина «займы в обмен на акции» был составлен на основе документа Йордана и Дженнингса[3].

Бочин Л. А.: *«Саму идею залоговых аукционов ради пополнения скудного бюджета страны выдвинул Владимир Потанин, возглавивший тогда ОНЭКСИМ-банк. Его поддержал первый вице-премьер Анатолий Чубайс, а курировал проведение аукционов глава Госкомимущества Альфред Кох.*

По правде говоря, ещё одним идеологом этой схемы являлся Борис Йордан, входивший в кабинеты главных приватизаторов и будущих олигархов без стука».

30 марта 1995 года Потанин с Ходорковским и Смоленским представили свои предложения, касающиеся механизма сделки. Заседание правительства длилось четыре часа, банкиры пообещали предоставить кредит в размере 9,1 трлн рублей, или 1,8 млрд долларов, под залог акций некоторых из крупнейших предприятий России.

По словам Владимира Потанина, альянс сформировался «недели три назад» до заседания правительства и насчитывал 9 банков. Однако сразу после этого объявления руководство одного из названных банков (Токобанк) опровергло своё участие в консорциуме. Ещё два банка (Внешторгбанк и Сбербанк) не проявили интереса к аукционам. Фактически же активными

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 352.

[2] Там же. С. 350.

[3] Там же. С. 348.

участниками аукционов стали 5 банков: ОНЭКСИМ-банк, «Менатеп», Инкомбанк, банк «Империал» и Столичный банк сбережений.

Бывший в то время начальником инвестиционного управления банка «Менатеп» Андрей Голубович вспоминает.

Голубович А. Д.: *«Про залоговые аукционы, как финальную стадию приватизации, можно рассказать многое и это будет уже картина абсолютно другого подхода к развитию рынка собственности в России. Начало этому, по-моему, было положено, когда Ходорковский накануне начала залоговых аукционов встречался с руководителем "Норильского никеля" и обсуждал возможность участия банка в его покупке. Не договорились, тем более что директор комбината Ходорковскому очень не понравился, т.к. вёл себя надменно, демонстрируя только одну цель — купить комбинат себе за деньги банка».*

Инициативных банкиров можно было понять: в июле 1995 года одна из самых выгодных схем получения лёгких денег — спекуляция на курсах рубля и доллара — стала невозможной. Банк России ввёл узкий «валютный коридор», в пределах которого доллар мог повышаться и понижаться. Надо было искать или создавать новые способы заработка.

«Реакция правительства на предложение была в целом доброжелательной. "Мы заинтересованы в участии отечественного капитала в инвестиционном процессе", — заявил премьер-министр Виктор Черномырдин. Однако министр финансов Владимир Пансков был сдержаннее. Он заявил, что ещё предстоят переговоры, в ходе которых будут определены конкретные детали проекта. <...>

Представитель ОНЭКСИМ-банка признал, что пока не проработан механизм использования государственных акций коммерческими банками. Банки не заинтересованы в том, чтобы бумаги лежали у них мёртвым грузом, но смогут ли они продать или перезаложить акции, пока неясно.

Кроме того, совершенно непонятно, как будут оцениваться передаваемые в залог акции. По мнению Михаила Делягина, наилучшим выходом был бы международный аудит. Но это займёт много времени и обойдётся в миллионы долларов. Поэтому, скорее всего, "цена" будет определена в ходе закрытых переговоров между банками и правительственными чиновниками. В этом случае нельзя исключить варианта, при котором стоимость принадлежащих государству акций будет занижена. Делягин предложил любопытный критерий для оценки обоснованности "цен" на закладываемые акции. Он считает, что если банкам передадут акции Газпрома, то, значит, цена сделки более или менее справедливая (газовая группировка во главе с премьером, скорее всего, не отдаст "свои" бумаги по дешёвке). Если же нет, значит, цены занижены»[1].

[1] Коммерческие банки нашли своего самого большого заёмщика // Коммерсантъ. 01.04.1995.

Отмечалось, что в 1996 году заканчивались сроки закрепления госпакетов многих акционерок. Среди них были ЮКОС, ЛУКОЙЛ, «Мечел», «Сургутнефтегаз», «Сиданко». Федеральный бюджет мог пополниться и от их реализации. В планах ГКИ в то время была и полная приватизация «государственных» финансовых институтов — Сбербанка, Внешторгбанка, совзагранбанков, Ингосстраха, Росгосстраха и др. Их бумаги для формирования лучшего спроса планировалось реализовывать по индивидуальным схемам.

И вот 31 августа 1995 года вышел Указ Президента РФ № 889 «О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности».

Бочин Л. А.: «*Когда мне на визу принесли проект этого указа, я отказался его визировать. Собственно говоря, это явилось ключевой причиной отстранения меня от руководства Антимонопольным комитетом России*».

«Александр Любинин, вице-президент банка "Российский кредит" и директор холдинга "Российский кредит", заявил, что банк никогда не присоединится к консорциуму, так как это не экономическое, а политическое дело.

Прохладно идея консорциума была встречена и Токобанком. Так, член правления Токобанка Борис Сергеев сообщил, что банк едва ли присоединится к консорциуму. <...> Также он заявил, что считает сделку с кредитом под залог принадлежащих государству акций "не совсем честной". Он пояснил, что, по его мнению, кредит не будет погашен и заложенные акции останутся в руках банков — членов консорциума, которые получат таким образом неоправданные преимущества.

Михаил Делягин, и.о. начальника экономического направления Аналитического центра при Президенте РФ, также усматривает политическую подоплеку в предложении группы банков предоставить кредит правительству. По его мнению, названные банки таким способом рассчитывают купить стабильность. Если кредит будет выдан на срок больший, чем осталось до президентских выборов, это будет означать, что банки окончательно "впрягаются в политическую упряжку нынешней правящей команды". В этом случае правительству, по мнению Делягина, стоит принять их предложение»[1].

В Госкомимуществе не отрицали, что закулисная подготовка к залоговым аукционам началась ещё летом 1995 года. *«Телефоны ГКИ раскалялись от звонков банкиров. Разговор был примерно такой: "Сергей даёт за акции $100 млн. А вы?" — "Мы $120 млн..." — "Олег предлагает 140". — "Нет, мы падаем — больше не потянем". Правда, как утверждают в Госкомимуществе,*

[1] Коммерческие банки нашли своего самого большого заёмщика // Коммерсантъ. 01.04.1995.

так определялись не победители аукциона, а начальная цена лота. Итоговая сумма, назначенная банками, держалась ими в строгом секрете»[1].

«Потанин привёл довод, оказавшийся для Чубайса убедительным. Он сказал, что план "займы в обмен на акции" устранит последствия компромисса, продлившего господство красных директоров. Потанин особенно хотел подорвать позиции Андрея Филатова, директора "Норильского никеля". Его ставшее легендарным влияние ощущалось повсюду, от тундры до Кремля. "Заявлять об этом при проведении аукционов было нельзя, так как это было недопустимо с политической точки зрения, — признавал позже Потанин, но истинная цель заключалась в том, чтобы обеспечить нормальное руководство для крупных компаний и уничтожить лобби красных директоров. Это было самым важным"»[2].

Вот только Владимир Олегович не добавил, что под «нормальным руководством» он подразумевает не совсем опытных финансистов, в частности, себя и Ходорковского. Впрочем, убеждать Анатолия Борисовича не было необходимости.

В процессе подготовки схема раскрепления государственных долей и продажи ценных бумаг неоднократно пересматривалась. Так появились новые интересанты, в т. ч. иностранные (впрочем, их желания были быстро отвергнуты усилиями Михаила Ходорковского и его заместителя, бывшего представителя России в Международном валютном фонде и Всемирном банке Константина Кагаловского, понимавших, что с ними трудно будет справиться административными методами). Кроме этого, было решено не рассматривать инвесторов, не имеющих необходимой кредитной схемы. По ст. 9 Закона о приватизации запрещалось участвовать в торгах юрлицам, доля государства в которых превышала 25%. Сильно ограничили доступ на аукционы по залогу эмитентам, чьи акции выставляются на тендер. Они могли купить не более 10% и то держать их должны были не дольше одного года.

Вроде всё выходило гладко. Всероссийский sale был готов к запуску. Всё для выборов, всё для победы!

А вот рассказ Чарлза Райана, создавшего тогда с Борисом Фёдоровым одну из крупнейших инвестиционных компаний России — UFG:

«По субботам Кох часто приезжал в свой офис, дверь которого была открыта. В спокойные дни Райан любил заходить туда, чтобы поболтать с не стеснявшимся в выражениях, вспыльчивым Кохом. Однажды в конце лета

---

[1] *Вранцева Е.* История одного залогового аукциона. Недолгая радость Инкомбанка // Коммерсантъ. 24.07.1996.

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 352.

1995 года во время такого разговора Кох, словно невзначай, спросил Райана: "Что вы думаете об ОНЭКСИМ-банке и банке "Менатеп"?"

Райан узнал, что Кох работает над приватизационной сделкой, которая навсегда изменит российский капитализм и российскую политику. На его столе лежала схема раздачи лучших промышленных предприятий России, самых прибыльных нефтяных компаний и самых богатых рудников, группе магнатов, являвшихся членами клуба на Воробьёвых горах. Первым в списке был Владимир Потанин из ОНЭКСИМ-банка, за ним шёл Михаил Ходорковский из банка "Менатеп". Кох с самого начала выбрал победителей, вспоминал Райан.

<...> Кредит, предоставленный государству в обмен на колоссальные запасы нефти и полезных ископаемых, подозрительно напоминал Райану закулисную раздачу собственности. Схема получила название "займы в обмен на акции".

— От этой идеи очень дурно пахнет, — говорил Райан Коху.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кох.

— Понимаете, Альфред, самое странное то, что виноваты будете вы. Вас сделают козлом отпущения за всё. Ведь это вы подписываете все документы.

— Неправда, — возразил Кох. — Всё, что я сделал, санкционировано Анатолием.

— Альфред, вы такой наивный. Через четыре года Чубайс будет занимать какую-нибудь престижную должность, а вы останетесь в дураках.

— Да пошёл ты! — закричал на Райана рассерженный Кох.

"Я ответил ему тем же, — вспоминал позже Райан. — История с предоставлением кредитов в обмен на акции положила конец моей дружбе с этими ребятами"[1].

Дмитрий Васильев также вспоминает: *«Я доказывал Чубайсу, что фигуранты этой истории потом долго будут ходить в прокуратуру. Но то, что произошло на самом деле, оказалось даже хуже, чем мы ожидали».*

Однако Чубайс был другого мнения. *«Я сразу понял, что любой ценой буду поддерживать это предложение, любыми силами. Схема залога автоматически делала покупателя нашим сторонником, давала приватизации новый толчок и хороший шанс выжить в сложнейшей политической ситуации. Вдохновляло также и то, что правительство отреагировало на эту идею более-менее позитивно...»*[2].

По словам Сергея Беляева, в тот момент председателя ГКИ, Чубайс сомневался лишь в том, что магнаты заплатят. «Он боялся, что банки обманут нас, — рассказывал мне Беляев. — Они могли взять пакеты акций и никаких денег не дать»[3].

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 351.

[2] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 194.

[3] *Хоффман Д.* Указ. соч. С. 349.

Многие руководители «подзалоговых» предприятий не были согласны со своей участью. Но было подготовлено чрезвычайно интересное обоснование, оправдывающее готовящиеся операции, они давались порой анонимно.

«Ряд положений этого документа ясно свидетельствует о том, что речь идёт о стратегическом наступлении крупных российских финансовых структур в их борьбе с иностранными инвесторами за российскую собственность. Любопытно, что некоторые эксперты считают такие инструменты финансового рынка, как ADR (American Depository Receipts) и GDR (Global Depository Receipts), "механизмом ухода рынка национальных ценных бумаг за рубеж". По некоторым оценкам, механизм ADR / GDR приносит выгоды в первую очередь не национальным финансовым институтам, а банковским и брокерским структурам развитых стран. Предоставляя же государству приватизационный кредит, российские коммерческие банки обеспечат условия для создания в России цивилизованного рынка ценных бумаг, на котором они смогут в долгосрочной перспективе зарабатывать деньги.

Консорциум банков, по замыслу его создателей, должен стать органом, который будет, во-первых, координировать контакты банкиров с госорганами, во-вторых, улаживать споры между банками-основателями и, в-третьих, посредничать между государством и структурами, не вошедшими в консорциум»[1].

В общем, полная идиллия, патриоты боролись с иностранным вмешательством.

Первоначально на аукционы планировалось выставить акции ЮКОСа, «Норникеля», Сибнефти, Братского ЛПК и ещё нескольких предприятий. Благодаря этому ГКИ рассчитывал выполнить задания по приватизации. Схемы по залогу оценивали в 2–3 трлн рублей. Продажа бумаг Связьинвеста в 1996 году должна была дать ещё 1, 5 трлн рублей. Кроме того, «по мелочи» должны собрать в федеральный бюджет: 500–700 млрд рублей от продажи земли, занимаемой предприятиями, и с региональных аукционов. 1–1,5 трлн рублей надеялись получить, продав госдоли 136 предприятий.

Но вот 25 сентября на основании Указа Президента РФ было подготовлено Распоряжение Госкомимущества № 1365-р, которым утверждался перечень выставляемых на залоговые аукционы из 44 предприятий, «самых разных отраслей промышленности»[2]. Акции некоторых из них высоко котировались на фондовом рынке, других ещё на внебиржевом рынке не было.

Через две недели список был сокращён до 29.

---

[1] Предложение консорциума банков правительству // Коммерсантъ-Daily. 05.04.1995.

[2] Ведомости // Коммерсантъ-Daily. 12.09.1995.

Бочин Л. А.: *«Каким-то образом этот список становится достоянием депутатов Государственной думы, которые выразили коллективный протест против списка».*

К ним присоединилась и Счётная палата. В результате ещё семь предприятий, в том числе важнейшие оборонные предприятия АО «ОКБ им. Сухого» (контрольный пакет в 51%), АО «Улан-Удэнское авиационное ПО» (пакет в 38%), АО «Арсеньевская авиационная компания «Прогресс» (контрольный пакет в 50% уставного капитала) были исключены из списка. Окончательный вариант, опубликованный 17 октября 1995 года, включал всего шестнадцать предприятий.

ГКИ разделила ответственность и для определения размеров пакетов, стартовых объёмов кредитов, сроков проведения аукционов в специальную аукционную комиссию включили также представителей Минфина, Российского фонда федерального имущества и ряда отраслевых министерств.

Аукционы. Итак, между 3 ноября и 28 декабря 1995 года состоятся 12 залоговых аукционов, на четыре объекта не окажется предложений.

Таким образом, за три недели государство передало в частные руки предприятия, формирующие пятую часть федерального бюджета и выдающие зарплату миллиону человек.

Эти мероприятия тщательно готовились — на них присутствовало несколько десятков журналистов, участвующих в настоящем театральном представлении.

«Режиссёром и исполнителем главной роли в этом действе был и.о. председателя ГКИ Альфред Кох. Со стороны могло показаться, что во время аукционов он переживал последствия алкогольной интоксикации. Он то отъезжал на кресле от стола, то снова подъезжал, то вдруг клал на стол локти — и они немедленно разъезжались в разные стороны. А иногда просто склонял голову к столу, словно засыпая. Но только доходило до дела, т.е. до вскрытия конвертов, мы видели Коха, готового к схватке с кем угодно и на 100% уверенного в себе. Он мог прямо в лицо сказать любому из участников, что его заявка снимается с аукциона только потому, что "так надо". И говорил... Как рассказывали позже знающие Коха люди, "интоксикация" и видимая самоуверенность главы ГКИ на деле означали, что он очень сильно нервничал. Потому что знал цену происходящему. Возможно, именно поэтому все участники действа — чиновники, банкиры, журналисты — играли свои роли с самым серьёзным видом. Вот вскрывается очередной конверт. Никому не известная фирма X хочет приобрести огромную нефтяную компанию. В зале сразу шорох: что за структура? Чья? С каким банком аффилирована? А как выглядит её конверт? И с какой стороны его будет разрывать аукционист? <...> тогда проблемы

внутреннего устройства конвертов обсуждались на полном серьёзе — слишком уж высоки были ставки»[1].

Впрочем, никто особенно и не стремился к правдоподобности — лишь на четырёх аукционах была зафиксирована борьба. И сумма обещанного кредита заметно превысила стартовую цену. На двух из них (где предметом залога были акции «Мечел» и «Новороссийского морского пароходства») цена, предложенная победителем конкурса, значительно превышала стартовую цену пакета акций (соответственно, на 166% и 51,3%). В остальных случаях названные победителями превысили её чисто символически — в большинстве случаев разница между ценами не превышала 6%, а в ряде случаев (например, по залогу акций «Норильского никеля», «Сибнефти», ЛУКОЙЛа и др.) стремилась к нулю. И пакеты акций оказались заложены по крайне низкой стоимости.

Отсутствие реальной конкуренции между банками-участниками объяснялось тем, что число участников каждого залогового аукциона было достаточно ограниченным (только в 1 аукционе было 4 участника, в остальных — только 2–3). Более того, во многих случаях эти участники прямо или косвенно являлись представителями одной и той же бизнес-группы и оба участника имели одного и того же гаранта, либо один из участников являлся гарантом остальных, ну, либо, наконец, оба участника являлись гарантами друг друга.

Но тем не менее триумфаторы подписали с Минфином договор и в обмен на кредиты получили в залог акции, а к ним и право голосовать на собраниях акционеров.

В ответ возникающие олигархи гарантировали правительству абсолютную политическую лояльность, клялись превратить «совковые заводы» в конкурентоспособные корпорации западного образца и обещали, что впоследствии они, подобно локомотивам, вытащат из кризиса всю российскую экономику.

Частные случаи и общие правила

Помня, что самое интересное оказывается в деталях, хотелось бы повнимательнее посмотреть на происходящее.

«Норильский никель». Идея проведения залогового аукциона с самого начала не нравилась руководителям предприятия, и они пытались (правда, безуспешно) либо уменьшить размер пакета, передаваемого в залог, либо увеличить его стоимость.

[1] *Башкирова В. Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 116.

И тем не менее 17 ноября Владимир Потанин получил желаемое — 38% акций металлургического гиганта «Норильский никель». При стартовой цене 170 млн долларов, Владимир Олегович снайперским ударом предложил аж 170,1 млн. За компанию, которая в 1995 году объявила о доходах в размере 3,3 млрд долларов и 1,2 млрд прибыли.

Из четырёх предложений три сделал победитель и его дочерние компании. В аукционе участвовали ОНЭКСИМ-банк (в качестве гаранта выступал АКБ «Международная финансовая компания»), ООО «Реола» (гарант — тот же АКБ МФК) и сам АКБ МФК (но гарантом являлся уже ОНЭКСИМ-банк).

Но надо было что-то делать с «чужаком», предложившим за тот же пакет 355 млн долларов. Им была «дочерняя» компания банка «Российский кредит» — «Конт».

Неслучайно же ОНЭКСИМ был назначен ответственным за проведение этого аукциона, он определял, какая заявка правильная, а какая нет. И А. Кох, принявший правила игры, вовремя «почувствовал что-то неладное», и вечером 13 ноября заседание Комиссии Госкомимущества отклонило заявку «Конта», обосновав это тем, что покупатель не имел надёжной банковской гарантии на предложенную им сумму. То есть тем, что собственные средства банка «Российский кредит», выступавшего гарантом ТОО «Конт» в рамках данного аукциона, были меньше стартовой цены лота.

Такое решение вызвало резкую негативную реакцию со стороны руководителей банка (в особенности президента банка Виктора Малкина и члена правления Бендзина Иванишвили (будущий Президент Грузии), который кричал Альберту Коху: «Мы всё это будем решать в суде!»). Как указывали в банке «Российский кредит», согласно балансам, объёмы собственного капитала МФК и ОНЭКСИМ-банка, заявки и гарантии которых были приняты, тоже были меньше 170 млн долларов[1].

По словам Малкина, *«хотя комиссия официально заявила, что собственные капиталы ОНЭКСИМ-банка и МФК составляют соответственно 700 млн и 300 млн долларов, в соответствии с оригиналами балансов, предоставленных комиссией по требованию нашего банка и ранее подтверждённых публикациями в прессе, собственный капитал за первое полугодие 1995 года у ОНЭКСИМ-банка был чуть больше 100 млн а у МФК — 50 млн долларов».*

Активность не прошла даром банку «Российский кредит», по словам Б. Иванишвили, после поднятой шумихи они столкнулись с валом различных проверок. *«В то время проходили выборы в Госдуму, [движение] НДР ["Наш дом — Россия"], лидером которого был премьер [Виктор] Черномырдин,*

[1] *Кацман Ю.* Игра с заранее известным результатом // Коммерсантъ Власть. 28.11.1995. № 44. С. 33.

провалилось. Это вызвало критику Ельцина, а один из членов тогдашнего Кабинета министров рассказывал мне, что, оправдываясь, Черномырдин назвал причиной неудачи на выборах наши выступления против залоговых аукционов и шум, который мы подняли в СМИ. И хотя я не могу утверждать, что было прямое указание Черномырдина, у меня сохранились все документы, подтверждающие, что буквально каждая контрольная структура, существовавшая тогда в России, в течение недели нанесла нам визит: валютный контроль, районная и городская налоговые инспекции, налоговая полиция, финансовый контроль, Центральный банк. И произошло это сразу после выборов. Наибольшую активность проявляла налоговая полиция — она проверяла банк больше года, но никаких нарушений не обнаружила. Тогда налоговая полиция начала давить на международного аудитора Arthur Andersen, выбивать из них документы на банк, в противном случае угрожая запретить работать в России»[1].

А ещё злые языки говорили, что ОНЭКСИМ на всякий случай изготовил не простой конверт, а с двойным дном, и вот за этим вторым дном якобы лежала заявка на $355,1 млн...

«Скорее всего, это был досужий вымысел. Но без таких эпизодов яркий спектакль превратился бы в заурядное зачитывание вслух решений правительства. А так — это была настоящая драма. Впрочем, как выяснилось чуть позже, кое-кому конец был известен заранее. Владимир Потанин, например, даже особо не скрывал, что ещё до аукционов "всё обговорил с Олегом Николаевичем" (Сосковцом, тогдашним первым вице-премьером и самым влиятельным госчиновником). Так что конкуренты могли делать конверты хоть с тройным дном — "Норильский никель" им бы всё равно не достался»[2].

ЮКОС. 26 ноября, в воскресенье, в московской гостинице «Славянская» прошла совместная пресс-конференция, на которой руководители Инкомбанка, «Российского кредита» и Альфа-Банка выступили с совместным заявлением, предложив перенести инвестиционные конкурсы и залоговые аукционы, аргументировав своё предложение необходимостью «доработки условий их (аукционов и конкурсов) проведения» специально созданной комиссией с участием представителей РФФИ, Госдумы, самого «Менатепа» или других банков.

Выступивший первым президент Инкомбанка Владимир Виноградов подчеркнул, что группа из трёх банков не выступает против самой идеи залоговых аукционов или инвестиционных конкурсов. По его словам, банки выступают против неравных условий, созданных для участников

[1] *Рожкова М.* Не думал, что стану миллиардером // Ведомости. 07.04.2005.

[2] *Башкирова В. Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 118.

нынешнего этапа приватизации. Владимир Виноградов так же настаивал на том, что «Менатеп» намерен использовать в ходе конкурса и аукциона ЮКОСа средства Минфина.

Михаил Фридман заявил, что ни у одного банка нет на счетах нужных свободных средств, требуемых для внесения залога, — они вложены в другие активы. А вот суммарные активы, капитал и прибыль трёх банков, по утверждению Михаила Маратовича, в несколько раз превосходили менатеповские[1].

В начале декабря 1995 года в газете «Коммерсантъ» было опубликовано интервью Михаила Ходорковского. Он рассказал, что «тройка» заключила с «Менатепом», «джентльменское соглашение»: *«Я имел личную договорённость с Фридманом о том, что, хотя мы и не можем согласовать свои позиции до конца, действовать будем в рамках приличия, не поливая друг друга грязью в средствах массовой информации. Мы эту договорённость выдержали: ни в одной статье, ни в одном своём заявлении мы не упоминали про Альфа-Банк. Имелась и устная договорённость с Виноградовым, по которой "Менатеп" продаёт Инкомбанку свои акции Бабаевской фабрики, а Инкомбанк корректно ведёт себя по приватизационным проектам, и, если где-либо наши интересы пересекаются, он делает ответный шаг — уступает»*.

Альфред Кох категорически возражал против любых переносов сроков залоговых аукционов, утверждая, что от их итогов зависит сохранность его головы. Вице-премьер Анатолий Чубайс в ответ на предложение консорциума проверить инвестиционную деятельность «Менатепа» на приватизированных предприятиях заявил, что проверить придётся всю четвёрку. А советник президента Александр Лившиц сообщил, что «война банков» производит «тягостное впечатление». Каждый из соперников, по словам Лившица, «успел побывать со своими доводами и в Кремле, и в Белом доме»[2].

Первый зампред правления «Менатепа» Константин Кагаловский объяснил эту активность противодействием Альфа-Банка, пытавшегося, по его словам, приобрести акции ЮКОСа для перепродажи за границу.

По словам «патриота» Кагаловского, некоторое время назад Альфа-Банк вышел на «Менатеп» с предложением перепродать ЮКОС некой американской компании, поделив прибыль пополам. «Менатеп» гневно отверг столь беспринципное предложение. По словам Константина Кагаловского, это было связано, во-первых, с тем, что банк изначально собирался приобрести

[1] *Башкирова В. Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

[2] Там же. С. 117.

ЮКОС для себя, а во-вторых, с нежеланием заслужить славу продавца отечественной собственности за рубеж[1].

8 декабря 1995 года на аукцион были выставлены 45% акций ЮКОСа, а ещё 33% — на инвестиционный тендер. Стартовая цена в обоих случаях составляла 150 млн долларов. Кроме того, победитель должен был пообещать инвестировать в компанию ещё 200 млн долларов.

Организатором торгов выступал банк Михаила Ходорковского «Менатеп». Интересы Михаила Борисовича представляли на аукционе его подставные компании — АОЗТ «Реагент» и АОЗТ «Лагуна», подконтрольные банку «Менатеп» (при этом банк при проведении аукциона выступал гарантом обеих компаний).

И здесь вмешались непрошеные гости — серьёзную заявку сделала группа из трёх банков — Инкомбанка Владимира Виноградова, Альфа-Банка Михаила Фридмана и «Российского кредита» Виталия Малкина.

Последний был раненым зверем, буквально за несколько недель до этого ему грубо щёлкнули по носу на аукционе по «Норильскому никелю».

Началось с того, что банковская тройка опротестовала требования банка «Менатеп», чтобы залоги участников аукциона были депонированы в этом банке. На этот раз А. Кох не стал спорить. Все средства стали депонировать в Банке России. Впрочем, банкирам требовалось внести 350 млн долларов, а сделать это не удавалось.

«Банкиры без особого успеха, зондировали почву среди иностранных инвесторов. Одним из инвесторов, к которому они обратились, был калифорнийский нефтепромышленник миллиардер Мартин С. Дэвис. Но банкиры не знали, что Ходорковский прибёг к силовым методам: он послал в Соединённые Штаты одного из своих топ-менеджеров, чтобы тот прямо заявил Дэвису, что российские законы в отношении иностранных инвестиций в схеме "займы в обмен на акции" в лучшем случае расплывчаты (о чём заранее позаботился Ходорковский), а в худшем случае, если дойдёт до суда, он может лишиться всего. Этот русский сказал Дэвису, что если он вложит деньги в конкурирующий консорциум, желающий приобрести ЮКОС, то он их потеряет. "Вы рискуете потерять 300 миллионов долларов", — объяснял посланец из России, и Дэвис решил не вкладывать деньги, а конкуренты Ходорковского так и не узнали о секретной миссии»[2].

Вместо наличных денег были предложены облигации ГКО на сумму 370,2 млн долларов и вдобавок к ним 82 млн долларов наличными. Но и Кох,

---

[1] *Баранов Г.* Банки предлагают отложить конкурсы и аукционы // Коммерсантъ. 28.11.1995.

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 355.

и Чубайс отвергли ГКО. Тем самым они практически заявили, что российское государство не примет в качестве залога при проведении аукциона свои собственные облигации.

Свою позицию по этому вопросу А. Кох выразил следующим образом: *«Интересная получалась ситуация: мы, государство, нуждаемся в деньгах, а нам предлагают наши же долговые расписки! Естественно, в приёме заявки мы отказали»*[1].

Теперь Ходорковский мог играть сольный концерт. Газеты по итогам «конкурса» написали: «*“Менатеп” вышел победителем в соревновании с самим собой»*.

«Спустя много лет руководитель одного из тех трёх банков сказал мне: “Ходорковский покупал ЮКОС на деньги ЮКОСа. Они не платили налоги и решили аккумулировать средства, а потом решить, что делать с налогами. Вот что нас злило, я бы даже сказал, бесило. Компанию просто украли”.

На это Ходорковский ответил: “У ЮКОСа в тот момент были долги по заработной плате, задолженность по заработной плате за шесть месяцев, у них вообще не было денег»”[2].

В результате компания «Лагуна» заплатит за 45% акций ЮКОСа 159 млн долларов, всего на 9 млн долларов больше стартовой цены. Ходорковский одержал победу и на инвестиционном тендере, предложив за 33% акций всего на 125 тыс. долларов больше стартовой цены, составлявшей те же 150 млн долларов.

«Сиданко». В тот же день, когда состоялся аукцион по продаже ЮКОСа, Потанин приобрел ещё одну нефтяную компанию, «Сиданко», получив 51% акций за 130 млн долларов.

И в это раз проиграет банк «Российский кредит», намеревавшийся подать заявку на участие в данном залоговом аукционе. Он потом распространит официальное заявление о том, что в последний день, отведённый для подачи заявок на участие, представители банка даже не были допущены в здание, где ОНЭКСИМ-банк вёл приём заявок на участие в залоговом аукционе по акциям нефтяной компании. Срок подачи заявок истёк и естественно, заявка банка «Российский кредит» не была принята[3].

Чтобы закрыть вопрос о хозяине. В начале февраля 1996 года банк «МФК —Московские партнёры» и Международная финансовая компания приобретут в вторичном рынке 15,03% акций АО «Черногорнефть», входя-

---

[1] Приватизация по-российски / под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999. С. 104.

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 357.

[3] Новый скандал не заставил себя ждать // Коммерсантъ. 06.12.1995.

щего в структуру нефтяной компании «Сиданко». Эта покупка была связана с тем, что после получения 51% акций «Сиданко» на залоговом аукционе в декабре 1995 года ОНЭКСИМ-банк не смог получить контрольного пакета акций «Черногорнефти». В связи с особенностями приватизации компании банку было передано лишь 37,75% акций. И вот теперь у банковской группы «МФК — ОНЭКСИМ-банк» оказался контрольный пакет акций нефтяного предприятия.

«Сибнефть». Аукцион по 51% акций «Сибнефти» был назначен на 28 декабря 1995 года.

В залоговом аукционе вместе с АКБ «СБС» (кредитор) участвовало ЗАО «Нефтяная финансовая компания» (НФК), выступавшая в качестве залогодержателя и комиссионера. Эта компания была учреждена контролируемыми Борисом Березовским и Романом Абрамовичем фирмами и зарегистрирована только 7 декабря 1995 года с уставным фондом 250 млн рублей.

Стартовая цена пакета была 100 млн, НФК выкупила его за 100,3 млн превысив минимальную на 0,3%.

Тягаться с ними попытался Инкомбанк (гарантом которого выступил Мосбизнесбанк), выставив ОАО «Самеко». Однако её более высокая заявка была отозвана.

Вице-президент Инкомбанка Сергей Калугин рассказал, что в случае с «Сибнефтью» банк привёз свои документы за 40 минут до конца регистрации, но долго выяснял с организаторами аукциона, что в документах банка не так.

«Сам регламент проведения аукциона, — говорит вице-президент, — был грубо нарушен комиссией. Конкурс начался на несколько часов позже установленного времени. Я по доверенности представлял интересы компании "Самеко", и комиссия ждала самолёта из Самары, которым должны были доставить отзыв моей доверенности на участие в аукционе, подписанный гендиректором "Самеко". Я показал членам комиссии документы, свидетельствующие, что подобное решение мог принять только совет директоров компании. Но они не захотели их смотреть. "Откуда взялся отзыв? Скорее всего, на гендиректора компании просто надавили"».

Версию об отсутствии у Инкомбанка денег Калугин назвал глупостью: *«Мы были уверены, что выиграем аукцион по "Сибнефти", поскольку поддерживали дружественные отношения с президентом "Сибнефти" и гендиректором "Ноябрьскнефтегаза" Виктором Городиловым. В 1994 году Инкомбанк дал Виктору Городилову около 30 млрд рублей на покупку акций своей компании, что позволило предотвратить покупку этого пакета крупнейшим швейцарско-американским банком CS First Boston. К тому же к началу аукциона "Ноябрьскнефтегаз" задолжал нам примерно 120 млрд*

рублей и 11 млн долларов. Что касается меня, — продолжает он, — так я был против участия в аукционе. Но руководство банка решило рискнуть»[1].

В 2011 году Роман Абрамович, в то время дававший показания в Высоком суде Лондона сообщил под присягой, что Борис Березовский и его партнёр Бадри Патаркацишвили «сговорились с другими участниками аукциона»: в итоге один из них (ЗАО «Тонус», подконтрольное банку «Менатеп») выставил более низкую цену, а второй (ООО «Самеко») отозвал свою заявку.

Отвечая на вопросы адвоката Березовского Лоуренса Рабиновича, Абрамович подтвердил, что истец мог договориться с банком «Менатеп» Михаила Ходорковского о том, что последний подаст заявку чуть ниже предложения Нефтяной финансовой компании (НФК): «Березовский и Ходорковский вполне могли об этом договориться. Но все документы по заявке готовил Кагаловский», являвшийся тогда вице-президентом «Менатепа».

Ключевую роль в отзыве заявки сыграл Бадри. «Его роль была бесценной в том, что касалось отзыва заявки «Самеко», — добавил Абрамович и отметил, что если бы «Самеко» не отозвала заявку, ему пришлось бы выложить за «Сибнефть» не менее 217 млн долларов, которых у него на тот момент не было.

Р. Абрамович также сообщил, что сам он направился в Самару лишь после того, как Патаркацишвили «договорился» с «Самеко»: *«Основные переговоры были проведены до моего приезда, но после пришлось ещё доделать документы. Без Бадри Патаркацишвили ничего бы не получилось»*[2].

Таким образом, Роман Абрамович в Высоком суде Лондона признал, что залоговый аукцион по «Сибнефти» был фактически фикцией.

Когда Инкомбанк пытался обжаловать результаты аукциона, Б. Березовский и А. Смоленский инициировали его проверку и кампанию в прессе, чуть было не закончившуюся доведением его до банкротства.

А ещё приобрели на залоговых аукционах пакеты акций своих компаний, ЛУКОЙЛа и «Сургутнефтегаза», соответственно Алекперов и Богданов. Сургутский аукцион стал особенно ярким примером того, как идеалы Чубайса — открытость и конкурентность — игнорировались на практике. Сургутское руководство заранее предупредило чужаков, чтобы те не участвовали в аукционе. В день проведения аукциона аэропорт в Сургуте был закрыт,

---

[1] *Вранцева Е.* История одного залогового аукциона. Недолгая радость Инкомбанка // Коммерсантъ. 24.07.1996.

[2] *Оверченко М., Дмитриенко Д.* Абрамович признал, что аукцион по «Сибнефти» был фикцией // Ведомости. 02.11.2011.

чтобы другие претенденты не могли прилететь и купить часть компании. Они и не купили[1].

Бочин Л. А.: *«В залоговых аукционах участвовали Новокузнецкий алюминиевый завод стоимостью около 1 млрд долларов США, который продали за 10 млн рублей»*[2].

Послевкусие аукционов. Так благодаря этим аукционам в России в ускоренном порядке были созданы частные финансово-промышленные империи, по масштабам не уступающие крупнейшим западным корпорациям.

Созданная в начале 1995 году Счётная палата РФ уже во второй половине того же года дала свою оценку залоговым аукционам в ходе первой комплексной проверки деятельности органов приватизации: Госкомимущества России, Российского фонда федерального имущества и Федерального управления по делам о несостоятельности (банкротству).

Внимание должностных лиц было обращено на принципиальное отсутствие нужды в проведении залоговых аукционов, так как сумма кредитов, полученных от передачи федерального имущества в залог, была эквивалентна сумме «временно свободных валютных средств федерального бюджета», размещённых в это время Минфином России на депозитных счетах коммерческих банков.

К тому же общая запланированная сумма кредита по всем заключённым договорам составила только 3,57 трлн рублей, или 1,85% от доходов федерального бюджета за 1995 год. Учитывая, что выполнение плана по доходам федерального бюджета 1995 года составило 106% (при общем дефиците в 48 трлн рублей), решающего значения для покрытия дефицита эти кредиты не сыграли.

Как утверждал бывший заместитель председателя Счётной палаты Юрий Болдырев, *«несмотря на противодействие президента (накладывавшего вето на соответствующий закон) и его команды»,* Счётная палата провела изучение механизма залоговых аукционов и констатировала: *«Было установлено главное: не просто отдельные нарушения закона, а принципиально притворный характер сделок».*

С самого начала аукционов злые языки утверждали, а Юрий Болдырев это подтверждает, что победители для выдачи кредита правительству использовали не свои, а как раз государственные деньги, одолженные банкам под мизерный процент.

---

[1] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 359.

[2] *Бочин Л.А.* Никогда такого не было, и вот опять... (некоторые воспоминания о конкуренции в России). М.: Прогресс-Традиция, 2019. С. 148.

Естественно, Счётной палатой была запрошена информация по всем депозитам в коммерческих банках на период проведения залоговых аукционов. Однако, несмотря на неоднократные обращения к первому заместителю министра финансов А. П. Вавилову, а также на обращение в адрес бывшего во время аукционов министра финансов аудитора Счётной палаты В. Г. Панскова, в предоставлении информации было отказано.

В результате появилось обращение Счётной палаты РФ к Генеральному прокурору РФ по фактам притворных сделок с залогово-кредитными аукционами (Исх. № 02-402/04 от 26 августа 1996 года), в котором, в частности, говорилось:

«На период проведения залоговых аукционов в ноябре — декабре 1995 года Министерством финансов РФ на депозитных счетах в российских коммерческих банках было размещено 603,739 млн долларов США "временно свободных средств федерального бюджета", что практически эквивалентно общей сумме кредита, поступившей в федеральный бюджет в 1995 году от залоговых аукционов. Более половины этих средств (337,1 млн долларов США) было размещено в трёх коммерческих банках, ставших победителями в пяти залоговых аукционах. По депозитному соглашению от 15 сентября 1995 года Министерством финансов РФ в нарушение установленного порядка по заниженной процентной ставке в коммерческом банке "Менатеп" было размещено 50 миллионов долларов США. Минимальный ущерб, нанесённый государству этой сделкой, оценивается суммой более 1 млн долларов США. <...>

Комиссия по проведению залоговых аукционов проигнорировала Письма Центрального банка РФ от 16 ноября 1995 года № 1-10/1497 и Министерства финансов РФ от 15 ноября 1995 года № 5-0304 и принимала заявки на участие в аукционах от компаний, использующих для этого средства, более чем в два раза превышающие их уставной капитал»[1].

Отношения к прошедшим аукционам всегда зависело от места, занимаемого рассказчиком в те драматические дни. Но негативные мнения превалируют, как в России, так и за рубежом.

Экономист из Европейского банка реконструкции и развития Джоэл Хеллман, позже назовёт эти аукционы «захватом государства», имея в виду, что предприниматели, промышленные и финансовые круги совершили переворот и "захватили" власть»[2]

Один из лидеров биржевого движения также ультимативен.

---

[1] *Болдырев Ю.* О бочках мёда и ложках дёгтя. М.: Крымский мост, Форум, 2003. С. 51.

[2] *Хоффман Д.* Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007. С. 353.

Милюков Ю. А.: *«Как нормальные люди должны относиться к жульничеству? Говорят, всю финансовую часть схемы придумал Миша Ходорковский. Он как хороший финансист просчитал, что валоризация этой сделки была равна нулю. Сейчас объясню, каким образом. Банки дали правительству деньги, причём кредиты были достаточно короткими, около года и меньше. Дальше стояла задачка удержать в правительстве ту группу, которая не вернула бы кредиты. Опять же, говорят, под эту тему в правительство пришёл Потанин.*

Затем произошёл дефолт по этим кредитам. Другой фокус заключался в том, что по нормальным правилам не должник обязан расплатиться залогом, а залог должен быть выставлен на торги. Если бы правительство сделало это с одним "Норникелем", то могло бы получить миллиарды — и из этих денег спокойно расплатиться по кредитам. Но нет: кредитные договоры были составлены таким образом, что в случае неуплаты банки получали напрямую акции предприятий без всяких торгов. Но это ещё не совсем грабёж. В конце концов, если бы банки прокредитовали правительство за свои деньги, это одно. Но самое интересное в том, что правительство тогда не имело казначейства. Огромные текущие средства из бюджета размещались на счетах в аккредитованных частных банках. Так они выдали правительству кредиты за счёт средств правительства. Отсюда и валоризация сделки в области нуля».

Бочин Л. А.: *«Ещё раз подчеркнём финансовую составляющую залоговых аукционов. По сути дела, Министерство финансов России свои свободные средства в объёме, равном предстоящему коммерческому кредиту, предварительно разместило на счетах "своих" коммерческих банков, которые были участниками аукционов. По мере проведения аукционов эти средства были просто возвращены Правительству России, но уже как коммерческий кредит частных российских банков под залог федеральной собственности. Вот это, по сути дела, явилось аферой века, и комментировать её далее не представляется целесообразным. Возражения ГКАЛ касательно залоговых аукционов предопределили мою дальнейшую "карьеру" антимонополыцика. Сказать, что я не понимал последствий этих действий, было бы неправильно. Но тогда принципиальность и поддержка команды, которая была со мной почти 7 лет, некоторый драйв и ответственность перед будущим перевесили интерес к сохранению кресла министра...»*

1 сентября 1996 года истёк срок залогов. Так как в бюджете на 1996 год средств на погашение по договорам кредита предусмотрено, естественно, не было, но ясно, что о передаче акций в залог речь и не шла, в конце 1995 года происходила продажа акций, фактически бесплатное присвоение эффективно работающих объектов государственной собственности.

После президентских выборов главный идеолог аукционов Владимир Потанин стал первым вице-премьером. «Справившийся» с проведением операции Альфред Кох, повышенный до первого зампреда ГКИ, заявил 4 сентября 1996 года, что срок залога истёк и залогодержатели вольны делать с акциями всё, что угодно.

Народ, как и положено, безмолвствовал.

Только один эпизод несколько смутил победителей.

«История с болезнью Ельцина и указом о передаче полномочий вызвала настоящую экономическую революцию. Сергей Глазьев, известный своими странными экономическими идеями, решил, что Совет безопасности для начала должен захватить контроль над госпакетами акций, отданными в залог банкам. Президент в ответ поручил подготовить предложения о судьбе заложенных акций одновременно Виктору Черномырдину и Александру Лебедю. Столкнувшихся лбами политиков сможет рассудить только Анатолий Чубайс, который впервые выступит в роли верховного арбитра на экономическом ринге. В любом случае чрезмерная смелость СБ чревата негодованием банковских кругов и общественности.

Лебедь направил Ельцину предложение перенести срок продажи заложенных акций с 1 сентября 1996 года на 1 марта 1997 года. Вот что тут имеется в виду. Поскольку государство банкам кредит не вернуло (да и не собиралось), с 1 сентября, согласно залоговому договору, банки вправе заложенные госпакеты продать. Продав, они, естественно, возвращают себе кредит, а всё, что удалось выручить сверх того, делится так: 30 % — банку, 70 % — государству.

Лебедь указал, что сейчас банки, как надо, эти акции не смогут продать, а вот потом их продажа пакетами по 10–15 % от капитала при грамотном проведении торгов по всем правилам международных тендеров с участием реальных стратегических и финансовых инвесторов» позволит «получить дополнительно в доход госбюджета десятки триллионов рублей». В общем, Лебедь решил сразу сыграть по-крупному, затронув жизненно важные финансовые интересы банков. Достаточно сказать, что банки, получившие в залог акции ЮКОСа и «Сиданко», не пожалели денег, чтобы докупить ещё и стать обладателями контрольных пакетов. Когда мы вчера связались с представителями этих банков, они от комментариев воздержались, но довольно твёрдо дали понять, что их реакция на смелость Лебедя может быть только отрицательной.

В письме Лебедь выражает готовность подготовить собственные предложения по правилам проведения залоговых аукционов, а также требует впредь согласовывать эти правила с ФСБ и Службой внешней разведки, которые «способны дать ценные замечания» по поводу того, как аукцион проводить.

«Однако Администрация Президента быстро показала Глазьеву и Лебедю, что одной смелости в России недостаточно. Президент поручил премьер-министру Виктору Черномырдину и секретарю Совета безопасности Александру Лебедю "совместно поработать над проблемой залоговых аукционов и доложить проект решения к 1 октября 1996 года"»[1].

Столь неожиданный всплеск любви к Родине у генерала после подписания 31 августа Хасавюртовского соглашения не имел серьёзных последствий. Прогиб не был зачтён, 17 октября Александр Иванович будет отправлен в отставку.

Бочин Л. А.: *«Интересная деталь — в результате кредитов правительству банки стали владельцами акций крупных компаний, и с правовой точки зрения нарушений не было, пока не вступила в законную силу первая часть Гражданского кодекса, при которой кредитор мог получить в счёт своих средств часть стоимости заложенного имущества, а не само имущество. Для этого должны были проводиться повторные залоговые аукционы, но уже публично. Именно поэтому схема была искусственно усложнена. В дополнение к договору займа и залога заключался договор комиссии. Правительство поручало победителю аукциона продать акции компании. Таким образом, залогодержатель становился одновременно комиссионером. Это было придумано, чтобы избежать судебных взысканий.*

Появилась возможность передавать право заключения договора комиссии аффилированным компаниям... Таким образом, продажу акций осуществлял не сам банк. По существу, кредитные учреждения сами себе продавали ценные бумаги».

И всё-таки нас в данной книге интересует другое — как эти аукционы повлияли на развитие фондового рынка. Есть точка зрения, что влияние это весьма позитивно.

«Во-первых, акции предприятий не попали на открытый рынок и спасли его от обвала. Во-вторых, крупные, а в большинстве случаев контрольные пакеты акций оказались в руках серьёзных финансовых структур, которые смогут выправить положение дел на предприятиях, увеличить их рентабельность, что в конечном итоге приведёт к резкому росту курсовой стоимости их акций»[2].

Частично с этим согласен мой собеседник Андрей Голубович.

Голубович А. Д.: *«Именно залоговые аукционы фактически положили начало современному фондовому рынку, потому что ценные бумаги, наиболее активно сегодня торгуемые, — это акции частных компаний, прошедших через такие аукционы.*

---

[1] *Багров А.* Совет безопасности положил глаз на пакеты и банки. Новая концепция залоговых аукционов // Коммерсантъ. 21.09.1996.

[2] Фондовый рынок — обзор // Коммерсантъ. 26.12.1995.

Однако иностранные инвесторы ошиблись в оценках перспектив российского фондового рынка 1990-х — они думали, что у нас повторится картина Восточной Европы и выстроится настоящий рынок акций, когда ценными будут и совсем малые пакеты, а у нас получился рынок контрольных пакетов, роль же миноритариев до сих пор минимизирована.

Расчёт Сороса и подобных ему инвесторов был на то, что основные пакеты купят иностранцы и управление будет цивилизованным, по западным стандартам, то есть через советы директоров, с учётом интересов миноритариев. Во всяком случае контроль не будет так жёстко централизован олигархами. Но ни о каких интересах миноритариев никто в Правительстве России и не собирался думать, за исключением, пожалуй, Д. Васильева, занимавшего в конце 1990-х должность главы ФКЦБ. Поэтому выгодно продать зарубежным промышленным гигантам купленные в России акции нефтяных и металлургических компаний иностранным инвестиционным фондам не удалось».

Нет смысла делать здесь выводы, все интересующиеся давно уже для себя сформировали мнение. Но всё-таки история залоговых аукционов относится к истории рынка ценных бумаг лишь косвенно, в 1995 году был заключён политико-экономический договор президента и правительства с группой бизнесменов, именно тогда ставших в полной мере олигархами. Накануне президентских выборов 1996 года, когда рейтинг президента упал практически до нуля, Борису Николаевичу требовались твёрдые гарантии лояльности ключевых людей и внебюджетные средства для мощнейшей кампании «Голосуй или проиграешь!» И он их получил.

И действительно, как однажды признался Владимир Потанин московским журналистам: *«Возьмите нас или "Менатеп". Потеря собственности — это последнее, на что мы согласимся»*[1].

Важное заявление не только для того времени.

ЛИТЕРАТУРА, ФОРМИРОВАВШАЯ УЧАСТНИКОВ ФОНДОВОГО РЫНКА (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

Хотелось бы отдельно отметить чем вдохновлялись будущие брокеры, регуляторы, биржевики и др., откуда они черпали первую информацию о фондовом рынке, ведь специальных знаний в конце 1980-х — начале 1990-х годов катастрофически не хватало даже тем, кто обучался на экономических факультетах университетов.

[1] Цит. по: *Башкирова В.Б.* Герои 90-х. Люди и деньги: Новейшая история капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 17.

Сафарян И. А.: *«В 1989 году, когда я начинал, в СССР кроме трилогии Драйзера о бизнесе нечего было найти. Перечитав её, мне захотелось глубже постигнуть секреты бизнеса».*

Александр Мецгер признаётся, что *«на первых порах моё понимание процессов акционирования сводилось к детской книжке писателя Николая Носова "Незнайка на Луне". Смешно сказать, но маленькая, но целом верно описанная сюжетная линия в этом произведении уже давала определённое преимущество перед менее "начитанными" участниками рынка!»*

Юрий Юдин во Владивостоке изучал *«замечательную, но очень старую книгу начала XX века "Техника банкового дела: справочная книга и руководство к изучению практики банковых и биржевых операций" Бруно Бухвальда».*

Готовя диссертацию по ценным бумагам Игорь Редькин также изучал, в основном дореволюционную литературу.

Редькин И. В.: *«Российская дореволюционная литература по ценным бумагам была очень "продвинутой" для своего времени. В частности, потрясающими были работы Н. О. Нерсесова и М. М. Агаркова — это нетленная классика отечественной цивилистики.*

Достать же в Екатеринбурге литературу по ценным бумагам на английском языке — задача была не из лёгких. Хотя библиотека Уральской юридической академии была весьма хорошей, и мне удалось найти приличную американскую книгу по контрактному праву (Contract Law), где был большой раздел по оборотным документам (чеки, векселя и др.). Я разобрался и написал целый реферат по этой теме».

В начале 1990-х годов стала появляться первая отечественная литература.

В закрытом НИИ под опекой ГРУ занимался укреплением обороноспособности нашей страны и анализом американской экономики и её финансовой системы Дмитрий Будаков.

Будаков Д. Ю.: «*В НИИ была потрясающая библиотека. Раз в неделю мне поступали каталоги крупнейших зарубежных издательств, и если мне нужна была какая-то книга, по интересующей меня тематике, то я её заказывал, и уже через 3 дня она лежала у меня на столе. А так как я хорошо знал английский язык, то прочитал тогда очень много полезной литературы. Тогда по этим книгам я познакомился с ценными бумагами, паевыми фондами. Тогда же мы и решили заняться книгопечатанием. Мы — это я и мои однокурсники по Московскому финансовому институту — Саша Яровой, Ираклий Кавеладзе и Андрей Козлов. Мы стали переводить, компилировали добытые мной книги, в основном по тематике "рынок ценных бумаг и банковский бизнес", и выпускали их. В 1990 году этой литературы (особенно переводной) ещё не было, а желающих получить такую информацию стало уже достаточно — коммерческие банки росли как грибы. Для продажи книг мы*

открыли коммерческую структуру "Эко-консалтинг", в рамках советско-американского предприятия "Крокус Интернешнл". Издали мы около 15 книг, небольшими тиражами — не больше 1000 экземпляров, но продавалась каждая книга в цене 200–250 долларов. Благодаря этому бизнесу я и мои коллеги получили первые капиталы».

В компании «Эко-консалтинг» у Андрея Андреевича, только что распределившегося на работу в Госбанк СССР, была должность старшего эксперта. В архиве Андрея Козлова сохранился неполный список (на 27 августа 1990 года) разработок НЭО «Эко». Среди них: «Практическое руководство по инвестированию», «Настольная книга диллера» (так в оригинале), «Настольная книга мелкого бизнесмена», «Финансовый менеджмент в американской фирме», «Финансовая деятельность американской корпорации».

Кавеладзе И. Т.: *«Мы тогда наняли несколько аналитиков, редакторов и корректоров. Сами работали ежедневно с 10 до 23 часов. Андрей был фактически выпускающим. Я занимался оперативной деятельностью, организацией книгопечатания и маркетингом. Размещали мы и рекламу книг, для этого договорились с газетой "Известия". Сбросившись, мы набрали денег на оплату объявления только в московском выпуске. Для того чтобы клиенты могли звонить по вечерам, дали вторым номером мой домашний. В редакции же перепутали и разместили нашу рекламу в обоих выпусках. В результате долгое время я ночами не спал, мне круглые сутки звонили бизнесмены нашей необъятной родины. Книги стоили до 1000 долларов. Мы продавали комплекты с дискетами, для того чтобы покупатель мог распечатать книгу в нужном количестве экземпляров. Покупателей каждого издания было по несколько десятков. В итоге мы разбогатели (деньги делили по-братски, поровну). Когда пошли большие тиражи, цена на книги резко была снижена. За полтора года у меня появилось около 70 тыс. долларов, которые я потратил на учёбу за границей».*

Признанной многими будущими профучастниками фондового рынка «Библией», по которой участники рынка осваивали первые азы будущей профессии была книга Бориса Алёхина «Рынок ценных бумаг. Введение в фондовые операции», изданная в 1991 году.

Ячник О. Е: *«Её я проглотил буквально за два дня. Впрочем, как использовать новые знания было непонятно — ценных бумаг в стране фактически ещё не было».*

Среди пионеров издания литературы о фондовом рынке был и Александр Агеев, в 1987 году окончивший аспирантуру ИМЭМО (одновременно с Владимиром Миловидовым). Круг экономистов-международников в то время был осведомлён в рыночных механизмах лучше, чем их коллеги иных специализаций. Сектор, в котором работал А. И. Агеев, занимался изучением зарубежного опыта управления, поэтому молодому учёному удалось пройти

стажировку в США. В качестве общественной нагрузки он выбрал участие в работе Ассоциации молодых предпринимателей. В её активе были известные тогда Марк Масарский, Константин Затулин. Впрочем, к слову «предприниматель» тогда ещё не привыкли и звучало оно несколько подозрительно, поэтому в конце концов организация была переименована в Ассоциацию молодых руководителей предприятий.

В 1990 году Институт экономических стратегий, созданный Александром (существующий и сейчас) подготовил свои первые учебники по фондовому рынку и товарным биржам. Кроме того, им был создан четырёхчасовой видеокурс по биржевым операциям (в него входило несколько пособий по организации и функционированию брокерских фирм, по методике поведения на бирже, по проблематике выхода на биржу государственных предприятий и словари специальных терминов общим объёмом 700 страниц)

В то время путь до прилавков был не близок, поэтому сборники «Создание и деятельность акционерных обществ» (нормативные документы, образцы уставов советских и зарубежных обществ, различные нюансы акционерной работы) и «Биржевые операции» (Материалы по созданию и функционированию товарных и сырьевых бирж, брокерских компаний, ведению биржевых операций, биржевым терминам и поведению на бирже) вышли только в 1991 году.

Тогда же совместно с Московским брокерским домом «СА. И Ко» были подготовлены пособия: «Акционерные общества», «Товарная биржа в действии», «Введение в биржевые операции с фьючерскими сделками и опциями»

Команде ИНЭСа тогда же провели в Норильске и Одессе трёхдневные интенсивные курсы по фондовому рынку, где Александру Агееву приходилось рассказывать, что такое акции и каких видов они бывают.

Прослушав лекции Бориса Алёшина, тогда же подготовил серию своих книг о фондовом рынке и об акционерных обществах Игорь Сафарян.

В эти годы вышло ещё несколько книг и брошюр, которые оставили свой след в истории рынка ценных бумаг.

В начале 1991 года в издательстве «Финансы и статистика» вышла брошюра (64 с.) Виктора Агроскина «Что такое фондовая биржа. Торговля акциями. Понятийный минимум». Предисловие к нему (по словам Виктора, добился он этого обманом) сделала Белла Златкис.

В том же году в издательстве Московского университета в 1991 году вышла «Карманная книга брокера», быстро ставшая библиографической редкостью. Её автором был профессор МГУ, доктор экономических наук, параллельно учивший первых специалистов на МТБ, «Рослесбирже», РТСБ, Тюменской ТФБ и ряде других товарных бирж Камиль Всеволодович Иванов.

Серию книг «ФБ —Финансы и бизнес» в 1991 году начал издавать Алексей Голубович в созданном им издательстве «Менатеп-Информ».

Наконец, в 1992 году появится и первый отечественный фундаментальный курс по фондовому рынку «Рынок ценных бумаг» Михаила Алексеева, подготовленный ещё в 1991 году (подписан к печати 27.07.1992).

Ну и стоит отметить, что в 1992 году начал выходить журнал «Рынок ценных бумаг». Его учредителями стала компания «Аналайз», к которой через год присоединились компании ОЛМА и «Грант».

Кроме того, редакция журнала в конце 1992 года выпустила и книгу «Бизнес на рынке ценных бумаг. Российский вариант».

Коланьков А. В.: *«Дерзость с нашей стороны была несусветная. Ведь реального собственного опыта тогда было почти ноль. Но книга разошлась тиражом 10 тыс. экз. и свою роль сыграла, потому что подавляющее большинство наших партнёров и просто людей, думающих, каким бизнесом заняться, знали про фондовый рынок тогда ещё меньше нас».*

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ (1991–1996 ГОДЫ)

1991

Август — Евгений Сабуров представил в Правительство РСФСР, возглавляемое Иваном Силаевым, проект Временного положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР. Утвердить и ввести в действие его предлагалось с 1 октября 1991 года.

Сентябрь — принято решение о создании первой в РФ инвестиционной компании — Российского инвестиционного акционерного общества (РИНАКО).

9 сентября — вышло Письмо Банка России № 14–3/30 «О банковских операциях с векселями». В нём указывалось, что взимание гербового сбора по операциям с векселями осуществляется в размере, установленном Постановлением Совета министров РСФСР от 8 февраля 1991 года «О ставках гербового сбора по операциям с ценными бумагами».

17–18 сентября — состоялась Ассамблея биржевых и торгово-коммерческих структур России. Её организационный комитет возглавил Геннадий Семигин, зампредседателя был Анатолий Левенчук.

18 сентября — прошёл Учредительный съезд Российского биржевого союза.

26 сентября — за год с небольшим после выхода постановления Совета министров СССР об акционерных обществах, принятого 19 июня 1990 года, в Единый государственный реестр акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью Министерства финансов СССР было внесено 1432 общества, из которых 402 были основаны на акционерной форме собственности. Суммарный уставный фонд акционерных обществ составил 23 906,2 тыс. рублей, а обществ с ограниченной ответственностью — 1224,4 тыс. рублей. Большинство акционерных обществ созданы на базе крупных государственных предприятий в сфере промышленности и строительства как общества закрытого типа, не предлагающие свои акции в открытую продажу всем желающим. Руководители многих государственных предприятий не спешили с выпуском акций в открытую продажу, ибо опасались утраты контроля над собственными хозяйствами.

1–3 октября — прошла Ассамблея участников рынка ценных бумаг. На ней обсуждалась судьба российского фондового рынка. Ставилась задача разработки его концепции в условиях широкомасштабной приватизации и акционирования. Сопредседателями этой секции выступили вице-президент АО «Фининвест» Виктор Побединский и уже известный нам Игорь Сафарян.

17–18 октября — в Харькове состоялся Учредительный съезд Межрегиональной гильдии брокеров. Возглавил гильдию Игорь Сафарян.

29 октября — учреждена Российская фондовая биржа. Её учредителями стали крупнейшие брокерские фирмы, имеющие опыт фондовой торговли на РТСБ — «Брок-Инвест-Сервис», «Интерком», «Саттаров и Ко», «Когнито», «Московские финансы», «Фининвест». Среди учредителей было более 400 акционеров РТСБ. Уставный фонд биржи — 160 млн рублей.

31 октября — начались регулярные торги на Московской международной фондовой бирже (зарегистрирована 5 ноября 1998 года).

18 ноября — Инкомбанк начал принимать заявки на приобретение своих валютных сертификатов.

21 ноября — образована Межрегиональная гильдия брокеров (МТБ). Членами её правления стали президенты региональных штаб-квартир: И. А. Сафарян, Р. Х. Туишев (Ростов-на-Дону, фирма «Автаркия»), Г. А. Барщевский (Пермь, фирма «СИГМА»), Г. А. Солдатенко (Алма-Ата, фирма «Кросс-Брок»), а также: Е. П. Микулинский (Комитет по методологии информатики и средств связи МБС и Ассоциации брокеров Украины), Л. Н. Ермолина (пресс-директор «Брок-Инвест-Сервиса») и И. Б. Живихина (назначенная исполнительным директором МТБ).

26 ноября — заместителем председателя Госкомимущества назначен Д. В. Васильев.

28 ноября — выпустил в обращение первую партию валютных сертификатов Всероссийский биржевой банк. 29-го он провёл первый альтернативный валютный аукцион, на котором средний курс рубля достиг беспрецедентной отметки — 124,387 рубля за доллар.

Декабрь — отменена статья Уголовного кодекса о предпринимательской деятельности как уголовном преступлении;

— А. А. Козлов перешёл в Центральный банк РФ, и стал начальником отдела ценных бумаг, в Управлении эмиссионно-кассовых операций Банка России, которым руководил Александр Леонтьевич Зинченко (тогда — заместитель председателя и директор департамента). Численность отдела в то время — 3 человека).

4 декабря — Внешэкономбанк СССР объявил о приостановлении выплат по долгам СССР на неопределённый срок. Банк возобновил свою деятельность спустя три года — после выхода Указа Президента России «О некоторых вопросах деятельности Банка внешнеэкономической деятельности СССР». Согласно ему, банк официально стал государственным финансовым институтом, специализирующимся исключительно на обслуживании внешнего долга и активов бывшего СССР.

12 декабря — принят Закон Российской Федерации № 2023-1 «О налоге на операции с ценными бумагами». Плательщиками налога стали эмитенты ценных бумаг. Объектом налогообложения была номинальная сумма выпуска ценных бумаг, заявленная эмитентом.

Налог на операции с ценными бумагами взимался по следующим ставкам:

при регистрации проспекта эмиссии ценных бумаг в размере 0,5 % номинальной суммы эмиссий. При этом эмитент, осуществляющий первичную эмиссию ценных бумаг, уплачивал налог в виде платы за регистрацию проспекта эмиссии. В случае отказа в регистрации проспекта эмиссий налог не возвращался;

при покупке государственных ценных бумаг в размере 1 рубля с каждой 1000 рублей;

при заключении договора купли-продажи ценных бумаг с каждого участника сделки ценных бумаг в размере 3 рублей с каждой 1000 рублей.

17 декабря — Межгосударственный совет по наблюдению за обслуживанием долга и использованием активов, образованный государствами-участниками Договора о правопреемстве, уполномочил Внешэкономбанк объявить внутренним клиентам о трудностях с обеспечением платежей в иностранной валюте и принял решение о приостановлении таких платежей с их счетов. По состоянию на 1 января 1992 года задолженность перед физическими и юридическими лицами — владельцами валютных счетов составила 10,5 млрд долларов США. Из них на долю граждан приходилось 0,5 млрд долларов США (5% долга). При этом на юридических лиц Российской Федерации приходилось 8,3 млрд долларов США, или 83% долга.

Середина декабря — Российская фондовая биржа (РФБ) организовала под Звенигородом один из первых семинаров по фондовому рынку. Лекции читали представители Министерства финансов и других организаций. В нём участвовали А. В. Коланьков, К. Н. Корищенко, А. Н. Мамонтов и др.

27 декабря — вышло Постановление Верховного Совета РСФСР № 3020–1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных областей, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность».

28 декабря — вышло Постановление Правительства РСФСР № 78 «Об утверждении «Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР». В нём содержалось первое упоминание о возможности существования безналичных ценных бумаг.

В пункте 1 Положения было установлено, что ценные бумаги могут существовать в форме обособленных документов или записей на счетах. Положение вообще не содержало таких понятий, как регистратор или депозитарий, которые стали развиваться практически в правовом вакууме.

29 декабря — подписан Указ Президента РФ № 341, утвердивший «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год».

Конец года — количество бирж перевалило за тысячу.

1992

1 января — ранним утром пять членов Купеческого собрания Самары обратились в поликлинику с жалобами на диарею (понос), рвоту и легкое недомогание. Врачи диагностировали кишечную инфекцию, вызванную несвежими ананасами.

Потомки купцов отравились на новогоднем банкете, организованном спонсором и инициатором сплочения купцов — универсальной биржей «Купец». Член же правления биржи объяснил происшествие тем, что «наши люди не привыкли к экзотической пище. Вот у них и расстроились желудки».

Независимые эксперты отметили, что это был первый в истории страны случай массового отравления ананасами.

6 января — газета «КоммерсантЪ» опубликовала рейтинг лучших бирж России. Список получился следующим: 1. Российская товарно-сырьевая биржа — РТСБ (Москва); 2. Московская товарная биржа — МТБ; 3. Азиатская биржа — АБ (Улан-Удэ);

4. Межреспубликанская универсальная товарная биржа — МУТБ (Москва); 5. Тюменская товарно-фондовая биржа — ТТФБ; 6. Свердловская товарная биржа — СТБ; 7. Московская центральная фондовая биржа — МЦФБ; 8. Московская международная фондовая биржа — ММФБ; 9. Росагробиржа (Москва); 10. Московская нефтяная биржа — МНБ.

7 января — в помещении Экспоцентра начал действовать валютный аукцион Всероссийского биржевого банка. Предлагалось 100 лотов по 100 тыс. долларов. Начальная цена лота была объявлена 19 млн рублей.

8 января — Всероссийский биржевой банк выпустил медно-никелевые депозитные сертификаты на предъявителя.

9 января — создана Московская межбанковская валютная биржа, учредителями которой стали Центральный банк РФ и ведущие российские коммерческие банки. На бирже проходили межбанковские торги в голосовом режиме по покупке-продаже иностранных валют за рубли. Генеральным директором ЗАО ММВБ избран А. В. Захаров.

10 января — начала продажу своих акций во всех республиках СНГ Народная нефтяная инвестиционно-промышленная евро-азиатская корпорация (НИПЕК). Акций было выпущено на сумму 3 млрд рублей по 1 тыс. рублей каждая.

Компания объединила крупные государственные нефтедобывающие предприятия Уральского региона и различные коммерческие структуры. Учредителями Корпорации НИПЕК стали: Московская нефтяная биржа (28%), АО «Биопроцесс» (28%), СП «Маджесс» (25,6%), ПО «Югранефть» (4%), ПО «Оренбургнефть» (4%), ПО «Коминефть» (4%), ПО «Нижневартовскнефтегаз» (4%), ханты-мансийские власти и тюменское отделение фонда «Возрождение».

Мощнейшая рекламная кампания о создании в стране этой корпорации прошла в центральных газетах, по центральному телевидению ещё в 1991 году.

Эксклюзивным распространением акций НИПЕК занимались фирмы «Российские ценные бумаги», «Тройка Диалог» и «Биопроцесс», образовавшие синдикат.

13 января — вышло Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации № 2172-1, по которому вместе с Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1992 года № 1565, Российская Федерация приняла на себя ответственность за погашение внутреннего валютного долга бывшего СССР перед юридическими лицами — резидентами России. Эта задолженность была урегулирована путём передачи предприятиям и организациям облигаций внутреннего государственного валютного займа Российской Федерации (ОВГВЗ) с различными сроками погашения, на долгие годы ставших одной из наиболее торгуемых ценных бумаг, выпущенных в документарном виде, на российском фондовом рынке. 29 января оно было утверждено правительственным постановлением;

— через 4 дня после посещения Борисом Ельциным (9 января) Ульяновского авиационного промышленного комплекса «Авиастар», он был зарегистрирован как новое на 100% приватизированное предприятие без единой акции, принадлежащей государству. Так начался процесс приватизации авиапрома.

14 января — прошли первые биржевые торги по доллару США на Московской межбанковской валютной бирже.

15 января — Верховный Совет Российской Федерации в первом чтении принял проект Закона Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле».

Окончательно его примут 20 февраля 1992 года. После его появления количество бирж резко пойдёт вниз;

— на встрече руководителей госпредприятий с руководством Госкомимущества РФ был рассмотрен вопрос предстоящей приватизации, основной формой которой станет акционирование. Все предприятия, подлежащие акционированию, были разделены на три группы:

1. Предприятия, которые превратятся в холдинговые компании, но останутся в собственности государства.

2. Предприятия, предназначенные для частичной приватизации.

3. Все остальные предприятия.

На встрече председатель Госкомимущества Анатолий Чубайс заявил, что вопрос о свободной продаже акций — «идеологический и принципиальный, и мы будем его отстаивать даже вопреки таким уважаемым организациям, как профсоюзы».

17 января — состоялся последний аукцион первого альтернативного валютного аукциона, организатором которого был Всероссийский биржевой банк (ВББ).

21 января — Центральный банк России аннулировал результаты торгов прошедшего 17 января валютного аукциона Всероссийского биржевого банка (ВББ).

22 января — утверждено Временное положение о порядке введения листинга на Российской фондовой бирже.

Учредителями биржи стали крупнейшие брокерские фирмы, имеющие опыт фондовой торговли на РТСБ — «Брок-Инвест-Сервис», «Интерком», «Саттаров и Ко», «Когнито», «Московские финансы», «Фининвест».

РФБ была учреждена 29 октября 1991 года с уставный фондом в 160 млн рублей. Среди учредителей более 400 акционеров РТСБ.

23 января — на расширенном заседании Правительства России одобрен пакет документов, конкретизирующих Закон о приватизации муниципальных и государственных предприятий. Разработанные Госкомимуществом нормативные документы регламентировали весь процесс приватизации от момента подачи заявок до оформления права собственности владельцев приватизированных предприятий.

Конец января — в Находке при участии РИНАКО создан депозитарий.

29 января — вышло Постановление Правительства РФ № 52 «Об ускорении реализации программы приватизации на 1992 год», а также Указ Президента РФ № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». Они вводили в действие ряд нормативных актов, раскрывавших механизм перехода государственной собственности в частную:

Временное положение о порядке подачи, оформления и принятия к рассмотрению заявки на приватизацию государственного, муниципального предприятия в Российской Федерации;

Временные методические указания по оценке стоимости объектов приватизации;

Временное положение о преобразовании государственных и муниципальных предприятий в открытые акционерные общества;

Временное положение о приватизации государственных и муниципальных предприятий Российской Федерации по конкурсу;

Временное положение о порядке использования в 1992 году при приватизации средств фондов экономического стимулирования и прибыли государственных и муниципальных предприятий;

Временное положение о работе комиссий по приватизации.

30 января — состоялась пресс-конференция руководства Московской товарной биржи. Причиной её проведения были названы участившиеся нападки на МТБ со стороны представителей РТСБ и её главного управляющего Константина Борового. Председатель биржевого комитета МТБ Юрий Милюков заявил, что Константин Боровой нарушил совместное решение МТБ и РТСБ об отказе от негативной информации в адрес друг друга;

— на торги Российской товарно-сырьевой биржи в разделе «Товары разные» было выставлено водительское удостоверение, принадлежавшее Владимиру Высоцкому. Стартовая цена — 60 тыс. американских долларов.

2 февраля — в Ижевске прошли первые торги на первой в России школьной бирже — Удмуртской товарно-фондовой универсальной школьной бирже. Опекала её компания «Гермес», объединяющая биржи Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Тюмени и других городов.

3 февраля — Минфин РФ выпустил Инструкцию № 2 «О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг на территории РФ». Вышло также Письмо Минфина РФ № 3 с тем же названием. Это была первая попытка регулирования рынка ценных бумаг. В них, в частности, констатировалось, что «государственной регистрации подлежит первичная эмиссия ценных бумаг, т.е. продажа ценных бумаг эмитентами их первым владельцам (инвесторам)», что закрытое (частное) размещение, без публичного объявления, без проведения рекламной кампании, публикации и регистрации проспекта эмиссии, разрешается только «среди заранее известного ограниченного круга инвесторов (до 100 включительно) или на сумму не более 50 млн рублей». И «в момент учреждения акционерного общества первичная эмиссия акций осуществляется только в форме закрытого (частного) размещения».

4 февраля — завершилась подготовка к регулярным торгам международной компенсационной биржи МЕКОМ. Проведён закрытый тендер на приобретение за рубли шести привилегированных акций биржи, дающих право на открытие одной брокерской конторы. Стартовая цена акции была определена в размере 4 млн рублей;

— в Новосибирске было объявлено об объединении Сибирской фондовой биржи (СФБ) с Азиатской биржей (АБ). При этом обе биржи продолжали существовать как самостоятельные юридические лица. СФБ отдала АБ 50% своих акций для распространения их среди акционеров АБ по курсовой стоимости. В результате слияния двух бирж произошёл раздел рынков в едином биржевом пространстве на территории Сибири и Дальнего Востока: АБ стала заниматься только товарными операциями, а СФБ — фондовыми. Во всех 15 биржевых центрах АБ были открыты представительства СФБ и стали проводиться одновременные торги по технологии АБ.

6 февраля — была учреждена Владивостокская международная фондовая биржа (ВМФБ). Президентом её стал В.В. Сахаров. Уже в ноябре была введена в действие электронная система торгов, а в августе 1992 года у биржи появился и свой депозитарий. Переехав в Москву, Сахаров сыграет большую роль в развитии фонового рынка в России.

7 февраля — начала проводить еженедельные торги на двух площадках — в Пятигорске и Москве — Пятигорская международная товарно-фондовая биржа (ПМТФБ). Биржа была зарегистрирована 20 декабря 1991 года. Уставный капитал 125 млн рублей — в несколько раз превышал капитал любой другой биржи Северного Кавказа.

64% уставного капитала принадлежали иностранным инвесторам, представленным фирмами Юго-Восточной Азии, Австралии и Кипра.

По словам председателя биржевого совета ПМТФБ Владимира Федотова, помимо представителей Австралии и Сингапура — акционеров биржи, — электронные брокерские места имели фирмы из США, Великобритании и Турции. Кроме того, за счёт сотрудничества с фирмой RELCOM биржа входила в международную компьютерную сеть, работающую в системе UNIX.

Цена брокерского места составляла в феврале 300 тыс. рублей, а для иностранных партнёров — 15 тыс. долларов.

Все участники торгов на бирже имели возможность приобретать импортные товары за рубли по невысоким ценам на рынках Юго-Восточной Азии, Японии, Китая, Австралии, США и т. д. Впрочем, все эти «достижения» не дали бирже долго существовать, скорый биржепад не пожалел и её;

— состоялись беспрецедентные для отечественной биржевой практики единые международные торги АО «Конгресс бирж», в которых примут участие около 30 бирж — членов конгресса из всех бывших союзных республик.

10 февраля — вышло Письмо заместителя председателя ЦБ РФСР Д. В. Тулина № 14–3–20 «О депозитных и сберегательных сертификатах банков». Им устанавливались единые для всех банков РСФСР правила по их выпуску и оформлению.

В нём определялось, что всякий документ, право требования по которому может уступаться одним лицом другому, являющийся обязательством банка по выплате размещённых у него депозитов, должен именоваться депозитным сертификатом, а аналогичный документ, являющийся обязательством банка по выплате размещённых у него сберегательных вкладов, — сберегательным сертификатом;

— прошла учредительная конференция АО «Российская международная валютно-фондовая биржа». Было объявлено, что это первая биржа, в которой каждый акционер будет владеть только одной акцией. Она и даст право владельцу открыть на бирже свою представительскую контору. Голосование на общем собрании акционеров (верховный орган управления обществом) собирались проводить по принципу «одна акция — один голос». При этом стать учредителем общества могло любое юридическое лицо. Правда, лишь после аудиторской и финансовой проверки специального комитета по допуску и уплаты весьма умеренного учредительского взноса;

— лицензию 55 получил фондовый отдел Центральной российской универсальной биржи.

15 января — Верховный Совет Российской Федерации в первом чтении принял проект Закона Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле». Окончательно его примут 20 февраля;

— не вышел 81-й тираж Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года выпуска. Такое решение было принято в связи с ликвидацией организатора займа — Минфина СССР;

— Правительство Эстонии в эти же дни приняло в одностороннем порядке решение о прекращении операций с ценными бумагами бывшего СССР. Более того, оно обратилось к Правительству России с вопросом, не возьмёт ли оно на себя ответственность за эту часть внутреннего госдолга СССР.

18 февраля — в тестовом режиме начала работать компьютерная сеть для проведения торгов Российской компании биржевых маклеров (РКБМ), объединяющей бро-

керские конторы 66 бирж СНГ. Зарегистрировано РКБМ было в октябре 1991 года в Дубне с уставным фондом 21 млн рублей. Среди его учредителей: ВНИИПАС, Министерство РФ по связи, «Броксервис ЛТД», ОКБ «Прогресс».

19 февраля — вышло Постановление Правительства Российской Федерации № 97 «О Государственном внутреннем выигрышном займе 1982 года и выпуске Российского внутреннего выигрышного займа 1992 года».

В нём говорилось: «В связи с ликвидацией СССР и принятием отдельными государствами — членами бывшего СССР в одностороннем порядке решений о прекращении операций с облигациями Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года и в целях защиты экономических интересов Российской Федерации Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Подтвердить правопреемство Правительства Российской Федерации по обязательствам бывшего Союза ССР перед гражданами Российской Федерации по облигациям Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года.

2. Приостановить с 20 февраля 1992 года покупку и продажу облигаций этого займа и проведение тиражей выигрышей по нему.

3. Выпустить Российский внутренний выигрышный заём 1992 года».

20 февраля — Верховный Совет принял Федеральный закон РФ № 2383–1 «О товарных биржах и биржевой торговле». Закон настолько строго трактовал понятие «биржа», что практически всем существующим биржам пришлось внести серьёзные коррективы в характер своей деятельности или сменить название на «торговый дом». Закон начал действовать 1 марта 1992 года;

— регистрируется АОЗТ «Екатеринбургская фондовая биржа», 15 июля 1992 года была получена лицензия Минфина № 82 на право ведения операций на фондовом рынке. Уставный капитал на февраль 1996 года составлял 200 млн рублей, количество акционеров — 164;

— юридическая фирма «Частное право» выпустила первое в стране практическое руководство по биржевой деятельности. В руководстве были изложены правила и обычаи бирж, приведены образцы документов с комментариями, другие биржевые премудрости и «тайны». Дана схема создания брокерских и дилерских фирм. Было рассказано, как, находясь в любом уголке страны, начать работу с биржей, как перестроить свою работу по биржевой схеме, что полезно дополнительно знать тем, кто уже работает с биржами. Комплект был оценен в 227 рублей.

С начала марта — впервые в практике деловой прессы России отдел бирж газеты «Коммерсантъ» начал публикацию сведений о состоянии внебиржевого фондового рынка. Данные ему предоставляла коалиция трёх московских фирм: консультационно-операционного центра «Московские финансы», инвестиционно-банковской фирмы «Церих» (ИБФ), Российского брокерского дома «С. А. & Ко», а также фондовый отдел брокерской фирмы «Саттаров и Ко».

3 марта — вышло Письмо Министерства финансов РФ № 3 «О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг на территории Российской Федерации». Данная инструкция была разработана во исполнение Постановления Правительства РФ № 78 «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах РСФСР» от 28.12.1991 года.

4 марта — делегация Московской центральной фондовой биржи (МЦФБ) вернулась в Москву из десятидневной поездки в США. Как сообщил вице-президент биржи

Вячеслав Панькин, целью поездки было «понять настроение деловых кругов США, изучить возможность инвестиций в российскую экономику, а также привлечь американских специалистов для работы на бирже и фондовом рынке России».

По словам Панькина, никаких договоров МЦФБ не подписала. Он пояснил, что, «приняв правила игры американцев», на основе устной договорённости было заключено соглашение о подготовке специалистов биржи в Fairfi eld University и стажировки её брокеров в ряде брокерских контор США.

9 марта — начал перерегистрацию акций по сделкам на вторичном рынке регистрационный отдел компании РИНАКО. Он занимался учётом данных об акциях, их движении на рынке ценных бумаг и акционерах трёх коммерческих структур — РИНАКО, РТСБ и АО «Ваше коммерческое телевидение» (ВКТ).

В мае будет открыт и депозитарий РИНАКО.

Компания РИНАКО, основываясь на опыте функционирования фондового рынка Запада, в тот момент разработала новую для отечественной практики компьютерную систему учёта и регистрации ценных бумаг.

11 марта — после подведения итогов деятельности Нижегородской фондовой биржи (НФБ) стало ясно, что по обороту она на тот момент лидировала среди фондовых бирж России как по числу заключённых сделок с ценными бумагами (247), так и по количеству проданных акций (6077). Основной упор биржа делала на работу с мелкими инвесторами — местным населением. Средний размер одной сделки для индивидуальных инвесторов в январе 1992 года составил чуть более 15 тыс. рублей. Наблюдатели объясняли это мощной рекламно-разъяснительной кампанией, которую биржа вела среди индивидуальных инвесторов.

АО «Нижегородская биржа» была зарегистрирована в марте 1991 года, регулярные торги проходили на ней всего четыре месяца, начиная с октября 1991 года.

13 марта — визит делегации Московской товарной биржи в Нью-Йорк на биржу NYMEX.

16 марта — создан Российский фонд федерального имущества. Его возглавил в ранге председателя Фикрят Ахмеджанович Табеев. Буквально в течение месяца, такие органы были созданы и на местах.

17 марта — подписано Соглашение о создании акционерного общества Moscow City — Московского делового центра на Краснопресненской набережной. Среди его учредителей были РИНАКО и Правительство Москвы.

Строительство должно было осуществлять АО «Золотые ворота», основным учредителем которого стала тогда компания РИНАКО. Средства на строительство предполагалось собрать за счёт продажи ценных бумаг АО, которые вскоре будут выпущены.

18 марта — вышло Распоряжение Президента РФ № 114-рп «Об утверждении положения об определении пообъектного состава федеральной, государственной и муниципальной собственности и порядке оформления прав собственности».

20 марта — приказом Министерства финансов РФ было утверждено Положение о бухгалтерском учёте и отчётности в Российской Федерации

23 марта — руководство биржевого концерна «Гермес» объявило о намерении выпустить универсальные торговые акции (УТА) «Гермес-Планета».

Президент ТМБ «Гермес» Владимир Теплицкий заявил, что «Гермес-Планета» выпускает универсальные торговые акции номиналом 1 тыс. рублей. Общий объём эмиссии ориентировочно составил 40 млн рублей.

26 марта — ЦБ России разослал коммерческим банкам телеграмму, которой отменил именные квалификационные аттестаты Минфина России для специалистов тех банков, которые занимались проведением операций с ценными бумагами. Отныне договоры банков по сделкам с ценными бумагами стали подписывать руководители банков в обычном порядке. Заключать сделки купли-продажи ценных бумаг на биржах и во внебиржевом обороте представители банков получили возможность на основании именных доверённостей банков. При заключении сделки все права и обязанности по договору должны были принадлежать банку, выдавшему доверенность;

— инвестиционно-брокерская фирма «Церих» (Москва) впервые выбросила на биржевой фондовый рынок акции Сберегательного банка Российской Федерации. Акции номиналом 50 тыс. рублей предлагались по 65 тыс. Ажиотажа это не вызвало, однако эксперты тогда придавали большое значение появлению на фондовом рынке акций банка столь высокого уровня.

28 марта — в Москве завершился V съезд Конгресса бирж. В тот момент членами конгресса являлись 57 биржевых структур и 21 небиржевая (банки, страховые организации).

1 апреля — на заседании биржевого комитета Московской товарной биржи (МТБ) бурно обсуждалось его решение выделить 7,5 млн рублей на закупку фикусов, кактусов и пальм для озеленения операционного зала МТБ и 4,5 млн рублей спонсорского пожертвования для лепрозория. Эта информация не оказалась первоапрельской шуткой. Первая партия фикусов в середине апреля была уже куплена.

4–5 апреля — в Москве прошло четвёртое заседание правления Международной гильдии брокеров (МГБ).

6 апреля — Российское инвестиционное акционерное общество (РИНАКО) сообщило о начале регистрации операций с ценными бумагами, выпущенными по технологии РИНАКО. Ценные бумаги, выпущенные при содействии РИНАКО, стали обращаться на рынке только в безналичной форме. Выпуск безналичных акций РИНАКО одобрили, по словам его руководства, эксперты «Дойче банка» и инвестиционной компании First Boston.

7 апреля — президент РТСБ Константин Боровой и глава концерна «Гермес» Валерий Неверов подписали соглашение о создании единой биржи энергоносителей, в которую вошли крупнейшие биржевые структуры России — РТСБ, ТМБ «Гермес» и АО «НТЦ "Гермес & Ко"».

Фьючерсная и опционная биржа должна была учреждаться как ассоциация брокерских компаний. Помимо организаций, представляющих учредителей, в торгах новой биржи могли бы принимать участие и другие предприятия.

Фактически заключалось неформальное картельное соглашение для проведения согласованной ценовой политики.

8 апреля — прошёл совместный аукцион Московского фондового дома, Московской центральной фондовой биржи и Московской инвестиционной биржи. Было продано семь депозитов на общую сумму 13,5 млн рублей;

— Российское инвестиционное акционерное общество сообщило о начале регистрации операций с ценными бумагами, выпущенными по технологии РИНАКО. Это стало важным происшествием, которое оказало влияние на фондовый рынок. Выпуск

безналичных акций РИНАКО был одобрен экспертами «Дойче банка» и инвестиционной компании First Boston.

9 апреля — первый валютный аукцион состоялся на Московской центральной фондовой бирже (МЦФБ), там начала действовать валютная секция, которая стала проводить еженедельные валютные аукционы с участием брокеров МЦФБ и представителей коммерческих банков. Одним из организаторов секции стал Мосбизнесбанк.

10 апреля — Международная гильдия брокеров зарегистрирована в Минюсте РФ. В тот момент она объединяла 35 брокеров как физических лиц. Имела 8 штаб-квартир в различных регионах СНГ. Была создана как общественная организация в октябре 1991 года;

— Московская товарная биржа (МТБ) первой в стране получила право продавать экспортные сертификаты на своих торгах. Был подписан соответствующий договор с Министерством внешнеэкономических связей (МВЭС) Российской Федерации.

13 апреля — Министерство финансов утвердило Положение о лицензировании биржевой деятельности на рынке ценных бумаг.

14 апреля — Челябинская областная прокуратура возбудила головное дело по статье 93-прим. УК РСФСР (хищение в особо крупных размерах) против известного предпринимателя, президента Челябинской универсальной биржи (ЧУБ) Эдуарда Тенякова;

— Московская центральная фондовая биржа (МЦФБ) приступила к формированию комиссии по допуску (листингу) ценных бумаг к торговле на бирже. Главной целью предложенной методики было совместить минимальные требования к эмитентам ценных бумаг с тогдашним «диким» состоянием фондового рынка.

18 апреля — перед мэрией Москвы прошёл митинг против коррупции и протекционизма московских чиновников.

24 апреля — биржевой совет Тюменской товарно-фондовой биржи (ТТФБ) принял решение выйти из состава учредителей Тюменско-московской биржи (ТМБ) «Гермес». Наблюдатели расценивали этот шаг как отражение противоречий между старой тюменской партийно-хозяйственной элитой, имеющей хорошие позиции на ТТФБ, и новой администрацией области, связанной с ТМБ. Официальной причиной разрыва с ТМБ назывался выпуск ею универсальных торговых акций без уведомления об этом ТТФБ.

27 апреля — биржа «Российский газ» объявила о начале торговли форвардными контрактами, а также о частичном переходе на сделки бартерного типа. В связи с этим 28 апреля биржа «Российский газ» подписала договор о сотрудничестве с Биржей стройматериалов. Аналогичные договоры предполагалось заключить с Биржей металлов и Рослесбиржей.

29 апреля — руководство брокерской фирмы «Брок-Инвест-Сервис» (БИС), основываясь на приоритете своего товарного знака, зарегистрированного в установленном порядке, заявило о намерении в судебном порядке преследовать все организации или предприятия, имеющие в своём названии слово «Брок». Представители фирмы «Брокинвест» тут же дали согласие купить свидетельство на право использовать в своих операциях товарный знак и наименование БИС. Сумма сделки не разглашалась. Аналогичное предложение было направлено руководству финансовой группы «Броксервис Лтд». Всего же было выявлено около 200 фирм, имеющих в названии слово «Брок», каждой из которых собирались выставить иск на сумму около 2 млн рублей.

30 апреля — на совместном заседании биржевых комитетов Хабаровской ТФБ «Бизон» и Хабаровской ТБ было принято решение об объединении этих двух бирж и создании Хабаровской объединённой биржи (ХОБ) «Бизон» под руководством генерального директора ХТФБ «Бизон» Евгения Шулепова. Общее число брокерских контор ХОБ достигало 1,5 тыс.

Весна — РИНАКО с помощью компании «Фирсофф» эмитировал первые «народные» ценные бумаги, номиналом 1000 рублей. Это был первый котировальный дом. С 10 августа начали устанавливаться ежедневные котировки акций РИНАКО.

Май — в Россию приехала делегация американских банкиров из Российско-американского банковского форума для помощи в создании российской банковской системы. С американской стороны её возглавлял председатель Федеральной резервной системы Нью-Йорка Джерри Карриган, с российской стороны — посол РФ при ООН Ю. М. Воронцов (потом он стал послом РФ в США). Действовала эта группа энтузиастов бесплатно. Сейчас она называется Добровольческий корпус по оказанию финансовых услуг. Одна из групп делегации занималась рынком ценных бумаг. Заместитель председателя Центрального банка Д. В. Тулин на первую встречу послал своего сотрудника начальника управления ценных бумаг А. А. Козлова. Из этой встречи вырос рынок ГКО.

5 мая — Агентство экономических новостей (АЭН) приступило к распространению регулярных выпусков, содержащих сведения о предложениях на продажу и сделках на 100 биржах России и стран СНГ. Пять специализированных сборников. Президент АЭН Сергей Туранов обещал в ближайшее время наладить выпуск сборника «Ценные бумаги».

7 мая — президент Российской товарно-сырьевой биржи (РТСБ) Константин Боровой решил посвятить себя политике, для чего предложил создать партию предпринимателей — Партию экономической свободы.

14 мая — Российский биржевой союз (РБС) обнародовал обращение к мэрам Москвы и Санкт-Петербурга, к главам администраций областей, председателям Советов городов России, в котором содержалось требование возвратить российским биржевым структурам здания, принадлежащие им исторически. В заявлении подчёркивалось, что в составе РБС нет ни одной биржи, являющейся собственником занимаемого ею помещения, а большинство бирж не имели даже долгосрочных договоров аренды;

— новый устав АО «Финансовая компания “Фининвест”» зарегистрирован в Центральной префектуре Москвы. Ранее она была «Инвестиционно-финансовой». Президент компании — Виктор Побединский.

15 мая — в операционном зале РТСБ в последний раз были остановлены торги. Состоялось учредительное собрание Партии экономической свободы (ПЭС). К. Н. Боровой заявил: «Партию экономической свободы должны учредить вы, которые остановили путч, которые не побоялись пожертвовать собой ради свободы, которые спасли Россию». Принявшие в нём участие около 3 тыс. брокеров и представителей коммерческих структур единогласно проголосовали за создание партии и одобрили основные принципы её деятельности. Председателем партии избран Константин Боровой;

— Росагробиржа, Ростехбиржа и АО «Лесная биржа» совместно с Генсельхозбанком, Россельхозбанком и Токобанком учредили агропромышленную трастовую компанию «Агротраст». Уставный капитал компании был определён в размере 75 млн рублей и разделён на 14 тыс. простых именных акций (с правом голоса) и 1 тыс. привилегированных акций (без права голоса). Номинал одной акции составил 5 тыс.

рублей. «Агротраст» планировал осуществлять кредитно-расчётные операции и операции с ценными бумагами, а также предполагал участвовать в реализации проектов приватизации и акционирования предприятий;

— на территории ВИМСа в Москве Московская биржа цветных металлов (МБЦМ) провела первый аукцион по продаже сертификатов, разрешающих продажу российскими фирмами-партнёрам из Индии и Болгарии алюминия, меди, бронзы, латуни, никеля, цинка, свинца, калия и марганца. Билет участника аукциона с правом покупки сертификата стоил 10 тыс. рублей. Только от продажи сертификатов по первичному алюминию доход составил 27 млн 727 тыс. рублей.

19 мая — начал действовать Российский профсоюз работников бирж, коммерческих, фермерских и других предпринимательских структур, созданный на учредительном съезде 28 апреля 1992 года по инициативе профсоюзной организации Международная продовольственная биржа, при активной поддержке коллективов Европейско-Азиатской продовольственно-сырьевой биржи (Екатеринбург), Белгородской биржи «Урожай», донской биржи «Деловой двор» (Ростов-на-Дону), а также ряда брокерских фирм, фермерских хозяйств, других коммерческих, предпринимательских структур из разных частей страны. Профсоюз формально был закрыт в феврале 2016 года. В 2003 году его перерегистрировали как Российский совет профсоюза работников бирж.

20 мая — приказом первого заместителя председателя Банка России В. П. Рассказова было создано Управление ценных бумаг ЦБ РФ (численность 12 человек на момент создания) с подчинением непосредственно заместителю председателя Банка России Д. В. Тулину. Его возглавил А. А. Козлов;

— в Хабаровске объединились две конкурирующие прежде биржи — Хабаровская товарная и товарно-фондовая биржа «Бизон».

21 мая — Министерство финансов Российской Федерации направило в местные финансовые органы и на биржи Положение об аттестации специалистов инвестиционных институтов и фондовых бирж (фондовых отделов бирж) на право совершения операций на рынке ценных бумаг, разработанное во исполнение Постановления Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 года № 78 «Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР».

Этот документ подписали: заместитель министра финансов Российской Федерации Сергей Горбачёв и заместитель начальника управления государственных ценных бумаг и финансового рынка Михаил Антонов.

При этом лицензии Министерства финансов РСФСР на право совершения операций с ценными бумагами, выданные специалистам инвестиционных институтов до выхода указанного положения, считались действительными до истечения сроков своего действия и приравнивались к квалификационным аттестатам II категории.

Положение логически завершало серию основных нормативных документов, регулирующих российский фондовый рынок. Наиболее существенными из них были Постановление Правительства РФ № 78 от 28.12.91 года «О выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах», на основании которого издали указанное Положение, и Инструкция Минфина № 3 от 3.03.92 года «О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг».

Положение имело временный характер действия: в то время началась работа над законодательством о фондовом рынке, в котором должна была присутствовать и законодательная база для квалификационной аттестации.

21 мая — прошло учредительное собрание второй в России биржи, которая стала специализироваться на продаже валюты, — Санкт-Петербургской валютной биржи (СПВБ).

21–22 мая — в Ялте, в кинозале самой дорогой крымской гостиницы «Ялта», прошёл второй съезд Межрегионального биржевого союза (МБС). В тот момент членами МБС являлись 203 организации, каждая из которых могла делегировать на съезд по одному представителю, оплачивая его участие в сумме 6 тыс. рублей.

В результате в съезде приняли участие представители 208 биржевых структур из республик бывшего СССР. Один из биржевых лидеров заявил, что их собрание «установило рекорд эффективной работы для закрытых помещений в условиях начавшегося курортного сезона».

23 мая — в Москве под эгидой Международной гильдии брокеров (МеГиБ) прошло учредительное собрание независимого профсоюза. Учредителями профсоюза выступили 26 организаций с общей численностью сотрудников около 2 тыс. человек. При профсоюзе создавался фонд страхования его членов, куда организации-учредители планировали отчислять значительные денежные средства. Предполагалось, что в ближайшее время профсоюз будет зарегистрирован в Минюсте РФ.

25 мая — решением биржевого комитета МТБ с 25 мая одно место члена биржи, оплаченное до 1 июня этого года, приравнивалось к трём местам. Таким образом, происходил своеобразный сплит (расщепление) мест с обычным для этой процедуры кратным уменьшением их номинальной стоимости в три раза. Отсутствие фиксированной номинальной стоимости места не позволяло точно определить его новую цену.

26 мая — Московская центральная буржа недвижимости начала продажу сертификатов, дающих право на приобретение 1 кв. м общей площади квартиры.

Купив необходимое количество таких сертификатов, их владелец мог приобрести в магазине квартир МЦБН жильё на свой вкус.

Июнь — практически погибали 15 новосибирских бирж: общий дефицит денег сводил торги на них почти к нулю. Брокерские конторы были вынуждены самостоятельно искать покупателей, и далеко не всегда ими оказывались оные люди. Поэтому руководство Сибирской товарной биржи предложило остальным объединиться в одну структуру.

2 июня — были подведены итоги конкурса на проект здания Челябинской универсальной биржи, в котором победили молодые челябинские архитекторы супруги Казаковы.

Президент биржи Эдуард Теняков заявил, что здание ЧУБ станет единственным в областном центре ансамблем, который будет соответствовать уровню архитектуры 1890-х годов.

3 июня — Постановлением Правительства РФ № 376 «Об упорядочении производства бланков ценных бумаг в Российской Федерации» введены лицензии для изготовителей бланков ценных бумаг. В соответствии с этим постановлением Министерство финансов РФ разработало и 17 сентября 1992 года издало «Положение о порядке и условиях выдачи лицензий на производство и ввоз на территорию Российской Федерации бланков ценных бумаг». Положением предусмотрены два вида лицензий: на право производства бланков ценных бумаг и на право ввоза из-за границы бланков или полуфабрикатов для их изготовления;

— принято Постановление Верховного Совета Российской Федерации № 2980–1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятии в РСФСР"»;

— Московская центральная фондовая биржа (сокр. МЦФБ) и Московская международная фондовая биржа (ММФБ) объявили об учреждении Московской биржевой клиринговой палаты, которая создаётся в форме товарищества с ограниченной ответственностью с уставным капиталом 15 млн рублей.

5 июня — прошли первые совместные торги ММФБ и МЦФБ. Это стало главным событием на биржевом фондовом рынке России. Начинание оказалось успешным — на обеих биржах закончился длительный период «воздержания» от покупки ценных бумаг. Было заключено сделок на 1,51 млн рублей, продано 1525 низкономинальных акций. В то же время в фондовом отделе Российской товарно-сырьевой биржи (РТСБ) — традиционного лидера торговли ценными бумагами в Москве — недельный оборот составил лишь 437,2 тыс. рублей: продано было всего 38 акций разных номиналов, при этом 55 % оборота дала одна сделка с акцией Топливно-энергетической биржи РТСБ TERO;

— Константина Борового освободили от обязанностей главного управляющего Российской товарно-сырьевой биржи. До собрания акционеров он сохранял за собой посты председателя биржевого совета и президента биржи. Новым главным управляющим РТСБ стал Алексей Власов. Боровой намерен был занять все своё время строительством собственной Партии экономической свободы.

8 июня — к исполнению обязанностей приступил новый главный управляющий Российской товарно-сырьевой биржи (РТСБ) Алексей Власов.

11 июня — Постановлением Верховного Совета Российской Федерации утверждена Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год.

12 июня — на служебном совещании на РТСБ были приняты изменения в правилах торговли, которые вступят в силу 1 июля. Основным изменением в правилах биржевой торговли на РТСБ стало появление сделок «с условием» — бартерных обменов, ранее на бирже запрещённых.

15–26 июня — в Москве прошёл первый курс обучения в рамках Европейского банка реконструкции и развития по подготовке кадров руководящего состава фондовых бирж. Занятия проводила доктор Эвелин Харви, преподаватель-консультант компании «ДС Гарнер» — ведущей фирмы Великобритании в области подготовки специалистов финансовых рынков.

15 июня — главный балетмейстер театра танца-модерн «Эксперимент» Евгений Панфилов обвинил со сцены Пермскую товарную биржу в скупости и вранье: биржа рекламировала себя как спонсора театра, обещая ему за это 1 млн рублей, который так и не дала. В знак протеста Панфилов побрился наголо;

— представители четырёх крупнейших биржевых структур Москвы — РТСБ, МТБ, МБЦМ и Биржа металлов подписали на совещании меморандум о создании комитета по межбиржевому сотрудничеству на форвардном и фьючерсном рынках. Они заявили о готовности координировать совместную деятельность.

16 июня — решением совета директоров Московской международной фондовой биржи (ММФБ) в состав её акционеров было разрешено войти американской фирме Levis Corp. — первой американской фирме на российских фондовых биржах. Levis

Согр. была членом Американской и Филадельфийской фондовых бирж, имела представительство в Москве и собиралась заниматься продвижением российских ценных бумаг на рынок США и наоборот.

17 июня — в члены специализированной секции металлов Московской товарной биржи было принято предприятие НТЦ НИИКПЭО, директором которого являлся президент отделения РТСБ «Российский металл», сопредседатель биржевого совета РТСБ Виктор Губин. Это стало следствием подписания 15 июня меморандума о межбиржевом сотрудничестве.

18–19 июня — в Москве прошла Международная конференция «Фондовый рынок в России: проблемы развития и интеграция в мировой рынок капитала», организованная мэрией Москвы, Союзом немецких фондовых бирж и Международным университетом. На конференции выступили немецкие специалисты, в том числе руководители Франкфуртской фондовой биржи и ответственные сотрудники Федерального министерства финансов ФРГ. С российской стороны участвовали представители руководства ЦБ, Минфина и Минэкономики РФ. Затрагивались вопросы функционирования как биржевого, так и внебиржевого рынка ценных бумаг, участия банков в торговле фондовыми ценностями.

22 июня — в Хабаровске завершилась серия встреч фондовых брокеров Хабаровска и Владивостока, результатом которых стало решение пригласить в Ассоциацию финансовых брокеров (АФБ) дальневосточные краевые и областные фонды имущества.

Создаваемая Ассоциация финансовых брокеров (АФБ) должна была объединить брокеров Дальнего Востока, ускорить формирование регионального рынка ценных бумаг. Организатором АФБ выступило Дальневосточное агентство ценных бумаг (ДВАЦБ).

22–23 июня — в Госкомитете по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур проходила научно-практическая конференция «Биржевое законодательство и развитие бирж на современном этапе». Её организаторами совместно с ГКАП стали Российский биржевой союз, объединяющий около 100 бирж, и Институт исследования организованных рынков. В числе приглашённых были руководители 269 российских бирж (приняли участие более 200 российских бирж), прошедших лицензирование в Антимонопольном комитете, а также делегаты от брокерских фирм и ассоциаций, депутаты Верховного Совета, представители правительства и разработчики биржевого законодательства.

24 июня — учреждён депозитарий АОЗТ «Российская международная валютно-фондовая биржа» и центр по осуществлению расчётов по сделкам с ценными бумагами, торгуемыми на бирже, в виде АОЗТ «Кассовый союз» (по аналогии с немецким Кассовым союзом — Kassenverein), с уставным фондом 2 млн рублей. Их учредителями стали 40 организаций, в основном московские коммерческие банки, в том числе Инкомбанк, банки «Столичный», «Санкт-Петербург», Кредобанк, Мосбизнесбанк, Конверсбанк, Межкомбанк, межбанковское объединение «Оргбанк» и очень известные в то время, но забытые сейчас Всероссийский биржевой банк, акционерный коммерческий банк «Финистбанк» и др. Номинальная стоимость одной акции Кассового союза составляла на первом этапе 50 тыс. рублей. В дальнейшем Кассовый союз выполнял функции центрального депозитария и центра по осуществлению расчётов по сделкам с ваучерами;

— на очередных торгах фондового отдела РТСБ не было заключено ни одной сделки. По словам старшего маклера М. Матросова, это было не только результатом общего затишья на фондовом рынке, но и следствием двух факторов. Во-первых, очередного скачка доллара и, во-вторых, отказа ЦБ от проведения платежей в бывшие советские республики.

Июль — Уральская корпорация взаимных расчётов (УКВР) заключила с Пермской товарной биржей договор, согласно которому ключевым звеном системы расчётов между продавцами и покупателями должны были стать залоговые депозиты, размещённые на специальные счета корпорации.

1 июля — вышел Указ Президента РФ № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества», утвердивший «Положение о коммерциализации государственных предприятий с одновременным преобразованием в акционерные общества открытого типа». В нём говорится, что «обязательному преобразованию в акционерные общества открытого типа подлежат все предприятия, производственные и научно-производственные объединения, находящиеся в федеральной собственности, со средней численностью работающих более 1000 человек или с балансовой стоимостью основных фондов на 1 января 1992 года более 50 млн рублей, независимо от их вхождения в состав трестов, ассоциаций, концернов, союзов, межотраслевых, региональных и иных объединений предприятий»;

— в помещении ТМБ «Гермес» во Дворце молодёжи в Москве прошли первые торги Московского торгового дома (МТД) «Гермес». МТД был зарегистрирован в марте 1992 года как АО открытого типа с уставным капиталом 20 млн рублей.

6 июля — вышла Инструкция Министерства финансов РФ «О правилах совершения и регистрации сделок с ценными бумагами» (письмо Министерства финансов РФ № 53).

7 июля — в издательстве «Финансы и статистика» подписана к печати книга М. Ю. Алексеева «Рынок ценных бумаг». На какое-то время Михаил Юрьевич стал почти классиком жанра.

8 июля — в газете «Известия» появилось очередное рекламное объявление о продолжении подписки на акции Российской продовольственной биржи (РПБ), начатой в апреле. Но сразу после этого, по сообщению президента РПБ Сергея Демидова, биржа была вынуждена прервать размещение своих акций номиналом в 5 тыс. рублей из-за «неурегулированных отношений с Минфином».

Подписная кампания РПБ получила широкую известность в московских деловых кругах благодаря шумной рекламе своих акций, проспект эмиссии которых так и не зарегистрирован в установленном порядке. Между тем, по сведениям из некоторых источников, продолжавшаяся два с половиной месяца нелегальная подписка принесла РПБ до 200 млн рублей. Подготовленные к регистрации документы предполагали выпуск акций РПБ на сумму 500 млн рублей. По признанию Демидова, роковую роль в прерывании размещения сыграло неудачное расположение офиса биржи — в непосредственной близости от здания Минфина России;

— в Москву по приглашению Российской фондовой биржи (РФБ) прибыл генеральный секретарь федерации бирж Европейского экономического сообщества Жан-

Пьер Паелинк. Как сообщил Паелинк, федерация бирж ЕЭС намерена была организовать для 23–25 российских биржевиков и брокеров пятинедельную стажировку, программа которой предполагала бы их обучение на разных биржах Европы. Предполагалось, что программу стажировок будет финансировать ЕЭС. Однако конкретные размеры бюджета тогда ещё не были определены.

13 июля — Российский фонд имущества начал принимать заявки на аккредитацию коммерческих фирм, которым фонд намеревался предоставить право первичного размещения принадлежащих ему акций. Фонд привлекал инвестиционные институты, которые должны были продавать акции от его имени на условиях 1,5–2 % комиссии. Среди прочих инвестиционных институтов фонд привлекал и чисто консультационные, аудиторские и юридические фирмы, в задачи которых входила бы подготовка учредительных документов акционерных обществ по их заявкам.

15 июля — с подписания указа Борисом Ельциным началась ваучерная приватизация;

— первый вице-президент Тюменско-московской биржи «Гермес» Владимир Морыженков заявил, что апробация контрактов на поставку нефти закончена. Контракты представляли собой право на получение добытой «Гермесом» нефти в определённый месяц (т. е. форвардные). Распространением контрактов занимались 8 клиринговых фирм. Каждый контракт был рассчитан на тонну нефти и стоил 3400 рублей. ТМБ «Гермес» к тому моменту продал все 3500 контрактов на нефть, которая будет добыта в декабре 1992 года.

16 июля — Межведомственной комиссией по общественным объединениям и средствам массовой информации Московского городского совета народных депутатов РСФСР зарегистрирован Российский биржевой союз.

20 июля — руководство Челябинской универсальной биржи (ЧУБ) объявило о преобразовании биржи в биржевой холдинг. По словам руководства ЧУБ, попытка столь серьёзной структурной реорганизации была предпринята с целью увеличения торгового оборота и расширения поля деятельности биржи.

22 июля — Московская биржа цветных металлов (МБЦМ) официально объявила о переходе к принятому в западной биржевой практике варрантообороту, значительно упрощающему проведение сделок на бирже;

— впервые в истории российского рынка ценных бумаг Минфин РФ запретил Российской продовольственной бирже (РПБ) выпуск ценных бумаг и предписал ей вернуть инвесторам средства, собранные в ходе подписной кампании. Средства массовой информации получили официальное письмо за подписью заместителя министра финансов РФ Сергея Горбачёва о санкциях в отношении РПБ, осуществлявшей эмиссию с нарушениями действующих правил подписки.

24 июля — Минфин РФ за проведение эмиссии с нарушениями действующих правил подписки запретил выпуск ценных бумаг Российской продовольственной бирже (РПБ). Ей было предписано вернуть инвесторам средства, собранные в ходе подписной кампании. Официальное письмо по этому поводу подписал заместитель министра финансов РФ Сергей Горбачёв. Таким образом, РПБ стала первой жертвой в истории российского рынка ценных бумаг.

27 июля — вышло Распоряжение ГКИ РФ № 308-р «Об утверждении Положения о закрытой подписке на акции при приватизации государственных

и муниципальных предприятий». В соответствии с ним первоначальный взнос за льготные акции при закрытой подписке или все 100% стоимости обыкновенных акций могли быть оплачены приватизационными чеками, а всего чеками необходимо было оплатить не менее 50% приобретаемых по закрытой подписке акций. Льготные акции — это обыкновенные акции, которые продавались со скидкой 30% и рассрочкой платежа на 3 года; первый взнос составлял 15% их стоимости.

30 июля — группа крупных российских финансовых и инвестиционных компаний (РИНАКО, РИНТЕКОР, «Менатеп», РФБ, Инвестиционная корпорация ExNet, Ассоциация делового сотрудничества с зарубежными странами ASTEP) приняла решение о координации своих действий. С этой целью была создана Лига инвесторов, принят её основной документ — Декларация принципов — и сформирован Координационный совет. На инвестиционном рынке впервые обозначилась тенденция к консолидации и снижению конкуренции.

31 июля — Приказом № 141 председатель ГКИ А. Б. Чубайс создаёт «Отдел технической помощи и экспертизы». Его возглавил Джонатан Хей.

10 августа — впервые в практике российского фондового рынка МП «Фирсофф» начало устанавливать ежедневные котировки акций РИНАКО.

14 августа — вышел Указ Президента РФ № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации». В России началась ваучерная приватизация. В указе поручалось с 1 октября 1992 года в Российской Федерации ввести в действие систему приватизационных чеков (приватизационных счетов). Устанавливалось, что приватизационные чеки выпуска 1992 года будут действовать с 1 декабря 1992 года по 31 декабря 1993 года.

Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом по согласованию с Государственно-правовым управлением Президента Российской Федерации:

до 15 августа 1992 года обеспечить разработку и принятие нормативных актов, необходимых для выпуска, выдачи и погашения приватизационных чеков;

до 1 сентября 1992 года разработать и утвердить Положение о специализированных инвестиционных фондах, аккумулирующих приватизационные чеки;

— вышел Указ Президента РФ № 922 «Об особенностях преобразования государственных предприятий, объединений, организаций топливно-энергетического комплекса в акционерные общества».

17 августа — на заседании Верховного Совета РФ рассмотрен вопрос о выдаче ваучеров населению согласно Распоряжению Госкомимущества России № 369-р от 20 августа 1992 года, их выдача должна была проходить с 1 октября по 31 декабря 1992 года. Новым Распоряжением № 1193-р (от 22 декабря 1992 года) этот срок был продлён до 31 января 1993 года.

20 августа — вышло Распоряжение Госкомимущества России № 369-р, согласно которому выдача чеков должна была проходить с 1 октября по 31 декабря 1992 года. Однако после рассмотрения этого вопроса на заседании Верховного Совета РФ 17 декабря 1992 года новым Распоряжением № 1193-р (от 22 декабря 1992 года) этот срок был продлён до 31 января 1993 года.

2 сентября — учреждена Российская федерация фондовых бирж. Она была организована усилиями Российской фондовой биржи и РТСБ, представители ко-

торых заслуженно играли в ней ведущую партию. Прежде всего это были первые лица двух бирж: президент Российской фондовой Марат Золотдинов и главный управляющий РТСБ Алексей Власов. Значительная роль в организации федерации и выработке её идеологии принадлежала председателю биржевого совета Российской фондовой биржи и генеральному директору фирмы «Брок-Инвест-Сервис» Игорю Сафаряну.

8 сентября — состоялась учредительная Ассамблея Федерации фондовых бирж России. Её ядром стала Московская центральная фондовая биржа, при поддержке извне руководством и авторитетом МТБ. Формальными лидерами блока было руководство МЦФБ — председатель биржевого совета, председатель правления Московской торгово-промышленной палаты Юрий Котов и президент Вячеслав Панькин. Руководство МТБ во главе с Юрием Милюковым и Константином Затулиным (президент Международного биржевого и торгового союза), незримо присутствовало за спинами лидеров Федерации фондовых бирж России. Поддержал ФФБР ряд региональных фондовых бирж.

15 сентября — учреждена Сибирская межбанковская валютная биржа. Учредителями биржи выступили 35 банков.

16 сентября — вышло Распоряжение Госкомимущества России от № 444-р «Об особенностях преобразования в акционерные общества и приватизации предприятий авиационного, морского, речного, автомобильного транспорта и дорожного хозяйства». В соответствии с ним приватизацию портов следовало осуществлять по представлению Минтранса России. Однако вскоре вышло новое Распоряжение (4 декабря 1992 года № 700-р), согласно которому отменялись прежние договорённости и определялся перечень крупнейших портов Российской Федерации, подлежащих приватизации.

21 сентября — вышло Положение Министерства финансов РФ о лицензировании деятельности на рынке ценных бумаг (Письмо Министерства финансов РФ № 31). Изменения вносились письмами № 122 от 28.12.92 года, № 39 от 31.03.93 года, № 151 от 22.12.93 года и, наконец, № 105 от 11.08.94 года.

Осень — делегация представителей Центрального банка РФ, ММВБ, российских банков посещает США с целью участия в работе Российско-Американского банковского форума, на котором активно обсуждаются планы создания в РФ организованного рынка государственных ценных бумаг;

— А. И. Левенчук провёл первую рабочую встречу регистраторов и депозитариев в подмосковном пансионате «Юность». Разговор шёл о самых разных вещах, в том числе о том, чем деньги отличаются от ценных бумаг, почему их нельзя одинаково учитывать, какие нормативные документы можно ожидать и т. д. и т. п. В первой встрече участвовали чуть больше 20 человек — в то время и не было больше людей, интересовавшихся инфраструктурными институтами. Встречи проводились ежегодно, потом дважды в год (осенью и весной). В результате до 1998 года их набралось 11 (в пансионатах «Юность» и «Сенеж»).

Октябрь — в Находке специалистами РИНАКО запущен «приватизационный конвейер» — приватизация государственных предприятий.

1 октября — любой гражданин РФ смог получить в отделении Сбербанка РФ ценную бумагу номиналом 10 тыс. рублей — государственный приватизационный чек — ваучер.

2 октября — вышло Распоряжение Госкомимущества РФ № 507-р «Об участии консультационных фирм и индивидуальных консультантов в проведении работ по приватизации государственных и муниципальных предприятий».

5 октября — вышло Распоряжение Госкомимущества № 188, подписанный А. Б. Чубайсом, регламентирующее работу иностранных советников в Госкомимуществе.

Им устанавливалось, что *«все, кроме секретных, проекты указов Президента, постановлений Правительства, распоряжений Председателя ГКИ, распоряжений заместителей Председателя ГКИ по поводу определения специфики приватизации в отдельных отраслях народного хозяйства, создании холдинговых компаний и передачи управления предприятиями (пакетами акций) в траст должны в обязательном порядке рассматриваться на экспертной комиссии»*. Возглавил экспертную комиссию Максим Бойко, его заместителем стал Джонатан Хей.

6 октября — вышло Распоряжение Госкомимущества № 507-р «Об участии консультационных фирм и индивидуальных консультантов в проведении работ по приватизации государственных и муниципальных предприятий». Оно открыло дорогу в Госкомимущество западным консультантам по приватизации. Чуть раньше Всемирный банк выделил на цели организационной поддержки российской приватизации $90 млн.

7 октября — вышел Указ Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий». В нём впервые появилось слово «депозитарий». Документ утверждал положения об инвестиционных фондах и о специализированных инвестиционных фондах, аккумулирующих приватизационные чеки населения. Указ предусматривал создание специальной комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам при президенте и содержало поручение правительству разработать программу создания единой российской телекоммуникационной фондовой системы. В документе также содержалось указание о создании на территории России единого фондового рынка. Для этого правительству было поручено до 1 января 1993 года разработать программу создания российской телекоммуникационной фондовой системы (следующая ред. Указа Президента РФ от 23 февраля 1998 года № 193). Указ предусматривал создание специальной комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам при президенте.

К нему прилагались: Примерный устав инвестиционного фонда; Основные положения депозитарного договора; Примерный договор с управляющим об управлении инвестиционным фондом; Типовой проспект эмиссии инвестиционного фонда.

Разработчиком указа выступил Д. В. Васильев.

В документе содержались указания о создании на территории России единого фондового рынка;

— состоялось первое собрание управляющих новым Частным чековым инвестиционным фондом. Вновь созданный фонд принадлежит частному лицу, что является беспрецедентным случаем на российском рынке — единственным учредителем и владельцем акций первого выпуска является К. Н. Боровой. Объявленный уставный капитал фонда — 500 тыс. рублей. Акции первой эмиссии оказалось разместить несложно, поскольку всеми этими бумагами владел также Константин Боровой.

Объём второй эмиссии, проспект которой был зарегистрирован 2 сентября, составлял 10 млрд рублей. Акции предполагалось выпустить номиналом 1000 рублей и разместить их через сеть отделений Моспочтамта.

Депозитарные услуги фонду предоставил Депозитарий РИНАКО, а управляющей компанией фонда стала АО «Независимая трастовая палата», президент которой Леонид Титов несколько лет проработал вместе с Константином Боровым на РТСБ в качестве начальника фондового отдела.

8 октября — прошли первые торги Российской международной валютно-фондовой биржи в Москве в помещении Большой спортивной арены Лужников.

Биржа, по существу, являлась межбанковской организацией — её учредителями стали около 90 банков России. Создана была биржа по германской модели — без ограничения доступа банков к торговле ценными бумагами.

В первых торгах приняли участие представители 14 банков. К торговле были предложены ценные бумаги (акции 6 эмитентов, главным образом, банков), депозитные сертификаты, банковские векселя и денежные ресурсы. Была заключена одна сделка — продан межбанковский кредит в 10 млн рублей сроком на 3 месяца.

9 октября — Центральный банк РФ разослал Инструкцию «О работе банков с приватизационными чеками».

В пункте 8 говорилось: «Учредить при Президенте Российской Федерации Комиссию по ценным бумагам и фондовым биржам в составе представителей Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом, Министерства финансов Российской Федерации, Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике, Центрального банка Российской Федерации, Российского фонда федерального имущества, фондовых бирж».

12 октября — РТСБ перешла на ежедневный график торговли ваучерами

15 октября — к этому дню согласно Указу Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом совместно с Министерством финансов Российской Федерации поручалось разработать и утвердить положение о порядке оценки чистых активов инвестиционных фондов, включающее в себя порядок определения состава затрат и формирования финансовых результатов инвестиционных фондов, оценки приватизационных чеков.

21 октября — Центральный банк выпустил Письмо № 19 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о правилах выпуска и регистрации ценных бумаг коммерческими банками на территории Российской Федерации»;

— на МТБ прошли первые в России фьючерсные торги. Первым стал контракт на 10 долларов США (с поставкой в декабре 1992 года). За 30 мин торговой сессии было заключено 60 сделок, по которым было продано 235 контрактов на общую сумму 2350 долларов.

22 октября — РИНАКО провела первую в своей истории пресс-конференцию. На ней речь шла об основных проектах компании. Наиболее крупным проектом РИНАКО в тот момент становился так называемый приватизационный конвейер — приватизация государственных предприятий с последующей постановкой их на комплексное обслуживание на финансовых рынках. В пакет услуг,

предлагаемых РИНАКО приватизируемым предприятиям, входил микроаудит, регистрация акционерного общества, проведение закрытой подписки на акции и консультации по управлению. Запуск этого конвейера был осуществлён компанией в свободной экономической зоне «Находка», где РИНАКО удалось заключить контракты на эту форму обслуживания с семью крупнейшими предприятиями.

26 октября — через EL-BIS была заключена крупная сделка по акциям РИНАКО, их было продано 500 штук по курсу 650 руб.

Этот день по объёмам продаж стал одним из самых удачных дней за всё время функционирования электронной сети — через неё было заключено шесть сделок, реализовано 6,184 тыс. ценных бумаг. Этот объём продаж был вполне соизмерим с недельным оборотом девяти крупнейших фондовых бирж России. Наиболее крупная сделка была заключена по акциям Военно-промышленной инвестиционной компании — их было продано 5 тыс. штук, покупатель пакета получил 0,5% голосов в управлении компанией.

27 октября — глава Российской международной валютно-фондовой биржи К. Э. Мерзликин выступил на заседании биржевого совета и предложил проект организации безналичного оборота приватизационных чеков и акций приватизируемых предприятий.

28 октября — на биржевом совете Российской международной валютно-фондовой биржи банки-учредители одобрили концепцию ваучерной приватизации, предполагающую организацию оборота приватизационных чеков и акций приватизируемых предприятий путём организации центров (кассовых союзов), производящих депонирование ваучеров и расчётное обслуживание финансовых посредников. В заседании биржевого совета приняли участие представители 25 коммерческих банков, в том числе Инкомбанка, межбанковского объединения «Оргбанк», банков «Санкт-Петербург» и «Столичный».

29 октября — начался двухдневный визит заместителя председателя Госкомимущества Д. В. Васильева в Лондон. Он принял участие в переговорах с руководством Европейского банка реконструкции и развития. На них была достигнута договорённость о предоставлении России кредита в 44 млн долларов на осуществление правительственных приватизационных программ.

1 ноября — согласно Указу Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» до этого дня Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом совместно с Министерством финансов Российской Федерации поручалось разработать положение о Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам.

4 ноября — выпущено Постановление Госкомимущества № 701-р «Об утверждении и введении в действие Положения о продаже акций в процессе приватизации и Положения о специализированных чековых аукционах».

Оно разъясняло Указ Президента РФ № 721 (01.07.92 года). В результате него реестродержателями стали сами эмитенты, банки и брокеры, которые помогали проводить чековую приватизацию. В постановлении утверждены Положение о продаже акций в процессе приватизации и Положение о специализированных чековых аукционах;

— вице-премьер правительства, председатель Госкомимущества А. Б. Чубайс подписал положение о порядке проведения первых чековых аукционов, на которых владельцы чеков смогут приобрести акции крупных приватизируемых предприятий;

— вышло Распоряжение Государственного комитета по управлению имуществом РФ № 695-р «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности специализированных инвестиционных фондов приватизации и управляющих компаний и о порядке приостановки действия и отзыва лицензии и Положения о порядке регистрации выпусков акций специализированных инвестиционных фондов приватизации, аккумулирующих приватизационные чеки граждан»;

— региональные комитеты по управлению имуществом получили правительственную телеграмму за подписью А. Б. Чубайса, предписывающую предоставить перечень предприятий (не менее трёх), находящихся в муниципальной, областной или федеральной собственности. В телеграмме указывалось, что акции предприятий, преобразование которых в акционерные общества завершено, будут выставлены на аукционы для продажи за чеки;

— ММВБ получила лицензию Министерства финансов на проведение торгов ценными бумагами, срок которых истёк 23 апреля 1997 года.

5 ноября — Указом Президента Российской Федерации № 1333 в федеральной собственности закреплялись акции РАО «Газпром».

6 ноября — состоялось крупнейшее совещание профессионалов фондового рынка с участием делегаций ряда ключевых институтов рынка ценных бумаг Германии, Ассоциации фондовых бирж Европы и крупнейших московских фондовых бирж и банков. Совещание было созвано по инициативе Российской международной валютно-фондовой биржи и организовано биржей Кассового союза. Основными темами обсуждения стали вопросы технического обеспечения процесса приватизации, организация безналичного обращения крупных партий приватизационных чеков, а также другие проблемы развития инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг РФ.

7 ноября — вышел Указ Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий». Им утверждены, в частности, Положения об инвестиционных фондах; о специализированных чековых инвестиционных фондах приватизации, аккумулирующих приватизационные чеки граждан; Основные положения депозитарного договора; Типовой проспект эмиссии инвестиционного фонда.

13 ноября — Верховный Совет РФ принял, а президент подписал новый Закон № 3877–1 «О государственном внутреннем долге»;

— Распоряжением Госкомимущества № 770-Р было утверждено Положение об инвестиционных конкурсах (инвестиционных торгах) по продаже объектов приватизации, находящихся в государственной собственности. В Положении (п. 2) кроме упомянутых в названии объектов приватизации появились дополнительные слова: «...в том числе акции (пакеты акций). Продажа объектов приватизации на конкурсе осуществляется в соответствии с утверждённым планом приватизации». А в п. 3 указывалось: «... от покупателя требуется вложение инвестиций в приватизированное предприятие в соответствии с инвестиционной программой, установленной продавцом...». Пунктом 34 было установлено, что «Право собственности на объект

приватизации переходит от продавца к покупателю с момента регистрации договора купли-продажи». То есть любые действия по неисполнению условий конкурса уже должны были рассматриваться в арбитражном суде.

16 ноября — вышел Указ Президента РФ № 1391 «О продаже объектов приватизации за приватизационные чеки».

17 ноября — вышел Указ Президента Российской Федерации № 1403 «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения».

19 ноября — вышел Закон № 3929–1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». В нём отсутствовали численные критерии банкротства.

20 ноября — созданная РИНАКО инвестиционная компания «Ринако Плюс» открыла собственный операционный зал для внебиржевой торговли ценными бумагами. По сути, открылся фондовый магазин, где во всех сделках одной из сторон будет выступать сама компания. Ценные бумаги, которые продавались в фондовом магазине, проходили процедуру допуска, которая в Правилах совершения операций с ценными бумагами в операционном зале РИНАКО была названа листингом. Но, в первую очередь, проходила крупнооптовая торговля приватизационными чеками.

23 ноября — Распоряжением Президента РФ № 716-рп был основан Российский центр приватизации (РЦП), на первом этапе он размещался в здании ГКИ.

24 ноября — вышло Постановление Правительства РФ № 908 «О мерах по организации информационного обеспечения российских и иностранных инвесторов о приватизации государственных предприятий».

26 ноября — фондовый магазин РИНАКО приступил к принципиально новой схеме ведения операций с приватизационными чеками. Теперь можно было не только купить или продать ваучеры в розницу, но и осуществлять крупнооптовые операции с ними. Магазин также начал принимать заказы от покупателей на формирование крупных пакетов приватизационных чеков.

Помимо котировки акций РИНАКО, в фондовом магазине начата котировка акций АО «Ваше коммерческое телевидение», а также подписка на акции тверской инвестиционной компании «Финкор» и телекоммуникационной сети RELCOM;

— в Новосибирске состоялось учредительное собрание Сибирского отделения (филиала) Акционерного общества закрытого типа «Кассовый союз» (СО КС). Учредителями СО КС выступили крупнейшие банки города (Сибирский банк, Россельхозбанк, банк «Восток» и другие), Сибирская фондовая биржа, Инвестиционный фонд «Сибирь». Председателем правления СО КС назначен Александр Чикунов — первый вице-президент Сибирской фондовой биржи, председатель правления Финансово-трастовой компании «РИФ», координатора проекта по созданию СОКС.

30 ноября — на заседании Кабинета министров председатель Государственного комитета по управлению имуществом А. Б. Чубайс представил программу приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1993 год. Она была в «целом одобрена». По сравнению с аналогичной программой 1992 года в представленном документе был расширен список подлежащих приватизации предприятий. Например, подлежали акционированию предприятия с численностью работающих более 10 тыс. человек и балансовой стоимостью основных фондов более 150 млн рублей. Как отметил в своём выступлении Чубайс, в 1993 году общая стоимость приватизируемо-

го имущества, реализованного за приватизационные чеки, составит 1,5 трлн рублей, а поступление средств от реализации приватизируемого имущества (помимо чеков) ожидается в размере 340 млрд рублей;

— вышел Указ Президента Российской Федерации № 1484 «Об особенностях приватизации Производственного объединения «ГАЗ"».

Декабрь — оригинальную разработку программы депозитарного обслуживания предложил Кассовый союз. По не вполне понятным причинам Госкомимущество РФ отдало предпочтение именно этой версии депозитария. С начала следующего года Кассовый союз на основе соглашений с Госкомимуществом РФ и при активной поддержке со стороны западных консультантов (прежде всего, Deloitte & Touche) начал осуществлять масштабный проект по организации безналичного обращения приватизационных чеков. Кассовый союз в рамках этого проекта подписывал четырёхсторонние договоры (Кассовый союз, Федеральный фонд имущества, местный фонд имущества и местная финансовая компания, выполняющая роль регионального депозитарного центра РДЦ). В ваучерных РКЦ хранятся все собранные местными финансовыми институтами ваучеры, а также информация об их владельцах и направлениях транзакций. РДЦ связаны между собой электронной онлайн-сетью Sprint-Net. Они же и являлись местом централизованного погашения ваучеров;

— начали регистрироваться первые чековые инвестиционные фонды. В результате уже к январю 1993 года было создано более 300 таких фондов.

Чековые аукционы проводились в восьми регионах России.

1 декабря — согласно Указу Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» до этого дня Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом по согласованию с Министерством финансов Российской Федерации поручалось представить на утверждение персональный состав Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам, а так же Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом совместно с федеральным агентством правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации, Министерству связи Российской Федерации, а также Министерству финансов Российской Федерации с привлечением Центрального банка Российской Федерации и Российского фонда федерального имущества поручалось разработать принципы создания и функционирования российской телекоммуникационной фондовой системы, обеспечивающей на территории Российской Федерации единое информационное пространство, необходимое для деятельности инвестиционных фондов.

4 декабря — вышло Распоряжение Госкомимущества России от № 700-р, определявшее перечень крупнейших портов Российской Федерации, подлежащих приватизации. Оно отменяло прежнее Распоряжение № 444-р от 16 сентября 1992 года.

7 декабря — Президент Российской Федерации подписал Указ № 1565 «О мерах по урегулированию внутреннего валютного долга бывшего Союза ССР». Данным указом были определены основные параметры выпуска государственных облигаций в иностранной валюте: эмитентом стало Министерство финансов Российской Федерации, счета для зачисления облигаций были открыты во Внешэкономбанке, облигации выпускались в наличном виде с индивидуальными признаками, то есть номерами.

9 декабря — в Экспоцентре на Краснопресненской набережной открылся первый чековый аукцион — Московская кондитерская фабрика «Большевик» была приватизирована по второму варианту (реализовывалось 49 % акций). Аукцион был организован при участии банков Credit Swiss и First Boston и консультационной и аудиторской фирмы Deloitte & Touche. Они были приглашены Госкомимуществом РФ для консультаций по проведению чековых аукционов по продаже акций приватизируемых предприятий.

Зампредседателя Госкомимущества Д. В. Васильев заявил по поводу аукциона: «С этого дня Россия встала на путь большой приватизации».

11 декабря — заключён контракт между акционерным обществом «Большевик» и обществом РИНАКО об использовании Депозитария РИНАКО для обслуживания вторичного обращения ценных бумаг «Большевика». В связи с тем, что контракт подписал после одобрения Депозитария РИНАКО швейцарский банк Credit Swiss First Boston, его можно рассматривать как первый официальный факт признания европейскими авторитетами российских разработок в области обеспечения инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг. Конкурентами РИНАКО были депозитарии банков «Менатеп» и «Кредо». Но эксперты Европейского банка реконструкции и развития предложили остановиться на Депозитарии РИНАКО.

12 декабря — во исполнение Указа Президента России о чековых фондах от 7 октября 1992 года вышло Распоряжение Госкомимущества РФ № 1211-р «Об организации подготовки кадров управляющих и специалистов для инвестиционных фондов».

Тем же распоряжением была создана Аттестационная комиссия при ГКИ России и утверждены Правила проведения квалификационных экзаменов на квалификационный аттестат ГКИ России.

15 декабря — вышло Распоряжение Госкомимущества РФ № 1131-р «Об особенностях регистрации выпуска и размещения акций между учредителями в процессе учреждения специализированных инвестиционных фондов приватизации».

16 декабря — прошёл первый этап второго чекового аукциона. Реализовывались акции АО «Элекс» (г. Александров Владимирской области) — бывшее предприятие электронной промышленности, производящее полупроводниковые приборы, малогабаритные ч/б телевизоры и телефонные трубки. Аукцион проходил в два этапа. На первом этапе участвовали только крупные фирмы — владельцы большого количества ваучеров. На втором — акции продавались мелким инвесторам по цене, установившейся при реализации акций крупным инвесторам. Заявки на участие принимались в Москве в управлении ценных бумаг «Менатепа» и в его отделении в Зеленограде.

22 декабря — Распоряжением Госкомимущества России№ 1193-р срок выдачи ваучеров был продлён до 31 января 1993 года (предыдущим решением ГКИ № 369-р от 20 августа 1992 года этот срок ограничивался 31 декабря 1992 года).

23 декабря — вышло Распоряжение ГКИ № 1211-р «Об организации подготовки кадров управляющих и специалистов для инвестиционных фондов», в соответствии с которым часть средств из выделенного Всемирным банком России займа в 90 млн долларов направлялась на обучение работников Госкомимущества.

24 декабря — начальник управления валютных операций Центрального банка Александр Потёмкин подписал Российской международной валютно-фондовой бирже генеральную лицензию (ВБ 06/92) на ведение операций с валютой, в том числе со свободно конвертируемой.

Таким образом, РМВФБ первой в стране получила право на организацию биржевой торговли во всех секторах финансовых рынков — отныне она могла быть центром торговли ценными бумагами, кредитными ресурсами и иностранной валютой.

28 декабря — Письмом № 121 Министерство финансов разослало Положение о лицензировании деятельности на рынке ценных бумаг в качестве инвестиционных фондов и лицензировании деятельности управляющих инвестиционных фондов.

31 декабря — Министерством финансов РФ утверждены и согласованы с Центральным банком РФ основные условия выпуска государственных краткосрочных бескупонных облигаций РФ (ГКО). Одобрены Постановлением Правительства РФ № 107 от 08.02.93 года;

— вышел Указ Президента РФ № 1705 «О расширении возможностей участия населения в специализированных чековых аукционах». В соответствии с ним Фонд имущества получал вознаграждения по агентским соглашениям за участие во Всероссийских и межрегиональных чековых аукционах за счёт средств от продажи на аукционе за рубли до 5 (10)% общего количества акций акционерного общества, проданных на чековом аукционе.

1993

Январь — чековые аукционы прошли в 15 областях России. На них было выставлено 75 предприятий, оцененных на сумму около 440 млн рублей. Больше всего таких предприятий появилось в Кургане, Ростове, Ярославле, Вологде. Усреднённое число акций на аукционах составило 3,7 за один ваучер (номинал любой акции — 1000 рублей).

1 января — согласно Указу Президента РФ № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» до этого дня Правительству Российской Федерации поручалось разработать программу создания российской телекоммуникационной фондовой системы.

22 января — вступил в действие договор между Фондом имущества Москвы и Кассовым союзом. КС обрёл функции центрального депозитария приватизационных чеков. С этого времени любое лицо — физическое или юридическое, желающее участвовать в чековом аукционе по продаже акций приватизируемых предприятий, самостоятельно или через посредника должно было открыть счёт в депозитарии Кассового союза.

25 января — в операционном зале Московской центральной фондовой биржи на Волоколамском шоссе начался сбор заявок к аукциону на ценные бумаги акционерного общества «Торговый дом ГУМ» — первому аукциону, расчёты по которому осуществлялись через Кассовый союз.

26 января — по распоряжению Президента РФ 28,7 % акций Газпрома были проданы населению 59 регионов на закрытых чековых аукционах. Проданное на региональных аукционах количество акций было пропорционально стоимости основных фондов предприятий газового комплекса на территории региона.

Февраль — на рынке появились акции предприятий Волгограда. Международная финансовая корпорация (International Finance Corporation) организовала чековые аукционы в Волгоградской области. Областными комитетом по управлению имуществом, Фондом имущества, администрацией области и Госкомимуществом были определены первые 20 предприятий, акции которых появились тогда на чековых аукционах в области (в том числе и Волгоградский тракторный завод). Эти чековые аук-

ционы завершили отработку механизмов ваучерной приватизации. Опираясь на практику нескольких десятков аукционов, Госкомимущество запустило серию подобных аукционов по всей России.

Подобные аукционы прошли в 27 регионах. Среди выставленных на них 155 предприятий — такие крупные, как «Пермские моторы», Череповецкий сталепрокатный завод, московский ГУМ и другие.

1 февраля — Центральный банк РФ начал продажу абонементов на посещение семинаров для специалистов фондового рынка. Программа семинаров включает в себя доклады экспертов управления ценных бумаг ЦБ по вопросами правового регулирования фондового рынка, оптимизации их размещения и бухучёта. Семинары проходили по субботам с 20 февраля по 27 марта в московском ресторане «Круиз». Стоимость участия в одном семинаре (включая питание) — 15 долларов США.

8 февраля — вышло Постановление № 107 Правительства РФ «О выпуске государственных краткосрочных облигаций» за подписью В. С. Черномырдина. На его основании Министерством финансов и Центральным банком было утверждено «Положение об обслуживании и обращении выпусков Государственных краткосрочных бескупонных долговых обязательств (ГКО)» от 6 мая 1993 года № 02–78. Эмитентом ГКО-ОФЗ от имени Российской Федерации выступило Министерство финансов РФ. Генеральным агентом по обслуживанию выпусков облигаций стал Центральный банк РФ.

10 февраля — ЦБ РФ утвердил «Временное Положение о клиринговом учреждении» и «Временное Положение о порядке выдачи лицензий клиринговым учреждениям» — первые нормативные документы, регламентирующие деятельность коммерческих клиринговых организаций.

16 февраля — на Российской фондовой бирже под председательством первого заместителя председателя Госкомимущества РФ А. И. Иваненко прошло совещание представителей крупнейших финансовых институтов и фондовых бирж РФ.

В результате обсуждения проекта создания телекоммуникационной сети фондового рынка были одобрены принципы её организации, разработанные Федерацией фондовых бирж.

19 февраля — Верховный Совет РФ принял Постановление № 4526–1 «О выпуске государственных краткосрочных бескупонных облигаций», в котором разрешил Правительству РФ в 1993 году осуществить размещение займа на сумму 650 млрд рублей посредством выпуска ГКО.

24 февраля — вышло Распоряжение Госкомимущества РФ № 346-р «О порядке сертификации консультационных фирм и индивидуальных консультантов, участвующих в проведении работ по приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»;

— приступил к работе Московский межрегиональный аукционный центр (его возглавила Юлия Загачин) — первый из нескольких десятков центров, связавший в единую общероссийскую систему аукционные центры. Взаиморасчёты между регионами проводились в безналичной форме, без физического перемещения чеков. С 25 февраля центр начал приём заявок на участие в первом межрегиональном аукционе, где помимо московских были выставлены акции четырёх провинциальных предприятий, в том числе Владимирский тракторный завод (25% от уставного капитала предприятия) и Акционерное общество «Пермские моторы».

Март — во Владивостоке по инициативе Владивостокской международной фондовой биржи (ВМФБ) прошло учредительное собрание Приморского центрального депозитария (ПЦД). Учредителями выступили ведущие финансовые институты края и ВМФБ.

9 марта — Распоряжением Президента РФ № 163-РП создана Комиссия по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте РФ, работавшая «на безвозмездной основе». В неё вошли представители Госкомимущества РФ, Министерства финансов РФ, ГКАП РФ, Центрального банка РФ, Российского фонда федерального имущества, представителей фондовых бирж. Председателем комиссии назначен Р. Г. Орехов — заместитель начальника Государственно-правового управления Президента РФ. Существовала до 4 ноября 1994 года.

11 марта — Чековый инвестиционный фонд «МММ-инвест» начал торговлю сертификатами на акции фонда («билеты МММ»).

15 марта — решением Министерства финансов России по итогам проверки за нарушения, выявленные в ходе проверки их деятельности, аннулированы лицензии на право биржевой деятельности на рынке ценных бумаг сразу у 50 биржевых структур;

— Постановлением Правительства РФ № 222 утверждаются условия выпуска внутреннего государственного валютного облигационного займа. Выпуск облигаций осуществляется в документарной форме на предъявителя с фиксированным купонным доходом в размере 3% годовых. Общая сумма выпуска ОВГВЗ составила 7 885 000 000 долларов США. Выпуск был датирован 14 мая 1993 года;

— в Московском межрегиональном аукционном центре, расположенном в Выставочном комплексе на Краснопресненской набережной началась продажа акций московского акционерного общества «Завод имени И. А. Лихачёва» (ЗИЛ). Здесь, а также ещё в восьми областях и семи городах России федеральный и московский фонды имущества и АМО ЗИЛ выставили на продажу за приватизационные чеки более 1 млн тысячерублёвых акций, что составляло 35% от их общего количества. Аукцион проходил до 20 апреля и был объявлен знаменующим новый этап процесса — начало массовой народной приватизации.

Работники объединения выбрали первый вариант льгот, в соответствии с которым получили право выкупить 50% акций АМО «ЗИЛ», в том числе 10% — из фонда акционирования работников предприятия (бесплатно). Оставшиеся 50% и права учредителя акционерного общества по Распоряжению Госкомимущества 411-р от 4 сентября переданы московскому Фонду имущества. Итоги аукциона были подведены 15 мая 1993 года.

18 марта — в Челябинске решением малого совета Челябинского областного Совета народных депутатов приостановлено проведение чековых аукционов.

31 марта — состоялось годовое собрание РИНАКО — первой из крупнейших инвестиционных компаний России. Акционерам был предоставлен полный отчёт о деятельности по итогам 1992 года.

В предшествующую неделю держатели акций компании (это более 8 тыс. физических и юридических лиц) получали письма с финансовой отчётностью компании за 1992 год.

Апрель — чековые аукционы прошли в 63 регионах России, то есть в процесс включилось большинство (около 2/3) регионов;

— Депозитарий РИНАКО стал отдельным юридическим лицом, (президент — П. Ф. Курчанов).

Первая неделя апреля — подписание пакета соглашений между крупными депозитарными центрами — пользователями технологии РИНАКО. Эти соглашения закладывают основу для формирования разветвлённой национальной сети внебиржевого фондового рынка, основанной на связанных корреспондентскими отношениями депозитариях. Вчера рабочей группой РИНАКО была закончена отработка механизмов взаимодействия депозитариев через электронную сеть РЕЛКОМ.

На прошедшем заседании рабочей группы по координации деятельности депозитарных центров эксперты Депозитария РИНАКО представили техническое обоснование программы взаимодействия участников создаваемой внебиржевой сети фондового рынка. По словам ведущего эксперта Депозитария РИНАКО Андрея Марченко, обеспечение устойчивого информационного обмена региональных депозитариев является одним из главных условий создания жизнеспособной электронной сети фондового рынка.

1 апреля — первый конфликт. Челябинский областной Совет решил запретить чековые аукционы на территории области. По составленному комитетом по управлению госимуществом плану первый аукцион должен был начаться 15 марта. На нём инвесторам предстояло конкурировать за акции 53 предприятий области. Однако его перенесли. Было заявлено о «временном приостановлении чековых аукционов на территории области». 24 апреля сессия малого совета облсовета решила «продолжить проведение чековых аукционов».

4 апреля — решением Челябинского облсовета № 89-М за подписью председателя Петра Сумина решено возобновить чековые аукционы в Челябинской области. Кроме того, совет принял предложение Чубайса, областных комитета по имуществу и фонда имущества по проведению в области Всероссийских чековых аукционов.

5–7 апреля — прошёл семинар пользователей технологии РИНАКО, в котором приняли участие представители ряда крупнейших депозитариев страны. Участвовали депозитарии Находки, Петропавловска-Камчатского, Калуги, Перми и других городов. Поставлен вопрос об увязывании региональных депозитарных центров в единую национальную инфраструктуру вторичного рынка ценных бумаг, организации междепозитарного обмена и корреспондентских отношений между депозитариями, внедрение системы электронной подписи в электронных сетях, выработка механизма третейского суда.

7 апреля — подписан пакет соглашений между крупными депозитарными центрами — пользователями технологии РИНАКО. Депозитарии начали обмениваться информацией через сеть РЕЛКОМ. Была заложена основа для формирования разветвлённой национальной сети внебиржевого фондового рынка, основанной на связанных корреспондентскими отношениями депозитариях.

8 апреля — Кассовый союз, Госкомимущество РФ, Фонд имущества Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургская валютная биржа и Ассоциация коммерческих банков города подписали договор об учреждении при Санкт-Петербургской валютной бирже расчётно-депозитарного центра. Инициатором его создания выступило Госкомимущество России, заинтересованное в разворачивании сети региональных депозитариев для обслуживания чековых аукционов и отслеживания движения ваучеров.

12 апреля — Депозитарий РИНАКО и Центральный депозитарий Санкт-Петербурга подписали пакет соглашений о налаживании и поддержании корреспондентских отношений между ними. Таким образом, число депозитарных центров, вступивших с Депозитарием РИНАКО в корреспондентские отношения, достигло 10, а депозитарная сеть компании стала самой разветвлённой в России.

В тот же день рабочей группой РИНАКО была закончена отработка механизмов взаимодействия депозитариев через электронную сеть РЕЛКОМ. Было представлено техническое обоснование программы взаимодействия участников создаваемой внебиржевой сети фондового рынка.

15 апреля — депозитарий «ЛЛД-Плюс», заключил соглашение с Национальной торговой банковской сетью о ведении совместных операций на финансовых рынках.

Депозитарий «ЛЛД-Плюс» входил тогда в «большую четвёрку» фирм, специализирующихся на оказании депозитарных услуг и поставке стандартных депозитарных программно-технологических комплексов (кроме него в неё входили Депозитарий РИНАКО, Кассовый союз и Центр «Московские финансы»). Число открытых в депозитарии счетов по состоянию на 10 апреля у него превышало 10 тыс. Наиболее крупные региональные депозитарии, использующие технологию «ЛЛД-Плюс», функционировали в Красноярске, Улан-Удэ и Перми.

Национальная торговая банковская сеть была создана в середине 1992 года в виде электронной системы внебиржевого рынка, позволяющей совершать операции с ценными бумагами в режиме реального времени.

21 апреля — в Екатеринбурге прошло межрегиональное совещание представителей комитетов и фондов имущества, входящих в Ассоциацию экономического взаимодействия Уральского региона. На нём выступил Д. В. Васильев. Участники высказались за сохранение основных принципов приватизационного процесса. Челябинский облсовет отменил своё знаменитое решение о приостановке чековых аукционов.

27 апреля — Госкомимущество учредило общественно-государственный фонд «Российский центр приватизации», генеральным директором которого был назначен советник председателя ГКИ М. В. Бойко, позднее ставший заместителем А. Б. Чубайса на посту главы президентской администрации. Госкомимущество стало главным бенефициарием предоставленного РЦП по линии Всемирного банка целевого кредита в 3 млрд долларов.

4 мая — на ММВБ прошли пробные торги ГКО. На них отрабатывались механизмы процесса и проходила обкатку электронная система продажи ценных бумаг.

5 мая — завершился визит делегации российских фондовиков в Германию. В поездке приняли участие председатель совета директоров Международного института фондового рынка Александр Дерябин, исполнительный директор Российской фондовой биржи Игорь Суворов, президент «Пресня-банка» Пётр Гончаров, а также группа представителей российских инвестиционных и финансовых фирм. Было подписано соглашение по реализации программы обучения в Германии российских специалистов — слушателей и преподавателей Международного института фондового рынка.

Организатором визита выступило Общество содействия развитию восточноевропейских фондовых бирж при активном участии акционерного общества «Немецкие фондовые биржи». Делегация российских фондовиков провела ознакомительные переговоры с руководством Франкфуртской фондовой биржи, немецким Кассовым союзом и Центральным банком Германии.

6 мая — Министерством финансов РФ и Центральным банком РФ было утверждено «Положение об обслуживании и обращении выпусков Государственных краткосрочных бескупонных долговых обязательств (ГКО)» (приказ ЦБ РФ № 02–78). Положением регламентировался порядок ведения счетов-депо по облигациям и, по существу, впервые была сделана попытка описать двухуровневую систему учёта, предполагающую наличие междепозитарных отношений;

— завершена пилотная часть проекта создания в России межрегиональной сети депозитариев (подготовка опорных пунктов в четырёх городах страны — Москве, Санкт-Петербурге, Перми и Новосибирске). Проект предполагал создание группы региональных депозитарных центров в крупнейших российских городах. Активную поддержку в осуществлении программы оказывает Государственный комитет по управлению имуществом. Финансирование технического обеспечения программы взяло на себя американское правительство, а менеджерскую деятельность по осуществлению проекта в России проводит крупная американская компания Deloitte & Touche. В осуществлении проекта активное участие принимал Кассовый союз, разрабатывающий программное обеспечение проекта и выполняющий функции московского центра сети.

8 мая — подписан Указ Президента РФ № 640 «О государственных гарантиях права граждан России на участие в приватизации». Согласно ему, в частности, не менее 29 % акций всех акционерных обществ, создаваемых в порядке преобразования государственных предприятий, подлежат продаже исключительно на специализированных чековых аукционах не позднее чем в 3-месячный срок с момента преобразования. В соответствии с указом ЧИФам запрещалось продавать аккумулированные чеки.

13 мая — Депозитарий РИНАКО и Центральный депозитарий Санкт-Петербурга подписали пакет соглашений о налаживании и поддержании корреспондентских отношений между ними. Таким образом, число депозитарных центров, вступивших с Депозитарием РИНАКО в корреспондентские отношения, достигло 10, а депозитарная сеть компании стала самой разветвлённой в РФ;

— Московский фонд имущества объявил итоги аукциона по продаже ЗИЛа: победители получили по одной акции номиналом 1 тыс. рублей за приватизационный чек. Восемь из 55 тыс. новых акционеров Производственного объединения «ЗИЛ» (14 заводов) стали обладателями крупных пакетов — им удалось скупить около 20 % уставного капитала.

17 мая — ММВБ подписала Договор с ЦБ РФ на выполнение функций депозитария, расчётной и торговой систем на рынке государственных краткосрочных бескупонных облигаций.

18 мая — на Московской межбанковской валютной бирже (ММВБ) создана секция ГКО, прошёл первый аукцион трёхмесячных государственных краткосрочных бескупонных долговых обязательств (ГКО). Торговая система рынка ГКО-ОФЗ являлась полностью компьютеризированной системой: ввод заявок и заключение сделок производилась в электронной форме. Введение дилером заявки означало его безусловное согласие на заключение сделки купли-продажи ГКО-ОФЗ на условиях, указанных в заявке. Первая эмиссия была на 1 млрд (неденоминированных) рублей, куплено облигаций примерно на 800 млн. В торгах приняли участие 24 участника из числа банков и отдельных брокерских организаций. Затем в течение одной недели вторичные торги не проводились, после чего их стали организовывать через день.

Торги проходили в специально отремонтированном чердачном помещении ММВБ, в здании Агентства «Новости», у метро «Парк культуры».

19 мая — во Владивосток прибыла группа западных консультантов для внедрения на базе Приморского Центрального депозитария (ПЦД) масштабного проекта по организации безналичного обращения приватизационных чеков. Позже ПЦД вошёл в число уполномоченных депозитариев, осуществляющих расчёты в системе межрегиональных Всероссийских чековых аукционов.

25 мая — вышло Письмо Госкомимущества РФ № ДВ-2/3498 «О порядке оценки чистых активов, особенностях состава затрат, формирования финансовых результатов и бухгалтерском учёте в инвестиционных фондах» аналогичное Письмо Минфина РФ № 62 было датировано 21 мая того же года.

26 мая — представители крупнейших региональных депозитарных центров страны из Твери, Калуги, Махачкалы, Перми, Ижевска, Москвы и Санкт-Петербурга, использующих в своей работе технологию РИНАКО, собрались в новом помещении РИНАКО в здании Почтамта на Мясницкой для того, чтобы определить стратегию дальнейшего развития корреспондентских отношений между региональными узлами финансовой инфраструктуры. Вторым важным поводом организации встречи в Москве лидеров крупных региональных депозитариев стало их недовольство государственной политикой по распределению технической и финансовой помощи, предоставляемой западными финансовыми институтами на развитие инфраструктуры фондового рынка в России. Практически все средства направлялись на осуществление проекта Кассового союза по организации межрегиональных расчётов по приватизационным чекам.

27 мая — несмотря на критику проекта программы приватизации на 1993 год, на заседании президиума Совета министров доработанный вариант программы приватизации государственного и муниципального имущества был одобрен.

Представленный для рассмотрения в правительство проект приватизации, в отличие от предыдущего, отозванного президентом из парламента, был рассчитан на усиленное стимулирование регионов к участию в приватизации.

Начало лета — кроме бумаг МММ на рынке появились ещё некоторое количество предъявительских «ценных» бумаг: «Супримэкс», «Дока-хлеб», «Телемаркет», «Холдинг Центр», «Гермес», «Токур Золото», «Торговый дом ЛЛД» и другие. В то время казалось, напечатай бумаг с надписью «акция» — и успех вам обеспечен.

Июнь — вышедшее «Положение о порядке оценки чистых активов инвестиционных фондов» поставило многие чековые фонды на грань банкротства.

22 июня — в Москве состоялся национальный денежный аукцион акций АМО «ЗИЛ». В этот же день Фонд имущества Свердловской области объявил о проведении 13–24 июня денежных аукционов по акциям АО «Уралмаш» и Первоуральского новотрубного завода. Аукционную комиссию по продаже акций ЗИЛ, возглавлял заместитель председателя Госкомимущества Д. В. Васильев. Несомненным победителем стал московский Автобанк, выкупивший 30 тыс. акций ЗИЛа.

23 июня — в Красноярском крае были подведены итоги аукциона по одному из крупнейших предприятий области — Красноярскому алюминиевому заводу. Максимальный пакет, приобретённый на аукционе, не мог превышать 2 % от уставного капитала предприятия.

30 июня — объявлены результаты чекового аукциона по одному из крупнейших в своей отрасли предприятий — титаномагниевому комбинату «АВИСМА». Курс аук-

циона оказался очень высоким даже для предприятий цветной металлургии — на один ваучер пришлась одна акция номиналом 200 руб. Высокая аукционная цена акций была обусловлена, в частности, процедурой проведения аукциона — Фонд имущества Пермской области принимал не только наличные ваучеры, но и свидетельства о депонировании чеков, которые можно было получить в Кассовом союзе, отдав туда свои ваучеры. Московские инвесторы не замедлили воспользоваться представившейся возможностью.

8 июля — зампред Госкомимущества России Александр Иваненко подписал положение, рекомендующее региональным фондам и комитетам имущества использовать для налаживания безналичного обращения приватизационных чеков технологию ассоциации «Восточно-Европейское сотрудничество и торговля» (ВЕСТ). 19 июля это положение было доведено до сведения участников семинара-совещания, организованного ассоциацией и посвящённого проблемам внедрения предложенной ею телекоммуникационной сети. Специалисты отечественного рынка ценных бумаг, давно привыкшие к нестандартным ходам Госкомимущества, до сих пор не могут понять, чем вызван столь явный протекционизм этой государственной организации в отношении малоизвестной на финансовом рынке ассоциации.

12 июля — Кассовый союз при поддержке Госкомимущества РФ приступил к реализации основной части программы создания межрегиональной сети депозитариев, в результате которой в России планировалось создать более 60 высококлассно оборудованных региональных депозитарных центров для лёгкого доступа инвесторов к чековым аукционам, проходящим по всей территории России.

14 июля — Президиум Верховного Совета выступил против курса приватизации. В первую очередь этим решением предлагалось направить Указ Президента № 640 в Конституционный суд для проверки его конституционности, а тем временем по предложениям Президиума действие указа должно было быть приостановлено.

Было подготовлено два проекта постановления, подписанные Р. И. Хасбулатовым, — «О проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации № 640 от 8 мая 1993 года «О государственных гарантиях права граждан России на участие в приватизации» и «О введении системы именных приватизационных счетов"».

26 июля — Приказом Банка России № 02–174 было принято Положение о порядке учёта денежных средств по операциям с ценными бумагами на организованном рынке государственных ценных бумаг (ОРЦБ), которое регламентировало порядок проведения торгов и расчётов по ГКО с учётом организации региональных торговых центров (РТП).

1 августа — курс акций МММ достиг рубежа в 100 тыс. за штуку, после чего нервы многих держателей не выдержали, курс просел.

3 августа — в конференц-зале гостиницы «Radisson-Славянская» прошло совещание, посвящённое вопросам разработки концепции создания в РФ унифицированной системы депозитарного обеспечения. В совещании принял участие А. Б. Чубайс и представители иностранных консультантов Госкомимущества (KPMG, Sawyer Miller Group, Price Waterhouse и Deloitte & Touche). На совещании говорилось о необходимости создания нормативной базы на фондовом рынке вообще и рынке депозитарных услуг в частности. Было принято решение создать единую депозитарную сеть, а также ужесточить финансовый контроль за эмитентами, поскольку на рынке появилось слишком много сомнительных бумаг.

14 августа — Министерство по антимонопольной политике (МАП) одобрило сделку о слиянии нефтяных компаний ЮКОС и «Сибнефть».

7 сентября — в Санкт-Петербурге прошли монтаж и первые испытания системы безналичного обращения приватизационных чеков. Эта система была разработана и подготовлена Расчётно-депозитарным центром (РДЦ) совместно с Санкт-Петербургской валютной биржей и предоставляла своим клиентам комплексные услуги — от депонирования чеков для участников ваучерных торгов или чековых аукционов до погашения ваучеров для победителей аукционов. РДЦ был создан в структуре валютной биржи для осуществления в Петербурге пилотного проекта Кассового союза по организации сети региональных депозитариев.

8 сентября — в конференц-зале «Президент-отеля» состоялась презентация Первого ваучерного инвестиционного фонда, посвящённая регистрации трёхмиллионного акционера.

13 сентября — в департаменте финансов Правительства Москвы была зарегистрирована компания «ФинансИст», созданная в основном на средства дальневосточных коммерческих структур (перестраховочной компании «Находка Ре», Находкинского коммерческого банка и ряда других). Одной из целей создания компании является разработка и реализация концепции «Организованный рынок», предполагающей создание своего рода финансового супермаркета, в вертикальной структуре которого будут объединены все уровни финансовой инфраструктуры — от услуг по информационной поддержке до депозитарной и торговой систем. В совет директоров компании вошли Анатолий Левенчук и Виктор Агроскин — главные разработчики Депозитария РИНАКО.

20 сентября — вышло Постановление Правительства № 926 «О Федеральном управлении по делам о несостоятельности (банкротстве) при Государственном комитете Российской Федерации по управлению государственным имуществом».

28 сентября — Главное управление ЦБ по Москве приостановило активные операции по корсчёту Кассового союза, мотивируя своё решение отсутствием у КС лицензии на ведение банковских операций. Проект межбанковского кредитования, приносящий Кассовому союзу основной доход, фактически перестал существовать. Крах Кассового союза (пока только в этом сегменте) стал первым банковским кризисом новой России.

30 сентября — агентом Минфина РФ по обслуживанию ОВГВЗ становится Внешэкономбанк.

1 октября — Кассовый союз в связи с напряжённой ситуацией в Москве организовал оперативный переезд на «запасное поле» в Лужники.

3 октября — вооружённые формирования защитников Белого дома захватили несколько нижних этажей здания мэрии на Новом Арбате. Основной офис Кассового союза и крупнейшее в России хранилище приватизационных чеков, располагавшееся на первом этаже, были полностью разрушены. Впрочем, своевременный переезд уберёг депозитарные и расчётные подразделения и документы Кассового союза от уничтожения. Вскрыть крупнейшее в России хранилище приватизационных чеков, депонированных КС, нападавшие не смогли. Краха ваучерной приватизации не произошло.

6 октября — под патронажем Госкомимущества и американских консультантов (Deloitte & Touche, KPMG, Chase Manhattan Bank) началась реализация общерос-

сийского проекта создания инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг «Регистратор и расчётно-клиринговые организации». Проект подразумевал создание сети экспериментальных расчётно-клиринговых организаций в основных российских центрах торговли ценными бумагами: Москве, Петербурге, Владивостоке, Новосибирске и Екатеринбурге. В рамках этого проекта получили техническую помощь Депозитарно-клиринговая компания (ДКК), Петербургский расчётно-депозитарный центр (РДЦ), Новосибирская расчётно-депозитарная организация (РДО), Приморский центральный депозитарий (ПЦД), Екатеринбургская РДО, Информационный центр для регистраторов, который оказывает методологическую помощь реестродержателям. На его основе впоследствии был создана Профессиональная ассоциация регистраторов, трансфер-агентов и депозитариев (ПАРТАД).

7 октября — свой проект («Регистратор и расчётно-клиринговые организации») по созданию комплексной системы проведения сделок с ценными бумагами на местном фондовом рынке с дальнейшей интеграцией локальных сетей в общероссийскую клиринговую систему представили американские консалтинговые компании KPMG и Deliotte & Touche. Начались консультации с депозитарными организациями города для определения участников этого пилотного проекта в Петербурге;

— А. Б. Чубайс объявил о продлении срока действия приватизационных чеков на полгода;

— состоялось первое собрание управляющих Частным чековым инвестиционным фондом. Это первый фонд, принадлежащий частному лицу. Единственным учредителем и владельцем акций первого выпуска являлся К. Н. Боровой.

11 октября — вышло Постановление Правительства РФ № 1045 «Об образовании правительственной комиссии по использованию средств программы поддержки приватизации и структурных преобразований в Российской Федерации».

В её состав (всего 9 человек) вошли, в частности, вице-премьеры А. Б. Чубайс и Б. Г. Фёдоров, заместитель председателя ГКИ Д. В. Васильев и генеральный директор общественно-государственного фонда «Российский центр приватизации», советник председателя ГКИ М. В. Бойко и др.

10 октября — прошли первые межрегиональные биржевые торги по ГКО-ОФЗ, которые стали возможны после открытия на СМВБ (Новосибирск) регионального центра по торговле государственными ценными бумагами, подключённого к центральному комплексу ММВБ в режиме реального времени. Одновременно осуществлён переход на новую систему расчётов (Т+1), соответствующую концепции организованного рынка ценных бумаг (ОРЦБ).

19 октября — покупать ГКО получили возможность физические лица;

— в Москве прошёл семинар «Приватизация и рынок ценных бумаг», организованный Международным конгрессом «За региональный рынок Восточной Европы и Азии», Международным фондом «Содействие предпринимательству». На нём начальник управления ценных бумаг Банка России А. А. Козлов, изложил свои взгляды на развитие рынка государственных ценных бумаг. Особенно он отметил необходимость формирования инфраструктуры вторичного рынка ценных бумаг.

22 октября — Владивосток и Находку объединила сеть электронных торгов акциями. Первые в истории отечественного фондового рынка на Владивостокской международной фондовой бирже состоялись торги с подключением удалённого терминала. Подача заявок на торги проходила в режиме реального времени, а сам терминал был

установлен в Находке, расположенной примерно в 200 км от Владивостока. Расчётным депозитарием по сделкам выступал Приморский центральный депозитарий (ПЦД). Он принимал поручения от участников торгов в электронной форме в стандарте ISO.

23 октября — завершился семинар, организованный в Екатеринбурге американскими консалтинговыми компаниями Deloitte & Touche и KPMG Peat Marwick совместно с Уральским фондовым центром. Основной целью семинара было ознакомление представителей финансовых институтов города с проектом американских компаний по созданию в регионе единой депозитарно-расчётной системы вторичного рынка ценных бумаг «Регистратор и расчётно-клиринговые организации».

25 октября — открылся приём заявок на участие в первом межрегиональном чековом аукционе по продаже акций дочернего предприятия ведущей российской нефтяной компании ЮКОС — АО «Юганскнефтегаз». Проводился по распоряжению Госкомимущества, подписанного заместителем председателя комитета Д. В. Васильевым. Это было самое дорогое из всех прежде продаваемых на чековых аукционах предприятий — его уставный капитал составлял почти 10,7 млрд рублей. При добыче свыше 30 млн тонн нефти в год оно принадлежало к числу крупнейших нефтяных компаний России (10 %). Этот аукцион положил начало серии аналогичных мероприятий в нефтяной отрасли, в частности аукционов акций дочерних предприятий компании ЛУКОЙЛ. Существующая схема акционирования нефтяной отрасли как минимум на 3 года закрепляла контрольные пакеты предприятий за государством. Аукцион проходил по 19 ноября;

— арест главы ЮКОСа М. Б. Ходорковского.

27 октября — вышел Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению прав акционеров» № 1769. Он ознаменовал новую эру в развитии инфраструктуры рынка ценных бумаг. Открылась дорога новому бизнесу — регистраторскому. Появилось понятие «номинальный держатель». Указ обязывал передавать реестр независимому регистратору, если у эмитента было более 1000 акционеров. Деятельность регистраторов в этот период регулировалась только применительно к именным акциям акционерных обществ, не касаясь других именных ценных бумаг (след. ред. Указа Президента РФ от 31 июля 1995 года № 784).

28 октября — на московских биржах начался чековый бум. На Центральной российской универсальной бирже резко возрос объём продажи — впервые за всю историю биржи он подпрыгнул почти до 100 тыс. чеков. Заметно поднялась их цена — до 12,7 тыс. рублей (средневзвешенный курс). На следующий день цена чека при некоторых сделках достигла 15 тыс. рублей (средневзвешенный курс 14 640 рублей), а объём продажи перевалил за 165 тыс. штук — столько чеков редко удавалось прежде продать и за целую неделю!

29 октября — зарегистрировано Закрытое акционерное общество «Депозитарно-клиринговая компания».

Конец октября — Госкомимущество выпустило Распоряжение № 1730 «О представлении отчётности при проведении специализированных чековых аукционов». Право контроля отдано комитетам по управлению имуществом; впервые появились сроки и формы отчётности, которые комитеты или их уполномоченные вправе требовать при проверках проведения чековых аукционов.

В преддверии его в Санкт-Петербурге было заведено уголовное дело: арестованному по результатам прокурорской проверки зампреду Фонда имущества Петербур-

га Александру Фишкову было предъявлено обвинение по ст. 172 УК России (халатность).

Выяснилось, что Фонд имущества Санкт-Петербурга погасил лишь 10% выведенных из оборота чеков (малая приватизация в Питере к тому моменту была завершена, продано около 65% крупных и средних предприятий; по оценкам КУГИ, собрано около 8 млн чеков). Обнаружена недостача 13 тыс. ваучеров. После освобождения Александр Львович с апреля 1994 года продолжал работу в прежней должности.

Ноябрь — генеральный директор-председатель совета директоров АО «АвтоВАЗ» В. В. Каданников создал и возглавил Открытое акционерное общество «Автомобильный всероссийский альянс» (ОАО «AVVA»), занимавшийся проектом «народного автомобиля». Им были выпущены предъявительские ценные бумаги по «новой технологии». Свидетельства о депонировании акций на предъявителя не были ценными акциями, но слово «акция» в тексте выделялось, а на прочие мелочи покупатель не обращал внимания. Договора продажи при этом не заключались, даже чек не выдавался. Генеральным депозитарием AVVA стал Кассовый союз. AVVA был первым крупным российским эмитентом, который приступил к использованию депозитарной сети (в середине 1994 года — 27 городов), основанной Кассовым союзом для организации безналичного обращения ваучеров.

4 ноября — Госкомимущество приступило к выполнению пилотного проекта, нацеленного на подготовку регистраторов для 15 регионов страны;

— зампредседателя Госкомимущества Д. В. Васильев в ходе семинара по обучению регистраторов акционерных обществ заявил, что Госкомимущество «объявляет открытую войну» Правительству Москвы и мэру Ю. М. Лужкову, которые произвольно корректируют государственную программу приватизации. Д. В. Васильев заявил, что отказ Юрия Лужкова от приватизации через ваучеры (полный или частичный) приведёт к подрыву доверия к ваучеру и созданию напряжённости среди держателей ваучеров.

9 ноября — руководство Министерства финансов России утвердило объём седьмой эмиссии государственных краткосрочных облигаций в размере 55 млрд рублей. Эти облигации были размещены на рынке 16 ноября. Заявленный объём эмиссии в два с половиной раза превышал размер шестого выпуска гособлигаций и примерно соответствовал совокупному объёму всех шести первых выпусков ГКО.

11 ноября — в рамках проекта «Регистратор и расчётно-клиринговые организации» в Москве был открыт Информационный центр для регистраторов (ИЦР), в функции которого вошла информационная и консультационная поддержка вновь созданных независимых депозитариев, а также разработка требований к независимым депозитариям. Во многом на его основе впоследствии создаётся Профессиональная ассоциация регистраторов, трансфер-агентов и депозитариев (ПАРТАД);

— руководство Российской фондовой биржи сделало очередной шаг к созданию единого информационного пространства в рамках своего депозитарного комплекса, заключив договор о сотрудничестве с немецкой фирмой Rechner und Peripherie Gmbh. В нём, в частности, говорится, что немецкая компьютерная компания поставит бирже программно-технологическое оборудование на сумму 5 млн немецких марок. Вместе с тем отмечается, что депозитарий РФБ на полную мощь не заработал.

24 ноября — вышел Указ Президента РФ № 2004 «О расчётах приватизационными чеками в процессе приватизации». В нём был зафиксирован механизм безналичного обращения ваучеров. Указ вводил понятие «свидетельство о депонировании

чеков» — разовый документ, который гасился продавцом сразу же в день подведения итогов аукциона; порядок уничтожения и погашения свидетельств был идентичен порядку уничтожения и погашения приватизационных чеков. В указе было подробно расписано, какие счета обязан открыть уполномоченный депозитарий, какие сведения он обязан предоставить гражданину, передавшему чеки на ответственное хранение, и продавцу, который должен или зачесть эту заявку, или исключить её из расчёта при определении итогов аукциона. Проект предусматривал жёсткую схему приёма и погашения свидетельств о депонировании

30 ноября — вышло Распоряжение Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом № 2074-р «Во исполнение Указа Президента РФ от 24 ноября 1993 года», утвердившее Перечень из 15 уполномоченных депозитариев, входящих в систему межрегиональных Всероссийских чековых аукционов.

В списке было 22 уполномоченных депозитария. Два из них московские: под № 19 — Акционерное общество закрытого типа «Кассовый союз», а под № 20 — Акционерное общество закрытого типа «Депозитарий РИНАКО».

1 декабря — в помещении РТСБ вкладчики лопнувшего фонда «Технический прогресс» (ТП) вместе с лидером Партии экономической свободы К. Н. Боровым провели пресс-конференцию. Они объявили о создании Общества защиты инвестиций граждан, которое должно будет защищать мелких вкладчиков. Председателем общества избран Лев Гутерман. В то время организаторов фонда Степанянца и его родственников, отца и сына Саркисовых, искали правоохранительные органы.

Начало декабря — пленум Высшего арбитражного суда принял Постановление «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о приватизации государственных и муниципальных предприятий». Этот документ готовился совместно с ГКИ.

7 декабря — заявление Анатолия Чубайса о продлении на полгода срока действия приватизационных чеков не только оказало существенное влияние на активизацию деятельности уже созданных инвестиционных фондов, но и укрепило веру бизнесменов в необходимость создания новых;

— состоялось первое собрание управляющих новым Частным чековым инвестиционным фондом. Фонд принадлежал частному лицу, что стало беспрецедентным случаем на российском рынке — единственным учредителем и владельцем акций первого выпуска являлся Константин Боровой.

— Минфин зарегистрировал реестр 2-го выпуска акций ОАО «Концерн “Гермес”». Уставный капитал — 1 млрд рублей. Номинальная стоимость акции — 1 тыс. рублей.

14 декабря — после выборов в Госдуму в ходе вечерних торгов на российской товарно-сырьевой бирже курс приватизационного чека упал до рекордно низкой за последний месяц отметки 20 998 рублей (в первую декаду декабря курс колебался вокруг 25 тыс. рублей).

17 декабря — вышел Указ Президента РФ № 2173 «Вопросы Российского фонда федерального имущества» (вместе с Положением о Российском фонде федерального имущества). В соответствии с п. 5 и 13 оно было обязано осуществлять контроль за соблюдением покупателями объектов приватизации, условий заключённых с ними договоров купли-продажи и в необходимых случаях принимать меры для их расторжения в установленном порядке. Фонду имущества придан статус специализированного фи-

нансового учреждения, полностью исключающий самостоятельность в инвестиционных вопросах и устанавливающий подконтрольность фонда Госкомимуществу и правительству.

20 декабря — 50% акций Горьковского автозавода были выставлены на всероссийский чековый аукцион. Такой победы ваучерная приватизация ещё не знала. Контрольных пакетов крупных предприятий до сих пор за ваучеры не продавали.

22 декабря — вышел Указ Президента РФ № 2264 «О мерах по реализации законодательных актов о несостоятельности (банкротстве) предприятий».

24 декабря — вышел Указ Президента № 2284 «О государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации». Она вводилась в действие с 1 января 1994 года.

Персональную ответственность за соблюдение сроков продажи акций приватизируемых предприятий возложили на председателя соответствующего фонда имущества.

По словам Д. В. Васильева: «Наибольший минус — фантастический по размеру раздел «Отраслевые особенности приватизации». Это только первый заход наших министерств, который в ближайшее время разовьётся во всю ширь. Чего там только нет — медицинская промышленность, объекты культуры и т. д. Это бесконечно, мы ничего не смогли снять» (след. ред. Указа Президента от 6 октября 1997 года № 1066).

В 1993 году — начата международная программа содействия развитию российского фондового рынка, она была рассчитана на два года. Консультантами по программе выступали специалисты KPMG-Barents Group, занимавшиеся созданием торговой системы по аналогу с американской NASDAQ. Формально всё техническое оборудование в Российской торговой системе принадлежало KPMG-BG, и до конца 1995 года по условиям программы «железо» должно было быть передано российским участникам фондового рынка, что подталкивало их к созданию какой-то новой ассоциации.

1994

В 1994 году функции аттестации специалистов на рынке ценных бумаг перешли от Министерства финансов к ФКЦБ. Комиссия установила квалификационные минимумы, необходимые для работы на фондовом рынке. Был определён и перечень уполномоченных организаций, имеющих право проведения квалификационных экзаменов и подготовки к ним.

1 января — началась реклама компании AVVA.

10 января — Распоряжением Госкомимущества РФ № 44-р в целях улучшения положения мелких инвестиционных фондов им предложено реорганизовываться путём слияния.

16 января — Пресненский суд Москвы отклонил иск правозащитника И. Смыкова о признании незаконным решения (14.09.2003 года) Министерства по антимонопольной политике (МАП) по одобрению сделки о слиянии нефтяных компаний ЮКОС и «Сибнефть». Смыков указал в своём иске, что слияние ЮКОСа и «Сибнефти» создавало монополию в области добычи и переработки нефти.

17 января — начался чековый аукцион по акциям АвтоВАЗа. На аукционе было продано не 21,5% акций предприятия, как настаивали его руководители, а 27,5%, что составляло 5 млн 889 тыс. акций.

27 января — по инициативе координаторов проекта «Регистратор и расчётно-клиринговые организации» — американских консалтинговых компаний Deloitte & Touche

и KPMG Peat Marwick, а также нью-йоркского Chase Manhattan Bank — в гостинице «Славянская» прошла встреча крупнейших финансовых компаний и банков Москвы, на которой было объявлено о создании на базе депозитария Кассового союза Депозитарно-клиринговой компании.

3 февраля — Госкомимущество и компания «Депозитарий РИНАКО» подписали договор, согласно которому последний получил статус уполномоченного (30 ноября 1993 года зафиксировано Распоряжением Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом № 2074-р). В Москве стало два уполномоченных депозитария. До сих пор поддерживаемая американскими консалтинговыми компаниями программа развития депозитарной инфраструктуры в РФ предусматривала существование только одного центрального депозитария по учёту безналичных операций с ваучерами (московский депозитарий Кассового союза).

11 февраля — вышло Письмо ЦБ РФ № 75 «Об утверждении и введении в действие новой редакции Инструкции о правилах выпуска и регистрации ценных бумаг коммерческими банками на территории Российской Федерации».

15 февраля — вступила в силу новая редакция инструкции № 8 («О порядке выпуска и регистрации акций коммерческих банков»). Документ предусматривал ужесточение контроля за банками-эмитентами со стороны ЦБ РФ и предъявлял более жёсткие требования к составлению проспектов эмиссий. Отныне коммерческие банки должны включать в документ, предназначенный для контрольного органа — ЦБР, налоговой службы или дотошного инвестора, сведения о членах совета директоров банка с указанием размеров пакетов акций, которые им принадлежат. Кроме того, проспект должен включать сведения о том, какие должности занимают члены совета директоров банка в иных организациях и какими долями в капитале других структур они владеют. Проспект эмиссии также должен содержать весьма общие сведения о крупнейших учредителях банка, имеющих более 5% голосов;

— Распоряжением Госкомимущества 15 февраля 1994 года № 342-р утверждено Положение об инвестиционных конкурсах, не меняющее прежний порядок перехода права собственности. Покупатель становился собственником с момента оплаты стоимости пакета акций. Дальнейшие действия по реализации инвестиционной программы фактически выпадали из-под контроля, что вызвало огромное количество судебных разбирательств.

18 февраля — Верховный Совет Российской Федерации разрешил Минфину осуществить в 1993 году размещение займа в 650 млрд рублей посредством выпуска государственных краткосрочных облигаций (ГКО).

24 февраля — вышло Постановление Правительства РФ о№ 152 «Об утверждении Положения о порядке лицензирования деятельности товарных бирж на территории Российской Федерации, Положения о государственном комиссаре на товарной бирже». Согласно ему, с 10 сентября прекращалось действия лицензий на организацию биржевой торговли, выданных Антимонопольным комитетом России в период с 14 июня 1991 года по 14 октября 1993 года. Товарные биржи, не имеющие лицензии комиссии ГКАП, были обязаны с 12 сентября прекратить торги до получения новых лицензий.

25 февраля — на заседании комиссии по проведению Всероссийского аукциона акций ГАЗа было решено считать всероссийский чековый аукцион по продаже акций ГАЗа несостоявшимся в установленные сроки.

К концу февраля — по данным Госкомимущества России и Российского центра приватизации, в 86 регионах страны прошли чековые аукционы по продаже акций 9357 предприятий с совокупным уставным капиталом почти в 489 млрд рублей.

1 марта — зарегистрирован специализированный регистратор — акционерное общество открытого типа «Центральный московский депозитарий», ставший крупнейшим российским регистратором.

23 марта — состоялось годовое собрание Ассоциации дилеров фондового рынка (президент Игорь Ворон), созданного в конце декабря 1993 года. Оно было посвящено организации торговли предъявительскими акциями инвестиционных компаний.

29 марта — председатель Российского фонда федерального имущества (РФФИ) В. В. Соколов подписал Распоряжение № 40, согласно которому утверждена Комиссия по проведению чековых аукционов. В состав комиссии вошли заместитель председателя РФФИ С. А. Михайлов (председатель комиссии), заместитель председателя Фонда имущества Москвы И. С. Голованов, президент Российской финансовой корпорации (бывший министр экономики России) А. А. Нечаев (заместитель председателя комиссии) и директор Московского межрегионального аукционного центра Юлия Загачин. Председателем комиссии назначен Михайлов.

13 апреля — выпущено Письмо Банка России № 87 «О порядке осуществления на территории Российской Федерации операций с облигациями внутреннего государственного валютного облигационного займа», рассматривающее вопросы валютного регулирования в связи с эмиссией ОВГВЗ, номинированных в долларах США.

14 апреля — вышло Постановление Правительства РФ № 321 «О выпуске казначейских векселей 1994 года Министерством финансов Российской Федерации». Весь объём векселей был приобретён у Минфина России Центральным банком Российской Федерации;

— протоколом Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте РФ № 2, по существу, впервые даётся нормативно закреплённое определение депонента, договора счёта-депо, счёта-депо, безналичной формы выпуска ценных бумаг. Впервые даётся определение депозитарной деятельности — «предоставление услуг по хранению ценных бумаг и / или учёту прав на эти ценные бумаги» (п. 1.1 Положения о депозитариях) и безналичной форме выпуска ценных бумаг — «форма выпуска ценных бумаг, при которой все ценные бумаги данного выпуска помещаются на хранение в депозитарий или у реестродержателя, а права по ценным бумагам отражаются в виде записи в учётном регистре депозитария или в регистрационном журнале реестродержателя».

15 апреля — РФФИ и РАО «Газпром» подписали договор о сотрудничестве при проведении специализированного чекового аукциона.

16 апреля — руководство РТСБ провело встречу с представителями крупнейших брокерских фирм биржи, Депозитария РИНАКО и Российского национального коммерческого банка. В центре внимания участников встречи было обсуждение вопроса о предстоящих изменениях в технологии торгов биржи, связанных с реконструкцией операционного зала РТСБ.

18 апреля — Госкомимущество РФ утвердило «Положение о реестре акционеров акционерного общества» № 840-р. После него стали появляться новые фирмы — специализированные регистраторы. Согласно Положению, они образовывались эмитентами. Некоторые брокерские конторы тоже выделили реестро-

держателя в отдельную структуру. В Положении было сказано: функции брокера и реестродержателя не совместимы, если речь идёт об одном эмитенте. В Положении было указано, что выписка из реестра акционеров не является ценной бумагой, её передача от одного лица к другому не означает совершение сделки и не влечёт переход права собственности на акции. Выписки из реестра только подтверждают право собственности на акции.

20 апреля — принято Положение о депозитариях, утверждённое Распоряжением Госкомимущества РФ № 859-р. Утратило силу в связи с изданием Распоряжения Госкомимущества РФ № 1252-р от 27.11.1996.

20 апреля — Комитет Госкомимущества объявил о запуске пилотного проекта «Поддержка российских предприятий в мобилизации капитала на фондовом рынке». Проект стоимостью в несколько миллионов фунтов стерлингов полностью финансировался Британским фондом ноу-хау (British Know Fund). Согласно проекту, одобренному Комиссией по ценным бумагам и фондовым биржам при президенте, эксперимент по осуществлению вторичной эмиссии акций приватизированных предприятий и их реализации на российском фондовом рынке затронул только московские, пермские, петербургские и екатеринбургские АО. В каждом городе были отобраны не более двух эмитентов-добровольцев, приватизация которых завершена, а государственный пакет акций не превышал 20 %.

23–24 апреля — прошёл семинар, организованный Комиссией по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте РФ. В нём приняли участие брокеры, дилеры, трансфер-агенты из 74 регионов России. Семинар подтолкнул профессиональных участников фондового рынка к объединению в ассоциации и союзы, претендующие на статус саморегулируемых. Это был первый выход в свет Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам. Главное нарекание участников семинара вызвало отсутствие законодательной базы рынка ценных бумаг. В семинаре участвовали А. А. Козлов и Д. В. Васильев, Р. Орехов. Участникам форума было представлено разработанное комиссией совместно с ГКИ Положение «О депозитариях».

1 мая — вышел Указ Президента Российской Федерации № 478 (след. ред. Указа Президента РФ от 16 мая 1997 года № 495) «О мерах по обеспечению гарантированного поступления в федеральный бюджет доходов от приватизации».

5 мая — Министерство финансов Российской Федерации выпустило Инструкцию № 59 «О порядке составления и представления эмитентами ценных бумаг отчётов об итогах выпуска ценных бумаг и о порядке составления и представления акционерными обществами годовых отчётов по ценным бумагам». Инструкция не распространялась только на банки и чековые инвестиционные фонды.

15 мая — московскими брокерами был сформирован первый фондовый «профсоюз» — Профессиональная ассоциация участников фондового рынка (ПАУФОР). Председателем совета ассоциации был избран Андрей Орехов.

29 мая — Постановлением Правительства РФ от 1994 года № 498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий» были введены признаки банкротства: коэффициенты, отражающие неудовлетворительную структуру баланса, по которым устанавливалась неплатёжеспособность предприятия.

6 июня — в Москве в одном из павильонов Всероссийского выставочного центра на Краснопресненской набережной прошло учредительное собрание Профессиональ-

ной ассоциации регистраторов, трансфер-агентов и депозитариев (ПАРТАД). Начинается работа над стандартами регистраторской деятельности.

11 июня — вышел Указ Президента РФ «О защите интересов инвесторов» № 1233. В нём говорилось о производных ценных бумагах;

— на знаменитой пресс-конференции Б. Н. Ельцина президент попросил первого вице-премьера О. Н. Сосковца «передать Чубайсу, чтобы Москвой не занимался». Ожесточённая борьба вокруг столичной приватизации продолжалась ещё 8 месяцев и завершилась полным поражением Госкомимущества после появления указа Б. Н. Ельцина об особенностях приватизации в Москве в почти оригинальной редакции московского мэра Ю. М. Лужкова.

31 июня — окончание первого этапа приватизации — чековой приватизации.

2 июля — вышел Указ Президента РФ № 1114 «О продаже государственных предприятий-должников». Этот указ позволил вмешиваться в схему приватизации, установленную законом о приватизации, и продавать за долги те предприятия, которые имели ограничения на приватизацию. Это открыло достаточный простор для создания соответствующих схем.

6–8 июля — в Москве прошла Всероссийская конференция по правам акционеров. В ней приняли участие представители региональных комитетов по правам акционеров и всех категорий участников рынка ценных бумаг. В заключительный день на конференции выступил зампред ГКИ и Комиссии по ценным бумагам при президенте Д. В. Васильев. Главный итог конференции — принятие Декларации прав акционеров.

11 июля — вышел Указ Президента № 1233 «О защите интересов инвесторов». В соответствии с ним и с законодательством Российской Федерации подлежали обязательной государственной регистрации только выпуски акций акционерных обществ; облигаций (включая облигации государства и органов местного самоуправления).

12 июля — в Санкт-Петербурге состоялся семинар, посвящённый оценке роли саморегулирующихся организаций. В его работе приняли участие заместитель председателя Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам Д. В. Васильев и глава российского представительства компании KPMG Peat Marwick Джонатан Балкли.

Семинар был приурочен к юридическому оформлению первого в Санкт-Петербурге общественного объединения фондовиков — Комитета профессиональных участников фондового рынка. Д. В. Васильев стал одним из инициаторов его создания. Членами комитета стали городской Фонд имущества, местная валютная биржа, расчётно-депозитарный центр и ряд крупнейших брокерских контор города. Эта организация занялась разработкой и анализом нормативных актов по рынку ценных бумаг, организацией единого информационного пространства и др.

22 июля — вышел Указ Президента Российской Федерации № 1535 «Об основных положениях государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года».

Тем же указом были приняты «Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий»;

— по причине неуплаты налогов милиция опечатала офисы АО «МММ», государство обратило пристальное внимание на необходимость защиты прав инвесторов.

— Указ Президента Российской Федерации № 1535 «Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года».

Август — созданы экспертный совет и рабочая группа экспертного совета Государственной думы РФ по подготовке Закона «О рынке ценных бумаг». Координатором экспертного совета и председателем рабочей группы стал депутат Е. В. Бушмин. Разработка законопроекта началась на фоне финансового краха АО «МММ», открывшего властям то, что, во-первых, действующие нормативные акты не могли защитить акционеров от финансовых пирамид, а во-вторых, не обеспечивают контроль за эмитируемыми бумагами;

— создано ЗАО «ДРАГа» — Специализированный регистратор, реестродержатель крупнейшего российского эмитента ОАО «Газпром»;

— в рамках государственного проекта создания пяти расчётно-депозитарных организаций России была создана новосибирская Расчётно-депозитарная организация (РДО). Её учредителями стали Сибирская фондовая биржа и Сибирская межбанковская валютная биржа при поддержке Комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве Российской Федерации и консалтинговой компании Deloitte & Touche;

— А. Б. Чубайс, возглавлявший Федеральную комиссию, первый предупредил граждан о скором крушении пирамиды МММ.

5 августа — на первом совете директоров ПАУФОРа (Москва) были обнародованы его первоначальные задачи: разработка стандартов торговли ценными бумагами и комплекса мер дисциплинарного воздействия на их нарушителей, а также создание для участников ассоциации внебиржевой компьютерной торговой системы.

Уже в сентябре 1994 года был принят первый вариант правил ПАУФОР, что позволило сразу перейти к активному созданию системы торговли.

5 сентября — Департамент общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы выдал ПАУФОРу Свидетельство о регистрации под № 1757–1. Тогда же был принят первый вариант правил ПАУФОРа. Его первоочередными задачами были названы: разработка стандартов торговли ценными бумагами и комплекса мер дисциплинарного воздействия на их нарушителей, а также создание для участников ассоциации внебиржевой компьютерной торговой системы.

14 сентября — прошли первые торги в системе внебиржевой торговли Профессиональной ассоциации участников фондового рынка. Для этого внедрено полученное в рамках технической помощи программное обеспечение внебиржевого рынка PORTAL, эксплуатирующееся в торговой системе NASDAQ.

17 сентября — вышел Указ Президента РФ № 1931 «О реализации акций Российского акционерного общества “Газпром”», в котором говорилось, что, «исходя из необходимости... достижения подлинной рыночной цены на акции РАО “Газпром”, Российскому фонду федерального имущества в недельный срок заключить договор с РАО “Газпром” на реализацию в форме биржевых торгов через Владивостокскую международную фондовую биржу».

21 сентября — советом директоров ПАРТАДа утверждены Требования к программному обеспечению ведения реестра акционеров. Эти требования разработаны специалистами Информационного центра для регистраторов (ИЦР) в тесном взаимодействии с комитетами ПАРТАДа, в их основу были положены нормативные акты Российской Федерации, касающиеся деятельности по ведению реестра. Изменения в этот документ будут внесены 7 февраля 1995 года.

27 сентября — основные условия выпусков ГКО были утверждены Постановлением Правительства РФ.

4 октября — Банк России, выполняя Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1994 года № 1005 «О дополнительных мерах по нормализации расчётов и укреплению платёжной дисциплины в народном хозяйстве», разработал Временные основные положения по переучёту векселей предприятий Банком России. Подписал их за неделю до «чёрного вторника» и отставки В. В. Геращенко. Документ подробно описывал процессы учёта банковских векселей.

6 октября — мэр Москвы Ю. М. Лужков подписал Распоряжение «О создании Московской комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку». Её председателем назначен первый заместитель премьера Правительства Москвы, руководитель комплекса экономических реформ К. Э. Буравлёв. В её состав были включены руководители департаментов и комитетов мэрии и даже начальник ГУ ЦБ по Москве К. Б. Шор. В распоряжении говорилось, что комиссия создаётся «в целях обеспечения защиты прав инвесторов от недобросовестной деятельности ряда коммерческих структур, работающих на фондовом рынке, координации деятельности ведомств Правительства Москвы»;

— ГКИ РФ принял Распоряжение № 2469-р «Об утверждении Порядка продажи акций акционерных обществ на специализированном аукционе по продаже акций».

Продаже на специализированном аукционе подлежали все акции, оставшиеся в государственной (муниципальной) собственности после:

безвозмездной передачи акций работникам приватизированных предприятий и приравненным к ним лицам и / или продажи акций по закрытой подписке в соответствии с льготами, предоставленными им Основными положениями;

продажи пакетов акций по инвестиционному конкурсу, или (и) по коммерческому конкурсу, или (и) на аукционе (за исключением специализированного аукциона).

10 октября — Указом Президента РФ «для обеспечения инвестиций в телекоммуникационную отрасль» путём консолидации госпакетов акций 85 региональных телекоммуникационных компаний был создан Телекоммуникационный холдинг «Связьинвест».

18 октября — в правительство официально внесён Законопроект «Об акционерных обществах», скорректированный в соответствии с нормами принятого Думой во втором (а 19 октября — и в третьем) чтении Гражданского кодекса. Разработка законопроекта продолжалась более трёх лет — с сентября 1991 года (принят 26 декабря 1995 года).

Будет принята первая часть, содержащая нормы, регулировавшие деятельность частных компаний, выпуск ценных бумаг и совершение сделок с ними.

21 октября — Минфином РФ утверждено Положение «О порядке размещения, обращения и погашения казначейских обязательств» № 140;

— депутаты П. Г. Бунич, А. Л. Головков, Р. Ф. Исмагилов и Г. А. Томчин внесли в Совет Государственной думы РФ Законопроект «Об инвестиционных ценных бумагах и фондовых биржах».

1 ноября — прошли пробные электронные торги ценными бумагами московских приватизированных предприятий, организованные Фондовым эмиссионным синдикатом на базе глобальной коммуникационной сети ФЭС-Sprint. Их целью являлось не заключение конкретных сделок, а обкатка системы и закачка информации. Для участия в торгах кроме подписания договора нужно было ещё и оплатить членский взнос, чего на тот момент никем сделано не было. Да и сами члены ФЭС не оплатили страхового сбора и не внесли оплату за коммуникационные услуги.

Для обеспечения торгов ценными бумагами был создан Федеральный расчётно-клиринговый депозитарный центр (РКДЦ). Расчёты же осуществляются в виде проводок по счетам в расчётных палатах Федерального РКДЦ ФЭС или корреспондирующих систем (НТБС, РИНАКО, Кассовый союз).

2 ноября — Московская областная дума решением № 10/35 отметила, что в «программу приватизации заложена ошибочная концепция» и что «продолжение приватизации в таких условиях может привести общество к социальному взрыву», так как «большинство населения отстраняется от приватизации, доступ к ней получает только небольшая часть общества, сумевшая накопить достаточно крупные капиталы». Аналогичные решения приняли представительные органы Республики Мордовия, Алтайского края и целого ряда других регионов;

— Межкомбанк установил в своём дилинговом зале первые 5 удалённых торговых терминалов, чтобы проводить операции одновременно с разными видами бумаг на ММВБ.

4 ноября — вышел Указ Президента РФ № 2063 «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации». В нём устанавливалось, что «предпринимательская деятельность на рынке ценных бумаг в РФ, в том числе предоставление услуг по размещению, купле и продаже ценных бумаг, осуществляется исключительно профессиональными участниками на основании лицензий, выдаваемых в порядке, определяемом действующим законодательством Российской Федерации».

Этим указом была создана Федеральная комиссия по ценных бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ, фактически унаследовавшая кадры и традиции Госкомимущества. Комиссия стала федеральным органом исполнительной власти. Руководство Федеральной комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку возложено на первого вице-премьера Правительства РФ А. Б. Чубайса. Деятельность Федеральной комиссии обеспечивается рабочим аппаратом — исполнительной дирекцией, которой руководит заместитель председателя комиссии Д. В. Васильев. Существовала до 1 июля 1996 года. До середины декабря состояла из трёх человек — председателя А. Б. Чубайса и двух его замов — Р. Г. Орехова и Д. В. Васильева;

— впервые в отечественной практике удалённые торговые терминалы для торговли ГКО установил Межкомбанк. На подключение 5 удалённых терминалов банку понадобилось чуть более трёх месяцев.

5 ноября — А. Б. Чубайс покинул пост председателя Госкомимущества, став первым вице-премьером. Эксперты прогнозировали, что его преемником на посту председателя ГКИ, станет, скорее всего, его заместитель Д. В. Васильев. Однако этого не произошло.

10 ноября — рабочая группа и экспертный совет внесли в Совет Государственной думы РФ законопроект «О рынке ценных бумаг». Законопроекты (см. 21 октября) схожи. У них почти одинаковая структура и сходные понятийные базы. В обоих отсутствуют положения об ответственности за невыполнение норм закона, но присутствует масса отсылок к неразработанному пока законодательству. В обоих подчёркнуто признание единого органа, который будет регулировать вопросы ответственности на рынке ценных бумаг — Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ.

11 ноября — произошло обвальное падение рубля по отношению к доллару («чёрный вторник»). За один день на Московской межбанковской валютной бирже курс доллара вырос с 2833 до 3926 рублей за доллар. Правда, позднее курс доллара скорректировался, но панику в стране это событие произвело нешуточную;

— сразу после «чёрного вторника» на ММВБ приехал председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин. Впервые второе лицо в государстве посетило рыночную структуру. Его сопровождала делегация: первый заместитель председателя Правительства РФ А. Б. Чубайс, министр финансов РФ В. Г. Пансков, заместитель председателя Банка РФ А. А. Хандруев.

15 ноября — после встречи Б. Н. Ельцина с премьером В. С. Черномырдиным было объявлено, что восьмым вице-премьером и председателем Госкомимущества стал губернатор Амурской области В. П. Полеванов. Указ Президента РФ № 2088 «О заместителе председателя Правительства Российской Федерации — председателе Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом».

22 ноября — состоялся семинар «Мировой опыт и проблемы развития российского фондового рынка» с участием генерального менеджера компании Financial Research Associates Тима Льюина (один из организаторов семинара) и зампреда только созданной Федеральной комиссии по ценным бумагам Д. В. Васильева.

28 ноября — недавно назначенный заместитель председателя Федеральной комиссии по ценным бумагам Д. В. Васильев обозначил ближайшие практические шаги комиссии по модернизации российского рынка ценных бумаг. Он заявил, что главная цель комиссии — увеличение иностранных инвестиций (прежде всего, портфельных) с нынешнего объёма — около $3 млрд — в течение 1–2 лет на порядок — до $30 млрд. Он заявил, что комиссия предпримет шаги по совершенствованию клирингово-депозитарной системы. В частности, достигнуто соглашение с ЛУКОЙЛом и Газпромом о создании системы крупных регистраторов, которые будут вести реестры акционеров этих компаний. Васильев заявил, что комиссия намерена начать тотальную проверку соблюдения правил ведения реестров акционеров.

Декабрь — В. П. Полеванов издал приказ, по которому право подписи всех нормативных и финансовых документов перешло исключительно к нему. Одновременно он занялся кадровыми перестановками. Под его давлением два зампреда ГКИ — П. П. Мостовой и А. Р. Кох — написали заявления об уходе. Однако в связи с тем, что вопросы о назначении зампредов решало правительство, решение вопроса о их судьбе было отложено. Уволена начальник управления чековых фондов Т. Блохина;

— возможно, благодаря руководителю Главного правового управления Администрации Президента Р. Г. Орехову, вышел указ Президента РФ, согласно которому ему были напрямую подчинены силовые министры Минобороны, МВД, ФСБ и председатель ФКЦБ. Таким образом, Д. В. Васильев как бы стал четвёртым «силовым министром». Мотивировка была проста: ФКЦБ должна решать проблемы обманутых вкладчиков, которых в стране миллионы. А это стратегический вопрос безопасности страны;

— Bank of Bermuda LLC и ING Bank запустили программу RDC — Russian Depository Certificate (Российские депозитарные сертификаты). Bank of Bermuda по этой программе стал номинальным держателем, ЗАО «ИНГ Банк (Евразия)» — депозитарием, брокерами выступали филиалы ING Bank. Бумаги представляли собой некий аналог ADR. Правда, для их обращения на фондовом рынке США не требовалось разрешение SEC.

9 декабря — созданная месяц назад президентским указом правительственная Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку провела свою первую пресс-конференцию. Присутствовало всё её руководство: первый вице-премьер

А. Б. Чубайс и его заместители — Д. В. Васильев и Р. Г. Орехов. А. Б. Чубайс заявил, что получившие широкое распространение ценные бумаги на предъявителя с 1 января будут запрещены на территории РФ, а первым претендентом на санкции со стороны комиссии может стать конгломерат «Хопёр»;

— Государственная дума в своём Постановлении № 378–1 признала итоги первого (чекового) этапа приватизации неудовлетворительными. Во втором пункте постановления в качестве первоочередной задачи отмечалось: «Считать необходимым проведение существенной корректировки политики приватизации, поскольку итоги первого её этапа не соответствуют основным целям социально-экономических реформ». В этом же постановлении Дума обратилась к Президенту РФ с просьбой приостановить действие Указа о послечековой приватизации до принятия федерального закона.

13 декабря — Постановлением Правительства РФ № 1374 утверждён персональный состав членов Федеральной комиссии (в неё вошли 22 руководителя государственных органов, регулирующих и контролирующих различные сегменты рынка, а также силовые министерства) и численность аппарата (117 человек). Чуть позже был сформирован экспертный совет комиссии, состоящий из профессионалов рынка ценных бумаг (представители брокеров, крупных эмитентов, банкиров, государственных органов, бирж).

16 декабря — вышли постановления правительства: «Вопросы Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ» и «О правительственной комиссии по вопросам финансовой и денежно-кредитной политики».

22 декабря — Распоряжением Правительства РФ была создана Межведомственная комиссия по созданию межведомственной коммуникационной фондовой системы РТФС во главе с заместителем председателя правительства В. П. Поливановым, первым заместителем председателя Госкомимущества А. И. Иваненко. Участником этой комиссии были и глава ФКЦБ Д. В. Васильев, и руководитель ФАПСИ А. В. Старовойтов;

— принят в первом чтении Закон РФ «О рынке ценных бумаг».

24 декабря — на заседании комиссии по разработке новой редакции Закона «О банках и банковской деятельности» Комитета Госдумы по бюджету, налогам, банкам и финансам перед вынесением его на второе чтение в Государственную думу из части 3 статьи 5 (банковские операции) были исключены сделки банков с ценными бумагами.

При этом в той же статье осталась фраза, что «кредитные организации могут осуществлять иные сделки, присущие им как юридическим лицам...». Данная поправка была внесена в конце заседания комиссии и после короткого обсуждения была принята большинством голосов при согласии представителей Банка России.

Предложение о принятии такой поправки объяснялось тем, что под «иные сделки» попадают и операции банков с ценными бумагами, при том, что такие операции будут регламентироваться в Законе РФ «О рынке ценных бумаг» (принят в первом чтении 23 декабря 1994 года).

1995

1 января — опубликована и введена в действие первая часть Гражданского кодекса. В нём определены требования к ценным бумагам, их видам, передаче, раскрывается понятие «бездокументарные ценные бумаги».

5 января — утверждён персональный состав созданного при Федеральной комиссии консультативно-совещательного органа — экспертного совета, в состав которого

вошли представители государственных органов и организаций, профессиональные участники рынка ценных бумаг, независимые эксперты. Возглавил экспертный совет председатель Московского общественного комитета по правам акционеров Андрей Волгин;

— создана комиссия по расследованию деятельности первого зампреда ГКИ П. П. Мостового. Её возглавил другой первый зампред — А. И. Иваненко. Мостовой был разработчиком документов, определяющих порядок приватизации стратегически важных отраслей (например, ТЭК и связи) и предприятий (РАО «ЕЭС», РАО «Газпром» и т. д).

5 января — новый председатель ГКИ В. П. Полеванов приказал охранявшему здание ЧОПу изъять пропуска у всех работавших в ГКИ 32 иностранцев, в том числе и у Дж. Хея. Разразился скандал.

12 января — по поручению председателя правительства А. Б. Чубайс провёл коллегию Госкомимущества. Коллегия подтвердила правильность курса правительства. Чубайс заявил, что существует правительственная дисциплина, в рамках которой ни один чиновник, даже руководитель министерства или ведомства, не вправе менять позицию правительства своим личным заявлением.

Незадолго до этого В. С. Черномырдин принял решение об изменении подчинённости в правительстве: В. П. Полеванов как руководитель Госкомимущества впрямую подчинён первому вице-премьеру А. Б. Чубайсу.

18 января — В. П. Полеванов обратился к председателю правительства В. С. Черномырдину с разоблачительной докладной запиской о творящихся в ГКИ «преступлениях».

20 января — состоялся совет директоров Профессиональной ассоциации участников фондового рынка (ПАУФОР). Участникам совета был представлен реализуемый ПАУФОРом совместно с компанией KPMG проект единой электронной системы для торговли ценными бумагами.

23 января — Комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку, формально существующая с ноября 2004 года, впервые заседала в полном составе. Комиссия утвердила план заседаний на ближайшие полгода, охватывающий немыслимое множество судьбоносных тем, и одобрила ещё более широкозахватный проект правительственного Постановления «О мерах по развитию рынка ценных бумаг», выпуск которого «диктуется кризисной ситуацией на этом рынке».

24 января — В. П. Полеванов был уволен с должностей вице-премьера и председателя Госкомимущества. Президент Б. Н. Ельцин выполнил своё обещание, данное в узком кругу: до 24-го числа «разобраться» с ним.

Февраль — ММВБ приступила к организации биржевого рынка корпоративных ценных бумаг, утвердив Положение о листинге ценных бумаг.

7 февраля — делегация Международного валютного фонда покинула Москву, так и не достигнув окончательного соглашения о предоставлении России займа в 6 млрд долларов.

8 февраля — на заседании Правительства РФ ФКЦБ продемонстрировала, что не намерена упускать инициативу в разработке стандартов для саморегулируемых организаций, оставляя за ними лишь технические функции поддержания порядка. Васильеву удалось доказать правительству, что неверна позиция Министерства финансов РФ, который настаивал: сначала необходимо принять указ о саморегулируе-

мых организациях, а уж после этого утверждать стандарты. Разработанный комиссией краткосрочный план первоочередных мер по развитию фондового рынка полностью поддержал премьер-министр В. С. Черномырдин. Не искушённый в тонкостях деятельности «депозитарно-клиринговых компаний» глава правительства заявил: «Обидно, что деньги есть и денег нет». Проект постановления правительства, подготовленный ФКЦБ, был полностью одобрен. Этот документ, в частности, предполагает принятие «экстренных усилий» по развитию инфраструктуры фондового рынка. Столь же решительно правительство намерено внести ясность в отношении принадлежащих ему акций: после длительной дискуссии Госкомимуществу и Комиссии по ценным бумагам удалось отстоять необходимость опубликования плана-графика продаж этих пакетов акций.

14 февраля — решение о создании независимой российской регистрационной компании приняли ОНЭКСИМ-банк, АО «НИКОЙЛ» и один из крупнейших американских банков The Bank of New York. В гостинице «Славянская» состоялась пресс-конференция, посвящённая созданию независимой регистрационной компании (с уставным капиталом $10 млн). Проект поддерживали Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и ФКЦБ, в число её учредителей должны были войти Bank of New York (30% уставного капитала), инвестиционная компания «НИКОЙЛ» и ОНЭКСИМ-банк (по 20%). Говорили, что новая компания может стать крупнейшим в России регистратором, сосредоточившим в своих руках реестры десятков российских предприятий. Первым её клиентом собирался стать нефтяной холдинг ЛУКОЙЛ.

17 февраля — вышло Письмо ЦБ РФ № 145 «О внесении изменений в порядок создания и регулирования деятельности банков». В частности, в соответствии с ним банки были обязаны информировать ЦБ о каждом случае покупки акций приватизированных предприятий.

17–18 февраля — в Москве открылась Международная конференция «Развитие рынка ценных бумаг в России». Участники — профессионалы-фондовики, представляющие ведущие акционерные общества, инвестиционные компании, банки, брокерские конторы из разных регионов страны. По итогам конференции в ФКЦБ рассчитывали получить всесторонне взвешенную программу действий, осуществив которую, можно было бы «резко увеличить приток западных инвестиций в 1996 году».

27 февраля — ФКЦБ при Правительстве РФ Указом Президента РФ № 202 придан статус федерального министерства. Такой статус существовал до 09.07.1997 года;

— в третьем чтении принят Закон «О банках и банковской деятельности», сохраняющий за комбанками право держать акции в инвестиционном портфеле.

28 февраля — Правительством РФ утверждено разработанное ФКЦБ Постановление № 193 «Об утверждении Примерного положения о региональной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку». Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано образовать региональные комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку. Цель их создания — реализация принимаемых Федеральной комиссией решений, контроль за деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг, обеспечение выполнения установленных законодательством Российской Федерации норм, правил и условий функционирования фондового рынка;

— вышло Постановление Правительства Российской Федерации № 206 «Об утверждении Положения о порядке декларирования источников денежных

средств, используемых юридическими и физическими лицами при совершении платежей по сделкам приватизации государственной и муниципальной собственности».

Март — Владивостокская фондовая биржа и Приморский депозитарий организовали семинар «Депозитарные и торговые технологии фондового рынка. В нём приняли участие представители 15 инвестиционных фондов и компаний, входящих в группу «Сибирский холдинг». В результате был подписано соглашение о слиянии локальных фондовых рынков Сибири и Дальнего Востока в единое депозитарное пространство;

— ПАРТАД принимает «Стандарты деятельности регистраторов».

3 марта — Д. В. Васильев заявил, что в ближайшие 2–3 месяца будет урегулирован один из самых наболевших и скандальных вопросов — появятся правила регистрации акций при покупке. Будут решены проблемы депозитарно-клирингового обслуживания, появятся механизмы объединения биржевых и небиржевых структур (например, Владивостокской фондовой биржи с системой НАСДАК).

10 марта — новым заместителем председателя Центрального банка РФ назначен начальник Управления ценных бумаг банка А. А. Козлов. Помимо признания личных заслуг и роли А. А. Козлова в становлении нормативной базы и инфраструктуры рынка ценных бумаг Российской Федерации, это назначение свидетельствует также и о значении фондового рынка в политике Центрального банка.

21 марта — в Госдуме началась подготовка Закона «О рынке ценных бумаг» ко второму чтению, следовало рассмотреть 550 поправок;

— ФКЦБ России утвердило своим Постановлением Положение «Об обращении бездокументарных простых векселей на основе учёта прав их держателей».

22 марта — лицензию Центрального банка РФ на проведение банковских операций получил ТОО «Межбанковский кредитный союз», созданный в ноябре 1994 года.

23 марта — в Госдуме прошёл «круглый стол», возобновивший утихшие публичные дискуссии по проблеме законодательного регулирования российского фондового рынка.

24 марта — ФКЦБ на своём заседании под председательством А. Б. Чубайса одобрила проект Указа Президента «О саморегулируемых организациях участников рынка ценных бумаг». Комиссия также одобрила в целом и внесла в правительство проект Постановления «О совершенствовании государственного регулирования финансового рынка и рынка ценных бумаг», в который добавила раздел о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров.

25 марта — первый аукцион по размещению муниципальных краткосрочных облигаций (МКО). Это был первый в РФ проект по публичному размещению МКО. Подготовкой займа занимался комитет финансов питерского правительства. Три биржи (Санкт-Петербургская валютная, Фондовая «Санкт-Петербург» и Санкт-Петербургская фондовая) имели одинаковые возможности и вырабатывали единую систему торгов. Компания АВК (генеральный директор — И. В. Костиков) как разработчик выступала в роли официального брокера, проводящего сделки с облигациями от имени города;

— в комитете по бюджету, налогам, банкам и финансам Госдумы прошло обсуждение Закона «О ценных бумагах». Во-первых, группа депутатов выступила против принципиального положения документа — места в системе регулирования фондовой торговли так называемых саморегулирующихся организаций. Основная идея законопроекта состояла в придании официального статуса ассоциациям брокеров, которые готовы контролировать соблюдение правил игры на рынке ценных бумаг. Во-вторых,

они ввели в законопроект положение, которое разрешает хождение бумаг на предъявителя, против чего решительно выступала федеральная комиссия. Особенно усердствовали в законотворчестве депутаты Т. Г. Нестеренко, А. В. Турбанов, Э. В. Митрофанова, которые, по словам Д. В. Васильева, поднаторели на работе в следственных структурах МВД.

Апрель — правительство подготовило законопроект о внесении в Уголовный и Административный кодексы России поправок, предусматривающих ответственность за мошенничество на фондовом рынке. Уголовный кодекс предполагалось дополнить пятью статьями об ответственности руководства акционерного общества за ущемление прав акционеров и другие нарушения законодательства на фондовом рынке. Поправки в кодекс об административных правонарушениях предусматривали ответственность за незаконный выпуск или подделку ценных бумаг, их «недоброкачественную» рекламу. Руководство компаний также должно отвечать за отказ инвестору в получении полной информации о деятельности акционерного общества и за нарушение ведения реестра акционеров.

7 апреля — консорциум коммерческих банков («Менатеп», ОНЭКСИМ-банк, Столичный банк сбережений, Инкомбанк, «Возрождение» и Международная финансовая компания) представили в правительство свои предложения, касающиеся механизма сделки по кредитованию правительства под залог акций ряда предприятий.

12 апреля — Проект Указа Президента РФ «О саморегулируемых организациях участников рынка ценных бумаг» передан на рассмотрение в правительство. Так и не был принят в 1994–1996 годах до появления Закона «О рынке ценных бумаг».

15 апреля — вышло Постановление Правительства РФ № 336 «О мерах по развитию рынка ценных бумаг в Российской Федерации». В нём заявлялось:

«1. Считать задачу защиты прав инвесторов и иных лиц, осуществляющих операции с ценными бумагами, а также защиту прав собственности граждан и юридических лиц важнейшим условием развития рынка ценных бумаг.

2. Считать развитие инфраструктуры рынка ценных бумаг основной задачей при обеспечении необходимых условий привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и неинфляционного финансирования дефицита федерального бюджета».

Большие задачи ставились перед ФКЦБ при Правительстве Российской Федерации, в частности:

осуществлять координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, государственных и негосударственных учреждений по развитию расчётно-депозитарной системы в Российской Федерации;

подготовить и внести до 25 апреля 1995 года в Правительство Российской Федерации проекты Указа Президента Российской Федерации о саморегулируемых организациях профессиональных участников рынка ценных бумаг, Постановления Правительства Российской Федерации о внесении изменений и дополнений в Положение об акционерных обществах, утверждённое Постановлением Совета министров РСФСР от 25 декабря 1990 года № 601, и Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР, утверждённое Постановлением Правительства РСФСР от 28 декабря 1991 года № 78, предусматривающее порядок регламентации стандартов деятельности участников рынка ценных бумаг;

обеспечить разработку и утверждение до 1 мая 1995 года документов, регламентирующих стандарты проспектов эмиссии негосударственных ценных бумаг в соответствии с международными стандартами;

подготовить до 15 мая 1995 года с участием Центрального банка Российской Федерации и утвердить в установленном порядке стандарты функционирования расчётно-депозитарной системы;

до 1 августа 1995 года совместно с Российским информационным агентством «Новости» и другими заинтересованными организациями разработать и утвердить программу создания Российской телекоммуникационной фондовой системы, включая вопрос информационного обеспечения рынка ценных бумаг в Российской Федерации;

представить до 1 июля 1995 года в Правительство Российской Федерации предложения по созданию гарантийных фондов для регистраторов и депозитарно-клирингового обслуживания и т. д.

Комиссия расценивала выход этого постановления как «шанс укрепиться в качестве одного из центров реальной экономической власти в России», её полномочия были подтверждены. 21 апреля постановление вступило в силу.

18 апреля — покушение на генерального директора финансового центра «Грант» Андрея Орехова и 21 апреля — покушение на его финансового директора Серикжана Рамазанова.

20 апреля — вышло Постановление Правительства Российской Федерации № 394 «О секретаре Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве Российской Федерации».

— ФКЦБ рассмотрела на своём заседании проекты указов Президента РФ «Об инвестиционных брокерах» и «О дополнительных мерах по созданию условий для инвестиционной активности граждан в РФ». Эти документы были рекомендованы Правительству РФ для рассмотрения на ближайших заседаниях.

21 апреля — Российская товарно-сырьевая биржа на годовом собрании акционеров, переименована в Российскую биржу в связи с переориентацией на торговлю ценными бумагами.

24 апреля — состоялось подписание учредительных документов специализированной компании по ведению реестров акционеров российских эмитентов. Инициатором создания регистрационной компании являлась ФКЦБ. Учредителями новой компании стали банк «Бэнк оф Нью-Йорк», ОНЭКСИМ-банк, инвестиционная компания «НИКОЙЛ», Европейский банк реконструкции и развития и Международная финансовая корпорация.

Состоявшееся в тот же день собрание акционеров приняло устав компании и утвердило уставный капитал в размере 10 млн долларов. Был избран совет директоров в количестве 7 человек. Председателем совета директоров единогласно избран заместитель председателя правления ОНЭКСИМ-банка Михаил Алексеев. Президентом новой компании стал старший вице-президент «Бэнк оф Нью-Йорк» Митчел

Кесслер. В соответствии с решением акционеров новая компания получила название «Национальная регистрационная компания».

— вышло Постановление Правительства Российской Федерации от № 421 «О дополнительных мерах по реализации законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) предприятий и организаций».

26 апреля — Комитет по труду и социальной поддержке Госдумы провёл слушания на тему «О ситуации в концерне "Тибет"». Они были сведены к жалобам обманутых вкладчиков, призывавших к самым жёстким мерам против руководителей мошеннических компаний, вплоть до разрешения «в особых случаях» самосуда над обидчиками, и уверениям председателя думского комитета С. В. Калашникова, чтобы Госдума как можно быстрее приняла законодательные акты, регулирующие деятельность участников фондового рынка.

— в Государственной думе РФ был принят во втором чтении Законопроект «О рынке ценных бумаг». Депутатами было рассмотрено около 600 поправок, из которых более 300 были приняты.

Наибольший интерес на втором чтении депутаты проявили к следующим вопросам: о подотчётности Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ. В законопроекте подчёркнута роль Федеральной комиссии как федерального органа государственной власти. По итогам обсуждения была принята поправка о подотчётности комиссии не только Правительству РФ, но и Федеральному собранию;

— вышел Указ Президента РФ № 416 «О мерах по обеспечению интересов инвесторов и приведению в соответствие с законодательством Российской Федерации предпринимательской деятельности юридических лиц, осуществляемой на финансовом и фондовом рынках без соответствующих лицензий». В нём говорилось: «Считать первоочередной задачей федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере государственного регулирования финансового и фондового рынков Российской Федерации обеспечение интересов инвесторов».

Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку поручалось в месячный срок «разработать и представить проекты указов Президента Российской Федерации о паевых инвестиционных фондах и об инвестиционных брокерах». Правительству Российской Федерации за тот же срок «рассмотреть вопрос о государственной поддержке формирования и деятельности негосударственных региональных фондов помощи потерпевшим от преступлений в сфере экономики в целях обеспечения условий для компенсации потерпевшим от преступлений потерянных денежных средств (части денежных средств)».

27 апреля — подписана Декларация о создании новой общественной организации — Совета крупнейших регистраторов и депозитариев. Среди участников совета — Центральный московский депозитарий, Депозитарий РИНАКО, Газпромбанк, банк «Российский кредит», компания «Иркол», Промстройбанк (Санкт-Петербург) и др. В первую очередь, совет намеревался унифицировать пакет документов, необходимых для внесения изменений в реестр акционеров, и разработать единую стратегию в вопросах оплаты услуг депозитариев и регистраторов. Просуществовал короткое время.

— состоялось второе чтение Законопроекта «О рынке ценных бумаг».

— вышло Письмо Госналогслужбы РФ № ЮУ-6-01/295 «О Временном положении о депозитарных операциях банков в Российской Федерации».

28 марта — Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ приняла решение о признании ценных бумаг субъектов Федерации в качестве государственных и освобождении доходов по ним от налогообложения;

— прекратили обращение казначейские облигации, в просторечии «кэошки». Этот финансовый инструмент, как в своё время ваучер, помог встать на ноги немалому числу брокерских контор и отдельным брокерам. Однако Международный валютный фонд заявил, что КО являются нерыночным финансовым инструментом с фиксированной процентной ставкой;

— вышел Приказ Госкомимущества России № 100 и ФСК России «Об утверждении типовых форм документов, необходимых для оформления сделок приватизации», утверждённый приказом Госналогслужбы России № ЮУ-3–03/16.

30 марта — президент ОНЭКСИМ-банка В. О. Потанин от лица группы банков-учредителей Межбанковского кредитного союза выступил с предложением масштабного кредитования правительства под передачу банковскому консорциуму в трастовое управление государственных пакетов акций вместо их продажи на аукционах, специализированных аукционах и инвестиционных торгах. Итоговый документ «Об организации участия российских банков в денежной приватизации» был направлен в правительство, по нашим сведениям, 7 апреля.

В первой половине года — при помощи специалистов дочерней структуры KPMG-Barents Group сначала в Москве, а затем в регионах заработала внебиржевая система электронной торговли ценными бумагами, получившая название Российской торговой системы (РТС). Основой для РТС послужила дилинговая система PORTAL-система торговли ценными бумагами NASDAQ. Центральный сервер в РТС (компьютер Stratus, также полученный в рамках технической помощи) через выделенные каналы связан с терминалами в пяти крупных фондовых центрах России: Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и Иркутске. Пользователи РТС — только члены ПАУФОРа.

Май — произошёл переход в торговой системе РТС от индикативных котировок к «твёрдым», т. е. обязательным для исполнения, начались регулярные торги акциями. Так в России был создан организованный рынок акций. Первоначально система ПОРТАЛ выполняла скорее информационные функции, так как большинство выставленных в ней котировок акций были индикативными.

7 мая — принято Постановление ФКЦБ № 1 «О ценных бумагах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

10 мая — вышло письмо Центрального банка РФ № 167 «Об утверждении и введении в действие “Временного положения о депозитарных операциях банков в Российской Федерации”». Им устанавливался порядок регистрации депозитариев ценных бумаг банков, представления банками отчётности о депозитарных операциях, а также формулировались обязательные требования к документам депозитария банка и содержанию договоров счёта-депо, заключаемых банками-депозитариями с депонентами.

Регистрация банковских депозитариев начала действовать с 1 июня. Де-юре вводился институт номинального держателя.

По словам автора документа заместителя председателя ЦБ Андрея Козлова, этот документ носил рекомендательный характер, однако уже само его появление говорило о многом. Появление положения было расценено как намерение ЦБ доказать, что его идеи относительно развития в России депозитарного сервиса как основного на рынке ценных бумаг (в противовес ФКЦБ, ставящей во главу угла регистраторов) живы.

11 мая — вышел Указ Президента Российской Федерации № 478 «О мерах по обеспечению гарантированного поступления в федеральный бюджет доходов от приватизации». Он отменял ранее установленные ограничения на продажу акций, созданных в процессе приватизации акционерных обществ в виде закрепления в федеральной собственности пакетов акций, и требовал срочно осуществить их поэтапную продажу. Исключение делалось только для тех, что имели стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности страны.

12 мая — принято Постановление ФКЦБ № 2 «О порядке выпуска, обращения и погашения жилищных сертификатов на территории Российской Федерации».

Середина мая — согласно Докладу исполнительной дирекции Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ, в стране были зарегистрированы 64 фондовые биржи, включая фондовые отделы товарных и валютных бирж. Наиболее крупные: Московская межбанковская валютная биржа, Центральная российская универсальная биржа (ЦРУБ), Владивостокская международная фондовая биржа, Санкт-Петербургская фондовая биржа, тюменско-московская биржа «Гермес» и Российская товарно-сырьевая биржа. Основной объём биржевых операций на ММВБ дают государственные ценные бумаги (ГКО и КО).

24 мая — законопроект «О рынке ценных бумаг» был принят в третьем чтении без доклада и прений. Против выступили четыре депутата, ещё трое воздержались.

26 мая — вышло Письмо Госналогслужбы РФ № ЮУ-6–01/295 «О Временном положении о депозитарных операциях банков в Российской Федерации».

1 июня — вышел Федеральный закон № 86-ФЗ «О Государственных долговых товарных обязательствах», согласно которому право на выплату компенсаций имеют только граждане Российской Федерации, купившие к тому же облигации на территории России. Принят Государственной думой 24 марта.

9 июня — ФКЦБ при Правительстве РФ подготовила проект указа президента о переводе государственных ценных бумаг в Депозитарно-клиринговую компанию. Руководитель департамента ценных бумаг и финансового рынка Министерства финансов РФ Б. И. Златкис подготовила свои возражения к этому проекту указа;

— Госкомимущество подготовило проект «Положения о порядке учёта чистых активов инвестиционных институтов». Проект был рассчитан прежде всего на чековые инвестиционные фонды и должен был помочь им хотя бы формально увеличить чистые активы;

— Приказом № 02–123 Банк России утвердил Положение об обращении облигаций федерального займа с переменным купонным доходом.

10 июня — Министерство финансов РФ выпустило в обращение новые казначейские обязательства (КО) со сроком обращения 30 дней. Погашение новых КО предусмотрено не в денежной форме, а путём обмена на налоговые освобождения.

15 июня — Приказом Центрального банка РФ утверждено Положение «Об обслуживании и обращении выпусков государственных краткосрочных облигаций», регулирующее рынок ГКО.

21 июня — на заседании Федеральной комиссии по ценным бумагам было в целом принято Положение «О деятельности по ведению реестров владельцев ценных бумаг». Инициатором разработки положения была ПАРТАД. Новый документ носил временный характер и действовал до вступления в силу Закона «О ценных бумагах». В положении впервые предпринималась попытка внедрить единую терминологию и единые требования к регистраторам. В частности, были определены сведения, которые должен был содержать реестр акционеров. Составлен также список документов, которые имел право требовать регистратор при перерегистрации сделок с ценными бумагами.

21–23 июня — законопроект «О рынке ценных бумаг» был отклонён Советом Федерации.

23 июня — Госдума создала согласительную комиссию по Закону «О рынке ценных бумаг».

3 июля — вышел Указ Президента РФ № 662 «О мерах по формированию общероссийской телекоммуникационной системы и обеспечению прав собственности при хранении ценных бумаг и расчётов на фондовом рынке Российской Федерации». В нём говорится о создании общероссийской телекоммуникационной системы для рынка ценных бумаг: «Одобрить деятельность Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве Российской Федерации по созданию единой общероссийской системы расчётов, клиринга и хранения ценных бумаг...» К реализации указа планировалось привлечь структуры, располагающие современными технологиями — ФАПСИ и Минсвязи, а также около трёх десятков НИИ и предприятий, НПЦ им. Хруничева и научно-технологический центр ФАПСИ. Для развития телекоммуникационной системы создавался фонд «Российские финансовые и фондовые коммуникации», куда в качестве своего вклада государство вносит систему передачи данных «Атлас-2» и высотное здание в Москве, оцененное в 100 млн долларов. В этой части проект не реализовался. В 1996 году при участии одного из НИИ и Российского депозитарного союза (ДРС) была лишь создана общая концепция информационной безопасности.

Начало июля — в Государственной думе состоялись парламентские слушания по теме: «Обеспечение прав потребителей на рынке финансовых услуг».

5 июля — в 13:00 мск стартовали торги ценными бумагами на классическом рынке РТС. Система РТС начала работать как общенациональная. Первая сделка была заключена с акциями Мосэнерго. Объём торгов тогда составил 576 тыс. долларов.

8 июля — введение «валютного коридора». Он действовал до 1 октября 1995 года. Затем «коридор» был продлён до конца 1995 года в пределах от минус 5,7 до плюс 7,5 % от уровня курса доллара на 5 июля 1995 года. С 1 января до 1 июля 1996 года был введён новый валютный коридор, на смену которому пришла так называемая скользящая привязка российского рубля к американскому доллару.

11 июля — в Париже на ежегодной сессии Международной организации комиссий по ценным бумагам (МОКЦБ) (International Organization of Securities Commissions — IOSCO) было принято решение о принятии в эту организацию Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ.

12 июля — вышло первое Постановление ФКЦБ № 3, утвердившее «Временное положение о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг».

Порядок выдачи, приостановления и отзыва лицензий на право осуществления профессиональной деятельности по ведению реестра устанавливался ФКЦБ при Правительстве РФ. Саморегулируемые организации, созданные лицами, осуществляющими деятельность по ведению реестра, получили право направлять в ФКЦБ представления о выдаче членам организации лицензий на право осуществления профессиональной деятельности. В постановлении впервые говорилось об исключительной деятельности реестродержателя.

Впрочем, постановление было внутренне противоречивым, в первую очередь оно противоречило закону. Как отмечали профучастники, по нему было невозможно работать. В частности, в постановлении были нечётко определены номинальный держатель, обязанности регистратора, порядок открытия лицевого счёта, закрытие реестра перед собранием акционеров;

— на основе принятых ПАРТАДом стандартов деятельности регистраторов ФКЦБ РФ принимает Постановлением № 3 «Временное положение о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг». Это уже достаточно проработанный законченный документ. Хотя отмечалось, что в положении нечётко определены залог, номинальный держатель, обязанности регистратора, порядок открытия лицевого счёта, закрытие реестра перед собранием акционеров.

13 июля — на совещании в Центробанке, посвящённом развитию сети депозитариев ценных бумаг, зампред ЦБ Андрей Козлов заметил, что не хотел бы видеть в России инфраструктурную сеть, обслуживаемую и контролируемую иностранцами. Тем не менее «ЦБР будет поощрять и поддерживать российские депозитарные компании, но не будет чинить препятствий западным организациям».

21 июля — Государственная дума приняла Федеральный закон № 158-ФЗ «О внесении изменений в Закон РСФСР “О налоге на операции с ценными бумагами”». Согласно ему акционерные общества, производя переоценку и соответственно увеличивая свой уставный капитал, освобождались от выплат налогов. Кроме этого, депутаты отменили налог на операции с ценными бумагами на вторичном рынке. Президент подпишет этот закон 3 октября.

24 июля — Правительство РФ объявило о намерении продать 49% акций Телекоммуникационного холдинга «Связьинвест» «на коммерческом конкурсе с инвестиционными условиями». В октябре 1995 года решение скорректировали планы приватизации: было решено приватизировать только блокпакет (25% плюс одна акция).

25 июля — Советом Федерации РФ утверждён Закон «О рынке ценных бумаг»;

— в газете «Коммерсантъ» заявлено: «ДКК намерена добиваться статуса центрального депозитария». Очевидно, это первая официальная претензия российского депозитария на статус центрального депозитария.

26 июля — вышел Указ Президента РФ № 765 «О дополнительных мерах по повышению эффективности инвестиционной политики Российской Федерации», положивший начало появлению новых инструментов коллективных инвестиций — паевых инвестиционных фондов (ПИФов). До конца 1996 года была подготовлена законодательная база для их деятельности. Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг приняла более 20 документов, регулирующих работу ПИФов.

Середина июля — ведущие участники фондового рынка подписали меморандум, представляющий собой фактически соглашение о разделе зон влияния в торговле ценными бумагами. В соответствии с ним роль «универсальной торговой системы»

по сделкам с государственными ценными бумагами отводилась ММВБ, роль внебиржевой торговой системы — системе ПАУФОР (ПОРТАЛ).

Межбанковский кредитный союз (МКС) должен был действовать в качестве универсальной расчётно-клиринговой и депозитарной организации, имеющей банковскую лицензию и обслуживающей «определённые сегменты» рынка государственных ценных бумаг и «в перспективе часть корпоративного рынка ценных бумаг».

Депозитарно-клиринговая компания (ДКК) принимала на себя функции депозитария корпоративных ценных бумаг, а Национальная регистрационная компания (НРК) — «глобального независимого регистратора», обеспечивающего «перерегистрацию имущественных прав держателей акций»;

— выходит Указ Президента РФ «О мерах по повышению эффективности инвестиционной политики Российской Федерации» № 765, в котором впервые вводится понятие «специализированный депозитарий».

31 июля — вышел Указ Президента РФ № 784 «О дополнительных мерах по обеспечению прав акционеров».

Лето — Chase Manhattan Bank International получил от Американской комиссии по ценным бумагам исключение (No Action Letter) из правила 17 f-5 «Закона об инвестиционных компаниях», что открыло дорогу на российский рынок американским инвесторам.

2 августа — Президент РФ отклонил Закон «О рынке ценных бумаг».

4 августа — Центральный банк РФ выпустил «Положение о порядке раскрытия информации о банках и других кредитных организациях — эмитентах ценных бумаг в Российской Федерации», в соответствии с ним банки обязаны регулярно передавать в электронной форме в Центральный банк РФ всю информацию по своим выпускам ценных бумаг;

— официально опубликованы Указы Президента «О дополнительных мерах по обеспечению прав акционеров» и «Изменения и дополнения к Указу Президента Российской Федерации от 27 октября 1993 года № 1796 “О мерах по обеспечению прав акционеров”». Не дождавшись закона «Об акционерных обществах», исполнительная власть в очередной раз решила действовать самостоятельно. Существующее на тот момент законодательство позволяло нарушать права акционеров. Указ «О дополнительных мерах...» закрепил более полное и качественное информационное обеспечение акционеров — как при подготовке к общим собраниям, так и в период между ними, а также доступ к реестрам акционеров. Существенные изменения внесены в процедуру увеличения уставных капиталов акционерных обществ, так как именно в этом секторе сосредоточено наибольшее количество нарушений, получивших определение «разводнение акций». Теперь без одобрения общего собрания акционеров не могут приниматься решения, связанные с увеличением уставного капитала, в том числе при переоценке основных фондов. При этом общее собрание может принять решение о предоставлении акционерам преимущественного права на приобретение выпускаемых акций пропорционально количеству собственных акций. Также значительно усилены права акционеров, не согласных с проводимой акционерным обществом политикой. Они имеют право требовать оценки и выкупа обществом принадлежащих им акций, если общее собрание примет решения о приобретении или отчуждении имущества стоимостью более 50 % балансовой стоимости активов АО, о внесении в устав общества не обусловленных законодательством ограничений числа, суммарной номи-

нальной стоимости акций или максимального числа голосов, принадлежащих одному акционеру по приобретённым им акциям.

9 августа — Президент России Б. Н. Ельцин подписал Указ «О государственном сберегательном займе Российской Федерации». Выпуск облигаций на общую сумму 10 трлн рублей планировалось начать в сентябре того же года. Государство было намерено поспорить с коммерческими структурами за средства населения.

15 августа — Центральный банк РФ подписал договоры о распространении информации о банковских ценных бумагах и их эмитентах с шестью организациями: Агентством финансовой информации, Ассоциацией защиты информационных прав инвесторов, «Интерфакс-Дилинг», АОЗТ «Консультант Плюс», АОЗТ «Прайм» и Институтом коммерческой инженерии.

17 августа — принято Постановление ФКЦБ № 4 «О конвертируемых облигациях акционерного общества открытого типа «Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"».

18 августа — принято Временное положение «О введении реестра акционеров». Согласно ему, запрещалось совмещение регистрационной и других видов деятельности.

Обязательным условием получения лицензии юридическим лицом стало наличие в его уставе положений об осуществлении деятельности по ведению реестров как исключительной (кроме депозитариев, паевых инвестиционных фондов, а также банков, не осуществляющих иных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг).

Постановление определило требования к размеру собственного капитала компаний лецензиатов, прейскуранту на услуги регистраторов (установлен максимальный размер платы за открытие лицевого счёта, перерегистрацию ценных бумаг, предоставление выписки из реестра.

Эмитент обязан был передать реестр независимому реестродержателю, если число владельцев ценных бумаг превышает 500 (раньше было 1000). Кроме этого, чётко определялся стандартный перечень документов, необходимых для регистрации и внесения в реестр (ранее регистраторы требовали до 18 видов документов). Полная информация о реестре становилась доступна лишь владельцу более 1 % голосующих акций. Более мелкий акционер мог узнать лишь процентное отношение его пакета акций к уставному номиналу.

При этом не оговаривались вопросы проверки, нотариального заверения и гарантии подписи на передаточных распоряжениях и сертификатах ценных бумаг и отсутствовал ориентировочный прейскурант услуг регистраторов.

21 августа — пошёл в рассылку по госучреждениям, в том числе в Центральный банк, доклад, подготовленный и представленный правительству Федеральной комиссией «О проблемах развития рынка ценных бумаг», вызвавший конфликт с Банком России. В нём говорилось, в частности:

— организация рынка ГКО неэффективна;

— объективный интерес Центрального банка в сокрытии информации о рынке ГКО противоречит государственным интересам, в частности более прозрачному рынку.

22 августа — Депозитарно-клиринговая компания (ДКК) наряду с акциями Ростелекома стала номинальным держателем ценных бумаг ещё четырёх российских компаний. Таким образом, получил продолжение начатый в июне этого года ДКК совместно с девятью брокерскими фирмами проект по формированию инфраструктуры российского фондового рынка.

30 августа — принято Постановление ФКЦБ № 5 «О предварительном перечне документов и условиях по вопросам преобразования финансовых компаний, привлекающих денежные средства граждан»;

— Постановлением ФКЦБ № 6 утверждён «Временный порядок лицензирования деятельности по ведению реестров владельцев именных ценных бумаг», принятый 18 августа;

— принято Постановление ФКЦБ № 7 «О порядке лицензирования деятельности по оценке недвижимого имущества паевых инвестиционных фондов».

31 августа — подписан Указ Президента РФ № 889 «О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности». Началась подготовка к «залоговым аукционам»;

— вышел Указ Президента РФ о раскреплении государственных долей и продаже ценных бумаг. Причина его выхода в том, что после некоторого подъёма на рынке ценных бумаг в августе он быстро угас из-за непредсказуемости результатов парламентских выборов. Поэтому Госкомимущество вернулось к идее консорциума коммерческих банков, предложивших в марте прокредитовать правительство под залог акций;

— Постановлением ФКЦБ № 8 принят Порядок формирования и использования средств специализированного бюджетного фонда для финансирования развития инфраструктуры рынка ценных бумаг, поступающих на расчётный счёт Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве Российской Федерации.

Сентябрь — по данным Министерства финансов РФ, на российском фондовом рынке действует около 3500 лицензированных профессиональных участников. В основном это финансовые брокеры, совмещающие свою деятельность с услугами инвестиционного консультанта. К настоящему времени уже создано несколько ассоциаций профессиональных участников рынка — Профессиональная ассоциация участников фондового рынка (ПАУФОР, Москва), Комитет профессиональных участников рынка ценных бумаг (Санкт-Петербург), Уральская ассоциация финансовых брокеров (Екатеринбург), Ассоциация брокеров-дилеров фондового рынка (Челябинск), Ассоциация фондовых дилеров Сибири (Новосибирск) и другие;

— небольшом городке под Екатеринбургом в заводском доме отдыха собрались представители четырёх региональных ассоциаций — весь цвет основателей рынка ценных бумаг РФ. Было предложено создать национальное объединение, а работу системы РТС распространить на всю страну. Так появился НАУФОР — Национальная ассоциация участников фондового рынка. В конце ноября прошёл её учредительный съезд в Москве.

Начало сентября — председатель ФКЦБ А. Б. Чубайс подписал постановление о формировании и использовании специализированного бюджетного фонда. Средства фонда предназначались для финансирования развития инфраструктуры рынка ценных бумаг.

1 сентября — принято Постановление ФКЦБ № 9 «Программа развития паевых инвестиционных фондов». Основы создания ПИФов были заложены Указом Президента России «О дополнительных мерах по повышению эффективности инвестиционной политики Российской Федерации». Всем компаниям, работающим в России со средствами населения, предложено пройти процедуру преобразования в паевые фонды;

— на основании котировок 13 ценных бумаг наиболее капитализированных российских компаний начался расчёт основного индикатора фондового рынка России — Индекса РТС.

7 сентября — сообщение пресс-службы Центрального банка РФ за подписью заместителя председателя банка А. А. Козлова явилось формальным объявлением войны ФКЦБ. Козлов предложил «внести вопрос о служебном несоответствии Дмитрия Васильева на очередное заседание Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку». Поводом для столь неординарного предложения стала критика деятельности Центрального банка РФ на фондовом рынке, содержащаяся в недавно обнародованном докладе ФКЦБ «О проблемах развития рынка ценных бумаг в РФ». Центральный банк РФ выразил «категорический протест в связи с предвзятым и крайне некомпетентным изложением политики и операций Центрального банка РФ на рынке государственных ценных бумаг». С реакцией Центрального банка солидарно Министерство финансов. Руководитель департамента ценных бумаг и фондового рынка Министерства финансов РФ Б. И. Златкис добавила: «Последний доклад Васильева — это высшая степень дилетантизма».

11 сентября — сразу семь банков — Credit Swiss, ОНЭКСИМ-банк, Внешторгбанк, Сбербанк РФ, Международный московский банк, Тверьуниверсалбанк и «Церих» — стали акционерами Депозитарно-клиринговой компании (ДКК). По уставу ДКК, всем её акционерам принадлежит равное количество акций. В ближайшее время ДКК предполагала начать обслуживание межрегиональных сделок с акциями. Помимо Москвы в этом проекте участвовали Новосибирск и Санкт-Петербург. При совершении сделок с Петербургом расчёты между контрагентами велись по принципу «поставка против платежа»;

— ГКИ утвердил и направил в Администрацию Президента РФ перечень предприятий, акции которых будут переданы в залог банкам под кредит Правительству РФ. В перечень вошли 44 предприятия «самых разных отраслей промышленности». Акции некоторых из них высоко котировались на фондовом рынке, других — ещё не появились на внебиржевом рынке. Акции предприятий решено передавать в залог банкам по итогам тендера, главным условием которого была величина предоставляемого Правительству РФ кредита.

14 сентября — ФКЦБ опубликовало послание, в котором выражалась поддержка усилиям Центрального банка РФ по развитию рынка ГКО.

15 сентября — Послание ФКЦБ (14 сентября) не осталось незамеченным в департаменте ценных бумаг (ДЦБ) Центрального банка РФ. Подготовлен пресс-релиз, в котором приветствовалось признание исполнительной дирекцией ФКЦБ «истинной роли и места Банка РФ в деле развития российского фондового рынка».

29 сентября — заместитель председателя Центрального банка РФ А. А. Козлов на конференции предложил банкам «снизу» выдвигать проекты развития инфраструктуры фондового рынка и определиться, какая модель фондового рынка им больше подходит. Заместитель председателя Центрального банка РФ высказал пожелание банкирам, чтобы они настойчиво рекомендовали ФКЦБ ввести их в состав экспертного совета комиссии.

Осень — А. А. Козлов назначен на должность заместителя председателя — директора департамента ценных бумаг ЦБ РФ — после создания Департамента ценных бумаг на базе Управления ценных бумаг. Численность в момент создания — около 40 человек.

Октябрь — прошло первое частное размещение ADR на акции Мосэнерго.

3 октября — Президент РФ подписал Федеральный закон № 158-ФЗ «О внесении изменений в Закон РСФСР "О налоге на операции с ценными бумагами"».

4 октября — прошёл учредительный Всероссийский съезд вкладчиков. Председателем координационного совета движения стал Михаил Шерстов. Он завершился созданием объединения избирателей «Народное доверие».

6 октября — Госдума пыталась, но не смогла преодолеть вето Президента РФ на ранее принятый Закон «О рынке ценных бумаг» и создать согласительную комиссию по его доработке.

10 октября — Постановлением ФКЦБ № 11 принято «Временное положение об управляющих компаниях паевых инвестиционных фондов, о деятельности по доверительному управлению имуществом паевых инвестиционных фондов и её лицензировании».

— Постановлением ФКЦБ № 12 принято «Временное положение о составе и структуре активов паевых инвестиционных фондов».

— прошли первые торги ГКО в режиме реального времени на первой региональной площадке (Новосибирск) по торговле ГКО и облигациями федерального займа с переменным купоном на Сибирской межбанковской валютной бирже (СМВБ). С неё начал создаваться межрегиональный торгово-депозитарный комплекс ММВБ, единая национальная система расчётов для торговли государственными ценными бумагами.

11 октября — пять региональных расчётно-депозитарных организаций (РДО) объединились в Депозитарно-расчётный союз (ДРС). Его стратегической задачей было внедрение единых стандартов работы для всех депозитариев. Кроме того, поскольку западное финансирование проекта РДО прекратилось, все РДО попали в сложную ситуацию. На финансировании в основном осталась только Московская депозитарно-клиринговая компания (ДКК). Объединившись, региональные РДО рассчитывали получить какое-то финансирование и на ДРС. Предварительное согласие об участии в союзе от имени ДКК дал тогдашний председатель совета директоров К. Э. Мерзликин. Президентом объединения стал В. Б. Сахаров. 8 апреле 1996 года союз был зарегистрирован в Москве.

12 октября — Постановлением ФКЦБ № 13 приняты Типовые правила открытого паевого инвестиционного фонда.

13 октября — вышло Постановление Правительства РФ № 1016 «О Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации». Постановлением предусматривалось утвердить стандарты депозитарной деятельности на рынке ценных бумаг;

— Профессиональная ассоциация участников фондового рынка (ПАУФОР) приняла кодекс мер дисциплинарного воздействия, который содержит штрафные санкции к членам этой организации, нарушившим правила торговли.

16 октября — Постановлением ФКЦБ № 13 приняты Типовые правила интервального паевого инвестиционного фонда.

18 октября — Президент РФ подписал Федеральный закон № 158-ФЗ «О внесении изменений в Закон РСФСР "О налоге на операции с ценными бумагами"». Им был отменён налог на операции с ценными бумагами, включая ГКО-ОФЗ;

— Постановлением ФКЦБ № 13 принят Типовой проспект эмиссии инвестиционных паев;

— в московском отеле «Славянская» начала работу трёхдневная конференция по российским рынкам капитала и инвестициям, организованная компаниями Dow Jones Telerate и Sachs Associated. По составу участников и спонсоров финансовая конференция в Москве не имела себе равных в тогдашней истории отечественного фондового рынка. Здесь собрался весь российский финансовый бомонд, а также представители крупнейших западных инвестиционных банков и брокерских фирм.

18–20 октября — в Москве прошёл семинар «Практика работы коммерческого банка на рынке государственных ценных бумаг», организованный консультационным агентством «Рейтинг-Консалт». На нём выступил А. А. Козлов.

20 октября — Постановлением ФКЦБ № 13 принят Типовой договор об оценке имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд.

23 октября — Президент России подписал закон об отмене налога на операции с ценными бумагами;

— Постановлением ФКЦБ № 17 принят Типовой договор на проведение аудиторских проверок учёта и отчётности, связанных с доверительным управлением имуществом паевого инвестиционного фонда.

25 октября — исполнительный директор ФКЦБ Д. В. Васильев заявил, что он будет рекомендовать руководству комиссии преобразовать компанию «Русский дом Селенга» в паевой фонд, так как стоимость недвижимости, которой владеет РДС, может гарантировать вкладчикам «прибыль в разумных пределах».

— принято Постановление ФКЦБ № 18 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности специализированных депозитариев паевых инвестиционных фондов».

27 октября — принято Постановление ФКЦБ № 19 «Об утверждении Положения о порядке оценки и составления отчётности о стоимости чистых активов открытых паевых инвестиционных фондов».

30 октября — исполнительный директор ФКЦБ Д. В. Васильев заявил, что комиссия приняла все необходимые документы по регулированию деятельности паевых инвестиционных фондов;

— принято Постановление ФКЦБ № 20 «Об утверждении Типового договора об оказании депозитарных услуг управляющей компании паевых инвестиционных фондов».

Ноябрь — Минфин зарегистрировал ОАО «Первый российско-американский фонд взаимных вложений “Большой”». Предполагаемый размер фонда составлял 50,55 млрд рублей. Его планировалось вложить в государственные ценные бумаги. Фонд активно рекламировался, однако его деятельность быстро сошла на нет.

2 ноября — вышел Указ Президента РФ № 1067 «О сроках реализации акций, находящихся в федеральной собственности и передаваемых в залог в 1995 году». За этим вскоре последовало обнародование списка предприятий, акции которых должны служить предметом залога. Многие брокеры посчитали тогда, что передача ценных бумаг банкам-кредиторам предвещает их скорое появление на рынке и, следовательно, может привести к его обвалу.

— принято Постановление ФКЦБ № 21 «Об утверждении Положения о порядке оценки и составления отчётности о стоимости чистых активов интервальных паевых инвестиционных фондов»;

8 ноября — ФКЦБ отказала в выдаче лицензии Депозитарно-клиринговой компании (ДКК) и Приморскому депозитарию, поскольку считает, что сначала нужно выработать стандарты депозитарной деятельности, а потом уже заниматься лицензированием.

9 ноября — Е. В. Бушмин сообщил участникам конференции «Российский фондовый рынок: регулирование и развитие инфраструктуры», что в Госдуме подготовлен к первому чтению законопроект «О национализации». «Попытка коммунистов была сорвана только благодаря чисто регламентным нормам»: в рекордные сроки подготовлен и представлен альтернативный законопроект, благодаря чему ни один вариант принят не был. В конференции участвовали Д. В. Васильев и А. А. Козлов. При этом Андрей Козлов публично взял на себя обязательство «за субботу и воскресенье написать за ФКЦБ порядок лицензирования на пяти страницах. Мне бы хотелось, чтобы мой труд лег в основу инструкции по выдаче лицензий депозитариям».

Участникам конференции было объявлено о подготовке к выпуску новых ценных бумаг — «золотых сертификатов». Согласно президентскому указу, подготовка должна была быть закончена к 27 ноября 1995 года.

10 ноября — в гостинице «Radisson-Славянская» встретились руководители ПАУФОРа, фонда «Единая торговая система» (Санкт-Петербург), Уральской ассоциации финансовых брокеров, дилеров (УАБД, Екатеринбург) и Ассоциации финансовых дилеров Сибири (АФДС, Новосибирск). Ведущие участники российского фондового рынка намеревались обсудить и подписать окончательный вариант «Декларации основных принципов построения всероссийской саморегулируемой организации профессиональных участников фондового рынка».

14 ноября — ПАРТАД и исполнительная дирекция ФКЦБ России подписали Временное соглашение о проведении ассоциацией экспертизы, составлении протоколов проверки документов, представляемых заявителями — членами ПАРТАДа — для получения лицензии и направлении представлений о выдаче лицензий в ФКЦБ;

— торговый комитет Профессиональной ассоциации участников фондового рынка (ПАУФОР), объединяющей тогда более 80 инвестиционных компаний и брокерских фирм, установила новое требование торговли в используемой ассоциацией Российской торговой системе (РТС). Все участники РТС, имеющие к ней доступ в режиме торговли, стали обязаны поддерживать не менее трёх односторонних котировок по корпоративным бумагам. Ранее подобные требования предъявлялись только к компаниям, имеющим статус маркетмейкеров РТС, ежедневно выставляющим в торговой системе двусторонние котировки по наиболее ликвидным акциям минимум трёх и односторонние минимум двух приватизированных предприятий.

15 ноября — не дождавшись постатейных замечаний, Государственная дума 331 голосом преодолела вето Президента РФ на принятие Закона «О рынке ценных бумаг».

17 ноября — ОНЭКСИМ-банк на залоговом аукционе приобрёл 51% компании «Норильский никель» за 170,1 млн долларов США.

18 ноября — вышел Указ Президента № 1157 «О некоторых мерах по защите прав вкладчиков и акционеров». В соответствии с его п. 13 Правительству Российской Федерации поручено обеспечить направление в Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров 2% доходов, получаемых от приватизации;

— Д. В. Васильев представил программу компенсации вкладов на съезде «обманутых вкладчиков».

21 ноября — ФКЦБ объявила сразу о трёх пилотных проектах, на которых планировалось отработать все необходимые процедуры по созданию инфраструктуры и документации. Она определила первые три компании, которые должны были быть преобразованы в паевые инвестиционные фонды, привлекающие средства населения. Ими стали управляющая компания Первого ваучерного фонда (при участии Pioneer group), управляющая компания ЧИФ «Аско-Капитал» и Объединённый институт ядерных исследований в Дубне (партнёр Промрадтехбанка).

24 ноября — общим собранием были приняты ПАРТАДом «Стандарты деятельности регистраторов». Члены ПАРТАДа наложили добровольные ограничения на свою деятельность.

27 ноября — Президент РФ подписал указ о первом выпуске «золотых» ценных бумаг, получивших от замминистра финансов Казьмина официальное название «ОФЗ-9999». Бумаги должны были эмитироваться сроком на три года, купон выплачиваться в рублях, их цена привязывалась к цене золота на лондонском рынке с добавлением ставки LIBOR, погашение планировалось производить золотом или рублями. Расчёты по этим бумагам должны были осуществляться через головной депозитарий в ЦБ. «На этот раз мы будет строить рынок более либерально, — пообещал Андрей Козлов, — а центр контроля за выполнением сделок переместится в клиринговый центр, в роли которого выступит Межбанковский кредитный союз».

— Президент РФ подписал Указ «Об управлении и распоряжении акциями АООТ “Сибирская нефтяная компания”, находящимися в федеральной собственности».

30 ноября — активисты четырёх региональных ассоциаций объявили о создании межрегионального объединения участников фондового рынка — ПАУФОР России. Она стала прообразом будущей всероссийской саморегулируемой организации — Национальной ассоциации участников фондового рынка — НАУФОР. Кроме учреждения организации был выбран совет директоров и президент ассоциации (им стал Д. В. Пономарёв);

— пакет Телекоммуникационного холдинга «Связьинвест» купила итальянская телекоммуникационная фирма STET за 1,4 млрд долларов США. Однако в декабре того же года STET предложила правительству скорректировать инвестиционные условия, получила отказ и расторгла сделку. Приватизация была перенесена на 1997 год.

Декабрь — прошли первые публичные торги ADR на акции ЛУКОЙЛа.

7 декабря — подписан Меморандум о взаимопонимании и Протокол о сотрудничестве между ФКЦБ России и Комиссией по ценным бумагам и биржам США (SEC). Председатель ФКЦБ России стал сопредседателем Российско-американского форума по фондовому рынку, учреждённого на правах Комитета совместно ФКЦБ России, Министерством финансов США и Комиссией по ценным бумагам и биржам США;

— банк МФК на залоговом аукционе приобрёл 51% акций компании ТНК-ВР за 130 млн долларов США;

— банк МФК (фактически — «Ренессанс Капитал») на залоговом аукционе приобрёл 14,87% акций Новолипецкого металлургического комбината за 31 млн долларов США;

— банк «ЛУКОЙЛ-Империал» на залоговом аукционе приобрёл 5% акций компании «ЛУКОЙЛ» за 141 млн долларов США.

8 декабря — подписан Меморандум о взаимопонимании и Протокол для оформления отношений между председателями Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ (ФКЦБ) и Американской комиссии по ценным бумагам (SEC) А. Б. Чубайсом и Артуром Левиттом. Достигнута договорённость о том, что в ближайшем будущем ФКЦБ должны были посетить эксперты SEC. Для российских эмитентов это событие стало очередным шагом по подготовке программ по выпуску американских депозитарных расписок — ADR;

— банк «Менатеп» на залоговом аукционе приобрёл 45% акций ЮКОС за 159 млн долларов США.

15 декабря — вышло Письмо Государственной налоговой службы Российской Федерации № НП-2–01/80н «О некоторых вопросах налогообложения, возникающих в связи с образованием и функционированием паевых инвестиционных фондов».

26 декабря — вышел Федеральный закон РФ «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ. Государственной думой он был принят 24 ноября, вступал в силу с 1 января 1996 года. В этом законе ведение реестров акционерных обществ было названо исключительным видом деятельности. Каждый эмитент, если у него было более 500 акционеров, был обязан, согласно закону, передать реестр специализированному регистратору. Этот регистратор стал принимать участие в собрании акционеров, выполняя роль счётной комиссии. Законом вводилось понятие «заочного голосования», но вот многие технологические вопросы проведения общего собрания акционеров так и остались нерешёнными.

28 декабря — ЗАО «Нефтяная финансовая компания» на залоговом аукционе приобрело 51% акций Сибнефти на 100,3 млн долларов США.

— ОНЭКСИМ-банк на залоговом аукционе приобрёл 40,12% акций компании «Сургутнефтегаз» за 88,9 млн долларов США.

— вышло Постановление Правительства Российской Федерации № 1263, объявившее официальным изданием ФКЦБ России информационный бюллетень «Вестник Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг».

1996

1 января — Центральный банк РФ установил лимит на покупку коммерческими банками акций других юридических лиц. Лимитированы стали и инвестиции банков в уставные капиталы неакционерных обществ.

9 января — Постановление ФКЦБ № 1 утверждало «Положение о порядке ведения ФКЦБ России реестра паевых инвестиционных фондов».

11 января — Постановление ФКЦБ № 2 утвердило «Положение о порядке регистрации правил паевых инвестиционных фондов и проспектов эмиссии инвестиционных паёв паевых инвестиционных фондов».

12 января — Постановление ФКЦБ № 3 утвердило «Временное положение о ведении реестра владельцев инвестиционных паёв паевого инвестиционного фонда».

16 января — А. Б. Чубайс отправлен Б. Н. Ельциным в отставку с поста первого вице-премьера после поражения проправительственной партии «Наш дом — Россия» на выборах в Государственную думу II созыва. Основание было сформулировано следующим образом: невыполнение отдельных указов и распоряжений президента, «слабохарактерность» (?!), проявленная в работе с министерствами и ведомствами, несвоевременная выплата зарплаты бюджетной сфере.

Президент предложил отставнику загадочную должность «экономического представителя России в ООН». Речь, видимо, шла о работе в одной из международных экономических организаций ооновской системы;

— учреждена Национальная ассоциация участников рынка государственных ценных бумаг (НАУРаГ) России.

31 января — Президент РФ подписал Указ № 126 «О некоторых мерах по упорядочению работы с внешним и внутренним долгом Российской Федерации»

При переоформлении обязательств бывшего СССР перед российскими юридическими лицами по их валютным счетам не были учтены остатки их средств в клиринговых, замкнутых и специальных валютах. Для владельцев таких средств по этому указу был осуществлён дополнительный выпуск ОВГВЗ;

— в Москве заседал чрезвычайный совет директоров Профессиональной ассоциации фондового рынка (ПАУФОР). Единственным пунктом в повестке дня был вопрос о ЗАО «Инвест-импорт», которое в период с 18 по 25 января совершило ряд мошеннических операций с ценными бумагами. В результате пострадали несколько московских трейдинговых компаний. Нанесённый им ущерб оценивается примерно в $500 тыс. ПАУФОР вынуждена была пересмотреть свои правила, ужесточая требования к фондовым игрокам, активнее пошла работа по созданию системы расчётов «поставка против платежа». Объявлено о проведении совместного с Межбанковским кредитным союзом (МБК) эксперимента по совершенствованию системы расчётов на рынке ценных бумаг. Перерегистрацией акций стала заниматься Депозитарно-клиринговая компания (ДКК).

Февраль — ММВБ приступила к организации биржевого рынка корпоративных ценных бумаг, утвердив Положение о листинге ценных бумаг;

— ЦБ РФ разрешил иностранным инвесторам приобретать ГКО-ОФЗ на первичных аукционах ММВБ с репатриацией прибыли после погашения;

— ММВБ учредила кредитное учреждение ЗАО «Расчётная палата ММВБ» для организации расчётного обслуживания участников биржевого рынка.

3 февраля — Закон «О банках и банковской деятельности» подписан Президентом РФ. В новом законе определён чёткий перечень банковских операций, для которых требуется лицензия ЦБ. Теперь только банкам разрешалось одновременно привлекать во вклады денежные средства, размещать их от своего имени, а также открывать и вести банковские счета.

19 февраля — принято Постановление ФКЦБ № 4 «Об утверждении Методических указаний по бухгалтерскому учёту и отчётности в паевом инвестиционном фонде».

23 февраля —экспертный совет ФКЦБ создал группу для рассмотрения деятельности «Первого российско-американского фонда взаимных вложений “Большой”». Претензии специалистов комиссии к «Большому» в основном касались использования им в фирменном наименовании термина «фонд взаимных вложений», противоречащего нормам действующего законодательства. Учредителями «Большого» являлись Банк развития предпринимательства и «Стандарт Оверсиз Корпорейшн» (США).

26 февраля — ФКЦБ приняла решение выдать «временное разрешение на реорганизацию» «Русского дома Селенга» (РДС) и родственной ему финансовой структуры «Союз-С» в два паевых инвестиционных фонда (ПИФ). Активами первого фонда должны были стать недвижимость, производства и пр., активами второго — различные финансовые институты и инструменты, находящиеся в собственности РДС. В частно-

сти, во второй фонд должны были войти 12 банков, в которых РДС владел более 80% акций. Количество пайщиков фондов составило бы 867 и 900 тыс. вкладчиков РДС соответственно.

28 февраля — вышел Приказ ЦБ РФ № 02–51 «Об утверждении Положения о порядке депозитарного учёта на организованном рынке ценных бумаг».

29 февраля — на ММВБ завершился первичный аукцион по продаже первого выпуска облигаций РАО «Высокоскоростные магистрали». Был выставлен полный пакет — 120 млрд рублей по номиналу. Средневзвешенная цена составила 95%, что соответствовало доходности к погашению 90,42% годовых. Было успешно размещено 88% всего выпуска.

Конец февраля — совет директоров Депозитарно-клиринговой компании утвердил Межбанковский кредитный союз в качестве расчётного банка в рамках проекта по совершенствованию инфраструктуры рынка корпоративных ценных бумаг. ДКК выбирала клиринговый центр, в котором осуществлялись бы сделки: так как Российская торговая система давала возможность производить только фиксацию сделки, а само её исполнение происходило вне РТС.

28 февраля — выпущен Приказ Центрального банка РФ № 02-51 «Об утверждении Положения о порядке депозитарного учёта на организованном рынке ценных бумаг».

Март — председателем Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте РФ стал Д. В. Васильев;

— Правительство РФ внесло в Государственную думу РФ законопроект «О простом и переводном векселе», который был принят в апреле в первом чтении. В законопроекте, как и в Женевской конвенции, выпуск бездокументарных векселей не предусмотрен.

4 марта — в целях обеспечения равных условий погашения внутреннего валютного долга на основании Постановления Правительства РФ № 229 «О выпуске облигаций внутреннего государственного валютного облигационного займа» осуществлён дополнительный выпуск ОВГВЗ для переоформления обязательств перед российскими предприятиями и организациями — владельцами средств в клиринговых, замкнутых и специальных валютах. Дополнительно выпущены облигации на общую сумму 50 млн долларов США по номиналу, в том числе ОВГВЗ новых серий (6-й и 7-й) на сумму 3,5 млн долларов США. Таким образом, общий объём ОВГВЗ, выпущенных Минфином РФ составил 12,9 млрд долларов США.

5 марта — Федеральная фондовая корпорация провела первый аукцион по продаже акций РАО «Газпром», принадлежащих компаниям, входящим в состав РАО «Газпром». Итоговая цена превысила стартовую на 35,53%. Аукционная цена составила 406,6 рублей за акцию при первоначальной цене 300 рублей. На продажу было выставлено 10 лотов по 250 тыс. акций каждый. Первоначальная цена была одинаковой по всем лотам. Потенциальные покупатели заявили к покупке 64 лота. Минимальная цена продажи лота составила 401 рубль за акцию, максимальная — 418 рублей.

5 марта — на заседании Национального торгового комитета «ПАУФОР–Россия» были приняты изменения и дополнения к правилам торговли. Они касались, главным образом, процедуры заключения и исполнения сделок, а также порядка оформления документов, перерегистрации и расчётов. Изменения в процедуре заключения и исполнения сделок затрагивали случаи обращения к участнику торговой системы члена ПАУФОРа, не имеющего доступ в РТС или имеющего доступ к ней лишь в режиме

просмотра. При этом участник РТС, не котирующий в торговой системе данную ценную бумагу, обязан был выступить брокером, предложив заключение сделки с организацией, имеющей наилучшую объявленную в РТС котировку.

5 марта — ещё 5 компаний после «Русского дома Селенга» (РДС), привлекавших средства населения без соответствующих лицензий (в частности, «Русская недвижимость» и «Хопёр-Инвест»), подали в федеральную комиссию по ценным бумагам заявки на преобразование в паевые инвестиционные фонды

15 марта — комиссия разработала поправки в УК, касающиеся наказаний за нелицензированную деятельность и «сверхвыпуск» ценных бумаг. Д. В. Васильев не исключал сопротивления «со стороны либералов» при «проведении» этих поправок через правительство. В борьбе с ними, а также для убеждения сомневающихся статус министерства (Закон «О рынке ценных бумаг» предполагал именно такое развитие событий) весьма помог бы ФКЦБ.

19 марта — в числе первых 47 реестродержателей получила лицензию ФКЦБ № 01014 Национальная регистрационная компания;

— на первом заседании комиссии было решено выдать лицензии 47 организациям из 32 областей России. Впервые был поднят вопрос о том, что требования к регистраторам занижены и проведение лицензирования в соответствии с ними не улучшит качество работы регистраторов, а также не сократит числа «карманных» регистраторов. Была выработана стратегическая линия, направленная на консолидацию и укрупнение регистраторов.

20 марта — Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» был принят Государственной думой РФ.

21 апреля — вышло Постановление ФКЦБ России № 5 «Об утверждении Положения “Об обращении бездокументарных простых векселей на основе учёта прав их держателей, Положения о сертификации операторов системы обращения бездокументарных простых векселей, Стандарта деятельности участников системы обращения бездокументарных простых векселей”». Подписано оно было первым заместителем председателя ФКЦБ Русланом Ореховым.

22 апреля — Президент РФ подписал Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

ФИНАНСОВАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ, ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ АРОМОРФОЗЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ
(на примере отложений мемуаров раннего транзитного периода)

Аналогия в нехудожественном тексте может быть красивым и ярким литературным приёмом, но, как правило, натянутым и, по крайней мере, явно ненаучным. Однако зачастую автор не может удержаться, ведь способностью к нахождению сходств и построению аналогий обладают уже двух-трёхлетние дети.

...

Чуть больше 540 миллионов лет назад на Земле случилось чудесное событие, которое палеонтологи называют «кембрийский взрыв». В течение крайне короткого (по геологическим меркам) времени в океанах в буквальном смысле забурлила жизнь, произошло небывалое, резкое увеличение биоразнообразия. Вдруг, как будто бы ниоткуда, появилось большинство ныне живущих типов сложноорганизованных организмов — хордовые, моллюски, кишечнополостные, плеченогие, членистоногие, головоногие, головобрюхие и головохоботные, различные черви, иглокожие, губки, и прочие известные нам и неведомые. Некоторые учёные предполагают, что то кембрийское разнообразие жизни было больше, чем наше нынешнее, более спокойное. Не все классы дошли с тех пор до нас, как, например, ярко сверкнувшие, но полностью вымершие знаменитые хозяева древних морей трилобиты (а их насчитывалось до 20 тыс. видов, в 4 раза больше, чем всех видов современных млекопитающих!).

Землю внезапно населили причудливые, фантастические твари, как будто нарисованные спятившим сюрреалистом. Пятиглазая опабиния с одной клешней посередине рта, галлюцигения с семью парами ножек снизу и семью парами длинных шипов на спине, гигант аномалокарис с фасеточными глазами, в каждом из которых по 16 тыс. линз. Впрочем, большинство обитателей кембрийских морей мы бы узнали без особого

труда, потому что их прямые и малоизменившиеся потомки до сих пор радуют нас на морском мелководье, в океанариумах, а зачастую и в наших тарелках. Да что уж там! Мы, гомо сапиенсы, и сами отдалённые потомки порождений кембрийского взрыва.

Кембрийскому периоду предшествовал эдиакарский. Жизнь на Земле уже давно появилась, но текла вяло, сонно и малоподвижно. Несколько примитивных животных типов мирно уживались друг с другом — всем хватало места под солнцем и конкурировать было особо не за что, да и незачем. Палеонтологи так и называют это время — «Эдиакарский сад», по аналогии с садом Эдемским, в котором никто никого не ел, кроме яблок.

Непосредственно перед эдиакарием был криогений — самый холодный период в истории нашей планеты. Вся Земля превратилась в один большой снежок. Средняя температура колебалась около минус 20°С, почти вся жизнь, появившаяся до того, замёрзла и застыла. Она сохранялась лишь в небольших, богатых солью и кислородом полыньях, и то под постоянной угрозой попасть в ледяной ад. И продолжалось это почти 90 млн лет.

...

После многолетнего советского криогения, при котором частная экономическая жизнь была заморожена и едва теплилась в редких очагах (и то, как правило, запрещённых Уголовным кодексом), наступил короткий горбачёвский эдиакарий. Лёд растаял, примитивные деловые структуры начали размножаться. Однако на финансовом рынке доминировали пять крупных госбанков, да пара государственных страховщиков, фактически без какой-либо конкуренции и без малейших стимулов развиваться.

Но вдруг всё преобразилось. Самый конец 1980-х — первая половина 1990-х годов в России — это наш, родной, кембрийский взрыв. В течение нескольких месяцев — о чудо! — ниоткуда, на ровном месте появилось и расцвело невиданное экономическое разнообразие. В это время на нашем рынке появились почти все существующие и поныне типы финансовых организмов — частные банки и страховщики, биржи и биржевые посредники, предки институтов коллективных инвестиций и примитивные, но жизнестойкие учётно-расчётные формы финансовой жизни. Даже саморегулируемые организации зародились тогда, на рассвете финансового рынка, и уже в то бурное время отличались достаточно развитой структурой. Впрочем, многие из них потом вымерли или деградировали под влиянием изменившихся условий окружающей среды.

Тот короткий период породил и ряд финансовых форм, многочисленных и заметных, но не выдержавших эволюционного давления и быстро сошедших со сцены — ЧИФы, небанковские меняльные конторы, трансфер-агенты и пр. Гигантские финансовые пирамиды процветали, как в своё время трилобиты, но эпоха их расцвета было скоротечной, и сейчас их потомки появ-

ляются, но в мелких дегенеративных формах, и живут, как правило, недолго. Появлялись и исчезали диковинные финансовые продукты и инструменты, такие как сертификаты о депонировании акций, казначейские обязательства или условия участия в залоговых аукционах.

Кембрийский период — самый жаркий (в прямом смысле слова) в истории земной жизни. Температура воздуха редко опускалась ниже 25°С, а нормальной считалась 40–60°С (но никто не жаловался на глобальное потепление). Жарким был и период зарождения финансового рынка. Жаркими были теоретические дискуссии, жаркой была конкуренция, жаркими бывали выяснения отношений. Потом всё как-то подостыло, устаканилось, горящие глаза (а они были у всех пионеров-первопроходцев рынка) потухли, а то и вовсе закрылись.

В кембрии, в отличие от мирного эдиакария, появился новый вид отношений между существами — «хищник — жертва», началась биологическая «гонка вооружений». Появились глаза — весьма надёжное средство, чтобы увидеть как потенциальную жертву, так и потенциального нападающего; появились зубы и клешни, чтобы эту жертву схватить, и твёрдые панцири и скелеты, чтобы этим зубам противостоять. Появилось, наконец, пищеварение, чтобы жертву переварить и стать сильнее.

Так и на нашем молодом рынке появились первые хищники и первые жертвы, первые банкротства, первые конкурентные разборки, первые рейдерские захваты. Крупные организации стали обзаводиться своими «панцирями и клешнями» — создавать собственные службы безопасности, коррумпировать силовые и политические структуры, сажать своих симбионтов в законодательные и исполнительные органы власти.

Рынок распухал не только от разнообразия форм, но и от стремительно увеличивающегося количества участников. Никогда в истории рынок (а соответственно, и конкуренция) не рос количественно так быстро. Каждый день регистрировались новые банки (сейчас далеко не каждый год мы празднуем выдачу новой банковской лицензии).

Первый частный банк в новой России был зарегистрирован в августе 1988 года (он и сейчас ещё живёт в Петербурге под названием «Викинг»). К 1 января 1989 года их было уже 41, к началу 1990 года — 225; 1 января 1992 года — 1360; 1 января 1993 года — 1713; 1 января 1994 года — 2019; в начале 1995 года — 2457. И только потом началось неуклонное сокращение популяции.

В каждом крупном городе была своя биржа, а чаще всего и не одна. В самых крупных городах их могло быть и двухзначное количество. Зачастую модным словом «биржа» называли просто большой торговый дом или аукционную площадку, на которой продавались товары, никак не подходящие под определение биржевых. Были специализированные «биржи» — недвижимости и медтехники, леса и интеллектуальной собственности. Когда прави-

тельство запретило называться биржей всем кому ни попадя, у нас появилась «Буржа недвижимости» и тому подобные эволюционно тупиковые создания.

Движуха была потрясающая. Громкие споры и битвы концепций, постоянные конференции и круглые столы, деловые коалиции и их распад. Масса специализированных изданий и издательств, аналитических и консультационных фирм, информационных и рейтинговых агентств, обучающих курсов и «школ молодого брокера». Огромное количество книг по финансам и рынкам — переводных и доморощенных, но зачастую «цельнотянутых», переиздания столетней давности и оригинальнейшие теоретические построения. Сейчас книжный рынок по теме финансов гораздо более бедный. Отраслевые журналы пользовались огромным спросом (сейчас не осталось ни одного). Деловые газеты (Интернета в современном смысле ещё не было) были свои чуть ли не в каждом районе (со своей же доской объявлений). Ныне деловая журналистика почти вымерла. Расцветал интерес к новейшим технологиям — самыми интеллектуально продвинутыми считались люди, способные просмотреть перевод западного учебника по «финансовой инженерии» и знающие основы работы с программами технического анализа. Да, технический анализ рынка был остромодным увлечением. При этом появлялись и странные интеллектуальные гибриды. Так, в Обществе технических аналитиков России была создана секция фундаментального анализа (несмотря на то, что это принципиально, философски разные концепции анализа рынка).

Рынок на ходу создавался, на ходу учился, на ходу развивался. На финансовый рынок пришли и заняли командные высоты многие выпускники технических, математических, физических, военных вузов — экономическая и юридическая подготовка позднесоветского времени не соответствовала практическим запросам транзитного периода.

При этом финансовые институты не концентрировались только в столице или крупных мегаполисах. В каждом регионе были свои игроки — банки, биржи, инвесткомпании, страховщики, инвестиционные фонды. В каждом макрорегионе были свои отраслевые союзы и ассоциации, свои правила игры и отношения «с центром».

Также на ходу, прямо на глазах создавались, трансформировались, менялись, конкурировали между собой правила игры и институты регулирования. Зачастую новые регуляторы гораздо хуже знали рыночную практику (тоже ежедневно меняющуюся), чем их подопечные участники рынка, но не стеснялись приходить, спрашивать, учиться, перенимать опыт. (Впрочем, и сейчас, бывает, знают хуже, но приходить учиться уже стесняются.)

Одной из главных причин кембрийского взрыва палеонтологи называют резкое повышение уровня кислорода как в земной атмосфере, так и в океане, что привело к увеличению скорости обмена веществ и энергии в живых

организмах. В развитии общества, и тем более — рынка, роль кислорода играет свобода. Когда её уровень повышается, повышается скорость появления и обмена идей, инноваций, деловых практик. Появляются новые формы хозяйствования, новые институты, новые продукты, новые комбинации факторов производства. Но при этом свобода — это и риски, и нестабильность, и непредсказуемость. Победителями в эволюционной гонке к концу кембрия вполне могли стать и черви, и практически неубиваемые тихоходки, и почти бессмертные медузы. Но повезло нам, хордовым. Уровень свободы в начале 1990-х годов был максимальным, дальше кислородный вентиль только закручивался. Кто оказался на вершине пищевой цепи — мы видим.

Говорят, что вся современная философия — это всего лишь комментарии к Платону. Так и вся современная жизнь — это лишь вариации на тему первичного кембрийского бульона. И весь нынешний российский финансовый рынок со всеми его участниками и регуляторами вырос из короткого, но горячего и свободного периода первоначального накопления капитала эпохи раннего Ельцина.

...

Впрочем, кембрийский период в истории Земли закончился массовым вымиранием. Но это уже совсем другая история...

А.Л. Саватюгин,
заслуженный экономист РФ,
профессор Банковского
института НИУ ВШЭ

СПИСОК ОЧЕВИДЦЕВ

Абрамов Александр Евгеньевич — 1991–1994 — заместитель начальника Главного управления Госкомимущества России; 1994–1997 — эксперт Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг.

Агеев Александр Иванович — с 1990 года генеральный директор Института стратегических исследований.

Агеев Александр Юлианович — 1994–1997 — консультант ФКЦБ РФ.

Агроскин Виктор Владимирович — 1990–1991 — координатор проектов «Инфорынок» и «Клиринг» Ассоциации участников рынка ценных бумаг; 1991–1994 — менеджер проектов Института коммерческой инженерии; 1994–1998 — вице-президент по развитию инвестиционной компании «Ринако Плюс».

Аитов Тимур Науфальевич — 1994–1996 — IT-директор ОАО «Торговый дом ГУМ».

Аксенова Галина Вадимовна — 1994–1997 — консультант Arthur Andersen.

Алексеев Владимир Николаевич — руководитель Лиги содействия инвестиционным фондам.

Алексеев Михаил Юрьевич — 1989–1991 — старший эксперт, заместитель начальника Главного управления совершенствования финансово-кредитного механизма Министерства финансов СССР; 1992–1994 — начальник управления ценных бумаг и экономического анализа, член правления Межкомбанка; 1995–1998 — заместитель председателя правления ОНЭКСИМ-банка.

Бажан Игорь Иванович — 1992–1995 — заместитель начальника Управления Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом; 1995–1996 — секретарь Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ.

Бедарев Николай Иванович — руководитель чекового «Хакасского инвестиционного фонда» (АО «ХИФ»), председатель правления ассоциации ЧИФов «Сибирский холдинг».

Белинский Андрей Александрович — с 1994 года специалист, затем главный специалист отдела клиринга и расчётов на бирже «Санкт-Петербург», занимался становлением рынка биржевых деривативов., одним из создателей срочного рынка FORTS.

Бернар Ричард — главный внешний юрисконсульт Нью-Йоркской фондовой биржи, 1990–1991 — американский координатор Советско-американской рабочей группы по законодательству о ценных бумага SASLAW; 1992–1994 — партнёр нью-йоркской юридической фирмы Milbank, Tweed, Hadley & McCloy; 1994–1995 — Глава Ресурсного секретариата ФКЦБ, затем советник РС.

Бочин Леонид Арнольдович— с 1990 года — заместитель, а затем председатель Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур.

Бройтман Михаил Яковлевич — 1991–1993 — брокер; с 1995 года — сотрудник аналитического, затем инвестиционно-банковского отдела компании «Тройка Диалог».

Будаков Дмитрий Юрьевич — 1991–1992 — директор фирмы «Эко-консалтинг»; 1992–1996 — начальник управления ценных бумаг, затем заместитель директора департамента ценных бумаг Центрального банка.

Варданян Рубен Карленович — с 1990 года — эксперт, начальник отдела по первичному размещению, исполнительный директор, затем президент компании «Тройка Диалог».

Васильев Георгий Леонардович — 1991–1992 — президент Московской товарной биржи. С 1992 года — генеральный директор инвестиционного холдинга «Росико».

Васильев Дмитрий Валерьевич — 1994–1995 — заместитель председателя Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ; 1995–2000 — председатель Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ России).

Власов Алексей Феликсович — 1990–1992 — член биржевого комитета РТСБ; с 1992 года — главный управляющий РТСБ, с 1992 года — — член Наблюдательного совета АО «Международный институт фондового рынка», вице-президент Конгресса бирж по правовым вопросам, член Комиссии по товарным биржам при Государственном комитете по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур; 1994–1998 — президент РТСБ, Российской биржи.

Воловик Александр Михайлович —с 1990 года — член биржевого комитета РТСБ**; с** 1989 года — глава корпорации «Би-Газ-Си».

Гавриленко Анатолий Григорьевич — 1990–1993 — генеральный директор АО «АЛОР»; 1993–1997 — генеральный директор ЗАО «АЛОР Инвест»; член биржевых комитетов РТСБ и МТС.

Гальперин Андрей Юрьевич — с 1994 года — трейдер, аналитик Финансового центра «Грант», председатель торгового комитета РТС.

Голубович Алексей Дмитриевич — с 1993 года — начальник инвестиционного управления банка «Менатеп»

Гордон Александр Рафаэлевич — 1991–1993 — коммерческий директор компании «Саттаров и Ко»; 1993–1994 — коммерческий директор регистрационной компании «ПиЭР»; 1994–1997 — член совета директоров, вице-президент, председатель совета директоров ПАРТАДа.

Горюнов Роман Юрьевич — с 1994 года — сотрудник, затем заместитель начальника департамента срочного рынка, начальник отдела новых технологий, начальник управления организации торговли ценными бумагами и финансовых инструментов Фондовой биржи «Санкт-Петербург».

Грачёв Вадим Анатольевич — 1991–1995 — брокер финансовой компании «Брок-Инвест-Сервис».

Гусаков Владимир Анатольевич — 1992–1994 — главный специалист, затем заместитель начальника отдела ценных бумаг Российского фонда федерального имущества, организовывал проведение чековых аукционов и инвестиционных конкурсов; 1994–1995 — заместитель руководителя департамента ценных бумаг и финансового рынка — начальник отдела Министерства финансов Российской Федерации. С 1995 года — начальник управления ценных бумаг, вице-президент АБ «Империал».

Даценко Андрей Михайлович — вице-президент компании «МФК-Московские партнеры»; 1996 — председатель совета директоров ПАУФОР.

Дёмушкина Екатерина Сергеевна — 1992–1994 — эксперт, главный специалист отдела ценных бумаг ЦБ РФ; 1994–1997 — начальник отдела ЦБ РФ.

Зиновьев Сергей Николаевич — 1992–1883 — вице-президент Инвестиционно-банковской фирмы «Церих».

Златкис Белла Ильинична — 1985–1990 — начальник отдела, начальник управления Минфина РСФСР; 1990–1998 — начальник отдела, управления, департамента ценных бумаг и финансового рынка Минфина РФ.

Иванов Павел Анатольевич — 1993–1994 — генеральный директор Санкт-Петербургского отделения Инвестиционной компании «Стена»; 1995–1999 — начальник департамента развития, вице-президент Центрального московского депозитария.

Игин Николай Николаевич — с 1992 года — председатель Фонда имущества Московской области.

Калинин Максим Николаевич — 1991–1992 — сотрудник брокерского отдела Центра «Московские финансы»; 1992–1993 — заместитель руководителя отдела ценных бумаг банка «Московия»; 1993–1994 — заместитель директора филиала «Тверской» банка «Гермес-Центр»; 1994–2000 — замдиректора по технологии регистратора НИКОЙЛ.

Кашеваров Андрей Борисович — 1990–1996 — главный специалист, заместитель начальника отдела, начальник отдела, начальник управления контроля за организованными товарными и финансовыми рынками Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур (ГКАП России).

Кашин Александр Леонидович — 1994–1996 — генеральный директор АО Орими-Инвест» и президент «Орими-Брокер»; с 1996 года — президент инвестиционной компании «Энергокапитал».

Кобищанов Михаил Юрьевич — 1990–1993 — эксперт Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, член Комиссии по товарным биржам ГКАП России; 1992–1993 — генеральный директор Товарно-фондовой биржи «Русская палата», генеральный директор инвестиционного фонда Kaltchuga Ltd.

Козлов Андрей Андреевич — 1989–1990 — старший экономист, эксперт Госбанка СССР; 1990–1991 — экономист, эксперт, начальник отдела методологии фондовых операций управления ценных бумаг Госбанка СССР; 1991–1992 — начальник отдела по операциям с ценными бумагами ЦБ РФ; 1992–1995 — начальник управления ценных бумаг ЦБ РФ; 1995–1996 — заместитель председателя ЦБ РФ, директор департамента ценных бумаг.

Коланьков Александр Валерьевич — 1991–1992 — брокер брокерской компании «Граникс»; 1992–1995 — заместитель генерального директора инвестиционно-аналитического центра «Аналайз».

Константинов Владимир Семёнович — 1993 — консультант Borell / SMG и ГКИ; 1993–1994 — помощник менеджера группы Price Waterhouse в Москве, эксперт, советник ФКЦБ.

Корищенко Константин Николаевич — 1989–1992 — директор ТОО «Рябина Лимитед»; 1992–1992 — директор АО «Руна»; 1992–1995 — начальник отдела, заместитель начальника управления ценных бумаг, начальник отдела по операциям на фондовом рынке ЦБ РФ.

Котенко Денис Александрович — с 1992 года начальник фондового отдела ЗАО «ИД Стена», директор департамента правого обеспечения, Департамента новых технологий, вице-президент ОАО «Центральный московский депозитарий», президент ООО «ЦМД».

Кривошлыков Владимир Александрович — 1992–1996 — член совета директоров и вице-президент АО «Ермак» — управляющей компании ЧИФ «Ермак».

К**узяев Андрей Равильевич** — 1991–1993 — управляющий Пермской товарной биржи; с 1993 года — президент ТОО «Универсальный торговый дом»; с 1993 года — президент ОАО «Пермская финансово-производственная группа»; с 1993 года — президент АОЗТ «Торгово-промышленная компания «Нефтьсинтезмаркет»».

Кукк Андрей Владимирович — трейдер компании «Ринако Плюс».

Курчанов Павел Фёдорович — 1992 — заместитель начальника отдела развития Депозитария РИНАКО; 1992–1993 — заместитель начальника от-

дела развития депозитария, директор депозитария РИНАКО; 1993–1996 — президент Депозитария РИНАКО.

Ланcков Пётр Михайлович — 1992–1994 — заместитель генерального директора Фонда имущества Санкт-Петербурга по вопросам фондового рынка; 1994–1996 — председатель правления Комитета профессиональных участников рынка ценных бумаг (Санкт-Петербург).

Левенчук Анатолий Игоревич — 1989–1990 — директор малого предприятия «ИнфоМир»; 1991–1996 — директор Института коммерческой инженерии; 1992–1994 — член совета директоров АО РИНАКО; 1993–1995 — член совета директоров АО Депозитарий РИНАКО; 1994–1996 — член Совета Директоров АО «Ринако Плюс».

Мелёхин Юрий Викторович — 1992–2006 — первый заместитель генерального директора специализированного инвестиционного фонда приватизации ОАО «ПриватИнвест», генеральный директор чекового инвестиционного фонда социальной защиты «Социум-инвест».

Мерзликин Константин Эдуардович — 1992–1996 — Президент ЗАО «Российская международная валютно-фондовая биржа», президент ЗАО «Кассовый Союз», председатель совета ЗАО «Депозитарно-клиринговая компания» (ДКК).

Мелкумов Ян Янович — 1990–1997 — консультант Минфина России, Госкомимущества России, Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг по вопросам создания и регулирования фондового рынка.

Мецгер Александр Альбертович — генеральный директор инвестиционной компании «Управляющая компания» (Екатеринбург).

Миловидов Владимир Дмитриевич — 1987–1998 — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Милюков Юрий Александрович — 1990 — один из организаторов Московской товарной биржи (МТБ); 1993–1997 — президент МТБ.

Мозгин Дмитрий Леонидович — 1994–1995 — начальник управления расчётов по валютным операциям Внешторгбанка; 1995–1997 — начальник управления ОАО «Внешторгбанк».

Моряков Игорь Дмитриевич — 1994–1996 — старший консультант в KPMG Barents Group в рамках проектов, финансируемых Агентством международного развития США (USAID).

Москальчук Владислав Викторович — генеральный директор специализированного регистратора «Иркол».

Нечаев Андрей Алексеевич — 1992–1993 — министр экономики России.

Ниазбаев Тимур Равильевич — с 1992 руководитель юридической службы компаний «РИНАКО», «Ринако Плюс».

Николаев Виктор Васильевич — с 1992 года генеральный директор Биржи «Санкт-Петербург», и президент Фондовой биржи «Санкт-Петербург».

Орехов Андрей Валентинович — 1992–1995 — президент Финансового центра «Грант»; 1994–1995 — председателем совета ПАУФОР.

Орехов Руслан Геннадьевич — 1993–1994 — председатель Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте РФ; 1994–1996 — первый заместитель председателя Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ

Осинягов Сергей Леонидович — с 1991 года —заместитель председателя правления Внешторгбанка РСФСР (с 1992 года — РФ); с1993 года — управляющим компанией «Московские партнёры», затем «МФК-Московские партнеры».

Панов Павел Арнольдович — член биржевого совета, и.о. первого вице-президента РТСБ.

Плескачевский Виктор Семёнович — 1988–1991 — председатель производственного кооператива «Алтус»; 1990–1993 — руководитель МСП «Алтус»; 1991–1997 — управляющий инвестиционной компанией «Алтус БИС»; 1992–1997 — член совета директоров по развитию Санкт-Петербургской фондовой биржи.

Поденок Андрей Евгеньевич — с 1990 года — председатель совета, затем президент Межрегиональной общественной организации «Московская ассоциация предпринимателей».

Полеванов Владимир Павлович — 1994–1995 — заместитель председателя Правительства РФ, председатель Госкомимущества России.

Пономарёв Дмитрий Валерьевич — 1993–1994 — консультант юридической компании Moquet Bord & Associes (Франция) и KPMG; 1994–1998 — президент ПАУФОР, затем НАУФОР.

Припачкин Юрий Игоревич — 1992–1993 — заместитель председателя Правления, член биржевого комитета Московской товарной биржи; с 1992 года — президент Евроазиатской финансово-промышленной корпорации; 1992–2006 — президент, Генеральный директор, председатель совета директоров Московской телекоммуникационной корпорации «КОМКОР».

Протасенко Вадим Анатольевич — с 1993 года — сотрудник подразделений по работе с ценными бумагами ОАО «Когалымнефтегазстрой», а затем ОАО «ЛУКОЙЛ-Когалымнефтегаз».

Райан Чарльз — 1991–1994 — сотрудник Европейского банка реконструкции и развития, 1994–2004 — сооснователь United Financial Group.

Рассказов Владимир Петрович — 1990–1991 — председатель подкомитета по банкам Комиссии Верховного Совета РФ по бюджету, планам, налогам и ценам; 1991–1992 — заместитель председателя Центрального банка РФ.

Редькин Игорь Владимирович –1991–1995 — аспирант Уральской государственной юридической академии; 1995–1998 — эксперт ФКЦБ России.

Ретунских Дмитрий Геннадьевич — 1994–1996 — брокер РТСБ.

Романов Павел Витальевич — 1993–1996 — председатель чекового инвестиционного фонда «Первый Народный».

Сапунков Игорь Александрович — работал на различных должностях в коммерческих банках и Банке России, экс-акционер ЧИФ «ПРОФИ» и экс-миноритарий ОАО «Северянин».

Сафарян Игорь Анатольевич — с 1991 года — президент Московской штаб-квартиры Международной гильдии брокеров, председатель биржевого совета Российской фондовой биржи, президент финансовой компании «Брок-Инвест-Сервис».

Сахаров Виктор Борисович — 1992–1996 — президент Владивостокской международной фондовой биржи (ВМФБ), председатель совета директоров Приморского центрального депозитария, член экспертного совета ФКЦБ; 1995–1997 — президент «Российского депозитарного союза» (ДРС).

Скворцов Владимир Юрьевич — 1992–1998 — первый вице-президент компании «Ринако Плюс».

Смирнова Лариса Михайловна — руководитель отдела срочного рынка РТСБ.

Смолькин Игорь Валерьевич — с 1992 года — первый заместитель директора «Альфа-Капитал».

Солодухина Лариса Владимировна — пресс-секретарь председателя ФКЦБ.

Старовойтов Александр Владимирович — 1991–1998 — генеральный директор Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ).

Старченко Александр Григорьевич — с 1994 года — трейдер Ринако Плюс»

Субботин Алексей Ярославович — 1995–1996 — Специалист депозитария ООО «Межбанковский кредитный союз».

Сухоруков Алексей Валерьевич — руководитель IT проектов дочерней компании Уральского фондового центра.

Татьянников Василий Аркадьевич — 1992–2002 — генеральный директор Екатеринбургской фондовой биржи.

Телятников Алексей Леонидович — 1993–1995 — консультант в компании KPMG; 1995–2001— генеральный директор Технического центра РТС.

Тулин Дмитрий Владиславович — 1978–1990 — экономист, начальник отдела, заместитель начальника Валютно-экономического управления Госбанка СССР; 1990–1991 — начальник управления ценных бумаг Госбанка СССР,

член правления Госбанка СССР; 1991–1994 — заместитель председателя Центрального банка России.

Фатеев Павел Игоревич — 1991–1993 — брокер, начальник фондового отдела Центра «Московские финансы»; 1993–1994 — президент компании «Гермес-Инвест»; 1994–1995 — директор Информационного центра для регистраторов (ИЦР); 1995–1996 — президент ЗАО «Депозитарная компания НИКОЙЛ».

Фёдоров Александр Афанасьевич — 1992–1996 — управляющий инвестиционным фондом «СахаИнвест».

Фёдоров Пётр Григорьевич — брокер компании United Financial Group.

Хандруев Александр Андреевич — 1988–1991 — заместитель директора, исполняющий обязанности директора, директор Кредитно-финансового научно-исследовательского института при Госбанке СССР; 1991 — заместитель председателя Госсовета по экономической реформе Кабинета министров СССР. 1992–1995 — заместитель председателя Банка России; 1995–1997 — первый заместитель председателя Банка России.

Хилл Терри — британский эксперт в разработке биржевого законодательства и создании инфраструктуры бирж в России; 1989–1992 — представлял в СССР и России британскмй Know-How Fund.

Хилов Дмитрий Юрьевич –1995–1998 — занимал руководящие посты в ЗАО «Объединенная финансовая группа».

Царьков Олег Игоревич — 1992–1996 — директор по торговле, совладелец Финансового центра «Грант»; с 1995 года — глава Дисциплинарного комитета РТС.

Чекурова Марина Викторовна — 1991–1993 — главный специалист, начальник отдела и начальник Управления акционирования и ценных бумаг Российского фонда федерального имущества; 1993–1997 — заместитель начальника департамента ценных бумаг и финансового рынка Министерства финансов РФ.

Черкасский Борис Васильевич — 1991–1992 — начальник Депозитария РИНАКО; 1993–1999 — ведущий экономист управления, а затем департамента ценных бумаг, начальник отдела ЦБ РФ.

Чернов Евгений Алексеевич — 1993–1996 — председатель расчётной палаты МТС.

Чикунов Александр Васильевич — генеральный директор АОЗТ «РИФ-БРОК» («Развитие, инвестиции, финансы»), вице-президент Сибирской фондовой биржи, Новосибирск.

Чубайс Анатолий Борисович — 1991 — председатель Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом — министр РСФСР; 1992–1998 — заместитель, первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации.

Чухина Лариса Николаевна — 1992 — начальник отдела Фонда имущества города Находка; 1992–1997 — начальник регистрационного отдела, заместитель управляющего Находкинского финансового акционерного общества.

Ювонин Владимир Юрьевич — с 1990 года брокер Ульяновской товарно-сырьевой биржи; 1994 — член совета директоров Российской фондовой биржи.

Юдин Юрий Константинович — 1993–1996 — генеральный директор Приморского центрального депозитария (ПЦД); 1996 — исполнительный директор Депозитарно-расчётного союза (ДРС).

Ячник Олег Евгеньевич — 1974–1995 — прошёл путь от инженера до доцента — заместителя заведующего кафедрой «Летательные аппараты» МВТУ им. Н. Э. Баумана; с 1992 года — генеральный директор инвестиционной компании «ОЛМА».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Абрамов А. Е. — 52, 53, 522, 527, 545, 670
Абрамов С. А. — 121, 406
Абрамович Р. А. — 581, 582
Авен П. О. — 34, 181, 340, 378
Агарков М. М. — 589
Агеев А. И. — 590, 591, 670
Агеев А. Ю. — 440, 508, 670
Агроскин В. В. — 43, 61, 67, 68, 131, 274, 275, 410, 413, 418–420, 424, 438–440, 507, 510, 532, 538, 540, 544–548, 552, 555, 556, 560, 591, 628, 670
Аитов Т. Н. — 144, 145, 670
Аксенова Г. В. — 374, 524, 530, 670
Аладушкин А. Н. — 332, 337, 339
Алашеев О. — 367
Алеева Е. — 248
Александров М. — 371, 372
Алексеев В. Н. — 170, 171, 201–203, 529, 670
Алексеев М. Ю. — 67, 511, 512, 592, 609, 647, 670
Алехин Б. И. — 63, 311, 590
Алёшин Б. И. — 310, 591
Аликперов В. Ю. — 450, 582
Алмазов С. Н. — 111,
Ананич В. Ю. — 533
Андреев А. — 214
Андреев С. — 68,
Андреева И. — 220, 221, 392
Анохин Н. В. — 266, 272
Антонов М. В. — 92, 605
Антонян К. В. — 331, 337, 339, 444
Аристов А. М. — 247
Арсеньев В. — 322, 394, 396, 406, 463, 479, 487, 507, 574
Аслаханов А. — 46
Аспин С. — 81, 255, 274, 276, 535, 542, 549, 553
Афонин А. — 213
Ахмадуллин Т. — 171

Б

Багров А. — 587
Бажан И. И. — 44, 47, 140, 523, 670
Байков А. — 144.
Балдин В. — 246
Балкли Д. — 412, 414, 415, 445, 637
Баранов Г. — 579
Барщевский А. — 536
Барщевский Г. А. — 594
Баскин И. М. — 285
Башкирова В. Б. — 49, 77, 134, 575, 577, 578, 588
Бедарев Н. И. — 29, 30, 35–37, 87, 101–104, 124, 125, 127, 153, 154, 157, 159–162, 164, 165, 171–179, 190, 191, 208–210, 389–391, 525, 670
Белинский А. А. — 490–496, 670
Белобровцева О. — 439
Белова Е. — 276
Белоненко О. 34
Белосохов А. И. — 166
Белоусов М. — 270
Беляев С. Г. 107, 219, 572,
Бендукидзе К. А. — 134
Берг А. — 565
Бергер С. — 213
Берджесс Э. — 359
Березовский Б. А. — 28, 33, 35, 38, 68, 78, 139, 140, 205, 340, 372, 567, 581

Берлинер Ф. —322, 352, 353, 411, 438, 445
Бернар Р. — 561, 670
Биллиотт Ж-М. — 359
Близнец В. — 202
Бовкун Ю. В. — 337, 339
Богданов В. Л. — 134, 582
Богданович Д. 263
Бойко М. В. — 16–18, 22, 223, 558, 613, 624, 629
Бойко В. В. — 99
Бойко О. В. — 567
Болдырев Ю. Ю. — 583, 584
Большаков А. А. — 489, 498, 499
Боровой К. Н. — 5, 38, 235, 250, 258, 269, 278, 283–289, 326, 328, 449, 531, 532, 542, 598, 602, 604, 607, 613, 614, 629, 632
Бороденков А. — 19, 50, 57, 339
Бочин Л. А. 31, 32, 34–36, 139, 140, 232, 276, 568, 570, 574, 583, 585, 587, 671
Браков Е. А. — 146, 147
Бройтман М. 64, 86, 135, 304, 317, 385, 386, 671
Броудер У. — 361–363
Броудер Э. — 362
Будаков Д. Ю. 558, 559, 589, 590, 671
Бунич П. Г. — 257, 639
Буравлёв К. Э. — 113, 184, 639
Бурбулис Г. Э. — 70, 187, 238
Буре Э. Г. — 107
Бухвальд Б. — 589
Буш Д. —236
Бушев В. Н. — 113, 114, 145,
Бушмин Е. В. — 638, 659
Бушуев М. В. — 176, 177, 179, 266, 390
Быков А. П. — 165
Быханов В. — 266
Бэкон Л. — 379

В

Вавилов А. П. — 584
Вайсс Э. — 352
Варварьин Д. — 319
Варданян Р. К. 31, 135, 136, 309, 331, 334, 337, 339, 349–354, 383, 399, 497, 409, 424, 425, 441, 445, 504, 514, 517, 671
Васильев Г. Л. 229–231, 455–457, 465, 466, 481, 492, 671
Васильев Д. В. 10, 15, 18, 19, 26, 27, 44, 52, 54–56, 58, 77, 83, 84, 89, 92, 93, 104, 107, 108, 116, 118–122, 127–132, 135, 138–140, 152, 153, 158, 173, 194, 197, 216, 262, 268, 293, 303, 331, 344, 412–418, 422, 428, 437, 439, 445, 503–505, 507, 511, 513–515, 519, 522–525, 527–529, 557–560, 564, 566, 568, 572, 588, 594, 613, 615, 619, 624, 626, 629–633, 636, 637, 640–646, 656, 658–660, 663, 664, 671
Васильев С. А. — 96,
Васильева Н. П. — 319
Вепрев А. Ф. — 16
Ветрюк А. — 426
Видяев Б. П. — 111, 112
Вилькович О. — 204
Виноградов А. — 64, 65, 67, 72, 86, 88, 137, 254, 293, 315, 320, 321, 389, 391
Виноградов В. В. — 567, 577–579
Винчель М. Г. — 311
Вишневский В. П. — 281
Власов А. Ф. — 67, 68, 71, 87, 88, 129, 250, 260, 265, 283, 287, 290, 327, 328, 408, 454, 459–462, 469, 470, 607, 612, 671
Власов Л. Р. 210
Войнов В. — 210
Волгин А. А. — 170

Волгин А. — 170, 643
Волков Н. — 377
Волкова В. П. — 522, 524, 527
Воловик А. М. — 79, 235, 236, 287, 449, 450, 671
Володина В. — 537, 538
Воровский А. В. — 154
Ворон И. — 327, 635
Воронин П. И. — 101
Воронцов Ю. М. — 236, 604
Воронцова Н. — 40
Вранцева Е. — 571, 582
Высоцкий В. С. — 598

Г

Гавриленко А. А. — 458
Гавриленко А. Г. — 79, 232, 280, 312, 313, 318, 327, 335, 382, 432, 433, 446, 447, 458, 462, 480, 671
Газаров М. — 36, 37
Гайданов О. И. — 200
Гайдар Е. Т. — 9, 10, 14, 17, 37, 48, 78, 209, 241, 286, 291, 557, 567
Галис М. — 189
Галкин Г. — 123, 246
Гальперин А. Ю. — 306, 340, 356, 371, 398, 410, 434, 439, 671
Гафуров С. З. — 31, 195, 196, 217, 228, 371
Геращенко В. В. — 639
Глущенко С. — 396
Гнедин Ю. —228, 229
Голованов И. С. — 115, 635
Головков А. Л. — 239, 639
Головлёв В. И. — 34, 122, 123, 202, 208, 209, 210
Голубович А. Д. — 23, 24, 37, 120, 121, 140, 141, 382, 401, 402, 406, 407, 569, 587, 588, 592, 671
Голубь Ю. — 35
Голубых А. — 428
Гонзалез Э. — 30,
Горбачёв М. С. — 9, 216, 255, 281, 291, 666
Горбачёв С. В. — 144, 605, 610
Гордон А. Р. — 268, 329, 514, 562, 671
Горелов О. — 390
Горюнов Р. Ю. — 490–494
Городилов В. — 581
Горохов В. С. — 460
Горюнов Р. Ю. — 490–494, 672
Грабарник В. Е. — 63, 228, 229, 309, 328, 331, 339, 444
Градецкий А. — 271, 395, 432
Грачёв В. А. — 62, 294–297, 315, 672
Гриб В. — 503
Григорьев В. — 514
Гришанков Д. — 271, 395, 432
Губин В. В. — 287, 460, 471, 608
Гурова Т. — 32, 213, 214, 216
Гусаков В. А. — 92, 182, 225, 226, 454, 455, 500, 672
Гусаров — 244
Гусинский В. — 28, 35, 345
Гутерман Л. — 632

Д

Данилова Д. — 229, 231
Дарькин С. М. — 354
Дарт К. — 340–42, 371
Даунинг Д. — 240, 356
Даурский А. Н. — 403, 404
Даценко А. М. — 331, 336, 337, 339, 423, 424, 430, 442, 444, 672
Дегтярева О. И. — 452, 476
Дедученко А. — 270, 283, 471, 484
Делягин М. Г. —569, 570
Демидов С. — 256, 609
Демура С. — 465

Дёмушкина Е. С. — 558–569, 672
Дерби П. — 349–351
Дерипаска О. В. — 36, 80, 96, 101–193, 133, 134, 164, 360
Дерябин А. — 260, 624
Джарвис М. — 366
Дженнингс С. — 50, 343–349, 540, 568
Дитц Р. — 347
Дмитриенко Д. — 582
Долгих А. — 351
Долецкая А. С. — 34
Дронов В. — 337
Дубинин С. К. — 225, 500
Дудаев Д. М. — 59
Дудин А. — 210
Дэвис М. С. — 579
Дягилев Ю. П. — 101

Е

Евгеньева Т. — 269
Евтушенков В. П. — 229–231
Егиазарян Г. А. — 154
Егоров Е. Г. — 70, 125
Егоров С. Е. — 286, 78
Егоров С. Н. — 557
Елин Е. И. — 332
Епифанова Н. — 35
Ельцин Б. Н. — 10, 12, 15–17, 25, 30, 35, 37, 38, 46, 48, 53, 54, 59, 68, 116, 124, 140, 245, 291, 371, 375, 393, 498, 500, 523, 528, 566–568, 577, 586, 596, 610, 637, 641, 643, 654, 661, 669
Ермоленко Ю. — 195
Ермолина Л. Н. — 594

Ж

Живихина И. Б. — 594
Жванецкий М. М. — 409
Ждановская А. А. 113
Жириновский В. В. — 78, 183

З

Заварский Л. — 150
Загачин Ю. — 115, 504, 506, 514, 526, 528–530, 621, 635
Замилов Д. — 267
Заподинская Е. 111
Затулин К. Ф. — 258–261, 278, 286, 591, 612
Захаров А. В. — 596
Захаров А. Н. — 174, 241, 258, 260, 276, 438
Звёздочкин А. М. — 63, 313, 316, 345, 348, 381
Зеленин Д. В. — 149
Зенкин Г. — 35
Зеншин Д. — 34
Зенькович Н. А. — 38, 60, 69
Зимин Д. Б. — 230
Зиновьев С. Н. — 147, 672
Златкис Б. И. — 144, 154, 267, 499, 509, 538, 591, 650, 656, 672
Золотдинов М. А. — 260, 289, 612
Зубова Е. —359, 360
Зюганов Г. А. — 7, 78, 567

И

Иваненко А. И. — 148, 200–203, 216, 558, 621, 627, 642, 643
Иванишвили Б. — 576
Иванищев А. — 318
Иванов В. — 547
Иванов Е. — 332
Иванов К. В. — 591
Иванов Н. — 33
Иванов П. А. — 524, 525, 672
Иванова А. — 40
Ивантер А. — 32
Иващенко Н. П. — 309

Игин Н. Н. — 17, 18, 24, 25, 95, 129, 133, 214, 216, 217, 256, 672
Измайлов А. — 541
Илехменев Н. — 273
Ильичёв Е. — 179
Илюхина И. — 274, 276, 299
Исмагилов Р. Ф. — 639

Й

Йордан Б. — 50, 136, 299, 331, 337, 339, 342–350, 537, 370, 425, 445, 540, 568

К

Кавеладзе И. Т. — 589, 590
Кагаловский К. — 571, 578, 582
Каганович Л. М. — 5
Каданников В. В. — 6331
Казаков А. И. — 59, 129
Казаковы — 606
Калашников С. В. — 648
Калинин М. Н. — 88, 672
Калиниченко Н. — 148, 157, 173, 213, 214, 216, 220, 221, 392, 422
Калугин С. — 581
Кандинская О. А. — 452, 476
Кантемир Г. — 356
Карловский К. — 63, 309
Карпенко И. — 219, 220, 222
Карпенко М. — 332
Карпуш Д. — 332
Карташов А. Г. — 488, 490–492
Касьяникова А. — 70, 187
Качалов Н. А. — 367
Кашеваров А. Б. — 251, 672
Кашин А. Л. — 319, 320, 332, 337, 339, 370, 490, 673
Келлнер П. — 181, 182
Керкорян К. — 405
Кесслер М. — 647, 648
Кете де Врис М. — 309, 350, 352
Кеффер Д. — 528
Ким Е. — 263
Кириллов О. — 246
Киров Д. — 263
Кичежди В. —247
Клинтон Б. — 363, 379
Ключников И. К. — 278
Колебанов И. И. — 106
Кобищанов М. Ю. — 99, 141, 253, 258, 359, 361, 673
Ковалёв А. 108, 110, 112, 114, 173, 187
Ковешников в. — 489
Кожоный Ч. — 340, 342
Козлов А. А. — 28, 55, 57, 58, 130, 274, 443, 445, 499, 507, 510, 513, 532, 534, 537, 552–554, 558, 560, 564, 589, 590, 594, 504, 605, 629, 636, 645, 650, 652, 656, 658–660, 673
Коланьков А. В. — 30, 63, 64, 282, 283, 309, 392, 595, 673
Колесник А. — 298
Колесников А. С. — 268
Кондратенко Н. И. — 184
Кондрашов И. — 326
Константинов А. Д. — 75, 77
Константинов В. С. — 561, 673
Конюхов Ф. Ф. — 40
Королёв А. Е. — 169, 190
Корриган Д. — 363
Костиков И. В. — 276, 645
Корищенко К. Н. — 443, 595, 673
Коротов К. — 309, 350, 352
Корсун А. — 171
Корф А. — 533
Косогов А. Н. — 305, 308, 388
Котельникова Е. — 186
Котенко Д. А. — 66, 169, 192, 193, 308, 673
Котов Ю. И. — 259–261, 612

Кох А. Р. — 28, 29, 51, 106, 107, 109, 222–227, 353, 376–378, 451, 530, 558, 567, 568, 571–576, 578–580, 586, 641
Красавцева И. — 429
Кривов В. Д. — 14
Кривошлыков В. А. — 165–168, 179, 212, 673
Крючкова Н. — 271
Кубасова Е. В. — 309
Кубашов В. — 211
Кудряшов А. — 24,347, 550
Кузнецов — 75
Кузнецов В. — 349, 350
Кузнецов В. — 77
Кузнецова Е. — 62
Кузнецов П. — 309, 409
Кузяев А. Р. — 65, 81, 116–118, 234, 241, 242, 380, 450, 673
Кукк А. В. — 95, 385, 535, 547, 673
Курчанов П. Ф. — 43, 82, 188, 189, 511, 513, 532, 533, 536–545, 554, 555, 623, 673
Косилов F/ — 211

Л

Ладыгина Е. — 35
Лазарко И. Л. — 332, 337, 339, 429
Лансков П. М. — 215, 216, 268, 332, 427, 515, 557, 564, 674
Лебедев А. А. — 55
Лебедев В. — 426
Лебедев Г. В. — 41
Лебедь А. И. — 586, 587
Лебедь А. И. — 161
Левенчук А. И. — 40–42, 46, 55, 131, 152, 153, 198, 233, 259, 531–538, 544–546, 548, 553–555, 558, 562, 593, 612, 628, 674
Лелявский М. И. — 276, 514
Ленин В. И. 9, 100, 107, 177, 291, 307,
Леонтьев М. В. — 288
Лившиц А. Я. — 526, 578
Липкин И. Б. — 216, 225
Лисичкин В. А. — 183, 229
Лозе Б. — 358–361, 379
Локоткова С. — 271, 395, 432
Ломовцев Т. — 213
Ломская Т. — 407
Лоренс Б. — 503
Лоснов Н. — 43, 131, 264
Лужков М. Ю. — 32, 71, 91, 113, 129, 144, 150, 219, 229, 261, 285, 345, 631, 637, 639
Львин Б. М. — 152, 239
Львов Ф. 34
Любинин А. Б. — 570

М

Мавроди С. П. — 292
Макаров Н. Я. — 153, 176, 200Ю 201, 379
Маккрей Б. — 560
Максимов А. М. — 566
Малей М. Д. — 5
Малина И. — 35
Малкин В. Б. — 567, 576, 579
Мальцев И. — 245
Малютин А. — 150
Малютин А. — 390
Мамонтов А. Н. — 595
Мамут А. Л. — 400
Манасов М. Д. — 80, 331, 337, 339, 367, 424, 444
Манвелов Н. — 441
Маневич М. В. 107, 558
Марголит Г. Р. — 279, 301
Марченко А. — 536, 545, 623
Масарский М. В. — 278, 591
Матросов М. — 609

Матюхин Г. Г. — 27
Мегредичян Ф. Д. — 365
Медведева М. Б. — 279, 301,
Медведева Т. 522
Медков И. А. — 386–388
Мелёхин Ю. В. — 119, 120, 160–164, 183, 674
Меломед Л. Б. — 267
Мерзликин К. Э. — 130, 502–505, 514, 521, 615, 657, 674
Мелконов С. С. — 532
Мелкумов Я. Я. — 50, 234, 236, 250, 370, 522, 559, 561, 674
Мельников К. — 424, 435, 546, 548
Мелюхов О. Ф. — 337, 339
Мецгер А. А. — 150, 151, 155, 307, 331, 332, 384, 402, 403, 589, 674
Микулинский Е. П. — 594
Милашевич А. — 197, 198
Миловидов В. Д. — 154, 155, 370, 390, 674
Мильнер Ю. Б. — 405
Милюков Ю. А. — 258, 261–263, 278, 280, 309, 455, 585, 589, 612, 674
Минкин А. В. — 28,
Минкин Д. — 332
Миркин Я. М. — 232
Митрофанова Э. В. — 646
Михайлов А. — 179
Михайлов Е. Н. — 358
Михайлов С. А. — 115, 635
Мишин Ю. В. — 312
Млынчик В. — 329, 330, 332, 338
Мобиус М. — 357, 358
Мовчан А. А. — 352, 353
Мозгин Д. Л. — 512, 674
Молотков Ю. И. — 166
Молоткова П. — 35
Моргенштейн К. — 372, 420
Мороз — 76
Мороз И. — 75
Мороз О. С. — 292
Морозов Н. Я. — 153
Морыженков В. А. — 291, 450, 610
Моряков И. Д. —135, 138, 330, 375, 400, 414, 420, 425, 427–432, 442, 443, 504, 517, 565, 674
Москальчук В. В. —190, 674
Мостовой П. П. — 19, 30, 109, 141, 219, 641, 643
Муравьёв С. — 404
Муртазаев Э. — 526
Мусарский В. М. — 40
Мякинников О. — 193

Н

Наздратенко Е. И. — 198
Найт В. — 179
Найшуль В. А. — 48, 49
Науменко П. — 322
Неверов В. И. — 290–292, 449, 602
Нелюбин М. — 110
Немцов Б. Е. — 79, 106, 110–112
Нерсесов Н. О. — 589
Несвижский В. — 128
Нестеренко Т. Г. — 646
Нечаев А. А. — 53, 115, 156, 157, 164, 171, 185, 186, 635, 674
Нечаев А. Г. — 201
Ниазбаев Т. Р. — 410, 411, 532, 540, 548, 551, 674
Николаев А. — 148
Николаев В. В. 488–491, 496, 497, 551, 675
Николаев И. 202, 220, 221, 392
Николаев М. Н. 160
Нилов Д. — 520
Ниткин И. — 174
Новиков А. В. — 200, 229, 263, 266, 267
Новицкий Е. Г. — 231

Носов А. — 339

О

Обермайер М. т— 351, 352
Оверченко М. — 582
Оксузьян О. — 40
Олдрич П. — 526, 529
Олиференко А. —505, 512, 513
Орджоникидзе И. Н. — 261
Орехов А. В. 21, 22, 65, 93, 140, 305, 328, 330, 331, 337, 339, 369, 385, 403, 411, 412, 417, 418, 421, 422, 444, 636, 647, 675
Орехов Р. Г. 12, 26–28, 37, 512, 558–561, 622, 636, 640–642, 664, 675
Орехова М. А. — 37
Осеевский М. Э. — 332
Осин Д. — 554
Осинягов С. Л. 97, 98, 675
Ослунд А. — 105, 357, 363
Осман М. — 201
Остапов Е. — 150

П

Павлов В. А. — 191
Павлова В. — 245
Паелинк П. — 610
Панина Н. Н. — 178
Панфилов Е. — 607
Панькин В. В. — 260, 261, 277, 601, 612
Панов П. А. 65, 253, 254, 675
Пансков В. Г. — 369, 384, 641
Пансков П. — 107
Патаркацишвили Б. — 582
Переверзева М. Д. — 60
Перцовский А. Н. — 337, 416, 417, 548, 549
Петров С. 80
Петров Ю. А. — 179, 211
Петров Ю. В. — 371
Печилина Г. — 187
Пильщиков В. — 34
Плаксин Г. — 243, 244, 250, 282
Плахин И. — 398
Плескачевский В. С. — 47, 675
Побединский В. — 593, 604
Поденок А. Е. — 237, 238, 250, 675
Позднякова М. — 35
Покровский А. — 213
Полеванов В. П. — 219, 222, 229, 375, 392, 641, 643, 675
Полтев К. — 407
Пономаренко Е. — 160–162, 184
Пономарёв Д. В. — 330, 331, 334, 336–339, 411, 414, 416, 417, 419, 424, 425, 430, 434, 437, 439, 440, 443–445, 660, 675
Потёмкин А. И. — 619
Поденок А. Е. — 238
Попов Г. Х. — 142, 144, 284
Потанин В. О. — 96, 134, 347, 568, 571, 572, 576, 577, 580, 585, 586, 588, 649
Починок А. П. — 12, 122, 250
Привалов А. Н. — 123, 173, 213, 214, 216, 220, 221, 392
Припачкин Ю. И. — 79, 278, 455, 456, 465, 466, 675
Протасенко В. А. — 56, 57, 307, 317, 384
Пугин И. А. — 111, 112
Пушайло П. — 248
Пушкин С. — 263

Р

Рабинович Л. — 582
Радлофф Х. Й. — 7, 342, 343
Райан Ч. — 314, 353–355, 571, 572, 675

Рассказов В. П. — 605, 675
Редькин И. В. — 522, 563, 589, 676
Резник Г. М. — 246
Рейган Д. — 330
Ретунских Д. Г. — 327, 474, 477, 478, 480, 482–486, 676
Рич М. — 340
Робинсон Д. — 503
Рогожников — М. 20
Роджерс И. — 132, 507
Рожецкин Л. Б. — 347, 349
Рожкова М. —577
Романов А. — 359
Романов П. В. — 99, 105, 118, 158, 159, 309, 310, 359, 361, 372, 373, 379, 397, 399, 400, 676
Романова О. Е. — 510
Росев К. — 20
Ростропович М. Л — 528
Руденко Д. — 286,
Руденко П. — 359, 360
Руцкой А. В. — 45, 46, 82, 291
Рыбак С. — 357
Рыбкин В. — 221
Рыбкин И. П. — 141
Рыжиков А. — 271
Рыжков М. — 426
Рыскин В. М. — 512Сабуров Е. Ф. — 9, 10

С

Саватюгин А. Л. — 319, 332, 665–669
Сакс Д. — 7
Сапов Г. Г. — 531, 535, 536
Сапожников П. — 157
Сапронов А. — 376
Сапунков И. А. — 207, 208, 676
Саркисовы 632
Сафарян И. А. — 11–14, 62, 64, 134, 157, 260, 296, 303, 308, 310, 314, 315, 323, 324, 333, 454, 589, 591, 593, 594, 612, 676
Сахаров В. Б. — 44, 132, 133, 254, 271, 378, 385, 390, 391, 408, 414, 427, 428, 515, 521, 560, 561, 565, 598, 637, 676
Сачер Б. — 136, 351–353
Сборов А. — 202, 208
Светлаков С. Ю. — 37
Свиньин В. — 332
Семёнов А. — 70, 187, 221
Семигин Г. Ю. — 593
Сенчагов В. К. — 153
Сергеев А. — 491
Сергеев Б. И. — 570
Сердюков А. Э — 207, 491
Сидоров В. В. — 368
Силаев И. С. — 9, 239, 593
Сиваков Д. — 271, 395, 432
Синцов А. — 204
Сиразутдинов Г. — 36
Скворцов В. Ю. — 331, 337, 339, 424, 444, 507, 546–553, 676
Смирнов В. — 114, 273
Смирнов Г. — 112
Смирнов Е. А. — 101, 159
Смирнов С. — 247
Смирнова А. — 192, 327
Смирнова Л. М. — 460, 461, 471, 676
Смоленский А. П. — 567, 568, 582
Смолькин И. В. — 37, 71, 79, 80, 104, 115, 116, 135, 205, 304, 305, 340, 342, 348, 388, 389, 398, 414, 567, 676
Смык А. И. — 133, 337, 338, 426, 633.
Снежная И. — 423
Собчак А. А. — 107, 488, 489, 497
Сокин А. В. — 18, 27, 44, 92, 414, 427, 504, 522–524, 528, 557–566
Соколов В. В. — 25, 111, 114, 635

Солдатенко Г. А. — 594
Солодухина Л. В. — 507, 527, 564, 565, 676
Соломатин Ю. 144–146
Сорокин В. — 325
Сорос Д. — 340, 342, 347, 349, 361, 588
Сосин О. — 170
Сосковец О. Н. — 121, 568, 577, 637
Соснин А. 34
Спиридонов В. Е. — 161
Старовойтов А. В. — 129, 642, 676
Старченко А. Г. — 170, 385, 390, 547, 548, 550–552, 676
Стасюк С. — 390
Стейнсби Д. — 179
Степанков В. Г. — 245
Степанюк А. О. — 338
Степанянц — 632
Степенин М. 206
Стиглиц Д. — 32
Стреляный А. И. — 9
Субботин А. Я. — 508, 515–517, 676
Субботин Д. Я. — 503
Суворов В. — 243
Суворов И. —63, 260, 269, 275, 624
Сумин П. И. — 124, 211, 623
Суровятин М. И. — 201
Сухиненко Д. Н. — 531, 532, 536
Суходоев А. — 108
Сухоруков А. В. — 84, 85, 133, 426, 676
Сычёв В. В. — 3131
Сюнюшев Б. С. 125

Т

Табеев Ф. А. — 15, 17, 110, 601
Тарасов А. М. — 387, 388
Тарачёв В. А. — 174
Татаренков В. — 36, 37
Татьянников В. А. — 242, 243, 472, 676
Телятников А. Л. — 334, 411, 413, 415, 417–429, 433–440, 443–445, 676
Теняков Э. В. — 12, 244–247, 261, 278, 290, 603, 606
Теплицкий В. Я. — 601
Тишков А. — 107
Тови Ж-Л. — 359
Токарев А. — 555, 556
Токарь В. — 34
Толстых А. — 242
Томчин Г. А. — 17, 32, 100, 639
Тоубин Б. — 369
Тросников И. — 328, 370, 404
Трухачёв С. А. — 194
Туишев Р. Х. — 594
Тулин Д. В. — 27, 28, 258, 599, 604, 605, 676
Турбанов А. В. — 646
Турчак А. А. — 106
Тутушкин А. — 114
Тэсфайе С. — 199–201
Тэтчер М. — 33
Тягай С. — 61, 398

У

Уринсон Я. М. — 312
Усов С. Р. — 161
Утенкова Е. — 404
Утицин О. — 245

Ф

Фабела О. — 230
Фадеев В. А. — 149, 150, 213, 214, 216
Фатеев П. И. — 507, 513, 677
Федькин — 246
Фетисов А. — 192
Фёдоров А. А. — 70, 125, 160–162, 677
Фёдоров Б. Г. — 353, 459, 528, 571, 629

Фёдоров П. Г. — 314, 316, 321, 339, 354, 382, 383, 386, 392, 395, 409, 410, 677
Федотов В. — 599
Филатов А. В. — 571
Филиппов П. С. — 10
Фингер Г. М. — 370
Финогенов А. — 189, 555
Фишков А. Л. — 631
Флорент-Трейси Э. — 309, 350, 352
Франк С. О. — 385
Фридман М. М. — 104, 115, 181, 305, 367, 578, 579
Фрост Т. — 364

Х

Хажакян А. — 283
Хакамада И. М. — 287
Халезова Н. — 35
Халишхов А. 135
Хан Г. Б. — 181
Хандруев А. А. — 448, 641, 677
Харви Э. — 607
Хариф с. Л. 116
Харнас В. — 143, 146
Харшан М. А. — 139, 204, 205, 541
Хасбулатов Р. И. — 30, 53, 54, 566, 627
Хау — 365
Хеберт Э. — 525, 526, 528–530
Хей Д. — 229, 503, 525, 526, 528, 529, 558, 560, 561,611, 613, 643
Хеллман Д. — 584
Хилл Т. — 51, 81, 456, 457, 677
Хилов Д. Ю. — 354, 677
Хлебников П. — 32, 33, 35, 38, 40, 43, 68, 139, 140, 204, 205, 325, 340, 371, 372
Хнычкин Ю. — 256, 261, 262, 283, 361, 449
Ходаков — 201
Ходорковским М. Б. — 23, 214, 262, 263, 341, 382, 401, 451, 567–572, 578–580, 582, 585, 630
Хоффман Л. — 7, 10, 11, 149, 184, 219, 241–246, 353, 362, 451, 568, 571, 572, 579, 580, 583, 584
Христенко В. Б. — 122, 208

Ц

Царьков О. И. — 20, 21, 66, 71, 74, 75, 85, 93, 94, 98, 136–138, 305–307, 318, 339, 348, 349, 368–370, 383, 397, 403, 405, 406, 411, 419, 421, 424, 444, 677
Цвиркунова Ж. В. — 312
Циммерман Н. — 526, 528, 529

Ч

Чандлер К. — 340, 342, 347
Чандлер Р. — 347
Чеботарёв А. — 35
Чеботарёв М. Ю. — 171, 541
Чекурова М. В. — 91, 99, 559, 560, 677
Черепанов М. — 273
Черепанова А. П. — 70, 125, 126
Черкасский Б. В. — 130, 536–538, 554, 677
Чернов Е. А. — 257, 258, 262, 457, 458, 462, 466, 467, 473–480, 486–488, 677
Черномырдин В. С. — 54, 111, 112, 202, 229, 291, 499, 568, 569, 576, 577, 586, 587, 621, 641, 643, 644
Чернышкова Е. — 274, 276
Чернявская В. Д. — 176, 177
Четвериков Ю. — 248
Чёрный Л. С. — 347
Чёрный М. С. — 347
Чиккер С. — 114, 132, 187, 518

Чикунов А. В. — 90, 259, 266, 267, 333, 334, 337, 355, 378, 379, 429, 617, 677
Чубайс А. Б. — 6–11, 14–19, 22, 26, 30, 33, 34, 38, 47–60, 69–74, 78, 83, 84, 89–91, 94–98, 104, 106, 111, 113–116, 119, 122–124, 127, 130, 134, 139, 151, 152, 163, 171, 184, 186, 187, 196, 197, 200, 305, 209, 219, 222–227, 262, 267, 271, 339, 342, 344, 353, 372, 378, 388, 488, 489, 557–559, 567–572, 576, 580, 582, 586, 597, 611, 613, 616, 617, 623, 624, 627, 629, 632, 637–643, 645, 655, 661, 677
Чуев Ф. И. — 5
Чулков А. Н. — 311
Чумаченко И. — 453
Чурухов П. И. — 110–112
Чухина Л. Н. — 39, 42, 45, 46, 678

Ш

Шадрин А. — 242, 265, 270
Шайкевич Б. — 214
Шаповальянц А. Г. — 312
Шапошников А. В. — 205–207
Шапошников В. — 205–207
Шарлаев П. — 35
Шафранник Ю. К. — 290
Шебанов Ю. — 34
Шевлякова Н. — 24
Шевчук С. — 386
Шекшня С. — 309, 350, 352
Шелепин Л. А. — 230
Шигарева Ю. — 35
Шляйфер А. — 526, 529, 562
Шмелёв А. Е. — 314
Шмиголь Н. — 314
Шойко С. М. — 154, 170, 173, 176, 526
Шор К. Б. — 639
Шувалов И. И. — 400
Щукин А. —220, 221, 392
Шулепов Е. — 604
Шуляковский О. Б. — 106

Э

Эберстадт Н. — 38

Ю

Ювонин В. Ю. — 260, 269, 296, 307, 308, 323, 678
Юдин Ю. К. — 44, 45, 132, 271, 272, 314, 390, 506, 514, 515, 520, 589, 678
Юрьев Е. Л. — 14, 63, 105, 313, 316, 337, 358, 380, 381, 424, 444
Юрьев М. З. — 203

Я

Явлинский Г. А. — 78, 361
Ядрихинский К. Е. — 337, 339
Якушев —А. 34
Яровой А. С. — 589
Ярцева А. — 299
Ясин Е. Г. — 31
Ячник О. Е. — 91–93, 97, 98, 100, 105, 126, 181, 311, 331, 334, 336–339, 354, 409, 412, 416, 423, 424, 436, 438, 440, 443–445, 498, 504, 590, 678

M

McClintick D. — 525, 526, 528, 560, 562

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1
ПРИВАТИЗАЦИЯ

Приватизация на марше 5
Частный случай проявления инициативы — находка 39
Ваучерная приватизация 46
Чековые аукционы 89
Яркие представители — ГУМ, ЗИЛ 142
Чековые инвестиционные фонды (ЧИФы) 151
Второй этап приватизации — денежный 212

Часть 2
БИРЖЕВОЕ И ВНЕБИРЖЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ

Биржи и их роль в развитии российского рынка 232
Внебиржевой рынок 292
Брокеры — соль биржевой земли 303
Профессиональные объединения 323
Профессиональная ассоциация участников фондового рынка (ПАУФОР) 326
Участие в приватизации иностранных компаний и предпринимателей 339
Криминал на фондовом рынке 380
Вторичный рынок акций 388
Срочный рынок 447

Часть 3
И ЕЩЁ...

Корпоративные облигации 498
Депозитарно-клиринговая компания (ДКК) 502
Депозитарно-расчётный союз (ДРС) 517
ПИФы. Рынок на старте 521
РИНАКО — Российское инвестиционное акционерное общество 530

Загадочная фигура фондового рынка —
Альберт Владимирович Сокин 557

Залоговые аукционы 566

Литература, формировавшая участников фондового рынка
(начальный этап) 588

Хроника основных событий (1991–1996 годы). 593

Финансовая палеонтология, или К вопросу об ароморфозе
финансовых институтов (на примере отложений мемуаров раннего
транзитного периода). 665

Список очевидцев 670

Указатель имён. 679

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КРОТОВ

ИСТОРИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА

ПЕРИОД БЕЗЗАКОНИЯ (1988–1996)

Книга 2

Подписано в печать _____.2021.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,5. Тираж 1500 экз. Заказ №